

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
ФГБОУ ВПО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

**БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – VIII:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

**Материалы международной научно-практической конференции
11-13 сентября 2014 г.
Республика Бурятия, г.Улан-Удэ – оз.Байкал**

**В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ (2012-2018 ГОДЫ)»**

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВПО ВСГАКИ
2014

THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
THE MINISTRY OF CULTURE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA
THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF
BURYATIA
FSBEE OF HPE «EAST-SIBERIAN STATE ACADEMY OF CULTURE AND
ARTS»

**BAIKAL MEETINGS – VIII:
HISTORICAL-CULTURAL HERITAGE OF A REGION
AS THE FACTOR OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT**

**Materials of the international scientific-practical conference
September 11-13, 2014,
The Republic of Buryatia, Ulan-Ude city – Lake Baikal**

**WITHIN THE FEDERAL TARGET PROGRAM
«CULTURE OF RUSSIA (2012-2018)»**

Ulan-Ude
Publishing Department
ESSACA
2014

ББК 71лО
УДК 008.061.3
Б 183

Утверждено
редакционно-издательским Советом
ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

Ответственный редактор
профессор Пшеничникова Р.И.

Научные редакторы:
доктор исторических наук Дашиева Н.Б.
доктор социологических наук Хилханов Д.Л.
доктор исторических наук Цыремпилова И.С.

Редакторы:
кандидат филологических наук Ринчинова А.В.
кандидат филологических наук Шойбонова С.В.

Издание осуществлено в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012-2018 годы)»

Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития : материалы международной научно-практической конференции, 11-13 сентября 2014 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал / отв. ред. Р.И. Пшеничникова. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. - 840 с.

В данное издание включены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские встречи – VIII», состоявшейся 11-13 сентября 2014 г. В представленных статьях рассматриваются основные аспекты истории культуры и искусства регионов, анализируются актуальные направления развития социокультурной среды в современных экономических условиях, освещаются теоретико-методологические основы и современные практики изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия и др.

ISBN 978-5-89610-224-3

© ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», 2014.

ББК 71.00
УДК 008.061.3
Б 183

Approved for publication
by the publishing Council of FSBEE of HPE
«East Siberian State Academy of Culture and Arts»

Chief editor

professor R.I. Pshenichnikova

Scientific editors

Doctor of History N.B. Dashieva
Doctor of Sociology D. L. Khilkhanov
Doctor of History I.S. Tsyrempilova

Editors

candidate of sciences in Philology A.V. Rinchinova
candidate of sciences in Philology S.V. Shoibonova
The edition is published within the Federal target program
«Culture of Russia (2012-2018)»

Baikal meetings – VIII: Historical-cultural heritage of a region as a factor of social-economic development: materials of the international scientific-practical conference, September 11-13, 2014, the Republic of Buryatia, Ulan-Ude city – Lake Baikal / chief editor R.I. Pshenichnikova. – Ulan-Ude: Publishing Department of FSBEE of HPE ESSACA, 2014 – 840 p.

The collection includes the materials of the international scientific-practical conference «Baikal meetings – VIII» held on the 11-13th September 2014. The main aspects of the history of culture and arts of the regions, acute development vectors of social and cultural environment in modern economic conditions are considered and analyzed by the authors of the articles. The theoretical and methodological principles and modern practices of studying, preserving and using historical-cultural heritage and other issues are covered.
ISBN 978-5-89610-224-3

© FSBEE of HPE «East Siberian State Academy of
Culture and Arts», 2014

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА
ФГБОУ ВПО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И
ИСКУССТВ» Р.И. ПШЕНИЧНИКОВОЙ**

Дорогие участники и гости международной научно-практической конференции «Байкальские встречи - VIII: историко-культурное наследие как фактор социально-экономического развития»! Мы рады приветствовать Вас на древней и поликультурной Земле Бурятии.

Восьмой раз встречаются ученые разных стран на берегу Священного Байкала, чтобы обсудить возможные сценарии развития человечества. Несмотря на разные подходы и точки зрения большинство учёных приходят к одному важному выводу: «эпоха развития человека как человека Планеты завершилась, начинается эпоха развития человека Галактики». А это означает необходимость переосмысления многих традиционных научных подходов в области историко – культурного наследия. Данный сборник как раз и предоставляет такую возможность, ибо в нем опубликованы статьи с предложениями многообразных взглядов на рассматриваемую проблему.

При этом особый акцент впервые сделан на роль культуры в экономическом развитии мира. Главный вопрос в том, чтобы понять и соединить, сгармонизировать культуру как духовную основу развития человечества и материальную составляющую – экономику. Не случайно, ещё классики экономической науки К. Маркс и Ф. Энгельс первыми поставили вопрос об «экономике духовного производства» однако, до сих пор, человечество так и не изучило данную проблему. Вместе с тем, имеются отдельные исследования, в том числе сборник работ восьмой научно-практической конференции.

Научные, технологические поиски и находки учёных позволяют в конечном итоге обозначить стратегию развития человечества как часть огромной Галактики и вывести его на новый, качественно иной путь духовного и творческого развития.

Желаю всем участникам роскоши общения, научных открытий, добра и веры в прекрасное будущее земли.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
Т.Г. ЦЫБИКОВА**

Уважаемые участники и гости
международной научно-практической конференции
«Байкальские встречи – VIII: Историко-культурное наследие
региона как фактор социально-экономического развития»!

От имени Министерства культуры Республики Бурятия и от себя лично рад приветствовать вас и поздравить с началом работы конференции - значимого научного события, проводимого в рамках Года культуры в Российской Федерации.

Научный, творческий и педагогический потенциал Восточно-Сибирской академии культуры и искусств позволил создать одну из востребованных и действенных межрегиональных площадок для обсуждения актуальных проблем в сфере культуры - «Байкальские встречи». Открытый и конструктивный диалог, атмосфера научного и творческого поиска стали неотъемлемыми составляющими этого научного форума.

«Байкальские встречи - VIII» являются продолжением работы по поиску ответов на меняющуюся культурную ситуацию, определению перспективных направлений исследований культуры, обмену практическим опытом. Ключевая тема очередных встреч, связанная с осмыслением историко-культурного наследия как ресурса и активного явления социально-экономической жизни региона, определила основные направления работы конференции. Уверен, что данная конференция станет заметным шагом на пути к эффективному использованию культурного потенциала для системного развития территорий.

Желаю участникам «Байкальских встреч - VIII» успешной и плодотворной работы!

РАЗДЕЛ I .
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА
В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЯХ

УДК39:338.48

Т.Г. Цыбиков

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Аннотация: В статье в качестве ресурса развития регионов рассматривается потенциал этнической культуры, освещены конкретные культурные проекты, способствующие развитию туризма как составляющей социально-экономического развития Республики Бурятия.

Ключевые слова: элементы этнокультурного потенциала, развитие регионов, конкурентные преимущества, туризм, социально-экономическое развитие.

The paper examines the potential of an ethnic culture as a resource of regional development. It also highlights cultural projects fostering the tourism development, which is one of the components of socio-economic development of the Republic of Buryatia.

Key words: components of ethnocultural potential, regional development, competitive advantage, tourism, socio-economic development

В современных условиях особенно актуальными становятся проблемы, связанные с разработкой и реализацией региональных программ по развитию территорий, по формированию устойчивых конкурентных преимуществ, основанных на существующих скрытых ресурсах местного сообщества. Реальным ресурсом социально-экономического подъема становится не только ориентация на промышленный и аграрный потенциал, но и культурное богатство и ландшафтное своеобразие. Одним из эндогенных факторов развития, способных обеспечить модель устойчивого развития территории, является потенциал этнической культуры.

Базовыми структурными элементами этнокультурного потенциала согласно исследованиям экономистов выступают:

1) элементы культурного наследия, используемые в качестве экономических ресурсов, либо способные участвовать в создании экстерналий, в том числе: объекты материального наследия (памятники археологии, памятники истории, музеи и музеи-заповедники, этнографические деревни, архитектурные памятники, предметы народного быта и костюма и др.); объекты нематериального наследия (произведения устного народного творчества и художественной литературы, искусства и религии и др.);

2) институции, участвующие в реализации экономических функций этнической культуры, в том числе: а) неформальные правила, передаваемые через культуру (обычаи, обряды и празднества, устные традиции и формы их выражения; традиционные и старинные технологии, виды и формы хозяйствования, быта и природопользования; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами; религиозные культы и верования, виды и формы традиционного образования, медицины и спорта и др.); б) формальные правила (например, закрепленные в правовых нормах преференции для национально-территориальных образований или меры по государственной поддержке коренных малочисленных народов и др.)

3) институты, обеспечивающие включение обозначенных институций в социально-экономические отношения: а) органы государственной власти и местного самоуправления; б) экономические институты (например, организации общественного питания, специализирующиеся на национальной кухне; организации по продаже сувенирной продукции, туристические организации и др.); г) институты гражданского общества (например, национальные общественные объединения и культурные автономии, общины, роды и др.) [1].

Элементы этнокультурного потенциала придают специфический облик территории и создают неповторимую культурную атмосферу. Оценка этнокультурного потенциала регионов и локальных территорий принципиально важна с точки зрения развития туризма как составляющей социально-экономической региональной политики. Во многих видах туризма от культурно-познавательного до экстремального присутствуют элементы рекреации через знакомство с основами материальной и духовной культуры народа, средой его обитания.

При познании жизни того или иного этноса в исторически обусловленном месте его проживания значение имеет критерий подлинности: оценочная категория, характеризующая качество этнокультурного объекта; возможности последнего предоставить туристам исторически сохранившуюся жизнь этноса. Факторами, формирующими критерий подлинности, являются - сохранность бытовой культуры этноса; близость к природной среде проживания этноса; усилия, прилагаемые со стороны туристов для знакомства с интересующим их этносом; желание туристов познать настоящую жизнь эт-

носа; желание коренного населения показать настоящую жизнь и культуру своего народа [2].

Усиление внимания к этнической культуре и поиск аутентичности в глобализирующемся мире вполне закономерны.

По мнению А.Г. Бутузова, в числе предпосылок развития этнокультурного туризма, высокая степень этнического разнообразия населения Российской Федерации, проявляющаяся не только в национальном или макро-региональном масштабах, но и в пределах отдельных субъектов Федерации и даже на уровне низовых административных единиц (районов, муниципальных, сельских поселений), а также уникальное сочетание различных этнокультурных комплексов, сложившихся в процессе длительной межэтнической интеграции, аккультурации и ассимиляции.

Республика Бурятия в силу своего геополитического расположения является уникальным местом встречи культур разных народов, проживающих на ее территории, местом встречи Востока и Запада, переплетения религиозных традиций, разных картин мира. Здесь мирно сосуществуют традиции христианства, буддизма, шаманизма. Культура старообрядцев Забайкалья признана шедевром устного и нематериального наследия человечества и занесена в список Юнеско.

«Этническая» тема для туризма в Бурятии отнюдь не нова, поскольку именно историческое и этнокультурное наследие является основным источником притяжения в республику гостей со всего мира. В сфере туризма наблюдается отчетливо выраженный интерес к этнокультурному наследию народов, проживающих на территории республики. Можно привести примеры разработки и создания популярных у туристов этнографических комплексов и маршрутов. Так, например, культурное наследие, связанное с мифологией эпоса «Гэсэр», представляет маршрут по территории Окинского района «По тропам Гэсэра». С уникальной культурой старообрядцев Забайкалья можно ознакомиться в селе Шаралдай Мухоршибирского района (маршрут «Путь Аваакума»). Весьма востребованы у туристов маршрут в село Тарбагатай Тарбагатайского района (этнотур «В гостях у семейских»), в с. Ацагат Заиграевского района (этнотуристический комплекс «Степной кочевник»).

В перечень наиболее популярных религиозных и паломнических маршрутов в Бурятии входят маршруты «К лику богини Янжимы» в Баргузинском районе, «К сандаловому Будде» в Анинский дацан. В летние месяцы ежемесячное посещение места появления лика богини Янжимы составляет до 5 тыс. чел. Годовой турпоток составляет более 40 тыс. чел.

Религиозной святыней и символом Бурятии, притягивающим к себе людей из разных стран, стал феномен обретения нетленного тела Пандито Хамбо ламы Даша Доржо Этигэлова. В 2012 году Министерством культуры

Республики Бурятия совместно с Буддийской традиционной сангхой России в честь 160-летия со дня рождения Даша Доржо Этигэлова было инициировано проведение международного Фестиваля материальной и духовной культуры «Подношение десяти драгоценностей», который становится традиционным значимым событием в культурной жизни республики.

В 2012 году на базе Районного историко-краеведческого музея Северо-Байкальского района создан культурно-туристический комплекс «Эвенкийская сказка». Это стало возможным благодаря победе в конкурсе на соискание гранта Правительства Республики Бурятия учреждениям культуры и искусства.

Проект «Эвенкийская сказка» направлен на содействие процессу возрождения, сохранения традиционной культуры эвенков, популяризацию их художественного и фольклорного наследия. В рамках реализации проекта удалось воспроизвести структуру эвенкийского стойбища, воссоздать обустройство традиционного жилища (чумов). Территория комплекса стала востребованной площадкой для проведения народных и фольклорно-этнографических праздников, массовых театрализованных представлений с традиционными играми и забавами.

Организация работы культурно-туристического комплекса «Эвенкийская сказка» дает возможность посетителям окунуться в атмосферу таежного быта: погреться у очага, сидя на оленьих шкурах; попробовать блюда эвенкийской кухни. Кроме этого, под руководством эвенкийского мастера можно сделать амулеты, поучаствовать в эвенкийских танцах и обрядах, сделать на память фотографию в национальном костюме эвенков.

На территории комплекса работает сувенирная мастерская, действует постоянная экскурсионная программа, позволяющая познакомиться с историей, культурой, традициями эвенков.

Безусловно, препятствий на пути развития туризма, основанном на использовании этнокультурного потенциала, немало. Например, локализация уникальных объектов материального и нематериального наследия народов в отдаленных и труднодоступных районах со слабо развитой инфраструктурой, недостаточность, а порой отсутствие квалифицированных кадров. Кроме этого, особенности развития туризма, основанного на использовании этнокультурного потенциала заключаются в том, чтобы, прежде всего, обеспечивать сохранность природной территории, без которой невозможно предоставление качественного этнотуристского продукта.

Вместе с тем готовность самого этноса и местных властей к развитию туризма как части программы устойчивого развития территории играет ключевую роль. Опыт развития в Бурятии туризма с использованием этнокультурного потенциала показывает, что в тех районах, где усилия населе-

ния, власти и учреждений культуры объединяются, положительные результаты не заставляют себя ждать.

Необходимо, видимо, учитывать и тот очевидный факт, что современных туристов, реальных и потенциальных жителей, инвесторов все больше интересуют не столько статичные «достопримечательности», сколько то, чем сегодня живет та или иная территория, какие события в ней происходят, каков ее стиль и ритм жизни. Важно и то, как происходящие события вписываются в историко-культурную летопись и встроены в существующий социокультурный ландшафт.

В связи с вышесказанным Министерством культуры в рамках Программы «Бурятия – пространство впечатлений» создан банк проектов, большинство которых основано на историческом и этнокультурном наследии. Программа «Бурятия – пространство впечатлений» – это календарь самых ярких проектов и событий в культурной жизни республики и вместе с тем план действий, направленных на продвижение региона в туристическом сегменте экономики. Названная программа позволяет представить культурный потенциал Бурятии, города Улан-Удэ, как столицы республики. В ней сконцентрирован культурный эксклюзив республики, который она предлагает миру. Программа включает как события культурной жизни, которые можно посетить в течение всего календарного года, так и ряд ярких событий, на которые нужно приезжать специально (фестивальные сезоны).

В связи с тем, что неременным условием успешного продвижения индустрии туризма, формирующего позитивный имидж территории, влияющего на экономические показатели и качество жизни населения, являются возможность своевременного получения точных и исчерпывающих сведений об этнокультурных ресурсах, а также обеспечение заинтересованных сторон соответствующей базой данных, Министерством культуры Республики Бурятия инициирован и открыт новый интернет-портал SOYOL.RU, на котором аккумулирована вся информация по культуре и искусству, обрядам и традициям народов Бурятии на русском, английском и бурятском языках [3]. Этот сайт является своего рода виртуальным представительством Республики Бурятия в киберпространстве, призванным стать зоной притяжения для всех интересующихся искусством, традициями, историей, людьми, памятниками духовной и материальной культуры Бурятии. Перед разработчиками портала стояла непростая задача - создать сайт, отличающийся с одной стороны неординарным дизайном, удобством навигации, с другой стороны, богатым внутренним наполнением, претендующим на энциклопедичность, и широким визуальным рядом - видео, фото и аудиоматериалами.

SOYOL.RU - это принципиально открытая площадка для общения и дискуссий между теми, кому небезынтересна история и культурное наследие родного края. Пользователи могут принимать активное участие в работе

портала, пополняя его воспоминаниями, материалами и фотографиями из личных архивов. Есть уверенность, что у SOYOL.RU появится своя постоянная аудитория, способная оценить эксклюзивные статьи и уникальные архивные материалы. Переходя по ссылкам, каждый может совершить путешествие в историю и культуру Бурятии и сформировать свой образ территории.

Символично и закономерно, что открытие интернет-портала SOYOL.RU состоялось в 2014 году, объявленном Указом Президента Российской Федерации В.В. Путиным Годом культуры, основная миссия которой - просветительство. В целом нельзя не признать, что мероприятия общероссийского Года культуры способствуют изменению восприятия и позиционирования культуры как «определяющего, а не периферийного фактора развития страны и общества».

Примечания:

1. Паникарова С.В., Анжиганова Л.В. Структурно-функциональная конфигурация этнокультурного потенциала региона // Проблемы современной экономики. – 2010. - №3 (35)

2. Барлукова А.В. Территориальные особенности управления развитием этнического туризма (на примере Республики Бурятия) / автореферат диссертации на соискание ... канд. эк. наук. – Сочи, 2012. – С.10

3. <http://soyol.ru/>

УДК 338.4(517.3)

Оюундэлгэрэх Шархуугийн

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ОТРАСЛИ МОНГОЛИИ

SOME PROBLEMS OF CULTURE MANAGEMENT REFORM IN MONGOLIA

Цель настоящего доклада заключается в обзорном рассмотрении деятельности, управления и организации культурной отрасли Монголии; разработанной политики и законодательных актов в данной отрасли; принятых мер и мероприятий по ним и их результатов; преобразования и реформа, происходящих в ходе развитии данной отрасли за 20 летний период перехода в систему рыночной экономики, а также в определении некоторых факторов, необходимых для развития культурной отрасли Монголии.

The paper aims to consider activities, management and organization in the field of culture in Mongolia; policies and legislative instruments developed in

the given branch; measures undertaken and their efficiency; reforms taking place during twenty years of transition into a market economy as well as some factors vital for the development of culture in Mongolia.

Ключевое слово: Управленческая система, культурное право, управление человеческим ресурсам, источник финансирования

Keywords: managerial system, the right to culture, human resource management, source of funding

Для любой страны культура является одной из крупных социальных отраслей страны, и нет никаких индивидуальных лиц или организаций и предприятий, не участвующих в культурном отношении. История человечества свидетельствует, что социальное развитие непосредственно зависит от степени образования и культуры индивидуальных лиц. Это требует от нас пересмотреть устарелое понятие, которое смотрит на культуру и искусство как узкая профессиональная отрасль, не играющая решительной роли в развитии страны и существующая сама по себе.

В любом уровне социального развития вопрос повышения достаточности культурных мероприятий и деятельности, их качества и оценки являлся одним из актуальных вопросов, и для решения этого вопроса должным образом поставляется требование управленческой и правовой реформ в отрасли культуры.

В ходе истории существования Монгольского государства существовала определенная политика по культуре, хотя специально не называлась культурной политикой, и имелась традиция осуществлять эту политику. Во время Великого Государства Монголии по приказу Чингис хана появились национальная письменность, история и исторический трактат, началось формирование культуры Монгольской нации.

В результате Народной революции с 1921 года разрабатывалась и реализовывалась культурная политика с коммунистическим и социалистическим содержанием, ориентированная на западную культуру.

В результате Демократической революции 1990 года в Монголии бесповоротно началась перестройка, и это явилось **историческим событием**, которое создало благоприятное условие для реализации соответствующего указания **Конституции Монголии**, утвержденной в 1992 г., в котором указано, что "... неукоснительное сохранение государственного, исторического и культурного наследий; создание и развитие гуманного, гражданского и демократического общества в своей родине – это наша миссия"¹.

На этой основе в 1996 г. Великим Государственным Хуралом Монголии разработаны законопроект "Государственная культурная политика" и

¹ Конституция Монголии. УБ., 1992 . с. 1

–Закон о культуре”, что явилось важным шагом для восстановления и развития культурной деятельности.

В 2012 г. по-новому разработана и утверждена –Государственная политика по культуре” Великим Государственным Хуралом Монголии и в настоящее время реализуется, что стало новейшей, признавая разные формы собственности, открывая творческую свободу в культурной отрасли, отражая современную тенденцию развития человечества и главные принципы социального развития.

Были утверждены –Закон авторских прав” и –Закон о патентах” в 1993 г., –Закон о защите культурных наследий” в 2011 г., –Закон о защите нематериальных культурных наследий” в 2005 г. соответственно, а также в 2007 г. наша страна присоединилась к Международной конвенции ЮНЕСКО –О защите и поощрении разнообразия культурного самовыражения”, в результате чего создано благоприятное правовое условие для культурного отношения, которое открыло возможность для защиты и развития национальных наследий и культуры по примеру передовых достижений всего человечества и для сотрудничества с мировым сообществом и многими странами мира.

Также включены Политика по развитию культуры и искусства (2007-2021 гг.) и –Концепция внешней политики Монголии” в пункт 4.6 –Комплексной политики Национального развития, основанные на цели развития тысячелетия Монголии” и Вопросы безопасности цивилизации в пункт 3.1.4 –Концепции национальной безопасности Монголии” соответственно. **В конечном итоге реформа правовой основы культурной деятельности является одним из преобразований и реформ в отрасли культуры переходного периода в демократический строй и систему рыночной экономики.**

Кризисное состояние экономики страны первых годов переходного периода негативно влияло на культурную отрасль. К примеру, резко сократилось государственное финансирование культурной отрасли, снизился уровень жизни населения, требовалось определенное время для обновления механизмов отношения между индивидуальными лицами внутри семей, нет опытов и практик вести деятельность в системе рыночной экономики и т.д.

Хотя годы переходного периода были трудными и негладкими для культурной отрасли, но нам удалось преодолеть их. Лучшая страница реформы общества заключается в том, что культура и искусство освободились от уз одной идеологии, появилась возможность возрождения и развития национальной культуры, развития свободного мышления и плюрализма.

Один из главных факторов для повышения качества и оценки культурной деятельности заключается в повышении потенциала управления

культурной отрасли. Рассмотрим ниже следующие комплексные вопросы, связанные с улучшением управления культурной отрасли:

1. Создание оптимальной структуры системы и управления культурной отрасли;
2. Реформа разделения прав и обязанностей управления культурной отрасли;
3. Объективный подход к вопросам по содержанию и реформе деятельности в культурной отрасли;
4. Развитие человеческого ресурса культурной отрасли, повышение ответственности и инициативы в культурной отрасли;
5. Создать финансовые источники культурной отрасли.

1. Реформа системы управления и организации культурной отрасли

Культурная отрасль нашей страны была с плановой системой управления до 1990 г. В Законе Монголии — «О культуре», утвержденном в 1996 г., указано, что /система управления культурой состоит из Центральной организации государственной администрации по вопросам культуры, административных единиц местных властей и культурных организаций/, принцип государственной политики о культуре устанавливается Высшим органом государственной власти /Великим Государственным Хуралом Монголии/, а Правительство реализует эту политику. /Управлением культурных вопросов занимаются руководства Центральной организации государственной администрации по вопросам культуры, административных единиц местных властей и культурных организаций/. Это показывает, что по закону четко устанавливается различие в управлении культурой.

С 1996 г. классифицировано управление культурной отрасли следующим образом:

- Административное управление
- Управление местной власти
- Управление единицы или организации.

Административное управление культурной отрасли осуществляет Центральная организация государственной администрации по вопросам культуры, местные управления в культурной отрасли осуществляют правители аймаков и столицы, согласовывая с центральной организацией государственной администрации по вопросам культуры, а управления единиц и культурных организаций осуществляют административные советы или директоры, заведующие.

2. Реформа разделения прав и обязанностей управления культурной отрасли

Право утверждения правил и порядков, которые придерживаются в культурной деятельности, предоставляется Центральной организацией госу-

дарственной администрации. Законом о культуре установлено, что государственные и местные культурные организации регистрируются и выдаются сертификаты и ликвидируются Центральной организацией государственной администрации, культурные организации сельских местностей регистрируются и выдаются сертификаты и ликвидируются Администрациями правителей аймаков или столицы, коммерческие культурные организации регистрируются и выдаются сертификаты и ликвидируются налоговыми инспекциями соответствующих административных единиц.¹ Это децентрализовало управление культурной отрасли и благоприятно влияло на самоопределение.

Также установлено, что культурный контроль осуществляют государственная служба культурного контроля, государственные инспектора и правители всех инстанций. Государственная служба культурного контроля контролирует и оценивает реализацию законодательных актов о культуре, связанных с ним нормативных актов, правил и порядков и деятельности культурных организаций, в результате чего поставлено начало формирования системы разделения прав и обязанностей и ответственности управлений всех инстанций.

3. Объективный подход к вопросам по содержанию и форме деятельности в культурной отрасли

Внешнее культурное отношение Монголии стало открытым, появились разные формы собственности в культурной отрасли, открылась творческая свобода, а также успешно проводятся и расширяются по содержанию и сфере охвата всесторонние работы по формированию социальной, экономической и правовой сферы для реализации культурной политики; развитию новых методов и форм культурного производства и обслуживаний, удовлетворяющих интенсивно развивающимся потребностям и по внедрению инновации в культурную отрасль.²

В рамках политики: Организованы работы по разработке и осуществлению крупнейших национальных программ, как например, Монгольская письменность 1995 г., Сохранение, охрана и реставрация недвижимых исторических и культурных ценностей 1999-2005, 2008-2015 гг., Поддержка традиционного народного искусства 1999-2006 гг., Классическое искусство 2001-2008 гг., Национальный музыкальный инструмент с резной головой коня на вершине «Морин хуур», протяжные песни 2005-2008 гг., Перевод дан-

¹ Закон «О культуре». УБ., 1996, 3.7.4

² Долгорсүрэн Ж. — «Препятствия и трудности в реализации культурной политики переходного периода и методы преодоления их» Национальная семинария культуроведов. УБ., 2010, с. 205.

ных национальных наследий на цифровую систему и хранение на цифровой системе 2005-2008 гг., Монгольское горловое пение 2007-2014 гг.

С 2001 года ЮНЕСКО стала вести список всемирного культурного наследия в устной и нематериальной формах, и на сегодняшний день в список вошли уже более 90 культурных наследий более 70 стран мира. Монголия внесла в этот список Национальный музыкальный инструмент с резной головой коня на вершине — “Мрин хуур” в 2003 г., Монгольские национальные протяжные песни в 2005 г. и Игру с закрытым дыханием на монгольской флейте в 2011 г.

В 2009 г. разработана “Национальная программа культурной индустрии”. Эта программа была направлена на реформу культурной отрасли, приводя в соответствии со спросом, требованиями и перспективой культурной отрасли всего мира и страны на сегодняшний день; на предоставление возможности самоопределения и развитие культурной отрасли, поддерживая политику инвестирования культурной индустрии; на развитии культурной отрасли как одна из ключевых отраслей для социального развития страны, формируя новую тенденцию, новые ценности и новое предубеждение развития.

В 2011 г. осуществлена инновационная программа на тему “Исследование для формирования статистической информационной системы в Культурной отрасли Монголии, отвечающей международным стандартам”, что имела большое значение для формирования системы учета и информации культурной наследии Монголии и для хранения, охраны и ведения культурного наследия Монголии в единую сеть¹.

4. Реформа развития и потенциала человеческого ресурса культурной отрасли

Человеческий ресурс отличается от других ресурсов, имея сознание, и если непрерывно развивать этот ресурс, то имеется возможность как можно лучше использовать его. Имеются стандартные техники и оборудования, а не бывает стандартных людей и это является особенностью человеческого ресурса перед остальным.

На сегодняшний день на вклад индивидуальных лиц в работе и обслуживании придают большое значение. Без квалифицированных талантливых культурных работников не идет деятельность культурной отрасли нормально, постоянно и успешно. То есть развитие культурной отрасли, качество и уровень культурной деятельности определяются мастерством культурных работников.

¹ Алтанцэцэг Ч. — “Вопросы культурной наследии в статистике культуры Монголии”, Культуро- и искусствоведение Монголии – XV . УБ., 2013, с. 90.

Законом Монголии —«Окультуре»¹ и другими правовыми актами определены права, обязанности и ответственности культурных работников и уделено внимание на развитие культурных работников. В том числе:

- провести культурную деятельность в рамке законодательных актов и на высоком уровне квалификационного мастерства и обслуживания¹;

- повышать квалификационное мастерство и социальную защиту культурных работников²;

- повышать уровень общей культуры работников, развивать культурное и художественное восприятие и талант;

- определено «Направление и обязанности работы работников культурных центров сомонов»³.

- Решением Великого Государственного Хурала Монголии с октября 2007 г. Центры культуры сомонов стали работать со служащими в количестве не менее 5 человек, что явилось большим шагом для обеспечения культурных центров квалифицированными кадрами, формирования нормальной деятельности и для продвижения уровня, качества и достаточности культурного обслуживания.

- В 2002 и 2011 гг. вышел совместный приказ Министра Образования, Культуры и Науки и Министра Финансов и Экономики «О правилах организации и финансирования обучений по повышению квалификации культурных работников»;

- В 2005, 2007, 2010 годах соответственно объявлены и успешно проведены Министерством Образования, Культуры и Науки государственные конкурсы на тему «**Культурный центр – качественное обслуживание**»³ в целях поддержки и активизация работы культурных центров.

Специалисты в сфере культуры и искусства Монголии обучаются в отечественных учебных заведениях, а также Правительство, Министерство Образования, Культуры и Науки, Министерство Культуры, Спортa и Туризма, частные и государственные ВУЗы на основе совместного сотрудничества организуют работу по обучению, повешению квалификации, обучению в магистратуре и докторантуре специалистов в ВУЗах высокоразвитых стран. Хотя так, на сегодняшний день, когда уже интенсивно развиты наука и технология, так и остались недостаточными ресурс и потенциал культурных специалистов, обслуживающих образованных клиентов и зрителей.

¹ Закон —«Окультуре». УБ., 1996. 17.1

² Закон О культуре». УБ., 1996. 17.3

³ Условие конкурса «Культурные центры – качественное обслуживание», Министерство Образования, Культуры и Науки , 2005, 2007, 2010

В нашей стране государственные и частные ВУЗы и колледжи в количестве 92 единицы получил разрешение на обучение специалистов по направлению культуры и искусства, и обучаются в них 38643 студентов и учащихся. Из учащихся по специальности музыки и пения 55.7%, по специальности сценического и экранного искусства 47.3%, по специальности изобразительное искусство и искусство дизайна 13.7% учатся в Государственном университете культуры и искусства Монголии¹.

В 2010 г. Решением Правительства Монголии сделана структурная и организационная реформа, в результате чего объединились ВУЗы культуры и искусств в Государственный университет культуры и искусства Монголии, и в настоящее время в Монголии выпускаются кадры культурной отрасли со степенью бакалавра, магистра и доктора. Государственный университет культуры и искусства Монголии своей разработкой плана развития до 2021 г. на основе концепции «человек - образовательная система - сфера» успешно переходил кредитную систему, которая делает реформу учебного содержания и стандарта, успешно внедрил систему UNICULTURE, можно считать, что выполнена важная работа, связанная с решением задачи по подготовке и выпуске высококвалификационных специалистов сферы культуры и искусств с образованием, отвечающим международным стандартам².

5. Финансовый источник культурной отрасли

До 1990 г. организации культуры и искусства финансировались от государства. Но первые годы переходного периода в систему рыночной экономики экономика страны попала в состоянии распада, и это сильно влияло на культурную отрасль. Резко сократилось финансирование данной отрасли от государства. В том числе: некоторые аймаки распускали свои отделы культуры; с переводом домов культуры, клубов, библиотек сельскохозяйственных объединений, колхозов, кормовых хозяйств, предприятий и хозяйственных предприятий на ведение Исполнительных администраций народного хурала соответствующих сомонов, участков, сельской местности без каких-либо подготовок возникли большие трудности финансирования и организации. Библиотеки немалых сомонов объединены со школьными библиотеками, приватизировались кинотеатры, книжные магазины аймаков и передвижные кинотеатры, и все это явилось негативными действиями с отрицательными последствиями, которые резко снизили потенциал деятельности культурных центров, оценку и энтузиазм культурных работников.

¹ Алтанцэцэг Ч. — «Образование по специальности культуры и искусства» — Культура- и искусствоведение Монголии XV, с. 213

² Алтанцэцэг Ч. — «Квалификационное образование культуры и искусства» — Культура- и искусствоведение Монголии XV, с. 214

В частности, из-за того, что не было возможности реализовать указание постановления № 159 Правительства МНР от 17 мая 1991 г., в котором указано, что **—... принять меры по укреплению самостоятельной деятельности домов культуры, культурных центров и клубов и организацию их деятельности на основе хозрасчета ...**". Культурные работники сельских местностей категорически возражали против данного постановления, и по инициативе профсоюза культурных работников данный вопрос специально предоставлен на рассмотрение в Государственный симпозиум работников культуры и искусства, и предъявлены в Правительство конкретное требование и просьба, в результате чего вышло Правительственное постановление № 319 от 22 ноября 1991 г. и решили выделить зарплату работников и расходы на деятельности домов культуры, культурных центров и клубов из государственного бюджета.

В результате данных мер и уделенного внимания поддерживалась политика постепенно продолжать работу превращения клубов в культурные центры, финансировать их от государственного бюджета, сохранить финансирование без изменения и постепенно увеличить финансирование. **Одним словом, —Хотя переходный процесс отрасли культуры и искусства в систему рыночной экономики встречался с немалой трудностью, но шел данный процесс в соответствии с общей тенденцией нашего социального отношения...**"¹.

Совместным приказом Министра финансов и Министра образования, культуры и науки № 153/267 от 2011 г. утверждены **—Правила централизации и распоряжения дополнительных доходов от деятельности бюджетных организаций культуры и искусства**"². Настоящими правилами предоставлена возможность погашать накопленные долги и платежные задолженности предыдущих лет, увеличить материальные ресурсы и снабжения, поощрять сотрудников по результатам их работ, решить социальные вопросы сотрудников, поддерживать нормальную деятельность организации из дополнительных доходов культурных центров.

Законом Монголии —«культуре» установлено, что финансирование культурных организаций государственного имущества состоит из следующих финансовых источников:

1. Государственного бюджета,
2. Прочих капиталовложений,
3. Пожертвования,
4. Льготных кредитов,

¹ История Монголии. V том. XX век. УБ., 2004. с. 436

² Культура и искусство в новом условии -УП. Министерство культуры, спорта и туризма. УБ., 2012. с. 304-306

5. Средства специального фонда,
6. Собственных доходов культурной организации.

Финансирование коммерческих культурных организаций состоит из следующих финансовых источников:

1. Средства учредителей,
2. Доходов от собственной деятельности,
3. Пожертвования,
4. Кредитов и помощи,
5. Средства фонда,
6. Льготных кредитов,
7. Прочих источников.

Также, для реформы сферы культурных организаций Правительство оказывает немалую поддержку и помощь, в том числе: некоторые организация культуры и искусства участвуют в проектах и программах, реализованных от Азиатского банка, Фонда цели развития тысячелетия, Культурного совета, Хаан банка и т.д., что оказывает поддержку для увеличения финансовых источников, улучшения условия и сферы организации, улучшения ресурса и потенциала культурных работников.

Заключение

Монголия удовлетворила культурные потребности и требования населения, которые росли все время, повысила качество и достаточность обслуживания, сформировала современную систему культуры, распространила и развивала собственную традиционную культуру и западную культуру путем создания единых культурных организаций в соответствии с определенной политикой и задачей, и обеспечения их материальными условиями и квалификационными кадрами. В этом деле творчески использованы помощь, поддержка, культурные влияния и прогрессивные достижения некоторых стран, а именно Российской Федерации и международных организаций, что сыграли огромную роль в культурном развитии нашей страны.

В результате осуществления Правительством Монголии политики и принятия мер, направленных на развитие культурной отрасли, обновления правовой координации, улучшения разницы прав и обязательств управления и укрепление самостоятельности культурной отрасли, в управлении и организации культурной отрасли и организаций вышли улучшение и продвижение в течение последних 20 лет. Но культурное управление некоторых сельских местностей и деятельность некоторых культурных организаций пока не улучшились, квалификационные специалисты не идут работать туда и не всегда могут отвечать эти организации требованиям рабочего места.

В настоящее время, когда поддержка развития монголов культурой и искусством, а также укрепление национального суверенитета являются фундаментальным вопросов государственной культурной политики, социальная

защита работающих в культурной отрасли, хранение и охрана культурной наследии, обновление материальных баз культурных организаций и вопросы по оказанию культурного обслуживания населению сельских местностей пока остаются отсталыми. Это показывает, что для решения этих вопросов необходимы государственная поддержка, отраслевая координация и менеджмент:

- разделить культурные организации по зоне, оптимизировать и развивать классификацию, местонахождение, направление деятельности в сфере Концепции зонального развития Монголии и Государственной политики о культуре, для чего провести опрос в сельских местностях по вопросам создания **небольших культурных центров** межрегиональных или между сомонами, и решить этот вопрос на уровне Великого Государственного Хурала и Правительства;

- создать центр по повышению квалификации для культурных работников при Государственном университете культуры и искусства и создать филиалы центра в сельской местности;

- разработать и реализовать специальные программы и проекты, поддерживающие культурные центры, межрегиональные или между сомонами;

- культурную деятельность направлять на повышение гражданского и культурного образования, образования в искусстве населения;

- сформировать культурные центры сомонов, поддерживающие развитие человека, способные поддерживать себя по финансам, с высоким квалификационным уровнем и конкурентоспособные и т.д.

Литература

1. История культуры МНР. (1941-1960) второй том. УБ., 1986.
2. История МНР. III том. УБ., 1969.
3. Даваасамбуу, П. Исторический путь работы культуры и просвещения МНР. II издание. УБ., 1990.
4. Долгорсурэн. Ж. Культурная политика. (Приватизация культуры и искусства) УБ., 2010 г.
5. Долгорсурэн. Ж, Сарантуя. Н, Сумъяа. Б. Научная основа политики культуры и искусства. УБ., 2003.
6. Жаргалсайхан. Ц, Мая заметка. УБ., 2008.
7. История культуры Монголии. III том. УБ., 1999.
8. История Монголии. V том. УБ., 2004.
9. Нямдорж. У. Философия культуры, монгольская культура. УБ., 1994.
10. Оюундэлгэрэх. Ш, Жапах. К, Менеджмент и маркетинг культуры. УБ., 2010.

11. Источник истории правоохранительной образовательной отрасли. УБ., 2012.
12. Конституция Монголии. УБ. 1992.
13. Государственная культурная политика. Приложение к постановлению № 52 Великого Государственного Хурала Монголии от 22 мая 2012 г.
14. Закон «О культуре» УБ., 1996
15. Сборник статистических информации отрасли образования, культуры, искусства, науки и технологии (II)/2011 г. учебный год 2011-2012 гг. УБ. Министерство образования науки. 2012.
16. Учение образования. УБ. 2012/10 (88), 2013/07 (95)
17. Культуро- и искусствоведение Монголии – XV. УБ. 2013.
18. Материалы Национальных семинаров культурологов-преподавателей. УБ. 2003
19. Национальный семинар культурологов. УБ. 2010.
20. Национальная программа «Культурная индустрия». УБ. 2009.
21. Проект новой редакции закона о культуре. Министерство культуры, спорта и туризма. УБ. 2013.
22. Новое условие культуры и искусства VII. Сборник. Жаргалсайхан. Ц. Министерство культуры, спорта и туризма. УБ. 2012.

УДК 316.7

Т.Н. Бояк

О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРЫ СЕЛА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

ABOUT THE INFLUENCE OF RURAL CULTURE ON FORMING YOUTH VALUES

Аннотация: Научная статья посвящена рассмотрению влияния культуры села полиэтничного региона на формирование и содержание ценностей проживающей в нем молодежи (на основе анализа результатов социологического исследования, проведенного автором в 2005-2006 годах среди русской сельской молодежи Бурятии и Читинской области, ныне – Забайкальского края).

Annotation: The article considers the influence of rural culture of multiethnic region on forming values in country young people (on the basis of the

results analysis of sociological poll conducted by the author in 2005-2006 among Russian rural youth of Buryatia and the Transbaikal region).

Ключевые слова: культура села, ценности, сельская молодежь

Key words: rural culture, values, country youth

Формирование и содержание ценностей современной сельской молодежи полиэтнического региона определяются комплексом факторов, среди которых важное место имеют особенности культуры села, в котором осуществляется жизнедеятельность молодого поколения. Именно эти особенности и определяют специфику в образе жизни и ценностей сельской молодежи.

Результаты нашего исследования, проведенного среди русской сельской молодежи, свидетельствуют о том, что в числе ее смысложизненных ориентиров «очень важными» являются: хорошая семья – 85,7%, доброе имя – 76,9%, любовь – 73,4%, хорошее образование – 73,2%, дружба – 72%, реализация в профессиональной сфере – 69,1%, устроенный быт, финансовое благополучие – 66,1%, личностная реализация – 63,9%, независимость – 63,2%, образованность, высокая нравственная культура, интеллигентность – 56,3%, гармония с самим собой, душевное равновесие – 53,7%. Значимыми моральными качествами для опрошенной нами молодежи также являются: уважение к родителям, старшим поколениям – 75,8%, трудолюбие – 74,5%, честность, справедливость – 70,7%, доброта, милосердие – 69,7%, порядочность – 64,9%, ответственность – 64,2%, терпимость, стремление понять другого – 53% и др. Можно сказать, что ценности, актуальные для российской молодежи, являются значимыми и для сельской молодежи. Однако, в условиях села духовно-нравственные, общечеловеческие ценности в ориентациях молодежи более выражено преобладают над утилитарными, прагматическими. Только 9,8% от числа опрошенной сельской молодежи считают, что политика государства должна быть направлена на распространение утилитарных ценностей.

Социальная природа сельской молодежи заключена в двуединстве, которое выражается в том, что она является, с одной стороны, частью общей социально-демографической группы – «молодежь», с другой – элементом сельской территориальной общности. Специфика культуры села является важным фактором, определяющим видовое своеобразие социальной природы сельской молодежи, системы ее ценностей. Поэтому категория «сельская молодежь» в нашем исследовании включает в себя молодых людей, обладающих общими характеристиками для всей молодежи возрастными, психофизиологическими характеристиками, но отличающихся специфическим образом жизни, вытекающим из особенностей культуры села, жизнедеятельности сельского населения (как социально-территориальной общности).

Основываясь на методологических концепциях отечественных социологов, выявляющих характерные черты села и сельской молодежи¹, выделим некоторые специфические особенности культуры сельской молодежи (складывающиеся из многих признаков, основой которых являются различия между селом и городом). В выделении специфических особенностей сельской молодежи мы, главным образом, будем опираться на понимание этого вопроса такими исследователями, как: И.Т. Гуцу, С.И. Плаксий².

На формирование ценностей сельской молодежи, ее специфических черт оказывают влияние особенности социально-экономического, социально-бытового, социально-культурного, социально-психологического порядка. Рассмотрим эти факторы более подробно.

Социально-экономические условия жизнедеятельности сельского населения. На образ жизни и ценности сельской молодежи накладывают отпечаток более трудные, чем в городе, социально-экономические условия развития села, которые характеризуются разрушением существовавших ранее производственных отношений, резким падением жизненного населения. Только 25,5% от числа опрошенной автором в 2005-2006 г. русской сельской молодежи Бурятии и Забайкальского края в той или иной степени удовлетворены своим материальным положением.

Более низкие (в сравнении с городом) социально-экономические условия жизнедеятельности села сказываются на характере труда, который относительно города характеризуется: меньшей его развитостью и меньшим разделением труда; малой механизацией труда, обусловленной более низкой материально-технической базой; преобладанием большей доли ручного труда; преобладанием физического труда над умственным (меньшей долей интеллигенции, большей – рабочих и крестьян); меньшей долей квалифицированного труда (специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование), преобладанием числа лиц с невысоким уровнем образования (неполное среднее, среднее); ограниченностью сфер приложения труда и по-

¹ Гуцу И.Т. Образ жизни молодежи современного села / И.Т. Гуцу, С.И. Плаксий. - Кишинев, 1984.-С.11-15, 159; Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. - М., 1970, С.22-24; Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири / И.И. Осинский. - М., 1985.- С.52, 67; Профессиональная ориентация сельской молодежи. - М., 1973.- С.12; Слепенков И.М. Социальный портрет современной сельской молодежи / И.М. Слепенков, В.И. Староверов // Социальный облик сельской молодежи. - М., 1985.-С.9; Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма / В.И. Староверов. - М., 1978.-С.111-112; Социологические проблемы польского города. - М., 1966.-С.236-340.

² Гуцу И.Т. Образ жизни молодежи современного села / И.Т. Гуцу, С.И. Плаксий. - Кишинев, 1984.- С.11-15.

тому ограниченными возможностями выбора профессии, работы и более высокой безработицы сельской молодежи; более низким уровнем организации труда и более тяжелыми условиями; меньшей организованностью и концентрацией людей по месту их профессиональной деятельности (одной площади); меньшей нормированностью, урегулированностью рабочего времени.

Труд сельской молодежи, по сравнению с городской, характеризуется: более ранней возрастной включенностью сельской молодежи в процесс труда; большой степенью сочетания производственного труда с трудом в домашнем (подсобном хозяйстве); значительно большей определенностью характера труда сельской молодежи сезонностью работ; большей связью молодежи с землей, природой в процессе труда.

Неблагоприятные социально-экономические условия, низкий жизненный уровень сельского населения лишает молодежь возможности активной социально-культурной связи с «внешним миром» (соседними селами, городом, регионом и т.д.), что приводит ее «к изолированности», обособленности. Как известно, «изолированность» в любом ее проявлении способствует скорее дальнейшей деструктивности, усугублению создавшегося кризисного положения общества, нежели выходу из него.

Сложные социально-экономические реалии села отрицательно влияют на жилищные, бытовые, духовные, культурные условия жизнедеятельности молодежи, препятствуют реализации ее жизненных планов, вносят в процесс ее социализации, формирования ценностных ориентаций определенные сложности, деструктивные тенденции, препятствующие интеллектуальному, духовно-нравственному, психофизиологическому развитию личности. Поэтому в культуре современной сельской молодежи получили распространение такие негативные процессы, как: снижение репродуктивной функции, миграция, ухудшение физического здоровья, социально-психологического самочувствия, неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, безработица, пьянство, оскудение основ нравственной культуры поведения. Более 30% опрошенных в ходе исследования (2005-2006 гг.) молодых людей допускают употребление в речи бранных выражений, нецензурной лексики, грубую прямолинейность, нетактичность в общении, более 40% опрошенных считают допустимым в поведении руководствоваться местью – принципом «око за око, зуб за зуб».

Преодоление данных негативных процессов прямо зависит от успешности решения задачи социально-экономического развития села.

На характер жизнедеятельности сельской молодежи влияют также *социально-бытовые и социально-культурные особенности села*, отличающиеся от города: меньшей долей свободного времени и большей ограниченностью способов его проведения; в связи с падением жизненного уровня

сельского населения и отсутствием в селах профессиональных учебных заведений – меньшей возможностью для получения профессионального образования и повышения квалификации; меньшей возможностью потребления духовных и материальных благ, в связи с отсутствием в селе театров, музеев, менее развитой сети предприятий, здравоохранительных, культурно-просветительных учреждений, транспорта, общественно-бытового обслуживания; более неблагоприятными жилищно-коммунальными условиями.

В то же время жизнедеятельность сельской молодежи отличается: большей рутинностью, трудоемкостью и занятостью в домашнем (личном подсобном) хозяйстве; более медленным проникновением в быт различного рода нововведенных ценностей, «веяний современности»; большей распространенностью соседских отношений, родственных форм общения; большей значимостью и укорененностью в быту традиций, ценностей народной культуры (обрядов, религии и т.д.); большей значимостью домашнего очага (поэтому сельская молодежь в большей степени, чем городская, привязана к дому); большим «контролем» за поведением членов данной социальной группы со стороны сельской общины, что обусловлено тесными контактами между жителями села и малой плотностью населения; большей количественной средней величиной сельской семьи и более расширенными ее функциями, прежде всего, в воспитании.

Социально-культурная сфера современного села сегодня нуждается в особом внимании со стороны государства. Ее роль в процессах социализации личности, формировании культуры молодого поколения является очень важной. Между тем, многие учреждения культуры на селе находятся в состоянии «выживания – вымирания». Только 24,4% от числа опрошенной нами сельской молодежи удовлетворены качеством своего досуга.

Социально-психологические особенности образа жизни сельской молодежи также могут рассматриваться в сравнительном аспекте (выявлении различий между сельской и городской молодежью) и определяться следующими факторами: малой плотностью населения, оказывающей значительное влияние на характер как внутрigrупповых, междугрупповых контактов, так мировоззренческого, личностного развития; большей значимостью взаимоотношений между жителями села (соседями, родственниками); большей связью (близостью) с природой, придающей образу жизни сельской молодежи более размеренный ритм, и, способствующей формированию эмоционально-чувственной подвижности; большей значимостью общественного мнения, обусловленной распространенностью внутрigrуппового «контроля» и тесными связями между жителями села; локальной замкнутостью села, ограничивающей формы общения и контактов; простотой форм общения, обусловленной тесными связями, контактами между жителями села, значимостью семейно-родственных отношений; большей ролью семьи в

формировании ценностных ориентаций личности; национальным составом жителей деревни, особенностями исторического, культурного прошлого села (корней), степенью укорененности и спецификой народных традиций, этнокультурных связей как внутри молодежной группы, сельской общины, так между соседними селами.

Большую роль в формировании ценностей сельской молодежи играют этнокультурные особенности села (религия, традиции, обряды, история, убеждения и т.д.). Преломляясь как в индивидуальном, так и в общественном сознании молодежи, этнокультурные особенности в конечном счете и определяют национальное своеобразие села в целом и молодежи в частности как носителя этого своеобразия, неповторимости, самобытности, подлинно-духовных ценностей.

Сохранение этнонациональных ценностей в культуре современного села является важным фактором формирования ориентации сельской молодежи на духовно-нравственные, общечеловеческие ценности. Результаты исследования позволяют заметить, что современная сельская молодежь ориентирована на сохранение этнонациональных ценностей. Она положительно относится к народным праздникам – 91,6%, испытывает потребность в общении к их традициям – 81,8%.

Однако, процессы приобщения молодежи к этнонациональным ценностям сегодня являются неоднозначными. С одной стороны, наблюдается рост национального самосознания российских граждан, усиливается значимость этнонациональных ценностей в социализации молодежи. С другой стороны, распространение в обществе принципов прагматизма, эгоизма, индивидуализма, антиценностей негативно отражается на характере приобщения современной молодежи к ценностям этнонациональной культуры, не способствует сохранению самобытности культуры сельского населения (для которой характерен примат духовного над утилитарным, прагматическим) и во многом обуславливает негативные процессы, наблюдающиеся в молодежной среде. Немалая часть опрошенной нами сельской молодежи уже сегодня ощущает угрозу для своей национальной культуры – 41,8%.

Определенное влияние на формирование ценностей современной сельской молодежи оказывает полиэтническая среда региона. Результаты исследования позволили заметить, что в условиях полиэтнической среды усиливается работа национального самосознания молодежи, более выраженной становится ее потребность приобщения к этнонациональным ценностям своего народа, более важное место эти ценности приобретают в ориентациях молодежи. При этом, тесный характер контактов между людьми разных национальностей не способствует возникновению национальных противоречий (только 13,3% от числа опрошенной нами сельской молодежи испытывают существенные трудности в межэтническом общении). Однако, важным

условием гармоничной межэтнической коммуникации является присутствие в национальном характере участников межэтнической коммуникации таких важных черт как: дружелюбие, открытость, сдержанность и уважение к культурам других народов. Эти черты национального характера, воспитываемые с раннего детства, закрепляются в моральном сознании отдельного человека или этнической группы и позволяют сохранить гармонию межэтнических отношений в условиях полиэтнического региона. Многие также зависят от продуманной национальной политики государства и региона.

Перечисленные факторы не являются, конечно, исчерпывающими при выявлении специфики ценностей сельской молодежи, обусловленной особенностями культуры села, а лишь позволяют выделить наиболее характерные черты. Следует отметить, что расчленение этих факторов весьма условно и поэтому не предполагает их независимости друг от друга. В реальной жизненной практике они связаны, так что подобное членение возможно и имеет смысл только в рамках теории.

Для развития позитивных и преодоления негативных тенденций, наблюдающихся в культуре современной сельской молодежи, нужны действенные меры, направленные на сохранение и развитие села: улучшение социально-экономических условий жизни на селе; использование запущенных гигантских территорий для развития сельского хозяйства, скотоводства; предоставление сельской молодежи возможностей трудоустройства, самореализации на селе; повышение престижа села, жизни на селе; улучшение социально-бытовых условий жизни, развитие социально-культурной сферы села; формирование в обществе идеологии, способствующей повышению значимости духовно-нравственных, общечеловеческих, гражданско-правовых ценностей в социализации молодого поколения.

УДК 378.04

С.П. Татарова

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ПО ФОРМИРОВАНИЮ БЛАГОПРИЯТНЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

TOLERANCE LEVEL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT ASSESSMENT IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION TO FOSTER FAVORABLE INTERETHNIC RELATIONS

В статье приводятся сравнительные данные по исследованиям, проведенным в вузе в 2008, 2014 годах, отражающим динамику изменений толерантного поведения студенческой молодежи.

The paper contains comparative data on a research conducted in higher education institutions in 2008 and 2014 that reflect dynamics of changes in tolerant behavior of students.

Большую роль в становлении личности молодого человека, в формировании его социального капитала принадлежит высшему учебному заведению и его социокультурной среде. Среда человека издавна является объектом научного исследования. Осознавая всю значимость исследования условий межнационального взаимодействия в студенческой среде, а также необходимость мер по эффективности межэтнического сотрудничества, администрация вуза инициировала осуществление огромной и многоплановой работы в данном направлении. Начиная с 2008 г. проведен ряд исследований, измеряющих состояние толерантности обучающейся молодежи и педагогического состава, уровень межнациональной конфликтности на факультетах, случаи возникновения противоречий в студенческих группах на национальной почве и т.д. В 2014 г. при поддержке ректора, заместителей деканов факультетов, было запущено мониторинговое исследование. Опрошены студенты всех факультетов академии. С учетом выбраковки в обработку и анализ попали 130 единица опроса. Для того, чтобы отследить динамику происходящих изменений толерантного поведения студенчества, оценки проводимой работы в вузе нами приводится сравнительный анализ с аналогичным исследованием 2008 г.

Полиэтничность среды вуза предопределяет жизненную необходимость постоянного межэтнического общения, не позволяет ни одной этнической общности существовать в изоляции, предопределяет множество поликультурных контактов, стимулирует восприятие культурных достижений других этносов, а также способствует демонстрации собственных культурных образцов и ценностей.

Многонациональный состав учебных коллективов может в существенной степени предопределять взаимоотношения в них. В связи с этим в ходе исследования мы выявляли, каков состав студенческих групп и как это влияет на микроклимат в коллективе, на складывающиеся отношения.

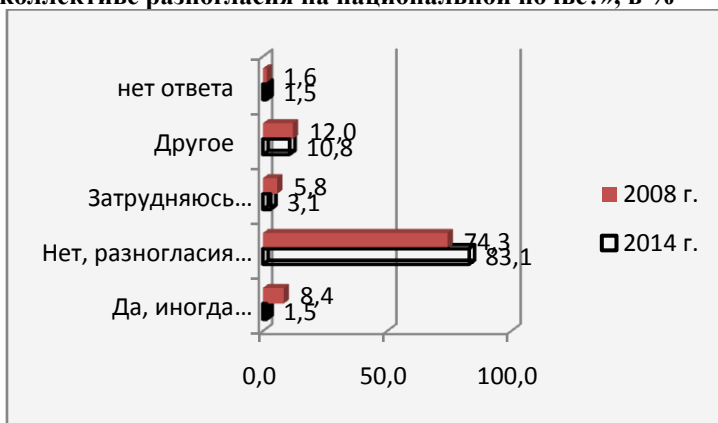
Так, по результатам нашего исследования становится очевидным, что четверть респондентов, опрошенных в разные годы, заявляют о том, что состав их студенческих групп является многонациональным. Треть от числа опрошенных в 2008 г. и четверть в 2014 г. констатируют равное представительство русских и бурят. На доминирование русских обращают внимание 32,5 % респондентов в 2008 г. и 42,3 % в 2014 г.

Содержание межэтнических взаимоотношений во многом зависит от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, которое в основном определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон. Однако ни один коллектив, тем более творческий, не-

возможно представить себе без конфликтов, разногласий, противоречий, возникающих в процессе функционирования. Среди многообразных причин возникновения разногласий можно выделить расхождение интересов на национальной почве. В ходе исследования выявлено, что в целом в вузе, конфликты на национальной почве не являются распространенными. Так, о их ситуативности и исключительности возникновения заявили 8,4 % в 2008 г. и лишь 1,5 % в 2014 г. опрошенных. Превалирующее большинство респондентов (74,3 % и 83,1 % по годам соответственно) ответили, что в основном разногласия носят чисто профессиональный или личностный характер и не имеют отношения к национальности участников конфликта.

Диаграмма 1

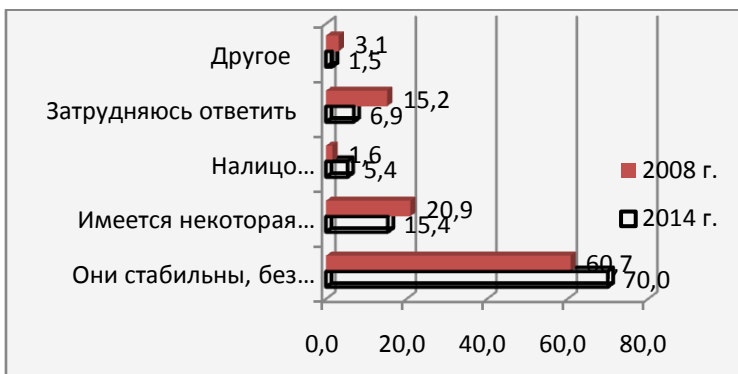
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Случались ли у Вас в коллективе разногласия на национальной почве?», в %

В Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств придается особое значение формированию толерантности, развитию межкультурных коммуникаций, познанию своеобразия культур различных народов. Подобного рода работа проводится и органично включается во все направления деятельности со студентами: учебную, творческую, научно-исследовательскую, внеучебную. Какой результат дает такая комплексная работа, как оценивают студенты состояние межнациональных отношений в вузе можно увидеть из данных диаграммы 2.

Диаграмма 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в нашем вузе?», в %

Как очевидно из диаграммы больше половины опрошенных респондентов оценивают межнациональные отношения как стабильные, без напряженности (60,7 % в 2008 г. и 70,0 % в 2014 г.). Однако 20,9 % и 15,4 % опрошенных студентов соответственно по годам исследования, выбрали позицию «имеется некоторая напряженность в отношениях».

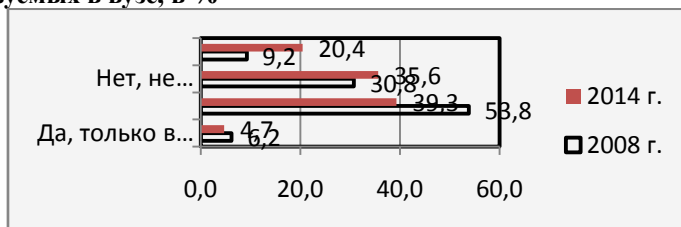
В качестве уточняющего, контрольного вопроса был сформулирован следующий вопрос: «Считаете ли Вы, что в нашем вузе межнациональные отношения...». Ответы, полученные на него, могут быть расценены как истинно отражающие ситуацию в плане межнациональной напряженности и четче определяют позицию затруднившихся в предыдущем анализируемом вопросе. Если суммировать ответы, полученные на позиции «иногда бывают напряженными», «скрыто враждебные» и «открыто враждебные» получаем картину, подтверждающую результаты, полученные прежде. Так, в целом по вузу 18,8 % в 2008 г. и 16,1 % в 2014 г. респондентов считают, что в разной степени напряженность в межнациональных отношениях присутствует (в предыдущем вопросе таковых было 20,9 % и 15,4 % соответственно).

Большое значение улучшению межкультурного сотрудничества уделяется в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств и в рамках внеучебной, воспитательной работы со студентами. В вузе постоянно проходят разного рода этнически окрашенные развлечения, формы отдыха и общения, отражающие самобытность народов, их историческое прошлое, подчеркивающие специфичность праздничной культуры, обрядовой стилистики. Традиционными в вузе стали программы, вечера, посвященные национальным праздникам. Элементы национальной культуры, фольклора, игры, песни, танцы народов региона постоянно включаются в репертуар выступлений, посвященных различным событиям в жизни институтов, академии, города и республики. Причем, стоит отметить, что подобного рода мероприятия очень нравятся студентам. Независимо от национальной принадлежности студенты с интересом и удовольствием принима-

ют участие в их подготовке и проведении. Причем, стоит отметить, что число студентов, принимающих участие в мероприятиях независимо от их национальной окрашенности в 2014 г. на 14,5 % больше, нежели чем в 2008 г. так же снизилось количество обучающихся не принимающих участия в национальных праздниках и мероприятиях. Так, если в 2008 г. таковых было 35,6 %, то в 2014 г. уже 30,8 % (Диаграмма 3).

Диаграмма 3

Степень участия в национальных праздниках, мероприятиях, организуемых в вузе, в %

Благоприятный моральный климат, сохранение и обеспечение преемственности культур разных народов, позволяет расширять культурное пространство, обеспечивать доступ к культурным ценностям. Поэтому максимальное развертывание потенциала всех культур отвечает интересам государства и мирового сообщества. Сохраняя своеобразие, каждый народ должен обогатиться достижениями других народов, принимая участие в общецивилизационном процессе. Именно к такой благой цели и стремится наше образовательное учреждение при формировании воспитательного пространства вуза. При этом важно знать, как это стремление расценивается студенческой аудиторией, чему и был посвящен следующий вопрос.

Все многообразие воспитательных мероприятий, проводимых в плане формирования толерантных межнациональных отношений, определенная доля опрошенных студентов (18,8 % и 23,1 % соответственно по годам исследования) оценивает как достаточные и считает, что дополнительно что-либо предпринимать не следует. Чуть большая по величине группа опрошенных студентов (29,3 % в 2008 г. и 26,9 % в 2014 г.) считает, что хотя работа и ведется, но все же признать ее полностью отвечающей требованиям нельзя. Кроме того, в студенческой среде есть и те (16,8 % в 2008 г.), кто однозначно заявляет, что интересы представителей разных национальностей в воспитательной работе не учитываются. В 2014 г. таковых оказалось несколько меньше – 10,8 %.

Студенты, непосредственно являющиеся объектами воздействия, в том числе и в плане сохранения и развития национальных культур, кроме всего прочего могут оценить условия, предопределяющие эффективность данной работы в вузе. Так, по результатам исследования становится очевид-

ным, что больше половины опрошенных студентов считают, что в вузе в той или иной мере созданы условия для сохранения и развития языка, культурных традиций и т.д. Лишь 15,7 % опрошенных в 2008 г. студентов заявили об отсутствии необходимых условий для развития их национальной культуры, тогда как в 2014 г. таковых оказалось лишь 10,0 % (Диаграмма 4).

Диаграмма 4

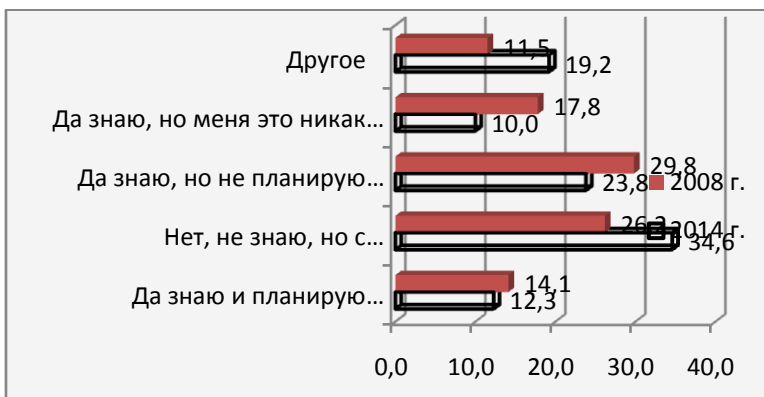
Оценка условий, созданных в вузе для сохранения и развития языка, культурных традиций, национальных праздников, в %

В 2008-2009 учебном году в вузе начал работу Центр культурного разнообразия и толерантности. Одним из первых шагов в работе Центра стало создание национальных землячеств. И хотя не было особенно большой рекламы, тем не менее, студенчество знало об их создании, и даже готово было принимать участие в их работе. К сожалению, стоит констатировать, что о подобного рода работе сегодняшние студенты знают в меньшей степени, нежели в 2008 г., в связи с чем, можно порекомендовать организаторам воспитательной работы вести более активную пропагандистскую работу по поводу деятельности национальных землячеств.

Диаграмма 5

Знаете ли Вы о создании национальных землячеств, создаваемых в вузе?

Резюмируя ситуацию межнационального сотрудничества, сложившуюся в вузе культуры и воспитательную работу по формированию толерантности, согласия и понимания можно отметить, что половина нынешних студентов в той или иной степени удовлетворены условиями для развития и самовыражения различных этнических групп, сложившимися в вузе. Также большинство опрошенных студентов признают проводимую воспитательную работу в плане организации мероприятий, формирующих толерантные отношения достаточной, а потому считают, что дополнительных усилий в этом направлении делать не нужно. Однако, несмотря на это, очевидно, что некоторые проблемы в плане межэтнического развития есть, и необходимо находить новые способы для их разрешения.

УДК 316.7

Т.Л. Редько

РОЛЬ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

ROLE OF THE SPHERE OF CULTURE IN INCREASE QUALITIES OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REGION

Аннотация статьи

В статье рассматривается влияние сферы культуры и искусства на качество жизни населения региона. Представлены результаты экспертного опроса по выявлению роли сферы культуры и искусства в жизни человека.

Summary of the article

The article considers the influence of the sphere of culture and arts on the life quality of the region's population. It presents the results of the expert survey to identify the role of the sphere of culture and art in human life.

Ключевые слова

Качество жизни. Культура и искусство. Объективистская модель. Субъективистская модель. Показатели качества жизни.

Keywords

Life quality. Culture and art. Objectivist model. Subjectivist model. Indicators of life quality.

Современная ситуация в российском обществе достаточно многозначна, в связи с влиянием на стабильные экономические и социальные процессы различных факторов – международное окружение, изменения на продовольственном рынке, демографические, экологические и др. Бесспорно это важнейшие факторы, оказывающие влияние на качество жизни населения региона. Однако, категория «качество жизни» более многогранная, которая выходит за пределы этих факторов. По своей содержательности, значению, главной цели государственной политики по повышению показателей жизнедеятельности населения - «качество жизни» охватывает все сферы общества, находит свою реализацию среди людей. Также следует осознавать, что категория «качество жизни» включает две стороны: объективную и субъективную. Критериями объективной оценки являются нормативы и стандарты объективных потребностей населения, по реальному соотношению которых можно оценить степень их удовлетворения. С другой стороны, нужды, потребности, запросы людей индивидуальны, и степень их удовлетворения могут оценивать только сами субъекты – человек. Они не могут фиксироваться статистическими величинами, рассчитываться с помощью математических формул и отражаются только в личных мнениях, суждениях и оценках. Человеческие отношения, общественные и семейные ценности, социальная стабильность, социокультурное окружение могут оцениваться только субъективно, таковых объективных критериев не существует. Исходя из этой ситуации, качество жизни всегда оценивалось двумя способами: измерением объективных условий жизни и измерением субъективных оценок жизни самим населением территории. В результате научных исследований сформировано две модели: объективистская и субъективистская.

Объективистская модель определяет качество жизни с помощью показателей социально-экономической статистики: уровня доходов населения, уровня преступности в регионе, уровня безработицы, степень загрязнения окружающей среды и др.

Субъективистская модель исходит из того, что истинное значение качества жизни отражено в субъективных ощущениях индивидов, которые

зависят от их интеллектуального развития, жизненного опыта, эмоционального состояния и др.

Но в любой ситуации, следует осознавать, что не менее важной сферой успешной, благополучной жизни населения территории является социально-культурная сфера, в частности отрасль культуры и искусства. Сфера культуры и искусства территории отражает духовное состояние её общества. Уровень духовности определяется по частоте нарушений общечеловеческих заповедей: «не убий», «не укради» и другие. В качестве единиц измерения используются данные официальной статистики о социальных аномалиях: убийства, грабежи, брошенные пожилые родители, дети и ряд других. Именно в этой ситуации особенно важны приоритеты отрасли культуры и искусства, влияние культурной политики страны, региона, доступность социально – культурных услуг на духовное состояние и развитие общества, соответственно, на качество жизни населения в целом. Стратегическими целями реализации государственной политики в сфере культуры и искусства являются (Республики Бурятия): обеспечение прав граждан на доступ к культурным ценностям, обеспечение прав граждан на участие в культурной жизни и свободы творчества, сохранение объектов культурного наследия в её исторической планировочной структуре [1]. Отрасль культура и искусства включает деятельность – библиотек, учреждений клубного типа, музеев, художественных галерей и выставочных залов, театров, концертных организаций, парков культуры и отдыха, цирков. Комплекс учреждений культуры и искусства решает специфические вопросы и задачи по развитию и самореализации личности, гуманизации общества и сохранению самобытности народов нашей страны, регионов, тем самым целенаправленно влияет на качество жизни населения.

Как известно, в результатах научных исследований применяется информация для широкого анализа, полученная по объективистской модели. Информация, полученная по субъективистской модели, используется в практике очень редко. Но ряд исследований имеется, в частности интерес представляют результаты экспертного опроса, проведенного отечественным ученым Е.П. Тавокиным. В экспертном опросе (опрошено 100 чел.) основное внимание уделялось именно сфере культуры и искусства. Состав экспертной группы достаточно разноплановый – по возрасту, образованию, сфере трудовой деятельности. Результаты исследования представляют интерес. На вопрос «Какие чувства у Вас вызывают следующие слова и их значение в качестве жизни?» получены численные значения (см. Таб.1).

Таблица 1

Чувства, которые вызывают у экспертов перечисленные слова, % (максимум – 100%, минимум – 0)

Слова	Чувства
-------	---------

	Положительные	Безразличие	Отрицательные
Семья	95,6	3,3	1,1
Россия	95,5	3,4	1,1
Культура	95,4	4,5	0,0
Творчество	93,1	4,6	2,3
Искусство	93,0	7,0	0,0
Патриотизм	92,0	6,9	1,1
Безопасность	89,9	4,5	5,6
Труд	87,2	12,8	0,0
Театр	80,2	19,8	0,0
Комфорт	78,4	20,5	1,1
Деньги	60,2	28,4	11,4
Сила	57,5	31,0	11,5
Богатство	51,1	29,8	9,1
Власть	28,1	43,8	28,1

Исходя из представленных результатов, можно сказать, что эксперты крайне положительно оценивают значение сферы культуры и искусства, патриотические чувства людей, безопасность, комфорт. Но с другой стороны, степень удовлетворения этих чувств измерить объективно невозможно, лишь только выявить степень важности и их роли в жизни человека. Здесь следует привести также результаты экспертного опроса, в частности по вопросу «Оцените по степени важности виды досуга» (см. Таб. 2)

Таблица 2

Виды досуга и степень их важности, %
(максимум – 100%, минимум – 0)

Виды досуга	Степень важности		
	Очень важно	Не очень важно	Совсем не важно
Музеи, выставки, вернисажи	74,4	21,8	3,8
Туризм, путешествия	61,7	34,6	3,7
Драматические театры	61,3	30,7	8,0
Встречи с друзьями	59,0	34,6	6,4
Театры опера и балета	52,7	40,5	6,8
Занятия художественным творчеством, музыкой	44,6	45,9	9,5
Посещение храмов	41,3	46,7	12,0

Консерватория, филармония	40,3	47,2	12,5
Эстрадные концерты	13,8	49,2	36,9

Вышеизложенные результаты, также подтверждают важность в жизни человека сферы культуры и искусства. Достаточно высокое значение имеют следующие виды досуга – посещение музеев и выставок; туристические путешествия, посещение театров и др. Можно утверждать, что сфера культуры и искусства в жизнедеятельности человека играет особую просветительную роль, формирует личностные качества. Поэтому целесообразно рассматривать сферу культуры и искусства как отдельный показатель в оценке качества жизни населения. Здесь интерес представляет, предложенные Тавокиным Е.П., объективные характеристики сферы культуры в системе показателей качества жизни населения: знание и соблюдение народных обычаев, норм, традиций; степень вовлечения населения в сферу массовой культуры; посещение театров, библиотек, музеев; численность, занимающихся в творческих кружках и клубах; финансирование сферы культуры (в % от ВВП); доля активно читающего населения и др.

Приведем некоторые показатели, представленные в годовых отчетах Министерства культуры Республики Бурятия [1], характеризующие результаты деятельности и могут быть использованы при оценке влияние сферы культуры и искусства на качество жизни населения республики. Число посещений музеев в республике составляет: 2012 год - 433,3 тыс. чел.; 2013 год – 433,4 тыс. чел.; 2014 (план)– 433,5 тыс. чел. Число посещений театрально-зрелищных организаций: 2012 – 353,6 тыс. чел.; 2013 – 353,8 тыс. чел.; 2014 (план) – 354,0 тыс. чел. Среднее число культурно-досуговых мероприятий на одно учреждение культуры: 2012 год – 165; 2013 год – 165; 2014 год (план) - 166. Как видно, что значения показателей достаточно высокие (в динамике лет) и практически не изменяются.

В перспективе ученым республики, которые занимаются вопросами в области качества жизни, следует увязать фактические значения деятельности сферы культуры и искусства с фактическими значениями качества жизни населения, степенью удовлетворенности в культурных благах, с целью разработки стратегий повышения качества жизни населения в нашем регионе. Государства, которые сохраняют и приумножают свои культурное наследие, традиции, обычаи занимают ведущие позиции в мировом сообществе по показателям качества жизни населения.

Источники:

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства культуры Республики Бурятия на 2014-2016 годы // <http://minkultrb.ru/files/documents/DROND%202013.pdf>

2. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. Культура в системе показателей категории «качество жизни» /ж. «Мониторинг общественного мнения», №4, 2008, с. 26-36

УДК 008:339.1

И.Л. Тураева

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Основная идея статьи заключается в обращении к экономическому потенциалу отдельных регионов нашей страны при проведении культурной политики. Автор уделяет основное внимание теоретическим аспектам построения региональной политики в управлении социально-культурными процессами, в том числе механизму использования программного моделирования на региональном уровне. Доказывается, что решающее значение при проведении культурной политики в регионе имеет имеющаяся социальная и организационная инфраструктура.

The main idea of the article is to appeal to the economic potential of Russian regions in cultural policy implementation. The author focuses on theoretical aspects of regional policy in management of socio-cultural processes, including the mechanism of using the software modeling. The importance of social and organizational infrastructure for the regional cultural policy is proved.

Ключевые слова: культурная политика, модели, формы и механизмы ее реализации.

Keywords: cultural policy, models, forms and mechanisms of its realization.

Культура традиционно являлась предметом исследования в гуманитарных науках. В свое время на отделенность проблем культуры от производственной сферы было обращено внимание Ф. Энгельсом: «Производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры»¹. Однако до 1990-х годов эта тема не удостоивается широкого и специального внимания со стороны представителей отечественной экономической науки.

В настоящее время доминирующей становится та точка зрения, которая утверждает, то культура не ограничивается только лишь аспектами духовной жизни общества. Это предполагает исследование сторон и функций культуры в современном обществе, выделение ее экономического аспекта.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Том 1. – С.25.

Постиндустриальное общество в некоторых отношениях становится и «постэкономическим», так как в нем наряду с сектором производства материальных благ и услуг, который, как и прежде, регулируется рынком, в огромной мере расширяется сектор «производства человека». Духовное производство становится все более определяющим началом в совокупном производстве, подчиняя его структуру, содержание и динамику. Несомненно, наша страна обладает огромными культурными ресурсами, но остается актуальной проблема управления социокультурными процессами, как на государственном, так и на региональном уровнях.

На смену интенсивному промышленному развитию приходит экономика, опирающаяся на уникальные ресурсы территорий, включая их культурный и творческий потенциал. В этой новой парадигме маркетинг и услуги становятся такими же важными, как и производство.

Индустрия культуры развивается очень быстро под воздействием новых технологий и телекоммуникаций. Так, прежде всего, развивается «массовая культура» западного образца, не обращающая достаточного внимания на художественное качество культурных благ и услуг. Эти быстрые и фундаментальные трансформации культурной жизни происходят так, как будто точка зрения работников культуры не имеет здесь особого значения. Те органы, которые связаны с индустрией культуры в области налоговой политики, свободного распространения товаров, конкуренции, приватизации предприятий, по природе своей рассматривают эти проблемы не с позиции культуры, а с точки зрения экономики и финансов, коммерции и промышленности и т.д.¹

Современные публикации свидетельствуют об утверждении научно-го подхода к изучению государственной политики в сфере культуры в целом, и региональной культурной политики в частности. Все заметнее становится стремление преодолеть господствовавшие идеологические стереотипы².

Так, гипотеза Л.Е. Вострякова состоит в том, что для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни одна из моделей государственной культурной политики – ни патерналистская, ни рыночная, – не может быть использована как базовая. Их следует позиционировать как имеющие право на сосуществование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению регионах. Не существует в мире неизменной универсальной модели на все времена, поэтому государственная

¹ Культурная политика России: история и современность. Два взгляда на одну проблему / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М., 1998. 295 с. С.13.

² Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели: монография. СПб.: Издательство СЗИ РАХНиГС, 2011.

культурная политика должна с течением определенного времени пересматриваться, как и концептуальные идеи, которые лежат в ее основе¹.

Российское государство отличается не только размерами территории, но и различным уровнем развития регионов, их социально-экономической и культурной разнородностью. Некоторые перешли к постиндустриальной модели развития, другие продолжают развиваться преимущественно в рамках индустриальной модели, третьи не могут выйти за рамки преимущественно аграрной модели развития. Естественно, что культурная политика в столь различных регионах должна быть адресной.

Эффективность региональной культурной политики теперь все в большей мере зависит от того, насколько её формы, характер и целенаправленность отвечают закономерностям динамики культуры. Но при этом теоретико-методологическая база подобного понимания региональной культурной политики пока отстает от реальных процессов в сфере региональной культуры, а ситуационный анализ на регулярно действующей основе не достаточно эффективен или вообще не проводится.

Перемены в России в первые десятилетия XXI в. характеризуются необходимостью выхода на устойчивую траекторию экономического развития. В условиях модернизации экономики и всей общественной жизни, меняются векторы, приоритеты и ориентиры культурной политики, которые необходимо учитывать в выработке вариативных форм деятельности, опирающихся на объективные закономерности организации и самоорганизации культурной жизни, соотносенных с социально-экономическими характеристиками региона.

Реализация культурной политики в регионе определяется характером функционирования инфраструктуры культуры. Отсюда можно выделить компоненты организационно-управленческой инфраструктуры культуры региона, включающие взаимовлияние, взаимодействие, интеграцию и регулирование складывающихся социально-культурных отношений.

В то же время экономические ресурсы инфраструктуры культуры действуют на основе взаимодействия трех аспектов: ресурсосбережения, основного финансирования и софинансирования, сочетаемого с благотворительностью, спонсорством, фандрайзингом. В результате выявляются территории, пространства, комплексы, места, зоны, в которых осуществляется многообразная культурная деятельность.

С учетом данных условий обозначим инструменты и механизмы реализации культурной политики в регионе: развитие, стабилизация, идентификация, сопровождение, поддержка. Посредством данных механизмов вырабатывается последовательность использования моделей стабилизации и

¹ Там же. С.161

адаптации культурной политики, распределяемых по сферам: политическая, экономическая, управленческая, кадровая, информационная. Исходя из плюралистической множественности культурного пространства, представим модель развития культурной политики, определяемая двумя видами культурных ресурсов региона: институциональными и неформальными субъектами культурной деятельности. Первые из них формируют процессы регулирования и стимулирования. Неформальная сторона модели связана с самоорганизацией и отфильтровыванием культурных ценностей. Процессуальная часть модели может быть представлена культурным пространством региона в его определенном культурном облике, исторически обусловленном локальным культурно-историческим ландшафтом, объектами культурной индустрии и субъектами культурной деятельности.

Распределение финансирования между федеральным и региональным уровнями показывает, что именно на последнем сосредотачиваются основные финансовые ресурсы. Таким образом, государство перекладывает основную ответственность за культуру на субъекты Федерации, которые вследствие больших налоговых изъятий в федеральный бюджет получают недостающие средства как субсидию из центра¹.

В государственном выборе приоритетов культурной политики участвует многоступенчатый механизм; в России существует иерархия отношений, включающая четыре ступени: президент и правительство, затем министерства и ведомства, далее – управление и отделы, и, наконец, программы с их администрацией. Важным элементом этого механизма является бюджетный процесс. Ежегодная подготовка бюджета, его принятие неизбежно возвращаются в выбор приоритетов.

Однако на вершине общества и власти вопросы культуры решаются по остаточному принципу в сравнении с другими национальными приоритетами государственной политики (экономикой, сельским хозяйством, обороной, социальным обеспечением и др.). Здесь приоритет культуры ставится под сомнение, и напрямую финансируются только государственные и национальные программы, поддерживаемые и выдвинутые президентом. Эти большие проекты имеют политическую, экономическую и социальную значимость. При этом принимаются меры для того, чтобы «большая» культура не поглотила культуру малую.

В нашей стране достаточно давно существуют следующие критерии отбора региональных программ: научные достоинства (значение объекта исследований, потенциальная возможность появления новых исследований,

¹ Брижатова С.Б. Государственная культурная политика: стратегия и социально-культурное развитие регионов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С.47.

уникальность, актуальность); социальные выгоды (улучшение условий жизни человека, перспективность, вклад в престиж нации); прагматические соображения (конкретные практические стороны проекта, программы, техническая реализуемость и подготовленность, осуществимость, институциональная обеспеченность, стоимость проекта, программы и т.п.)¹.

Целостность и относительная самостоятельность социокультурной сферы региона обусловлены как спецификой ее внешних функций, так и особенностями развития социально-бытовой инфраструктуры, условий, образа жизни и осознания, их культурно-духовных потребностей и интересов, качественным уровнем социокультурной сферы – насыщение ее объектами и кадрами, и эффективностью деятельности последних, социо-культурной обусловленности города и села.

Происходящие процессы дезинтеграции обуславливают реальность включения большинства сельских районов и городов в разработку локальных и региональных программ социально-культурного развития. Таким образом, разрешение существующих проблем в социокультурном развитии возможно только посредством единой региональной культурной политики, кардинальной замены многих ее ориентиров и приоритетов.

В основном региональные программы ориентированы на федеральную программу (это положительная общая стратегическая направленность, но следует учитывать, что любая региональная программа – это совершенно оригинальная, отличительная от всех других). Часто региональные программы представляют собой не выбор стратегии социокультурного развития региона, описание его культурной жизни, а набор мероприятий. Имеет место в ряде региональных программ заимствование целей, задач, приоритетных направлений федеральной программы, включая международные форумы.

Эффективное программное регулирование предполагает особые принципы бюджетного финансирования, когда финансируются не объекты, не мероприятия, а государственная социально-ориентированная культурная политика и та программа, которая служит достижению целей культурной политики. Сегодня необходимы законы, стимулирующие вложение средств в культуру, реальное обеспечение свободы творчества и активности потребления культуры, адресный характер бюджетного финансирования, дифференцированный подход к налоговым льготам (под социально одобренные проекты), кардинальные перемены в области образования и управления, освоение новой – активной – финансовой политики, построение системы финансирования, отвечающей особенностям разрабатываемых региональных социокультурных программ.

¹ Генова Н. М. Культурная политика и механизмы ее реализации // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3. С. 60.

Роль государства в сложившихся условиях заключается в уходе от финансирования тех направлений культурной сферы, которые могут успешно существовать за счет рыночных ресурсов; в развитии сотрудничества культуры и бизнеса, поощрении спонсорских проектов (конкурсы и премии); программы встречного бюджетного финансирования проектов.

УДК 330.3(571.54)

С.М. Логвиненко

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
INTEGRATION PROCESSES OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEM
OF REPUBLIC OF BURYATIA IN TERMS OF GLOBALIZATION**

В современной литературе рассматриваются три типа процессов: интернационализация, глобализация, интеграция. В настоящее время процессы глобализации, интернационализации и интеграции являются движущей силой непрерывного изменения мировой экономической системы. Экономический рост это центральная проблема, стоящая перед всеми социально-экономическими системами.

Глобализация, интеграция, интернационализация, экономическая система, природно – ресурсная парадигма, регионализация, межстрановая специализация и кооперация, конкурентоспособность, модернизация.

There are 3 types of processes considered: internationalization, globalization and integration. Today processes of globalization, internationalization and integration are the moving forces of the changing world economic system. Economic growth is a central problem that all socio-economic systems face.

Keywords: globalization, integration, internationalization, economic system, paradigm of natural resources, regionalization, inter-country specialization and cooperation, competitiveness, modernization.

Экономический перелом 90-х годов прошлого века привел к ряду проблем, решение которых перетекло в век настоящий. Эти проблемы носят как локальный (региональный), так и общенациональный и мировой характер. Россия, вступив в третье тысячелетие, столкнулась с глобальной экономической проблемой, заключающейся в построении стратегически конкурентоспособной и эффективной экономики. Концепция использования территориально-ресурсных преимуществ, лежавшая в основе экономической

парадигмы российской экономики на протяжении трех веков дала сбой.

Основными причинами этого явились:

-переход мирового хозяйства от производственной к распределительной системе, достижение максимальной производительности и ресурсоотдачи промышленного производства;

-информатизация материального производства, сращивание материальных с информационными потоками, с приоритетом последних;

-глобализация экономики, политики и социального развития, переход в конкуренции: от производственного уровня к инновационному развитию.

Ключевым фактором, способствующим решению проблемы экономического роста в условиях ограниченности ресурсов и определяющим развитие интеграционных процессов, является глобализация. Глобализация затрагивает весь спектр деятельности человечества, и в общеполитической основе имеет идея объединения человечества. Процесс экономической глобализации, по мнению автора, основан на нескольких ключевых формах и механизмах (рис. 1).

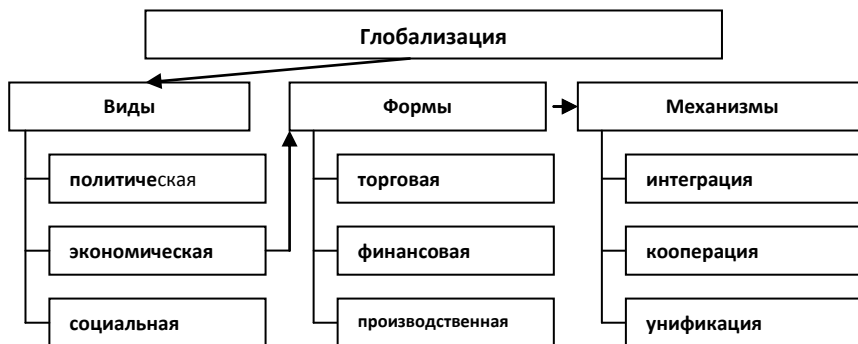

Рис.1. Элементы процесса экономической глобализации

В экономической сфере процессы глобализации протекают особенно интенсивно. В условиях нарастающей ограниченности и затратности ресурсов глобализация и экономическая интеграция, как ее проявление, является экономическим механизмом обеспечения экономического развития.

Автор считает, что экономическая глобализация является процессом обеспечивающим рационализацию развития экономических систем в усло-

виях ограниченности ресурсов при соблюдении цели обеспечения баланса интересов всех субъектов экономической системы.

В настоящее время в мире происходят процессы объединения на разных уровнях экономических систем. В современной экономической литературе рассматриваются три типа таких процессов:

- интернационализация;
- глобализация;
- интеграция.

Исторически первыми возникли процессы интернационализации экономики, которые, по мнению автора, являются процессами, обеспечивающими кооперационные связи, переток трудового, интеллектуального и материально-ресурсного потенциала между государствами, и направленные на устранение структурных диспропорций в потреблении и поиск выгоды для хозяйствующих субъектов. Положительными аспектами интернационализации явилось появление транснациональных производственных и финансовых корпораций, которые обеспечили продвижение инновационного продукта и капитала на рынки всего мира.

Интеграция является процессом организационного оформления экономических и иных связей между регионами. Она носит завершающий характер процессов глобализации и интернационализации экономики.

В настоящее время процессы глобализации, интернационализации и интеграции являются основной движущей силой непрерывного изменения мировой экономической системы.

Экономика России оказалась по ряду причин не готова к возникновению подобных проблем. Как меру стратегической реакции на изменение условий, Россия выбрала традиционную природно-ресурсную парадигму, отвечающую текущим интересам общества. Однако эта парадигма неизбежно привела к полному истощению возможностей экономики. Разрыв цепочки между использованием ресурсов и их возобновлением, сопровождаемая негативными явлениями в экономике, неизбежно увеличивается, в перспективе достигнув критического порога.

Ещё более важным является тот фактор, что Россия утрачивает территориальные преимущества как напрямую, так и «отдавая» свои территории товарно-кадровой экспансии других государств. Возникает вопрос не просто о смене текущей экономической политики, а об изменении концепции управления экономическим развитием. Государство в нынешних условиях не может задействовать привычные административные и экономические механизмы. Борьба на геополитическом фронте меняется со скоростью калейдоскопа.

Ключевым фактором развития территорий России (а ранее СССР) являлась экономическая активность на них, определяемая общенациональ-

ной политикой размещения производительных сил, и в первую очередь промышленностью.

Классическое определение интеграции – это объединение каких-либо элементов (частей) в единое целое, процесс взаимного сближения и образования взаимосвязей. Интеграция бывает: политическая, экономическая, социальная и системная. По определению В.С. Панькова: «экономическая интеграция – «это закономерный процесс, который является следствием постепенного «раскрытия» стран друг другу, в ходе которого несколько моногосударственных макроэкономических организмов шаг за шагом срачиваются в целое полигосударственное хозяйственное пространство, которое со временем структурируется в новый, укрупнённый, более эффективный экономический организм». [4].

В результате интеграции происходит сращивание процессов воспроизводства разных стран, образование тесных экономических, научно-производственных и торговых взаимосвязей. Это приводит к развитию экономического регионализма, когда в рамках интеграционной группировки создаются более благоприятные условия для торговли, чем для других стран.

Отличительные особенности экономической интеграции:

- сращивание национальных производственных процессов;
- широкое развитие межстрановой специализации и кооперации, еще более углубляющее экономическую интеграцию в регионе;
- появление регулирующих и координирующих совместную работу межгосударственных органов, в некоторых случаях выполняющих наднациональные функции.

Интеграция на микроуровне протекает через взаимодействие капитала отдельных фирм, предприятий путем формирования экономических соглашений между ними, создания филиалов за границей. На региональном уровне выражается в форме кооперации региональных инфраструктур, создания экономических зон.

Интеграция подразделяется по масштабу и делится на мировую и региональную. Интеграция мирового масштаба основывается на развитии мирового производства, рынка, коммуникаций и имеет ряд преимуществ в развитии экономической системы страны, открывая большие возможности получения широкого доступа к ресурсной базе, привилегий в вопросах конкуренции, политического регулирования острых вопросов, экономической эффективности при расширении внешнеполитического пространства для завоевания новых рынков сбыта.

Сущностью современного этапа развития экономики является увеличение интеграционных тенденций во всех сферах экономики. Интеграция как экономические отношения предполагает открытость экономики и объединение усилий и потенциала ряда субъектов в реализации определенных

задач, в то же время ведет к конкуренции между производителями. Особое место в современных интеграционных процессах занимают межрегиональные процессы. От товарно-рыночной интеграции предыдущего этапа межрегиональные интеграционные процессы перешли в промышленную интеграцию современного этапа.

Основу межрегиональных интеграционных процессов составляют оптимальное сочетание использования следующих факторов:

- ресурсы (природные, производственные, человеческие, финансовые (инвестиционные) и др.);
- процессы преобразования ресурсов (технологии) и использования ресурсов (спрос);
- а также в эффекте синергизма от использования данных сочетаний.[5]

Глобализация и регионализация являются ведущими процессами мирового развития, главными векторами современности. С одной стороны, все больше экономических объединений и группировок возникает на мировой арене, образуя региональные экономические пространства. С другой стороны, интеграция на глобальном уровне стирает границы между странами и региональными объединениями, взаимодействующими между собой путем международного обмена продукцией, услугами, капиталом и технологиями. Мир превращается в один «большой город» с отдельными районами.

Регионализация это процесс экономического взаимодействия стран, приводящий к сближению хозяйственных механизмов, принимающий форму межгосударственных соглашений и согласованно регулируемый межгосударственными органами.

Нынешний регионализм – это результат усилий, предпринимаемых государствами с целью увеличения безопасности и устойчивости сегодняшней системы международных отношений.

Глобализация, с одной стороны, и регионализация, с другой, не только оказывают громадное влияние на экономическую жизнь, но и влекут за собой далеко идущие политические, социальные и даже культурно-цивилизационные последствия. Эти последствия все больше ощущают на себе практически все страны мира и среди них, конечно, Россия, которая вполне осознанно, активно и целеустремленно продвигается по пути интеграции в мировую экономику.

Глобализация, охватывающая все сферы жизнедеятельности, при проведении стратегии развития, вынуждает находить баланс между государственным вмешательством в экономику, рыночным регулированием, проблемами загрязнения окружающей среды, тенденций развития общества и пр. Встает проблема комплексности методов и механизмов модернизации хозяйства.

Вопрос конкурентоспособности регионов России следует рассматривать через призму социальной и инвестиционной привлекательности. В геоэкономическом и политическом разрезе конкуренция между регионами ведет к возникновению структурных диспропорций и снижению потенциала территорий. В макроэкономическом разрезе такая конкуренция неизбежна.

Использование факторов конкурентоспособности возможно только при условии:

- роста деловой активности бизнеса;
- формирования привлекательности для внешних инвесторов;
- создание государством преференций для развития региона

Все больший интерес вызывает проблематика обеспечения экологической продукцией населения страны. В настоящее время в связи с утрачиваемыми приоритетами на рынке сельской продукции этот вопрос стоит остро. В ближайшем будущем Россия может столкнуться с проблемой глобального продуктового кризиса, не способной в полной мере обеспечивать себя качественными экологически чистыми продуктами питания.

С вступлением в ВТО в Россию хлынул поток импортной сельскохозяйственной продукции, порой сомнительного качества. Правительством РФ были приняты превентивные меры по поддержанию и дальнейшему развитию по улучшению качества жизни в сельской местности, повышению уровня доходов сельского населения через усиление новых форм хозяйствования на селе, отраженных в государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. Данная программа закреплена постановлением правительства РФ от 14 июля 2012 года №17.[1]

Республика Бурятия издавна ориентированная на сельское хозяйство, утратила былые позиции в данном направлении, перейдя на привозные продукты питания, в основном из приграничных территорий Китая, Монголии. Если говорить о соседней приграничной монгольской животноводческой линии, то в данном направлении наблюдаем только положительные тенденции, взять хотя бы экологически чистые продукты, сопутствующие товары промышленного производства. Также большой поток товарно – пищевой интервенции китайского ширпотреба, овощной, фруктовой продукции. Республика Бурятия должна отстаивать свои позиции на данном направлении, опираясь на коренные традиции в животноводческо – скотоводческой направленности.

В связи с этим назрела необходимость взять ориентир стратегического развития всех отраслей народного хозяйства, активно внедрять инновации во все отрасли сельского хозяйства республики Бурятия. Оторваться от старых методов управления народным хозяйством, с использованием устаревших технологий. В свете последних коррупционных разоблачений в

министерстве сельского хозяйства РБ, стратегически важно грамотно и последовательно проводить кадровую политику подбора руководителей высшего звена менеджмента, привлекать к управлению сельскохозяйственной отраслью специалистов-аграрников, исключив случайных, обласканных местной властью, чиновников.

В республике должна проводиться научно – селекционная работа, исследование почв, создание своего семенного фонда для сельского промышленного производства, которое будет увеличиваться в масштабе за счет внедрения новых площадей пахотных земель, пуска тепличного хозяйства, функционирующего в круглогодичном режиме. При расширении проектов в сельскохозяйственных отраслях появится возможность занятость большей части сельских жителей. Время больших перемен, управление сельским хозяйством непрофессионалами, пришедших к руководству, движимых исключительно интересами собственного благополучия, ввергли отрасль в пучину проблем и противоречий.

Учитывая трансграничное положение Республики Бурятия с Китаем, с его нескончаемым потоком недоброкачественных продуктов питания, главной и основной целью сельскохозяйственных предприятий является достижение самообеспеченности республики основными видами сельскохозяйственной продукции за счет внедрения инновационных ресурсосберегающих технологий, повышения урожайности овощей, зерновых культур, на основе применения районированного, селекционного семенного материала, надоев, привеса скота. Применение современных форм выпуска новых продуктов питания и напитков, маркетинговых стратегий оформления при реализации продуктов питания, стратегия расширения по завоеванию и освоению новых рынков сбыта и создание благоприятного климата проживания на селе.

Бурятия как истинно аграрная республика со всеми необходимыми условиями готова для осуществления долгосрочной республиканской целевой программы (РЦП) «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республики Бурятия на 2011-2017 годы и на период до 2020 года», утвержденной постановлением правительства РБ от 19.10.10 г. № 444. [2]

Как показал сельскохозяйственных предприятий Республики Бурятия, чтобы вырастить качественные продукты земледелия, получить высокие надои, увеличить достаточный привес в животноводстве, необходимо рационально использовать капитал, имеющийся в хозяйстве предприятий. Также немало важную роль имеет своевременная семенная обработка, подготовка посадочного материала, использование минеральных, экологических удобрений собственного производства, выработанных из отходов переработки органики. Сохранить и приумножить морозостойкие породы скота,

иметь возможность технически оснащенные помещения для зимовки. Масса проблем связанных с экологией почвы, водоемов, кормов, все эти вопросы встают при определении правильности выбора решений в программе развития агропромышленного комплекса республики. [4]

Успешное интегрирование агропромышленного комплекса Бурятии создаст условия эффективного использования рабочей силы, распределения трудовых ресурсов между промышленным и сельскохозяйственным производством, и средств производства в периоды наибольшей потребности. При внедрении в сельское хозяйство новых технологий использования инноваций создаются привлекательность сельского труда, увеличивается процент занятости населения на селе. В переходный период рыночных отношений во многих странах именно занятость сельским трудом является основным средством обеспечения средств к существованию, способствующей пережить времена перемен. Однако удельный вес занятых в сельскохозяйственном производстве высокоразвитых стран незначителен, имеет шкалу колебаний от 1.5% до 7% общей численности трудоспособного населения.

В Бурятии катастрофически сокращается численности работников занятых в сфере сельского хозяйства. Растет тенденция оттока населения из деревень. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года Республика Бурятия занимает 54 место среди регионов России по численности населения. Как сообщает Бурятстат, за восемь лет после переписи 2002 года численность населения сократилась с 981,2 тыс. до 972,7 тыс. человек, в 2010 году – на 8,5 тыс. человек, или 0,9%. 41,6% численность мужчин в республике составила 462,4 тыс. человек, или 47,6% от общей численности населения. На 1000 мужчин приходится 1102 женщины, в городской местности -1130, сельской - 1065 женщин.

По данным Бурятстата, численность населения республики на начало 2013 года составила 971,8 тысячи человек. Зато выросла численность горожан - с 567,8 до 573,3 тысячи человек. Всего же в сельской местности проживает 398,5 тысячи человек. Естественный прирост населения в 2012 году составил 779 человек, или 18,7%. В прошлом году родилось 16,9 тысячи детей, а умерло 12 тысяч человек. [5]

Коэффициент рождаемости жителей Бурятии составил 17,4 новорожденных на тысячу жителей, смертности - 12,3 умерших на тысячу населения. Основными причинами смертности жителей республики признаны болезни сердца и кровообращения (48,2%), несчастные случаи, травмы (18,9%). Также специалисты отмечают рост смертности от болезней эндокринной системы, самоубийств, аварий и ВИЧ-инфекции, а также насильственных смертей.

Общереспубликанские проблемы социального характера, непродуманная политика занятости сельского населения, низкое качество жизни

большей части населения республики, безработица, в особенности на селе, заставляет многих покидать насиженные места и искать лучшей доли за пределами сельского поселения. Если в будущем не предпринять решительные меры по улучшению привлекательности работы на селе, тенденция роста городского населения будет стремительно расти, а деревня будет обречена на вымирание. Данное явление создаст ситуацию, когда в столице республики городе Улан-Удэ будет проживать половина населения Бурятии.

В настоящее время социально-экономическая система Республики Бурятия находится в числе аутсайдеров по показателям ежегодного исследования качества жизни населения, проводимого рейтинговым агентством РИА «Рейтинг». Данные показатели объединены в десять групп, характеризующие основные аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения, жилищные условия, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, экология, безопасность, демография, здоровье населения, уровень образования, транспортная доступность, уровень экономического развития территории, степень развития малого бизнеса. Неутешительный прогноз напрямую связан с проблемой развития сельского хозяйства в республике Бурятия.

По статистическим данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ личными подсобными хозяйствами и крестьянскими фермерскими хозяйствами производится более 80-ти % продукции сельского хозяйства. По разработанному проекту программы «Развитие малых сел в Республики Бурятия на 2012 – 2015 годы» в бюджете республики заложена денежная поддержка КФХ и ИП малых сел.

По уровню доходов населения Бурятия находится на 73 месте в Российской Федерации. Данный показатель из расчета на одного жителя республики рассчитывался из трех основных показателей: объем депозитных вкладов в банках, отношение доходов населения к стоимости потребительской корзины, доля населения с доходом ниже прожиточного минимума составляет 19 % всех жителей Бурятии. Основная доля проживает в сельской местности республики. Соответственно, показатели по жилищным условиям поместили республику на 78 место общероссийского рейтинга. Рейтинг уровня экономического развития занял 66 место, при этом уровень безработицы достиг 7,9%, на поиск работы уходит в среднем 7,2 месяца.

Уровень развития малого бизнеса оставляет желать лучшего с его позиций на 68 месте. В перерасчете на одного жителя республики денежный оборот малого бизнеса составил 171 тысячу рублей, при 20% занятости в малом бизнесе наиболее экономически активных жителей республики. [8]

В среднесрочной перспективе развитие сельского хозяйства будет характеризоваться устойчивой динамикой роста. В первом варианте за основу взят минимальный темп роста, учитывающий сохранение объемов фи-

нансирования отрасли на уровне 2012 года, рисков неблагоприятных природно-климатических условий. Второй вариант основан на темпе роста показателей развития сельского хозяйства, предусмотренных Республиканской целевой программой «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республике Бурятия на 2011 - 2017 годы и на период до 2020 года» при увеличении объема финансирования отрасли и благоприятных природно-климатических условий. Ежегодный темп роста в 2014 -2016 гг. составит 100,6 -102,2 % по первому варианту и 102,4 – 103,9 % - по второму.[3]

В среднесрочном периоде планируется реализация инвестиционных проектов по созданию агропромышленного комплекса по производству и первичной переработке свинины (ЗАО «Свинокомплекс «Восточно-Сибирский»), строительству молочно-товарных ферм в Джидинском и Кабанском районах республики, птицефабрик яичного и бройлерного направлений в Заиграевском и Иволгинском районах республики и тепличного комплекса «Сибирь-Агро». В сегодняшних условиях важно не только реализовать инвестиционные проекты, многие из которых пока что на стадии разработки, но и развивать те предприятия, которые в настоящее время работают самостоятельно, без всякой государственной поддержки, порой в непростых условиях, на грани выживания (Свинокомплекс «Николаевский»). При формировании прогнозных показателей по производству основных видов сельскохозяйственной продукции учтено влияние основных факторов производства, а также финансовые возможности производителей, динамика цен на сельскохозяйственную продукцию и на приобретаемые сельским хозяйством ресурсы.

По предварительным расчетам объем валовой продукции сельского хозяйства Республики Бурятия в 2016 году составит 17,7 - 18,6 млрд. руб. или 105,0 – 110,2 % в сопоставимых ценах к уровню 2012 года. В республике запланировано производство зерна увеличить на 1,8 - 10,6 %, а мяса – на 4,7 - 13,0 %. Молока и молочной продукции планируется увеличить на 2,2 - 4,4 %, яиц – на 5,7 - 9,9 %.

Из постановления Правительства РБ «О предварительной оценке экономического развития Республики Бурятия за 2013 год, прогнозе социально – экономического развития РБ на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» следует, что удельный вес сельского хозяйства к 2016 году снизится до 5,3 %, что связано с фактором риска неблагоприятных природно-климатических условий. Вывод настораживает, управленческие промахи, недочеты и нерациональное использование государственных средств заранее закладывается в проекты республиканского масштаба. [3]

Поэтому назрела необходимость выработки принятия решительных мер по усовершенствованию системы управления сельским хозяйством Рес-

публики Бурятия, переоснащения АПК, привлечения новых, свежих идей, научных разработок, последних методик в области народного хозяйства. Модернизация и усовершенствование управления АПК РБ это, прежде всего стратегия развития собственного животноводства и рыболовства, семеноводства, растениеводства с выходом на рынки сбыта Иркутской области, Забайкальского, Красноярского края, Монголии и Китая. Эффективное развитие направления в полной мере поможет решить и внутренние проблемы региона – значительно снизить долю теневого сектора и повысить уровень занятости населения.

Практически нулевой темп роста и отрицательные инвестиции в сельскохозяйственный сектор экономики Республики Бурятия в предыдущие годы является показателем признаков кризисного состояния отрасли в целом. Интеграционные процессы в агропромышленном комплексе республике смогут увести отрасль от стагнации, глубокого затянувшегося кризисного состояния. Но любые предлагаемые программы оздоровления АПК не смогут вывести на финишную прямую отрасль, если не пересмотреть методы и принципы эффективного управления республиканским сельским хозяйством. Выделяемые государственные денежные средства в форме дотаций, субсидий из федерального бюджета должны попадать непосредственно АПК, минуя властные коридоры, «черные» и «серые» схемы увода бюджетных средств не по назначению. На селе необходимо пересмотреть в сторону значительного увеличения, оплату труда работников, связанную с крестьянским трудом.

Успешное интегрирование в АПК создаст условия эффективнее использовать рабочую силу, распределив трудовые ресурсы между промышленным и сельскохозяйственным производством, и средства производства в периоды наибольшей потребности. При этом необходимо внедрение в сельское хозяйство новой агротехники, индустриальных технологий, так как будет создана привлекательность сельского труда, увеличивается процент занятости населения на селе.

В переходный период рыночных отношений во многих странах именно занятость сельским трудом является основным средством обеспечения средств к существованию, способствующей пережить времена перемен. Однако удельный вес занятых в сельскохозяйственном производстве высокоразвитых стран незначителен, имеет шкалу колебаний от 1.5% до 7% общей численности трудоспособного населения.

Общереспубликанские проблемы социального характера, непродуманная политика занятости сельского населения, низкое качество жизни большей части населения республики, безработица, в особенности на селе, заставляет многих покидать насиженные места и искать лучшей доли в городе. Если в будущем не предпринимать решительные меры по улучшению

привлекательности работы на селе, тенденция роста городского населения увеличить. Данное явление создаст ситуацию, когда в столице республики городе Улан-Удэ будет проживать половина населения Бурятии.

По объему производства сельскохозяйственной продукции и обеспечения населения продовольственными товарами доля АПК в общем объеме производства велика. Тем более что предприятия перерабатывающей промышленности используют при производстве своей продукции до 75% сельскохозяйственного сырья, а этим материалом можно в достаточной степени быть обеспеченными за счет внутренних ресурсов республиканской сельскохозяйственной продукции.

Модернизация и усовершенствование конкурентоспособного агропромышленного комплекса Республики Бурятия позволит обеспечивать свой регион высококачественными экологически чистыми продуктами, создаст условия для снижения роста безработицы, снимет социальную напряженность, остановит миграцию работоспособной части населения. Следовательно, синтез сельского хозяйства и промышленного производства неизбежен для экономической системы республики. Для ускорения интеграционных процессов агропромышленного комплекса Республики Бурятия достаточно условий.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 30.01.12г. № 120
2. «Развитие агропромышленного комплекса и сельских территорий в Республики Бурятия на 2011-2017 годы и на период до 2020 года», Постановление правительства РБ от 19.10.10 г. № 444.
3. Прогноз социально – экономического развития Республики Бурятия на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов.
4. Паньков В.С. Глобализация экономики: некоторые дискуссионные вопросы. - <http://www.wpec.ru/text/200801162154.htm>
5. <http://burstat.gks.ru>

УДК 332.1:379.8

И.Ц. Хазагаева

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД

QUESTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL FACILITIES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA: MARKETING APPROACH

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития социально-культурной сферы в Республике Бурятия. Применение методов маркетинга

га в области культуры и искусства с учетом изменений характера и значения современной культуры, потенциала ее дальнейшего развития.

Abstract: The article examines the development of the socio-cultural sphere in the Republic of Buryatia. It also considers the use of marketing techniques in art and culture taking into consideration changes in the character and values of contemporary culture, the capacity of its further development.

Ключевые слова: Социально-культурная сфера, маркетинг, культура и искусство, некоммерческий, коммерческий, учреждение.

Keywords: Socio-cultural sphere, marketing, culture and the arts, non-profit, commercial, institution.

Вхождение сферы культуры в систему рыночных отношений, переход от дотационного бюджетного финансирования учреждений к финансированию программ, к конкуренции за бюджетные средства и широкому привлечению внебюджетных средств заставляют работников этой сферы переоценить смыслообразующий фактор своей деятельности. Приходится налаживать качественно новые коммуникации с внешним окружением, обеспечить аккумуляцию средств, позволяющих содержать себя, осуществлять обновление и развитие на долгосрочную перспективу[1].

На основании вышеизложенного следует вывод, что новая парадигма управления социально-культурной деятельностью должна иметь инновационно-преобразующий, социально-направленный и, вместе с тем, предпринимательский характер. Реализация такого рода управления возможна при условии применения маркетинга как философии и технологии управления социально-экономическими процессами в условиях рыночной экономики.

Для современных организационных структур учреждений культуры Республики Бурятия огромное значение имеет служба маркетинга. С развитием рынка формируются условия для целенаправленной и комплексной маркетинговой деятельности. Эффективное применение его обусловлены развитием экономики, социально-культурных традиций общества.

Но, к сожалению, в сфере культуры и досуга маркетингу уделяется не то внимание, которого он заслуживает. Следует отметить, что в этой сфере используются пока отдельные приемы и методы маркетинговой работы.

Применение методов маркетинга в области культуры и искусства требует учета изменений характера и значения современной культуры, потенциала ее дальнейшего развития. Кроме того, учреждения культуры становятся более зависимыми от реального спроса на их услуги со стороны населения. Ведомство уже не гарантирует безбедное существование, а государство недостаточно богата, чтобы содержать клубы, театры, музеи, библиотеки, парки и т.д., словом структурные подразделения культурной сферы[4].

Многие учреждения откликнулись на требования времени весьма односторонне: сократили объемы клубной деятельности для широких групп населения, расширив коммерческие услуги для ограниченного платежеспособного клубного контингента. Кроме того, отмечается, что в связи с муниципализацией учреждений культуры некоторые государственные органы культуры ослабили внимание к деятельности этих предприятий.

Хотя общая государственная стратегия в сфере культуры должна заключаться в расширении деятельности учреждений в первую очередь в социальной сфере, так как они являются, прежде всего, социальными учреждениями. Это означает, что их работа должна решать социальные проблемы в регионе, предлагая новые модели образа жизни.

Легче всего в данной сфере решается проблема относительно коммерческого сектора, шоу-бизнеса, видео-бизнеса, аттракционов, игровых автоматов, проката и т.д. В этом случае услуги оплачиваются непосредственно из кармана потребителей этих услуг. Платежеспособный спрос самого потребителя выступает регулятором объема и качества продукции. Тем самым маркетинговые технологии и стратегии естественны для программирования организации и реализации продукции этого направления. Первые отечественные попытки осмысления возможностей и перспектив маркетинга в культуре начались именно применительно к платным услугам.

По мере развития теории и практики маркетинга все более отчетливо проявляется не только коммерческий, но и социальный некоммерческий характер деятельности.

Размышляя о маркетинге в социально-культурной сфере, мы имеем в виду различные стороны их функционирования, и не только чисто коммерческую деятельность. Не случайно, многие зарубежные публикации по данной проблеме уточняют, что речь идет о "non-profit" - неприбыльном маркетинге.

Сфера культуры традиционно большей частью является сферой некоммерческой. Прежде всего, это проявляется в том, что основными источниками ее финансирования являются средства государственного бюджета, общественных организаций, различных фондов, а также спонсоров (государственных, акционерных и частных предприятий, фирм, частных лиц). В этом случае потребитель и платежеспособный источник спроса не совпадают. Поэтому учреждения культуры, работающие в системе бюджетного финансирования, также как коммерческие структуры, ищут свой путь перехода на маркетинговые ориентиры.

Некоммерческим сферам культуры, применяющим концепцию маркетинга, необходимо учитывать ряд особенностей. Во-первых, в коммерческом маркетинге основная цель - прибыль. В отличие от него в некоммерческом маркетинге основной целью является реализация социально-культур-

ной программы, которая требует привлечения средств спонсоров, меценатов, общественных организаций. Цели являются более сложными, так как результат деятельности учреждений не может измеряться с чисто финансовых позиций. Экономический эффект имеет вспомогательное значение. Во-вторых, социальная функция является ведущей в деятельности культурного учреждения. Здесь некоммерческий маркетинг помогает усилить гуманистическое начало, реализовать принцип ориентации на обслуживаемое население, с такими сегментами, как дети, подростки и малоимущие категории населения. В-третьих, продвижение товаров и услуг социокультурной сферы тесно связаны с общественным значением программ, и во многом зависит от государственной политики, общественного мнения. Это обуславливает необходимость более широкого сотрудничества учреждений культуры со средствами массовой информации, использования методов "Паблик рилейшнз"[2].

Достоинством некоммерческой организации является гибкость и пластичность их функциональной структуры. В тоже время маркетинг некоммерческих организаций сочетает в себе как традиционно коммерческую, так и некоммерческую деятельность с доминирующей ролью последней, что не означает отказа от основных компонентов маркетинга. Многие услуги одинаково выгодны учреждениям культуры. Есть высокодоходные аттракционы, игровые автоматы, видеопоказ и т.д. Есть почти некупаемые, но одни могут существовать за счет других. Сумма выручки от популярных услуг значительно пополнит фонд, необходимый для занятий в любой студии, а детская художественная студия при зрелищных учреждениях позволит расширить круг посетителей.

Учреждение культуры выживает лишь тогда, когда она ориентирована на интересы людей, на пользу им и на прибыль. Становится очевидным, что коммерция не всегда является врагом искусства, она может стать мощной опорой в укреплении материально-технической базы культуры.

Базовым понятием маркетинга являются человеческие потребности, подкрепленные платежеспособностью потребителей (или средствами спонсоров, меценатов), составляют одну из главных задач маркетинговой деятельности. Маркетинг как аналитический способ мышления дает возможность прогнозировать и проектировать приоритетные направления социально-культурной деятельности, в том числе с учетом отраслевых, региональных и национальных особенностей. В этой связи следует подчеркнуть роль маркетинга в формировании характеристики регионального компонента. Именно сегментация рынка ориентируется на региональные структуры: экономико-географическую и социально-демографическую.

Обслуживание населения дает обоснованное выделение территориальных интересов социальных групп и отдельных индивидов. Это позволяет организаторам социально-культурной деятельности определить социально-

значимые и общественно необходимые задачи, тем самым концептуально обосновать разработку социально-культурных программ, что в конечном итоге значительно повысит их целесообразность и практическую результативность[3]. Поэтому учреждения культуры с маркетинговой ориентацией управления могут иметь более высокую адаптацию к условиям окружающей среды, прежде всего к требованиям и запросам потребителей и постоянно изменяющимся рыночным условиям, активно воздействовать на них.

Для того чтобы реально использовать маркетинг как надежный инструмент достижения успеха на рынке, руководителям и специалистам учреждений необходимо овладеть его методологией и умением творчески применять ее в зависимости от конкретной ситуации.

В наше время внедрение маркетингового подхода в практику работы культурно-досуговых учреждений затруднено отсутствием четко разработанного теоретического материала, методики его внедрения. Это и вызвало проработки новых подходов в одной из важнейших областей жизнедеятельности общества – культуре.

Литература

1. Зорькин В. Стандарт справедливости// Российская газета от 8 июня 2007 г.
2. Волконский В.А. Институциональные проблемы российских реформ. М.: Диалог - МГУ. 2005. С.12.
3. Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. М.: Гелиос АРВ, 2003. С. 28-30
4. Хазагаева И.Ц. Маркетинг в сфере культуры. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. С. 9.

УДК 330.1

Т.А. Корсун

КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

CONCEPT OF HAPPINESS IN MODERN ECONOMICS

В статье рассказывается о концепции счастья в современной экономической теории. Показана взаимосвязь счастья и уровня благосостояния человека. Рассмотрены основные подходы экономической теории положенные в основу изучения экономики счастья.

The article touches upon the concept of happiness in modern economic theory. The relationship of happiness and well-being of a person is shown. The main approaches of the economic theory underlying the study of economics of happiness are considered.

Ключевые слова: счастье, благосостояние, Парадокс Истерлина, качество жизни, уровень жизни, экономические потребности, экономическое благо.

Keywords: happiness, well-being, Easterlin paradox, quality of life, standard of living, economic needs, economic benefit.

Над моральными и духовными аспектами человеческого счастья задумывались во все эпохи. Что же касается материальных факторов, то их влияние начали изучать относительно недавно - с середины прошлого века. Ученые экономисты стали исследовать взаимосвязь между благосостоянием и счастьем. Экономика счастья основывается на принципе потребления и на теории человеческих потребностей.

Исходя из анализа содержания категории «счастье» во всем многообразии представлений о счастье и удовлетворенности жизнью, можно выделить две основные позиции. Согласно первой концепции счастье состоит в материальном благополучии, которое дает возможность жить в соответствии с человеческой природой, удовлетворять свои желания; согласно - второй материальное благополучие не является главным в достижении счастья, поскольку это внутреннее состояние, которое достигается обретением духовности. Экономическая наука согласуется в большей степени как раз с первой позицией о счастье (рис. 1).

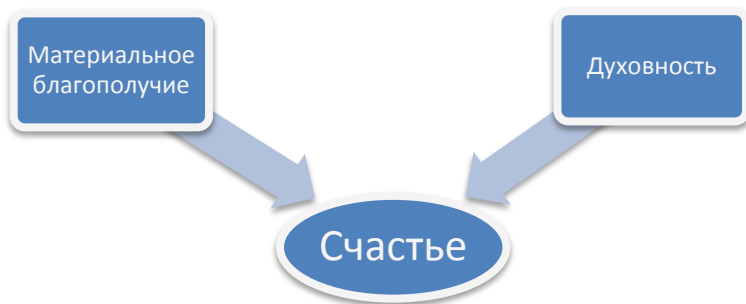

Рис.1. Концепции понимания счастья

Европейская цивилизация признает факт эгоистического стремления человека отстаивать собственные интересы, заботиться о собственном благо. Признается также положительная роль стремления к славе, богатству и власти, которые служат общественной пользе, поскольку пробуждают активность и способствуют достижению великих целей. Формируется представление о человеке как разумном эгоисте, который стремится к собствен-

ной выгоде. Когда у человека преобладает экономический способ мышления, то он считает смыслом своей —«частливой жизни» успех, измеряемый размером капитала.

Для того чтобы подтвердить взаимосвязь между благосостоянием и счастьем экономистам требуются не общеизвестные истины, а конкретные цифры.

В 1974 году профессор экономики Университета штата Южная Каролина Ричард Истерлин на примере Японии впервые доказал, что рост внутреннего валового продукта (ВВП), хотя и имеет непосредственное влияние на —«коэффициент счастья» граждан, но одновременно - ограничен.

После Второй мировой войны, когда в стране началось —экономическое чудо», японцы ежегодно чувствовали себя все счастливее. Однако как только доход на душу населения достиг относительно высокого уровня, ему уже так не радовались. Эту тенденцию американский ученый наблюдал и в 19-ти других странах, причем с отличными культурными традициями. Это исследование получило название —«Парадокс Истерлина» [2] и стало отправной точкой в исследованиях экономических аспектов счастья.

Швейцарский экономист профессор Бруно Фрей также был одним из первых ученых, решивших рассматривать понятие —«счастье» в экономическом контексте. Исследовав взаимосвязь между благосостоянием и человеческим счастьем, он подтверждает: —«Те, кто больше зарабатывают, более счастливые».

Прямую взаимосвязь между ростом материального благосостояния и счастливым самоощущением он обнаруживает и на международном уровне: —«Когда мы сравниваем бедные государства с теми, где средние доходы выше, то четко видим: в более богатых странах люди более счастливые».

Говоря о счастье, Бруно Фрей и его коллеги имеют в виду субъективные ощущения, измеряемые при помощи специальной методики. Респондентам предлагают по десятибалльной шкале оценить, насколько они довольны своей жизнью. На результатах такого опроса сказываются различные факторы: и генетические особенности конкретного человека, и состояние его здоровья, и его социальные связи - наличие друзей и семьи.

Если рассматривать только влияние денег, то выясняется, что оно в значительной мере зависит от достигнутого уровня благосостояния. Так, человек с очень низким уровнем достатка, сумевший удвоить свои доходы, будет чувствовать себя намного счастливее богача, добившегося точно такого же результата, отмечает Бруно Фрей. То есть, тот, у кого уже много денег, от их дальнейшего умножения счастливее не становится.

Б. Фрей утверждал: —«Экономика нужна не для того, чтобы производить всевозможные товары и любой ценой увеличивать валовой националь-

ный продукт. Это не должно быть самоцелью. Цель экономической деятельности - делать людей счастливее ...” [1].

Качественная оценка «счастья» является относительно новым направлением экономических исследований. Только в последние годы стали появляться труды, исследующие «благосостояние», которые понимали его как «качество жизни» и представляли фактически новую традицию исследования в экономике. Это изменение перспективы было вдохновлено быстро растущим меньшинством населения, теми, кто не удовлетворен вечно растущим «стандартом жизни», вместо которого они разыскивают «качество жизни» или «благосостояние». Понятие благосостояния напрямую связано с ростом производства и потреблением.

Американский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт отмечал заданность обществом определенного уровня жизни для счастья отдельного человека и общества в целом. В широком смысле благополучие и счастье представляют огромную дань социальным условиям, под воздействием которых находятся люди. Главный принцип современной жизни общества, занимающий центральное положение в экономической теории и подкрепляемый рекламой и искусством коммерции, состоит в том, что счастье есть функция поступления потребительских товаров и услуг.

Свои потребности человек удовлетворяет посредством товаров и услуг. Именно таким образом Человек хочет приблизиться к состоянию счастья. В экономике такая способность товара или услуги удовлетворить потребность называется потребительским благом.

Основой экономической теории является безграничность человеческих потребностей и ограниченность экономических ресурсов. Как известно, экономика как наука изучает, каким образом общество с ограниченными, дефицитными ресурсами решает, что, как и для кого производить. Она «следует проблемы эффективного использования ограниченных производственных ресурсов или управления ими с целью достижения максимального удовлетворения материальных потребностей человека»[4]. С позиции человеческого счастья – это возможность человека быть удовлетворенным собственной жизнью.

Потребность - одна из фундаментальных категорий экономики, характеризующей состояние неудовлетворенности. Стремление человека к удовлетворению потребностей - естественное и закономерное. Потребности стимулируют людей к действию, экономической активности на пути к своему счастью.

У каждого человека свое понимание счастья и соответственно свой собственный набор потребностей, в том числе материальных составляющий его счастье.

Материальные потребности можно назвать экономическими потребностями. Они выражаются в том, что человек хочет различных экономических благ. В свою очередь, экономические блага - это материальные и нематериальные предметы или свойства этих предметов, способные удовлетворять экономические потребности человека. Таким образом, экономические потребности - одна из основополагающих категорий в экономической теории и в экономике счастья.

Человек устроен так, что его экономические потребности обычно превышают возможности производства благ. В этом случае экономисты говорят о законе возвышения потребностей, который означает, что потребности растут быстрее производства благ. Это происходит потому, что по мере удовлетворения одних потребностей у человека тут же возникают другие. Если рост экономических потребностей постоянно обгоняет производство экономических благ, то эти потребности до конца неутолимы, безграничны.

Любым благам - и экономическим, и неэкономическим, - если они выступают объектом производительного или индивидуального потребления людей, свойственна полезность. Например, такие естественные и ценнейшие жизненные блага, как атмосферный воздух, пресная вода в открытых водоемах, соленая вода в морях и океанах, принято считать неограниченными и преимущественно свободными для общего пользования людей. Именно в силу их неограниченности и общей доступности подобные блага не являются экономическими. Экономические блага - это ограниченные блага, которые становятся пригодными к потреблению лишь вследствие их предварительной технологической обработки для придания им таких потребительских свойств, которые удовлетворяли бы потребностям человека.

По этой причине любые экономические блага не могут быть бесплатными и не могут предоставляться в производственное и индивидуальное пользование человека безвозмездно, свободно, общедоступно.

Экономические блага - это ресурсы земли, капитала, труда и произведенные с их помощью потребительские блага индивидуального назначения (пища, одежда, жилище, автомобили, средства бытового обихода, информация, услуги.). Приобретение человеком любого экономического блага требует ответа на множество вопросов, решение которых не всегда содержит только лишь экономические подходы, оценки и критерии.

Социально-экономический прогресс общества проявляется в постоянном количественном и качественном росте потребностей, их изменении, как во времени, так и в пространстве. Потребности пребывают в состоянии постоянного преобразования и совершенствования. Все это свидетельствует о том, что и понятие человеческого счастья изменяется и наполняется новым смыслом. В экономике это находит отражение в действии закона возвышения потребностей.

Понятие полезности впервые было использовано английским философом Джереми Бентамом в начале XIX века при изучении основ социального законодательства. При этом не только различные блага и услуги, но даже их части для отдельного человека, а также одинаковые количества одного и того же блага для разных потребителей, имеют разную полезность. Эти законы характеризуют не только рост потребностей, но и изменение их структуры.

В экономической теории предполагается, что человек - потребитель блага определяет степень полезности от потребления блага, а зная полезность разных благ, он может сделать выбор из различных благ. Этот выбор благ должен быть наилучшим с его точки зрения, то есть приносить ему наибольшую полезность, наибольшую степень удовлетворения и соответственно большее счастье.

Потребляя разные количества одного и того же блага, человек замечает, что чем больше благ потребляется, тем меньшее удовлетворение он получает от потребления дополнительной единицы данного блага – желаемого товара или услуги. В экономике данная закономерность получила название закона убывающей предельной полезности. Таким образом «количество» счастья у человека уменьшается, и он чувствует себя несчастным.

Закон убывающей предельной полезности предполагает зависимость между увеличением количества потребляемого блага и дополнительной полезностью дополнительной единицы этого блага. С увеличением количества потребляемых благ общая величина полезности благ (совокупная) увеличивается, но в меньшей степени, так как каждая дополнительная единица блага добавляет уменьшающуюся величину полезности.

Закон убывающей предельной полезности состоит в том, что с увеличением количества потребляемого блага предельная полезность блага уменьшается.

Принципом убывающей предельной полезности руководствуется потребитель, выбирая такой потребительский набор, который приносит ему наибольшую полезность при данной цене блага и при данном доходе потребителя.

Таким образом, выбирая экономические блага для потребления, человек руководствуется своими предпочтениями.

Поведение потребителя является рациональным, он выдвигает определенные цели и руководствуется личным интересом. Как было отмечено ранее, действует в рамках разумного эгоизма.

Каждый человек стремится максимизировать совокупную полезность, другими словами, стремится выбрать такой набор благ, который приносит ему наибольшую общую величину полезности.

На выбор потребителя и его субъективные оценки полезности покупаемых благ влияет закон убывающей предельной полезности.

При выборе благ возможности потребителя ограничены ценами благ и его доходом - бюджетным ограничением.

Модель поведения человека, как потребителя экономических благ представляет собой связанные между собой общие принципы поведения потребителя на рынке, включающие в себя, прежде всего, максимизацию совокупной полезности, закон убывающей предельной полезности и бюджетное ограничение.

В основе потребительского выбора покупателя лежат его предпочтения. При этом предполагается, что этот выбор представляет собой лучшую комбинацию благ из всех возможных комбинаций. Лучшую в том смысле, что этот потребительский набор приносит человеку наибольшую полезность.

В обществе большинство его членов испытывает потребности в первую очередь в продуктах первой необходимости (согласно теории потребностей А.Маслоу). Это потребности в пище, одежде, жилье, простейших услугах. Однако еще в XIX веке прусский статистик Эрнест Энгель доказал, что существует прямая связь между типом покупаемых товаров и услуг и уровнем дохода потребителей. Согласно его утверждениям, подтвержденным практикой, с увеличением абсолютного размера дохода доля, расходуемая на товары и услуги первой необходимости, уменьшается, а доля расходов на менее необходимые продукты увеличивается. Самая первая потребность, это потребность в пище. Поэтому закон Энгеля находит выражение в том, что с ростом доходов уменьшается их доля, идущая на покупку продовольствия, и увеличивается та часть доходов, которая расходуется на приобретение других товаров (услуг), не являющихся продуктами первой необходимости.

Таким образом, если рост экономических потребностей постоянно обгоняет производство экономических благ, то эти потребности до конца неутолимы, безграничны. Из этого следует, что счастье либо краткосрочно, в момент удовлетворения очередных потребностей, путем приобретения очередного товара или услуги, либо недостижимо, так как возникают новые потребности.

Наряду с научными работами, в которых утверждается, что уровень счастья в стране напрямую зависит от состояния экономики, что общества со свободной экономикой одновременно являются и самыми счастливыми, существуют исследования, в которых делаются противоположные выводы.

Так например, В. Федотова говорит о том, что Западу свойственно состояние апатии, которое возникает от пресыщенности. Желать становится нечего. Для человека созданы все условия - в соответствии с американской

–Декларацией независимости”. Есть право на жизнь, на свободу и стремление к счастью. А самого счастья нет [5].

Западные эксперты подсчитали, что в начале 21-го века, годовой доход в 15 тысяч долларов был той самой средней чертой, от которой пути материального и духовного начинают заметно расходиться.

Показатель человеческого счастья и благополучия играет важную роль в поисках социальной справедливости и гармоничного человеческого развития. Ученые во всем мире исследуют человеческое счастье, и, несмотря на различие методов, они приходят к общим результатам. Одним из наиболее общих выводов является то, что финансовое благополучие является важным, но далеко не единственным фактором, определяющим человеческое счастье. За порогом определенной суммы годового дохода, счастье является функцией от нематериальных факторов. Поддержка семьи, друзей и общества, жизненная роль и основные свободы имеют гораздо большее значение на всех стадиях дохода за пределами этого денежного диапазона (рис. 2).

Рис.2. Основные факторы человеческого счастья

Семья (семейное положение) - Различие в семейном положении приводит к огромным различиям в счастье. Люди, как правило, становятся счастливее, когда вступают в брак, это справедливо как для мужчин, так и для женщин.

Работа - человек может быть нужным семье, однако большинству людей требуется нечто большее - чувствовать, что он вносит вклад в социум, общество. Работа дает человеку не только доход, но и дополнительный смысл жизни. Вот почему безработица является такой катастрофой: она со-

кращает доход, а также напрямую уменьшает счастье, разрушая самоуважение и социальные связи, создаваемые в процессе работы. Когда люди теряют работу, их счастье уменьшается не столько вследствие потери дохода, сколько из-за потери работы как таковой. Экономисты почти всегда игнорируют это явление, а некоторые даже утверждают, что дополнительный досуг должен быть благом для безработного.

Друзья и общество – фактор подразумевает наличие у человека друзей и доверительных отношений с ними. Насколько люди чувствуют себя в безопасности в таком окружении. Ученые называют качество общества «социальным капиталом».

Здоровье – человеку свойственно беспокоиться о собственном здоровье, однако оно никогда не оказывается среди ведущих факторов, определяющих счастье. Здоровые члены общества обычно переоценивают потерю счастья, которую люди в действительности испытывают из-за многих существующих медицинских состояний. При этом люди никогда не смогут адаптироваться к хронической боли или к психическим заболеваниям – к тем чувствам, которые возникают у них внутри, а не являются ограничением их внешней активности.

Личная свобода - из всех социальных зол больше всего несчастий может принести война. Страх и личные потери, которые она приносит, не поддаются измерению. В прошлом столетии войны унесли жизни свыше 100 миллионов человек. Это не сделало население Земли более счастливым. На современном этапе жители Западных стран, воспринимают как должное два фактора, которые отсутствуют в половине стран мира, – личную свободу и мир.

Личные ценности (жизненная философия) - человеческое счастье зависит от внутренней сущности и философии жизни каждого человека. Люди счастливее, если они способны ценить то, что они имеют в жизни, что бы это ни было; если они не всегда сравнивают себя с другими; и если они могут держать под контролем свои собственные настроения[3].

Всемирный экономический кризис не приостановил технический прогресс человечества. Поиск новых технократических решений происходит с невероятной скоростью. Все страны осуществляют этот поиск и продолжают считать уровень ВВП на душу населения. Однако на современном этапе общественного развития политики и экономисты задаются вопросом, является ли богатство адекватной мерой измерения благосостояния. Человеку все труднее чувствовать себя счастливым в век глобализации и экономических потрясений.

Уровень жизни - главная цель макроэкономической политики, ради достижения которой и осуществляется экономическое развитие страны. Согласно общепринятой экономической политике, экономический рост в рам-

ках национального народного хозяйства должен приводить к тому, что граждане страны живут лучше.

Таким образом, материальные потребности являются составляющей человеческого счастья, что и является предметной областью — «счастья» как экономической категории. Человек может либо удовлетворять, либо подавлять потребности, если отсутствуют условия для их реализации. В некоторых случаях одни потребности заменяются другими.

Исходя из базового принципа экономической теории - безграничность человеческих потребностей и ограниченность экономических ресурсов - следует, что человеческое счастье в части материальных факторов либо для всех, но ограничено, либо доступно только ограниченному числу людей.

Потребность человека в экономических благах и его стремление к счастью взаимосвязаны и взаимообусловлены. Процесс достижения человеком счастья можно описать базовыми законами и моделями экономической теории. Это позволяет сделать вывод о том, что счастье является экономической категорией.

Литература

1. Беккер А., А.Гурков. Одним лишь ростом ВВП людей не осчастливишь. <http://www.dw.de/>
2. ВВП, —парадокс Истерлина» и гены счастья. Интернет – газета Послезавтра от 04.11.2011г. <http://poslezavtra.com/>
3. Лэйард Р. «Счастье. Уроки новой науки». Издательство: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. ISBN: 978-5-93255-333-6. - 2012 г. - 414 с.
4. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс / Пер. с англ. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 18.
5. Мишутина Е. А. Социально-философский анализ феномена счастья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Новочеркасск – 2009.

УДК 65:339.1

И.В. Жигжитова

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ.

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим аспектам понятию и сущности конкурентоспособности, конкурентоспособности предприятия и его оценке. В статье рассматриваются различные подходы

авторов к трактовке понятий «конкурентоспособность», «конкурентоспособность предприятия».

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентоспособность предприятия, оценка конкурентоспособности предприятия, субъект и объект конкуренции.

Assessment of competitiveness: concept and methodology.

Abstract. This article is devoted to theoretical aspects of the concept and essence of competitiveness, the competitiveness of the enterprise and its evaluation. The article discusses various authors' approaches to the interpretation of the concepts of "competitiveness, "competitiveness".

Key words: competitiveness, competitiveness, competitiveness of enterprises, the subject and the object of competition.

Важнейшим условием успеха предприятия в конкурентной борьбе является наличие у него конкурентоспособности. Это свойство присуще различным субъектам рыночной экономики – странам, фирмам, индивидуумам, а также товарам. Для того, чтобы раскрыть понятие конкурентоспособности предприятия (фирмы), необходимо рассмотреть различные подходы к понятию «конкурентоспособность».

С.И. Ожегов термин «конкурентоспособность» трактует, как «способность выдерживать конкуренцию, противостоять конкурентам» [1]. В Большой экономической энциклопедии конкурентоспособность рассматривается как свойство объекта, характеризующее степень удовлетворения конкретной потребности по сравнению с лучшими аналогичными объектами [2]. С этой точки зрения конкурентоспособность можно рассматривать в качестве свойства объекта, которое на практике или может быть реализовано, или нет. В экономической литературе это понятие часто рассматривается, как мера способности выдерживать конкуренцию в сравнении с аналогичными объектами на данном рынке.

М. Портер полагает, что не существует общепринятого определения конкурентоспособности. Для фирм конкурентоспособность означает возможность конкурировать на мировом рынке, для конгрессменов конкурентоспособность - положительный внешнеторговый баланс, для некоторых экономистов конкурентоспособность - низкие производственные затраты на единицу продукции [3].

В отечественной литературе конкурентоспособность трактуется в основном как возможность противостоять, конкурировать на рынке. Многие исследователи дают определение конкурентоспособности как некоего

свойства, присущего или отсутствующего у того или иного экономического субъекта (объекта).

Так, Р.А. Фатхутдинов предлагает использовать термин «стратегическая конкурентоспособность», понимаемый как потенциальную способность объекта или субъекта управления конкурировать в будущем на конкретных рынках. Конкурентоспособность должна распространяться на все основные объекты рынка (укрупненно — это персонал, товар, организация, отрасль, регион, страна) [4].

По мнению И.М. Богомоловой, понятие «конкурентоспособность» обозначает «быть способным к конкуренции». Она выделила особенности конкурентоспособности: во-первых, наличие собственного мотива к деятельности, ожидание положительных для себя результатов; во-вторых, наличие необходимых ресурсов для реализации деятельности; в-третьих, возможность и способность противостоять соперникам.

Обзор определений категории «конкурентоспособность» представлен в табл. 1.

Таблица 1.

Обзор основных определений категории «конкурентоспособность»

№ п/п	Автор (ы)	Определение
1.	Р.А. Фатхутдинов	- свойство объектов, характеризующее степень удовлетворения конкретной потребности по сравнению с лучшими аналогичными объектами, представленными на данном рынке [5]
2.	И.М. Богомолова	- состояние, характеризующее реальную или потенциальную возможность выполнения своих функциональных обязанностей в условиях возможного противодействия соперников [6]
3.	И.О. Миргородская	- возможность приспособиться к изменяющимся условиям с точки зрения удержания или улучшения позиций среди соперничающих [7]
4.	М.И. Гельвановский	- обладание свойствами, создающими преимущества для субъекта экономического соревнования [8]
5.	Н.И. Комков и А.В. Лазарев	- положение объекта относительно объектов-конкурентов на рынке, выраженная через определенные показатели (индикаторы) [9]

6.	В.Л. Семенова	- способность любого объекта своими характеристиками закономерно опережать параметры аналогичных объектов или объектов-заменителей по степени удовлетворения потребностей, установленных и предполагаемых, при условиях свободного и справедливого рынка [10]
7.	Л. С. Шеховцева	- способность выполнять свои функции (предназначение, миссию) с требуемым качеством и стойкостью в условиях конкурентного рынка [11]
8.	С.В. Казанцев	- способность экономического субъекта и/или товара сохранять или улучшать свои позиции в среде других экономических субъектов и/или товаров [12]

Такой же позиции придерживается И.О. Миргородская, которая считает, что конкурентоспособность можно рассматривать только в среде соперничества. По мнению Ю.В. Савельева, понятие конкурентоспособности обладает свойством относительности, т.е. конкурентоспособным объект или субъект может быть только по сравнению с каким-то другим объектом или субъектом, причем в течение дискретного отрезка времени [13].

Н.И. Комков и А.В. Лазарев считают, что конкурентоспособность объекта создает преимущества в экономическом соревновании на конкурентных рынках. Такой же позиции придерживается Л.С. Шеховцева, которая полагает, что конкурентоспособность может определяться в сравнении с другими аналогичными объектами, часто лучшими. Г.Б. Кочетков рассматривает конкурентоспособность с социальной позиции, которая способна создавать условия, при которых отдельные личности и компании могут быть наиболее производительными, когда заработная плата и доходы на вложенные капиталы позволяют обеспечивать наивысший уровень жизни [14].

На наш взгляд, наиболее точное определение конкурентоспособности дает С.В. Казанцев, понимающей под ней «способность экономического субъекта и/или товара сохранять или улучшать свои позиции в среде других экономических субъектов и/или товаров».

Конкурентоспособность – это та категория, которая может применяться к объекту и субъекту конкуренции. Если конкурентоспособность применяется в отношении объекта конкуренции,

например, к произведенному продукту (товару, услуге, работе), то она является его свойством, характеристикой. Таким образом, если конкурентоспособность применяется к субъекту конкуренции, то она выражается через его способность, умение быть конкурентоспособным.

В качестве субъекта конкурентоспособности выступает предприятие как самостоятельный субъект рыночной экономики. Рассмотрим различные подходы к определению понятия «конкурентоспособность предприятия», представленных в таблице 2.

Таблица 2.

Определения категории «конкурентоспособность предприятия» [15]

№ п/п	Автор (ы)	Определение
Определения, базирующиеся на внутренней и внешней деятельности фирмы		
1.	Баринов В.	- конкурентоспособность его элементов и их организованности для достижения цели
2.	Блинов А. О., Захаров В. Я.	- способность создавать такое превосходство над конкурентами, которое позволяет достичь поставленных целей
3.	Куприянова Т.	- борьба за ограниченный объем платежеспособного спроса, ведущаяся фирмой на доступных ей сегментах
4.	Яшин Н. С.	- возможность и динамика приспособления его к условиям рыночной конкуренции
5.	Завьялов П. С.	- возможность эффективной хозяйственной деятельности и ее практической прибыльной реализации в условиях конкурентного рынка
Определения, базирующиеся на товарной составляющей конкурентоспособности		
1.	Миронов М. Г.	- способность прибыльно производить и реализовывать продукцию по цене не выше и по качеству не хуже, чем у любых других контрагентов в своей рыночной нише
2.	ВасильеваЗ.А.	- способность удовлетворять потребности (решать проблемы) потребителей на основе производства товаров и услуг, превосходящих конкурентов по требуемому набору параметров
Определения, сочетающие товар и производственную деятельность субъекта		
1.	Донцова Л. В.	- способность предприятия противостоять на рынке другим изготовителям аналогичной продукции (услуги) как по степени удовлетворения своими товарами конкретной

		общественной потребности, так и по эффективности производственной деятельности
2.	Сергеев И. В.	- способность предприятия производить конкурентоспособную продукцию за счет его умения эффективно использовать финансовый, производственный и трудовой потенциал
3.	Зайцев Н. Л.	- возможность производить на действующих производственных мощностях в соответствии запланированными технико-экономическими параметрами, обеспечивающими конкурентоспособность продукции

Таким образом, конкурентоспособность предприятия — это его способность успешно соперничать на рынке и получать относительно конкурентов экономические выгоды.

В настоящее время в России общепринятой методики оценки конкурентоспособности организаций нет. Каждая организация оценивает свою конкурентную позицию по своей методике. Вместе с тем существуют общепринятые методы, которые могут быть использованы для оценки конкурентоспособности предприятия.

Оценка конкурентоспособности предприятия представляет собой сложную многофакторную задачу, которая сводится к выявлению наиболее значимых числовых показателей конкурентоспособности и их интегрированию. Действительно, любой объект – это не что иное, как набор показателей качества, при изменении которых происходят количественные и качественные изменения объекта.

Применяемый метод нахождения интегрального показателя конкурентоспособности должен соответствовать определенным требованиям.

Большинство методов оценки конкурентоспособности организаций основаны на применении различных коэффициентов для анализа производственной деятельности, финансового положения, эффективности инвестиций. Так, за основные показатели конкурентоспособности фирмы можно использовать:

- экономический потенциал и эффективность деятельности (активы, основной капитал, собственный и заемный капитал, объем продаж, доля на рынке, прибыль);
- уровень управления (формы организации и опыт функционирования элементов хозяйственного механизма с позиции нововведений и ответственности);

- производственный и сбытовой потенциалы, указывающие на возможность фирмы производить и реализовывать ту или иную продукцию в требуемых количествах в необходимые сроки (наличие сырьевой базы; производственные и сбытовые мощности; объем и направления капиталовложений, определяющих производственную политику);

- научно-исследовательский потенциал (организация и направление научных исследований, ежегодные расходы на НИОКР, число патентов на изобретения, область патентования, оценка возможности занятия фирмой монопольного положения в какой-либо области техники);

- финансовое положение (платежеспособность, кредитоспособность и условия кредитования, структура капитала – отношение собственного капитала к общей сумме активов);

- репутация фирмы, ее рыночная стратегия, инновационная деятельность;

- состояние и квалификация трудовых ресурсов. [16]

Оценка конкурентоспособности должна проводиться периодически, а не только при возникновении проблемной ситуации. Это обусловлено тем, что принятие превентивных мер на основе выявления сигналов о потенциальном ухудшении конкурентоспособности более эффективно, чем попытка повысить реальную низкую конкурентоспособность.

В современной научной и практической литературе по экономике, маркетингу и менеджменту можно найти разнообразные методики оценки конкурентоспособности предприятия. Ниже представлены наиболее распространенные методы оценки конкурентоспособности предприятия. Методы оценки конкурентоспособности показаны на рисунке 1.

Дифференциальный метод основывается на сопоставлении параметров анализируемого предприятия с параметрами предприятия – лидера.

Рисунок 1 – Методы оценки конкурентоспособности

Комплексный метод основывается на применении интегральных (групповых) показателей. Расчёт группового показателя производится по двум направлениям: расчёт показателя по техническим параметрам и расчёт показателя по экономическим параметрам.

Смешанный метод оценки конкурентоспособности позволяет выразить способность товара конкурировать в определённых условиях

рынка через комплексный количественный показатель – коэффициент конкурентоспособности.

Результаты исследования методов оценки конкурентоспособности позволили установить, что в настоящее время не существует и не может существовать единая методика оценки конкурентоспособности. Методик много, что вполне естественно, поскольку та или иная методика должна отражать специфику отрасли, бизнеса, продукта. Анализируя некоторые методы оценки конкурентоспособности, можно сделать вывод. Некоторые исследователи не отражают в своих методиках тот факт, что конкурентоспособность можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения покупателя и производителя.

1. Электронный словарь Ожегова [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http:// www.ozhegov.org/words/12956.shtml](http://www.ozhegov.org/words/12956.shtml)
2. Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 297.
3. Портер М. Международная конкуренция. – М.: Изд-во Международные отношения, 1993. – С.13.
4. Фатхутдинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации. Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Эксмо, 2005. – С.14.
5. Фатхутдинов Р. Стратегическая конкурентоспособность и экономика России//Общество и экономика. – 2003. - № 1. - С. 31-34.
6. Богомолова И.П., Хохлов Е.В. Анализ формирования категории конкурентоспособность как фактора рыночного превосходства экономических объектов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2005. - № 1. - С. 114.
7. Миргородская Е.О. Конкурентоспособность как интегральное свойство рыночной системы хозяйствования // Философия хозяйства. – 2005. - № 4/5. - С. 203.
8. Гельвановский М.И. Конкурентоспособность национальной экономики: проблемы статистического сопровождения // Вопросы статистики. – 2004. - № 7. – С. 3-15.
9. Комков Н.И., Лазарев А.В. Многоуровневая структура и подходы к оценке экономической категории «конкурентоспособность» // Проблемы прогнозирования. – 2007. - № 4. - С. 3-4.
10. Семенов В.Л. Организация процесса обеспечения качества регионального производства // Аудит и финансовый анализ. – 2008. - № 5. – С. 3.
11. Шеховцева Л.С. Конкурентоспособность региона: факторы и метод создания // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. - № 4. - С. 11.
12. Казанцев С.В. Потенциал экономики регионов России как

основа их внутренней конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. – 2004. - № 1. – С. 191.

13. Савельев Ю.В. Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2010. – С. 24.

14. Кочетков Г.Б. Конкурентоспособность США // США. КАНАДА. – 2007. - № 10. - С. 21-23.

15. Чиркова А. Н. Методические подходы к оценке конкурентоспособности предприятий машиностроительной отрасли [Текст] / А. Н. Чиркова // Молодой ученый. — 2013. — №7. — С. 260-263.

16. Фасхиев Х.А., Попова Е.В. Как измерить конкурентоспособность предприятия? // Маркетинг в России и зарубежом. – 2003. — №4. (режим доступа: <http://dis.ru/library/520/21910/>)

УДК 316.3.

Е.В. Бабакова

ВЛИЯНИЕ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИО-КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ

THE INFLUENCE OF THE PROBLEMS OF MONOTOWNS ON THE ECONOMIC, POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE POPULATION

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные проблемы моногородов и пути их решения. Приводится мировой опыт успешного решения данных проблем в развитых странах мира и возможность применения его к российской действительности. Представлены модели, которые можно использовать для диверсификации моногородов.

Annotation

This article deals with some problems of monotowns and the ways of their solutions. The global experience of successful solution of those problems in the advanced countries of the world and the possibility of its application to the Russian reality are considered. The models that can be used to diversify monotowns are presented.

Ключевые слова: моногорода, градообразующее предприятие, пути решения, экономика, политика, социо-культурная сфера.

Keywords: monotowns, city-forming enterprise, the ways of solution, economics, politics, socio-cultural sphere

В настоящее время поиск путей решения проблем моногородов является актуальным для государства. Данный процесс влияет на развитие экономической, политической и социо-культурной сфер жизни общества. Проводимая политика в отношении моногородов должна предполагать дифференцированный подход, учитывая их большое количество, разнообразие и огромную территорию нашей страны.

Специалисты в данной области уже много лет ищут и разрабатывают наиболее эффективные и менее затратные программы для диверсификации моногородов. Для этого следует лучше присмотреться к тому, что представляет из себя «моногород». Если мы обратимся к определению данного понятия в литературе, то обнаружим там словосочетание «монопрофильное муниципальное образование». Обычно монопрофильность рассматривается сквозь призму понятия градообразующего предприятия. Градообразующий комплекс, в свою очередь, представляет из себя одно или несколько предприятий одной отрасли или смежных отраслей, которые связаны единой технологической цепочкой, производящей в сумме не менее 50% валового продукта города, и на которой работает не менее 25% экономически активного населения города [1]. Градообразующее предприятие, в основном, обеспечивает условия жизнедеятельности в населенном пункте. Оно обеспечивает занятость, и вытекающий отсюда уровень доходов значительной части населения, принимает участие в строительстве, ремонте и содержании энергетики и транспорта, инженерной и социальной инфраструктур, а также в программе социальной помощи нуждающимся. Кроме того, неотъемлемым звеном экономики градообразующего предприятия является сфера жизнеобеспечения населения, за счет которой издержки увеличиваются, что отрицательным образом сказывается на конкурентоспособности выпускаемой продукции.

На сегодняшний день к монопрофильным муниципальным образованиям не относятся поселения, в которых в соответствии с региональным законом находится представительный орган региона России.

Тем не менее, в список моногородов включены все закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО).

Согласно мнению одного из экспертов, А.Соколова, статусу моногорода сейчас соответствуют лишь около 60 из 342 населенных пунктов, ранее входивших в список. За счет дополнений отраслевых ведомств окончательный список может расширяться до 80-100 наименований [2].

Ситуация на рынке труда моногородов также оказывает свой эффект и на политическую и социально-культурную устойчивость страны. Из-за

узости рынка труда кризисы градообразующих предприятий вызывают масштабную и долговременную локальную безработицу. Безработица в моногородах отрицательно влияет не только на данные населенные пункты, но и представляет из себя угрозу для политической и социально-культурной стабильности в масштабе всей страны. В момент кризисов моногорода представляют из себя очаги социального взрыва, который может проявляться в акциях протеста, в недовольстве местной и федеральной властью, а также в недоверии к социальным и политическим институтам страны. В конечном итоге неблагоприятная ситуация может «сыграть на руку» радикальным политическим силам.

Также необходимо обратить внимание на важную роль градообразующих предприятий, их высокую социально-экономическую и социо-культурную ответственность. Такие предприятия обеспечивают занятость населения, являются источником доходов большинства семей, держат на своем балансе объекты социо-культурной сферы, ЖКХ, а также формируют бюджет города.

Социально-экономическая и социо-культурная среда моногородов образуется непосредственно градообразующими предприятиями, уровни развития которых оказывают большое влияние на благосостояние и духовное развитие населения. В итоге стратегия развития моногородов и региона в целом во многом зависит от деятельности градообразующих предприятий.

Проблема моногородов в корне является проблемой крупных и крупнейших предприятий, которые по разным причинам потеряли значительную часть спроса. Здесь, на самом деле, не имеет значения в маленьком или большом городе расположено предприятие. Это влияет лишь на срочность принимаемых мер и остроту проблемы. Соответствующие меры и решения должны приниматься как в больших городах, так и в небольших населенных пунктах, которые даже не всегда имеют статус города.

Мировой опыт в решении проблем моногородов дал следующие пути решения проблемы. Первый (американский), идея которого заключается в переезде жителей в другие места, где для них есть работа. Второй путь (европейский), который включает в себя государственные и региональные программы санации территории. Они предполагают проекты развития инфраструктуры, а также обучение занятого населения в старых отраслях новым профессиям.

В России достаточно сложно применить зарубежный опыт в силу большего количества моногородов.

Что касается первого пути решения, американского, где работники переселяются в места, где они смогут найти работу, то это рыночный механизм решения проблемы. На сегодняшний день одно из агентств по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов открыло новую линию ипотеч-

ных программ под названием «Переезд». В первую очередь данная программа ориентирована на жителей моногородов, которые потеряли работу и хотят найти ее в других регионах. Государство готово направить 10 млрд. руб. в качестве бюджетных кредитов по линии Минфина и еще 10 млрд. – через Внешэкономбанк [3]. Тем не менее, с учетом даже этих средств, не все работники градообразующих предприятий смогут найти работу в других регионах. Данный вариант сложен в применении, поскольку отсутствует свободный рынок труда и существует нехватка жилья. Огромная территория России стала следствием низкой мобильности рабочей силы. К тому же в промышленных центрах проживает много людей пожилого возраста, что еще больше затормаживает процесс переезда, либо вообще его исключает.

Что же касается второго пути решения, европейского, то в нашем случае он требует дифференцированного подхода в отношении каждого моногорода, с учетом его специфики.

Как показывают последние исследования в данной области, в инфраструктурных отраслях механизмы стимулирования инвестиционной активности дают пробуксовку, следствием чего становится рост степени износа основных производственных фондов и в образовании, и в здравоохранении, и в оказании коммунальных услуг, кроме того высокий износ ОПФ в сфере транспорта и связи [4].

Данные Всемирного банка показывают, что Россия для поддержания и развития инфраструктуры должна ежегодно тратить более 12% ВВП (36 млрд. долл.) [5].

Таким образом, спады в деятельности промышленных градообразующих структур привели к экономическим, политическим, социально-культурным проблемам моногородов. Исследование о нынешнем состоянии промышленных градообразующих структур моногородов и их особенностей, которое было сделано в процессе НИР Финансовым университетом по заказу Правительства РФ [6], предоставило базис для следующего вывода: градообразующие промышленные структуры монопрофильных городов преимущественно со слабым финансовым состоянием на практике не имеют возможности кардинально изменить свое положение самостоятельно, опираясь только на внутренние ресурсы [7].

Для России, среди эффективных методов решения проблемы моногородов, можно выделить два основных. Первый заключается в масштабной поддержке государства, а второй связан с эволюцией функций города.

Суть первого метода в том, что на месте неработающего предприятия будет развергиваться новый бизнес за счет целевой поддержки государства в виде налоговых льгот, а также разного рода других мер и поощрений для привлечения частных инвесторов на данную территорию.

Второй путь решения предполагает изменение основной функции города. Если предприятие закрывается, оно теряет свою производственную функцию, но остается быть центром сельской местности.

Кроме того, можно применить западную идею – «креативные индустрии», которая является одним из направлений диверсификации. Идея заключается в том, что предлагается такой способ стимулирования: привлечение инвесторов через создание имиджа города, при реализации которого также будет необходима поддержка государства. Как, например, Венеция, которая прославилась своими каналами и карнавалами или Амстердам – тюльпанами [8].

Проблемы моногородов требуют длительного и тщательного рассмотрения и решения со стороны государства. В решении данного вопроса большую роль играет мнение самих жителей, среди которых в идеале нужно было бы проводить мониторинг общественного мнения, поскольку проблемы моногородов непосредственным образом затрагивают судьбы каждого из них. Результаты проведенных мониторингов будут полезны для государства, поскольку можно будет увидеть не только внешнюю сторону проблемы, но и внутреннюю. С помощью таких мониторингов можно понять настрой жителей – есть ли базис для создания частного бизнеса, креативные идеи, будут ли эффективны вливание инвестиций в данный регион.

Многие годы исследований доказали, что, несмотря на большое количество предложенных вариантов решения проблемы моногородов, их реформирование проходит по одному принципу. Необходима диверсификация экономики с отказом от понятия «моно». Эффективным будет создание новых предприятий, новых рабочих мест, которые будут не привязаны к профилю деятельности, существующего на основном градообразующем предприятии.

Кроме того, на градообразующем предприятии целесообразно провести преобразования для увеличения производительности, а также создания дополнительных рабочих мест, в случае конкурентоспособности продукции.

Таким образом, для решения проблем моногородов, необходимо провести ряд мероприятий в экономической и социо-культурной сфере.

В экономической сфере необходимо создание инновационных производств, повышение конкурентоспособности, увеличение темпов экономического роста, увеличение налоговых поступлений в бюджет. Кроме того, диверсификация экономики может быть произведена за счет создания бизнес инкубаторов, выделения грантов на открытие бизнеса, развитие франшизы, предоставление льготной аренды, гарантированный госзаказ, привлечение инвестиций, создание промышленных парков, создание особых экономических зон регионального уровня и т.д.

В социальной сфере требуется снижение социальной напряженности, создание новых рабочих мест, накопление человеческого капитала и повышение мобильности населения, увеличение бюджетных расходов на социальные нужды, рост качества жизни и т.д.

Реализацию самих проектов необходимо осуществлять за счет федеральных средств, а также за счет собственных и привлеченных ресурсов регионов, частных инвестиций.

На сегодняшний день одна из крупнейших российских диверсифицированных промышленных групп, под названием «Базовый Элемент», провела крупное исследование в поисках новых моделей функционирования моногородов России, что представляет из себя первый опыт системного изучения проблемы моногородов в нашей стране. Исследование включило 18 моно-и малых городов России, а также большую программу полевых работ - более 300 глубинных интервью. По итогам данного исследования были разработаны новые модели, включающие ряд мероприятий и механизмов развития и поддержки моногородов различных типов. Применение данных моделей с помощью эффективного использования средств государства поможет решить проблему моногородов в кратчайшие сроки, около 4-5 лет.

Итоги проведенного исследования показали, что моногорода России неоднородны, подразделяются на несколько типов исходя из перспектив градообразующего предприятия и потенциала экономики города. Из этого следует, что государственная политика в отношении моногородов должна базироваться на дифференцированном подходе к различным поселениям. Именно дифференцированная политика станет рычагом для эффективного применения государственных средств в решении проблем монопрофильных поселений за короткий период, как подмечалось выше.

Таким образом, решение проблемы лежит в дифференцированном подходе, учитывающим различие моногородов, а его инструментом является государственно-частное партнёрство. Поиск решений, методик и разработка программ должны основываться на дифференцированном подходе к проблемам каждого типа моногорода. Важным аспектом методологии является выбор метода анализа для каждого отдельно взятого моногорода, исследуя их специфику развития, градообразующее предприятие, особенности социокультурной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальная идея России, URL: <http://rusrand.ru/analytics/problemy-monogorodov>
2. <http://top.rbc.ru/economics/22/01/2014/900788.shtml>
3. <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/1208/>

4. Развитие моногородов России: монография / колл. авт. под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.

5. Infrastructure Financing options for Russia Baground paper on financing of municipal and communal services. World bank, 2005

6. Разработка эффективных форм государственной финансовой поддержки в целях предотвращения банкротства неплатежеспособных градообразующих организаций монопрофильных городов // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://old.fa.ru/science/nir.asp?year=2009&order=t&id=11071>.

7. С.Е. Кован, К.А. Березин. Моногорода с точки зрения системной организации экономики и ресурсной теории кризисов социально-экономических систем / С.Е. Кован, К.А. Березин // Эффективное антикризисное управление/ - 2012/ - N3. – С. 23-25.

8. <http://www.ecolife.ru/zhurnal/articles/1208/>)

УДК. 379.8.65.01.

Н.П. Федотова

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Аннотация: В статье рассматриваются формы хозяйствования в существующие на данный момент в экономике, и формы хозяйствования в социально-культурной сфере.

Abstract: This paper deals with the forms of management in modern economy in the socio-cultural sphere.

Ключевые слова: формы хозяйствования, государственная, частная, смешанная формы хозяйствования, собственность, некоммерческая форма хозяйствования.

Keywords: forms of business, public, private, mixed forms of business, property, non-profit management.

Экономическая и социально-культурная сфера в России пережила огромное количество различных изменений за последнее время. После ориентации государства на рыночные отношения, страна, являющаяся монополистом в социально-культурной сфере, стала быстро сдавать свои позиции. Коммерческие организации также были не способны заполнить пустоту, появившуюся в некоторых сегментах этой сферы, и во многих областях поя-

вился дефицит предложения услуг. При явном регрессе социально-культурной сферы России, в зарубежных странах прослеживалась устойчивая тенденция на повышение жизненного уровня, увеличения спектра услуг и улучшения социальной среды. Большую роль при этом, сыграли некоммерческие организации, обширно представленные в экономических системах развитых стран, и динамично развивающиеся в России.

Формы хозяйствования определяются установленным типом организационно-экономических отношений, оптимальным образом гарантирующих реализацию экономических интересов субъекта собственности. В России представлены государственной частной и смешанной формами хозяйствования или собственности.

Собственность не является естественным явлением. Ее возникновение связывают с определенным этапом развития общества. Собственность – результат распределения ресурсов в обществе [1/381 – 382].

Именно поэтому, собственность – это совокупность материальных и нематериальных благ (объектов), судьбу которых имеет право определять только их собственник (субъект). Право определять судьбу означает, что собственник может свободно владеть, пользоваться и распоряжаться объектами, находящимися в его собственности.

Одно из важнейших достижений теории прав собственности западные экономисты усматривают в том, что, в отличие ортодоксального подхода, она в явной форме признала существование альтернативных систем собственности и сделала их предметом сравнительного анализа. В западной литературе выделяется три основных правовых режима. В условиях системы частной собственности собственником является индивидуум, чье слово в решении вопросов об использовании ресурса общество признает окончательным.

Таким образом, отдельные индивидуумы находятся в привилегированных позициях в смысле доступа к тем или иным ресурсам: доступ открыт только собственнику или лицам, которым он передал или делегировал свои правомочия. При системе государственной (коллективной) собственности проблема решается введением правил, согласно которым доступ к редким ресурсам регулируется ссылками на коллективные интересы общества в целом. Это предполагает, во-первых, установление неких правил, определяющих, в чем же именно заключается коллективный интерес (блага общества), а во-вторых, разработку процедур, переводящих этот общий принцип в конкретные способы принятия решений по использованию каждого отдельного ресурса (т. е. решается ли это голосованием, делегированием прав профессиональным экспертам, единоличным распоряжением верховного правителя и т. д.). Никто в этих условиях не находится в привилегированном положении в том смысле, что как индивидуумы все исключены из доступа к

ресурсам, поскольку ничья ссылка на личный интерес не признается достаточной для их использования. Совладельцы государственной собственности не обладают единоличными исключительными, продаваемыми на рынке правами по использованию ресурсов.

При системе общей (коммунальной) собственности также никто не находится в привилегированной позиции, но здесь, наоборот, доступ открыт всем без исключения. Когда объем ресурсов ограничен, регулятором становится принцип «первым занял, первым воспользовался» [2. 326—333].

По мнению западных авторов, эти три системы собственности нигде не встречаются в чистом виде, во всех обществах они «перемешаны» в различных пропорциях. При этом на некоторые виды ресурсов во всех обществах распространяется одна и та же форма собственности. Так, практически везде предметы одежды находятся в индивидуальной собственности, городские парки -- в общей, оборона -- в государственной и т. д.

Кроме того, при системе частной собственности благодаря свободе и постоянному комбинированию частичных правомочий могут складываться формы, «имитирующие» государственную или коммунальную собственность (акционерная собственность, например).

Сравнительному анализу систем общей и частной собственности посвящена обширная эмпирическая литература [3].

Л. Де Алесси подчеркивает, что, поскольку совладельцы общей собственности лишены исключительных прав на получение плодов от инвестирования своего времени и средств в общий ресурс, у них практически нет стимулов к его консервации [3, с. 6].

Коммунальные пастбища, охотничьи угодья, леса, реки эксплуатируются более интенсивно и истощаются быстрее, чем частные.

Для общей собственности характерны многочисленные неценовые регламентации, служащие суррогатом тех самоограничений, которые были бы введены владельцами в условиях индивидуальной собственности (ограничения на размер плуга, величину ячеек в рыболовных сетях, установление охотничьих сезонов, запрет на отстрел животных до достижения ими определенного возраста и т. д.).

Вследствие такого рода регламентаций общая собственность оказывается технически взаимосвязана и переплетена с государственной, потому что обычно именно государство вводит эти ограничения и следит за их соблюдением.

Западные экономисты выделяют несколько важнейших отличий государственной собственности от частной с точки зрения структуры соответствующих пучков правомочий. Причем дело тут не в численности совладельцев: железнодорожная станция, которая «принадлежит» 1000 налогоплательщиков города, и корпорация, которой сообща владеют 1000 акционе-

ров, -- разные системы собственности с разными поведенческими последствиями.

1. Главный фактор -- неспособность совладельца государственной собственности продать или передать свою долю участия в ней. Более того, никто не может уклониться от обладания ею: «Владение государственной собственностью не добровольно; оно обязательно до тех пор, пока некто остается членом общества» [4]. Уклониться от совладения железнодорожной станцией можно, лишь переехав в другое место, тогда как держатель акции может продать ее, не покидая города.

2. Не менее важно отсутствие тесной корреляции между поведением индивидуальных совладельцев государственной собственности и результатами ее использования: «При государственной собственности издержки любого решения или выбора в меньшей степени ложатся на избирателя, чем на владельца в условиях частной собственности» [4,827].

Члены общества, следовательно, слабее заинтересованы в контроле за результатами использования государственной собственности.

3. В связи с этим у них меньше стимулов контролировать поведение наемных управляющих (бюрократов), которым делегированы права пользования (говоря конкретнее – меньше стимулов к тому, чтобы в выполнении функций контроля стали специализироваться именно те члены общества, которые обладают сравнительными преимуществами в этом роде деятельности).

Вследствие менее эффективного, чем в частных формах, контроля за поведением управляющих у тех появляется больше возможностей злоупотреблять своим положением в личных интересах.

4. Дополнительные проблемы связаны с тем, что «коллективный интерес» сложнее определить и измерить, чем частный. «...бюрократ имеет больше стимулов производить то, в чем, как он думает, нуждается общество, и меньше стимулов производить то, на что общество предъявляет спрос. Мнение бюрократа о том, что общество должно иметь, обычно называют «интересами общества» [5].

Некоторые из этих затруднений не являются специфическими для государственной собственности и в равной мере характерны для любых форм объединения прав нескольких собственников в единый пучок правомочий (партнерства, корпоративная собственность).

Главная проблема, с которой сталкивается групповая собственность во всех ее вариантах, -- согласование интересов отдельных участников и группы в целом.

Групповая собственность поощряет поведение, выгоды от которого достаются какому-то одному участнику группы, а издержки распределяются среди всех ее членов. И наоборот: она ослабляет стимулы к принятию реше-

ний, издержки которых ложатся на кого-то одного, а выгоды делятся между всеми членами группы.

Имеется богатый фактический материал по сопоставлениям предприятий, находящихся в собственности государства и частных лиц. Он показывает, что государственные предприятия при прочих равных условиях устанавливают более низкие цены на свою продукцию; имеют большие мощности; больше средств тратят на строительство зданий и помещений; используют более капиталоемкие технологии; имеют более высокие операционные издержки; реже пересматривают цены, слабее реагируют на изменения в спросе; производят менее разнообразную продукцию; медленнее осваивают новую технику; имеют более продолжительные сроки службы вышших управляющих. [3, 27-40]

Коллективная собственность (как экономическая категория) — присвоение ассоциированными собственниками результатов коллективной работы, материальных благ и услуг и определенная подсистема отношений между субъектами этого типа собственности во всех сферах общественного воспроизведения.

Ассоциированными собственниками могут быть трудовой коллектив, объединение капиталистов, члены кооператива, потребительских обществ и союзов, хозяйственные общества (акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, полные общества, коммандитные общества), общества покупателей, организации арендаторов, владельцы общих предприятий, а также объединение негосударственных предприятий (корпорации, консорциумы, концерны и др.).

Зависимо от того, нанимают или не нанимают ассоциированные собственники рабочую силу, занимаются или не занимаются продуктивной работой, коллективная собственность выступает в двух основных формах: коллективная трудовая и коллективная капиталистическая. Так, в США и некоторых других странах существует немало предприятий, выкупленных трудовыми коллективами, собственность которых принадлежит к трудовой коллективной. К этой форме собственности принадлежит собственность кооперативная, потребительских обществ и др.

Вместе с тем отдельные формы коллективной капиталистической собственности, например открытые акционерные общества, имеют некоторые черты коллективной трудовой собственности. В частности, в таких обществах часть высококвалифицированных нанимаемых работников превращается в совладельцев, которые приобрели определенное количество акций и присваивают на них до 10% заработной платы. Право коллективной собственности, согласно действующему законодательству, возникает на основании:

а) добровольного объединения имущества граждан и юридических лиц для создания кооперативов, акционерных и других хозяйственных обществ и объединений;

б) преобразование государственных предприятий на акционерные и другие общества;

в) передача государственных предприятий в аренду;

г) предоставление государственных субсидий;

г) пожертвований организаций, граждан и других гражданско-правовых соглашений.

Коллективная собственность бывает также и некоммерческой. Эта форма хозяйствования существует в основном социально-культурной сфере.

Некоммерческой является организация, учреждённая для реализации той или иной цели, заложенной в уставе, и, в отличие от всех остальных форм хозяйствования, имеющая основной целью своей деятельности реализацию этой цели, а не извлечение прибыли. Все средства, полученные в ходе хозяйственной деятельности организации, не распределяются между учредителями и собственниками, а опять таки направляются на достижение основных направлений деятельности.

Некоммерческая форма хозяйствования обладает рядом специфических особенностей, дающих ей возможность успешно действовать в экономических условиях современной России. Благодаря хорошо развитой

системе по привлечению финансирования, возможности использования труда добровольцев и гибкой организационно-управленческой структуре, некоммерческие организации способны достигать большей эффективности и высокой степени адресности своих программ по сравнению с другими формами ведения хозяйства.

В конце хотелось бы отметить, что, несмотря на большое количество форм хозяйствования, в социально-культурной сфере прослеживается тенденция развития некоммерческой формы хозяйствования. Это связано в первую очередь со спецификой деятельности так как некоммерческие организации создаются для законной и наиболее успешной реализации социальных нужд хозяйствующих субъектов, отдельных (вне зависимости от их размера) групп людей, этнических образований, социальных слоев, религиозных объединений, политических партий и движений, помогая выражать их интересы, отстаивать соответствующие взгляды.

Литература:

1. Войтов А. Г. Экономика. Общий курс (фундаментальная теория экономики): учебник. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010. – 594с.

2. Waldorn J. What is private property? – «Oxford Journal of Legal Studies», 1985, v. 5, N 3.

3. De Alessi L. The economics of property rights: a review of evidence. – «Research in Law and Economics»; 1980, v. 2.
4. Alchian A. A. Some economics of property rights. – «Il Politico», 1985, v. 30, N 4., с. 823.
5. Pejovich S. Fundamentals of economics: a property rights approach. -- Dallas, 1981., с. 144.

УДК 338.4

И.В. Плотников

«ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»

THE PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF CULTURAL ESTABLISHMENTS IN NEW ECONOMIC CONDITIONS

Аннотация: Сфера культурно-досуговой деятельности остается неотъемлемым фактором общественной жизни Республики Бурятия. Основной задачей учреждений социально-культурной сферы на современном этапе, по мнению автора, является осуществление государственной политики в области культуры, реализация ее в совместной партнерской работе с новым типом развлекательных учреждений, качественная организация досуга всех категорий населения.

Annotation: The sphere of cultural leisure activity is an inseparable factor of social life of the Republic of Buryatia. The author thinks that the main task of social-cultural institutions at present is conducting state policy in the field culture and mutual work with new type of entertaining establishments, qualitative leisure organization of the population.

Ключевые слова: культурно-досуговая деятельность, учреждения социально-культурной сферы, досуг населения Республики Бурятия, творческие коллективы

Key words: cultural leisure activity, social-cultural institutions, leisure activities of the population of the Republic of Buryatia, creative collectives

Сегодня общество все активнее переосмысливает представления о развитии личности, ее совершенстве, причинах социального расслоения населения, ставшего приметой времени, интенсивности потребления культурных ценностей, формировании культурных стереотипов, эстетических вкусов, норм и идеалов, расширении культурного пространства при обязательном сохранении территориального своеобразия культур.

Осуществляются конкретные социально - культурные проекты с ориентацией на улучшение социально-культурного климата. Оптимизируются культурные процессы. Происходит интенсификация процесса. В культурно – досуговых учреждениях преобладает креативная направленность всей работы. Сфера муниципальной культурно – досуговой деятельности остается неотъемлемым и необходимым фактором общественной жизни. Закрепляются положительные тенденции в практике культурно – досуговой деятельности: развиваются инициативы, реализуется творческий потенциал, удовлетворяются творческие, досуговые и развлекательные предпочтения населения. Создаются психолого-педагогические условия, обеспечивающие познавательную и физическую активность населения. Свободное время человека, поиск новых впечатлений, заставляет организаторов культурно – досуговой деятельности искать новые формы и жанры. Центром внимания становится забота о зрителе, посетителе, клиенте. Культура,- как сфера услуг, сервиса.

Новый комплексный тип развлекательных центров, с эффективным использованием новых и инновационных технологий и техники, дает возможность человеку в игровой ситуации утвердить себя, проявить своё неповторимое я, воспитать в себе новые личностные качества или снять напряжение, расслабиться. Это фактически театр, в котором можно прервать будни и поиграть в воображаемую жизнь. Сменить ролевой статус. Игра, игровой характер деятельности людей в этих условиях является элементом изменения жизни в системе игра - прагматическая деятельность.

Повседневные эстетические потребности человека удовлетворяются телевидением, кино, шоу – программами, традиционным . искусством.

Основная задача учреждений социально-культурной сферы на современном этапе, проводить государственную политику в области культуры, реализуя ее в совместной партнерской работе с новым типом развлекательных учреждений. Совместное действие для обоюдной пользы.

Анализ деятельности работы учреждений социально-культурной сферы последних лет, позволяет констатировать, что время растерянности, адаптации и выживания в новых экономических реалиях прошло, и культурно – досуговые учреждения при целевой поддержке управленческих организаций и администраций реально планируют свою деятельность и развиваются, постепенно внедряя современные методы досуговых технологий. (Новых и инновационных. Инновация – это внедренное новшество).

Тенденцией позитивного состояния культурно – досуговой сферы остается стабильность и поиск новых художественных форм для возможности реализации творческого потенциала населения. Так по данным отчетной государственной статистики (Форма 7 –НК) на базе учреждений культуры г.

Улан –Удэ, столицы Бурятии, на 1 января 2008 года работали 97 клубных формирований, где занимались творчеством 2520 человек разных возрастных категорий. К этому времени увеличение клубных формирований, по сравнению с 2005 годом, составило 29 %. Стойкий интерес населения к занятиям в любительских художественных коллективах подтверждает стабильность их деятельности, высокий профессионализм кадров. Количество проведенных мероприятий в 2005г. – 1800, в 2006г.- 1858, в 2007г. – 2306 . количество посетивших мероприятия 285383 – жители и гости города. Нужно уточнить, что названные цифры, как показывает практика, относительны.

Начиная с 2010 г. в стране взят курс на модернизацию экономической и социальной сфер. Это напрямую касается сферы культуры: здесь и вопросы повышения эффективности деятельности учреждений культуры, вопросы совершенствования оплаты труда, создание плана оптимизационных мер по реализации этих мероприятий становящихся приоритетной задачей для каждого учреждения. Согласно указанным документам выделяются меры обеспечивающие достижение целевых показателей (индикаторов) развития учреждений культуры.

В основу курса на модернизацию лег инновационный опыт отечественных учреждений социально-культурной сферы. Опыт, ориентированный на гуманистические ценности в решении любых жизненных проблем, переосмысления всего арсенала средств культурно-досуговой деятельности, с опорой на современные возможности и широкий культурный контекст, а так же внедрение новых социальных технологий и достижений, эффективность и результативность проводимой работы.

Сегодня можно говорить о системных положительных тенденциях развития сферы культуры, и о том, что основные позиции не только укрепляются, но и продолжают развиваться:

- выстраивается культурно-образовательное пространство с целью удовлетворения культурных запросов жителей;
- формируется культурный имидж административных единиц, - поселков, городов, регионов;
- ведётся целенаправленная работа по привлечению инвестиций, (инвестиционная привлекательность), спонсорских средств, новых технологий и способов привлечения финансовых средств, таких как фандрайзинг и краудфандинг;
- используются средства межбюджетных трансфертов и муниципальных образований;
- создаются условия для реализации творческих способностей, их профессионализации;
- упорядочивается межведомственное взаимодействие в вопросах развития культуры на основе грантовых программ. Традиционными партне-

рами культурно – досуговых учреждений в организации грантовых мероприятий остаются библиотеки, детские школы искусств, образовательные учреждения, органы социальной защиты населения, управления по делам молодежи;

- укрепляются партнерские отношения культурно – досуговых учреждений и различных социальных и политических организаций;

- осуществляется модернизация системы образования учреждений культуры;

- активизируется работа по сохранению и развитию художественных и творческих коллективов, их социальной активности;

- ведётся системная работа по внедрению новых информационных технологий. Интернет – технологии. Интеграция учреждений культуры в одну сеть. Создание интеллектуальных центров с программным обеспечением;

- проводятся аттестационные мероприятия, конкурсы с целью совершенствования мастерства, выявления лучших специалистов. Создаются предпосылки для появления в бюджетном секторе конкурентоспособных специалистов. « Компетенции» - как потенциальные свойства работника;

- обновляются квалификационные требования. Повышается квалификация работников. Осуществляется переобучение. В новых условиях сохраняется конкурентоспособность в формировании трудовых ресурсов;

- применяются новые условия труда. Внедряются современные нормы труда, направленные на повышение качества оказания государственных (муниципальных) услуг. Прорабатываются, критерии эффективности деятельности работников учреждений;

- повышается заработная плата работников отрасли. Поэтапный рост оплаты труда в соответствии с Указом № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики». Прозрачное формирование оплаты труда. Одна из важных задач - стимулирование деятельности работников учреждения культуры, специалистов, оказывающих услуги (выполняющих работы) различной сложности;

- решаются задачи связанные с эффективностью расходов бюджетных средств;

Основным направлением деятельности культурно-досуговых учреждений на пути совершенствования и модернизации является, как мы уже сказали, качественная организация досуга всех категорий населения.

Так, за 2013 год в городе Улан – Удэ, было проведено 1279 мероприятий, с охватом населения 736126 человек. Ежегодно продолжается системная работа по модернизации клубных учреждений, благодаря которой возможно повышение качества услуг, а также обеспечение максимальной востребованности учреждений культурно-досугового типа в культурном пространстве столицы.

Муниципальные творческие коллективы достойно представляли Республику Бурятия на международных конкурсах и фестивалях и способствовали привлечению интереса к национальному региону. Так, Народный фольклорный ансамбль «Тоонто» принял участие в Международном фестивале-конкурсе «Фестиваль музыки и танца», который проходил в г. Ллорет де Маар (Испания), где был удостоен Гран-при в номинации «народный вокал». Народный фольклорный ансамбль «Верхнеудинская слобода» (Городской культурный центр) стал Лауреатом в 5 номинациях II Международного фестиваля-конкурса национальных культур и фольклора в г. Сочи. Ансамбль был отмечен и награжден дипломом Лауреата I степени IX Всероссийского фестиваля-конкурса народных хоров и ансамблей «Поет село родное». Народный забайкальский казачий ансамбль «Станица» (КДЦ «Рассвет») и Театр народной музыки и танца «Забава» привезли Дипломы I степени Регионального фестиваля-конкурса «Казачий круг» (г. Хабаровск). Образцовая студия восточного танца «Апсары» (КДЦ «Заречный») - обладатель Диплома II степени Межрегионального конкурса хореографических коллективов «Хабарай сэсэгууд» (Забайкальский край).

Творческие коллективы города и республики принимали активное участие в проведении Дней экономики и культуры г. Улан-Удэ в г. Маньчжурия, посвященных 20-летию побратимских связей, Дней экономики г. Дархан (Монголия) в г. Улан-Удэ. В Международном фестивале, посвященном 40-летию г. Аньян (Южная Корея).

Одним из приоритетных направлений в организации досуга населения традиционно являются работа с подрастающим поколением, молодежью, организация семейного досуга, летнего отдыха детей, мероприятия по профилактике асоциальных явлений. Детские коллективы постоянные участники городских и региональных мероприятий, фестивалей, конкурсов, специализированных театрализованных концертно-игровых программа для детей, и различных культурных акций и проектов. Это участие в театрализованном проекте «Верхнеудинская ярмарка, Улан-Удэ – вчера, сегодня, завтра», в рамках Дней экономики и культуры Муниципальных образований в Республике Бурятия. Чествование трудовых династий предприятий, посвященные Дню семьи, любви и верности «Семья-главное в жизни». Участие в праздничных концертно-театрализованных программах, посвященные празднованию Дня города - «Столичный марафон» в детских скверах и площадях. Это и торжественное открытие молодежного «контента» семейного воспитания и профилактики социального сиротства «Тепло традиций» и традиционная спортивно-досуговая программа для людей с ограниченными возможностями «Мы вместе».

Самой большой гордостью каждого культурно – досугового учреждения являются многопрофильные творческие коллективы: вокальные, инст-

рументальные, хореографические ансамбли, оркестры народных инструментов. Это место, где дети получают возможность научиться петь, танцевать, рисовать, играть на различных музыкальных инструментах. прикоснуться к миру прекрасного. Срабатывает принцип вовлеченности в общее дело. Такие коллективы активно выполняют и важную социокультурную функцию, осуществляя концертную, выставочную деятельность, являясь неотъемлемой частью единого культурного пространства. Так на базе КДЦ «Рассвет» действует уникальная студия ИЗО и ДПИ «Пингвин» и студия эстрадного вокала «Голос», и хореографическая студия «Радуга».

На базе Городского культурного центра работает 22 творческих коллектива, в том числе и любительских объединений, которые ведут активную творческую деятельность, и где занимается более 400 участников, среди них дети, подростки, молодежь. Это, студия художественной гимнастики «Грация», детская фольклорная студия «Забавушка», эстрадно-вокальная студия «Туя», студия эстрадного вокала «Голос». студия современного танца «Пелея» и студия хореографии и спортивной пластики «Родвижение», вокально-эстрадная студия «Триумф».

Знаковым событием в 2013 году стало утверждение Плана основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 350-летия г Улан-Удэ (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.06.2013г. № 922-р), согласно которому, Комитет по культуре и подведомственные учреждения, начали подготовительную работу к реконструкции объектов культуры. Среди них, Городской культурный центр, КДЦ «Рассвет», ДК п. Вагжанова, МГЛ им. Д.Аюшеева, Музей истории города Улан-Удэ, Центральная городская библиотека им. И.Калашникова. В 2013 году проведен комплекс мероприятий по разработке проектно-сметных документов.

2014 год объявлен в России Годом культуры. В соответствии с этим разработана программа культурно-массовых мероприятий, кроме этого для муниципальных учреждений культуры этот год станет стартовым перед празднованием 350-летия г. Улан-Удэ.

Таким образом, в настоящее время, как мы видим, складывается благоприятная обстановка для реализации социально-культурных задач. Учреждения культурно-досуговой деятельности, активно проявляя себя, способствуют улучшению жизненного уровня населения, изменяют условия жизни, которые требуют от современного человека личностного и профессионального самоопределения, умения решать социальные и профессиональные проблемы, быть социально ориентированным в новых условиях и быть готовым к любым жизненным поворотам

Литература:

1. «Справочник руководителя учреждения культуры», № 3, 2012, «Культура для людей». с.57,
2. «Прямые инвестиции. Информация из первоисточников» №5/2011, А. Трушин «Новая школа» с. 22,
3. «Прямые инвестиции. Информация из первоисточников» №2/2012, А. Гусев «Любой каприз за деньги клиента», с.80.

УДК 371(517.3)

M. Tsetsegsaikhan

DEVELOPMENTAL ISSUES OF TRAINING TECHNOLOGY

Annotation: The article deals with introducing new training technology into the curriculum in Mongolian educational establishments with the emphasis on proper use of advanced technology devices at classes to train highly-qualified competitive graduates.

Key words: training technology, challenge, classroom teaching, learning technology

Last century was a magnificent era as people witnessed many new scientific discoveries and new technologies. However, education was recognized as the most significant mechanism for intellectual human life, but there was almost no renovation on educational and scientific training methodology and technology. Since 1990 Mongolia has managed to democratize and globalize the education, transferred from socia-centralism into the antropocentrism and it was the biggest progress in estimating person and education. The Mongolian Educational System was changed completely in the 20th century. Mongolia which was named illiterate and primitive, had an educational complete system which was near the international standard in contents and quality. That was a historical achievement of the previous century. Nowadays, the training is based on two principal patterns of philosophy. First, the Asian pattern is to educate by the old fixed rule without overseeing genotip ability of a person, or to educate forcing good personal abilities. But the second pattern or American and European pattern rules a conception that the children or generations are to be opened for education and be assisted in this process. Mongolia required a new philosophical conception which was worked out by us on the basis of inspecting the origins of everyone except forcing to pattern good abilities in people. There are several roots in this theory.

- During the human phylogenesis progress, natural consciousness and psychology developed, but we should consider the philosophy of such

scholars as Togtokhtur Van, Ravjaa, D. Bat-Ochir, Ch. Dandaa and the ancient doctrine of Kunz, teachings of Buddhism, as they made various kinds of intellectual progress and a specific formation.

- Intellectual necessity is unlimited as materialist needs. But Demand, purchasing powers and information, spiritual ability limit the materialist needs and intellectual necessities. Therefore, constructing forms and methods of training should be focused to provide the necessities and requirements of society with the meaning to train useful things to improve people's good abilities and describe them. By 1990 in the 20th century, Mongolian youths and intellectuals started to study foreign languages and managed to get education in many countries of the world, and that process led to the use advanced methods and technology of training, to expand Mongolian educational contents.

The Term «Training technology» has been used since 1960 introducing techniques, equipments and programming into the training.

There are several philosophical roots in Training Technology.

1. Each instruction with the focus on students provides a method to learn by themselves.
2. To fix respectful relation between teachers and students.
3. Teachers should try to make a good disciple.
4. To focus instruction phase that knowledge is skill, skill is experience.

A significant thing of the New Training Technology is not only to democratize relations between teachers and students, but to fix cordial relations between students, help them realize themselves, increase their active studying potential and aptitude except improving the cooperative work, living and teamwork ability and relying on each other's word. Scholars could not describe exactly the answer to the question What the Training Technology is and presume that Training Technology is a direction of theory of Training to prescribe principles of Optimum System, plan and create Specific Training process. The Training Technology has recently been defined in the following way:

Training technology is ways and means, skills to organize the development and quality changes of knowledge, skill, experience and tendency of students, that defined. / Training methodology of Institute. Teacher's training university. UB, 2003/

The basic function of Training Technology is to rule the training process.

The Mongolian Educational System divided origin and process of Training into following three periods:

1. Didactic methodological period to teach Uigarjin Mongolian script

2. Introducing period of training technology of West connected with using Cyrillic script

3. Intensifying period of technological renovation

At the end of the 20th century, the training technology which was renovated by initiative of certain staff, leading experience and ideas of teachers, was expanded in the educational institute, the provinces and schools. Furthermore, in 1999 Training technological renovation organized by the Ministry of Enlightenment, and the Seminar named «Training Methodology» was organized between the principals of school and teachers throughout the country. They described training methodological technological tendency of development in the following 21st century.

The ideas are as follows:

To globalize expanding renovation of training technology. In other words, training technology is public activity, not the property of a teacher or the staff.

To use training technology which gives more ample opportunity to control own studying rate, to manage learning by oneself, to use many sources of information except textbooks. And the main feature of modern training technology is to study methods of how students collect, prepare and use information, take up certain positions in technology and educational system of opened universities, non-class training, extranet form of learning by oneself, distance training and uninterrupted education. It helps to reduce a role of class system in result of using the internet and changing informational supplying.

Thus, they described that an opportunity will be filled to focus the training on people or students in class and out of class, to make method which is to evaluate educational assessments, to create permanent open-educational surroundings and to accept the employees by results or professional skills. These trends have already been implemented, teaching and studying process is not only a point of school surroundings, teachers have to work out more optimal training technology which it is required to change both teachers and students' activities, to help students collect useful information.

A major responsibility of schools entering a new era of globalization is to prepare students for the new challenges that are rapidly changing our society.

One of the greatest challenges which our youth currently faces is finding meaningful employment. The ability to speak a foreign language and computer literacy are currently two of the most common criteria required from people wishing to enter the workforce. As only about 50-60% of Senior Secondary School graduates continue on to undergraduate education, and with computers now infiltrating every aspect of human life it places a high burden of responsibility upon our education system to improve the development of our students' language and computer literacies. The study of technology is very

important and schools are responsible for teaching technology at all levels because many students are still failing to continue their education. .

We fully support the development of technology in education, however, we also feel that we must ascertain whether technology and its application is appropriate to the needs, and also question whether in fact it meets the needs at all in Mongolia. The implementation of technology in education in Mongolia must be in accordance with a master plan for the overall development of education generally. Technology must be rationally integrated into the development plan considering all of the many other high priority development issues –a Holistic Master Development Plan”, a plan that addresses all education issues and priorities in balance. We need quality management, policy and planning in our schools before we can maximize the utilization of technology, for example, laptops in our schools. Technology (for instance, laptops) have the potential to assist learners in schools, however like every aspect of quality in education, management and policy are the key issues that need to be addressed first.

With all Technologies, for instance, the Electronic Whiteboard, Video, Television, e-Learning, Internet, etc., the quality will raise and therefore the usefulness with 100% reliance upon the quality of the content will do in the teaching process. Technology itself is just a medium. Whether it succeeds or fails fully depends upon the content and process, not the technology. It appears that the importation of cheap laptops at prices like those quoted in the marketing still cannot be achieved, for instance.

One Laptop Per Child : "To provide children around the world with new opportunities to explore, experiment and express themselves." One of our Educational organizations' objectives is to locate laptops and other technologies at the cheapest prices possible for our education community. By the order of Mongolian President Enkhbayar the project –One Laptop Per Child” has just been running to provide each child with a rugged, low-cost, low-power, connected laptop with content and software designed for collaborative, joyful, self-empowered learning. During the first term of this project a few children were provided with computers and we are sure that the new president will continue this project rapidly for our new generation.

Classroom Teaching and The New Learning Technologies. Audio-visual Technology in the classroom has undergone little change over the last fifteen years. The main technologies used in the classroom are still overhead projectors, cassette players/recorders, video recorders/players, video cameras, slides, etc. The main exceptions being CD players and also video disk players, frequently used for music and learning languages. However, these new additions generally only fulfill a relatively minor role. The term Audio-visual is now increasingly becoming synonymous with multi-media computers.

Most new learning technologies tend to follow the same path as their predecessors. Each one is seen as a brilliant new technological quick-fix to a learning teaching issue that will make life easier for the teacher. This is the impression given (naturally) by those who have vested interests in the acceptance of the technology (the marketers). However, too often the reality is that teachers generally don't have the time nor the institutional support to master the technology. In the case of computers, beyond the mere word-processing programs, the technology is developing so fast that generally what you are learning today is an old technology by the time you have learned it. How well have we managed to master the technologies so far? **The Internet.** "One of the most rapidly developing technological advancements in our society today is the use of electronic means of communication, e.g., the Internet. New communication technology is of prime interest to foreign language (FL) professionals because communication is the primary thrust and emphasis in FL teaching, and these technologies have the potential to put FL learners in direct contact with native speakers. The ramifications of this technology for us in the profession are far-reaching and exciting, but many FL practitioners have yet either to discover or venture into this new area. Increasing numbers of students are spending time in the Internet cafes rather than spending the time at home reviewing their school work or doing their homework, being one of the reasons for decreasing performance in their exams. The Internet, like all other technologies, is an excellent research and communication tool. There are many excellent language teaching/ learning sites on the Internet. The Internet provides a wealth of current and authentic teaching materials and newspapers that are probably the most useful. There are many different types of communication games, quizzes, grammar exercises, etc. which can be accessed through the Internet and "downloaded" to your computer for student practice. There are also many sites which provide basic courses in foreign/second languages. For language practice you can direct students to sites which are created in the target language, or to daily newspapers and magazines from around the world. The possibilities for using the medium as a teacher are only limited by your imagination. But the use of the Internet during class time must be carefully managed. Student time connected to the Internet during classes should be minimal. Their time should be focused upon the learning objectives, not waiting for Web pages to download. Teachers should as much as possible download the material and prepare it for the students in advance. The main exceptions to this are student research (reading/writing) tasks, Web-based assignments for external students, and e-mail. Electronic mail is probably one of the best Internet aids for a language learner. Having taught Internet principles, Web page construction, and how to use e-mail at English classes studying it as a Second Language (ESL) students hope that this would open up a new world of communicating for them. All applications of

technology to teaching require clearly set appropriate tasks, good preparation, and good teacher facilitation skills.

Audio-visual aids – general. Unfortunately too often we chose the technology or audio-visual media that we are going to use without asking ourselves, what the best way of communicating is to my students. Variation of audio-visual media is one of the options we have for addressing many different cognitive styles of our learners. Have you noticed that some teachers or lecturers always use overhead projectors, or computer data projectors every time they teach? Why? Does this mean that they are better or more modern educators than those who prefer the white-board? We are obligated as professionals to ask ourselves what is the best way of communicating, what we want to communicate to our students every time we plan to teach.

Although the Internet has the potential to deliver much benefits to both teachers and students the use of the Internet in the classroom must be highly structured with very clearly defined learning objectives. Student activities also have to be carefully monitored. Because the Internet contains a wealth of information and resources, however it also contains a wealth of useless time-wasting activities that students can very easily be distracted by. While participation in these activities during their own time may benefit their general knowledge or develop other skills, time in the classroom must remain focused upon the objectives of the lesson. Effective Lesson planning for using the Internet will require some new skills and a high level of teacher activity in order to be time-effective.

One of the potential advantages for both administrators and schools from the Internet may be the simplification of reporting and school data collection via forms that can be directly sent to single or multiple destinations. Teachers, especially language and social studies teachers, will be able to download current news and current affairs articles that can be used in the classroom the same day. All teachers can use the Internet for both personal and professional development through regional and worldwide collaboration.

Conclusion: If we intend to teach the most important issues are good planning and strategies. It's the same with the Internet. If we want to create an effective and efficient communication system and improve student learning of computer technology good planning (programs), and the best of strategies within the capabilities of the school must be designed and implemented further.

We hope that increased exposure and access to libraries will encourage students to use library facilities more generally and help improve student reading interest levels. A further desired outcome of introducing self-access is that students may become more aware of their responsibility for their learning, and learn how to learn independently. This is a skill which must be addressed in preparation for both on going studies and workplace participation.

It is most important that the consideration of any form of educational technology including computer aided learning will similarly require a careful analysis and understanding of all needs and sustainability issues long before implementation commences. In order for any educational technology to be effective, efficient, and sustainable it is imperative that it is thoughtfully integrated into a supportive system which best meets the needs of curriculum, teachers, and students. The support system must come first – then the technology. Therefore, the point –How to renovate Training technology?– is the first pattern of Mongolian Education in the 21th century.

УДК 379.8.091.2

М.Э. Вильчинская-Бутенко

**ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КОРПОРАТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ
В ТРУДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

**THE INDIVIDUAL CREATIVE POTENTIAL THROUGH THE
PRISM OF CORPORATE EDUCATION IN THE LABOR
ORGANIZATION**

Аннотация: Анализируются возможности развития личности в контексте синергичного взаимодействия менеджмента и персонала организации в процессе корпоративного воспитания. Доказывается необходимость взаимного согласования в раскрытии синергетического потенциала отдельного работника, потенциала управляющей и управляемой систем трудовой организации.

Annotation: The possibilities of personality development in the context of synergetic interaction of management and staff of an organization in the process of corporate education are analyzed. The author proves the necessity of mutual coordination in the disclosure of synergistic potential of an individual worker and that of the managing and managed systems of labor organization.

Ключевые слова: корпоративное воспитание, трудовая организация, личность, синергия

Keywords: corporate education, labor organization, personality, synergy

Принципиально важная задача корпоративного воспитания – это повышение качества трудовых ресурсов организации. К системообразующим компонентам качества трудовых ресурсов, основываясь на исследовании Э.Ф. Кочеваткиной и с учетом специфики педагогического подхода, следует отнести: здоровье как совокупность психического, физического и социаль-

ного самочувствия; интеллектуальный компонент, включающий уровень образования, наличие знаний в определенной области, а также способность пополнять эти знания; инновационно-креативный компонент как способность принимать нестандартные решения, творческий подход к решению поставленных задач; морально-нравственный компонент как система нравственных ценностей, присущих индивиду и социальной общности, с которой он себя идентифицирует [1].

В.И. Франчук отмечает, что в современных организациях «... человеку отводится лишь роль орудия труда. А вместе с тем... наиболее реальная возможность улучшить условия труда заключается в создании более совершенных предприятий, обеспечивающих не только выпуск необходимой продукции, но и достойные условия жизни своим сотрудникам» [2]. Сказанное следует уточнить: достойные условия жизни – это не только зарплата и эргономика, но и возможность развития творческого потенциала, самосовершенствования и самореализации сотрудников, в результате чего удовлетворенность достигнутыми результатами труда значительно повышается.

По мнению Г. И. Солнцева, соотношения между целью, средствами, результатами деятельности и удовлетворенностью человека достигнутыми результатами определяют различные формы сознательной трудовой деятельности [3]. На основании этого тезиса С. А. Дружилов выделяет три макроструктуры (формы) трудовой деятельности, условно обозначая их как «работа», «созидательный труд» и «игра» [4]. Несмотря на самостоятельность реализации каждой из форм трудовой деятельности, развитие «работы», «созидательного труда» и «игры» должно быть взаимосвязано, поскольку «только "работа" – подавляет человека, лишает радости и опустошает внутреннюю жизнь, лишает права человека на творчество; только "труд" – лишает человека удовольствия от ощущения и видения воплощенных результатов усилий, а также от самого процесса; только "игра" – ведет к инфантильности, так как замедляет процесс перехода из мира возможностей в мир реальности... Сочетание "работы" и "труда" ведет к созидательной и преобразующей деятельности, сочетание "работы" и "игры" – к творчеству, изобретательству. Идеальной следует считать деятельность, включающую три ее формы, когда создаются условия, позволяющие человеку проявить творческое отношение профессионала к себе и к миру» [4, с.39]. Итак, примем за цель корпоративного воспитания обеспечение возможностей для достижения идеальной, по С. А. Дружилову, трудовой деятельности, основанной на соединении трех ее макроструктур: «работы», «созидательного труда» и «игры». Исходя из его позиции, гармоничное объединение указанных макроструктур даёт человеческим ресурсам трудовой организации оптимальную степень свободы, а организационному поведению – допустимое разнообразие возможных способов действий, следовательно, данное объединение

можно обозначить как синергетический эффект корпоративного управления. Но остается открытым вопрос: каково место в этом процессе корпоративного воспитания и – главное – какие условия необходимы для того, чтобы корпоративное воспитание как сложный нелинейный самоорганизующийся комплекс систем, осуществляемый путем активизации синергетического потенциала каждого из элементов системы, привело в результате к синергетическому эффекту.

Для обеспечения творчески-созидательной и преобразующей деятельности на базе раскрытия всех ресурсов человека, о которой говорит С. А. Дружилов, следует обеспечить условия для:

а) реализации синергетического потенциала отдельной личности в профессионально-трудовой деятельности;

б) реализации синергетического потенциала управляющей и управляемой систем трудовой организации;

в) достижения позитивного синергетического взаимодействия отдельной личности, менеджмента и персонала трудовой организации в системе корпоративного воспитания.

Таким образом, результативность корпоративного воспитания зависит от степени взаимного согласования в раскрытии синергетического потенциала отдельного работника, потенциала управляющей и управляемой систем трудовой организации.

Примечания

1. Кочеваткина, Э. Ф. Формирование качества трудовых ресурсов на уровне муниципального образования в условиях перехода к инновационному типу развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Э.Ф. Кочеваткина; [Сарат. гос. техн. ун-т]. – Саратов, 2010. – 20 с.

2. Франчук, В. И. Общая теория социальных организаций / Академия социологии и управления. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001. – 236 с. [Электронный ресурс] URL: <http://socio-org.narod.ru/gen.htm> (дата обращения 10.09.2013).

3. Солнцев, Г.И. Об основных видах сознательной деятельности // Комментарии. – 1992. – №1. – С. 19-24.

4. Дружилов, С.А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход [Текст] / С.А. Дружилов // Сибирь. Философия. Образование. – Научно-публицистический альманах: СО РАО, ИПК, Новокузнецк. – 2005 (вып. 8), – С. 26–44.

УДК 930.85:378.8:811.111

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ
КУЛЬТУРЫ**

**FORMING SOCIO-CULTURAL COMPETENCE AT ENGLISH
CLASSES AT THE CULTURAL INSTITUTION OF HIGHER
LEARNING**

Аннотация: В статье говорится о потенциале дисциплины «Английский язык» в формировании социокультурной компетенции обучаемых, важной частью которой является знание мировых культур, особенно англоязычных стран. Авторы рассматривают некоторые эффективные формы работы со студентами и обращают внимание на важность укрепления междисциплинарных связей для подготовки выпускников, способных интегрироваться в современное поликультурное пространство.

The article considers the potential of «The English language» discipline in forming socio-cultural competence of learners which implies knowledge of world cultures, especially English-speaking countries. The authors consider some effective techniques used at English classes and emphasize the necessity of interdisciplinary collaboration in training graduates able to integrate into modern multicultural environment.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, мультикультурное воспитание, общеевропейские компетенции владения иностранным языком, активные формы работы, метод проектов, речевой этикет

Keywords: socio-cultural competence, multicultural education, Common European Framework of Reference for Languages, active techniques, project method, speech etiquette

Дисциплина «Иностранный язык» входит в базовую часть дисциплин гуманитарного цикла, цель которых - дать знания базовых ценностей мировой культуры, сформировать готовность к уважительному и бережному отношению к историческому наследию, культурным и духовным традициям народов разных стран, к толерантному восприятию социальных и культурных различий. В кросскультурном воспитании студентов вуза участвуют все изучаемые дисциплины, и, особенно, дисциплина «Иностранный язык», поскольку через иностранный язык личность может инкорпорироваться в мировое мультикультурное и полилингвальное пространство. В последние годы педагоги иностранных языков наряду с задачей формирования иноязычной коммуникативной компетенции ставят целью усилить социокультур-

ную¹, культурологическую составляющую учебного процесса. Этого требует переход к новой парадигме высшего образования, направленной на подготовку бакалавров и магистров в соответствии с общеевропейскими образовательными стандартами, в которых особое место занимает языковая компетенция. Основные требования изложены в документе «Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» [1], на основе которого создаются национальные системы оценки языковой компетенции для формирования единого образовательного пространства в области овладения современными языками Европы, сохранения языкового и культурного многообразия, для решения коммуникативных задач в различных ситуациях общения, которые становятся все более поликультурными [3]. Следовательно, важной задачей образовательных учреждений является научить молодежь принимать культурное многообразие мира и быть его активными творцами. Это также нашло отражение в содержании общекультурных компетенций в ФГОС ВПО по специальностям бакалавриата и магистратуры. Какими же средствами следует развивать социокультурную компетенцию у изучающего иностранный язык вне языковой среды?

Решение этой задачи требует не только модернизации уже существующих традиционных подходов к обучению, но и поиска и внедрения качественно продуктивных методических приемов и разнообразных форм, таких как: занятия с использованием аудио и видео, экскурсии, проекты, ситуационные кейс-стади и т.д. В последние годы широкое применение находит проектная методика как одна из форм организации исследовательской деятельности студентов. Поиск информации, ее анализ и синтез, способы и формы ее репрезентации нацелены на формирование навыков и умений как самостоятельного решения коммуникативной задачи, так и работы в команде. Разнообразны и формы презентации проекта: доклад, конференция, конкурс, драматизация. Так, одной из эффективных и продуктивных форм обучения в вузе культуры является урок-спектакль. Активные формы организации деятельности на занятиях целесообразны, как правило, после изучения какой-либо темы или нескольких тем, выполняя функции обучающего контроля. Подготовка спектакля на иностранном языке со студентами творческих специальностей – процесс многоступенчатый, требующий тщательной проработки самих шедевров литературного наследия на предмет их понимания, составления адаптированного сценария на иностранном языке по их

¹ **Социокультурная компетенция** - владение определенным набором социокультурных знаний о странах изучаемого языка (в том числе о поведении, этикете) и умений использовать их в процессе иноязычного общения, а также умение представлять свою страну и ее культуру.

мотивам, совершенствования произносительных навыков обучаемых, беглости и гибкости речевого общения и т.д. Например, использование художественных произведений зарубежной литературы в работе со студентами специальности «Режиссура театрализованных представлений и праздников» целесообразно как в плане развития их когниции, кругозора, так и дальнейшего совершенствования профессиональных навыков и раскрытия индивидуальных творческих способностей обучаемых, и является одним из критериев оценки сформированности коммуникативных навыков. Выступление 222 группы этого отделения в творческо-исполнительской секции в рамках научно-исследовательской конференции в прошлом учебном году с пьесой «Charlie's Aunt» («Тетушка Чарли») по мотивам произведения Томаса Брэндона ярко продемонстрировало эффективность подобной организации учебно-познавательной деятельности студентов. Такой вид работы, без сомнения, активизирует как умственную, так и речемыслительную деятельность обучаемых, развивает их интерес к языку, повышает мотивацию, служит лучшему усвоению культуры страны изучаемого языка, а также углубляет знание самого языка, поскольку способствует запоминанию лексики. Главным достоинством таких форм занятий является развитие личности обучаемого, когда она «становится в какой-то мере носителем мировой культуры», и, в результате «начинает лучше понимать и ценить собственную культуру» [3]. Кроме того, к положительным моментам можно отнести: использование групповых и индивидуальных форм работы; повышение мотивации к предмету; развитие умений и навыков автономной работы.

В процессе обучения иностранному языку студенты знакомятся с речевым этикетом (приветствие, знакомство, просьба, извинение, благодарность, прощание и т. д.), который формируется веками и является отражением духовной культуры его носителей. Обучаемые расширяют свои знания о культуре, истории, реалиях и традициях стран изучаемого языка через чтение содержательных учебных материалов, включая лингвострановедческие комментарии, аутентичные тематические тексты, поиск необходимой информации в глобальной сети, просмотр видеофильмов и т.д. Важность изучения таких дидактических единиц как «Речевой этикет», «Культура и традиции изучаемого языка: Великобритании/ США/ Канады/ Выдающиеся личности англоязычных стран» подтверждается их наличием в структуре федерального Интернет-тестирования (i-exam) [4]. Для успешного выполнения заданий от студента требуется широкий кругозор, фоновые знания истории, географии, политики, англоязычной литературы. Например, студенту предлагается выбрать ответ, соответствующий речевому этикету носителя английского языка:

Professor: «You'd better not miss my lectures».
Student: «_____».

a) I'll do my best.	b) I'll think it over.
c) You can count on me.	d) I have nothing against it.

Понятно, что правильным ответом будет первый вариант («Я сделаю все от меня зависящее»), поскольку максима вежливости является доминирующей для носителя англоязычной культуры.

По новым стандартам преподавателям необходимо широко использовать интерактивные методы и формы работы. При этом следует отметить, что, с одной стороны, это облегчает процесс обучения ИЯ, но, с другой стороны, подготовка и проверка конечных результатов работы студентов очень затратна по времени для педагога. Проблема в том, что у студентов, особенно младших курсов, не сформированы в должной мере навыки аналитической работы, логика мышления, умение извлекать необходимую информацию из огромного количества материалов, представленных в печатном и электронном видах. Кроме того, недостаточный уровень владения ИЯ не позволяет студентам грамотно «сжать» и упростить иноязычный материал, а затем презентовать его перед аудиторией (публичное выступление). Формирование этих навыков является задачей преподавателей всех дисциплин. Не секрет, что педагоги как специальных, так и гуманитарных дисциплин сталкиваются с проблемой некоторой ограниченности общего кругозора обучаемых, их знаний истории, культуры, литературы. Проведенное нами мини-тестирование студентов 1-4 курсов (47 человек) разных специальностей на знание объектов культуры, литературы, к сожалению, подтверждает это. Объектами культуры, включенными в тест, стали всемирно известные галерея Уффици, музей Прадо, музей Мадам Тюссо, музей современного искусства Гуггенхайма, Стоунхендж, картины «Бурлаки на Волге», «Черный квадрат» и исторический роман «Айвенго». Данная таблица отражает некоторые результаты, которые свидетельствуют об отсутствии у студентов должного целостного представления о культурном наследии мира.

Название объекта культуры	Кол-во тестируемых	Кол-во правильных ответов/%	Кол-во неправ. ответов/%
галерея Уффици	47	20/42,6	27/ 57,4
музей Прадо	47	15/32	32/68
музей современного искусства Гуггенхайма	47	13/27,7	34/ 72,3

Удивительно то, что имея такие огромные возможности для самообразования и самосовершенствования благодаря глобальной сети, современ-

ные молодые люди недостаточно осведомлены о таких шедеврах мировой культуры. Очевидно, что в основе решения проблемы должна быть еще более активная интеграция междисциплинарных связей.

При разработке модулей рабочих программ по специальностям бакалавриата преподаватели кафедры иностранных языков и общей лингвистики делают акцент на формирование общекультурной компетенции обучаемых, в частности, они включают изучение таких тем как: «Досуг», «Высшее образование», «Достопримечательности», «Традиции и обычаи», «Выдающиеся люди» англоязычных стран, «Музыка», «Культурное наследие ЮНЕСКО», «Особенности межкультурной коммуникации» и т. д. Работа над этой тематикой позволяет педагогам активно использовать видеофильмы на английском языке, например, из серии «Англия и англичане: Wine and Cakes for Gentlemen; Our England is a Garden; Great British Tea; England: Russia». В центре внимания этих фильмов – особенности национального характера англичан и своеобразие английской жизни. Безусловно, что знакомство с наследием англоязычных стран невозможно без знания природного и культурного богатства своей страны и малой родины, поэтому на занятиях необходимо учитывать национальный региональный компонент. Например, в рамках работы над темой «Культурное наследие ЮНЕСКО» [5] особое внимание уделяется местному объекту природного наследия ЮНЕСКО – озеру Байкал, а также вопросам сохранения его биоразнообразия. Итогом работы над темой является подготовка презентаций по теме, в частности, «Природное и культурное наследие Великобритании/ Ирландии/ США/ Канады/ Австралии/ Новой Зеландии».

В заключение следует подчеркнуть, что «язык – зеркало культуры, сокровищница, кладовая, копилка культуры, передатчик, носитель культуры и не существует вне культуры» [6]. Таким образом, дисциплина «Иностранный язык», формируя коммуникативную и социокультурную компетенции, позволяет выпускникам стать полноправными членами современного мультикультурного полилингвального пространства, основой которого должно быть уважительное, терпимое, толерантное отношение к «чужим» культурам.

Примечания

1. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (9th printing). – 260 p.

2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка (русская версия). – М.: МГЛУ, 2005. – 247 с.

3. Единый портал тестирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.i-exam.ru (дата обращения 5.09.2014).

4. Забанова Л.Е. Английский язык для бакалавров: учебно-методическое пособие / Л.Е. Забанова, Л.М. Хобракова. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. – 77 с.

5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. - М. : Слово, 2000. - 261 с.

РАЗДЕЛ II .

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 39:1

Д.Л. Хилханов

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE ROLE OF ETHNIC BOUNDARIES IN THE MODERN WORLD

Статья рассматривает роль этнических границ в обществе. Автор анализирует феномены социальной и культурной дистанций.

The paper investigates the problem of ethnic boundaries and analyses its components, such as social and cultural distance.

Ключевые слова: этничность, этническая граница, социальная дистанция, культурная дистанция

Key words: ethnicity, ethnic boundary, social distance, cultural distance

Предстоящий референдум Шотландии о независимости 18 сентября 2014, итоги аналогичного референдума в Крыму и последующее его вхождение в состав России, ставят перед нами новые задачи в области исследования и понимания этнических процессов. Проблемы этничности в 21 веке являются одной из наиболее актуальных тем гуманитарных исследований.

Как известно, термин «этничность» вошел в научный оборот в середине 1960-х гг. XX в., однако его научный статус был признан только в 1972 г., когда он появился в Оксфордском словаре английского языка. Принято считать, что понятие этничности ученые впервые применили в годы второй мировой войны в США. В частности американский антрополог В. Ворнер, описывая результаты своих исследований, ввел в употребление понятие, по значимости соответствующее основополагающим категориям возраста, пола, конфессии, класса. Данный термин выражал групповую этническую определенность на более широкой основе, чем «национальная принадлежность по рождению», которая не охватывает особенности ситуации с негритянским населением и потомками мигрантов, рожденными в стране иммиграции. Кроме того, к этому времени понятие «раса» уже было дискредитировано фашизмом. Поэтому Ворнер был вынужден использовать термин

«этничность» для «отделения индивидуума от одних слоев и идентификации его с другими» [4].

Этничность – это прежде всего социальный и организационный феномен, когда проблема определения границ между группами решается путем процесса приписывания к группе на основе диакритиков, основных культурных маркеров. Какие культурные признаки и характеристики будут использованы членами общества в качестве этнических маркеров, как правило предсказать практически невозможно [5].

В отечественной литературе в советские годы наряду с базовыми понятиями *нация* и *этнос* ученые широко использовали понятия *национальность*, *национальное*, вкладывая в них сходное с *этничностью* содержание. Что касается термина «этничность», то до 70-х годов прошлого века в СССР он редко употреблялся в научных работах, а учебники и справочные издания не содержали его определения. В мировой науке концепция этничности развивалась в первую очередь в рамках антропологической теории, что являлось следствием политической активизации этнических меньшинств в развитых странах (выдвижение феномена этничности на первый план в научных исследованиях объясняется целым рядом факторов).

Этнические группы, а не государства и классы – вот основные группы или ячейки, из которых состоит человечество, и которые представляют собой важнейшие и неотъемлемые части мирового сообщества. Этноты не являются искусственными изобретениями, а этнические движения и национализм, как одно из проявлений этничности, не обладают только разрушительным эффектом. Язык, культура, менталитет – важные составляющие этничности, поддерживающие существование человека в окружающем мире. Гармоничное поддержание и развитие этнодифференцирующих признаков – показатель уровня демократичности общества, а само сохранение этнокультурного разнообразия есть показатель духовного богатства для любого полиэтничного государственного образования. Именно этническая идентичность обеспечивает основные, коренные человеческие потребности.

Если этнос (этническая группа) чаще всего определяется как общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях, то в отношении нации не менее распространенным является ее определение как государственной формы этнической общности людей.

На основе многочисленных исследований российских и зарубежных ученых в области этничности, автор определяет *этнос* как *определенную общность, сложившуюся в ходе исторического развития, существующее единство людей с общим самосознанием, заметно отличающимся от других групп и совокупностью как объективных (культура, язык, хозяйст-*

венный уклад и т.д.) признаков, так и субъективных (психологические черты, менталитет, религия.) характеристик.

В 1996 г. в США вышло в свет издание «Теории этничности: хрестоматия американских классических работ», в котором были собраны опубликованные в течение XX столетия исследования в данной области, получившие мировое признание. Предисловием данного издания являлась статья Вернера Соллорса. Указанный автор выбрал несколько узловых проблем этничности, вокруг которых сосредоточены исследования современных американских авторов: «этничность как принадлежность к этносу», «этничность и классовость», «содержание и смысл этнической самоидентификации в современности», «этническое ядро и установление границ», «ассимиляция и плюрализм», «раса и этничность». Данная схема, на наш взгляд, объективно отражает основные направления исследования этничности в современной науке. Историографический анализ, проведенный В. Соллорсом, демонстрирует отсутствие единого мнения буквально по всем теоретическим направлениям, что является следствием сложности и противоречивости рассматриваемых явлений и процессов, связанных с этничностью. Интересным в этом обзоре является тот факт, что американские антропологи и социологи уделяют большое внимание в своих исследованиях взаимосвязи этничности и социального. Например признается, что взаимодействие понятий «этничности» и «классовости» является одним из основополагающих. Антрополог А. Коэн полагает, что этничность является частью социальной системы, поскольку с этничностью неразрывно связываются способы добычи средств существования, борьба за получение социальных благ, включая приобретение жилья, образования и др.

Этническая граница – это характеристика, которая описывает этническую группу не как территориально-административное образование, а как культурную и социальную общность людей. Этническая граница по Ф.Барту – это результат внутреннего социального конструирования или организации культурных и психологических различий в условиях взаимодействия данной этнической группы с другими группами [2,с.30].

В наиболее распространенной полиэтнической ситуации, под которую созданы все используемые аналитические модели, этнические границы являются стабильными, ярко выраженными, и общепризнанными. Члены всех этнических групп согласны с тем, где и с помощью каких маркеров проведены границы, и этническая принадлежность каждого отдельного индивида не вызывает сомнений. Эта ситуация является стабильной и во временном аспекте. Самым ярким исключением из этого правила является пример США, где этнические границы в среде эмигрантов являются в значительной степени размытыми.

В отечественной литературе понятие этническая граница заменялась понятием социальная и культурная дистанция, поскольку считалось, что эти понятия имеют сходное содержание[2,с.9]. При этом данное понятие использовалось в широком значении как мера сходства или различия не только в социальных позициях, но и в макросистемных социальных и социально-политических ориентациях этнических групп. Автор настоящего исследования согласен с обоснованностью такого подхода к изучению этнической границы. Действительно исследование социальных и культурных дистанций является основой определения этнической границы.

Категория «дистанция» в применении к человеку, используется среди социологов и психологов в качестве попытки свести к более или менее измеряемым понятиям степени понимания и близости, которые характеризуют личностные и вообще социальные отношения.

Человек испытывает чувство дистанции не только по отношению к другим индивидам, с которыми он контактирует, но и по отношению к другим социальным группам. К таким группам относят и классы и расы. «Расовое» и «классовое» сознание часто вторгается, изменяет и ограничивает личностные отношения; отношения, которые при иных обстоятельствах, как кажется, могли стать самыми близкими, основанными на взаимопонимании.

Подобная схема отношений касается любой расы, класса или категории людей, по отношению к которым наши установки зафиксированы, закреплены обычаями и привычками. В обществе каждый способен иметь отношения с любым человеком, при условии, что тот сохраняет определенную дистанцию.

Само понятие социальной дистанции было введено в научный лексикон Т.Парком и П. Сорокиным [3]. То, что люди находятся в разных частях социального пространства, занимая разные статусные позиции является очевидным фактом. Социальная дистанция выступает в двух формах. Во-первых, это дистанция между статусными позициями в одномерной плоскости социального пространства (например, политического, административного, экономического, символического и т.д.). Объективная социальная дистанция поддерживается с помощью инструментов власти. Социальные институты формируют социальные общности, но в то же время и сами формируются ими. Так, государство не может не отражать баланс интересов социальных общностей, находящихся на контролируемой им территории. Поэтому оно выступает как машина, обеспечивающая поддержание социальной иерархии в соответствии с имеющимся балансом сил. Господствующая группа подчиняет государство себе и использует его для конструирования социальной иерархии в конфигурации, наиболее благоприятной для реализации ее интересов.

Во-вторых, социальная дистанция характеризует личностные отношения. Эта сторона социальной дистанции связана с первой, но отнюдь не строго детерминированным образом. Она определяется системами ценностей, которые разделяют сопоставляемые люди (здесь в качестве единицы выступает уже индивид, занимающий несколько статусных позиций).

В работе «Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России» Л.М. Дробужева с соавторами рассматривает проблему этнических границ в России через призму целого комплекса социально-культурных маркеров: политическая ситуация и социальный статус, идеология и культура, этнопсихологические стереотипы. Одними из таких маркеров являются социальный статус и социальная стратификация основных контактирующих этносов в республиках Российской Федерации. Авторы отмечают тот факт, что зарубежные исследователи всегда считали сходство в социальной структуре контактирующих народов одним из важных условий их благоприятного взаимодействия. Отечественные этносоциологи отмечали, что именно период значительных изменений в социальной структуре этнических групп повышает конкурентность и влияет на межэтнические отношения [2, с.64].

Изучение экономических, социальных процессов и социальной стратификации в этнических группах помогает объяснить сущность и содержание этнических границ. На наш взгляд, большинство современных отечественных исследований делают упор в основном на языковых, религиозных, психологических и исторических характеристиках этносов, что несколько сужает представления об этнических границах. Автор согласен с тезисом, что родной язык – это традиционно основополагающий маркер этнической идентичности. В то же время необходимо учитывать, что в период глобализации его идентифицирующая роль у сравнительно небольших этносов неуклонно снижается.

Влияние социально – экономического фактора на этносы в целом и этническое самосознание является важным аспектом формирования этнической идентичности. Теория Ф. Барта напрямую связывает процесс формирования этнической идентичности со сферой социального взаимодействия, в том числе и в области хозяйственной деятельности этносов [1]. В этнологических исследованиях ученые (в основном представители примордиализма) традиционно уделяли и уделяют большое внимание культурным различиям (культурной дистанции) между этносами, в то время как процесс создания и поддержания этнических границ долго оставался вне их поля зрения. Барт исходил из того, что этнические группы представляют собой определенное организованное социальное взаимодействие, которое отличало одну группу от другой (социальная дистанция). Все остальные характеристики (в том числе культурные маркеры) он соотносил с этим основным, по его мнению,

признаком. Таким образом, он сдвинул фокус исследования с внутренних культурных характеристик и исторических фактов отдельных групп к этническим границам и процессам их поддержания. С подобной позиции факт культурной отличительности группы рассматривается как результат, а не первичный организационный фактор.

Если этническая общность определяется как группа, основанная на процессах аскриптивности и исключения, то ее природа зависит в первую очередь от поддержания границы. Обозначающие ее культурные характеристики могут меняться, культурные признаки отдельных членов группы также могут трансформироваться, может видоизменяться даже форма социальной организации группы, однако факт длительной дихотомизации членов группы и нечленов позволяет исследовать меняющиеся культурные формы и содержание. Сегодня мировые политические процессы демонстрируют устойчивость этнических границ, и даже их актуализацию в ряде регионов. Следует отметить, что современные исследования этничности не объясняют в полной мере причины данных процессов глокализации.

Список литературы:

1. Bart F. (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries*. – Boston : Little, Brown, 1969.
2. Дробижева Л.М.(ред.) *Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН.- М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.*
3. Ильин В. *Теория социального неравенства (структуралистско – конструктивистская парадигма)* // [http: www.socnet.narod.ru](http://www.socnet.narod.ru).
4. Цит по: Майничева А. Ю. *Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов. Историографический очерк* // [http: www.zaimka.ru](http://www.zaimka.ru)
5. Хилханов Д.Л./Этническая граница как социально-философская проблема/Д.Л.Хилханов// *Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – Улан-Удэ. Изд. – полигр. Комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. - №1(2). С. 5-8*

УДК 323.1

**СОХРАНЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
МОЗАИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ВЕКТОР
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

**CONSERVATION AND MAINSTREAMING
AN ETHNO-CULTURAL MOSAIC IN THE REGIONS
OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST AS A VECTOR
OF CULTURAL AND EDUCATIONAL POLICY**

Аннотация. Рассматриваются проблемы сохранения и актуализации этнических культур в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока, в циркумполярной зоне. Дается сопоставительный анализ традиционной культуры и молодежной контркультуры, которая определяется как превращенная самоинициация. Критически анализируется феномен мультикультурализма. Обосновывается концепция этнокультурной мозаики как модели этнокультурных взаимосвязей и взаимодействий в регионах Севера и Арктики.

Summary. The problems of conservation and mainstreaming ethnic cultures in the regions of the North, Siberia and the Far East, in the circumpolar zone are considered. The author gives a comparative analysis of the traditional culture and youth counterculture, which is defined as a transformed canonicity. A critical analysis of the phenomenon of multiculturalism is given. The article substantiates the concept of ethno-cultural mosaic as a model of ethnic and cultural linkages and interactions in the regions of the North and the Arctic.

Ключевые слова: поликультурность, поликонфессиональность, культурное многообразие, этнокультурная мозаика, этническая мобилизация, коренные малочисленные народы, мультикультурализм, этническая идентичность, культурно-образовательная политика.

Keywords: multiculturalism, multi-religious reality, cultural diversity, ethnic and cultural mosaic, ethnic mobilization, aboriginal peoples, ethnic identity, cultural-educational policy.

Культурное многообразие, полиэтничность, поликонфессиональность можно отнести к числу отличительных особенностей уникальной российской цивилизации, особенно ярко проявляющейся в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока, в арктической, циркумполярной зоне. Её сохранение в условиях нарастающей глобализации, гомогенизации культуры – одна из сложнейших задач, требующих для своего решения не только значительных экономических, материальных ресурсов, но, возможно, прежде все-

го - ясного осознания общемировой, общечеловеческой цивилизационной миссии России.

Говоря об Арктике, первый президент Республики Саха (Якутия) М.Н. Николаев в одном из своих выступлений справедливо подчеркнул: «Сегодня возрастает роль циркумполярного мира, имеющего решающее значение для сохранения экологии планеты... Всесторонняя информация о циркумполярной цивилизации позволит капитально развивать теоретическую и методическую базу общей экологизации мышления и сознания, этики и культуры в подходах к дальнейшему освоению Арктики» [1]. Сказанное о циркумполярной зоне, в значительной мере касается всех регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, составляющих около 70% территории всей России. Проживающие на этой территории *коренные малочисленные народы*, многие из которых своим возрастом опровергают известные этнологические схемы и прогнозы, живое воплощение неисчерпаемости человеческого потенциала культуры и, увы, *условности, относительности* представлений о прогрессе, общечеловеческих ценностях и приоритетах, о справедливости вошедшего в мировую практику ранжирования культур и народов по уровню «развитости» и «неразвитости», «прогрессивности» и «отсталости». Об этом говорит и нарастающий во всём мире интерес к традиционным этническим культурам, религиозно-мифологическим представлениям, шаманским практикам. Об этом свидетельствует и начавшиеся в последнее десятилетие XX века и развивающиеся сегодня процессы, получившие наименования «этнический Ренессанс», «этническая мобилизация», «взрыв этничности». Стало совершенно очевидно, что в процессе межгенерационной трансляции культуры и в межкультурных коммуникациях потеряно, утрачено очень много важного, существенного для понимания смысла жизни, природы, культуры, человека. Между тем, всё больше подтверждений находит концепция выдающегося отечественного учёного В.И. Вернадского о переходе биосферы Земли в новое состояние – ноосферу – сферу разума, который предполагает и соответствующие изменения в человеческом обществе, направленные, прежде всего, на достижение в его развитии гармонии в триаде «человек – производство – природа». Следует напомнить, что в концепции «устойчивого развития», принятой сегодня в Российской Федерации в качестве государственной программы, прямо содержится ссылка на идею ноосферы В.И. Вернадского.

Именно поэтому сегодня сохранение (а, в некоторых случаях и ревитализация) языков и культур коренных малочисленных народов, сохранение и актуализация *культурного многообразия*, должны рассматриваться не как решение факультативной гуманитарной проблемы, касающейся существования неких «маргинальных» малочисленных человеческих сообществ, но как решение глобальной проблемы, касающейся физического выживания

всего человечества. Наиболее убедительно, на наш взгляд, это сформулировано в работе известного российского этнолога и культуролога С.А. Арутюнова «Народы и культуры: развитие и взаимодействие»: «...Локальное разнообразие культуры человечества, рассмотренное как его поливариантность, есть не что иное, как одно из выражений его избыточности. А эта избыточность потенциально имеет огромное адаптивно-эволюционное значение. Для эффективного выполнения своих адаптивных функций культура во всех своих формах проявления не в меньшей степени, чем способы биологического существования, должна ...носить избыточный характер и тем самым быть способной нести в себе необходимые потенции для достижения адаптивного эффекта в новых, порой резко изменяющихся условиях. Отсутствие у человека процессов биологической видовой дивергенции как раз и делает необходимым его локальное разнообразие, проявляемое прежде всего в выработке различных этнических культур. С этой точки зрения этнические культуры, рассмотренные в проекции на общее развитие человечества, и биологические виды, взятые в их соотношениях к общему полю биологической эволюции, представляют собой во многом изоморфные и изофункциональные образования» [2, с.153].

В свете идей В.И. Вернадского и в связи с нарастанием во многих странах мира неонацистских движений здесь стоит отметить принципиальный античеловеческий, губительный для цивилизации характер нацизма, ксенофобии, национальной «люстрации», «языкового геноцида», попыток насильственного, искусственного создания «мононациональных» государств и обществ.

Движение цивилизации вперёд должно сочетаться с постоянным обращением к прошлому, к уникальному историко-культурному опыту взаимодействия человека с природой и себе подобными, особенно, в экстремальных природно-климатических условиях, заставляющих наиболее полно раскрываться мощный культуротворческий потенциал человечества. В этом смысле и историко-культурное прошлое и сегодняшняя, во многом сохраняющая, адаптирующая и актуализирующая это прошлое, жизнедеятельность коренных народов Севера и Арктики содержит немало поучительного для современной высокотехнологичной «европо» - и «американо» - центральной цивилизации, для так называемых «развитых» и «развивающихся» стран. Стоит отметить хотя бы тот высокий уровень эстетизации человеческого мироотношения, который при всей «рационалистичности» и «прагматичности» традиционных видов хозяйственной деятельности в культуре коренных народов был и остаётся важнейшей составляющей традиционной системы жизнеобеспечения, проявляясь, в частности, в высочайших, имеющих непреходящую общечеловеческую ценность, образцах народного художественного творчества, декоративно-прикладного искусства, фольклора,

танцевально-пластической и музыкальной культуры. Сегодняшнее общемировое увлечение «этномодой», «этностилем», «этномотивами» в искусстве, в массовой культуре – наглядное подтверждение жизненности и актуальности этнокультурных ценностей.

В этом смысле чрезвычайно показательным оказывается и опыт молодёжной контркультуры второй половины XX века, оставившей неизгладимый след в современной культурной «картине мира». Речь идёт о своеобразном «неотрадиционализме» контркультуры. Бунтующая молодёжь, требующая возврата общества, культуры к «естественности», неосознанно обратилась к проверенным временем этническим механизмам культуры – «контркультура» обрела «этнические краски», но не в смысле обращения к какому-то конкретному народу (хотя рок-культура тяготела именно к аборигенным, экзотическим, во многом сохранившим свою культурную самобытность, народам), а, прежде всего, в смысле использования универсальных механизмов этнической социокультурной самоорганизации. Молодёжная контркультура, в частности, самое яркое ее выражение – *рок-культура*, может быть рассмотрена как своеобразная «превращенная самоинициация молодежи», качественная реакция на «инициационный голод» современного общества, на несовершенство, неадекватность социальным реалиям механизмов социализации.

В этом смысле аналогии между традиционной культурой и рок-культурой носят отнюдь не внешний характер: речь, на наш взгляд, идет о своеобразном проявлении *этничности*. Рок-концерт имел мало общего с традиционной концертной формой, становился обрядом, где нет разделения на музыкантов и слушательскую аудиторию, где осуществляется «совместное радение», а рок-лидер, выполняет роль *главного инициатора*. Громкая динамика и метроритмическая однообразность выполняют примерно ту же функцию, что и в шаманских камланиях, приводя участников в «изменённое состояние сознания» (только натуральный шаманский бубен заменен более функциональной электронно-ударной техникой, хотя, например, в якутском «саха-роке» на сцене появлялся и шаман с традиционным бубном). Одновременно образовывалось замкнутое звуковое пространство аналогичное «волшебному лесу», куда уводили иницилируемых юношей их старшие наставники у славян и балтов, и куда взрослым доступ был ограничен (хотя бы уровнем децибелов). Добавим к этому молодёжный сленг (свой язык), особую манеру поведения-общения, свою одежду, для которой характерна сплошная «символизация» (в этом смысле, знаменитые хипстерские «фенечки» вполне аналогичны элементам традиционной одежды аборигенных народов, выполняющая ту же функцию), наконец, самосознание своей общности, единства и отличия от «других» - взрослых. В этом смысле, речь идёт о своеобразном молодёжном «*этноцентризме*» как естественном элементе «*этногенеза*». Мы

берем в кавычки эти два понятия именно потому, что говорим о формировании самосознания не этнической общности, а возрастной, но аналогичном первому «по механизмам», по своей технологии. Это дает основание совместить совершенно разные стороны человеческой общности – возрастную и этническую, и увидеть в контркультурной молодежи своеобразный «квази-этнос».

Культурно-образовательная политика государства не имеет перспектив, если не ориентируется на указанные выше *культурное многообразие, полиэтничность, поликонфессиональность* общества, на развитие культуры межнационального (межэтнического), межконфессионального общения. Одно из важнейших оснований этой политики – признание естественности и неизбежности для России принципа многокультурности и полиэтничности, как сформировавшейся исторически цивилизационной особенности, которое сочетается с признанием ведущей роли государствообразующего русского народа, численность которого достигает почти 80% всего населения страны. Но вопрос заключается в самом способе существования многокультурности и полиэтничности или, точнее, культурного сосуществования разных этносов в едином социокультурном пространстве страны.

В современной мировой этнополитической теории и практике самое большое распространение получил концепт «*мультикультурализма*». В то же время существование множества вариантов определения этого понятия, позволяет сделать вывод о том, что оно, скорее, относится к области идеологии, чем к области науки [3]. Объяснить нарастание «мультикультуральности» можно, на наш взгляд, прежде всего, с позиций культурной антропологии, как естественную реакцию «самозащиты», «самосохранения» человеческого рода перед лицом угрозы унификации, гомогенизации культуры, утраты народами своего культурного «лица», нивелирования собственной культурной специфики. Основанием здесь служит приведённая нами выше идея С.А. Арутюнова.

В то же время, характерным для многих современных отечественных и зарубежных исследователей является признание мультикультурализма (как культурного разнообразия) в качестве угрозы для единой, гомогенной национальной культуры, как фактор её размывания, уничтожения. [4]. Так, известный российский исследователь и публицист В. Малахов утверждает, что «идеология мультикультурализма – скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирования. Кто бы ее ни отстаивал... мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом «культурных сообществ»» [5, с.159]. Говоря о западноевропейской концепции мультикультурализма А.И. Куропятник употребляет термин «сдержанная интегра-

ция», имея ввиду такой вариант адаптации иммигрантов в рамках общей гражданской идентичности, который препятствует «ментальному размыванию границ национальной культуры государства» [6, с.161].

В то же время реальная практика дала неутешительные результаты: в 2011г. состоялись публичные признания руководителей ведущих западно-европейских стран – канцлера ФРГ А. Меркель, президента Франции Н. Саркози, бывшего премьер-министра Испании Х.М. Аснара, премьер-министра Великобритании Д. Камерона и вице-преьера Нидерландов М. Верхагена в том, что политика мультикультурализма в их странах потерпела полный крах. Аналогичные признания неоднократно звучали и в Австралии. А ещё ранее (31 августа 2010г.) в Берлине состоялась сенсационная презентация книги члена правления Бундесбанка *Тило Сарацина* «Германия-самоликвидация» («Deutschlandschafftsichab»), в которой автор обрушивается на губительную, по его мнению, демографическую, социальную, миграционную и образовательную политику, проводимую на протяжении многих лет либеральными властями Германии. И эта оценка подкрепляется достаточно убедительными расчётами автора, аргументирующими последствия, которые, по его мнению, ожидают Германию в результате падения рождаемости, проблематичной иммиграции (в особенности, мусульманской) и роста необеспеченного и малообразованного слоя населения (турки, арабы Ближнего Востока и Магриба, выходцы из Африки). Важную роль здесь играет уровень образования. С точки зрения Т. Сарацина значительная часть мигрантов не только не желают, но и не могут интегрироваться в немецкую культуру, что грозит ускоренной гибелью немецкой нации. Интересно, что Т. Сарацин выступает не против иммиграции вообще, а настаивает на усилении иммиграции из стран Восточной и Южной Европы, азиатских стран, выходцы из которых готовы к интеграции в немецкое общество и имеют более высокий уровень образования.

Но означает ли это крах идей культурного разнообразия и полиэтничности, и переход к жёсткой ассимиляционной модели межкультурного взаимодействия? Очевидно, нет, так как сегодня такая модель вряд ли уже возможна в странах Западной Европы, демографический и этноконфессиональный состав населения которых резко изменился в пользу иммигрантов. С.А. Цатурян и Г.Ю. Филимонов утверждают: «Одна из основных причин краха политики мультикультурализма в Европе и неизбежно нарастающего кризиса в США (согласно реальной картине межэтнические противоречия в Америке не исчезали, а сегодня только нарастают) – противоестественность попыток искусственного смешения культур там, где отправные исторические, социокультурные, хозяйственно-экономические, ментальные и прочие различия делают перспективу реализации таких проектов нереалистичной. Особенно в том случае, когда основная нагрузка по содержанию вновь при-

бывающих пополнений в семьи мигрантов (живущих на социальные пособия) ложится на плечи налогоплательщиков из числа коренного населения. Это приводит к постепенному ослаблению прав национального большинства по отношению к меньшинству и фактическому лишению правовых и политических инструментов противодействия экспансии» [7, с.70-71].

В то же время данная ситуация, неопределённость в понимании мультикультурализма и особенностей сосуществования и взаимодействия разных этнических культур в едином национальном культурном пространстве связаны с недостаточностью научной базы в исследовании этнических и этнонациональных аспектов культуры. Это в результате приводит к подмене научно обоснованных решений решениями чисто политическими, волевыми. Так, например, молодёжные этнические волнения во Франции продемонстрировали неадекватность «французской модели» нации как *согражданства*, явно недооценивающей фактор этнического происхождения и профессиональной принадлежности молодёжи. Кроме того, существует значительная разница между европейским и американским мультикультурализмом. В государствах, созданных на иммигрантской основе – США, Канада, Австралия – сосуществование множественных этнокультурных миров выглядит совсем иначе, здесь может происходить своеобразное надэтническое «сплочение равных», объединяемых общегражданской идеей – «американской мечтой», например. Хотя, разумеется, «равенство» здесь весьма относительно: в США, где мультикультурализму как официальной доктрине предшествовала не оправдавшая себя концепция «плавильного котла», в качестве доминанты «сплавления», этнокультурной основы англосаксонской нации мыслилась именно англосаксонская часть населения.

В России политизация этнических проблем в своё время привела к явной подмене понятий: реально сформировавшаяся политическая «новая историческая общность» – «советский народ», фактически, «сняла» этнологическую проблему межэтнических взаимодействий, затушевала требующие исследования проблемы и противоречия этнической, этнокультурной, этноментальной основы этих взаимодействий. Это, в свою очередь, после распада СССР привело к взрыву межэтнических конфликтов и междуусобиц. Здесь нетрудно заметить аналогию между советской моделью общности народов и упомянутой выше американской (также политической) моделью «плавильного котла».

Недостаток научной основы для решения сложных проблем межэтнических взаимодействий особенно наглядно проявляет себя в том, что в отличие от социально-классовой, половой, возрастной видов идентификации, *идентификация этническая* по существу не имеет никаких объективных оснований и происходит (такова и общемировая практика) *на основе самосознания*. Условность такого основания, в значительной степени ситуативного,

непосредственно зависящего от характера самосознания, уровня знаний об обществе, этносах, регулярно демонстрируют происходящие в России переписи населения, выявляющие, в частности, массовую «этнографическую безграмотность» населения. Именно некоторые результаты «экзотических» этнических самоидентификаций опрашиваемых заставляет этнографов корректировать результаты переписей, что вступает в явное противоречие с указанным выше субъективным принципом «идентификации по самосознанию». Исследование этноса, этничности, этнической идентичности, межэтнических взаимодействий, мультикультурализма – не может быть прерогативой только этнологической науки, находящейся сегодня к тому же в глубоком теоретико-методологическом кризисе. Это чрезвычайно сложные явления, требующие для своего изучения комплексный междисциплинарный подход. Трудно не согласиться с оценкой, данной М.В. Тлостановой, по мнению которой мультикультурализм – «весьма противоречивое междисциплинарное явление, включающее идеологические, философские, художественные аспекты и оперирующее в сферах антропологии, социологии, политологии, экономики, историографии, педагогики, наконец, литературоведения и философии» [8, с.7]. Отсутствие междисциплинарной интеграции, комплексности в исследовании феноменов этноса, этничности, этнической идентичности, межэтнической коммуникации, имеет в качестве следствия непонимание законов существования и развития социума в его этнонациональном измерении.

Ситуация с коренными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока России существенно отличается и от европейской мультикультурности, и от северо-американской модели «мультикультурализма». Эти народы живут на собственной этнической территории – территории своего этногенеза. Кроме того, исторически в рамках каждого из северных регионов, которые все являются полиэтничными, уже отработаны и апробированы собственные модели межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, сформировался феномен, который можно назвать «*этнорегиональной идентичностью*» – своеобразная монада общероссийской гражданской идентичности, опирающейся на идентичность этническую, на самодостаточность каждого из народов, составляющих региональную общность.

Применительно к регионам Севера, Сибири и Дальнего Востока наиболее адекватным, на наш взгляд, является понятие «*этнокультурная мозаика*». Отметим, что данная французским социопсихологом А. Молем в его известной работе «Социодинамика культуры» (М., 1995) интерпретация понятия «культурная мозаика» имеет несколько иной смысл, иную коннотацию, связанную с особенностями развития массовой культуры, формирующей особый тип сознания, характеризующийся случайным, хаотическим восприятием разнородной информации, в результате чего эта информация

не организуется сознанием субъекта в иерархически упорядоченные структуры, а состоит из разрозненных элементов, обрывков, которые связаны между собой простыми, случайными отношениями, ассоциациями. «Мозаичная культура» воспринимается человеком почти произвольно, благодаря случайному выхватыванию отдельных «кусочков» из моря информации. На наш взгляд, здесь был бы более уместен термин «калейдоскоп», отражающий несвязанность, случайность, дискретность элементов – информации. Мы опираемся на тот смысл понятия «мозаика», который сформировался, прежде всего, в художественной культуре. Мозаика представляет собой такую *художественную технику*, где создание изображения, образа осуществляется путём набора кусочков какого-либо материала, прикрепляемых к основе. Естественно, что при этом каждый кусочек имеет своё строго определённое место, участвуя в создании целостного образа, и единую скрепляющую все фрагменты основу. Именно так достигается многокрасочность и, одновременно, цельность мозаичного произведения. Не случайно в заголовках целого ряда современных работ, посвящённых культурному разнообразию, употребляется именно это понятие [9; 10].

Таким образом, речь идёт о понятии, наиболее точно выражающем концепцию единства культурного разнообразия. Примерно таков смысл понятия «*мозаичный или радикальный мультикультурализм*», предложенного известным американским философом и политологом Сейлой Бенхабиб. Здесь имеется в виду ситуация, в которой «группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы» [11, с. 9]. Подчеркнём, что взаимодействие и сосуществование изначально предполагает, с одной стороны, наличие границ и чёткой идентифицированности того, что взаимодействует и сосуществует; с другой стороны, наличие общей основы. Это особенно важно, если мы обратимся, например, к такому важному и в значительной мере системообразующему элементу любой этнической культуры как язык, сохранение которого требует достаточно жёсткого сохранения границ, что при этом не исключает языкового межязыкового взаимодействия. Без соблюдения таких границ в России, например, не удалось бы сохранить языки более 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Здесь уместна и вполне оптимистическая оценка в уже упомянутой статье С.А. Цатуряна и Г.Ю. Филимонова: «Применительно к России, правомерно отметить, что мы обладаем уникальным и эффективным многовековым опытом построения мультикультурной общности народов, превосходящий американскую и европейскую модели. Наша история может служить наглядным примером для формирования многонациональных социумов будущего. Вместе с тем, необходимо признать наличие других специфических

внутренних сложностей и крупных проблем, связанных с выстраиванием национальной политики в России на современном этапе» [7, с. 70].

Необходимо учитывать то, что в общественном сознании, мало «отягощённом», к сожалению, этнологическими и культурологическими знаниями, происходит постоянное смешение понятий «интеграция» и «ассимиляция». Достижение однородности на основе свойств одного из участников межэтнического взаимодействия (более сильного) именуется «*ассимиляцией*» (в этническом смысле) и «*аккультурацией*» (в культурологическом смысле). *Интеграция* как результат межэтнического, межкультурного взаимодействия предполагает образование некоего нового качества, культурного *конгломерата* при сохранении ценности и относительной самостоятельности отдельных элементов этого культурного целого, отдельных элементов этой мозаики. Этот процесс может быть определён и как *взаимоадаптация культур*. Только на этой почве, на наш взгляд, может возникать гражданское общероссийское единство, гражданская общероссийская идентичность. Следует исходить из того, что межэтническое общение обладает мощным гуманистическим общечеловеческим потенциалом, так как затрагивает систему ценностей, сформированную предшествующими поколениями, обеспечивает духовную преемственность существования человека. В этом смысле, как нам уже приходилось отмечать, «межэтническое общение», в котором в полной мере проявляется «этничность», оказывается наиболее глубокой и соответствующей природе человека формой его социокультурного бытия» [12, с. 285].

Специального рассмотрения заслуживает система образования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, развитие которой в значительной мере способствовало сохранению и актуализации родных языков и культур этих народов, их взаимоадаптации и интеграции прежде всего с русской культурой. Хотя, разумеется, не следует идеализировать эти процессы, развитие которых долгое время осуществлялось в определённых социокультурных и идеологических рамках, и имело ряд негативных последствий для коренных малочисленных народов – одной из наиболее социально уязвимой групп населения Российской Федерации, требующих особенно внимательного и бережного отношения

Примечания

1. Выступление М.Е. Николаева на Международной конференции ЮНЕСКО «Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра». 29 июля 2009 года, г. Якутск [Электронный ресурс] // Сайт первого Президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева. Режим доступа: URL: <http://www.1sakhapresident.ru/index.php/ru/2008-11-03-08-01-16/411-300709>. (дата обращения: 04.04.2014).

2. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие: Наука, 1989.

3. Почти полное описание этих вариантов даётся в следующей работе: Некрасов С.И., Некрасова Н.А., Платошина В.В. Американский мультикультурализм. М.: Изд-во «Академия естествознания», 2011.

4. Борисов А.А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. М.: Изд-во Аспект-пресс, 2003.

5. Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. 2000. № 5–6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5_6_01.htm. (дата обращения: 03.04.2014).

6. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

7. Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии // Политика и общество, 2012, № 2.

8. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000.

9. Гэри Вивер Мозаика американской культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_460d686ac350e.html (дата обращения: 03.04.2014).

10. Тишков В.А. Культурная мозаика и этническая политика в России. Доклад на III Международной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития». М., 2002.

11. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие. М.: Логос, 2003.

12. Набок И. Л. Педагогика межнационального общения. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010.

УДК 94(5): 397:719

С.Г. Жамбалова

**КОЧЕВОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ
СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

**THE NOMADISM IN THE CONTEMPORARY WORLD: THE
PROBLEM OF PRESERVATION AND USE**

Аннотация: В статье рассматривается кочевой образ жизни как культурное наследие монголоязычных народов, исследуются проблемы его сохранения и использования в современном мире. Налицо факт масштабного существования в XXI в. номадизма, он успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия). В настоящее время кочевой образ жизни ordinarily человеку помогает выжить, а на государственном уровне способствует эффективному планированию и решению экологических проблем.

The article deals with the nomadic lifestyle as a cultural heritage of Mongolian-speaking peoples as well as the problems of its preservation and use in the modern world. There is much evidence that nomadism exists on a large-scale in the XXI century. It successfully survives in some borders (Mongolia, China), but gradually has been disappearing in others (Russia). Currently a nomadic style of life helps to survive to an ordinary person, and it helps to plan and solve environmental problems effectively at the state level.

Ключевые слова: монголоязычные народы, Центральная Азия, кочевой образ жизни, культурное наследие, традиционализм, модернизация, современность, трансформация, сохранение.

Keywords: Mongolian-speaking peoples, Central Asia, nomadic way of life, cultural heritage, traditionalism, modernization, contemporaneity, transformation, preservation.

Широко распространенное определение понятия культурное наследие как части материальной и духовной культуры, передающейся поколениям как нечто ценное и почитаемое, позволяет отнести к нему и кочевой образ жизни. Образ жизни - философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов жизнедеятельности социальной группы, общества в целом в единстве с условиями жизни. Она позволяет комплексно, во взаимосвязи рассматривать сферы жизнедеятельности людей: труд, быт, общественную жизнь, культуру, обусловленные укладом, уровнем, качеством жизни.

Природа и культура составляют жизненную среду обитания человека. Природа - фундамент, а культура - само здание бытия человека. Сохранение культуры столь же естественно и необходимо, как сохранение природы. Кочевничество (номадизм) - особый вид хозяйственной деятельности и связанных с ним социокультурных характеристик, при котором основным занятием населения является экстенсивное кочевое скотоводство. Данный хозяйственно-культурный тип получает распространение как один из наиболее оптимальных для качественной адаптации в сухих степях, полупустынях и высокогорных районах

Евразии. Одним из регионов его распространения является этническая территория монголоязычных народов.

В данной статье рассматривается кочевой образ жизни как культурное наследие монголоязычных народов, исследуются проблемы его сохранения и использования в современном мире. Данная тема актуальна - в современном мире особенно остро стоит проблема сохранения традиционной культуры и среды обитания как этноэкологических рефугиумов, убежищ со статусом охраняемых природных территорий. Одним из государств, где это возможно без ущерба общей модернизации страны, является Монголия, а также сохранение кочевого образа жизни или его важных элементов реально в отдельных регионах КНР, в том числе в Автономном районе Внутренняя Монголия, и, возможно, в отдельных районах России.

В современном мире монголоязычных народов Центральной Азии, по одним данным, около 10 млн. чел., по другим 8, 5 млн: это буряты и калмыки России, монголы и буряты Монголии, монголы и буряты АРВМ КНР и др. В центре внимания исследования центральная зона культуры кочевников-скотоводов Центральной Азии. Механизмы и специфика этнических процессов у монголоязычных кочевников выявляются с помощью концепции традиционализма и модернизации. При разработке темы широко используется дефиниция «образ жизни», разработанная советскими учеными, как наиболее близкая нашему пониманию проблемы Г.Е. Марков и др. [9 и др.] За последние годы мной опубликовано 14 работ на данную тему, в том числе 1 монография [5; 6; 7 и др.]. Одна из задач выступления с подобной темой на международной конференции - ознакомить ее участников с некоторыми результатами моих исследований специфики кочевого образа жизни

Работы базируются на следующих источниках - полевые материалы, записанные в Китае у этнофоров, часть их опубликована [4 и др.]. Это полевые наблюдения в АРВМ в течение года, а также в Монголии во время кратковременных пребываний. Бурятские полевые материалы [7 и др.]. Используются литературные и визуальные источники, в том числе документальные фильмы.

Методология компаративистского анализа позволяет создать объективную картину неравномерного сохранения кочевого образа жизни у данных народов. Эти свидетельства единства и многоликости монгольского мира асинхронны: верхняя граница кочевого образа жизни у бурят - перв. пол. XX в., а у монголов – современное время [5]. Для решения темы использованы другие современные методологии и методики, они позволяют выявить тенденции в этнических процессах у монголоязычных nomадов, проживающих в трех странах, в двух из которых, в России и Китае,

длительное время дисперсно с оседлыми земледельцами в ином преобладающем языковом и конфессиональном окружении в статусе малочисленных народов. В начале XXI в. обнаруживаются три модели адаптации монголов к современному модернизирующемуся миру, условно их можно обозначить как российская, китайская, монгольская.

В перв. пол. XX в. А. Дж. Тойнби писал: «Кочевой образ жизни был обречен в Евразии на гибель с того момента в XVII столетии, когда две оседлые империи – Московская и Маньчжурская – протянули свои шупальца по Евразийской степи в различные стороны света» [10, с. 335]. Далее он продолжает: «Сегодня западная цивилизация, распространившая свои шупальца по всей поверхности земного шара, завершает истребление кочевников во всех других их древних владениях» [10, с. 336]. Как показало время, исследователь был отчасти прав – кочевой образ жизни в определенной степени трансформировался и кое-где совсем исчез. В целом же ученый не смог предвидеть запаса прочности данного хозяйственно-культурного типа. Появляются новые работы о номадизме. Возрастает историография *Rex mongolica*. Однако главный вопрос, требующий научного изучения, каковы механизмы и специфика существования кочевого образа жизни в модернизирующемся мире, остается еще открытым.

Возникнув в конце неолита, номадизм постепенно начал исчезать в XX в. по мере роста городов и того, как власти начали регулировать и ликвидировать кочевой образ жизни. В отечественной историографии прослеживаются этапы перехода на оседлость бурят, которые к середине XX в. отошли от кочевого образа жизни. В то же время появляется целый ряд работ, посвященных возрождению некоторых компонентов кочевого образа жизни у бурят XXI в. Многие монголы Монголии и Китая в силу собственного традиционализма, а также из-за внешней и внутренней изоляции, продолжают вести во многом аутентичный традиционный образ жизни, хотя по большому счету, это только осколки бывшего номадизма.

Из жизни давно ушли древняя социальная иерархия, средневековые военные формирования, грандиозные облавные охоты, многие символические культурные ценности - дух войны, бывший одним из важных компонентов средневековья, а вместе с ним и соответствующий образ жизни. Такая картина характерна для всей ойкумены.

Монголы Китая, проживающие в степи, безусловно, сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая ушла из повседневной жизни бурят России. Бурятоведы собирают по крупницам реминисценции, реконструируют то, что в Монголии и Китае в начале XXI в. часть реальной повседневной жизни для многих людей. В последнее время мной введены в научный оборот полевые материалы, которые позволяют уточнить время активного бытования и постепенной утраты у бурят советского периода

традиций кочевого образа жизни и отметить возрождение некоторых традиционных компонентов в постсоветское время. Уточнена датировка активного бытования и постепенного исчезновения традиций кочевого образа жизни в реалиях почти сплошной постоянной оседлости [7]. До середины XX в. несмотря на государственные меры по искоренению традиционализма и на декларации СССР о преодолении пережитков прошлого, компоненты кочевого образа соразмерно присутствуют в повседневной практике рядовых людей и серьезно помогают им выживать в нелегкие годы истории страны. Приведенные бурятские материалы также обоснованно свидетельствуют о возможности гармоничного существования традиционной культуры в модернизирующемся обществе. Традиционализм в Бурятии в определенной мере способен решать некоторые экономические проблемы современных сельских жителей в отсутствии рабочих мест.

Несмотря на то, что А.Дж. Тойнби отказал кочевой цивилизации в праве выступать отдельным субъектом истории, им не раз высказывалась вполне объективная высокая оценка кочевничества. Например, он пишет: «Жизнь кочевника, в самом деле, представляет собой триумф человеческой ловкости. <...> Чтобы в любое время обеспечить своему скоту пропитание из природной растительности голой и скупой степи, он должен очень тщательно приспособлять свою жизнь и передвижение к сезонному графику. Фактически *tour de force* кочевого образа жизни требует весьма высокого уровня характера и поведения...» [10, с. 332 - 333].

А.С. Железняков предлагает новое рассмотрение роли кочевого монгольского общества в мировой истории, он пишет: «Настало время признать, что в монгольской цивилизации аккумулирован опыт кочевой и оседлой цивилизаций, что она не чужда городской культуре, социальному прогрессу, государственности» [8, с. 101]. Я согласна с данным предложением - нельзя современное государство, Монголию, соотносить с кочевой цивилизацией: это все равно, что и все другие цивилизации низводить до уровня, характерного для эпохи первого разделения труда. Современная Монголия – это модернизирующееся государство, но имеющее свой взгляд на соотношение модернизации и традиционализма.

Монголия постсоветского времени за довольно короткий срок добилась важных преобразований в социальной сфере. Их особенность – это сложное и динамичное переплетение традиционных и современных видов хозяйственной деятельности и образа жизни населения, в том числе оседлого и кочевого, элементов традиционной кочевой и современной постиндустриальной цивилизации. Думается, что модернизация Монголии не погубит номадический образ жизни аратов, а будет способствовать его укреплению и качественному росту. Л. Мади, Э. и Т. Бланшар, создатели показанного по каналу «Культура» 25 марта 2011 г. фильма «Кочевники

Монголии», отмечают, что происходит возрождение утраченных за годы советской власти навыков номадизма: в настоящее время они кочуют до 10 раз в год, выходя за пределы своих аймаков, что было запрещено в середине XX в.

Авторы Йоханнесбургского меморандума считают, что если все страны Земли будут развиваться по индустриальной модели, по «западному» стандарту жизни, то произойдет катастрофа. Однако развитие по традиционным моделям требует серьезной политической и финансовой поддержки. Иначе это приведет из-за потери средств к существованию к насильственной миграции в города [3, с. 18, 19, 22]. И действительно, сохранение кочевого образа жизни у монгольязычных народов во многом зависит от финансовой стабильности государств и требует довольно серьезных бюджетных вложений. В противном случае происходит неконтролируемая миграция степняков в города. Это, как известно, большая проблема современности.

По данным В.В. Грайворонского, в 2000 г. около 80% населения Монголии занималось кочевым животноводством и вело кочевой или полукочевой образ жизни [2, с. 250]. С точки зрения экологии среды обитания это положительный показатель. Есть мнение, что Монголия подошла к открытию новой эры, органично восприняв достижения научно-технического прогресса и вплета их в ткань экологического кочевого образа жизни [1, с. 124].

В.В. Грайворонский отмечает, что в конце 1990-х гг. абсолютное большинство монголов, проживающих во Внутренней Монголии, занято в животноводстве. В период с 1978 по 1999 г. поголовье скота здесь выросло с 10,3 млн голов до 74,4 млн, или более чем в 7 раз, что свидетельствует о возрождении традиционного скотоводства [2, с. 251]. Следует отметить уникальный феномен Китая: удивительное сосуществование в современной повседневности модернизации и традиционализма. Это было замечено мной во время полевых наблюдений в 2002 – 2003 гг. в повседневной жизни тюрко- и монгольязычных меньшинств страны.

В жизни номадов Монголии много проблем социально-экономического характера. Это особенно заметно при сравнительном анализе изменений уровня жизни аратов АРВМ и Монголии, принадлежащих одному монгольскому этносу, но проживающих в различных условиях. В Китае аграрные социально-экономические преобразования носят более эволюционный планомерный характер, поэтому величина среднедушевых денежных доходов животноводов АРВМ почти в два и более раза превышает показатели Монголии [2, с. 251]. Несмотря на сдвиги в улучшении материального благосостояния животноводов в обеих странах, основная масса кочевников живет, по данным на начало XXI в., на

границы или ниже международной условной черты бедности – \$ 1,25 на человека в день [2, с. 258 - 259].

Что касается бедности, скотоводы-кочевники Монголии и АРВМ ведут почти натуральный тип хозяйства, закупая в магазинах в основном муку, сахар, соль и сладости. Голод пока не грозит монголам. Зато, как показано в фильме «Кочевники Монголии», существуют экологические проблемы, обусловленные нарушением баланса в видовом составе скота.

Резкий рост поголовья коз из-за рентабельности его пуха угрожает степной экосистеме. Кочевники замечают, что меняется климат, земля опустынивается – все это приводит к уменьшению поголовья скота, несмотря на то, что в постсоветский период обнаруживается тенденция к его росту. Арат в фильме о Монголии говорит, что из-за этих проблем и желания молодежи более легкой жизни, кочевничество продержится еще лет 30, а затем, наверно, появятся фермы и конюшни.

Возникает вопрос, поглотит ли глобализация традиции монгольского кочевого образа жизни в течение еще одного поколения? Найти верный ответ трудно. Считаю необходимым привести цитату из работы А.С. Железнякова: «Сохранение монокультурного характера сельского хозяйства Монголии не является отрицанием прогресса, оно лишь определяет ее положение в качестве специфического экологического и демографического анклава в центре Азии со своим собственным вектором технического и цивилизационного развития и, в конечном итоге, выступает условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды» [8, с. 102]. На мой взгляд, такое обоснование номадизма в модернизирующемся глобальном мире создает позитивный прогноз уникальному феномену XXI в.

Анализ довольно широкого круга источников позволяет прийти к следующим выводам. Налицо факт масштабного существования в XXI в. номадизма, имеющего особые механизмы сохранения и специфику в каждом из государств. Сохранению и отчасти возрождению кочевого образа жизни в модернизирующемся монголоязычном мире способствует традиционализм с его идеализацией и абсолютизацией традиции, который имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой. Однако этого недостаточно, необходима серьезная государственная поддержка и большие финансовые вливания для его устойчивого дальнейшего развития в традиционном русле.

С последнего десятилетия XX в. по настоящее время заметны две противоречащие друг другу тенденции. Произошел сдвиг в ценностной ориентации в сторону более глубокого понимания уникальности и экологичности кочевого образа жизни. Это приводит к заметному увеличению апологетов номадизма, в том числе среди государственных,

научных, творческих деятелей, образованной монголоязычной молодежи. Однако это не является гарантией того, что используются все имеющиеся политические, административные и научные ресурсы для его сохранения, а молодежь планирует на практике повседневно следовать кочевому образу жизни, скорее всего, она готовит себя к жизни в глобальном мире.

К сожалению, традиционность неизбежно в той или иной степени уступает место модернизации, поэтому полевая работа среди монголов - актуальная задача этнологов, в том числе российских. Проведенная работа открывает перспективы для дальнейших исследований. Продолжение работы в данном направлении позволит получить следующие важные результаты, а именно качественную характеристику современного кочевых образа жизни, факторы его сохранения и трансформации, зафиксированные различные варианты его бытования. Также может быть уточнено само определение современного кочевничества. Требуется разрешения вопрос, правомочно ли при характеристике современного кочевничества пользоваться классическим определением нomaдизма, как образа жизни народов, основой которой является разведение определенных видов домашнего скота, основанное на циклическом перемещении с одного пастбища на другое в соответствии с технологией их эксплуатации.

Литература

1. Гармаева И.Б. Монгольская цивилизация на пороге XXI в. // Диаспоры в современном мире: мат-лы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.) - Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. - С. 120 – 126.

2. Грайворонский В.В. Сравнительный анализ изменений в уровне жизни животноводов Монголии и Автономного района Внутренняя Монголия /КНР/ в 1978 – 2000 гг. // Mongolica. – 2005. - Vol. 16 (37). – С. 249 – 260.

3. Йоханнесбургский меморандум. Справедливость в хрупком мире. Меморандум ко Всемирному саммиту по устойчивому развитию. Фонд им. Генриха Бёлля. - М., 2002. - 86 с.

4. Жамбалова С.Г. Рассказ шэнэхэнского бурята Соктын Жамсо // Диаспоры в современном мире: мат-лы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.) - Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. - С. 241 – 249.

5. Жамбалова С.Г. Сюжеты единства и многоликости монгольского мира // Глобализация и монгольский мир. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. - С. 348 – 355.

6. Жамбалова, С.Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации / С.Г. Жамбалова // Ученые

записки Забайкальского гос. гуманитарно-педагог. ун-та. Сер. «Филология, история, востоковедение». – 2012 - № 2 (43). – С. 142 – 149.

7. Жамбалова, С.Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г.Б. Тудиновой) / С.Г. Жамбалова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 148 с.

8. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира - М.: Институт социологии РАН, 2009. - 272 с.

9. Марков Г.Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. - М.: Наука, 1985. - С. 244 – 261.

10. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. - 670 с.

УДК 397, 94

Б.З. Нанзатов

МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПОСЛЕЮАНЬСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ)¹

MONGOLIAN PEOPLES IN INNER AND EAST ASIA IN AFTER-YUAN PERIOD (HISTORIOGRAPHY, ETHNIC HISTORY)

Аннотация. В статье сделана попытка отразить монгольское население на территориях современной Монголии и Китая, за исключением его западных областей. Сделан краткий библиографический обзор литературы по монголо-китайским отношениям во второй половине XIV века.

Ключевые слова. Этническая история, монголы, Мин, Юань, Внутренняя Азия, XIV век.

Abstract. The article presents attempt to reflect the Mongolian population in the territories of present-day Mongolia and China, with the exception of its western regions. Bibliographic review of the literature on the Mongolian-Chinese relations in the second half of the 14th century is provided.

Keywords: Ethnic History, Mongols, Ming, Yuan, Inner Asia, 14th century.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ 14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии»

Введение. Со времени падения династии Юань, и становления на ее месте династии Мин в Китае и династии Северная Юань в Монголии в этническом составе территорий, прежде входивших в состав Юань, произошли некоторые изменения. Прежде всего, изменения касались бывших территорий Южного Китая, включавших в себя завоеванные земли Южной Сун и Дали. Большинство монгольского населения либо было истреблено, либо покинуло эти территории, однако оставшиеся монголы все еще составляли особый контингент населения, который спустя пару десятков лет вновь получил особый военно-административный статус, что также послужило толчком новому притоку желающих находиться на военной службе у жителей Внутренней Азии.

Этнические процессы, происходившие на территории Великой Монголии исследуемого периода, все еще остаются малоизвестными, так как практически отсутствуют источники и исследовательские работы по этому вопросу.

Историография. Единственной работой на русском языке, непосредственно затронувшей проблему истории взаимоотношений монголов и Минской империи была работа Дмитрия Дмитриевича Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин (1368 – 1634)» [7]. Автор перевел значительные фрагменты из различных китайских источников того времени, прежде всего Мин-Ши для воссоздания исторической картины взаимоотношений Мин и монголов. Также подробно рассматривает вопросы управления пограничными областями Китая и их связей с монголами. Часть сведений отражают борьбу ойратов за власть. Однако вопросы этнического состава остались малоосвещенными по причине их недостаточности в доступных ему китайских источниках. Эта работа до нашего времени не утратила своей научной ценности, так как трудов по истории монголов в период правления Мин в российской и советской историографии недостаточно.

Важнейшими трудами по исследуемой теме являются работы Анри Серрюи (Henry Serruys), основными из которых по указанному периоду являются «The Mongols in China during the Hung-Wu period (1368-1398)» [11], «The Mongols in China: 1400-1450» [12], «The names of Mongol tribes and Clans in the Early XVIth Century» [13], «Mongols Ennobled During The Early Ming» [14], «The Mongols and Ming China: Customs and History» [15]. Исследуя монголов в Минский период, Анри Серрюи всесторонне осветил широкий круг вопросов о расселении монголов в Минском Китае, а также на основе имеющихся сведений проанализировал группу южномонгольских этнонимов в китайских источниках связанных с периодом начала XVI века.

Крупный вклад в исследуемую нами проблему внесли советские историки под руководством С.Л. Тихвинского, опубликовав сборник статей

«Татаро-монголы в Азии и Европе» [18]. Большинство статей данного сборника касаются периода монгольских завоеваний.

Одной из новых работ, затронувших этот вопрос, является глава «The eastern steppe: Mongol regimes after the Yuan (1368-1636)» в Кембриджской истории Внутренней Азии в эпоху Чингисидов, автором которой является Вероника Файт (Veronica Veit) [21]. Эта работа раскрывает внутреннюю политическую борьбу за власть между потомками Хубилая, междоусобные конфликты в монгольском обществе, приход к власти ойратов, и дальнейшее возвращение чингисидов. Интересующие нас вопросы расселения и перемещения этнических групп монголов практически не затронуты.

В серии работ по Кембриджской истории Китая актуальными для нас в контексте изучения расселения и определения внутренних административных границ государства, являются книга шестая «Правления чужих и пограничные государства» [19] и книга седьмая «династия Мин» под общей редакцией Дениса Твитчета (Denis Twitchett) и Джона Фэйрбэнка (John K. Fairbank) [20].

В настоящей работе опираясь на в основном на труды А. Серрюи, а также на существующие работы по этнографии монгольских народов сделана попытка реконструировать расселение монголов Монголии и Китая в конце XIV века, т.е. до массового перемещения ойратского населения вглубь Монголии и Китая.

В монгольской историографии значительное количество работ посвящено исследованию взаимоотношений монголов и маньчжуров, основавших династию Цин. Среди этнографических работ освещение именно послеоаньского периода этнической истории монголов отражено недостаточно, в связи с чем возникла необходимость попытки освещения некоторых вопросов этнической истории именно этого периода. В настоящей работе как источник нами были использованы административные карты, составленные Ж. Гэрэлбадрахом, опубликованные в атласе «Монголчууд. XVII-XX зууны эхэн үе. Орос, Монгол, Манж» [22]. Относительно северных территорий Баргуджин-токума – Бурятии были использованы собственные наработки [4; 5; 6].

Со времени основания Монгольской империи и до времени падения династии Юань в монгольском мире произошли значительные изменения в расселении и этническом составе. Смена стадийных позиций с военно-кочевого ритма жизни монгольского общества в мирное русло спровоцировало очередной виток этнической истории общемонгольского мира, в котором наряду с существующими племенными объединениями, стали возникать новые, в том числе и благодаря новым территориальным объединениям, сформированным в имперское время. В связи с этим,

представляется актуальным зафиксировать один из переломных моментов в этногенезе монгольских народов в конце XIV века, когда представители династии Юань уже покинули Китай. В это время значительные группы монгольского населения покинули южные территории, но в то же время, часть монгольского общества стремилась на военную службу в Минский Китай. В настоящее время в южном Китае существует несколько монгольских автономных единиц в Сычуане, Гуйчжоу, Юньнани, что очевидно отражает наличие монгольской идентичности у жителей Южного Китая, являющихся прямыми потомками монгольских гарнизонов и поселений времен династий Юань и Мин.

Монголия. Во времена монгольской экспансии этническая территория монгольских народов значительно расширилась. Многие монгольские племена двинулись в южном, западном, и юго-восточном направлениях. Соответственно трансформировались и традиционные представления, связанные с понятием «родная земля» - *нутуг*, расширились воззрения об известном монголам мире [подробнее см.: 16]. Во времена Есугея территория Хамаг Монгол улуса ограничивалась долиной Онона, а к концу имперского периода под понятием «Монголия» подразумевались территории от Баргуджин-токума и Кем-Кемджиута на севере, до Ордоса и Алашани на юге. Монгольские поселенцы также широко были представлены и в периферийной зоне на границах расселения китайского, тибетского и тюркского населения Ганьсу, Могулистана.

В данной работе мы не ставим целью определения языка, на котором говорили те или иные этнические единицы. Однако, отмеченные на карте этнонимы в любом случае отражают их принадлежность к Монгольскому миру того времени. Вопросы тюрко-монгольского двуязычия у таких этносов как кидане, найманы, хунгираты массово сдвинувшиеся на запад, дошедших до областей Дешт-и-кипчака, монгольских групп населения (джалаириров, нукудерийцев и др.) на территориях Ирана, Средней Азии и Могулистана потребует отдельной исследовательской работы.

К концу XIV века монгольское население Внутренней и Восточной Азии было сгруппировано на землях северного ареала, т.е. на территории собственно Монголии, включавшей в себя территории от Хингана на Востоке до Тарбагатай на западе, от верховьев Эрчиса (Иртыша), Ангары и Эргунэ (Аргуни) на севере до бассейна Шара-гол (Хуанхэ) на юге. В конце XIV века на территории Монголии еще не сложились привычные нам историко-этнографические области, такие как Халха, Южная Монголия и др. Используемые нами термины Северная и Южная Монголия в данном случае имеют конкретное географическое описательное значение.

Благодаря китайским источникам минского времени А. Серрюю составил список этнонимов представленных на территориях у китайских

границ. Среди них встречаются такие этнонимы как Ongliud > ongniud (wangliu), Qorčîn (Erh-t'ien), Asud (a-su), Qaučîn Čaqar (Hao-ch'eng-ch'a-ha-erh), Kesi(g)ten (K'o-shih-t'an), Burbaud Burbayud (Pe-erh-pao), Jegün yar (Chao-a-erh), Baraun yar barayun yar (Pa-chi-lang-a-erh), Yünsiyebü (Ying-shao-pu), Ordos (A-erh-t'u-ssu), Mongyolčîn Mongyoljin (Man-kuan-ch'en), Qaračîn (A-la-ch'en), Danglaqar (Tang-la-erh-han), Sibaučîn (Shi-pao-ch'en), Baryud (Pa-erh-ao), Qongqotan (Huang-hua-tan), Numčîn (Nu-wu-ch'en), Tabu(d)-naima(n) (T'a-pu-nai-ma), Buqas (Po-ha-ssu), Üüsin (Ou-shen / Wu-shen), Bayanas (Pa-ha-ssu-na), Dalan (Ta-lang), Dolo(d)-tümen (To-lo-t'u-men), Uyiŷur / Uyiŷud / Uyiŷurčîn (Wei-wu-erh), Baya'u(d) (Pa-yao), Urud / Uruŷud (Wu-lu), Onggira(d) (T'u-chi-la) [13]. Большинство указанных здесь этнонимов впоследствии бытовали в Южной Монголии вплоть до нашего времени, что очевидно указывает и на возможность их распространения в исследуемый нами период. Мы полагаем, что большая часть этих этнонимов имеет древние корни, так как их существование отражено в Сокровенном сказании монголов [17], в трудах Рашид-ад-дина [8; 9].

В Северной Монголии в основной массе расселялись племена, впоследствии объединившиеся в этнос халха. Среди них мы можем представить на карте такие группы населения как джалаиры, хатагины, олхонуты, бэсуты, хурээ, хороо, цоохор и горлосы. К западу от них расселялись ойраты, в последующие периоды истории сыгравшие ключевые роли в перераспределении монгольского населения Внутренней Азии. В Баргуджин-токуме, на северной окраине Монгольского мира также произошли некоторые изменения со времен становления империи. Хори покинув территорию Прибайкалья, оказались на юго-востоке Монголии. Булагаты и эхириты начали новый виток консолидации, создав основу бурятского этноса. Часть прибайкальского населения покинула родину, и оказавшись в конце XIV века в Западной Монголии двинулась на восток, впоследствии сформировав отдельный баргутский этнос [2].

Китай (Мун). Как наследие империи Юань монгольское население сохранялось анклавами и на других территориях Восточной Азии. Основу этого населения составляли монгольские гарнизоны, целью которых было поддержание власти монгольских правителей, а также завоевательные походы. Так к примеру, после завоевания Сун и Дали, значительное количество собственно монгольских войск участвовало в походах на Паган, Дай-Вьет, Тямпу. Также монголо-китайские войска провели несколько операций на о. Ява. Однако все территории Юго-Восточной Азии самими монголами были признаны как непригодные для поселения монголов из-за тяжелого влажного климата [1].

Но, что касается бывших территорий Южной Сунн, то там монгольские гарнизоны располагались до конца правления Юань, а на

территории Дали (совр. Юньнань и часть Гуйчжоу) даже пытались сохранить власть потомков Юань уже после установления в Китае династии Мин, вплоть до поражения Басалаварми [10; 3].

В основу карты распространения монгольского населения в Минском Китае легли работы А. Серрюю. К концу XIV века монголы отмечены практически во всех провинциях того времени, в шести десятках городов времени Мин. Примечательно, что в настоящее время в южном и центральном Китае появляются новые монгольские административные единицы волостного уровня. По нашему мнению, монгольское население, зафиксированное именно в юанское и минское время, является непосредственными предками этих носителей монгольской идентичности.

Заключение. Отражение одного из этапов этнической истории монгольских народов, важного в формировании некоторых современных монгольских этносов, истоки формирования монгольских анклавов в южном и центральном Китае, пробуждающаяся монгольская идентичность у части современного китайского общества отражают бурные этнические процессы в современном глобальном мире, маркированные проявлением многоуровневых идентичностей. В этой связи, актуальным является изучение проблем этногенеза и этнической истории на всех этапах ее развития.

Литература

1. Бокшанин, А.А. Попытки монголо-китайского вторжения в страны Юго-Восточной Азии // Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М. 1970 – с. 294-310
2. Буяндэлгэр, Дж. Этническая история баргутов (XV-XVII вв.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. Выпуск 3. Отв. ред. Содномпилова М.М. – Улан-Удэ, 2012 – с.183-205
3. Думан, Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII-XIV вв. – с. 311-251 // Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М. 1970 – с. 294-310
4. Нанзатов, Б.З. Этногенез западных бурят (VI – XIX вв.) – Иркутск: «Радан», 2005 – 159 с.
5. Нанзатов, Б.З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI – начале XVII вв. // Вестник Бурятского научного центра, 2011, №2 – с.32-37;
6. Нанзатов, Б.З. XVII зууны эхэ уеийн буриадууд // Монголчууд. XVII-XX зууны эхэн үе. Орос, Монгол, Манж. Отв. Ред. С. Чулуун – Улаанбаатар: «Монсудар», 2014 – с 60.
7. Покотилов, Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин (1368 – 1634) – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1893 – 242 с.
8. Рашид-ад-дин. Собрание сочинений. Т.1. кн.1. – М.-Л., 1952. – 221 с.
9. Рашид-ад-дин. Собрание сочинений. Т.1. кн.2. – М.-Л., 1952. – 299 с.
10. Свистунова Н.П. Гибель государства Южная Сун // Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М. 1970 – с. 271-293;
11. Серрюи, Анри. Henry Serruys. The Mongols in China during the Hung-Wu period (1368-1398). Bruxelles, 1958 – 331 p.
12. Серрюи, Анри. Henry Serruys. The Mongols in China: 1400-1450 // *Journal of Oriental Studies*. Monumenta Serica. Volume XXVII (1968) – 233-305 p.
13. Серрюи, Анри. Henry Serruys. The names of Mongol tribes and Clans in the Early XVIth Century // *Zentralasiatische Studien*, Wisbaden 1984 – p. 63-75
14. Серрюи, Анри. Henry Serruys. Mongols Ennobled During The Early Ming // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 22 (Dec., 1959), pp. 209-260
15. Серрюи, Анри. Henry Serruys. The Mongols and Ming China: Customs and History - London: Variorum Reprints – 318 p.

16. Содномпилова М.М. Концепт Родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение, 2007, №3 – с.124-134.
17. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. – Улан-Удэ, 1990. – 147 с.
18. Татаро-монголы в Азии и Европе. Отв. ред. Тихвинский С.Л. – М. 1970 – 476 с.
19. Твитчет, Д., Фэйрбэнк, Дж (отв. ред.) The Cambridge history of China. Volume 6. Alien regimes and border states, 907—1368. General Editors Denis Twitchett and John K. Fairbank Cambridge University Press, 2008 – p. 776.
20. Твитчет, Д., Фэйрбэнк, Дж (отв. ред.) The Cambridge history of China. Volume 7. The Ming Dynasty, 1368—1644, Part I. General Editors Denis Twitchett and John K. Fairbank Cambridge University Press, 2008 – p. 859.
21. Файт, Вероника. Veronika Veit. The eastern steppe: Mongol regimes after the Yuan (1368-1636) // The Cambridge history of Inner Asia. The Chinggisid Age. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. Cambridge University Press, 2009 – p. 157-181.
22. Чулуун С. (отв. ред.) Монголчууд. XVII-XX зууны эхэн үе. Орос, Монгол, Манж. Отв. Ред. С. Чулуун – Улаанбаатар: «Монсудар», 2014 – 303 с.

УДК 377:7(57)

В.П. Барабаш

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ЮЖНОЙ СИБИРИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF CULTURE AND ART OF SOUTH SIBERIA AND THEIR ROLE IN PRESERVING ART CULTURE OF TURKIC- SPEAKING PEOPLES

Аннотация: В статье анализируются отдельные направления деятельности средних профессиональных учебных заведений культуры и искусства южносибирского региона по сохранению художественной культуры тюркоязычных народов.

Annotation: The article analyses some directions in the activities of vocational establishments of culture and art of south-Siberian region in preserving art culture of Turkic-speaking peoples.

Ключевые слова: художественная культура, тюркоязычные народы, учебные заведения.

Key words: art culture, Turkic-speaking peoples, educational establishments

Для современного понимания развития художественной культуры важна такая составляющая, как этнокультура регионов. Невозможно целостное восприятие культурного потенциала без видения этнокультурной специфики. Учебные заведения, занимающиеся подготовкой специалистов в сфере культуры и искусства, играют важную роль в контексте сохранения, обучения и развития.

Тюркоязычные народы в южной части Восточной Сибири компактно проживают на территории Хакасии, Красноярского края, Республики Тыва, в Иркутской области. К ним относятся многочисленные группы: хакасы и тувинцы и малочисленные: тофалары и шорцы.

Роль профессиональных учебных заведений культуры и искусства в сохранении художественной культуры этих народов всегда была значима. Преподаватели вузов, средних специальных учебных заведений выступали в качестве трансляторов знаний, методистов, ученых-исследователей, педагогов-воспитателей, организаторов и руководителей творческих коллективов, фольклорных экспедиций, исполнителей и участников многих культурных проектов, акций, событий.

Учебные заведения ведут многогранную работу по подготовке специалистов в области сохранения и развития народного художественного творчества, сохранения творческого ресурса регионов, развития существующего потенциала. Во многом благодаря педагогическим коллективам и отдельным персоналиям развивались такие важные направления, как изучение языка, фольклора, художественных традиций, поднимались огромные пласты народной культуры.

Сложившаяся в XX веке система художественного образования позволила создать в восточносибирском регионе такие кадровые ресурсы, которые сумели сохранить, развить и донести обществу богатейший накопленный опыт.

В Тыве в 1960г. было открыто Кызыльское музыкальное училище, которое стало форпостом художественного образования в этом национальном регионе. Возглавил училище первый профессиональный композитор Тувы А. Б. Чыргал-оол.¹ Анализ развития музыкального искусства дан в солидной монографии Е. К. Карелиной «История тувинской музыки от паде-

¹ Чыргал-оол: жизнь и творчество / Авт.-сост.З. К. Казанцева. – Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003, с. 23.

ния династии Цин и до наших дней», вышедшей в Москве в 2009г. В своей монографии она раскрывает роль и значение начального профессионального образования и Кызыльского музыкального училища в подготовке кадров музыкантов. Сильной стороной ее исследования является многогранная оценка деятельности преподавателей, директоров училища по созданию сплоченного коллектива училища, творческой атмосферы, большого вклада в развитие целостной музыкальной инфраструктуры республики.¹ Надо отдать должное тому времени, когда формировалось и развивалось учебное заведение. Это происходило на основе универсальной художественно-образовательной парадигмы, в основе которой лежала система классического европейского образования. К 1990-м г.г. в Туве работала целая плеяда квалифицированных, талантливых музыкантов, преподавателей, мастеров своего дела, которые сумели на волне смены эпох органично вплести мощный национальный аспект в развитие музыкальной культуры. В первую очередь, это относится к такому важному решению, как открытие в Кызыльском училище искусств отделения тувинских национальных инструментов (1991г.) Благодаря этому отделению в Туве сформировались такие национальные коллективы, как фольк-группа «Чиргилчин», «Тыва кызы», «Алаш», фольклорные отделения в музыкальных школах, гимназиях, педагогическом колледже. В Республике под патронатом Правительства Тувы был создан Тувинский Национальный оркестр (2003г.)

Национальное отделение училища (сейчас – колледж), готовит исполнителей игры на национальных инструментах: игиле, дошпулуре, бызачи, чанзе, чадагане. Студенты овладевают и духовыми национальными инструментами: лимби, шоором, амыргой, туном и др. Универсальным является владение каждым музыкантом темир-хомусом. Успешные выступления Национального оркестра в России и за рубежом во многом обязаны наличию образовательного фундамента в Республике.

Хореографическое искусство республики, визитной карточкой которого является государственный хореографический ансамбль «Саяны», ежегодно пополняется артистами из числа выпускников Кызыльского колледжа искусств.

Преподаватели колледжа продолжают традиции древних мастеров тувинской земли на художественном отделении. Открытое в 1967г. по инициативе известного тувинского художника Сергея Ланзы художественное отделение сохраняет и транслирует богатейший опыт тувинских камнерезов, других направлений тувинского искусства.

¹ Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней. – М.: Изд-во «Композитор», 2009, с.191-198.

В Хакасии с 1960г. подготовку кадров для сферы культуры и искусства осуществляет Абаканское музыкальное училище (ныне – колледж). Скованные рамками классической школы и единого для всех учебных заведений учебного плана, педагоги училища не замыкались только на существующих установках. Огромную роль в популяризации хакасского искусства сыграл созданный в конце 1950-х г.г. ансамбль песни и танца «Жарки». Базой исполнителей в этом ансамбле с 1960-х г.г. стали студенты хореографического отделения училища. Руководитель ансамбля С. Д. Словина придумала и поставила на основе богатейших фольклорных материалов все самые знаменитые танцы ансамбля: «Рукавицы любимому», «Охотник» и др. Первый профессиональный композитор Хакасии А. А. Кенель написал музыку к этим танцам, глубоко изучив национальный хакасский эпос. Изучив хакасский язык и собрав по улусам фольклорный материал (более 1500 произведений), А. А. Кенель совершил подвиг ученого. Его материалами исследователи пользуются до сих пор. Позже, в конце 1960-х г.г. А. А. Кенель создал первую хакасскую оперу «Чанар Хус и Ах Чибек». Постановка первых двух актов этой оперы была осуществлена преподавателями, студентами Абаканского музыкального училища, актерами Хакасского национального драматического театра и музыкантами-любителями. В Абаканском музыкальном училище учились не только представители хакасской национальности, но и шорцы, большая часть которых в Хакасии проживает в Таштыпском районе. Так, в 1963г. в ансамбле «Жарки» танцевали 8 юношей хакасов и 2 шорца.

Преподаватель абаканской музыкальной школы А. А. Кенель начал работу в этом качестве, преподавая класс фортепиано и чатхана. Им же в 1962г. было написано методическое пособие игры на чатхане¹. В 1960-е г. г. классы чатхана были открыты в областной национальной школе и чатхан преподавали А. А. Кенель и А. В. Янгулов. Как отмечает Л. Ю. Мазай, с 1977г. в Абаканском музыкальном училище все учащиеся коренной национальности обучались игре на чатхане под руководством Г. И. Челборакова.

С начала 1990-х г.г. в Хакасии «стремительно развивается профессиональная национальная музыка, при Хакасской филармонии возникают: национальный ансамбль «Ульгер», фольклорная группа в ансамбле «Жарки», ансамбль «Айланис», кадровую основу которых составляют студенты и выпускники Абаканского музыкального колледжа. В музыкальных школах и

¹В. В. Глаголев. Александр Александрович Кенель. Биография /К 100-летию Содня рождения А. А. Кенеля. Педагогические чтения. – Абакан.: Министерство культуры РХ, 200, с. 11-12.

школах искусств Республики Хакасия открыты классы национальных инструментов: хомыса, чатхана¹.

Среди национальной молодежи популярным становится увлечение горловым пением («хоомей», «хай»). Так, в 2009г. В Красноярском краевом колледже культуры и искусства (г. Минусинск) студенты-тувинцы создали ансамбль «Чаа салгал» и исполняли тувинские народные и современные песни. С 2010г. возник здесь же под руководством Ю. П. Куцева ансамбль тувинских национальных инструментов «Экспромт-оол».

Учебные заведения Хакасии, Тувы, других регионов Сибири являются кадровой основой для развития профессионального искусства и исполнительства. Но они призваны и для выполнения не менее важной задачи-миссии – через своих выпускников изучать опыт народной души, бережно сохранять то ценное, что есть в наследии каждого народа.

УДК 39 (571.54)

О.В. Бураева

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ХАРА-ШИБИРЬ²

FROM HISTORY OF THE VILLAGE OF HARA-SHIBIR

В статье на основе полевых материалов рассказывается о рождении и развитии села Хара-Шибирь Агинского бурятского округа, о том, как усилиями людей разных национальностей создавался колхоз им. С.М. Кирова.

In article on the basis of field materials it is told about the birth and development of the village of Hara-Shibir of the Agin Buryat Autonomous Area, how efforts of people of different nationalities created collective farm of S. M. Kirov.

Keywords: Hara-Shibir collective farm immigrants international families

Ключевые слова: Хара-Шибирь коллективное хозяйство переселенцы интернациональные семьи

Есть в Забайкальском крае, в Могойтуйском районе село Хара-Шибирь. На первый взгляд оно ничем не отличается от соседних сёл.

¹ Мазай Л. Ю. Музыкальная культура Хакасии.- Учебное пособие. – Абакан.: изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2009, с. 80.

² Статья написана по материалам, собранным во время экспедиций 2012, 2013 гг. Материал любезно предоставлен директором Хара-Шибирского сельского музея Дружбы народов Раднаевой Е.Б.

Однако близкое знакомство с историей села и людьми, проживающими в нём, вызывает к нему огромный интерес и желание вернуться сюда ещё и ещё. Так чем же примечательна Хара-Шибирь?

Находится она в 45 км от станции Могойтуй, на реке Хара-Шэбэр (хара, бур. – черный; шэбэр, бур. – густой лес, чаща). История села начинается с 1930 г. На территории Хара-Шибири были созданы 3 товарищества по обработке земли (ТОЗа) – Балта (местность Мэдуужа), Соел (местность Бирья, Шэпхэйһэн, Шазгатуй), Улан Туг (местность Хара-Шибирь), которые в этом же году были объединены в колхоз им. В.В. Куйбышева. На месте, где сейчас находится центр села, стояло несколько юрт, имелось 500 овец, 100 голов КРС, небольшой табун лошадей¹. О хлебопашестве не имели даже понятия.

Вошли тогда в эти товарищества 42 скотовода. Собрали 6 конных грабель, 10 плугов и засеяли весной 1931-го г. с помощью русских крестьян 9 га зерновых.

В 1931 г. к ним был присоединен колхоз Улан-Цыцкык². В 1935 г. колхозу было присвоено имя С.М. Кирова. В объединенном хозяйстве население составило 395 человек.

В 1933-34 гг. в Хара-Шибирь переезжают бурятские семьи из Турги, Адон-Челона. Переселение не было добровольным и связано с контрреволюционным движением в этих местах. «...пограничное положение с Китаем и Внутренней Монголией стало после революции убежищем для бежавших из СССР русских и бурятских белогвардейских элементов. Как известно, в Китае, южнее Хайлара, в годы гражданской войны организован из бурятских эмигрантов так называемый Шенехенский хошун, который почти органически связан с Агинским аймаком, особенно Адон-Челонским хошуном... В ответ на успешное развертывание коллективизации, эмиграционно-бандитское движение охватило весь Адон-Челонский хошун»³.

Эти события заставили руководителей района начать массовые переселения бурят из южных селений в другие места. Именно из Турги приехал молодой Б.М. Мажиев (как справедливо заметила Е.Б. Раднаева, любой рассказ о Хара-Шибири непременно становится рассказом о Б.М. Мажиеве, поскольку его имя неразрывно связано с селом. Родился он в 1917 г. в семье крестьянина-скотовода, в 1935 г. переехал в Хара-Шибирь, где

¹ Мункуев В. В духе патриотизма // Агинская правда. – 1970. – 9 янв. – С. 5.

² Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 302.

³ Политико-экономическая характеристика Агинского аймака от 1 января 1933 года // Развитие. – 1997. – № 16. – 7 окт.

вступил в колхоз, сначала был избран заместителем председателя, а в 1936 г. – председателем колхоза. После службы в армии в 1938-1945 гг. с 1948 по 1984 г. возглавляя колхоз¹).

Сегодня трудно сказать, сколько точно семей приехало оттуда, но судя потому, как много людей сейчас выезжают туда поклониться святым местам своих предков, можно предположить, что переселенцев было немало.

Коллективный труд, хотя и медленно, стал приносить результаты. Появился колесный трактор, первая автомашина. В 1940 г. колхоз сдал государству 1400 центнеров зерна, 400 центнеров мяса, 1500 литров молока.

Началась война. За годы войны колхоз и село обветшали. Женщины, старики, дети вели хозяйство, как могли, помогая фронту. Из 240 ушедших на фронт мужчин 80 не вернулись. Многие вернулись израненными, однако все тянулись к работе. Усилиями колхозников хозяйство окрепло. Если в 1948 г. хлеб распределяли по 200 г на один трудодень, что деньгами было 20 копеек, то через три года на один трудодень распределяли 1 кг зерна, деньгами – 3 рубля 70 копеек. В 1951 г. после объединения с колхозом «Соел» (Арын Булак) население Хара-Шибири составило 572 человека.

Одним из «секретов» быстрого подъема экономики села в 1950-60-е годы явилось то, что в Хара-Шибири значительно расширили производство за счет закрепления молодежи в селе и привлечения новых работников. В колхозе стало традицией торжественно, как самых близких людей, встречать переселенцев. В докладе председателя колхоза от 28 января 1958 г. говорится: «Наш колхоз много лет подряд принимает новых переселенцев. Так, мы за последние 4 года приняли 145 семей и всех обеспечили всем необходимым хозяйственно, материально-бытовыми условиями». Здесь же упоминается об увеличении населения до 1200 человек.

В 1954 г. колхоз принял 26 семей переселенцев из Горьковской области. Некоторые семьи живут здесь и поныне. Алексей Огородов проработал в колхозе строителем. Он вспоминает: «Нас направили в Забайкалье согласно решению правительства об освоении целинных земель. На станции Могойтуй нас встретили хлебом и солью, устроили обед. Затем привезли в Хара-Шибирь, предоставили дома, выделили живность, продукты. Суровый климат, особенно сильные ветра, часто вызывали тоску по родине. Смягчало обстановку гостеприимство местных жителей – бурят. Приходили в гости, приносили подарки, приглашали к себе».

В 1956 г. в село прибыли на поселение 18 семей (более 100 человек) калмыков, депортированных ранее в Красноярский край. Для них были построены новые дома и улицу называли Калмыцкой (сейчас северная часть

¹ Агинская правда. – 1962. - № 27 (4090). – 28 фев.

улицы Советской). Местное население с дружелюбно встретило калмыков, оказало посильную помощь в устройстве на новом месте. В архиве сохранились лицевые счета семей Балтыревых, Леджановых, Тиктиновых, Бимбеевых, Романовых, Балиновых, Букаевых и других. В конце 1959 г. после восстановления Калмыцкой автономии калмыки возвратились к себе на родину, но остались в памяти харашибирцев как неунывающий, талантливый, трудолюбивый народ.

Отъезд калмыков вызвал недостаток рабочих рук и мог сказаться на темпах развития хозяйства. И тогда отправился Б.М. Мажиев в маленькое бурятское село Ульдурга Тунгокоченского района, затерявшееся на севере Забайкалья. Благодаря характеру и таланту харашибирского председателя 70 семей переехали в 1960 г. и остались здесь навсегда. Вот как рассказывала об этом газета «Советская Россия»: «Б.М. Мажиев остановился на ночь у одного знакомого, и в первый же день послушать его пришла добрая половина села. Говорил Мажиев горячо, убеждал таежников переселиться, и многие соглашались с ним, но ведь не так-то это просто – покинуть привычное место, расстаться с родными и друзьями. И тогда у председателя созрело необычное решение: уговорить всех до единого переехать в Хара-Шибирь. Он выехал в колхоз, чтобы посоветоваться с односельчанами, и, заручившись их поддержкой, снова отправился в Ульдургу. Решил не возвращаться до тех пор, пока не убедит каждого, для этого потребовалась целая неделя. В документе это отразилась как слияние двух колхозов: имени Кирова Могойтуйского района и колхоза «Красная звезда» Тунгокоченского района¹. В тот год построили 100 домов. Новую улицу назвали Ульдургинская, но народ чаще называет Баргузинской, так как переселившиеся таежники некогда были выходцами Баргузинского района Бурятии. Были среди переселенцев и эвенки Шугаевы, Трифионовы, Сундуевы. Огромную лепту в развитие села и колхоза внесли баргузинские буряты: Заслуженный агроном РСФСР Б.Б. Мунсулов, орденоносец, многие годы работавший председателем сельского совета Б.Н. Рабжаев, животновод Гарма Шойжинимаев, земледельцы В.Н. Шугаев, И. Трифионов, доярки Д. Шандибаева, сестры Р. и Ц. Ринчиновы, учителя Рыксылова, Мунсулова и др.

В 1960 г. «Агинская правда» писала, что в текущем году в Хара-Шибире появилось четыре новых улицы, колхоз построил 110 новых домов и принял 120 семей переселенцев. В колхозе стало работать 700 человек. Годовой доход составил 12 млн. рублей. За парты восьмилетней школы село

¹ ПМА, 2013 г. Из фондов Хара-Шибирского сельского музея дружбы народов.

400 детей колхозников (на 90 человек больше, чем в 1959 г.), вместо 9 классов стало 15¹.

В 1963-64 гг. в Хара-Шибирь переехало 40 семей из села Корсаково Бурятской АССР. Из-за подъема уровня Байкала село попало в зону затопления. Жителям было предложено переселиться в Селенгинский или Баргузинский районы республики. Однако они выбрали село Хара-Шибирь. И опять родилась новая улица – Байкальская. Решением общего собрания колхозников от 30 января 1964 г. в члены колхоза были приняты семьи Дархановых, Урмакшиновых, Карповых, Кондрашкиных, Кукшиновых и многих других.

В первой половине 1960-х гг. переезжают переселенцы из Татарской АССР. В «Молнии», экстренном выпуске окружкома КПСС от 10 сентября 1963 г., отмечается: «Харашибирцы одержали первую победу в борьбе за хлеб. Героизм на жатве проявлялся массовый. Коммунист Абдулай Биккулов за смену скашивает 27-30 га. По две нормы давали Бабуев Халзан и комсомолец Хуснулла Гатияттулин».

Изучив домовую книгу Хара-Шибирского сельского Совета за 1963-1968 гг., мы отметили, что в селе получили прописку представители 19 национальностей: буряты, русские, мордва, армяне, китайцы, калмыки, казахи, литовцы, корейцы, татары, башкиры, марийцы, немцы, белорусы, украинцы, эвенки, чуваша, поляки, тувинцы.

В 1969-70 гг. в Хара-Шибирь приехали семьи из Башкирии и Белоруссии. Для белорусских переселенцев была построена новая улица Брестская (сейчас улица Куриганова), так как большинство приехавших было из Брестской области. В списке 12 переселенцев, прибывших по межобластному переселению с Башкирской АССР 22 марта 1969 г., в графе «национальность» отмечены 3 русских, 3 татарина, 1 украинец, 1 башкир, 4 чуваша. Среди них знаменитый шофер, кавалер ордена «Знак Почета» П.Р. Семенов, ныне пенсионер. Среди переселенцев были специалисты сельского хозяйства, учителя, врачи. Несколько лет работал художественным руководителем в ДК казах Бедешев Сеид.

Не все переселившиеся остались жить в Хара-Шибире. Видимо, сказывались суровый климат, тоска по родным местам. Есть среди переселенцев и те, кто обрел в селе свое счастье, вторую родину. Нет в Хара-Шибире человека, который не знал бы Нину Федосеевну Балданову (Полукееву). В 1949 г. приехала она в Забайкалье после окончания Томского мединститута, родом из Пскова. «Когда я приехала сюда, здесь было два десятка домов и юрты стояли, – вспоминает Нина Федосеевна, – трудностей много было: моталась по степи на телеге от юрты к юрте, потом полюбила и

¹ Агинская правда. – 1960. – № 139 (3892). – 20 нояб. – С. 3.

вышла замуж за бурята. Дали машину, стал он шофером работать. Постепенно научилась понимать и немного говорить по-бурятски». Сейчас Нина Федосеевна на пенсии, она Заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Ленина. Старший сын Балдановых – Владислав Рыксылович был депутатом окружной Думы, жена бурятка. Дочь Наталья – врач в Нерчинске, муж – кореец. Младший сын Николай женат на киргизке. Вот такая интернациональная семья.

Известны в селе интернациональные семьи Зориктуевых (бурят, русская), В. Тевонян (армянин, бурятка), Т. Карабажак (казах, русская), Сайгора (нанаец, бурятка), Нуртдинова (татарин, бурятка), С. Тумунова (бурят, тувинка), В. Чистохина (русский, калмычка) и др. В этих семьях дети понимали или говорили на двух-трех языках.

23 марта 1981 г. указом Президиума Верховного совета СССР за успехи, достигнутые в ходе выполнения планов десятой пятилетки по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства, колхоз был награжден орденом Дружбы народов.

Сегодня в Хара-Шибири живет 1651 человек. Трудные 1980-1990-е гг. заставили многих вернуться на Родину, к детям, родным и близким. Их отъезд больно отражался в сердцах хара-шибирцев. Многие сейчас приезжают в гости. Встречаясь, вспоминают земляки о тех нелегких, но славных 1950-1980-х гг., когда совместный труд людей разных национальностей превращал их в братьев и сестер, готовых помочь друг другу в любую трудную минуту. А история многонационального села – яркий пример взаимопонимания, взаимоуважения и дружбы народов России.

Переселенцы села Хара-Шибирь¹

Годы переселения	Место, откуда переселялись	Количество семей	Национальность
1933 – 1934	Турга, Адон-Челон, Улан-Цацык	≈ 50	Буряты
1954	Горьковская область	26	Русские
1956	Красноярский край	18	Калмыки
1960 – 1961	с. Ульдурга Тунгокоченского	70	Буряты Эвенки

¹ ПМА, 2013 г. Из фондов Хаара-Шибирского сельского музея дружбы народов.

	района (баргузинские буряты)		
1963 – 1964	с. Корсаково Кабанского района Бурятской АССР	53	Буряты
1960 – 1971	Башкирская АССР Татарская АССР	48	Русские, башкиры, татары, марийцы, мордва, чувашаи
1968	Белорусская ССР	30	Русские , белорусы, украинцы, поляки

УДК 784:398

*Н.И. Решиков,
В.С. Решикова*

**ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ
РУССКИХ КАЗАКОВ БУРЯТИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1980-2000 ГГ.)**

**LOCAL SINGING TRADITIONS OF RUSSIAN COSSACKS
OF BURYATIA (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD
EXPEDITIONS 1980-2000)**

Аннотация: Авторами рассматриваются особенности песенной традиции русских казачьих поселений Желтура и Шарагол, расположенных на территории Республики Бурятия.

Summary: In the paper the authors examine specific features of singing traditions among Cossacks of Sharagol and Dzeltura villages in the Republic of Buryatia.

Ключевые слова: казаки, фольклор, традиция, народная песня.

Key words: Cossacks, folklore, singing traditions, folk song.

Традиционная песенная культура русских казаков Забайкалья неоднократно становилась предметом исследования фольклористов. Многие из них проводили записи в разных казачьих поселениях Забайкалья (Е.А. Авдеева, П.В. Шейн, Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский, В.С. Левашов, Р.П. Потани-

на и др.), ограничиваясь преимущественно анализом поэтических текстов песен.

В настоящей работе представлена характеристика локальных песенных традиций казачьих сел, являющихся своеобразными центрами музыкальной культуры казаков Бурятии. К ним относятся села Шарагол Кяхтинского района и Желтура Джидинского района с прилегающими к ним поселениями Тынгырык и Хутор соответственно, где поныне проживают потомственные казаки. В этих селах фольклористами записаны сотни образцов музыкального, поэтического и обрядового фольклора.

Источником для исследования послужили записи полевых экспедиций, произведенные В.С. Решиковой в указанных селах в разные годы (1986-1987 гг., 1997 г. и 2004 г.), что давало возможность вести наблюдение за процессом фольклорного песнетворчества. Для сравнения мы использовали также песенные тексты, записанные в с. Шарагол Е.А. Авдеевой в 1837 г., В.Д. Осиповой в 1968 г. и Р.П. Потаниной (70-е годы XX в.).

Система песенных жанров, сложившаяся на исследуемой нами территории, в общих чертах выглядит следующим образом (см. таблицу в приложении). Анализ собранного песенного материала свидетельствует о бытовании в местном репертуаре песен разных жанров – свадебных, лирических, шуточных, плясовых, частушек, колыбельных.

Заметным признаком является преобладание в местном репертуаре песен воинского содержания, составляющих наиболее стабильную часть традиционного репертуара. Это такие песни, как «Артиллеристом я родился», «Конь вороной с походным вьюком», «Об чем задумался, служивый?», «Из-за лесу копии мечей». Даже лирические песни здесь нередко связаны с военной тематикой (например, «Прощай сторонushка моя родная», «Вы поля, мои поля»).

Характерно, что традиционный песенный фольклор календарных праздников в обследуемых селах не выявлен. Его место занимали необрядовые песни. По словам Заугаровой А.С. (1916 г.р.) – жительницы села Желтура, «все какие знали, те и пели». Так, на Троицу в этом селе исполняли лирическую песню «Вейся, вейся ты, береза», хороводную «Во поле березонька стояла», вероятно, отождествляя упоминаемую в вербальном тексте березу с центральным атрибутом праздника. Варианты данных песен звучали на Троицу и в селе Шарагол.

Другим песенным образцом, также распространенным в местной календарной обрядности, является песня «Во лузах», определяемая здесь как плясовая. Усова Е.Я. (1926 г.р., с. Желтура) сообщила: «Наряжали березку в улице. Березку оденут как елку, укрепят, и девушки вокруг нее пляшут «Во лузах», игры браво играют». Вариант этой песни записан нами в селе

Шарагол. Здесь она известна под названием «Зеленым-зеленешенько». Вербальный текст обоих вариантов песни во многом совпадает.

Большей жанрово-стилистической устойчивостью обладают *свадебные песни*. К таковым относится песня «Во куте-то да за занавесой», записанная в селе Шарагол в 1987 Году (см. приложение, пример 1). Она известна в близких текстовых вариантах, собранных в Забайкалье и опубликованных фольклористами в разное время: Е.А. Авдеевой в первой четверти XIX века, в «Сборнике песен Забайкальского казачьего войска» в начале XX века (первое издание в 1916 г., второе – в 2009 г.), В.Д. Осиповой и Р.П. Потаниной в 60-70-х годах XX века (пример 2).

Уже при визуальном сравнении заметно, что вербальные тексты всех вариантов близки. В основе их лежит девятисложный тонический стих с двумя ударениями, расположенными на третьем слоге от начала и от конца стиховой строки. Мелодический анализ вариантов, записанных Осиповой В.Д. и Решиковой В.С. подтверждает «тонизацию» метроорганизующего фактора при распевании. Логические ударения стиха, падающие на акцентированную долю музыкальной фразы, неизменно попадают на одно и то же музыкально-поэтическое время. Такое совпадение музыкальных и стиховых акцентов является регулятором ритма песни.

Оба варианта песни имеют цепную двухстрочную строфу с композиционной структурой напева АБ, состоящего из двух самостоятельных музыкальных построений с двумя нерифмованными стихами. При этом каждая вторая строка в строфе переходит в начало повторяющейся музыкальной строфы. Такая цепная двухстрочная музыкальная строфика, предположительно возникшая, по мнению А.В. Рудневой в конце XVII века, характерна для свадебного фольклора, а также хороводно-игровых песен.

Ритмическая формула обеих строк песни неодинакова. Она, как и напев, имеет строение АБ. Ритмоформула А, соответствующая одиннадцати временным единицам, имеет следующий вид (пример 3-а).

Временная утяжеленность крайних и облегченность внутренних (средних) частей в строке является одним из типичных приемов в свадебных и хороводных (со свадебной тематикой) песнях.

Ритмоформула Б соответствует десяти временным единицам и имеет иной вид (пример 3-б). Подобная ритмоформула с группировкой пятидольного такта на три микротакта (2+3+4) отмечается А.В. Рудневой как наиболее устойчивая и обнаруживается во множестве северных свадебных песен, а также в свадебных и погребальных плачах [1]. Увеличение последней слогоноты на одну временную долю в шарагольском варианте можно объяснить переходом анализируемой песни из ритуальной во внеобрядовую сферу в связи с постепенным разрушением традиционного свадебного обряда. Следствием этого стало изменение исполнительского стиля. Обычно при

цепном соединении песенных строф по стиху в напеве наблюдается тенденция к непрерывности музыкального движения, преодолевается устойчивая каденционность завершающего построения. В нашем же случае мелодия напева первой строки заканчивается на относительном ладовом устое, а второй – на устойчивом опорном тоне лада с унисонным звучанием обоих подголосков. Такое устойчивое завершение песенной строфы в сочетании с увеличенной протяженностью последней временной доли приблизило анализируемую песню к исполнительскому стилю лирической песни – популярному в местной традиции жанру.

Ладовый анализ песни «Во куте-то да за занавесой» показывает два ладовых слоя в семиступенном звукоряде, каждый из которых является устойчивым элементом в общерусской песенной традиции. Прежде всего, это относится к характерному признаку традиционных обрядовых песен – наличию узкообъемного лада-основы, явно выявляемого в нижнем голосе. Он представляет собой квартовый трихорд с тремя опорными ладовыми устоями: тоникой – устоем-покоем *до*, двигательным устоем *фа* и переменным устоем *ми-бемоль*. Напев, в котором тонический устой-покой опеваётся сверху через терцовую опору и укрепляется на ней временно в качестве устоя, характерен для свадебных песен.

Расширение диапазона песни до семиступенного звукоряда, на наш взгляд, произошло в результате присоединения подголоска сверху, что свойственно для сибирской традиции, независимо от жанровой принадлежности песни. В двухголосном распеве лад стал более объемным по сравнению с ладовым зерном ведущего, нижнего голоса. Приобретя ладовую окраску натурального минора, песня по стилю исполнения стала типичной для поздней традиции («второго стилевого пласта» по выражению А.В. Рудневой) русской народной музыкальной культуры.

Сопоставление вербального текста песни с образцами свадебной поэзии других региональных традиций выявляет еще один довольно устойчивый компонент. Такие словосочетания, как «во куте за занавесой» и «во столовой во горнице», довольно часто употребляются в свадебных песнях северорусской традиции, в частности, Вологодской области [2]. Характерно, что указание исполнителей с. Шарагол на приуроченность данной песни к обряду расплетания косы совпадает со временем ее исполнения в северорусском свадебном обряде: в обеих традициях это время перед отъездом к венцу.

Традиционной свадебной песней, также записанной в селе Шарагол, является песня «Харабръ» (пример 4). Варианты ее зафиксированы К.Д. Логиновским в Читинской области в конце XIX века, В.М. Щуровым – в Иркутской области в 1961 году, что свидетельствует о распространенности пес-

ни в разных областях Восточной Сибири. Более объемный текст песни представлен в публикации К.Д. Логиновского [3].

В Шараголе название «Харабрó» обозначает один из составных элементов свадебного обряда – приезд «женихова поезда» за невестой. Со слов Аносова И.Х. (1914 г.р.) «приезжает женихов поезд: тысяцкий, три-четыре поезжанина, две свахи. Они коней поставят в ограде, заходят к невесте. Тут и поют «Харабрó» для встречи с невестой».

Наречие «хр^абрó» в данной песенной традиции произносится с огласовкой первой согласной и со смещением ударения с первого слога на третий «х(а)р^абрó». В таком виде данная фонема сохраняется до настоящего времени.

Десяти-девятислоговой тонический стих песни сочетается с восьмидольной песенной фразой при следующем последовании музыкальных времен: 2+3+3. Подобная метрическая переменность в песнях с тоническим стихом типична, по мнению В.М. Щурова, для свадебных песен Севера, Поволжья, Урала и Сибири [4].

Музыкально-поэтическая строфа песни «Харабрó» выражена композиционной ритмической формулой АА, где ритм каждой строки идентичен и имеет следующий вид (пример 5). Однострочная ритмоформула АА – наиболее устойчивый элемент организации песни, исходящий из однострочности вольных нестрофических стихов плачевых, былинных и ранних свадебных напевов, на что указывает А.В. Руднева [5]. Есть основание предположить, что строфическая форма песни «Харабрó» в ее изначальном варианте была однострочной. Двухстрочная музыкально-поэтическая строфа песни образована благодаря особенности стиховой организации, где каждая вторая строка в строфе, как и в предыдущей песне «Во куте да за занавесой», повторяется в первой строке последующей. Напев же из строки в строку остается неизменным:

напев – АА, АА, АА

текст – АБ, БВ, ВГ

Таким образом, формообразующая роль в композиционной структуре песенной строфы, очевидно, принадлежит стиху. При этом песенная строфа остается незавершенной в связи с ладовой организацией напева. Наличие в ладу большой секунды в качестве нижнего вводного тона в конце мелострофы приводит к смене ладовой опоры. Так, *си-бемоль* – нижний вводный тон к устою-покою *до* появляется как субкварта к двигателю устою *ми*, увлекая мелодию к повторению музыкальной строфы.

Как и в предыдущей песне, в двухголосной фактуре ведущим является нижний голос с узкообъемным звукорядом, амбитус которого ограничен рамками квинты *си-бемоль* – *фа*. Присоединение верхнего подголоска расширило звукоряд до размера семиступенного лада. Он приобрел черты

эолийского минора, в связи с композиционным значением вводного тона (VII ступень) в каденционной зоне: *до – си-бемоль – ми-бемоль*. Многоголосный распев, таким образом, придал ладу свойство аддитивности (от лат. *additivus* – прибавляемый).

Приведем еще один пример свадебного песенного фольклора «Я отдам свою девью красоту» (пример 6), записанный в селе Желтура в 1987 году. К сожалению, текст песни оказался практически утрачен. Информант смогла вспомнить всего несколько строк.

В основе поэтического текста лежит двенадцатисложный тонический стих с двумя ударениями, расположенными по традиции на третьем слоге от начала и от конца стиховой строки, что характерно для плачей, а также северных свадебных песен [6].

Музыкальная и поэтическая форма строфы однострочная и соответствует формуле

напев – А, А¹, А²

текст – А, Б, В

Такая форма построения напева и стиха, по мнению А.В. Рудневой, также характерна для плачей [7].

Для ладовой организации песни «Я отдам же свою девью красоту» характерен узкообъемный лад в пределах кварты минорного наклонения с двумя опорными ладовыми устоями: тоникой – устоем-покоем *до* и переменным устоем *ми-бемоль*. Ниспадающие «плачевые» интонации, словообрывы, цезуры, повторяющиеся в одном и том же месте музыкальной строки, являются жанровыми признаками свадебных песен. В целом взаимодействие стиховых, ритмических, мелодических, ладовых свойств придает вышеупомянутым песням отчетливо выраженную жанрово-стилевую характерность, позволяющую определить их принадлежность к семейному обряду и сходство со свадебным фольклором Русского Севера.

К сожалению, нам удалось записать всего несколько образцов свадебных песен, т.к. в местной традиции они почти не сохранились. Возможно, в прошлом их бытовало гораздо больше, судя по количеству свадебных песен, представленных в издании 1916 года «Сборник песен Забайкальского казачьего войска» (переиздан в 2009 г. в Чите) [8].

Центральным жанром в песенной традиции шарагольских и желтуринских казаков является *лирическая песня*, наиболее ярко воплотившая особенности стиля музыкально-песенного фольклора сибирского казачества: многоголосный склад песен, широкое использование миксолидийских, дорийских ладовых красок, сочетание гармонических приемов с полифоническими, активное использование внутри песенных строк цезур-пауз, включение в слова дополнительных слогов, огласовку согласных.

Лирические песни казаков достаточно богаты как в содержательном, так и в жанровом отношении. Внутри всего массива песенной лирики следует выделить *песни о военной службе* и *любовные песни*. К первым относятся: «Прощай сторонушка родная», «Конь вороной с походным вьюком», «Что болит, шумит буйная голова», «По диким пустыням Китая», «Кипит душа в восторге». К любовным песням относятся: «Сронила колечко», «Вечор поздно я стояла у ворот», «Ох, веселое было время», «Ой, куда ж летишь, кукушечка?», «Светит месяц серебристый», «Склонил, склонил мил головушку», «Вышла Машенька за новы ворота», «Соловейка в поле зерен не клюет», «Цветет, растет черемушка».

Среди лирических песен встречаются произведения позднего балладного типа («В островах охотник», «Молодой чумарик») и полулитературной лирики («Ехал тихо над рекою», «Пойте, смейтесь в юности», «Уж ты сад, ты мой сад», «Я встретил розу»).

Одним из наиболее интересных для нас примеров является лирическая песня «Ой, куда ж летишь, кукушечка?», записанная в селе Шарагол (пример 7). Будучи по содержанию вариантом распространенной в казачьей среде (например, на Кубани) песни с одноименным названием, она ярко обнаруживает свои жанрово-стилевые свойства. Песня обладает традиционными классическими чертами, строится на распевании стиха с силлабической основой 5+5 слогов и постоянными логическими ударениями на третьем слоге от начала и третьем слоге от конца строки (тоническая основа). При этом структура песенной строфы состоит из трех строк и имеет следующую формулу:

напев – АА¹Б

текст – АА П

Подобное трехстрочное строфическое строение является жанрово-стилевой чертой лирических песен независимо от их местной принадлежности. В то же время данный образец обнаруживает характерные местно-стилевые черты. Он имеет ладовую переменность – сочетание мажора и минора. Вся мелодическая строфа многократно членится общехоровыми цезурами-паузами, перед которыми нередко происходят интонационные «сбросы» голоса, а затем после паузы следует дружное, одновременное вступление голосов. В пении используются специфические вокально-исполнительские приемы: глиссандирование, словообрывы, включение в слова дополнительных слогов, огласовка согласных. В многоголосии преобладает параллелизм терций при ведущей роли нижнего голоса.

Манера исполнения песни волевая, напряженная, тесситура напева достаточно высокая (тональность *до-диез минор*). Она близка донской казачьей певческой традиции, которую отличает речитативный характер прознесения зачинов, подготавливающий хоровое вступление, подчеркнуто-

чеканная ритмика, но в то же время сохраняет вокально-исполнительские черты, присущие певческой культуре сибиряков – неторопливое распевание поэтического текста, преобладание умеренных и медленных темпов, более мягкое и сдержанное звучание.

Особенной, в своем роде, является лирическая песня «Что болит, шумит буйная голова», записанная в с. Желтура (пример 8). Уникальность данной песни в том, что нам не удалось обнаружить ее вариантов в других локальных традициях. С самобытностью её согласился также известный фольклорист, этномузыковед В.М. Щуров, после того, как ему был представлен данный образец – ему также не доводилось ранее встречаться с подобной песней. Все это может свидетельствовать о том, что данная песня сложена исключительно в местной среде.

Песня имеет стопное силлабо-тоническое стихосложение, что характерно для городской песни конца XVIII, XIX и начала XX века. Строфическое строение песенного стиха двухстрочное. Основным текстом является стих 5+6 слогов с четырехсложной вставкой между строками, что лишает метрическую организацию песни квадратности. Данная черта свойственна лирическим песням протяжной формы.

Для ладовой организации песни характерен миксолидийский лад, что является, по мнению В.М. Щурова, стилевым признаком сибирского многоголосия [9]. Мелодическая строфа, как и в предыдущей песне, неоднократно дробится общехоровыми цезурами-паузами, после которых следует одновременное вступление голосов. Используются словообрывы и огласовка согласных. Многоголосие представляет собой классический образец терцово-второй, когда верхний подголосок полностью подчинен нижнему ведущему голосу. Зачин песни имеет речитативный характер, что свойственно для казачьей исполнительской традиции в целом.

В стиле городской лирики выдержана также песня «По диким пустыням Китая» (пример 9), очевидно имеющая связь с событиями 20-х годов прошлого века, когда казаки-семеновцы во избежание репрессий со стороны Советов были вынуждены покинуть Родину и переселиться в Китай. Вариант данной песни, записанный от потомков маньчжурских казаков, опубликован в сборнике И.Г. Чумакова «Слава вам, братцы! (Песни казаков Забайкалья, записанные в Омской области)» [10].

В содержании песни очень поэтично передается настроение казаков «с тоской в груди» покидающих Родину. Такие словосочетания, как «по милым семьям изнывая», «казаки роняют слезинки», образно подчеркивают трагизм происходящего.

Анализ мелодической, строфической и ладово-гармонической структуры позволяет нам отнести данный образец к жанру лирической песни позднего происхождения. Песня имеет стопное силлабо-тоническое риф-

мованное стихосложение дактилитической формы. С точки зрения мелодической и строфической структуры песня отличается от предыдущих образцов отсутствием повторяющихся компонентов в стихе и напеве. Строение песенной строфы имеет четырехстрочную, т.н. классическую форму организации строфики:

напев – АБВГ

текст – АБВГ

Напев развертывается в пределах широкого семиступенного звуко-ряда с четко выраженной гармонической основой. Многоголосие имеет го-мофонно-гармонический тип, также свойственный городским песням позд-него происхождения.

Что касается жанров плясовых и шуточных песен, то их в местной песенной традиции зафиксировано мало. Кроме того, в отличие от обрядо-вых и лирических песен эти жанры обнаруживают не столько локальные черты казачьей песенности, сколько общерусские. Это такие плясовые пес-ни, как «Во люзах», «Посеяли девки лен», «Не про нас ли друг Ванюша», шуточная песня «Из-за леса, из-за гор ехал дедушка Егор».

Характеризуя локальные песенные традиции сел Желтура и Шара-гол, следует также отметить исполнителей и хранителей песенного фолькло-ра. Владение им возводит народных певцов в ранг статуса знатоков, носите-лей этнокультурных знаний. Отсюда возникает стихийный профессиона-лизм, выражающийся в существовании замкнутых певческих артелей, не-больших по составу, основанных на родственных или соседских отношени-ях. На время осуществления экспедиционных записей такими «соловьины-ми гнездами» являлись: дуэт в составе Аносовой Екатерины Ивановны (1918 г.р.) и Унагаевой Татьяны Илиничны (1912 г.р.) – жительниц села Ху-тор; шарагольское семейное трио Аносовых: Ильи Харлампиевича (1914 г.р.), Марии Алесеевны (1922 г.р.) и Пелагеи Николаевны (1924 г.р.); желту-ринский дуэт в составе Усовой Евгении Яковлевны (1927 г.р.) и Бутусиной Анны Петровны (1916 г.р.), а также дуэт Усовой Е.Я и Третьяковой Марфы Степановны (1917 г.р.); семейный дуэт Заугаровых: Ивана Филипповича (1922 г.р.) и Евгении Ивановны (1929 г.р.) – также жителей села Желтура.

Долгое время хранителями локальной песенной культуры являлись созданные в Шараголе (1967 г.) и Желтуре (1979 г.) народные казачьи хоры. Возникновение их способствовало популяризации местного песенного фольклора и его пропаганде далеко за пределами своего села, вовлечению в состав художественных коллективов бльшего числа участников, по сравне-нию с небольшими певческими артелями.

В настоящее время песенный фольклор казаков претерпел некото-рые изменения, утратив традиционные формы и функции своего бытования. Результаты фольклорно-этнографических исследований последних лет пока-

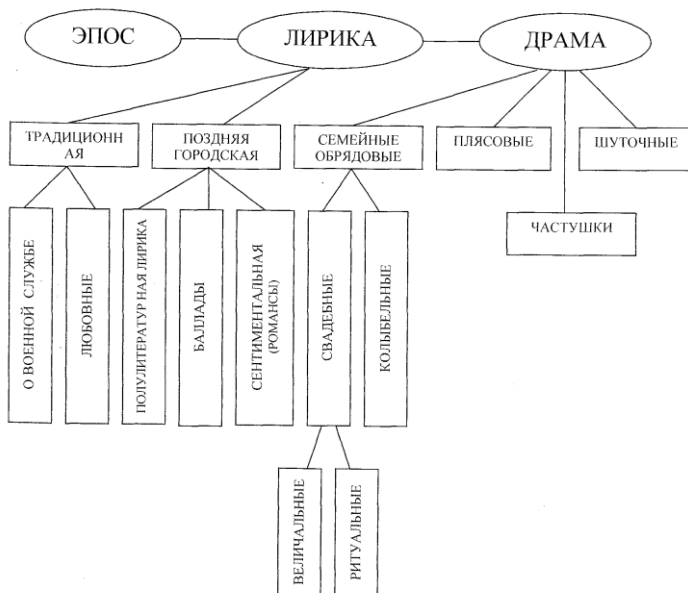
зывают стремительное угасание певческих традиций, утрату многих песенных образцов, бытовавших еще в недавнем прошлом. В этой связи полевые материалы, собранные ранее, являются ценнейшим материалом для исследования песенного фольклора казаков, являющегося составной частью традиционной культуры русского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Руднева А. В. Русское народное музыкальное творчество. М., 1994. С. 175.
2. ср: Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 138, 338, 232, 244.
3. Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отделения РГО. Т. 5. Вып. 2. 1899. С. 42.
4. Щуров В. М. Стилиевые основы русской народной музыки. М., 1998. С. 125.
5. Руднева А. В. Указ. соч. С.175.
6. Там же. С 15.
7. Там же. С. 50.
8. Сборник песен Забайкальского казачьего войска / предисл., статья, примеч. В. С. Левашова. Изд. 2-е, доп. Чита, 2009. С. 194-215.
9. Щуров В. М. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве // Музыкальная фольклористика. Вып. 3. М., 1986. С. 43.
10. Чумаков И. Г. Слава вам, братцы! (Песни казаков Забайкалья, записанные в Омской области). Омск, 2006. С. 82.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Система жанров песенного фольклора казачьих сел Желтура и Шарагол

ПРИМЕРЫ

Пример 1

1. Во ку-те-то да за за-на-ве-сой там си-
 де-ла кра-сна | де-ви-ца.

Пример 2

Запись Е.А. Авдеевой:
 Как во светлой во светлице,
 Во столовой, новой горнице,
 Как во кути за занавесой,
 Тут сидела красна девица,
 Свет Матрена Архиповна,
 Подняла куть-занавесу, и т.д.

Там сидела красна девица.
 Ой, там сидела да красна девица,
 Выздымала куть-занавесу.
 Ой, въздымала куть-занавесу,
 Она узрѣла да усмóтрила.
 Ой, она узрела да усмотрила
 Своего братца родимыва...

Запись Р.П. Потаниной:
 Во столовой новой горнице
 Что в кути за занавесой,
 Тут сидела красна девица

Вариант из «Сб. песен Заб. казач. войска»:

Во столовой новой горнице,
 Что в кути за занавесой,
 Тут сидела красна девица
 Свет (имя, отчество невесты).

Запись В.Д. Осиповой:
 Во кути-то, да за занавесой,
 Там сидела красна девица.
 Ой, там сидела-то красна девица,
 Воздымала куть-занавесу...

Подняла она занавесу
 И взвела очами по горнице:
 «Это что у нас за гости сидят,
 Это что у нас за званые сидят?»
 Увидала братца милого:
 «Государь мой, братец миленький,
 Свет (имя, отчество брата),
 Сослужи мне службу верную!...

Запись В.С. Рециковой:
 Во куте-то да за занавесой

Пример 3

а)
 Во ку-те-то да за за-на-ве-сой

б)
 там си-де-ла кра-сна де-ви-ца

Пример 4

1. Ха-ра-бро Е-дет у-далый мо-ло-дец, да

ра-зу... да-лый до-брый мо-ло-дец, да.

Пример 5.

Ха - ра - бро е - дет у - да - лый мо - ло - дец

Пример 6.

♩=100

1. Я от-дам же я сво-ю де-вчу кра... со- ту, да

2. Ты кра-суй-ся-ка мо-я род-на се!... стри- ца,

3. Сколь-ко я мо-ло-да да кра-со-ва... ла- ся, да.

Пример 7.

♩=64

1. Ой, ку- да ж ля- (я) - тишь, ко- (я) - ку- шеч- ка? Да ой ку-

- ку... (я) - шеч- ка

ку. (я) - ой, ку- да ж (я) ля- (я) - ти- (я) шь, да ку- ку... (я) шеч-

♩=120

ка? Да-ой, ку... ко-ко-рё-ко-ко, ко-ко-рё-ко-ко ко. 2. Во ве.

Пример 8.

$\text{♩} = 50$

1. что бо-лит, шумит бу-на-я (э) го- (я) ло- ва, да

Е- ой, да, я спо-м(э) ру-ка брат... то- ва- рщ у те- бя.

Пример 9.

$\text{♩} = 66$

1. по ди-ким пустыням Ки-та-я стос кой на-бо-лев-шей в гру-ди

по ми-лым семь-ям из-ны- ва-я, взо- да- ми и-дут ка-за

ки. по ми-лым семь-ям из-ны- ва-я, взо- да- ми и-дут ка-за- ки.

**К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И СОВРЕМЕННОМ
СОСТОЯНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

**TO THE ISSUE OF PRESERVING AND CURRENT STATE
OF TRADITIONAL COSSACK CULTURE IN THE REPUBLIC
OF BURYATIA**

Аннотация: Статья посвящена вопросу сохранения традиционной казачьей культуры на современном этапе на территории Республики Бурятия. Сделана попытка проанализировать казачий фестиваль как способ знакомства с материальной и духовной культурой казаков. Казачество рассматривается как особое сословие русского населения Сибири и Республики Бурятия в частности.

Annotation: The article is devoted to preserving the traditional Cossack culture on the territory of the Republic of Buryatia. The author attempts to analyze the Cossacks' Festival as a means to learn the material and spiritual culture of the Cossacks who are considered to be a specific group of the Russian population of Siberia and the Republic of Buryatia in particular.

Ключевые слова: казаки, традиционная культура казаков, духовная культура, материальная культура.

Key words: the Cossacks, traditional culture of the Cossacks, spiritual culture, material culture.

Первыми землепроходцами на земле Сибирской были казаки. Именно их усилиями и подвигами земля Российская прирастала Сибирью. Казачество прошло длительный путь становления и развития. Формировалось оно не одно десятилетие. Отношение государства к казачеству в разные исторические периоды было разным.

В формировании казачества с самого начала можно выделить три периода:

1 период – до XIV в. – собственно время формирования казачества, которое получило название казачья вольница.

Казачья вольница с древних времен жила разбойным промыслом, представители своеобразных казачьих республик были храбрыми и отчаянными воинами. Смелость, отвага, умение выживать в трудных

походных условиях – это качества, которые определили их дальнейшую служивую судьбу. [1, с.4]

Во 2 периоде – с XIV в. до начала 90-х гг. XX в. можно выделить, согласно исследований Черникова В.В., пять основных этапов:

1) XIV-XVI вв. – казачья вольница и начало формирования служилого казачества.

С конца XIV в. появились наблюдательные посты (разъезды) по рекам Хопер, Дон, Быстрая Сосна, Тихая Сосна и др.; по южной и юго-восточной границе Московского государства образовалась линия с населением из служилых казаков. Казаки использовались для защиты соответственно городов и сторожевых постов.

К 1444 г. относится первое упоминание о казаках в русских летописях (рассказ о набеге ордынского царевича Мустафы на переяславль-Рязанский). Со 2-й половины XV в. за линией сторожевых укреплений на южной и юго-восточной окраинах Польско-Литовского и Русского государств начали скапливаться беглые крестьяне и поадские люди, которые называли себя «вольными людьми» - казаками. Под 1538 г. в русских летописях встречается упоминание о «вольных» казаках в южных пределах Руси. Непрерывная борьба против соседних государств способствовала объединению этих людей в общины. В XV в. возникли общины донских, волжских, днепровских казаков.

2) XVI век – переход вольных казаков на государеву службу, образование первых казачьих войск.

3) XVII – середина XIX века – огосударствление казачества, формирование казачьего сословия.

4) XIX век – 1917 год – государственная служба казаков Российской империи.

5) После 1918 года – период выживания казаков и борьбы за сохранение своих традиций и обычаев. [2, с.4-5]

3 период можно обозначить с 90-х гг. XX в. и до настоящего времени. Это период возрождения и становления казачества, в рядах которого пока четко не сформировалась идеология, на региональном и федеральном уровнях не завершено до конца организационное построение структуры казачьих обществ, пока не создана собственная обеспечивающая экономическая база. [3, с.96]

В конце 80-х – начале 90-х гг. в СССР, а после его распада в Российской Федерации возник и стал набирать силу процесс возрождения казачества. Однако вскоре возрожденческое казачье движение столкнулось с рядом сложных проблем, значительно замедливших его развитие. Тем не менее, в настоящее время, как отмечает А.Е. Мохов, в стране насчитывается примерно полтысячи общественных объединений казаков. В казачьих

организациях, имеющих различный правовой статус и действующих практически во всех регионах России, состоит, по разным оценкам, от нескольких сот тысяч до нескольких миллионов участников.[4, с.4]

Началом официальной государственной службы забайкальского казачества принято считать царскую грамоту от 20 августа 1655 г., в которой государь Алексей Михайлович приказал енисейскому стольнику Афанасию Пашкову отправиться с отрядом в Даурскую землю для освоения новых территорий. На основании этой грамоты по Приказу по Военному ведомству за № 449 в 1913 г. было определено старшинство, т.е. отправная точка в процессе формирования забайкальского казачества как военно-служилого сословия. [5, с. 193]

До конца XVII в. отряды казаков в Забайкалье формировались из присылавшихся на временную службу из других регионов Сибири (преимущественно из Енисейска) казаков-«годовальщиков», а также из привлекавшихся к «государевой» службе «гулящих» и «промышленных» людей. В конце XVII – начале XVIII в. казаки-забайкальцы были объединены в городовые казачьи команды, рассредоточенные по городам и острогам Забайкалья. В конце XVIII в. было разрешено набирать на службу представителей неподатного сословия, т.е. служилых людей, крещеных («новокрещеных») бурят и эвенков, а иногда крестьян и посадских. С того времени казаки забайкальские уже представляли собой прочно обосновавшихся в Забайкалье служилых людей. [6, с.202]

Движение казачества в настоящее время находится на стадии возрождения и первоначального этапа своего становления. В его рядах пока четко не сформирована идеология, не завершено до конца на региональном и федеральном уровнях организационное построение структуры казачьих обществ, не создана собственная обеспечивающая экономическая база. Движение за возрождение казачества, являясь неотъемлемой частью российского общества, естественно несет в себе и противоречия, характерные для современного российского общества. [7, с.96]

В Концепции государственной политики по отношению к казачеству, принятой Правительством Российской Федерации, по сути дела предлагается восстановить его сословный статус. Хотя в этом документе оговаривается, что «концепция не означает огосударствления казачества», однако там же отмечается: «Государственная служба казачества не является единственной проблемой возрождения казачества. Но Правительство исходит из того, что культура, традиции, обычаи казачества складывались под воздействием государственной службы и особого уклада жизни. Поэтому без восстановления традиционного государственного статуса казачества невозможно возрождение казачества в целом».[8]

Но пока решаются все эти вопросы на государственном уровне забайкальские казаки считают себя представителями особого сословия российского общества и стремятся сохранять традиции и обычаи и знакомить с ними население Республики Бурятия. В народных массах сохранились многие явления материальной и духовной культуры казаков, которую казаки демонстрируют в рамках ставших уже традиционными «Республиканских фестивалей казачьей культуры». Эти фестивали проводятся с 2009 г. при поддержке Правительства Республики Бурятия ежегодно. Установилась традиция, что фестиваль каждый раз проводится в новом районе республики, где проживают казаки. Фестиваль проходит в форме полевого лагеря. В V фестивале, проходившем с 19 по 21 июня 2013 г. в Бичурском районе, число участников превысило 1 тыс. человек. Участвовало 24 станичных общества, 38 творческих коллективов, 11 кадетских классов и военно-патриотических клубов. Состоялся торжественный парад с участием кадетов и казаков в количестве около 300 чел. и конной группы из 30 лошадей. [9, с.222]

В разные годы участие в фестивале принимали делегации из Омска, Томска, Тюмени, Иркутска и других городов, таким образом, фестиваль вышел за рамки одного региона, в связи с чем были направлены предложения в Министерство регионального развития Российской Федерации о включении данного мероприятия в новую Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2018 гг.)». С 2013 г. фестиваль приобрел статус международного, приняв казаков Посольского австралийского отдела Забайкальского войскового казачьего общества (далее ЗВКО). [10]

Программа фестиваля включает в себя строевой смотр, различные творческие конкурсы, спортивные соревнования. Участники имеют возможность померяться силами в казачьем конном пятиборье соревнованиях пластунов, показать мастерство наездников в скачках и джигитовке. Продемонстрировать свое исполнительское мастерство в песенном конкурсе, показать казачьи обычаи и традиции гостеприимства и знание традиционной материальной культуры в конкурсах «Казачья изба» и «Казачья кухня», а также продемонстрировать мастерство ремесленников в рамках конкурса декоративно-прикладного народного творчества. [11, с.222]

18-20 июля 2014 г. в Тункинском районе состоялся VI фестиваль казачьей культуры. На этом фестивале была представлена не менее интересная программа. География гостей фестиваля расширилась за счет Приморья и Хабаровского края.

В Положении о проведении VI Республиканского фестиваля казачьей культуры «Единение» в Тункинском районе, утвержденном

заместителем Председателя Правительства Республики Бурятия, руководителем Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия П.Л. Носковым обозначены следующие цели и задачи:

- возрождение, изучение, сохранение и развитие самобытной казачьей культуры, образа жизни, традиций и духовных ценностей казаков;
- продолжение преемственности поколений;
- популяризация самобытного казачьего народного творчества, фольклора;
- создание стимулов для дальнейшего развития коллективов казачьей песни;
- выявление новых самобытных казачьих коллективов и отдельных исполнителей-собрателей казачьего фольклора;
- установление творческих контактов и укрепление связей между казачьими обществами Республики Бурятия;
- выявление одаренных мастеров народных ремесел и промыслов;
- возрождение и популяризация традиционных ратных состязаний казачества и формирование спортивного навыка;
- выявление одаренных молодых спортсменов и пропаганда здорового образа жизни;
- развитие и сохранение традиционных казачьих конных состязаний;
- внедрение в современную спортивную жизнь казачьего вида спорта.[12, с.1]

Для фестиваля казачьей культуры «Единение» была разработана и утверждена своя эмблема.

Развитие самобытной культуры казачества и объединение людей являются основными задачами фестиваля с символичным названием «Единение» и казаки показали на деле свое единение с жителями Тункинской долины, приняв участие в работе по ликвидации последствий трагедии в Аршане.

Глава Тункинского района Андрей Самарин на открытии фестиваля сказал: «Сегодня в России развивается казачья культура, казаки оказывают серьезную поддержку в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, значительное влияние на поддержание правопорядка и общественной безопасности. И мы будем продолжать поддерживать и возрождать казачью культуру, мы должны быть вместе, ведь в единении – наша сила, Тункинский район – приграничный, у нас богатое историко-культурное наследие казачьего быта и, безусловно, казачьи коллективы. Они участвуют во всех значимых районных культурных и спортивных мероприятиях. Мы всегда рады оправдать доверие, которое оказывается Тункинскому району со стороны Правительства и Народного Хурала

Республики Бурятия». [13] Культура казаков в Тунке сохраняется и развивается, подтверждением чему служит успешное выступление казаков на VI фестивале.

Одним из почетных гостей смотра казачьей культуры и быта стал заместитель губернатора Забайкальского края, атаман Забайкальского войскового казачьего общества, казачий полковник Геннадий Чупин.

Он отметил, что подобные фестивали служат примером для всей России, и такой же фестиваль планируется провести в Забайкальском крае уже в следующем году.

В частности, Геннадий Чупин в своем выступлении сказал: «Для всех очевидно, что казачьи традиции не просто сохранены, они сегодня развиваются и приумножаются, и на таких мероприятиях в этом можно убедиться в полной мере. На федеральном уровне принята стратегия развития казачества, и основная задача, которая стоит перед каждым из нас, – служить своему Отечеству, быть полезным для своего государства, своего народа, своей Родины. Что же касается фестиваля в Забайкальском крае, будем рады видеть всех казаков Бурятии на нашей земле». [14]

Для реализации основных целей и задач фестиваля были объявлены и проведены разнообразные конкурсы. Среди них можно выделить конкурс «Визитная карточка», «Казачья изба», «Казачья кухня», конкурс ДПи «Казачьи-умельцы» и конкурс творческих казачьих коллективов.

Согласно Положения фестиваля в конкурсе ДПи «Казачьи-умельцы» казачье общество должно было представить традиционные для казаков изделия и поделки, показать разнообразие традиционного ремесла казаков Забайкалья. По возможности можно было показать казачью мастерскую и продемонстрировать технологический процесс создания изделий народных художественных промыслов. [15, с.4]

Большой интерес у участников и гостей фестиваля вызвал мастер-класс умельца из Заиграевского района Владимира Шкарина по плетению корзин. Это был один из лучших мастер-классов фестиваля. [16]

Предметы, плетенные из лозы и ивы – корзины, шкатулки, настенные кашпо и др. – на фестивале продемонстрировал также житель Бичурского района Гонтов Павел Иннокентьевич. А житель г. Закаменска Яньков Геннадий Филиппович удивил всех плетеным табуретом. Оказалось, что старые казаки с этим предметом знакомы очень хорошо. Когда-то казачки использовали его, чтобы доить коров.

Из народных казачьих ремесел было представлено также плетение из кожи нагаек, изготовление ножен для шашек и оплеток для рукоятей шашек. Интерес вызвали работы Сергея Петровича Кобылкина из Баргузинского района и Александра Татенко из Иркутска.

Юрий Энгельсович Новоселов из Станичного казачьего общества «Хоринская станица» показал изделия – стол, стулья, выполненные в технике резьбы по дереву.

Хочется отметить гостей из Иркутска, которые удивили всех женским рукодельем. Женщины-казачки представили на конкурс ДПИ женские костюмы. Это была реконструкция традиционных костюмов женщин-казачек юга России. Ничего подобного ранее, на предыдущих фестивалях показано не было.

Большой интерес у участников и гостей фестиваля вызвал конкурс «Казачья изба». А первое место в этом конкурсе занял атаман станичного казачьего общества «Тункинская станица» Корсаков Геннадий Андреевич. Он представил настоящую избу рубленную из брёвен, внутри избы был воспроизведён традиционный интерьер казачей избы. Все предметы были настоящими и принадлежали семье атамана Корсакова. Вниманию зрителей была представлена старинная детская люлька, стол, лавка, постельные принадлежности, предметы домашней утвари, старинные фотографии. Хозяева дома могли рассказать историю каждого предмета. Во время конкурса «Казачья изба» было видно насколько вещи из тункинской избы дороги хозяевам, как бережно они относятся к истории своей семьи, как соблюдают в семье казачьи обычаи и традиции. Решение жюри о присуждении первого места в конкурсе «Казачья изба» атаману станичного казачьего общества «Тункинская станица» Корсакову Геннадию Андреевичу было единогласным.

Интересным было выступление в конкурсах «Визитка» и «Казачья изба» казаков Кяхтинского района. Они представили не избу, а бурятскую юрту, так как среди кяхтинских казаков в старину было много бурят. Особое внимание кяхтинцы обратили на традиционную пищу казаков-бурят. Сухое мясо, сухие пенки, молотая черемуха и многое другое – это те продукты, которые были сытными и могли долго храниться в условиях дальних походов. Атаман станичного казачьего общества «Кяхтинское» Цыремпиллов Валерий Жамсуевич.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на длительный период забвения роли казачества в жизни Российского государства, оно сумело выжить и сохранить свои традиции и обычаи. Более того, в нашей Республике создаются определенные условия для сохранения и дальнейшего развития материальной и духовной культуры казаков Забайкалья.

Примечания:

1. Черников В.В. Казачество в истории России / В.В. Черников. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 160 с.

2. Там же, с. 4-5
3. Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. / А.Е. Мохов. – М.: Вузовская книга, 2011. – 160 с.
4. Там же, с. 4
5. Высотина Е.А. Верхнеудинское городское казачество в системе местного управления. // Верхнеудинск: вехи истории (4 апреля 2014 г., г. Улан-Удэ): мат-лы науч.-практ. конф./ Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной церкви, РОО «Общество культуры семейских Республики Бурятия», РОО «Общество русской культуры Республики Бурятия», ГАУК РБ «Национальная библиотека республики Бурятия». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. – С.192-200
6. Касьянов Ю.Л. Верхнеудинский казачий полк. // Верхнеудинск: вехи истории (4 апреля 2014 г., г. Улан-Удэ): мат-лы науч.-практ. конф./ Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной церкви, РОО «Общество культуры семейских Республики Бурятия», РОО «Общество русской культуры Республики Бурятия», ГАУК РБ «Национальная библиотека республики Бурятия». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. – С.200-214
7. Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. / А.Е. Мохов. – М.: Вузовская книга, 2011. – 160 с.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994г. № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №3. Ст 210
9. Бородин Б.К. Окружное казачье общество «Верхнеудинское»: история и традиции. // Верхнеудинск: вехи истории (4 апреля 2014 г., г. Улан-Удэ): мат-лы науч.-практ. конф./ Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной церкви, РОО «Общество культуры семейских Республики Бурятия», РОО «Общество русской культуры Республики Бурятия», ГАУК РБ «Национальная библиотека республики Бурятия». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2014. – С. 220-226
10. Там же
11. Там же
12. Положении о проведении VI Республиканского фестиваля казачьей культуры «Единение» в Тункинском районе.
13. Тунка объединила казаков // Режим доступа: <http://burunen.ru/articles/detail>. Дата обращения: 14 сентября 2014.
14. Там же
15. Положение о проведении VI Республиканского фестиваля казачьей культуры «Единение» в Тункинском районе.

16. Официальный сайт администрации муниципального образования "Заиграевский район". // режим доступа: <http://zaigraevo.ru/index.php/zaigrmnpa/2012-/3528-l-r-> Дата обращения: 14 сентября 2014 г.

УДК 398.22(=512.157)

Г.А. Сосина

ЛОКАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ САХА

LOCAL CENTERS OF EPIC CULTURE OF SAKHA

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы определения и изучения локальных культурных центров в эпической традиции саха. Особенное внимание автор уделяет музыкальным, фольклорным, лингвистическим, эпическим особенностям якутского сказительства – олонхо.

Annotation. This article is devoted to the problems of the definition and studying of local cultural centers in the epic tradition of Sakha. The author discusses music, folk, linguistic, epic particularities of Sakha epic storytelling - olonkho.

Ключевые слова. Эпическое наследие, олонхо, эпос, сказительство, локализация, эпическая традиция олонхо, фольклор, традиционная культура, локальные культурные центры, аутентичность.

Key words. Epic heritage, olonkho, epos, storytelling, localization, epic tradition of olonkho, folklore, traditional culture, local cultural centers, authenticity.

В якутской культуре эпическое наследие как системное образование переживает определенный кризис, и доказательством этого выступает факт объявления ЮНЕСКО эпоса олонхо шедевром нематериального культурного наследия человечества, требующего к себе особо бережного отношения. Начиная с 2005 г. в Республике Саха (Якутия) принята и действует десятилетняя Целевая государственная Программа по сохранению, изучению и распространению олонхо. Республиканской ассоциацией Олонхо в 2012 году принято решение исследовать и принимать меры по возрождению исчезающих локальных типов эпоса олонхо – түөлбө оло холор.

Поскольку эпос является одним из видов фольклора, исторически эпосоведение развивалось в русле фольклористики и в данное время в этом направлении наработано достаточно много научной литературы. Так, проблеме локализации эпоса близки труды В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, А.

Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Б.Н. Путилова, К.В. Чистова, В.М. Гацка, а также взгляды Ю.М. Логмана, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина.

В якутской науке эпосу олонхо внимание уделяется с самого начала ее становления. В.В. Никифоров, А.Е. Кулаковский, Г.В. Ксенофонтов считали эпос олонхо историческим произведением народа. А когда в республике П.А. Слепцовым-Ойунским был образован Институт языка и литературы, фольклористы Г. У. Эргис, Г.М. Васильев, И.В. Пухов, А.С. Порядин, Н.В. Емельянов, В.М. Никифоров, В.В. Илларионов и другие даже в годы Великой Отечественной войны не прекращали свои научные экспедиции, добираясь до каждого якутского улуса, и записывали сказания олонхосутов. Эти олонхосуты, как потом выяснилось, оказались последними живыми носителями эпической культуры саха, таким образом, была прервана цепь трансляции аутентичного устного сказительства.

И вот теперь, на рубеже веков, эти сохранные в архивах ИЯЛИ и ЯНЦ образцы эпического наследия народа саха обрабатываются и выпускаются в печатном виде, установлена серия «Саха Боотурдара», предполагающая включение образцов олонхо 21-го улуса республики. В Институте гуманитарных исследований и других научных учреждениях ведется исследование эпического наследия народа саха. В современных исследованиях локализация олонхо по улусам затрагивается в трудах эпосоведов, музыковедов, филологов, педагогов, культурологов П. Н. Дмитриева, В. В. Илларионова, Б. Н. Михайлова, Ю. И. Шейкина, А. С. Ларионовой, С. Д. Мухоплевой, А.Н. Даниловой, А.А. Кузьминой и Е. П. Чехордуной, Н.И. Филипповой, Г. С. Поповой и др. Также необходимый для решения обозначаемой проблемы материал содержится в трудах первых исследователей якутского края, начиная от отечественных путешественников (Я.И. Линденау, А.Ф. Миддендорф) дополитических ссыльных (Э.К. Пекарский, В.Л. Серошевский, И.А. Худяков, С.В. Ястремский). Наряду с материальной культурой, этнографическими данными, они зафиксировали бесценные материалы по языку и устной народной эпической традиции.

Олонхо – самый крупный эпический жанр якутского фольклора, состоящий из большого числа сказаний (поэм) о подвигах древних богатырей. Словом «олонхо» принято обозначать не только жанровое понятие, но и отдельные произведения этого жанра, которое обычно называются по имени главного героя-богатыря: «Эр Соготох», «Нюргун Боотур Стремительный», «Строптивый Кулун Куллустуур», «Эрбэхтэй Бэргэн», «Кыыс Ньургустай». Каждое олонхо достигает шести - десяти тысяч стихотворных строк, встречались поэмы, доходящие и до двадцати и более и тысяч строк [11, с. 185-186].

Исполнители олонхо называются олонхосутами. Олонхосуты – это талантливые и яркие личности, имеющие свои индивидуальные исполни-

тельские особенности, своеобразную творческую манеру. У якутов не была развита профессионализация сказительства олонхо. Олонхосуты в быту были обычно простыми крестьянами – скотоводами, в большинстве выходцами из бедняков [11, с. 186].

Первое якутское олонхо было напечатано в 1851 г. (на якутском с подстрочным немецким переводом) в приложении к работе О. Н. Бетлингга «О языке якутов», изданной в материалах экспедиции А. Ф. Миддендорфа. Это олонхо привлекло внимание ученых к якутскому эпосу и не потеряло своего значения до сих пор, несмотря на запись и издание большого числа намного более полных научных записей олонхо. Самим А. Ф. Миддендорфом в 1843 – 1844 гг. также была сделана краткая запись одного олонхо (герой его Эриэдэл Меткий). Это олонхо напечатано в «Путешествиях» Миддендорфа частью в записи на якутском языке, а частью в кратком изложении на русском языке [8, с. 8-9].

Эпические традиции олонхо достаточно полно исследованы с точки зрения фольклористики, филологии, этнографии, искусствоведения, музыковедения, но относятся к числу мало разработанных тем отечественной культурологии, тем более это касается локальных культурных центров олонхо.

Первые предпосылки в изучении локальных традиций олонхо сделаны еще в 1990 году профессором, доктором филологических наук Илларионовым В.В. в газетной статье «Түөлбэоло холор». Первые заметки о локализации якутской музыки (традиционной) сделал Ю.И. Шейкин, который отмечал, что центральное место в жанровой системе якутской музыки занимает эпическая традиция – олонхо, объединяющая в своей музыкальной структуре различные стили пения, чередуемые с ритмизированной речью (скороговоркой) – чабыргах [9, с. 87]. Хотя, определение, выдвинутое Ю. И. Шейкиным можно оспорить, приводя следующее: «**Чабыргах** — своеобразный жанр народной поэзии (фольклора *прим. автора*), объединяющий разнообразные стихотворной формы произведения, сходные между собою по характеру исполнения. Чабыргах обычно декламируется скороговоркой, речитативом и особым напевом. Суть исполнения состоит в том, чтобы выразительно одним духом, не переводя дыхания, ритмично продекламировать всё произведение. Стихи кратких чабыргах повторяются столько раз, на сколько хватает дыхания. Как жанр чабыргах многообразен. Одни из его разновидностей имеют формы детских игровых забав, другие вид шуточных загадочных перешептываний, третьи — вид насмешливой иронии и острой бичующей сатиры. К детским игровым чабыргах относятся считалки и прымающиеся к ним перечисления частей, например, тела лошади (копыта, бабки, коленки т. п.). Такие гчабыргах имеют большое воспитательное и познавательное значение для детей. Потешные чабыргах часто бывают заумно-

го содержания или в виде «тайной» речи. Совершенно иное содержание имеют чабыргах сатирического смысла, высмеивающие отрицательные стороны жизни и пороки человеческого характера. Чабыргах такого типа сравнимы с эпиграммами и со злыми частушками» [10, с. 524-525].

Таким образом, определение стихотворной речевой части эпического сказания олонхо не корректно называть чабыргахом, так как данное слово обозначает отдельный жанр якутского фольклора, не связанное с эпосом и не являющееся составляющей его каких-либо частей (отрывков). Скорее всего, ритмизированные речевые части олонхо можно, условно называть речитативами.

Песенные разделы имели значение ритуальных, этикетных, заклина-тельных, гимнических и др. функций и звучали как прямая речь героев. Якутскую музыку устной традиции он определил тремя локальными стилями: лено-алдано-виллойским (ЛАВ), яно-индигиро-колымским (ЯИК) и оленеко-анабара-хатангским (ОАХ). Наиболее исследованным локальным стилем якутской музыки является ЛАВ, имеющий исторические связи с музыкой эвенков (витимо-оленокских, алдано-зейских и охотских), прибайкальских бурят и амурских монголов (дауров), маньчжуров и амурских тунгусов (нанайцев, удэгэйцев, ульчей) [9, с.88].

Фольклорист Ефимова Л.С. выделяет три основных типа хороводных песен якутов: виллойский, приленский и третий тип, отсутствием целостного смыслового текста на примере «олекминского осуохайа» [3, с. 7]. Таким образом, Л.С. Ефимова основываясь на локализации хороводных песен, выделяет новый, ранее не упомянутый «олекминский осуохай», который можно рассмотреть как пример южного локального центра (по Путилову - очага) фольклора.

Кузьмина А.А. в своем диссертационном исследовании утверждает, что в эпических сказаниях, особенностью которых является высокая степень типизации, трудно выявить своеобразие, которое, тем не менее, есть. «Якутский героический эпос состоит из нескольких эпических традиций: центральной, виллойской и северо-восточной. На образование локальных традиций олонхо повлияли территориальные, исторические особенности регионов. Все три группы героического эпоса якутов близки между собой, у них общий мифологический фон, единый канон сюжетообразования, системы образов. Между тем, замечаются особенности в исполнении, сюжетах, образах, поэтико-стилевых средствах» [5, с. 286].

В своем исследовании «Мунха олонхото» Попова Г.С. выдвигает три центральных места (очага) локализации якутской традиционной культуры в целом, обозначаемые словами «Үөһээ», «Мэгэ», что в переводе обозначает «Верхнее» и «Высшее». На обширной территории Якутии есть три улуса имеющие в названиях эти слова это, Верхоянский (Үөһээ Дьаагы),

Вехневиллойский (Үөһээ Бүлүү) и Мегино-Кангаласский (Мэгэ-Хагалас) районы, которые она условно называет центрами генерирования традиционной культуры саха [7, с. 55].

Продолжая исследование локальных эпических традиций олонхо, Г. С. Попова в культуре саха выделила всего девять типов олонхо по имени главного героя эпического сказания: Күннэр, Ньургуннар, Туйгуннар, Дохсуннар, Бэргэннэр, Үөлэннэр, Бөгөлөр, Уоланнар, Эр (Согохтор) [6, с. 109]. Взгляды Поповой Г.С. можно растолковать следующим образом: все девять типов олонхо, классифицированные по аспекту главного богатыря, существуют и бытуют по сей день. А выдвинутую гипотезу о трех центральных местах культуры (Верхоянский, Верхневиллойский, Мегинский (Мегино-Кангаласский улусы) рассматривает как движущие векторы культуры, вокруг которых спиралевидно вращаются (возникают, становятся, развиваются, достигают своего пика и «умирают») локальные (микрлокальные) традиции, в том числе и эпическое сказительство. Данные образования Г.С. Попова называет «локальными центрами генерирования олонхо» [6, с. 20].

На обширной территории Якутии имеются в целом пять локальных культурных центров, определяемых природно-ландшафтными условиями: центральный, приленский, виллойский, северный и южный центры. Притом, в каждом подобном центре в свою очередь имеются внутренние локальные образования. Так, в приленской локальной группе выделяется пять внутренних образований, в свою очередь отличающихся друг от друга – их испокон веков якуты называют улусами: Мэнэ, Амма, Таатта, Чурапчы, Борогон (Уус - Алдан). Также Попова Г. С. выделяет наряду со своими локальными особенностями якутов различного ареала обитания – аласные якуты (алаассахата), таежные якуты (тайгасахата), долинные якуты (хочосахата), горные якуты (хайсахата), тундровые якуты (туундарасахата). И, наконец, саха отличается себя по основным географическим направлениям света как приленские якуты (илин эгээрсахата), северные якуты (хотугусаха), южные якуты (согуруугуонна) Виллойские якуты (Булуу умнаһынсахата), в том числе отдельно выделяется ареал или тип центральные якуты (киинулууссахата).

Культурологическую рефлексию исследования локальных культурных центров эпической традиции можно сформулировать следующим образом:

- олонхо как вид и аутентичный текст культуры генерируется в локальных природно-ландшафтных центрах природоодаренными личностями - выходцами из этнических родов саха;

- у каждого локального типа олонхо есть четко выделяемые уникальные культурные особенности;

- информация, предназначенная конкретному адресату, зафиксирована в тексте олонхо с помощью специального культурного кода, который надлежит открыть только адресату;

- для актуализации локального культурного центра олонхо необходимо наличие четырех феноменов или системно связанных элементов: олонхо как текст культуры, олонхосут как носитель культуры и субъект культуротворчества, олонхолооьун как культуротворческая деятельность и олонхоистии как сотворчество и творческое восприятие произведения искусства.

Предлагается следующие признаки определения локального стиля олонхо:

- у саха не только каждое выше упомянутое локальное образование, но и каждый улус обладает своим говором;

- отличие в говоре проявляется также в так называемом мелизме кыльһах – при внимательно слушании этот факт явственно заметен;

- у каждого улуса характерен свой темпоритм устной речи, и отсюда особая энергетика и темп сказительства – тэтим;

- в каждом улусе и регионе наблюдаются диалекты устной речи, представляющие собой языковые сущности, и сохраненные в народе до нынешнего времени;

- каждый сказитель олонхосут выступает носителем идеолекта, также представляющего собой культурно-языковую сущность и наследуемого его потомками и кровными родственниками;

- каждый улус ныне стремится издать в печатном виде олонхо своего туелбэ, и дети и молодежь стали массово исполнять эти тексты. Последнее на основе многолетнего наблюдения способствует самовоспроизводству улусного локального стиля сказительства;

- локальность и уникальность эпоса выявляются только при наличии универсального и глобального, и таковыми выступают общие типичные для всего народа саха тексты олонхо, типажи богатырей и всех других персонажей олонхо. В свою очередь, каждая универсалия и каждая культурная константа в каждом улусе обретают свое неповторимое звучание и качество.

Указанные признаки считаются определяющими для регионального и улусного локального типа олонхо и стиля сказительства – туелбэолонхото и олонхолооьун.

Примечания:

1. Васильев Г. М. Живой родник: об устной поэзии якутов / Г. М. Васильев. – Якутск : ЯКИЗ, 1973. - 302 с.

2. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо / Н. В. Емельянов. - М. : Наука, 1983. - 245 с.

3. Ефимова Л. С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов / Л. С. Ефимова. – Автореф. Дис...к.филол.н. - Якутск, 2004. – 24 с.
4. Илларионов В. В. Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов, С. Н. Азбелов, Н. В. Емельянов. - Якутск, 1982. - 128 с.
5. Кузьмина А. А. Олонхо Виллойского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы / А. А. Кузьмина. - Дис...к.филол.н., Якутск, 2008.- 319 с.
6. Попова Г. С. Триединство в духовной культуре этноса (на примере саха) / Г. С. Попова. – СПб. : Астерион, 2010. – 346 с.
7. Попова Г. С. Санаайа. Мугха олонхото / Г. С. Попова. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 184 с.
8. Пухов И. В. Якутский героический эпос Олонхо / И. В. Пухов. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 210 с.
9. Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии / Ю. И. Шейкин. – Якутск : РДНТ, 1996. – 123 с.
10. Энциклопедия Якутии. - Т.1. / под ред. Ф. Г. Софронова - М., 2000.

УДК 613.6

В.Н. Чебакова

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРАДИЦИОННЫХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В данной статье автор рассматривает традиционную оздоровительную практику стран Азиатско-Тихоокеанского региона как уникальную, эмпирически сложившуюся, целостную систему совершенствования личности, которая на протяжении тысячелетий участвует в формировании культуры здоровья.

The author of the article describes traditional health-improving practice of the Pacific Rim countries. The author characterizes it as a unique, empirically formed and holistic system of personal improvement, which has been forming the health culture for thousands of years.

Ключевые слова: здоровье, культура здоровья, культура, традиции, исследования.

Key words: health, health culture, culture, tradition, research.

В настоящее время во всем мире обострилась проблема с состоянием здоровья людей и особенно молодежи. Указанные обстоятельства, позво-

ляют констатировать тот факт, что проблема здоровья сегодня признается фундаментальной проблемой человечества и наряду с проблемами войны и мира, экологией планеты, является наиболее важной.

В данных условиях выходом из критической ситуации является формирование культуры здоровья людей, которая предполагает не только накопление полезных знаний для сохранения здоровья, но и активное его использование, умение применять их в каждодневной практике [3].

В связи с возрастающей социальной ценностью здоровья, ученые приходят к выводу, что необходимо пересмотреть старые и искать новые формы, средства и методы сохранения, поддержания и восстановления здоровья с учетом уникальных достижений, опыта и традиции разных культур, в том числе и уникальной культуры Востока.

Как справедливо отмечает синолог Н.В. Абаев, привлекательны восточные оздоровительные системы ещё и тем, что в них ярко представлены общекультурные и духовные элементы Востока, не потерявшие актуальности до настоящего времени. Использование этих элементов приносит несомненную, проверенную веками пользу физическому и психическому здоровью человека. Поэтому, изучение восточных оздоровительных систем как одного из эффективных средств формирования культуры здоровья представляет новое, динамически развивающееся направление в исследовании культуры народов Восток [1].

Опыт практической деятельности с использованием физических упражнений, психотренинга, лечебных практик, натурального питания и оздоровительных факторов природы, широко представлен в восточных оздоровительных системах. В диалогическом взаимодействии культурных традиций Востока и Запада, характерном для современной социокультурной ситуации, восточные оздоровительные системы являются уникальным «проводником» к системам древних сакрализованных знаний, которые всегда были достоянием лишь небольшого числа «посвященных» лиц.

Восточные оздоровительные системы представляют собой многофункциональную систему, объединяющую комплексы гимнастик, лечебные и психофизические практики, некоторые разделы восточной медицины (массаж, звуко-цвето-вкусо-ароматерапия, ритмология и др.) и виды единоборств, с философско-религиозными и морально-этическими постулатами, позволяющими регулировать физическое, психическое, нравственное и духовное здоровье человека без использования медикаментозных средств.

Структурным ядром восточных оздоровительных систем является комплекс представлений, который на протяжении многих тысячелетий управляет взаимодействием энергетических, психических и физиологических ресурсов человеческого организма, направляя их на активную адаптацию к окружающей социальной и природной среде. Поэтому, можно с уве-

ренностью сказать, что восточные оздоровительные системы содержат в себе мощный потенциал, который может быть использован при разработке перспективных социокультурных программ, ориентированных на актуализацию современного концепта культуры здоровья человека.

На основе анализа исследовательских проектов последних десятилетий выявлено, что проблема формирования культуры здоровья и рассмотрение восточных оздоровительных систем с точки зрения их культуроформирующего потенциала в научном плане является мало изученной. Наибольший интерес представляют работы отечественных ученых [1,2,4,5,6,7], которые в своих исследованиях особое внимание уделяли своеобразию мировоззрений народов Востока (в частности - Индии, Китая, Кореи и Японии), изучали системные практики здоровьесбережения, раскрывая духовную атмосферу той исторической эпохи, в которой они формировались.

История зарождения восточных оздоровительных систем простирается через тысячелетия от эмпирических находок древних народов, включенных в философские, религиозные и медицинские учения восточного континента. Эти учения и сегодня несут информацию об удивительной живучести и прочности традиционных форм духовной культуры Востока. Вера в полезность и необходимость выполнения ежедневных физкультурно-оздоровительных упражнений в этих странах утверждалась на уровне религиозного обряда, выполнение которых было обязательным для всех людей без исключения [7].

Оздоровительные системы Востока понимаются как целостные направления, которые, наряду с изучением человека и его взаимоотношений с окружающим социумом и внутренним миром, сочетают в себе функции оздоровления, лечения, образования и самосовершенствования. Комплексы этих систем воздействуют не только на организм человека в целом, но и на его духовно-нравственное и физическое здоровье [4]. Следует отметить, что практически во всех оздоровительных системах Востока заложен главный принцип оздоровления – исцеление всегда возможно, если резервные силы организма находятся в активном состоянии.

Древняя истина «в здоровом теле – здоровый дух» является основополагающей для всех оздоровительных систем Востока. Её смысловой посыл сводится к задаче поддержания в человеческом организме постоянного равновесия силы разума (с её помощью человек мыслит) и силы жизни (с её помощью он живет и двигается). Поэтому на Востоке нет ни одной оздоровительной системы, которая была бы направлена только на телесное исцеление и сводилась бы только к телесной оздоровительной практике.

В основе восточной философии здоровья лежат такие понятия, как:

- универсалии причин бытия «Инь» и «Ян», в которых воплощается идея вечного движения борьбы противоположных начал, их противопостав-

ление и единство одновременно, двойственность и неоднородность любого природного, космического и социального явления, события материального мира;

- категории пяти стихий «У-син», которые обозначают циклические движения пяти видов энергии в природном мире, где тело человека является микрокосмосом, а человеческая жизнь рассматривается как совокупность множества ритмов и циклов мировой энергии;

- циркуляция жизненной энергии «Ци», «Ки» или «Чи» по меридианам и каналам.

Все перечисленные универсалии самым непосредственным образом находят отражение в комплексе системной оздоровительной деятельности, включающем установки на моральное и духовное возвышение человека, на разумное управление жизненной энергией, не допускающего растрачивания её по пустякам (например, демонстрации своего превосходства в силе и материальном богатстве) [4].

Мудрецы Востока утверждали, что для того, чтобы быть здоровым, необходимо верить в себя, в свои внутренние силы и резервные возможности, уметь управлять своими эмоциями и телом. Причем крайне важно, чтобы человек верил в избранный им метод или систему оздоровления, в своего учителя или врача, неукоснительно соблюдая все его рекомендации и наставления [5].

Согласно восточным философским трактатам, всякая болезнь и любой недуг являются результатом совершенной ошибки, нарушением Мирового порядка, а болезни есть «плоды» невежества человека. Поэтому, для того чтобы осваивать опыт лечения, человеку необходимо осознать причины своих недугов и найти рациональные способы избавления от них на основе знания законов Земли и Космоса, этики и морали, уважения общечеловеческих ценностей. Причем, любое лечение всегда начинается с перестройки мышления (сознания), с формирования здоровых нравственных понятий: доброжелательного отношения к людям и окружающему миру; жить, не вредя ничему живому (ни словом, ни делом, ни мыслью) и постоянно укрепляя веру в свои возможности [4].

Синолог Н.В. Абаев в своих исследованиях подчеркивает, что восточные оздоровительные системы являются самым глубинным слоем культуры, который играет решающую роль в формировании культуры здоровья человека. В нем сохранены устойчивые традиции, стабильные организационные формы, специальные «технические» приёмы и методы оздоровительного воздействия [1].

Известно, что в становлении и развитии культуры и общества Востока важную роль сыграли такие религии, как буддизм, индуизм и синтоизм с их обычаями, ритуалами и церемониями. Религиозные учения Востока яв-

ляются, прежде всего, философскими системами воспитания, саморазвития и совершенствования человека. Они аккумулируют в себе мудрость, согласно которой «человек, изменяя себя, изменяет и мир» [4].

Рассматривая данную проблему, востоковед А.А. Ткачева отмечает, что любая восточная религия всегда стремится оказывать регулирующее воздействие на умы, сознание и поведение верующих. Так, например, в восточных странах на уровне веры утверждалась полезность, необходимость и обязательность выполнения определенных физических упражнений и психологических практик. В Индии считалось, что чем ниже каста, к которой принадлежит человек, тем продолжительнее должно быть его «погружение» в комплекс физических упражнений и поклонов. Невыполнение и нарушение религиозных предписаний и требований считалось грехом, который наказывался многочасовыми телесными истязаниями. Причем, как отмечает автор, именно этот пласт культуры был наиболее сакрализированным [7].

Особый интерес сегодня вызывают исследования, которые посвящены изучению и влиянию звуковых воздействий на человека. Считается, что при прочтении молитв или мантр увеличивается энергия жизни человека, т.к. сакральные словосочетания вызывают нисхождение определенных видов энергии из Космоса. Не случайно, перед началом занятий и при их окончании во всех оздоровительных системах Востока применялся обряд поклонения предкам, учителям, духу местности в сочетании с прочтением специальных мантр (Ушу, Цигун, китайские гимнастики и др.). Заметим, что религиозные принципы и установки всегда совмещали культовые, образовательные и воспитательные задачи как в формировании культуры вообще, так и культуры здоровья в частности [2].

Таким образом, на Востоке нет ни одной оздоровительной системы, которая не уделяла бы особого внимания процессу формирования сознания человека с помощью религиозно-философских постулатов, направленных на укрепление, сохранение, поддержание и восстановление здоровья. Изначально природа создает живой организм здоровым и закладывает в него защитные силы: иммунитет, саморегуляцию, самовосстановление и самосовершенствование, действующих на основе взаимозависимости всех систем человеческого организма.

Здоровье человека зависит от гармонии и равновесия между противоположно ориентированными процессами, происходящими в его организме: движением и покоем, действием и противодействием, кислотой и щелочью, теплом и холодом, поглощением и выделением, созданием и распадом. Эти процессы постоянны и призваны поддерживать внутреннее равновесие, причем эффективнее они действуют, тем крепче становится организм человека.

Так, согласно древним учениям, болезнь - это ошибки и грехи в поведении человека, поэтому больной считается «преступником». Он достоин презрения и плохо воспитан, поскольку не знает фундаментальных Космологических законов и нарушает Мировой порядок, отказываясь искать в нем единый принцип и согласие [6].

Особое место в оздоровительных системах Востока отводилось силе космического и природного воздействия на человека. Считалось, что там, где человек вредит Природе, там повышается заболеваемость и смертность населения, там увеличивается число мертворожденных детей и наследственных уродств. Подобно тому, как организм отторгает чужеродные клетки, Природа отторгает людей и общество, нарушающих её гармонию и красоту. Создав себе тепличные условия, пренебрегая законами Природы и грубо вмешиваясь в окружающую действительность, человек неминуемо расплавляется своим здоровьем и заболевает серьезно. Не случайно, главным принципом здоровьесформирующего поведения на Востоке, считалось выполнение следующих заповедей: «Если хочешь быть здоровым – здоровайся со всеми, победи в себе жадность и лень, самодовольство и стяжательство, агрессию и жестокость, страх, лицемерие, гордыню, верь людям и люби их, но прежде, используя резервные возможности организма, помоги себе сам!» [2].

Основные положения философских традиций показывают, что все восточные оздоровительные системы являются, прежде всего, частью воспитания и становления гармоничной личности.

Достаточно сильной стороной восточных оздоровительных систем самосовершенствования человека, как отмечают ученые В.М. Смолевский и Б.К. Ивлиев, является уникальный свод правил, следуя которому занимающиеся приобщаются к определенному образу жизни, к установленному «кодексу чести». В основе кодекса лежат заповеди, которые определяют общечеловеческие ценности и этические нормы взаимоотношений в обществе. Практики оздоровительных систем требуют обязательного выполнения таких норм поведения, как уважение к старшим, почитание учителя, уважение к сопернику, помощь слабому, отвращение к насилию. Иными словами, процесс самосовершенствования человека идет через развитие тела к совершенствованию чувств и поступков [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что действительно все рассматриваемые оздоровительные системы Востока, без исключения, имеют необходимые компоненты культуры здоровья, и являются не только уникальными, но и универсальными для формирования и развития культуры здоровья людей.

Предпринятая нами попытка рассмотрения культуросформирующего потенциала восточных оздоровительных систем является фрагментом цикла

современных научных исследований, посвященных изучению стратегически ориентированных аспектов проблемы здоровья.

Литература

1. Абаев Н.В. Психофизические упражнения Ушу / Абаев Н.В. – Улан-Удэ : Респ. тип., 1989.
2. Ляхова К.А. 1000 секретов восточной медицины / Ляхова К.А. – М. : Риппол-классик, 2004.
3. Малярчук Н.Н. Мировоззренческие аспекты понятия «культуры здоровья» / Малярчук Н.Н.; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005.
4. Маслов А.А. Энциклопедия восточных боевых искусств. Том 1. Традиции и тайны китайского Ушу / Маслов А.А. – М. : Галла-Пресс, 2000.
5. Смолевский В.М. Нетрадиционные виды гимнастики / Смолевский В.М., Ивлиев Б.К. – М. : Просвещение, 1992.
6. Тель Л.З. Кодекс здоровья: Евроазиатская система сохранения здоровья / Тель Л.З. – М. : Аст, 2001.
7. Ткачева А.А. Найди свою Йогу / Ткачева А.А. – М. : Знание, 1991.

УДК 615.89(=512.36)

М.М. Содномпилова

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ТРАДИЦИИ ФИТОЛЕЧЕНИЯ¹

FOLK MEDICINE OF THE MONGOLIAN PEOPLES: TRADITIONS OF PHYTOTHERAPY

Аннотация: Народная медицина монгольских народов – малоисследованное явление, требующее детального рассмотрения разных ее комплексов. Важнейшей ее частью является фитолечение. Знания и традиции фитолечения рассматриваются в данной статье.

Annotation: The folk medicine of the Mongolian people is a phenomenon requiring detailed consideration of its various complexes. Its most important part is phytotherapy. Knowledge an phytotherapy traditions are considered in this article.

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-00312 «Геомедицинская ситуация в Байкальском регионе и вызовы геополитической безопасности России во Внутренней Азии: история и современность»

Ключевые слова: народная медицина, фитолечение, флора, культ земли, экология

Keywords: folk medicine, phytotherapy, flora, cult of the land, ecology

Народная медицина монгольских народов – малоисследованное явление, требующее детального рассмотрения разных ее комплексов, таких как искусство костоправов, использование средств животного происхождения, фитолечение и др. Жизнь монгольских народов была теснейшим образом связана с природным окружением и любой вид народной медицины развивался только в русле традиций и обычаев, продиктованных культом природы (культ Земли и Воды *газар-усун*, культы животных). Экологический фактор оказал значительное воздействие на развитие, в частности, традиции траволечения в народной медицине монгольских народов, выразившись в отношении к лекарственным растениям в частности, и растительному миру в целом, в особенностях сбора лекарственных трав. Этому и другим аспектам традиции фитолечения в народной медицине монгольских народов посвящена данная статья.

Представления о народной медицине монгольских народов сводятся преимущественно к разным направлениям тибетской медицины и нам мало что известно об опыте использования целебной флоры в народной медицине самих монгольских народов. Исследователи, в частности народной медицины бурят, склонны считать, что опыт бурят относительно использования лекарственных средств растительного происхождения незначителен и если такой опыт имел место быть в XIX – XX в.в., то он сложился не без влияния русских поселенцев. Отчасти такое предположение верно - сегодня довольно сложно отделить исконные знания бурят о целебных свойствах растений от знаний заимствованных от русских соседей в условиях тесного взаимодействия и взаимовлияния разных культур. Вместе с тем, представления бурят о растениях в целом, и лекарственных травах в частности, содержат информацию, которая встречается в мировоззренческом комплексе народов Центральной Азии, Сибири. Формирование бурятской народной медицины происходило в условиях определенной этнокультурной и этноязыковой общности, в которую входили монгольские, тунгусские и тюркские этнические компоненты. Об этом, в частности, свидетельствует значительный пласт тюркоязычных элементов в монгольской медицинской терминологии¹.

¹ Так, например, этимология монгольского названия шиповника *нохойн хоншор* «собачий нос» связана с тюркскими терминами, значение которых «собачий нос» (в частности, в азербайджанском языке шиповник – *itburunu* «собачий

Следы архаичных представлений о чудодейственных свойствах трав сохранились в устном народном творчестве западных бурят. В эпических произведениях устойчивым является мотив о животворной силе трав. С их помощью оживают умерщвленные в бою главные герои и их противники. Так, женщины, принадлежащих клану мангадхаев после расправы с ними богатырей, вновь оживают «на кончики трав нанизываясь, по кончикам камышей поднимаясь». Приводим один их типичных текстов, описывающих процесс оживания/восстановления мангадхайки:

И попал в цель, [стрела] раздробила
Первый шейный позвонок [старухи]
И попал в цель, [стрела] разбила
Ее плечевую кость
Разбросала обломки [их]
По верхушкам травы
Раскидала [осколки их]
По верхам камышей.
Но [старуха, собрав осколки] с головок камышей,
Срастила [их], вновь поднялась,
Собрав [обломки] с верхушек травы,
Соединила [их], вновь поднялась [1, с. 401].

Такие представления говорят, во-первых о том, что древнее население Южной Сибири понимало какая целебная сила, заключена в растениях; во-вторых, что знаниями о лекарственных растениях владел небольшой круг людей, которых называли *эльбэтэй*, т.е. «владеющие магией, волшебством». Фрагментарные сведения о рациональном применении лекарственных трав позволили сложиться мнению, что в бурятской культуре отсутствует традиция лечения травами.

Отсутствие развитой практики использования лекарственных растений у бурят можно объяснить с разных позиций. Известно, что искусство врачевания в культуре бурят, было одной из сфер многогранной деятельности шаманов. В числе основных приемов врачевания бурятских шаманов Т.М. Михайлов указывает искусство костоправов, таримчинов (*тарим* - способ лечения с использованием заклинания), психотерапию. Привлекает внимание тот факт, что в круг медицинских практик бурятских шаманов не входит лечение травами.

Мы разделяем точку зрения Т.М. Михайлова, который подчеркивает, что приемы и средства шаманов, применяемые в лечении, были в основном религиозные – обряды, молебствия, заговоры, табу, онгоны, амулеты,

нос») преобразовалось в общераспространенное название шиповника «собачья роза».

обереги, благоволия. Использовали шаманы в своих медицинских практиках и растения. Можно перечислить целый комплекс обрядов, в которых главным средством выступали различные растения (пихта *жодоо*, можжевельник *арц*, боярышник, чабрец *ая-ганга* и т.д.), но их использование в большинстве случаев не имело рациональной основы и носило магический характер.

Так, например, скорее ритуальным, чем рациональным было применение западными бурятами при кашле боярышника: «Если у человека будет кашель с колющим в груди, то буряты берут иглы боярышника числом 9 или трижды 9, т.е. двадцать семь игл, кипятят их в воде, настаивают как чай и пьют больного» [12, с. 80].

Вероятно, буряты не придавали особого значения целебным свойствам растений, а верили больше в ритуальную очищающую силу священных растений, что было обусловлено традиционными представлениями о природе самих заболеваний. Как считали буряты, любая болезнь – это негативное следствие контакта человека с иным миром, результат нарушения человеком запретов, определяющих взаимодействие земного мира людей с миром божеств и духов. Кроме того, актуален вопрос, какие состояния организма буряты считали болезненным? Возможно, что легкие недомогания, наподобие расстройства стула, небольшие раны не считали проблемой и в таких случаях обращались к помощи растений, к бадану в частности. Известно, что буряты были хорошо осведомлены о бактерицидных свойствах листьев бадана, которые прикладывали к воспаленным местам при разного рода нагноениях, воспалениях, фурункулах [3, с. 92]. Буряты употребляли бадан и внутрь в виде настоя, поскольку неимущие семьи, не имея возможности приобрести чай, заваривали вместо него листья бадана. Вообще, монгольские народы, населявшие лесостепные области, вместо чая употребляли разные растения по примеру соседей – хубсугульских урянха, дархатов¹, эвенков, тувинцев. Таковыми, например, были плоды шиповника *нохойн хоншиор* (собачий нос), багульник *сагаан дали*.

Гатаа ногоон, халуун уйһэн (мята) использовали как средство от заболеваний желудочно-кишечного тракта, отвары из *чия* (вишня степная) и *чихэр буяа* (солодка уральская) пьют при простуде, кашле. Средством, заживляющим раны, были листья подорожника. Это растение в монгольском мире известно под разными названиями: обычно подорожник называли

¹ Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Изменения в расселении и этническом составе народов Монгольского Алтая и Прихубсугулья (XX – начало XXI в.в.) // Вестник БНЦ СО РАН. № 4 (12), 2013 г – с. 21-34

таваан салаа («пять ветвей»), но у бурят было известно и другое название - *нохойн хэлэн* («собачий язык»), *хабдар ногоон* («опухоль-трава»)¹.

Если же болезнь считали серьезной, то обращались уже к услугам шамана и очистительной силе священных растений. Очищающая сила священного растения, собранного в сакральной местности превосходила способности рядового шамана. Хакасы по этому поводу говорили: «Богородская трава лучше плохого шамана» [2, с. 35]. Дым или отвар священных растений (кора пихты, листья чабреца, хвоя можжевельника) очищали больного от скверны, т.е. причины болезни. Ветки, иглы, смолу священных растений (ветки боярышника, шиповника, березовый деготь) использовали как охранительное средство, что можно рассматривать своеобразным способом профилактики разных заболеваний.

Как считает Т.М. Михайлов забвение шаманистского «врачевательного» искусства произошло в частности потому, что оно считалось делом избранных людей, передающимся по наследству [6, с. 165-169]. Действительно, в культуре западных бурят любое проявление сверхъестественных способностей, владение необычной информацией выходило за рамки обыденного знания. И знание целебных свойств растений также входило в комплекс сакральных знаний, которые передаются только по наследству, как и кузнечное мастерство, способности шамана, исполнителя улигеров, ворожее и т.д.:

Право наследственности играет в жизни бурят большую роль: бурят может сделаться кузнецом только если он имеет кузнечное происхождение; ворожеем, если он имеет тоже наследственное право.

Даже снимать кору с пихтового дерева и то нужно наследственное право. Не имеющий соответствующего происхождения не имеет права снимать кору с пихтового дерева, идущую на совершение религиозных обрядов, это грех, он не должен прикасаться к пихте. Также самое относится к собиранию и выкапыванию корней лекарственных трав и знанию способов их употребления. [11, с. 159]

Кроме того, Т.М. Михайлов выдвинул предположение, что занятие гаданием и знахарством, не имевшее каких-либо рациональных основ, было бы обречено на неудачу и дискредитировало бы шаманов; оно требовало минимума практически полезных знаний в различных сферах жизни,

¹ Ц.Б. Будаев О флористической терминологии (на материалах бурятского, монгольского и калмыцкого языков) // Труды бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 3, Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1960 – с. 80

природы и общества, приемов и средств народной медицины [6, с. 118]. Т.М. Михайлов не прав, утверждая, что знахарство требовало минимума практических знаний, но его предположение, что деятельность шамана, ограниченная только рамками этого вида деятельности, была бы обречена на неудачу, вполне правомерно.

Необходимо также учитывать особенности традиционного мировоззрения монгольских народов. В среде кочевников Центральной Азии хорошо известны запреты на любые необоснованные вмешательства в природную среду: нельзя без особых на то причин передвигать камни, рубить деревья, рвать траву, копать землю. Иными словами, монгольские народы, в среде которых был развит культ земли Этуген, Орон-Дэлэхэй, избегали действий, направленных на любые нарушения «лика земли», т.е. ее поверхности. Даже на корм скоту траву было принято заготавливать в то время, когда она начинала вянуть. Безусловно, что наличие таких запретов, на наш взгляд, не могло способствовать развитию традиции фитолечения в культуре монгольских народов.

Вместе с тем, существуют сведения, которые позволяют предположить, что и влияние русских культурных традиций могло способствовать утрате исконных знаний бурят о целебных свойствах разных растений. Эти сведения были записаны М.Н. Хангаловым у предбайкальских бурят, чей опыт общения с русскими был наиболее длительным. Сведения эти представлены уже как сформировавшийся в бурятской традиционной мифологии сюжет. Однако включение в сюжет о сакральных знаниях необычной клятвы, представленной ниже и отсутствие сведений о последствиях принятия этой клятвы, говорит, на наш взгляд, о чужеродности данного мотива для бурятских преданий:

Прежде буряты как будто бы знали много лекарственных трав, но перезабыли. По мнению бурят, когда берешь лекарственную траву, необходимо дать клятву, что будешь жить с помощью этой травы и что, кроме нее, тебе не нужно ни хозяйства, ни жены, ни детей. Давать такую клятву буряты считают за грех, вследствие этого, они не старались узнавать лекарственные травы потому, какие знали, позабыли. Буряты, знающие эти травы от тех, которые просят показать их, требуют принести вышеописанную клятву... По мнению бурят тот, кто знает какую-нибудь лекарственную траву, должен показать ее перед смертью другому человеку, но под условием той клятвы, если найдется к тому охотник. Без клятвы же передавать эти знания по обычаю нельзя. [12, с. 80]

...Когда показывают эти корни другому, то с него берут клятву, что он это будет хранить в секрете. Буряты обычно считают большим

грехом давать такие клятвы. Вследствие этого многие лекарственные травы забыты.

[11, с.159]

Очевидно, что здесь не обошлось без влияния традиционных русских сюжетов о знахарях и колдунах и ведьмах, о тяжком бремени волшебной силы, которое они несут всю свою жизнь. Согласно русским преданиям такие люди получают свои необычные возможности и знания от нечистой силы. Вследствие этого обладатели волшебной силы не могут умереть (их не принимает в свое лоно Мать Сыра Земля), пока не передадут эти знания и силу кому-нибудь другому.

Вполне понятен отказ бурят, для которых идея продолжения рода была самым главным смыслом жизни, от получения такого рода знаний. Но, очевидно, что не все буряты были знакомы с такими клятвами и у многих этнических групп бурят ценные знания, унаследованные от предков, в жизни которых собирательство имело важное значение, сохранились.

О том, что собирательство имело немаловажное значение в жизни монгольских народов, свидетельствуют сведения из «Сокровенного сказания монголов», описывающие детство Темучжина, записки путешественников XVII – XIX в.в.. Основные виды растительной пищи монголов, названия съедобных растений и происхождение терминов были подробно рассмотрены Викторовой В., Вяткиной К.В., Галдановой Г.Р., Дамдиновым Д.Г. и другими исследователями.

Безусловно, что традиции собирательства, сохранившиеся с древних времен, позволяют говорить и о наличии опыта у монгольских кочевников относительно целебных свойств растений и их использования. Перечень различных растений, насчитывающий более 50 видов, зафиксированный Г.Н. Потаниным, показывает, что монгольские народы хорошо разбирались во флоре своей местности, знали, какие растения можно было употреблять в пищу, какие были ядовитыми.

Очевидно, что формированию знаний о свойствах разных растений наблюдательным скотоводам и охотникам помогали животные, «подсказывая» своим поведением какие растения следует употреблять и для каких целей. Народные названия лекарственных растений представляют интересный материал с точки зрения происхождения слова. В монгольской ботанической терминологии значительную часть составляют названия, так или иначе связанные с животными. Многие растения получают народные названия по сходству признаков всего растения, либо его отдельных частей с частями тела животного («верблюжий хвост», «ягнячье ухо»). Ряд названий, возможно, указывает на то, что некоторые растения используются в пищу определенным видом животных: *могой эдеэн* («змеиная еда» - молодило),

гахай ногон («кабанья трава» - звездчатка), *хүхэ эдээн* («еда кукушки» - купальница азиатская), *гүрөөһэ үбһэн* («трава косули» - иван-чай), *шонын үбһэн* (волчья трава), *морин хат* («лошадиная ягода» - смородина красная) и т.д.

Широко распространены ссылки на оленей, которые показывали людям разные лекарственные травы. Бурятские охотники рассказывают, что раненые олени поедают красную гвоздику, которая местному населению известна как кровоостанавливающее средство¹, маралий корень. Другую траву *буху аранай убюсу*, придающую большую физическую силу маралы едят во время гона. «Она производит возбуждение и придает силы человеку» [8, с. 189]. Знают о ее существовании и птицы. Раздобыть эту траву практически невозможно: один охотник достал эту траву, убив оленя, который ее поедал; по другим сведениям эту траву может принести дятел желна, который с помощью травы открывает свое гнездо, предварительно заткнутое охотником за травой [там же]. Как выглядит это растение неизвестно, но необычные способы его получения позволяют предположить, что представления монголов об этом растении далеки от реальности. Как правило, магическим ореолом были окружены растения, произрастающие в далеких, редко посещаемых землях и других странах, и известных только по описаниям. В мистических «портретах» представителей иноземной флоры очень трудно распознать черты известных сегодня растений. К таковым, например, относится описание, как мы полагаем, растения жень-шень, которое в бурятских преданиях обозначается как трава *хун-хорһин*.

Есть так называемый корень травы («человеческий корень»), который целебен от всех болезней. Этот корень совершенно похож на человека и разделяется на мужской и женский полы. Прежде этот корень выкапывали следующим образом: кто знает этот корень, тот, найдя его, выстраивал над ним небольшой шалаш, чтобы корень этот не видел солнца; иначе, если корень увидит солнце, наступит страшная засуха. Когда корень выкопают, то из него вырезают маленький кусочек в том месте, где у больного болит: например, если у больного болит правая рука около плеча, то и на корне вырезают кусок непременно около правого плеча; с другого места вырезать нельзя. Когда этот корень выкапывают, то он плачет по-человечески. Обыкновенно буряты считают большим грехом выкапывать этот корень. [10, с. 81]

Полевые материалы, собранные автором в разных аймаках Монголии за 2006-2013 г.г., показывают, что знания о тех или иных

¹ История лекарственных растений. <http://www.mordovnik.ru/istoriya>

свойствах растений были важной составляющей опыта кочевого образа жизни, который чрезвычайно востребован и сегодня.

В условиях Монголии проблемы медицинского обслуживания животноводов-кочевников, ветеринарного обслуживания скота, как отмечает Грайворонский¹, всегда были и остаются одними из наиболее острых. В настоящее время с реконструкцией ряда традиционных форм хозяйства и быта монгольских скотоводов эта ситуация лишь осложнилась. Собственные полевые исследования автора позволяют говорить о сокращении врачебных пунктов, нехватке медицинских кадров в сельской местности. На этом фоне возрастает актуальность знаний кочевников о целебных свойствах растений.

В быту современных монгольских скотоводов широко используются средства растительного происхождения при лечении болезней людей и скота. Известным жаропонижающим и противовоспалительным средством является растение *алтан гагнуур* (четырёхлистник золотистый). Корни и листья этого растения скотоводы (Төв аймак) заваривали, чтобы ускорить процесс отделения последа у недавно отелившейся коровы и предотвратить угрозу воспалительного процесса. *Алтан гагнуур* произрастает и в горах Монгольского Алтая, используется местным населением как хорошее средство при переломах.

Мистическим ореолом в Западной Монголии окружено растение *вансумбэрру* – *Saussurea Involukrata*. *Вансэмбэрру* - очень редкое растение высокогорья, произрастающее на высоте более 3000 м. в горах Монгольского Алтая. С древности сохранилось его название *тэнгэрийн цэцэг* «цветок неба». Поэтому срывать его можно было, задобив духов земли и воды – *лусов*, жертвуя им пищу и растянув над цветком *майхан*, чтобы небо не «увидело», как срывают цветок². Цветы засушивают и используют как средство при заболеваниях легких (туберкулезе), простуде и др. Как считают монголы, этот цветок очень трудно увидеть в природе – «не всякий ищущий, страждущий увидит его».

Вансэмбэрру раскрывает свои лепестки на восходе солнца, за ночь внутри соцветия скапливается вода. Поверья ойрат-монголов гласят, что вода, скапливающаяся в цветке очень полезна для здоровья. В сущности, эта вода приравнивается по своим свойствам к напитку бессмертия, о чем поется в песне, посвященной этому цветку. В песне поется о любви сына к

¹ Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980-1995 г. М., 1997, С. 41-56

² http://www.travelnews.mn/index.php?songolt=content&task=content_item&id=593

матери, о его желании добыть цветок с волшебной водой своей матери, чтобы она, испив воды, обрела долголетие¹.

Привлекает внимание требование, которое необходимо соблюдать при срывании цветка, а именно сооружение *майхана* (палатки) над растением. Точно также должны были поступать буряты, выкапывающие корень целебного растения *хун-хорхин*, в противном случае ожидали большой беды вселенского масштаба. «Прежде этот корень выкапывали следующим образом: кто знает этот корень, тот, найдя его, выстраивал над ним небольшой шалаш, чтобы корень этот не видел солнца; иначе, если корень увидит солнце, наступит страшная засуха» [12, с. 81]. В случае с «цветком неба», последствия гнева Неба нам неизвестны, но очевидно, что это были бы различного рода природные катаклизмы. Такие представления в прошлом были распространены среди монгольских народов и относились к добыче разных лекарственных растений. Так, Г.Н. Потанин, отмечает, что существует определенное растение (ему неизвестное), которое использовалось монголами в лечебных целях: «...теми же чудотворными корнями лечат от полома костей, рук и проч. Такой больной, лечащийся этим корнем, должен прятать, зарывать свою мочу, а то делается такая дзада, такой ливень, что произведет галап, т.е. –всемирный потоп»» [8, с. 190]. Очевидно, что к группе лекарственных растений относится и неизвестное растение, вызывающее непогоду, о котором упоминал М.Н. Хангалов. Извлечение корня этого растения из земли сопровождается непогодой: «...вдруг делается холодный и порывистый ветер с дождем или снегом на 3 или 5, 7 и 9 дней. По словам бурят, эти корни хорошо знают таежные охотники, которые для охоты делают зада; также знают их большие птицы, гуси и лебеди...Эти корни знают также и некоторые звери: изюбри, сохатые и др.» [10, с. 408]

О растениях же Монгольского Алтая следует сказать особо. Необычные свойства, какими обладает растение *алтан гагнуур*, произрастающее в горах Монгольского Алтая, о которых мы упоминали выше, вероятно присущи многим растениям этой природной экосистемы. По наблюдениям исследователей горная система Монгольского Алтая является уникальным местом: почвы, содержащие множество микроэлементов обеспечивают особую питательность трав. В то же время необычна и сама флора высокогорья - она характеризуется поразительной энергоемкостью. Этим объясняется способность редкой и чахлой травки среди каменных россыпей кормить одновременно столько скота. Примечательно, что алтайский як в среднем на 10-15 см. выше в холке, чем

¹ Информатор Пурэвцэрэн 1971 г.р., хошут, Булган сомон Кобдосского аймака, 2011

его центральноазиатские сородичи, да и улар, горный баран (аргали) и козел тэкэ по размерам превосходят своих сородичей из других горных областей Центральной Азии. Местные жители считают, что целебным свойством быстро залечивать переломы костей, обладает и мясо животных, которые выпасаются на местных пастбищах. Так, например ойраты особенно ценят мясо горной куропатки *хойлога*, общеизвестным названием которой является тюркское «улар». Верят, что мясо *хойлога* способствует заживлению ран. При этом, исцеляющая сила мяса *хойлога* передавалась человеку, который употреблял его в пищу. В этой связи, у захчинов издавна строго соблюдались два запрета: не говорить, что являешься единственным сыном в семье¹, а также ни в коем случае не говорить, что ел мясо улара. Если человек, съевший *хойлога*, проговаривался об этом, его могли убить, так как и его мясо становилось целебным. Кусочки его тела высушивали и хранили как лекарственное средство [14, с. 77].

Не менее загадочно, чем «цветок неба», судя по отзывам о нем местных жителей, другое растение - *Гоби гоёо* (*Synopodium sossineum*), редкое растение полупустынной зоны, которое является объектом контрабанды из Монголии в Китай. Впервые об этом растении упоминает в своих трудах Н.М. Пржевальский. «На ключах Чиргу-булык, где была сделана дневка, встретилось много пролетных уток, и мы опять отлично за ними поохотились. Окрестности того же Чиргу-булыка совершенно пустынно, и лишь возле самых ключей залегает несколько крохотных площадок зеленой травы, донельзя выеденной монгольским скотом. На корм последнему идут также толстые стебли *Synopodium sossineum* [циноморий краснеющий, гоёо], довольно здесь обильного. Монголы сами употребляют в пищу это растение, сварив его предварительно. Слышали мы также от монголов, что сушеное *Synopodium* вывозится в Китай, где служит прохлаждающим средством во время сильных жаров»

Внешний вид этого растения по словесному описанию местных жителей, не лишённого мистического налета, не совпадает с образом реального растения с одноименным названием:

«Встречается Гоби гоёо крайне редко, растет единичными экземплярами, листья его настолько тонкие, что практически невидимы в дневное время – увидеть их можно только на закате, поэтому обнаружить это растение может только опытный человек»².

¹ В воинской традиции монголов единственного сына могли принести в жертву знамени, как носителя *сильдэ* всей мужской доблести его рода, сконцентрированной в одном человеке [информатор Батценгелийн Нацагдорж, Монголия].

² Информатор Пурэвцэрэн 1971 г.р., хошут, Булган сомон Кобдосского аймака, 2011

Однако, данное описание, представленное одним из информаторов, полностью совпадает с признаками и целебными свойствами растения с другим названием - *Усын хара өвс*. По устному описанию, это растение с тонкими как волосы листьями черного цвета. Используют его как средство от женских гинекологических заболеваний. Относительно этого растения известна легенда:

*«Хормуста-хан имел одну дочь. Хун-шубуун выклевал ей один глаз и девушка умерла. После смерти она превратилась в растение Гоби гоё, чтобы помочь женщинам, излечивая женские болезни».*¹

Таким образом, народно-бытовая медицина бурят включает как рациональные способы лечения, основанные на знании полезных свойств отдельных видов растений, так и различные магические приемы. Наличие опыта рационального применения целебных свойств растений в культуре монгольских народов бесспорно, однако о развитости данного направления народной медицины как траволечение говорить довольно сложно. В монгольской культуре не обнаруживаются знания, связанные с выбором времени заготовки лекарственных растений, обрядового комплекса, сопутствующего сбору трав, не отмечены тексты-заговоры, молитвы, которые сопровождают процесс сбора растений, приготовления лекарств, лечения, т.е. те необходимые компоненты культуры, которые традиционно дополняют эту сферу народных знаний в жизни других народов. Возможно, что такие выводы преждевременны и исследование данной проблемы в дальнейшем позволят внести ясность в исследование места и роли траволечения в народно-бытовой медицине монгольских народов.

Литература:

1. Абай Гэсэр. Бурятский героический эпос. (Эпос народов Евразии) — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 526 с.
2. Будаев Ц.Б. О флористической терминологии (на материалах бурятского, монгольского и калмыцкого языков) // Труды бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 3, Серия востоковедения. Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БурАССР, 1960 – с. 80-88
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. / В.Я. Бутанаев — Абакан: УПП «Хакасия», 1999 – 240 с.
4. *Галданова Г.Р.* Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки. (Вторая половина XIX – начало XX в.) / Г.Р. Галданова — Новосибирск: Наука, 1992 — 170 с.

¹ Информатор Дома, 1934 г.р. торгут, Булган сомон Кобдосского аймака, 2011.

5. *Галданова Г.Р.* Ритуальная пища монгольских народов / Г.Р. Галданова // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. - С.141-150

5. *Грайворонский В.В.* Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980-1995 г./ В.В. Грайворонский — М., 1997 —184 с.

6. *Михайлов Т.М.* Бурятский шаманизм. История, структура, социальные функции. Новосибирск: / Т.М. Михайлов — Наука, 1987 — 287 с.

7. *Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М.* Изменения в расселении и этническом составе народов Монгольского Алтая и Прихубсугуля (XX – начало XXI в.в.)/ Б.З. Нанзатов, М.М. Содномпилова // Вестник БНЦ СО РАН. № 4 (12), 2013 г – с. 21-34

8. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4: Материалы этнографические. / Г.Н. Потанин — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. — 1040 с.

9. *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. / Н.М. Пржевальский — М., ОГИЗ, 1948 — с. 117.

10. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Т. 1. / М.Н. Хангалов — Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. — 550 с.

11. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Т. 2. / М.Н. Хангалов — Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. — 423 с.

12. *Хангалов М.Н.* Собрание сочинений. Т. 3. / М.Н. Хангалов — Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1960. — 421 с.

13. *Хунданов Л.Л., Хунданова Л.Л., Базарон Э.Г.* Слово о тибетской медицине./ Л.Л. Хунданов, Л.Л. Хунданова, Э.Г. Базарон — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1979 – 112 с.

14. *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). / Л. Эрдэнэболд — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013 г. — 194 с.

Интернет-источники:

15. Евгалдаев С.Д.-Н. Традиционная бурятская медицина и современность <http://www.profirstart.ru/ps/blog/966.html> 22.03.2010 17:15

УДК 615.89

*М.В. Головизнин, Ю.Р. Булдакова, Н.С. Лахонина,
Б. Дагвацэрен, Т.С. Вараламова*

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ИММУНОЛОГИЯ
И ТРАДИЦИОННАЯ ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА.
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ**

**FUNDAMENTAL IMMUNOLOGY AND TRADITIONAL
TIBETAN-MONGOLIAN MEDICINE: THE INTEGRATION
PERSPECTIVES**

В современной «западной» медицине интерес к «восточным» аналогам знаний обусловлен на наш взгляд двумя факторам. Во-первых, в Европе мы имеем дело с возникновением все большего числа лекарственных препаратов с более широким спектром действия, направленным на достижение не столько оптимального, сколько все более сильного воздействия. Одновременно развиваются и непредсказуемые последствия лечения: аллергия, лекарственная зависимость, лекарственная непереносимость и пр. Во-вторых, в последние десятилетия в мире происходило бурное развитие наук о регуляторных процессах в организме как в макросистеме.

Ключевые слова: западная медицина, восточная медицина, система регуляции человеческого организма, иммунная система

Annotation: The authors consider that the interest of modern «western» medicine to «eastern» knowledge of the same kind is caused by two factors. Firstly, in Europe there appearing a great number of medications with a wide effect spectrum aimed at achieving not optimal but more stronger impact. Alongside there developing unpredictable consequences of treatment: allergy, drug dependence, medicine resistance and so on. Secondly, there has been a rapid development of the sciences about regulatory processes in an organism as a macrosystem during last decades.

Key words: western medicine, eastern medicine, system of regulation of a human body, immune system

Прибайкалье, явившееся в прошлом регионом соприкосновения русской и бурято-монгольской культур, не утратило свою интеграционную роль и в настоящем. В области естественных наук хотелось особо подчеркнуть происходящее в данном регионе взаимовлияние и взаимопроникновение естественнонаучной, условно говоря, «западной» медицины и традиционной для региона тибето-монгольской системы врачевания. В основу данной статьи отчасти легли материалы докладов и

дискуссий, участниками которых выступали авторы настоящего сообщения в 2008 – 2011 годах. Это были международные конференции «Традиционная медицина, современная ситуация и перспективы развития» (г. Улан Удэ Бурятия), «Традиционная медицина и инновационные лекарства» (г. Ордос. Автономный район Внутренняя Монголия КНР), V-й Международный симпозиум о современном состоянии и будущем развитии монгольской традиционной медицины (г. Улан-Батор, Монголия).

В современной «западной» медицине интерес к «восточным» аналогам знаний обусловлен на наш взгляд двумя факторам. Во-первых, в Европе мы имеем дело с возникновением все большего числа лекарственных препаратов с более широким спектром действия, направленным на достижение не столько оптимального, сколько все более сильного воздействия. Одновременно развиваются и непредсказуемые последствия лечения: аллергия, лекарственная зависимость, лекарственная непереносимость и пр. Во-вторых, в последние десятилетия в мире происходило бурное развитие наук о регуляторных процессах в организме как в макросистеме. Ученые обратили внимание, что в «западной» медицине со времен естественнонаучной революции XVII-XVIII столетий во главу угла ставился индуктивный «анатомо-физиологический» подход, изучавший норму и патологию специализированных систем организма (дыхательной, пищеварительной и др.). В восточной медицине исследовательский подход к норме и патологии всегда на протяжении истории был направлен на изучение «целого» раньше его частей, то есть, понятие болезни основывалось на нарушении равновесия между частями организма, а лечение представлялось как комплекс мероприятий, направленных на восстановление баланса. Одним из примеров такого лечения является терапия «чжень-цзю», меридианы которой были изначально сугубо умопостроительными категориями китайской философии, не имевшими никакого отношения к европейской нейрофизиологии. отождествление меридианов и точек «чжень-цзю»-терапии с элементами нервной системы человека явилось первой попыткой интеграции «западного» и «восточного» подходов к болезни и привело к созданию «гибридного» метода иглорефлексотерапии. Бурное развитие науки о биоритмах заставляет пересмотреть некогда пренебрежительное отношение к принятым на Востоке принципам назначения медикаментов в определенные фазы астрономического состояния небесных тел.

Очевидно, что медицина Востока не сводима только к воздействию игл или полынных сигар. Если анализировать соприкосновение традиционной медицины с современной наукой начала XXI века, то обращают на себя внимание два принципиальных аспекта. Первый аспект это то, что принято называть «evidence based traditional

medicine», а именно, доказательство биологических эффектов «традиционных» фармакологических средств с помощью системы доказательств, принятых в современной науке, в том числе тех, которые используются при клинических испытаниях «западных» лекарств (двойной слепой контроль etc). Так, швейцарская фармацевтическая компания «Padma» уже накопила многолетний опыт современного производства препаратов тибетской медицины из растительного тибетского сырья, специально выращиваемого в условиях альпийского высокогорья. Данные препараты прошли необходимые этапы клинических испытаний и официально рекомендованы к применению. Одновременно с этим развиваются методы объективизации традиционных диагностических приемов, в частности, создание инструментальных методик, позволяющих позволяющей описать характеристики пульса, которые ранее не удавалось объективизировать. Всестороннее исследование пульса является основополагающим для диагностики в тибетско-монгольской традиционной медицине.

Другой аспект связан с поиском точек соприкосновения между фундаментальными понятиями современной науки и мировоззрением традиционной медицины, а именно синтезу «западного» и «восточного» представлений о системах регуляции в человеческом организме. Так, в Монголии под руководством профессора Б. Дагвацерна разрабатываются перспективные подходы к поиску параллелей между традиционными системами регуляции тибето-монгольской медицины («Lung», «mKhris» и «Bad Kan» («ветер», «желчь» и «слизь») и нейроэндокринной регуляцией органов и систем. При этом нервная регуляция организма представляется близкой к системе «ветра», а эндокринная – к системе «желчи».

Иммунная система является третьей регулирующей и «интегральной» системой организма. Ее действие также основано на принципе равновесия. Факт наличия клеток с функцией хелперов (помощников) и клеток с функцией супрессоров является иллюстрацией такого равновесия. Даже поверхностное сравнение синдромов обусловленных нарушениями «ветра, желчи и слизи», позволяет провести такие параллели. Например, при «возбуждение ветра» ассоциируется с гиперреакцией иммунной системы, тогда как возбуждение «слизи» более связано с системой торможения, активацией супрессорных механизмов и большей ролью местного иммунитета кожи и слизистых оболочек. Ниже приведены рисунки, иллюстрирующие аналогичию систем взаимной регуляции пяти элементов восточной медицины и системы Т-клеточных цитокинов (растворимых биоактивных субстанций). И в том, и в другом случае принцип регуляции заключается в прямой и обратной связи, когда

один из элементов системы стимулирует активность другого но подавляет функцию последующего. (Shengrong Zhou 2005 г.) [1]

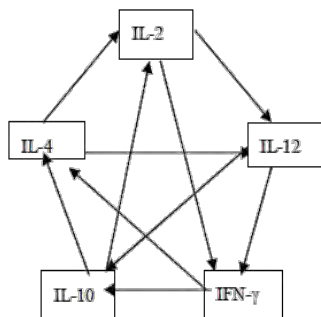
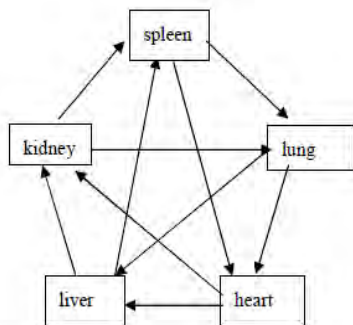

Рис 1. Пять элементов традиционной медицины (Селезенка, легкие, сердце, печень, почки). Стрелки по периметру пятиугольника – стимуляция. Стрелки по периметру звезды – подавление.

Рис. 2. Пять элементов системы цитокинов: Интерлейкины 2,4,10, 12. Стрелки по периметру пятиугольника - стимуляция. Стрелки по периметру звезды - подавление

Современная иммунология на наш взгляд может явиться «мостом» между «западным» и «восточным» подходами в медицине. С одной стороны, объектом ее изучения являются конкретные органы иммунитета, клетки и продукты их синтеза. В то же время, принцип баланса иммунологических показателей у конкретного индивида как основа нормы и принцип дисбаланса как основа иммунопатологии близок к «восточному» подходу к болезни. На этом принципе была основана теория «иммунологических мобилей», которая оказалась не вполне сопоставимой с существующей классификацией болезней, в частности потому, что, показатели иммунной системы человека имели высокий размах индивидуальных колебаний даже в условиях принятой «анатомо-физиологической» нормы. В связи с этим сопоставление «регуляторного» подхода к компонентам иммунной системы, принятого в современной иммунологии с «регуляторным» подходом к болезни, принятым в медицине Востока, представляется рациональным и перспективным. Гипотетически эффекты «гLung» («ветра») могут быть сопоставимы с эффектами

хемокинов, «mKhris» («желчи») с эффектами «хелперных» а «Bad Kan» («слизи») – «супрессорных» цитокинов.

Если перейти от фундаментальных аспектов современной медицине к клинике, то, сейчас возникла достаточно плодотворная ситуация, когда диагностические методы европейской медицины включаются в тибетско-монгольскую систему диагностики, а с другой стороны, результаты лечения методами традиционной медицины подтверждаются европейской наукой. Сочетание «восточных» и «западных» диагностических методов принято при лечении пациентов в стационаре Государственной Корпорации традиционной медицинской науки Монголии (ГКТМН), г. Улан-Батор. В обоснование клинического диагноза при этом включаются не только общепринятая характеристика жалоб, анамнеза и осмотра по системам, но и «описание по внешним признакам», соответствующее возбуждению системы «ветра», «желчи» и «слизи», принятое в традиционной медицине.

Ниже мы приводим иллюстрацию плана обследования больного в стационаре ГКТМН с хронической иммунопатологией (ревматоидный артрит в сочетании с пиелонефритом), включающего как «естественнонаучное» обоснование диагноза, принятое в европейской медицине, так и характеристику болезни по внешним признакам дисбаланса «желчи» и «слизи». Рис. 3. (перевод с монгольского Т.С. Варламовой). Следует отметить, что, приведенная характеристика признаков активности «системы желчи» и «системы слизи» отчасти совпадает с таковой, применяемой клиническими иммунологами для определения реакций гиперреакции иммунной системы, или, напротив, иммунодефицитных состояний. Тем самым, соприкосновение базовых подходов иммунологии и тибето-монгольской медицины имеет клиническое выражение.

Обоснование предварительного клинического диагноза

По жалобам: Боли в спине, онемение, утомление, одервенение
Боли усиливаются при ходьбе, замерзании.
Шея немеет
Одышка, головные боли

По опросу: Боли в суставах. Эти жалобы появились много лет тому назад. Лечился в больнице в августе – жалобы относительно уменьшились.

При осмотре: Состояние больного средней тяжести. Кожа коричневая.
С-м Пастернацкого (+) с обеих сторон.

Пульс глубинный, слабый.

Из результатов исследования:

а) Лабораторные исследования:

общий анализ крови:

общий анализ мочи: покр. Эпителий 3-4 в п/з

биохимический анализ крови: РФ +++

исследование вирус маркеров:

другие исследования:

б) Исследования функциональной диагностики:

- ЭХО

- ФГОС

- Другие исследования

Предварительный клинический диагноз:

Хрон пиелонефрит в ст. Субремиссии

Осложнения:

Сопутствующий диагноз: Ревматоидный полиартрит.

Диф. Диагноз:

План исследований:

1.

1. Физическое лечение

2.

2.

3.

3.

4.

4.

Стол, питание

1. Стол ... № 15

2. Питание: per os, парентеральное

3. Рекомендовано:

4. Запрещено:

Режим:

1. Постельный, обычный

2. Контроль врача, медсестры:

- Постоянный

- Обычный

3. Сиделка, уход за больным:

- Необходимо

- Нет

Обоснование по внешним признакам

№	Обоснование	Жар внешних признаков	Холод внешних признаков
1.	Теплота тела	Большая Кожа красная	<u>Малая</u> Кожа беловатая, синеватая
2.	Аппетит	Хороший Усвоение пищи быстрое	Слабый Усвоение пищи медленное
3.	Дыхание	Поверхностное Быстрое, частое	Слабое
4.	Сон	Сон плохой Головные боли	Сонливость Сон чуткий
5.	Характер боли	Жар в теле Головные боли	чувство озноба, холода Слабость суставов головокружение шум в голове, чувство пояныты в голове
6.	Мокрота	Жёлтая, оранжевая Чувствительная С кровью	Беловатая, синеватая пенистая
7.	Пот	Много С сильным запахом	Мало Холодный пот
8.	Кал	Жёлтый Жидкий С кровью Со слизью С сильным запахом	С примесью пищи беловатый, пенистый сухой (запор)
9.	Глаза	Белки глаз жёлтые, красные Во внутреннем углу глаза жировики	<u>Белки глаз беловатые</u> <u>синеватые, веки опухшие</u> <u>сжигание зрения</u>
10.	Язык	Красноватый с жёлтым, желтоватым тонким, толстым налётом, привкус горького сухость во рту, жажда. губы	Беловато красный, сухой, жесткий без налёта, с беловатым тонким, толстым налётом, привкус горьковатый вяжущий.
	Оценка (результат)	-	5

Пульс: глубокий, слабый

Болезненные точки: в точках почек болезненность

Уши: шум в ушах, в последнее время снижение слуха

Рис.3. План обследования пациента с включением элементов традиционной тибето-монгольской медицины

Список литературы

1. Shengrong Zou The Five Elements of Th1-Th2 System [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://arxiv.org/find/nlin/1/au:+Zou_S/0/1/0/all/0/1

УДК 291.2

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТА ХАН-ШАРГАЙ-НОЁНА КАК ФЕНОМЕНА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ

Статья посвящена принципам культа Хан-Шаргай-Ноёна с учетом информации фольклорной и научной литературы, освещающей данную проблему.

The article is devoted to the cult principles of Khan-Shargai-Noyon. Folklore and scientific papers covering the given problem are taken into account.

Ключевые понятия: принцип, культ, тэнгэри, хаты.

Keywords: principle, cult, tengheri, khaty

Данную статью посвящаем Хан-Шаргай-Ноёну – культовой персоне не только шаманизма, но и буддизма. ХШН¹, безусловно, является одним из пяти божеств – «табан хушэтэн» Тункинской долины. Известно, что систематически проводятся в его честь индивидуальные и групповые обряды «хада тахилга» или шаманитстами-хадаши, или буддистами-ламами по просьбе индивидов и социальных групп.

Своеобразие культа ХШН заключается в том, что его истоки и основания были укоренены первоначально в шаманские, а потом в буддийские постулаты. В данном контексте традиционная мысль выступает в виде веры 99 тэнгэринов как западных, так восточных. Необходимо отметить, что шаманская культура монголосферы – это эпоха торжества политеизма, истины сакрального фольклора раскрывались в формулах шаманской психологии об указанных выше божествах. Силы природы и общества приобретают знания под влиянием Хухэ Мунхэ Тэнгэри (Неба) и Улгэн Эхэ Дэлхэй (Земли). Небо считалось мужским началом, Земля – женским. Безусловно, связь между Небом и Землей у шаманистов имеет сверхъестественный, чудесный характер. Очевидно, последователь традиционной религии утрачивает свою самостоятельность перед силами Неба и Земли, которые вершат жизни и судьбы людей.

Очевидно, в рамках традиционного культурного пространства все бытие подчиняется принципу **Неба-тэнгэрианства – космоса, а также Земли**. Оно (бытие природы, общества и человека) – зависимое несамодостаточное сущее, согласно сказанному выше.

Принцип 99 тэнгэринов и 9 хатов, в том числе ХШН, определил в рамках традиционной культуры, формируя особое мышление в русле рассматриваемой веры. Характер шаманистской религиозности, основанный на

¹ Примечание: далее, аббревиатурой ХШН (Хан-Шаргай-Ноён) будем пользоваться в целях удобства изложения

принципе жертвоприношения на тайлгане, обо и т.д., в частности на тайлгане ХШН, сопрягается с чеством и почитанием тэнгэринов, хатов. Так, до буддизма на культе ХШН проводили кровавое жертвоприношение из 9 коров, 8 овец и 1 лошади [1]. Очевидно, культ 99 тэнгэринов дополнялся культом хатов, в частности ХШН, в векторе шаманского мировоззрения с утверждением в сознании верующих особую действенность земных хатов. В первых, с точки зрения тэнгэрианства-культ Неба судьба человека древней конфессии зависит от его милости. Во-вторых, факт культа 99 тэнгэринов ведет к признанию **9 хатов – сыновей Эсэгэ Малаан Тэнгэри: ХШН, Хүгэ Нойона, Улана Заяна Мэргэна, Хараасгай Заарина, Хургая ноёна, Хэрмэшэ ноёна, Мунгэтэ Заарина, Эмнэг Сагаана ноёна и Буха ноёна** [2]. Только в рамках веры в Хухэ Мунхэ тэнгэри (Неба) судьба шаманиста вершится не только тэнгэринами, но и хатами. Поэтому традиционалист всегда помнил и знал о незримом присутствии тэнгэринов и хатов, подчиняясь им. Так, ХШН является стражей Верхней Тунки (Турана, Монды и т.д.), и Буха ноёна – стражей Нижней Тунки (Торы).

Известно, что стремление постичь скрытый смысл провидения Неба и Земли обусловило аллегорическое толкование шаманского фольклоратекстов призываний – дурдалга, исторических событий и природных катаклизмов, в частности последствия сельевого потока в поселке «Курорт Аршан», случившегося в июне 2014 года в Тункинской долине.

Символизм есть еще один принцип, пронизывающий судьбу и жизнь традициониста-шаманиста. Всякая символика особенно в трансе шаманов, связанная с онгонами – хатами и т.д., обладала действенной силой, способствовала либо вхождению души в небесный мир, либо ее посещения подземного мира Эрлэн-хана. Символ для шаманизма – это нечто бытийное, обладающее уникальным практическим значением. Очевидно, при таком понимании транс воспринимается в сакральном значении. Всякое сущее соотносилось с онгонами (тэнгэринами, хатами, духами и душой), с анимистическим определением. Весь мир в шаманском видении предстает в анимистическом духе, а сами обряды тэнгэринов и хатов и связанные с ними топосы-байра, буудал и т.д. несут в себе чудесную символику. Так, культовое место Шабарта ХШН и построенные там культовые сооружения-артефакты являются символами, знаками как шаманизма, так и буддизма (хурдэ, дуган, дацан, алтарь и т.д.)[3].

Наряду с символизмом, принцип *иерархизма* представляет еще одно важное положение традиционной культуры шаманизма. Вся система шаманского Универсума развертывается в перспективе иерархического порядка сверхъестественных существ по схеме «**Хухэ Мунхэ Тэнгэри – 99 тэнгэринов – хаты – эзэны – духи – души**». Всякая вещь обожествлена, одухотворена и одушевлена. Иерархия присуще шаманским представлениям. Яс-

но, что такая позиция пронизывала социум, где бытует сам шаманист. Так, ХШН «имеет трех – помощников – «жолоошинов» в лице великих шаманов **Хараасгай Заарин, Мунгэтэ Заарин и Нагадай Дархан Заарин**»[4].

Безусловно, человек в шаманизме не мыслил себя вне рамок социальной иерархии, вне требований и стандартов своего социума, его статус локализован в видах культуры по творцу и носителю: в индивидуальной, групповой и общечеловеческой... Так, в ранних шаманских представлениях «теоним Хана Шаргая восходит к понятию «святоносное божество», где на правом плече божества изображается Луна, на левом - Солнце». На земле Хан-Шаргай Ноён построил кузнецу, набрал учеников и стал обучать их кузнечному мастерству [5]. ХШН изначально ездил на сивом быке, позже – на соловом коне (шарга морин). В поздних представлениях ХШН изображается в виде средневекового воина – всадника на соловом коне и с луком и стрелой в сопровождении трех шаманов, о чем сказано нами выше. Он же – защитник «верующих от бедствий и несчастий»[6].

Очевидно, из вышеизложенного следует выводить принцип шаманского *историзма*. Он приобретает имманентно-трансцендентный характер, и ему присуще внутренняя логика, отражающая представления шаманистов о земных историко-культурных процессах. Всякое действие для шаманиста соотносилось с неким духом-эжином и, следовательно, таким образом, приобретало свой подлинный статус в исторической реальности. Все хроники и жизнеописания предполагали экстраполяцию к шаманским представлениям и определениям.

Наконец, в основании духовной культуры шаманизма лежит принцип *традиции слова*, так как перспектива рефлексии шаманов и шаманок укоренена в их психологии, в тексте их же сакрального фольклора. Так, при этом **авторитет слова** шамана воспринимается в качестве слова онгона-божества, духа. Считается, что эффект и успех культового действия напрямую зависит от уровня таланта, ораторского искусства шамана и шаманки, от их умения довести просьбы верующих до ушей онгона (божеств, хатов, духов). Среди них были известные рапсоды М.Имегенов, П.Петров, П. Тушеминов и др. – знатоки эпосов, биографий многочисленных авторитетных заринов, в целом сакрального фольклора бурятского этноса, что и ныне является задачей и требованием системы подготовки кадров среди шаманов и шаманок в таких обрядах, как и «шанар абаха» или «эсэглэхэ» и т.д. Так, ХШН как предводителю **западных хатов** шаманы посвящают, в частности следующие поэтические строки оды – дурдалга:

«Ара Монгол газар
Ахалжа бууһан бурхан бэлэй,
Ерэн юһэн Мундарга –
Ехэ дайда гуйдэл бэлэй,

Бугэдэ арадаа буридхооһэн
Байтаг хушуун барисатан бэлэй,
Хатууе булигша, харые дарагша
Хаан Шаргай – Ноён баабай»[7].

В заключение отметим, что в шаманизме статус ХШН постоянно изменялся от солярного божества, небесного кузнеца, воина с тремя телохранителями в шаманизме до Бурхана Баабая в буддизме. Кроме того, культ ХШН ламаизирован (с 1919 по некоторым данным), и ныне в честь его возведены буддистами дуган, дацан и другие культовые сооружения в местности **Шабарта** недалеко с. Хойтогол Тункинского района Бурятии. По нашим наблюдениям, к культу ХШН не имеют допуска шаманы и шаманки, кроме хадаша. На наш взгляд, культ ХШН генетически и исторически остается феноменом традиционной культуры бурят с учетом его синкретизма, что этот культ востребован или актуален для верующих как шаманизма, так и буддизма, хотя в фольклоре его выдают либо за младшего брата Эсэгэ Малаан Тэнгэри, либо за его «первого сына и т.д.». Наконец, культ, ХШН требует еще дальнейшего глубокого исследования в науке, а в данный небольшой статье вкупе попытались рассмотреть некоторые принципы шаманизма бурят, что возможно, нам удалось в какой-то степени.

Литература

1. Зомонов М.Д., Зомонов Ж.М. «Тезаурус бурятского шаманизма». Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014, с.243
2. Дугаров Б.С. «Мифология бурятской Гэсэриады: Западные тэнгэри.- Улан-Удэ: издательство ОАО Республиканская типография, 2007, с.190.
3. Шагланова О.А. Традиционные верования тункинских бурят (вторая половина XIX-XX в.).- У-У: Издательство БНЦ СО РАН, 2007, с.61-63.
4. Гомбоев С.Ж.. Под вечным синим Небом. Шаманизм. Святая неугасимая вера. - Улан-Удэ: Н-п,2010, с.68
5. Дашиева Н.Б. Образ Буха Ноёна в кузнечных мифах бурят. В сб.: «Живая природа – живая кочевая культура: Международная научно-практическая конференция: Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014, с.64.»
6. Шагланова. О.А. Традиционное верование тункинских бурят (вторая половина XIX-XX в.) - Улан-Удэ:Изд-во БНЦ СО РАН, 2007, с. 25.
7. Гомбоев С.Ж.. Под Вечным Синим Небом: Шаманизм. Святая неугасимая вера. – Улан-Удэ: Н-п, 2010, с.68

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В ШАМАНСКОМ КОСТЮМЕ БУРЯТ

HATS IN THE SHAMANIC COSTUME OF BURYATS

В статье предпринята попытка обобщить исследования, посвященные изучению семантики шаманского головного убора бурят. The author of the article made an attempt to summarize the studies concerning semantics of shaman's headdress of Buryats.

Ключевые слова: буряты, шаманизм, шаман, рогатая шапка, корона, культура, символы, семантика. Key words: Buryats, shamanism, shaman, horned hat, crown, culture, symbols, semantics.

В XIX – начале XX в. шаманы всех народов Сибири имели специальный головной убор, представленный в отдельных случаях налобной повязкой, мягким венцом, маской, шапкой или металлической короной, которые имели в своём оформлении общие черты с древними охотничье-промысловыми и традиционными головными уборами различных народов, свидетельствовавшие о давности их происхождения, тесных этнокультурных контактах и взаимовлияниях, об общности исторических судеб обширного региона и даже о том, что в отдалённом прошлом это явление было известно всем народам земли. Приведём ряд первых письменных сведений, оставленных русскими путешественниками XVIII в., об этом неизменном шаманском атрибуте: на голове у бурятских священнослужителей имеется «род шоломов», используемый только при камлании [10, С. 111]; «перья филина пришивались к широкой повязке на голову» [19, С. 19]; «шапка была покрыта настоящей железной каской, на которой возвышались рога с тремя отростками, похожие на рога изюбря» [25, С. 181-182], «сзади (короны) висит железная цепь, по мнению некоторых, намекающая на стойкость и крепость шаманской силы, а, по мнению других, означающая руль к путешествию в царство духов» [23]. Миссионеры XIX в. провели более глубокие наблюдения: «Шапка шьётся тоже из шкур и, обыкновенно, бывает с кисточкою на макушке. Иногда шапку из шкур заменяет металлическая, но её получают лишь заслуженные шаманы» [28, С. 68-69]. Учёные-востоковеды дополнили эту информацию новыми научными данными: Д. Банзаров, в частности, в известной диссертации отметил в «служебном наряде» шамана шляпку или шлем (*оргой*), сделанный из кусков железа и шелковых материй [5, С. 42]; Г. Н. Потанин сообщал, что бурятские шаманы имеют некоторое отличие в головном уборе и причёске: у аларских бурят они носят на шапке шелковую кисть; прежде шаманы носили косы, затем стали носить волосы несколько

длинные на темени, а теперь волосы у них совсем ровные [23, С. 91]; С. С. Шашков называет среди принадлежностей шаманского костюма всех сибирских инородцев шапку одной из главнейших [23]. Головной убор у бурят являлся знаком их принадлежности к определённом роду, символом служебного ранга; представление о сакральности головы и шапки сохранялось вплоть до современности в многочисленных запретах и приметах [9, С. 50], поэтому у бурятских шаманов - это показатель статуса и профессиональной силы. Отмечено, что к шаманскому венцу близки по конструкции повязки с посеребрённым диском в налобной части, найденные в предположительно в шаманских погребениях на о. Ольхон и модель А. П. Окладникова, восстановленная им по материалам раскопок захоронений эпохи неолита и бронзового века, а также современные головные украшения *татуурга* хоринских буряток в виде повязки с перекрещивающимися натеменными лентами [2, С. 71]. Древнейшие верования и знакомство с иными народами и верованиями можно отметить в русском костюме: самыми распространёнными девичьими головными уборами были уборы в форме венца или обруча из древесной коры, обшитого тканью и декорированного [27, С. 200]. В. М. Михайловский писал, что шаман отличается особым головным убором, с закрытым лицом: глаза и лицо завешиваются, потому что шаман должен проникнуть в мир духов не телесными глазами, но своим внутренним взором; голова шамана не покрыта, только узкая полоска ткани обвивается вокруг затылка, а другая проходит по темени; обе полосы служат для поддержания переднего лоскута [23, С. 98-100].

Из сообщений исследователей известно, что в конце XIX – начале XX в. шаманы-профессионалы проходили 1-9 посвящений (аларские 5 [26], балаганские обычно 6, прежде 9, кудинские – редко 9, чаще 3 или 2, обычно 1 [32, С. 384]), т. е. в зависимости от территориальной принадлежности посвящаемых, а также от экономических причин (обряд обходился дорого); обычная практика 9 посвящений была, возможно, в период до присоединения Бурятии к России [22, С. 99], так что в результате продвижения по шаманской иерархии, наращивая свой уровень сакрализации, посвящаемые получали соответствующие статусу специальные головные уборы. Поэтому существовали разные схемы получения атрибутов в зависимости от числа стадий посвящения. У Б. Э. Петри при 5-и посвящениях шаман получает на 2-ом - корону (*майхабши*), а на 3-ем - дополнение к ней [26, С. 178]. М. Н. Хангалов, собирая коллекцию шаманских предметов по заданию ВСОРГО на территории Иркутской губернии и Забайкалья в 1917 г., а также для Этнографического отдела Русского музея (в Петербурге), музея ВСОРГО в Иркутске, французских музеев, выяснил, что к концу XIX в. старинные шаманские головные уборы, как и остальные принадлежности костюма, у бурят уже почти не встречаются, и он описывает их на основе уцелевшего шаман-

ского снаряжения с мест погребения шаманов: Шапка шамана рысья с кисточкой из лент наверху (*зала*) или даже фуражка с козырьком, но непременно с кисточкой. После 5-го омовения шаман получает железную шапку; она имеет вид короны и состоит из железного обруча, к которому приделаны два полуобруча на крест; на вершине одного прибита пластинка с двумя оставленными концами в виде двух рогов или лучей. Там, где прикрепляются полуобручи, к горизонтальному обручу в трёх местах прикреплено по 3 *холбого* (привеска в виде конусов), а сзади обруча находится цепь из 4-х звеньев, соединённых колечками, к которым прикреплено по 1 *холбого* и по 2 маленькие пластинки, заменяющие *холбого*; на конце цепи, кроме 2 пластинок, висят предметы, похожие на ложку и шило, первая длиною в 3,5, а второе в 2,5 вершка [32, С. 366]. Он отмечает, что 5-ое посвящение (у балаганских бурят), когда шаман получает железную шапку с шаманской шубой *оргой* - самое важное [32, С. 384].

Т. М. Михайлов, придерживаясь схемы Петри, описывает два головных убора шамана, а также некоторые детали короны [22, С. 109-112]: 1. Шаманская корона (*майхабиши*) – священный головной убор, изготовленный из кожи головы животного или зверя (оленья, волка, рыси), снятой вместе с рогами (у оленя) и ушами. К нему пришиваются ленточки, железные пластинки, *холбого*, миниатюрные ложечки, колотушечки, фигурки зверей, животных, птиц и рыб. Корона могла быть изготовлена из железа с двумя концами наверху в виде ветвистых рогов. Она освящалась с помощью специального обряда, передавалась по наследству, использовалась во время камлания. 2. Помимо короны, шаман имел специальную шапку (*малгай*), сшитую из кожи с околышем из медвежьего меха, надеваемую под корону. Она имела наглазник (*һарабиши*) из медвежьей шкуры или бахромы, на неё прикреплялись птичьи перья (вороньи, орлиные), ленты. Существовала традиция во время общественных жертвоприношений привязывать белый *хадак* (тряпочку) на кисть шаманской шапки. Это делали представители рода или семьи в знак признания, уважения шамана. За это шаман упоминал их имена в своих молитвах (*дулдарга*). 3. Жгуты в виде змей (*могой*), включая, в частности у агинских бурят, изображение дракона с множеством голов (*абарга могой*) - служили для езды шамана в потустороннем мире. 4. Колокольчики (*шангинур*) - для шумового эффекта во время камлания, отпугивания злых духов. 5. *Холбого* (*шомшорго*) - железка конической формы, оканчивающаяся крючком для прикрепления – их количество символизировало власть и степень посвящения шамана, служило украшением. 6. Шкурки 5-и видов зверьков (*табан хушуута*) – горноста, белки, зайца, колонка и соболя - служили *онгонами*, оберегами.

По Б. Д. Базарову при 9-и посвящениях в 1-ом (*Манжилайтай боо*) шаман получает головной убор с околышком (*залаа*) своего рода. *Залаа* –

«колокольчики», носители магической силы, связанной с тотемами бурятских племён: соболю у булагатов, белка – у отдельных булагатских родов, колонок – у хонгоодоров (аларских, тункинских), горностаи – у эхиритов, лоскут косули или лося – у хори. [3, С. 137-138]. В 7-ом посвящении (*Тэнгэриин Оргойто боо*) шаман получает металлическую корону *майхабиши*, в комплекте с плащ-накидкой *оргой*, в 8-ом (*Тэнгэриин оргойто бухэли боо* - полный завершённый шаман) - головной убор *Дурбэн тушэлгэтэй малгай* с околышем розы ветров, с эмблемой огня от солнца с тремя *хольбого*, в 9-м (*Тэнгэриин табилгатай Заарин боо* - вестник Тэнгринов) - головной убор *заарина* с символом трёх сфер на макушке и с эмблемой солнца и луны на околышке [3, С. 29-32].

В настоящее время, когда религии в России переживают своеобразный ренессанс, бурятскими шаманами вновь стал практиковаться 9-ступенчатый обряд инициации, использоваться корона. У современных западных шаманов при обрядах необходим просто головной убор [12, С. 73], а у агинских чёрных шаманов традиция использования шаманской короны никогда не прерывалась. По описанию Г. Р. Галдановой, шаманский головной убор (*майхабиши*) – железный венец с рогами изюбра из железа, с которого свисали различные подвески с кольцами, пёстрые ленты, или «змеи», шкурки зверей – колонка, ласки, соболя, горностаи, белки, зайца – применялся для совершения сложных обрядов или проведения обряда *шанар*. Он входил в состав шаманского облачения *амитай* (имеющий дыхание, одушевлённый) и камлание с его использованием завершалось подношением ему живого барана. Осердие с дыхательным горлом или лёгкие барана клали на головной убор, на рога железной короны шамана с целью увеличения магической силы «*амитай*», которая, как верили, уменьшалась в процессе проведения больших и трудных камланий [9, С. 70]. В одной местности был случай, описанный Ц. Ц. Жамцарано, когда «тайные принадлежности шаманского служения на могиле одного шамана, сжёг, считая их вредными для народа, ибо масса почитала их жертвами, один убеждённый и интеллигентный учёный лама Ундур Дамдин, который много раз бывал в Санкт-Петербурге. Результатом этого было то, что все участники сожжения умерли скоропостижно» [14, С. 275]. Считалось, что к шаманскому атрибуту, как вместилищу духа, нельзя прикасаться обычным людям. Всё также «к короне (венцу) прикреплены изображения змей с разинутой пастью и массивной железной цепью. Верхушка образована железными кольцами и украшена рогами. Сзади - железная цепь из девяти звеньев, на конце которой прикреплён кусок железа в форме наконечника. Эта цепь, идущая от шапки, называется позвоночником. На висках с каждой стороны расположено по одному железному кольцу с тремя *колбугами* (скрученные полоски железа длиной 4,5 сантиметра, означающие связь, союз, единство двоих). Сзади и по сторонам крепле-

ны ленты из шёлка, меха, скрученные в виде змей. С ними привязаны кусочки в форме бахромы из ткани цветов, имитирующих мех горностая, ласки и белки, которые «указывали на солнечную природу обряда» [30, С. 55]. Железная цепь на короне трактуется и как символ мирового дерева, цепь-лестница, ведущая в небо [13, с. 72]. Ленты «хутэл» - 5-и цветов разных стихий: земли – зелёного, воды – голубого, воздуха – тёмно-синего, железа – чёрного, огня – красного. У бурят в виде кукол, жгутов, шкурок животных, матерчатых лент, металлических фигурок условно обозначены изображения-вместители духов. Наличие лука со стрелой, копья, сабли и т. д. связаны с тем, что многие народы мира приписывали духам боязнь острых железных вещей. Е. Д. Прокофьева, рассматривая общую семантику шаманского головного убора народов Сибири, считает, что первоначально он воссоздавал образ зверя и птицы, в виде которых представлялся главный дух-покровитель, душа-двойник, дух-помощник шамана, хорошо знающий дороги в мире божеств. Жгуты обозначали крылья, змей, верёвки и цепи – символы дорог. Надевая шапку с рогами, шаман «если не вполне превращается в «небесного оленя», то во всяком случае приобретает свойства последнего [29, С. 103]. «Орёл или сокол, наделённые острым зрением и слухом, обладают мистическими силами, которые расположены в крыльях и хвосте. Поэтому перья этих птиц, надетые шаманом, делают его способным видеть и слышать всё, что происходит на земле и под землёй, лечить больных, преображать покойников и т. д. [20, С. 25]. По некоторым же сведениям, *оргой* и *майхабиши* как шаманское облачение, символизирующее животное или птицу – предка шамана, не было характерно для бурятского шамана [9, С. 74].

Роговидные мотивы прослеживаются в костюме многих народов, например, рогатая кичка - общерусский головной убор, типичный для южных губерний России. У донских казаков также была рогатая кичка: поселившись среди нерусских народов, донские казаки сохранили русский язык и обычаи, православное вероисповедание, однако культура соседей оказывала влияние на их быт и одежду. Причём в женском костюме дольше сохранялись традиционные формы, тогда как мужская одежда рано утратила самобытные черты [27, С. 200-210]. У мордвы-эрзянок Поволжья, наиболее долго сохранявших национальное своеобразие в костюме, передняя часть головного убора напоминала рог. Мокшанки носили двурогие головные уборы [27, С. 214]. Кроме того, в качестве украшений, имеющих древнюю семантику, использовались шумящие подвески, бахрома из шерсти, бубенцы. Так, реликты верований, лежащих в основе магии и тотемизма, будучи консервативными по сути, сохранились до сего времени: многие народы, придавая большое значение магической силе некоторых предметов, растений и животных, стремились использовать их в качестве оберегов против враждебных действий злых духов. Например, изображение извивающейся пёстрой змей-

ки (культ змеи), натянутого лука со стрелой, украшение перьями филина и совы, бубенчики и колокольчики на детских головных уборах туркмен, имели значение мощных магических оберегов, сакральности, способности отгонять злых духов [8, С. 192].

Шапки, изготовленные из головных шкур зверей с оставлением ушей в качестве украшений и шапки с рожками широко известны у народов Средней и Восточной Сибири. Перечень головных шкур, какие использовались на шапки, отражает охотничий уклад хозяйства: упоминаются шапки с оленьими, рысьими, волчьими шкурами и оставленными ушами. Интересно, что скотоводческий уклад не нашёл отражение в головных уборах. Рожки на шапках скотоводческого народа являются отголоском их древнейшего охотничьего уклада, поэтому этот древний вид шапки сохранил своё ритуальное значение. С дальнейшим развитием хозяйства, преобладанием роли скотоводства и эволюцией религиозных верований, безусловно, шапка меняла и утрачивала первоначальное магическое значение, превращаясь в головной убор. Эти головные уборы являются одними из древнейших. Например, у юкагиров они входили в комплект охотничьей одежды, а в конце XX в. рога-тые шапки продолжали бытовать у лесных юкагиров в качестве детских головных уборов, как обереги для отпугивания духов болезней [15, с. 16].

В конце XIX в. буряты также носили шапки с рогами зверей в комплекте охотничьего костюма из звериных шкур, как хорошую маскировку во время охоты. Шаманское *майхабиши* из звериной шкуры, снятой с ушами и рогами, - аналог головного убора, бытовавшего в прошлом, обычного для коллектива охотников и сохранившегося лишь в шаманском культе. В старину абсолютно все имели представление о шаманских ритуальных действиях, но совершать доверяли наиболее способным. «Священная шапка *мяхабиши* (*мяха* – кожа с головы животного) имела наверху рога, птиц или каких-либо животных. Буряты-охотники, снимая шкуру, например, с волка, из кожи головы делали шапку *мяха малга*, считая, что она поможет им обмануть зверей. Иногда подобные шапки делали с рогами. Шаманская священная шапка *мяхабиши* сохранила своё первобытное название. Кроме того, к шапке *мяхабиши*, имеющей уже железные рога оленя, изюбря, овцы и др., на железных цепочках прикрепляются символические изображения тех животных, от которых ведётся шаманское происхождение» [33, С. 181-182]. По данным Д. А. Николаевой, в традиционной одежде бурят «в качестве шапочки для младенцев (*сохо малгай*) использовалась шкура, снятая чулком с головы косули. Она защищала от простуды родничок младенца и являлась магическим оберегом. Шапочка свидетельствовала о связи новорождённого с миром природного, с миром матери-зверя» [24, С. 6].

Головной убор из железа стал изготавливаться сравнительно поздно по подобию «короны», шившейся из кожи. Ранее бытовали шаманские вен-

цы из звериной шкуры, состоящие из околыша и пришитых к нему полос. К таким «коронам» или на шапки прикреплялись железные подобия рогов. Если прибегнуть к исторической аналогии, то короны европейских монархов, которым были небезызвестны жреческие привилегии, имеют отдалённое сходство с шаманской металлической «короной», очевидно, потому что она некогда послужила прототипом царской. Короны корейских правителей раннего средневековья имеют ту же символику, что и шаманские головные уборы, и близки к ним по форме [6, С. 192]. Митра и тиара правителей древнего Египта, венец и корона византийских императоров вместе с посохом – неотъемлемые атрибуты правящей власти [18, С. 30-78]. В буддистской версии известна корона из пяти черепов – непременный атрибут всех устрашающих божеств буддизма ранга хранителей и защитников учения Будды [16, С. 175].

Железный венец у бурят наравне с мужчинами получали и женщины-шаманки [29, С. 76-79]. В шаманском одеянии ряда народов иногда встречались элементы женской одежды, в особенности головной убор [6, С. 27]. О том, что есть особенности головного убора шаманок говорил Б. Д. Базаров. Не делают гендерных различий в действующей шаманской общине «Тэнгэри». Ц. Ж. Жамцарано же упоминает о женских *майхабша*, когда за время поездок в Забайкальскую область и Иркутскую губернию в 1903 - 1907 гг. по поручению Императорской Академии наук и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии собирал шаманские коллекции для музеев Императора Александра III и Петра I, объезжая бурятские улусы и разыскивая предметы шаманского культа, расспрашивая о значении того или другого предмета, что и указано им в описании коллекции Музея Александра III № 783, 365, 403, 453, 650 и в описании коллекции музея Петра I № 953» [14, С. 286]. В коллекции шамана Гозона, приобретённой учёным, среди 9 предметов значатся: 1. *Майхабша* – женский головной убор с рогами и подвесками. 2. *Малгай* – шапка с наглазником, а также есть примечание, что «не хватало *оргой* - железного шлема шамана с рогами» [14, С. 290]. Из 11 принадлежностей шаманки Аханай *удган* указаны: 1. *Майхабша* – 5 шт. (женский шлем). 2. *Оргой*, вместо костюма – на полосках подвешены лоскуты [14, С. 294]. Свои принадлежности шаманы продавать не решались, но могли подарить, за это собиратель мог отдарить деньгами «вместо *хадака*» или на свечи перед бурханами [14, С. 291]. Головной убор в числе прочих вещей шамана учёному удалось добыть и на шаманской могиле. «Всё это находилось далеко от самой могилы. По шаманским правилам, эти священные атрибуты должны быть доставлены в чистые и высокие места, дабы не испоганились от людского соприкосновения. Обыкновенно прячут на горах, в верховьях падей (*жалгайн эхиндэ*)» [14, С. 319].

В Забайкалье ламаизм наложил глубокий отпечаток на шаманистское верование, появились священнослужители, так называемые «божьи шаманы», обучавшиеся в ламаистских монастырях. В их одеянии сочетались шаманские и ламские черты: к головному убору ламы пришивалась, как к шаманской шапке, бахрома из ниток, закрывающая лицо. По словам Г. Ц. Цыбикова, «...они использовали одни и те же культовые предметы. Вместо железной короны «*майхабчи*» ламы имеют шапку, сделанную из материи, вместо плаща с привесками «*оргой*» - красно-жёлтое духовное одеяние» [35, С. 168]. Что касается разделения бурятских шаманов на чёрных и белых, то существуют следующие различия в их снаряжении: белые, наряду с шаманскими, имели буддийские ритуальные предметы и не использовали железную корону как чёрные; в традиции агинских (белых) шаманов «при посвящении дают шапочку с красной кисточкой на макушке, бахромой, пришитой к налобной части, с полосками разноцветной ткани с тыльной стороны, маленькими колокольчиками и кисточками, пришитыми к затылочной части» [11, С. 131]. С точки зрения С. Б. Болхосоева, только у бурят-булагатов в конце XIX - до середины XX в. существовали две категории: собственно белый шаман и белый старец (*сагаан убгэн*), причём у белого старца, представителя только мужского пола, не было специальной одежды и атрибутики, а белый шаман обладал всеми атрибутами, в частности, железной короной, и именно у булагатов были зафиксированы обряды посвящения белого шамана: у балаганских бурят [32], кудинских [26], идинских [13]. Чёрные шаманы к инициации не допускались [7, С. 96-99].

Полисемантическая, широта смысловых границ религиозных терминов «*оргой*» и «*майхабша*» отражена в источниках в разных трактовках. По М. Д. Зомонову, *оргой* [17, С. 60, С. 73] имеет 2 значения: 1) шаманское одеяние (Б. Э. Петри, М. Н. Хангалов) и 2) шлем с рогами (Д. Банзаров, Ц. Ц. Жамцарано). И. А. Манжигеев на основе ретроспективного анализа многих архаизмов и религиозных обрядов, существовавших у бурят до 30-х гг. XX в., представил свою концепцию терминов: «*Майхабша* – ритуальный головной убор-налобник, изготовленный из кожи, содранной с лобной части оленя или лося. Позднейшие шаманы перестали пользоваться им при исполнении религиозных обрядов» [21, С. 57]. «*Оргой* – железный шлем шамана с рожками. Он представляет собой, вероятно, отражение архаического пережитка культа оленя, существовавшего у многих сибирских охотничьих народов эпохи неолита. *Оргойто боо* – бурятский шаман высшей степени посвящения, имевший право носить железный шлем с рожками – *оргой*» [21, С. 65]. В словаре С. Д. Бабуева и Ц. Ц. Бальжинимаевой: *Майхабша* – боогэй тумэр дуулга дороо умдэдэг малгай (шапка, надеваемая шаманом под железный шлем) [1, С. 65]. *Оргой* – боо умдэдэг, бутын эбэртэй тумэр малгай (шаманский железный головной убор с оленьими рогами) [1, С. 67].

Головным убором шамана называют и *Абагалдай*, который как *онгон*, будучи покровителем и помощником шамана, наделял его магической силой слышать, видеть, делать при камлании [9, С. 72]. М. Н. Хангаловым введены сведения Нила, архиепископа ярославского, об *Абагалдей* как чудовищной личине из кожи, дерева или металла, расписанной и с привешанной огромной бородой и т. п. орнаментами [32, С. 370]. «Принадлежности *Абагалдая* суть: маска медная или деревянная, бородастая. Если деревянная, то с красными глазами. Шапка-колпак, называемая *хоороог* с филиньим пером на макушке и длинной подвеской сзади – заменяет *майхабиш* ... Трубка и табак в кисете, подвешивают к шапке с боков над висками. *Абагалдай* (*онгон* маска и вор доносчик)» [34, С. 45]. «*Абагалдай* (*абгалдай*) – медная маска, надеваемая шаманами во время жертвоприношений, одна из разновидностей *онгонов* хоринских бурят [14, С. 368]; маска, личина, изображающая шаманского божка [1, С. 48]. Наличие данного аксессуара подтверждали также И. А. Подгорбунский (маска) [28, С. 68] и С. С. Шашков (личина, которой закрывают глаза, чтобы заклинатель мог проникнуть в мир духов своим внутренним зрением) [23].

Шаманский головной убор с присущим ему консерватизмом и устойчивостью к изменениям за время своего существования - с возникновением в эпоху каменного века до постмодернизма сегодня, подвергся трансформации по ряду причин. Его внешнее развитие от простых форм к сложным: от мягкой повязки к металлическому венцу, от настоящих рогов к имитации из железа, от шапки из меха к шапке из ткани, а также семантика символических украшений были связаны с изменением и развитием космогонических представлений, появлением новых материалов для их изготовления. Шаманизм бурят существовал не только на автохтонной основе, но частично заимствован у тюркских, монгольских, эвенкийских этнических групп, и его формирование неразрывно связано с этнокультурной спецификой многокомпонентного этноса. Упрощение и даже отказ от предмета, указывавшего на профессиональную деятельность, в суровые периоды преследования шаманов со стороны лам, православных священников, советской власти привели к тому, что к началу XX в. он фактически был утрачен. Об этом писал В. М. Михайловский в 1892 г., обобщая научные труды дореволюционных исследователей, и учёные XX в., констатируя «пережиточные явления». Но, несмотря на растущую деградацию шаманизма, происходившую с момента принятия Бурятии российского подданства, и современные модернизационные процессы, ведущие к нивелированию этнического своеобразия, шаманский головной убор сохранил свои традиционные формы и не утратил своего функционального и научного значения. В нём переплетаются древнейшие верования и прослеживается взаимосвязь с различными народами, он

является наиболее значимым атрибутом в костюме шамана - яркого и универсального выразителя культуры бурят.

Список литературы

1. Бабуев С. Д., Бальжинимаева Ц. Ц. Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи. – Улаан-Удэ: «Бэлиг» хэблэл, 2004. – 352 х.: зурагууд. (Шажан мургэл – религия, вера, С. 48-77).
2. Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм / Р. Д. Бадмаева. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1987. – 142 с.
3. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. В 2-х книгах (книга 1. Тайна посвящения в шаманы, книга 2. Таинства и практика шаманизма) / Б. Д. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 235 с.
4. Базаров Б. Д. Таинства и практика шаманизма. Книга 3. / Б. Д. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. госун-та, 2009. – 207 с.
5. Банзаров Д. Чёрная вера или шаманство у монголов и др. статьи / Д. Банзаров; под ред. Г. Н. Потанина. – СПб.: типография императорской АН, 1891. – 129 с.
6. Басилов В. Н. Избранники духов / В. Н. Басилов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.
7. Болхосоев С. Б. Белый шаман в традиции предбайкальских бурят-булагатов // Живая природа – живая кочевая культура: международная научно-практическая конференция: Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014 г. / науч. ред. Р. И. Пшеничникова. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. – 147 с. - С. 95-103.
8. Васильева Г. П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). – М.: Наука, 1986. – С. 182-195.
9. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Отв. ред. Л. П. Потапов; АН СССР, Сиб. отд-ние, Бур. фил., Бур. ин-т обществ. наук. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – 113, [2] с.
10. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 3 / И. Г. Георги. – СПб: [б.и.], 1799. – 116 с.
11. Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX вв. / А. Г. Гомбожапов. - Новосибирск: Наука, 2006. – 130 с.

12. Дарханова А. И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период (социальные функции, традиции и новации) /отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 204 с.
13. Дугаров Д.-Н. С. Исторические корни белого шаманства / Д.-Н. С. Дугаров. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
14. Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники: 1903-1907 гг. / Отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Сост.: В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 382 с.
15. Жукова Л. Н. Одежда юкагиров: генезис и семантика [Текст]: автореферат ... канд. ист. н.: 07.00.07 / Л. Н. Жукова; [ос. ком. по высш. образ-нию РФ, Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова]. – Якутск, 1999. – 14с.
16. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие / Н. Л. Жуковская. – М.: Вост. лит., 2002. – 247 с.: ил.
17. Зомонов М. Д. Тезаурус бурятского шаманизма / Зомонов М. Д., Ж. М. Зомонов. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. – 173 с.
18. История костюма (Серия «Учебники XXI в.»). – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 416 с.
19. Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. Дневник путешествия в 1734-1736 гг. / С. П. Крашенинников – М.-Л., 1966. – 66 с.
20. Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 337 с.
21. Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины / И. А. Манжигеев. – М.: Наука, 1978. – 128 с.
22. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: История, структура и социальные функции / Т. М. Михайлов. – Новосибирск, 1987. – 288 с.
23. Михайловский В. М. Шаманство (сравнительно-этнографические очерки) / В. М. Михайловский. - Вып.1 – М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левинсон, 1892. – 117 с.
24. Николаева Д. А. Женский костюм бурят Предбайкалья (XIX - начало XX в.) / Д. А. Николаева. – Улан-Удэ, Усть-Ордынский: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. – 79 с.: ил.
25. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского. Ч. 3 / П. С. Паллас. – СПб, 1788. – 571 с.
26. Петри Б. Э. Степени посвящения // Шаманизм народов Сибири: Этнографические мат-лы XVIII-XX вв.: Хрестоматия / Сост. Т. Ю. Сем. – СПб ГУ, 2006. – С. 175-178.

27. Плаксина Э. Б. История костюма. Стили и направления: Учеб. пособие для студ. учрежд. сред. проф. образования / Э. Б. Плаксина, Л. А. Михайловская, В. П. Попов; Под ред. Э. Б. Плаксиной. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 224 с., [8] л. цв. ил.: ил.
28. Подгорбунский И. А. Шаманистические верования монголов и бурят / И. А. Подгорбунский. – Иркутск: Типография А. А. Сизых, 1895. – 80 с. – С. 68-69.
29. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири / Прокофьева Е. Д. // Религиозные представления и обряды народов Сибири. Сб. МАЭ. - Т. XXVII. – Л.: Наука, 1971. – С. 3-100.
30. Скрынникова Т. Д. Обряд посвящения в шаманы – моделирование сакрального пространства // В мире традиционной культуры бурят: Сб. статей; отв. ред. Т. Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – С. 46-95.
31. Хангалов М. Н. Собр. соч. в 3 т. Т. I /под ред. Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – 508 с.: ил.
32. Хангалов М. Н. Собр. соч. т.I / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ, 1958. – 550 с.
33. Хангалов М. Н. Собр. соч. т.II / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ, 1959. – 444 с.
34. Центральнo-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (материалы международного симпозиума 20-26 июня 1996 г. Улан-Удэ, оз. Байкал). – Улан-Удэ, 1996. – 158 с.
35. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах – 2-е изд., перераб. – Т. 2 «О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 232 с., 0,5 л. вкл.

УДК 793.31

А.В. Тугай

ТРАДИЦИОННАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ

Аннотация: В статье представлена традиционная танцевальная культура бурят, уходящая своими корнями в глубину веков и претерпевающая на своем пути значительные перемены. Не любой танец или движение становятся традиционными, а только те, которые наиболее полно, точно отражают жизнь народа, его быт, традиции, обряды.

Ключевые слова: танец, танцевальная культура бурят, èxor.

The article presents traditional dance culture of the Buryats, rooted in ancient times. Not any dance or movement become traditional, only those that

reflect the life of the nation, its traditions and ceremonies most fully and accurately.

Keywords: dance, dance culture of the Buryats, yokhor

Самобытная танцевальная культура бурятского народа формировалась и развивалась в тесной взаимосвязи с географическими, природно-климатическими условиями жизни, трудовым опытом человека, его наблюдениями над различными явлениями природы и процессами общественной жизни. Все это способствовало рождению неповторимого национального своеобразия танцевального языка и характерных особенностей исполнения традиционных танцев.

Из глубины веков дошли до нас народные игры, танцы, которые были непосредственно связаны с различными сторонами быта и трудовой деятельности бурятского народа. По мнению В. Найдаковой, практически в каждой игре есть элементы танца. Если танец - это движение человеческого тела в определенном ритме, выражающее законченную мысль, то большинство игр как раз и характеризуется движением человеческого тела в определенном ритме и с определенным смыслом [1]. Традиционные игры легко могут превращаться в танец, ибо только ритмическая организованность разделяет эти два вида художественной деятельности.

Среди большого количества игр, танцев и развлечений до недавних пор имели широкое распространение игры и танцы, отразившие явление жизни бурятских племен, характерные для охоты и собирательства, когда человек жил присваиванием готовых продуктов природы. Это такие игры, как *«хойр наадан»* (глухариная игра), *«баабгайн наадан»* (медвежья игра), *«шионо наадан»* (волчий танец), *«тэхэ наадан»* (козляная пляска), *«тибһэ малтааша наадан»* (танец выкапывания сараны) и другие. Упомянутые танцы относятся к древнему периоду истории бурят, когда в жизни их большое значение имел промысел зверя. В этих играх и танцах воспроизводятся характерные повадки животных и птиц, как домашних так и диких. Например, *«Тетериин наадан»* (танец тетеревов) преимущественно исполнялся в осеннее время, когда буряты охотились на боровую дичь. Участники танца тетеревов, садясь на корточки, пританцовывая, двигались по кругу, вместо пения прищелкивали языками. Получалось своеобразное звукоподражание тетеревам. А когда танцующие ускоряют ритм движения, то прищелкивание языком дополнялось хлопаньем в ладоши.

Медвежий танец (*«Баабгайн наадан»*) исполнялся в зимнюю пору. Главный исполнитель танца становился в молодежный круг. Подражая неуклюжим движениям медведя, он опускался на четвереньки, ходил вразвалку, потом изображал медведя, лезущего на дерево. Все, что ему попадалось, он ломал. Если кто-нибудь в кругу поднимал его на смех,

медведь нападал на него, рвал на нем одежду, кусал, давал пощечину. Это вызывало общий смех. Постепенно медвежий танец превратился в народный (светский) шуточный танец, распространенный у западных бурят [4].

Древний бурят, занимаясь в основном охотой, находился в полной зависимости от природы. Жизнь его была беспокойна, всегда подвергалась опасности. Он должен был умело приблизиться к зверю на близкое расстояние, чтобы поразить его наверняка. Лесным хищникам он мог противопоставить лишь лук и стрелы, копьё и нож. Чтобы уподобиться зверю, нужно было хорошо знать их повадки. Без этого не могло быть успешной охоты.

Облачившись в шкуру того или иного животного, исполнители стремились как можно точнее воспроизвести характер движений, а также звуков, издаваемых ими. Подобные представления в канун охоты могли преследовать магические цели: зазывания, умиловствления животных. Опытный охотник будто бы подкрадывался к зверю, имитировал его поведение, а молодежь, таким образом, усваивала навыки охоты. Наконец, победа над зверем отмечалась всеобщим торжеством. И здесь нужно было показать всем, как происходили перипетии охоты, требовавшей мужества, ловкости, сообразительности. Маскировка, ряжение и представление носили в этом случае характер игрища. Исполнители неоднократно перевоплощались то в охотника, то в разных зверей, изменяя каждый раз свое облачение и повадки. Перевоплощение в иное существо значительно влияло на пластику исполнителя, органично связанную с мимикой и жестом [1].

Известен еще другой танец, называемый «*Батай үбгэн*», имеющий внешнее сходство с танцем медведя, но он рисует уже образ человека. Исполнитель танца старик Батай выступал в вывернутой наизнанку овчиной шубе. В одной руке у него находилась палочка с крючком на конце «мушхаруулга». Он ходил по избе или юрте, постукивал ею, изредка пританцовывая. Внезапно он нападал на окружавшую толпу, которая сопровождала его, она с веселым смехом и визгом отступала. Но тот, кто попадался ему в плен, обязан был исполнить шуточную песню. Затем «пленник» сам облачался в костюм старика Батая и продолжал исполнять его роль.

Наиболее древней хороводной игрой, как указывает Е.И. Тугутов, является «*Ягшаа наадан*». Она наиболее полно отражала охотничий быт бурятских племен. Игра начиналась с того, что старший из собравшихся вел за собой всех остальных. Получалась живая цепочка. Все держали друг друга за руки и двигались по солнцу, распевая медленные охотничьи песни. Постепенно круг замыкался, образуя хороводный круг, продолжающий петь

на широком дыхании. Соответственно движению участников игры песня переходит на быстрый ритм, одновременно становясь более мелодичной, потом снова замедляется и движение как бы на мгновение замирает. Играющие изображают привал звероловов. Но краток миг привала: словно мимо охотников пробежал быстроногий изюбрь или олень, и участники игры снова убаюкивают движение, и песня становится более прерывистой.

Е.И. Тугутов описывает различные варианты бытования «*Ягшаа наадан*». В одних районах игра была связана с охотничьим промыслом бурят, а в других – с культом кузнечного ремесла [4].

Такая игра, как «*Тибһэ малтааша наадан*» (танец выкапывания сараны) являлась свидетельством первого разделения труда между мужчиной и женщиной, этот танец имел многочисленные аналоги у разных народов. По мере того, как охота и собирательство стали занимать все меньшее время в жизни бурят, подобные игры потеряли то большое значение, которое имели прежде, постепенно стали любимым и распространенным видом развлечения.

Появление скотоводства породило целый ряд новых обычаев, явлений, взглядов, которые нашли свое отражение в новых играх и танцах. Танец «*Мори хургааша наадан*» (танец укрощения коня) является тому подтверждением. Исполнитель изображал наездника, укрощающего строптивого коня, роль которого выполняла палка или трость. Живо и динамично, с точно передаваемыми подробностями разыгрывался этот танец.

Создание тотемических танцев имеет тысячелетнюю историю. В представлениях бурят, связанных с охотничьей деятельностью, выделяется сообщество животных – бестиарий, вся система которого калькирует мир людей и является его проекцией. О существовании тотемических верований бурят позволяют говорить и родоплеменные названия, и предания о происхождении того или иного рода от животного или птицы: волка, орла, лебеди и др. Девичий танец «*Ульмэшеелгэ*» исполнялся в честь Праматери – Белой лебеди. Его особенностью являлось исполнение на полупальцах. Участницы набрасывали платок на плечи и держались за два свободных конца, разведя руки в стороны, имитировали крылья птицы [3, с.7,10].

У западных бурят бытует танец под названием «*Дугшалган хатар*», в котором поочередное отбрасывание исполнителями ног назад напоминает бег лошади рысью [1].

Утрачивая строго утилитарный и магический смысл, некоторые из игр становились любимым развлечением в народной среде и приобрели юмористический характер, поскольку действующие лица, люди или животные, чаще всего, изображались в смешном виде. Например: «*Бүүбэй наадан*» (игра в няньки), где в смешном виде показывалась нянька,

усыпляющая в колыбели ребенка, «*Адангууша наадан*» (танец насмешника), в котором исполнитель изображал остроумного и злоязычного пересмешника, «*ногтуу онгон*» (пьяный онгон), имитирующий поведение пьяного человека. Мастерство исполнения при этом высоко оценивалось всеми присутствующими.

В таких производственных играх, как «*мори тахалга*» (подковывание коня), «*юумэ оёхо*» (шитье), «*арна элдэхэ*» (выделка кожи) и ряда других, исполнитель пантомимически воспроизводил те или иные действия человека, занятого работой. Такие игры и танцы несли воспитательное значение для подрастающего поколения. Например, выделка шкур ручным способом был очень трудоемким процессом. Умение девушки хорошо справляться с этой работой свидетельствовало о ее воспитании, готовности к самостоятельной семейной жизни, т.к. выделанная шкура служила и одеждой, и постелью, и покрытием жилища [1, с.46].

У Забайкальских бурят своеобразный народный танец «*Ээрэмшээлгэ*» устраивался летом вокруг телеги, а зимой – у костра. Молодые люди, взявшись за руки по три, четыре, пять или шесть человек образовывали партии, которые расхаживали вокруг телеги или костра по направлению часовой стрелки, при этом распевая веселые песни. Вслед за первой тройкой (шестеркой) шла другая, третья, четвертая. Затем этот своеобразный пестрый хоровод пускался в массовую пляску, продолжая петь плясовые песни. «*Ээрэмшээлгэ*» исполнялся следующим образом: плясуны в такт под аккомпанемент собственной песни приподнимали левую ногу и делали прыжок вперед. Затем приставлялась правая нога. Так снова и снова повторялись эти ритмические движения переходя в порывистую массовую пляску с песней.

Другим наиболее выразительным национальным танцем является «*Дэрбээшэн*» («всполошиться»), распространенный среди западных бурят. Если в «*Дэрбээшэне*» участвуют четыре человека, то от каждой стены навстречу друг другу движутся по одному танцору, если же восемь человек, то танцующие движутся со стороны всех четырех стен и четырех углов. В ходе танца они меняются местами: один идет навстречу другому, где-то в центре они встречаются и проходят мимо друг друга. Как только одна пара с танцем пробежала через центр, следом за ними к центру подходят следующие два танцора, занимающие по отношению к первой паре перпендикулярное (крестообразное) положение. Этот танец создает картину живописного веера исполнителей идущих навстречу друг другу, где песня выполняла роль музыкального сопровождения [4].

Существуют разные мнения о возникновении этого танца. В старину Айли Үбэгэд - Совет Старейшин в заботе о продолжении рода в приказном порядке объявлял сроки создания семей среди молодежи. В знак

выполнения өприказа каждый перед своей юртой должен был установить березовую коновязь. Неповиновение наказывалось. Столь грозное и важное повеление вынуждало многих «суетиться, вертеться, кружиться» в поисках пары. Другая версия связывает танец «Дэрбээшэн» с русской «Кадрилью». Русские «Кадрили» заимствованы от иностранных контрдансов: кадрили, лансье. Распространившись по всей России, они исполнялись в каждой губернии по-своему [1].

Пляску «Һөөшэлгэ» исполняли во время молодежных увеселений – зэмһэн. Когда молодому буряту приходилось брать невесту из другого рода. Во время увеселения зэмһэн молодежь одного улуса приглашала своих сверстников из чужого рода, живущих в соседнем улусе, чтобы весело провести время и присмотреться к своей будущей невесте. Для исполнения «Һөөшэлгэ» два юноши или две девушки становились на корточки, обхватывали руками ноги выше колен и пускались в пляс. Эта пляска длится до тех пор, пока один из партнеров не устанет и не выйдет из строя. Вслед за первой парой в пляску вступала следующая и т.д. Причем девушки нисколько не уступали юношам.

Танец «Нэрьелгэ» забайкальских бурят, устраивался в честь проводов невесты накануне свадьбы. Молодежь разбивалась на две партии. Взявшись руками за спиной друг друга, начинали плавно раскачиваться в обе стороны под собственное пение.

Ни один праздник бурятского народа не обходится без самого любимого, древнейшего по своему происхождению кругового танца – ёхор. Буряты – единственный народ из современных монголоязычных народов, у которых бытует круговой танец. Ёхор «бытовавший до Октябрьской революции только у иркутских бурят, после советизации Забайкалья из узкоэтнического танца превратился в общенациональный, распространившись по всей Бурятии» [4, с.54].

Ёхор как культурный феномен, как непреходящая ценность, которая передается из поколения в поколение, изучался в разные годы учеными, исследователями, практиками-хореографами. Так, первой литературной информацией о бурятском круговом танце была работа известного ученого-этнографа М.Н. Хангалова. Причем вместо термина ёхор, автор называет словом «хатарха». *Хатар* имеет два значения: 1. Рысь (о беге животного, по-видимому, лошади, оленя или изюбря); 2. Танец, танцевать.

По описанию М.Н. Хангалова: «Национальный танец «Хатарха» разделяется на три периода. Первый – когда танцующие, образовав круг, держат друг друга за руки, опущенные вниз, и в это время медленно двигаются по солнцу, делая круг, и поют протяжные песни разного содержания. Второй период – когда танцующие подвигаются друг к другу плотнее, полуподнимают руки и слегка машут ими вверх и вниз,

наклонившись немного вперед. В это время песня исполняется менее протяжно и поется громче. Третий период – когда танцующие совсем плотно продвигаются друг к другу, руки держат в локтях почти под прямым углом и дружно, как один человек, скачут вверх. В это время песня исполняется совсем отрывисто. так танцуют некоторое время, продолжая делать круг по солнцу... Когда танцующие устают, то перестают прыгать, опять начинают медленно двигаться по солнцу и поют разные по содержанию песни»[5, с.232].

Этот национальный танец, по мнению автора, является наследием большой общинной зэгэтэ-аба, во время которой буряты общими усилиями охотились на зверей в сибирских лесах и тайгах. Данная гипотеза была «отвергнута, как не выдержавшая критики ни с методологической, ни с фактической стороны» [2, с.89].

Д.С. Дугаров рассматривая синоним слова *еохор* – *наадан*, отмечает его полисемантическую и дает следующие определения: 1) игра, забава, развлечение; 2) вечер, вечеринка, танец (хороводный); 3) постановка, спектакль, концерт; 4) шутка, насмешка, потеха; 5) ток (о птицах) [2, с.85].

По предположению Д.С. Дугарова, хороводные танцы бурят в древности являлись составной частью обрядовых игрищ и были связаны с родовыми культовыми местами, проводившимися здесь молениями и жертвоприношениями, что отразилось в традиционном названии кругового танца *наадан*.

Нааданы обычно начинались вечером и продолжались до глубокой ночи, а иногда всю ночь до утренней зари. Выбрав удобное место за околлицей, после захода солнца разжигали костер. Когда собиралось достаточное количество людей, молодежь, взявшись за руки, образовывала круг вокруг костра и медленно начинала двигаться справа налево, по солнцу. При этом пели песни в такт медленного покачивающегося хороводного движения. Движение хоровода начиналось с левой ноги, ступней поперек. Руки опущены вниз и свободно соединены с руками соседей. Затем танцующие переходят на другой напев, чуть более быстрый.

Во второй части танцоры приподнимают опущенные вниз руки чуть выше локтя и одновременно прижимают согнутые локти к бокам, от чего круг суживается. Танцующие уже четче отбивают такт и энергичнее переступают. Так танцевали и пели довольно продолжительное время, и, наконец, кто-нибудь из танцующих произносил: «*Зай, дэбхэрэбди!*» («Давайте попрыгаем!»). Все танцующие еще плотнее смыкали круг и становились плечом к плечу. Тверже, энергичнее, пружинистее ступали ноги, круг двигался сплоченно, как один человек. Эта быстрая часть называлась *шангалгын дуун* («песни быстрого танца»), от глагола *шангалаха* – «поторапливаться», «ускорять темп» [2, с.86-88].

В разных районах Бурятии имеются свои, местные локальные варианты и танцевальные стили исполнения круговых танцев. Д.С. Дугаров выделяет типы напевов и движений восьми вариантов кругового танца бурят: аларо-унгинский, эхирит-булагатский, идинский, тункинский, закаменский, байкало-кударинский, баргузинский и заимствованный у западных бурят в 1920-х годах восточнобурятский. Он отмечает, что «внутри каждого из указанных местных локальных стилей различаются по несколько различных танцев или их вариантов. И таких танцев в Бурятии насчитывается несколько десятков» [2, с.85]. Тенденция к постепенному ускорению от спокойного, медленного начала до быстрых порывистых скачков и прыжков вверх – черта, общая для всех районов Бурятии, где бытует круговой танец.

«Ёхор», по мнению И.Е. Тугутова, - это продолжение наадана, его танцевальная часть в сочетании с хоровым пением, которое служит музыкальным сопровождением массового народного танца» [4, с.54].

Также существовала традиция исполнения круговых танцев вокруг горы, дерева, шеста, костра, ритуального столба – *сэрэ* («коновязь»). По древним мифологическим представлениям кочевников, они символизировали центр Мира или Вселенной. Среди западных бурят широко бытует грандиозное межродо-племенное игрище, которое в старину проводилось в начале лета. *Ёрдын наадан* («Ёрдынские игры») – игрище, которое устраивалось вокруг горы Ёрд. По традиции основной частью этого праздника был круговой танец ёхор. Для того, чтобы игрище состоялось, должно было собраться столько участников, чтобы они, взявшись за руки, могли опоясать горку, замкнув хороводный круг вокруг нее. «В случае же, если собиралось меньше народа и круг не замыкался вокруг горы, игры или вообще не проводили, или проводили кое-как, и в этом случае считалось, что состоялся плохой *наадан* (*муу наадан болоо*), и поэтому нет гарантии, что год будет хорошим для бурят» [2, с.144].

В первые годы становления Советской власти ехорные песни, игры танцы, откликаясь на те или иные события времени, приобретают агитационный и пропагандистский характер. Появились новые ехорные танцы: «*колесуха*», «*осоо*», «*аэ, комсомол*» и другие. Например, *Осоо* связан с созданием общественной организации *Осоавиахим*, *Колесуха* – с периодом коллективизации и появлением железного плуга вместо деревянной сохи и т.п.

Древний ёхор – это сочетание поэзии и пластики, мелодии и ритма телодвижения. В ёхоре человек танцует не столько для зрителя, сколько для себя, для собственного удовольствия. Танец, имевший в древности религиозно-магический смысл и исполнявшийся по праздникам, со временем утратил ритуальный смысл и превратился в бытовой,

выражающий радость настроения. Время вносит изменения во все сферы человеческой деятельности. Нарушилась обязательность исполнения ёхора по определенным временам года или по определенным праздникам. В наше время профессиональные и самодеятельные танцевальные коллективы вводят в свой репертуар разные варианты ёхора. Иногда на праздниках, где собираются представители всех районов, можно увидеть ёхор, который выглядит ярче и богаче, когда в нем сохраняются традиционные компоненты, присущие этому красочному и самобытному жанру бурятской культуры.

Таким образом, традиционная танцевальная культура бурят имеет богатую историю своего развития. Свой путь она начинала с имитационно-подражательных танцев. В дальнейшем она несла религиозно-культовый характер и, несмотря на все преобразования, которые испытала на себе традиционная культура бурят, народный танец продолжает сохраняться как среди самодеятельных коллективов, так и профессиональных театров.

Список литературы:

1. Гегесова Т.Е. Бурятские народные танцы. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство., 2002. – 222 с.
2. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. Москва «Наука», 1991.
3. Николаева Д.А., Буксикова О.Б. Танцевальная и игровая культура бурят Приангарья / Д. А. Николаева, О. Б. Буксикова. – Улан-Удэ, 2001.
4. Тугутов И.Е. Общественные игры бурят // Этнографический сб. / Акад. Наук СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. комплекс. науч-исслед. ин-т.; отв. ред. Л.Т. Хаптаева. – Улан-Удэ, 1961.- Вып. 2.
5. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1 / Под ред. Г.Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», - 2004. 508 с.: ил.

УДК 793.31

С.В. Старикова

ЕХОР В СОВРЕМЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТИИ

EKHOR IN MODERN FESTIVE CULTURE OF BURYATIA

Аннотация: Рассматривается праздник как объект научного исследования, ёхор в современной праздничной культуре как символ

национального своеобразия бурятского народа, его трансформация и необходимость сохранения и популяризации уникального танцевального наследия.

In the article, the author considered a holiday as an object of scientific research, the ekhor dance in modern festive culture as a symbol of national identity of the Buryat people, its transformation and argues for the need to preserve and promote the unique dance heritage.

Ключевые слова: *праздничная культура, традиционный танец, экор, трансформация*

keywords: festive culture, traditional dance, ekhor, transformation

Праздники с древнейших времен играли большую и определенную роль в жизни человека, объединяя обряды и традиции религиозной и повседневной жизни у многих поколений разных народов. На современном этапе праздничное действо оказывает влияние на психологию и ментальность человека, ценностные ориентации и картину мира, создает новое искусство жизни, воспроизводит в памяти группы или общества высшие человеческие ценности, являющиеся фундаментом культуры. Природа праздника стала предметом научных исследований разных культур с незапамятных времен. Античная философия рассматривала праздник как феномен, благоприятствовавший укреплению государственных, нравственных и религиозных норм и обладавший регулирующей функцией. Аристотель одним из первых философов античности задался вопросом о значимости празднеств. Он утверждал, что понять природу праздничного существования так же сложно, как ответить на вопрос «зачем человеку жизнь?». Для него праздник – время соприкосновения с истинной духовностью, смысл существования. Эти взгляды поддерживал Платон: «Если же молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен, то мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более губительного, чем все это» [7, с. 115]. В V столетии вплоть до н.э. Геродот рассматривал общегреческие праздники «третьим (наряду с языком и расой) элементом, способствовавшим консолидации греков» [1, с. 77]. Средневековое мировоззрение преимущественно религиозное, пытающее органически соединить религию и науку, совершает переворот в оценке праздника, происходит замена понятия "праздник" на "ритуал", которое долго используется в научной литературе для определения массовых коммуникаций торжественного характера.

В Новое время сложилась общеевропейская, затем общемировая система международных отношений. В этот, более краткий, чем Древний мир или Средневековье, период наступает расцвет светской науки и культуры где на первое место выступает духовно-культурный фактор.

Поэтому великие умы проявляют научный интерес к определению места культуры, а в частности праздника в жизни людей. Однако период Нового времени был очень противоречив: наряду с эпохами Ренессанса, Реформации и гуманизма соседствовал массовый всплеск иррационализма, поэтому как древнейшие формы культуры рассматривались не только ритуалы, но и мифы. В XIX-XX вв. концепции «народного духа», получили широкое развитие, в каковых характерные особенности этноса, свойственные и неизменные ему в контексте реальных объектов и понятий «психология народа» и «психология масс». Науку заинтриговал вопрос о возникновении и формах проявления массовых феноменов. Исследование массового феномена приобретает особую важность при соотнесении его с индивидуальным формированием личности. Ряд наук, такие как философия, антропология, психология, этнология и прочие, объединились для изучения феномена мифоритуальной и праздничной культуры. Крупнейший антрополог В. Тернер, один из первых ученых, работавших над теорией ритуала, опираясь на выводы и идеи А. Геннепа и на собственных материалах полевых исследований, анализировал ритуал в разных аспектах, в частности структурном и функциональном. В. Тернер опирался на поведение и действенную логику человека, рассматривая ритуал, как знаковую систему он изложил свои взгляды в книгах «Символ и ритуал», «От ритуала к театру». Большой интерес к действиям человека в ритуале приводит В. Тернера к анализу и поискам типов-параллелей между ритуалом и театром. В научных трудах крупных западных культурологов, получила свое развитие праздничная игра как механизм формирования и преобразования деятельности человека. Один из них Й. Хейзинг утверждает, что в праздниках как в состязательной, так и сценической форме, человечество «разыгрывает порядок вещей в природе, как оно это воспринимает» образно воплощенной в действии. [8, с. 23-40].

В отечественной культурологии к рассмотрению праздничности как одного из важнейших способов регуляции поведения в зрелищно-игровых формах культуры, как к основной человеческой деятельности, основанной на канонической эстетизации жизни с элементами импровизации в рамках традиции, обращались М. Бахтин, С. Гуревич, В. Пропп, О. Фрейденберг, А. Лосев, Д. Лихачев и другие. М. Каган исследуя человеческую деятельность, ее строение и формы реального существования, воплощение в культуре и отражение в искусстве, определяет суть коллективной деятельности в пространстве праздника как зрелища и отмечает, что «социальная сущность праздника связана с коллективной природой его восприятия и участия», и подчеркивает, что «коллективность является зрелищем самим по себе» [5, с. 206].

Концепт праздника как, оказалось, стоит в одном терминологическом ряду с

понятиями мифа, ритуала, традиции, игры, которые создаются зрелищно-игровыми образами. Данные понятия также выстраиваются в ряд с концептом танцевального искусства, чему посвящены работы Н. Нетужиловой «Миф и ритуал как первооснова искусства танца», Л. Мориной «Ритуальный танец и миф», Т. Агапкиной «Символика и обрядовые функции танца и хоровода в традиционной культуре славян», О. Буксиковой «Ритуальные танцы народов Восточной Сибири», «Отражение тотемических мифов и ритуалов в танцевально-игровой культуре народов Сибири», «Танец в истории культуры народов Сибири» и др. Выяснив, что праздник – первичная модель человеческой культуры, где различные структурные единицы бытовой деятельности обретают символическую смысловую значимость, а это знаковость и семиотичность, где каждая структурная единица праздника несет в себе традицию, отметим, что в эти структурные элементы обязательно входит танец. Значимым аспектом является восприятие традиционного танца и его места в контексте празднично – обрядовой культуры.

В настоящее время в Бурятии создается одна из всероссийских туристско-рекреационных зон, вопрос создания своего облика Бурятии — уникального, не похожего на другие, — поднялся с особенной остротой. Благодаря национальной интеллигенции, обогащающей традиционную культуру народа в соответствии с требованиями времени, традиции передаются из поколения в поколение и сохраняются даже при любых запретах и преградах. Историко-культурная реконструкция локальных праздничных ситуаций меняет представления современных людей и приводит к пониманию значимости работы над сохранением и развитием праздничных традиций. К подобным реконструкциям можно отнести возрожденные бурятские праздники Сагаалган, Ердынские игры. Международный бурятский фестиваль «Алтаргана» и межрегиональный фестиваль «Ночь ехора», Сурхарбан со своим новым содержанием и масштабами, становятся большими культурными праздничными мероприятиями, способствующими сближению, консолидации народа во имя сохранения национальной духовной и материальной культуры. Заметную и объединяющую роль перечисленных ранее праздников играет бурятский круговой танец ёхор. В современном бурятском празднике исполнение ехора служит неким гарантом в сохранении традиций и локальных особенностей бурятского традиционного танца, способствует формированию национального самосознания, сохранению родного языка, потому что языковая ассимиляция ведет к ассимиляции этнической. Что бы возродить свою культуру, свои традиции в процессе этногенеза, этносам помогает национальное самосознание. Хореография способна лечь в основу праздника, подтверждает существующий опыт традиций народных

праздников. Недаром созданный фестиваль «Ночь ёхора» в Бурятии стал уже

традиционным и популярным праздником, это подтверждается ежегодным увеличением количества участников фестиваля, где люди собираются вместе, учат слова и хореографию ёхора, имеющего родовые отличия. Особенность танца в народном празднестве это «доступность» для запоминания, со-творчество, наличие игры, регулирующей поведение относящихся к разным полам и возрастным группам участников. Расширяется география проведения этого полюбившегося народом праздника. Планирование и осуществление подобного масштабного мероприятия в районах республики стало толчком к инициативности всего населения малых сел и поселков. Администрация и население районов будут вынуждены готовиться к принятию гостей со всей республики, регионов России и других стран, и стараться достойно представить свою малую Родину, обращаясь к корням своей культуры. Во время исполнения праздничного танца, который служит способом невербального общения, участник испытывает художественное воздействие от органического слияния музыкально-хореографического и игрового начал празднества.

Традиционный танец ёхор – составная часть обрядовых праздников бурят, имеет многофункциональное и культурологическое значение. В современном бытовании ёхор присутствует в праздничных увеселениях в качестве одного из элементов народного творчества в сценическом исполнении. Причиной является снижение убедительности перенесенных на сцену аутентичных танцев в неизменном виде, насколько можно было его сохранить этносом. Поэтому при исполнении ёхора на сцене учитываются ее законы: наличие зрителя; пространственные и временные законы; разнообразие композиционных рисунков танца, усложненные движения, диктуемые режиссером и балетмейстером; техникой исполнения и т.п. Можно выделить негативные факторы влияния искусства хореографии на традиционный танец: экзерсис классического и народно-сценического танца, авторские замыслы к которым подбиралась и соответствующая музыка: как правило, тоже авторская либо народная, но в значительной переработке. Стилизация танца требовала и соответствующий стилизации костюм, который зачастую далек от народного оригинала. При трансформации традиционного танца, в результате подготовки исполнителей узкой специализации, то есть деления участников на исполнителей народной песни и танца, нарушалась целостность, характерная для бурятского традиционного синкретичного исполнительства. Есть и положительные стороны трансформации ёхора в исполнении профессиональных и самодеятельных хореографических и фольклорных коллективов. Сценическая обработка традиционного танца, усиление его

средствами выразительности и усложнением рисунка танца, повышение динамики и усложнение лексики, экспрессией в исполнительской манере, а также введение приемов режиссуры и разработки новой драматургии, добавление сюжета, вызывает большой интерес у широкой публики, знакомит зрителей других этносов с национальным колоритом бурятского народа.

Ехор выступает как символ национального своеобразия. Исследование исторических материалов и воссоздания аутентичного ехора, имеющего прочную связь с мировоззренческими представлениями, верованиями, с национальными особенностями оказывают влияние на формирование этнической идентичности и консолидации. Процесс самоидентификации становится наиболее действенным и быстрым с разных позиций, с позиции исполнителя и зрителя, где психофизическое (эмоциональное) воздействие оказывает специфическая способность танца как традиционного, так и сценического. Художественный образ стилизованного традиционного танца одновременно рационально воплощается исполнителем – танцором и эмоционально воспринимается зрителем, вызывая эмпатию. Представители других этносов четко осознают свою иноэтническую основу, а признаком этничности зрителя выступает восприятие и "понимание" национальных танцев на высоком уровне.

Итак, на длительном историческом пути, танец не раз подвергался различным изменениям, но дошедший до нас ехор, вызывает гордость за красоту танца и дарование безымянных создателей, несмотря на эволюцию танцевальных форм, обогащения и видоизменения лексики. Популярность ехора в разных региональных группах (западной, восточной и южной) свидетельствует о сохранности общенациональной традиции в современной культуре бурят.

На современном этапе сохраняется тенденция необходимости обучения традиционному танцу и включения его в праздничную культуру, создавая целый образовательный процесс для передачи знаний духовной и материальной культуры. Примером служат мастер-классы, где при изучении традиционной хореографии, приходится обращаться и к истории, и к этнографии этноса в рамках межрегионального традиционного фестиваля «Ночь ехора».

Завершая обзор значимости ехора и его трансформации в современной праздничной культуре, необходимо отметить социально-психологические функции традиционного танца, который является способом самовыражения и общения, может доносить до нас всевозможные истории разных поколений. Хореография в праздничной культуре питает и обновляет личность, а главное сохраняет культурные традиции этноса. Состояние праздничности изменяет самоощущение человека и его

состояние. Все перечисленные функции помогают лучше понять собственную культуру, благодаря обращению к другим. Советский и российский режиссёр, доктор культурологии О. Орлов отмечает, что потребность в празднике не только естественная, но и культурная потребность, возрождается в каждом новом поколении. Являясь ярким событием в жизни общества и каждого человека, праздник становится вехой истории и биографии, разделяет прошлое и будущее, отжившее и перспективное, вдохновляет надеждой на решение проблем и трудностей, структурируя и организуя человеческую жизнь. Церемониал, обряд, обычай праздника служат прекрасной школой культурной традиции, к которой подрастающее поколение приобщается естественным и достойным образом через непосредственное участие в торжествах.

Праздничная культура была и останется объектом мировой научной и философской мысли. Праздничная культура играет большую роль в процессе преобразования разных локальных человеческих культурах, в их мировом диалоге.

Источники и литература:

1. Геродот. История. В 9 кн. / Геродот ; пер. и примеч. Г. А. Стратоновского. – Л. : Наука, 1972. – 600 с
2. Дашиева, Надежда Базаржаповна. Бурятские тайлганы (опыт историко-этнографического исследования) : научное издание / Надежда Базаржаповна Дашиева. - Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. - 105 с.
3. Каган М. С. Человеческая деятельность : (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1974. – 328 с.
4. Орлов, Олег Леонидович. Российский праздник как историко-культурный феномен : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / О. Л. Орлов ; [С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств]. - СПб., 2004. - 31 с.
5. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1 : [пер. с древнегреч.] / Платон ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; вступ. ст. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1968. – 623 с.
6. Хейзинга Й. *Nomo ludens*. Человек играющий [Текст] : научное издание / Хейзинга Й.; пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса. - М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. - 352с.
7. dic.academic.ru/dic.nsf/es/83980/новое (обращение 6 сентября 2014 г.)

ОБРАЗ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В МОДЕЛИ ЖИЛИЩА БУРЯТ THE IMAGE OF A HUMAN BODY IN THE DWELLING MODEL OF THE BURYATS

Аннотация:

Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, создаёт образ мира, в котором центром системы операционных проекций служит собственное тело, дом – макет мироздания, национальный космос в уменьшении. В статье рассматривается антропоморфная модель жилища, в горизонтальной и вертикальной плоскости, в основе которой лежит образ тела человека. При этом обнаруживается прямая связь между элементами жилища и частями тела.

Human consciousness, anthropocentric by its nature, creates an image of the world, in which the centre of system of operation projections is his own body, a house is a model of world creation, decreased national Cosmos. The article describes anthropomorphous model of a dwelling, in horizontal and vertical dimensions, the basis of which is an image of a human body. It should be noted that there is a direct connection between elements of a house and parts of a body.

Ключевые слова: образ мира, национальный космос, тело человека, жилище, дом, очаг, дверь, стены, пространство.

Keywords: image of the world, national Cosmos, human body, dwelling, house, home, door, walls, space.

В современном обществе наблюдается повышенный интерес к традиционной культуре, идет процесс приобщения к традициям, необходимый для осознания принадлежности индивидов к своей нации, этнической самоидентификации.

Одним из важных и значимых элементов традиционной культуры является тело человека, которое органично вплетено в мифологическое мироощущение. Оно является продолжением природы и обладает теми же чертами, его структура служит не только точкой отсчета, но и универсальным образцом для построения системы понятий в традиционной культуре бурят, охватывая такие категории, как пространство, время, природа, социум и др.

Как известно, с древнейших времен зафиксировано — образование пространственной лексики от анатомических терминов. Ориентационные значения соматизмов связаны с основополагающим принципом ориентации человека в пространстве по собственному телу. Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, создаёт образ мира, в котором центром системы операционных проекций служит собственное тело.

Целью нашей статьи является найти взаимосвязь между телом человека и жилищем – юртой в традиционной культуре бурят.

Рассмотрим антропоморфную модель жилища, в которой лежит образ тела человека. Э. Ле Руа Ладюри пишет, что «на всех уровнях человеческое тело и *domus* (дом), в качестве базовых единиц, стремятся быть пространственной и временной мерой мира» [6].

Подобным образом рассуждает и Г. Гачев, который утверждает, что дом – макет мироздания, национальный космос в уменьшении. Здесь земля — пол, небо — крыша, страны света – стены и т.д. Как мир (природа) – храм, так дом – храм человека; человек творит дом, как Бог мир – по своему подобию. Как в нашем теле заключена душа и просвечивает сквозь тело, так дом – тело на нас, в котором находимся мы; человек в плоти – как душа в доме [4].

Н.Е. Мазалова утверждает, что представления о человеке как о целом, соответствуют представлениям о доме. Структурные элементы в модели человеческого тела (его части) имеют соответствия в модели дома (его элементы) и тождественны им. Так, дом у восточных славян, воспринимается и как мужское тело (дом у русских), и как женское (хата у украинцев) [7]. Юрта у бурят по аналогии воспринимается как женское тело.

Н.Л. Жуковская отмечает, что юрта у монгольских кочевников является моделью вселенной, микромир кочевника. Она ориентирована по странам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг и дымовое отверстие. Она членится на семантические секторы: правый - левый, северный - южный, верхний - нижний, почетный - непочетный, мужской - женский [5]. Аналогичным образом воспринимают свое жилище и другие народы, в частности буряты.

К.Д. Басаева, анализируя функциональное членение бурятской юрты, приходит к выводу, что ее семантические секторы были следующие: правый-левый, западный - восточный, почетный - хозяйственный. Деление на мужскую и женскую половины, по ее мнению, отсутствовало — во всяком случае, оно никак не отражено в языке [3].

Пространство юрты предлагаем рассмотреть в двух проекциях: горизонтальной и вертикальной. В горизонтальной проекции: в северной – *хоймор* — почетной части юрты находится семейный алтарь – и прочие важнейшие для семьи главные предметы, т.е. «голова». Голова в человеческом теле является важнейшей точкой, кульминацией телесного верха.

Именно на северной стороне, в сакральной части юрты, находился дух —покровитель семейного очага и семьи, глава или «хозяин» юрты. Хранили его в кожаном мешочке или небольшом деревянном ящике. Он мог быть подвешен к центру или спрятан подальше от посторонних глаз [5]. В

юрте, восточнее алтаря, находились поставленные уступами сундуки, в которых хранились ценности семьи, праздничная одежда [1].

Дверь юрты, и особенно порог, по нашему мнению, обозначают низ и ноги человека. Так, В.Д. Лелеко считает, что ноги – это ворота, открывающие вход в «святая святых», преддверие входа в запретную зону [6]. Следует также заметить, что дверь отделяет юрту от окружающего неосвоенного, «дикого» пространства; дверь — граница внешнего и внутреннего, освоенного и неосвоенного миров. Пересечение этой границы как в ту, так и в другую сторону было сопряжено с соблюдением ряда правил, которые вошли в народный этикет [6].

Г. Гачев пишет, что вход в юрту обозначает рот, двери равны губам, окна равны глазам. В юрте нет окон, поэтому рот и глаза совпадают [4]. Интересна мысль Г. Гачева о связи беззаконности юрты и сидячей восточной позой бурят – усиливается восприятие колебаний земли (прямо туловищем) и воздуха и кочевники слышат приближение или врага или гостя.

Исследователь Н.Е. Мазалова утверждает, что двери обозначают женские гениталии, и, прежде всего их объединяет идея входа – выхода. «В фольклоре женский рождающий орган – «ворота», дитя – «путник», акт рождения – «поезд». Во время тяжелых родов открывали двери, роженицу заставляли переступить через порог. Автор также отмечает тождество рта и лона. «Двери также уподобляются рту: исчезновение людей за дверью рассматривается как поглощение» [7].

Дверь и порог выступают символом прочности юрты, живущей в ней семьи и всего рода, а также дверь и порог (окно) могут мыслиться как вход (выход) в иной мир [1].

Границей, отделяющей верх тела от низа, центром фигуры человека в традиционной культуре считался пуп. Пуп не только делит тело на «чистую» и «нечистую» половину. Он является границей между этими половинами. Пуп и пуповина связаны с женской производящей энергией [7]. Поэтому в горизонтальной плоскости юрты, дым от очага, по нашему мнению, является пуповиной, соединяющий верх и низ.

Сердце человека можно сравнить с очагом в юрте. Очаг — это семантический центр юрты, который выступает точкой отсчета при организации её пространства, и местом, вокруг которого протекает вся жизнь семьи. Очаг является также связующим звеном между предками и потомками, символом преемственности поколений, символ объединения определенной группы людей.

Сердце объединяется, как утверждает Н.Е. Мазалова, с другими внутренними органами – легкими, печенью – под названием «печень», однокоренным со словом «печь». Существенный признак, объединяющий сердце

и печь, — связь с огнём, жаром, теплом. Тепло, жар – признаки живого человека, холод – мертвого [7].

Горизонтальное структурирование внутреннего пространства жилища также выражается в таких элементах жилища как опорные столбы юрты, которые расположены в двух зонах, мужской и женской половине. Столбы становятся первым объектом, организующим внутреннее пространство жилища, именно с них начинается строительство дома.

Границей человеческого тела является кожа. В конструкции юрты, стены соответствуют коже человека, которые также обладают значением границы. Они отделяют стены от внешнего пространства, как кожа отделяет тело человека от окружающего мира [7].

Итак, нами рассмотрено соотношение органов тела человека в юрте по горизонтали и показана их семантическая значимость.

Заметим, что расположение органов тела человека по вертикали также связано с культурной оппозицией верха и низа. К верху — голове — принадлежит крыша. В народных представлениях голова – средоточие жизни, жизненной энергии. Через дистальную точку головы – темя осуществляется контакт человеческого тела и окружающего мира. С теменем человека сопоставимо дымовое отверстие — *тооно*.

Н.Е. Мазалова пишет о том, что это отверстие – нерегламентированный канал связи с внешним миром [7]. Через него не только выходит дым, но и проникает свет, по своим функциям оно соответствует окну в жилище оседлых народов. Дым очага представлялся пуповиной соединяющей огонь очага (земной —огонь) — детище солнца (огонь небесный), с источником его породившим Небом.

Автор отмечает, что, так как жилище человека строилось не только по образу и подобию Вселенной, но и в контексте мифологического мышления соотносилось с человеческим телом, светодымовое отверстие юрты уподобляется отверстию, находящемуся в верхней части черепной коробки [9].

Если юрта осмысливается в мифологии как модель вселенной, то шест - *багана* — это мировая ось, соединяющая верх — *тооно* и низ землю, проходящая через прошлое-настоящее-будущее пространственно-временного континуума, а также представляется как позвоночник человека, опора.

Объектом вертикального структурирования в жилище является дверь. Как отмечают исследователи, в ритуально-мифологических представлениях бурят верхняя часть двери — притолока воспринималась как место расположения божества дверей *уудэн тэнгэри*.

Как отмечает Г. Гачев, пол в юрте покрыт войлоком, коврами, подушками. Пол по-нашему мнению является внутренностями тела человека. «Кочевник сидя, свернут комочком – в мягкости бедер своих ног, ягодиц уто-

пает, и снизу, и сверху, и с боков кочевник – в шкуре животного, животным окружен» [4].

В число объектов, моделирующих идею вертикальной оси мира, входят стены жилища, которые являются символами упорядоченности «мироустройства» в образе жилища. М.М. Содномпилова в структуре стен жилища отмечает триадность (верх - голова, середина - тело, низ - ноги) вертикальной Вселенной, которая фиксируется в терминах, обозначающих детали стен жилища [9].

Автор обращает внимание на тот факт, что способы формирования стен переносного (войлочного) и стационарного срубного жилища принципиально различаются. Так, в первом случае не столь явно выражен мотив верха, роста, поскольку формообразующие действия направлены на раздвижение, растягивание стен в горизонтальном плане, в то время как в строительстве деревянного дома актуальным является движение по вертикали вверх. Вместе с тем, и установка войлочной юрты содержит в себе космогоническую тему: установление центральной опоры, моделирование низа (пол), середины (стены) и верха (крыша).

Решетчатые стены войлочной юрты носили название *хана*, которые как все модели вертикальной структуры дифференцировались на верхнюю и нижнюю части. Верхние части прутьев решетки назывались «*ханын толгой*» или «*тархи*» — «голова стень», а нижние части — «*шиийр*» (конечности). Использование антропологической лексики позволяет говорить о трехчленном делении вертикали стен, где одна из частей — середина (тело) — лишь подразумевается, т.е. отмечается имплицитно, а можно говорить только о верхе и низе. Оппозиция верхней части как наиболее сакральной противостоит нижней – хтонической [9].

Идея моделирования вертикальной оси при возведении стен деревянного жилища проявляется посредством формирования комплекса представлений, связанных с нижними земляными бревнами и верхним черепным венцом, то есть головой.

В ряду основных объектов, моделирующих вертикальную систему мироздания, следует сакральный центр жилища – очаг, который является связующей точкой в структуре Космоса, и огонь связан с небом пуповиной. Опорные столбы жилища, также являются объектами сакрального центра, и их символика связана с образом Мирового дерева.

Проанализировав работы ученых, которые рассматривали жилище бурятского народа, можно сделать вывод о том, что тело человека и жилище являются центром мироздания, космосом в уменьшении и в соответствии с этим они соотносятся между собой.

Таким образом, из всего вышесказанного обнаружена прямая связь между названиями элементов конструкций жилища и частями тела человека.

Элементы жилища функционируют подобно человеческим органам и поддерживают жизнедеятельность, как самого жилища, так и его обитателей.

Использованная литература

1. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят / Бабуева В.Д. – Улан-Удэ: ОАО Твер. Полиграф. Комбинат, 2004. – 228 с., ил.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / Байбурин А.К. – Ленинград : Наука, 1983. – 192 с.
3. Басаева К.Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984. – 187 с.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца, горца / Гачев Г.Д. – М. : Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
5. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Жуковская Н.Л. – М. : Вост. Лит., 2002. – 247 с.
6. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / Лелеко В.Д. Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2002. – 320 с.
7. Мазалова Н.Е. Состав человеческий в традиционных соматических представлениях русских Мазалова Н.Е. – СПб. : Петерб. Востоковедение, 2001. – 192 с.
8. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П.Зиновьев. Новосибирск, 1987. - 320 с.
9. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят / Содномпилова М.М. – Иркутск : Рекламно- Полиграфический центр «Радан», 2005. – 218 с.

УДК 398(571.54)

Э.А. Неманова

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТФОЛЬКЛОРА БУРЯТИИ

POSTFOKLORE OF BURYATIA: PERSPECTIVES OF INVESTIGATION

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы современных этнографических исследований, аспекты функционирования традиционных культур и перспективы исследований постфольклора Бурятии, и Улан-Удэ, в частности.

Summary. The paper discusses problems of modern ethnographic research, different aspects of traditional cultures and perspectives of “postfolklore” investigations in Buryatia and Ulan-Ude .

Ключевые слова: этнография, фольклор и постфольклор, городская культура.

Keywords: ethnography, traditions, folklore and postfolklore, urban culture.

Прежде чем, обратиться к обсуждению данной темы, сформулированной в заглавии статьи, хотелось бы сказать о том, что возникла она в ходе дискуссии профессорско-преподавательского состава кафедры Этнологии и фольклора ВСГАКИ. Такие курсы как «*Местные регионально-певческие традиции*», «*Методология и методы исследования НХК*», «*Методика исследования текста культуры*», «*Методика собирания и расшифровки народной музыки*» преподаваемые на кафедре дают необходимый инструментарий для этнографических исследований. Основная проблема заключается в выборе так называемого «поля», которое в классическом понимании подразумевает под собой некую деревню/село в котором и собирались образцы песенного или устного народного творчества.

Как отмечает С.Ю. Неклюдов «дело в том, что именно культурная монолитность патриархальных сельских сообществ, консерватизм их социальных структур и установлений обусловили важнейшие родовые качества того фольклора, с которым привыкли иметь дело исследователи» [1]. К тому же на сегодняшний день респондентов/истинных носителей фольклорной традиции осталось мало или они проживают в удаленных от города районах. Близлежащие к г. Улан-Удэ деревни с сильной фольклорной традицией достаточно хорошо изучены, при этом традиционная культура для участников народных ансамблей и жителей, начиная с 2000-х гг. является основой коммерческой и рекреационной деятельности, и, в основном, выражается во множественных эффектах фольклоризации и экзотизации культурного пространства.

В действительности, процесс изучения и сохранения традиционной культуры сложен и достаточно трудоемок. В этом процессе ведущее значение уделяется аспекту популяризации, в котором неизбежны заблуждения и затруднения, большинство из которых носят основополагающий характер.

Основное заблуждение состоит в том, что фольклор и традиции как русских («семейских» и казаков), так и бурят представляются как нечто, относящееся к прошлому. В этом случае, «корни нашей культуры», которые «следует возрождать» становятся объектом ностальгии и иногда объектом

спекуляций. Такого рода популяризация зачастую реализуется в различных программах: «дней города», «народных праздничных гуляний» и пр. Несомненно, в традиционной культуре, как и в области искусства в целом, есть физическая часть, которую уже нельзя больше рассматривать и которой нельзя больше пользоваться так, как раньше; она больше не может находиться вне влияния современной теоретической и практической деятельности.

В этом, смысле видится непродуктивным обсуждение положительных или отрицательных сторон данного явления, в целом, развивающегося в рамках *постфольклорной традиции*, возникновение которой, в первую очередь увязывается с появлением новых информационно-коммуникационных технологий, таких как запись, хранение, трансляция звука и изображения. Несомненно, то, что становление основных видов и жанров традиционного искусства и творчества, их практическая фиксация происходили в эпоху, существенно отличающуюся от современной. Современные технические возможности, приобретенные ими гибкость и точность позволяют утверждать, что культура обретает новые знаково-символические выражения, особенно среди городского населения.

Постфольклорное направление в отечественной гуманитарной науке начало складываться в 1980-1990-е гг., с появлением исследований городского фольклора и городской этнографии, в целом. Вопросам формирования оригинальных черт общественно-политического и культурного пространства г. Улан-Удэ посвящены многие работы, среди которых выделяются труды Д.Д. Амоглоновой, Т.Д. Скрынниковой, К. Хамфри, С.Д. Батомункуева. При этом, вопросы бытования фольклора в городе и процессов взаимовлияния городской и сельской культуры не становились объектом комплексного исследования.

Основными объектами постфольклорных исследований в Бурятии и Улан-Удэ могут стать образцы песенного творчества, такие как городской романс, частушки, образцы детского фольклора, а также, так называемые «парафольклорные» формы - продукты языкового новаторства. Следует отметить что, частушки (бур. *ондоргон дуун/шог дуун*) широко распространенные во всех локальных культурах бурят не становились объектом специального изучения и, вследствие этого практически не зафиксированы в этнографической литературе. Причиной этого мог стать тот факт, что содержание большинства таких частушек носит достаточно «скабрезный» характер и поэтому старшее поколение старалось не озвучивать и не пояснять их значение молодым и незнакомым людям. Так же дело обстоит и с анекдотами. Исследователями практически не затрагивается вопрос о появлении новых языковых форм в современном

бурятском языке, которые активно используются среди молодежи. По определению, данному С.Ю. Неклюдовым «пост-фольклор как объект изучения относится к так называемой третьей культуре, которая дистанцирована и от культуры элитарной, официально санкционированной, и патриархальной сельской ("традиционно-фольклорной"). В свою очередь она включает гетерогенные и гетероморфные элементы - и массовую культуру как таковую, производимый профессионалами "для сбыта", и низовой фольклор, создаваемый самими носителями "для потребления"» [1].

Актуальность изучения и фиксации городского фольклора Улан-Удэ обусловлена, прежде всего, тем, что на протяжении всей его истории здесь взаимодействовали различные культурные традиции (бурятские, русские, старообрядческие, казачьи и т.д.), формируя специфический культурный текст и/или фольклорную традицию. «Понятие –фольклорная традиция» включает, по крайней мере, четыре аспекта: –еубстанциальный”, –етруктурный”, –технологический”, –рагматический”. Первый определяется содержательными характеристиками (картина мира, концепты, символы, образы), второй - морфологической организацией составляющих ее текстов, третий - способом их коммуникации (хранение, передача и воспроизводство сообщений), четвертый - спецификой их функционирования» [2]. Таким образом, тщательный историко-генетический и семантический анализ постфольклора Улан-Удэ позволит проследить логику развития культурных реалий и представлений, сложившихся на территории Бурятии, включая связь с внешней средой и обратную связь.

Примечания

1. Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov7.htm> // 12.07.2014
2. Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура, 2002, № 3, с. 3-7
3. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор на асфальте // <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipovaneckludov1.htm> // 10.08.2014

УДК 94 (5 Кит)

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

GENDER RELATIONSHIPS IN THE FAMILY CULTURE OF CHINA

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов гендерных отношений в семейной культуре Китая. Семья считается одним из четырех фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. Семья - неотъемлемая часть общества, и невозможно уменьшить ее значение. Гендерные взаимоотношения между взрослыми мужчинами и женщинами в рамках семьи могут быть организованы по принципу супружеских или по принципу родственных связей.

Annotation. The article considers some aspects of gender relationships in the family culture of China. The family is considered to be one of the four fundamental institutions of society, giving it stability and a possibility of the population reproduction. The family is an integral part of society, and it is impossible to reduce its value. Gender relationships between adult men and women within the family can be organized on the basis of marital or blood ties.

Ключевые слова. Гендер, гендерные отношения, семейная культура, семья, китайская традиционная семья.

Keywords. Gender, gender relationships, family culture, traditional Chinese family.

До настоящего времени многие науки лишь условно могут претендовать на целостность знания о человеке, так как изучение многоаспектного проявления бытия ведётся в рамках отдельных специализаций (культурология, история, философия, психология, социология, и др.). В условиях, когда не существует общей теории человека, весьма популярной и актуальной становится междисциплинарная траектория гендерного познания человечества, которая сориентирована на исследование мотивов, характеристик и смыслов поведения мужчин и женщин, взятых в историческом развитии. Именно сомнение в социокультурной и исторической неизменности в положении мужчин и женщин, вызвало к жизни необходимость в новом понятии, которое бы раскрывало природу пола не столько с биологических позиций, сколько с социокультурных. Этим можно объяснить введение в поле научного дискурса категории «гендер».

В гносеологическом плане понятие «гендер» происходит от греческого слова «генос» - происхождение, материальный носитель наследствен-

ности, в какой-то степени оно соответствует русскому понятию «род». Поэтому в основу гендерного анализа положен не только опыт пола, но и опыт рода в целом, в котором рассматривается женский социум в качестве части человечества. В переходные периоды развития общества на первый план выходят традиционные ценности - те, которые сохраняют свою значимость для социума независимо от существовавших и существующих идеологических установок. Этнические, конфессиональные, семейные и гендерные ценности сохраняют свою устойчивость независимо от происходящих в обществе изменений и могут быть использованы политическими силами в равной мере и для интеграции, и для дезинтеграции общества.

В настоящее время семья переживает сложные трансформационные процессы. Формирование в развитых странах в последние десятилетия новых эгалитарных межполовых взаимоотношений обусловило появление качественно отличных от ранее существовавших ситуаций во всей брачно-семейной системе. Распространившиеся сегодня взгляды на взаимоотношения мужчины и женщины в браке, распределение семейных обязанностей, дифференциация труда в публичной и частной сферах позиционируются как добровольный социальный контракт равноправных агентов. Сложность в том, что подобный социальный контракт основывается на сложившихся традиционных представлениях о содержании половых ролей, подкрепленных убеждениями в «природном» предназначении полов.

Фундаментом этих перемен являются радикальные сдвиги в ролевых и статусных позициях мужчины и женщины как системообразующих начал институтов брака и семьи. С одной стороны, усиление неформального начала семейно-брачных отношений, а также универсализация гендерных ролей приводит к потере устойчивости браков, к масштабному падению уровня брачности и рождаемости. Главным субъектом такого общества становится не семья, а индивид, личность. С другой стороны, отказ от строго нормативного общественного регулирования семейной жизни людей предоставил возможность устанавливать гибкие, подвижные, удовлетворяющие интересы представителей обоих полов гендерные границы, смоделировать разнообразные семейно-ролевые конструкты с позиции гендерных взаимоотношений [5, с.147].

Наиболее масштабное влияние на семью и семейную культуру имеет возросшая эмансипация индивидов, особенно женщин, (названная Бердяевым «кризисом родового начала»), и обострение проблем, связанных с кризисом институтов традиционной семейной культуры, проявляющихся в трансформации гендерных ролей в семье и формировании эгалитарных отношений; изменение репродуктивных установок семьи, связанных с изменением роли женщины в семье и обществе и ее эмансипацией; снижение стабильности семьи и прочности семейных уз вследствие появления возможно-

сти выбора различных семейных стратегий и многократного поиска семейного счастья; многообразие типов семейного поведения и организации семьи [5, с. 190].

Одной из древнейших цивилизаций, просуществовавшей тысячелетия и сохранившей, несмотря на все, катаклизмы, свою целостность и своеобразие, является китайская цивилизация, сформировавшаяся в бассейне рек Хуанхэ и Янцзы. Каждый четвертый на Земле – китаец, поэтому, возможно, китайская система воспроизводства населения - самая удачная, и к ней следует внимательно присмотреться. Сегодня Китай - одно из самых динамично развивающихся государств мира. Интерес к данной стране отнюдь не исчерпывается её колоссальными достижениями в сфере экономики. И специалистов, и неспециалистов привлекает богатое культурное и историческое наследие Поднебесной. Сохранение этого наследия, включение его в современную жизнь формирует особый, отличный от Запада путь развития китайского общества, в котором традиция и новация очень тесно переплетены между собой. Семейная организация китайцев, активно вовлечённая в процессы социальной модернизации, - яркий пример такого взаимодействия.

На протяжении столетий заключению брака и функционированию семьи в Китае придавалось особое значение. Семья представляла собой государство в миниатюре, где отец считался «представителем» императора, и нарушение домашних устоев рассматривалось как нарушение устоев государственных. Отношения в семье, равно как и между государством и чиновниками, базировались на нормах конфуцианской морали. О женитьбе детей родители начинали думать ещё задолго до достижения ими половой зрелости. Главной целью брака было продолжение генеалогической линии, что, согласно традиционным верованиям, обеспечивало заботу не только о ныне здравствующих членах семьи, но об усопших предках. Культ предков и традиция сыновней почтительности создали в Китае подлинный культ семьи, являвшийся основой функционирования общества.

На протяжении длительного времени исторического развития общества в мировом масштабе семья имела патриархально-авторитарный характер. Многие черты традиционной семьи, присущие и китайской семейной культуре, имеют четкое гендерное распределение в семье между супругами, родителями и детьми при доминирующей роли мужчины (отца, мужа, старшего брата), братьями и сестрами; экономическая зависимость жены и детей от мужа – главы семьи; двойной стандарт в отношении женщин; подчинение ее сексуальности репродуктивным функциям и отрицание ее как таковой у женщины; неприемлемость в общественном сознании развода и нетипичных форм семейно-брачных отношений и т.д. [5, с 69].

Традиционная модель семейной организации в Китае характеризовалась патриархальностью, патрилинейностью (родство прослеживалось по отцовской линии) и патрилокальностью (супруги жили вместе или рядом с семьей родителей мужа). Она сформировалась на основе конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между различными категориями родственников по крови и браку, культуре предков и учении о сыновней почтительности (сяо). Основой традиционной системы семейных отношений являлся брак как легитимное признание союза мужчины и женщины и рожденных в нем детей. В семье соблюдалось «пять постоянств»: отец должен был следовать долгу и справедливости, мать — источать милосердие, старшие братья — питать к младшим дружеское расположение, младшие — относиться с уважением к старшим, и все сыновья — почитать родителей и вообще старших [1, с.86]. Установленные конфуцианством представления о семье не подвергались сомнению на протяжении более чем двух тысячелетий.

Посттрадиционная модель семьи в Китае характеризуется равенством супругов, билатеральностью родственных связей, неолокальностью [4, с.189]. Широко распространенная прежде расширенная семья, в состав которой входили как минимум две супружеские пары (пара родителей и семейная пара старшего сына), а также не состоящие в браке дети, уступила свое место нуклеарной семье, включающей супругов и их детей, не состоящих в браке. По данным Всекитайской переписи 2000 года в КНР на тот момент насчитывалось 348,37 млн. семей, средний размер семьи – 3,44 человека, в 2005 году эти показатели составляли 398,98 и 3,13 соответственно [4, с. 167]. Нуклеарные семьи составляют около 70% от общего числа всех китайских семей.

Анализ новых явлений в современных семейно-брачных отношениях в Китае позволяет говорить о кардинальных изменениях, произошедших в этой сфере. Шкала семейных ценностей стала иной: влияние традиционных норм и ценностей постепенно уменьшается. Традиционное общество воспроизводит свою структуру в практически неизменяемом виде, только в случае каких-то природных или социальных катаклизмов появляются новации, принципиально не меняющие его суть. Индивид в нем — неотделимая часть семейно-родственной группы (патриархальный клан цзунцзу), вне семьи он воспринимался как маргинал. В современном обществе первостепенное значение получают личные, индивидуальные, уникальные качества и умения каждого человека, от способности быть не таким как все зависят его конкурентоспособность на рынке труда и успешность в карьере. Житель современного Китая имеет возможность формировать социальные связи вне семьи и семейно-родственной группы. Кроме того, в посттрадиционном об-

шестве действуют механизмы свободного осознанного выбора жизненного пути, стиля жизни, а также брачного партнера.

Примечания

1. Думан Л. И. Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до нашего времени) / Л. И. Дулман. - [Электронный ресурс] // М., 1976. - URL: <http://ahmerov.com> (дата обращения: 02.08.2014 гг).

2. Жеребкина И. А. Введение в гендерные исследования [Электронный ресурс] // Под ред. И. А. Жеребкиной —Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Але-тейя, 2001.- URL: <http://www.ecsocman.edu.ru> (дата обращения 13.05.2012 гг).

3. Почагина О. В. Модели семейной организации в Китае и на Филиппинах / О. В. Почагина. – М.: Наука, 1997. – 302 с.

4. Хьюман Ч. Инь-Ян: Китайское искусство любви / Ч. Хьюман, В. Ву. – М. : Алтейя, 2000. – 120 с.

5. Широбокова А.А. Семья как социальный институт / А. А. Широбокова, С. В. Уралова // Гендер и общество. – Иркутск, 2001. – С. 5-191.

УДК 392.5

П.Б. Замураева

СЕМЬЯ И БРАК В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ: ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

FAMILY AND MARRIAGE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS: CHARACTERISTICS OF GENDER RELATIONS

Аннотация: В статье рассматриваются особенности брачно-семейных отношений в традиционной культуре бурят: структура бурятской семьи, патриархальные традиции и обычаи, свадебная обрядность. Они регламентировали частную и общественную жизнь человека, половозрастную субординацию, поддерживали патриархально-доминантную модель гендерных отношений, основанную на главенстве мужчины в семье и обществе.

The article is devoted to the specifics of family relations in the traditional culture of the Buryats: the Buryat family structure, patriarchy traditions and customs, marriage rituals. They regulated private and social life, gender and age behaviour, supported a patriarchal model of gender relations based on a leading role of man in the family and society.

Ключевые слова: гендерные отношения, традиционная культура, семья, брак, свадебные обряды.

Keywords: gender relations, traditional culture, family, marriage and marriage rituals.

Именно семья и семейные идеалы закладывают основу, стержень и принципы, которыми руководствуется человек на протяжении всей своей жизни. Сложившиеся в процессе исторического опыта правила поведения в семье и обществе, наследие духовной культуры усваиваются каждым поколением с раннего детства. Последовательное усвоение норм поведения в духе этнических традиций является основой в формировании и развитии гендерных отношений.

В традиционной культуре бурят бытовала большая неразделенная семья, патриархальная домашняя община. Структура бурятской семьи складывалась из нескольких поколений кровных родственников по восходящей и нисходящей линиям: из поколений старых родителей, их женатых сыновей, внуков и правнуков. В состав семьи могли входить и родственники по боковой линии: дяди, тетки, жены главы семьи, его неженатые родные или двоюродные братья, племянники.

Следует указать, что одиночки, не имеющие своей семьи, вдовы или вдовцы, сироты не оставались без присмотра или приюта, они жили с близкими или дальними родственниками. Н.М. Астырев, характеризуя бурятский быт, писал: «Эти слабые члены родовой общины содержатся всем родом, переходя из избы в избы, из юрты в юрту, живя в каждом определенное число дней, и в каждом являясь равноправным членом семьи, имеющим место у очага, у котла с арсой или чаем, получающим от хозяина кусок мяса такой же величины, как и прочие куски, которые раздаются сыновьям и дочерям» [1, с. 38-39].

Для бурятских семей было характерно, чтоб старики-родители жили с одним из сыновей, обычно с младшим. Все дети должны были обеспечить им спокойную старость. В случае, когда сыновей не было, родители оставались с младшей дочерью, которая становилась наследницей отцовского хозяйства и брала в дом мужа-примака. При наличии сыновей перейти на житье в дом к дочери означало «опозорить имя, оскорбить свой род».

Взаимоотношения всех членов семьи определялись патриархальными традициями, определяющими главенство и авторитет отца семейства. Отец считался полным и единоличным хозяином всего состояния. Главенствующая роль в принятии важных решений принадлежала мужчине – отцу или старшему из сыновей, что ни сколько не умаляло роли женщины в решении семейных вопросов. Авторитет матери, как и отца, был высоким, что объяснялось производственными функциями женщины, обеспечением се-

мый основной продукцией жизнедеятельности. Мать в семье пользовалась большим уважением и почетом со стороны детей. Непослушание, неуважительное отношение к ней считалось совершенно недопустимым.

Отношения между супругами внешне характеризовались сдержанностью. Ласковое обращение с женой, особенно при посторонних, считалось у бурят не достойным мужчины. Однако избиения, издевательства и грубый деспотизм были исключительными явлениями в бурятском быту. От женщины требовалось во всем поддерживать мужа, быть мягкой, заниматься хозяйственной деятельностью, не пререкаться с родственниками мужа. От мужчины требовалось обеспечение семьи материально: деньгами, пропитанием. Считалось, что мужчина должен соотносить свои слова с выполненными делами, мужчина давший слово и не выполнивший его, терял всякое уважение и доверие.

Главной задачей для родителей являлась женитьба детей по достижению ими брачного возраста. В выборе невесты или жениха большое значение придавали «удха» (происхождение), т.е. из какой семьи происходили парень или девушка. Существенную роль играло трудолюбие и работоспособность отдаленных предков жениха и невесты. Считалось, что их наследственность может влиять на здоровье и характер будущих детей.

Немалое значение имели и личные качества молодых, особенно невесты: ее здоровье, работоспособность, умение справляться с домашним хозяйством, мастерство в шитье, вышивании и т.д. (хурдан, хурса, бэрхэ, шадмар – быстрая, расторопная, умелая, смекалистая). В течение длительного времени у бурят сформировалась система воспитания девочек. Основопологающим в этой системе воспитания является идеал добропорядочной невестки, жены, умелой хозяйки, заботливой матери. То же самое относилось и к жениху. Пользовались уважением мужчины работающие, физически сильные, обладающие какими-либо способностями, мастера-умельцы. Поскольку как «удха», так и личные качества невесты и жениха играли немаловажную роль, часто бывало, что состоятельные люди брали невестку или зятя с хорошими качествами из бедной семьи. Их происхождение и личностные положительные качества могли способствовать появлению здорового потомства [2, с. 81-89].

После того, как устанавливалось, что кандидатуры жениха и невесты соответствуют требованиям сторон и выяснялось согласие родителей невесты, осуществлялась официальная церемония сватовства, и определялся размер калыма. Длительность периода между сватовством и свадьбой зависела от следующих факторов: выплаты калыма, значительная часть которого уходила на приготовление приданого, и возраст жениха и невесты. Если сватовство и выплата калыма проходили благоприятно и вовремя, брачующиеся стороны готовились к свадьбе.

Особое внимание уделялось проведению свадебных обрядов, которые сохранили много элементов, их истоки уходят в глубокую старину. Свадебная обрядность состояла из трех этапов, включающих досвадебные, свадебные и послесвадебные обряды. Смысл каждого из досвадебных обрядов заключался в принятии и приобщении жениха к роду невесты, эти обряды представляли собой, пережиток матриархальных отношений. Основным смыслом обрядов свадьбы заключался в приобщении невесты к роду жениха, умилоствлении родовых духов и божеств, чтобы они приняли невесту под свое покровительство, обещании невесты подчиняться роду жениха в лице его старших родственников, обязательства соблюдать все семейные и религиозные предписания в юрте свекра и т.д.

Суть послесвадебных обрядов у бурят-шаманистов заключалась в приеме невесты в разряд замужних женщин, а у буддистов в более тесном объединении роднящихся сторон. В целом большая часть обрядов свадебного церемониала была связана с религиозными воззрениями, предохранительной магией, культом предков и домашних божеств – покровителей родовых территорий, культом огня, которые должны были охранять молодую семью и их детей от разных невзгод [5, с. 110-111].

Процесс бракосочетания заканчивался приводом невесты в дом жениха. Множество норм и обычаев регулировали поведение невестки в доме мужа. В доме жениха невестка должна была придерживаться обычаев избегания по отношению ко всем старшим родственникам мужа, в особенности к свекру. Невестка не имела права проходить на мужскую половину в юрте свекра.

Следует указать, что в традиционной культуре бурят жилище – юрта традиционно делилась на мужскую и женскую стороны. Западная, правая сторона юрты (левая при входе) традиционно считалась «мужской» стороной, а противоположная ей – «женской». Правая сторона считалась почетной, здесь принимали гостей, мужчин, женщинам, относящимся к чужому роду (невесткам) запрещалось проходить на нее. Дочерей этот запрет не касался. Левая сторона представляла собой символ чужеродности и ассоциировалась с чужеродностью невестки. Запреты, осложнявшие поведение женщин в повседневном домашнем быту, продолжались до тех пор, пока не становились подростками ее дети. Тогда устраивался специальный обряд снятия этих запретов, после которого невестка получала право проходить на мужскую половину в юрте свекра и свободно передвигаться по ней, не пытаясь назад.

Таким образом, патриархальные запреты и обычаи избегания, предъявляемые к женщине, определяли в большинстве случаев уважительное отношение к старшим членам семьи, служили устранению конфликтов, которые могли произойти из-за недозволенных половых связей, при этом их

должны были придерживаться не только невестки, но и все остальные члены семьи и всего родственного коллектива.

Итак, согласно принятым в традиционном бурятском обществе обычаям полноценным человеком, мужчиной, юноша становился после женитьбы, принимая основной житейский долг продолжения рода. Назначение девушки определялось замужеством, материнством, обязанностями семейного быта. Замужество женщины, как и женитьба мужчины в традиционной культуре бурят символизировала окончательное оформление женского и мужского статуса. Обеспечивало мужчинам переход в категорию полноправных членов общины, так как мужчина, имевший большую семью, пользовался в обществе почетом и уважением. Женщины после замужества и рождения детей также переходили в новую для себя категорию - благополучной, приобретали наивысший женский статус в традиционном бурятском обществе.

Список литературы:

1. Басаева, К. Д. Семья и брак у бурят: (вторая половина XIX – нач. XX вв.) / К. Д. Басаева ; отв. ред. П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. – 192 с.
2. Васильева М.С. Этническая педагогика бурят и глобализация: монография / М.С. Васильева. – Улан-Удэ: БГУ, 2009. – 245 с.
3. Дондокова, Л. Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX вв.) : монография / Л. Ю. Дондокова. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. – 208 с.
4. Материалы по большой семье и браку // Арх. ЦВРК ИМБИТ СО РАН. Ф. 36 (С.П. Балдаев). Оп. 1. Ед. хр. 1004. Л. 40.
5. Цыренова Д.В., Бабуева Ц.М. Материальная и духовная культура бурят / Д.В. Цыренова, Ц.М. Бабуева. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2010. 120 с.

УДК 81:39:94(57)

Ю.Ф. Прокопьева

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГИДРОНИМИИ ЦИРКУМБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА A STRATIGRAPHIC ASPECT OF TSIRCUMBAIKALSKY REGION HYDRONYMY RESEARCH

Аннотация Эта статья описывает стратиграфические пласты гидронимии Циркумбайкальского региона. Названия географических

объектов определенной территории, т.е. топонимическая система, складывалась веками, на разных языках и связана с самыми разнообразными сферами человеческой деятельности.

This article describes the stratigraphic layers of hydronymy of Tircumbaykalsky region. Geographical names of the defined territory, i.e. a toponymic system, have evolved over the centuries, in different languages and is associated with a variety of spheres of human activity.

Ключевые слова: стратиграфия, топонимика, гидроним.

Keywords: stratigraphy, toponymy, hydronym

Топонимия любого региона является отражением истории заселения края. Вследствие чего для исследования ономастического материала очень важен историко-культурологический метод, «поскольку возникновение и вся последующая история имен собственных нерасторжимо связаны с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью» [1, с.42].

Географические названия явление историческое, так как они возникли в исторически определенных социально-экономических условиях; рождение, изменение и отмирание их связано с развитием и изменениями исторической обстановки. Топонимы отражают факты исторического процесса: передвижение, столкновение, смешение и ассимиляцию племен и народов. Они свидетельствуют о некоторых сторонах культурной, экономической жизни народов, например, указывают на очаги древней металлургии, на образ жизни и род занятий народов.

Этимология и семантика топонимов раскрывают некоторые, весьма интересные, черты современного географического ландшафта, а также топонимические свидетельства географических условий прошлого. Топонимы указывают на изменения и преобразования географического ландшафта или его отдельных элементов под влиянием человека. Собственные географические имена и нарицательные географические термины, относимые к тем или иным географическим объектам и явлениям, отражают в себе те или иные черты географического ландшафта, выраженные средствами языка.

Названия географических объектов определенной территории, т.е. топонимическая система, складывалась веками, на разных языках и связана с самыми разнообразными сферами человеческой деятельности. Среди них

есть топонимы, постепенно сформировавшиеся в определенном языке в ходе его развития, и названия, специально созданные для наименования данного объекта, названия, заимствованные из других языков, и названия, унаследованные от народа, обитавшего на данной территории в прошлом. Топонимы иногда оказываются единственным, неоспоримым свидетелем о давно минувшем факте. Например, о проживании котов в бассейне р. Бирюса и в других местах можно судить только по топонимическим данным.

Белорусский топонимист В.А. Жучкевич пишет: "Каждое название своего рода исторический документ или памятник, своеобразие которого состоит в том, что он узнается нами сквозь призму языка" [2, с.143]. Каждая историческая эпоха, по мысли исследователя, характеризуется своим "топонимическим словарем", так как для каждого исторического развития общества характерны свои особенности материальной и духовной культуры. Например, различия в способах ведения хозяйства влияли на смысл названий, даваемых рекам. Если какой-либо народ использовал реки, прежде всего как пути сообщения, то типичными гидронимами были слова со значениями "Тихая река", "Правая", "Левая" и т.д. Если же население занималось рыболовством, то существенны другие названия: "Рыбная", "Безрыбная", "Щучья" и т.д.

На территории Циркумбайкальского региона на протяжении многих веков менялись исторические условия: происходили сложные общественные процессы – столкновение, передвижение и смешение различных по языку народов и племен. В длительном водовороте общественных событий и скрещивания языков происходило формирование топонимии края. При этом каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию края новое на своем языке, изменяла и модифицировала структуру прежней топонимии. Иногда эти видоизменения были настолько сильными, что форма и смысл некоторых древних топонимов дошли до нас в искаженном до неузнаваемости виде (Лена, Енисей, Сибирь).

Исторические условия – главный фактор становления и дальнейшей судьбы топонимов, которые возникают в связи с практической, жизненной потребностью общества. Такая потребность у людей могла возникнуть еще на первобытной стадии развития в связи с необходимостью различать одну местность от другой, ориентироваться на местности, где древний человек добывал продукты питания, занимался собирательством, где находил благоприятные условия для жизни.

Известно, в отличие от всех видов топонимов гидронимы в массе своей более устойчиво сохраняются во времени. Поэтому свидетельства

гидронимии представляют собой неоспоримую ценность для истории, культурологии. Названия озер, крупных рек и их притоков свидетельствуют об этническом составе древнего населения, обитавшего по их берегам, о племенных территориях и тотемах, о миграциях и путях миграций древних племен, о сменах населения на одной и той же территории.

Устойчивость гидронимии вовсе не означает, что одно и то же название не меняется во времени. Как, уже отмечалось, порой оно меняется до неузнаваемости. Тем не менее, сопоставление названий водных объектов на разных территориях и метод реконструкции позволяют восстановить исходные формы гидронимов.

Многие названия водных объектов связаны с этнонимами, т.е. именованями этнических групп, племен, народностей, наций. Эти две категории имен – гидронимы и этнонимы – имеют большое значение для этногенетических исследований. Под этногенезом понимаются происхождение какого-либо народа, начальные этапы его возникновения и дальнейшее формирование его этнографических, лингвистических и антропологических особенностей. Наиболее древними именами в период этногенеза можно считать названия крупных рек и озер и названия племенных группировок.

Как уже отмечалось, состав географических названий сильно изменяется, когда на одной и той же территории во времени сменяется племенной, национальный состав населения. Поэтому обновление топонимии вполне закономерно и неизбежно. Известно, что этот процесс может протекать в следующих направлениях:

1. Полное сохранение существующей топонимии и образование нового пласта на языке пришельцев.
2. Приспособление иноязычных топонимов к языку пришельцев.
3. Калькирование, то есть буквальный перевод смысла прежних топонимов на язык пришельцев.
4. Перенесение топонимов с прежнего места жительства на новое.

Как отмечает В.А. Бондалетов, «при историческом исследовании ономастики можно идти двумя путями: 1) от прошлого состояния к настоящему (перспективный подход) и 2) от современного к прошлому (ретроспективный)» [3, с.43]. Основной задачей исторического анализа является определение ономастических пластов по их языковой принадлежности. «Стратиграфический аспект изучения имен собственных имеет большое значение, как для лингвистического описания конкретного языка, так и для получения дополнительных сведений историко-этнографического плана о том или ином народе» [4, с.60]. На основе данных

этнической истории исследуемого ареала, путем лингвистического, этимологического анализа выделяются следующие стратиграфические пласты: палеоазиатский и самодийский субстрат, тюркоязычный, тунгусоязычный, монголоязычный и славяноязычный пласты.

Палеоазиатский, самодийский субстрат

Древнейшие следы деятельности человека на территории вокруг Байкала относятся к верхнепалеолитическому времени, около 25-15 тыс. лет назад. О пребывании этих древних охотников свидетельствуют остатки их поселений в долине р. Ангары у с. Буреть и р. Белой у с. Мальта. Основу их жилищ составляли бивни мамонта, кости носорога и рога северных оленей. Это говорит о том, что в этих местах не было леса, кругом расстилалась степь или тундра. На этих стоянках найдены женские статуэтки из бивня мамонта, напоминающие подобные изделия у народов Севера – чукчей и эскимосов.

К палеоазиатам относится группа малочисленных народов северной и северо-восточной Сибири: чукчи, коряки, ительмены, юагиры, кеты, эскимосы, юги, котты, ассаны. Эти племена говорят на енисейских языках. По соображениям этноисторического характера некоторые исследователи относят енисейские языки к палеоазиатским.

О древнем ареале енисейских языков, их диалектном членении можно судить по гидронимическим данным. Прежде всего по формантам, обозначающим реку: кет. *сес*, котт. *шет/ чет*, арин. *сет*, пумпокол. *тет*, ассан. *ул* – букв. ‘вода’. Коттские гидронимы встречаются в басс. рек Уда (Чуна), Бирюса: Тайшетка, Тагул, Агул, Улка; в басс. р. Ия: Ангаул, Улир; в Забайкалье: Улей, Большой Улилей, Улутуй, Ульдурга. Коттские гидронимы относятся к сравнительно мелким географическим объектам – небольшим речкам. Как показывают примеры, эти названия двусложны: первый компонент термин, а второй определение (Тайшет, Ингашет, Туманшет). Гидронимы этого типа распространены на обширной территории от Курейки на севере до Алтая и истоков Енисея на юге и от Иртыша (в р-не р. Тара) на западе до р. Бирюса на востоке. Учитывая относительно позднее передвижение кетов в северные широты и наличие разных енисейских языков в верховьях Енисея, правдоподобно заключение о более южном распространении енисейских языков в прошлом и о характерных связях носителей этих языков с древними культурами Саян и Центральной Азии.

Взаимолияние древнетюркского и кетского языков явилось следствием исторического взаимодействия (Улутуй – древнетюрк. *ул* – ‘вода’, ‘река’, кет. *ут* – ‘извилины реки’). В XII-XV вв. в связи с миграцией тюрков и монгольских племен, енисейцы были вытеснены в северные районы, ниже по течению Енисея, где и расселились по берегам реки и по ее притокам. Мельхеев М.Н., Долгих Б.О., Гурулев С.А., по данным

топонимики, указывают на расселение кетаязычных народов в верховьях рек Ангары, Лены и Витима. Наличие гидронимов на – ул в топонимии Забайкалья: Улей, Большой Улилей, Ульдурга подтверждает сведения о былом расселении здесь кетоязычных ассанов. Юги, один из палеоазиатских народов, проживали в Прибайкалье и Забайкалье, о чем свидетельствуют ойконим Юговское и гидроним Югал.

В топонимии исследуемого ареала имеется достаточное количество гидронимов, семантика которых соотносится с данными самодийских языков. В гидронимах могут быть выделены следующие компоненты:

-ба – от камасинского бу, маторского бы, что означает вода, река'. В местах былого расселения самодийцев встречаются гидронимы в бассейне р. Оки – *Дибби (Дэби)*, в бассейне р. Утулик – *Шибитуй*, в бассейне р. Утхума – *Дербул, Холба, Шибит*;

ба – в препозиции: *Багунга, Бада, Бадалма, Батама* и другие реки с подобными названиями в бассейнах рек Оки, Уды, Бирюсы;

-ва – (коми) сырой, мокрый – *Сайва, Суво, Яхва*;

-га/нга жилище, селение – *Ашинга, Верх. Сувельга, Ишага, Каренга, Куренга, Ненюга*;

-гра/хра – *Большая Яхра, Имагра, Унгра*;

-да – *Елкинда, Саунда, Унда*;

-дурга – *Мундурга, Ульдурга, Ундурга*;

-ма – *Ахтарма, Гичторма, Индерма, Пойма, Тальма, Урма, Хадама*;

ой – (тоф.) малая река образуют много гидронимов, Камынный-ой или Камнык-ой (теперь Каменка), Катытынныг-ой (Катошная), Пак-ой (Богой), Ар-ой (Оргой) и т.п.;

-сат – *Апсат*;

чу – (самод.) река в русской адаптации нередко принимает форму ча – *Чавида, Чавори, Чула, Чуна, Чуня, Чуюнго, Чуя*;

ша – *Икша, Шакша*;

я – (манс.) река – *Акуя, Алхя, Веря, Дая, Жуя, Иля, Лубия, Лудия, Салия, Сухая Антия и т.д.*;

Самодийские племена, распространяясь на север из Южной Сибири, вступили в контакт с проживающими здесь до них аборигенным населением Севера, возможно далекими предками палеоазиатов. На Саянах проживают ныне сойоты и тофалары, которые относятся к самодийским народностям. В эпоху тюркских каганатов они были ассимилированы, как и сойоты бурятами.

Самодийские племена до ассимиляции представляли собой местные древние племена, обитавшие в тайге, в соседстве с кетами. Исследователями установлено, что 60% всех топонимов Прибайкалья по происхождению самодийские. Многие топонимы Присаянья и Приангарья осмысливаются

от самодийских этнонимов: Саян, Бирюса, Кирей, Туба, Тофа (Тофалария), Сойот, Сайгуты в бассейнах рек Куда, Иркут, например: Каштак – местность в пригороде Иркутска – ‘горный ручей’, Ока – ‘быстрая река’, Ия – ‘вода’.

Появление гидронимов, семантическое значение которых объяснимо из самодийских языков, связано с миграционными процессами. Как уже отмечалось ранее, самодийские племена до ассимиляции обитали в тайге, в соседстве с кетами. Наличие тюркских заимствований в различных енисейских и самодийских языках позволяет предположить, что эти народы контактировали в глубокой древности.

Тюркоязычный гидронимический пласт является одним из древнейших в топонимии Циркумбайкальского региона. Территория исследуемого ареала представляла собой регион, где происходили сложные общественно-политические процессы. «Миграция населения в результате политических, природно-климатических катаклизмов, эпидемий и межэтнических войн способствовали смешению, возникновению и исчезновению целых народов и народностей. Древние палеоазиатские племена были оттеснены дальше к востоку и северу притоком тюркоязычных племен с Саяно-Алтайского нагорья» [5, с.20].

Свидетельством проживания древних тюрков на исследуемой территории служат археологические памятники хуннского времени (городища, могильники, поселения), обнаруженные в долинах рек Селенги, Чикоя, Хилка, Джиды. А.П. Окладников в работах разных лет писал: «Летопись «Тан-шу» указывает, что во II веке до нашей эры в Прибайкалье жили племена хун-ну или сюн-ну. Позже с территорий Центральной и Юго-Восточной Азии, появились племенные объединения сяньби (II-III в. н.э.), жужжан (IV-VI в. н.э.), тюркоязычных народов (IV-VII в.н.э.), уйгуров (745-840 гг.)»[6].

Начиная с VI в. тюркские племена уйгуров овладевают Забайкальем. В 840 г. киргизы, разгромив уйгуров, заняли долину р. Ангары и господствовали там несколько десятилетий. В X в. киргизы были вытеснены киданями обратно на Енисей. В период господства тюркских каганатов в Центральной Азии и Прибайкалье, потомки сяньбийцев в Прибайкалье входили в состав курыканского племенного объединения. Курыкане проживали в VIII –XI вв. к востоку от енисейских киргизов в низовьях Селенги, по берегам Байкала, на Ангаре и Верхней Лене. Остатки их материальной культуры обнаружены как раз в местах, которые имеют тюркоязычные названия. «Лесные тюрки были носителями, так называемой, Курумчинской культуры в местности Хурумшэ, в Эхирит-Булагатском районе» [7, с.37].

Естественно, что подобные исторические процессы не могли не отразиться в топонимии края. Языковым свидетельством обитания древних

тюрков на территории Читинской области является наличие следующих гидронимов: *Аджак, Урага, Уров, Урюм*. Некоторые тюркские названия водных объектов подверглись влиянию более поздних языковых контактов, например: *Изара-Горхон, Азимье-горхон*, где апеллятивы *изара, азимье* первичны по происхождению, а термин *горхон* – вторичен. К первичным (тюркским) основам присоединяются и иноязычные аффиксы: самод. *-ма, -га*, эвенк. *-нга*, монг. *-туй*, славян. *-уй*; например: *Кижичи+нга, Телер+га, Телен+гуй* и т.д. Аффикация, как способ образования топонимической лексики, позволяет топониму сохранить свою языковую принадлежность.

Тюркоязычные гидронимы в Прибайкалье и Забайкалье оформлены характерными словами-основами:

Бай – Байсахын, Байсуг, Байтах, Байчакан большой;

Кол/ кул/ хул _озеро’ – Боро –Хул _река волков’ (родоплеменное объединение), Котокель, Куленга, Кули, Кулинда, Турхул _река туранов’, Хул нуур (Гусиное оз.), Шаракулка – _река желтых’ (уйгуров);

Су/суг _вода’ – Суба, Сугджа, Суво;

Урах/ юрях _вода’ – Нижний Юрях, Средний Юрях, Таас-Юрях;

К языковым доказательствам пребывания конкретного этноса на определенной территории следует отнести наличие топонимов этнонимного характера. По наличию этнопонимов можно предположить, что в Забайкалье некогда пребывали тюркоязычные народы – телеуты, телесы, например: озеро и село *Телемба*, села *Усть-Теленгуй* и *Верх-Теленгуй* в бассейне реки Онон.

Тюркоязычные топонимы, как наиболее древние из существующих на данной территории, отличаются высокой частотностью заимствования и употребления, например, монголоязычными народами, что говорит об их языковом взаимовлиянии. Существуют топонимические параллели между тюркскими и монгольскими языками, например: тюр. *Булак* – бур. *булаг* обозначает *_родник’*; тюр. *кудак(кудук)* – бур. *худаг*; тюр. *су* – монг. *ус – _вода’*. «Термин *кудук* бытует на просторах от юга Украины до Восточной Сибири и в русских говорах Поволжья, Крыма, Северного Кавказа. *Су/суу/сув/суг* – универсальное слово, употребляющееся при номинации практически всех водных объектов – рек, речек, озер, родников, стариц, ручьев. *Арасан/ Арашан/ Арсан* *_минеральный источник, минеральная, целебная вода, термальное течение’*. Это тюркско-монгольское слово (из санскритского *галауана* *_нектар, питье богов, целебная вода’*) известно в русских говорах Восточной Сибири и стало достоянием научной литературы» [8, с.119-124].

Наличие подобных гидронимов подтверждает факт прежнего расселения тюркских народов на территории этнической Бурятии, а топонимия Верхней Лены свидетельствует о постепенном продвижении

предков якутов из Прибайкалья в долину Лены, с юга на север – по направлению к области современного расселения якутского народа.

Тунгусоязычный пласт гидронимии

Тунгусские или тунгусо-маньчжурские языки – группа близкородственных языков Сибири и Дальнего Востока, которые, по мнению ряда исследователей, входят в алтайскую языковую семью.

Эвенки или тунгусы – один из самых древних народов Восточной Сибири. Появление эвенкийских родов в Прибайкалье связывают с данными археологических раскопок в Глазковском предместье г. Иркутска. Эта культура, открывающая эпоху металла (бронзовый век) в Прибайкалье, получила название Глазковской (с XVIII по XIII вв. до н.э.) О генетической связи носителей этой культуры с позднейшими тунгусскими племенами свидетельствуют многочисленные предметы украшения их одежды, близкие с характерными украшениями старинной тунгусской одежды, а также фольклорные и антропологические данные. Все эти факты указывают, что в состав современных тунгусских племен вошли потомки коренного населения Прибайкалья, занимавшего эту территорию еще в конце неолитического – начале бронзового веков. Вследствие этого в топонимии рассматриваемой территории гидронимы тунгусского происхождения являются одним из наиболее древних пластов.

Эвенкийские гидронимы встречаются по всей территории этнической Бурятии, но неравномерно. Они преобладают в северной и северо-восточной части Бурятии, где и сейчас проживают эвенки. В основном это горно-тундровые и горно-таежные районы. «Начиная от Енисея и зоны тундры и лесотундры, на юг и юго-восток проходит широкий ареал топонимов тунгусского происхождения до Ангаро-Ленского района, Северного Прибайкалья, бассейнов рек Витима, Шилки и Северного Приаргунья» [9]. Южным скоплением эвенкийских гидронимов отмечен район Еравнинских озер. К югу, по левым притокам Ангары, Южному Прибайкалью и Южному Забайкалью гидронимов тунгусского происхождения меньше. В Саянах же они встречаются еще реже.

Факт сплошного распространения тунгусоязычных гидронимов на территории этнической Бурятии свидетельствует о том, что эти племена обитали повсеместно в этом ареале в давно минувшие времена. Меньшее количество этих гидронимов в лесостепных районах Онона, Селенги и Южной Ангары подтверждает мнение исследователей о том, что эти территории были раньше всего покинуты эвенками, и здесь топонимия оказалась более преобразованной, чем в лесных районах юга Восточной Сибири. Расселение тунгусов шло в северном направлении, из бассейна Амура в Якутию.

Эвенкийские топонимы по своему содержанию больше связаны с характерными чертами природно-географических условий таежного ландшафта, например: *Амут* _озеро_, *Биракан* _речка_, *Дэткэчэн* _болотце_, *Кута* _трясина_, *Муя* _вода_ и т.д.

Эвенкийские географические названия в отличие от языков других сибирских народов не содержат номенклатурные термины со значением _река, озеро_ и т.д. Словообразовательные суффиксы и частицы являются отличительным признаком эвенкийских топонимов, в частности гидронимов. Наиболее распространены следующие суффиксы:

- *гли* – специальный суффикс, образующий названия рек: *инга* _камень_, *Ингагли* _каменистая_, *куду* _солончак_, *Кудугли* – _солончаковая_, *ули* _ворона_, *Улигли* – _воронья_, *Октагли*, *Орогли*, *Сирагли*;

- *кан* – суффикс уменьшительной формы: *Ангара* – *Ангаракан*, *Витим* – *Витимкан*, *Котуй* – *Котуйкан*, *Муя* – *Муякан*, *Ципа* – *Ципикан*. При помощи этого суффикса образуются названия мелких рек, обычно того же речного бассейна;

-*кта* – суффикс многократности действия в отношении места, суффикс, обозначающий что-либо мелкое, встречающееся в большом скоплении (ныне непродуктивный): *мар-* _низкорослый, мелкий березник_, *Маракта* _река, в долине которой встречается мар_, *арба* _мель_, *Арбакта* _мелкая река_, *Бугарикта*, *Ковокта*, *Урикта* ;

- *кит* – суффикс, обозначающий место действия: *анам* _лосей_, *Анамкит* _лосиное место_, _где можно охотиться на лосей_, *олло* _рыба_, *Оллокит* – _место, где можно ловить рыбу_, *Аргаскит*, *Ингашакит*;

- *ма* – суффикс имени прилагательного по признаку действия или материала: *Ерма* и *Ермакан* _реки, в которых есть ера, т.е. проходная рыба_, *мо* _дерево_, *Мома* (*Мама*) _деревянный_, *чула* _зеленеть_, *Чулама* _зеленый_, *кута* _болото, болотистое место_, *Ендарма*, *Катырма*, *Кутама*;

-*нда/ндя* – суффикс увеличительной формы почтительного отношения: *Амут* _озеро_, *Амутэндэ* _большое озеро_, *Бира* _река_, *Бирандя* _большая река_;

- *нга* – суффикс прилагательного: *кири* _грязь_, *Киринга* _грязная_, *Акшанга*, *Куленга*, *Уданга* ;

- *нгна/ нгда* – суффикс прилагательного по признаку обилия: *дели* _таймень_, *Делингда* – _тайменная река_, *майгэ* _ленок_, *Майгунгна*, *неру* _хариус_, *Нерунгна*, *сури* _сиг_, *Сугингда* – _сиговая_;

-*чан* (-*чон*) – суффиксы пренебрежительности: *Биракачан* – _речушка_, *Бугачан* – _плохое местечко_, *Алгачан*, *Калакачан*;

Монголоязычный пласт гидронимии

В X в. на Дальнем Востоке возвышаются монголоязычные кидани. Первоначальная их родина находилась в Восточной Монголии, в бассейне р. Шара – Мурэн. Они захватили северные области Китая, к 924 г., вытеснив уйгуров из Халхи и положив конец господству тюркских племен в Монголии. Исследователи считают, что именно эти племена вытеснили тюркоязычное население из Предбайкалья на Среднюю Лену. Не случайно, остатки укреплений, пашен и оросительных канав в Предбайкалье современные буряты приписывают к народности хитад (хитании гряд). Это сейчас буряты и монголы словом хитад (монг. хятад) называют китайцев, а в старину так называли киданей. Монголоязычные племена проникли на Лену и Селенгу из басс. р. Онон, Керулен и оз. Буирнур. Об их пребывании свидетельствуют археологические находки в могильниках на р. Селенге, в устье р. Манзурка (приток р. Лена) и писаницы на Шишкинских скалах, на которых воспроизведены сцены перекочевки скотоводческих групп.

В состав монголоязычных племен вошли наряду с потомками сяньбийцев, оставшимися в Предбайкалье еще со II в. н.э., кидани. Они образовали в Предбайкалье три племени, составившие костяк будущей бурятской народности: хоринцы, булагаты (керемучины и булагачины) и эхириты (икиресы).

В эпоху тюркских каганатов в Забайкалье обитали монголоязычные баргуты (байырку) в Баргузине, остальная часть степного Забайкалья была занята уйгурами и, частично, киргизами. После вытеснения тюрков из Забайкалья киданями, первыми из Предбайкалья сюда переселились хоринцы. Переселение части булагатов и эхиритов в Забайкалье происходит позднее, в основном после присоединения к российскому государству.

Гидронимы монгольского происхождения относительно недавние по времени образования. Их появление связано с историческими событиями XVII в.: междоусобные войны, возникновение маньчжурской империи и экспансия России на Восток привели к распаду единой монгольской государственности. Отдельные племена двинулись на запад. На первом этапе этнические группы приходят в Предбайкалье, в основном из Западной Монголии, на втором – в Забайкалье из Халхи.

Все этнические группы, прибывшие в Забайкалье, в языковом отношении сохраняют фонетические особенности монгольского языка, представляя южный диалект бурятского языка.

Монголоязычные гидронимы распространены по всей территории Циркумбайкальского региона и далеко за его пределами. Характерным признаком гидронимов является наличие терминов: *далай* ‘море’, *ус*, *усан* ‘вода’, *гол*, *ус*, *морон* ‘река’, *адаг* ‘устье реки’, *нуур/нур* ‘озеро’, *намаг* ‘болото’, *горхон* ‘ручей’, *худаг* ‘колодец’, например: *Бага Гол*, *Баруу Нуур*, *Горхон*, *Дабастай Нуур*, *Дума-худук*, *Ииру гол*, *Ишин-гол* и т.д.

Славяноязычный пласт относится к наиболее поздним с точки зрения хронологии. Появление русских в Сибири, в частности в Циркумбайкальском регионе, не вносило коренной ломки в структуру топонимии края.

К приходу русских все крупные реки рассматриваемого региона уже имели названия. Эти названия были переняты русскими, которые постепенно приспособили их к своему языку, адаптировали своей уже готовой топонимической системе русского говора. Так, река Лена получила свое название от эвенкийского *Елюенэ*, что означает 'Большая река', *Олекма* - от эвенкийского *Олоохунай* 'беличья, богатая белкой'.

Характерно, что русские старались не менять сложившейся у аборигенов края топонимической системы. Это было обусловлено экономическими причинами. Русское правительство облагало местное население ясаком, который оно получало мягкой рухлядью – пушниной, позднее и деньгами. Для сборщиков ясака важно было знать, где, в каких краях, по каким рекам кочует тот или иной род, та или иная семья. Чтобы знать это, они знакомились с географическими названиями своих подъясачных, благодаря чему и сохранились многие географические названия сибирских народов.

Русские прибежали к своим географическим названиям только в тех случаях, когда по каким-либо причинам не имели информации о местных географических названиях. Нередко русские уточняли географическую номенклатуру, предваряя существовавшие названия дополнительными, уточняющими определениями: Большой (ая), Малый (ая), Правый (ая), Левый (ая), например: *Большая Тира, Малая Сухая, Правая Вилина, Левая Тонгода*.

Таким образом, гидронимия региона формировалась сложными путями. Представленная языковая картина освоения Циркумбайкальского региона этнически неоднородными общностями, полагаем, в состоянии отобразить исторические события в диахронном аспекте. Все народы оставили определенный след в истории края, который фиксируется в географических названиях. Племена и народы приходили и уходили, названия же оставались, перенимались, переименовывались. Поэтому географические названия, безусловно, представляют определенный интерес для раскрытия исторических, политических и культурологических процессов края.

Список использованной литературы

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
2. Жучкевич В.А. Дороги и водные пути Белоруссии: Историко-географические очерки. Минск, 1977, 143с.
3. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995.

4. Агеева Р.А. Происхождение названий рек и озер. – М., 1985.
5. Жамсаранова Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003.
6. Окладников А.П. История Бурят – Монгольской АССР, т.1.- Улан-Удэ, 1951.
7. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969.
8. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М., 1996.
9. Василевич Г.М. Топонимика Восточной Сибири // Изв. Всес. геогр.об-ва. – Л., 1958.

УДК 81

А.В. Ринчинова

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье речь идет о ненормативном употреблении некоторых географических именовании Бурятии в современной практике устной и письменной речи. Эта тенденция ухудшает качество речевой коммуникации, негативно влияет на культуру русской речи.

The paper deals with the non-standard use of some geographical names in Buryatia in contemporary oral and written communication. This trend deteriorates quality of communication and has negative impact on the Russian speech culture.

Ключевые слова: норма, топоним, официальное и неофициальное функционирование, культура речи.

Key words: norm, toponym, official and unofficial functioning, speech culture.

Нормативный аспект русского языка – необходимое начальное и одновременно важное фундаментальное звено изучения культуры русской речи. Норма является важнейшим средством оптимизации коммуникации, следование норме в процессе общения людей имеет серьезное воспитательное значение. Именно поэтому сегодня нас не могут не тревожить частые нарушения языковой нормы при употреблении некоторых географических именовании в речевой практике говорящих на русском литературном языке.

Бурные политические события, происходившие в СССР– России с конца 1980-х гг., вызвали всплеск изменений в русском языке; в первую очередь это касается лексики и фразеологии, в меньшей степени – грамматики.

Распад Советского Союза, превращение бывших союзных республик в самостоятельные государства, усиление сепаратистских тенденций в национальных республиках Российской Федерации повлекли за собой почти всегда активно подхватываемые средствами массовой информации изменения в написании, произношении многих топонимов, прежде всего названий стран, автономий, крупных городов и т. п. Приведем лишь некоторые примеры. Следует особо отметить упорное желание многих пишущих и говорящих на русском языке (пусть даже это русский на территории Украины) заменить в управлении существительного Украина (вин. п. и предл. п.) предлог на предложном в : например, вместо *приехать на Украину* – *приехать в Украину*; *вместо жить на Украине* – *жить в Украине*.

Экстралингвистические факторы всегда оказывали и оказывают активное влияние на лексику и фразеологию языка. В связи с этим переименование, в частности, городов влечет за собой появление нового (или чаще в последние два-три десятилетия в нашей стране и у ближайших соседей – возрождение старого) топонима. Например, был *город Фрунзе* – стал *Бишкек*, был *город Ордженикидзе* – стал *Владикавказ* и т. д.

Подобные изменения лежат вне «компетенции» языковой системы, не могут быть регламентированы языковой нормой и по этой причине не вызывают никаких возражений. Однако варианты *Беларусь*, *Башикортостан*, *Кыргызстан*, *Молдова*, *Балтия*, *в Украину* – *в Украине*, и т.п., с нашей точки зрения, недопустимы в русском литературном языке. Трудно объяснить сегодня школьникам и студентам, почему нарушается морфологический принцип русской орфографии при написании слов *белорус*, *белоруска*, *белорусский*; *молдаванин*, *молдаванка*, *молдавский*; *алмаатинец*, *алма-атинка*, *алма-атинский*; *киргиз*, *киргизка*, *киргизский*. Ведь они образованы от однокоренных названий *Беларусь*, *Молдова*, *Алматы*.

Подобные вопросы вызывает отсутствие согласования в падеже географических названий-приложений. Допускается, как правило, лишь в профессиональной речи военных, топографов и, видимо, под влиянием этого – в официальных сообщениях и документах. Имеется несколько отдельных, конкретных случаев, когда согласовывать приложение с определяемым словом не рекомендуется. В остальном, к примеру, в газетной, публицистической, телевизионной, научной, политической и т.п. речи, требуется согласование географического наименования с родовым названием.

Подобная тенденция к несклоняемости приложений поддерживается языком рекламных текстов, где предъявляемые рекламодателями жесткие требования обуславливают обязательное сохранение в языке рекламы имени бренда в неизменяемой форме, несмотря даже на то, что часто соответствующие имени бренда слова имеют устойчивую парадигму склонения. В частности, известный пример употребления слогана: *Пей Coca-Cola! Живи*

футболом! Существительное кока-кола в русском языке бытует давно, изменяется по падежам, и даже использование его в тексте слогана в английской графике, не должно быть помехой грамотному употреблению этой лексемы в приведенном примере в форме винительного падежа: *Пей кока-колу...*

Колебания в норме склоняемости (согласования) топонима зависят, как правило, от нескольких факторов: происхождения названия, степени его известности, стиля речи и т.п. Если иноязычные по происхождению или малоизвестные топонимы в сочетании с родовым наименованием преимущественно не склоняются (на реке *Киреть*), то русские и славянские (или давно освоенные и известные) чаще склоняются (на реке Лене, Селенге), хотя процент употребления неизменяемых вариантов и здесь довольно высок (*в селе Гусиноозерск, на станции Таракановка, в городе Бабушкин*). Несклоняемость русских и освоенных топонимов в современной публицистике стала явлением настолько привычным, что одни высказывают справедливые нарекания или сомнения по данному поводу.

Характеристика вариантов словоизменения топонимов будет неполной, если не принимать в расчет особенности употребления географических терминов село, город, река и т.п. Способность к словоизменению определяется внешней морфологической формой топонима, и помимо экстралингвистических факторов здесь действуют причины системно-языкового характера. Не случайно доля употребления несклоняемых вариантов резко возрастает именно в функции приложения, и не в одной какой-то группе топонимов. Усиливается тенденция к аналитическому способу соединения слов в определительных сочетаниях.

Несогласованности падежных форм способствует прежде всего различие в грамматических формах детерминатива и топонима. Так, норма несклоняемости не может вызвать ни малейшего сомнения в случае, если детерминатив выражен формой женского рода (деревня, станция), а топоним – среднего (*к деревне Ганзурино, на станции Фофоново*). Несклоняемые формы особенно характерны (даже если род детерминатива и топонима совпадает) для специальной (географической, военной) литературы: *в деревне Алексеевка, у города Омск* – дабы избежать искажения исходной формы. Таким образом, традиционное правило о необходимости безоговорочного склонения всех топонимов (как и новое предложение безоговорочного несклонения) оказывается непригодным. Первое не всегда соответствует сложившейся грамматической системе и действующей языковой тенденции, второе – опасно отступлением от народных традиций и может вызвать еще больший протест приверженцев литературной нормы.

Другой пример нарушения нормы употребления топонимов в СМИ связан с дублетными обозначениями жителей населенного пункта: Улан-Удэ – *уланудинцы, улан-удэнцы, Агинск – агинцы, агинчане* т.п. Причем, очевид-

но, топообразование предусматривает традицию однозначную в географической номенклатуре: Уда – *удинцы*, Селенга – *селенгинцы*, Чита – *читинцы* и т.д.

Однако существование вариантов вполне объяснимо с другой стороны. Наличие у имени собственного социального аспекта, обычно более значимого, чем у слова вообще, рассматривается рядом исследователей (А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, С.А. Поповым и др.) как явление, ограничивающееся главным образом социальной легализацией, когда слово не связано с денотатом и понятием. Верно утверждение А.В. Суперанской о том, что «...социальная отмеченность имени воспринимается, прежде всего, в плане его функционирования в речи. Та или иная языковая форма имени обычно бывает продиктована конкретной лингвистической средой и спецификой ситуации общения, что позволяет человеку один и тот же населенный пункт именовать множеством различных способов, и каждый из этих способов по-своему социален» [5]

Так, к примеру процесс топонимизации названий колхозов, совхозов и других эргонимов обусловил частотность их использования в речевой практике *Жданов, Киров, Октябрьский, Победа, Юбилейный*. При ситуации билингвизма одни и те же реалии дважды, в двух названиях отражаются в ойконимии, создавая двойную номенклатуру, к примеру, *Грязнуха – Шабарта, Сосново-Озерск – Нарпата, Тунгуска – Хамниган*. Известны примеры бытования прежних названий: с. *Зурган-Дэбэ – Нохон, Комсомольское – Погромка, Гусиное Озеро – Тамча* и мн.др.

Разнообразны и интересны неофициальные топонимы, они в основном экспрессивны по форме и содержанию, многообразны по мотивам номинации: по особенностям топографии и месторасположения, по "интерьеру" и по ассоциациям с другими реалиями, по случайным и типичным событиям и обстоятельствам и т.п. Пока довольно трудно дать типологию всех мотивов подобных номинаций объектов. Интересны неофициальные именованья объектов г. Улан-Удэ, активно функционирующие в речевой практике: *Элеватор, Почтовка, Зверосовхоз, Зауда* и т.п. Или употребление названий жителями *Петропавловка – Питер, Улан-Одон – Лондон, Барун-Хасурта – Бархас* и др.

Важно, по нашему мнению, различать онимические единицы по сфере употребления, а именно: ойконимы, употребляемые в сфере официальной, и ойконимы, бытующие в речи неофициально. Резонно отмечают многие исследователи, что в речевой деятельности человека существуют ситуации (экстралингвистические в значительной мере), которые определяют собой стиль его сообщения, нацеливая на употребление тех или иных выразительных средств. Так, например, официальные ситуации настраивают человека на использование кодифицированного литературного языка с опреде-

ленными нейтральными именованями, которые должны совпадать с записями, установленными в юридическом порядке. В неофициальных случаях общения обычно пользуются разговорной речью, свободной от ограничений, налагаемых нормированием, и обладающей значительно большей эмоциональной нагрузкой. Это касается, без сомнения, всей лексики языка.

Однако, относительно употребления собственных имен, конечно же, допустимо использование моделей, принадлежащих разговорной речи, но при этом связанной с литературным языком или территориальным диалектом. Причем, как указывалось выше, официальные ситуации для собственных имен дополняются юридическим фактором, отсутствующим для апеллятивов.

Юридически правильная форма для имени в известной мере тоже важна, что и для апеллятива «слово в кодифицированном литературном языке». К сожалению, известны случаи, когда в официальную запись попадают так называемые «неправильные варианты» имен, не соответствующие общепринятым. Парадоксально, что никаких уточнений при этом и исправлений актовой записи не производится, и как следствие этого, «неправильная форма», к сожалению, «узаконивается», т.е. становится общепринятой. Примерами могут служить ойконимы *Баянгол*, *Харазаргай*. Следует обратить внимание и на написание иноязычных названий. Очень часто приходится сталкиваться с узаконенностью неправильной транскрипции бурятских ойконимов *Карасун* вм. *Хара-Ухан*; *Харанор* вм. *Хара-Нур*; *Шерагуль* вм. *Шара-Гол*; *Шалот*, *Шалоты*, *Шелотый* вм. *Шулутай* и т.д., подобных примеров множество. Почти всегда ненормативные топонимические варианты вводятся в русскую речевую практику под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры, а это уже прямое, часто грубое, вторжение в русскую языковую картину мира и, как следствие, влияние на менталитет народа, на его духовную культуру.

Несомненно, значительные социально-экономические преобразования влияют на формирование и функционирование системы онимической лексики. Множество топонимов забывается, десятки из них исчезают, причем как официальные, так и неофициальные названия: *Поле Чудес*, *Старая Барахолка* – в г.Улан-Удэ, *Могзон*, *Серовка*, *Оботуй*, *Усть-Заза* и мн.др топонимы по Еравнинскому р-ну. Между тем следует признать, что каждый оним является драгоценным памятником культуры, при этом фиксироваться должно нормативное употребление. Отсюда необходимость быстрой лингвистически точной фиксации географических названий, создание полных региональных топонимических картотек, справочников, атласов, словарей.

Использованная литература:

1. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII - начало XX в.) / Г.М. Василевич. Л. Наука, 1969. 304с.
2. Жамсаранова Р.Г. Топонимия Восточного Забайкалья / Р.Г. Жамсаранова. Чита. Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.
3. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири / М.Н. Мельхеев. Иркутск, **Восточно–Сибирское книжное издательство**,1969. 185 с.
4. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия / Э.М. Мурзаев. М., Вост.лит.,1996. 256 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. М. : Наука, 1973. 234 с.
6. Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья / Л.В. Шулунова. Улан-Удэ,1995. С. 204.

Аннотация

В статье речь идет о ненормативном употреблении некоторых географических именовании Бурятии в современной практике устной и письменной речи. Эта тенденция ухудшает качество речевой коммуникации, негативно влияет на культуру русской речи.

Ключевые слова: норма, топоним, официальное и неофициальное функционирование, культура речи.

УДК94(571.53)

Н.Д. Хосомоев

К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ САЙГУТСКИХ БУРЯТ

Аннотация: О сайгутских родах, расселившихся на территории Иркутской области. Сайгуты в давние времена состояли из отдельных родов, начало которых ведется от одного предка (удха узуур).

About Saygut kins who settled in the territory of the Irkutsk region. In ancient times Sayguts consisted of single kins having the same ancestor (udha uzuur).

Ключевые слова: сайгутские роды, семь чужаков Балея, история бурят

Key words: Saygut, seven strangers of Baley, history of Buryats

Сайгутский род является родом сборным, куда входили буряты семи родов (долоон хари). Падь Байла (Балей-речка) в древние времена служила дорогой для проезда в Кудинскую степь и р. Лену. Эта падь является также и местом поселения отдельных осколков родов бурят-монголов. Так,

например, в Сайгутах жили роды шошоолог, хойбо, челдар, хурумша, хонгодор, тэртэ и хурхууд. Они то и образовывали «долоон хари» (семь чужаков Баляя).

Сайгутский род с 1823 г. административно подчинялся Китайской инородческой управе, а до этого входил в состав Тункинской степной думы. Потом, в 1900-е годы, Иркутская губернская администрация выделила сайгутских бурят в особую карликовую волость - «Сайгутскую», построила православную церковь, открыла церковно-приходскую школу и приписала к Степановскому приходу старожилов, ввела воинскую повинность. Таким образом, сайгутское родовое управление просуществовало до 1901 года. Население инородческой волости было переведено из «кочевых инородцев» в «оседлых крестьян из инородцев».

К северу от гобийской пустыни раскинулась широкая безлесная степь, названная монголами Цайдам. Жители его называли свой край Сайгат (Сайгуты - искаженное с течением времени наименование).

Непрерывные междоусобные войны, частые набеги маньчжуров заставили измученный грабежами и насилием народ покинуть свои земли. В середине 1750 года на сорока лошадях, навьюченных разобранными юртами, домашним имуществом, двинулись в далекий и трудный путь. За караваном тянулись табуны лошадей, стада крупного рогатого скота, отары овец. Ехали верхом женщины, старики и дети. Торопились уйти от очередного набега за данью. Погони не было – успели перехитрить коварного и хитрого врага.

В разгар лета беженцы спустились по Оке в Тункинскую долину. Окруженная с обеих сторон высокими горами широкая равнина понравилась кочевникам. Однако местное население отказалось принять пришлых, и они по Иркуту продолжили путь дальше через многочисленные речки, лесные чащобы к берегам Ангары. И здесь удобные для пастбищ угодья были заняты русскими. Посоветовавшись, старейшины родов решили ехать дальше, найти безлюдные места. Долгий путь, полный приключений и опасностей, закончился. На месте, по общему согласию, кочевники разделились по родам. В пределах пятиста метров друг от друга поставили юрты. Бывшие степняки со временем научились плотническому и кузнечному ремеслу, сделались заправскими охотниками. Жизнь на новых землях постепенно налаживалась, игрались свадьбы, рождались дети.

Нынешние Сайгуты (село) расположены в семидесятипяти километрах от Иркутска. Оно растянулось на многие километры. Под понятие «деревня», когда по обеим сторонам дороги тянулись улицы, не подходит – улиц, как таковых, здесь не было. А что было? Дома, раскиданные отдельными кучками по всей долине, окруженной небольшими горами, тянущимися с севера на юг, на которых в основном растет сосна. С

верховьев Хармагайских гор берет свое начало река Байла (Балей), она правит свой путь к Ангаре. Места здесь удивительно красивые, трава на черноземе растет густая, пшеницу в колхозные годы, пока развалилось хозяйство, собирали за тридцать центнеров с гектара. Сейчас эти площади взял под опеку Иркутский мясокомбинат.

Еще в 20-е годы XVII века монгольские купцы постоянно приезжали на Лену, Иду, Унгу (реки, на берегах которых жили буряты) по торговым делам. Ездили купцы и к окинским бурятам. Сложились прочные торговые пути, так называемая «мунгальская дорога» через Тункинскую долину по реке Иркуту, выходящая на земли китойских бурят (река Китой в Иркутской области).

После похода казаков Ивана Похабова, Петра Бекетова, Максима Перфильева, верных слуг русского царя, эта дорога перешла под контроль оных, и улусные люди, ставшие государевыми холопами, были вынуждены платить ясак. Восстания и бунты бурят жестоко подавлены. В сложившейся ситуации отдельные части бурятских родов, жившие и без того в густонаселенной долине Тунки, бежали по берегу Иркуты в леса и горы, надеясь укрыться от непосильных поборов и гнета государевых людей.

Не вдаваясь в историю родов, переходим непосредственно к краткому описанию села. Привожу расположение села Сайгуты (общее название). Он делился до начала сплошной коллективизации на отдельные улусы по родам. Например, Санхайл состоял из двадцати пяти домов, находящийся от него в пятистах метрах улус Хадайл из тринадцати дворов со всеми хозяйственными постройками, Тальхисайл из пятнадцати изб; довольно далеко отстоящий от него Харасайл из девяти. В Хужире жили четырнадцать семей, в Тангановщине (хонгодоры) восемь хозяев, Оёре всего шесть домов, столько же домов стояло в Хушуне, в Нижнем Кете (по бур. Хээт) восемнадцать дворов.

Названные улусы раскинулись на некотором отдалении друг от друга по берегам Байла (Балей). Сегодня этих улусов давно уже нет. Вся немалая территория, на которой они стояли, распаханы в советское время, большая часть жителей выселена в село Булуса Эхирит-Булагатского района Иркутской области в начале коллективизации. С местным товарищем мы решили обойти эти улусы по приметам, хорошо ему знакомым. Вышли после завтрака, и далеко за полдень, уставшие пришли в Нижние Кеты, которого тоже нет.

Современные Сайгуты сосредоточены в бывшем улусе Парамоновка, название которого осталось лишь в памяти старшего поколения. Ничем не примечательное село, каких много на Руси.

Сайгуты в давние времена состояли из отдельных родов, начало которых ведется от одного предка (удха узуур), группы людей, связанных степенью родства, скрепленных кровными узами по мужской линии.

По данным Б.Б. Бамбаева в число коренных эхирит-булагатских родов входят шестьдесят восемь родов, среди которых мы бы отметили роды хурхут и шошоолог. Дело в том, что жители улуса Санхайл относят себя к роду шошоолог, в то время как хужирцы – к хурхут, а тангановцы к хонгодорам. На долгом историческом пути произошло смешение родов, они по объективным причинам объединились, сохранив при этом название родов. Оказавшись волей судеб на одной территории, жители улусов поддерживали между собой тесные дружеские связи, рождались семьями. Девушка, выйдя замуж за парня из другого улуса, в свободный свой час могла прибегать к родным поделиться новостями, поговорить. Исчезновение невестки занятые люди могли и не заметить.

Многие из нас сегодня стали интересоваться своей родословной. Это сейчас все стали умные, бросились составлять своё генеологическое древо. Тянет узнать, кто были наши предки, как и чем жили? Правда, здесь ошибиться невозможно: разводили скот, пахали землю. Надо думать, заводов и фабрик не имели, в купцы не вышли, за редким исключением.

Мой дед имел надел земли в девяносто гектаров. В разговоре со мной земляк Иван Самоваров обронил фразу: «На вашем поле растет знатная пшеница. С гектара намолачивал больше тридцати центнеров, в иные годы на круг выходило тридцать пять». Площадь эта на карте района обозначена как «Хосомоевское поле». Считаю ненужным приводить схему в данном обзоре, так как речь идет не только о нашем роде. Думаем, что не меньше земли имели и другие хозяйства, а может быть и больше, только на карте пофамильно они не зафиксированы. Мы с братом Степаном, сопровождаемые Иваном, идём в большом нетерпении к нашему полю. Вот оно, широко и вольно раскинувшееся. Наливается пшеница. Стебли вытянулись, колоски крупные – урожай ожидается хороший. Огромное поле с трех сторон окружает густой лес, рядом течет источник, бьющий из-под земли. Недалеко от места, куда мы вышли, стоит высокая раскидистая сосна. Ей, видимо, лет за сто пятьдесят. Корни её разрослись, завоевав немалую территорию, теперь уже недоступную никакому плугу. На ней буйствует трава. В эти минуты вдохновенного, какого-то глубокого душевного растворения в раскинутой над нами безоблачной выси, широкой поляны, обрамленной пиками дерев, начинаешь понимать, что ты сидишь на земле, по которой ходили, полные забот об урожае, прадед, дед твой и отец.

Теперь кратко об именах сайгутян. Детей, родившихся в советское время, такими именами уже не награждают: Агрун, Айхай, Айшхан, Ахудай, Балдухай, Барсаб, Барай, Бальзай, Бахла, Будча, Бутхан, Мандар, Молтон,

Митон, Монсог, Нюхлан, Обой, Ольбо, Онготхо, Онёс, Палха, Пасаб, Пахне, Тарянха, Урмагшан, Холоб, Шарлан, Эршхэн, Яртаг.

Количество имен можно и увеличить, но дело не в количестве дополнительных фактов, а в общем характере, когда по прошествии лет имена эти носили уже другие люди.

Заканчивая наш обзор, мы вновь возвращаемся к родовому полю. Одно то, что его обрабатывали наши прадеды, деды и отцы, радовались доброму урожаю, горевали, если что-то не заладилось, с упорством, достойным тружеников, из года в год делали одну и ту же работу, не представляя себе иной жизни, потому что это была их жизнь – быть и жить на земле; поле, ставшее нам родным, связавшее времена, удивительным образом сблизившее прошлое и настоящее, радует и согревает душу. Мы ждем разгара лета, чтобы вновь прийти на поле, посидеть и подумать о быстротекущей жизни в тени высокой раскидистой сосны, обмякая сердцем.

РАЗДЕЛ III .
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В РЕГИОНАХ

УДК 792.036

В.Ц. Найдакова

ШКОЛА Н.В.ДЕМИДОВА – ПРОДОЛЖЕНИЕ СИСТЕМЫ
К.С.СТАНИСЛАВСКОГО.
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

N.V.DEMIDOV'S SCHOOL – CONTINUATION OF
K.S.STANISLAVSKY'S SYSTEM. A HISTORICAL-CULTURAL
REVIEW

Аннотация: В историко-культурном обзрении автор раскрывает особенности школы режиссера-педагога Н. В. Демидова. Останавливает внимание на значимости Н. В. Демидова в профессиональном становлении мастеров бурятской сцены.

In her historical-cultural review the author considers the specifics of N.V.Demidov's school, a director and teacher. The article emphasizes the role of N.V.Demidov in the professional evolution of the Buryat stage masters.

Ключевые слова: Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева, Станиславский К. С., система К. С. Станиславского, Демидов Н. В., школа Н. В. Демидова

Keywords: Buryat State Academic Drama Theatre of Kh.Namsaraev, K.S.Stanislavsky, K.S.Stanislavsky's system, N.V.Demidov, N.V.Demidov's school

Не так давно, в октябре 2012 г. Бурятский государственный академический театр драмы им. Х.Намсараева весьма скромно без помпы отметил свое 80-летие. Хотя казалось, в тот вечер было все, что бывает обычно на юбилейных торжествах театральных коллективов. Тепло поздравил юбиляра глава республики В.В. Наговицин, выступили с поздравлениями руководители республиканских и городских властных структур. Зал был полон. Труппа представила ретроспективную картину этапов развития театра. Все было вроде в норме, как должно быть. Вполне искренние радостные поздравления выступающих не преодолели атмосферу общего ощущения, что прославленный коллектив намсараевцев пребывает в некоем творческом и ор-

ганизационном кризисе. Город знал об этом, но праздник надо было отметить и отметили не лукавя, как могли. А перед этим, днем на Круглом столе почти не состоялся творческий обмен мнениями театров о состоянии театров Сибирского региона сегодня, хотя приехали коллеги из Саха-Якутии, Хакасии, из Агинского театра Забайкальского края, целая делегация из Монгольского академического театра им. Д.Нацаг-Доржа. Да, два года назад Бурятский театр драмы был в самом деле в кризисе. Сменилось руководство театра, уволили из труппы мастеров с российскими званиями как только им исполнилось 60 лет. Ушли режиссеры, кто естественным путем, кто потерял здоровье и веру в себя. Молодая труппа осталась с одним художественным руководителем, который занимался тем, что приглашал из западных городов режиссеров-постановщиков, которые, не зная труппу, ничего интересного не могли предложить и поставить. Так было, пока год назад не произошла смена худрука и директора. Такие перепады в творческих коллективах бывают время от времени. Но рынок все усугубил и обострил. Это состояние Бурятского театра драмы входит в нашу тему, ведь этот национальный театр с самого своего образования в 1932 г. творчески формировался, осваивая в актерском деле систему К.С. Станиславского. Актеры всех поколений прошли эту школу в техникуме искусств, театрально-музыкальном училище и в самом театре. Они освоили органично русскую сценическую школу переживания, научились доводить до зрительского зала внутреннюю жизнь своих героев. Актерам помогали режиссеры театра, которые начиная с 30-х годов (Г.Цыденжапов и М.Шамбуева, далее в 50-е годы Б.Аюшин, Ф. Сахиров, Ц.Цыренжапов, в 80-е годы - В.Кондратьев, Л.Цыденова, 90-е годы - Д.Бальжанов) прошли через режиссерские мастерские ГИТИСа, учились у последователей и продолжателей учения К.С. Станиславского, его системы. Дело в том, что великий реформатор русского театра К.С.Станиславский осознал в конце XIX века положение в русских театрах, особенно в частных, в которых уровень актерского мастерства был очень неровный, нет ансамбля. А рынок, т.е. капиталистические отношения утвердившиеся в последней четверти XIX века в Российской империи задавал свой тон, требуя от театров только развлечения и работу на кассу. Даешь сборы (деньги) и удовольствие для зрителей... Это стало главным в то время. Именно в конце XIX века К.С. Станиславский вместе со своим единомышленником драматургом, критиком и театральным педагогом В.И.Немировичем-Данченко решили изменить ситуацию. Они создали новый театр – Московский Художественный общедоступный театр, подобрав в труппу проверенных на деле своих учеников-актеров и предъявив им высокие требования в творчестве. Они создали театр психологического реализма. Этому надо было научить всех, кто вошел в состав труппы. К тому времени у Константина Сергеевича уже созрели определенные идеи. Наблюдая в течение многих лет за гастрольными выступ-

лениями в России гениальных итальянских трагедийных актеров: Томмазо Сальвини, Эрнесто Росси, Элеонору Дузэ и за работой великих мастеров русского драматического театра – М.Н. Ермоловой, Г.Н. Федотовой, А.П. Ленским и других, Станиславский пришел к мысли, что у этих гигантов сценического творчества, глубоко одаренных от природы актерским дарованием была еще четко сформировавшаяся за годы игры на сцене своя внутренняя школа, своя техника малодоступная для многих. Они нажили эту технику, это мастерство, где-то осознанное, а кое-где интуитивное, поэтому недоступное для других. И возможно, что удастся создать такую методику воспитания молодых актеров, когда они сознательно будут искать и находить пути создания сценических образов таким образом, что будет достигнута тайна перевоплощения. И зрительный зал будет захвачен этим процессом и будет жить одним дыханием со сценой, где творят актеры. Эта идея у К.С. Станиславского сформировалась в систему. Этому он учил актеров МХТ и начинающих в студиях, выросших вокруг театра. И с 1910 г. К.С.Станиславский привлекает к своей работе с актерами Демидова Н.В., окончившего медицинский факультет Московского университета по специальности психиатрия, бывшего часто на спектаклях МХТ, проявившего интерес к психологии актерского творчества. Их сблизила эта тема общая для обоих.

Демидов Николай Васильевич был родом из Ивонова-Вознесенска, где его отец В.В.Демидов, писавший пьесы на темы народной жизни, друживший с Санкт-Петербургскими писателями и драматургами создал частный любительский театр для рабочих. В.В. Демидов сам режиссировал свои пьесы, играл в них как актер. Фабричные рабочие и работницы заполняли зрительный зал в дни спектаклей. Принимал участие в спектаклях как актер и младший сын Василия Викторовича, гимназист Николай, который по окончании гимназии уехал в Москву, поступил в университет. Студентом он посещает разные столичные театры. Его привлек Московский Художественный театр своим репертуаром, молодыми актерами. Это был первый в России режиссерский театр уделявший большое внимание работе с актерами.. Станиславский и Немирович-Данченко пригласили молодого врача – психиатра Н.В. Демидова к работе с актерами, помогать им осознанно осваивать систему в работе над ролями в спектаклях... Работал Н.В. с актерами заинтересованно, польза была для обеих сторон. Вскоре Н.В. Демидов становится режиссером-педагогом и работает с начинающими актерами в студиях МХТ - первой, второй и четвертой, выполняя задания Станиславского. В середине 20-х годов у Станиславского и Демидова появились расхождения. Н.В. Демидов предложил К.С.Станиславскому включить в систему его - демидовское видение и понимание воспитания актеров без долгого изучения элементов, а вводить актеров полностью в творчество через этюды по содержанию пьесы и спектакля. Константин Сергеевич не согласился, и они работают

уже отдельно. Н.В. Демидова пригласил А.Я.Таиров, создатель и руководитель Камерного театра, заниматься с начинающими актерами в студии при театре. Затем Демидов работает с актерами грузинской студии, пока их не перевели в Тбилиси. Н.В. Демидов стал известным педагогом-режиссером.

В начале 30-х годов Демидов был очень затребован в разных коллективах, но на зов К.С.Станиславского он откликнулся и принял предложение помочь создать книгу по системе. В 1936 г. была издана книга «Работа актера над собой», это первое издание по системе Станиславского. В предисловии к этой книге Константин Сергеевич пишет о помощи, которую оказал ему в работе над рукописью и изданием ее режиссер-педагог Н.В. Демидов.

В 1938 г. ушел из жизни по болезни К.С.Станиславский – народный артист СССР, один из создателей и руководителей МХАТ, автор единственной в мире научно обоснованной и продуманной, изданной системы воспитания и формирования актеров театра. Культурная общественность СССР понесла огромную утрату. Надо было сохранить вклад великого реформатора русского театра в культуру. Это активировало его учеников и последователей, появились книги: В.Топоркова, Н. Горчакова «Станиславский на репетиции», М.Н. Кедрова «Метод физических действий». А Н.В.Демидов, который до последних дней жизни Константина Сергеевича руководил государственным оперным театром им. Станиславского вдруг оказался не у дел. Мхатовцы его не замечали. Об этом Николай Васильевич напишет В.И. Немировичу-Данченко в письме. Но Демидов по-прежнему был востребован в других местах, где нуждались в опытных театральных деятелях. В 1936-1940-х годах Демидов - режиссер-педагог в театральном-музыкальном училище им. А.К.Глазунова, в 1939-1941-х годах ведет занятия по актерскому мастерству в Театральном училище им. М.С. Щепкина при Малом театре, в 1942 служит в музыкальном колледже Карело-финской АССР, 1942-1945 является художественным руководителем и режиссером финского театра, эвакуированного в Карелию после захвата фашистами Финляндии.

Среди постановок Н.В. Демидова в финском театре выделился спектакль «Кукольный дом» по драме Г.Ибсена, где главную роль Норы сыграла с исключительной глубиной и драматизмом актриса Ирья Вийтанен. Спектакль имел большой успех, о нем много писали, говорили. Было получено приглашение из Москвы на гастрольное выступление спектакля «Кукольный дом», но не состоялось. Перед самым отъездом в Москву оборвалась жизнь актрисы Ирьи Вийтанен. С декабря 1946 г. по февраль 1948 г. Н.В.Демидов руководит окружным театром Советской Армии на Сахалине. Все шло хорошо, но не подошел для здоровья Демидова морской климат. Пришлось возвращаться в Москву. Но проездом Николай Васильевич остановился в Улан-Удэ, где в Бурят-Монгольском музыкальном драматическом театре работала

его бывшая супруга исполнительница главных сопрановых партий в оперных спектаклях. Остановка была сделана, чтобы оформить официально их семейное дело - развод. «С Гапиной мы простились тихо, мирно, друзьями. Ни о какой семейственности речи быть не может», - написал Николай Васильевич своему ученику по Щепкинскому училищу, Олегу Григорьевичу Окулевичу. Однако Демидову пришлось остаться на более длительное время, так как художественный руководитель Бурят-Монгольского музыкально-драматического театра Г.Ц. Цыдынжапов, народный артист СССР его тепло встретил и, узнав о его краткой остановке в Улан-Удэ, попросил не торопиться с отъездом, его, мол, ждет здесь большая работа. Предвидя в недалеком будущем разделение музыкально-драматического театра на два самостоятельных коллектива: театр оперы и балета и театр драмы, Г.Цыдынжапов предложил Н.В.Демидову должность главного режиссера Бурят-Монгольского драматического театра. Н.В. Демидов принял это предложение и руководил драматической труппой полгода, с марта по август. Этой же весной произошло событие на театральном отделении Театрально-музыкального училища им. Чайковского в Улан-Удэ. Были уволены два ведущих педагога: В.К. Халматов, народный артист БМАССР, руководитель актерской группы IV курса и Б.Г. Аюшин, который вел на третьем актерском курсе «мастерство актера». Директор ТМУ потребовала от Управления по делам искусств при Совете министров БМАССР объяснения и помощи в этой ситуации. И она же, Е.Д.Прозорова-Миронская обратилась в Музыкально-драматический – кто может заменить уволенных педагогов. Если есть таковые, срочно посылайте, IV курс актерского отделения должен завершить дипломный спектакль и выпускаться. III курс ждет педагога по «мастерству актера», чтобы перейти на IV курс. Г.Цыдынжапов сам некоторое время вел занятия на IV курсе, в другие дни его заменяла ведущая актриса драматического коллектива, заслуженная артистка БМАССР М.Н. Степанова. А на III курс по расписанию приходил Н.В. Демидов. За два с половиной месяца Николай Васильевич рассмотрел состав III курса, понял, кого из них надо оставить для дальнейшего обучения актерскому делу. Побывал Николай Васильевич на наших зачетных и экзаменационных работах IV курса по актерскому мастерству, сценической речи и тоже выразил свое мнение директору и завучу ТМУ. У них созрело решение объединить в одну группу из двух групп III и IV курсов, кого хочет оставить себе на обучение новый педагог, Н.В. Демидов отобрал себе 13 человек: 7 девушек и 6 юношей. Он предложил учить их вместе еще год. Он согласен вести занятия и сделать выпуск актеров через год. Это предложение большого специалиста сподвижника К.С.Станиславского приняли наверху в Совете Министров, в управлении по делам искусств. А дирекция ТМУ предупредила всех - кому являться осенью к Демидову, кто из IV курса получит диплом в мае и будет учиться дальше по сво-

ему усмотрению или останется искать себе работу. III курсу тоже: кто не вошел в Демидовскую группу перейдут в другие отделения ТМУ или техникумы в городе.

Вот каким образом мы 13 человек оказались учениками Н.В.Демидова. Думаю, что здесь, в этом кратком сообщении нет необходимости и смысла подробно останавливаться на специальных вопросах преподавания и воспитания актеров. У меня есть записи занятий Николая Васильевича с нами за 1948 и 1949 годы. Может быть, мне удастся выполнить просьбу сегодняшних педагогов в Москве и Санкт-Петербурге и написать небольшую книжку о Н.В. Демидове – режиссере-педагоге и о его пребывании в Бурятии.

А в данный момент я ограничусь краткими важными сообщениями о том, что дала нам учеба у Н.В.Демидова и как мы все 13 пронесли это через свою жизнь. Нам было важно узнать, и мы узнали, что наш любимый педагог В.К.Халматов, набравший себе группу в сентябре 1944 г. доведший нас до IV курса, вел нас правильно по системе К.С.Станиславского. Мы были влюблены в свою будущую профессию, не пропускали ни одной премьеры в драматической, оперной и балетных труппах. Мы учились параллельно с музыкантами, танцовщиками, вокалистами, бывали на всех отчетных, экзаменационных выступлениях друг друга. Н.В. Демидов дал нам много нового, неизвестного на своих практических занятиях с нами и теоретических уроках. Мы чувствовали сами, что растем, познаем, овладеваем и уже кое-что умеем. Н.В. Демидов внимательно рассматривал, изучал нас, наши возможности к творчеству на сцене, наши национальные и индивидуальные особенности. Мы тогда не знали, что наш новый учитель психиатр, психолог. Эта была его первая встреча с молодыми монголоязычными азиатами успешно осваивающими русскую культуру, традиции русского профессионального сценического искусства. И он охотно делился с нами своими знаниями и умениями. Ему нравился талантливый, энергичный лидер бурятского театра Г.Ц.Цыдынжапов, некоторые продвинутые в своем деле актеры и актрисы, живущие на сцене органично и правдиво. Проводя занятия с нами, он многое открыл нам в этюдах – одиночных, парных и коллективных. Мы узнавали себя в этих неожиданных действиях и проявлениях. Это нас вдохновляло, вселяло веру в себя, окрыляло. Н.В. успевал нам поведать даже на практических уроках о качествах больших мастеров в искусстве, не только их дарованиях, а больше о том, как они шли к цели, как развивали себя, приобретали новые качества. Для нас это было безумно интересно. Узнавали, что многое достижимо, только работай над собой, развивай волю, воспитывай себя. Он называл имена тех людей, знакомых ему, достигших больших результатов. Мы жили этими идеями в сложное послевоенное время, полное перипетий и коллизий. Н.В. Демидов поставил с нами три дипломных спек-

такля: «Бедность не порок» А.Островского, «Платон Кречет» А.Корнейчука и вечер одноактных пьес — «Талые воды» К.Паустовского, инсценировка рассказа М.Горького «Страсти-мордасти» и бурятскую «Один вопрос» Ц.Шагжина, а также большую концертную программу к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Мы читали крупные вещи - монологи, большие отрывки из поэм. Все прочитанные вещи имели у зрителей большой успех. Дипломные спектакли были сыграны на сцене, где работала с 1936 года бурятская драматическая труппа. Зрителями большей частью были артисты всех театров. Работа Н.В.Демидова с нами имела резонанс в городе. Ожидалось, что Бурятский драматический театр получит крепкое пополнение. Но, увы, все оказалось не так, как предполагали «верхи» и «низы». Дело в том, что наш выпуск совпал с отделением драматической труппы от Музыкального театра. Новое красивое здание театра оперы и балета еще не было достроено. Опера и балет заняли помещение русского театра, это там, где сегодня находится Музей природы. Русский театр перешел в бывшее помещение Бурятского театра (пристрой к русскому театру, где сегодня находится театр кукол «Ульгэр»). А драматической бурятской труппе предложили временно занять клуб «Динамо», а затем клуб Серова на берегу Уды. Наши юноши зашли в эти клубы, поняли, что ждать нормальное помещение для театра придется несколько лет. Они тут же забрали у дирекции свои дипломы и разъехались учиться по разным городам. Федя Сахиров и Цыден Цыренжапов уехали в Москву на режиссерский факультет ГИТИСа, Гунга Чимитов тоже в Москву в литературный институт, Саша Серебряков на исторический факультет БГПИ, Вася Найдаков в Иркутский университет на бурят-монгольское отделение, девушки тоже в БГПИ – несколько человек, а две вышли замуж, стали растить детей. И только из семи три девушки все-таки пришли в клуб Серова и стали актрисами. Есть один момент, связанный с Н.В. Демидовым. На индивидуальных занятиях он отдельно нам по одному показывал свою рукопись будущей книги «Искусство жить на сцене», а мне однажды показал еще два чемодана с набросками двух других книг о типах актеров. А когда меня в начале апреля 1949 г. избрали на областной комсомольской конференции делегатом от учащейся молодежи на XI съезд ВЛКСМ и я должна была поехать в Москву в составе делегации из 4 человек, то Н.В. попросил меня увезти папку с рукописью «Искусство жить на сцене» в Москву и передать в руки Отто Вильгельмовичу Куусинену, отвечающему за развитие искусства в Политбюро ЦК КПСС.

Так неожиданно для себя я попала впервые в Москву на первый послевоенный одиннадцатый по счету съезд ВЛКСМ. В состав бурятской делегации вошли герой Советского Союза Филифонов П., герой социалистического труда Б.-Ж.Чойропов из Курумкана от сельской комсомолки от учащейся молодежи я, старшим в нашей группе был М.Гаськов, секретарь Об-

кома Комсомола БМАССР. Съезд происходил в Кремлевском дворце в Георгиевском зале. Я сразу же по телефону дежурного при входе в зал позвонила О.В. Куусинену утром домой, сообщила, что Н.В.Демидов просил меня передать вашу рукопись его книги на прочтение и дальнейшую судьбу. Через несколько минут меня разыскал военный человек, посадил в машину и привез в дом, где, как тогда мне сказали, живут работники ЦК КПСС – цекписты. В сопровождении военного я поднялась на лифте на девятый этаж, в дверях меня ждал сам О.В.Куусинен, забрал рукопись в папке и меня снова увезли в Кремль на заседание съезда. К О.В.Куусинену я еще обращалась раза два в связи с рукописью Н.В.Демидова в другие годы.

Далее немного о Н.В.Демидове. После развода с Г.И.Бенеманской Николай Васильевич жил некоторое время один, но был очень занят, знакомился, изучал состояние драматического коллектива Бурятского театра, занимался с третьим курсом ТМУ. А быт его был крайне неустроен. В первое время жил в гостинице. Он вызвал из Москвы свою подругу молодых лет, жившую теперь одиноко, Екатерину Дмитриевну Книшек. Она была из дворянской семьи, жила одна, растеряв всех близких в трудные 20-е и 30-е годы. Екатерина Дмитриевна очевидно с юности симпатизировала Н.В.Демидову, когда он был одно время нарасхват. И по первому зову старого друга оказалась в Улан-Удэ. Николаю Васильевичу дали квартиру прямо в училище на 2-м этаже. Вскоре Екатерина Дмитриевна и Николай Васильевич поженились и официально оформили свои отношения. Теперь наш большой Учитель был обихожен как надо, у него была семья, его любили и берегли. Лишь благодаря такой ситуации Николай Васильевич смог работать с утра до вечера с нами и писать еще по ночами и в выходные дни, пополняя новыми страницами свои рукописи добытыми в течение десятилетий новыми подходами в системе воспитания актеров. Где-то зимой, в январе 1949 г. Николай Васильевич перенес инфаркт миокарда. Врачи наши предупредили, что Улан-Удэ высокое место для его сердца. Надо менять место жительства. Но получив необходимую помощь, Демидов продолжал с нами работать, готовя один, без помощников три спектакля. Выдержал, выпустил нас. И летом, готовясь покинуть наш город по настоянию врачей, сфотографировался с нами и подарил каждому на память программу наших дипломных спектаклей со своими личными пожеланиями. И я получила программку с высокой оценкой моих актерских возможностей и с пожеланием дальше учиться и трудиться под руководством Н.В. Демидова («не прощайте, а пишу до свидания»). В письмах своих он писал, что надеется в Москве открыть свою студию и пригласить туда несколько человек из нашей группы, чтобы мы могли продемонстрировать новичкам, как надо овладевать методикой работы с актерами Демидова и чего можно добиться.

Но в 1953 г. Николай Васильевич умер от инфаркта. Рукопись книги «Искусство жить на сцене» пролежала в издательстве искусства еще 10 лет и вышла в 1965 г. Мы, улан-удэнские ученики, дважды обращались письменно к О.В. Куусинену с просьбой ускорить выход книги Демидова. Он обещал, она вышла. Откликнулись на нее ученые доктора, а не люди театра. Доктор биологии Геллерштейн написал в журнале «Театр» №12 1967 г., что они удивляются, как Н.В. Демидов сумел один написать этот труд, исследуя психологию творчества актера, когда они в своей лаборатории еще не смогли, выявить в этом вопросе главные, сущностные вещи. И опять на несколько десятилетий молчание о методе и пути воспитания актеров Н.В. Демидовым. И наконец, в конце 90-х годов заговорили уже о школе Н.В. Демидова, а в 2004 г. вышло в Санкт-Петербурге трехтомное издание «Творческое наследие Н.В. Демидова», подготовленное его учеником Олегом Григорьевичем Окулевичем с группой единомышленников. По их инициативе в Театральной библиотеке Санкт-Петербурга открыт фонд Н.В. Демидова, куда стекаются сегодня многое связанное с деятельностью Демидова. Меня попросили отправить в этот фонд переписку с Н.В., и я отправила туда 13 писем, две телеграммы и открытку, полученные мною за период с осени 1949 до весны 1952 г.

Сейчас я имею у себя IV том Творческого наследия Н.В. Демидова, где во второй половине книги воссоздана переписка Н.В. Демидова с К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко, с А.Я. Таировым, с его учеником народным артистом СССР Б.Н. Ливановым и многими известными театральными деятелями. Также туда вошли 13 писем, которые Н.В. Демидов когда-то написал мне. Мне и радостно и стыдно. Стыдно, что я не сумела в 60-х годах ускорить издание книги Демидова, ибо я наткнулась на стену непонимания педагогической практики своего учителя и неприятие его практических и теоретических исследований по психологии актерского творчества. Сегодня в Москве и Санкт-Петербурге пишут диссертации о школе Н.В. Демидова, обращаются ко мне с разными вопросами. Это радует. И я по просьбе москвичей, может быть, сумею написать небольшую книжку как практически Н.В. Демидов занимался с нами, с его бурятскими учениками. Наследие Н.В. Демидова есть для нас ценное наследие, которое необходимо хранить и изучать молодыми поколениями актеров театра.

УДК 793(571.54)

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БАЛЕТА В БУРЯТИИ

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL BALLET IN BURYATIA

Значительный вклад в становление классического балета в Бурятии внесли представители русской классической школы М.С. Арсеньев и Т.К.Глязер. Они явились основателями хореографического образования в Бурятии.

M.S.Arseniev and T.K.Glyazer are representatives of Russian classical ballet school who made a significant contribution to the development of classical ballet in Buryatia. They were the founders of choreographic education in Buryatia.

Ключевые слова: искусство, театр, танец, балет, жанр, хореодрама, музыка, балетмейстер, танцовщик, труппа

Keywords: art, theatre, dance, ballet, genre, choreodrama, music, choreographer, dancer, troupe

Вопрос о том, когда, в какой момент появился профессиональный балет в бурятском сценическом искусстве и кто практически возглавил движение от народного танца к классическому, – этот вопрос до последнего времени не занимал внимания исследователей, и в силу этого отмечен печатью общей не изученности. При подходе к этому вопросу необходимо серьезное погружение в историю: в 30-е годы уже существует национальный театр, в недрах которого вызревает музыкальный театр. И зачинателем, лидером этого движения явился молодой режиссер с дипломом ГИТИСаГ.Ц. Цыдынжапов. Он первый вывел на большую сцену бурятский народный танец, поставил первую музыкальную драму в драматическом театре, привлек к работе мастеров хореографии И.А. Моисеева, М.С. Арсеньева, Т.К. Глязер. Значительный вклад в становление классического балета в Бурятии внесли представители «русской классической школы» М.С. Арсеньев и Т.К.Глязер. Они явились основателями хореографического образования в Бурятии.

Бурятский балет зародился в недрах драматического театра и драматического отделения техникума искусств, где с 1937 года начал работать М.С. Арсеньев, подбирая и готовя первые кадры для балетной труппы музыкально-драматического театра. Музыкально-драматический театр Бурят-Монгольской республики со дня своего рождения органично соединил две самостоятельные группы: драматическую и оперно-балетную, не разделенную между собой железным занавесом. Поющие драматические актеры пе-

ли в хоре, могли участвовать в народных танцевальных и пластических сценах.

В оперную группу входили молодые певцы со средним вокальным образованием: Н. Петрова, К. Гомбоева-Языкова, В. Лыгденова, Б. Балдаков, А. Арсаланов, Ш. Коротков, А. Карпов, Л. Линховоин. Балетная труппа тоже делала свои первые шаги, в ней работали А. Тогоноева, А. Жигжитова, М. Шалтыкова, Ф. Иванов, Ц-Е. Бадмаев, Т. Гергесова, Ю. Семёнова, В. Лугова, И. Бадмажапов, К. Кондрашкин и др.

Усилиями М.С. Арсеньева и Т.К. Глязер за годы войны балетная труппа значительно окрепла. Работая в драматическом театре и техникуме искусств, Арсеньев начал готовить первые кадры для балетной труппы музыкально-драматического театра. Первыми выпускниками хореографического отделения театрально-музыкального училища стали В. Хараев, Ю. Баранов, А. Хандранова, Г. Шулунова, З. Тыжеброва, В. Лугова, Н. Шагланова, Руфа Иванова, позже – В. Булгакова, Л. Желаева, Е. Абакшинова.

М.С. Арсеньев вместе с Т.К. Глязер приехали в Улан-Удэ по приглашению в 1937 году, имея за плечами десятилетний балетмейстерский стаж работы. После окончания в 1919 году хореографического училища при Большом театре М.С. Арсеньев несколько лет работал классическим танцовщиком в Большом театре, затем танцевал в Новосибирске, Бийске и других городах Советского Союза. Т.К. Глязер хореографическое образование получила в Москве в частной школе танцовщика Большого театра педагога К.А. Бека. Работала в передвижной труппе до 1924 года, когда получила приглашение в Новосибирск, где и познакомилась с Михаилом Сергеевичем. С тех пор они прожили долгую жизнь вместе, посвятив себя полностью делу, ставшему для них главным – рождению и становлению бурятского балета.

С 1939 года Татьяна Константиновна руководит в Доме пионеров Улан-Удэ хореографической студией, которую вела до неё Н.А. Майорова. После её отъезда Т.К. Глязер продолжила классическое направление в подготовке танцовщиц. В 1942 году выпускницы студии Дома пионеров, хорошо обученные Ю. Семёнова, К. Семянникова, Ю. Ладейщикова, Ф. Калинина, Л. Шелкунова, З. Машкинова и др. пришли в театр [1], влившись в состав балетной труппы, созданной в 1939 году, куда входили молодые актеры, окончившие драматическое отделение техникума искусств. Позже в труппу влились и выпускники хореографического отделения театрально-музыкального училища. Благодаря упорному труду педагогов, молодая балетная труппа росла, набирая мастерство и опыт.

Следует подчеркнуть: первые профессиональные балеты Бурятии отличала установка на освоение классики.

Когда началась война, большая часть мужского состава была мобилизована в армию, но театр продолжал упорно трудиться, работать и ставить

новые спектакли. Несмотря на военные трудности, неполноту состава, в 1941 году ставится новая музыкальная пьеса «Счастье», либретто П. Маляревского, музыка П. Берлинского. Спектакль «Счастье» – пьеса-сказка создана на материале бурят-монгольских народных сказаний и песен. Идея спектакля – борьба народа за справедливость и счастье. В этом спектакле Арсеньев поставил целую балетную картину «Солнечное царство», где в массовом танце используются несложные элементы классики, солисты балета танцуют на пальцах с усложненными поддержками в дуэте. Центральные его партии исполняли А. Жигжитова и Ф. Иванов (позднее Ц. Бадмаев), а также А. Тогонова, М. Шалтыкова, В. Чернышев, Б. Цибилов. Молодой художник А. Тимин необычно для того времени оформил спектакль, а именно эту картину: светлые парики и костюмы из бахромы и лент, переливающихся в эффектном и ярком освещении.

Несмотря на большие сложности, оперно-балетная труппа под руководством П.М.Берлинского и М.С.Арсеньева в 1943 году приступила к постановке оперы «Евгений Онегин» П.Чайковского.

В спектакле «Евгений Онегин» была занята балетная труппа. В постановке М.С.Арсеньева исполнялись танцы, где артисты использовали свои знания историко-бытового и характерного танца: в первом акте был поставлен, согласно сценарию, крестьянский (русский) танец, на балу у Лариных – мазурка; экосез и полонез – у Греминых.

Большой интерес представляет постановка балета Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан», в которой балетная труппа продолжала совершенствовать свои познания в области классического танца, работая параллельно в оперных спектаклях.

Впервые балет Б.Асафьева «Бахчисарайский фонтан» был поставлен в 1934 году в Ленинградском театре им. Кирова балетмейстером Р. Захаровым. В работе над постановкой молодому балетмейстеру, в первую очередь, необходимо было определить идею балета. Он воспользовался формулировкой В.Г. Белинского: «Перерождение дикой души через высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая!.. Если он (Гирей. – Л.П.) еще не сделался человеком, то уже животное в нем умерло»[2].

Музыка Асафьева и поэтический строй пушкинской поэмы помогли Р. Захарову определить жанр спектакля – хореографическая поэма, в которой идея балета развивается в разнообразии и богатстве настроений. Еще будучи студентом, Захаров понял, что балет – это тоже пьеса, которая должна развиваться по принципам драматургии: экспозиция (введение в действие), завязка (начало действия), несколько ступеней нарастания перед кульминацией (развитие действия), кульминация (вершина действия) и развязка (итог действия). Так впервые в основу балетного спектакля были положены законы драматургии. «В творческом методе Захарова в основу положено самое цен-

ное – это целостность всего спектакля, т.е. хореографическое действие талантливо сочетается с текстом Пушкина, музыкой, художником. Вторая ценность творческого метода Захарова – это сюжетность танца. Это очень трудная задача – не впасть в целом балете, ну, хоть в самом последнем акте, хоть под занавес – в дивертисмент, оторванный от сюжета. У Захарова этого нет, каждый танец вызван ходом сценических событий» [3]. Так молодой балетмейстер Р. Захаров сумел соединить в балетном искусстве традиции с новаторством и создал новый жанр хореодрамы: слияние танца и драматической игры балетных артистов. Это рождало танец в образе, ранее неизвестный в балете. Балет «Бахчисарайский фонтан» стал подлинным событием театральной жизни Ленинграда, а затем всей страны.

М.С. Арсеньев начал подготовку спектакля «Бахчисарайский фонтан» ещё в довоенные годы. Его увлекли и вдохновили полная драматизма партитура выдающегося композитора, основанная на глубоком знании музыки Востока, высокая поэтичность пушкинских героев и близость татарской легенды образам бурятского эпоса. Через девять лет после премьеры «Бахчисарайского фонтана» в Ленинграде (балетмейстер Р.Захаров) в июне 1943 года Бурят-Монгольский театр показал свой первый балет. «Пушкинская тема, воплощенная то в пафосно-драматический, то в игриво грациозной музыке Асафьева, была близка и понятна танцорам театра» [4]. Балет «Бахчисарайский фонтан» очень подходил по составу для только что созданной, ещё в какой-то степени полупрофессиональной балетной труппы. Спектакль хорошо «ложился» на ведущих исполнителей, в то время как кордебалета еще не было. Постановку осуществил М.С. Арсеньев, дирижировал спектакль И.Я. Забельский, декорации и костюмы были удачно оформлены приглашенным художником Д. Мордаховичем. Первыми исполнителями в спектакле были: партию Марии исполнила Мария Шалтыкова, Вацлава – Цыден-Еши Бадмаев, Заремы – Агния Жигжитова, Гирея – М.С. Арсеньев, Нурали – Федор Иванов.

Из беседы со свидетельницей этого первого, самого запоминающегося состава ролей – В.Ц. Найдаковой нам удалось реконструировать спектакль. Мария Шалтыкова, с ее природным изяществом, хрупкой утонченной внешностью и выразительным лицом, сумела передать образ юной польской княжны Марии, донести до зрителя ее чистоту и трогательность в отношениях со своим женихом Вацлавом, страх перед завоевателем Гиреем и непонимание грозных требований Заремы. Танец М. Шалтыковой, все ее движения были наполнены нежной лиричностью и внутренней одухотворенностью [5]. Позже эта партия была поручена совсем еще девочке, хрупкой 15-летней Ю. Семёновой, которая, несмотря на свой юный возраст, своим исполнением также производила яркое впечатление.

Первым из бурятских танцовщиков образы героев на балетной сцене создавал способный и талантливый Цыден-Еши Бадмаев, освоивший технику мужского танца. Стройный и восторженный Вацлав в его исполнении был полон любви и нежности к прекрасной Марии. По воспоминаниям зрителей и коллег Ц-Е.Бадмаева, его танцу были присущи легкость, воздушность, необычайная элегантность и аристократичность. «Хороши были в его исполнении пируэты и туры. Танцовщик никогда не гнался за количеством, его больше заботила их чистота формы. Прыжок не был очень высоким, но легкость исполнения сообщала ему воздушную полетность» [7].

Незабываемой, потрясающей Заремой была Агния Жигжитова. Обладая очень яркой внешностью, выразительнейшей пластикой, большими красивыми глазами, она несла в себе большой хореографический потенциал. М. Арсеньев и Т. Глязер, разглядев в А. Жигжитовой редкий талант и драматизм, начали много и интенсивно работать с начинающей танцовщицей, так как до поступления в труппу она не имела никакой специальной подготовки. Своим огромным темпераментом, живой и очень эмоциональной мимикой она завораживала зрительный зал своей любовью и преданностью Гирею, убедительно показывая, что только она, Зарема, имеет право быть с ним. Актриса создавала характер женщины, которая не хотела делить своего возлюбленного ни с кем. Поэтому, когда она вонзала кинжал в спину Марии, публика проникалась сочувствием к обоим женщинам; с одной стороны, жалея безжизненно падающую Марию, с другой – Зарему, потрясенную совершённым ею убийством, которое, однако, не вернуло ей любовь Гирея. По самоотдаче, по силе характера образ Заремы, созданный А. Жигжитовой, был случаем редкостным для того времени.

Партию Гирея на первых порах исполнял сам М. Арсеньев, позднее он подготовил и ввел в эту роль Федора Иванова, бывшего драматического актера, с отличным пантомимическим даром. Ф.Иванов создавал образ хана-деспота, показывая, как перерождается его душа через высокое чувство любви. Партия Гирея решалась почти целиком пантомимическим раскрытием действий героя. Партию второй жены, соперницы Заремы, М. Арсеньев поручил Анне Тогоновой, обладавшей легким прыжком и крепким «стальным» носком. Он ставит для нее сложнейшую вариацию, технически насыщенную, яркую и эмоциональную.

Балетмейстер очень много работал над «духом», атмосферой гарема, подчёркивая их пластической негой жён, истомлённых ожиданием своего господина. Немалую долю в актерскую подготовку исполнительниц жён Гирея внес главный режиссер театра Г. Цыдынжапов, убеждая каждую из них четко «вытанцовывать» свою мизансцену.

Удачно исполнялась партия Нурали, предводителя войска татар, сначала Ф. Ивановым, а затем И. Бадмажаповым. Нурали в исполнении Ивана

Бадмажапова был необычайно стремителен и порывист, в танце он почти летел во главе войска. Весь в динамичном движении, артист заражал и зал, и сцену своим необузданным темпераментом и диким нравом своего героя.

В связи с нехваткой профессиональных танцовщиков к спектаклю были привлечены замечательные драматические актеры. Роль князя Адама, отца Марии, исполнял драматический актер Антроп Ильин, обладающий хорошей координацией, эмоциональностью и пластикой движений танца. Сцена приглашения гостей пройти в замок исполнялась им необычайно торжественно, артистично.

Спектакль «Бахчисарайский фонтан» очень выигрывал от занятости в нём драматических актеров; даже небольшие партии были исполнены с большим актерским мастерством. Так, в роли служанки выходила талантливая драматическая актриса НайданГендунова. Мужской состав, изображающий татарских лазутчиков, нападающих на польскую усадьбу, также был собран из драматических актеров. Как вспоминает К.Т. Семянникова, одна из исполнительниц партии Марии, «они (актеры) изображали татар неистово... В третьем акте воины хана Гирея исполняют татарские пляски, они хотят разбудить Гирея от оцепенения после смерти Марии. Какая это была пляска! Зал стонал, было столько огня, темперамента ... все горело, все зажигало. Михаил Сергеевич придумал специальные движения, когда они с разбегу падали на колени, вскакивали, опять падали... Много видела с тех пор спектаклей, но таких татар я больше не встречала» [7]. Было решено, чтобы исполнять в балетных спектаклях сложные танцы, актеры драмы должны были обязательно делать «станок» (тренаж) классического экзерсиса.

Анализируя постановку балета «Бахчисарайский фонтан», мы приходим к выводу, что в своем спектакле М.С. Арсеньев раскрывал образы героев балета, сочетая танец с драматической игрой артистов, чем способствовал развитию жанра хореодрамы.

Следующим спектаклем из классического репертуара был балет «Тщетная предосторожность», поставленный М.С. Арсеньевым на музыку Гертеля в сезоне 1944-1945 годов. Эта старинная комедия с незамысловатым сюжетом, повествующим о простой и остроумной девушке Лизе (А. Тогоноева) и влюбленном Колене (Щ. Бадмаев), которые с истинно крестьянским лукавством обходят все преграды, стоящие на пути к их счастью. В этом спектакле ярко проявилось дарование А. Тогоноевой. Обладая прекрасным актерским мастерством (в балет А. Тогоноева пришла из драматического отделения), она легко и технично исполняла партию Лизы. Марцелину, мать Лизы, с большим юмором исполнил сам М.С. Арсеньев, партию Никоза – Ф. Иванов, Мишо – Н. Кондрашкин. Эти два танцовщика, еще не владеющие техникой танца в необходимой степени и школой, были редкими индивидуальностями. К. Семянникова восхищается: «Какой неподражаемый был Н.

Кондрашкин в образе Марцелины. Если Михаил Сергеевич был дородной, обстоятельной Марцелиной, то Марцелина Кондрашкина была необыкновенно лёгкая и изящная» [8].

На наш взгляд, этот спектакль продемонстрировал профессиональный рост балетной труппы. Если в «Бахчисарайском фонтане» на пуантах танцевали только солистки балета, исполнявшие партии Марии, Заремы, второй жены и паненки, то в «Тщетной предосторожности» «классическому танцу было отведено значительно больше места» [9].

Балет «Тщетная предосторожность» подготовил балетную труппу к решению следующей творческой задачи – сцены «Вальпургиевой ночи» в опере Ш. Гуно «Фауст».

Опера «Фауст», премьера которого состоялась 12 января 1945 года, стала второй классической оперой на сцене Бурят-Монгольского театра. В этом спектакле сцену «Вальпургиевой ночи» поставил М.С. Арсеньев. Балет получился ярким, красочным; сольные партии исполнили уже известные М. Шалтыкова, А. Жигжитова, А. Тогоноева, Ю. Семёнова, Ю. Ладейщикова, К. Семянникова и др. Постановкой сцены «Вальпургиева ночь» балетмейстер ещё раз продемонстрировал свою неистощимую режиссёрскую фантазию, удивительное мастерство в постановке дуэтного танца.

Таким образом, несмотря на сложности военного времени, происходит становление бурятского балета. Этот вывод вполне справедлив, он подтверждается и мнением исследователей о том, что бурятский театр, в том числе и молодая балетная труппа, «настойчиво и упорно осваивает технику, секреты своего трудного, прекрасного искусства. В театре идет постепенный процесс профессионализации коллектива» [10].

Необходимо отметить, что осенью 1943 года успешно прошли гастроли в Монголии, куда театр выехал по приглашению премьер-министра МНР маршала Чойболсана со спектаклями «Баир», «Снайпер» и балетом «Бахчисарайский фонтан». Художественный руководитель монгольского театра заслуженный деятель искусств МНР Оюн особо отмечала значение показанного во время гастролей балетного спектакля, так как этот жанр еще не был знаком монгольскому зрителю. Она писала: «Бахчисарайский фонтан» произвел огромное впечатление. Актерское мастерство бурят-монгольских артистов должно оказать большое влияние на творческий рост работников искусства МНР» [11]. Балет поразил Монголию своими яркими исполнителями, их внутренним темпераментом, актёрским мастерством.

Таким образом, зарождение и становление профессионального бурятского балета происходило под влиянием мирового, прежде всего русского классического наследия хореографии. Имея издавна сложившиеся традиции народного танцевального фольклора, в котором отразилась многовековая история бурятского народа, балетный театр Бурятии смог заявить о сво-

ем существовании уже в 30-40-е годы, смог в дальнейшем поставить перед собой задачу освоения не только классической балетной школы танца, но и создания национальной бурятской сценической хореографии.

Примечания

Из бесед с К.Т. Семянниковой (май 2006 г.) // Из личного архива.

Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1948. С.445-446.

Ивашнев В., Ильина К. Ростислав Захаров. М.: Советская Россия, 1982. С.59.

4. Бельгаев Г., Моторин Н. Бурятский театр оперы и балета. Улан-Удэ : Бурят.кн. изд-во, 1959.С. 25.

5. Из записи беседы с В.Ц. Найдаковой (февраль 2006 г.) // Из личного архива.

6. Матханов В. Первый принц бурятского балета // Бурятия. 1992. 4 нояб.

7. Из записи беседы с К.Т. Семянниковой (декабрь 2005 г.) // Из личного архива.

8. Там же.

9. Ходорковская Л. Бурят-Монгольский театр. М.: Искусство, 1954. С.172.

10. Найдакова В.Ц. Бурятский советский драматический театр. Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1974. С.162.

11. Ходорковская Л. Бурят-Монгольский театр. М.: Искусство, 1954. С.172.

УДК 792: 78: 793

Н. Цибудеева

АКТЁРСКАЯ СТУДИЯ КАК ФАКТОР УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация: В статье говорится о созидательном процессе закладывания основ театральной культуры и музыкального образования в национальных окраинах Советского Союза в 30-е годы XX века на примере Республики Бурятия при помощи специалистов из центра. Он характеризуется встречными устремлениями, когда ленинградские и московские композиторы отправлялись на места с целью сбора фольклора для создания первых музыкально-театральных произведений и преподаватели, открывавшие учебные заведения. Одарённая молодёжь с периферии, выявленная в смотрах самодеятельного творчества, оформившись в студии, направлялась на учёбу в столичные вузы. Такое

плодотворное сотрудничество способствовало созданию актёрских трупп для развития оперно-балетного искусства республики в Бурятском государственном академическом театре оперы и балета им. Г. Цыдынжапова (БГАТОиБ) и драматического - в Бурятском государственном академическом театре драмы им. Х. Намсараева (БГАТД). Первое поколение их ведущих артистов, получив профессию в стенах творческих вузов Ленинграда - Санкт-Петербурга, находилось у истоков становления театрального и музыкального искусства Бурятии, последующие его ныне успешно продвигают.

The summary: The article describes the process of founding the theatre culture and musical education in national republics of the Soviet Union in the 1930-th on example of the Republic of Buryatia. The author points out peculiarities of this process, which was characterized by two-way trends: on the one side, Leningrad and Moscow composers came to the periphery to pick folklore pieces and teachers came to open educational institutions. On the other side, talented youth, discovered in amateur performances reviews, came to the central cities. Such fruitful collaborating resulted in organizing actor's troupes in the Buryat State academic opera and ballet theatre named after Tsidinjavov and in the Buryat State academics drama theatre named after Kh. Namsaraev. The first generation of their leading actors educated in Leningrad (S.-Petersburg) was at the beginning of the Buryat theatre and musical art and has their successful followers.

Ключевые слова: социальный контекст, номадная культура, этнос, народно-натуральное пение, национальная студия, бурятская вокальная школа, прекрасное пение (bel canto), европейский оперно-концертный эталон.

Key words: social context, nomadic culture, ethnos, folk-natural singing, national studio, Buryat vocal school, beautiful singing (bel canto), Europeans opera-concert's standard.

В XX веке в жизни народов СССР произошли радикальные изменения исторических, социокультурных условий и образа жизни, связанных с урбанизацией, индустриализацией и включением в сложную систему социальных отношений. Они связаны с расчленением времяпровождения и его дифференциацию на досуговые и трудовые формы деятельности, а также выделения музыкального творчества в особый вид духовной деятельности и его дальнейшую профессионализацию [Соломонова, 2005, 125].

Эти процессы способствовали социализации в новый цивилизационный контекст и приобщению к общемировым ценностям бурят - исконных обитателей Центральной Азии, которые, являясь

представителями номадной культуры, издревле вели кочевой образ жизни и занимались скотоводным промыслом по законам «натурально-замкнутого хозяйства». В числе коренных этносов СССР они получили возможность полноценного усвоения канонов европейской культуры, когда западная модель музыкально-театрального искусства органично внедрилась в целостную систему мононациональной культуры.

Новое государственное устройство сопровождалось в 30-е годы обновлением деятельности творческих вузов страны в сторону изменения их студенческого контингента и воспитания кадров из национальных республик. Эти реформаторские начинания были отмечены импульсами, направленными от центра к периферии, когда при деятельном посредстве музыкантов-специалистов из Москвы и Ленинграда на местах зарождались ростки профессиональной музыки: закладывались композиторские школы, основы музыкального образования. А центральные консерватории открыли свои двери для талантливой молодёжи из Прибалтики и Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Сибири.

Исследование истоков бурятской музыкальной культуры свидетельствует о том, что ведущие солисты Бурятского государственного академического театра оперы и балета им. Г. Цыдынжапова (БГТОиБ, с 1979 г. - БГАТОиБ) и республиканской филармонии являются наследниками как российских, так и европейских певческих традиций. Овладев ими в консерваториях Ленинграда (С.-Петербурга) и Москвы, они за кратчайший срок проделали путь от народно-натурального пения до европейского оперно-концертного эталона.

Значительным вкладом в подготовке национальных музыкальных кадров для братских культур Советского Союза отмечена деятельность Ленинградской консерватории (далее – ЛГК, с 22/II 1938 г. – ЛОЛГК). Для подготовки коллективов-трупп в 30-е годы при ней образовались национальные отделения: бурят-монгольское, кабардинское, адыгейское [ЛГК, 1962, 6]. При Московской государственной консерватории открылось 15 студий, объединённых затем в национальное отделение [Келдыш, 1967, 208].

Формат студии, целесообразный по К.С. Станиславскому на начальной стадии творческой деятельности, служит посредником между учебным заведением и театром и, подразумевая комплексный подход в решении художественных задач, успешно адаптирует её воспитанников к сценическим реалиям.

Так, в 1948 году группа из 12-ти бурятских певцов была направлена в составе бурят-монгольской оперной студии на вокальный факультет ЛОЛГК. В их числе обладатель мощного баса, будущий народный артист СССР Лхасаран Линховоин, который обучался в классе профессора И.И.

Плешакова, воспитавшего для республики ведущих солистов БГТОиБ Кима Базарсадаева, Леонарда Шоболова.

«На сцену Бурятского оперного театра выходил Л. Линховоин, и свершалось чудо искусства», говорилось в журнале «Театральная жизнь» о его исполнении партии ассирийского полководца Олоферна в опере «Юдифь» А.Серова [Полежаева, 1965, 58]. Царственно-величавый, он изваял при помощи скульптурной пластики жестов монументальные, словно вычеканенные из гранита образы царя Бориса Годунова, короля Филиппа, стрелецкого начальника Ивана Хованского, князя Гремина, кардинала Монтанелли, хана Кончака, а также партии грозных ханов в первых национальных музыкально-драматических сочинениях.

Ведущие сопрано БГТОиБ на стадии его зарождения народная артистка РСФСР Надежда Петрова – певица с национально-характерным уклоном, ярко передававшая ориентальный колорит и заслуженная артистка РСФСР Клавдия Гомбоева-Языкова – первая исполнительница классических партий: Татьяны («Евгений Онегин» П. Чайковского), Наташи («Русалка» А. Даргомыжского), Маргариты («Фауст» Ш. Гуно) приобретали вокальные навыки в классе профессора ЛОЛГК Т.А. Докукиной. Дипломной работой выпускников студии стала опера Н. Римского-Корсакова «Царская невеста» сезона 1954/55 гг., где роль Собакина исполнил Л. Линховоин, Марфы – Н. Петрова и К. Гомбоева-Языкова; остальные удачно распределились по голосам студийцев.

Так закладывались длительные партнёрские связи между Ленинградом (С.-Петербургом) и Бурятией, а творческие коллективы северной столицы курировали на протяжении многих лет состояние музыкально-театрального искусства республики, способствуя формированию национальной вокальной школы республики. Заслуженная артистка РСФСР В.Д. Лыгденова обучалась в классе профессора О.Ф. Мшанской, которая стала затем наставницей будущих солисток БГТОиБ: Н. Жатнуевой, К. Ивановой и преподавателя вокала Д. Кунтохиейвой.

В 60-е годы Л.Л. Линховоин и В.Д. Лыгденова начали обучать вокалу в Улан-Удэнском музыкальном училище, в 70-е годы к педагогике приступили Н. Петрова и К. Гомбоева-Языкова. Профессиональная школа, полученная от ленинградских наставников в сочетании с собственным театральным опытом, дала им возможность подготовить большое количество вокалистов, приносящих славу оперной труппе, как средоточию вокальной одарённости республики, а её столице – репутацию в виде лексемы-каламбура Милан-Удэ.

Продолжателями славных традиций стали их ученики, вокалисты последующих поколений. В 1962 г. Ким Базарсадаев (1939–2002) открыл череду побед бурятских артистов в престижных профессиональных

соревнованиях и стал дипломантом Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. Глинки в Москве, удостоившись впоследствии звания народного артиста СССР. Его подлинным художественным открытием стала партия Досифея в опере «Хованщина» М. Мусоргского - «великого печальника и провидца судеб земли русской». «Самым впечатляющим Досифеем, слышанным когда-либо был солист бурятского театра К. Базарсадаев с богатой амплитудой его образных преломлений», значилось в передовице журнала «Советская музыка» 1979 года. Л. Линховоин был занят в этом спектакле в партии Хованского [Нестьева, 1986, 6].

Показ музыкальной драмы М. Мусоргского в обеих музыкальных столицах - Москве и Ленинграде стал индикатором зрелости коллектива и эталоном исполнительской культуры, обусловив присвоение ему в 1979 г. звания Академической труппы. Тогда же был подписан Договор о сотрудничестве между Ленинградским оперным театром им. С. Кирова и БГАТОиБ за подписью директора М.Э. Крастина, скрепивший налаженные десятилетиями творческие узы.

Выпускница ЛОЛГК 70-х гг. Г. Шойдагбаева - воспитанница Н.К. Петровой, будучи обладательницей настоящего *bel canto*, удостоилась в 1981 г. звания лауреата Всесоюзного конкурса вокалистов им. Глинки в Москве. Затем получила признание западных ценителей искусства пения, присудивших ей лауреатский статус в ряде международных соревнований: «Вердиевские голоса» в Буссето (Италия - 1983 г.), в Тулузе, (Франция - 1985 г.), и «Мадам Баттерфляй» в Токио (Япония - 1986 г.). По поводу её вокальных данных профессор РАМ им. Гнесиных Н.Д. Шпиллер высказалась, что певица обладает настоящей музыкальной культурой, максимально приближенной к европейским стандартам и «имеет право петь в Большом, на сценах лучших театров мира» [Якунаева, 1992, 4].

Другая воспитанница Н.К. Петровой - заслуженная артистка РФ Ольга Аюрова по завершении ЛОЛГК завоевала в 1984 г. I-ую премию Всесоюзного конкурса вокалистов им. М. Глинки. Член жюри конкурса - народный артист МНР Ц. Пурэвдорж, делясь впечатлениями, высказался, что она - «обладательница редкого, широкого диапазона меццо-сопрано хорошо владеет искусством вокала и эффектна на сцене».

В подкрепление Договора о сотрудничестве из Ленинграда в Улан-Удэ на протяжении ряда лет с постановкой спектаклей и оказанием шефской помощи приглашаются режиссёр Р.И. Тихомиров, дирижёр Е.В. Колобов, хормейстер М.Г. Кукушкин, балетмейстеры С.М. Тулубьева и многие другие. Бурятские певцы выступают на подмостках прославленного Кировского (Мариинского) театра, среди которых Валентина Цыдыпова, «имевшая феноменальный успех у публики и очаровавшей самых взыскательных меломанов». В 1997 г. на гастролях Мариинского театра в

Риме она воспринималась в партии Турандот как восточная красавица с мягкой поступью, завораживающими интонациями, нежнейшим *pianissimo* и перенявшая подобную трактовку роли у великой Монсеррат Кабалье [Игнатов, 1994, 11].

Разовых выступлений на великой сцене удостоилось в 1989 г. целое созвездие бурятских певцов: Г. Шойдагбаева - Аида, Д. Дашиев - Радамес, О. Аюрова - Амнерис со сплетением их роскошных голосов в опере Дж. Верди; в 60-е годы Л. Линховоин - с партиями Кончака в опере «Князь Игорь» и Мефистофеля - в «Фаусте».

Помимо вокалистов Ленинградская консерватория стала *alma mater* для оперных режиссёров, музыковедов, пианистов, струнников, духовиков и других специалистов в области театра и музыки. Неоценимую помощь в подготовке для республики танцовщиков сыграла кузница российских балетных кадров - ЛГХУ им. А.Я. Вагановой (Ленинградское государственное хореографическое училище. Его выпуск 1947 года способствовал укомплектованию балетной труппы БГТОиБ и осуществлению ряда балетов классического и национального репертуара: П. Чайковского, А. Глазунова, Б. Асафьева, С. Прокофьева, А. Адана, Л. Минкуса, А. Хачатуряна, К. Караева, А. Меликова, а также бурятских композиторов. В числе её выпускников - народные артисты РСФСР Ольга Короткова, Пётр Абашеев, народная артистка РБ Лариса Протасова и большое количество танцовщиков, достойно представлявших балетное искусство в республике и за её пределами.

Регулярные вливания в театральное искусство республики осуществлял Ленинградский государственный институт театра музыки и кино (ЛГИТМиК, преобразованный затем в СПАТИС). Около 50 молодых артистов обучались в 4-х выпусках национальных студий: 1-ая - 1958 г. и 2-ая так называемая «звёздная» - 1969 г., показав в творческом отчёте спектакле и концертные программы, влились в состав БГАТД им. Х. Намсараева и вели своим участием основной его репертуар [Найдакова, 2002, 128, 147]. Выживание в условиях рынка сказались на 3-ей и 4-ой студиях 1988 и 2011гг., часть которых, не вынеся жизненных невзгод, оставила профессию.

Таким образом, обзревая театральную панораму республики, можно утверждать то, что студийный метод подготовки специалистов для сценического искусства Бурятии явился эффективным средством в воспитании кадров для музыкальной и драматической трупп республики и, пройдя прочное испытание временем, явился важным фактором установления межкультурных коммуникаций Ленинград (Санкт-Петербург) - Бурятия.

Литература:

1. Соломонова Н.А. Музыкальный фольклор нанайцев, ульчей, нивхов // Автореф. дис. на соиск. учён. степ. к. ист. наук. М., 1981. - 25 с.
2. Келдыш Ю.В. 100 лет Московской государственной консерватории им. П.Чайковского. 1866–1966. Краткий исторический очерк. М.: Музыка, 1966. - 208 с.
3. 100 лет Ленинградской государственной консерватории им. Н. Римского-Корсакова. 1862–1962. Исторический очерк. - Л.: Музгиз, 1962. - 303 с.
4. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М.: изд-во Искусство. - 1980. - 430 с.
5. Полежаева Е. Под эмблемой скачущего всадника // Театр. - 1965. - №9. - С. 58.
6. Нестьева М. И. Внимание оперной культуре. За круглым столом редакции // Совет. музыка. - 1986. - №10. - С. 15.
7. Якунаева Т. Большое видится на расстоянии... // Правда Бурятии. - 1992. - 4 дек. - С.4.
8. Гомбоин Ч. Гастроли начались успешно // Правда Бурятии - 1979. - 21 апреля.
9. Найдакова В.Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева - последняя четверть XX в. (1975-2002 гг.) Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. - 310 с.
10. Мартыненко Л.А. Балет Бурятии // Кучеров В. Фотоальбом. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. - 72 л. илл.
11. Игнатов В.Мадам Баттерфляй из Улан-Удэ // Совет. культура. - 1994. - 12 фев. - С.12.

Literature:

1. Solomonova N. A. Musical folklore of Nanaïis, Ulchi, Nivkhs. Avtoref. yew. step. to. ist. sciences. M, 1981. 25 p.
2. 100 years of the Leningrad state conservatory of N. Rimsky-Korsakov. 1862–1962. Historical sketch. L. : Muzgiz, 1962. 303 pages.
3. Keldysh Yu. V. 100 years of the Moscow state conservatory of P. Tchaïkovsky. 1866–1966 . Short historical sketch. M.: Music, 1966. 208 p.
4. Stanislavsky K.S. My life in art. M.: publishing house Art, 1980. 430 p.
5. Polezhayeva E. Under an emblem of the skipping rider. Theatre, 1965. no. 9. P. 58.
6. Nestjeva M.I. Attention to opera culture. At round table of edition. Council. music, 1986. no. 10. P. 15.
7. Gomboin Ch. Tours began successfully. The Truth of Buryatia 1979, 21 Apr. P 2.

8. Yakunayeva T. The great sees each other at distance. Ethe Truth of Buryatia, 1992 . 4 Dec. Page 4.

9. Ignatov V. Madam Batterflyay from Ulan-Ude. Council. culture, 1994. 12 Feb. P.12.

10. Martynenko L.A. Ballet of Buryatia. Kucherov V. Photo album. Ulan-Ude: Buryat book publishing, 1979. 72 p. ill.

11. Naidakova V.Ts. Buryat academicals drama theatre Kh. Namsaraev's name – the last quarter of XX c. (1975-2002 yy.) Ulan-Ude: VSGAKI publishing, 2002. 310 p.

УДК 793.38(571.54)

С.В. Коновалова

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Красиво танцевать всегда престижно.

Бальные танцы – это красиво, стильно, и всегда модно.

В Бурятии танцевальный спорт получил свое развитие с 2000 года, когда по инициативе руководителей пяти танцевальных клубов г. Улан-Удэ, была создана Федерация танцевального спорта Республики Бурятия. В этом же году сразу были выполнены все необходимые процедуры, и Федерация Бурятии стала действительным членом Федерации танцевального спорта России.

С первых дней существования Федерация выполняет свою главную цель – развитие танцевального спорта в Республике. Были регламентированы основные принципы взаимоотношений между членами федерации и танцорами, скоординированы графики проведения соревнований.

В 2001 году были проведены первые Первенства и Чемпионат Бурятии по всем возрастным категориям.

В 2004 году Федерация вступила в Межрегиональное объединение федераций спортивных танцев Сибири. Судьи Бурятии получили право участвовать в судейских коллегиях Первенств Сибирского Федерального округа. Постепенно стало увеличиваться количество клубов.

В 2011 году организация насчитывала 7 клубов, в которых занимались около 250 зарегистрированных танцоров в возрасте от 6 до 20 лет, и еще не менее 250 детей, подростков и молодежи занимались в группах начинающих. Были созданы специальные группы для начинающих взрослых, основным направлением которых является стимулирование активной жизнедеятельности, улучшение здоровья, увеличение уверенности в себе, возмож-

ности встречи людей и поиска новых друзей через обучение спортивным бальным танцам.

В состав Федерации входили следующие клубы:

1. «Вдохновение» - год создания 1974, руководитель Вера Мангутханова (отличник народного просвещения РСФСР, заслуженный работник культуры РБ и России)

2. «Вера» - 1996 год, руководители Александр Зубенко и Геля Мардаева (заслуженные работники культуры РБ)

3. «Виват» - 1995 год, руководитель Светлана Коновалова

4. «Дебют» - 1994 год, руководитель Антон Шабанов

5. «Милан» - 2001 год, руководитель Наталья Ефимова

6. «Мистер Данс» - 1999 год, руководитель Елена Обухова

7. «Реверанс» - 1996 год, руководитель Татьяна Малина

Почти ежемесячно начиная с ноября и заканчивая в июне, проводятся городские и межрегиональные турниры: «Параданс», «Зимняя сказка», «Виват Данс», «Дебют», «Подснежник», «Жемчужина Байкала», «Танцевальное лето».

Воспитанники танцевального спорта Бурятии неоднократно являлись призерами и финалистами крупнейших и престижных соревнований в г.г. Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита, Якутск, Владивосток. Танцоры Бурятии принимали участие в международных турнирах в Дании и Великобритании, Финляндии и Сербии, Монголии и Италии, Украине, Китае, становясь победителями и призерами. В 2004, 2005 и 2006 годах детские и юниорские дуэты клубов города становились победителями международного турнира в Монголии.

Ежегодно членами ФТС РБ организовывались семинары по европейской и латиноамериканской программам для танцоров, тренеров, судей с участием ведущих специалистов российского танцевального спорта: Александра и Елены Саватиных (г. Нижний Новгород), Игоря Угай (г. Томск), Сергея Славского и Натальи Уткиной (г. Кемерово), Виктора и Оксаны Белобородовых, Ирины Перфильевой (г. Иркутск), Эльвиры Романовой, Ирины Габдрахмановой (г. Москва) и многих других.

Федерация тесно сотрудничала с Комитетом по молодежной политике Министерства образования и науки РБ, Республиканским Агентством по физической культуре и спорту. Идет совместная работа с городскими отделами образования, спорта, культуры.

С самого начала работы организации нам хотелось отойти от стереотипа проведения танцевальных конкурсов, слишком «заспортизированных» и через чур деловой атмосферы. Все-таки танцы, даже спортивные, не сводятся к результату на пьедестале и не могут быть лишены процесса его достижения, суть которого классно сформулировал Ленн Гудмен – «красота

находится в глазах зрителей». Если нет красоты, много ли стоят места? Они ведь так быстро забываются. Атмосферу танцевального, а не спортивного конкурса мы решили создать выступлениями начинающих танцоров. А ведь их арсенал не так уж и велик. Они еще не могут качественно и красиво исполнить стандарт или латину, но уже хорошо танцуют диско и польку. А участие в конкурсе, познание его законов не стоит откладывать до того момента, пока всем девочкам не найдется партнер мальчик и они одолеют начальные схемы спортивных танцев. Поэтому мы стали проводить конкурс для начинающих танцоров: «Восходящие звезды» и «Star Open». На этих турнирах участвуют дети и подростки от 5 и до 15 лет, занимающиеся танцами порой менее полугода. Они исполняют 2, 3, 4, 5 танцев, такие как «Медленный вальс» и «Полька», «Ча-ча-ча» и «Самба», «Квикстеп» и «Джайв», в зависимости от возраста и уровня подготовки.

Наша федерация, одной из первых в Сибири, ввела в регламент соревнований такую категорию, как «Соло». Наш опыт быстро переняли наши ближайшие соседи – Иркутск и Чита.

А теперь о проблемах. Принципиально важной проблемой является дальнейшее развитие и спортивный рост танцевальных пар, тренерского и судейского корпуса. Поясню почему.

В 2012 году была образована новая организация – Союз танцевального спорта России во главе с известным дизайнером Валентином Абрамовичем Юдашкиным. Произошла, так сказать, революция в танцевальном спорте. К власти пришли люди, недовольные своим положением в старой организации.

В Бурятии такой «Союз» был создан тремя членами одного коллектива – ансамбля «Вдохновение». Они и стали полноправными и единственными членами новой организации. По новому Уставу остальные представители 6 клубов являются всего лишь сторонниками, т.е. оплачивая весьма немалые денежные взносы – ежемесячный, ежегодный, судейский, взнос спортсмена, взнос с начинающих танцоров!, не имеют ни права голоса, ни права решения, ни представительства в Президиуме. Таким образом сторонники являются «спонсорами» новой организации. Тем самым была создана конфликтная ситуация между руководителями и тренерами, а также родителями спортсменов и новой организацией в нашей республике.

За период с 2000-го по 2012 год была сформирована отлаженная, продуманная система взаимодействия между клубами, тренерским и судейским корпусом, спортсменами, их родителями, государственными учреждениями по культуре, образованию и спорту.

На данный момент новой организацией – Союзом танцевального спорта Бурятии принимаются решения, носящие порой не правовой характер. Так, «под запретом» оказались такие «раскрученные» турниры, как Рос-

сийский турнир «Параданс», межрегиональный «Виват Данс», городские «Дебют» и «Танцевальное лето». То есть запрещено как проводить, так и участвовать в них танцорам из других клубов, а судьям работать в составе судейских коллегий. За то, что мы все таки проводим турниры, собирая полные залы зрителей и участников, нас лишают даже статуса сторонника организации, удаляют из базы данных судей России. Последнее является полнейшим нарушением законодательства РФ. И тем не менее мы продолжаем жить и работать, потому что любим свое дело и продолжаем отстаивать свои права.

Мною в 2009 году был открыт филиал танцевального клуба «Виват» в г. Гусиноозерск Селенгинского района. За эти годы мои ребята достигли определенных успехов: воспитанники клуба Цыренжапов Сергей и Буянтуева Нарана становились победителями Первенства Бурятии 2009 года, завоевали Открытый кубок Бурятии 2011 года, стали победителями Российского турнира «Жемчужина Байкала 2013 года. Четыре года моим клубом проводится в г. Гусиноозерск традиционный турнир «Виват Данс». В перспективе я думаю включить в программу соревнований категорию «студенты» по «Е», «D» и в дальнейшем «С» классу и выше.

По поводу турниров.

При организации и проведении турниров всегда сталкиваемся с проблемой финансирования. Если турнир стоит в плане проведения мероприятий Республиканского Агентства по физической культуре и спорту, можно ожидать финансовой поддержки от 30 тысяч рублей и выше. Но расходы невероятно выше – это и оплата проезда, проживания, работы судей из других регионов, расходы на призовой фонд, на печатную и рекламную продукцию, оплата работы ведущего, компьютерной группы, оплата аренды зала. Хлопот расходов и подготовки – масса! Поэтому не все клубы берутся за проведение турниров.

И еще хотелось бы, чтобы наши «звездочки» паркета, наши танцевальные дуэты были поддержаны государством и меценатами, поскольку главными и единственными «спонсорами» являются родители спортсменов. Низкий им поклон и огромное спасибо.

Так же в перспективе развития спортивных бальных танцев в нашей республике и в частности в нашем ВУЗе – подготовка студенческих танцевальных дуэтов к чемпионатам Сибири которые ежегодно проводятся в г. Томске, а так же к фестивалям ансамблей проводимых в г.г. Иркутск и Чита.

И еще одно значительное событие танцевальной жизни Бурятии – этим летом инициативой руководителей, тренеров, исполнителей спортивных танцев, судей Республики Бурятия (всего 12 человек) создана новая Федерация танцевального спорта Республики Бурятия. Наша организация прошла государственную регистрацию в Министерстве Юстиции Республики

Бурятия. Мы подали заявку на аккредитацию в Республиканское Агентство по физической культуре и спорту, надеемся на положительное решение. В ближайшие сроки мы принимаем план работы Федерации, составляем график проведения соревнований и различных мероприятий города и республики, активно пропагандируя искусство танца, здоровый образ жизни, решая проблемы воспитания и досуга молодого поколения.

УДК 94(57)

Е.С. Манзырева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

ART LIFE IN EAST SIBERIA IN THE END OF XIXth - BEGINNING OF XXth CENTURIES

Аннотация: В статье анализируются изменения в художественной жизни Восточной Сибири после строительства железной дороги. В городах региона появляются новые художественные объединения, проводятся художественные выставки, развивается профессиональное искусство.

Annotation. The author analyses changes in the art life of Eastern Siberia after the railway construction. As a result, new art associations were founded, art exhibitions were held, professional art developed in regional cities and towns.

Ключевые слова: художественная жизнь, культура, региональная культура, город, формы художественной культуры, искусство.

Keywords: art life, culture, regional culture, town, art culture forms, art.

Культура, являясь результатом деятельности человека, многогранна. Наука и образование, искусство и политика, экономика и повседневная жизнь неразрывно связаны друг с другом и изменения в одной сфере влекут за собой преобразования в другой. Наиболее ярко это прослеживается в исторической динамике. В качестве примера в данной статье мы попытаемся выявить изменения, произошедшие в художественной жизни Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.

С середины 80-х гг. XIX века происходят крупные преобразования культурного пространства рассматриваемого региона, связанные со строительством Сибирской железной дороги. Для отдаленной провинции, какой была Восточная Сибирь, немаловажным фактором развития были дороги как железные, так и трактовые. Они являлись единственным связующим звеном с центром России, способствовавшим притоку нового населения как

по культурному и социальному показателю, так и по роду профессиональной деятельности [2, с. 348-349]. С проведением в 1885 г. железной дороги стремительно стал меняться не только экономический образ восточносибирских городов, но и их культурный облик. Великий Сибирский путь облегчил и активизировал экономические контакты деловых людей, связав города Восточной Сибири с крупнейшими торговыми, промышленными и культурными центрами.

Этот же фактор способствовал притоку в регион новых людей, идей и новаций, пришедших на смену влияния декабристов, большая часть из которых к тому времени уже вернулась к себе на родину. Из центра стали приезжать гастролеры, выпускники столичных учебных заведений, техническая и научная интеллигенция. В край потянулись художники со столичным образованием и известные мастера других региональных центров, способствовав тем самым новому витку в развитие региональной художественной культуры. Начиная с середины XIX века в городах Восточной Сибири, работали выпускники Императорской Академии художеств Л. Игорев и С.Б. Бирнбаум, часто бывал в Сибири О. Сегаль. Природа Забайкалья и окрестности Иркутска в начале XX в. привлекла Я. Бровара, ученика М. Клодта, А. Куинджи, И. Шишкина. Оставил свой след в художественной жизни Забайкалья К. Маковский [3, с. 150].

Тем самым, динамика развития художественной культуры края на рубеже веков определялась усилением общественной инициативы и постепенным наращиванием форм художественной практики, которая проявилась в последовательной и энергичной деятельности просто любителей и профессиональных художников – выпускников столичных учебных заведений, в активизации выставочной деятельности, организации общественных художественных объединений и зарождении художественной критики.

Следовательно, оживление просветительской деятельности во второй половине XIX в., усиление демократических тенденций были теми процессами, которые обусловили оживление художественной жизни Восточной Сибири в начале прошлого века. На страницах сибирских и столичных газет, журналов активно обсуждались вопросы, касающиеся современного состояния художественной жизни и изобразительного искусства Сибири, в частности, необходимости организации в крупных губернских городах рисовальных школ, художественных выставок, обществ любителей изящных искусств, художественных музеев и художественно-промышленных мастерских с целью всестороннего изучения традиционных кустарных промыслов. В этот период в городах Красноярск, Иркутск, Чита, Верхнеудинск были образованы художественные общества, каждое из которых стремилось расширить свою деятельность до всесибирского масштаба.

Известно, что в культуре России рубежа XIX-XX вв. различные объединения художников и любителей искусств играли значительную роль, представляя одну из характерных форм художественно-общественной деятельности. Характерным движущим мотивом при рождении тех или иных обществ было стремление к художественному самовыражению, общению, духовно насыщенному досугу. Однако функции подобных объединений этим не ограничивались. Часто они имели благотворительные задачи, выступали организаторами выставок, а также вносили существенный вклад в развитие художественного воспитания и просвещения широких слоев населения, профессионального образования, создания специальных учебных заведений.

Рождение подобных организаций было подготовлено общим ходом расширения общественной сферы искусства и стремлением местной интеллигенции разнообразить культурную жизнь. Сменяя друг друга, существовали различные художественные общества – «Кружок любителей музыки и литературы» в Нерчинске (1885), «Общество любителей музыки и литературы» в Иркутске (1881), «Троицкосавское литературно-музыкальное общество» (1887), «Общество любителей музыки, пения, литературы и драматического искусства» в Верхнеудинске (1913-1914), «Общество художников» в Иркутске (1910 или 1914), «Забайкальское фотографическое общество» и пр. В них входили и активно работали многие художники, как профессионалы, так и любители (М.А. Рученко-Короткоручко, С.Р. Бирнбаум, Н.М. Чистяков и др.). Во главе этих обществ стояли яркие, талантливые личности, например, Н.С. Щукин – в Иркутске, М.Н. Бутин в Нерчинске, Н.С. Нелюбов в Верхнеудинске, А.А. Лушников в Троицкосавске.

В рамках деятельности обществ раскрылся талант многих деятелей культуры того времени, как любителей, так и выпускников профессиональных художественных заведений – художников, музыкантов, актеров, которые своим творчеством формировали и воспитывали художественно-эстетические вкусы земляков. Тем самым, общественно-художественные организации становятся своеобразными культурно-просветительскими центрами Восточной Сибири. Они способствовали укреплению связей в среде интеллигенции, становились средоточием профессиональных интересов.

Кроме того, деятельность этих обществ выступала одной из форм коммуникаций в сибирском обществе, являясь специфической чертой культурной жизни в уездных городах. Они были местом общения не отдельной части городского населения, а проводили именно массовые культурные мероприятия, т.е. характеризовались открытостью и доступностью для всех слоев городского населения. Так, например, задолго до того, как было получено официальное разрешение Забайкальского губернатора появились Троицкосавские семейные вечера (1875 г.). Проведение семейных вечеров, на

которые могли прийти все желающие говорило о том, что сибирское общество вообще, и кяхтинское в частности, не любило помпезности и ритуализированности светских раутов, «домашняя» обстановка была ему более близка по духу [2, с. 204-205].

Надо отметить, что большинство любительских объединений существовало недолго, чаще всего их закрывали официальные власти. Данная участь постигала большинство обществ не только в Восточной Сибири, но и по всей России. В условиях политических событий, происходящих на рубеже XIX-XX вв., царское правительство опасалось любых проявлений свободомыслия, а театральные кружки, даже любительские по своему характеру, вызывали определенные подозрения [4, с. 322].

Но, несмотря на то, что многие общества были недолговечны, нельзя сказать, что они исчезали бесследно, потому что оставались «духовные» связи между участниками объединений - преподавателями учебных заведений, купцами, чиновниками, художниками, артистами, писателями. В большинстве своём эти люди были творчески близки друг другу и жили общими интересами. Например, наиболее активными актерами-любителями в Верхнеудинске на протяжении многих лет были учительница Е.А. Танская, врач Г.Д. Болтенко, хирург А.Г. Легер, прекрасно владеющий игрой на струнных инструментах, С.Б. Нодельман, владелец типографии, издатель газеты «Верхнеудинский листок», владельцы сети магазинов братья Л. и Э. Клейн, возглавлявшие струнный квартет и др. [3, с. 232-233]. Сохранялись также художественные идеи и творческие принципы, которые зародились в процессе общения членов кружков. Именно в совместной деятельности они впервые ощутили и поняли свою общественную миссию: эстетическое преобразование окружающего быта, самой жизни. Многие из них пытались позднее, в начале прошлого века, продолжить замыслы и планы, намеченные в обществах, что выражалось в создании музеев, открытии рисовальных школ, организации художественных выставок.

Таким образом, деятельность обществ носила просветительский характер и включала популяризацию искусства, воспитывала художественный вкус городского населения. Члены обществ много сделали для формирования кадров профессиональной художественной интеллигенции. Причем сам характер деятельности этих обществ необходимо рассматривать не как изолированное, чисто сибирское, а как типологически обобщенное общероссийское явление. Аналог можно найти практически в любом крупном провинциальном городе конца XIX в. [3, с. 232-233].

Анализируя становление новых художественных традиций, следует обратить внимание на то сильнейшее воздействие, которое оказали лучшие учебные заведения Москвы и Петербурга на облик художественной жизни России рубежа веков. Одной из главных причин заметного оживления худо-

жественных процессов в городах Восточной Сибири, как и в других губернских городах, было то, что благодаря строительству железной дороги здесь появилась целая плеяда молодых художников - воспитанников столичных и зарубежных художественных учебных заведений (Петербург, Москва, Вена, Берлин). Так, в это время начали свою работу выпускник Петербургской академии художеств С.Р. Бирнбаум, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества Н.И. Верхотуров. Проходили стажировку за рубежом И.И. Жуков и Г.Г. Энгель. Новое поколение активно включалось в художественную жизнь города. Педагоги-художники стремились внести в школьный процесс лучшие наработки, традиции и формы. Это позитивно сказывалось в первую очередь на формировании художественного мировоззрения их учеников, а во-вторых, вносило творческое разнообразие и стилистические приемы в художественные процессы описываемого периода [1, с. 121-122].

Активизация художественной жизни на рубеже XIX – XX вв., по сравнению с предшествующими десятилетиями, являлась естественным следствием притока из центра ярких творческих личностей, а также общего культурного подъема в России, в том числе и в Сибири, и не было явлением локальным и исключительным. Это мощное вливание сил дало результаты, сказавшиеся не только на повышение уровня любительства, но и на развитие профессиональной художественной деятельности: выставочного дела, открытия художественных школ (хотя и не долговременных), формировании профессиональных театральных трупп и т.д.

Таким образом, строительство железной дороги помимо развития социально-экономической сферы региона, способствовало профессионализации культуры. Была сформирована первичная база для дальнейшего развития культуры, подготовлены кадры создателей и потребителей будущей профессиональной художественной культуры. В конце XIX в. в городах региона сформировалась та художественная среда, которая была способна реализовывать все функции региональной художественной культуры, а именно создавать, сохранять и транслировать произведения искусства.

Примечания:

1. Иманакова Е. Г. Художественная жизнь Восточного Забайкалья как явление культуры второй половины XIX – первой четверти XX вв. : дис. ... канд. культурологии / Е. Г. Иманакова. – Улан-Удэ, 2002. – 219 с.
2. Ляпкина Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири конец XVII – начало XX вв. / Т. Ф. Ляпкина. – Санкт-Петербург : ИНФО-ДА, 2006. – 387 с.

3. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т. В. Паликова – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. – 260 с.

4. Русские в Бурятии : история и современность / отв. ред. В. И. Затеев. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. – 578 с.

УДК 37:78:94(571.53)

Н.Е. Морозова

**ФОРТЕПИАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ВОСПИТАННИЦ ДЕВИЧЬЕГО
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КЛАССА
В.П. БЫКОВОЙ (1858-1879 Г.Г.)**

**TEACHING PIANO PLAYING TO THE LEARNERS OF THE
GIRLS' INSTITUTE IN EASTERN SIBERIA IN THE SECOND
HALF OF THE XIX CENTURY
(CLASS OF V.P.BYKOVA (1858-1879))**

Аннотация: Статья посвящена истории фортепианного образования в Восточной Сибири, которое связано с именем В. П. Быковой, начальницей Девичьего института в Иркутске. В. П. Быкова и ее сестра А. П. Быкова стали одними из основателей профессионального направления в обучении фортепианной игре в г. Иркутске.

The article is devoted to the history of piano education in Eastern Siberia which is connected with V.P.Bykova, the head of the Girls' Institute in Irkutsk. Sisters V.P. and A.P. Bykov were among the founders of professional piano playing teaching in Irkutsk.

Ключевые слова: музыкальное образование в Восточной Сибири, музыкальное образование в г. Иркутске, фортепианное исполнительство, история музыкального образования в Сибири, Девичий институт в г. Иркутске

Keywords: musical education in Eastern Siberia, musical education in Irkutsk, piano playing, the history of musical education in Siberia, Girls' Institute in Irkutsk

Методические принципы пианистки Варвары Петровны Быковой (1820-1886), ее отношение к ученикам – источник ценной информации для современного поколения преподавателей фортепиано, профессиональный и личностный рост которых возможен только при соприкосновении с замечательными явлениями прошлого. Именно так следует

охарактеризовать светлый образ Варвары Петровны, который запечатлели исповедальные страницы ее Дневника. «Записки старой смолянки», как их оценивают историки литературы А.Тартаковский [7] и Н.П.Матханова [5] представляют собой выдающееся явление в женской мемуаристике XIX века. Это двухтомный труд, опубликованный в Санкт-Петербурге соответственно в 1898 и в 1899 годах, т.е. уже после смерти автора. Вторая часть связана «Записок» связана с Иркутском, в который Варвара Петровна приехала вместе со своей сестрой Анной Петровной Быковой, назначенной начальницей Девичьего института. Дневник принадлежит к широко цитируемому историками, краеведами, искусствоведами [1,4,6,8,9] образцу мемуарной литературы, однако углубленное его изучение с точки зрения методики и практики фортепианной игры, содержания музыкального обучения в Иркутском Девичьем институте, осуществляется впервые.

В.П. Быкова родилась в Киеве, в 1820 году в многодетной, религиозной семье. Поэтическое взаимопроникновение природы и народных песен впитала нежная натура девочки, определив в ней глубинное понимание и чувство музыки. В 1827 году, к огромной радости отца, сестры Анна и Варвара были зачислены в Смольный институт. Институты благородных девиц открывались в России со второй половины XVIII века по инициативе самодержавной власти для воспитания женщин разносторонне образованных, добродетельных, преданных Отечеству и престолу. Введение музыки в структуру обучения не имело профессиональной направленности, а осуществлялось с целью духовного развития воспитанников, в котором музыке отводилась ведущая роль¹. Исследователь Демченко Е.Н. [3,с.14].

¹ Деятельность институтов благородных девиц регулировалось правительственными документами от 1852 года (написаны принцем Г.П. Ольденбургским) «Наставления для образования воспитательных женских учебных заведений». и от 1890 года (написаны учебным комитетом ведомства учреждений императрицы Марии) «План музыкального преподавания». В этих документах ярко выражено понимание ценности музыки, которое организаторы видели в том, что «она неотразимо действует на духовную природу человека, развивая и совершенствуя добрые качества его ума и сердца и делая его восприимчивым ко всему прекрасному». Планы предусматривали содержание музыкального образования, связанное с включением трех обязательных дисциплин - хорового пения, элементарной теории музыки и фортепиано. Избрание фортепиано в качестве основного инструмента обосновывалось его уникальностью, дающего возможность исполнять всю музыкальную литературу и его распространенностью в российском обществе. В документе содержалась установка на музыкальное развитие воспитанниц и широкое ознакомление их с различной по форме и жанрам музыкальной литературой. Под общим

считает, что решающее влияние на развитие музыкального образования в элитных учебно-воспитательных учреждениях Петербурга в первой половине XIX века оказывали иностранные педагоги, среди которых были Д. Фильд, А. Гензельт, А. Герке и др.. Джон Фильд стимулировал развитие художественного кругозора учеников, развивал их самостоятельность и инициативу, вокально-речевое интонирование как способ фортепианного высказывания. А. Л. Гензельт, упорядочил и связал цели и средства музыкального воспитания, создал методическое обеспечение всего процесса фортепианного обучения. Влияние А. А. Герке способствовало включению в репертуар сочинений западно-европейских композиторов – Шопена, Шумана, Листа, Мендельсона. В общении с этими специалистами высокого класса получила хорошее музыкальное развитие и смолянка В. П. Быкова, которая окончила институт в числе лучших в 1836 году. С ранней молодости она не довольствовалась чувствованием музыки, а с увлечением изучала музыковедческие труды, добывая их с большим трудом. После окончания Смольного института сестры В.П. и А.П. Быковы в нем же служили классными дамами до 1858 года. В свободные от службы дни они выезжали в свет, а Бенедиктов, Глинка, Каратыгин были в числе их близких знакомых. Таким образом, в Иркутск приехали широко образованные дамы зрелого возраста (им было около 40 лет), имеющие опыт обучения и преподавания в Смольном Институте, а также общения в кругу просвещенных и даровитых людей своего времени.

Ко времени их приезда это было единственное учебное заведение в городе, где обучение фортепианной игре было поставлено на профессиональную основу. Девичий институт работал к тому времени уже 13 лет (с 1845 года), для того, чтобы дочерям благородных людей дать по возможности сообразное с их званием и состоянием образование. В 1858 году Анна Петровна по воле императрицы вступила в должность начальницы Девичьего института. Варвара Петровна преподавала французский язык, литературу, фортепиано, вела хоровые занятия, дополнительно занимаясь церковным пением. Анне Петровне были свойственны требовательность, колоссальная работоспособность, проистекающая из сознания ответственности за формирование нравственного и образовательного облика институток. Интересно, что Варвара Петровна, характеризуя деятельность сестры, дает в «Записках» исчерпывающий портрет идеального руководителя: *«...кто заменит Анну Петровну? ...Кто совместит в одно лице и сердечную всепрощающую*

музыкальным образованием понималось развитие способности слышать, слушать, чувствовать и понимать музыку.

доброту, и светлый, образованный ум, и твердый характер, и крепкую волю, и кипучую деятельность?» [2, том 2, стр.280].

Период их «кипучей деятельности» исследователи назовут «Золотым веком»[6] в истории Девичьего института, который в самом начале ознаменовался переездом в новое, каменное здание, между Набережной и Троицкой улицей, построенное на деньги иркутского мецената Е.А. Кузнецова (в июле 1861 года). Заботами Анны Петровны был возделан сад, окружающий институт. Рисуя атмосферу Девичьего института той поры, В.П. пишет: *«Звуки прекрасного рояля Штюльцаге неслись к нам из окон залы и из дверей, растворенных настежь. Нежные, страстные, ласкающие напевы разливались в воздухе.....»*[2, том 2, с.232].

Сестры Быковы сразу обратили особенно большое внимание на музыку, как на важнейшее средство воспитания. В институте был осуществлен целый ряд нововведений, в результате которых количество обучающихся музыке увеличилось вдвое: в 1858 году музыкой занимались всего 30 учениц, а в 1867 году- уже 60. Ими была создана система контроля, стимулирующая воспитанниц сначала к занятиям, а затем и к реальным профессиональным успехам. Для этой системы была свойственна четкая иерархия в соответствии со способностями и успехами, которая касалась уровня сложности фортепианного репертуара и постановки художественных задач. Варвара Петровна с удовлетворением отмечает: *« испытания принесли большую пользу: музыка идет с наибольшим успехом и охватывает все больший и больший круг воспитанниц...»* [2, том 2, стр.200]. В институте формировалось особое отношение к одаренным ученицам, считалось необходимым развитие их музыкального потенциала в институтских стенах. Преподавателям советовалось избегать педантичности в обучении, искать разнообразные приемы, пробуждающие у воспитанниц любовь к музыке и желание овладеть игрой на фортепиано.

Что же касается содержания фортепианного обучения, то исследователи истории музыкального образования свидетельствуют, что фортепианные занятия в Девичьем институте Восточной Сибири непременно включали работу над упражнениями и инструктивным материалом, исполнение произведений крупной формы, полифонических произведений строгого и свободного стиля. На уроках фортепиано предусматривалось чтение с листа и игра в ансамбле. Совместная игра устанавливалась обязательно в течение всех лет занятий. Рекомендовано было год от году увеличивать количество участников фортепианных ансамблей и практиковать на старшей ступени обучения исполнение музыки в 8 , в 16 и более рук [1,6].

За 19 лет своей службы в иркутском институте В.П. Быкова воспитала немало хороших пианисток. Об этом свидетельствует не только

поэтические впечатления об игре ее учениц, но и уровень сложности изучаемых в ее классе фортепианных сочинений. В.П. Быкова упоминает в «Записках» следующие произведения, составляющие основу концертного репертуара воспитанниц своего класса, среди них: фортепианные транскрипции-квартет из «Пуритан», в переложении Тальберга; «Желание» Шопена, переложенное Розенгеймом [2, том 2, стр.202], фантазию на «Жизнь за царя», фантазию Тальберга на «Пуритан», Гория «Геркуланум»; фортепианные ансамбли- К.М.Вебера в четыре руки, увертюра из «Фрейшюца» («Вольного стрелка» на 2-х роялях в восемь рук, Adagio и Rondo из 2-го концерта К.М.Вебера и «Allegro marsiale» Ашера в 8 рук на двух роялях; камерные ансамбли- секстет И. Мошелеса со струнным квинтетом [2, том 2, с.290]; переложения для фортепиано симфонических и оперных произведений - увертюра к «Эдмонду» Л.В. Бетховена, увертюры К.М.Вебера в 4 руки и на двух фортепиано в восемь рук, увертюры из оперы Дж. Верди «Вильгельм Телль», В.А. Моцарта дуэт из «Дон-Жуана», переложенный для двух роялей, увертюра из оперы Дж. Верди «Вильгельм Телль» на 8 рук для двух роялей; дуэт из «Эврипиды» и Adagio и Rondo из концерта К.М.Вебера; обе пьесы для двух роялей; концертные пьесы для фортепиано - Ф. Мендельсона и Ф.Листа, Тальберга, две пьесы Гория, вальсы и ноктюрны Ф.Шопена, Шлессера «Соловей и роза» [2, том 2, с.189], «Allegro» из сонаты К.М. Вебера соло, Allegro из «Аппассионаты» Л.В.Бетховена, фантазия для фортепиано Кетерера, вариации Герца на мотив из оперы «Иосиф», «La regata vemtiana» Ф.Листа и «Largo appassionato» из второй сонаты Бетховена ля мажор, «Лесной царь» Ф.Шуберта- Ф. Листа и мн.др. [2, том 2, стр.272].

Занимаясь с ученицами, В.П. Быкова требовала в первую очередь понимания авторского замысла, работала над туше, добиваясь красивого, глубокого пения фортепиано, простого, без вычурности интонирования. В.П. Быкова требовала, чтоб исполнение соответствовало духу и стилю сочинения. Она воспитывала у учениц потребность в осмысленном исполнении произведений, много внимания уделяя красоте и выразительности звукообразования и добиваясь в их игре технического блеска. На страницах «Записок» мы находим живые свидетельства автора об игре воспитанниц своего класса: *«Да!..С. (Сибирякова Ольга Михайловна, по мужу Вяземская) умеет передавать Chopin'a, как никто!» «Ольга Вяземская исполнила увлекательно это Allegro (из сонаты Вебера, ля мажор, прим.авт.)....Какое богатство мыслей, сколько разнообразия в оттенках, сколько света, чувства, радости; какая раздольная, молодая удаль слышится в пленительном Allegro....И передала же его мастерски Ольга Вяземская! Сколько изящества, грации, а местами сколько огня, стремительности, — просто роскошь! ...»* [2, том 2, стр.252]. Одной из

самых талантливых, любимых учениц Варвары Петровны была Вера Петровна: *«Вера Петровна играет в зале. Я, сидя в кабинете, хотела читать, но не могу: Largo из сонаты Ре мажор Бетховена привлекает все мое внимание. Боже мой! Что это за звуки! Сколько высокой поэзии в этих дивных музыкальных речах...»* [2, т. 2, с.253].

В «Золотой век» сестер Быковых в Иркутском Девичьем институте систематически проводились концерты, включающие сольные и ансамблевые фортепианные сочинения. Концерты строились таким образом, что сольные фортепианные пьесы чередовались с фортепианными дуэтами и фортепианными квартетами, а между фортепианными пьесами исполнялись хоры [2, т. 2, с.338—339]. Ученические концерты назывались по-разному - музыкальное утро, музыкально-литературный вечер, музыкально-соревновательный вечер. Концерты проводились от двух до 4-5- раз в год и способствовали наиболее полному раскрытию исполнительского потенциала учениц, формировали особую культурную атмосферу института, имели широкий общественный резонанс. Свидетельства о том, что пианистки Иркутского Девичьего института участвовали в открытых городских благотворительных концертах есть в летописях Н.Романова и Ю. Калмыкова. Кроме того, в дневнике В.П. Быковой находим много упоминаний о концертах ее воспитанниц и исполняемых ими программах. *« Концерт удался во всех отношениях, и слава Богу!... Ольга—кн. Вяземскаявосхитила всех своей жемчужной игрой; действительно, игра ее своею чистотою, плавностью, ясностью, блеском напоминает сыплющийся жемчуг!»*[2, т. 2, с.290].

Результатом этой глубоко продуманной системы фортепианного обучения было то, что многие талантливые воспитанницы В.П. Быковой посвятили свою жизнь музыкально-педагогической деятельности. Пианистки, воспитанные Быковой - А.А. Волерт, Е.И. Осипова, О.М. Вяземская (Сибирякова), Е.В. Останина, О.Г. Розен, А.П. Степанова, О.Г. Бесчестнова, Е. Базанова, сестры Юлия и Ольга (Леля) Баженовы [2, т. 2, с.290] продолжали дело фортепианного исполнительства в стенах Девичьего института, и в концертных залах Иркутска до конца столетия. *«....У меня было ясно и весело на душе.....Сознание что я выработала несколько замечательных талантов, что добросовестно исполнила долг свой, наполняя душу тихой радостью: я все улыбалась, и хорошо же мне было...»*[2, т. 2, с.338-339].

Сегодня совершенно очевидно, что жизненная и творческая дорога Варвары Петровны привела ее к великолепным художественно-творческим результатам. Замечательная пианистка и музыкант стала одним из крупных основателей профессионального направления в обучении фортепианной игре в г. Иркутске. Она, как видно из сказанного, воспитала целое поколение

концертирующих пианисток, которые оказывали широкое влияние на музыкальную культуру региона второй половины XIX века. Фортепианная педагогика В.П. Быковой была тесно связана с исполнительскими концепциями Дж. Фильда, А.Л. Гензельта, А. Герке, Их главными установками были: приоритет выразительного, образного, жизненного содержания музыкального произведения, речевое и певучее интонирование, большой интерес к звукокрасочной стороне игры и подчинение этому всего комплекса выразительных средств пианиста. Утонченность ее собственной натуры способствовала повышенному вниманию к психологии авторского замысла музыкальных сочинений, яркое музыкально-образное мышление отражалось в поиске аналогий музыкальной и речевой (поэтической) интонационности. В глубоком и певучем туше проявлялась особая психологическая доминанта фортепианной педагогики В.П. Быковой, а также установка на тесное взаимодействие содержательной стороны фортепианного исполнения с инструментальной. Обращает внимание ее заинтересованность в развитии воспитанниц, материнское отношение к ним, полное любви и заботы об их будущем. Они в полной мере видны сегодня и нам, как и сам исторический факт ее деятельности, послуживший в сущности мощным началом к развитию высокого уровня фортепианного исполнительства в Сибири.

Список литературы

1. ААдищев В.И. Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины 19 века- начала 20 века /В.И. Адищев – М.: «Музыка», 2007.- 344 с.
2. Быкова В.П. Записки старой смолянки 1868-1876г. Ч. 2. Жизнь в Сибири - в Иркутске. -С.-Петербург: типография Е.Евдокимова, 1899.-347с.
3. Демченко Е.Н. Музыкальное образование в элитарных учебно - воспитательных заведениях Петербурга первой половины XIX века: автореф. дисс... кандидата пед. наук. С.-Петербург, 2010,-24 с.
4. Институтки. Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. - /сост, подгот. текста и комментарии В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступит. Статья А.Ф. Белоусова. – Изд.3-е. – М.: «Новое литературное обозрение», 2005. – 576с., илл.
5. Матханова Н.П. Сибирская женская мемуаристика XIX века//Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры». Новосибирск, 2003 с.
6. Музыкальная культура Сибири. Новосибирск, 2006.
7. Т.Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII первой половины XIX века: от рукописи к книге. М., 1991

8. Терновая И.И., Терновой И.В. «Образовательные заведения города Иркутска второй половины XIX – начала XX веков Иркутск : Оттиск, 2009.-174 с.

9. Усова О.П. Музыкальное образование в Иркутском Девичьем институте имени императора Николая I. – //Сибирский музыкальный альманах, Новосибирск, 2009,с. 219-224.

УДК 069(571.54)

Е.В. Семенов

**ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В НАЧАЛЕ XX В.
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОГО ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ Г.
ВЕРХНЕУДИНСК)**

**THE FIRST EXPERIENCE OF PRESERVING HISTORICAL-
CULTURAL HERITAGE AT THE BEGINNING OF THE XX
CENTURY (ON THE BASIS OF THE FIRST SCHOOL MUSEUM
OF VERKHNEUDINSK TOWN)**

В своей статье автор рассматривает историю создания первого школьного музея в г. Верхнеудинск в 1915 г. На основе архивных материалов представлена первая попытка организации объединенного музея, обслуживающего все учебные заведения Верхнеудинска.

Annotation: The author considers the history of the foundation of the first school museum in Verkhneudinsk town in 1915. On the basis of archival materials the first steps in organizing a united museum serving all educational institutions of Verkhneudinsk are described.

Ключевые слова: школьный музей, история народного образования, Верхнеудинск, сеть школьных музеев

Key words: school museum, history of education, Verkhneudinsk, network of school museums

Современное образовательное учреждение среднего образования немислимо без деятельности школьного музея. Многие школы располагают комнатами Славы, небольшими школьными коллекциями, которые оформляются в школьные музеи.

Первый опыт создания и деятельности музеев при образовательных учреждениях в мире относится к середине XIX в. Упоминание о первом школьном музее в Европе относится к 1851 г. и относилось к школьному музею в г. Штутгарт (Германия). И до настоящего времени Германия

продолжает сохранять лидерство в этой области. К началу XXI в. в этой стране сформировалось и осуществляет свою деятельность более 100 школьных музеев [10, с. 81].

Уже в 1906 г. в мире насчитывалось 79 школьных музеев, а спустя 100 лет, в 2004 г., в Европе существовало 683 музея [10, с. 80].

Общеввропейская тенденция коснулась и России, во второй половине XIX в. при многих российских гимназиях стали создаваться небольшие музеи, призванные помочь педагогическому коллективу в организации образовательного процесса по большинству преподаваемых дисциплин. Точное количество школьных музеев в XIX – начале XX вв. неизвестно.

Особое развитие организация по созданию школьных музеев получила в советское время, когда каждая советская школа стала располагать собственными музеями, помогавшими учащимся в освоении знаний, умений и навыков по всем отраслям преподаваемых дисциплин и, в особенности, в области приобщения к физическому труду.

В изучении истории родного края в указанный период упор делался на изучение революционного движения и классовой борьбы. В работе школьных музеев явственно преобладало идеологическое направление.

В 1974 г. было утверждено Положение о школьном музее, после чего в Советском Союзе была проведена паспортизация школьных музеев. В это же время методическими центрами были разработаны методические указания по организации музейной работы в школьных музеях: «Экскурсоводу школьного музея» (1973 г.), «Учет и хранение фондов школьных музеев» (1974 г.) и др. [5, 9].

На современном этапе деятельность школьных музеев осуществляется на основании актуального и современного примерного положения о музее образовательного учреждения (школьном музее), принятого в 2005 г. [7, с. 46].

В настоящее время нет полных данных по общему количеству школьных музеев в Российской Федерации. Яхно Ю.Б. опираясь на данные Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования и науки РФ, говорит о том, что в стране насчитывается порядка 4780 школьных музеев, работающих в учреждениях основного и дополнительного образования учащихся. Из них музеев исторического профиля – 2060, военно-исторических музеев – 1390, краеведческих – 1060, музеев других профилей: литературных, художественных, технических и др. – 270 [11].

Персин А., отмечая важное значение регистрации школьных музеев и широкой поддержке их деятельности, говорит об 11000 школьных музеев существующих в России [6, с. 13].

В настоящее время большинство средних школ Республики Бурятия обладают своими музеями, которые помогают педагогам наглядно проводить занятия по истории родного края и села. Одним из уникальных и богатейших по составу своего собрания является музей средней общеобразовательной школы № 1 г. Кяхта.

Методическое руководство по организации и деятельности школьных музеев осуществляет Республиканский центр детского и юношеского туризма и краеведения Министерства образования и науки Республики Бурятия. Регулярно организовываются и проводятся методические семинары для руководителей музеев и активистов школьных музеев [8, с. 101-102].

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть частный аспект истории музейного дела Бурятии начала XX в., а именно факт создания первого школьного музея г. Верхнеудинск (совр. г. Улан-Удэ).

Верхнеудинск в начале XX в., представлял собой небольшой окружной город с населением, не превышающим 10000 горожан. В 1913 г. в городе насчитывалось 23 учебных заведения, из них одно реальное училище, одно городское четырех классное училище, одна женская гимназия, одна женская прогимназия, десять городских приходских училищ, одна железнодорожная школа, одна Фроловская второклассная учительская школа, одна двухклассная церковно-приходская школа и шесть одноклассных церковно-приходских школ [1, л. 86 об].

В 1915 г. количество учебных заведений в Верхнеудинске несколько возросло и составило 28 учебных заведений различного уровня, в их число входило одно реальное училище, одно начальное высшее училище, одна женская гимназия, одна женская прогимназия, одно частное среднее учебное заведение, одиннадцать городских приходских училищ, одна железнодорожная школа, одна Фроловская второклассная учительская школа, одна двухклассная церковно-приходская школа и шесть одноклассных церковно-приходских школ. Общее количество учащихся составляло 2206.

Распределение учащихся по учебным заведениям представлено в «Ведомости о числе учебных заведений и количестве учащихся в городе Верхнеудинске за 1915 г.» (Табл. 1.)

Таблица 1.

**Ведомость о числе учебных заведений
в городе Верхнеудинске за 1915 год [2, л. 83]**

Наименование учебных заведений	Число учебных заведений	Число учащихся		
		Мальчиков	Девочек	Обоего пола

Верхнеудинское реальное училище	1	113		113
Высшее начальное училище	2	171	20	191
Женская гимназия	1		238	238
Женская прогимназия	1		178	178
Верхнеудинское городское частное среднеучебное заведение	1	105		105
Городские приходские училища	12	359	183	542
Фроловская второклассная учительская школа	1	51		51
Железнодорожная школа	1	172	144	316
Двухклассные церковно-приходские школы	3	136	197	333
Одноклассные церковно-приходские школы	4		99	99
Торговая школа	1	40		40
Итого	28	1147	1059	2206

В этом же году в среде педагогов Верхнеудинского высшего начального училища возникла идея создания школьно-педагогического музея на базе данного учебного заведения. В октябре 1915 г. инспектор высшего начального училища выступил с обращением к Верхнеудинскому городскому голове, в котором обосновывал необходимость создания музея. В частности в своем письме он отмечал следующее: «Современная педагогическая литература все настойчивее и настойчивее выдвигает на первый план вопрос о наглядности преподавания в низших и средних учебных заведениях, потому я находил бы совершенно излишним обстоятельно доказывать, какую неоцененную услугу оказывают музеи в деле обучения и воспитания на принципе наглядности и непосредственного ознакомления с окружающей природою» [3, л. 97].

Следует отметить, что в 1911 г. уже предпринималась попытка создания публичного музея в Верхнеудинске. Его коллекции располагались в здании Народного дома. Но спустя четыре года музей был закрыт [4, с. 44].

По мысли инициаторов создания музея его коллекциями и вспомогательными материалами могли воспользоваться не только педагоги высшего начального училища, но, что было основополагающим, «учебными пособиями могли бы пользоваться не только все начальные школы города, но и другие учебные заведения» [3, л. 97 об.].

Обосновывая необходимость создания музея и место его расположения инициаторы писали: «Размещение учебных пособий и заведывание ими не составит на первое время особых затруднений, что училище располагает достаточным помещением и среди членов Совета найдутся лица, которые будут заведовать учебными пособиями» [3, л. 97 об.].

Идея создания музея, поддержанная педагогическим коллективом, требовала финансовой поддержки городских властей. С этой просьбой инспектор Верхнеудинского высшего начального училища обращался в Городскую думу. Обосновывая необходимость материальной поддержки вновь создаваемого музея инспектор писал: «Первая и главная задача проектируемого школьно-педагогического музея – служить усилиям начальной школы, потому я полагал бы, что город, имея более десятка начальных школ, мог бы отпускать ежегодно в распоряжение музея некоторую сумму на приобретение различных учебных пособий» [3, л. 97].

На комплектование и содержание музея предполагалось просить сумму в 200-250 рублей в год. Заинтересованные в создании музея педагоги также не остались в стороне и 2 октября 2015 г. на общем собрании коллектива постановили отчислять от своего жалования 2 % взнос. По подсчетам общая сумма взносов могла составить около 40 рублей в год, что конечно являлось недостаточным для полноценного функционирования школьного музея.

По мысли инициаторов создания музея предполагалось перенаправить часть средств, выделяемых Верхнеудинской городской управы для содержания начальных школ, на комплектование и содержание создаваемого школьного музея.

На данную просьбу финансовый отдел Городской управы выдал следующую справку:

1. На учебные пособия и классные принадлежности для десяти приходских городских училищ по смете на 1915 г. ассигновано 400 руб., израсходовано по н/г 267 руб. 55 коп. Свободный кредит – 132 руб. 45 коп.

2. На ученическую библиотеку ассигновано по смете на 1915 г. 300 руб., израсходовано 285 руб. 47 коп., свободный кредит 14 руб. 53 коп.

3. На содержание воскресной школы и народных чтений ассигновано на 1915 г. 150 руб., расходу не было, точно также в 1914 г. ассигновано было 150 руб., израсходовано только 80 руб. [3, л. 98].

Проект создания школьного музея был поддержан инспектором народных училищ 3-го района Забайкальской области А. Поздеевым. 28 октября 1915 г. он писал в Верхнеудинскую городскую управу: «Со своей стороны я всецело присоединяюсь к мысли Г. Инспектора высшего начального училища о желательности передачи вышеуказанных городских средств в распоряжение музея конечно при обязательном условии, чтобы последний обслуживал не одно только высшее начальное училище, но и подготовительные к нему учебные заведения – низшие приходские начальные училища» [3, л. 99].

Интересным является ходатайство инспектора Верхнеудинского высшего начального училища Г. Савинова адресованное Верхнеудинскому городскому голове от 22 ноября 1915 г. Считаю нужным привести его в полном объеме.

«Г-ну Верхнеудинскому городскому голове

В дополнение к своему отношению от 25 октября с.г. за № 528 я хотел бы подробнее выяснить цель учреждения Школьно-Педагогического музея при вверенном мне училище и изложить вкратце некоторые соображения относительно организации такого музея, как учебно-воспитательного учреждения, необходимого для школы.

Под наименованием «Школьный музей» или «Школьно-педагогический музей», разумеется, нельзя понимать такое учреждение, где собраны те или иные редкости. Музей, который проектируется к учреждению, есть просто необходимое собрание коллекций, приборов, картин и вообще всего того, что повседневно употребляется в благоустроенной школе, где введено наглядное преподавание, потому и программа такого музея должна быть самая обширная и разнообразная, так как он должен заключать в себе все то, что может оказаться полезным при сообщении детям сведений по природоведению в самом обширном смысле этого слова, а также по истории, географии, этнографии, механике, промышленности и т.д. Все коллекции, приборы, картины и проч. должны быть строго систематизированы и находиться в таком порядке, чтобы преподаватели могли легко и быстро ориентироваться, отыскивая то, что необходимо в данный момент, а главное – по данному вопросу. Разбросанность же и бессистемность наглядных учебных пособий приносит делу обучения огромный ущерб, не говоря уже о том, что приобретение достаточного количества (иногда даже совершенно одинаковых) коллекций, приборов и проч. для каждой из школ данного района требует весьма и весьма значительных затрат.

Если принять во внимание дороговизну учебных пособий, с одной стороны, и бережливость, аккуратность, полноту и систему, которые несомненно вносятся в это дело, с другой стороны, то необходимость организации такого учебно-воспитательного учреждения, мне кажется, станет еще более очевидной.

Такие учреждения в конце минувшего столетия начали появляться при некоторых городских училищах Петрограда, Москвы, Киева, а за последнее время во многих не только губернских городах, но и в уездных. Не могу не указать, что у нас в Сибири (гор. Красноярск, Енисейской губ.) такой музей за 12-15 лет вылился в такое учреждение, которым обслуживаются все средние и низшие учебные заведения губернского города и прилегающие к нему ближайшие школы, несмотря на то, что в первые годы своего существования пользовался незначительной субсидией от города (в данное время этот музей даже субсидируется и Министерством Народного Просвещения).

Проектируя организовать при Верхнеудинском высшем начальном училище школьно-педагогический музей, Я не лишним нахожу еще раз обратить Ваше внимание на то, что это учреждение имеет обслуживать все учебные заведения города и ближайшие школы и никоим образом не вверенное мне училище, а поэтому и являются достаточные основания к тому, чтобы ходатайствовать перед Городской Думой об ежегодном отпуске некоторой суммы на приобретение различных приборов, картин, препаратов, коллекций и проч. Я имею некоторое основание предположить, что в ближайшем времени здание училища будет расширено путем пристройки за счет Министерства Народного Просвещения, следовательно, тогда явится полная возможность отделить для музея даже самостоятельную комнату. Кроме этого, ежегодное ассигнование известной суммы на этот предмет со стороны города даст мне мотив возбудить ходатайство перед Дирекцией народных училищ Забайкальской области об отпуске такой же суммы, какая будет отпущена городом.

Основания, на которых должен будет функционировать проектируемый музей, имеют быть выработаны представителями тех учреждений и лицами, которые своим денежным ассигнованием заложат фундамент для такого полезного учебно-воспитательного учреждения, как школьно-педагогический музей.

Инспектор училищ Г. Савинов» [3, л. 101].

Дальнейшие события, произошедшие в России, не позволили в полной мере осуществить проект создания первого школьного музея в Верхнеудинске. Революционные события 1917 г. и начавшаяся Гражданская война привели к тому, что на некоторое время все попытки создания школьных музеев не находили поддержки.

Только в 1920-е гг. работа по созданию школьных музеев в Бурятии была возобновлена, что было связано с развитием советского школьного образования. Значительный рост сети школьных музеев приходится на 70-80-е гг. XX в. Так, на 1 января 1973 г. насчитывалось 73 школьных музея, а в 1984 г. их количество составляло уже 122 [8, с. 97-98].

В 2012 г. в Бурятии осуществляли свою деятельность 242 школьных музея. Развитие сети школьных музеев продолжается и по сей день, что может свидетельствовать об интересе педагогов и учащихся к поисковой работе в области истории школы, поселения, района и республики в целом.

Список использованной литературы:

1. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 10, оп. 1, д. 2792а.
2. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 10, оп. 1, д. 2874.
3. Государственный архив Республики Бурятия Ф. 10, оп. 1, д. 2942.
4. Бураева С.В. Музейное дело Бурятии в конце XIX в. – первом десятилетии XXI в.: формирование, развитие и современное состояние : [монография] / С. В. Бураева, О. Э. Мишакова, Е. В. Саяпарова ; науч. ред. О. Н. Труевцева. – Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. – С. 44.
5. Музей и школа. Пособие для учителя. – М. : Просвещение, 1985. – 192 с.
6. Персин А. Важен каждый – о регистрации музеев и не только // Мир музея. – 2010. – 9 (277). – С. 13-15.
7. Примерное положение о музее образовательного учреждения (школьном музее). // Мир музея. – 2006. - № 1 (221). – С. 46.
8. Саяпарова Е.В. Школьные музеи Бурятии: история формирования, традиции и инновации (вторая половина XX – начало XXI вв.) // Вопросы музеологии. 2012. 2 (6). С. 97-98.
9. Сейненский А.Е. Музей воспитывает юных. О работе shk. обществ. полит. музеев. – М. : Просвещение, 1988. – 208 с.
10. Шуштар Б. Школьные музеи Европы: многообразие подходов // Вопросы музеологии. – 2012. – 2 (6). – С. 81.
11. Яхно Ю.Б. Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства <http://www.den-zadnem.ru/page.php?article=53>

ЛИТЕРАТУРА БУРЯТИИ В 1920-Е ГОДЫ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

THE LITERATURE OF BURYATIA IN THE 1920-s: THE DEVELOPMENT PECULIARITIES

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы становления художественной культуры советского периода, в том числе и национальных культур, в частности бурятской культуры на примере особенностей развития бурятской литературы в 1920-е годы.

Annotation. The author considers some issues devoted to the development of Soviet art culture and national cultures. Some peculiarities of the Buryat culture development in the 1920s are given.

Ключевые слова: культура, советская культура, национальная культура, бурятская литература.

Key words: culture, soviet culture, national culture, Buryat literature.

В целом двадцатые годы были многообещающими и плодотворными в развитии всей отечественной культуры и национальных культур. Специфика этих лет заключалась, прежде всего, в многообразии форм и динамичности социально-культурного развития. Принципиально новый этап развития национальной культуры был связан, в первую очередь, с разработкой и проведением в жизнь концепции государственной культурной политики.

Первые десятилетия советской власти значительно изменили облик Советской России, в том числе и национальных республик, хотя произошедшие изменения невозможно оценивать однозначно. Это был период одновременных сложных общественных процессов, идеологической борьбы, столкновения «старой» и «новой» культур. С одной стороны, имела место деструктивная политика в области культуры с первых лет строительства нового государства. Культуре был нанесен большой урон: многие деятели науки и культуры были вынуждены покинуть страну или погибли, а многие из тех, кто остался, но не сумел найти общего языка с властью, все труднее пробились к своему зрителю, читателю или слушателю. Разрушались памятники архитектуры как самые знаменитые (Храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Чудов монастырь), так и сотни неизвестных монастырей и церквушек, имевших, однако, историческую и культурную ценность. Об этой стороне культурной политики советской России написано немало работ.

С другой стороны, отметим не вызывающие сомнений достижения культурного строительства: ускоренное развитие народного образования, здравоохранения, профессиональной художественной культуры, науки и т.д.

особенно в регионах. Первым социокультурным переворотом стала ликвидация неграмотности, во многом определившим систему народного образования. Что же касается профессионального искусства, то до советского времени бурятская культура не имела профессиональных отраслей культуры и «только в советское время возникли современное народное образование, наука, литература и искусство, средства распространения культуры и знаний» [4, с. 18]. Именно с образованием БМАССР появились все необходимые условия для развития профессионального искусства.

Формирование советской художественной культуры было обусловлено спецификой политической системы и культурной политики, основной задачей которой стало воспитание нового типа человека посредством распространения всеобщей грамотности и просвещения. В идеале власть формировала общество с «новой» культурой, которая, по мнению классиков марксизма-ленинизма, была направлена на рост духовной культуры широких масс. Основной целью многочисленных декретов первых лет революции в области культуры было решение следующих задач: установление партийного контроля над всеми институтами, формирующими образ мысли (издательства, театры, музеи, библиотеки и т.п.), и подъем общекультурного уровня народа, в первую очередь, рабочих и крестьян. Кроме того, при ЦК партии работали комиссии практически по всем отраслям культуры таким, как библиотечная, клубная, художественная, школьная и т.д.

Что касается Бурятии, то бурное кипение общественной мысли и идеи обновленчества, возрождение национальной культуры и влияние передовой русской интеллигенции, способствовали активизации собственно художественной культуры. «Одним из проявлений этого можно считать усиливающиеся тенденции в литературе и искусстве Бурятии» [1, с. 34].

Особенная роль в задаче культурного строительства отводилась литературе и писателям. В этой связи отметим имеющееся хрестоматийное суждение о том, что русская литература занимает особое место, являясь средоточием социальной справедливости. Еще Герцен отводил литературе особое место, отмечая, что литература – это вторая власть; А. Пушкин еще точнее выразился: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда». Однако «придание литературе гиперболизированной идеологической роли – вовсе не ее достоинство, но беда, вызванная реалиями российской действительности. Искривления общественно-социальные искривляли и художественное творчество. Будущий классовый подход уже угадывался в подходе социологическом» [2, с. 227].

Первые бурятские писатели находились в «русле» культурной политики Советского государства. В своих произведениях они освещали основные задачи, которые были поставлены при строительстве нового государст-

ва: борьба с внешними политическими силами, т.н. «русским царизмом»; борьба с внутренними социально-политическими силами, ассоциировавшимися со «старой» дореволюционной культурой; агитация новой жизни, основанной «на началах просвещения и культурного возрождения народа» [5, с. 294]. Помимо решения политических задач, успешно ставились и реализовывались насущные проблемы.

Следует отметить, что особенность становления бурятской советской литературы заключалась в том, что в течение довольно длительного периода основным жанром была драматургия («рукописная улусная драматургия») как еще ее было принято называть), определявшая уровень и состояние всей литературы. Объяснить данный факт можно высказыванием А.Н. Островского о том, что драматическая поэзия для народа, а «всякие другие произведения пишутся для образованных людей». Учитывая, что до революции 1917 года грамотность в Бурятии составляла всего 6-7 %, не удивительно, что этот жанр был популярным как среди писателей, так и среди зрителей. Кроме того, актуальность драматических произведений объясняется и недостаточной развитостью традиции художественной литературы, отсутствием профессиональных писателей и надлежащей материально-технической базы (например, типографий, тиражирующих произведения прозы и поэзии), а также самой спецификой драмы как литературного рода, выражающаяся в зрелищности, костюмированности, образности, доступности [3, с. 59-68; 5, с. 280-281]. Важными критериями театрального искусства становились массовость и доступность большинства постановок восприятию впервые пришедшего на сценическое представление человека, насыщенность спектаклей политическими идеями, созвучность революционному времени, их событийность и яркая зрелищность. Напомним, что доступность искусства трудящимся массам ставилась в качестве основной задачи культурного строительства.

На рубеже 1920-х годов в бурятскую литературу, а затем и на сцену пришел новый отряд писателей-драматургов, людей самых разных профессий. К сожалению, многие из них не имели никакого образования, не говоря уже о специальном, они были разного возраста и разного социального положения. Они писали пьесы-однодневки, большинство из которых не оставили и следа. Неопытность и недостаток знаний молодых авторов обуславливали и соответствующий художественный уровень их произведений. Большинство первых пьес отличались этнографическим натурализмом, бытописанием и фактографичностью. Они не поднялись выше просветительских идей, критики губительных пороков и тех явлений, которые лежали на поверхности жизни. Писатели были далеки от раскрытия истинных причин, которые обусловили наличие в жизни критикуемых ими сторон действительности. Для этого им не хватало ни общего и профессионального образования, ни даже

житейского опыта. В целом их пьесы были наивными и несовершенными в художественном отношении, «...стояли где-то на полпути между жизнью и искусством, являя собой тот ранний этап развития искусства, когда оно только начинает отделяться от бытия и превращается в особую форму общественного сознания, обладающую своими законами и специфическими чертами» [6, с. 27].

И все же эти писатели были новаторами не только потому, что создавали свои произведения в эпоху, когда на мировую арену выходила «новая драма», но и потому, что и сам жанр драматургии для бурятской литературы был новым. Молодая бурятская литература и драматургия в ней вбирала в себя многие исконно национальные традиции, трансформировала их и, образовав как будто некую единую струю, влилась в общекультурный мировой процесс. При этом нельзя не отметить, что первые драматические опыты отличались национальным своеобразием по языку и содержанию, были злободневными и отражали суть эпохи. Еще одним несомненным достоинством этих пьес являлась подчеркнутая ориентация авторов не на предшествующие традиционные литературные формы драмы, а на саму жизнь, которая не знала аналогов, на жизнь необычную, невероятную, создающуюся заново. Заново создавался не только мир, но и люди, живущие в нем, заново создавались формы драмы, отражающей строительство новой жизни.

Примечания

1. Бороноева Т. А. Графика Бурятии / Т. А. Бороноева. - Улан-Удэ : Изд-во БНЦ : Ассоциированный член Изд-ва СО РАН, 1997. - 127 с. - ил.
2. Вишневская И. Л. «Левое запретительство» и некоторые проблемы русской культуры / И. Л. Вишневская // Русская интеллигенция : История и судьба. - М. : Наука, 2000. - с. 225-229.
3. Найдаков В. Ц. Бурятская драматургия : ист.-лит. и крит. очерки / Найдаков В. Ц. - Улан-Удэ : Бур.кн.изд-во, 1959. - 202с.
4. Санжиева Е. Г. Формирование и развитие культуры Бурятии в советский период / Е. Г. Санжиева. - Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. -214 с.
5. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода / А. Б. Соктоев. - Улан-Удэ : Бур.кн.изд-во, 1976. - 489 с.
6. Тамашин Л. Советская драматургия в годы гражданской войны / Л. Тамашин. - М. : Искусство, 1961. - 291 с.

УДК 379.8: 94(571.54)

**ПОДГОТОВКА ИНСТРУКТОРОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920-Е ГГ.**

**TRAINING OF INSTRUCTORS OF AMATEUR
PERFORMANCES IN BURYAT MONGOLSKY THE AUTONOMOUS
SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE 1920TH.**

В статье рассмотрены вопросы подготовки кадров художественной самодеятельности в условиях национально-культурного строительства. Курсы подготовки инструкторов художественной самодеятельности сыграли большую роль в организации среднего специального музыкального образования в Бурятии.

Ключевые слова: национально-культурное строительство, музыкальная культура Бурятии, инструкторы художественной самодеятельности, музыкальное образование.

In article questions of training of amateur performances in the conditions of national and cultural construction are considered. Courses of training of instructors of amateur performances played a big role the organizations of secondary vocational music education in Buryatia.

Keywords: national and cultural construction, musical culture of Buryatia, instructors of amateur performances, music education.

С переходом власти в руки Советов в Забайкалье начали проводиться в жизнь декреты и постановления Советского государства в области культурного строительства. Культурно-просветительная работа являлась частью общего культурного процесса в стране.

Для успешного совершения культурного строительства в республике необходимо было решить ряд важных задач: приобщить широкие народные массы к образованию путем ликвидации неграмотности, увеличить ряды интеллигенции, создать органы государственного управления культурного процесса, новую литературу, искусство. Кроме того, создать систему музыкального образования, внедрить формы европейской музыкальной культуры, способствовать становлению театральных и концертных организаций, национальных оперных традиций, а также содействовать подъему национальной музыкальной культуры в целом.

В сентябре 1926 года состоялось первое республиканское культурно-национальное совещание, которое имело важное значение для формирования профессиональной музыкальной культуры и образования.

Основой совещания явились тезисы «О культурно-национальном строительстве Бурятии», принятые областным комитетом ВКП (б). В постановлении было «указано на то, что необходимо усилить работу по созданию национальной литературы, театра, музыки, кинематографии и радиовещания. Правительство решало параллельно с созданием сети общеобразовательных школ как для детей, так и для взрослых и другие задачи культурного строительства – организация библиотек в городе и на селе, изб-читален, красных уголков, народных театров и домов, музеев и т.п.» [1, с. 56].

Следует отметить, что в 1920-1930-е гг. вопросы культурного наследия бурятского народа и его использование при создании новой культуры, путей и методов осуществления культурной революции оставались актуальными. В эти годы развитие национального искусства рассматривалось правительством республики как один из важнейших участков культурного строительства.

Организация курсов по подготовке инструкторов художественной самодеятельности была связана с приездом в Бурятию в 1926 году музыкально-инструктивной передвижки Московского Центрального Дома искусств имени В. Д. Поленова (позднее переименованный именем Н. К. Крупской) в составе этнографа и музыканта Б. П. Сальмонта (руководитель группы), М. М. Туляковой, Л. В. Субботиной. Передвижка занималась сбором и записями музыкального фольклора, изучением музыкальных инструментов. Заслуга еще заключается в том, что она, записав песни, впервые исполняла на классических инструментах. Результатом этой работы явилась первая выставка бурятских народных инструментов в музее восточных культур в Москве (1930 г.).

Основная деятельность передвижки в республике была связана не только со сбором музыкального фольклора, изучением народных инструментов, но и с оказанием практической и методической помощи художественной и просветительской работе, с установлением контактов с самодеятельными кружками.

Музыкально-инструктивная передвижка организовала шестимесячные музыкальные курсы на базе художественной самодеятельности при бурят-монгольском педагогическом техникуме, где преподавали музыкальную грамоту, сольфеджио, обучали игре на музыкальных инструментах (домре, гармошке, скрипке), в том числе и на национальных инструментах – хуре, лимбе и др. Кроме того, в программу занятий входили предметы общественно-гуманитарного цикла, теория и практика политико-просветительной работы, практика художественной работы в области литературного, музыкального и изобразительного искусства, методика и практика массовой работы [2, с. 54].

1 июля 1927 года состоялся 1 выпуск, в который вошли Б. Башкуев, Г. Цыдынжапов, Л. Цыремпилов, М. Шамбуева, И. Мадаев, С. Раднаев. Затем в группу были приняты еще несколько любителей музыки – Н. Таров, В. Воскобойников, В. Рудаков, В. Тогушакова. Примечательно, группа называлась в 1927-1929 годах «музыкальный практикум при передвижки Поленовского дома искусств» [3, с. 25].

В 1928 г. в г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) при участии сотрудников художественной секции был открыт Национальный клуб, постепенно объединивший культурные силы города. При Национальном клубе на базе передвижки Б. П. Сальмонтом был организован 2-хгодичный музыкальный практикум, который готовил кадры инструкторов по организации художественной самодеятельности [4, с. 5-6]. Практиканты Государственной музыкально-инструктивной передвижки Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР [5, с. 148], как тогда назывались, под руководством Б. П. Сальмонта выезжали в аймаки республики не только с концертной программой, но и просветительскими и этнографическими целями. На средства, вырученные от концертов, оплачивали средства передвижения и приобретали учебные пособия. Выпускники практикумов составили и первый ансамбль бурятских народных инструментов, исполнявший народные песни и переложения классической музыки.

В июне 1929 года вышло постановление коллегии Наркомпроса о преобразовании Национального клуба в Дом национального искусства с двумя студиями - музыкальной и театральной. Туда была передана театральная студия, руководимая Невельским, и группа слушателей музыкального практикума. Осенью в студии был объявлен дополнительный набор. Для руководства музыкальной студией был приглашен из Москвы композитор, дирижер, преподаватель П.М.Берлинский, а театральную – режиссер Г.В. Брауэр и М.Н. Святская [6, с. 222].

Накопленный опыт театральной и музыкальной студии позволил преобразовать их в образовательное учреждение. Так, Советом народных комиссаров республики было издано постановление о реорганизации с 30 января 1931 г. действующих при Бурят-Монгольском Доме искусств музыкальной и театральной студий в Бурят-Монгольский техникум искусств [7], ныне Улан-Удэнский колледж искусств им. П.И. Чайковского.

Таким образом, большую роль в становлении музыкального образования сыграли курсы, организованные музыкально-инструктивной передвижкой, в частности, в организации Бурят - Монгольского техникума искусств. Ведь многие в будущем известные деятели культуры Бурятии такие как Г. Цыдынжапов, Д. Аюшеев, Ж. Багуев, Б. Ямпиров и другие

начинали свою карьеру именно как инструкторы художественной самодеятельности.

Литература

1. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917-1981) : документы и материалы / сост. Г. Л. Санжиев, Т. М. Семина, Д. М. Цыренов, Ю. Г. Шереметьева. – Улан-Удэ : Бурят. книжн. изд-во, 1983. – 568 с.
2. Ходорковская Л. С. Бурят - Монгольский театр (очерк истории) / Л. С. Ходорковская ; ред. Г. Гоян. – М. : Искусство, 1954. – 234 с.
3. Цыдынжапов Г. Ц. Материалы и воспоминания: сб. ст. / сост. В. Ц. Найдакова. - Улан-Удэ : Бурят. книжн. изд-во, 1990. - 96 с.
4. Куницын О. Музыка Советской Бурятии / О. И. Куницын. - М. : Советский композитор, 1990. - 126 с.
5. Воскобойников В. Пионеры бурятской музыки // Байкал, 1963, №6. – С. 148-151.
6. Очерки истории культуры Бурятии: в 2-х т. / редкол.: Д. Д. Лубсанов [и др.] – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. – Т. II.
7. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. Р - 248, оп. 20, д. 18, л. 9.

УДК 94(47+57)(571.54) :372.8:355

Е.В. Банзарацзева

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛЕКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется осуществление всеобщего военного обучения в школах Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Автор на основе архивных материалов и опубликованных источников изучает процесс организации столь массового мероприятия и трудности осуществления всеобщего обучения.

The article examines the implementation of overall military training in schools of Buryatia during the Great Patriotic War. The author studies the process of organizing such massive activities and the difficulties of all public education (vseobuch) on the basis of archive materials and published sources.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Бурятия, всеобуч, раздельное обучение, военная подготовка.

Keywords: the Great Patriotic War, Buryatia, all public education (vseobuch), separate education, military training.

В 2015 г. наша страна и мировое сообщество будут отмечать 70-летний юбилей со дня Победы в Великой Отечественной войны и во Второй мировой войнах. Основная тяжесть военных испытаний легла на плечи Советского Союза. Это касается не только военных действий на различных фронтах, испытания достались и советскому тылу. В нашей статье мы рассмотрим изменения, произошедшие в образовании, в связи с введением военного положения. Одним из важнейших элементов школьной программы стала реализация всеобщего военного обязательного обучения.

В июле 1941 г. Государственный комитет обороны СССР принял постановление о всеобщем военном обучении (всевобуча) для всего мужского населения страны в возрасте от 16 до 50 лет. Главной целью являлось – привитие навыков владения оружием и военным делом. Организация всевобуча имела немалые трудности. Советские и партийные органы власти не имея соответствующего опыта, должны были в короткие сроки организовать массовое и масштабное мероприятие, имеющие важное значение.

Конечно, что школа не могла остаться в стороне от такого важного мероприятия, направленного на решение актуальных задач того времени. В ноябре 1941 г. Наркомпрос РСФСР издал приказ «Об организации военно-допризывной подготовки учащихся 8-10 классов средних школ». По постановлению ГКО допризывная подготовка юношей учащихся 8-10 классов проводилась по программе, рассчитанной на 110 часов. Программа предусматривала физические упражнения военно-прикладного характера, такие как кросс, прыжки, ходьба на лыжах и т.п. В 1942-1943 учебном году в школах было введено военное дело: в 5–10 классах проводилась начальная и допризывная подготовка, а в 1–4 классах – военно-физическая подготовка, на которую отводилось 850 часов [1, с.143]. Данная дисциплина должна была подготовить для Красной армии выносливых бойцов и сандружинниц, телеграфисток. Начальная и допризывная подготовка внесла в школьную жизнь некоторую организованность и дисциплину.

Закономерно, что на начальном этапе введения военного обучения школа столкнулась с проблемами обеспеченности школ кадрами военруков. По данным наркомпроса РСФСР на 20 января 1943 г. начальные школы были укомплектованы преподавателями военно-физического обучения на 79%. В средней школе – на 99,3% [2, с. 5]. Как правило, преподавателями военно-физического обучения становились учительницы, и лишь изредка представители рядового состава. Во многих школах не хватало оружия, а то которое было в наличии, находилось в непригодном состоянии. Но со временем приходил опыт, и работа стала налаживаться.

К основным задачам военного воспитания относятся формирование высоких моральных качеств советского воина, а также изучение военного дела, овладение оружием и элементами военного искусства. Воспитывая мо-

ральные качества советских школьников, капитан И.И. Болдырев, в статье «Военное воспитание и школа» предлагает обратиться к военному прошлому страны, изучая опыт великих полководцев Петра I, А. В. Суворова и М. И. Кутузова[3, с. 10-16].

Основными путями и средствами организации военного всеобщего обучения в школе в годы войны стали: организация военных кружков, проведение военных игр и походов, соревнований по стрельбе, лыжных гонках и др., изучение военно-исторической и популярной военной литературы, разучивание военных песен и т.д.

Военно-физическая подготовка была введена с 1 декабря 1942 г., после выхода постановления СНК БМАССР от 21 ноября 1942 г. Во всех начальных, 1–4-х классах неполных средних и средних школах вводилась военно-физическая подготовка, а учащиеся 5–10 классов проходили допризывную подготовку по 2 часа в неделю.

В Бурятии в 1941-1942 учебном году данная программа была реализована в 37 средних школах, подготовку прошли 2 997 учащихся, из них 1640 девочек. В этом же году из прошедших военное обучение вышло в ряды Красной армии, мобилизовано в трудовые резервы – 370 мальчиков, 533 девочек, в общей сложности 903 человека. В целом допризывную подготовку прошли 427 мальчиков и 1107 девочек, всего 1534 человека. Окончило программу всеобщего военного обучения 505 мальчиков[4].

Важную роль в военном обучении играли оборонные кружки. Уже на 20 октября 1941 г. по республике было создано несколько десятков оборонных кружков, которые посещали как учащиеся 7–10 классов школ, так и рабочая и молодежь. В 1941-1942 учебном году 12110 школьников посещало оборонные кружки[5]. Среди мальчиков наиболее интересными стали кружки юных разведчиков, по БМАССР работало 57 кружков, где обучалось 2780 чел., 5475 девушек посещали курсы сандружинниц[6, л.92]. К концу учебного года работой оборонных кружков было охвачено 42 430 учащихся, 36 871 из которых в конце обучения сдали нормы, что составляет примерно 87%[7].

В целом, из 82 679 учащихся Бурятии 51% были охвачены кружками обороны, что объясняется высоким патриотическим настроением всего советского народа, стремившегося внести свой посильный вклад в достижение победы.

С 21 июня по 4 июля 1943 г. в БМАССР на базе ЦС Осоавиахима были проведены лагерные сборы для учащихся старших классов средних школ и студентов 1 - 2 курсов педучилищ и техникумов[8]. В сборах участвовало 500 человек со всей республики за исключением Баунтовского, Окинского и Северобайкальского районов. Под руководством 74 военных инструкторов учащиеся изучали военное дело на практике. Такие сборы бы-

ли более эффективными, так как наглядно демонстрировали то, что в течение учебного года изучалось в теории.

Свою роль в усовершенствовании военно-физического воспитания школьников сыграло и введение раздельного обучения мальчиков и девочек, в 1943 – 1944 учебном году. 16 июля 1943 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б), в котором давалось обоснование раздельного обучения. Введение военно-физической и допризывной подготовки в старших классах предполагало проведение специальных занятий только для мальчиков. Среди других оснований для осуществления раздельного обучения называлась необходимость учета особенностей физиологического развития юношей и девушек, якобы требующих обеспечения различных условий организации их обучения и воспитания, а также придания известной специфики в подготовке, как тех, так и других[9].

Введение раздельного обучения проходило поэтапно. С начала 1943-1944 учебного года оно было осуществлено в 5–10 классах неполных средних и средних школ в 72 крупных городах страны. В 1944-1945 гг. оно распространилось уже на 146 городов, а в дальнейшем предполагалось его проведение в 176 крупных центрах[10].

В Бурятии раздельное обучение было введено только в г. Улан-Удэ в 1943-1944 уч. году в соответствии с постановлением СНК БМАССР от 11 августа 1943 г. С выполнением данного постановления возникли трудности с обеспечением школ помещениями. Например, мужские и женские школы рабочего городка в районе Батарейки, мехстеклозавода, мясокомбината, завода № 99 из-за отсутствия дополнительных помещений и в силу отдаленности от других школ, продолжали заниматься в одних зданиях по сменам, с изолированным входом.

При введении раздельного обучения наполняемость начальных классов составила в среднем 30 человек, а в 5 – 7-х классах – от 16 до 30 человек и 8 – 10-х классах – от 20 до 32 человек. Возросло количество комплектов с 1 по 10 класс и это вызвало острую потребность в учителях. Численность школ города увеличилась, не хватало педагогов. В 9 мужских школах работало 104 педагога, а в 10 женских – 144[11]. На 15 декабря 1943 г. школам г. Улан-Удэ не хватало двенадцати учителей начальных классов, двух - физики и математики, двух – географии, двух – русского языка и литературы, одного – естествознания. Из-за проблемы с помещениями и работы в 2 – 3 смены, отсутствия электрических лампочек администрация была вынуждена сокращать продолжительность уроков, что в конечном счете, отрицательно сказывалось на качестве знаний школьников.

Несмотря на некоторое увеличение количества школ в г. Улан-Удэ в 1943-1944 учебном году план всеобща в республике так и не был выполнен.

По данным 18 районов и г. Улан-Удэ план охвата детей школами был выполнен только на 79%, а по приему в школы – на 90%.

Таким образом, введение раздельного обучения повлекло некоторые трудности для органов народного образования, которым пришлось проводить очень сложную работу по перераспределению учащихся, поиску помещений для новых школ и укомплектованию учителями. Но в то же время решало реальную задачу того времени, уделять больше внимания для военной подготовки молодых людей. И только в 1954 г. раздельное обучение мальчиков и девочек было отменено.

Таким образом, несмотря на трудности и недостатки, советская школа справилась со сложной задачей организации всеобщего военного обучения, в частности, в Бурятии. Юноши и девушки республики изучив основы военного дела, уже были морально готовы к выполнению своего долга. Кроме того, школьная подготовка значительно сокращала время на обучение солдат и санитарок, уже в составе Красной армии, и способствовала приближению Победы в войне.

Примечания

1. Черник С. А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны / Черник С. А. - М., 1975. - С. 143.
2. Речь наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина на собрании актива учителей. 7 февраля 1943 г. // Советская педагогика. 1943. № 5 – 6. С. 5.
3. Болдырев И. И. Военное воспитание и школа. Чему учит опыт войны//Советская педагогика. 1943. №№2-3. С. 10-16.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. п.-36, оп. 1, д. 1775, л. 9.
5. ГАРБ, ф. п. - 36, оп. 1, д. 1742, л. 91.
6. ГАРБ, ф. п. – 36, оп.1, д. 1742, л. 92.
7. ГАРБ, ф. п.-36, оп. 1, д. 1775, л. 9.
8. ГАРБ, ф. 475, оп. 2, д. 290. л. 51.
9. Черник С.А. Указ. соч. С. 127.
10. Там же, С. 128
11. ГАРБ, ф. 196, оп. 4, д. 13.
12. ГАРБ, ф. р-535, оп. 1б, д. 7, л 8.

УДК 94(571.54) : 316.6.

**ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В БУРЯТ-
МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 20-40-ЫЕ ГГ.**

**THE CHANGE OF WOMEN'S POSITION IN THE BURYAT-
MONGOLIAN ASSR IN THE 20-40s**

Статья посвящена изменениям женской социальной роли и позиции в Бурятской АССР в советский период 1920-1940 гг. Цель статьи – дать читателю некоторую информацию об особенностях женской трансформации в данном регионе, как советское правительство повлияло на традиционную жизнь бурятских женщин. Статья адресована тем, кто интересуется вопросами этнологии, истории и гендерными исследованиями.

The article is devoted to the changes of women's social role and their position in the Buryat ASSR at the time of the Soviet Union in 1920 - 1940. The purpose of the article is to give the reader some information about the peculiarities of that process in the region, the way the Soviet government influenced the traditional life of the Buryat women. The article is addressed to those who are interested in the issues of ethnology, history and gender.

Ключевые слова: Бурятия, СССР, государственная стратегия, социальное развитие, политические интересы, экономические интересы, гендер, женщины, индустриализация.

Key words: Buryatia, the Soviet Union, state strategy, social development, political interests, economic interests, gender, women, industrialization.

20-40 гг. прошлого века характеризуются бурным строительством нового государства. Для реализации поставленной задачи правительство активно привлекало человеческие ресурсы, в том числе и женские. Известно, что в дореволюционный период женщины Бурятии не принимали участия в общественно-политической жизни. Они были заняты в основной массе семьей и ведением домашнего хозяйства. Новое время изменило привычный образ жизни традиционного бурятского общества и активно стало привлекать женщин к экономической и общественной деятельности. Советская власть дала им возможность реализоваться в принципиально новых условиях. И женщины довольно активно откликнулись на эти веяния. Мы можем об этом судить по данным различных источников: архивов, СМИ, мемуарных воспоминаний и т.д. Благодаря этому можно проследить грандиозную картину трансформации положения женщин в данный период. При этом мы

выделяем с одной стороны усилия государства, а с другой инициативу от самих женщин.

Так, 14 апреля 1920 года в Верхнеудинске в зале Новообщественного собрания города состоялся женский митинг, организатором которого был Верхнеудинский комитет РКП(б). Его основной целью являлось, как было сказано: «втянуть женщин в активное социалистическое строительство». Уже тогда партия давала установку о выдвижении женщин на руководящие должности. В числе женщин-выдвиженок были зав. женотделом обкома ВКП(б) работница Пронина, ответинструктор БурЦИКа работница Ананьи-на, зав. бюджетным отделом Наркомфина – крестьянка, бурятка, Белехаева. Часть женщин-выдвиженок возглавила советскую работу. 11 женщин были избраны председателями сомонных и сельских Советов, одна работница – председателем горсовета, 7 – заместителями председателей районных и сельских исполнительных комитетов. В 1929 г. женщины принимали активное участие в работе центральной комиссии по улучшению быта женщин-тружениц Востока, организованной БурЦИКом. В номере газеты «Бурят-Монгольская Правда» от 12 марта 1929 года был напечатан призыв: «Начинаем культурный поход за бытовое раскрепощение женщин». Советская власть поддерживала отдельных личностей, которые достигали определенных успехов. Так, в газете за 8 марта 1929 года опубликована статья «Одна из передовых» - о «новой женщине Советской эпохи», председателе Хоринского сомонного Совета Вандановой (инициалы не указаны). Ей тогда было 54 года. До 1924 года она батрачила с мужем. Потом стала посещать женские собрания, с 1925 года – делегатские собрания, в 1927 году была избрана в сомонно-крестьянский комитет в родном селе. В 1928 году ликвидировала неграмотность и была избрана председателем сомонного Совета. Н. Сафронова описывая те годы, отмечает, что в 20-е годы тысячный актив женщин через Советы, профсоюзы и сеть делегатских собраний учился руководить новой жизнью [1].

Одним из инструментов пропагандисткой политики ликвидации неграмотности и вовлечения женщин в производственный сектор стали «Дома буряток», как новая форма работы среди женщин восточных аймаков. Степнячки получали элементарные знания о политике партии и правительства, о задачах общественных, кооперативных, хозяйственных организаций, самые необходимые знания по законодательству об охране материнства и младенчества, по санитарии и гигиене. Дом подготовил много активных, сознательных, общественных производственных. В 1930 году в республике работало два «Дома бурятки» и 11 передовых красных юрт [2].

Согласно статистическим данным, за период 1926-1939 процент грамотности среди женщин в возрасте от 9 до 49 лет увеличился с 21,3% до 77,4%. Образование дало возможность поступать в ФЗУ (фабрично-заво-

дское училище), ВУЗы. Этот факт способствовал и личностному развитию женщины не только в качестве работника, но и как личности [3].

В Бурятии в годы первой пятилетки началось вовлечение женщин и в промышленное производство. Более того, партийные организации промышленных предприятий, выполняя это решение, выдвигали наиболее способных и энергичных работниц на должность мастеров, посылали их на курсы повышения квалификации, направляли в техникумы и институты, помогали осваивать более сложные профессии, проводили мероприятия по улучшению их быта.

Если в первые годы советской власти в промышленности Бурят-Монголии почти не было женщин, то в конце восстановительного периода, т.е. в 1925 г., в промышленное производство было вовлечено около четырехсот женщин. В среде рабочего класса они активно участвовали в агитационном стахановском движении [4]. Данное мероприятие способствовало увеличению производительности труда по всей стране и дало многим женщинам возможность проявить себя.

Среди женских персоналий, внесших свой вклад в промышленное развитие Бурятии в период 20-40 годов и дальнейших лет индустриализации можно выделить П. Рьльскую. Она была первой женщиной-директором шлакобетонного завода при ПВРЗ. Это предприятие было передовым стахановским. Коллектив завода, состоявший целиком из женщин, выполнял план на 250-300 проц. Это предприятие было образцовым не только по качественным показателям, но и по культурно-бытовому обслуживанию рабочих [5].

Мировым событием, стал знаменитый лыжный переход из Улан-Удэ до Москвы, где женщины установили мировой рекорд и проявили небывалую отвагу и силу. Участница перехода - С.А. Тыхеева написала по этому случаю мемуары «95 незабываемых дней» (год издания) [6].

Бурятский обком ВКБ (б) 7 февраля 1933 года, обсудив вопрос «О состоянии работы среди женщин», принял решение о выдвижении в течение 1933 года на руководящую работу в республиканские, городские и сельские организации и учреждения 300 женщин, из которых не менее 75% были коренной национальности [7].

Таким образом, изменение положения бурятской женщины коснулись политической, экономической, образовательной и культурной областей. В эти годы женщины стали выходить на передовые общественно-политические позиции. Особая роль в этом отводится М. М. Сахьяновой. Начиная свою политическую деятельность еще в дореволюционный период (член партии с 1916 года) она продолжила ее активным участием в становлении БМ АССР. После образования бурятской автономной республики М. М. Сахьянова работала заведующей агитационно-пропагандистским отделом Бурятского обкома партии. А в октябре 1924 года, когда Трубочеев выехал на

учебу, она была избрана секретарем обкома партии. Секретарем обкома М. М Сахьянова работала бессменно до VI областной партийной конференции (декабрь 1928 г.), то есть все самые трудные годы становления Бурятской республики [8].

В этот период можно выделить другую активную общественницу, политика и экономиста С. Я. Ербанову, которая в статье журнала «Социалистическое строительство» рассмотрела и проанализировала экономическую ситуацию в БМ АССР и подвела итоги индустриализации за первые два года второй пятилетки. Кроме того она являлась женой главы правительства БМ АССР и основным идеологом промышленного преобразования М. Н. Ербанова.

Среди активных строителей новой эпохи можно отметить первую руководительницу женского движения в Бурят-монгольской АССР М. В. Сагадарову (1901-1926). Мария Владимировна Сагадарова была направлена на работу среди женщин. В течении 1920 – 1921 годов она разъезжала по деревням и улусам, хошунно-волостным центрам Черемховского уезда и Ангарского аймака и выступала на женских собраниях и конференциях с пламенными речами и докладами. Она говорила о том, что такое советская власть, что она даст трудящимся крестьянкам, Кто такой Владимир Ленин, что такое партия и комсомол, в чем их задачи и что надо делать женщинам, чтобы скорее покончить с разрухой, чтобы жить хорошо и иметь возможность учить детей [4].

Таким образом, советское правительство использовало трудящихся женщин как часть инструмента наращивания экономической и политической мощи государства. Можно сделать вывод и о личностном росте женщин: от векового социально пассивного положения, ограниченного хозяйственно-бытовой сферой до активного строительства нового общества. Развитие общественно-политической, экономической, культурной, промышленной сфер стало стартовой карьерной площадкой для многих женщин. Появились плеяды ярких общественниц, активных деятелей общественно-политической сферы. К моменту празднования десятой годовщины образования Бурят-Монгольской АССР бурятские женщины занимали высокие посты в правительственных учреждениях. Например, наркомом здравоохранения была У. А. Бабушкина, зампредседателем Госплана С. Я. Ербанова, замнаркома просвещения А. А. Бартанова [1].

Как видим, смена образа жизни женщин породила фундаментальные изменения в менталитете и их дальнейшей роли в истории данного региона. Женщины стали более самостоятельными, у них появилась возможность проявить себя в карьере, общественно-политической жизни. Несмотря на вышеперечисленную значимость и масштабность изменений положения женщин, данный период остается по-прежнему мало изученной областью в

бурятоведении. Исследование данного периода позволяет выявить не только взаимоотношения государства и личности, но и проследить влияние женщин как субъекта на государственную политику, и их качественные изменения. Если на начальном этапе инициатива в построении нового строя шла от властных структур, то в дальнейшем она начала исходить и от самих женщин. Вовлечение бурятских женщин в различные сферы социалистического строительства способствовало освобождению сознания женщин от традиционных установок. Несомненный интерес вызывает исследование опыта эмансипации женщины в короткий исторический период.

Учитывая специфику современного общественного развития для более успешной реализации женской политики в РБ полезно обратиться к накопленному историческому опыту. Это позволяет проанализировать роль и место женщин в общественно-политической сфере, как в прошлом, так и в настоящем в деле строительства нового общества, и дать объективную оценку роли женщины в современном обществе.

Список литературы:

1 Н. Сафронова. В буднях великого обновления // Правда Бурятии. – Улан-Удэ, 1987. - № 57 (18259).

2 А. Далбаева. Кто был ничем // Правда Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. - №119(15300).

3 Бурятская АССР за 50 лет: статистический сборник / под ред. М. О. Дармаева. – Улан-Удэ : ЦСУ РСФСР Стат управления Бур АССР, 1967. – 96 с.

4 Бартанова А. А. Женщины Советской Бурят-Монголии / Бартанова А. А. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1952. - 120 с.

5 История Бурят-Монгольской АССР, II том / под ред. П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во., 1959. – 643 с.

6 Тыхеева С. А. 95 незабываемых дней / Тыхеева С. А. - Улан-Удэ : Бурят.кн.изд-во, 1998. – 152 с.

7 Женщины Советской Бурятии / под ред. Н. Я. Нагорнова, Д. Ц. Цыремпилон. – Улан-Удэ. : Бурятское книжное издательство, 1969. – 178 с.

8 С. Я. Ербанова М. Н. Ербанов / С. Я. Ербанова, Г. Д. Басаев. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1967. - 147 с.

УДК 655

**ТОРГОВЛЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В БУРЯТИИ
В 1930-Е ГГ.**

**TEXTBOOKS TRADE IN BURYATIA
IN THE 1930s**

Аннотация: В статье рассматривается организация торговли учебной литературой государственными и кооперативными книготорговыми предприятиями в Бурятии в 1930-е годы. Автором рассмотрены различные формы и методы книготорговли, книготорговая сеть, показатели товарооборота учебной литературы.

The article describes an organization of textbooks trade by state and cooperative book-selling enterprises in Buryatia in the 1930s. The author considers various forms and methods of bookselling, book sales network, book sales turnover.

Ключевые слова: книжная торговля, государственные книготорговые предприятия, потребительская кооперация, кооперативная книжная торговля, продажа учебной литературы.

Keywords: book trade, state book-selling enterprises, book-selling consumer cooperatives, cooperative book trade, textbooks trade.

В 1930-е годы одной из важнейших функций книготорговых организаций Бурятии было признано обеспечение литературой школ, библиотек и сети партийного просвещения.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. руководство страны взяло курс на всеобщее начальное, а затем семилетнее образование. В 1932/33 учебном году республика в основном завершила введение всеобщего обязательного начального обучения. В качестве основной задачи в области национально-культурного строительства в 1932г. провозглашался переход на всеобщее семилетнее обучение. Существенно расширилась сеть школ: если в 1933 г. работали 3 средние школы, то к 1939 г. их стало 32. Впечатляют показатели роста грамотности сельского населения республики: с 33,6 % в 1926 г. до 71,8 % в 1939г. В Бурятии был создан республиканский комитет по всеобучу; широко практиковались месячники всеобуча, мобилизации, договоры о помощи с хозяйственными и комсомольскими организациями [1].

Постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «Об издании и продаже учебников для начальной, неполной средней и средней школы» (август 1935г.) отменило порядок закрытого распределения учебников [2]. Продажа книжной продукции в республике в 1930-е гг.

осуществлялась, главным образом, через государственную и кооперативную книготорговые системы. Государственная книготорговля в республике в конце 1920-х – начале 1930-х гг. осуществлялась торговым сектором Бурят-Монгольского государственного издательства. В 1933 г. торгсектор «Бургиза» был преобразован в Бурят-Монгольское объединение книжной торговли «Буркнига». Основным каналом распространения литературы на селе являлась торговая сеть потребительской кооперации республики («Буркоопсоюза»).

В сентябре 1935 г. областной комитет партии утвердил план размещения сети по продаже стабильных учебников (табл. 1).

Таблица 1

План размещения сети по продаже стабильных учебников на территории Бурятии (1935 г.)

Книготорговая организация	г. Улан-Удэ	Село		Всего	Итого
	Торговые точки	Район. магазины	Киоски сельпо		
«Буркнига»	9	7	23	30	39
«Буркоопсоюз»	1	12	43	55	56
Всего	10	19	66	85	95

Как видно из таблицы, предполагалось значительное расширение книготорговой сети; в среднем на один район планировалось создать по 4 – 5 торговых точек. Государственному банку поручили открыть дополнительный лимит для «Буркниги» в размере 350 тыс. руб. и «Буркоопсоюза» – 70 тыс. руб. [3].

Согласно постановлению президиума Совета национальностей ЦИК СССР – «Советском, хозяйственном и культурном строительстве в Бурят-Монгольской АССР» от 15 декабря 1935 г. ставилась задача обеспечить завоз детской литературы для школ республики, в том числе для начальных – 600 библиотек, неполных средних – 85, средних – 15 [4].

Особой проблемой являлось обеспечение учебниками сельских школ, в их числе и бурятских. Недостаток учебников и книг заставлял школьных работников села искать различные способы пополнения фондов учебной литературы. Некоторые школы длительное время (до конца 30-х гг.) сохраняли традиции самозакупа. Среди поступившей на село в 1936 г. учебной литературы были «Букварь» Вознесенского (32 тыс. экз.), «Фрамматика» Ч. Базарона (20 тыс. экз.).

Недостаток бюджетных ассигнований, выделяемых для учреждений, подведомственных Бурят-Монгольскому народному комиссариату просвещения, являлся причиной несвоевременного

обеспечения их литературой, систематических задержек в оплате счетов. Задолженность районных отделов народного образования «Буркниге» на 1 июля 1935 г. составляла 50 тыс. руб. [5; 6].

О размерах реализации учебной литературы и школьно-письменных товаров в системе «Буркниги» можно судить по табл. 2 [7; 8; 9].

Таблица 2

Реализация школьных товаров в системе «Буркниги»
(1936 - 1939 гг.) (тыс. руб.)

Год	План	Фактически	% выполнения плана
1936	400	510	127.5
1938	350	400	114.3
1939	520	616	118.5

Учебная литература пользовалась на местах стабильным спросом и план ее реализации перевыполнялся. Перевыполнению планов способствовало расширение ассортимента школьно-письменных товаров, ускорение доставки товаров от поставщиков, работа школьных киосков. Итог закупа подержанных учебников (на сумму в 130 тыс. руб.) в немалой степени был достигнут благодаря созданию комсомольско-пионерских бригад, в задачу которых входила эта работа. Как указывалось в отчетах, к началу учебного 1939/1940 гг. в школах имелись все названия вышедших из печати учебников, а летом 1940 г. «школы были полностью удовлетворены учебниками» [10].

Деятельность книготорговых организаций Бурятии в 1930-е годы в значительной мере способствовала распространению грамотности среди населения, развитию школьного образования, изменению образовательного облика региона в целом.

Литература

1. История Бурятии. В 3 т. Т.3. XX–XXI вв. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С.144, 145.

2. Говоров А.А. История книжной торговли в СССР: учеб. пособие / А.А. Говоров. – М.: Книга, 1976. – С.332.

3. Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ), ф.1-п, оп.1, д.2334, л.5, 5об.

4. Там же, д.2425, л.4, 8.

5. Там же, ф.1-п, оп.1, д.2645, л.26.

6. Не допустить срыва снабжения школ учебниками // Бурят-Монг. правда. – 1935. – 9 июля.

7. НА РБ, ф.р-60, оп.3, д.220, л.4 об.

8. Там же, ф.р-196, оп.7, д.756, л. 4 об.
9. НА РБ, ф.р-196, оп.7, д.72, л.2.
10. Там же, д.97, л.3.

УДК 379.8 : 94(571.54)

Э.Д. Цыдендоржиева

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БУРЯТИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

DEVELOPMENT OF CULTURAL AND LEISURE FACILITIES OF BURYATIA IN THE YEARS OF PERESTROIKA AND POST-SOVIET PERIOD

В статье анализируется развитие культурно-досуговых учреждений в Бурятии в годы перестройки и постсоветского периода, связанные со сменой социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране в общем и в Бурятии в частности.

The article analyzes the development of cultural and leisure facilities in Buryatia in the years of perestroika and post-Soviet period, associated with the change of socio-economic and socio-political situation in the country in general and in Buryatia in particular.

Ключевые слова: культурно-досуговые учреждения, перестройка, постсоветский период.

Keywords: cultural and leisure institutions, perestroika, post-Soviet period.

В 1985 году СССР вступил в новую общественно-политическую, социально-экономическую эпоху отличную от всех предыдущих названной в истории России «перестройкой». Государство постепенно переходило на «открытые» отношения с западными странами. Эти события, происходящие в огромной стране, оказали значительное влияние на культуру и в частности на культурно-досуговые учреждения.

В стране возник кризис в экономике, связанный с техническим отставанием предприятий от западных стран, с низким качеством продуктов питания. СССР стал энергетически зависим от поставок сырья в страны Ев-

ропы.¹ В общественно-политической системе наметился раскол в коммунистической партии. В руководстве страной сложились две группировки: консерваторы во главе с Е.К. Лигачевым и сторонники быстрой демократии во главе с Б.Н. Ельциным.²

В сложившихся условиях социально-экономической и политической нестабильности культура оставалась на последнем месте для государства. Страна вкладывала в культуру не больше 1% государственного бюджета. Материально-техническая база оставалась низкой, остался непреодоленным дисбаланс доступа к культурным благам между жителями различных регионов страны, сельской местностью и городами.³

В Бурятии на начало перестроичного времени работало «728 домов культуры и клубов, 150 централизованных клубных систем, 1200 библиотек, 9 музеев».⁴ В дальнейшем посещение культурно-досуговых учреждений в период с 1985-1991 года стало замедляться. Данная неутешительная тенденция возникла из-за того, что у жителей страны в домах появились телевизоры, своя собственная библиотека и т.д. С появлением этих материальных ценностей у людей отпала необходимость посещать учреждения культуры.

Например, музеи Бурятии в эти годы переживают реорганизацию. В конце 1970-х годов наметились процессы централизации, но к 1984 году они существенно замедлились. Музеи требовали от республики большей самостоятельности. Первым из череды таких музеев стал Кяхтинский краеведческий музей им. В.Обручева в г. Кяхта.

В 1990 г. музеи Бурятии вступили на новый этап своего развития. Филиалы и отделы Бурятского объединения музеев вновь объединились и превратились в самостоятельное государственное учреждение культуры, которое подчиняется непосредственно Министерству культуры РБ.⁵

В 1990-е годы музеи переживали упадок в социально-экономической сфере, что привело к сокращению численности посетителей во много раз. Органы государственной статистики по РБ сообщают, что «если в 1991

¹ Затеева Н.А., Татарова С.П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – С. 112-114.

² Полный энциклопедический справочник. История России в картах, схемах, таблицах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 314.

³ См. Зетева Н.А., Татарова С.П. – С. 114.

⁴ История комсомола Бурятии. Документы, факты, имена. 1920-1991 гг. /Книга II. 1946-1991 гг. - Улан-Удэ: ГКРБ МГФКиС, 2004. – С. 585.

⁵ Затеева Н.А., Татарова С.П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – С. 122-123.

году число посещений составляло 428 тыс., то в 1995 году оно снизилось до 161 тыс. человек».¹

Сокращение постигло и другие культурно-досуговые учреждения Бурятии. В монографии Затеевой Н.А и Татаровой С.П. «Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, состояние и перспективы развития» отмечается, что в 1995 году было закрыто 17 сельских библиотек, а 50% работников находились в административных отпусках, штат сократился с 1167 до 1110 человек, а также говорится, что если в 1990 году в районах республики насчитывалось 62 детские библиотеки, то на начало 1996 г. их число составило 45.²

1990-е годы ознаменовались для России и Бурятии выходом из экономического, социального и общественно-политического кризисного положения. В это время правительство РБ разработало и ввело в действие множество важных законодательных актов и программ: «Целевая комплексная республиканская программа развития культуры на 1991-1995 годы», Закон РБ «О культуре», «О библиотечном деле», «О музейном деле», «Концепция правового обеспечения культурной деятельности в Республике Бурятия», целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Республики Бурятия (1999-2001)» и такая же программа на период 2004-2007 гг.³

Социально-экономические преобразования в стране и Бурятии в частности потребовали от работников учреждений культуры перестроить свою работу на новый лад. Они научились самостоятельно находить негосударственные бюджетные средства для поддержания своих учреждений, а также применять новые технологии в работе.

Наибольшего успеха в данном деле добились библиотеки республики. Так, Национальная библиотека Республики Бурятия в 2006 году открыла «Байкальский информационный центр», целью которого является интеграция мировых и отечественных информационных ресурсов об оз. Байкал. Центр снабжен интернет-порталом «Байкал-Lake» - <http://baikal-center.ru>, справочными и энциклопедическими изданиями, коллекциями карт и т.д.⁴

В этом же году на базе библиотеки открылся учебный центр Microsoft «Открытый мир информационных технологий». Центр открылся в рамках программы «Мир безграничных возможностей», финансируемой корпорацией Microsoft при поддержке Представительства некоммерческой корпорации «Прожект Хармони Инк., США» в России.

¹ Социальная сфера и уровень жизни населения Республики Бурятия: сб. Госкомстата РБ. – Улан-Удэ, 1997. – С. 143.

² См. Затеева Н.А., Татарова С.П. – С. 124.

³ Там же. – С. 129.

⁴ Достижения национальной культуры Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 260-261.

Главная цель деятельности учебного центра на базе Национальной библиотеки РБ является помощь в доступе к информационным технологиям для безработной молодежи, лиц с ограниченными возможностями здоровья, пожилых людей и т.д.¹

Государственная республиканская юношеская библиотека им. Д. Батожабая в своей деятельности большое внимание уделяет программам по экологии, молодежной политике, праву, краеведению и патриотизму. В 1997 году была разработана первая целевая комплексная программа по созданию Республиканского центра нравственно-патриотического воспитания. Ее разработчиком стал заместитель директора по инновационному развитию Л.А. Кузнецова. В период 2002-2006 гг. библиотека реализовала около 10 проектов, которые финансировали Министерство культуры РФ, РБ, фонд Сороса.²

Таким образом, в постсоветский период, особенно в 2000-е годы с подъемом экономики в стране, стабилизации социального положения увеличился спектр источников финансирования культурно-досуговых учреждений. Наряду с государственным бюджетом, денежные вливания приносят и общественные организации, фонды, предприятия и т.д.

Социально-культурные учреждения получили право предоставлять платные услуги, совмещая ее с основной работой. Так, например, все или почти все библиотеки республики предоставляют услуги по распечатыванию, ксерокапированию документов, доступ к интернет-ресурсам и т.д. Другая часть учреждений культуры полностью ориентированы на получение коммерческой прибыли: развлекательные центры, ночные клубы, парки культуры и отдыха и т.д.

В данном плане в Бурятии получили свое развитие торгово-развлекательные центры. Начиная с 2000-х годов, они стремительно распространяются, в особенности в столице республики. Это такие ТРЦ, так «Сибирь», «Столичный», «Верхнеудинск», «People's Park», «Capital Mall» и т.д.

Не отстают от торговых центров и ночные клубы – «Oriental Dragon», «Партизан», «Studio 21» и т.д. Появились и новые кинотеатры: «People's Cinema», «Capital Cinema», «ЕвроЗона», «Пионер», которые обустраиваются во все тех же торгово-развлекательных центрах.

С наступлением нового тысячелетия государство инициировало масштабный эксперимент отраслевой модернизации, посредством реализации национальных проектов, сущность которых заключалась в переводе системы управления с чисто бюджетно-затратного в программно-целевое русло, где главным критерием функционирования аппарата управления ста-

¹ Там же. – С. 262-263.

² Там же. – С. 271.

новится результативность деятельности. В данное время ищутся пути «реформирования организационно-хозяйственного механизма, обеспечивающих выживание и развитие учреждений социально-культурной сферы в рыночных условиях». Однако, несмотря на проделанную работу в учреждениях культуры все еще сохранялись старые методы управления, присутствовал недостаток денежных вливаний и незнание првовых основ.

Новый виток в развитии культурно-досуговых отношений придал Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. №174-ФЗ «Об автономных учреждениях». Цель данного закона состояла в том, чтобы реформировать сеть бюджетных учреждений культуры «в целях повышения результативности бюджетных расходов и оптимизации управления бюджетными средствами на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации, а также необходимо адаптировать сферу культуры к рыночным условиям».¹

По данным Министерства культуры РБ доля финансовых средств на 2007 год составляла 526925,339 руб. из них 502612,419 руб. – республиканский бюджет и 24312,92 руб., на 2008 г. данная сумма установилась в районе 563911,6 руб. (530635,7 руб. – бюджет республики, 33285,9 руб. – платные услуги), на 2009 год - 590990,55 руб. (548359,45 руб. – бюджет республики, 42631,1 руб. – платные услуги соответственно).² С увеличением роста платных услуг учреждения культуры смогли повысить заработную плату сотрудникам. В очередном докладе министра культуры РБ за 2008 г. прозвучало, что средняя заработная плата работников культуры в Республике Бурятия составляла 7563 рубля. Например, в некоторых районах она даже увеличилась в период с 2007-2008 гг.: В Мухоршибирском (2007 г. – 5213 руб., 2008 г. – 7892 руб.), Джидинском (2007 г. – 4006 руб., 2008 г. – 5802 руб.) и Иволгинском (2007 г. – 5482 руб., 2008 г. – 7892 руб.).

Культурно-досуговые учреждения принявшие статус автономного учреждения не могли не заметить некоторых преимуществ: 1. отсутствие сметного финансирования оставляет большую свободу выбора для самостоятельного расходования бюджетных средств, т.е. направлять данные денежные вливания в нужные области;

2. Становится более доступным совершать финансовые операции, не подвергаясь тотальному контролю со стороны казначейства и развивать сферу платных услуг;

¹ Затеева Н.А., Татарова С.П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – С. 137.

² Культура Республики Бурятия в 2009 году: Инф. сб./Министерство культуры Республики Бурятия/ г. Улан-Удэ, 2010. – С.17.

3. Автономные учреждения имеют право определять номенклатуру и тарифные планы на свои услуги для физических и юридических лиц, кроме тех, что определены государственным заказом. Данное право позволяет оперативно реагировать на потребительский спрос;

4. Автономные учреждения самостоятельно контролируют свою штатную численность, определяют систему оплаты труда и стимулирования сотрудников.¹

Несмотря на описанные выше большие преимущества автономных учреждений культуры существует ряд причин не спешить с переходом из статуса бюджетного учреждения в автономное. Во-первых, «отсутствие методических материалов по изменению типа учреждения, расчета нормативов стоимости услуг, содержания недвижимого и особо ценного движимого имущества. Во-вторых, боязнь проведения ежегодных аудиторных проверок, обеспечения публичности информации о собственной деятельности. В-третьих, многие учреждения опасаются, что со временем государство сократит, либо совсем прекратит их финансирование, направляемое на выполнение государственного задания».²

Республика, в этом плане, является одним из лидеров по успешному переходу учреждений культуры с бюджетной на автономную форму. Данное реформирование начало происходить с момента вступления закона в полную силу. Министерство культуры РБ, органы управления культуры муниципальных образований, Республиканский центр народного творчества, Национальная библиотека РБ проводили работу по разъяснению и реализации нормативных правовых документов, по повышению квалификации, выездные семинары-практики с приглашением представителей науки, начальников отделов Министерства культуры и республиканского центра народного творчества.

Первыми автономными учреждениями культуры в Бурятии стали такие учреждения как Центр эвенкийской культуры «Арун», Государственный цирк, Республиканский информационный центр, а позднее и Бурятское республиканское училище культуры и искусств, Республиканская детско-юношеская библиотека, музей природы Бурятии, музей истории г. Улан-Удэ, Бурятский республиканский государственный театр кукол «Ульгэр», Бурятская государственная филармония.³

¹ Затеева Н.А., Татарова С.П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – С. 138-139.

² Там же. – С. 140.

³ Затеева Н.А., Татарова С.П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – С. 141-142.

Таким образом, культурно-досуговые учреждения в своем развитии прошли два этапа, неразрывно связанные с социально-экономическими и общественно-политическими событиями в стране и Бурятии.

I этап наспулил с 1985-конец 1990-х годов. Данное время характеризуется кризисом в социально-экономической, общественно-политической сферах деятельности, что не могло не повлиять на культурно-досуговые учреждения Бурятии. В эти годы резко сократилось посещение данных учреждений, снизился уровень заработной платы работников культуры.

II этап начинается с конца 1990-х годов по настоящее время и ознаменован стабилизацией в социально-экономических и общественно-политических отношениях. В республике появляются все новые и новые учреждения культуры, такие как крупные торгово-развлекательные центры, ночные клубы, кинотеатры и т.д. С вступлением в силу ФЗ «Об автономных учреждениях» библиотеки, музеи, дома культуры стали более самостоятельными и быстрее реагировать на потребности населения.

Таким образом, годы перестройки оказали тяжелым бременем не только для экономики, социальной и политической сфер деятельности, но и для культуры, на которой отражались все происходящие в России процессы. Но с 2000-х годов положение в стране стало улучшаться, что немедленно отразилось на учреждениях культуры. Тем самым, культурно-досуговые учреждения в своем историческом развитии неразделимо связаны с социально-экономическими и политическими событиями, происходящими в стране и в Бурятии в частности.

РАЗДЕЛ IV.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

УДК 316.77

Г.Б. Паршукова

КОНВЕРГЕНТНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА

CONVERGENCE OF SOCIOCULTURAL SPACE: THEORETICAL PROBLEM AND COMMUNICATIVE PRACTICE

Аннотация. Обосновывается необходимость формулировки новой теории конвергенции коммуникативного пространства. Описываются противоречие коммуникативного пространства, связанные с дуальным характером, детерминант его развития: развитие технологии приводит к трансформации коммуникаций, а потребность в трансформации коммуникативной практики приводит к развитию технологии.

Abstract. The necessity of a new formulation of the communicative space convergence theory is reasoned. The author describes the communicative space contradiction associated with the dual nature of its development determinants: technology development leads to communication transformation and the need for transformation of communicative practice leads to the development of technology.

Ключевые слова. Коммуникация, конвергенция, коммуникативное пространство

Keywords: Communication, convergence, communicative space

В настоящее время проблеме коммуникативного пространства уделяется весьма большое внимание со стороны представителей различных отраслей гуманитарного знания. Но более всего этот концепт формулируется культурологами и лингвистами, которые в качестве определения дают следующую формулировку: коммуникативное пространство – это совокупность сфер общения, в которых личность реализует свое речевое намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. На наш взгляд, эта формулировка игнорирует включенность коммуникативного пространства в пространство социальное (хотя социальный характер

подразумевается, поскольку субъектом общения называется человек).

Определение понятия коммуникативного пространства достаточно сложная теоретическая задача. Формула «социология пространства», как и понятие, изобретена Г. Зиммелем. Одна из больших его работ так и называется: «Социология пространства» [5]. Есть два подхода к пониманию социального пространства: субстанциалистский и структуралистский.

Согласно первой трактовке, пространство состоит из субстанций, т.е. индивидов, их групп и организаций, соединенных социальными отношениями. Социальное пространство обладает материальной субстанцией – людьми. Так, П. Сорокин писал: «Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета» [7].

Во второй трактовке социальное пространство – это надиндивидуальная реальность, состоящая из структурированных социальных отношений. Для понимания природы коммуникативного пространства, структуралистская концепция социального пространства наиболее подходящая. По определению П. Бурдьё, социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине» [1, С.185]. По мнению Бурдьё, существует «пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство» [3, С.60]. По сути можно говорить о том, что коммуникационное пространство является формой, оболочкой социального пространства, поскольку является пространством культуры. Можно согласиться с В.М. Лоскутниковой, которая считает, что «сущностные особенности социальных процессов эксплицируются путем анализа механизмов коммуникации, когда коммуникативное пространство предстает как аутентичная форма социальной реальности» [6]. Мир материальной культуры – это мир артефактов. Культура задает форму. Если пространство, по сути, есть фиксации разнообразия разнородных объектов, коммуникативное пространство есть зафиксированное разнообразие коммуникативных каналов, сообщений, адресатов и адресантов.

Следует признать, что являясь формой социального пространства, коммуникативное репрезентует и свойства этого пространства. Многомерность социального пространства вообще, проецируется на многомерность, а точнее многоуровневность коммуникативного. Можно отметить, что «уровни» – это понятие вертикальное и вертикальная многомерность коммуникационного пространства связана с субъектами коммуникации (автокоммуникация или рефлексия, межличностная коммуникация, групповая и массовая).

Однако существует и горизонтальная многомерность, связанная с уровнем интеграции коммуникатора и реципиента (чем выше уровень этой интеграции, тем полнее удовлетворены потребности обеих сторон в обмене информацией, глубоким является общий смысл сообщения, содержательным становится диалог между собеседниками).

Коммуникативное пространство, как и пространство социальное, неоднородно как по своему содержанию (разделяемым большинством членов идеям и представлениям), так и по средствам символического взаимодействия (языкам). В силу этого оно делится на поля, которые неизбежно приобретают социокультурный характер. Коммуникационное поле является отражением основных характеристик социального поля. Устойчивые формы социальной практики порождают относительно устойчивые нормы и ценности, закрепляющие их, средства коммуникации, делающие взаимодействие возможным.

Конечно, социальное пространство не исчерпывается ни мировой экономикой, ни интернет и кроме технологически прогрессивных средств коммуникации есть еще и другие, например, научные и образовательные коммуникации, для которых пространство очень значимо.

Говоря о коммуникативном пространстве, чаще всего имеют в виду конкретное пространство территории, на которой действуют те или иные каналы коммуникации (в том числе маркетинговые). В этом случае, оно состоит из совокупности материальных факторов; пространственно-предметных факторов; социальных компонентов; экономических отношений. Именно эти факторы и порождают новые модели коммуникации порождая, эффект конвергенции. Смысл конвергенции в том, что имеющиеся системы, не уничтожаясь, порождают новую систему, то есть имеющиеся субъекты создают новые модели своей деятельности.

Конвергенция коммуникаций означает возникновение новых моделей социальных коммуникаций, при этом старые модели не прекращают быть значимыми, и не заменяются новыми. Новые начинают действовать параллельно со старыми. Конвергенция коммуникации представляет из себя некоторую репрезентацию конвергенции экономических систем, которые, в свою очередь, являются имплантацией социального действия, которые производят коммуникация через предметно-вещественные объекты.

Конвергенция коммуникация означает появление моделей коммуникации, которые ранее были абсолютно самостоятельными и автономными. Именно дихотомия массовой и межличностной коммуникации в современную эпоху перестает быть абсолютной оппозицией и на основе этих двух моделей возникает новая модель – конвергентная. Конвергенция коммуникационного пространства основана на техническом развитии, эволюции технических средств коммуникации.

В современных информационно-коммуникационных технологиях все шире применяются конвергентные технологии и связанные с ними виртуализация ресурсов и облачные структуры. Исторически развитие конвергентных сетей как технического объекта стало продвигаться с 2008 г. после разработки стандарта протокола FCoE (Fibre Channel over Ethernet) [8], который обеспечивал совместимость оборудования и создание конвергентных сетей. В 2012 году Hewlett-Packard [98] анонсировала решение под названием Converged Cloud — конвергентное облако, интегрирующее локальные ИТ-среды с частными и публичными облаками. Таким образом, техническая конвергенция коммуникаций на базе информационно-вычислительных технологий развивается, и развивается стремительно.

Однако это развитие парадоксально. Главный парадокс заключается в том, как развитие коммуникационного пространства требует технического развития коммуникации, так и само по себе техническое развитие детерминирует развитие новых коммуникационных систем, формируя новую топологию коммуникационного пространства.

Например, развитие мобильной связи, появление этой технической возможности в сущности было прогнозируемо. Наличие телефонной связи в какой-то момент потребовало новой сервисности – возможности использовать телефон без привязки к месту, к конкретной точке в пространстве, к конкретному аппарату. Потребность в мобильности и породила новые технические средства связи – беспроводную. В свою очередь развитие технических возможностей мобильных аппаратов привело к появлению новых видов коммуникации, которые уже трудно назвать «телефонной» связью: она приобрела мультимедийность, оставаясь межличностной по характеру, имеет черты массовой.

Следовательно, для понимания сущности коммуникационного пространства представляется необходимым решить вопрос о его структуре и компонентах, тенденциях, основных характеристиках насыщенности коммуникационного пространства. Формирующееся новое коммуникационное пространство оказывается организованным и трансформируемым с помощью специфических социокультурных механизмов, релевантных вызовам эпохи, находящимся в сложном взаимодействии с иными актуальными социокультурными регуляторами.

Представляется, что именно тенденция конвергенции коммуникации позволит вернуться (на новом этапе) к идее преодоления раскола мира (главной идеи теории конвергенции 1960-1970 гг.) и разработать новые модели коммуникации, основанные на интеграции количественных (признаки массовости) и качественных (признаки межличностных) признаков:

- возможность массовой аудиторий (она анонимна, пространственно рассредоточена) / возможность персонифицированности (не массовости) ау-

дитории;

- социальная значимость информации циркулирующей в сообщениях;
- наличие технических средств, обеспечивающих регулярность, скорость, тиражированность информации, передачу ее на расстояние, хранение и многоканальность (в современную эпоху всеми отмечается преобладание визуального канала).

Все эти признаки характеризуют не только массовую коммуникацию, но и межличностную на платформе новых информационных технологий.

Реализация новых возможностей уже известных ранее культурных и социально-деятельностных форм ставит вопрос о природе их сопряженности с коммуникациями современности и о реальной исторической глубине генезиса коммуникаций в развитии общества. События последнего десятилетия наглядно демонстрируют, что коммуникации не только модифицируют имеющиеся институты гражданского общества, становясь новой средой их функционирования и развития, но и сами становятся значимыми институтами современности.

Примечания

1. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
2. Бурдые П. Система образования и система мышления // Высшее образование в России, 1997. N 2. С.119-126.
3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos"96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С.8-31.
5. Зиммель Г. О сущности культуры // Избранное. Философия культуры. Т.1. М., 1995. С. 475-481 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/texts/texts.htm> (Дата обращения: 5.06.2014)
6. Лоскутникова В. М. Хабермас и Луман: два подхода к исследованию процессов коммуникации в современном обществе // Гуманитарная информатика: Междисциплинарный сборник статей. Вып.1. [Электронный ресурс]. URL: http://huminf.tsu.ru/jurnal/vol1/lvm_habermas_luman/ (Дата обращения: 05.06.2014)
7. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю.Согомонова. [Перевод А.Ю.Согомонова]. М.: Политиздат, 1992. С.297-307.
8. Fibre Channel over Ethernet Initialization Protocol // Cisco Nexus 5000 Series Switches [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisco.com/c/en/us/products/collateral/switches/nexus-7000-series->

switches/white_paper_c11-560403.html (Дата обращения: 05.06.2014).

9. НР предлагает конвергентные облака: Новое решение компании призвано объединить частные и публичные облака с локальной инфраструктурой заказчика // Сети/network world», № 03, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osp.ru/nets/2012/03/13015332/> (Дата обращения: 05.06.2014).

УДК 338.4(517.3)

Ch. Tserendolgor

USING VALUE CHAIN FOR DEVELOPING CULTURAL INDUSTRY IN MONGOLIA

Today, the world development tendency leads up to upgrade competitiveness of the country and develop sustainably during long-term period. Countries are getting to pay more attention to develop the sectors clustered in the whole system. Therefore Mongolia has faced the issue to develop the sectors in the whole system in accordance with the world development tendency. For this, framing the sector mapping will be very important. In this paper the current approach of value chain mapping in some countries of the world is considered. The author describes the value chain mapping in some subsectors in Mongolia as well as its role for developing national modern cultural industry.

Key words: value chain, cultural industry, cluster, mapping

Background:

Small-to-medium enterprise and developing clustering have been the economic basis to intensify the development and provide the stability of the country. In accordance with the world tendency, our government has aimed to expound the country through regional development concept and develop every sector clustered on the basis of working out sustainable development strategy. At the time of talking about value chain mapping, it would be very important for the development of cultural industry in the arts and culture sector. It means that definite product and sector must be observed for developing the economy. The value chain involving every procedure from the raw material to the end-product must be supported on a large scale.

1. Theory and methodology on working out the value chain mapping

Since 1970s, when the boundary of industry, service and business environment had disappeared, many methods and approaches aimed to explain the product industry system appeared. Many scientists from such sectors as management and economy have studied the value chain effectively. In English

speaking countries there is a notion «Value Chain». In Russian we find «Тсепочки себестоимости» («Цепочки себестоимости»). There are different variants of translation in the Mongolian language now. It means this term does not have its certain naming in our country.

But Cluster is characterized as governing institutions/ business organizations, schools and research institutes / which are under similar relationship into one point by their geographic locations. **In 1985 Michael Porter, a professor from Business School of Harvard University, used the term «Value Chain» in the book under the title "Competitive advantage: creating and sustaining superior performance". From this time, this term became generally available to the public. He said that business organization is a unity of their inner activities with mutual connection with each other. They can join up and create the product value including all activities such as having an idea, manufacturing, advertising, distributing and supporting it. On the one hand, in any sector, it is not possible for a company to produce, manufacture and distribute products to the end-consumers relying only on its strength. Michael Porter considered that the company is actually one of the market actors to the given value chain [1]. UNIDO (Industrial Development Organization of the United Nations) considers that the value chain involves the activities from the start-point step of the creation of the product and service to end-consumers [2]. But from the latest period of 1980 the French scientists started to work out the value chain mapping using vertical directed relations in agricultural products, for instance, cotton cloth, coffee and cocoa manufacture [3].**

In 2005, Gary Gereffi, a professor from Duke University, USA, and John Humphre, a researcher of Development Center of Economic Institute from the same university, in their book –“The governance of global value chains” say that working out the value chain mapping shows how the sector and product chances should be supported by the Government. Also it has a big importance for manufacturers to evaluate the market and determine their position [4].

By summarizing the above-mentioned things, the value chain might involve the participation in all activities starting from the creation of a product and service to end-consumers and to other activities. On the other hand, products supplied by manufacturers are considered like the cost sum of the service.

Participants in the Value chain:

- **Input suppliers**
- **Manufacturers**
- **Processors**
- **Bulking traders**
- **Exporters**

- **Retailers etc.,**
- **Importance of the Value chain:**
- **describes interrelation of participants**
- **gives the chance to manufacturers to see where they exactly go in the market**
- **identifies distribution market, unmet demands, and international competitors**
- **determines approaches in supply channel and network**
- **identifies constraints or opportunities in the growth of the products and competitive competence of the company**

The following models of the value chain are used in the world countries.

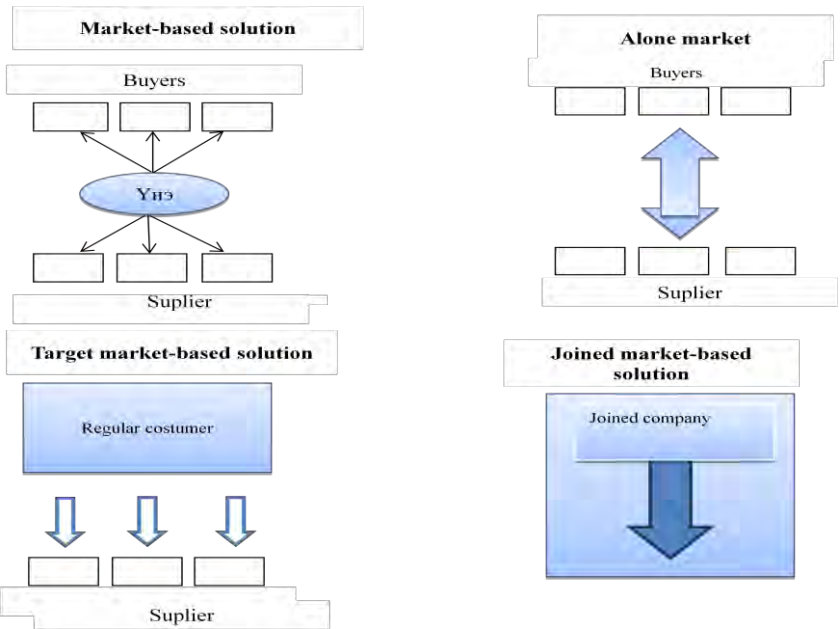

Figure 1. Administrative types of the value chain

- Market-based solution gives the shop assistants and customers the equal right and opportunity to do self-trades.
- In the stand-alone market-based solution the decision-making of the participants could be quite independent.
- Target market-based solution is under the control of the company that regulates the product quality and trade.

- Joined market-based solution is enterprises joined vertically up and puts the control for the responsibility of any types of the value chain.

To do value chain testing, the following three methods depended on the market and needs of the value chain are used. They are:

1. **Research method**
2. **Participation method**
3. **Learning from practices method**

International experience of the value chain mapping

Many programs have been designed and implemented to develop the value chain in high-developed and developed countries in the world. **Especially:**

Country	Field
Afghanistan	Poultry-farm
Bangladesh	Health, clothes and Needle-lace
Bhutan	Tangerine, Tourism
China	Tourism, medicine
Cambodian	Wood
Eastern Timor	Cacao, construction
Ethiopian	Vegetables
India	Agriculture, Poultry-farm
Indonesia	Cacao, Vegetable, milk
Lebanon	Apple, grape
Filipino	Craft, cereals
Mongolia	Ham, Yark wood, Aruul
Tibet	Construction, yark milk

But in some countries, the value chain mapping of handicrafts and movie industry in arts and culture sector has been worked out and developed with clustering. For instance, in 2007 UNIDO and UNESCO carried out the survey entitled —Creative industries and micro & small scale enterprise development” in three Asian countries; Iran, Pakistan and Thailand and framed the value chain of handicrafts [5] (Appendix 1). Another example is Durban that has worked out the

value chain mapping in the movie industry sector and its policy to develop with clustering (Appendix 2).

Current situation of the value chain mapping in Mongolia

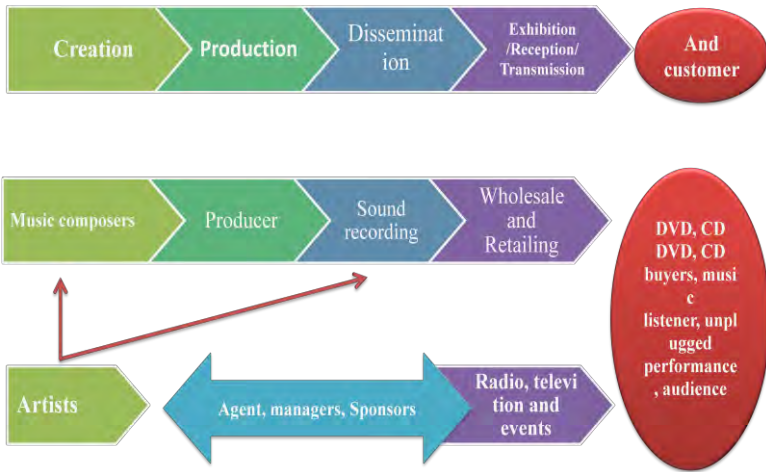
Some scientists in our country have studied and worked out the value chain mapping in recent years. Since 2007, it has been focused on doing capability of the sector chain rather than rendering direct assistance, developing business service according to the policy trended to decrease poverty and increase standard of living in the country. For instance, one of the components of the Support Program of Agriculture implemented by Mercy Corps sponsored by Ministry of Agriculture, USA is the Development Program of Value Chain. During this program –“The study of value chain for the subsector of aaruul /dried curds/ in Arkhangai province” was done in 2007 [8] (Appendix 3). The report –“Testing report of the value chain in the subsector of beef” was worked out in 2008 [9] (Appendix 4). This study involved Arkhangai and Sukhbaatar provinces and Ulaanbaatar city. The report –“Testing report of the value chain in the subsector of wool cashmere” was made in Zavkhan, Khovd and Sukhbaatar provinces [10] (Appendix 5). Similarly, VSO Mongolia sponsored by the World Bank reported the testing report on the value chain of the subsector of yakhair in such provinces as Arkhangai, Zavkhan, Uvurkhongai, and Bayankhongor in 2008.

J. Erkhemtugs and Ch. Odgerel, sponsored by USDA and CHF international organization, worked out the value chain mapping in the pork market in 2010-2011 [11]. The project –“Agriculture and Rural Development” sponsored by Asian Development Bank is being put into life to increase the income of rural people, create new jobs and make a contribution for the development of rural infrastructure. This project is trying to strengthen the value chain entirely. All those activities are based on the way of providing further sustainable development of manufacturers of end-products processed with agricultural raw materials (wool, cashmere, skins and hides of the livestock, meat, milk, berries, medicinal plants etc.,).

Summary:

1. **Foreign countries are using the value chain model with clustering to develop arts and culture sector mostly in handicrafts and movie.**
2. **Although our Government has made the policy of Regional development concept we do not have effective works related to it. It would be so important for the participants to emerge their relations, be responsible and participate in the industry by doing the value chain mapping to develop through the certain sector and region.**
3. **It will be possible to use the following general model.**

General model to develop value chain in cultural industry in Mongolia

References

1. Porter M. Competitive advantage: creating and sustaining superior performance: New York, 1985, p. 34
2. UNIDO —“Agro-value chain analysis and development” Vienna., 2009, page 10
3. German Development Institute ”Donor approaches to supporting pro-poor value chains”, 2006, page 15
4. Duke University Gary Gereffi, John Humphrey”The governance of global value chains”, NY., 2005, page 18
5. UNIDO and UNESCO —“Creative industries and micro & small scale enterprise development” Vienna, Austria.
6. **Chimeddorj.M —Reform regulation”, UB., 2011, page 18**
7. www.mongolnews.mn
8. Erdenebileg O. —“The study of value chain for the subsector of aaruul /dried curds/ in Arkhangai province” UB., 2007 year
9. Odgerel.Ts —“Festing report of the value chain in the subsector of beef” was worked out in 2008
10. Erdenebileg,O —“Reprt of the value chain in the subsector of wool cashmere” was done in Zavkhan, Khovd and Sukhbaatar provinces, UB., 2009 year

11. J.Erkhemtuğs and Ch.Odgerel, sponsored by USDA and CHF international organization, worked out the value chain mapping in the pork market in 2010-2011

УДК 008:73/76:18

М.Б. Дандарон

КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

COGNITIVE FUNCTIONS OF VISUAL CULTURE

Аннотация: В статье анализируется понятие «визуальная культура», Приведены основные положения исследований развивающего потенциала, который заключен в восприятиях визуальных образов, определены направления дальнейших исследований визуальной культуры.

Annotation: The notion «visual culture» is analyzed. The main issues of the research of developing potential which is in visual images perception are given. The areas of further research of visual culture are determined.

Ключевые слова: визуальная культура, визуальная среда, визуальные исследования, теория эстетического восприятия

Key words: visual culture, visual environment, visual research, theory of esthetic perception

Визуальная культура, аудиовизуальная культура - новое междисциплинарное направление, возникшее на пересечении философии, теории культуры, социологии и искусствознания. Сегодня она становится доминирующей формой «культуры как таковой». Современная культура в настоящий момент преимущественно описывается как визуальная. Визуальная культура, известная также как визуальные исследования, являются новым полем для изучения культурного конструирования визуального в искусстве, медиа и в повседневности.

Интерес к изучению визуальной культуры в нашей стране возник относительно недавно и находится на стадии формирования. В западных странах эти исследования популярны и сформировали широкую область исследований, обозначаемую "культурные и визуальные исследования". Это область, где в фокусе находятся те процессы, с помощью которых создается значение в культурном контексте. Так называемый «визуальный поворот», пришел на смену «лингвистическому», благодаря переходу от вербального способа передачи информации к визуальным образам. В рамках такого поворота становятся универсальными исследования традиционных видов искусств, а также кино, телевидения, массовой культуры с позиции совре-

менных философских и социальных теорий. В конце 1980-ых, эти исследования приобретают статус междисциплинарной науки, когда классические дисциплины, такие как: история искусств, антропология столкнулись с постмодернизмом, постструктурализмом.

Понятие визуальной культуры нуждается в более четком структурировании. С одной стороны - это гетерогенная аудиовизуальная среда, которая представляет собой особую генерацию, производящую интересубъективные содержания, значимую информацию неязыковыми средствами и способами. В философских терминах - это объективный мир аудио- и визуальных образов различной природы, который обладает определенным информационным потенциалом. С другой стороны - субъективное, объективное и социальное конструирование реальности в результате восприятия, осмысления и понимания той информации, которой обладает визуальность. То есть на другом полюсе находится субъект восприятия. В результате, бытие визуальной культуры можно редуцировать до классической философской схемы: объект - субъектной оппозиции.

Таким образом, одно из направлений исследований в области визуальной культуры - это визуальная среда во всем ее разнообразии и способах репрезентации. С другой стороны - это исследование визуальной культуры личности, субъекта восприятия, где на первом плане находятся когнитивные функции визуальной культуры, это разные аспекты того, как человек воспринимает и перерабатывает информацию. Кроме того, актуальными являются проблемы, исследующие развивающий потенциал, который заключен в восприятиях визуальных образов.

Многие исследователи (Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан) утверждают, что видение посредством зрительных практик является важной инстанцией формирования идентичности. Визуальные образы обладают обучающей и развивающей силой. Информация, которую несут образы поступает в головной мозг человека через визуальный канал. Восприятие данной информации, ее переработка и усвоение зависят от "горизонтов понимания" воспринимающего субъекта, здесь можно говорить о визуальной культуре человека, о качестве понимания, усвоения информации. Все виды пластических искусств: живопись, графика, архитектура, искусство книги, дизайн, — требуют от тех, кто постигает их основы, наличия определенного уровня визуальной культуры.

Через зрение произведение вводится в систему имеющихся ценностей, в процессе рассматривания оно многократно усиливается ассоциативными связями. В итоге оказывается, что «изображения сами по себе гораздо менее сильны, нежели полученное впечатление от них». Таким образом, целью визуальной культуры является обогащение внутреннего мира человека визуальными образами, раскрытие способностей к созданию собственных

зримых объектов. Результатом освоения визуальной культуры можно считать развитую культуру восприятия визуальных образов, умение их анализировать, интерпретировать, оценивать, сопоставлять, представлять, создавать на этой основе индивидуальные художественные образы. Такое понимание визуальной культуры обуславливает высокий уровень общей культуры человека, то есть «качество и степень выраженности ценностного содержания личности» [2. -С. 33-41.].

Визуальная культура связывает воедино несколько реальностей: реальность видимую, виртуальную (мыслимую и визуализированную) и интуитивную, которая еще не нашла определенного образного выражения. Поэтому необходим новый механизм анализа классического искусства и новых видов визуальной среды, который позволит рассмотреть визуальные искусства и визуальную культуру восприятия со всех сторон. В данной ситуации методологически верной стратегией является анализ в контексте современных философских и социально-психологических теорий.

В контексте визуальных исследований В.П. Меркулов говорит о ментальных сущностях, формирующихся в результате извлечения, структурирования и обработки человеческим мозгом когнитивной информации. По его мнению, аналогичным образом мы вправе постулировать наличие в когнитивной системе человека информационно более высоких уровней, обладающих эмерджентными свойствами по отношению к предыдущим информационным уровням – вплоть до самых высших, контролируемых сознанием, когнитивных функций, включая научное мышление и познание. Появление сознания как эмерджентного свойства когнитивной системы гоминид означало появление у нее нового, высшего уровня управления, организации, который воздействует на ранее сложившиеся уровни (подсистемы) когнитивной системы, трансформирует связанные с этими уровнями высшие когнитивные процессы (функции) – восприятие, внимание, мышление, память и т.д. Появление рудиментов самосознания, сознания создало когнитивные предпосылки для последующего возникновения человеческой духовной культуры [3, С.89].

Арнхейм [1] развивает теорию эстетического восприятия, которая строится на том, что восприятие в основе своей представляет познавательный процесс, определяемый формами и типом зрительного восприятия. Он делает акцент на том, что эстетическое восприятие не пассивный, созерцательный акт, а творческий, активный процесс. Оно не ограничивается только репродуцированием объекта, но имеет и продуктивные функции, заключающиеся в создании визуальных моделей. Каждый акт визуального восприятия, по мнению Арнхейма, представляет собой активное изучение объекта, его визуальную оценку, отбор существенных черт, сопоставление их со следами памяти, их анализ и организацию в целостный визуальный образ.

Зрительное восприятие в трактовке Арнхейма — активный, динамический процесс. Активный и творческий характер визуального восприятия имеет определенное сходство с процессом интеллектуального познания. Если интеллектуальное знание имеет дело с логическими категориями, то художественное восприятие, не будучи интеллектуальным процессом, тем не менее, опирается на определенные структурные принципы, которые Арнхейм называет «визуальными понятиями». Он выделяет два типа таких понятий — «перцептивные», с помощью которых происходит восприятие, и «изобразительные», посредством которых художник воплощает свою мысль в материал искусства. Таким образом, восприятие заключается в образовании «перцептивных понятий», точно так же как и художественное творчество представляет собою «образование адекватных изобразительных понятий». Арнхейм придает большое значение этим понятиям в процессе художественного восприятия и творчества [1., С. 26].

Итак, визуальная культура заслуживает фундаментального подхода в изучении. Понятие визуальной культуры нуждается четкой классификации и структурировании ее онтологических и гносеологических составляющих. Визуальная культура наделена функцией конструирования реальностей объективной и субъективной. Визуальная среда информативна, она формирует идентичность, менталитет субъекта, поэтому визуальные исследования необходимы и актуальны.

Литература:

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие (сокр. пер. с англ. В.Н. Самохина, общ. ред. и вст. ст. В.П. Шестакова). — Москва, «Прогресс», 1974.

2. Зеки С. Зрительный образ в сознании и в мозге [Текст] / С. Зеки // В мире науки. — 1992. — № 11. — С. 33-41.

3. Меркулов В.П. Феномен сознания: когнитивные истоки культуры // Философия науки. Вып 6.

Munkhtuul Dashnyam, Bayaraa Baasandorj

FROM CULTURAL TO CREATIVE INDUSTRIES: POLICY REVIEW

Abstract. For the recent years the term “cultural industries” has become a boom in academic and policy-making levels in many developed countries. Consequently, various changes have been made in cultural policies of many countries over the last 30 years. Earlier in many different studies and reports on cultural policy such culture-related industries as music, film and television were excluded due to their relationship to profit making. But lately we’re observing how cultural policy started to embrace crafts, cultural industries, community arts,

minority arts, reflecting an increasing significance of these areas to cultural economics.

Key words: cultural industries, creative industries, cultural content, cultural policy

1. Development of the term –cultural industries” and –creative industries”

Mass-production goods and services of cultural industries (or –creative industries” in its more recent term) containing sufficient artistic contents are considered to be creative and culturally significant [1]. Their main features are a combination of mass productions with certain cultural contents. Taking into account these key characteristics of cultural and creative industries we should take a look at how the development of Culture Industry occurred. The term –cultural industry” (in singular) was first introduced by Adorno and Horkheimer’s cultural research [2]. The term itself appeared in the period of the development and massification of cultural products and contents through the new technology of that time such as radio, TV, film and photography. The negative influences of these new technologies on culture were the main preoccupations of the critique of Adorno and Horkheimer. However, we can say that the later development of the term did not have much to do with its original meaning.

The next step in the development of the concept is a shift towards the term –cultural industries”, in other words it started to be used in the plural. Key development of the term comes from the French authors, led by Bernard Miegé (1979), who wrote key works on cultural industries for UNESCO as well as some seminal works in the field of cultural production. The importance of the field on the European level was recognized in 1999 in the Essen declaration: –Ten Axioms for the Culture Industries in Europe”. The purpose of the axioms which make up the –Essen Declaration” is to strengthen culture industries in Europe at the turn of the 21st century and to provide a fresh impetus for local and regional development. The term –culture industries” refers to all businesses and independent contractors operating in the fields of culture, the arts and media (private-sector culture industries, products and services). The axioms underline the economic and cultural importance of the private culture industries and point to many ways in which these industries might be strengthened by economic, culture and urban-development policies, particularly in the context of local and regional development strategies [3].

The origin of the term –creative industries”, the broader counterpart of the term cultural industries, can be found in Australia in the early 1990s. However, it was only launched into international prominence in the late 1990s and beginning of the 21st century, after UK Department of Culture, Media, and

Sport (DCMS) set up its Creative Industries Unit and Task Force in 1997. Following the lead of Australia's first Commonwealth cultural policy, Creative Nation (1994), the newly formed UK Culture Ministry, headed by Chris Smith, articulated its entire cultural policy as being about development of "creative industries" [4].

The official definition of the term states that "creative industries" are "those industries which have their origin in individual creativity, skill and talent and which have a potential for wealth and job creation through the generation and exploitation of intellectual property" [5]. According to the British classification, the field of "creative industries" includes the following sectors: advertising, architecture, the art and antiques market, crafts, design, designer fashion, film and video, interactive leisure software, music, the performing arts, publishing, software and computer games, television and radio [6]. According to Hesmondhalgh, the "core" culture industries include advertising, marketing, broadcasting, film industries, the internet industry, the music industries, print and electronic publishing, video and computer games. These groups of activities are centrally concerned with the industrial production, and dissemination of cultural "works" [7]. Therefore, when the notion of the "creative industries" is compared to related stricter definitions containing the term "industry" (such as Hesmondhalgh's definition of the "cultural industries"), it also becomes obvious that it includes activities lacking the industrial form of production and reproduction, such as the art and antique market, crafts, and the performing arts.

2. Cultural industries and cultural policy

As we mentioned in the abstract, for the recent years the term "cultural industries" has become a boom in academic and policy-making levels in many developed countries. According to Hesmondhalgh and Pratt, in government cultural policy this boom has been apparent at the international, national and local level in a massive array of reports, initiatives and partnerships that use the term "cultural industries" (or "creative industries") [8].

In Hesmondhalgh's definition on policy he noticed that governments intervene in cultural markets in three main ways such as *to legislate, regulate and subsidize*. These three areas together are referred to as *policy*. On the other hand culture is connected to policy in two registers: the aesthetic and anthropological. Cultural policy refers to institutional supports that channel both aesthetic creativity and collective ways of life – a bridge between the two registers [9].

In the second half of the 20th century, the growth of cultural industries accelerated. The cultural industries became a key factor in formation of public service broadcasting in many countries. By the early 1980s, it was difficult for cultural policy makers to ignore more and more obvious growth of cultural industries. With this UNESCO recognized an economic dimension of culture and

its impact on development, and began to analyze its industrial characteristics. It was the first major attempt to acknowledge and accept the importance of cultural industries by cultural policy makers at the international level [10].

At the same time, the cultural industries emerged as an issue of local cultural policy making. The cultural policies of the Greater London Council are often cited as a seminal moment. However, the GLC was disbanded by the British Conservative government in 1986 that these cultural industries policies were never implemented. More influential were Sheffield's cultural industries policies which helped to spread the notion of local cultural industries policies. It was a part of the work by the Department of Employment and Economic Development: economic policy institution attempted to address the de-industrialization of the city[11].

By the early 1990s the cultural industries started to make an impact on national policy making. The French Ministry of Culture under the Socialists devoted special attention to cultural industries, especially film and cinema. The Australian Labor Government of Paul Keating was innovative in this respect and cultural industries policies have been taken up in a number of other countries including Canada, New Zealand and The United Kingdom. Since that time the cultural industries have been renamed as the "creative industries". As we mentioned earlier, this term was adopted in order to promote the development of industries based on the exploitation of intellectual property. In some countries "creative industries" has acted as an ineffectual umbrella term to separate film and television policy as well as a number of other economically vibrant cultural activities.

However, in many respects Canada, Australia and New Zealand have developed more coherent approaches based not only on recognition of the economic value of the cultural industries, but also of the importance of the defense of a national culture. Moreover, they seek to address the challenges of "Americanization" via the market and create a space for local cultural production and consumption [12].

When we talk about cultural policy and cultural industries, we should realize that the cultural or creative industries were the result of changes in the cultural industries landscape that themselves they were partly the product of cultural policy shifts-when cultural policy is understood in wider sense, to include media and communication.

Until the 1980's in liberal democracies as well as in authoritarian states, most of the world's broadcasting organizations were owned and controlled directly by the state. The telecommunication was the same. Even in the USA, with its long tradition of preferring private enterprise to public ownership, broadcasting and telecommunications were under the tight control by government bodies for many years. By the 1980's, the rationales behind such high degree of

government intervention in broadcasting and telecommunications were breaking down. All of the major rationales for broadcasting and telecommunications policy came under ferocious attack in the 1980's and 1990's, in particular from private corporations and from policy-makers and commentators who supported their interests. These interest groups argued instead for marketization. The result was the following: privatization of public telecommunications organizations and some public broadcasting institution, the opening up of television systems to other terrestrial, commercial broadcasters and to cable satellite companies, the tearing down of regulatory walls between different industries and as well as significant changes in laws and rules on content, media ownership and subsidies. Therefore, in many countries, authoritarian-statist governments were changed into democratic governments following up neoliberal economic policies.

Finally, the neoliberalism was more notable and the fact that it was adopted in so many countries reflects the globalization of the late twentieth century. Until now this process has been continued in many countries in own way and each country has a different story.

Bibliography

1. —“Handbook of cultural economics” (2003) edited by Ruth Towse, Edward Elgar
2. Horkheimer, Max and T.W. Adorno (1972) Dialectic of Enlightenment. New York: Herder and Herder.
3. Culturelink Joint Publications Series No 8 —“The Emerging Creative Industries in Southeastern Europe” (2005), Zagreb
4. THE CREATIVE INDUSTRIES Culture and Policy by Terry Flew SAGE Publication 2012
5. The Economy of Culture in Europe (2006)
6. http://www.culture.gov.uk/what_we_do/creative_industries/default.asp
7. David Hesmondhalgh (2005) —“The cultural industries”., SAGE Publications
8. Cultural industries and cultural policy‘ article by David Hesmondhalgh and Andy C.Pratt, International Journal of Cultural Policy Vol 11, No 1, 2005
9. Toby Miller & George Yudice (2002) —“Cultural policy”, SAGE Publications
10. Cunningham (2002) From culture to creative industries: theory, industry and policy implications. *Media International Australia, Incorporating Culture & Policy*, 102: 54-65.
11. Cultural Industries: The British Experience in International Perspective by Christiane Eisenberg, Rita Gerlach, Christian Handke 2006. Online.

Humboldt University Berlin, Edoc-Server.

12. An International Comparative Quicksan of National Policies for Creative Industries by Erik Braun, Mariangela Lavanga, European Institute for Comparative Urban Search (EUROCUR), Erasmus University Rotterdam 2007

УДК 394/395 : 008

Л.В. Санжеева

КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЭТНОСОВ

CULTURE AS RESOURCE OF DEVELOPMENT OF ETHNOSES

Аннотация. Культура как ресурс этнического развития создает условия для процессов самоорганизации в социальных системах, показывает усиление форм проявления порядка или хаоса, отражает сложные процессы перехода от одного состояния к другому, демонстрирует динамику и способствует прогнозированию будущего, помогает проникнуть в содержательное, целостно-смысловое наполнение деятельности этносов.

Summary. The culture as a resource of ethnic development creates conditions for self-organization processes in social systems, shows strengthening of forms of order or chaos manifestations, reflects difficult processes of transition from one state to another, shows dynamics and promotes future forecasting, helps to get into the deep meaning of ethnic activities.

Ключевые слова. Этнос, культура, ресурс, социум

Keywords. Ethnos, culture, resource, society

Культура XXI века подвергается глобальным трансформациям во всех сферах жизни общества России. В соответствии с этим меняются все формы и смыслы деятельности человека и общества. В условиях всеохватывающего кризиса вновь актуализировались вопросы выживания нации, сохранения культурной целостности этноса. В условиях модернизации появляется возможность выбора новых путей, государственные деятели и гражданское население вынуждены мыслить по-новому, осознавая свое место в общероссийском и межкультурном пространстве. Появляются новые пассионарные силы, проявляющие себя в различных областях жизни – в экономике, политике, государственном управлении, в духовной сфере и культуре. Расширились масштабы мышления, оно стало более основательным и глубоким. Формируются новые подходы в построении государственных структур, что требует верификации этнокультурных преобразований.

Создаются новые ориентиры и культурные смыслы на разных уровнях: республиканском, межрегиональном, общероссийском и международном. Новые формы собственности, системы хозяйств, экономических организаций, другие правила и нормы в распределении материальных благ потребовали активного мышления, отхода от иждивенческих настроений и государственной страховки, установления деловых связей. Современные бизнесмены, деловые люди, менеджеры, политики все активнее выстраивают кумулятивные системные взаимосвязи. Особенно важно поддерживать этические стандарты, эстетические нормы, моральные стереотипы, формирующие современные ценности культуры. Таким образом, культура становится главным ориентиром в формировании глобального пространства на международном уровне.

В связи с расширением социальных, экономических и культурных отношений появляется проблема репрезентации этносов. Главная задача – сохранить и создавать те ценности, которые будут позитивно влиять на человека, общество, государство комплексно. Важно, несмотря на влияние экономических приоритетов, сохранить свои этнокультурные ценности, без которых нивелируется личность, общество, государство. «Культурные ценности – это уникальный набор элементов социального опыта совместного существования и деятельности каждого конкретного исторического сообщества людей; это социальные формы коллективного бытия людей, воплощенные в системе культурных ценностей, норм, образцов, нравов, обычаев и т.п.» [1].

Поскольку у населения в прошлом не сформировался буржуазный индивидуализм, характерный для рыночного общества, а в советское время выработалась коллективистская психология, психология безынициативности и чиновничества, переход в рыночные отношения осуществляется трудно, медленно. В республике до сих пор наблюдается в некоторых социальных стратах «социалистическое» классовое сознание. В России инструментальными ценностями выступали Справедливость (Равенство) и Порядок. На Западе такими ценностями остается Закон и Свобода. Формирование новых ценностей требует много времени и едва ли оновозможно в жизни одного поколения. В современном социокультурном пространстве необходимо создавать инновационные проекты, при этом не теряя накопленный опыт, для этого факторы социального развития необходимо сочетать с культурными ценностями.

Несмотря на культурный кризис, исторические традиции, социализация, воспитание, образование, развитие этнического потенциала человека на основе взаимодействия с культурными ценностями в современных условиях представляются важнейшими инструментами формирования целостного миропонимания индивида и трансляции устойчивых во времени смыслов

этноса. Смыслы культуры, тем не менее, модифицируются на основании следующих тенденций: массовизации ценностей; вестернизации культурных ориентиров, унификации образа жизни вследствие урбанизации, глобализации мировой экономики и др.

Социальная дифференциация, появление новых социальных групп и слоев, изменение ценностных ориентиров определяют характер и уровень сознания и поведения с ярко выраженными полярными значениями. С одной стороны, это – развитие и распространение благотворительности, меценатства, спонсорства, филантропии. С другой стороны – усиление и распространение нигилизма, негативизма, меркантилизма, мистицизма и криминальности.

Произошла и продолжается трансформация социальных страт, классов, субкультур, сознания и ментального поля. Какая-то часть ударилась в бизнес, коммерцию или хозяйственные структуры. Другая часть охвачена стремлением слиться с властью, самой стать властью, занять какой-нибудь пост. Еще одна часть, разочарованная, растерявшаяся и безвольная, утратила или утрачивает дух и призвание, становится пассивным слоем. Вместе с тем зарождается новая духовная и религиозная интеллигенция. Интеллигентов из духовенства пока единицы, но в перспективе ожидается их увеличение и активное включение в духовно-культурную жизнь, направленные на восстановление сохранившихся элементов культуры, культивирование существующих и передачу их новым поколениям. Эффективность экономического развития во многом зависит от наличия благоприятных условий в обществе, одним из них является наличие факторов культурных и социальных. Со стороны государства предпринимаются меры по созданию базы регулирования культурного развития и межэтнического взаимодействия.

Формируются организационно-управленческие механизмы регулирования культурных процессов со стороны государства и институтов гражданского общества, эффективность которых будет зависеть от того, насколько полно они смогут обеспечивать согласование интересов, учитывать состояние и особенности культур, численность и потенциальные возможности этнического населения.

Наряду с вышеперечисленным и эффективным рычагом государственного регулирования сферой культурных отношений является финансовая помощь со стороны государственных органов для осуществления конкретных программ и проектов. Развитие культуры в условиях полиэтничности мира во многом определяется образовательной и информационной политикой. Особое значение в воспроизводстве и ретрансляции этнических ценностей принадлежит вузам и школе. Весомую роль в формировании благоприятных условий и положительных психологических установок играют средства массовой информации, способные, в силу своих возможностей,

оказывать как позитивное, так и деструктивное влияние на общественно-психологический климат, характер культурного взаимодействия, тем самым на развитие общества, а также на экономическую и культурную интеграцию.

Задача состоит в том, чтобы наряду с созданием условий и стимулированием усилий по развитию культуры этносов, обеспечить государственную политику, включающую в себя элементы культур этнических общностей и общего культурного наследия России. В этом смысле необходимы усилия по единению представителей всех этносов на принципах толерантности, в основу которого могли быть положены общие государственные интересы. Проблема заключается в поиске и утверждении самосознания этнической целостности, при сохранении культурного многообразия. В противном случае возможна дальнейшая политизация, выход на передний план экономических претензий и в итоге утрата смысла существования наций, этносов, этнических групп.

Культура как ресурс жизнедеятельности этносов создает условия для процессов самоорганизации в социальных системах, экономическом развитии, показывает усиление форм проявления порядка или хаоса в социально-экономических структурах, отражает сложные процессы перехода от одного состояния к другому, демонстрирует динамику и способствует прогнозированию будущего, помогает проникнуть в их содержательное, целостно-смысловое наполнение.

Примечания

1. Рязанцев А.А. Культурные ценности как фактор формирования картины мира // Аналитика культурологии: электронное научное издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru>. (Дата обращения 15.03.12).

2. Чайникова Л.Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография / Л.Н. Чайникова. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 148 с.

3. Пчелинцев О.С. Регионы России: современное состояние и проблема перехода к устойчивому развитию // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 102-111.

УДК 008:930.85(4)(5)

А.В. Чебунин

ДИАЛОГ ЗАПАД-ВОСТОК: КУЛЬТУРНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗРЕЗ

В статье представлен анализ межкультурного и межцивилизационного диалога Запада и Востока, показан его уровневый характер. Также постулируется, что только человеческая личность и ее духовное развитие может выступать в качестве основного критерия подобного рода взаимодействий.

Ключевые слова: Культура, цивилизация, Запад, Восток, взаимодействие.

The article presents an analysis of intercultural and inter-civilizational dialogue between the West and the East, shows its level character. Also, it is postulated, that only the human person and its spiritual development can act as the primary criterion of this kind of interactions.

Keywords : Culture, civilization, West, East, interaction.

Проблема взаимодействия Запада и Востока относится к проблеме межцивилизационного и межкультурного диалога. Но уже сама постановка данной проблемы показывает западнцентристский подход: Запад территориально соотносится с Северной Америкой и Западно-центральной Европой, Восток – со всем остальным миром, включающим сразу несколько крупных цивилизаций. Данный подход определяется тем, что Запад дистанцировал себя от других культур и цивилизаций, объявил свои ценности высшими и усиленно старается навязать их другим цивилизациям. Подобная ситуация вполне логична – любая цивилизация, получив определенное превосходство над другими, в данном случае научно-техническое превосходство, повела бы себя соответствующим образом.

С появлением Советского Союза Запад получил равную по возможностям цивилизацию, с которой и повел беспощадную войну на выживание. Если бы Советский Союз выиграл холодную войну, то советские войска сейчас находились если бы не в Ираке, то в другом месте. Поэтому после развала Союза диалог цивилизаций свелся лишь к монологу Запада.

Но в последнее время в силу глобализации научно-технический уровень сразу нескольких цивилизаций начинает подтягиваться к западному уровню, что обуславливает выравнивание цивилизационных возможностей. Прежнее доминирование западной цивилизации стало невозможным, диалог начинает прерываться сразу с нескольких сторон. Необходимо искать новые линии взаимодействия, и, прежде всего со стороны Запада, который должен научиться слушать других. Отсюда и возникает проблема Восток – Запад, которая является ничем иным, как общей проблемой взаимодействия различных культур и цивилизаций.

Не вдаваясь в подробный анализ понятий «культура» и «цивилизация», имеющих различное и порой противоположное значение у различных исследователей [см. 1], обозначим наше их понимание, чтобы конкретизировать наше рассуждение. Так, под культурой мы понимаем совокупный продукт жизнедеятельности человека, важнейшим из которых выступает сам человек. Под цивилизацией мы понимаем способ организации жизнедеятельности человека, подразумевающий все социальные институты и их материальную основу. Цель и задача культуры – формирование человека как Личности. Цель и задача цивилизации – создание условий развития человека как Личности. Другими словами, культура это содержание социального бытия, цивилизация – его форма [см. 3].

Данная классификация позволяет выделить 2 уровня культурно - цивилизационного воздействия и взаимодействия: культурное и цивилизационное. Пример первого – проникновение буддизма в Китай, христианизация Европы. Пример второго – колонизация Востока Западом, демократизация России 90-х гг.

В результате такой классификации актуальным становится выявление связи между культурой и цивилизацией, определение обуславливающих и обуславливаемых сторон. Само выделение двух уровней является условным, фактически воздействию подвергаются как культурные ценности, так и социальные институты. Вопрос стоит в доминировании определенной стороны. Ведь если межкультурный диалог в большинстве случаев ведет к обогащению культуры определенного общества, то межкультурный диалог часто превращается в средство подчинения другой цивилизации, превращения ее в структурную единицу более сильной цивилизации. Другими словами, прикрываясь культурными ценностями, определенная цивилизация поглощает инородные структуры, подстраивая их уклад жизни под свой, тем самым увеличивая свою жизненную сферу.

Данный процесс, в большинстве случаев, является естественным и закономерным, если протекает в рамках межкультурного диалога. В этом случае происходит взаимное обогащение культур, увеличение продуктивности социальной жизни, где человек получает возможность более широкого развития без коренной ломки традиционного уклада. Другими словами, человек, развивая свою ценностную структуру, развивается как личность [см. 3].

Но в рамках цивилизационного диалога человек попадает в другую социальную форму организации жизни, что зачастую не оставляет ему выбора. И здесь встает вопрос о приемлемости цивилизационного воздействия. Зачастую, попадая под влияние более сильной цивилизации,

определенное общество теряет свои культурные ориентиры и свою самобытность, становится придатком другой цивилизации, и в конечном итоге полностью растворяется.

Все это напоминает взаимодействие двух людей. Если один из них явно сильнее и имеет свои мировоззренческие установки, среди которых доминирует право силы, то как бы не был умен и нравственен второй человек, при отсутствии норм взаимодействия угроза физического насилия приводит к подчинению его более сильному собеседнику. В результате, более слабый человек принимает доводы силы и начинает определять нормы взаимодействия только с позиции силы. При этом ум, нравственность, доброта и другие качества отходят на второй план. В этом трагедия обоих.

Таким образом, проблема заключается в определении норм взаимодействия, выявлении общих критериев диалога и ликвидации двойных стандартов. Несмотря на очевидность проблемы, она не может быть решена при различии культурных критериев социального развития. Другими словами, в основу межцивилизационного диалога должен быть положен общекультурный критерий социального развития или общие культурные ценности.

В свою очередь, в основе общекультурного критерия социального развития лежат критерии развития личности. В конечном итоге, именно личность определяет уровень культурного и социального развития определенного общества, и именно развитие личности является главной и базовой задачей любого общества. От того, как общество определяет своего члена и структуру его ценностей, зависит вектор развития этого общества.

Если главная цель общества заключается в том, чтобы напичкать своих членов материальными благами, то материальные потребности получения будут доминировать в структуре ценностей, и критерием развитой личности станет количество материальных благ. Чем больше человек имеет материальных благ, тем выше он стоит в социальной иерархии, тем выше его социальный статус. В таком обществе ценностной личностью выступает потребитель.

Но если целью общества выступает сама личность, ее качественное духовное развитие, то в таком обществе будут доминировать духовные потребности. Социальный статус человека в таком обществе будет определяться его личными духовными качествами, а не количеством вещей.

В обоих случаях сильно вероятно перекоса ценностей и игнорирование одного из двух моментов. Невозможно развивать личность при игнорировании его элементарных материальных потребностей. И наоборот, при игнорировании духовных потребностей человек никогда не станет личностью. Проблема заключается в объективном выделении

иерархии потребностей человека для определении объективных критериев развития личности [см. 3]. Иначе говоря, различные культуры должны не только выработать общие четкие ориентиры для личности, но и утвердить их в качестве доминанты социального развития. Настоящее же время характеризуется многообразием, вплоть до взаимоисключения, таких ориентиров. Если для одних культур идеалом является хитрый бизнесмен, для которого ложь и обман лишь средство достижения своих целей, для других идеалом является воин, для которого существует лишь закон силы, для третьих – святые, для которых главное лишь нравственная чистота. Естественно, что и в одной культуре могут существовать сразу несколько ценностных ориентиров, присущие как различным социальным слоям, так и одному социальному слою. Соответственно, для каждого ориентира существует своя ценностная иерархия потребностей, характеризующая культурный уровень развития как общества, так и индивида [см. 3].

При отсутствии общего понимания такой объективной иерархии межкультурный диалог невозможен. С обеих сторон будут лишь упреки в недопонимании, с одной стороны его прав, с другой – его предназначения. И каждая из сторон будет пытаться навязать другой не только свое понимание, но и способы социальной организации, при котором развивается нужный тип личности.

В общемировом контексте социального развития такой спор вне сомнения имеет позитивный характер. И вне сомнения он приведет к выработке общих критериев социального развития, когда все цивилизации определяется с общим ориентиром социального развития при различии пути. И в процессе поиска таких критериев практические результаты имеют основное значение. Крах советской цивилизации показал, что игнорирование материальных ценностей в структуре развития личности недопустимо.

Таким образом, в основе межцивилизационного диалога должен быть положен межкультурный диалог, где упор должен быть сделан на общих для всех культур ценностях. В то же время должны идти поиски общих критериев развития личности, которые лежат в основе социального развития. Любые социальные институты служат человеку и создаются для человека. При создании социальных институтов чуждых данной культуре, происходит их отторжение. Более того, источник этих институтов также автоматически отторгается, что мы и видим в настоящий момент в отношении США. И лишь на основе общих культурных ценностей возможен равный диалог различных культур, а через это и различных цивилизаций.

Литература:

1. Лепехов С.Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации / Лепехов С.Ю. – Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 1999. –

238 с.

2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Сорокин П.А. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

3. Чебунин А.В. Структурный подход к проблеме человека и общества / Чебунин А.В. - Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 139 с.

УДК 81'27:81'23

Э.В. Хилханова

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ВОСТОКА РОССИИ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RESIDENTS
OF BORDER REGIONS

IN THE RUSSIAN EAST: A SOCIOLINGUISTIC PROJECT'S CONCEPT

В данной статье излагается концепция исследования, ставящего перед собой две взаимосвязанные цели: социолингвистическую концептуализацию понятия языкового сознания и основанное на этих теоретических предпосылках практическое изучение языкового сознания жителей приграничных территорий востока России – Республики Бурятия и Забайкальского края.

The paper presents a concept of a research that sets two intertwined goals: the theoretical sociolinguistic conceptualization of a language consciousness notion and its practical investigation. The social research object is constituted by residents of border regions in the Russian East, and namely the Republic of Buryatia and the Transbaikalian region.

Ключевые слова: языковое сознание, приграничье, языковые установки, Бурятия, Забайкальский край

Key words: language consciousness, borderland, language attitudes, Buryatia, Transbaikalian region

Ситуация приграничья не раз вызывала интерес ученых, включая и социолингвистов. Что касается восточных регионов России, граничащих с Китаем и Монголией, здесь большая часть работ посвящена русско-китайскому пиджину. Наш же авторский коллектив интересовало другое: мы

сходили из гипотезы, что растущее экономическое могущество и политическое влияние Китая, традиционные исторические связи с Монголией влияют не только на экономическую, правовую, демографическую ситуацию в приграничных регионах России, но и на состояние, перспективы, престиж и динамику развития как родных (русского и бурятского), так и иностранных языков. В частности, предполагалось выяснить, как в эпоху глобализации меняется удельный вес и престиж иностранных языков в глазах населения приграничных территорий востока России, какими видятся потенциал китайского, монгольского, английского и других языков для социальной мобильности, куда – на восток или на запад – ориентируется молодежь.

В нашем исследовании мы сосредоточились на так называемом человеческом факторе, т.е. на отношении регионального языкового сообщества к названным языкам, мотивах выбора того или иного языка, на оценках, приписываемым тому или иному языку. Некоторые ученые называют это «отношением к языку», другие – внутренними факторами, влияющими на выбор языка, третьи обозначают эти факторы как субъективные. Отсутствие единого термина отражает ситуацию, когда из трех групп факторов, определяющих речевое поведение как индивида, так и социальной группы, - *внешних, внутренних и собственно лингвистических* – именно внутренние факторы являются наименее изученными. Это факторы, «привязанные» к говорящему, как к индивидуумам, так и группе, в отличие от внешних факторов, которые независимы от конкретного говорящего и конкретных обстоятельств, в которых используются языковые варианты. Именно эти факторы, субъективные по своей природе, долго оставались вне зоны интересов лингвистов как «ненаучные», в отличие от «объективных» данных, с которыми привыкла иметь дело структурная лингвистика.

В западной социолингвистике для обозначения данных понятий существует хорошо разработанный как в теоретическом, так и в практическом плане термин *языковые установки*. С развитием когнитивной лингвистики появилось больше сторонников того, чтобы и субъективные данные, такие, как мнения и установки говорящих по отношению к языку, считались фактами и должны были быть признаны предметом научных исследований. Следствием этого стало появление в западных странах, начиная с 1960-х гг., многочисленных работ на тему языковых установок.

Мы полагаем, однако, что с терминологической точки зрения эти явления выходят за рамки семантического объема термина *языковые установки* и должны рассматриваться в рамках более широкого понятия *языковое сознание*. Поясним нашу точку зрения.

Интерпретаций ЯС великое множество. Есть такие, в которых подчеркиваются культурные детерминанты¹ [4; 5] есть сугубо психолингвистические² [7; 8]. Тем не менее, до настоящего времени попытки учета личностного фактора в социолингвистике ограничивались изучением зависимости форм языкового выражения от социальных факторов. Субъективные факторы, влияющие на языковые ситуации³, в лучшем случае только упоминались. Между тем, такие вопросы, как социальные условия приобретения и распространения лингвистически опосредованного знания, то, как общественная реальность отражается в ЯС и как она в конце концов выливается в речевое поведение, - это и составляет социолингвистический аспект ЯС и должно изучаться социолингвистикой.

Если рассмотреть трактовки ЯС, близкие к социолингвистике, то авторами так или иначе упоминаются такие компоненты, как: 1) знаниевый компонент, 2) установочно-оценочный компонент и 3) мнения и суждения. Там, где знания и эмоции, сливаясь, порождают оценку и готовность к определенному действию, формируются установки. Все они вкуче осуществляют руководство речевым поведением индивида.

Итак, с социолингвистической точки зрения ЯС - это один из видов обыденного сознания, оно «является механизмом управления речевой деятельностью и формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы»[1, с. 23].

Обращение к ЯС становится неизбежным в тех социолингвистических исследованиях, которые выходят за рамки описания и анализа своего предмета, а ставят задачу *объяснения* причин наблюдаемых социолингвистических явлений с позиций *антропоцентризма*. Все, что традиционно входит в сферу интересов социолингвистики – социальная

1 Под ЯС понимаются «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка» [4].

² Т.Н. Ушакова различает два вида проявлений языкового сознания: а) связанного с формированием долговременно функционирующих структур ассоциативно-вербальных тезауросов, вербальных сетей, слов, грамматических и логических категорий; б) связанного с организацией динамических процессов на вербальных сетях, словесных структурах, включения грамматических стереотипов, интенциональных направленностей [7, с. 11].

³ Так, например, В.М. Солнцев и В.Ю. Михальченко включают в научное понятие «языковая ситуация», помимо национально-демографических, лингвистических, материальных факторов также и ценностные ориентации носителей языков, их языковую компетенцию, их готовность бучиться второму языку самостоятельно и т.д. [6, с. 15].

дифференциация языка, языковые контакты, социальная обусловленность речевого общения и т.д. – является продуктом (речевой) деятельности человека, своего рода «овнешнением» его сознания, а точнее, языкового сознания.

Конечно, социалингвистика реализует экспланаторный подход с момента своего появления, объясняя причины языковых явлений социальными факторами, от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т.п.) до особенностей конкретного речевого акта. Тем не менее, реальные говорящие – это не только социальные параметры и социальные роли. Любая языковая общность состоит не из индивидов¹, а личностей². Психологическая структура личности предполагает наличие у нее когнитивной сферы (всего того, что выполняет у человека функцию рационального познания: память, внимание, восприятие, понимание, мышление, принятие решений, действия и воздействия), аффективной сферы (все психические процессы, связанные с мотивационно-потребностной сферой, процессами эмоционально-чувственного отношения к жизни и взаимодействия с миром, собой и людьми), мировосприятия, опыта, способностей и т.д. (подробнее о компонентах психологической структуры личности см.: [3]). Соответственно, в речевом поведении членов языкового сообщества проявляются и их индивидуальные характеристики, эмоции, мотивы, потребности, оценки.

В свете вышесказанного в рамках данного проекта должны быть выполнены четыре задачи. Во-первых, это концептуализации понятия ЯС с социалингвистических позиций, что включает в себя рассмотрение понятий *языковые установки* и *языковое сознание* и их соотношение, более подробную интерпретацию понятия ЯС с позиций социалингвистики. Во-вторых, необходимо описать и обосновать методику исследования ЯС ввиду важности выбора адекватной методики при изучении любого феномена, относящегося к сфере психического, субъективного. Более того, социалингвистическая направленность исследования предопределяет и отбор методов, отличающихся от тех, что используются для изучения ЯС в этнопсихолингвистике для изучения этнического самосознания -

¹ Индивид - представитель человеческого вида и носителей генетически обусловленных свойств, а личность - неповторимая комбинация психологических качеств человека, формирующаяся в процессе его социализации, взаимодействия с миром. Только в процессе усвоения социального, культурного, исторического опыта человек становится личностью [3].

² Как говорил А.Н. Леонтьев, «идея прямого сведения личности к совокупности «ролей», которые исполняет человек, является – несмотря на всевозможные оговорки адептов этой идеи – одной из самых чудовищных» [2, с. 127].

ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, метод построения «семантического гештальта» и др. Третьей и четвертой задачами являются собственно эмпирические исследования ЯС жителей Республики Бурятия и Забайкальского края, соответственно.

Эмпирические исследования уже проведены и находятся на этапе обработки результатов. С точки зрения методики в проекте был применен триангуляционный подход, т.е. сочетание разных – прямых и косвенных – методов. Прямой метод - метод анкетного опроса, несмотря на свои очевидные преимущества, недостаточен для получения достоверных данных, особенно аксиологического плана. Как упоминали многие исследователи, валидность ответов информантов на вопросы не только об оценке ими того или иного языка, но и об уровне владения языками и сферах их употребления довольно сомнительна, поскольку они зачастую не осознают этого или не желают признаться в престижности какого-либо языка в их глазах, и т.д. Известно, что социальная оценка идиомов, как правило, носит подсознательный характер и редко вербализуется. В качестве косвенного метода в нашем исследовании была использована вариация техники парных масок - техника вербальных масок (Verbal Guise Technique – VGT)¹. VGT хорошо зарекомендовала себя в социолингвистике в выявлении установок говорящих как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Результаты исследования будут опубликованы в виде коллективной монографии.

Примечания

1. Эйгер Г.В. Механизм контроля языковой правильности высказывания. Автореф....док.дис. –М., 1989. – 50 с.

2. Леонтьев. А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат. 1975.

3. Личность в психологии / Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/lichnost_v_psihologii

4. Микляева Н.В.И. Развитие языковой способности у детей с нормальным и нарушенным развитием речи (сравнительный аспект): монография. Издательство "Академия Естественознания", 2010 год

5. Привалова. И.В. 2005. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование). АДД. Москва.

¹ Существует и другая методика, очень схожая по идее и процедуре с VGT – это SET (Subjective Evaluation Testing – субъективное оценочное тестирование).

6. Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Национально-языковые отношения в России на современном этапе / В.М. Солнцев, В.Ю. Михальченко // Языковая ситуация в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 7-17.

7. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты” // Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.- Барнаул. 2004. С.6-17

8. Фрумкина Р.М. Предисловие // Психолингвистика. Сб. статей / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984.

УДК 008:2

Б.М. Тоуз Нойманн

ЯЗЫК КАК РЕСУРС РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ

LANGUAGE AS CONSTANT OF RELIGIOUS TRADITION

Аннотация. В культурологии явление традиции изучается в сопоставлении и историческом континууме с целью идентификации тех черт, которые определяют универсалии религиозной культуры в их конкретном, языковом проявлении. Таким образом, языковая константа становится условием и ресурсом сохранения религий и фактором существования традиций.

Abstract. In cultural studies the phenomenon of tradition is studied in comparison and historical continuum to identify the features that define universal religious culture in its specific linguistic expression. Thus, the language becomes a constant condition and resource for saving religions and factor in the existence of traditions.

Ключевые слова: константа, язык, религия, традиция, культурология

Keywords: constant, language, religion, tradition, cultural science

В начале XXI века меняется научная парадигма, формируется культурологический категориально-понятийный аппарат, что делает возможным и необходимым освоение новых подходов к исследованию многообразия мира культуры. Теоретическая концепция языка культуры, предполагает изучение элементов, феноменов, явлений, процессов в целостном комплексе устойчивых единиц, рассматриваемых в разных аспектах. Осмысление бытия человека, общества, природы и культуры через призму религиозной традиции, на базе накопленных человечеством знаний,

умений и навыков дает возможность создать базу для дальнейшего осознания мультикультурного, глобального пространства нового мира.

Проблемой анализа процессов изменения и функционирования религиозной традиции является выявление внутреннего смысла, структур интеграции на символическом и концептуальном уровне. Решением поставленной проблемы может служить выявление языка константы в религиозной традиции, в пространстве которой создаются тексты культуры необходимые человеку для деятельности.

Современные научные исследования наглядно демонстрируют наличие константы в религиозной традиции, независимо от количественных и качественных изменений в содержании научного знания. Система научных и ненаучных знаний, непосредственно функционирующих в процессе жизнедеятельности, как способ построения онтологического и аксиологического бытия человека, влияет на создание и органичное существование различных традиций, необходимых человеку для выживания в условиях модернизации.

Культурологическое и философское осмысление языка константы, появление исследований по проблемам религий и традиций приводит к необходимости научного осмысления устойчивости этих феноменов в век высоких технологий. Складываются устойчивые типологические языки константы традиции несущие национальную и религиозную идентификацию в современной культуре.

Сегодня наблюдается возрастание интереса к религиозным проблемам, философское осмысление веры как смысла бытия, появление новых исследований традиции как феномена как ценности, изучение константы в разных областях знания. Для того чтобы понять сущность религиозной константы традиции необходимо, прежде всего, определить значение понятия «константа». При этом следует заметить, что имеется множество спорных вопросов, связанных с определением понятия «константа» в культурологической рефлексии, так как данное понятие очень емкое и включает в себя большой круг идей.

Идеи культуры связаны, прежде всего, с первыми формами осмысления бытия, осознания процессов жизни во взаимосвязи с окружающей действительности. Религия отражает сознательную деятельность человека, его веру в сверхъестественную природу бытия, одухотворение окружающего пространства дало возможность сформировать человеческие понятия – нравственность, мораль, этика и другое.

Природные и социальные процессы становления человека привели к необходимости рождения религий, отраженных в традициях общества. Мир идей неотделим от мира людей, а идеи – от ежедневной реальности. Для традиций и обычаев важен язык, в которых он воплощен, как средство

коммуникаций между людьми и в этой своей функции он приобретает символический характер.

Язык константы как устойчивая основа религии передается из поколения в поколение, сохраняя постоянную базу, при этом меняя внешние несущественные знаки в обрядах, обычаях, традициях. В современной науке рассматриваются следующие константы: математическая, физическая, константа (в программировании), константа диссоциации кислоты, константа равновесия, константа скорости реакции и другие. Все константы объединяет одно понятие постоянной, устойчивой величины. [1]. Термин «константа» рожден точными науками и обозначает некоторую постоянную неизменную величину. В гуманитарной сфере понятие «культурная константа» впервые была научно обоснована Ю.С.Степановым. [2; 3].

В культурологии смысл константы зависит от императивов развития бытия. Проблема взаимоотношения культуры и религии состоит в выяснении контактных зон и взаимообуславливающего влияния. Прежде всего, необходимо определить понятия культура и религия, в дисциплинах культурология и религиоведение они являются отдельными науками, изучающими конкретное, имеющее свои границы явление, по своей природе они сингулярны и метаглобальны.

Культура в современной науке имеет множество определений, каждое из которых обусловлено предметной направленностью. Философия, социология, этнография и др. дают понятия в зависимости от исследовательских приоритетов. В культурологии, на наш взгляд дефиниция культуры данная М.С.Каганом поможет в изучении религиозной константы традиции. Культура определяется как результат и продукт деятельности человека, где человек творец и творение культуры, при этом М.С.Каган этническую форму бытия выделяет первой после биологической, затем социальную в которой и появляются религиозные субстраты бытия. [4].

Религия в определяется как особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, религиозную общину). [5]. Религиозная система опирается на веру в бога и божественное происхождение человека и окружающего мира для того чтобы бог послал милость свою человек создал систему религиозных традиций, ритуалов, обрядов. Взаимосвязь культуры и религии состоит в том, что они формируют общечеловеческие нравственные нормы и непреходящие ценности. На протяжении исторического развития человека и общества мы видим одновременное отражение культурных форм с религиозным содержанием. Таким образом, культурные смыслы бытия соединились с

религиозными, и создали определенный язык, который стал устойчивой константой.

В культурологии как самостоятельной дисциплине объясняются культурные процессы и феномены, исходя из понятий и универсалий, присущих культуре, находясь над религиозными координатами, при этом постоянно сверяясь с ними. Религиозные константы из относительно большого числа, освоенных субъектом, выполняют в культуре особую роль, состоящую в идентификации и ментальном основании культурных ценностей и ориентиров. Религиозная языковая константа в традициях в этом случае оказывается выражением противостояния культурных форм чужим формам культуры. При помощи языка религиозная традиция создает идентифицирующие маркеры «свой» и «чужой».

Языки константа в культуре существует постоянно или, по крайней мере, очень долгое время. В культурно-историческом процессе формируются ориентирующие символические языки константы. Языковой константе может быть придано любое значение как постоянному средству коммуникаций, проецирующей в различных культурах религиозные представления об устройстве мира. Поскольку мы говорим о религиозной константе, выросшей в недрах культуры, то оказывается, что средством ориентации, своего рода эталоном для оценки, может стать традиция, сохраняющая и передающая символы религиозной культуры. Таким образом, язык константы религиозной традиции может быть рассмотрен как одна из важнейших основ культуры.

На протяжении исторического развития человечество претерпевает изменения качественного своеобразия различных традиций в рамках определенных эпох, на разных этапах развития экономических, социально-политических и культурных аспектов, в зависимости от языка. В культуре формируется религиозная традиция, как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими. Эта система предстает как устойчивая форма, которая транслируется в культуре и усваивается индивидами в процессе деятельности. Традиции формируются в процессе исторического развития посредством языка, с эволюционной точки зрения, проблема происхождения языка отсылает к внеязыковой реальности. С эмпирической точки зрения, эта проблема отсылает к ментальной реальности. Как заметил ещё В. фон Гумбольдт, что человек является человеком только благодаря языку, а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. [6].

Осмысление проблемы происхождения традиций взаимосвязано с происхождением языка, так как только язык дал возможность человеку сохранять и передавать знания, умения и навыки. Ранние, мифологизированные формы традиций отличаются от позднейших

необычайно высокой степенью своей упорядоченности, проявляющейся в факте существования систем бытия. Традиционно эти системы рассматриваются как самостоятельно возникающие в силу сходных условий и обстоятельств исторического существования народов. В процессе развития системы мировоззрения трансформируются и в историческом времени создаются традиции с инвариантным содержанием. Такое рассмотрение поможет выявить закономерности их трансформирования, а, следовательно, позволит применить реконструировать языковые константы религиозной традиции. Тем самым будут созданы условия для изучения традиции в диахроническом и синхроническом ракурсе.

Сущность бытия традиции определяется смыслами, передаваемыми посредством языка, каждый этнос вырабатывает собственный язык религиозной культуры. Религиозная культура – это целостная структурно-функциональная система, где каждый элемент несет определенную нагрузку. Стержнем любой этнической культуры является традиция, которая отражает основные формы и способы бытия индивида. Традиция показывает место человека в мире, соотношение экологического и социокультурного бытия, создает смыслообразующий целостный ориентир жизнедеятельности. Язык связывает элементы традиции в структурно-функциональные системы, создающими пространство культуры, целостность которой определяется языковыми особенностями. Таким образом, без языка традиция не может существовать, так как именно язык создает смыслы и ценности традиции, определяет ориентиры деятельности в ее реальной и ирреальной действительности, в духовной и материальной сфере бытия.

В соответствии со сложившейся в культуре традиции осуществляется деятельность и поведение людей, характерные для языка определенной эпохи. Традиция, взятая в ее исторически конкретном содержании, может быть рассмотрена в качестве основания религиозной культуры соответствующего времени. Она через язык выражает мировоззрение данной эпохи, определяя не только объяснение и понимание, но и переживание человеком мира.

Основным содержанием человеческого знания о мире в языке являются культурные, исторические, социальные опыты познания, отражаемые соответственно естествознанием, философией и космологией. Формами проявления этих знаний выступают знания религии, мифа и науки. В различных типах культур, которые характерны для различных исторически сменяющихся друг друга типов и видов общества, можно обнаружить как общие инвариантные, так и особенные специфические черты. В сознании человека каждой эпохи все эти черты сплавлены в единое целое, поскольку сознание в реальном его бытии – это не абстрактное

сознание вообще, а развивающееся общественное и индивидуальное сознание, имеющее в каждую эпоху через языковые формы свое конкретно-историческое содержание.

Традиция характеризуется интенциональными (психологическими) и интенциональными (лингвистическими) категориями, а ее причинные взаимосвязи определяются языковым контекстом и социально-исторической практикой. Кризис всех форм бытия, формирование нового комплекса ценностей, мировоззренческих установок делает необходимым построение таких традиций, которые отражали бы сложность и противоречивость системы бытия, а также ее взаимодействие с фрагментарным и децентрированным языковым контекстом, складывающимся из элементов различных художественных, материальных, духовных и религиозных ценностей.

Религиозная традиция рассматривается как система, с комплексом устойчивых структурных единиц, связанных языковой константой, обеспечивающей социальные связи и взаимодействие человека, общества, природы и культуры, которая отражает комплексность протекания исторических и современных социокультурных процессов в их диахронной и синхронной вариации.

В культурологии явления традиций, изучается в их сопоставлении и историческом континууме с целью идентификации тех черт, которые определяют универсалии религиозной культуры в их конкретном, языковом проявлении. Таким образом, языковая константа становится условием и формой реализации религий и фактором существования универсальных традиций.

Примечания

1. Понятие «Константа» (Электронный ресурс). Режим доступа <http://ru.wikipedia>. (Дата обращения 07.04.14).
2. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 160 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 838 с.
4. Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
5. Понятие «Религия» (Электронный ресурс). Режим доступа <http://ru.wikipedia>. (дата обращения 07.04.14).
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.

НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

Abstract

We are facing an actual trend that the national culture and tradition is fading away in globalization. The rapid urbanization deletes traditional culture barriers, which is more salient in our country combining nomadic and settled civilizations. Therefore, I argue that traditional cultural education needs to be taught.

Ключевые слова: государственная политика, национальная культура, система образования

Key words: state policy, national culture, education system.

В результате народной революции 1921 года Монголия провозгласила независимость и за 70 лет развития социализма достигла крупных успехов в ликвидации неграмотности, в распространении европейской новой культуры и образования, а также во многих областях науки.

Наряду с этим резко изменились отношения между государством и традиционной религией, произошли изменения в кочевом быту монголов в связи с быстрым развитием техники и технологии и не секрет, что, копируя зарубежную культуру, мы столкнулись с тенденцией потери традиций и её пренебрежения.

Наша страна перешла на путь демократических преобразований в 1990 году и за двадцать лет открыла новый этап в формировании национальной культуры и образования. В сфере государственной политики расширены вопросы культурных традиций и занесены в программу обучения.

Благодаря новой Конституции 1992 г были изданы Концепция Национальной безопасности (1994), Государственная культурная политика (1996) и закон о культуре (1996). В связи с этими документами создано правовое поле национальной культуры и образования для формирования новой личности новой эпохи. Но "задачи и концепции по вопросам развития культуры, образования, религии, изданные после 1990 года, а также вышедшие на основе этого программы и планы имеют недостаточную

взаимосвязь, не имела концентрированного руководства. Из-за всего этого не достигла намеченных результатов".¹

В Концепции Национальной безопасности говорится: "Основой существования монгольской нации является сохранение и развитие национальной истории, языка, культуры, наследия и традиций, являющейся ярким выражением отношения государства к национальной культуре".

Многие страны решают вопросы национального культурного образования в рамках государственной политики, опираясь на формальную или неформальную систему образования. Это имеет большое значение в том, что молодое поколение с детства начинает познавать, осознавать, ценить национальную культуру и овладевает навыками дальнейшего применения их в жизни. Вся социально-культурная деятельность происходит на основе знания людей и интеллектуальное богатство, созданное только в сфере образования, можно рассмотреть в тонкой связи с развитием и формированием индивида.

В настоящее время в системе образования Монголии несколько предметов, отражающих национальную культуру и преподают эти предметы в средней школе. К сожалению, недостаточны исследования результатов этих предметов. Учёные изучают в последнее время идеологические традиции нации, нрав и характер монголов на современном этапе, исследуют влияние религиозных обычаев. Также издаются многочисленные труды по сопоставлению содержания предметов по этике в начальных и средних школах зарубежом.

По нашему усмотрению для развития культурного наследия и передачи его молодому поколению в тесной связи с тенденциями мирового развития прежде всего необходимо определить место и роль национального культурного образования в системе формального образования. Таким образом обучать юное поколение овладению навыков и претворять знания в жизнь как обычай, опираясь на взаимосвязь предметов, влияющих на формирование личных традиций.

Значение овладения знаниями национальной культуры состоит в изменении и формировании личности, в определении общественного и интеллектуального богатства, идей, в определении ориентации критерий, правильного подхода к жизни, в результате этого сформироваться как личность.

Главный способ изучения обычаев это "сравнить себя с другими людьми, подражать действиям и играть. Люди неосознанно, уважая нравы и обычаи, подражают людям. Многократные такие действия становятся

¹ Бэгз Н. "Боловсрол судлал" сэтгүүл. 2012/05 16 тал

действием индивида, его верой и усваиваются им"¹. Это имеет огромную роль в формировании личности.

Исходя из вышесказанного, особое внимание привлекает вопрос овладения навыками использования обычаев в жизни и освоения знаний культуры нации. Чтобы освоить эти навыки, надо тщательно изучать социогенетическую, биогенетическую и психогенетическую тенденции теории, влияющие на формирование современной личности. Далее результативно использовать эти исследования в нужной отрасли. Уже рисуется социальная, учебная и ролевая картина социогенетической тенденции.

Проблемой является установление стандартов и критерий содержания национального культурного образования. Проблема также в том, что в столице живёт 50 % всего населения, сочетая и кочевой и оседлый образ жизни. Огромное переселение с провинций в города уменьшает количество жителей, хранящих традицию и культуру и удаляется от кочевого быта. Следующая статистика показывает, какое влияние оказывает это переселение на уровень знаний учащихся в начальных и среднеобразовательных школах.

По состоянию 2013 года в 755 средних школах городов и провинций учились 496.123 ученика, из которых 11.845 учащихся являлись детьми скотоводов, а из 180.969 детей 945 детских садах, только 30.561 ребёнка явились из семей скотоводов. Эти цифры наглядно показывают необходимость воспитания будущего поколения на основе неопределимых богатств наших традиций. Также правильно сочетать в системе образования национальное культурное образование с тенденциями мирового развития.

Вывод

В целях сохранения традиционной культуры монголов, чтобы уберечь традиции и обычаи от растворения в условиях глобализации, необходимо укрепить иммунитет будущего поколения в изучении культуры и обычаев и традиции народа. Главным условием этого является повышение значимости национального культурного образования в системе формального образования.

Ашигласан материал

1. Бэгз Н. "Боловсрол судлал" сэтгүүл. 2012/05
2. Монгол Улсын Соёлын тухай хууль. 1996
3. Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. 2010

¹ Нямбуу Х. Уртнасан Н. Дорждагва Т. "Монгол зан үйл, баяр ёслол" УБ., 2006
15 тал

4. Нямбуу Х. Уртнасан Н. Дорждагва Т. " Монгол зан үйл, баяр ёслол" УБ., 2006

5. Соёл урлаг шинэ нөхцөлд YII. УБ., 2012

УДК 008:398.3

Шантанова Т.В.- Башиила

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В СВОЕМ КАЧЕСТВЕ – КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ, ПРИСУЩЕЕ НАЦИИ, ГОСУДАРСТВУ, РЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ ГОСУДАРСТВ

Аннотация:

В обществе формируется особый социальный слой профессионалов, занятых созданием духовных ценностей (интеллигенция). Но создание ценностей духовной жизни, духовная культура вообще не могут развиваться вне народа, ее основного творца и потребителя. Лучшие образцы духовного производства, получив социальную оценку, входят в фонд духовной культуры социума, становятся его достоянием.

Семья относится к числу самых древних форм социальной жизни людей. Родственные связи были первоначальной формой организации общества. Понятно, что в условиях неразвитой социальной дифференциации религиозные действия совершались в рамках этой первоначальной социальной структуры.

Ключевые слова: Интеллигенция, духовная сфера, духовная культура.

Each society has a special group of people dealing with spiritual values (intelligentsia). However, spiritual values and spiritual culture in general cannot develop without general public – their main creator and consumer. The best examples of spiritual production, having received social assessment, become part of spiritual culture of a society. Family is one of the most ancient forms of people's social life. Family relationships constituted the original form of social organization. Under the conditions of under-developed social differentiation religious acts were performed in the framework of this original social structure.

Key words: intelligentsia, spirituality, spiritual culture

Термин «интеллигенция» относится к числу наиболее употребляемых в социологической, исторической, культурологической и философской литературе, а так же в средствах массовой информации. В нашей стране и за рубежом не одно десятилетие ведутся дискуссии о том, когда и в каком из европейских языков этот термин появился впервые, какова была его смысло-

вая наполненность в прошлом, что он означает в настоящее время. Имеющиеся обширные и пространные толкования явления «интеллигенция» неоднозначны и противоречивы. Они приводят к мысли о том, что это нечто более сложное, чем просто слово с определенным значением.

В любом обществе существует социальное неравенство, которое заключается в том, что люди занимают в обществе неодинаковое "положение", разные позиции в системе социальных отношений. Они различаются по своему социальному статусу.(1)

Первые попытки осмысления феномена интеллигенции в России были сделаны в 1870-х гг. теоретиками народничества - Я.Абрамовым, В.Воронцовым, Ф.Денисенко, Б.Добрыниным, Н.Златовратским, С.Елпатьевским, Р.Ивановым-Разумником, С.Кривенко, П.Лавровым, А.Николаевым, Н.Михайловским, А.Смирнягиным, П.Ткачевым, М.Филипповым, П.Червинским, Н.Шелгуновым, А.Энгельгардтом и т.д. Они выделили интеллигенцию в особую социальную группу по социально-этическим критериям, считая ее частью народа, взявшей на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя всего народа. (2).

В эпоху кризисов везде и во всем, в эпоху переоценки старых идеологий, поиска новых и осознания своих ошибок невозможно пройти мимо народа, правительства и особенно мимо российско-советской интеллигенции и элиты. Но народ сильно ругать нельзя, совесть не позволяет, язык не поворачивается: это все равно, что ругать свою мать, какая бы она, ни была - это и твоя, и моя Родина-Мать, и этим все сказано. Правительство во главе с царями, генеральными секретарями или президентами ругать всегда было опасно. А интеллигенцию "поливать" не только можно, но и нужно, потому что заслужила, т.к. *что революцию 1917 года, что перестройку 1991 года она делала одинаково плохо*. А, следовательно, и итоги ее что революционной, что перестроечной деятельности - есть исторический суд над этой интеллигенцией.

В начале XX в., на пороге революционных потрясений, тема роли интеллигенции в общественной жизни, ее ответственности за судьбы России вызвала острейший общественный интерес, что отражено в значительном количестве публикаций Н.Бердяева, С.Булгакова, Р.Винера, Р.Иванова-Разумника, А.Изгоева, К.Каутского и других. Вышли в свет сборники статей известных в России философов, экономистов, юристов, литераторов «Вехи», «В защиту интеллигенции» «Интеллигенция в России», в которых были затронуты жизненно важные для интеллигенции вопросы, первым из которых был вопрос о ее отношении к власти и народу и которые стали документальным подтверждением осознания ею поворотного момента в своей истории и этапом самопознания. Имея, прежде всего политическое звучание, эти статьи содержали глубокие философские мысли и легли в основу нравственно-

философского или культурологического подхода в изучении проблем интеллигенции. (4).

Традиция изучения "духа" была заложена еще Платоном, который и саму философию понимал как учение об идеях. Идеальное начало становится у Платона первичным, а материальное - несовершенное подобие идеального. Современная философия, хотя и основывается на многих выводах Платона, шагнула далеко вперед и сейчас для неё актуальными являются следующие проблемы:

* какова структура духовной жизни общества,

* каковы основные аспекты духовности,

* что такое духовное производство.

В 1970-1980-е гг. проблему интеллигенции затрагивали ученые, изучавшие различные аспекты духовной жизни российского общества, основ его правового функционирования, формирования его социальной структуры, маргинализации - С.Алексеев, Ю.Вишневский, З.Голенкова, Е.Грунт, Т.Заславская, Е.Игитханян, Л.Ионин, А.Меренков, Г.Орлов, Л.Рыбцова, Е.Стариков, А.Хорос, В.Шапко, другие исследователи. Во второй половине 1980-х—1990-е гг. продолжает преобладать традиционная точка зрения, представленная В.Аксюцием, Э.Андреевым, А.Ахиезером, А.Бакуниным, С.Барзиловым, И.Бутенко, Л.Гудковым, Ю.Давыдовым, С.Кириленко, Л.Коганом, А.Подберезкиным, Т.Наумовой, Л.Я.Рубиной, М.Руткевичем, Л.Смеляковым, С.Чаплыгиной, Г.Чернявской, Н.Яковенко.

Провозглашение в России «гласности» и «перехода к общечеловеческим ценностям» приводит к смещению акцентов в оценке интеллигенции, появляются альтернативные мнения. Как разновидность бюрократии рассматривают интеллигенцию Е.Барзгова и О.Шабурова. Первые попытки исследования интеллигенции как мифа предприняли Д.Ванюков, С.Ковалева, В.Кормер, Л.Люкс, Ю.Пивоваров, А.Севастьянов, Л.Фишман. И.Дичев, К.Киселев, С.Орлов, К.Соколов. (3).

Духовная сфера общества – это сфера отношений людей по поводу духовных ценностей, их создания, распространения и потребления. Духовная сфера складывается исторически и вбирает в себя географические, национальные особенности общества и проявляется в национальном характере (менталитете). *Духовная сфера* – это поле деятельности учреждений образования, воспитания, профессионального искусства (театр, музыка, изобразительное искусство и т.д.). В духовной сфере люди формируются эстетически и нравственно, поэтому ее трудно переоценить. В совокупности с экономической и социально-политической сферами она определяет специфику общества во всей его целостности. *Духовная сфера* включает в себя духовную культуру (научную, философско-мировоззренческую, правовую, нравственную, художественную), которая формирует определенный тип человеческой

личности в интересах общества, регулирует поведения человека в процессе его взаимоотношении с обществом себе подобных, с природой и окружающим миром. Из этого вытекает и другая функция духовной культуры – *формирование познавательных способностей личности*.

Духовная культура – лишь определенная сторона, «срез» духовной жизни, в известном смысле ядро духовной жизни общества. *Духовная культура* обладает сложной структурой, включающей научную, философско-мировоззренческую, правовую, нравственную, художественную культуру и религию.

Религия - одно из измерений стратификации в ряду таких, как ранжирование по родственным и этническим группам, профессиям, обладающим разным престижем, по степени власти и могущества, доходам или богатству, образованию или обладанию знанием.(7)

Учитывая сложность одновременного восприятия сразу всех составляющих духовной культуры, попытаемся выяснить общую основу, объединяющую в единое целое все ее стороны, а именно: что понимается под культурой в целом.

В самом широком смысле этого слова культура – развивающаяся совокупность материальных, политических и духовных достижений человечества, характеризующих определенный способ общественно-практической деятельности людей на каждом историческом этапе развития общества. Каждый этап развития человеческой истории характеризуется своим уровнем материальных, политических и духовных потенциалов и достижений человечества, его отношений с действительностью. Сохраняя и передавая разнообразную информацию о жизнедеятельности прошедших поколений, культура – одновременно и результат, и средство развития личности и общества, а также соответствующих организаций и учреждений, в совокупном отношении людей к природе, между собой и к самим себе.

Как отражение общественного бытия она несет на себе отпечаток характерных черт эпохи и определенной общественно - экономической формации, интересов и потребностей больших социальных общностей и социальных слоев. Духовная культура в этом качестве – *нечто единое целое, присущее нации, государству, региональной группе государств*.

Главная цель, функция духовной культуры – формирование определенного типа личности в интересах общества, регулирование поведения человека в процессе его взаимоотношении с обществом себе подобных, природой, окружающим миром. Отсюда др. функция – формирование познавательных способностей личности.

При наличии ряда общих моментов с материальным производством духовное производство имеет свою специфику. Предмет труда в нем – не только природа и природные вещества, но и общественный прогресс во всем

богатстве его социальных связей, человеческое мышление и деятельность людей. Весьма своеобразны и субъект духовного производства, и орудия его деятельности. В обществе формируется особый социальный слой профессионалов, занятых созданием духовных ценностей (интеллигенция). Но *создание ценностей духовной жизни, духовная культура вообще не могут развиваться вне народа, ее основного творца и потребителя*. Лучшие образцы духовного производства, получив социальную оценку, входят в фонд духовной культуры социума, становятся его достоянием.

Важную роль играет и самостоятельное усвоение субъектом духовных ценностей, самообразование и самовоспитание.

Семья относится к числу самых древних форм социальной жизни людей. Родственные связи были первоначальной формой организации общества. Понятно, что в условиях неразвитой социальной дифференциации религиозные действия совершались в рамках этой первоначальной социальной структуры.

Довольно часто и в настоящее время семья является тем местом, где совершаются религиозные ритуалы, но при этом следует помнить: то, что мы называем семьей сегодня, существенно отличается от того, что было семьей в древних обществах.

В ходе развития и внутренней дифференциации общества его институциональные образования разделились на две сферы - *частную и общественную* области жизни. Семья во многом утратила черты общественной (публичной) организации, которыми была наделена в прошлом, и стала в большей мере делом частной жизни.

В большинстве обществ семья не является долговременным социальным институтом. Это относится и к традиционной семье, которая на протяжении XIX и XX вв. все больше уходит в прошлое и утрачивает ряд функций, которые выполняла прежде. Так называемая *одноветьевая семья*, в которой *совместно живут три поколения*, была приспособлена к стабильному аграрному обществу. Формой семьи, наиболее приспособленной к условиям индустриального общества, является нуклеарная семья, которая обособляется от более широких групп родственников. Таким образом, в процессе социального развития *происходил распад более крупных семейных единиц*. Родственные связи в индустриальном обществе ослабляет наряду с другими факторами и обстоятельство, что социальная мобильность часто обуславливает разное общественное положение членов семьи, что порождает различия в стиле жизни и возможностях братьев и сестер, а вместе с этим подчас и взаимное непонимание и отчуждение.

Функции, которые утрачивает семья (как кооперативное трудовое объединение, например), не являются для нее неотъемлемыми и определяющими в ней главное. Это главное остается: *социализация детей, точнее - на-*

чальная и совершенно особая ее фаза. Она решается в универсальной, как эмпирически установлено, относительно длительной связи между немногими лицами (отец и мать, бабушка и дедушка) с новорожденными. В этой фазе происходит то, что психологически можно обозначить как образование первичного доверия, и вне семьи никакой другой институт не может обеспечить его возникновение. Но именно эти-то глубинные характеристики семьи столь интимны, что недоступны не только социологическому измерению, но и вообще всякому объективирующему выражению. Можно полагать, что в этом смысле семья не детерминируется социологически фиксируемыми отношениями с другими социальными институтами, включая церковь и религию.

Современные молодые люди поставлены в экстремальные условия: изменения в социально-экономических отношениях сопровождаются кризисом в духовной сфере. Молодые люди сами вынуждены решать, что для них является более ценным: отклонять уже существующие моральные нормы или интегрироваться в новые. Ведь молодежь, в своем большинстве, предоставлена сама себе и сама должна найти дорогу в жизни, то есть процесс ее социальной идентификации должен пройти успешно.

В современный переходный период трансформации социальных систем молодежь в своих моральных ориентирах чувствует глубокие и противоречивые влияния. Она в меньшей степени обращает внимание на необходимость духовного, культурного развития, но одновременно не отклоняет его целесообразность.

Тщательно разработанные принципы традиций и религии могут стать для молодёжи мостом между материальным и духовным мирами. В отсутствие социальной справедливости религия позволяет обеспечить и сохранить порядок и стабильность в обществе. С позиции социальной философии, религия формирует социальное мировоззрение, позволяющее руководствоваться им в повседневной жизни – растить детей, общаться с окружающими, помогать друг другу. Религия и религиозные мистерии, культы, таинства – форма социализации, приобщающая к традициям той или иной культуры.

Религия неразрывно связана с моралью. Однако при этом совершенно не следует делать вывод, что верующие всегда были нравственными людьми, а атеисты — наоборот. Среди тех и других были и есть и безнравственные, и высоконравственные люди. Дело в том, что человек по своей природе и добр, и зол, и прекрасен, и ужасен. Все зависит от того, каким путем в жизни он пойдет, ему предоставлен свободный выбор. В Библии говорится, что для каждого человека всегда открыты два пути: *«путь вечной жизни» - узкий путь и «путь гибели» - широкий.* Многие идут последним путем - путем соблазнов и удовлетворения плоти, потребительства и мирской суе-

ты. Это убивает суть человека, его душу, поскольку на первый план ставятся материальные потребности, любовь обращена только на самого себя. Человек становится эгоцентристом, руководствуясь только своими прихотями и желаниями, он делает *зло не только окружающим*, но прежде всего *самому себе*. В результате разрушается личность. Желание утвердить себя, самомнение и гордыня, безверие могут привести к преступлениям, что блестяще проанализировал М.Ж. Ботаин в пьесе «Ногоодой эсэн басаган» (Мудрая девица Ногоодой), где мать Хажар Хара и отец Хазар Боһооли, напоив ядом, убивают сына Сагаада – единственного наследника в их роду. Тем самым своим грехопадением гасят жизненные силы – огонь (очаг в юрте), в семье, в роду, жилище разрушается (превращается в пепел). Человек, гасящий очаг в собственной юрте, – не просто нравственная аномалия, но свидетельство разрушения традиционной онтологии. В сакральный час человеческой судьбы – смертный день для Сагаада – юрта становится «судным местом», над которым главенствует беспощадное злодейство. Если же смысл жизни человек видит в служении людям, в любви к ним и ко всему окружающему живому и неживому, то обретает истинный смысл жизни. Узкий путь, «путь жизни» – это путь духовного совершенствования, путь духовной чистоты, внутреннего покоя, путь мира, праведности и покаяния. Это – сложный путь, и немногие его находят. (10)

Таким образом, наиболее важной социокультурной характеристикой общества является уровень развития духовности и культурных потребностей современной молодежи, а перспективы их развития и определяют *будущее здоровой нации, страны*.

В этом качестве религия подчиняла себе и философию, и искусство, и мораль, и науку. Религиозная вера, обеспечившая определенную, цельность средневековой культуры, представляла собой высшую истину, с которой соотносились культурные, ценности. По мере развития культуры мораль постепенно начинала оспаривать монополию религии на решение «вечных» проблем человеческого бытия. Ведь Бог мыслился одновременно не только как создатель всего «сущего», наличного мира, но и как творец «должного», источник моральных ценностей и норм. А это поставило перед теологами проблему теодицеи, «оправдания Бога». Иначе как было объяснить наличие зла, раз Бог вершит только добро? Но если отношения религии и политики, морали, искусства были обусловлены решением задач идеологического регулятивного порядка, то отношения религии и науки необходимо рассматривать в иной плоскости. (11)

Российская интеллигенция от Радищева до Солженицына хорошо знает лишь только то, что плохо. А как сделать хорошо, она хорошо не знает, и знать не хочет. А если потом что и узнает, то или задним числом, или задним умом. "Страшно далеки они и от народа", и от Истины. Будь в Россий-

ской империи, в Советском Союзе или теперь в Российской Федерации хоть горсть цельных людей с развитым сознанием, умом, душой и волей - *деспотизм, насилие и репрессии равно, как и всевозможные революции, перестройки, показухи и разрухи были бы невозможны*. В СССР эти репрессии начались после знаменитого приказа №00447, изданного Ежовым. Тогда репрессировали и тех, кто просто имел судимость, кто был рецидивистом. По данным репрессивных органов, в 1923-1924 гг. было арестовано 2469 священнослужителей, а в 1931-1932 гг. их число достигло уже 19 812. Борцы за чистоту идеологии не делали различий: пострадали все - православные и католики, лютеране и протестанты, баптисты и меннониты, последователи ислама и буддисты, шаманы. Самое интересное, что есть немало свидетельств того, что перед началом репрессий даже Политбюро в СССР не было всевластным органом в СССР. Итак, количество репрессированных до сих пор завышается, хотя, скорее всего, общее их число находится в пределах около 800 тыс. человек и это очень большая цифра. С. Миронин.(12)

Если наше общество еще живо, то оно должно проявить в себе евразийский духовный потенциал, примирить знание и веру, в российской интеллигенции скрыта соборность, примирение наций и религий, поиск Истины и Бога.

А пока нам, людям XXI в., принявшим за Абсолют самого человека и *пришедшим к нравственной, деградации*, стоило бы подумать о необходимости стремления человека к высшему идеалу.

И пока у российской интеллигенции внутри по-прежнему клубятся туманы, ею судорожно движут слепые, хаотичные силы, и сознание оторвалось от почвы, бесплодно расцветает пустоцветом, их личность раздвоена, они утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волей. Российский интеллигент! Стань духовно-волевым человеком. Став осознанно-волевым и духовно-интеллектуальным человеком, ты сам поймешь, что тебе делать: кого любить или ненавидеть, во что верить и на кого молиться, чему сомневаться и чего добиваться и как именно.

Основная литература

1. Вебер М. Социология религии. Типы религиозных сообществ// Избранное. Образ общества. М., 1994.

2. Милованова, Ирина Олеговна.«Социокультурная идентификация гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе». стр3-4., Москва, 2007.

3. Милованова, Ирина Олеговна.«Социокультурная идентификация гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе». стр.3, Москва, 2007.

4. Милованова, Ирина Олеговна. «Социокультурная идентификация гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе». стр.3, Москва, 2007.

5.. Манхейм К. Идеология и утопия // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Ч. 1. С. 47-57.

6. Сорокин П. Система социологии. Петроград, 1920. Т. 2 // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Ч. I. С. 162-167.

7. Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена и Д. Фурмана. М.; СПб., 2000.

8. Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991. Ч. V. С. 515-529.

9. Уайт Л. Государство-церковь: его формы и функции // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.

10. Шананова Т.В. «Женский архетип в бурятской драматургии второй половины XXв.», 2012.

11. И. Осипова. Репрессии против верующих.

12. С. Миронин. Репрессии 1937 - 1938 годов. Ч. 1

УДК 008

О.Н. Судакова

ВАРИАТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ТЕОРИИ ПРАКТИК В КУЛЬТУРОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

VARIABILITY OF RESEARCH TOOLS IN STUDYING EVERYDAY LIFE CULTURE

В работе рассматривается теоретический потенциал культурологии повседневности. Анализ теории практик в гуманитарном знании позволил автору выявить две тенденции – конструирование «идеального» типа и фрейм-анализ.

The paper discusses the theoretical potential of the everyday life culture. The author identifies two trends - designing the "ideal" type and frame analysis.

Ключевые слова: культурология повседневности, социология повседневности, теория практик, теория фреймов, «идеальный тип», повседневное взаимодействие

Keywords: everyday life culture, sociology of everyday life, theory of practices, theory of frames, «ideal type», daily interactions

Проблематика повседневности детерминировала появление в развитой структуре культурологии ещё одного направления гуманитарного знания – культурологии повседневности. Среди задач данного направления выделяются разработку исследовательского инструментария, позволяющего синтезировать и структурировать массив накопленного «повседневноведческого» материала [8, с. 377, 385]. Однако современная гуманитарная наука требует от исследователя не только поиска теоретических конструкций, адекватных предмету изучения, но и позволяет применение одной и той же теории, например, теории практик в рамках различных по предмету наук [1-7; 9-13 и др.]. Отсюда целью данной работы является аналитика вариативности исследовательского инструментария названной теории, способствующая решению теоретико-методологических задач культурологии повседневности. Материалом для работы послужили монографии и статьи зарубежных и отечественных философов, историков, социологов и культурологов, занимающихся изучением повседневности.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что особенность теории практик заключается: в обращении к рутинным, типичным, не замечаемым действиям или к повседневности; за каждой практикой стоит некий, могущий быть объективированным, смысл, отражающий особую структуру общества и его функционирование как сложной системы; в отличном от других теорий культуры «месте» размещения коллективного и анализе его «наименьшей единицы» [2, с. 21; 5, с. 9; 11, р. 246]. Следовательно, теория практик позволяет осуществить аналитический переход от простого описания деятельности отдельных сообществ к поиску объективированного смысла ежедневных действий (по М. Хайдеггеру).

Если исходить из понятия «практика» как всего того, что «мы делаем», то теорию практик в культурологии повседневности можно считать продолжением деятельностного подхода. Данное обстоятельство обуславливает рассмотреть работы, в которых авторы стремятся к выявлению отличий теории практик от её теоретических альтернатив. В частности, А. Реквитц в статье «К теории практик: эволюция культурологических теорий» (2002) попробовал решить данную задачу. Для доказательства того, что теория практик является одним из направлений культурологии, учёный создаёт «идеальный тип», в котором объединяет единичные и общие элементы теорий П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Фуко, С. Ганфилькеля, Б. Латура и Т. Шатцки, а именно тело, сознание, вещь, знание, дискурс, структура/процесс и агент. Помимо этого он сравнивает свою идеальную модель с другими теоретическими моделями: «хомо экономикус», «хомо социологикус», теория ментальностей, текстология и интересубъективизм [11, р. 244]. Такой подход позволил автору сформулировать следующие понятие «практика». Это привычный тип поведения, который состоит из нескольких взаимосвязанных

элементов, среди них - виды телесной деятельности, формы мыслительной деятельности, «вещи» и их применение, фоновые знания как понимание, умения, эмоции и мотивы познания. Отсюда практика может трактоваться и как способ приготовления пищи, потребления, деятельности, исследования, заботы о себе или других и т. д. Как отмечает А. Реквитц, существовать данный «блок» элементов может только при обязательном наличии и специфическом взаимодействии всех компонентов, и более того, он не может быть представлен отдельным элементом. Наряду с уже сказанным, практика может пониматься и как паттерн, включающий в себя множество единичных и уникальных действий, воспроизводящих её. По этой причине практика понятна как выполняющим, так и наблюдающим её, хотя бы в рамках одной культуры. Сам человек является «носителем» не просто множества различных форм телесного поведения, но и рутинных способов понимания, познания и потребностей. Следовательно, практика есть «упрощённый/рутинный способ, посредством которого тело перемещается, объекты обрабатываются, предметы рассматриваются, вещи описываются и, в целом, мир познаётся» [11, p. 249-250].

Таким образом, по утверждению А. Реквитца, эвристический потенциал теории практик заключается в смешении исследовательского центра при изучении сознания, текстов, дискурса, тела, вещей, практических знаний в область повседневного. Если теория ментальностей познаёт человека как систему бессознательных ментальных категорий, интерсубъективизм – определенный набор диалоговых действий, тектология, в свою очередь, предлагает расстраивать через цепь знаков, символов и коммуникаций, то теория практик рассматривает «агента» как носителя привычных, более субъективных комплексов телодвижений, знаний, потребностей и применения вещей [11, p. 259].

Из вышесказанного следует, что эвристическим инструментарием теории практик для культурологии повседневности служат: во-первых, понятия, которые предлагают определённый способ видения и анализа элементов повседневности; во-вторых, возможности конструирования авторской теоретической «идеальной модели» практики конкретных субкультур; и, в-третьих, обратиться к этике повседневного, способствующей рассмотрению качества жизни, выраженного в определенных комплексах тела, понимания, вещах.

Примером решения теоретико-методологической задачи, стоящей и перед культурологией повседневности можно назвать теорию фреймов И. Гофмана [4]. Подробный разбор эволюции теории фреймов дал Г.С. Батыгин во вступительной статье «Континуум фреймов: социологическая теория Ирвина Гофмана» [4, с. 7-57], отдельную главу под названием «Теория фрейм-анализа И. Гофмана» в монографии отвёл В.С. Вахштайн [1, с. 64-106], по-

этому мы остановимся лишь на тех авторских категориях, которые применимы в культурологии повседневности.

Начнём с того, что исходной точкой анализа повседневности по И. Гофману является «отрезок», понимаемый как любая совокупность событий. Определение ситуаций, основанных на управляющих событиями принципах организации и вовлечённости в события - это фреймы. Сам «анализ фреймов» обозначает тип исследований организации опыта [4, с. 71].

Для социолога повседневности В.В. Вахштайна фрейм-анализ – ценный теоретический ресурс осмысления повседневных взаимодействий, альтернатива «теориям повседневных практик» применяемых в эмпирических исследованиях повседневного мира [1, с. 6]. Задача фрейм-аналитика, по его мнению, должна заключаться в понимании, к какой системе фреймов принадлежит конкретное событие, и по каким «правилам» оно транспонировано (переключение) или сфабриковано. Формально описать их можно используя формулы: $p_1(N) \rightarrow x \rightarrow n_2(N^1)$ и $p_1(N) \rightarrow y \rightarrow n_3(N^2)$. Где, событие « p_1 », принадлежащее множеству событий « N », транспонируется посредством ключа « x » в игровой фрейм « N », становясь событием « n_2 ». Аналогичным образом посредством ключа « y » это же событие транспонируется в фрейм « N^2 », становясь событием « n_3 ». Отношения, которые связывают событие « p_1 » с событиями « n_2 » и « n_3 », суть отношения сигнификации. Сопоставив события « n_2 » и « n_3 », исследователь получает представление как поразному действуют механизмы « x » и « y » [9].

Культуролог О. И. Горяинова первичную систему фреймов определила как культурные инварианты, устойчивые во времени базовые образцы опыта социальной группы. Более того, она соотнесла первичный фрейм с понятием «картина мира», поскольку последнее упорядочивает опыт группы в течение длительных временных промежутков. Действуя как познавательная стратегия, первичный фрейм организует предсказуемое и безопасное пространство культуры. Таким образом, делает вывод О.И. Горяинова, автор теории фреймов предпринимает попытку решить фундаментальную задачу культурологии – найти и описать принципы индивидуальной трансформации базовых образцов опыта, которая является уже вторичной системой фреймов [3].

Из вышесказанного следует, что если в рамках социологии повседневности фрейм анализ способствует обособлению от теории практик, и потому вырабатывает свой инструментарий, то культурологический инструментарий направлен на объединение теории фреймов и теории практик.

Фрейм-анализ к житейской истории применил В.В. Резаев [10]. На основе социологического материала он предложил следующую систему фреймов современной повседневности: 1. Набор определённых стандартов поведения, норм, правил, соблюдение которых ведёт к непреложному успеху

и поощряется другими индивидами, включёнными в повседневность. 2. Набор фактов и домыслов, складывающихся в картину мира индивида, где существование случайностей и необъяснимых фактов повседневности вполне допускается. Аксиологически данный вид фрейма наиболее ограничен в выборе ценностей и образцов поведения. 3. Некая система объективных факторов и ролей повседневности. 4. Вид фреймов, которые повседневность представляют как результат активно конструируемых событий вокруг индивиду. Правильное семиотическое восприятие повседневности индивидами, включёнными в неё, детерминирует существование этого вида фреймов [10, с. 95-94]. И хотя, автор называет данную систему фреймов повседневности условной, но остаётся на позиции «безграничных возможностей» инструментария теории фреймов для социологии повседневности.

Попытку выявить возможности применения теории фреймов для изучения повседневных взаимодействий предприняла С.В. Сухоносова [12]. Можно констатировать, что автор ограничился только обзором самой теории без уточнения её культурологического инструментария.

Таким образом, фрейм-анализ позволяет увидеть в повседневности форму социальной организации, где человеческая субъективность принимает рутинные формы. Отметим, что инструментарий теории фреймов пока применяется исследователями только при изучении современной повседневности. Однако, мы считаем, что попытка приложения фрейм-анализа к выявлению системы взаимодействий, свойственных сословно-стратификационным общностям прошлых столетий может быть перспективной для культурологии повседневности.

Подводя итог проделанной работе, отметить главное, что вариативность исследовательского инструментария теории практик в виде конструирования «идеального типа» или фрейм-анализа даёт толчок развития теоретического потенциала культурологии повседневности.

Примечания

1. Вахштайн, В.С. Социология повседневности и теория фреймов / В.С. Вахштайн. - СПб.: Издательство Европейского университета, - 2011. - 334 с.

2. 1. Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, В.О. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.

3. Горяинова, О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания [Электронный ресурс] / О.И. Горяинова // Культурологический журнал. - 2010. - № 1. - Режим доступа: ULR: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2011_11_37_11_1297931831.pdf (дата обращения 01.02.13).

4. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. - М.: Институт социологии РАН, 2003. - 753 с.

5. Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А.А. Дьяков // Известия Саратовского университета. Новая серия. - 2011. - Т. 11. - Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. - С. 8-12.

6. Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII - первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: диссертация на соиск... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.И. Куприянов. - М., 2007. - 658 с.

7. Лейбович О.Л. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках / О.Л. Лейбович, Н.В. Шушкова, А.Н. Кабацков // Вестник ПГИИК. - 2012. - № 13-14. - С. 55-64.

8. Лелеко В.Д. Культурология повседневности: становление и современное состояние / В.Д. Лелеко // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д.Л. Спивак. - СПб.: Алетейя, 2008. - Т. 1: Теория культуры. - С. 377-389.

9. Преображенский, В. Интервью с Виктором Вахштайн [Электронный ресурс] / В. Преображенский. - Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/books/3320> (дата обращения 01.02.13).

10. Резаев, В.В. Житейская история в структуре повседневности: опыт фрейм-анализа / В.В. Резаев // Челябинский гуманитарий. - 2011. - № 2 (15). - С. 92-95.

11. Rekwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing / Andreas Rekwitz // European Journal of Social Theory / 2002. - 5(2). - P. 243-263.

12. Сухонослова С.В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. - 2012. - № 2. - С. 29-34. - Режим доступа: URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/134/Сухонослова.pdf> (дата обращения 01.02.13)

13. Шупилина Н.С. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности / Н.С. Шупилина // Каспийский регион: политика, экономика, культура: научный журнал. - Астрахань: АГУ, 2012. - № 4. - С. 261-267.

УДК 82.512.09:39

СЕМАНТИКА ЦЕННОСТНЫХ КАТЕГОРИЙ В РОМАНЕ А. БАЛЬБУРОВА «ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ»

Аннотация: В статье рассматривается на примере романа А. Бальбурова проблема онтологической семантики в бурятской литературе, решение которой позволяет анализировать специфику национальной картины мира, национальную поэтику. Обращение к традиционным ценностям, содержащимся в литературе дает возможность исследовать смысл традиционных ценностей бурят.

The ontological semantics problem in the Buryat literature on the basis of A. Balburow's novel is considered in the article. Its solving allows to analyze the specifics of the national world outlook, national poetics and the essence of the Buryat traditional values.

Бурятский, роман, семантика, шаман, автор, контекст, онтологический, национальный, литература, фольклорные, традиционный.

Keywords: Buryat, novel, semantics, shaman, author, context, ontological, national, literature, folklore, traditional

Без художественного опыта бурятских писателей и поэтов 20 века невозможно говорить о достижениях нашей литературы. Удивительна способность художественного слова к обновлению в восприятии разных эпох. Литература всегда хранит и воспроизводит ценности жизни человека, мир меняется, а смысл бытия, поисками которого всегда занималось человечество остается. Литература содержит смыслы, которые способна воспроизводить спустя время. Способность к обновлению уже заложена в художественном образе как результате авторской мысли. С этих позиций сегодня мы имеем возможность рассмотреть онтологические основы бурятской национальной литературы.

Чрезвычайно важно понимать процесс становления бурятского романа как важного этапа в развитии национальной литературы. Уже первые бурятские писатели, подходя к решению конкретных национальных литературных проблем, ставили перед собой задачу: создавать произведения на основе синтеза фольклорной поэтики и реалистического письма. Это способствует тому, что бурятский роман усложняется, творческий опыт своими глубинными нитями связан с восточным сознанием, национальным миропониманием и фольклорной традицией. Создается индивидуализированное, национально-определенное, многомерное художественное пространство.

Отметим ряд факторов, характеризующих бурятскую литературу и дающих возможность для дальнейших исследований:

1. Фольклор – своеобразие художественного мышления, отстоявшееся в поэтическом слове, созданном народом в далекие времена, обогащают духовный мир человека наших дней. Особенно существенно выделение базового ценностно-нравственного ядра художественной культуры. Бурятская литература дает возможность проследить как возникает и проявляется новый подход в усвоении национальных художественных традиций.

2. Проблема двуязычия – одно из ярких проявлений «разомкнутости», расширения сферы национальной художественности.

3. Религия и традиционные верования: буддизм, шаманизм - буддийские и шаманистские воззрения дают возможность полного изображения национальной картины мира, обогащая художественную систему произведения.

Эти размышления подтолкнули рассмотреть бурятскую литературу с точки зрения онтологического содержания традиционной культуры, которое лежит в основе национального мировидения. В качестве примера мы обратились к известному роману Африкана Бальбурова «Поющие стрелы»

Семантический анализ художественного текста позволяет выявить те смысловые ассоциации, которые не всегда обозначены в произведении. Так можно установить связь между текстом и культурным контекстом. Как пишет Ю.М. Лотман «Отношения текста к культурному контексту могут иметь метафорический характер, когда текст воспринимается как заменитель всего контекста, которому он в определенном отношении эквивалентен, или же метонимический, когда текст представляет контекст как некоторая часть - целое». [1. С. 161] То есть именно анализируя семантику текста мы можем актуализировать скрытые аспекты этой кодирующей системы, рассматривая культурный контекст как дополнительный информант. С этой точки зрения мы обращаемся к роману А. Бальбурова «Поющие стрелы», для выявления семантики оппозиции «свой / чужой» в идейном противопоставлении героев.

С самого начала романа обозначены основные противоборствующие социальные силы в Хасанге. Начало романа создает ощущение раскола и трагичности. Все здесь отмечено атмосферой столкновения противоборствующих сил. Зловещую обстановку усиливает и природный мир, гармонию которого нарушило шествие толпы.

Роман начинается сценой, в которой шаман совершает религиозный обряд возвращения души Магрины. И эта сцена важна по двум причинам: во-первых, обряд, совершаемый Пилу, обычен в понимании окружающих

(шаманские обряды сопутствовали всем моментам жизни бурят: рождение, смерть, болезнь, женитьба и т.д.). Но А. Бальбуров мастерски, через описание испуганных птиц и проклятого места Ганга-Эрье (обрыв), создает психологическую атмосферу нагнетания страха в действиях шамана Пилу. Неслучаен выбор места для возвращения души Магрины. Девушка Ампис совершила самоубийство, бросившись в реку с обрыва Ганга-Эрье, и по шаманистским представлениям превратилась в злого духа, способного лишить живого человека души. Поэтому Пилу, совершая обряд, должен вступить в связь с потусторонними силами именно в этом месте, так как ушедшую душу можно вернуть только там, где ее забрали. Во-вторых, в дальнейшем развитии романа ставится под сомнение могущество и авторитет родового шамана, его способность вылечить больного человека. Шаманское, религиозное действо и сама фигура Пилу оцениваются писателем с антирелигиозных позиций, и потому шаман – герой отрицательный.

Описывая толпу, идущую к Ганга-Эрье, автор отмечает, что «впереди шел шаман Пилу, высокий, прямой, с пером, воткнутым в бобровую шапку, с малиновым кушаком, перекинутым через правое плечо, в богатом шелковом тэрлике» [1.С.7]. А позади всех шел молодой человек, автор описывает его так: «Он был на голову выше самого высокого из всей толпы. На нем не было халата-тэрлика, как на других, а лишь исподняя рубаха, когда-то белая, но принявшая неопределенный темно-серый цвет. Эта рубаха широкая, длинная, все равно на парне казалась короткой и узкой, а кургузые рукава были и вовсе смешны. Штаны, застегивающиеся сбоку на белой пуговице, выглядели, опять-таки, чересчур короткими, узкими. Человек был бос, грязен, как может оказаться только пахарь после дневной работы под палящим солнцем. Однако густые черные волосы парень, видимо, имел привычку на редкость аккуратно причесывать...» [С.10]

Впереди – шаман Пилу, позади Ута Мархас. Оба находятся вне толпы, причем по разные ее стороны. Шаман предводительствует, ведет людей, а Ута Мархас лишь следует за людьми, как бы являясь сторонним наблюдателем, но замыкая шествие. Автору было важно показать в такой композиционной структуре противопоставленность героя (Ута Мархаса) шаману не только по социальному признаку, но, и по родовому. Шаман обладает, прежде всего, наследственностью – утха, т.е. имеет предка шамана и характеризуется особой избранностью тэнгриями (божествами), поэтому он связан со всеми родовыми объединениями своей этнической группы. Толпа, следующая за ним объединена степенью приближенности к роду Ондрэ и Магрины, а Ута Мархас кровно не связан ни с шаманом, ни с толпой.

Внешнему виду персонажей автор уделяет неодинаковое внимание. Описание шамана скупое, но подчеркивается, что его одежда выглядит богаче, чем у остальных. А Ута Мархас внешне отличается от других людей: во-первых, он выше всех, во-вторых, его красивое лицо контрастирует со странной одеждой. Мы видим, что он усмехается над действиями шамана, постоянно презрительно сплевывает, выказывая явное неуважение. И внешним его видом автор с самого начала противопоставляет своего героя всей толпе, а главное – Пилу. Для начала автору важна эта внешняя непохожесть героя на других, потому что именно она является критерием его внутренней сущности и внешней связи с миром.

Оба персонажа являются «чужими» по отношению к этой своеобразной родовой общине, которой являются хасангинцы. Шаман принадлежит к двум мирам: «своему» - земному и «чужому» - потустороннему миру. Поэтому он является объектом страха и уважения. Ута Мархас – сирота, от которого отказались родственники, «изгой» - социальная позиция которого определяется одновременно включенностью и исключенностью из общественной структуры (по Лотману Ю.). [2] И, следовательно, является объектом подозрительности и вражды. Эти позиции, несмотря на исходную близость, не объединяют героев, а противопоставляют их друг другу (там – страх, здесь - подозрение).

Герой романа Ута Мархас изначально был одиноким и отверженным. «Можно сказать, что эти несчастья появились на свет вместе с его рождением, когда с первым дыханием он вдохнул в себя проклятие шамана Пилу». [С.22] Таким образом, с самого начала своего существования на земле мальчик был противопоставлен ему. Проклятие родового шамана одновременно отделило жизнь мальчика и от жизни всего улуса. «Никому, не сделав зла, Мархас был презираем всеми и даже ненавидим». [С.23] Жестокость отношения обусловлена, прежде всего, традиционным укладом жизни бурят - родового шаман имел непререкаемый авторитет и влияние на все сферы жизни, поэтому закономерно, что, боясь его гнева, люди с опаской относились и к Ута Мархасу.

Мы уже отмечали, что образ шамана идеологизирован автором. Он – сторонник улусных богачей. Автор лишает его всех необходимых для родового шамана качеств, тем самым как бы отрицая его шаманскую сущность, и переводит, таким образом, Пилу в разряд обыкновенных людей, наделяя его далеко не лучшими человеческими качествами.

Шаманы в силу своих знаний могли общаться с духами, умели перевоплощаться, и этот мотив оборотничества А. Бальбуров заменяет в романе пародией на него, когда Пилу переодевается в альбина (злого духа), чтобы убить Магрину. Автор постоянно подчеркивает «непрофессионализм» шамана, который вынужден ловчить, хитрить, прибегать к «мирским»

способам для поддержания своего авторитета. Конфликт между шаманом и Ута Мархасом лежит в плоскости межличностных отношений, осложненных социальным статусом героев и религиозной мотивацией поведения. Эти герои воплощают в романе противоборство двух начал жизни: созидания и разрушения, доброты и жестокости, любви и ненависти, красоты и уродства, света и тьмы, жизни и смерти. Эти антиномии проявляются и в уподоблении Пилу – черту – альбину, и в сравнении Ута Мархаса с орлом, который связан с горными вершинами Саян, местом сакральным, близким к шаманской, божественной субстанции – «Вечному Синему Небу». Так образно Пилу связывается со зловещим началом, темным потусторонним подземным миром, а Ута Мархас – с верхним, светлым.

Таким образом, семантический анализ оппозиции «свой / чужой» показывает ее культурную, социально-психологическую обусловленность бытованием в ситуации родового общества и шаманистского мировоззрения. Авторская позиция во многом проясняется благодаря, так называемой, «раскодировке» подтекста или «надтекстовой структуры»

Список литературы

1. Бальбуров А. Поющие стрелы - Улан-Удэ: Бур. Кн. изд-во, 1981 – 528 с.
2. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. – С.-Петербург: «Искусство - СПб», 2002.

УДК 008:002:02

Л.П. Гром

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ «ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» - РЕСУРС КУЛЬТУРЫ: ПО СЛЕДАМ «ПЛАЧЕВНОЙ РЕЧИ» ЮХАНА Г. СПАРВЕНФЕЛЬДА

Опыт международного сотрудничества в области культурного обмена между библиотеками Швеции и России обнаруживает, насколько интересным ресурсом для культурологических проектов в рамках данного сотрудничества могут быть документы из собраний этих библиотек. Но данный ресурс может быть продуктивно использован только при условии тщательного исторического анализа источников, иначе все рискует превратиться в курьез.

Ключевые слова: культура, библиотека, шведско-русские отношения, Столбовский мир, рудбекианизм.

В шведских библиотеках хранится множество уникальных источников, содержащих любопытную информацию о культуре и жизни российского общества второй половины XVII в. Культурный обмен и сотрудничество между шведскими и российскими библиотеками, совместные издания наиболее интересных исторических и литературных памятников или обмен копиями источников, хранящихся в шведских хранилищах, – хорошая основа для культурологических проектов разного рода. Но данные источники должны пройти самый скрупулезный исторический анализ. Иначе может возникнуть ситуация, которая сложилась вокруг одного из произведений, получившего репутацию «курьезного» исторического источника.

Речь идет о русскоязычной поминальной речи на смерть шведского короля Карла XI, написанной в форме элегии – плача шведским языковедом и придворным Ю.Г. Спарвенфельдом (1655 – 1727).

Шведская исследовательница биографии Спарвенфельда Улла Биргегорд писала о нем как о полиглоте, владевшем 14 языками, как европейскими, так и восточными. Спарвенфельд много путешествовал, в 1678-1682 гг. в целях изучения языка и культуры разных стран бывал в Амстердаме, Гааге и Утрехте, в Париже, Риме, Оксфорде. В Риме в это время находилась отрешившаяся от престола шведская королева Кристина (1632-1654). И Спарвенфельд остановился там на несколько месяцев, вращаясь в кругу образованных шведов, составлявших окружение Кристины, подружился с ее секретарем Андерсом Гальденбладом, посещал библиотеки и архивы.

В 1684 г. в составе шведской дипломатической миссии Спарвенфельд оказался в Москве. По завершении программы дипломатического визита он получил разрешение остаться в Москве на три года как королевский стипендиат для изучения русского языка. По дороге в Москву и во время пребывания в Москве Спарвенфельд вел дневник, поэтому его пребывание в России хорошо документировано. До приезда в Москву Спарвенфельд не владел русским языком, дневник велся на шведском и французском. В Москве он нашел преподавателя, поляка по национальности, стал изучать русский и польский языки. Занимался он с большим увлечением, составлял собственный русско-шведский разговорник, беседуя с прохожими на улицах. Решил составить большой русско-латинский словарь, который мог бы использоваться шведскими властями в оккупированных русских землях. Но Спарвенфельд был личностью просветительского склада, поэтому надеялся, что его словарь будет способствовать и распространению знаний о русском языке и культуре в странах Западной Европы. Будучи большим книголюбом, Спарвенфельд приобретал словари, русские грамматики и рукописные русские книги филологического содержания [1]. Жизнь в Москве и овладение русским языком послужили, естественно, почвой и для написания вышеупомянутой русскоязычной «Плачевной речи» на смерть короля Карла XI, рус-

скоязычие которой и воспринимается многими как некий курьез, порождающий разнородные толкования как в профессиональных, так и, разумеется, в любительских кругах, с целью ответить на вопрос: «Зачем Спарвенфельду понадобилось написать и произнести поминальную речь на русском языке?»).

Оставим в стороне любительские точки зрения, окрашенные яркой экстравагантностью, и посмотрим, что говорит по этому поводу наука как российская, так и шведская. Надо сказать, что «Плачевная речь» Спарвенфельда, пройдя мимо внимания российских историков, привлекала, однако, внимание российских исследователей как литературный памятник. И в этой связи следует назвать статью сотрудницы Института русской литературы (Пушкинского дома) в Санкт-Петербурге Т.А. Быковой [2, с. 449-453]. Статья сугубо литературоведческая, но в ней есть несколько наблюдений, интересных и в контексте данной статьи.

- В Университетской библиотеке г. Упсалы (Швеция), – начинает статью Т.А. Быкова, – хранится редчайший экземпляр «Плачевной речи» И.Г. Спарвенфельда, представляющий нечто в роде надгробного слова шведскому королю Карлу XI (умершему 5 апреля 1697 года), произнесенного на русском языке, но напечатанного латиницей. Прекрасная фотокопия этого издания, известного всего в двух экземплярах, сообщает Быкова, подарена Упсальской университетской библиотекой Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописное наследие Спарвенфельда, отмечает исследовательница, достаточно богато, к нему, в том числе, относятся четыре славяно-латинских словаря и один латино-русский словарь. Есть и целый ряд поэтических произведений, написанных по-русски, но с латинской транслитерацией/транскрипцией.

По описанию Быковой, «Плачевная речь» представляет собой печатное произведение, которое состоит из заглавного листа, шести страниц речи и последней страницы, на которой помещены стихи того же содержания, что и речь. На заглавном листе можно прочитать следующие слова: «Плачевная речь на погребение того преж сего велеможнейшего и высокорожденного князя и государя Каролуса одиннадцатого... В Стоколне двадцать четвертого новемврия лета от воплощения бога слова 1697». Речь была обращена к Карлу XI, и в ней цветисто превозносились бесчисленные добродетели короля: «безначального бога наместнику», «воистину славному государю Карлу XI, меч которого принес благолепие победы и мироуспокоение...».

А далее в речи уведомлялось, что эти слова были «также дар сей...слезами усердными...от народа славянороссыского подданные люди и верные рабы». Т.е. речь была обращена к покойному королю, но произносилась Спарвенфельдом, якобы, от имени верноподданного «славянорусского народа», конкретно, от имени жителей Ивангорода/Нарвы, которые в версии

Спарвенфельда, представлялись как «любовь любовью воздающая Ругодивска слобода», где Ругодив – старинное название Нарвы/Ивангорода.

Сразу могу пояснить от себя, что «славянорусский народ» не избирал Спарвенфельда своим представителем для изъявления любви памяти шведского короля – сие поручение никому неизвестно, как неизвестен и повод для любви «славянорусского народа» к шведскому королю. Это было собственной литературной находкой Спарвенфельда.

Далее Быкова обратила внимание на дату произнесения речи, обозначенной на заглавном листе: двадцать четвертое ноября. Дело в том, что это не дата смерти короля – Карл XI скончался 5 апреля 1697 г.

24 ноября было днем рождения покойного короля. По всей видимости, в этот день, через полгода после кончины Карла XI, была устроена мемориальная церемония, на которой и была зачитана Спарвенфельдом «Плачевная речь». Почему это уточнение так важно, я скажу ниже.

Быкова, как и многие, задается вопросом, зачем шведу Спарвенфельду понадобилось произнести, а затем напечатать русскоязычную «Плачевную речь»? И не находит ничего лучшего, как сделать вывод, что речь «на самом деле обращена к довольно многочисленному населению побережья Балтийского моря, отошедшего после Столбовского мира от России к Швеции», поскольку некоторые указы покойного короля «ограничивали права русского, особенно, православного населения. Это может быть одной из причин печатания речи – показать русским подданным в Швеции достоинства умершего короля».

Этот вывод настолько удивителен, что от изумления не знаешь, что и сказать! Однако самое удивительное, что он прижился в науке, причем даже в международном плане.

С этим выводом, например, согласилась шведская славистка, профессор кафедры славянских языков в Упсальском университете Улла Биргегорд, исследовавшая творчество Спарвенфельда – отрывки из составленного ее биографического очерка приводились выше. В другой ее статье, специально посвященной «Плачевной речи», говорится: «Быкова Т.А. приходит к выводу о том, что речь в самом деле обращена к русскоговорящим подданным, которых после Столбовского мира 1617 года попали под шведскую власть. Основное русское население было сосредоточено на правом берегу реки Наровы. Известно, что шведскими властями был издан ряд грамот и указов для регулирования прав и обязанностей этих подданных. В этой связи можно напомнить о наглядном примере того, до какой степени шведские власти обращали внимание на своих новых граждан. В тогда существовавшей русской типографии в 1628 г. был издан русский перевод Катехизиса Лютера, предназначенный для русского населения в Ингерманландии.

Касательно текста надгробной речи, я считаю вполне возможным, что власти обратились к Спарвенфельду как церемонимейстеру (тогда он еще был, правда заместителем церемонимейстера) и известному специалисту по русскому языку, с просьбой сочинить и произнести торжественную речь на русском языке, чтобы перед русскоговорящими подданными восхвалить усопшего монарха и вызвать положительные чувства к новому молодому королю. И данный факт, что "Плачевную речь" напечатали, указывает на то, что текст был предназначен для распространения (хотя оно, возможно, и не состоялось). Конечно, возможно, также, что напечатали текст только по поводу торжественного случая, для документации. Или может, тот факт, что речь произносилась на русском языке, имел только символическое значение, напоминая присутствующим о том, что могучее шведское государство имело в пределах своих границ и русскоговорящих подданных» [3, Р. 25-37].

На мой взгляд, выводы науки по затронутому вопросу совершенно неудовлетворительны. Российский автор полагает, что «Плачевной речью» хотели задним числом уверить русское население на оккупированных шведской короной новгородских землях, что усопший король был на самом деле добрым малым, и если где и притеснял православных, так это только от любви. Ну, как можно всерьёз писать такие вещи?! Если бы такая прелестная мысль посетила придворные мозги, то Спарвенфельда отправили бы с речью туда, где русскоязычные подданные могли бы его услышать. Из Стокгольма голос Спарвенфельда никак не мог достигнуть оккупированные русские земли, а на церемонии в честь годовщины рождения Карла XI русских не было – это хорошо известно.

У шведской исследовательницы мы видим сразу три варианта ответа на вопрос, и все гадательные: а) речь напечатали, значит собирались распространить, но почему-то не распространили; б) напечатали просто для порядка, чтобы можно было положить в архив красиво оформленный документ; в) для демонстрации державного могущества: каких, мол, у нас только подданных нет!

И ни один из вариантов не вызывает к себе серьезного отношения – все выводы просто парят в воздухе, ибо Улла Биргегорд анализирует «Плачевную речь» достаточно умозрительно, а не в соответствующем историческом контексте.

Почему, на мой взгляд, объяснение написания русскоязычной «Плачевной речи» заботами о добром самочувствии русскоязычных подданных выглядит несуразным, можно понять, рассмотрев ее в лоне той исторической обстановки, когда она была создана. Начнем с того, чтобы взглянуть на титулы шведского короля Карла XI во второй половине XVII в.: «Мы, Карл, Милостью Божьей король Свеев, Гётов и Вендов и их наследный государь, Великий князь Финляндии, герцог Сконе, Эстонии, Ливонии, Карелии, Бре-

мена, Вердена, Штеттин-Поморья, Кашубов...Господин над Ингерманландией и Висмаром...». Титулы отражают те территории, которые Швеции удалось захватить в течение XVII в.

Как отмечает шведский историк Юнас Нордйн, исследовавший шведскую политику в конце XVII в., основная проблема для шведской короны после Столбовского договора, по которому Швеция смогла удержать часть оккупированных ее русских земель (Ижорская земля, Корела и др.), и после Вестфальского мира, которым завершилась Тридцатилетняя война и по которому Швеция получала Западную Померанию со Штеттином, а также часть Восточной Померании, заключалась в установлении системы управления в захваченных многоязычных и поликонфессиональных землях [4, S. 73-80].

И выяснилось, что захватить чужие земли при благоприятных обстоятельствах было проще, чем организовать функционирующую жизнь и систему управления в полиэтнической среде. У шведской короны опыта такого управления не было, чтобы там ни пели норманисты.

Одним из препятствий на пути «инкорпорирования» новых подданных (выражение шведской политики того времени: завоеванные земли стремились «инкорпорировать») были языковые различия, другим – религиозные. В первые десятилетия после Столбово религиозные различия в завоеванных русских землях пытались решить очень просто: путем обращения православных в лютеранскую веру, иначе говоря, путем ассимиляции. Для этого и преводили Катехизис Лютера на русский язык, как об этом упомянула Биргегорд. Но воспринимать данный факт, как наглядный пример того, «до какой степени шведские власти обращали внимание на своих новых граждан» – тут только руками развести от полного изумления! В истории подобное «внимание» известно как ассимиляция, классическим примером чего является трагическая судьба южнобалтийских славян.

В статье проф. Мыльникова А.С. рассказывается о том, что для облуживания политики лютеранизации в Стокгольме было создано центральное переводческое бюро со штатом переводчиков – русистов, имевшего местные отделения в Выборге, Нарве, Ревеле, Дерпте и др. В 1625 г. для нужд лютеранизации православного населения оккупированных русских земель по приказу короля Густава II Адольфа была учреждена в Стокгольме типография с русскими литерами [5. с. 150-152]. Так что завоевания в Новгородской земле вызвали к жизни появление шведской славистики, в частности, изучения русского и других славянских языков в Швеции. Первым шведским славистом как раз и считается дипломат, путешественник и ученый-языковед Юхан Г.Спарвенфельд.

Из этого видно, что для шведских властей сложности налаживания системы управления в среде русского населения были иными, нежели в сре-

де финноязычного и немецкоязычного населения. Немецкий язык был языком общения в шведских городах еще со средневековья. Области Финляндии были присоединены в Шведскому королевству также задолго до рассматриваемого времени, с середины XIII в., т.е. в обоих этих случаях у шведских властей имелся длительный опыт общения, в том числе и в административном плане. А относительно русскоязычного населения такого опыта не было, как не было и традиции изучения русского языка.

Кроме того в русских землях столкнулись и с религиозными проблемами. Как отметил Нордйн, православное население Ижорской земли, как финноязычное, так и русскоязычное не обнаруживало никакой радости при виде открывшейся перспективы перейти в лютеранскую веру. Поэтому как раз во время правления Карла XI шведские власти решили сменить курс и занять более жесткую позицию в этом вопросе. Новый курс формулировали так: завоеванные земли должны были дать верноподданное население, если не шведоязычное, то по крайней мере, это должны были быть «шведы» по лютеранской вере. Поэтому переводы на русский язык лютеранского символа веры и прочая мягкотелость были отставлены – от этого только расходы! Типографию с русскими литерами в Стокгольме закрыли, а оборудование продали в Амстердам.

Но насильное обращение в лютеранство запрещалось, согласно пунктам Столбовского договора (когда такие факты обнаруживались, из Москвы направлялись письма с протестами), поэтому религиозный вопрос в русских землях стали решать путем постепенного вытеснения православного населения и переселения на их место финских и немецких переселенцев, т.е. методом того, что сейчас называется этнической зачисткой.

И здесь неоценимую помощь оказала «Атлантида» Рудбека – шведские исследователи Альвин Исберг и Йонас Нордин отмечали, что вся аргументация в оправдание такой политики черпалась непосредственно из «Атлантиды» шведского писателя Олофа Рудбека (1630-1702) – пространной фантазии на темы древнешведской истории, в которой утверждалось, что гиперборейцы из античных источников были прямыми предками шведов, и соответственно, предки шведов освоили Восточную Европу задолго до других народов. Кроме того, согласно фантазиям Рудбека, финны заселили восточно-европейские земли задолго до славян, а шведы под именем варягов владычествовали над ними и собирали у них дань. Эти фантазии создавались как политический миф в обоснование исторического права Швеции на восточноевропейские территории, или как минимум, на завоеванные новгородские земли в период Смутного времени. Фантазии Рудбека были провозглашены шведскими властями как непререкаемая историческая истина, вера в величие шведской древности, начиная еще с гиперборейских времен, настолько овладела умами шведских политиков и общественных деятелей, что даже

наш знакомец Спарвенфельд в 1688 г. получил государственное задание совершить поездку по Европе и постараться отыскать документы, которые подтверждали бы «Атлантиду» Олофа Рудбека – шведские власти были уверены, что где-то затерялись источники, в которых сказано, что гипербореи имели шведское происхождение.

Что же касается русского населения Ижорской земли и других русских земель, оккупированных шведской короной, то «Атлантида» сказала на нем самым тяжелым образом. Она стала идеологическим обоснованием для политики вытеснения русских из завоеванных земель. Рудбек ведь прокламировал, что финны и германцы-шведы были первыми поселенцами в этих землях. Следовательно, Ижорская земля, согласно убеждению шведских властей, почерпнутому от Рудбека, имела западногерманское происхождение, поэтому населявшие ее ижора, воть и другие финно-угорские народы должны считаться лютеранами априорно (ижора и воть исповедовали православие) и коренными народами в «западногерманской» Ингерманландии [4, s. 73 – 87; 6. s. 101,103,107 ff.]

Таким образом, шведские власти ласкали себя мыслью, что своей политикой они как бы восстанавливали историческую справедливость, возвращая «западногерманских» финнов к их корням.

Исследуя рудбекианизм, я во многих работах писала о том, что у данного политического мифа две составляющие. Одна из них хорошо известна: идея шведо-варягов, которая оформилась как норманизм и в этом качестве активно обсуждалась в исторической науке. Вторая – это рудбековская идея этнической карты Восточной Европы в древности, к которой восходят истоки наших представлений о том, что русские появились в Восточной Европе позднее других народов. Эти взгляды прочно укоренились в науке без особых дискуссий, по крайней мере, - в советской науке [7, с. 135-176; 8, с. 437-458; 9, с. 8-33].

В результате политики вытеснения русского населения из завоеванных новгородских земель основными языками общения в них становились, в первую очередь, немецкий и финский языки. Представители немецкоязычного населения предъявляли требования к тому, чтобы немецкий язык мог использоваться в различных официальных случаях в завоеванных областях, в частности, в Нарве апеллируя к тому, что в средневековый период городские власти в шведских городах пользовались немецким языком, т.к. в большинстве своем они были выходцами из немецких городов Южной Балтии.

Но с тех пор утекло много воды. Со времен Густава Вазы в шведском обществе начало формироваться национальное самосознание, и шведская корона стала делать ставку на шведоязычие подданных, исповедующих одну веру: один язык, один народ, один король – по примеру ведущих западноевропейских государств. Поэтому и указами Густава II Адольфа, и указами

ми Карла XI постановлялось, чтобы официальным, рабочим языками в органах управления на завоеванных землях был шведский язык, соответственно, «город Нарва должен быть шведским городом, и национальные шведские интересы не должны терпеть ущерб» [4, s. 79].

Однако «немецкоязычие» и в Нарве, и в прибалтийских городах продолжало доминировать, соответственно, языковые различия были проблемой. Например, даже принесение присяги Карлу XII в Риге принималось на немецком языке, шведским гарнизоном на Саареме – на шведском и финском языках, а также – на эстонском языке [4, s. 120].

Чем интересны эти сведения в контексте данной статьи? Они как раз очень интересны для прояснения исторической достоверности приведенных выше заключений Т.А.Быковой и Уллы Биргегорд о том, что «Плачевная речь» Спарвенфельда – это образчик документа, иллюстрировавший думы и заботы шведских властей о своих русских подданных. Как видно, эти заключения не подтверждаются историческим анализом. Русское население к концу XVII века воспринималось шведскими властями как помеха на пути «инкорпорирования» завоеванных русских земель под власть шведской короны. Поэтому от него пытались избавиться, а не поощрять его русскоязычие. Управление в Ижорской земле осуществлялось на языках «западногерманской Ингерманландии» – на немецком и шведском. Так что причина, вызвавшая появление русскоязычной «Плачевной речи» Спарвенфельда, должна быть иной.

Дополнительным косвенным доказательством того, что данное произведение Спарвенфельда не было задумано им как обращение к подданным завоеванных земель, служит дата произнесения «Плачевной речи». Как справедливо указала Т.А. Быкова, речь произносилась не на похоронах Карла XI, а через полгода после них, в день его рождения. Здесь важно знать, что при всем различии правил, обязанностей и привилегий для разных областей во второй половине XVII в. подпавших под власть шведской короны было установлено, что на похоронах короля и на коронации нового короля должны присутствовать представители всех областей, подчиненных шведской короне. Правда, это присутствие ограничивалось только самими церемониями, а не участием в заседаниях риксдага, собиравшихся в связи с названными событиями – в них участвовали только представители из Швеции и Финляндии [4, s. 76]. Но «Плачевная речь» произносилась при проведении более «камерного» мероприятия, участие в котором никак не регламентировалось присутствием тех или иных представителей. Короче, сочиняя свою речь на русском языке, Спарвенфельд меньше всего должен был бы думать о «подданных».

Зачем же Спарвенфельд написал «Плачевную речь» на русском? Действуя методом исключения, можно прийти только к одному выводу: если

политика – ни при чем, то остается другой важнейший стимул – деньги, вернее, выражаясь более корректно – поиск финансирования любимого проекта Спарвенфельда, осуществления его заветной мечты – публикации подготовленных им славяно-латинских и русско-латинских словарей.

Очень похоже, что мысль найти мецената для своего издательского проекта владела Спарвенфельдом уже во время его поездки по Европе в целях отыскания документов, подтверждавших бы достоверность «Атлантиды» Рудбека. В 1692 г. Спарвенфельд посетил Рим, где со времен первой поездки по странам Западной Европы у него должны были оставаться влиятельные знакомства. Но королева Кристина умерла еще в 1689 году, и ее «двор» исчез вместе с ее кончиной.

Явно с целью найти высокую поддержку добивается Спарвенфельд аудиенции у папы Иннокентия XII и преподносит ему объемистый латино-русский словарь в оправленных в серебро обложках, вероятно, один из тех, что он привез из Москвы. В дарственном письме, написанном на латыни и русском, Спарвенфельд довольно простодушно подчеркивал, что данный словарь может пригодиться в деятельности католических миссионеров в славянских странах. Как отметила исследовательница творчества Спарвенфельда Улла Биргегорд, это письмо было расценено шведскими властями как большая бестактность и вызвало возмущение в Стокгольме. Для меня же оно является свидетельством того, что в политических вопросах Спарвенфельд был явным недотепой и больше интересовался судьбой своего рукописного наследия.

Во время пребывания в Риме Спарвенфельд установил контакты и с организацией под названием «Congregatio de propaganda fide», созданной в 1622 г. в поддержку и развитие католической миссионерской деятельности. В 1627 г. при ней было создано учебное заведение, где готовили миссионеров для миссионерской деятельности в разных странах мира, а также имела типография со шрифтами на разных языках для обеспечения католических миссионеров печатной продукцией. Но если таковые планы и были, ничего из них не вышло. Единственным результатом этой заграничной поездки было приобретение книг и рукописей, которые Спарвенфельд привез с собой в Стокгольм.

Годы после возвращения из-за границы в мае 1694 г. были явно временем благоденствия. Спарвенфельд получает должность заместителя церемониймейстера двора, обзаводится семьей, много занимается переводами с испанского, итальянского, английского, продолжает занятия славистикой. И явно не оставляет планов об издании словарей. Так, в письме к Лейбницу он задавал вопрос о том, как лучше осуществить издание словарей. По совету Лейбница, Спарвенфельд нанял словака Маттиаса Забани в качестве переписчика и редактора. Пытался найти типографию, где можно было бы раз-

местить заказ. Обращался в Москву, Амстредам, Оксфорд. Очень сложно было найти печатников и типографию с литерами кириллицы. По всей видимости, цены на услуги по печати были в то время нешуточные. Спарвенфельду предлагали отпечатать все латинским шрифтом, но он настаивал на кириллице, как идеально соответствовавшей произносительным нормам русского языка. Вот тут-то и пришла, вероятно, мысль обратиться с ходатайством к шведским властям, для чего в рекламных целях и была написана «Плачевная речь», которую Спарвенфельд огласил на церемонии чествования покойного Карла XI, где он в качестве заместителя церемониймейстера присутствовал. Речь была написана на русском языке, но отпечатана латиницей, поскольку русских литер не имелось в наличии.

Реклама явно удалась, поскольку согласно сведениям Биргегорд, Карл XII, взшедший на престол после смерти Карла XI, отдал приказ купить литеры кириллицы. Но как замечает исследовательница, казна была пуста, литеры так и не были куплены [1].

Рассказ Биргегорд дополняет Т.А. Быкова. В ее вышеупомянутой статье сообщается, что в самом начале XVIII в. в Швеции предполагалось печатание одного из словарей Спарвенфельда, и шведский генеральный суперинтендант в Ливонии Николай Бергиус вел переговоры о покупке для этой цели шрифта И.Ф. Копиевского, просветителя и писателя польского происхождения, с конца XVII в. жившего в Амстердаме. В 1701 г. он стал владельцем собственной типографии, где имелись наборы славянских шрифтов. Но сделка с Копиевским не состоялась. Вероятно, предполагает Быкова, этому помешала Северная война [2]. А возможно, могу добавить, просто не хватило средств по причине пустой казны, как сообщает Биргегорд.

Интересно ко всему вышесказанному добавить замечание Ю.Нордйна, который в рамках устной консультации рассказывал, что среди членов католической организации «Congregatio de propaganda fide», с которыми Спарвенфельд тесно общался в бытность его в Риме, были специалисты, владевшие большинством известных в то время языков. И вот в кругу этих полиглотов возникло специфическое хобби: печатать приветствия различным высокопоставленным особам, включая и венценосных особ, переведенные на множество различных языков. Постепенно это стало как бы высокой модой в придворных кругах. Например, еще в 1784 г. шведский король Густав III получил в подарок альбом с приветствиями в стихотворной форме на 46 различных языках. Поэтому относительно «Плачевной речи» Спарвенфельда Нордйн полагает, что его речь на русском языке, которым тот неплохо владел, была подсказана желанием эффектно и мило отличаться, написав славословие королю в поэтической форме на великом и экзотическом русском языке. И совершенно неправдоподобно, уверен Нордйн, чтобы эта речь

была написана с расчетом на русскоязычное население. Как показал Альвин Исберг во многих своих работах, шведские власти имели очень двойственное отношение к русским. Их старались изолировать любыми способами, а не уделять им особое внимания и писать ради них славословия шведскому королю на русском языке.

С последним я согласна: какого рода было «внимание» шведских властей к русским в Ижорской земле, я показала, опираясь в том числе, и на результаты исследований Ю. Нордина. Но в остальном остаюсь при своем мнении. Не недооценивая естественного для придворного чина желания отдать дань моде и поблистать в кругу себе подобных, полагаю, что Спарвенфельд, сочиняя свою «Плачевную речь», был занят мыслью найти финансирование для своего издательского проекта. Ведь «Плачевная речь» заканчивается словами обращения к новому шведскому королю Карлу XII в. , который, согласно Спарвенфельду, от «королевских пепелей воскресе ...и останется феникс...Каролус двенадесятый». И план Спарвенфельда мог бы ему удалиться, будь королевская казна Швеции побогаче.

В качестве заключительного вывода осталось напомнить несколько общеизвестных сентенций, которые тем не менее никогда не теряют своей актуальности. Литературные произведения есть памятники своей эпохи, хранящие мельчайшие отпечатки ее модных увлечений. «Плачевная речь» Спарвенфельда – образчик такого памятника, в котором придворная искательность выражена согласно моде своего времени – на экстравагантном иностранном языке. Точное понимание специфики культуры, в лоне которой создано то или иное произведение, открывает возможности использовать достопримечательные памятники эпохи как ресурс для международного культурного обмена или при реализации проектов для популяризации историко-культурного наследия.

Примечания

1. Birgegård U. Svensk biografiskt lexikon <http://sok.riksarkivet.se/SBL/Presentation.aspx?id=20002>

2. Быкова Т.А. К истории русского тонического стихосложения (Неизвестное произведение И.Г.Спарвенфельда) // Серийное издание «XVIII век». 1935 –2007. III-й выпуск.

3. Birgegård U. Plåčevnaja rač po Karlu XI – omu na ruskom jazyke // Essays to the memory of Anders Sjöberg. Slavic Studies 24. Stockholm, 1995.

4. Nordin J. Ett fattig men fritt folk. Stokholm/Stehag, 2000.

5. Мильников А.С. Славяне в представлениях шведских ученых XVI – XVII вв. // Первые Скандинавские чтения. СПб., 1997.

6. Isberg A. Svensk segregations- och konversionspolitik i Ingermanland 1617 – 1704. Studia historico-ecclesiastica Upsalensia 23. Uppsala, 1973.

7. Грот Л.П. Путь норманизма от фантазии к утопии. М., 2010.
8. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии. М., 2012.
9. Грот Л.П. Как родился политический миф норманизма // Прерванная история русов. М., 2013.

УДК 39:008:316

В.В. Кондратьева

СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ДОМА ДРУЖБЫ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

CREATING AN INTERCULTURAL INTERACTION MODEL ON THE EXAMPLE OF THE HOUSE OF PEOPLES' FRIENDSHIP OF REPUBLIC OF BURYATIA

Отношения, образующиеся и существующие между культурными единицами, принято обозначать как межкультурное взаимодействие или межкультурная коммуникация. Бурятия – это многонациональная республика, где каждый день происходит межкультурное взаимодействие и одним из ярких примеров является работа Дома Дружбы народов Бурятии.

Relationships formed and existing between cultural units, are usually denoted as intercultural interaction or intercultural communication. Buryatia is a multi-ethnic republic, where cross-cultural interaction takes place every day. One of the best examples is the work of the House of Peoples' Friendship in Buryatia.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, народы, Республика Бурятия, Дом Дружбы народов.

Keywords: intercultural communication, peoples, Republic of Buryatia, the House of Peoples' Friendship.

Россия в полной мере испытывает на себе влияние процессов глобализации. На этом этапе развития наша страна стремительно входит в современное мировое пространство, усиливая свои позиции в экономике, политике, образовании, что в свою очередь ведет к усложнению ее социальных и политических структур, крупномасштабным изменениям восприятия духовной культуры, демократизации общественных идеалов и ценностей. Сложная социально-экономическая ситуация, мировой экономический кризис, способствуют росту миграционных потоков. В этих условиях нельзя позволить утратить уникальность и самобытность каждого народа проживающего в России, в том числе и Бурятии.

Начиная с 90 –х годов XX века, когда народы, проживающие в Советском Союзе выбрали собственное самоопределение, многие этносы настойчиво проявляли свою заинтересованность в возрождении национальной культуры, стали искать свое историческое место в мировом культурном пространстве. Культивирование национальной идентичности, возрождение уникальных культурных традиций в сложившихся исторических условиях неизбежно. Данные действия объективно приводят к напряжению во взаимоотношениях между различными этническими сообществами. В современных условиях мы наблюдаем сложившийся конфликт между мировой тенденцией к унификации культуры этносов и стремлением к сохранению полиэтнического своеобразия.

Республика Бурятия – один из наиболее многонациональных регионов Российской Федерации, где проживает более 160 народов и создание условий способствующих культурному многообразию и развитию диалога культур неопределима роль национально-культурных автономий и центров. По данным Федеральной регистрационной службы по Бурятии в ведомственном реестре зарегистрировано 34 национально-культурных общественных объединения. Основные задачи национально-культурных объединений это возрождение, сохранение родного языка, национальных традиций и культур, гармонизация национальных отношений в республике [3, с. 104].

Ежегодно при поддержке Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия на республиканском уровне проводятся национальные русские праздники – Рождество, Масленица, Пасха; бурятские – Сагаалган и Сурхарбан, эвенкийский Больдер, сойотский Жогтаар, татарский Сабантуй и многие другие. Их проведение имеет огромное образовательное и воспитательное значение для молодого поколения способствует сохранению традиций и формирует чувство любви к Родине, уважение к культуре других народов, укрепляет гражданственность и патриотизм.

Благодаря деятельности национально-культурных объединений за последнее десятилетие в культурной жизни Бурятии утвердились новые праздники республиканского масштаба – фестивали «Венок дружбы» и «Содружество сердец». При участии национально-культурных объединений были проведены крупные международные мероприятия – Международный фестиваль бурятского народа «Алтаргана», Встреча старообрядцев мира «Путь Аввакума», в которых приняли участие научные и творческие делегации не только из регионов России, но и ближнего и дальнего зарубежья [1, с. 89].

Совместное проведение праздников укрепляет отношения, этнические связи, в ходе праздничного действия другая культура становится понят-

нее. На основе этого растут симпатии, дружба, уважение к людям другой национальности, повышается взаимопонимание.

Многие центры поддерживают связь с исторической Родиной. Отмечают свои национальные праздники, памятные даты своей истории проводят разные мероприятия внутри своих диаспор. Представители национально-культурных объединений Республики Бурятия принимают активное участие в городских и республиканских, общероссийских и зарубежных мероприятиях, съездах и форумах своих этнических сообществ.

В традицию входит участие национально-культурных автономий и центров в фестивалях национальной кухни, Дне города, Дне хлеба и других многонациональных праздниках, проводимых Управлением культуры и Управлением предпринимательства, туризма и потребительского рынка г. Улан-Удэ.

Вполне обосновано, что такая системная работа дает свои положительные результаты. Социологические исследования последних лет выявляют снижение межнациональной напряженности, динамику роста толерантного сознания среди населения республики. Например, в 2009 году в рамках акции «Я голосую за толерантность» в 86 учебных заведениях были проведены лекции-беседы, в ходе которых был организован социологический опрос учащихся (студентов) с общим охватом 3 753 человека. Из результатов опроса следует, что предпосылок к возникновению межнациональных, этнокультурных и религиозных конфликтов нет.[5, с. 15-17]

Мероприятия, реализуемые в рамках акции «Я голосую за толерантность», способствовали формированию у подростков и молодежи терпимого отношения друг к другу, предупреждению влияния на подрастающее поколение экстремистских настроенных группировок и попыток вовлечения несовершеннолетних в межнациональные конфликты.

Для развития толерантности и патриотизма, формирования основ взаимоуважения представителей разных национальностей были созданы цикл видеосюжетов о традициях и обычаях народов, проживающих в Бурятии.

К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства в г. Улан-Удэ был открыт Дом Дружбы народов, где расположились 24 автономии, у каждой автономии есть свой кабинет, учебные классы, актовый зал, созданы все условия для плодотворной работы. Вопросы координации деятельности в сфере национальных отношений органов власти и местного самоуправления, национальных общественных объединений и научных учреждений, оказания им организационно-методической помощи возложены на Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия. При Комитете существует координационный со-

вет, основной задачей которого является обеспечение согласованной работы национально-культурных центров. При президенте Республики Бурятия действует Совет национальностей [6].

Одним из результатов такой продуктивной работы стало развитие молодежного движения. В ноябре 2012 года был создан Молодежный центр Дома Дружбы народов Республики Бурятия. В него вошли председатели молодежных центров национально-культурных автономий и центров. Несмотря на короткий период своего существования, у центра уже есть постоянные мероприятия. Одним из первых стало организация выездных поездок в Турнтаевскую СКОШИ VIII вида, которая была приурочена к празднованию Нового года – 2013. Молодежному центру удалось собрать подарки и преподнести воспитанникам школы-интернат праздничную программу. В последующем были организованы мероприятия направленные на ознакомление детей с культурами национально-культурных центров, в рамках празднования «Сагаалгана» учащиеся смогли познакомиться с культурой бурят, последующие выезды были посвящены культуре татар, поляков, семейских, проживающих в Бурятии. 1 декабря 2013 года Молодежный центр Дома Дружбы народов совместно со студентами Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств организовали праздничный концерт и спортивные соревнования для воспитанников школы-интернат.

9 мая 2013 года молодежи Дома Дружбы впервые удалось организовать встречу ветеранов Великой Отечественной войны разных национальностей. Для ветеранов был подготовлен праздничный концерт и торжественное чаепитие.

Значительное число активной полиэтничной молодежи видит в решении национальных вопросов путь к решению социально-политических и культурных проблем регионов. Взгляды молодежных активистов на этническое развитие, понимание и освоение этого процесса могут и должны оказывать влияние на дальнейший ход восстановления и развития этнокультур и межнационального согласия

Одним из ярких событий в межэтническом взаимодействии представителей различных этносов, проживающих на территории Бурятии, стал этнофестиваль народов Бурятии «Караван Дружбы». Он состоялся 7 сентября 2013 года в Этнографическом музее народов Забайкалья. Проект был призван показать жителям и гостям республики, в 90-летний юбилей то истонно байкальское гостеприимство, которое так восхищает гостей и туристов, приезжающих в этот самобытный край. Мероприятие прошло под девизом «Все начинается с истоков». В рамках этнофестиваля можно было познакомиться с чайными церемониями национально-культурных автономий и центров на «Улице добрых соседей», попробовать блюда национальной кухни, приобрести изделия национальной кухни, сакральные элементы от

национально-культурной автономии эвенков, а также поучаствовать в мастер-классах по изготовлению «Кукол-кубышек» с Фанией Гареевой и др. Мероприятие завершилось большим праздничным концертом, в котором приняли участие студия танца «Байкал-Идель» с бурятскими, татарскими, корейскими, монгольскими, казачьими и русскими вокально-хореографическими зарисовками, азербайджанский ансамбль «Хазар», армянский ансамбль «Рафаэлло», эвенкийский хореографический коллектив «Аруун», тувинская группа горлового пения «Хайырыкан», бурятская танцевальная группа «Ангара», фольклорный коллектив «Семейские Янтари», а также узбекские, таджикские и киргизские солисты. Этнофестиваль планируют проводить ежегодно, где жители и гости г. Улан-Удэ смогут увидеть разные стороны традиционного быта народов Бурятии.

Богатейшее наследие, оставленное предками, требует бережного и уважительного отношения, в том числе и национальная культура каждого народа.

Сегодня наблюдается всплеск возрождения традиционных и религиозных ценностей через сохранившиеся элементы традиционной культуры. Этносы в новой форме используют традиции, обычаи, обряды, ритуалы, наполняя их новым смыслом, поскольку именно его содержание формирует контекстуальное пространство традиционной культуры.

Применительно к современной этнической культуре необходимо специальное изучение всех структурных элементов как материальной, так и духовной культуры, которое позволяет выявить наиболее значимые, востребованные или, напротив, те из них, которые могут быть утрачены, и принять соответствующие меры.

Исследование этнических культур свидетельствуют о необходимости сохранения этнических культур, об эффективности их поддержки, о благотворном влиянии этнических ценностей на нравственный климат общества.

Реализация государственной политики, направленной на поддержание культурной идентичности, при активности самих этносов приведет к демократизации и стабилизации общества, будет способствовать диалогу культур [2, с. 76].

Необходима огромная работа по распространению, пропаганде и внедрению адаптированных к нынешним условиям этнических ценностей в повседневную жизнедеятельность этноса. Многие в этом направлении уже делается, но еще больше необходимо сделать для того, чтобы в культурную среду современного города, села, поселка внести национальное своеобразие.

Для накопления и передачи опыта межкультурного взаимодействия необходимо, чтобы общество постоянно убеждалось в продуктивности и выгоде отношений, строящихся на основе уважения любой личности и

признания права человека на своеобразие, в чем бы оно не выражалось – в этнических, религиозных, мировоззренческих, возрастных и иных характеристиках.

Можно согласиться с позицией В.В. Путина, «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» [4, с. 8].

Список литературы и источников:

1. Баталова С.Р. Инновационные модели по формированию толерантности молодежи (из опыта работы Байкальского центра культурного разнообразия и толерантности ФГОУ ВПО ВСГАКИ), методическое пособие / С.Р. Баталова. – Улан-Удэ, 2010.

2. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика / А.Д. Карнышев – Улан-Удэ, 1997.

3. Кондратьева В.В. Татары Бурятии: сохранение этнокультурной идентичности (конец XIX – начало XXI в.) Дисс. к.и.н. / В.В. Кондратьева. – Улан-Удэ, 2013.

4. Путин В.В. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). – М., 2013. С. 8.

5. Татарова С.П. Оценка, анализ и технологии формирования толерантности в условиях вуза культуры: анализ результатов социологического исследования / С.П. Татарова, С.Р. Сотникова. – Улан-Удэ, 2009.

6. Указ Президента Республики Бурятия «Об образовании при Президенте Республики Бурятия Совета национальностей Республики Бурятия» от 09 февраля 1998 г. № 27 (в ред. Указов Президента Республики Бурятия от 16.08.2001 № 164). 2. Книги, брошюры, статьи.

УДК 316.77

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ НКА
ПОЛЯКОВ Г. УЛАН-УДЭ «НАДЖЕЯ»)**

**PECULIARITIES OF INTERNATIONAL COMMUNICATION IN A
REGIONAL SPACE (ON EXAMPLE OF NATIONAL-CULTURAL
AUTONOMY OF THE POLES IN ULAN-UDE «NADZHEYA»)**

Статья посвящена актуальным вопросам этнокультурного взаимодействия народов Бурятии, особенности исторического развития которой являются местом коммуникации в диалоге культур Запада и Востока; рассмотрена деятельность НКА «Наджая», направленная на возрождение этнической культуры поляков, о вкладе в культурное разнообразие Бурятии во имя диалога и развития.

The article is devoted to topical issues of ethno-cultural interaction between the nations of Buryatia, the historical development of which is a place of communication in the dialogue of cultures of East and West. The author considers the activities of the national-cultural autonomy «Nadzheya» aimed at the revival of ethnic culture of the Poles, its contribution to the cultural diversity of Buryatia.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, межкультурная коммуникация, регион, этнос, самобытность.

Keywords: culture, cultural space, intercultural communication, region, ethnos, identity.

Политические, социальные и экономические изменения современного мира привели к масштабной миграции народов, их переселению, смешению и столкновению. В результате чего все больше людей преодолевают культурные барьеры, которые раньше их разделяли. Однако любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры. Это обращение к культурам других народов получило название «взаимодействие культур» или «межкультурная коммуникация».

Культурные общности, различные по своей истории, традициям, языку, религии, развиваются и взаимодействуют на основе процесса межкультурной коммуникации. Культурные различия приводят к конфликтам, часто происходящим из-за элементарного незнания особенностей, инокультур, неразвитости или отсутствия каналов их трансляции. Таким образом, этнокультурное взаимодействие происходит неоднородно, что обусловлено: различием в численности этнических групп, уровнем их социально-экономического и культурного развития, изолированностью, отдаленностью от

очагов цивилизации, ориентацией молодого поколения этнических групп на принятие культурных ценностей и элементов культуры «вмещающего этноса». В этой связи межкультурные коммуникации представляют определенный интерес.

Важность этой проблемы возрастает, когда речь идет об этнокультурном взаимодействии в таком регионе России, как Бурятия, которая в силу географического положения и особенностей исторического развития является местом коммуникации в диалоге культур Запада и Востока. Кроме того, регион формирует своеобразное культурное пространство. С этой точки зрения культура может быть осмыслена как пространственная система, образованная множеством взаимодействующих друг с другом пространств культур.

Польская диаспора в Бурятии образовалась в XIX в. в ходе сложных процессов консолидации, состоявшая из сосланных на поселение участников польских восстаний 1830-1831, 1863 гг., а в последствии – членов революционных кружков и приезжавших на работу представителей польской интеллигенции. Выходя после отбытия каторги на поселения, польские изгнанники включались в общественную, культурно-просветительную и хозяйственную жизнь края. Среди них было много образованных людей, которые нередко выступали, как и декабристы, подлинными просветителями, обучая детей крестьян и служилого люда. Врачи из числа ссыльных, как, например, М. Войнич, в Тунке, оказывали местному населению медицинскую помощь. Большой вклад внесли ссыльные поляки в изучение географии, геологии, этнографии, истории, природы нашего края. Широко известны имена Ю.А. Талько-Гринцевича, Б. Дыбовского, В. Годлевского, А. Чекановского, О. Евицкого [1].

После получения Польшей независимости, большое число «сибирских» поляков не захотели возвращаться обратно, надеясь, что они смогут жить счастливо и в Сибири [2]. Однако долгое время поляки, проживавшие в Бурятии, не могли признаваться в своем происхождении. Репрессированные поляки были обвинены в контрреволюционной деятельности и шпионаже, их родители были либо расстреляны, либо попали в лагеря. Детей «врагов народа» направляли в детские дома. Только в начале 90-х гг. XX в. поляки могли свободно заявить о себе и начать работу по восстановлению истории, традиций и культуры своего народа.

В марте 1993 г. в Улан-Удэ была создана Бурятская республиканская общественная организация «Общество польской культуры «Nadzieja» («Надзея», в переводе с польского – «надежда»), объединившая в своих рядах поляков и лиц польского происхождения, *потомков сосланных поляков в третьем, четвертом поколении. В 2005 г. путем реорганизации Общества польской культуры «Надзея» создана Местная общественная организация «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Надзея».*

На протяжении 21 года «Наджея» – некая форма национально-культурного самоопределения и добровольной самоорганизации поляков – граждан Российской Федерации, проживающих на территории Бурятии, в том числе в г. Улан-Удэ, созданной на основе совместной деятельности в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры. Свободное волеизъявление при отнесении себя к определённой этнической общности; сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой; уважения языка, культуры, традиций и обычаев различных этнических общностей – главные основополагающие принципы «Наджеи» [3]. Изучая историю пребывания поляков в Бурятии, члены Автономии восстанавливают истории своих семей. Ведь долгое время нельзя было открыто говорить о том, что их предки являлись поляками. Поэтому сейчас важно сохранить воспоминания поколений: «Наджея» занимается увековечиванием памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью известных и малоизвестных поляков, проживавших или какое-то время находившихся на территории Забайкалья.

Яркой чертой любой национальной культуры является ее выраженная индивидуальность. В создании и развитии своей культуры каждая нация стремится к отражению в ней своего видения мира, своей морали, своей истории. Важнейшим компонентом национальной культуры является язык народа, формирующийся вместе с образованием этноса, будучи одновременно предпосылкой и условием его существования. Поэтому приоритетной задачей «Наджеи» при её создании было изучение польского языка, истории и культуры: начинают действовать языковые курсы, а с 1994 г. уже оформилась воскресная школа, где работал местный учитель. С 1997 г. в Улан-Удэ на постоянной основе начинают приезжать учителя из Польши. Воскресная школа позволяет членам Автономии приобщиться к польской культуре и узнать историю Польши и поляков в Бурятии. Молодежь ежегодно выезжает на языковые курсы по совершенствованию языка в Польские университеты. В летний период времени дети отправляются в лагерь. Члены Автономии, долгое время изучающие язык, обучаются в вузах Польши, часть из них – работают над кандидатскими диссертациями. Следует отметить, что при автономии работает польская библиотека, книжный фонд которой насчитывает почти 2000 экземпляров.

В рамках деятельности воскресной школы проводятся различные мероприятия, целью которых является популяризация польской культуры среди горожан. Проект «Wesele – польская свадьба» – реконструкция представления свадебных традиций и обычаев поляков. Данный проект считается уникальным, т.к. в современной Польше эти традиции начинают себя изживать [4, с.61].

Образовательно-культурный туристский проект «Летняя школа польского языка и культуры на Байкале «Bliżej Ojczyzny» объединяет не только членов Автономии, но и полонийную молодежь сибирского региона (Иркутск, Томск, Красноярск, Чита, Абакан). Учителя, работающие в этой школе, – волонтеры из Польши, т.е. носители польского языка и культуры, что является особенностью данной школы. На сегодняшний день Автономией проведено 7 Школ на оз. Байкал и одна школа – в Польше в г. Суха Бескидска [4, с.59].

С появлением «Наджей» активно начинает работать научно-исследовательское направление, целью которого является изучение истории поляков в Бурятии, возвращение забытых имен и событий, популяризация семейной истории потомков поляков, а также сохранение исторической памяти (выявление и охрана памятных мест, связанных с историей поляков Бурятии, проведение мероприятий по их увековечиванию) [5]. Поэтому с самого начала работы Автономии история пребывания поляков в Бурятии начинает формироваться в архивы воспоминаний свидетелей прошедших событий, большинство материалов публикуется на страницах альманаха «Поляки в Бурятии».

Традиционно проводятся Международные и региональные научные конференции, на заседаниях которых обсуждаются актуальные и значимые вопросы истории поляков в Сибири, вопросы межкультурного и межконфессионального диалога, жизнь и деятельность известных поляков [6, с.180]

Сотрудничество с музеями выражается в проведении выставок, отражающих всё богатство истории и культуры поляков Бурятии. Примером взаимодействия может служить проект 2012 г. «Польша глазами детей Бурятии» – выставка рисунков Детской художественной школы им. Р.С. Мэрдыгеева в Национальном музее Республики Бурятия. Регулярно экспонируются рисунки польского ссыльного художника Л. Немировского. В 2013 г. В Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова в рамках проведения 10-летнего юбилея была подготовлена выставка «Польский след с истории Бурятии».

В 2014 г. издательскому проекту «Наджей» – газете «Pierwsze kroki» («Первые шаги») исполнилось 14 лет. Из небольшого информационного листка газета превратилась в серьёзное издание, на страницах которого на польском и русском языках печатаются материалы о повседневной деятельности «Наджей», а также информация о событиях в Польше [4, с. 60].

Творческое направление деятельности «Наджей» имеет собственные заметные достижения. Практически с самого начала деятельности при Автономии была организована фольклорная группа, участники которой танцевали народные польские танцы. На сегодняшний день Автономия сотрудничает с образцовым ансамблем песни и танца «Акварель» Арт-центра «Форус» и фольклорным ансамблем «Жэргэмэл» Колледжа искусств имени П.И.

Чайковского. При Автономии существует вокально-хоровой ансамбль «Над-жея» [6].

Для широкой общественности города и республики Автономией реализуются интересные культурные проекты – лучшие образцы польской культуры. Международный фестиваль польской культуры «Полонийная осень» позволяет ближе познакомиться жителей города с музыкальной культурой Польши. Кинофестиваль «Неделя современного польского кино» знакомит жителей Бурятии с новинками польского кинематографа. В 2012 г. IV фестиваль польского кино в Улан-Удэ стал авторским и прошел под названием «Мир кино Кшиштофа Занусси» с участием самого режиссёра. В рамках проекта «Польский сезон в Бурятии», начиная с 2008 г. Бурятию посещают польские творческие коллективы и исполнители. В 2009 г. в Бурятии успешно стартовал Рождественский музыкальный фестиваль, открывший концерт органной музыки в католическом храме. Следует отметить, что выступления польских артистов вызывают широкий общественный резонанс и пользуются большой популярностью у жителей республики.

Основой духовной культуры поляков являются ценности, система религиозных убеждений и представлений, традиции. В настоящее время 98% поляков, проживающих в Польше, считают себя католиками и поддерживают религиозные традиции. Большое число религиозных праздников прочно вошли в культуру польского народа, без которых невозможно представить историю и культуру поляков [6, с.184]. Параллельно с созданием «Наджеи» в г. Улан-Удэ шла работа по организации католического прихода. В начале XX в. в Верхнеудинске существовал католический храм, но в 30-е гг. его разрушили. В 1999 г. официально зарегистрирован католический приход, первыми прихожанами которого стали члены Автономии. В 2009 г. исполнилось 100 лет со дня освящения первого католического храма в г. Верхнеудинск и 10-летия создания католической общины [4]. На сегодняшний день деятельность «Наджеи» и католического прихода связана самым тесным образом: совместно празднуются польские национальные и католические праздники, отмечаются Рождество Христово и Пасха [9].

Автономия поляков «Наджея» – это форма национально-культурного самоопределения и добровольной самоорганизации поляков, созданная в целях сохранения национальной самобытности российских граждан польского происхождения, развития польского языка, польских национальных традиций и польской культуры. Активная деятельность Автономии говорит о возрождении этнической культуры поляков, о вкладе в культурное разнообразие Бурятии во имя диалога и развития, а также делает «Наджею» узнаваемой среди горожан и жителей республики в целом.

Примечания

1. Поляки в Бурятии. Том 1. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 1996. – С. 156.

2. Шостакович Б.С. Политические ссыльные поляки в Сибири / Б.С. Шостакович // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.). Вып. 1. – Иркутск, 1973. – 292 с.

3. Устав Местной общественной организации «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея».

4. Иванова М.И. Возрождение этнической культуры поляков в Республике Бурятия (на примере деятельности Национально-культурной автономии поляков «Наджея») / М.И. Иванова // Диалог культур в местных сообществах в условиях трансформации российской государственности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 11-13 сент. 2012 г.) : к 80-летию образования БГПИ-БГУ. Улан-Удэ, 2012. – С. 58-61.

5. Семенов Е.В. Музеефикация польского мемориального наследия на территории Забайкалья: к постановке проблемы / Е.В. Семенов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – С. 161-166.

6. Иванова М.И. Деятельность национально-культурных организаций в республике Бурятия: на примере МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» / М.И. Иванова // Полонийные чтения-2013 : история, современность, перспективы развития Полонийного движения : международная научная конференция, посвящённая 150-летию польского восстания 1863-1864 гг. и 20-летию МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея», 20 сен. 2013 г. / М-во ин. Дел Респ. Польша ; МОО «Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея» ; ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств». – Улан-Удэ : Изд.-полигр. компл. ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. – 231 с.

УДК 792.2(571.54)

Г.Ж. Байдаева

НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ XXI ВЕКА

NATIONAL THEATRE ART AS THE STRATEGIC RESOURCE OF CULTURE DEVELOPMENT OF BURYATIA OF THE XXIst CENTURY

Статья посвящена определению места и роли национального театрального искусства в развитии культуры Бурятии. Рассматривается проблема состояния и тенденций развития национального театрального искусства Бурятии в условиях глобализации и унификации.

The article is devoted to the place and role of the national theatre art in the development of culture of Buryatia. The issue of the condition and the tendencies of national theatre art development under the processes of globalization and unification is considered.

Ключевые слова: театр, театральное искусство, национальный театр, стратегический ресурс.

Key words: theatre, theatre art, national theatre, strategic resource

XXI век, с каждым разом расширяющим свои границы в процессе глобализации, оказался сложным испытанием как для национальной культуры Бурятии в целом, так и для театрального искусства в частности. Сегодня процесс глобализации оказывает влияние на все сферы жизни многонациональной России и становится важнейшим фактором устремленности к этнической идентичности, именно на это обращает внимание С. Хантингтон в своей статье «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»: «Люди и нации пытаются ответить на самый главный вопрос из всех, что могут стоять перед человеком: кто мы такие?». Это происходит как ответная защитная реакция общества на процесс глобализации [8].

Как для отдельного индивида, так и для многих сообществ состояние тотальной множественности смыслов, значений, ценностей, характерных для информационного XXI века, является психологически сложным для восприятия. Человек утрачивает прочные основания своей жизни и начинает испытывать трудности с определением собственной самотождественности. Это состояние дезадаптации Э. Тоффлер называет «шоком будущего», трактуя его как «страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически – системы, отвечающие за принятие решений». Другими словами, «шок будущего» – это «реакция человека на запредельное нервное раздражение» [7]. Человеку необходимо найти те факторы, которые дают ему устойчивость, стабильность и стержень в этом многообразном мире. Этими определениями обладают традиционные народные истоки, образцы деятельности, выработанные предками, то есть национальная, этническая культура. Отсюда XXI век можно представить как параллельное развитие двух противоположных тенденций: усиление культурного единства и увеличение этнического многообразия.

На все вышеперечисленные явления довольно чувствительно реагирует Бурятия, как один из регионов многонациональной Российской Федера-

ции, культура которой подвергается влиянию мировой глобализации и всем последующим процессам, а так же влиянию этнических и религиозных факторов. Поэтому проблема взаимодействия между универсальными и локальными факторами становится одной из важнейших для развития культуры Бурятии в эпоху глобализации. Важность изучения национального театрального искусства как стратегического ресурса развития культуры, вытекает из состояния и проявления этнической идентичности в гипертрофированных направлениях (этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, национализм, этнонегативизм, этноэлиминация, этнонигилизм) и как следствие глобализации на современном этапе для многих этнических групп характерной становится этническая маргинальность, что является опасным явлением для гармоничного развития общества [4].

Для начала проанализируем общее понятие театрального искусства. Это одно из видов искусств, создающих ядро художественной культуры, влияет на ее развитие, а соответственно развитие культуры в целом. Оно обладает специфическими особенностями, делающими его произведения уникальными, не имеющими аналогов в других родах и видах искусства. Театр относится к пространственно временным видам искусства, что предполагает одновременное раскрытие, как в пространстве, так и во времени. Следующая особенность театрального искусства – синтетическая природа театра. Его произведения включают в себя практически все иные искусства: литературу (драматургия), музыку, изобразительное искусство, вокал, хореография, кинематограф и т.д.

Самой важной особенностью театрального искусства является – коллективность творческого процесса. В создании спектакля участвуют не только многочисленный коллектив театра, но и сами зрители. Спектакль невозможен без актера – главного выразителя специфики сценического искусства, так же и невозможен без присутствия зрителя, ибо он является полноправным соавтором произведения театрального искусства, чье восприятие корректирует, трансформирует спектакль, по-разному расставляя акценты и порой кардинально меняя его смысл и идею. Театр – это живой диалог между актером и зрителем, сиюминутное движение мысли. Отсюда и следующая особенность театрального искусства – сиюминутность. Каждый спектакль существует только в момент его воспроизведения, в живом времени – это и есть магия театрального искусства. Идейно-тематической основой театрального искусства является драматургия, которая определяет направление развития, а в значительной мере содержание театрального искусства, его жанров и средств выразительности. Самостоятельностью театра от драматургии и литературы заключается в своем новом взгляде на первоисточник – пьесу или любое литературное произведение, которое театр ставит, в прочтении, переосмыслении и постановки ее, используя свои выразительные

средства, в свежем, животрепещущем ключе, что нужно и важно для современного зрителя [1, С. 72].

Национальный характер любое явление приобретает тогда, когда содержание органически соединяется с этническим началом, «переплавлено» с ним, в любых своих проявлениях, связано с уникальными этническими характеристиками нации. А как сказал О. Ренан: «Нация – это душа». Душа народа – это его нравы, чувства, идеи, способы мышления. Соответственно, национальный театр – это материализованная форма творческой энергии народа, национальный образ мыслей, национальные особенности чувств, национальный взгляд на вещи, национальный характер, проявляемый в формах театра, на языках театра и выразительными средствами театра.

Бурятское национальное театральное искусство есть синтез народного творчества, корни которого уходят в традиции и обычаи народа и профессионального русского театрального искусства. Народное творчество, как известно, отличается своеобразием, национальным характером, свободолобием, стремлением к справедливости и добру. В народном искусстве используются веками накопленные, проверенные уточненными многими поколениями художественные образы и приемы творчества. Преемственность и устойчивость художественных традиций успешно сочетаются в нем с индивидуальным мастерством в обращении к привычным изобразительно-выразительным средствам, знаковым сюжетным линиям и т.п. [2].

Критериями этнической идентичности являются национальная система ценностей, национальный язык, традиции, элементы этнической культуры, общность экономических, социальных интересов, носителем которых в своих спектаклях является национальное театральное искусство Бурятии. В современной Бурятии существуют четыре его представителя, в репертуарной политике которых обязательно присутствуют и должны присутствовать в будущем постановки произведений, отражающих специфику культуры, этническую идентичность народа – это Государственный Бурятский Академический театр драмы им. Х. Намсараева, Государственный Бурятский Академический театр оперы и балета им. Г.Ц. Цыдынжапова и Бурятский республиканский театр кукол «Ульгэр», Бурятский Государственный национальный театр песни и танца «Байкал».

Национальный театр – это живой разговор со своим зрителем, суть которого составляет проблема смысла бытия данного народа-этноса, о "начале" исторической судьбы народа, о его генетических истоках, об историческом будущем, о целях его существования, об исторической и культурной миссии, о его месте в мире, об отношениях с соседями, об основаниях его уникальности, об особенностях национального характера, систематизированное обобщение национального самосознания в его надвременном бытии, представленном в форме художественного произведения [10].

Состояние и тенденции развития национальных культур в контексте процессов глобализации и унификации неразрывно связаны с проблемой сохранения этнической самобытности. От того, как сохраняется и воспроизводится в разнообразных формах этническая идентичность, в немалой мере зависят и перспективы социально-культурного развития, будущее любого народа, каждый из которых является неповторимым субъектом ценностных отношений, познавательно-творческой деятельности и межкультурной коммуникации. Особого внимания заслуживает проблема отношения к культурному наследию, сохранения культурно-исторической памяти народа, что требует изучения глубинных пластов, раскрытия механизмов их трансмиссии [9].

Национальное театральное искусство не только осуществляет в зрелищно-игровых формах реконструкцию и актуализацию этнической идентичности, но в то же время является одним из способов формирования толерантности в сфере межэтнических отношений и межкультурной коммуникации. Значение и эффективность национального театра в приобщении к этнонациональным нормам, ценностям и образцам обусловлены синтетической природой театра, коллективным характером его полифункциональной деятельности, непосредственным, «сиюминутным» характером.

В самом существовании большого числа разных этносов заложена возможность развития и выживания человечества. «Деление на этнические коллективы предотвращает возможность инфантилизации человечества какой-либо одной идеей, которая может оказаться тупиком для человечества и в таком смысле является богатством человечества». Дополняя это утверждение, скажем о том, что гармоничное развитие человечества не заканчивается в определении субъектом этнической идентичности, важно существовать в формах межкультурного диалога и полилога, которые дают динамику развития новой культуры. Для того, чтобы люди могли осознать себя единым коллективом «мы», психологически должно присутствовать сравнение и противопоставление с «они» [5].

В условиях усиления противоречивости и конфликтности современного развития, утраты человеком способности сопоставлять свой образ мира с общепринятым в рамках этноса, нации, государства, класса или любой иной общности, в условиях падения значения национальной культуры и усиления значимости локальных культурных образований, единственной приемлемой формой взаимоотношения культур и народов, единственной основой современного культурного и цивилизационного равновесия становится диалог как форма взаимодействия, направленного на предотвращение локальных и глобальных социальных катаклизмов и основанного на толерантности идеологий и культур [3, С.7] .

Актуальными становятся слова великого реформатора театрального искусства К.С. Станиславского: «Театр – лучшее средство для общения народов между собой, для вскрытия и понимания их сокровенных чувств. Если б эти чувства чаще вскрывали, то народы узнали бы, что в большинстве случаев нет места для злобы и ненависти там, где искусственно разжигают для иных эгоистических целей, сколько бы раз народы пожали друг другу руку, сняли шапки, вместо того, чтоб наводить друг на друга пушки и наступать на несуществующих врагов» [6].

Таким образом, национальное театральное искусство, как фактор этнической идентификации нации, является стратегическим ресурсом развития культуры Бурятии в XXI веке, который, в свою очередь, является важнейшим для развития региона, населяющих её народов и национальной безопасности и который может быть использован для решения глобальных проблем человечества. Поэтому национальному театральному искусству требуются особый трепетный подход со стороны политики в данной сфере, более глубокое исследование его сути, несущих функций и определения четкого пути дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Зись А.Я. Виды искусства/ А.Я. Зись. - М., 1979
2. Игнатов В.С. Художественная культура России XIX – XX в.в. / В.С. Игнатов. - М.: РГОТУПС, 2003. – 567с.
3. Костина А.В. Национальная культура - Этническая культура - Массовая культура: «Баланс интересов» в современном обществе/ А.В. Костина. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 216 с.
4. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-v-epohu-globalizatsii>
5. Салатулин Д. Зачем вам оставаться татариним или татаркой? URL: http://tataroscow.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=69:--&catid=3&Itemid=31
6. Станиславский К.С. Собрание сочинений в 8 т. - т.6. – М., Искусство, 1959.
7. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. —557с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. - 532с.
9. Шаева Л.А. Реконструкция и актуализация этнокультурной идентичности средствами национального театра: автореферат дис.... канд. культур. - URL: <http://www.dissercat.com/content/rekonstruktsiya-i->

aktualizatsiya-etnokulturnoi-identichnosti-sredstvami-natsionalnogo-teatra#ixzz31P50FNfa.

10. Электронный словарь URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/nacionalnaja-ideja>

Б.Б. Жалсараева

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

В статье рассматривается межкультурная коммуникация как одна из важнейших проблем современного мира. Автор считает, что межкультурная коммуникация в условиях глобализации ведет к росту коммуникативных возможностей, укреплению прав человека, повышению уровня жизни, оздоровлению национальных экономик.

The article deals with intercultural communication as one of the major problems of the modern world. The author believes that intercultural communication in the context of globalization leads to increased communication capabilities, strengthen human rights, higher living standards, improvement of national economies.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, глобализация, культурный обмен, социокультурные конфликты, общий код, общение, Э. Холл.

Keywords: Cross-cultural communication, globalization, cultural exchange, social and cultural conflicts, common code, communication, E. Hall.

Общение – это основа существования человека, его поведения, познания мира и самих себя как части этого мира. Попытка осмыслить коммуникацию между людьми, понять, что ей мешает и что способствует, важна и оправдана. Данная проблема, особенно важна сейчас, когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур. Именно этим вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной коммуникации [7].

Сегодня проблемы межкультурной коммуникации находятся в сфере компетенции представителей различных наук. Стремление осмыслить и изучить настоящий феномен породило значительное число понятий

межкультурной коммуникации, которые введены в научный и практический оборот.

Наиболее распространенным, на наш взгляд, является определение межкультурной коммуникации – как адекватного взаимопонимания двух участников коммуникативного акта, принадлежащим к разным национальным культурам [3; с. 26].

Основоположником теории межкультурной коммуникации может быть назван Э.Холл, который одним из первых убедительно доказал связь между культурой и коммуникацией, заявив: «коммуникация – это культура, культура – это коммуникация» [8], а также провел аналогию с изучением иностранных языков при помощи грамматических категорий. Именно в ходе принятия и обсуждения научным сообществом идей Э.Холла появились понятия «межкультурный», «интеркультурный», «кросскультурный» и «мультикультурный», которые, не получив однозначного строгого разграничения, сосуществуют в научных исследованиях [4; с. 59]. Поэтому сегодня говорят о межкультурной коммуникации как о науке, определяющей процессы взаимодействия разных культур и этносов в условиях поликультурного мира.

Необходимость философского осмысления феномена межкультурной коммуникации была отмечена в работах С.Айвазовой, М.Бахтина, В.Библера, Ф.Боаса, Е.Верещагина, Г.Волкова, Н.Данилевского, Г.Дмитриева, Н.Иконниковой, Г.Зиммеля, Э.Кассирера, К.Клакхона, И.Кона, В.Костомарова, А.Кребера, Б.Малиновского, С.Тер-Минасовой, Б.Уорфа, Ю.Хабермаса; в концепциях мультикультурализма Дж.Беннета, Дж.Горера, Дж. Р.Портера; в моделях межкультурной коммуникации, разработанных такими учеными, как П.Адлер, Дж.Беннет, К.Оберг, Э.Холл [5].

Актуальность вопросов межкультурных коммуникаций подтверждается еще и тем, что в условиях глобализации в процесс межкультурного общения вовлечены практически все страны, стремящиеся занять свое особенное, достойное место в мировом сообществе. Особую значимость и остроту вопросам межкультурной коммуникации придают политические, социальные, экономические потрясения мирового масштаба, которые привели к активной миграции народов, их переселению, столкновению и смешению.

Несмотря на уже достаточно значительный опыт и историю развития межкультурной коммуникации, не всегда диалог в той или иной сфере может быть назван конструктивным и взаимовыгодным. Порой у участников процесса общения наблюдаются значительные расхождения по тем или иным позициям, которые являются не следствием профессиональных различий, а возникают в силу причин, связанных с

особенностями культур, традиций, спецификой видения мира и способов восприятия и интерпретации событий. Подобные сложности вытекают и из особенностей образа жизни, религиозного многообразия, культурных ценностей.

По мнению Э. Холла, главная цель изучения проблем межкультурной коммуникации – изучение практических нужд представителей различных культур для их успешного общения друг с другом. Многочисленные социокультурные конфликты потребовали своего разрешения в виде теоретических исследований и практических рекомендаций [7].

Таким образом, межкультурная коммуникация может стать как важным условием, способствующим развитию взаимовыгодного сотрудничества, так и неразрешимой проблемой в осуществлении тех или иных проектов, важнейших экономических и политических начинаний и стремлений. Подобные проблемы, бесспорно, имеют глобальный характер.

Межкультурные коммуникации напрямую связаны с процессами, происходящими и в области культурного обмена. Диалог в данной сфере служит неперенным условием развития коммуникаций, а также ярким примером его осуществления. Опыт показывает, что в реализации политической стратегии многих стран особая роль принадлежит культуре. Место и авторитет государств на мировой арене определяется не только их политическим, экономическим весом, военной мощью, но и тем культурным, духовным, интеллектуальным потенциалом, который характеризует страну в мировом сообществе.

Именно культура обладает теми уникальными возможностями, связанными с формированием позитивного образа народов, государств, который в конечном итоге помогает и в решении политических проблем.

Культура XXI века все более приобретает интернациональный характер и основывается на динамичных процессах культурного общения. Поэтому межкультурная коммуникация служит залогом обогащения национальных культур разных регионов и стран мира. Процессы международного культурного обмена являются основой развития цивилизации, неперенным условием движения по пути к прогрессу.

В мире одновременно сосуществуют разные народы и культуры, которые или взаимодействуют друг с другом, или никогда не пересекаются между собой. В соответствии со своими культурами миллионы людей ориентируются на самые разные системы ценностей, руководствуются в своей жизни зачастую взаимоисключающими принципами, представлениями, стереотипами, образами. Именно по этой причине важное место в системе современных межкультурных коммуникаций занимают вопросы формирования образов, имиджей и стереотипов. Подобные

представления возникают в процессе межкультурного общения, в процессе знакомства представителей одних этносов, государств и культур с другими. Подобные представления – неотъемлемая часть культурного обмена, международных отношений. Позитивные представления, возникающие у различных народов друг о друге в процессе межкультурной коммуникации, способны сглаживать, нивелировать различные конфликтные ситуации. Напротив, негативные представления участников процесса коммуникации друг о друге создают почву для непонимания, противоречий и напряженности. Так, межкультурная коммуникация позволяет раскрыть механизм процесса глобализации социокультурного пространства. Принимая во внимание данное положение, можно утверждать, что при анализе процесса глобализации необходимо учитывать два аспекта [2].

Во-первых, глобализацию следует рассматривать как объективную реальность современного общественного развития, о чем говорит и процесс становления глобализма, как формы общественного явления. Рассматривая глобализацию с данной точки зрения можно утверждать, что глобализационные процессы ведут к росту коммуникативных возможностей, снижению цен, укреплению прав человека, повышению уровня жизни, оздоровлению национальных экономик (предоставляют государствам широкий выход на международные рынки) и росту личных доходов. Кроме этого, глобализационные процессы делают более условными государственные границы, способствуют росту национального самосознания. Как видим, такой подход позволяет увидеть позитивные моменты глобализации.

Во-вторых, глобализацию можно рассматривать и как процесс, при котором наблюдается; ухудшение экологической ситуации, усугубление нищеты, сокращение рабочих мест, еще большее отставание бедных стран от развитых государств. Основная опасность глобализации кроется в унификации культур. Процесс глобализации культуры сводится к потреблению одного и того же культурного продукта в мировом масштабе. Причиной этого является стихийное, неконтролируемое заимствование культурных ценностей [2].

Распространение одинаковых, культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение заставили ученых обратить внимание на роль межкультурной коммуникации в процессе глобализации современного мира.

С одной стороны, глобализационные процессы в культуре позволяют народам больше общаться между собой и узнавать друг о друге, что способствует сближению народов. С другой стороны, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности. Возможно даже к уничтожению самобытности, утрате

культурной автономии, культурному объединению в целом. Здесь значительную роль играют **СМИ**. Современные средства массовой информации сделали возможным обмен культурными образцами в огромных масштабах. Они создают основу для формирования таких культурных образований как континентальные, национальные, региональные, социально-демографические, транслокальные. С их помощью СМИ зачастую создают искаженные образы, как представителей различных культур, так и самих культур. Это объясняется следующим. Пространство глобальной культуры требует общих кодов взаимодействия, т.е. языка, правил поведения, норм, ценностей, всего того, что и образует единое коммуникационное пространство. Создание общих кодов ведет к упрощению и генерализации реальности, что дает неправильное представление о действительности. Ведь цель глобализации культуры не в «**унификации**» и «**стандартизации**», а в сохранении, развитии, и взаимообогащении культур каждого народа, за счет правильно проводимой культурной политики в направлении только делаются первые шаги. Важным является развитие личности в контексте мировой культуры, формирование умений представлять родную культуру и страну в условиях межкультурной коммуникации, развитие коммуникативной культуры личности, взаимное обогащение культурными ценностями как фактора укрепления взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации [1; с. 47].

Основываясь на этом, можно утверждать, что в процессе межкультурной коммуникации взаимодействующие стороны должны исходить из осознания приобщенности всех ко всем, зависимости одной культуры от другой, понимания ценностей другой культуры. Это обеспечивает взаимопонимание, основанное на взаимоуважении, и не ограничивается только лишь толерантностью или терпимостью. Осознание и принятие этих аспектов являются основой успешного и позитивного межкультурного взаимодействия. Не забывая о масштабной роли СМИ важно использовать их для выработки общемировых ценностей и поиска оптимального соотношения локальных и глобальной культур. Это будет способствовать росту мультикультурного сознания.

Стоит отметить, что межкультурная коммуникация распределяется как во внешнеполитическом пространстве (и тогда «игроками» этого поля выступают национальные государства) так и в пространстве внутриполитическом (в этом случае речь идет о больших и малых социальных группах, а также социальных институтах и отдельных организациях) [6; с. 11].

В связи с этим, особо актуальным является формирование навыков межкультурной коммуникации. Они позволяют индивиду найти в иной

культуре несколько то, что отличает представителей различных культур друг от друга, а, сколько то, что их сближает и объединяет. Это возможно только в том случае, если коммуниканты научатся интерпретировать все происходящее в процессе межкультурной коммуникации с позиции иной культуры, соотносить существующие стереотипы с личным опытом и делать адекватные выводы, то есть осмысливать чужую реальность путем пересмотра своих взглядов и представлений об иной культуре. Жизненно необходимым является способность находить выход из конфликтных ситуаций в процессе межкультурной коммуникации. Возникновение таких ситуаций непосредственно связано со стереотипами, которые в значительной степени определяют характер межкультурного взаимодействия.

Таким образом, навыки межкультурной коммуникации дают человеку возможность правильно ориентироваться в едином, культурном пространстве, которое характеризуется взаимодействием локальных культур с глобальной. Глобализация и глобальные проблемы способствуют диалогу культур. В целом проблемы открытости к диалогу и взаимопониманию в современном мире приобретают глубокий характер. Однако для взаимопонимания и ведения межкультурной коммуникации не достаточно одной доброй воли, но необходима кросс-культурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает в себя: осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного сообщества глазами других народов. Но чтобы понимать язык чужой культуры, человек должен быть открыт к культуре отечественной. От родного - к вселенскому, только так можно постигнуть лучшее в других культурах. И только в таком случае диалог будет плодотворен.

Примечание:

1. Актуальные вопросы глобализации: круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - №4. - С.37-52

2. Арджун Аппадурай. Глобальные ландшафты // Евразийский вестник. -2000. / <http://www.e-iournal.ru> / Дата обращения: 18.08.14

3. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Язык и культура. / Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. / - М., 1990, С. 26

4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005 г. – с. 59

5. Костюк О.В. Межкультурная коммуникация в процессе глобализации современного мира: автореферат дис. канд. филос. наук: 090013 / - М., -2004. - 23 с.
6. Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ сентябрь 2012 г.): Научное издание / Под ред. А.В. Шестопада, М.В. Силантьевой; – ЗАО Издательство «Аспект Пресс» - 2013.- 288 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова – Изд-во «Слово», - М., - 2000.
8. Э. Холла «The Silent Language» («Немой язык») - 1959.

РАЗДЕЛ V .

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 008:911.5

В.В. Дементьева

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»

THE APPROACHES TO THE NOTION «CULTURAL LANDSCAPE»

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к осмыслению культурного ландшафта, дается определение понятия «культурный ландшафт»; раскрываются особенности природоцентричного и культуроцентричного направлений в изучении культурного ландшафта.

Annotation. The article considers various approaches to understanding the cultural landscape. The volume of the notion "cultural landscape" is given. The author describes the specific features of nature-centered and culture-centered directions in the study of cultural landscape.

Ключевые слова: культурный ландшафт, географический подход, информационно-аксиологический подход, этнокультурный подход, феноменологический подход.

Ключевые слова: cultural landscape, geographical approach, information axiological approach, ethno-cultural approach, phenomenological approach.

В современных научных исследованиях проблеме изучения культурного ландшафта уделяется большое внимание. Актуализация данного феномена в междисциплинарных подходах связана с переосмыслением соотношений рукотворного и природного пространств, их взаимодействия.

Обращаясь к интерпретации понятия «культурный ландшафт», необходимо отметить, что данная дефиниция стала разрабатываться в рамках отечественных географических исследований в начале XX века. В работах советского периода (Л. С. Берг, Ю. Г. Саушкин, Ф. Н. Мильков, И. М. Забелин и др.) [12] дается определение культурного ландшафта, рассматривается его классификация, высказывается идея о формировании особой отрасли географии, изучающей культурные ландшафты. По мнению Ю. Г. Саушкина,

культурный ландшафт – это «всякий природный ландшафт, в котором взаимные связи элементов природной среды изменены человеческой деятельностью. Изменения эти могут быть сравнительно невелики или, наоборот, очень сильны, но стоит только нарушить количественные соотношения и взаимные связи элементов географического ландшафта, как меняется структура ландшафта, а с ней и он сам» [10, с. 97].

Современные исследователи – представители географического подхода – продолжают рассматривать культурный ландшафт как трансформацию природного ландшафта в результате хозяйственной деятельности человека. Культурный ландшафт здесь совершенно не отличается от антропогенного. В межгосударственном стандарте (ГОСТ 17.8.1.01-86) «Охрана природы. Ландшафты. Термины и определения» антропогенный ландшафт рассматривается как «ландшафт, состоящий из взаимодействующих природных и антропогенных компонентов, формирующийся под влиянием деятельности человека и природных процессов [7]. Базовым в данном подходе является представление о природном ландшафте, а человеческая деятельность трактуется «... нерасчлененно и неполно, лишь как внешний источник телесных, физико-химико-биологических воздействий на природный ландшафт» [3, с. 66]. Эта деятельность может быть как спонтанной, так и целенаправленной (утрата или восстановление лесов, осушение болот, истребление животных и растений и т.д.).

Наряду с природоцентричным (географическим) направлением развивается и культурологическое или культуроцентричное, которое рассматривает, прежде всего, духовную составляющую культурного ландшафта. По мнению А. А. Шишкиной, в данном случае культурный ландшафт будет пониматься как «среда формирования и развития определенной культуры, необходимое условие для сохранения, передачи и функционирования практического знания и духовного опыта одним поколением другому» [12, с. 153].

В рамках культурологического направления сформировалось несколько подходов: феноменологический, семиотический, информационно-аксиологический, этнокультурный. На позициях феноменологического подхода стоят В. Л. Каганский, А. В. Никитина, В. А. Подорога и другие. Феноменология позволяет раскрыть сущностное, онтологическое основание культурного ландшафта. Реальный и идеальный мир «пуст» и только тогда обретает значимость, когда человек выражает свое отношение к тем или иным предметам, явлениям окружающей действительности, наделяя любой факт, смыслом, сущностью. Ландшафт становится феноменом культуры по мере появления в нем признаков освоенности, структурированности. По мнению В. Л. Каганского, «...каждое место имеет смысл и он связан с природной основой ландшафта и его пространственным положением» [5, с. 67]. Продолжая мысль, автор предлагает следующее понимание культурного ландшафт-

та: «...земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [3, с. 63].

При исследовании культурного ландшафта как феномена человеческого бытия А. В. Никитина вводит понятие «культурная среда». Среда выступает пространством для восприятия, основанием для культурного ландшафта, главными составными элементами которого выступают дороги, архитектурные сооружения и другие. Таким образом, пишет А. В. Никитина, культурный ландшафт с точки зрения феноменологии является результатом восприятия человеком среды и диалога с ней.

Не менее интересно представление о культурном ландшафте как о знаковой системе. Достаточно подробно освещает этот аспект О. А. Лавренова, утверждая, что в качестве знака (информационного сигнала) могут выступать не только предметы, явления и действия, но и образы, которые играют роль представителей другого предмета, свойства или отношения. Образы географического пространства рассматриваются как результат осмысления пространства культурой. Неотъемлемой составляющей культурного ландшафта является образ места, который выстраивается с помощью визуальных, эстетических характеристик места, его символики. О. А. Лавренова рассматривает культурный ландшафт как «систему матриц и кодов культуры, выражающихся в знаках и символах, непосредственно связанных с территорией и / или имеющих на территории свое материальное выражение, которая может быть интерпретирована как текст в его широком культурологическом значении» [5, с. 63].

В работах Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой описывается информационно-аксиологический подход в изучении культурного ландшафта. Исследователи подчеркивают, что формирование и развитие культурного ландшафта определяется духовными и интеллектуальными ценностями, которые сохраняются и передаются от одного поколения другому в виде информации. При этом акцентируется внимание на интеллектуальной и духовной составляющей ландшафта. Широкое распространение и признание получила дефиниция культурного ландшафта, предложенная Ю. А. Ведениным: «культурный ландшафт – это целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [1, с. 39]. Исходя из данного понимания, в структуре культурного ландшафта выделяют два «слоя» – природный и культурный. Культурные и природные компоненты не только воздействуют друг на друга, выступают фоном, но и составляют единое целое.

Одним из основных категорий выше обозначенного подхода выступает понятие культурное наследие, зафиксированное в различных правовых документах. Так, в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» под культурным наследием понимаются «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [4].

В 1992 году в документах ЮНЕСКО был обозначен статус культурного ландшафта как объекта культурного наследия. Согласно «Руководству по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия», культурные ландшафты это «... совместные творения человека и природы», Они иллюстрируют эволюцию в веках человеческого сообщества и поселений, происходившую под влиянием неблагоприятных и/или благоприятных физических факторов естественной среды обитания человека, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов, как внешних, так и внутренних» [9].

Таким образом, культурное наследие является важной, неотъемлемой частью культурного ландшафта. Достаточно подробно данная проблема описана в работах М.Е. Кулешовой. Автор раскрывает понятие культурного ландшафта, уделяет внимание его систематизации и типологизации, а также затрагивает вопросы стратегии управления ландшафтом.

Новое, этнокультурное, направление в изучении культурного ландшафта получило научное осмысление в трудах В. Н. Калуцкого, А. В. Лысенко и др. Имея сходную природную основу, разные этнические группы применяют различные технологии воздействия на окружающую среду, способы производственной деятельности и жизнеобеспечения, что, несомненно, приводит к формированию специфических черт культурных ландшафтов. В. Н. Калуцкий под культурным ландшафтом понимает «некую местность, которая в течение длительного исторического периода была местом обитания определенной группы людей, являющихся носителями специфических культурных ценностей, наложивших отпечаток на ландшафты» [12, с. 154]. К основным компонентам культурного ландшафта В. Н. Калуцкий относит следующие: природный ландшафт или природная среда; сообщество

людей, взятое в различных аспектах, в том числе, в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и других; хозяйственная деятельность, т.е. конкретные хозяйственно-культурные типы; селенческо-расселенческая система как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества в природном ландшафте; языковая система; духовная культура (сфера верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства) [2]. Следовательно, культурный ландшафт в рамках данного направления рассматривается как природно-культурный комплекс, освоенный и/или созданный этносом.

Не менее интересными и плодотворными являются методологические разработки А. В. Лысенко в области изучения культурного ландшафта с позиций экологического и ноосферного подходов. Автор подчеркивает, что на современном этапе научное мировоззрение опирается на экологическое знание, которое соединяет в себе знание о биосфере, с одной стороны, и знание о социальных процессах, с другой, это, в свою очередь, меняет представление о взаимодействии природы и культуры. Именно сотворчество человека и природы определило формирование разнообразных культурных миров (культурных ландшафтов) – разномасштабных, уникальных и динамичных [6]. Высказывается мысль о выделении в структуре отечественного культурного ландшафтоведения особого раздела – экологии культурного ландшафта.

Культурный ландшафт как частное проявление культурного пространства, их взаимообусловленность описывается в работах А. А. Шишкиной. Она пишет, что культурный ландшафт «есть микрокосм по отношению к пространству-макрোকосму; будучи лишь его частью, он является носителем всех его свойств, в том числе и структуры, состоит из тех же составных частей, что и культурное пространство: художественное, политическое, экономическое, нравственное, научное, религиозное, правовое и др...» [13, с. 222]. Культурный ландшафт позволяет рассматривать культурное пространство локально, на примере определенной, ограниченной территории, т.е. можно говорить о культурном ландшафте области, района, города. А. А. Шишкина раскрывает основные свойства, присущие как пространству, так и ландшафту: целенаправленность, деятельность, осмысленность, неоднородность, связность, целостность, многомерность и системность.

Таким образом, в рамках различных научных подходов (географического, этнокультурного, информационно-аксиологического, феноменологического и др.) дается понимание культурного ландшафта, его структура, типологические особенности. Если с точки зрения природоцентричного направления в исследовании культурного ландшафта больше внимание уделяется его физическим характеристикам, практическим способам взаимодействия человека и природы, то для культуроцентричного характерна духовная

составляющая культурного ландшафта, наполненность смыслами, значениями, ценностями.

Примечания

1. Брагина Л.А. Культурный ландшафт как объект провинциальной культуры [Электронный ресурс] / Л.А. Брагина // Культурное наследие Сибири – 2013. – № 14. – С. 37-42. – Режим доступа: http://elibrary.ru/full_text.asp (дата обращения: 28.04. 2014).

2. Иванова, А.А. Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора [Электронный ресурс] / А.А. Иванова, В.Н. Калущков. – Режим доступа: <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-2/2.pdf> (дата обращения: 28.04. 2014).

3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В.Л. Каганский // Обсерватория культуры – 2009. – №1. – С. 61-69.

4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntrust.ru/public.cms> (дата обращения: 28.04. 2014).

5. Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта: от географических образов к знакам / О.А. Лавренова // Философия и культура – 2010. – № 12 (36). – С. 63-71.

6. Лысенко А. В. Экологический подход в изучении культурных ландшафтов Северного Кавказа [Электронный ресурс] / А.В. Лысенко. – Режим доступа: http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2009/02/rus_10.pdf (дата обращения: 28.04. 2014).

7. Межгосударственный стандарт. ГОСТ 17.8.1.01-86 «Охрана природы. Ландшафты. Термины и определения». – Режим доступа: http://www.standartov.ru/norma_doc/4/4735/index.htm (дата обращения: 29.04. 2014).

8. Никитина А.В. Феномен культурного ландшафта [Электронный ресурс] / А.В. Никитина // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1 (69). – С. 144-150. – Режим доступа: http://elibrary.ru/full_text.asp (дата обращения: 28.04. 2014).

9. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kizhi.karelia.ru/media/info/files/unesco/operational_guidelines_ru.pdf (дата обращения: 28.04. 2014).

10. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт / Ю.Г. Саушкин // Вопросы географии – 1946. – № 1. – С. 97-106.

11. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках [Электронный

ресурс] / М. Е. Кулешова. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. [Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России; Вып. 6.]. – Режим доступа: http://www.rf-u.ru/ekologiya_i_oхrana_prirody/upravlenie_kulturnymi_landshaftami_i.php (дата обращения: 28.04. 2014).

12. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции [Электронный ресурс] / А.А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки – 2011. – № 1(21). – С.151-157. – Режим доступа: http://elibrary.ru/full_text.asp (дата обращения: 28.04. 2014).

13. Шишкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры [Электронный ресурс] / А. А. Шишкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7-2. – С. 219-223. –Режим доступа: http://elibrary.ru/full_text.asp (дата обращения: 28.04. 2014).

УДК 261.006.7:006.968(P571).001.8

Е.А. Полякова

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

VALUE POTENTIAL AS A FACTOR IN UPDATING CHURCH MUSEUMS IN WESTERN SIBERIA

Музей выполняет по отношению к обществу функцию документирования историко-культурного наследия. Результатом этого становятся собрание аутентичных материалов, обладающих высоким ценностный потенциалом, который обуславливает реализацию коммуникативной функции музея. В статье автором рассматриваются характерные для церковных музеев Западной Сибири направления научно-исследовательской и состав их фондовых собраний.

In relation to society museums perform a function of documenting historical and cultural heritage. The result is a collection of authentic materials with a high value-potential which causes the implementation of the museum communicative function. The author considers research activities characteristic of church museums in Western Siberia and their stocks.

Ключевые слова: актуализаций, церковные музеи, документирование, научно-исследовательская деятельность, ценностный потенциал

Keywords: updatings, church museums, documenting, research work, value potential

Возникновение музея как культурной формы и институции обусловлено потребностью социума в актуализации определённого опыта, необходимого конкретной культуре [17]. Музей является подсистемой культуры, которая осуществляет её аккумуляцию и трансляцию в соответствии с характерным для конкретного этапа отношением общества к событиям прошлого и настоящего. Актуализация любой музейной формы зависит от аксиологического фактора, выражающегося в ценностном отношении общества к документированию материального и нематериального наследия конкретной культуры. Ценностный потенциал собраний как фактор актуализация музея может быть проиллюстрирован на примере церковных музеев, появившиеся в социокультурном пространстве западносибирского региона во второй половине первого десятилетия XXI века на волне возрождения интереса общества к православной истории и культуре и необходимости включения историко-культурного наследия православия в учебный процесс профессиональных духовных заведений.

На современном этапе на территории Западной Сибири сложилась нецентрализованная сеть церковных музеев в которую входят Древлехранилище Тобольско-Тюменской епархии (Тобольск), Музей истории Алтайской Духовной миссии (Бийск), Музей истории Новосибирского епархиального управления (Новосибирск), Музей истории Православия на Алтае (Барнаул) и его филиал в с. Кислуха, Музей истории Православия на земле Кузнецкой (Кемерово), Церковно-исторический кабинет Томской Духовной семинарии и несколько музеев открытых на общественных началах при отдельных храмах в Барнауле, Заринске, Ленинск-Кузнецке и пр. Мотивами создания церковных музеев стали: необходимость изучения и презентации истории православия в регионе; накопление в храмах епархии большого количества иконографического материала, неиспользуемого в богослужебных целях, образовательные нужды духовных учебных заведений, необходимость возрождения духовной жизни в регионе. Все это нашло отражение в целях вновь открытых музеев: популяризация православной истории и культуры (музеи Барнаула, Бийска, Кемерово, Томска) [3], [2], [4], [5], миссионерское служение (музеи Тобольска, Бийска) [1], [2], сохранение и изучение наследия (музеи Бийска, Тобольска) [2], [1], усовершенствование процесса обучения студентов семинарии, иконописной школы, выполнение им функции образовательно-воспитательного центра для учащихся (барнаульский, томский и тобольский музеи) [3], [5], [1], представительская деятельность (новосибирский музей) [6], просвещение широких слоёв населения (барнаульский, бийский, томский, кемеровский, тобольский музеи) [3], [2], [4], [1].

Реализация поставленных целей могла быть достигнута при условии осуществления документирующей деятельности, являющейся базисом всей дальнейшей музейной работ, итогом которой стал качественный и количественный состав музейных собраний. На современном этапе представить ценностную характеристику, точные данные о составе фондов церковных музеев Западной Сибири достаточно трудно, так как не все музеи обладают полным пакетом учетных документов, а многие находятся в стадии формирования. Наибольшая степень информативности свойственна алтайским музеям. В церковном музее Барнаула выделены коллекции книг икон, тканей, изделий из металла, фотоматериалов и документов, кроме того в стадии формирования находятся коллекции крестов, меднолитой иконы, сибирской иконы, церковного облачения, рушников. На 2012 г. общий фонд составлял 3 000 ед.хр. Раритетами музея являются складень с клеймом св. Пантелеймона (XIX в.), Четвероевангелие (1650), плащаница в виде саркофага, выполненная в традициях XVIII в. (XIX.), коллекция меднолитых икон и нательных крестов [14]. В музее истории Алтайской духовной миссии на 2011 г. было представлено 117 тематических («Бийский Архиерейский дом», «Троицкий собор Бийска» и пр.) и мемориальных (священно- и церковнослужителей, монашествующих; знаменитых горожан). Среди уникальных собраний музея следует назвать коллекции православных икон XVIII-XX вв. (462 ед. хр.); медного православного литья XVIII-XX вв.(76 ед. хр.), старопечатных православных книг XVII – начала XX вв. (246 ед. хр.), православных календарей XX-XXI вв. (696 ед. хр.), нательных крестов XIX-XXI вв.(458 ед. хр.), старопечатных книг (500 ед. хр.). В целом, на 1 апреля 2011 г. в фондах музея насчитывалось 7.826 ед. хр., из которых в ОФ зарегистрировано 5.403 ед. хр.[9].

Фонд новосибирского музея на 2008 г. насчитывал 183 ед. хр. Учетная документация представлена только книгой поступлений. В связи с мемориальным характером собрания, большая часть экспонатов является уникальной (личные вещи св. пр. И. Кронштадтского, четки преподобного Амвросия Оптинского, четки и посох святейшего патриарха Тихона, нательный крест святейшего патриарха Алексия I, поручи первого алтайского миссионера архимандрита Макария (Невского), дорожная псалтирь святителя Тихона Задонского и пр.) [12].

Фонд томского церковно-археологического кабинета на конец 2009 г. насчитывал, по словам заведующего около 150 ед. хр.[5]. Музейная учетная документация (КП ОФ, научный инвентарь и пр.) в музее еще не была заведена, в связи с недолгим периодом его существования. Весь массив собранного материала был представлен в экспозиции, что позволило автору условно выделить коллекции икон, литья, церковной утвари, церковных тканей, печатных и рукописных изданий, мемориальную Патриарха Алексия II.

Раритетами данного музея являются иконы Николая Угодника (XVI), Спас Мокрая борода (нач. XVII в.), Псалтирь с автографом сестры Петра I царевны Софьи, Острожская библия Ивана Фёдорова (1580), коллекция памятных медалей Патриарха Алексия II [5].

В кемеровском церковном музее, первоначально насчитывавшим 20 ед.хр. (богослужебные книги), в течение первого года фондовое собрание было увеличено до 300 ед.хр. На современном этапе основной фонд включает в себя следующие коллекции: "Личные вещи первого архиепископа Кемеровской Епархии Софрония (Будько)", "Богослужебные книги", «Портреты Русских патриархов». Учетная документация, на момент исследования находилась в стадии формирования ввиду начального этапа существования (данные на май 2012 г.). Среди поступлений начального периода к ценным приобретениям можно отнести два Напрестольных Евангелия (1848; 1860), духовные наставления митрополита Филарета Коломенского и Московского (1860-е гг.), а из вещественных источников следует отметить плащаницу XIX в., которую русский военный служащий вынес из полуразрушенного храма Архистратига Михаила (г. Грозный) [4].

Представить полную характеристику фонда Древлехранилища в Тобольске, по словам руководителя на 80% содержащего иконографические изображения, не представляется возможным по причине его объёмности - большинство материалов ещё не занесены ни в КП ОФ, ни в научные инвентари. На момент проведения исследования (август 2010) сотрудники дифференцировали собрание на основной (ОФ) и научно-вспомогательный (НВФ) фонды. К ОФ ими были отнесены иконописные изображения, литые, оклады и шитьё, шипковая икона. Ими также была произведена классификация и систематизация иконографических изображений. Так, из музейного собрания были выделены коллекции икон Божьей Матери («В скорби и печали утешение», «Абалакская», «Всех скорбящих радость» и мн. др.), Господа Вседержителя («Бог Саваоф», «Десис», «Спас нерукотворный» и мн. др.), Николая Чудотворца (житийные, подокладницы, скульптура и др.), праздников (ангелы, апостолы, архангелы, воины, мученики и мн. др.). Жемчужиной тобольского древлехранилища являются иконы сибирского письма (XVII-XVIII), новгородская икона XV века и московская XVI века [1].

Выявление ценностного потенциала фондового собрания осуществляется в рамках научно-исследовательской деятельности, которая, как обязательная составляющая, характерна лишь для некоторых церковных музеев Западной Сибири. Одним из примеров ведения разносторонней и масштабной научно-исследовательской деятельности является Древлехранилище Тобольско-Тюменской епархии. Попадающие в музей иконы атрибутируются, описываются (размер, датировка, техника, композиция и пр.) и оформляются в коллекции [7]. Систематизированные собрания позволяют выявлять искус-

ствоведческие линии, изучать иконописцев, школы, мастерские, артели, которых работали эти люди; выделять какие-то иконы из общего ряда поточных икон. На сегодняшний день в музее представлен зрительный ряд по нескольким мастерским, в том числе тобольским, тюменским, алтайским. Еще одним направлением научно-исследовательской работы является составление каталогов приходских икон (с фотографиями) с целью учёта, документирования месторасположения и наблюдения за сохранностью [8]. В ближайших планах музея начать составлять иллюстрированные каталоги собственного собрания, но для этого необходимо закончить реставрационные работы и привести иконы в надлежащее состояние. В древлехрамиле осуществляются большие работы консервации и реставрации фондов. Несколько сотрудников музея проходят обучение в Свято-Тихоновском православном университете (реставрация тканей, икон), в Эрмитаже (реставрация металла). По вопросам реставрации осуществляется сотрудничество с музеями Екатеринбурга, Иркутска, Томска, Ханты-Мансийска, а по вопросам атрибуции – с Государственной Третьяковской галереей [1].

В несколько ином аспекте, но не менее масштабно ведётся научно-исследовательская работа в бийском музее Истории Алтайской духовной миссии. Она осуществляется по следующим направлениям: изучение памятных мест и объектов наследия, связанных с историей православия; краеведческие исследования и работа над православной летописью Бийска; введение в научный оборот сведений историко-краеведческого характера посредством издания статей, очерков, справочных материалов, участие в городских археологических раскопках [2].

Так, одним из главных проектов 2008 г. стали раскопки на месте взорванного в 1934 году Троицкого кафедрального собора. Целью раскопок было обнаружение фундамента храма и установка поклонного креста. В ходе работ были выявлены склепы почетных потомственных граждан, бийских купцов и благотворителей Алексея Федоровича и Елены Григорьевны Морозовых. Впоследствии, к 300-летию Бийска там была организована мемориальная историческая зона. Проектом 2009 года было благоустройство могил известных граждан города, чиновников, дворян, священнослужителей на старом Вознесенском кладбище. При непосредственном участии музея был не только выделен, но и всесторонне изучен мемориальный комплекс некрополя: составлен каталог с фотографиями всех уникальных надгробий, написаны научные статьи и разработан экскурсионный маршрут. Раскопки велись и в самом помещении музея (производилась расчистка архиерейских погребов, засыпанных в советские годы) [2].

Помимо археологических исследований в музее осуществляется работа по составлению православной летописи Бийска, первый вариант которой был издан в 2006 г. (П. Коваленко, М. Торопчин), а на современном эта-

пе ведётся дополнение первого издания. С этой целью были организованы научные поездки в Государственный архив Томской области и Научную библиотеку Томского государственного университета. Изученные материалы Томских епархиальных ведомостей (за несколько десятилетий) и клировых ведомостей бийских храмов; фондов Алтайской духовной миссии и Архиепископского дома; отчёты миссионеров значительно обогатили научно-информационную базу музея. Из Томска было привезено более 400 отсканированных документов [2].

В рамках научно-исследовательской деятельности ведётся и поиск людей (через Интернет) имеющих отношение к истории православия на Алтае. За последние годы удалось выявить потомков многих бийских священнослужителей и в ходе переписки с ними восполнить «белые пятна истории» города и православия в регионе. Материалы семейных архивов предоставили возможность сотрудникам музея сделать ряд небольших открытий. Так, например, была налажена связь с родственниками (проживающими в Санкт-Петербурге) священника и настоятеля Успенского собора Бийска протоиерея Владимира Дагаева, духовно окормлявшего бийчан в течение 50 лет (XIX-XX в.). Праправнучка священника передала большое количество фотоматериалов (портреты священства; снимки депутации г. Бийска в Томск для встречи с цесаревичем Николаем и пр.) которых нет ни в одном музее города [2].

В рамках написания православной летописи Бийска создаются электронные фотоальбомы (православной и краеведческой тематики), ведётся сбор информации по истории улиц и переулков с православными названиями, об учебных заведениях, города относившихся как к ведомству Святейшего Синода, так и к ведомству Министерства народного просвещения, поскольку образовательная система дореволюционной России была тесно связана с православием [11]. В ближайших планах музея разработка путеводителя по музею Алтайской духовной миссии, формирование энциклопедического справочника «Бийск православный» и составление каталога иконописи. Все обозначенные аспекты научно-исследовательской работы отражаются в публикациях научного и научно-популярного характера. С 2008 по 2011 гг. музеем было выпущено около 30 наименований буклетов по истории бийских храмов, более 20 очерков и энциклопедических статей. Только в 2011 году в средствах массовой информации о работе музея вышло порядка 30 публикаций [10].

В кемеровском музее научно-исследовательская деятельность также ведётся в области православного краеведения: осуществляется сбор материала для подтверждения или опровержения гипотезы о том, что некоторые города Кемеровской области носят имена святых (Прокопьевск – св. Прокопия Устюжского; Гурьевск – св. Гурия и др.); собирается информация о хра-

мах епархии и осуществляется исследовательская деятельность по теме «Святые и новомученники земли Кузнецкой» [4].

Итак, ценностный потенциал церковных музеев выступил фактором их актуализации в пространстве Западной Сибири. Формирование аутентичных собраний осуществляется целью сохранения в регионе историко-культурного наследия православия, его изучения и популяризации. В результате документирующей деятельности, осуществляемой в соответствии с принятыми в музейной практике формами и способами, в церковных музеях сложились тематические коллекции книг, богослужебной утвари, церковных тканей и облачений, иконографических изображений, меднолитой пластики и мемориальные (персональные), этнографические фалеристические. Научно-исследовательская работа не является обязательной составляющей всех церковных музеев Западной Сибири, но накопленный в этой сфере опыт, во-первых, доказывает возможность её осуществления на высоком профессиональном уровне, а во-вторых, позволяет определить перспективы развития музейно-церковных исследований, в области краеведения, охраны памятников и каталогизации объектов православного наследия.

Примечания

1. Личный архив автора. Интервью с заведующим Древлехранилищем Тобольско-Тюменской епархии о. Виталием Ведерниковым. 23.08.2010 г.

2. Личный архив автора. Интервью с заведующим музеем Истории Алтайской духовной миссии П.С. Коваленко. 26.12.2011 г.

3. Личный архив автора. Интервью с заведующей музеем Истории православия на Алтае Н.П. Железняковой. 25.02.2013 г.

4. Личный архив автора. Интервью с заведующей музеем Истории православия на земле Кузнецкой Л.С. Алексеевой, 16.05.2012 г.

5. Личный архив автора. Интервью с заведующим Церковно-археологическим кабинетом Томской Духовной семинарии о. Олегом Огнёвым, 20.01.2010 г.

6. Личный архив автора. Интервью с первой заведующей музеем Истории Новосибирского епархиального управления м. Еленой (Черновской), 20.02.2010 г.

7. Древлехранилище Тобольско-Тюменской епархии. Фонд реставрационной документации.

8. Древлехранилище Тобольско-Тюменской епархии. Электронные каталоги икон храмов Тобольско-Тюменской епархии [электронный ресурс].

9. Музей истории Алтайской Духовной миссии: [сайт]. – Режим доступа: <http://www.bigpi.biysk.ru/museum/main.php>. Дата обращения 20.12.2010 г.

10. Музей истории Алтайской духовной миссии. Перечень научных публикаций о Музее истории Алтайской духовной миссии
11. Музей истории Алтайской духовной миссии. Электронные фотоальбомы [электронный ресурс].
12. Музей Истории Новосибирского епархиального управления. Книга поступлений основного фонда. – 63 с.
13. Музей Истории православия на Алтае // Барнаульская епархия РПЦ Московский патриархат: [сайт]. – Режим доступа: <http://altai.eparhia.ru/museum/>. Дата обращения. 15.11.2013 г.
14. Музей Истории православия на Алтае. Книга поступлений Основного фонда. – 265 с.
15. Музей истории православия на земле Кузнецкой: [сайт]. – Режим доступа: <http://muzey.mitropolit.info/>. Дата обращения 16.05.2012
16. Сапанжа О.С. Основы музейной коммуникации, 2007. – С.18
17. Странский З. Понимание музееведения // Музееведение. Музеи мира. Сб. научных трудов НИИ культуры. – М., 1991. – С.8–26.

006.901.3

О.В. Одинцова

ВСЕРОССИЙСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК В. М. ШУКШИНА КАК КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЙ ФАКТОР АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

RUSSIAN MEMORIAL MUSEUM-RESERVE V. M. SHUKSHIN AS CULTUREHERITAGE FACTOR OF THE ALTAI REGION

Статья посвящена рассмотрению деятельности музеев в сфере сохранения и популяризации историко-культурного наследия как одного из ресурсов регионального развития. Основное внимание автор акцентирует на направлениях работы музея-заповедника В. М. Шукшина в селе Сростки, которые являются эффективным средством организации культурного досуга, потребности в познавательном отдыхе не только местных жителей, но и туристов из других регионов. Стимулируя большой интерес к творчеству знаменитого писателя и режиссера, а также к традициям и культуре Алтая, данный музей сумел стать культуроформирующим фактором для всего Алтайского региона.

The article is devoted to the review of the activities of museums in the preservation and promotion of historical and cultural heritage as a resource for regional development. The main attention focuses on the activities of the

Museum-reserve C. M. Shukshin in the village of Srostki, which are an effective means of organizing cultural activities, the need for cognitive rest, not only locals but also tourists from other regions. Stimulating great interest in the work of the famous writer and Director, as well as to the traditions and culture of the Altai, the Museum has managed to become become a culture forming factor for the whole of the Altai region.

Развитие туристско-рекреационной сферы, имеющее своей основой историко-культурное наследие, может рассматриваться как один из факторов социально-экономического развития региона. Деятельность музеев в сфере сохранения и популяризации наследия является одной из возможных форм рекреационного туристского обслуживания. Музей, часто становится культурным центром села, способствующим формированию духовных ценностей, раскрывающим творческий потенциал людей. Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина в селе Сростки является эффективным средством организации культурного досуга, потребности в познавательном отдыхе не только местных жителей, но и приезжих из других регионов.

Сростинский музей был открыт в 1978 году, размещался в небольшом помещении библиотеке, первыми его коллекциями стали материалы о раннем периоде творчества писателя, режиссера, актера – В. М. Шукшине, а также его книги, фотографии, личные вещи. Первоначально музей имел статус филиала краевого краеведческого музея и представлял собой не систематизированное собрание мемориальных предметов.

Дальнейшее развитие музея-заповедника происходило на базе дома матери В. М. Шукшина – М. С. Куксиной. Первоначально в экспозиции преобладали мемориальные вещественные источники. Основу ее составил сам дом и вещи, переданные музею родственниками писателя. Тематическая структура экспозиции, включающая спальню матери Марии Сергеевны, спальню самого В.М. Шукшина, зал, кухню, летнюю веранду, соотносилась с количеством комнат. Каждая комната посвящалась определенной теме, имела свой презентационный замысел и экспозиционное решение. Мемориальная экспозиция строилась преимущественно на основе воспоминаний родственников В.М. Шукшина и его матери.

Уже через год после открытия музея была разработана научная концепция новой, дополненной экспозиции музея, в которой были представлены материалы, связанные с детскими и юношескими годами В.М. Шукшина, с началом его творческого пути. Также были организованы фрагменты интерьера дома, например, уголок с письменным столом, за которым работал Шукшин, когда приезжал к матери. В витринах отдельными комплексами были выставлены личные вещи В. М. Шукшина, документы, фотогра-

фии, рукописи, материалы, отражающие процесс работы над фильмами и почти все произведения В. М. Шукшина, изданные на алтайскими и другими советскими и зарубежными издательствами.

На веранде дома разместили последний раздел экспозиции – «Памяти В.М. Шукшина». Здесь были представлены афиши отечественных и зарубежных театров, которые работали по произведениям Шукшина. Изменения претерпела и усадьба дома. Реставрированы и частично убраны надворные постройки, положен асфальт на территории усадьбы. На месте огорода сотрудники музея в 1979 г. под руководством НИИ садоводства Сибири им. Н.А. Лисавенко заложили парк-цветник в знак памяти и благодарности великому таланту.

В январе 1991 г. решением райисполкома Бийского районного совета народных депутатов № 9 от 10.01.1991 г. «О реорганизации музея В.М. Шукшина в с. Сростки» музей был преобразован в историко-мемориальный и получил статус самостоятельного учреждения Бийского района. Через год историко-мемориальный музей был переименован в Государственный историко-мемориальный музей и переведен в непосредственное краевое подчинение Комитета администрации Алтайского края по культуре.

В 1999 г. распоряжением правительства РФ от 22.07.1999 г. № 1137-Р музей получил статус – Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина [1]. В настоящее время в состав музея-заповедника включены 12 объектов культурного и природного наследия краевого и федерального значения [5, с. 267], среди которых центральное место занимают памятники, связанные с именем В. М. Шукшина. К ним относятся «Школа, в которой учился, а затем работал русский советский писатель, кинорежиссер и актер, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР В. М. Шукшин», «Дом, где прошли детские годы актера, кинорежиссера и писателя В. М. Шукшина, 1941–1957 гг.», «Дом, где жил писатель, кинорежиссер и актер В. М. Шукшин, 1965–1972 гг. [5, с. 267–268] Кроме того, в состав музея-заповедника входят археологические и природные объекты (например, «Гора Пикет», «Группа стоянок «Сростки», эпоха палеолита («Сросткинская стоянка»), «Курганная группа «Сростки», VIII–X вв. н.э., «Пикет, городище. Эпоха железа», «Курганный могильник «Сростки 2»). [5, с. 267–268]

На современном этапе на базе постоянных экспозиций музеем осуществляется не только работа по сохранению и пропаганде наследия писателя, но и проводятся масштабные исследования объектов культурного и природного значения, связанные с именем знаменитого земляка и историей села Сростки.

Реализация данной задачи находит отражение также и в выставочной политике музея, которая способствует не только формированию в глазах

посетителей образа известного писателя и режиссера, но и того духовного потенциала, который несет его творчество.

Выставочные проекты музея, в первую очередь, демонстрируют аудитории многогранную личность В.М. Шукшина и ее проявления в различных сферах культуры. Так, например, в июле 2003 г. в музее-заповеднике проводилась выставка «Брат мой» И. П. Попова, члена Союза художников России, троюродного брата В. М. Шукшина, познакомившая сrostинцев с коллекцией Искитимского историко-краеведческого музея. В 2006 г. были представлены две фотовыставки – «Шукшинские чтения в лицах» (из фонда члена Союза журналистов России Ю. П. Верещагина к 30-летию Шукшинских чтений). В 2007 г. на выставке «Григорьевы: сердце, отданное Алтаю» были представлены афиши фильмов снятых режиссерами Юрием Валентиновичем и Ренитой Андреевной Григорьевыми, редкие и уникальные фотографии из их архива. Открывшаяся 15 апреля 2009 г. в музее выставка «Один год из жизни В.М. Шукшина», была посвящена последнему, 1974 году, жизни писателя, актера, кинорежиссера. На ней были представлены уникальные фотографии А. Ковтуна, на которых Василий Макарович предстал в бытовой обстановке, с семьей, детьми, на отдыхе, в перерывах между съемками. Кроме фотоисточников, выставка включала в себя материалы VII Всесоюзного кинофестиваля в Баку, касавшиеся премирования фильма «Калина красная»; произведения, опубликованные в 1974 году, и последний сборник рассказов Шукшина «Беседы при ясной луне», критические статьи на его творчество как писателя и режиссера, а также его беседы с журналистами и корреспондентами.

В начале 2011 г. в музее-заповеднике В.М. Шукшина открылись сразу две выставки. В выставочном зале – документально-художественная – «Земля и люди Шукшина», в конференц-зале нового здания фондохранилища – графики – «На земле Шукшина». Художественные работы были выполнены земляками писателя – И. П. Поповым, В. П. Перовым, И. А. Ивановым. Выставка дополнялась документальными материалами, сборниками стихов А. Д. Лещева, Н. А. Ядыкиной, Г. А. Волобуевой, брошюрой В. Н. Фаддеенкова о меде, воспоминаниями Ю. Н. Фаддеенкова и стихами Н. Н. Фаддеенкова. В 2013 г. в музее работали художественные выставки из фондодового собрания «Большая совесть» И. Рудзите, «Хранители памяти. Коллекционеры и их коллекции».

Данные выставки, посвященные личности и деятельности В. М. Шукшина, включают в себя не только мемориальные предметы, но также рукописи, фотографии, документы, произведения живописи. Они ориентированы на разные группы аудитории и привлекают в музей не только сrostинцев, но и всех многочисленных поклонников творчества В.М. Шукшина

из разных регионов, что представляется большой удачей музейных работников в поиске эффективных форм музейной коммуникации.

Литературные и кинематографические работы В.М. Шукшина неразрывно связаны с историей и природой Алтая, что также находит отражение в выставочных проектах музея-заповедника. 12 апреля 2002 г. состоялось открытие выставки живописных и графических работ «Нам только здесь счастливыми быть» Валентины и Владимира Перовых. В сентябре того же в музее совместно с Государственным художественным музеем Алтайского края» проходила выставка «С чего начинается Родина», в которой были представлены работы таких авторов как Г. П. Борунов, В. А. Зотеев, В. Б. Терещенко, А. Н. Потапов, посвященные природе Алтая. В 2004 году в музее работала фотовыставка «Наш Алтай» А. А. Проваторова, Г. Н. Корчёнкина и А. и В. Проваторовых. Выставки, посвященные Алтаю, наводят зрителя на мысль о глубинных алтайских истоках творчества В. М. Шукшина.

Особенностью выставочной деятельности музея-заповедника является сочетание в показе работ профессиональных художников и сростинцев. Например, выставка «Юбилею села Сростки посвящается (1804-2004)» включала в себя живописные работы двух мастеров: И.П. Попова, троюродного брата В. М. Шукшина по линии матери, члена Союза художников России, профессора Новосибирского госуниверситета и И.А. Иванова (1909-1995) учителя рисования Сростинской средней школы, представлявшие изображения сельских улиц и пейзажа. Дополняли выставку изделия прикладного творчества и предметы быта из этнографической коллекции собрания музейных предметов.

В течение 2005 года в музее были организованы выставки художника Ю. И. Федотова «Напевы старого Горно-Алтайска», Д. Филиппова «Плато Укок. Прикосновение к легенде». «Алтай в моем сердце» - так называлась фотовыставка Е. А. Жуковой, члена Международной федерации журналистов, члена Союза журналистов России, члена Союза журналистов Москвы, проходившая 15 марта 2007 г. В 2008 г. в музее-заповеднике работала персональная выставка Ю. Капустина «Алтайские времена года», на которой были представлены живопись, графика, керамика, сувениры, посвященные образу В. М. Шукшина, а также детские работы, отображающие все четыре времени года на Алтае.

В течение последних лет, все чаще, в выставочной деятельности музея находит свое отражение история села Сростки. Например, 2010 год был отмечен выставкой, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. На выставке представлялись предметы из фондов музея: фронтовые фотографии, письма, боевые награды, солдатская гимнастерка, фляжка, портсигар, был оформлен уголок быта избы военного времени. Одним из самых заметных экспонатов стал снимок «Митинг в

честь дня Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 г. Сростки. Фото А. Лерман».

В 2012 г. к 75-летию Алтайского края сотрудниками музея была подготовлена к показу необычная по форме и содержанию выставка-календарь «Один день из жизни села», которая раскрывала значимые февральские даты в истории с. Сростки. 28 сентября 2012 г. в музее состоялось открытие выставки, посвященной юбилею Алтайского края, основными материалами которой явились документы по истории совхоза «Сростинский».

Таким образом, в настоящее время наиболее привлекательной для посетителей коммуникативной формой работы музея-заповедника являются временные выставки, содержание и тематика которых благоприятно сказывается не только на имидже музея, но и на формировании привлекательного образа Алтайского края, взрастившего такого талантливейшего самородка как В. М. Шукшин. Жизнь села и деятельность музея тесно связаны, что находит отражение в тематике организуемых выставок, которые включают проекты по творческому наследию В. М. Шукшина, истории и духовной культуре с. Сростки, а также всего региона. В процессе коммуникативной деятельности музей демонстрирует богатство своих коллекций, разнообразие форм и методов презентации разнообразной информации. Кроме того, пропагандируя музейные коллекции, творчество сростинцев, а также культурный и природный потенциал Алтайского края, работа музея ориентирована не только на жителей села, но и на туристическую аудиторию, стимулируя большой интерес к творчеству знаменитого писателя и режиссера, но также к традициям и богатой культуре Алтая. Музей сумел стать культуроформирующим фактором не только для сростинцев, но и для всего Алтайского региона.

Список использованной литературы:

1. О создании на базе краевого Государственного историко-мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина, расположенного в с. Сростки Бийского района Алтайского края, Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина] : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22 июля 1999 г. № 1137-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 30. - Ст. 3985. - С. 6979.

2. Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина в Сростках [Электрон. ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа <http://www.shukshin.museum.ru/>

3. Кусков, А. С. Рекреационная география / А. С. Кусков, В. Л. Голубева, Т. Н. Одинцова. – М. : МПСИ, Флинта, 2005. – 496 с.

4. Чуднова, Л. А. Музеефикация историко-культурной территории села Сростки / Л. А. Чуднова // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. – Барнаул, 2006. – Т. 2. – С. 20–24.

5. Чуднова, Л. А. Проблемы сохранения объектов культурного наследия в с. Сростки / Л. А. Чуднова // Возможности развития сельских территорий Алтайского края в Сибири – новое прочтение реформ П. А. Столыпина : мат. науч.-практ. конф. / под общ. ред. М. П. Щетинина. – Барнаул : Азбука, 2011. – С. 267–270.

УДК 069:379.85

О.И. Матющенко

«СИБИРСКАЯ УСАДЬБА Н.А. ЛАМПСАКОВА» КАК ТУРИСТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

A SIBERIAN HOMESTEAD OF N.A. LAMPSAKOV AS A TOURIST RESOURCE OF TOMSK REGION

Статья повествует о культурно-туристическом комплексе «Сибирская усадьба Н.А. Лампсакова» в Томской области, о разных формах работы с гостями комплекса.

Ключевые слова: историко-архитектурный ансамбль, музеефикация, музей Гражданской войны, музей бересты, советский писатель Марков.

The article tells about the cultural and tourist complex «Siberian homestead of Lampsakov» in Tomsk region and different forms of activities with the guests of the complex.

Keywords: historical and architectural ensemble, museufication, Civil War Museum, a museum of birch bark (beresta), Soviet writer Markov.

На территории Томского Причудлымья, в 100 км южнее Томска, есть уникальный объект – историко-архитектурный ансамбль, состоящий из семи крепких домов из лиственницы под железными крышами, выстроенный в сибирском стиле, расположенный на окраине села Ново-Кусково на высоком берегу речки Соколы. Площадь усадьбы около 3,5 гектаров.

В 1903 году уроженец Тверской губернии Николай Лампсаков окончил медицинский факультет Томского Императорского университета, был удостоен степени лекаря с отличием и получил предложение возглавить врачебный пункт в селе Ново-Кускове.

Молодой врач вместе со своей женой и верной помощницей отправился в этот отдаленный край и всю свою жизнь – с 1903 по 1937 гг. – отдал делу оздоровления деревни. Под руководством Н.А. Лампсакова больница

была построена и прекрасно оборудована с помощью друзей и коллег доктора, проживающих в центральных российских губерниях и за рубежом.

Кроме лечебной работы доктор Лампсаков занимался вопросами школьного строительства, помогал крестьянам в разведении племенного скота, применении новых сельскохозяйственных технологий, был одним из создателей волостной библиотеки, сам прекрасно пел и учил музыке сельчан. В годы гражданской войны доктор с риском для жизни спасал и раненых колчаковцев, и красных партизан. В 1937 г. доктор по ложному доносу был арестован и расстрелян.

Жители всей округи до сих пор вспоминают с теплотой Николая Александровича и его жену Елену Дмитриевну. По решению местных жителей на здании больницы была установлена мемориальная доска.

В 2008 г. больничный комплекс был передан из системы здравоохранения в оперативное управление учреждений культуры – в Межпоселенческий центр народного творчества и культурно-спортивной деятельности, а на областном форуме «Культурное наследие Томской области» проект по сохранению усадьбы занял I место и получил премию 300 тыс. рублей.

В 2011 г. Администрация Томской области направила 6 млн. рублей на проведение ремонтно-реставрационных работ на объектах деревянного зодчества усадьбы, в том же году выигран Грант Президента РФ в размере 400 тыс. рублей на проектирование Музея Гражданской войны, который и был создан при непосредственном участии преподавателей и студентов кафедры музеологии ТГУ. Экспозиция музея повествует и о судьбе самого доктора Лампсакова. В 2013 г. на усадьбе открыт Музей бересты.

С 2012 г. по распоряжению Администрации Томской области комплекс зданий включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия и отнесен к объектам культурного наследия регионального значения. Территория комплекса используется в качестве базовой площадки для приема гостей: здесь проводятся фестивали народного творчества, фольклорные праздники, ярмарки, мастер-классы по работе с берестой, работает «Деревня ремесленников», оборудована «Экологическая тропа». На усадьбе имеются «гостевые домики». Зимой устраивают катание на лошадях, предлагают напрокат лыжи, летом – удочки для рыбалки. Проводятся праздники в «обрядовом» доме: величание молодых, серебряные и золотые свадьбы, дни рождения.

Сотрудники организуют экскурсии по местам, связанным с именем писателя Маркова, родившегося в Ново-Кусково в 1911 г. В сельской библиотеке есть выставка, посвященная его творчеству: Г. Марков отправлял в эту библиотеку книги с автографами советских писателей. В 2012 г. установлен бронзовый бюст Г. Маркова. Районные власти планируют восстановить дом, где родился и жил Марков и открыть там музей. По желанию

гостей можно посетить козью ферму, побывать в музеях районного центра – городе Асино, увидеть памятники над братскими могилами партизан. В дальнейших планах – музеефикация археологических памятников эпохи неолита.

Подводя итоги, скажем, что комплекс является площадкой для семейного отдыха, проведения различных мероприятий областного, межрегионального и всероссийского уровней. Со слов руководителя комплекса З.С. Стецко, в 2013 году было организовано 14 праздников, проведено 84 экскурсии, в которых участвовало более 3,5 тысяч человек.

УДК 069:022(571)

М.И. Санникова

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕК РПЦ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ)

ON RECONSTRUCTION OF LIBRARIES OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS PARTS OF THE CULTURAL ENVIRONMENT OF PRE-REVOLUTIONARY SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE WESTERN TRANSBAIKALIA).

Аннотация. Воссоздание библиотек Русской православной церкви (РПЦ) с целью раскрытия культурной среды российской провинции. Возможность использования их реконструкции в проектной деятельности музея для актуализации письменных источников.

Annotation Reconstruction of libraries of the Russian Orthodox Church aimed at disclosure of the cultural environment of the Russian province. Possibility of use the reconstructed libraries in museum projects for written sources' updating.

Ключевые слова. Музейная реконструкция. Культурная среда. Библиотеки Забайкалья. Историческая память.

Key words Museum reconstruction. Cultural environment. Libraries of Transbaikalia. Historical memory.

Реконструкция – воспроизведение, воссоздание, «идеальное восстановление» [1], утраченного полностью или фрагментарно памятника материального и нематериального наследия, события, явления в виде модели, макета, чертежа, рисунка, описания, технологического процесса и т.д.

Реконструкция, зародившаяся и получившая свое развитие в археологии, нашла свое применение в различных областях теоретических (гуманитарных, естественнонаучных, технических) знаний и прикладной деятельности. В вопросах сохранения историко-культурного наследия является способом научного познания прошедшей действительности, углубляет эти знания, позволяет им стать визуализированным, осязаемыми, воспринимаемыми. Так, в реставрационной практике, реконструкция является теоретической, научно-исследовательской частью, предшествующей реставрационным методам работы. Воссоздание используется музеями в проектной (экспозиционно-выставочной) деятельности, когда «возникает необходимость воспроизвести музейный предмет ... в случае невозможности ... экспонирования подлинника». В ряде случаев такие воспроизведения претендуют на статус «вторичного оригинала» [2].

Говоря о роли музея в качестве «генератора» культуры, автор статьи «Реконструкция мифа и историческая память» Сергеева Г.И. подчеркивает: «...два момента – проблема исторической памяти, сохранение и реконструкция культуры и та роль, которую играют и могут играть в этом процессе музеи, – представляется особенно актуальным» [3].

Необходимость воссоздания, реконструкции культурной среды в ее развитии является необходимой и актуальной для более глубокого восприятия и понимания новым поколением людей эволюционных процессов, и имеет прямое отношение к сохранению «исторической памяти». Сама реконструкция историко-культурной среды осуществляется при помощи широкого спектра источников, в первую очередь – письменных.

Интересным и актуальным, на наш взгляд, может являться воссоздание состава фондов библиотек Русской православной церкви (РПЦ), являющегося одним из показателей просветительской и образовательной деятельности священнослужителей, круга чтения определенных социальных и возрастных слоев российского общества в дореволюционный период.

В Сибири во второй половине XVII – начале XX вв., наиболее значительными в количественном и тематическом отношении, были библиотеки монастырей. Для Западного Забайкалья такими центрами книжной культуры являлись Троицкий Селенгинский и Посольский Спасо-Преображенский монастыри (1681г.), в разное время бывшие центрами миссионерской деятельности. По архивным источникам больше представляется возможности проследить количественный и тематический состав Троицкого Селенгинского монастыря, который был достаточно подвижен и не всегда имел положительную динамику. Так, Формирование фонда в основном шло традиционно за счет приобретения книг по подписке,

пожертвований. В XIX веке книжный фонд монастыря трижды пополнялся вливанием личных библиотек его настоятелей.

В XIX – нач. XX вв. развилась сеть библиотек ученических при церковно-приходских и миссионерских школах, и библиотек приходских церквей, создаваемые усилиями священников и прихожан.

Фонд библиотек РПЦ не был ограничен исключительно изданиями духовного содержания. В их состав, в разном процентном соотношении, входили книги по естествознанию, гуманитарным наукам, художественные произведения, в некоторой степени, отражая читательские запросы населения. Например, необычная по своему составу Усть-Кяхтинская церковно-приходская библиотека, сформированная прихожанами, отличавшимися большой читательской активностью и широтой интересов [3].

В качестве основных источников для реконструкции состава фондов библиотек РПЦ, служащие показателем книжной культуры Западного Забайкалья в дореволюционный период, являются описи имущества церквей, монастырей и их настоятелей, проводимые в разные годы.

Важным для разработки темы является изучение дореволюционного фонда, имеющегося в наличии ныне действующих библиотек различной ведомственной принадлежности, с целью выявления в их составе сохранившихся печатных и рукописных изданий, а также привлечение делопроизводственных документов, источников личного происхождения и др.

Следует отметить, что различают полную и частичную реконструкцию. Полная реконструкция событий, явлений, полностью или частично утраченных памятников не всегда бывает достижимой. В нашем случае полная историческая реконструкция репертуара библиотек РПЦ XVII – нач. XX вв. не представляется возможной.

Можно говорить лишь о частичном их воссоздании. Т.к. при составлении описей церковного и монастырского имущества в дореволюционный период, делались достаточно краткие записи, за исключением подробных внешних описаний наиболее ценных, напрестольных книг. В то время, как полная реконструкция требует воссоздание каталогов этих библиотек с соответствующим библиографическим описанием.

Окончательным результатом реконструкции может стать перечень печатных и рукописных изданий в виде каталога (указателя) с максимально возможным выявлением библиографических данных о них, построенный по хронологическому принципу (или с учетом периодизации), что позволит проследить поступательное развитие книжной культуры в дореволюционный период.

Возвращаясь к актуальности проблемы. Утверждение, что: «создание объективной научной картины социального прошлого и настоящего осуществимо, предполагает реконструкцию историко-культурных явлений как основу музейного проектирования. Если же придерживаться той точки зрения, что наш современник может создать образ эпохи, только почувствовав прошлое, погрузившись в него, то возникает необходимость перенесения акцента с научного проектирования на образно-художественной» [5].

Такие воссозданные каталоги могут быть отнесены к научно-вспомогательному фонду музеев, или организаций музейного типа, и служить ориентиром в работе по докомплектованию музейной коллекции; либо базой для создания виртуальной библиотеки с возможным полнотекстовым доступом к ним посетителей музеев. Использование цифровых технологий в экспозиционной практике, на наш взгляд, будет способствовать актуализации культурного наследия, такого как письменные источники, являющимися базовыми в гуманитарных исследованиях, но не обладающие достаточную степенью аттрактивности и экспрессивности, и вызывающими желание у посетителей пройти мимо.

В настоящее время Улан-Удэнской и Бурятской епархией ведутся восстановительные работы монастырских комплексов, которые являются объектами туристского показа. В этой связи, на наш взгляд, не лишним интереса будет воссоздание миссионерской школы, открытой при Посольском Преображенском монастыре в 1862 г. » [6], с показом состава ученической библиотеки и атрибутов школьной принадлежности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX-XX веках. История, проблемы: Учеб. пособие. – М. : Академический проект; Альма Матер, 2008. – С. 16.

2. Основы музееведения : Учеб. Пособие / отв. ред. Э.А. Шулепова ; Российский ин-т культурологии. – Изд. 2-е, испр. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 49, 65-66.

3. Сергеева Г.И. Реконструкция мифа и историческая память // Музей в современной культуре : Тез. докл. на науч. конф. – М., 1995. – С. 29.

4. Усть-Кяхтинская церковно-общественная библиотека // Забайкал. Епархиальные ведомости. 1898. № 15. С. 152-158; Усть-Кяхтинская церковно-общественная библиотека в 1898 году // Забайкал. Епархиальные ведомости. 1899. № 7. С. 224-232.

5. Основы музееведения ... С. 68.

6. Винамин. Забайкальская духовная миссия в 1867 году. – М., 1868. – С. 46.

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ
БУРЯТИИ В XX ВЕКЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ**

**RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF
BURYATIA IN THE XX CENTURY: INFORMATION POTENTIAL
OF WRITTEN HERITAGE**

Аннотация: В статье рассматривается информационный потенциал письменного наследия Русской Православной церкви, которое находится на хранении в региональных архивах и музеях. Корпус разнообразных источников и свидетельств помогает раскрыть основные аспекты истории православия на территории Бурятии в XX веке.

The article deals with the information potential of the written heritage of Russian Orthodox Church which is deposited in the regional archives and museums. The corpus of different sources and evidence helps to reveal the main aspects of history of Orthodoxy on the territory of Buryatia in the XX century.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, письменное наследие, документы, источники

Key words: Russian Orthodox Church, written heritage, documents, sources

Последние двадцать лет история Русской Православной церкви является одной из наиболее широко разрабатываемых проблем отечественной науки. Данный всплеск исследовательского интереса различных наук обусловлен возрастающей ролью религии как фактора не только духовно-нравственного и культурного, но и общественно-политического развития страны в целом. С другой стороны, доступность раннее засекреченных фондов государственных, партийных и ведомственных архивов позволила значительно расширить предметную область современных исследований.

В современных условиях использование и сохранение письменного наследия РПЦ вызывает беспокойство среди исследователей и архивистов. Эта проблема является прямым результатом и следствием антирелигиозной политики советского государства. Как отмечал видный российский историк-архивист, доктор исторических наук, профессор РГГУ Е.В. Старостин: «Мероприятия 1921-1922 гг. по изъятию церковных

ценностей, закрытие храмов, макулатурные кампании 20-х годов, эмиграция определенного числа церковнослужителей вместе с остатками белых армий за границу, гонения церковнослужителей в конце 20-х – начале 30-х годов и в 1938-1939 гг. нанесли непоправимый удар по письменному наследию РПЦ» [7, с.137]. Все вышеперечисленное привело к частичному уничтожению документации и негативным образом сказалось на составе церковных фондов.

Несмотря на это многие церковные документы после национализации удалось сохранить в государственных архивах. Однако в большинстве случаев, документы по истории РПЦ находились на секретном хранении, что естественным образом сказалось на их доступности. Сегодня сохранившиеся документы в архивохранилищах не только доступны для исследователей, но и снабжены научно-справочным аппаратом. Но это лишь часть богатейшего делопроизводственного церковного фонда. Также стоит отметить, что продолжительное время, по понятным причинам, архивы религиозных учреждений не были востребованы государством. А в самих церковных учреждениях почти полностью были прерваны сложившиеся в дореволюционный период традиции делопроизводства.

Происходившие в XX веке кардинальные политические и социокультурные трансформации естественным образом сказались на положении религиозных институтов. В начале рассматриваемого периода православные приходы Бурятии в церковно-административном отношении входили в состав Иркутской и Забайкальской епархий. Так, приходы были объединены в Верхнеудинское, Джидинское, Мысовское, Троицкосавское благочиния Забайкальской епархии [1, Л.42-43], благочиние Тункинских миссионерских церквей, православные приходы Боханского, Аларского, Эхирит-Булагатского аймаков относились к Иркутской епархии [3, Л.4]. На протяжении 1920-х гг. в епархиях осуществлялись постоянные реорганизации благочиний по составу приходов. В 1929 г. православные приходы, располагавшиеся на территории БМАССР, вошли в состав Иркутской епархии. В 1930-е годы в результате антирелигиозной политики государства православная инфраструктура подверглась значительному разрушению – Иркутская епархия перестала существовать как самостоятельная единица.

В 1948 г. была восстановлена Иркутская епархия. На территории Бурят-Монгольской АССР были открыты 2 церкви [6, с.22]. Постановлением Совнаркома БМАССР № 190 от 4 мая 1945 г. была открыта Заудинская Вознесенская православная церковь в г. Улан-Удэ. В этом же году, по ходатайству общины верующих в количестве 48 чел., было получено в арендное пользование здание Успенской церкви г. Кяхты БМАССР [4, Л.13]. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. потепление государственно-

церковных взаимоотношений нашло отражение в начавшемся процессе восстановления православных общин.

Необходимость объективной реконструкции насыщенного событийного ряда в истории РПЦ XX века требует привлечения широкого круга регионального письменного наследия. Особо следует отметить, что наряду с делопроизводственной документацией партийных, государственных и общественных структур важную роль в исследовании истории РПЦ и эволюции ее взаимоотношений с государственной властью играют материалы церковных учреждений и организаций. Значимость церковных документов объясняется тем, что они, с одной стороны, позволяют проследить не только трансформацию взаимоотношений церкви с органами региональной власти, но и с другой – раскрывают особенности внутренней жизни православных общин в рассматриваемый период.

Основной массив письменного наследия РПЦ находится на хранении в фондах региональных архивов: Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Выявленная церковная документация представлена в следующих фондах: в ГАЗК – ф.7 «Забайкальский областной епархиальный училищный совет» (1900-1920 гг.), ф.8 «Забайкальская духовная консистория» (1894-1920 гг.), ф.282 «Церкви и монастыри Забайкальской области» (1722-1934 гг.), ф.р-422 «Забайкальский епархиальный Совет» (1917-1934 гг.); в ГАИО – ф.485 «Иркутское епархиальное церковное управление» (1917 - 1934 гг.), ф.587 «Благочинный иркутских городских церквей» (1831 - 1920 гг.); в ГАРБ – ф.323 «Михайло-Архангельская церковь» (1865-1931 гг.), ф.365 «Троицкосавская Успенская кладбищенская церковь» (1839-1940 гг.), ф.491 «Троицкосавский Благочинный Совет» (1916-1929 гг.). Церковные документы, отражающие положение православных приходов Бурятии во второй половине XX века, имеются и в ф.р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров Бурятской ССР» (1920-1994 гг.), ф.р-248 «Совет Министров (Совмин) Республики Бурятия» и др.

Не менее информативны письменные источники, входящие в состав православной коллекции Национального музея Республики Бурятия. Эта группа документов насчитывает 576 единиц хранения основного фонда музея. Они являлись частью архива Антирелигиозного музея (1933-1941 гг.), но до конца 1990-х гг. не были обработаны и введены в научный оборот, т.е. фактически были закрытыми для исследователей. Комплексная работа по изучению и описанию церковных документов была предпринята в начале 2000-х гг.

Выявленные материалы церковных учреждений в своем большинстве относятся к делопроизводственной документации. Наряду с

документацией, исходящей из высших органов церковного управления, перепиской с органами государственной власти имеется солидный пласт документов, отражающих внутреннюю жизнь православных общин на территории Бурятии. Епархиальные отчеты, рапорты и доклады священнослужителей, списки и анкеты приходских общин, протоколы приходских и епархиальных собраний, переписка с благочинническими округами представляют в распоряжение исследователей ценные сведения о состоянии религиозной жизни.

Фонд р.-422 «Забайкальский епархиальный Совет» ГАЗК содержит богатейший информационный материал, раскрывающий особенности религиозной жизни православного населения Забайкальской епархии за 1917-1934 гг. Создание Забайкальского епархиального совета как нового органа церковного управления было обусловлено реалиями политической обстановки в стране, сложившейся весной-летом 1917 г. Съезд духовенства и мирян Забайкальской епархии, проходивший в мае 1917 г., предложил заменить духовную консисторию епархиальным советом из духовенством и мирян с председательством архиерея [5, с.134]. Реально епархиальный совет начал свою деятельность с 1 июля 1918 г. [2, Л.6]. Документы фонда представлены докладами, отчетами и журналами Забайкальского епархиального Совета, книгами входящей и исходящей документации, резолюций Епископа Забайкальского, протоколами и постановлениями приходских собраний, заседаний епархиальных и благочиннических съездов, материалами о районировании Забайкальской епархии, рапортами священнослужителей Епископу Забайкальскому о несении церковной службы, послужными списками и др.

Одним из основных событий в истории Русской Православной церкви в 1920-30-е гг. стал обновленческий раскол. Архивные материалы о его распространении в православных приходах на территории Бурятии в основной своей массе отложены в фондах ГАИО и ГАЗК. Фонд 485 «Иркутское епархиальное церковное управление» (ГАИО) (данный фонд, сформированный в 1944 г., не аннотирован в путеводителе архива), фонд р.-422 «Забайкальский епархиальный Совет» (ГАЗК) особенно богаты документами, отражающими основные тенденции и региональные особенности развития обновленчества. Документы позволяют проанализировать динамику его развития, количественные и качественные характеристики, показать восстановительный процесс в православных приходах. В комплексе документов представлена обширная переписка Иркутского и Забайкальского епархиальных церковных управлений с высшими церковными органами, как Священным Синодом Российской Православной церкви, Сибирским областным церковным управлением, Дальневосточным областным церковным управлением. В делах фонда

сосредоточены протоколы заседаний приходских советов и епархиальных собраний, журналы заседаний благочиннического совета, материалы о деятельности обновленческого и тихоновского духовенства, указы и распоряжения церковного руководства, рапорты, доклады, исповеди, письма верующих епископу об их отречении от обновленчества, их раскаянии, личная переписка и др.

Заслуживают отдельного внимания документы фонда 485 ГАИО о самостоятельной Бурят-Монгольской обновленческой епархии, вопрос о ее создании и деятельности в 1924-1934 гг. является одним из неизученных в исторической литературе. В фонде содержатся отчетные сведения о количестве приходов, священнослужителей, верующих по аймакам и уездам республики, доклады, рапорты с мест. Стоит также отметить наличие общих и количественных сведений не только о двух основных течениях РПЦ: обновленцев и тихоновцев, но и о религиозных общинах буддийского, старообрядческого, иудейского и мусульманского вероисповеданий, составленные православными священниками.

Из фондов ГАЗК: «Забайкальский областной епархиальный училищный совет» (ф.7), «Забайкальская духовная консистория» (ф.8) можно отобрать сведения о деятельности и функционировании этих организаций. Документы представлены ежегодными журналами заседаний Забайкальского епархиального училищного совета и Совета Забайкальского епархиального женского училища, Забайкальского епархиального Совета (правопреемника Забайкальской духовной консистории), отчетами, докладами, рапортами, прошениями и др.

Фонд 282 «Церкви и монастыри Забайкальской области» насыщен информационным материалом 1920-30-х гг. Наряду с материалами, отражающими внутреннюю жизнь религиозных общин (доклады, отчеты, прошения, жалобы, документы о кадровых назначениях, финансовом положении и др.) имеется большое количество документов, раскрывающих взаимоотношения местных органов власти и религиозных организаций. К ним относятся уставы, договоры о передаче в бесплатное пользование имущества, списки членов, исполнительного органа, священнослужителей общества, протоколы собраний и др.

Фонды ГАРБ: ф.491 «Троицкосавский Благочинный Совет», ф.365 «Троицкосавская Успенская кладбищенская церковь», ф.363 «Михайло-Архангельская церковь» представлены протоколами собраний, съездов, перепиской с вышестоящими церковными органами по вопросам назначения, увольнения, перемещения священнослужителей, списками верующих, докладами, актами, повестками, отчетами и др. Эти фонды (слабо систематизированы и отличаются случайностью подбора дел), имея оригинальные документы, объективно по степени информативности

уступают фондам ГАИО и ГАЗК. Это объясняется тем, что г. Иркутск и г. Чита являлись не только региональными административно-территориальными центрами, но и центрами крупных и самостоятельных епархий.

В ф.р-1857 «Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров Бурятской ССР» и ф.р-248 «Совет Министров (Совмин) Республики Бурятия» находится переписка верующих с партийными и государственными органами власти, жалобы и протоколы собраний верующих, ходатайства и заявления об открытии церквей. В этом массиве источников для исследователей особый интерес представляют «Переписка верующих с высшими советскими партийными, правоохранительными органами по возобновлению деятельности Успенской церкви в г. Кяхта и материалы по ее закрытию» (д. 4), «Документы о регистрации религиозного общества РПЦ в г. Кяхта Кяхтинского района Бур. АССР» (д. 209) и другие материалы, которые позволяют наиболее подробно рассмотреть взаимоотношения местных органов власти и верующих.

Группа документов церковного делопроизводства, входящих в состав православной коллекции Национального музея РБ, хронологически охватывает период с 1868 г. по 1937 г. Самую многочисленную подгруппу, включающую 184 единицы хранения за 1893-1922 гг., представляют обыски брачные (предбрачные свидетельства). Среди них большая часть обысков брачных (за 1903-1922 гг.) принадлежит Красноярской Пророко-Ильинской церкви (146 ед.хр.). В музейной коллекции имеются и клировые ведомости (24 ед.хр.), которые составлялись ежегодно при каждом городском и сельском храме и наряду с прочими сведениями содержали данные обо всех членах причта и их семьях. Так, представлены клировые ведомости Кударинской Троицкой церкви (1919 г.), Цаган-Усунской Николаевской церкви (1915, 1919-1921 гг.), Кяхтинской Воскресенской церкви (1918-19 гг., 1921 г.), Троицкосавского собора (1918 г.), ШарагольскойИннокентьевской церкви (1916, 1918-19 гг.) и др. Также в коллекции хранятся исповедные росписи, приходно-расходные книги, описи церковного имущества, документы церковной статистики и др., которые имеют несомненную научную и культурно-историческую ценность.

Таким образом, в фондах региональных архивов и музеев отложен солидный пласт письменного наследия РПЦ, представленный разнообразием источников и свидетельств, которые содержат фактическую информацию по различным аспектам истории православия на территории Бурятии в XX веке. Решение обозначенной проблемы возможно при условии комплексного использования, изучения и сравнительного анализа всей совокупности опубликованных и неопубликованных источников.

Список источников и использованной литературы:

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.р-422. Оп.1. Д.12.
2. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 3. Д. 262.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.485. Оп.2. Д.14.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.Р.-248. Оп.14. Д.136.
5. Косых В.И. Забайкальская епархия. 1908-1923 гг. Чита : изд-во ЗаБГПУ, 2007. – 204 с.
6. Смолина И.В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940-1980-е гг. : Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. к.и.н. Иркутск, 2010. – 26 с.
7. Старостин Е.В. Архивы Русской Православной Церкви (X-XX вв.). – М.: РГГУ, 2011. – 255 с.

УДК 069.02:78(571.15)

И.В. Полтева

НАСЛЕДИЕ КОМПОЗИТОРА В.М. ПЕНЬКОВА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

THE COMPOSER V.M. PENKOV'S HERITAGE IN THE COLLECTION OF THE ALTAI LITERATURE, ART AND CULTURE HISTORY STATE MUSEUM

В статье представлено общее описание наследия композитора и педагога XX в. В.М. Пенькова, которое хранится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая. Публикация включает биографию В.М. Пенькова и анализ музейных источников.

The article presents a general description of the heritage of V.M. Penkov, a XXth century composer and teacher, which is stored in the Altai literature, art and culture history state museum. It contains V.M. Penkov's biography and the museum sources analysis.

Ключевые слова: музей, наследие композитора, письменные источники, фотоисточники, В.М. Пеньков, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая.

Keywords: museum, the composer's heritage, written sources, photo sources, V.M. Penkov, the Altai literature, art and culture history state museum.

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (далее – ГМИЛИКА) – это комплексный многофункциональный культурно-исторический и досуговый центр, занимающий заметное место в социокультурном пространстве Сибири [1, с. 12]. Одной из задач ГМИЛИКА является документирование, исследование, презентация и популяризация музыкального достояния региона. Наследие композиторов XX в., внесших значительный вклад в развитие искусства, сконцентрировано в личных фондах и тематическом собрании «Деятели музыкальной культуры Алтая». В рамках работы по изучению собрания ГМИЛИКА автором были опубликованы научные статьи, характеризующие личные фонды А.В. Анохина, К.К. Княгинина, С.В. Голубкова и отдельные коллекции Л.П. Савельева, Ю.А. Тюльпина и И.Е. Щербакова.

Одной из наименее изученных является коллекция оставившего заметный след в развитии музыкальной культуры Алтая композитора и педагога Валентина Матвеевича Пенькова (1925-2003). В.М. Пеньков известен как автор более 800 песен, учитель пения и музыки, руководитель самодеятельных художественных коллективов, один из участников процесса создания сети музыкальных школ в регионе. Сведения о его жизни и творчестве, опубликованные в энциклопедических и периодических изданиях, носят ограниченный или фрагментарный характер. В связи с этим они требуют уточнения и дополнения за счет информации, содержащейся в первоисточниках (письменных и фото– материалах), представленных в тематическом собрании ГМИЛИКА.

Наибольшей степенью информативности и фундаментом научного исследования являются письменные источники (рукописные и печатные) [2, с. 12]. Письменные источники составляют значительную часть композиторского наследия. К ним относятся документы биографического характера, документы служебной и общественной деятельности, документы творческого характера, материалы переписки, документы о композиторе, печатные издания. Они позволяют извлечь биографические сведения, восстановить динамику творчества, проследить личные и профессиональные контакты деятелей музыкальной культуры, а также проанализировать созданные ими произведения и оценить их востребованность в обществе.

Письменные источники, составляющие наследие В.М. Пенькова, представлены в ГМИЛИКА документами биографического характера и творческими материалами (нотами). В тематическом собрании «Деятели музыкальной культуры Алтая» содержатся личное дело (1969), включающее «анкету композитора-любителя» и заявление с просьбой о принятии в члены творческого объединения композиторов Алтая, письмо-автобиография в Краевой Дом народного творчества (1970) и автобиография в рукописном (1975) и печатном вариантах.

Сопоставление опубликованных данных в «Музыкальной энциклопедии Алтайского края», на страницах периодической печати (в газетах «Молодежь Алтай», «Алтайская правда») [3,4] и музейных материалов позволило автору расширить биографию В.М. Пенькова. Валентин Матвеевич родился 20 августа 1925 г. в с. Бащелак Чарышского района Алтайского края. В 1936 г. он вместе с семьей переехал на Дальний Восток, учился в школе г. Комсомольск-на-Амуре, затем – в железнодорожном техникуме г. Хабаровска. Валентин Матвеевич был призван в ряды Красной Армии, участвовал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Демобилизовавшись, он работал художественным руководителем Эликманарского районного Дома культуры в Горно-Алтайской автономной области (современной Республике Алтай). Период работы в данном учреждении подробно освещается В.М. Пеньковым в автобиографии: «...в с. Эликманар Горно-Алтайской автономной области и начал работать на педагогическом поприще в ДК (*Доме культуры – прим. автора*), где участвовал в художественной самодеятельности в качестве баяниста, а научился играть по нотам самоучкой еще в детстве. Здесь и начались мои первые опыты по сочинению песен.. Начал заниматься творческой работой всерьез. Это увлечение поддержал директор Алтайского краевого Дома народного творчества М.П. Пестова и мой консультант композитор А.С. Анохин.

Работал над своими песнями. Лучшие из них исполнялись самодеятельностью в РДК (*районном Доме культуры – прим. автора*) и на краевых смотрах, на одном из которых моя песня «Над нивами, над селами» была рекомендована для показа в Москве на Всероссийском смотре весной 1954 г. Так, в составе Алтайской делегации я впервые побывал в Москве. А осенью 1954 г. был послан ДНТ (*Домом народного творчества – прим. автора*) учиться на месячные курсы композиторов в Москву. В Москве поступил и закончил заочно курсы по гармонии при Всесоюзном Доме народного творчества им. Крупской, а в 1958 г. закончил заочно Рубцовское педучилище» [5]. Таким образом, первоисточник позволяет привести дополнительные биографические сведения, уточнить отдельные датировки (например, время окончания В.М. Пеньковым Рубцовского педучилища), свидетельствует о неповторимости автора как личности, служит критерием его образованности и высокой культуры. Процитированный материал указывает на отсутствие у Валентина Матвеевича профессионального образования в области композиции, но в то же время на стремление творческой, музыкально одаренной личности, к самореализации и к поиску путей повышения уровня своего мастерства. После окончания различных курсов и педагогического училища в 1960-е гг. В.М. Пеньков переехал в с. Ребриха, где работал учителем музыки и пения в средней школе. С 1965 г. он занимал должность директора Павловской музыкальной школы, филиалы которой благодаря его усилиям были

открыты во многих селах Павловского района – Черемном, Прутском, совхозе «Комсомольский» [6, с. 283].

Систематизация информации, заключенной в неопубликованных (музейных) и опубликованных источниках, выявление в сборниках и на страницах периодической печати (фонд Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова) нот музыкальных произведений В.М. Пенькова позволяют сделать следующий вывод о творческом наследии композитора. В.М. Пеньков – автор около 800 песен на стихи С.А. Есенина, Я.З. Шведова, Л.И. Болеславского, Ф.М. Карбушева, А.А. Прокофьева и др. Часть произведений композитора опубликована в персональных сборниках: «Пеньков Валентин Матвеевич. Песни» (1960) и «Нивы России» (1980). Его сочинения представлены в изданиях «Песни Алтая», «У походного костра», «Ходит песня вечерами», «Березовая роща», «На просторах Алтая», «Нивы России», «Песни алтайских композиторов», «Поведай песня наша», «Песни для детского хора», «Репертуарный сборник для городских и сельских коллективов художественной самодеятельности» и др., на страницах периодической печати («Алтай», «Молодежь Алтая») [7]. Песни В.М. Пенькова исполнялись Государственным русским хором им. Пятницкого, Детским хором художественного воспитания детей, Омским народным хором и другими коллективами [6, с. 283].

Документы творческого характера в собрании ГМИЛИКА представлены специфическими для композиторов источниками – нотными рукописями. Среди произведений В.М. Пенькова имеются ноты песен «Цвети Алтай» (сл. В.К. Косарецкого) для хора без сопровождения [8] и «За полями, за покосами» (сл. Г.П. Панова) для женского квартета без сопровождения [9]. Данные материалы позволяют проследить динамику творческой мысли композитора в процессе музыкального сочинительства, что обуславливает их важность для искусствоведов. Как специфическая группа музейных предметов в силу своей мемориальной ценности, рукописные ноты обладают не только информативностью, но и аттрактивностью.

В структуру наследия композитора входят фотоисточники – музейные предметы, содержащие информацию в виде изображения, полученного с помощью фотоаппаратуры [10]. Они являются неотъемлемой частью аргументации исследователя: в них могут быть обнаружены такие детали как жесты, взгляды, выражение лица, поза и др. В ГМИЛИКА хранится всего один снимок композитора В.М. Пенькова [11]. Он опубликован в «Музыкальной энциклопедии Алтайского края» [6, с. 283]. На классическом плечевом портрете, выполненном в технике черно-белой печати, композитор изображен в полупрофиль. Фотография дает возможность представить визуальный образ композитора, а в комплексе с письменными материалами – воссоздать его внутренний мир и внешний облик.

Таким образом, в собрании ГМИЛИКА представлен комплекс источников, позволяющих охарактеризовать жизненный и творческий путь композитора В.М. Пенькова. Анализ музейных письменных и фото– материалов и опубликованной информации позволил автору расширить и уточнить биографию композитора и педагога, ввести в научный оборот фрагменты автобиографического повествования, описать творческое достояние деятеля искусств, передать его визуальный образ. Высокая степень информативности, аттрактивности и ассоциативности наследия В.М. Пенькова обуславливает перспективу его использования для комплексного воспроизведения истории музыкальной культуры Алтая музейными средствами.

Примечания:

1. Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая / Н. А. Гулай, В. М. Ехлаков, Ж. С. Заря, и др.; под. ред. И. А. Короткова, Е. В. Огневой, В. К. Корниенко. Барнаул: ГМИЛИКА, 2009. 247 с.

2. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. [Электронный ресурс] М., 1962. Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/tikhomirov/?id=1073>. Дата обращения: 04.09.2014.

3. Осьмушкин А. Ребрихинские мелодии // Молодежь Алтая. 1960. № 170 (2644). С. 3.

4. Пеньков В. Объединить самодеятельных композиторов Алтая // Алтайская правда. 1959. № 62 (11279). С. 4.

5. Личное дело композитора Пенькова Валентина Матвеевича // ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая». ОФ 51027.

6. Музыкальная энциклопедия Алтайского края / В. М. Агрызкова и др.; под. ред. Е. В. Огневой, И. Н. Свободной. Барнаул: ГМИЛИКА, 2011. 470 с.

7. Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. Отдел гуманитарных наук и искусств.

8. Ноты «Цвети Алтай» (муз. Пенькова В. М., сл. Косарецкого В. К.) // ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая». ОФ 51029.

9. Ноты «За полями, за покосами» (муз. Пенькова В. М., сл. Панова Г. П.) // ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая». ОФ 51030.

10. Фотоисточники [Электронный ресурс] // Российский этнографический музей. Режим доступа: <http://www.ethnomuseum.ru/foto-istochniki>. Дата обращения: 04.09.2014.

11. Фотопортрет: «Пеньков В. М.» // ГМИЛИКА. Тематическое собрание «Деятели музыкальной культуры Алтая». ОФ 51039.

УДК. 791.43:394

М.В. Малошик

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ СРЕДСТВАМИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

FEATURES BROADCAST AND PRESERVATION OF CULTURAL
TRADITIONS MEANS TELEVISION SPACE

Architectonic culture. TV space of modern Russia. regulatory mechanisms of culture Soviet-Russian TV audience. formation history of television space in Russia television spectacle. types of TV viewing: background-centered, continuous-klipovoy planned and spontaneous. The core culture of the national television space.

Архитектоника культуры. Телевизионное пространство современной России, регуляционные механизмы культуры советско-российского телевизионного пространства, типы телевизионного просмотра: сосредоточенное-фоновое, непрерывное-клиповое и планируемое-спонтанное. Ядро культуры отечественного телевизионного пространства.

Архитектоника культуры – это смысловая конструкция, органически связующая культурную семантику и социодинамику. Она способствует раскрытию внутреннего единства ценностно-смыслового и социально-культурного аспектов российской культуры как целого и объясняет ее историю через поступательное становление и развитие во времени и пространстве¹. Архитектонике отечественной культуре, по утверждению И.В. Кондакова, присуще последовательное восхождение надстраивающихся друг над другом, и в то же время сменяющих друг друга, основных регулятивных механизмов культуры - кумуляции, дивергенции, культурного синтеза, селекции и конвергенции. Логика самого архитектурного развития состоит в том, что каждый из конфигураторов социокультурного целого не может утвердиться, а во многих случаях и возникнуть, ранее предшествующего из архитектурного целого культуры.

¹ Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры [Текст] / И.В. Кондаков // ОНС. – 1999. - № 1. – С. 159

Это определено тем, что «низший» служит основанием для следующих «высших» механизмов, подспудно влияя на их организационный потенциал и функции, а также на архитектурное строение культурно-исторического целого¹.

Телевизионное пространство есть структурный компонент отечественного культурного пространства, следовательно, если целое подчиняется синергетической модели развития, то этой же модели придерживается и частное, а именно культура телевизионного пространства России. Анализ научной и периодической литературы по истории отечественного телевидения, материалы социологических опросов советско-российской телеаудитории и специалистов телевидения, показал, что архитектурное строение культуры телевизионного пространства России может быть представлено в виде трёх смысловых этапов или конфигураций.

Первый из них, самый длительный, связан с первичной конфигурацией культуры телепространства и образован действием двух регулятивных механизмов, следующих друг за другом (отчасти параллельно) - кумуляции и дивергенции. Второй этап представляет собой совокупность явлений и процессов вторичной конфигурации, надстраивающихся над смысловыми структурами, образовавшимися в результате первичной конфигурации культуры изучаемого пространства. Этот этап связан с действием механизмов культурного синтеза и селекции. Третий этап, получивший импульс своего развития от развала Советского Союза и продолжается вплоть до настоящего времени, составляют процессы третичной конфигурации, связанные с блокированием механизма селекции и формированием нового интегративного механизма – конвергенции.

Исходя из данной периодизации, в настоящей статье мы рассмотрим действие механизма конвергенции как регулятора культуры современного телепространства России. Прежде чем приступить к анализу механизма конвергенции, дадим краткую характеристику действия предыдущих механизмов регулирующих культуру изучаемого нами пространства.

Анализируя работы отечественных ученых и телеаналитиков, мы пришли к выводу, что механизм кумуляции или скопления господствует, в той или иной степени, на каждом этапе развития культуры отечественного телевизионного пространства. Основные признаки развития культуры в этот период:

- неупорядоченность;
- спонтанность;

¹ Там же. – С. 160.

- случайность составляющих его процессов;
- простое присоединение структурно самостоятельных единиц.

Именно простота и стихийность этих процессов придают кумуляции черты универсальности как первичной формы организации хаоса.

Культура отечественного телевизионного пространства постепенно «слеплялась» из совершенно разнородных компонентов, подобно «снежному кому». Так, сначала шло развитие идей электрической передачи изображений. К началу XX столетия в 11 странах мира было выдвинуто не менее двадцати пяти проектов. В России, подобных проектов было выдвинуто, пять. Проекты имели различные названия «телефотограф», «электрический телескоп», «телефот» и т.п. В основе их лежали три физических процесса: · деление передаваемой картинке на элементарные участки и последующее преобразование их в последовательность электрических сигналов;

- передача этой последовательности на приемный пункт;
- восстановление из принятого сигнала видимого изображения.

Подобный процесс, формирующий культуру телепространства был стихийен и продолжался до тех пор, пока мера сложности целого не начала превышать возможности накопления и сохранения ее единства. В силу того, что механизм кумуляции довольно вялый и аморфный в отношении интеграции, то после его завершения начался неукротимый распад целостности на всех уровнях ее самоорганизации. И поэтому кумуляция как механизм самоорганизации культуры телевизионного пространства сменился дивергенцией.

Дивергенция или расхождение, раздвоение, расщепление единого социокультурного целого на противоположности, как регулятивный механизм столь же тотален и универсален, но противоположен по своей направленности и смыслу¹. Изучив работы отечественных историков телевидения В.В. Васильева, Я.Н. Засурского, И.А. Полуэтовой, В.В. Егорова мы пришли к выводу, что «детонатором» цепного процесса социокультурной дивергенции каждый раз выступал один и тот же механизм насильственной централизации телевизионного пространства, который неотделим от унификации и монополизации культуры государством. Процесс централизации в истории культуры отечественного телевизионного пространства был ознаменован событиями 50-60-х годов XX века.

Техническое развитие позволило сначала при помощи радиорелейных линий, затем строительства ретрансляционной сети, а впоследствии благодаря созданию спутниковых систем связи преодолеть

¹ Кондаков И.В. Архитектоника ... - С. 161.

«островной» характер телевизионного вещания. Вещательные островки местных студий постепенно сливались в архипелаги, в итоге превратились в телевизионный материк единой информационной системы отечественного телевидения. Эта система, получившее название Центрального телевидения (ЦТ), дала возможность распространения информации по всей территории страны и для этого этапа своего развития имела, безусловно, прогрессивный характер, т.к. отражала и достаточно полно реализовывала коммуникационную природу телевидения.

Регулятивным механизмом оппозиционных культур отечественного и зарубежного телевизионных пространств, который, с одной стороны, поддерживал единство и целостность каждой из них, а с другой, укреплял их взаимное противостояние, был механизм селекции. Механизм селекции, по мнению В.И. Кондакова, служит самоограничению и сохранению самоидентичности той или иной культурной системы за счет отсеечения, изъятия тех компонентов и форм, которые противоречат принципам данной системности¹. Однако, в случае с культурой советского телевидения, данный механизм был направлен на искусственное, целевое «выведение» качественно новой культуры, порвавшей со своим культурным современным окружением, пересматривающей с точки зрения классовости, партийности, народности, коммунистической идейности, атеизма, пролетарского интернационализма и перманентной мировой революции все отечественное и всемирное культурное наследие, а также создавший нечто, никогда не существовавшее.

Одним из смысловых уровней этого конфигуратора является синтез. Синтез, осуществляемый посредством селекции, носил заведомо ущербный характер: модель социокультурной неполноты была представлена здесь наиболее последовательно и демонстративно, ведь именно неполнота социокультурной системы, достигаемая искусственно и насильственно, является необходимым условием ее (системы) цельности и внутренней непротиворечивости. Новый тип культуры целенаправленно «выращивался» путем жесткого отбора элементов и свойств, соответствующих нормативно-эталонной модели культуры «социалистической», неполнота которой была теоретически заданной.

Столь же противоречиво использовались в селекции конструктивные особенности дивергенции и кумуляции, поскольку эти механизмы оказывались вспомогательными и подчиненными задачам ценностно-смыслового отбора. Собственно ущербность селекции как таковой и объясняется относительная недолговечность селективных процессов в культуре советского телевизионного пространства.

¹ Кондаков И.В. Архитектоника ... - С. 165.

Девяностые годы прошлого столетия для отечественного телевизионного пространства стали периодом интенсивного развития. За последнее десятилетие XX века число телевизионных каналов, доступных российскому зрителю, возросло с 5 до 15. Время вещания достигло в среднем до 20 часов в сутки. Существенные изменения произошли в содержании, качестве, количестве и разнообразии телепрограмм. Началось внедрение альтернативных эфирному телевидению - кабельное и спутниковое телевидение.

Анализ статей, опубликованных в специализированной периодической печати, показал, что практики телевизионной индустрии часто упрекают ученый мир в непонимании «телевизионной кухни», тех механизмов, на основе которых в реальности функционирует отечественное телевидение, в отказе видеть те положительные тенденции, которые существуют в современном российском телевидении. В то же время научное сообщество справедливо обвиняет «телевизионщиков» в утилитаризме, следовании корыстным, сиюминутным интересам и недостаточном внимании к высоким духовным и культурным функциям телевидения как общественного института. Таким образом, проблематика механизма конвергенции логически становится отражением «основного противоречия» современного этапа развития культуры телевизионного пространства России. В качестве иллюстрации данного тезиса уместно привести слова американского обозревателя и телевизионного комментатора Кларенса Пейджа, произнесенные им на рубеже столетий: «Когда я был молодым, американцев объединяло то, что все они были зрителями передач, транслируемых тремя телекомпаниями. Сегодня аудитория фрагментирована сотнями каналов и тысячами других, новых медиа, включая видеоигры, компактные диски и Интернет. Как следствие, возникает вопрос: что же будет с общей культурой, с нашими общими точками отсчета?»¹.

Механизм конвергенции культуры телевизионного пространства, направлен на интеграцию разнородных ценностей, взаимоисключающих тенденций, полярных смыслов в рамках единого, сложного по своей структуре российского телевизионного пространства. Он противоположен дивергенции, с одной стороны, и селекции - с другой, поскольку те различно решали задачи дифференцирования культуры.

В своем социологическом исследовании Б. Дубин поставил задачу, выявить улучшилось или ухудшилось современное отечественное

¹ Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну [Текст] / В.И. Пантин // ВФ. – 1998. - № 7. – С. – С. 6.

телевещание по сравнению с советскими временами. Полученные данные он разделил на три уровня коллективных оценок:

Первый уровень включает наиболее массовые предпочтения, среди них: усилилось многообразие и возможность выбора передач по своему вкусу и интересам, передачи стали откровеннее, они теснее связаны с интересами, повседневной жизнью и проблемами обычных людей, не совсем исчезла, но ослабла характерная манера двоемыслия и идеологической накачки.

Второй уровень - расходящиеся или противоречивые групповые предпочтения: с одной стороны, телевизионные передачи стали информативнее и аналитичнее, дают больше информации и материалов о политике, с другой – больше развлечений, причем предназначенных для разных групп. Среди излюбленных передач называют старые советские фильмы, воспринимаемые с ностальгической благодарностью людьми старшего возраста, или юмористические передачи; передачи, профилированные в расчете на отдельные группы, например, женскую аудиторию, типа ток-шоу «Я сама», «Моя семья», викторины, конкурсы и пр.; западные фильмы и сериалы; музыкальные клипы и развлекательные программы; уголовную хронику и чрезвычайные происшествия и т.п.

Третий уровень включает специфические, узкогрупповые интересы и запросы. Это появление передач об экстраординарных способностях и паранормальных явлениях; о религии и проблемах веры, о событиях конфессиональной жизни; демонстрация рекламы, мод, новых товаров¹.

Согласно данным социологического исследования «Телевидение как имиджмейкер российского общества» наиболее популярными в 2000 году являлись телеканалы СТС, ОРТ и НТВ-3, причем пик телевизионного просмотра по трем телеканалам был определен, как: СТС – с 18.00 до 21.00, ОРТ – с 18.00 до 24.00, НТВ – с 18.00 до 24.00.

В отличие же от механизма кумуляции, организовавший культурный хаос телевизионного пространства России, конвергенция призвана связать противоположности современными средствами телевидения. Между тем, внутренне конфликтная интеграция советского и постсоветского культурного наследия не проходит легко и безболезненно. Подобная интеграция возможна при условиях, порожденных волевым импульсом культуры телевизионного пространства. Эти условия и порождает конфигурацию конвергенции².

Следующим негативным моментом выступает проблема пропаганды насилия, разврата и другого негативного поведения на

¹ Дубин Б. Указ. соч.

² Данные авторского социологического исследования

телевидении. Эта позиция находится на втором месте как у респондентов городского опроса (56,10%) так и сельского опроса (53,89%). В действительности редакторы отечественных телеканалов делают по-прежнему установку на достижение популярности через демонстрацию телевизионных сюжетов, в которых присутствуют элементы насилия, разврата, убийств. Это и ежедневный показ по телевидению боевиков, и демонстрация сцен насилия не только в художественных фильмах, но и в каждом выпуске новостных сообщений на всех каналах, как на региональных, так и на центральных. Конечно, с точки зрения достижения рейтинга, эти телесюжеты могут быть оправданы, но с точки зрения телевизионной этики и акцентирования внимания на культурном развитии общества такой подход не просто не допустим, но и губителен.

На третьем месте сельские участники опроса выделяют засилие на российских телеканалах зарубежной продукции (43,01%), по городскому массиву этот вариант находится на четвертой позиции (44,68%). Среди городского населения на третьем месте находится проблема малого количества интересных познавательных передач для детей и юношества (48,31%). Все эти проблемы, безусловно, присутствуют на российском телевизионном пространстве и требуют изменения государственной позиции в области телевидения. Возможно одним из выходов, может стать возвращение к дифференциации государственных каналов, что имело место в советском телевизионном пространстве. Четкое разделение телеканалов по «профессиональной специализации» послужит хорошим дисциплинирующим фактором для редакторов телевизионных каналов¹.

Процесс «разветвления», дробления телевизионного пространства России, увеличение многообразия телеканалов и телепродукции, оформление телевизионного рынка, сознательный эклектизм, преобладание развлекательного элемента на телевизионном экране понимаются как средства культурного преодоления противоречий действительности.

Телепродукция в своей основе имеет не реалистические образы, а систему стереотипов и имиджей, распространяемых в развлекательной форме и способствующих созданию у массовой аудитории стандартов поведения, социальных мифов. Внедрению и завоеваниям этого вида культуры на телевидении способствует, прежде всего, социально-экономический фактор².

Социологический опрос населения Республики Бурятия, проводимый Министерством культуры РБ в 2003/04 гг., показал, что чуть меньше половины опрошенных респондентов предпочитают смотреть

¹ Данные

² Герасимова С.А. Телевидение... - С. 156.

кинофильмы. Самым привлекательным жанром для участников опроса является комедия, затем исторические фильмы и приключенческий жанр. Интересен был ответ респондентов на вопрос о программах в области культуры, составляющих сетку телеканалов. К программам подобного рода участники опроса отнесли эстрадные концерты и фестивали¹.

Следствием конвергенции становится изменение отношений между телеагентами и телезрителями, принципиальное изменение характера коммуникации. Механизм конвергенции формирует новый тип телепотребления. Так, П. Ковалев выделяет следующие типы телесмотрения: сосредоточенное-фоновое, непрерывное-клиповое и планируемое-спонтанное. В первом случае речь идет о телесмотрении как основном и единственном занятии, поглощающего все внимание человека, а может совмещаться с другими делами.

Поэтому это форма телепотребления «клиповая». Вероятно, телепросмотр для «клиповых» зрителей интересен, прежде всего, потоком разнородной информации, быстрой сменой впечатлений. Таким образом, зрители поддерживают свой «информационный тонус». И в третьем случае речь идет о телесмотрении как планируемом событии или как факторе, структурирующем домашний досуг.

Клиповое и фоновое телесмотрение, несмотря на внешнее различие, имеют внутреннюю взаимосвязь. Общность этих, на первый взгляд даже противоположных типов, заключается в том, что зритель, придерживаясь этих типов, декларирует, что не очень-то дорожит телевизионной картинкой, не воспринимает как нечто важное и нужное то, что ему показывают на экране. В случае фонового телесмотрения это выражается в пониженном уровне интереса, внимания, вовлеченности. В случае клипового – в легкости ухода на другой канал, переключения на другую картинку, готовности воспринимать иное содержание.

Интересна также типология зрителей, проанализированная П. Ковалевым. Например, мужской тип представляет молодой или средних лет мужчина, который сидит с пультом в руках перед телевизором и при первой же ситуации неудовлетворенности, раздражения, снижения интереса переключается на другой канал. Из особенностей этого типа можно отметить то, что такие зрители не любят заглядывать в программу передач, они предпочитают сориентироваться и выбрать передачи в ходе просмотра.

Женский тип распадается на две практически равные группы: у одной половины обращения к телеэкрану носят запланированный, целевой характер, у другой половины – случайный, спонтанный характер.

¹ Культурные запросы ... - С.

Молодежный тип не планируют свой телепросмотр, обращения к телеэкрану носят чаще случайный характер и вызваны не желанием посмотреть какую-то конкретную программу, а потребностью в телевизоре как фоновом источнике информации. Они просто включают телевизор и в процессе просмотра, переключая каналы, определяют, на каком канале задержаться и что посмотреть¹.

В завершении следует подвести итог. Отечественные философы, историки и культурологи успешно применяют синергетический подход, исследуя такие сложные социокультурные системы как общество, этнос, человек, культура, искусство. Это О.Н. Астафьева, В.Л. Бабурин, Н.В. Бранский, В.В. Василькова, И.А. Евин, М.С. Каган, И.В. Кондаков и др. Разработчики синергетического подхода названных ученых позволили нам применить его при изучении культуры телевизионного пространства России. Использование синергетической методологии, при которой учитываются различные взгляды и подходы к проблеме телевизионного пространства, позволило автору работы рассмотреть основные морфологические единицы культуры изучаемого пространства, а именно её основание, форму и механизм, регулирующий динамический процесс развития на современном этапе

Ядро культуры отечественного телевизионного пространства образовано идеалами. Идеалы как интегральная структура является смысловой квинтэссенцией культуры в целом, и поэтому детерминируют идеологию, тип рациональности и базисный миф личности. Динамичная подструктура культуры телевизионного пространства образуется универсальными, обобщающими, «символическими» значениями и потому не обладает непосредственной самоочевидностью, характеризующей реальность. В общественном сознании реальность утверждается в значительной мере искусственным путем. Функционально в ней преобладает аксиологическая интенция. Поэтому ценностная подструктура культуры является главным фактором отбора и сортировки «нужных» смысловых аспектов человеческой жизни – представлений, императивов и ценностей «второго» и далее порядка. «Инструментом» (селектором), с одной стороны, и результатом, с другой, отбора и интеграции последних в динамичную подструктуру культуры телевизионного пространства является идеология телеканалов.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Венжер Н. Телевидение как кинотеатр [Текст] / Н. Венжер // Искусство и кино. – 1994. - №12. – С.45-47.

¹ Там же.

2. Герасимова С.А. Телевидение как средство формирования культурных ценностей личности [Текст]: дис ... канд. культ. – СПб., 2000. – С. 143-144, 156.
3. Ковалев П. Привычки телесмотрения, или как мы смотрим телевизор [Текст] / П. Ковалев // Телефорум. - Апрель 2002/8. - С.58-61.
4. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры [Текст] / И.В. Кондаков // ОНС. – 1999. - № 1. – С. 159 – 171.
5. Назаров М.М. Знаковые структуры телевизионной политической рекламы [Текст] / М.М. Назаров, М.А. Папантиму // Полис. – 2000. - № 3. – С. 147.
6. Орлов А.М. V фестиваль региональных телекомпаний [Текст]: Вся Россия: взгляд со стороны / А.М. Орлов // Техника кино и телевидения. – 2000. - №7. – С.87.
7. Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну [Текст] / В.И. Пантин // ВФ. – 1998. - № 7. – С. 6.
8. Телевизионная журналистика [Текст]. 4-е изд. / Ред. кол. Г.В. Кузнецов и др. – М., 2002. – Гл. 6. // evartist.narod.ru/text6/23.htm.
9. Урвалов В.А. Очерки истории телевидения [Текст] / В.А. Урвалов. – М., 1990. – С. 74.

УДК 069:379.85

И.М. Бутуханова

**ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ЦЕНТРА ИМ. М.Н.
ХАНГАЛОВА)**

**THE EXPERIENCE OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE
BURYATIA REPUBLIC IN CULTURAL TOURISM
DEVELOPMENT
(ON THE BASIS OF THE REGIONAL HISTORICAL CENTRE
NAMED AFTER M.N. KHANGALOV)**

Аннотация: В статье рассматривается опыт Национального музея в развитии культурного туризма Бурятии: виды предоставляемых услуг, выставочная деятельность музея. Также рассматривается понятие «культурный туризм».

Annotation: The article shows an experience of the National museum in the development of cultural tourism of Buryatia: the kinds of delivered services, the museum's exhibition activity. The article considers the notion –cultural tourism”.

Ключевые слова: культурный туризм, культурное наследие, музей, выставка, Бурятия, туристический маршрут

Keywords: cultural tourism, cultural heritage, museum, exhibition, Buryatia, tourist route

Давно выделился и стал самостоятельным такой вид туризма, как культурный, или познавательный. Его основой является историко-культурный потенциал страны, включающий всю социокультурную среду с традициями и обычаями, особенностями бытовой и хозяйственной деятельности, то есть сочетанием объектов материальной и духовной культуры. Культурный туризм является самым популярным и массовым видом туризма, охватывает все аспекты путешествия, посредством которого человек узнает о жизни, культуре, обычаях другого народа.

Существует несколько определений культурного туризма. Приведем одно из них: «Культурный туризм – это форма взаимодействия, культурного обмена, которая предполагает целенаправленное погружение в культурную среду с целью ее освоения. В основе культурного туризма лежит потребность знакомства с культурой, как своего народа, так и народов других стран. Путешествия выступают в данном случае как средство приобщения людей к общечеловеческим ценностям через собственный внутренний опыт, через эмоциональные индивидуальные переживания. Они дают возможность воспринимать культурную картину мира в единстве чувства и мысли. Следовательно, особенностью культурного туризма является формирование целостного представления об истории и культуре, способствующего развитию диалога и взаимосвязи между культурами» [1].

Бурятия, благодаря своему географическому положению, богатой истории и уникальным природным ресурсам идеальна для туризма. Всеми отмечается исключительное своеобразие главного природного объекта региона – озеро Байкал. Уникальные историко-культурные и природные ресурсы РБ дают возможность развития практически всех видов туризма: круизного, экскурсионного, лечебного, паломнического и т. д. Приоритетными видами туризма в Бурятии являются: экологический, [культурно-познавательный, спортивный и лечебно-оздоровительный](#) [2].

В 1990-е гг. традиционно считалось, что в системе «культурного туризма» могут выступать только крупнейшие музеи и музеи мирового значения, вобравшие в себя эстетические измерения различных эпох. Однако, в конце XX в. малые музеи, т. е. музеи, обладающие

незначительным числом экспонатов, выставочно-экспозиционных площадей и четко ограниченные тематически по сравнению с музеями-грандами, начинают заявлять о себе, как об активных партнерах в культурном туризме. Под малыми музеями подразумеваются и музеи провинциальных городов, которые можно обозначить как малые музеи малых городов, и малые музеи, находящиеся в мегаполисах [3].

Особое место в сфере культурного туризма Бурятии занимает Национальный музей Республики Бурятия – один из ведущих музейных центров республики. Национальный музей РБ был образован в 2011 г. путем слияния трех музеев: Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Художественного музея им. Ц. Сампилова и Музея природы Бурятии. В 2013 г. в состав Национального музея вошел Новоселенгинский музей декабристов. Фонды музея насчитывают более 100 тысяч единиц хранения и включают такие коллекции, как: археологическая, этнографическая, буддийская коллекция, православная коллекция, фонд редких книг, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, коллекции по растительному и животному миру Бурятии и др.

Национальный музей является «хранителем» и «транслятором» богатого природного и историко-культурного наследия Бурятии, и в условиях развития в республике особой туристско-рекреационной зоны становится своеобразной визитной карточкой Бурятии. В нашем сообщении мы бы хотели рассмотреть опыт Национального музея РБ в культурном туризме на примере Музея истории Бурятии (ныне Историко-краеведческий центр им. М.Н. Хангалова). Для туристов музей предлагает следующие услуги: посещение выставок, экскурсионное обслуживание, туристические маршруты, различные интерактивные программы.

Для знакомства с историей и культурой Бурятии музей предлагает гостям республики посетить постоянную экспозицию «Хронограф Бурятии». Главной целью экспозиции является отражение исторических процессов, происходивших на территории этнической Бурятии, начиная с эпохи гуннов и до сегодняшнего дня. На выставке представлены предметы быта, оружие, доспехи, отражающие культурную традицию племен эпохи ранних кочевников; фото-документальный и предметный материал по строительству острогов и торговых факторий, по материальной и духовной культуре бурят, семейских и эвенков, по шаманизму, буддизму, православию. Раздел «Бурятия в нач. XX в. – 1990-е гг.» отражает следующие периоды в истории Бурятии: период I-ой мировой войны, Октябрьской революции, Гражданской войны, 1920-30-е гг. – время становления молодой республики, Бурятия в период Великой Отечественной войны, развитие экономики, промышленности, образования, науки и культуры в послевоенное время. Разделы «Республика Бурятия в

1990-е гг.» и «Бурятия на современном этапе» рассказывают о политической обстановке, состоянии экономики, промышленности, культуры, медицины и образования в период – 1990-е гг. – по настоящее время. В результате, постепенно продвигаясь по экспозиции, посетители смогут наглядно представить, как за несколько столетий обширная территория Прибайкалья, заселенная самобытными народами, превратилась в социально и политически стабильный, экономически развитый край, с оптимальной для многонационального региона моделью полиэтнического и поликонфессионального общества.

Сотрудниками музея были разработаны туристический маршрут «Золотые страницы истории Бурятии» и экскурсионный маршрут по исторической части города «Старый Верхнеудинск». Отправной точкой маршрута «Золотые страницы истории Бурятии» служит экспозиция «Хронограф Бурятии», далее группа следует до Новоселенгинского музея декабристов, где гостям проводят экскурсию. Заканчивается маршрут в Улан-Удэ, на Площади Советов. Истории города посвящен маршрут «Старый Верхнеудинск», который проходит по центру города. В ходе экскурсии гости нашей республики узнают об истории города с момента основания Удинского острога и до настоящего времени.

Бурятия – территория, где мирно существуют две религии: буддизм и христианство. Всем, интересующимся историей буддизма и православия на территории Бурятии, музей предлагает посетить постоянные экспозиции «Сокровища буддийского искусства. Новые грани» и «Свет веры православной». На постоянной экспозиции «Сокровища буддийского искусства» рассказывается о теоретическом учении буддизма, об истории распространения Учения Будды в Забайкалье, а также о буддийском искусстве. Посетители знакомятся с поистине уникальными предметами из фондов музея, представляющими своеобразие буддийской культуры Бурятии трех веков – это танка (иконы) иконописцев Китая, Монголии, Бурятии, скульптура мастеров зарубежного буддийского Востока и бурятских мастеров, буддийские ритуальные предметы, комплексы масок и одеяний персонажей мистерии ЦАМ с полным набором атрибутов, книги, ксилографы на тибетском и монгольском языках, рукописные тексты с цветными иллюстрациями. Нужно отметить, что эта выставка всегда вызывает большой интерес у туристов, особенно у иностранцев.

В декабре 2011 г. состоялось открытие еще одной постоянной экспозиции «Свет веры православной». В двух небольших выставочных залах посетителям представлены: иконы с изображением Иисуса Христа, Богородицы и святых; облачение епископа, предметы культа, использовавшиеся при богослужениях; образцы богослужебной литературы, периодической печати и документация, отражающая различные виды

деятельности церкви. Отличительной особенностью данной выставки стало экспонирование музейных предметов, которые хранятся в запасниках музея и никогда ранее не выставлялись. В 2012 г. по выставке был разработан виртуальный тур. Для его создания были сняты все экспонаты выставки. Фотоизображение каждого предмета дополнил подробный этикетаж. Диск с виртуальным туром продается в сувенирном киоске музея и достаточно часто покупается не только туристами, но и всеми, кто интересуется историей православия в Забайкалье. Для иностранных туристов все пояснительные тексты и этикетаж на выставках музея дополнительно имеют перевод на английский язык.

В республике наряду с приоритетными видами туризма развит и религиозный туризм. Важное место в этом виде туризма занимают буддийские дацаны и святые места. В рамках религиозного туризма музей предлагает экскурсионный маршрут: «Сокровища буддийского искусства». Начинается маршрут с посещения экспозиции «Сокровища буддийского искусства. Новые грани», далее туристы на автобусе следуют до Иволгинского дацана. По пути следования до дацана гид (научный сотрудник музея) дает общую информацию о Республике Бурятия, городе Улан-Удэ. Рассказывает об археологических памятниках, а именно Иволгинском городище гуннов, материальной и духовной культуре бурят, семейских, эвенков, а также об истории распространения буддизма на территории Бурятии. В Иволгинском дацане сотрудник проводит экскурсию, в ходе которой гости узнают об истории дацана, жизни и деятельности великих учителей буддизма, феномене XII Пандито хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова.

Помимо традиционных форм работы с посетителем, в том числе и туристами, сотрудники применяют и такие формы, которые включают элементы анимации. Так, в музее проводятся программы «Традиции русского чаепития» и «Традиции бурятского чаепития». Для проведения программы «Традиции русского чаепития» посредством музейных предметов частично воссоздается интерьер купеческого дома.Guestы встречают хозяйин и хозяйка (одетые в костюмы сотрудники музея), которые приглашают отведать различные угощения. В увлекательной форме они рассказывают не только о традициях семейного русского чаепития, но также о появлении чая и истории создания фарфора. По специальной заявке для гостей проводят мастер-класс по лепке из глины и декупажу. Программа «Традиции бурятского чаепития» проводится в настоящей бурятской юрте. Полученная информация закрепляется активным участием туристов в процессе приготовления бурятского чая. В заключительной части программы ведущий исполняет для гостей бурятские песни и благопожелания.

Также для туристов музей предлагает небольшой ассортимент изданий музея (различные путеводители, каталоги, наборы открыток)

исувенирных изделий. На наш взгляд, их продажа может не только приносить доход, но и служить рекламой музея.

С 2003 г. в республике проводится ярмарка-выставка «Туризм и отдых в Бурятии». В рамках выставки проходит презентация и продажа услуг турфирм Бурятии, туристского снаряжения, услуг перевозчиков и средств размещения, выставка сувенирной продукции бурятских мастеров. Национальный музей РБ принимает активное участие в этой ярмарке. Популяризация различных проектов позволяет музею не только активно продвигать свой продукт на рынке туризма, заключать партнерские соглашения с турфирмами, но и делиться опытом и совместно разрабатывать новые маршруты в сфере культурного туризма.

Огромные возможности для информирования аудитории дает Интернет. В наши дни музеи имеют во Всемирной паутине свою индивидуальную страницу – сайт. Есть такая страница и у Национального музея, с помощью которой пользователи знакомятся с основными направлениями деятельности музея, текущими выставочными проектами, с предстоящими мероприятиями. Для краткого ознакомления с музейными выставками посетителям в фойе и выставочных залах Музея истории Бурятии представлены информационные киоски и планшеты, в которых заложена информация по выставкам. На первом этаже музея работает WiFi-современная технология беспроводного соединения, обеспечивающая доступ в сеть Интернет. Используя эту технологию, любой посетитель музея получает возможность мобильного подключения к сети с помощью своего портативного компьютера, КПК или телефона, оснащенного модулем беспроводного доступа.

Таким образом, можно сказать, что у Национального музея Республики Бурятия накоплен определенный опыт по предоставлению услуг в сфере культурного туризма. В этом направлении Национальный музей занимает одно из ведущих мест, поскольку только в его фондах находится уникальное историко-культурное наследие Бурятии. Думается в дальнейшем, для разнообразия предлагаемых услуг будут разрабатываться новые программы и экскурсионные маршруты, реализация которых позволит удовлетворить самый высокий спрос туристов, посещающих республику.

Список литературы:

1. Мухаметова Э.М. Понятия «Культура» и «Культурный туризм» на современном этапе развития туристической индустрии [текст]: [Электронный ресурс] / Мухаметова Э.М. - режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1934> (дата обращения: 11.09.2014)

2. "Проблемы и перспективы развития культурного туризма"
[текст]: [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://allbest.ru/k-2c0b65625b2bc68a5d43b88521316d37.html>) (дата обращения: 16.09.2014)

3. Романчук А.В. Музейный туризм [текст]: [Электронный ресурс] / Романчук А.В. – режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/romanchuk2-2.htm (дата обращения: 11.09.2014)

УДК 502(571.54):069

Р.С. Батожанова

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ

THE PRESERVATION AND POPULARIZATION OF NATURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA BY MUSEUM MEANS

Аннотация: В статье рассматривается опыт работы естественнонаучного центра ГАУК РБ «Национальный музей РБ» по сохранению и популяризации природного наследия Бурятии. Именно, спрос на информацию и образовательные услуги позволяет выстроить систему музейной коммуникации, направленную на формирование у посетителей ценностного отношения к окружающей природе.

Annotation: The article examines the work experience of natural science centre «National museum of the Republic of Buryatia» in preservation and popularization of natural heritage of Buryatia. The author comes to the conclusion that the demand for information and educational services allows to create the system of museum communication aimed at forming valuable attitude of visitors to the surrounding nature.

Ключевые слова: природное наследие, взаимодействие, экспозиция, популяризация, сохранение.

Key words: natural heritage, interaction, exposition, popularization, preservation.

В современных условиях взаимодействие природы и человека сопровождается существенными изменениями природной среды, которые затронули обширные пространства. На общем фоне естественных изменений природных условий становится очевидным, что нагрузка, оказываемая хозяйственной деятельностью человека, ведет к развитию

деструктивных процессов в природе. Это с особой остротой ставит проблему социализации музейной практики в процессе формирования экологической культуры общества. Ведь культурная среда современного музея – это не только созерцательное пространство, где человек выступает в роли наблюдателя, но и живое, развивающееся пространство, обладающее высокой силой информационного и эмоционального воздействия.

Музей природы Бурятии (естественнонаучный центр ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия») как один из центров экологического образования и воспитания в республике играет особую роль в формировании идеологии ценности живой природы и престижности ее сохранения. Сохранение и презентация природного наследия Республики Бурятия является основным направлением в деятельности музея. Наряду с демонстрацией природных объектов музей представляет в доступной форме научную информацию о региональных аспектах экологии как науки, имеющей огромный образовательный потенциал.

В последние годы в музее сложилась система непрерывного экологического воспитания и образования, в которую входят дошкольные и школьные учреждения, средние и высшие учебные заведения, взрослое население Бурятии. И все же основной посетитель – это подрастающее поколение, на которое делается главный упор в просветительной деятельности музея. В современной школе экологическое образование и воспитание не может сводиться только к усвоению теоретических и природоохранных знаний. Оно также должно опираться на чувственное, эмоционально-ценностное восприятие ребенком природных и социальных явлений, этого возможно достичь только в музее.

Музейно-педагогическая деятельность способствует формированию в детях единства познавательного, эстетического и действенно-практического начал, которые связаны с процессом перехода от созерцания красоты к ее активному воплощению в различных формах жизнедеятельности учащихся [1, с. 77]. В приобретении учениками навыков творчески активного отношения к миру музею отводится огромная роль.

Музей располагает большими возможностями для осуществления образовательных программ и проектов по экологии, биологии, краеведению, ориентированных на разные группы музейной аудитории и предусматривающих, прежде всего, активное использование основной экспозиции. Значение любой музейной экспозиции выражается в комбинации знаков, несущих в себе понятия и представления о явлениях природы и деятельности человека. Таким образом, комплекс музейных экспонатов может рассматриваться как своеобразный текст, описание чего-либо и чего-либо происходящего.

Специфика музейной информации, посредством которой музей включается в образовательный процесс и реализует свои возможности в обучении, связана, прежде всего, со свойствами музейных предметов и музейной среды. Именно в предметно-пространственной среде музея осуществляется трансляция духовного культурного опыта, накопленного человечеством за многие века своего существования [2, с. 199].

Естественнонаучный центр, будучи единственным на территории Сибири и Дальнего Востока музеем природы, является членом Ассоциации «Открытый музей», членом Ассоциации естественноисторических музеев при ИКОМ России. Его экспозиция, которая построена ландшафтным методом, представляет особое информационное поле, несущее научную информацию о природе Бурятии и вопросах ее охраны. Основная тема экспозиции «Природа и человек» раскрывается в тематических комплексах пяти залов музея. Богатые музейные фонды включают палеонтологические, зоологические, геологические, ботанические коллекции, которые отражают биоразнообразие природы республики. Наиболее ценную часть коллекционного собрания музея представляют натуральные образцы, собранные в природе и прошедшие необходимую обработку, фиксацию для длительного хранения и изучения.

Первый зал традиционно посвящен различным временным выставкам из фондов музея и коммерческим выставкам из других городов России и зарубежных стран. Во втором зале представлены ископаемые остатки древних организмов, найденных на территории Бурятии, которые являются доказательствами эволюции жизни на Земле – подлинные фрагменты скелетов мамонтов, носорогов, бизонов, настоящие яйца динозавров, обитавших более 70 млн. лет назад на территории Монголии. Остатки древних орудий труда свидетельствуют о заселении территории Бурятии предками современных людей.

На территории Бурятии открыто более 700 месторождений полезных ископаемых. Экспозиция третьего зала музея рассказывает об истории и современном состоянии геологической отрасли, исследованиях и разведке важнейших месторождений полезных ископаемых Бурятии, значении минерально-сырьевого комплекса в социально-экономическом развитии республики.

В четвертом и пятом залах показаны природные ландшафты Бурятии, известные своей неоднородностью и разнообразием. Представлены животный и растительный мир Бурятии, и их разнообразие, вызванное неоднородностью рельефа и природных условий различных районов Бурятии. Природа степей Бурятии представлена краснокнижными видами – дрофа, черный журавль, манул, тушканчик. Северный олень, ондатра, журавли, совы, рептилии, земноводные, являющиеся яркими

представителями фауны Станового нагорья, показывают особенности севера республики. В экспозиции музея особенности самого высокогорного района – Восточных Саян – раскрывают сибирский козерог, красный волк, снежный барс, беркут. Прибайкалье, где встречаются все типы ландшафтов – от гольцов до степей, представлено баргузинским соболем, ради сохранения которого был открыт старейший в России Баргузинский заповедник.

Основная часть экспозиции пятого зала посвящена озеру Байкал, его обитателям и проблемам изучения и сохранения биологического разнообразия уникального природного объекта. Байкал – самое древнейшее, самое глубочайшее, самое крупнейшее хранилище пресной воды, по отношению к которому часто употребляются слова «уникальный», «неповторимый», «единственный». 5 декабря 1996 года Комитет ЮНЕСКО по Всемирному наследию во время XII сессии в Мексике признал под №754 озеро Байкал Участком Всемирного наследия. Байкал был удостоен высокой чести называться чудом России, знак и диплом победителя всероссийского конкурса «Семь чудес России», которые представлены в музее, подтверждают уникальность озера.

Население озера очень богато и разнообразно, его населяет свыше 2500 тысяч видов водных организмов. Если учесть, что свыше 80% видов живых организмов Байкала эндемично, т.е. нигде больше не встречаются, то логичен вывод, что озеро Байкал является настоящим центром биоразнообразия евроазиатского континента, научную значимость которого трудно переоценить. В экспозиции также представлены модель глубоководного аппарата «Пайсис» и отражен современный этап научных исследований на глубоководных обитаемых аппаратах (ГООА) «Миры» в 2008 – 2010 годах.

Для передачи информации о каждом музейном экспонате можно использовать целый спектр методов с учетом возрастных особенностей посетителей. Так, у детей первоначально формируется эмоциональное восприятие образа Байкала как самого большого и древнего озера в мире, с драгоценной питьевой водой и с уникальными обитателями. На материалах макета озера Байкал, его глубинного разреза и тематических разделов о Байкале средствами музейной экспозиции подчеркивается неповторимость озера в превосходной степени, раскрываются задачи сохранения Байкала как Участка Мирового наследия. Таким образом, детям прививаются первые навыки природоохранного поведения.

К основным формам работы в музее относятся культурно-образовательные программы, экскурсии, игры, конкурсы, викторины и театрализованные представления; встречи с музейными специалистами и коллекционерами; организация и работа передвижных мобильных выставок на площадках образовательных учреждений города и районов республики.

Одна из наиболее распространенных форм работы в музее – урок-экскурсия – состоит в том, что ученик общается с экскурсоводом с целью получения знаний, а экспонаты служат предметом или средством этого общения. Так, создаваемое посредством экспозиции образовательное пространство стало основой для проведения уроков-экскурсий по самой разнообразной тематике. Например, в экскурсии «Происхождение и развитие жизни на Земле» рассказывается о современных представлениях процесса возникновения жизни на Земле. Экскурсии «Экосистемы Бурятии», «Животный мир Бурятии», «Байкал – жемчужина Сибири», «По страницам Красной Книги» и др. знакомят посетителей с многообразием животного мира Бурятии и проблемами его сохранения.

Широко применяется как форма вовлечения посетителей в активную деятельность – игра. К примеру, это игра «Музейная угадайка» по экспозиционным залам музея. Взаимодействуя с музейной средой, организованной в игровой форме, документальный материал воспринимается на новом качественном уровне, более полно и глубоко. При этом маленькие посетители получают не только информационную нагрузку, но и эмоциональную разрядку. Это способствует углублению восприятия и усилению интереса у детей. Кроме того, они общаются с природой не только на уровне знаний, но и на уровне личного опыта. Именно в игре дети лучше сосредотачиваются и больше запоминают, у них пробуждается творческое начало, развивается воображение. По результатам игровых занятий можно судить об изменениях в эстетическом и познавательном развитии ребёнка.

Экспозиция музея по мере возможности постепенно обновляется, пополняется тематическими выставками, насыщается новым содержанием. Это выставка «Окаменевшие свидетели прошлого», экспонаты которой органично дополнили постоянную экспозицию. «Удивительный мир Байкала» – выставка, знакомящая детей на доступном им уровне с научными достижениями в области изучения Байкала, на которой представлена богатая коллекция эндемиков: разнообразные виды рачков, бычков и т.д. На занятиях с детьми проводятся разнообразные мастер-классы: роспись гипсовых фигурок морских обитателей, изготовление сувенира нерпы из белого пластилина, бумажное моделирование и др.

Таким образом, рассмотренная нами деятельность естественнонаучного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» представляет собой эффективный и положительный опыт по сохранению и популяризации природного наследия Бурятии. При этом, музей способствует решению главной задачи: научить чувствовать красоту родной земли, воспитывать любовь к родным местам, прививать бережное отношение к окружающей природе.

Литература:

1. Корякина Н.И., Кириллов П.Н. Как создать детский экологический центр на предприятии. Санкт-Петербург: ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», 2006.

2. Мастеница Е.Н. Актуализация культурного наследия в музее: образовательный аспект // Образование в пространстве культуры: сб. науч. статей. Вып.2. М.:РИК, 2005. С. 199 – 206.

УДК (571.54):294.3

А.Ж. Бальжурова

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И АТРИБУЦИИ БУРЯТСКИХ БУДДИЙСКИХ ТХАНГКА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

THE PROBLEMS OF STUDYING AND ATTRIBUTING BURYAT BUDDHIST TKHANGKA (BASED ON THE COLLECTION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Аннотация: В статье представлены результаты работы Национального музея Республики Бурятия по атрибуции буддийских тхангка, произведений живописи тибетских, китайских, монгольских и бурятских мастеров, которые позволили ввести в научный и культурный оборот творческое наследие бурятских иконописцев.

Annotation: The article presents the work results of the National museum of the republic of Buryatia connected with attributing Buddhist tkhangka, works of painting of Tibetan, Chinese, Mongolian and Buryat painters which allowed to contribute the creative heritage of the Buryat icon painters to science and culture.

Ключевые слова: буддийское искусство, Национальный музей Республики Бурятия, буддийские тхангка, буддийская живопись, иконописцы

Key words: Buddhist art, National Museum of the republic of Buryatia, Buddhist tkhangka, Buddhist icon painting, icon painters

Национальный музей Республики Бурятия располагает обширной коллекцией буддийской культуры и искусства, ценность и уникальность которой становится с каждым годом все значимее. Здесь хранятся свыше 3000 живописных произведений тибетских, китайских, монгольских и бурятских мастеров. Особый интерес вызывает собрание бурятской

буддийской живописи, так как это наиболее малоизученная коллекция музея и все еще остается областью первичного научного поиска, предположительных соображений о хронологии, периодизации, о различных школах иконописи, об их стилевых особенностях, о традициях канона и лубка и т.д.

На сегодняшний день одной из актуальных тем в изучении буддийского искусства Бурятии является исследование конкретных личностей – бурятских иконописцев, внесших огромный вклад в развитие бурятской буддийской живописи. В фондах музея хранятся многочисленные уникальные тхангака конца XVIII – первой четверти XX вв. написанные неизвестными художниками. К сожалению, в истории известно очень мало имен иконописцев, это связано с тем, что высокие нравственные принципы буддизма обусловили анонимность буддийского искусства.

Нами были исследованы отрывочные записи исследователей буддийского искусства и атрибутированы отдельные работы конца XIX – первой четверти XX вв. мастеров иконописцев бурятского буддийского искусства. Анализ стилистических особенностей и имеющиеся исторические материалы позволили узнать малую толику имен многочисленных талантливых художников того периода. Мы рассмотрели художественное наследие иконописцев еравнинских дацанов - Еши-Нимы Дамбийна, Даба Тушнэ, Цыремпила Аюшеева, селенгинских дацанов: Лодэ Самбу, Бадзара Будаева. Их имена стали известны благодаря работе сотрудников Антирелигиозного музея, созданного в 1934 г. (ныне Национальный музей РБ) Г-Д. Нацова, Ж.Ж. Жабона, А.Н. Кочетова, Б.Э. Эрдынеева, которые ездили с экспедициями по аймакам, собирали и вывозили ценные предметы. Они вели дневниковые записи, в которых имеется информация по истории дацанов, данные о выдающихся религиозных деятелях и культовых службах в дацанах [1, с.556-565]. Также большую роль сыграли сотрудники Бурят-Монгольского Ученого Комитета (создан 1922 г., ныне ИМБТ СО РАН) П.Н. Дамбинов, Р.С. Мэрдыгеев. На сегодняшний день, написанный ими рукописный отчет «Об искусстве бурятских дацанов» по результатам этнографической экспедиции в Анинский и Эгитуйский дацаны в 1927 г., является для нас ценнейшим источником о еравнинских мастерах-иконописцах.

Согласно отчету, самым популярнейшим художником-живописцем как в Эгитуйском (построен в 1824-1826 гг.), так и Анинском (построен в 1775-1795 гг.) дацанах был Еши-Нима Дамбийн - автор множества живописных работ. «Родился он в 1875 г. в Гулууаевском сомоне Еравнинского хошуна. В молодые годы до 30 лет был ламой, а потом ушел из дацана. Начал рисовать с малых лет - приблизительно с 10-11 лет. Отец

его тоже был художником, у которого и учился Еши-Нима. Умер в Монголии на аршане в 1926 г.» [2, с.57-63].

В фондах музея хранятся пять икон Еши-Нимы Дамбийна, посвященные теме «Микрокосмос и макрокосмос в буддийской иконописи». Это различные космологические иконы, связанные с тибето-монгольской астрологией - «Хий морин», «Лунта газук», «Бумто хорло». Четыре иконы напечатаны ксилографическим способом на белых хлопчатобумажных тканях и затем раскрашены минеральными красками, одна вырезана на деревянной доске - матрице. Работы не подписаны, однако характерный почерк в исполнении отдельных элементов, общая манера письма и архитектура позволяют отличить его работы [3, с.22-23]. Например, у Еши-Нимы Дамбийна есть своеобразный автограф на иконах «Хий-морин». Художник вместо связки сухих веточек или пучка травы желтого цвета – символизирующих планету Сатурн и субботу, изображал пучок волос отрезанного от хвоста «Хий морина» (коня-ветра), раскрашивал цветом соответствующим цвету хвоста коня.

Еще одним талантливым еравнинским мастером был Даба Тушнэ, скульптор и живописец Эгитуйского дацана. В отчете также имеется его краткая биография: «Родился в 1890 г. в улусе Тэлэмбэ Кондинского сомона Еравнинского хошуна. Пришел в дацан в 11 лет. Стал лепить бурханов и рисовать с приходом в дацан. Сначала работал "нелегально" от бакши (учителя). Образование имеет ламайско-тибетское. Умер в 1930 г.» [2, с. 57-63].

В фондах музея хранятся несколько икон художника, написанных на фольклорно-мифологические сюжеты – «Сагаан Убгэн» и «Туншэ» (Четверо согласных или дружных). Эти тхангка отличаются определенной свободой композиционного и художественного решения. В ходе исследования была обнаружена тхангка «Сагаан Убгэн», которая упоминается в отчете П. Дамбинова и Р. Мэрдыеева: «На картине Даба Тушнэ мальчики показывают старику оленей, которых белый старик никак не может разглядеть» [2, с.26-41]. На тхангка старец предстает в образе обычного старика, который стоит на берегу реки. Исследователи отмечают, что «он несколько раз писал ее, и каждый раз менял вид картины, обстановку, позу самого Сагаан Убгэна» [2, с.26-41]. При этом все, что художник изображал, помимо центральной фигуры, зависело от его вкуса и пристрастий. В музее были обнаружены еще две тхангка с образами «Сагаан Убгэна», которые, как мы предполагаем, также написаны Даба Тушнэ. Одна из них небольшая по размеру, где Белый Старец восседает на берегу водоема. За его спиной изображена пещера. Ландшафтный фон тхангка выполнен в темно-синих и серых тонах. На небе будто сгущаются темные тучи и, вот-вот начнется

гроза. Большое дерево наклонилось под порывами ветра. Недалеко пасущаяся пара оленей, остановилась и тревожно глядывается в небо.

Вторая работа, достаточно большого размера (188x77,2 см.), на ней Сагаан Убгэн изображен вместе с «Туншэ» (Четверо согласных), с сюжетом из популярной буддийской легенды о четырех животных (слоне, обезьяне, зайце и птице), символизирующих мир, согласие и почитание старшинства. В левой части тхангка изображен широко улыбающийся Сагаан Убгэн, восседающий у входа в пещеру. Рядом с ним стоит мальчик и подает ему желто-оранжевый плод, возможно персик. В правой части – композиция «Туншэ», состоящая из четырех животных стоящих друг на друге и собирающих плоды с дерева. В центре тхангка – река, уходящая вдаль, вдалеке виднеются горы, широкий луг. На берегу реки пасутся олени, по реке плавают лебеди. Также были обнаружены две тхангка «Туншэ». Эти иконы выполнены именно в художественном стиле и манере Даба Тушнэ.

В ходе исследования музейного фонда нами обнаружены две тхангка имеющие в отличие от остальных, указание на авторство одного и того же мастера. Интерес представляет то, что на иконе Сагаан Убгэн, выполненной в традициях иконописания еравнинских мастеров, с оборотной стороны сохранилась надпись на старомонгольской письменности «Работа написана Цыремпилом Аюшеевым из Хоринского аймака в 1927 г.». Эта надпись видимо была сделана музейными сотрудниками. Никаких других сведений о художнике на тот момент мы не нашли. Позже, на тхангка «Гандан Лхабжай» (МИБ ОФ 600) мы обнаружили также на оборотной стороне подобную надпись на старомонгольской письменности с русским переводом: «выполнена в 1920 г. по заказу Жай Чимитова из Заиграевского района, художником Цыремпилом Аюшеевым, уроженца с. Тэгда Хоринского района, окончившего школу художников в г. Иркутск. Работал учителем». Если стилистические особенности, художественные отступления и колорит тхангка первой работы обращают нас к традициям еравнинских мастеров, что позволяет нам предположить примерно дату и школу, то вторая работа художника написана с соблюдением строгих иконографических и иконометрических канонов. Таким образом, без сохранившихся надписей вряд ли была возможна атрибуция автора или же хотя бы места изготовления.

В фондах хранятся две тхангка художника-иконописца Лодэ Самбу, точных биографических данных о художнике мы не имеем. Известно, что он из Селенгинского района, жил в кон. XIX – нач. XX вв., участвовал в первой бурятской художественной выставке, организованной Буручкомом (1927 г.) вместе с иконописцами О. Будаевым, Д. Тушнэ, Б. Аригунэ и др. Его работы отличаются широтой творческого размаха. Тхангка Лодэ Самбу «Авадана о царевиче Махасаттве» – это иллюстрация к редкому сюжету о парамите

отдачи (дана). В центре иконы изображен бодхисаттва Махасаттва (одно из предыдущих перерождений Будды Шакьямуни), приносящий свое тело в жертву на съедение голодной тигрице, чтобы та прокормила своих тигрят. Хотя икона выполнена в китайско-тибетской традиции, которая прослеживается в изображении ландшафтного фона: горы с заснеженными вершинами, водоемы и водопады, персиковые деревья с плодами, маленькие кустарники, цветы лотоса, но, работе присущи бурятские традиции иконописания - зарисовки облаков, волн и т.д.

Вторая работа художника - «Обряд Дугжубэ», выполненная минеральными красками на грунтованном полотне. Данную работу можно датировать 20-ми – началом 30-х гг. XX в. так как сюжет картины написан под влиянием новых веяний социалистической культуры: молодые художники «фиксируют на полотне всю ту седую уходящую старину» [4, 1965, с.5]. Здесь Лодэ Самбу применил в реалистической живописи бурятские иконописные традиции.

Таким образом, нами были рассмотрены и атрибутированы часть работ бурятских иконописцев конца XIX - начала XX вв., в которых прослеживается самобытный авторский стиль, отличающийся свободным владением различными стилями, техникой и технологией живописи. Более того, уровень мастерства художников позволял им выходить за рамки буддийских средневековых канонов, а имеющийся кругозор - использовать в живописи особенности западной художественной системы: световой лепке объемов, передаче природного подобию, разработке проблемы движения, а также пространства и перспективы. При этом, они, соблюдая основные требования иконометрии и пропорции фигур, по-своему переосмысливают образы божеств, вводя этнические черты в святые лики, приносили свои особенности, присущие местным традициям в декоративные детали, украшения, формы лotosового сидения. Все это в совокупности позволило нам выявить и определить среди многочисленных работ так называемую «руку мастера». Это, несомненно, очень кропотливый и сложный процесс. Установление авторства, введение в оборот творческое наследие бурятских иконописцев представляют огромную научную ценность и как фактологический материал для изучения буддийского искусства, и в исследовании их роли, значения и вклада в историю культуры Бурятии.

Список литературы

1. Бардалеева С.Б. История буддийской коллекции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. – М., 2008.
2. Дамбинов П.Н., Мэрдыгеев Р.С. Об искусстве бурятских дацанов //ХВРК ИМБИТ СО РАН. – инв. 520. – 75 с.

3. Гомбоева А.Ш. Микро- и макрокосмос в буддийской иконописи (по материалам фондовой коллекции Музея истории Бурятии) // Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1993

4. Соктоева И.И. Живопись Советской Бурятии. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1965.

УДК 719(571.54)

Е.В. Ваганова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

CURRENT STATE OF HISTORICAL MONUMENTS OF THE PRIBAYKALSKY DISTRICT OF THE BURYATIA REPUBLIC

В статье рассматривается историко-культурное наследие Прибайкальского района Республики Бурятия. Для изучения выделена категория объектов – «памятники истории», оценено их современное состояние и характер использования.

In article considers the historical and cultural heritage of the Pribaykalsky district of the Republic of Buryatia. To study the category of objects – "historical monuments" is made, their current state and nature of use is estimated.

Ключевые слова: наследие, историко-культурное наследие, памятники истории и культуры, памятники истории, памятники культовой архитектуры, краеведение, школьное краеведение, патриотическое воспитание, малая Родина.

Keywords: heritage, historical and cultural heritage, historical and cultural monuments, historical monuments, monuments of cult architecture, regional study, school regional study, patriotic up-bringing, Motherland.

Прибайкальский район – это не только удивительный по красоте край с горными реками и тайгой, но и край с богатой палитрой исторических событий. Расположен район в Прибайкалье, в административных границах которого находится центральная часть озера Байкал. Здесь имеются лечебные источники, курортные места в границах поселка Ильинка, села Горячинск, побережья озера Котокель, протекает река Селенга, проходит Восточно-Сибирская железная дорога. Район обладает и богатым историко-культурным наследием: на государственной охране состоит 38 памятников истории и культуры: 16 памятников истории, 11 памятников архитектуры и

11 памятников археологии [1, С.178-183; С. 289-291]; [2, С. 266-278]. Два объекта имеют статус памятников федерального значения: Троицко-Селенгинский монастырь в селе Троицкое и могила декабриста И. Ф. Шимкова в селе Батурино. На государственной охране как памятники архитектуры местного значения состоят кладбищенские часовни в селах Гурулево и Гремячинск, жилые дома в селах Нестерово и Покровка, путевые казармы на станциях Татаурово и Мандрик. Все эти объекты, построенные в конце XIX-начале XX вв., выполнены из дерева и являются характерными примерами жилой, общественной и культовой архитектуры Забайкалья [1, С.178-183]. Из 11 памятников архитектуры три выполнены из камня и являются ярким примером культовой застройки региона: Сретенская церковь села Батурино, Троицко-Селенгинский монастырь села Троицкое и Спасская церковь села Турунтаево. В данной работе для исследования взята лишь одна категория объектов наследия – памятники истории, с целью оценить их современное состояние и характер использования.

Сегодня категория «памятников истории», как таковая не нашла отражения в современном законодательстве [5]. Однако в Законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1978 г.) данная категория существовала как самостоятельная. Согласно документа к памятникам истории следовало относить: здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства... с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся политических, государственных, военных деятелей... захоронения погибших за свободу и независимость Родины [6]. В советский период памятники истории подразделялись на 5 видов: памятники истории, связанные с производственной (трудовой) деятельностью; памятники и памятные места, связанные с государственным устройством и общественной жизнью, связанные с борьбой народа за независимость, отражающие борьбу классов и революционные выступления; отражающие развитие науки, культуры и искусства, а так же жизнь и деятельность выдающихся людей [11].

Как уже упоминалось выше, на государственной охране в Прибайкальском районе стоит 16 памятников истории. Большинство из них (13) посвящено памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, 2 объекта связаны с событиями установления Советской власти в регионе (1918 г.), 1 памятник связан с жизнью и деятельностью декабриста (И. Ф. Шимков, 1836 г.) [1, С. 289-291].

Памятник на могиле декабриста И. Ф. Шимкова (1836 г.) считается одним из старейших исторических объектов на территории республики и имеет статус памятника федерального значения, в этой связи уделим ему особое внимание. Шимков Иван Федорович (1802-1836 гг.), прапорщик,

член общества Соединенных славян, был осужден по IV разряду на 12 лет каторжных работ, сокращенных до 10, затем до 8, с последующим поселением [7, С. 312]. Прибыл в Читинский острог в марте 1827 г., затем переведен в Петровский Завод (1830 г.). 25 января 1833 г. по отбытии срока каторжных работ отправлен на поселение в село Батурино Верхнеудинского округа, куда прибыл под надзор местной администрации 2 февраля. В Батурино декабрист прожил три с небольшим года: занимался чтением книг, переводами с французского сочинений общественно-политического, литературно-нравственного характера, добивался перевода на другое место жительства. Получив 15 десятин земли, приступил к занятию сельским хозяйством, и своим трудолюбием заслужил уважение местных жителей. Скончался декабрист в 1836 г., завещав все оставшееся имущество невесте Фекле Батуриной, ухаживавшей за больным. Похоронен Иван Федорович в ограде кладбища Сретенской церкви (ныне Батуринский Сретенский женский монастырь).

Первоначально памятник состоял из деревянного двухступенчатого обелиска, высотой 1,75 м, и наклоненной к нему чугунной плиты 1,25×0,70 м с текстом «Иван Федорович Шимков. Родился 1803 года, скончался 1836 года. Претерпевший до конца той спасен будет. От Матфея. Глава X». По преданию плита была привезена и поставлена женой декабриста С. Г. Волконского М. Н. Волконской. Памятник был обнесен деревянной оградкой 3,0×1,50 м. В канун подготовки к 150-летию восстания декабристов (1975 г.) Министерство культуры БурАССР провело реконструкцию памятника: насыпан холм высотой 0,50 м, обрамленный двухступенчатым бетонным ограждением, в центре установлено мраморное надгробие, в которое вмонтировали старую чугунную мемориальную доску. К могиле ведет небольшая лестница [8, С. 131-132]. Сегодня состояние памятника оценивается как удовлетворительное.

События Великого Октября и Гражданской войны отражают два памятника Прибайкальского района: братская могила семи красногвардейцев, павших за власть Советов в августе 1918 г. на ст. Татаурово и братская могила политзаключенных из Самарского поезда смерти, расстрелянных белогвардейцами в августе 1918 г. на ст. Мостовка [1, С. 293-294]. Однако, по данным А. В. Тиваненко, к памятникам истории относится дом И. Ф. Шалаева в с. Югово, в котором размещалась подпольная большевистская организация и штаб партизанского отряда села [8, С. 132]. Однако, в Своде объектов культурного наследия Республики Бурятия (2010 г.) он не зафиксирован. Объекты сегодня находятся в удовлетворительном состоянии. К сожалению, в краеведческой литературе содержатся достаточно скудные сведения о данных памятниках.

Период образования и становления Прибайкальского района пришелся на трудные военные годы (район был образован Указом Президиума

Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1940 г. путем выделения части территорий Кабанского и Баргузинского районов) [3]. За время войны из Прибайкалья было призвано в ряды Советской Армии около 4000 человек, 1468 погибло в боях за независимость нашей Родины. Самоотверженно прибайкальцы работали и в тылу, в фонд обороны сдавали мясо, молоко, масло, теплую одежду, были собраны средства на строительство танковой колонны и эскадрильи самолетов [4, С. 62].

Самое большое количество памятников истории района связано именно с этими событиями. В 13 селах района установлены памятники воинам-землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. В период с 1965 по 1985 гг. они были возведены в с. Турунтаево, с. Горячинск, с. Гремячинск, с. Еловка, с. Зырянск, с. Ильинка, с. Нестерово, с. Покровка, с. Таловка, с. Татаурово, с. Троицкое, с. Турка, с. Югово.

Так, памятник в с. Турка выполнен в виде трехступенчатой пирамиды на пьедестале, на вершине которого находится пятиконечная звезда. Автор обелиска А. Г. Липаткин. Объект построен в 1968 г. и является одной из главных достопримечательностей села. Ежегодно к Дню Победы школьники организуют шествие с возложением цветов.

В 1970 г. подобный объект был открыт в с. Турунтаево. С места, на котором он построен, прибайкальцы уходили на фронт. Сдан памятник 7 ноября 1969 г. Это монументальная скульптура воина-победителя в полный рост в плащ-накидке, с обнаженной головой, в одной руке опущенный автомат, в другой каска, установлен на высоком постаменте с изображением эпизодов войны. В 1960-х гг. правительство республики выделило средства для создания сооружений, посвященных важнейшим юбилейным датам Великой Победы (приказ № 148 «о строительстве памятника воинам, погибшим в годы ВОВ») [3]. С 1970-х гг. здесь появилась традиция: провожая на службу в армию односельчан ветераны вручали им красные кисеты с горсткой прибайкальской земли. В 1980-х гг. пионеры 5-6 классов боролись за право ухаживать за памятником. Но и сегодня объект не потерял своего общественного значения: на этом месте проводят линейки, последний звонок, молодежные возлагают цветы.

В целом современное состояние памятников истории Прибайкальского района Республики Бурятия можно назвать удовлетворительным. Это объясняется их сравнительно недолгим существованием, посильными консервационными и реставрационными работами (уборка территорий, покраска объектов и др.). Однако, практически все объекты выполнены без проектов, из недолговечных материалов. Хочется отметить, что на сайте Администрации района предложена информация по современному состоянию памятников, посвященных ВОВ подраздел «Памятник воинам Прибайкальского района» с фотографиями [3]. Данный факт говорит и об интересе к своей

истории и к своему наследию. Однако, следует помнить, что памятники истории в силу своей специфики, в отличие от памятников архитектуры, например, как правило не обладают художественной ценностью. Таким образом, их следует оценивать с содержательной стороны, то есть с историческими событиями, с ними связанными.

Характеризуя историко-культурное наследие Прибайкальского района, с целью его дальнейшего сохранения и использования, руководство района выступает с рядом предложений: необходимо передать объекты культурной архитектуры в пользование Бурятскому Благодичию Русской Православной Церкви при наличии в селах религиозных объединений. В связи с высоким статусом памятника архитектуры – Троицко-Селенгинского монастыря, возможностью его дальнейшего использования по первоначальному назначению, а также учитывая историко-архитектурную застройку с. Троицкое, разработать и утвердить историко-архитектурный опорный план села и проект охраны памятников и регулирования застройки.

Учитывая градостроительную и композиционную целостность с. Батурино, историко-архитектурную ценность элементов застройки, хорошую сохранность планировочной структуры, администрации района необходимо внести предложение в Министерство культуры РФ и Министерство строительства и архитектуры РФ о включении данного поселения в список исторических населенных мест РФ. Утвердить проект зон охраны памятников, регулирования застройки и историко-архитектурный опорный план с. Батурино.

Также необходима разработка проектов зон охраны на все памятники Прибайкальского района. Рекомендуется в перспективе замена существующих обелисков на месте братских могил красногвардейцев и памятников воинам-землякам. Учитывая, что на государственном учете в основном находятся памятники истории советского периода, требуется провести научные исследования по выявлению памятников дореволюционного периода.[10].

Определяющее место в общественной ценности памятников истории занимает их включение в воспитательный процесс, в котором они незаменимы как источники знаний. Кроме того, именно памятники истории играют огромную роль в воспитании патриотизма, которое должно начинаться с изучения своей малой Родины – деревни, города, края, в котором живешь, приобщения к тому отношению, которое человек испытывает при виде родных мест, при общении с людьми старшего поколения. Это способствует развитию творческого потенциала, познавательного интереса, любознательности к историческому и культурному наследию родного края, воспитывать гражданственность, чувство гордости за свою малую и большую Родину, патриотизм. Воспитание любви к Родине и формирование достойного граж-

данина должны стать основными составляющими в учебно-воспитательной работе любой школы. Одним из важнейших средств, связывающих обучение и воспитание с жизнью, является школьное краеведение. Оно позволяет воспитывать патриота и гражданина не на абстрактных идеалах, а на конкретных примерах, приобщать ребят к культурному наследию страны и "малой родины". В данном случае такими примерами могут стать памятники истории Прибайкальского района.

Примечания

- Памятники архитектуры и истории. Том 1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия/Науч. ред. В. К. Гурьянов. – Улан-Удэ: 2010. – 328 с.: ил.
- Памятники археологии. – Улан-Удэ: 2011. – 392.: ил. (Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия; т.2)
- <http://pribajkal.ru/> дата обращения 04.06.2014 г.
- Затеев А. К., Затеева Н. А. Прибайкальский район (между прошлым и будущим) 1646-2009. – Улан-Удэ: 2009. – 167 с.
- Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации: Федеральный Закон//Охрана и использование памятников культуры: Сборник нормативных актов и положений. М.: 2004. – С. 160-198
- Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15 дек. 1978 г. (в ред. от 18.01.85) //Законодательство о культуре. – М.: 2001. – С. 328-345
- Декабристы: справочное пособие/автор-составитель Пилипенко В. С. – Новокузнецк: 2006. – 336 с.
- Историко-революционные памятники Бурятии/Сост. А. В. Тиваненко и др. Улан-Удэ: 1987. – 160 с.
- <http://az-koz.in.narod.ru/dance.html/> дата обращения 04.06.2014 г.
- <http://pribajkal.ru/district/Pamitnvoinam.php/> дата обращения 04.06.2014 г.
- Полякова М. А. Исторические памятники: проблемы классификации и определения общественной ценности//Памятник и современность. Памятники в контексте историко-культурной среды. – М.: 1990. – С.60-69

УДК 069:72

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В
РАМКАХ РАЗРАБОТКИ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ Г. КЯХТЫ).**

**REPRESENTATION OF MONUMENTS OF ARCHITECTURE IN
THE EXCURSION ROUTES OF KYAKHTA**

В данной статье рассматриваются памятники архитектуры в качестве объектов экскурсионного маршрута г. Кяхты – признанного исторического города России. С развитием экскурсионного дела в настоящее время объекты культурного наследия в большей степени привлекают внимание, тем самым имеют шанс на сохранение.

The article considers architectural monuments of Kyakhta, Russia's recognized historical city, as objects of an excursion route. At present, with the development of excursion business cultural heritage sites draw more attention, thus increasing their chance for preservation.

Ключевые слова: репрезентация; объекты культурного наследия; памятники архитектуры; экскурсионный маршрут; исторический город; Кяхта.

Keywords: representation, cultural heritage sites, architectural monuments, excursion route, historical city, Kyakhta.

С точки зрения культурного наследия Кяхта является одним из старейших малых исторических городов России и Сибири и в настоящее время представляет Республику Бурятия в Списке исторических городов России [1]. Кяхта сохранила старинный облик и характерную застройку купеческого города. Основная часть сохранившихся памятников истории и культуры Кяхты отражает историю города, которая связана с торговлей в XVIII-XIX вв., через который проходил единственный сухопутный маршрут из Европы в страны Востока.

Сегодня, город насчитывает 69 памятников истории, архитектуры и градостроительства, как федерального, так и местного значения. Среди них – 8 памятников федерального значения [2]. Поэтому репрезентация памятников архитектуры в качестве экскурсионных объектов является одним из актуальных направлений в развитии туристского дела, в том числе благодаря этому можно обеспечить дальнейшее использование памятников и их сохранность.

Репрезентация памятников архитектуры, это своего рода презентация или представление их в том или ином виде. Наиболее общее понятие репрезентации определяется, как представление одного в другом и посредством другого. Таким образом, экскурсовод представляет экскурсантам объек-

ты культурного наследия в качестве памятников архитектуры и градостроительства и связанные с ними значимые события и явления.

Кяхта – единственный город в Бурятии, где сохранилось достаточное количество памятников, которые относятся к событиям первой революции 1905-1907 гг. За пределами города имеется несколько памятников истории, связанных с началом гражданской войны в Забайкалье, наиболее известный из них – братская могила членов Троицкосавского Совета и красногвардейцев, погибших в августе 1918 г. в Усть-Кяхте. Есть в районе и такие памятники, которые отражают события войны, относящиеся к вторжению белогвардейской банды барона фон Унгерна, разгромом войсками Пятой Красной Армии в 1920 – 1921 гг. Большой интерес представляет группа памятников в Кяхте, связанных с событиями монгольской революции и пребыванием в нем Сухэ-батара.

Ограничиваясь рамками статьи, остановимся на самых достопримечательных и событийных памятниках архитектуры и градостроительства. Отметим, что все объекты требуют реставрации разной степени сложности: от косметического ремонта до полного исправления зданий. Но в первую очередь, необходимо провести реставрацию объектов в Слободе и по улице Ленина, так как они не только являются объектами первостепенного показа, но и сохраняют облик купеческой Кяхты.

Например, жилой дом по улице Ленина № 29 по данным Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) во второй половине XIX в. принадлежал купцу Д. С. Сибирякову. На его усадьбе располагались главный дом, кухня, баня, другие постройки [3]. Одноэтажный, деревянный дом, на высоком каменном подклете, с южной стороны имеет высокий прируб сеней под двускатной кровлей с пологим фронтоном в торце. Со стороны западного дворового фасада, по линии южного фасада сеней, устроен поздний пристрой из силикатного кирпича. В 1918 г. в этом здании располагался уездный Совет, где работал Ц. Ц. Ранжуров – первый бурятский революционер [4]. В настоящее время в здании располагается городская администрация.

Здание № 35-а было построено в 1850-х гг., принадлежало купцу И. А. Нерпину. В 1873 г. врачом Козих была открыта первая в Забайкалье метеорологическая станция, благодаря которой он положил начало регулярным научным наблюдениям за погодой в городе. Результаты наблюдений печатались в трудах Троицкосавского отделения Русского Географического Общества [5].

Следующее здание бывшей почтовой конторы, расположенное в доме № 37. Его служащие участвовали во Всероссийской Октябрьской стачке и принимали активное участие в революционных выступлениях г. Троицкосавска 1905-1906 гг. В 1830 г. дом был подарен городом под почтово-телеграфную контору. Здание деревянное, двухэтажное, обшито гладкой доской.

Крыша вальмовая. Главный вход акцентирован двускатным козырьком, поддерживаемым двумя диагонально расположенными перекладинами [6].

Дом № 38, в котором в 1918 г. находился Троицкосавский Совет рабочих и солдатских депутатов. На главном западном фасаде информационная надпись: «В этом доме в 1918 г. находился Троицкосавский совет рабочих и солдатских депутатов. Памятник истории. Охраняется государством» [7].

Одноэтажное каменное здание № 42 было построено в конце XIX в. и принадлежало тарскому 1-й гильдии купцу А. Я. Немчинову. Современники считали его «признанным торговым гением». Свой основной капитал он составил на золотопромышленности, владел приисками в Олекминской и Ленско-Витимской системах. Вместе с компаньонами финансировал экспедиции по изучению новых районов, представляющих интерес для золотопромышленности. Занимался развитием горнорудного и медеплапильного дела в Восточной Сибири. Вел оптовую торговлю чаем и другими продуктами питания, имел парохозяйство по Байкалу, р. Ангаре, р. Селенге. Занимался благотворительностью и меценатством. Являлся одним из основателей городского общественного банка в Кяхте в 1844 г., ремесленной сиропитательной школы в 1885 г. Жертвовал крупные суммы на строительство церквей, школ, сиропитательных заведений. Добился разрешения на издание в Кяхте газеты и оказывал финансовую помощь в ее издании. До 2011 г. в здании располагалась детская молочная кухня [8].

Бывший дом купца А. Я. Немчинова под № 42-а, в котором жила А. Н. Орлова, старейший краевед Забайкалья, директор музея, был построен в конце XIX в. Одноэтажный деревянный дом, прямоугольный в плане покрыт вальмовой крышей. С севера во всю длину фасада устроены поздние дощатые сени.

Дом по периметру опоясывает подшивной, профилированный карниз большого выноса и фриз выполненный из трех гладких горизонтально уложенных досок. Фасады памятника обшиты калеванной доской набранной горизонтально. Углы дома фланкированы пилястрами, расчлененными на три части по вертикали, имитирующими базу, колонну и капитель, обрамленными профилированными рейками. Верхняя часть пилястры, «капитель» и средняя «колонна» украшены накладными элементами пропиленной и глухой резьбы [9].

Одноэтажный деревянный особняк построен в конце XIX в. на земельном участке № 46-а кяхтинского 2-й гильдии купца Н. И. Матренинского. В его заявлении в Троицкосавскую городскую управу от 1877 г. испрашивается разрешение на постройку нового дома взамен пришедшего в негодность старого.

В настоящее время в здании располагается представительство Иркутского технического университета [10].

Деревянный дом № 47 был построен в начале XIX в. В этом доме проживал Д. Д. Павлович (1811-1888) – учитель, краевед, автор стихотворения «Думы беглеца на Байкале» (известной песни «Славное море, священный Байкал»). В 1830 г. после окончания Иркутской губернской гимназии он назначается учителем 1 класса Троицкосавского уездного училища, где проработал до 1833 г. Учительскую работу он сочетает с занятиями наукой, начинает писать стихи. Изучал быт эвенков, бурят-монгол, якутов. Автор «Якутско-русского словаря». В 1833-45 гг. – штатный смотритель Якутского уездного училища. В 1846-1860 гг. – Верхнеудинского уездного училища [11].

Здание реального училища № 48, открытие которого связано с посещением в 1873 г. Забайкалья Великим князем Алексеем Александровичем, сыном императора Александра III. В ознаменование этого события кяхтинскими купцами было решено учредить в Троицкосавске на свои средства мужское среднее учебное заведение и назвать его в честь Великого Князя Алексеевским. Открытие такого училища диктовалось необходимостью обеспечить русско-китайскую торговлю в Кяхте специалистами с достаточно общим и коммерческим образованием.

Строительство велось в течение трех лет. Руководил строительством с сентября 1878 г. по 16 ноября 1881 г. крестьянин Владимирской губернии Гороховского уезда Новослободской волости Федор Федотович Волков, по окончании строительства ему был выдан аттестат, свидетельствующий о знании Ф. Ф. Волковым обязанностей как специалиста по каменным, штукатурным, печным и другим работам.

В декабре 1905 г. в здании училища началась забастовка учащихся и учителей. Толчком к забастовке послужила телеграмма Иркутского стачечного комитета. Забастовка приняла в Троицкосавске массовый характер, ее поддержали все учебные заведения города, и на собрании Учительского съезда (проходило в здании бывшей городской думы) было принято решение присоединиться к борьбе трудящихся России против самодержавия [12].

Кяхтинский краеведческий музей имени академика В. А. Обручева размещается в здании № 49 бывшего городского четырехклассного училища.

На 1881 г. училище располагалось в общественном доме. В 1886 г. оно было преобразовано в городское 4-х классное и размещалось в старом тесном деревянном одноэтажном здании. В 1895 г. решено было построить новое каменное здание, и городскими властями был объявлен добровольный сбор средств. С 1925 г. в здании размещается Кяхтинский краеведческий музей. Созданный энтузиастами из местной интеллигенции в 1891 г., музей по-

лучил определенную поддержку местных меценатов. Это позволило развернуть многостороннюю работу по изучению края. Коллекции музея возрастали и размещались в случайных помещениях, в стесненных условиях. В 1925 г. госплановая комиссия БМАССР приняла постановление о признании Троицкосавского музея учреждением, имеющим «особое общегосударственное и республиканско-областное значение», и музею передали всю усадьбу четырехклассного городского училища [13].

Дом № 53, в котором 2 сентября 1910 г. состоялась Общесибирская конференция социал-демократических организаций. Здание построено в конце XIX в., расположено в среде исторической застройки. Одноэтажный, прямоугольный в плане бревенчатый дом с каменным полуподвалом под двускатной кровлей. Вход со двора через прируб сеней. Трехосный оконный фасад выходит на красную линию ул. Ленина. Фасады обшиты калеванной доской. Окна прямые, завершаются прямым сандриком. На фасаде установлена мемориальная доска: «Памятник истории. Бывший дом Шульгиных. Здесь в 1905-1906 гг. Троицкосавская группа РСДРП печатала революционные прокламации. Охраняется государством» [14].

Здание бывшего государственного банка в доме № 58 относится к постройкам конца XIX в. Памятник построен в 1905 г. для нужд государственного банка. Впоследствии здание использовалось расчетно-кассовым центром Национального банка Республики Бурятия. В 1980-х гг. в здании располагались реставрационные мастерские училища культуры. В августе 2001 г. передано под учебный корпус Кяхтинского филиала Иркутского технического университета [15].

Здание под № 61 построено в 1870-80-х гг. на усадьбе М. А. Кокovina. В 1890 г. на усадьбе были произведены следующие постройки: деревянная баня и прачечная, каменная кучерская над кухней, навес, один деревянный дом, амбар на месте Никольского приходского училища с северной стороны, каретник и сеновал и др. В разные годы постройки усадьбы Кокovina использовались различными учреждениями и под жилье. В 1918 г. в главном доме проживал В. М. Рагозин – командир отряда красногвардейцев, в соседнем доме размещался штаб отряда Хилокских партизан. В 1921 г. в здании размещался Штаб 5-й Армии, руководивший военными действиями по разгрому частей барона Унгерна. В боях за Троицкосавск, которые проходили 12-13 июня 1921 г., участвовал 35-й кавалерийский полк под командованием Рокоссовского. В 1980-х гг. в зданиях усадьбы размещались музыкальное училище, детский сад. С 2003 г. – учебные корпуса филиала ФГБОУ ВПО ВСГУТУ. На главном восточном фасаде информационная надпись: «Здесь в 1921 году размещался штаб 5-й армии, руководивший разгромом Унгеровских войск. Памятник истории. Охраняется государством» [16].

Деревянное здание № 64 построено в 1855 г. на усадьбе купца Д. А. Могильникова Г-образный в плане дом с высокими сенями с северного торцевого фасада. Со стороны северного дворового фасада по линии восточного торцевого двухэтажный пристрой прямоугольный в плане. Постройку венчает фриз и профилированный карниз большого выноса. Окна на пятиосных равнозначных фасадах прямоугольной формы с сандриками отличаются своими размерами: высокие в рамочных наличниках на втором этаже и укороченные со ставнями на первом. С небольшими изменениями сохранилась внутренняя планировка дома под жилье. Здание связано с памятными историческими событиями — здесь с 1900 по 1911 гг. проживала семья революционеров, членов РСДРП Черных. Выразительный образец деревянной застройки Кяхты конца XIX в. [17].

Следующие объекты, расположенные в среде исторической застройки находятся на улицах Серова и Советская.

Например, одноэтажное, каменное здание по ул. Серова № 5, Г-образное в плане, состоящее из разных объемов, различающихся по размерам и декоративному решению фасадов. Каменные одноэтажные торговые ряды были построены в конце XIX – начале XX вв. Здесь помещались магазины купцов Урманчеева, Шергина, Смирнова, Трубецкой, в которых шла торговля чаем, продуктами питания, мануфактурой. В настоящее время в здании размещаются магазины, кинотеатр [18].

Следующий деревянный одноэтажный с антресольным этажом дом по ул. Конторской (ныне ул. Серова) № 6-а построен в 1870-е гг. По сведениям местных жителей дом принадлежал Кудрявцеву [19].

Деревянный, прямоугольный в плане дом № 6 на высоком цокольном каменном этаже. Покрит вальмовой кровлей. С восточной стороны два пристроя сеней под односкатной крышей, через которые организован вход в дом и в цокольный этаж. Карниз дощатый, подшивной, небольшого выноса. Углы дома и выступы несущих стен обшиты гладкой вертикальной доской с имитацией лопаток. Обшивка фасадов гладкой доской сохранилась только на северном фасаде. Оконные проемы прямоугольные, обрамлены простыми наличниками. Два крайних (южных) оконных проема цокольного этажа заложены [20].

Отделение в здании Русско-Азиатского банка на ул. Советская № 5-в в основном рассматривало обращения коммерческих банков об оплате векселей и железнодорожных квитанций купцов и предпринимателей, осуществляло посредничество в платежах, кредитование, операции по счетам. В 1996 г. в результате пожара была полностью уничтожена крыша, пропильной подзор карниза. В 1999 г. ТМ «Улан-Удэрхпроект» разработан проект ремонтно-восстановительных работ по зданию с целью восстановления кровли, укрепления перекрытия, стен, и фундаментов. В 2000 г. произведе-

ны ремонтно-реставрационные работы по восстановлению кровли, усилению фундаментов и перекрытий, ремонту цокольной части и интерьеров, замене окон и дверей. В настоящее время в здании размещается учебный корпус Кяхтинского медицинского училища [21].

Таким образом, обращая внимание на катастрофическое исчезновение объектов культурного наследия, в нашем случае памятников архитектуры и градостроительства, их дальнейшее использование и сохранность представляется возможным в случае включения их в экскурсионные маршруты, что также позволяет увеличить познавательную ценность экскурсий, т.к. знакомство с данными объектами позволяет проследить историю государства не только отдельного города, но и в целом.

Список литературы

1. Сайт «Российская газета» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2010/09/29/istor-posel-dok.html> / (дата обращения 29.07.2014).
2. Памятники архитектуры и истории. Том I. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / Науч. ред. В.К. Гурьянов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010 г. – 360 с.
3. ГАРБ Ф. 261. Оп.1. Д. 136. Л. 33
4. Дом жилой (дом купца Д.С. Сибирякова): паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
5. Здание, где в 1873 г. врачом Козих была открыта первая в Забайкалье метеорологическая станция: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 7.
6. Здание бывшей почтовой конторы: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л.7.
7. Дом, в котором в 1918 г. размещался Троицкосавский совет рабочих и солдатских депутатов: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 7.
8. Торговая лавка купца Немчинова: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
9. Бывший дом купца Немчинова А. Я.: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 7.

10. Дом Матренинского: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
11. Дом, где в 1830-1833 гг. жил Д. П. Давыдов: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 7.
12. Здание реального училища: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
13. Здание краеведческого музея им. Обручева: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 9.
14. Дом Шульгиных: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2011 г. – Л. 7.
15. Здание бывшего государственного банка: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л.10.
16. Дом купца Коковина: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
17. Дом, где в 1900-1911 гг. жила семья революционеров: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2011 г. – Л. 8.
18. Торговый ряд: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
19. Дом состоятельного горожанина второй половины XIX в.: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.
20. Дом, где жил Ю. Д. Талько-Грынцевич: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 7.
21. Здание бывшего Русско-Азиатского банка: паспорт объекта культурного наследия / НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры. – Улан-Удэ, 2010 г. – Л. 8.

УДК 351.858:379.8

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

HISTORICAL REENACTMENT AS A METHOD OF CULTURAL HERITAGE CONSERVATION

В статье поднимается проблема сохранения культурного наследия. И в этом контексте историческая реконструкция демонстрируется как эффективный способ воссоздания культурных ценностей, использования и сохранения культурного наследия и его популяризацию средствами реконструкции.

The article raises the problem of preservation of cultural heritage. In this context, a historical reenactment is demonstrated as an effective way to recreate cultural values, use and conservation of cultural heritage and its popularization by means of reconstruction.

Ключевые слова: нематериальная культура, культурное наследие, историческая реконструкция.

Keywords: non-material culture, cultural heritage, historical reenactment.

Сохранения культурного наследия является одной из основных проблем для культурной политики Российской Федерации и многих других стран мира в последние десятилетия. Исторической основой всего многообразия направлений, форм и видов культуры в современном мире является традиционная культура. Традиционная культура имеет огромное значение, так как в её русле формируется ценностная система, осуществляется связь с историческим прошлым, регулируются нормы социальных отношений, складываются представления человека о мире, выстраивается перспектива будущего развития, приобретают упорядоченный характер различные отношения и связи народа с окружающим миром. Все это даёт возможность рассмотрения вопроса сохранения культурного наследия как одного из важнейших условий гармоничного развития общества.

Среди всех способов сохранения нематериального культурного наследия автор считает необходимым выделить историческую реконструкцию как один из наиболее эффективных. Историческая реконструкция - форма развивающего досуга, хобби и субкультура, получающая всё большую популярность сегодня [1, с.20]. Историческая реконструкция привлекает людей разного социального и финансового положения, разных возрастов и разного гендера.

Реконструкция осуществляет поддержание общественной памяти, что важно для сохранения культурного наследия и культуры в целом [1, с.22]. Происходит это через приобщение участников и зрителей к культуре определённой эпохи и региона, посредством демонстрации элементов материальной (предметы, сооружения) и нематериальной (игры, состязания, танцы, песни, кухня) культуры.

Примерами такой реконструкции можно назвать реплику Ледяного дома, построенного зимой 1740 года и воссозданного на Дворцовой площади Санкт-Петербурга в 2005 году. Оригинал был создан для шутовской свадьбы по случаю заключения мира между Российской Империей и Оттоманской Портой. Подобное событие - это наиболее притягательный элемент культуры эпохи Анны Иоанновны, который, благодаря реконструкции, удалось продемонстрировать в наши дни [2, с.73].

Другим примером является белорусская музыкальная группа средневековой музыки "Стары Ольса", основанная в 1999 году. Данный коллектив самостоятельно занимается музыкальной реконструкцией стародавних песен, стараясь воссоздать не только тексты, но и музыкальное сопровождение. Для этого коллектив использует многие уже забытые музыкальные инструменты: дуду, лиру, гусли, свирель, варган, окарину, сурму, берестяную трубу, гудок, лютню, флейту, мандолину, барабан и арабский барабан. Группа ставит перед собой задачу наиболее полной (в силу своих возможностей) реконструкции музыкальных традиций Великого княжества Литовского. С 2003 года на базе группы "Стары Ольса" так же появился танцевальный коллектив - театр "Яварына", занимающийся разработкой и постановкой сценических и массовых вариаций старинных танцев.

Таким образом, на данных примерах мы можем видеть, что историческая реконструкция способна не только сохранять и использовать культурное достояние, но и популяризировать культуру прошлого, осуществлять межкультурную коммуникацию от современной культуры к культуре прошлого.

Примечания

1. Кадер А.М. Историческая реконструкция как социокультурный феномен/А.М. Кадер//Психология. Социология. Педагогика. - 2013. - №6(31). - С.20-22.

2. Кадер А.М. Реконструкция исторических событий как средство межкультурной коммуникации/А.м. Кадер//Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер.2. Искусствоведение. Филологические науки. - 2013. - №4. - С.72-74

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

COMMUNICATIVE PRACTICES OF PUBLIC LIBRARIES IN THE TRANSFORMATION OF CULTURAL VALUES

Аннотация: В статье дается терминосистема актуализированных в последние годы в библиотековедении понятий: коммуникативные практики, общественное пространство, публичное пространство, раскрываются некоторые пути трансформации культурных ценностей посредством культурных практик в публичной библиотеке в ракурсе обозначенных пространств.

Annotation: The article gives a system of terms actualized in library science lately: communicative practices, social space and public space. Some ways of transforming cultural values through cultural practices in public libraries in the above mentioned spaces are considered.

Ключевые слова: коммуникативные практики, культурные ценности, общественное и публичное пространство, нейромаркетинговый подход, подготовка кадров.

Key words: communicative practices, cultural values, social and public space, neuromarketing approach, staff training.

Главная задача публичной библиотеки – адаптироваться к быстроизменяющемуся социуму, выстраивать с ним квалифицированный диалог и полилог, т.е. коммуникативные практики. Библиотекарь развивает отношения с микросоциумом (читатели, коллеги), с макросоциумом (органы местного самоуправления, представители учреждений культуры, образования и другие социальные партнеры), основываясь на учете их потребностей и ожиданий.

Функция публичной библиотеки как социокультурного и социокоммуникативного институтов не только удовлетворять реальные потребности людей в надежде на то, что они косвенно, опосредованно приведут их в лоно традиционной книги, а возвышать их интересы, развивать духовные потребности, транслировать культурные ценности, которые могут реализоваться и в сфере традиционного чтения.

В Проекте Федерального Закона «О культуре в Российской Федерации» интерпретируется понятие «культурные ценности» как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольк-

лор, художественные промыслы и ремесла, произведения литературы, науки и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

Оптимальным средством их трансформации в общество являются коммуникативные практики публичных библиотек.

Коммуникативные практики – это способы жизнедеятельности людей, в процессе которых происходит их взаимодействие с целью удовлетворения потребностей в решении тех или иных проблем жизнедеятельности.

Способы жизнедеятельности людей определяют характер их поведения и отношений в коммуникативных практиках [1, с. 34].

В библиотековедении исследуются различные ракурсы этого явления, разрабатываются их виды: имиджевые коммуникативные практики (Г.М. Кормишина), краеведческие коммуникативные практики (Т.Я. Кузнецова), социокультурные (О.В. Макеева), педагогические коммуникативные практики (И.И. Тихомирова не упоминает термин практика, но он подразумевается в ее многочисленных публикациях) и др.

В библиотечных коммуникативных практиках содержится большой потенциал по распространению духовных, культурных ценностей внутри местного сообщества, обслуживаемого библиотекой. Например, М.М. Самохина рассматривает российскую государственную библиотеку для молодежи как коммуникативную площадку [2, с. 48-50].

Осмыслению современных проблем коммуникативных практик взаимодействия с читателем посвящена статья В.Я. Аскаровой [3, с. 30-45].

И.А. Лисицыной дан анализ вариативности использования коммуникативных практик с акцентом на отсутствие разработанных и проверенных методик выявления и оценки их эффективности [4, с. 104-112].

В специальной печати большое внимание уделяется характеристике многообразия форм коммуникативных практик, сошлюсь на некоторые источники [5].

Специалисты считают коммуникацию ключевым словом в теории пространства.

Под библиотечным пространством целесообразно понимать такое пространство, в котором задействованы библиотечные ресурсы, они то и определяют специфику библиотечной деятельности, оно включает общественное пространство и публичное.

Коммуникативные практики библиотеки транслируют культурные ценности как в публичном, так и в общественном пространстве.

К общественному пространству, т.е. территории, которая доступна местному сообществу, относится пространство самой библиотеки, а также

зданий, территорий, посещаемых населением (клубы, музеи, кафе ...), при вокзальные площади, парки, пляжи, транспорт (поезда, трамваи, автобусы...).

Благодаря библиотечным ресурсам публичных библиотек, к которым относятся и коммуникативные практики как зарубежных, так и отечественных библиотек, это пространство используется с разной степенью эффективности в целях продвижения существенных для библиотек культурных ценностей: книги и чтения.

«Публичное пространство можно определить как сферу межличностных коммуникаций, в которой создаются и транслируются общественно-значимые высказывания» [6].

Все люди являются участниками публичного пространства, однако они выступают в двух позициях: активной и пассивной, позиции говорящего и слушающего.

В Википедии публика определяется как «совокупность людей, являющихся объектом воздействия искусства, пропаганды, рекламы, литературы, развлекательных мероприятий, просвещения». Рассчитанные на публику выступления называются публичными [7].

Стремление отечественных библиотековедов постичь и адекватно выразить сущность публичной библиотеки реализуется в выведении ее формулы. Так, С.А. Басов в статье «Публичная библиотека как социальный модератор», опубликованной в Фейсбуке от 31 июля 2014 г. предлагает «формулу современной российской публичной библиотеки: «это мемориальное информационное зеркало жизни местного сообщества (все, что издается в регионе, и о регионе, должно отражаться в фондах), институт социально-культурной и гражданской активности (интеллектуальный досуг, просвещение, публичная политика), точка доступа к мировым электронным ресурсам Интернет как обязательная услуга)».

Кстати, М.М. Афанасьев, директор ГПИБ России также считает, что библиотека становится одним из тех мест, где может формироваться гражданское общество, и что она должна стать площадкой культурной коммуникации.

Не подвергая критическому анализу формулу С.А. Басова, ибо это может быть предметом отдельного разговора, отмечу значимость его восприятия публичной библиотеки как института социально-культурной и гражданской активности. Цель развития социально-культурной активности – вовлечение людей в культурную, досуговую жизнь библиотеки, местного сообщества. По содержанию коммуникативные практики ориентированы на интеллектуальное саморазвитие, самореализацию человека, а по форме на эмоциональную привлекательность к ним, развитие эмоционального интеллекта. Развитие гражданской активности предполагает формирование ответ-

ственного отношения людей к себе и к окружающему миру, способность к претворению в жизнь своих идей, замыслов, готовности к выстраиванию партнерских отношений.

В проекте «Основ государственной культурной политики» в качестве приоритетных функций библиотек выделены информационная, воспитательная, просветительская, а библиотеки позиционируются как центры просвещения и культуры.

Библиотека коммуницирует с обществом, расширяя территорию, т.е. общественное пространство, предоставления ему печатных изданий, приобретая все новые и новые «полки» их местонахождения (специально построенные домики в виде скворечников, телефонные будки и т.п.).

Библиотеки внедряют различные инновационные проекты, типа «библиоколяска» (разукрашенная и заполненная детскими книгами, журналами традиционная детская коляска «приезжает» на детские площадки, где библиотекари организуют с читателями их просмотр, чтение), «библиохолодильник» (вышедшие из строя старые холодильники выкрашиваются, заполняются книгами, выставляются в людные места и используются как буккросинги).

Центром притяжения различных категорий людей раз или несколько раз в год в публичные библиотеки стали «Библионочи», «Библиосумерки», цель которых развивать, формировать, удовлетворять многообразие их культурных потребностей и интересов.

Все многоцветней становится библиотечная публика, среди которой активизируется использование коммуникативных практик; наряду с читающей, имеет место театральная, «концертная» и т.д.

Как пишет Т. Филиппова, главный редактор журнала «Библиотечное дело» во вступительной статье в №13 за 2014 г., если публичная библиотека желает стать «третьим местом», необходимо осуществить определенную реорганизацию пространства, для чего создать больше площадей для встреч, неформального общения, кафе через сокращение площадей, отведенных под книжные фонды. За последние годы существенно расширилось общественное пространство, предоставляющее в различных вариантах продвижение книги, чтение к местному сообществу.

Фонд Олега Дерипаска «Вольное дело» при информационной поддержке журнала «Русский репортер» объявил Всероссийский конкурс проектов «Пространство Библио», который направлен на создание концепций действующих библиотек и создание на их основе многофункциональных культурных пространств.

Основываясь на опыте зарубежных библиотек, Д.К. Равинский акцентирует внимание на трактовке пространства библиотек как общественно-

го пространства, т.е. библиотеки как общественного пространства [8, с. 84-90].

Д.К. Равинский, рассматривая социальные проблемы современных зарубежных библиотек, отмечает, что по мнению ряда авторов насущная задача библиотек превратиться «в замечательное публичное пространство, привлекательное для граждан, желающих «смешиваться, бродить и общаться» (to mingle, mender and mediate) в той же степени, как и получать информацию» (с. 60).

«С замечательным публичным пространством» люди ассоциируют четыре качества: доступность, связь с другими публичными пространствами; комфорт, имидж; полезность и исполнительность деятельностью; социальность» [8, с. 64].

Библиотечно-информационная деятельность в целях повышения эффективности коммуникативных практик основывается на использовании различных научных подходов: информационном, синергетическом, деятельностном, социально-психологическом и многих других.

Библиотековедению пора взять на вооружение и нейромаркетинговый подход, благодаря которому можно более эффективно повлиять на привлечение членов местного сообщества в библиотеку, на качество библиотечного обслуживания, в частности, посредством коммуникативных практик, роль которых существенно возрастает в деятельности отечественных библиотек.

Я.Л. Шрайберг констатировал в печати интересный факт о том, что об эффективности публичной библиотеки в США судят не по количеству читателей, а по числу проведенных мероприятий, т.е. внедренных коммуникативных практик. Над этим стоит задуматься и российским библиотекарям.

Нейромаркетинг родился на стыке экономики, маркетинга, психологии, нейронаук. Через нейромаркетинговые технологии можно успешно влиять на подсознание человека, на закономерности принятия им решений при совершении тех или иных действий в выборе услуг, управлять его предпочтениями в сфере обслуживания.

Нейромаркетинговые стимулы, используемые библиотекарем на интуитивном уровне, действуют на органы чувств пользователя: слух, зрение, обоняние, осязание и вкус. Воздействие осуществляется словом, музыкальным сопровождением, изобразительными средствами, ароматом (цветов, духов, кофе, травяных чаев и др.), фактурой бумаги, тканей, бересты и т.д., декупажем пирожков, булочек на мероприятии и т.п.

Влияя на мозг, стимулы способны существенно повлиять на поведение читателя, вызывая те или иные продуктивные действия и отношения к библиотеке, книге, чтению, библиотекарю.

В библиотеках имеют место и антистимулы: аромат туалетной воды библиотекаря и читателя может вызывать головную боль у присутствующих в библиотеке; одних раздражает громкий голос, других замогильная тишина; зрение читателей может раздражать унылая, бесцветная обстановка в библиотеке, неряшливый, внешний вид сотрудников, аляповатое оформление книжных выставок и т.п.; читателя может раздражать плохоприготовленная еда в буфете библиотеки, что наилучшим образом отражается на ее посещении; ощущение холода или духоты в библиотеке не способствуют плодотворной работе в ней и т.д.

В зависимости от того, какой орган чувств является ведущим у библиотекаря, он является аудиалом, или визуалом, или кинестетиком, что бесспорно сказывается на реализации нейромаркетинга при подготовке и использовании коммуникативных практик.

Используя нейромаркетинг, библиотекарь сможет задействовать в процессе использования коммуникативных практик все свои чувства, прибегая к нейробике, системе тренинга мозга, разработанной Лоуренсом С. Кацем (университет Дьюна). Овладение тренингом – путь к творчеству, отказу от рутинной ежедневной работы и как следствие активизация всех органов чувств и развитие клеток мозга.

Таким образом, в библиотечной сфере наблюдается тенденция расширения общественного и публичного пространства, чему способствуют разработка и апробация инновационных проектов по трансформации культурных ценностей, в частности, продвижению книги, чтения, библиотеки в местное сообщество. Коммуницирующее воздействие на местное сообщество осуществляется как опосредованно через ИКТ, так и непосредственно через коммуникативные практики (традиционные и интерактивные).

Примечания:

1. Езова С.А. Коммуникативные практики в библиотечной сфере /С.А. Езова //Труды ГПНТБ СО РАН /Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отделения Рос. акад. наук; отв. ред. Б.С. Емпов. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2013. – Вып. 4. Научные библиотеки: вчера, сегодня, завтра /отв. Ред. О.Л. Лаврик. – с. 33-38.

2. Самохина М.М. Библиотека и ее посетители в меняющемся мире /М.М. Самохина //Социолог и психолог в библиотеке: Сб. статей и материалов. Вып. IX /Рос. гос. б-ка для молодежи; Ред.-сост. М.М. Самохина. – М., 2014. – с. 10-53.

3. Аскарова В.Я. Коммуникативные практики стимулирования читательской деятельности в поисках утраченного гуманитарного смысла /В.Я. Аскарова //Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик. Сб. статей. – СПб.: РНБ, 2013. – с. 30-45.

4. Лисицына И.А. Коммуникативные практики городских публичных библиотек /И.А. Лисицына //Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик. Сб. статей. – СПб.: РНБ, 2013. – с. 104-112.

5. Могилевец С.А. Современные формы коммуникативных практик в библиотеке: молодежный клуб /С.А. Могилевец //Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик. Сб. статей. – СПб.: РНБ, 2013. – с. 138-142. Скоп Т.С. Деловая игра как новый формат в коммуникативной практике университетской библиотеки /Т.С. Скоп //Современный читатель и библиотека: выбор коммуникативных практик. Сб. статей. – СПб.: РНБ, 2013. – с. 154-157.

6. Публичное пространство – Культуролог – теория культуры [Электронный ресурс]. URL: [culturolog.ru> index.php](http://culturolog.ru/index.php).

7. Публика [Электронный ресурс]. URL: [ru. Wikipdia.org](http://ru.wikipedia.org)>публика.

8. Равинский Д.К. Библиотеки и гражданское общество: изучая зарубежный опыт /Д.К. Равинский /Рос. нац. б-ка. – СПб.: Изд-во «Рос. нац. б-ка», 2013. – 168 с.

УДК 351.85-05:17

Ю.Б. Авраева

ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ МЕТОДИСТОВ БИБЛИОТЕК (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

THE CONDUCT ETHICS OF TRAINING SPECIALISTS (TO THE WAY THE PROBLEM IS STATED)

Аннотация: статья раскрывает особенности этики поведения методистов библиотек, ее специфику в процессе оказания методическими службами консультативной помощи. Введено понятие: профессиональный менталитет методистов, обосновано его содержание.

Annotation: The article considers the particulars of the conduct ethics of libraries' training specialists, its specific character in the process of consulting. The notion "professional mentality of training specialists" as well as its content are given.

Key words: a training specialist, ethics, conduct, morality, time-limit, service

Ключевые слова: методист, этика, поведение, нравственность, регламент, услуга.

В последние годы возрос спрос на этическую проблематику, активно развивается профессиональная этика. Существует множество видов

этики: семейная, религиозная, православная, католическая и мусульманская, буддийская.

Особое место занимает профессиональная этика, в частности, библиотечная, которая нуждается не только в правовом, но и в этическом обеспечении. Профессиональное отношение к делу требует соблюдения ряда нравственных нормативов, а каждый участник профессиональной деятельности нуждается в определенных нравственных гарантиях при общении с коллегами и руководителями. В этой связи актуализируется роль методистов, позиционирующих себя управленцами, отвечающих за качество результатов деятельности библиотекарей. В достижении нравственного эффекта в общении методистов и библиотекарей ведущее значение имеет нравственное, этическое поведение методистов, которое мы рассматриваем как важнейший показатель качества самой методической деятельности – составной части управления библиотекой. Главное в ней – обоснование и соблюдение принципов и норм нравственного поведения методистов при организации и управлении библиотекой, развитии профессионального роста персонала. Таким образом, суть профессиональной культуры методистов, в первую очередь, касается применения и использования нравственных, этических правил и норм: социально-культурной справедливости, суверенность личности, профессиональной честности и служебного соответствия занимаемой должности.

Недопустимы: нескромность, несправедливость, необъективная оценка кадров, их подбор, злоупотребление своими обязанностями. Считаем, что этика поведения методиста складывается из лучших образцов опыта решения конкретных проблем методической деятельности по оказанию оперативной поддержки профессиональных инициатив библиотечных кадров.

Методические службы разрабатывают различные нормативные документы: от уставов библиотек до должностных инструкций библиотечных кадров, в которые должны закладывать нравственные требования к той или иной группе библиотекарей, выполняющих функциональные обязанности. Соблюдать административный регламент, в котором определена процедура выполнения Государственного задания (услуги) на основе индикаторов качества.

В этом будет заключаться профессионализм методистов, владеющих методикой и методологией формирования единой системы нормативно-правовых документов, являющихся фундаментом управленческого и этического поведения, технологической базой подачи себя.

«Править должны лучшие», об этом, еще в XX веке сказал философ И.Ильин. На его взгляд, это один из важнейших принципов управления. Мы

рассматриваем его как возможность методистов проверять себя на соответствие своим лично-деловым качеством и соблюдению норм морали. Профессиональная культура методиста несовместима с волокитой, бездушием, грубостью, бюрократизмом, чванством, формализмом, отсутствием деловитости, ответственности. Должна быть объективная оценка деятельности каждой библиотеки, ее сотрудников, своевременность поощрения их успехов.

Особое значение имеет обоснованное служебное поведение методистов. Чем опытнее становятся методисты и библиотекари, тем больше они овладевают этикой поведения, ее нравственной составляющей, у них вырабатывается потребность проанализировать свои отношения с библиотекарями. Методистам стоит иногда задуматься «какое у них поведение?» Не противоречит ли оно тем стандартным принципам, которые содержатся во многих профессиональных кодексах (зарубежных и отечественных) и народных традициях, обычаях и правилах. Здесь готовых ответов нет. Это трудная работа по самосовершенствованию своего поведения с окружающими, в первую очередь с коллегами, ибо мы большую часть своего времени проживаем на работе.

При этом, в каждом отдельном случае будет своя линия поведения, а их может быть много, но она не должна противоречить общепринятым нормам. Необходимо различать тактику и стратегию поведения, которые будут зависеть от ситуаций и умений методистов гибко на них реагировать, соблюдая этические нормы поведения, исходить из собственного опыта прежнего общения и по-новому воспринимать и осознать сложившуюся ситуацию. Например, при приеме планов и отчетов, библиотекари могут высказать свое несогласие на замечания и рекомендации методистов и вести себя неподобающим образом, отстаивать свое мнение в некорректной форме. Реакция методистов может быть неоднозначной, порою не всегда этичной. Где выход? А выход всегда есть. Соблюсти порядок приема планов и отчетов в соответствии с общепринятыми требованиями и придти к консенсусу, умело опираясь на этику взаимоотношений. Этика поведения методистов должна быть направлена на соблюдение интересов и мнений библиотекарей, ибо ситуация может выйти из-под контроля, что чревато определенными последствиями. Процесс приема планов или отчетов может затянуться, административный регламент будет нарушен. Или другой пример, когда библиотекари не хотят участвовать в разработке целевых программ и проектов, которые им неинтересны по разным причинам. Что могут сделать методисты? Считаем, что методисты должны определить зрелость группы библиотекарей, несогласных принять участие в программировании, ее ценностные установки, потребности, проявить терпение, спокойно и уверенно объяснить библиотекарям их задачу, чтобы

они почувствовали, что нужны, что они не пешки, а равноправные участники проекта. Единственного правильного стиля поведения не существует, но в то же время, набор этических норм поведения должен соответствовать общепринятым правилам поведения в обществе. Доминировать методистам в данном случае можно, если они соблюдают этикет в общении с библиотекарями, их позиция не противоречит ему. Кроме того этика поведения методистов будет эффективной, достигнет своей цели, если библиотекарям будет представлено столько творческой свободы, сколько имеют сами методисты, когда будут учтены их предложения и пожелания, их возможности.

Методисты должны тонко чувствовать библиотекарей, их талант, возможности к развитию, признанию, уважению. Этика поведения методистов – это не пустой звук, в ней не должно быть нарочитости, притворства, манипулирования, она должна соответственно отражать их намерения, к настоящему сотрудничеству с библиотекарями.

В связи с чем мы решили выделить понятие: профессиональный менталитет методистов. Менталитет методистов библиотеки проявляется в его компетентности (также как у каждого управленца). Он обладает особыми знаниями в области теории и практики методической деятельности, а также библиотечной работы. Они являются опытными специалистами по изучению деятельности библиотек, выявляют лучших из них, дают им оценку на основе индикаторов качества.

При этом они строго соблюдают административный регламент, в котором четко прописана деятельность методистов по выполнению библиотеками государственной услуги (Государственного задания).

Профессиональный менталитет еще более ярко проявляется при поиске нового, инновационного, в способности к рационализаторству, сотрудничеству. Суть его этического поведения в этом случае, будет состоять в том, чтобы прививать библиотекарям вкус к поиску, анализу собственного опыта и изучению инноваций, которые созданы другими библиотеками. Прагматизм методистов еще один из компонентов их профессионального менталитета. В сочетании с этикой поведения он позволит методистам достигнуть определенных успехов, реальных результатов.

Методисты, владеющие этикой общения с библиотекарями, поистине могут делать очень много. Соблюдая этическую субординацию (не прыгают через голову администрации) при ее поддержке вносят реальные предложения и рекомендации по улучшению деятельности библиотек, в данном случае, Бурятии. Они не раз защищали свои программы в Народном Хурале (Законодательном органе), продемонстрировали профессиональные

знания и деловитость по выполнению ФЗ «О библиотечном деле». Добились, чтобы на развитие библиотек сельских поселений правительство выделило 12 млн.рублей. Благодаря усилиям методистов НБ РБ более 70% библиотек оснащены современным оборудованием и овладевают информационно-аналитическим пространством. Зачастую методисты решают личные проблемы библиотекарей: помогают получить высшее образование, выехать за рубеж с целью ознакомления использования НИТ, ИКТ и прочее. И здесь нельзя не затронуть проблему доверия библиотекарей к методистам. Доверие – субстанция нравственного значения. Во всем мире данный феномен решается по-разному и нуждается в его определении и применении. Профессиональное доверие является важнейшим компонентом этики поведения методистов. Всегда ли методисты доверяют библиотекарям, а библиотекари методистам? Такую задачу, как гипотезу, мы поставили в рамках дипломного проекта студентки-заочницы из Иркутской области. Получили не всегда утешительные результаты.

Одной из причин, как оказалось, является грубость методистов при общении чрезмерный контроль за деятельностью отсутствию внимания к потребностям библиотекарей. Порою библиотекари неуверенны в том, что методисты честно оценивают их работу, несмотря на то, что есть административный регламент, есть индикаторы качества.

Не доверяют методистам более 30% библиотекарей, 50% - библиотекарей считают, что методистам не хватает профессиональных навыков и умений при оценке их работы.

В свою очередь, методисты > 25% не доверяют библиотекарям, которые не смогли выполнить работу в соответствии с требованиями. Методисты регулярно проводят мониторинг, и отслеживают динамику развития, внедрения новшеств. Иными словами говоря, у них есть объективные данные, чтобы оценить деятельность конкретной библиотеки и проявить при этом максимальную этическую и правовую оценку, соблюдая все необходимые шаги на пути к взаимному пониманию.

Доверие – это не только этический контекст, но и социальный, поэтому методистам следует знать и понимать, что они и библиотекари находятся в одном социально-этическом пространстве, в котором действуют мораль, нравственность, взаимопомощь. Методисты обязаны овладевать этикой поведения, чтобы достичь успеха.

Культура их профессионального поведения всегда находится в «открытой зоне», всегда в центре внимания библиотекарей, администрации и органов управления, поэтому так важно, чтобы была обратная связь «библиотекари – методисты – администрация – органы власти». В этом случае – этика поведения методистов не может быть ниже,

чем это принято в целом в обществе. И об этом методисты должны помнить всегда.

Невозможно обойти стороной проблему представления своего «Я».

«Я – образ» - это своеобразный фильтр, через который должен проходить каждый методист и каждый библиотекарь. Стремление лучше себя изобразить, чем есть на самом деле – это не так уж плохо. Плохо, когда и тот и другой не адекватно воспринимают информацию о себе и не соблюдают этические нормы поведения, считая, что он и так «хорош», он непогрешим, он безупречен. Что можно в этом случае сделать? Протестировать методистам себя и библиотекарей, соотнести полученные результаты с «Я – образом», по-настоящему взглянуть на себя, выявить черты мешающие соблюдать этические нормы поведения обеим сторонам, эффективному общению и взаимодействию.

У методистов должен быть нравственный ориентир в поведении, ибо они не только оказывают методическую поддержку библиотекарям, но и своими отношениями приучают их вести достойно, безупречно выполнять профессиональные обязанности.

Они должны сбалансировать свою индивидуальность, уметь защищаться от застоя в делах, повысить свою пригодность. Полученная информация ресурс для нравственного размышления, совершенствования этики поведения методистов. К месту будет сказано: «все победы начинаются с победы над собой» (писал Л.И.Леонов).

Методисты не должны останавливаться в своем стремлении в духовном самосовершенствовании, проводить личную этическую подготовку, применяя методы: социометрию, референтометрию, опросы, сравнения, этикометрические тесты. От методистов требуется знание и владение моральными методами воздействия на библиотекарей. Назовем некоторые из них: моральное убеждение. Этот метод способствует социальному усвоению коллективом библиотекарей этических знаний, формированию у них мотивов активного освоения нравственных умений. Глубокое убеждение формирует у методистов нравственные идеалы, достойное поведение. Соблюдать этику поведения должны и методисты и библиотекари. Они должны учиться образцам этического поведения. Следующий метод: нравственные примеры. Их можно почерпнуть из книг о великих и замечательных людях России. А еще лучше, если в библиотеках есть специалисты, которым можно подражать, методистам следует у них учиться в рамках деловых игр, психологических тренингов.

Считаем уместным сделать сравнение: как птицу видно по полету, так методистов библиотек по манере поведения и делам.

Таким образом, этика поведения методистов – система взаимосвязанных реакций (действий), осуществляемых для использования и

совершенствования нравственных качеств, при соблюдении административного регламента и принципов морального кодекса библиотекарей.

УДК 025.54

Г. К. Олзоева

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ БИБЛИОТЕК

FORMATION OF EDUCATIONAL FUNCTIONS OF LIBRARIES

Аннотация: В отечественном библиотековедении большое внимание уделяется разработке социальных функций библиотек. В связи с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О библиотечном деле», актуализируется просветительская функция, реализация которой рассматривается в статье.

In the domestic librarianship, great attention is paid to the problem of social functions of libraries. Due to the recent changes to the Federal «Library Science Act», its educational function is being actualized. The article is devoted to reasoning and implementation of this facet of the topic.

Ключевые слова: библиотека, социальные функции, просвещение, просветительская функция.

Keywords: library, social functions, education, educational function.

Обоснование социальных функций библиотеки является одной из важных теоретических проблем отечественного библиотековедения. Этот вопрос неоднократно обсуждался на страницах специальной печати. В дискуссиях принимали участие ведущие библиотековеды страны. В учебнике «Библиотековедение. Общий курс», изданном в 2013 году, данная тема проанализирована Р. С. Мотульским, который предлагает свой вариант функций [1]. Под термином «функция» он понимает «роль, которую выполняет определенный социальный институт по отношению к системе более высокого уровня». К сущностным функциям он относит информационную, коммуникационную, кумулятивную, мемориальную. Кроме этого, немаловажно значение производных и технологических функций.

Не вдаваясь в тонкости дискуссионной проблемы, попытаемся изложить свою точку зрения. Несмотря на разность взглядов, авторы едины в следующем: а) библиотека является многофункциональным учреждением ;

б) необходимо выделять сущностные, базовые и дополнительные функции;
в) информационная функция является важнейшей.

Действительно, существуют базовые функции библиотек, присущие всем библиотекам, независимо от типа и вида, ведомственной принадлежности. Они изложены в Федеральном законе «О библиотечном деле» (статья 18), на который, почему-то, никто не ссылается и не анализирует с позиций функций. А ведь еще в 2004 году библиотека определена как «информационное, культурное и образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам». Это и есть базовые функции, свойственные всем библиотекам. При этом в разных библиотеках ведущей является одна из них. Для научных библиотек ведущей является информационная, для общедоступных – культурная, для библиотек учебных заведений – образовательная. Кроме того, существуют дополнительные функции, присущие отдельным видам библиотек. Для национальных библиотек – мемориальная и кумулятивная, и др.

Можно продолжать этот список. Научные библиотеки выполняют научно-исследовательскую функцию. Центральные – методическую. Все дополнительные функции необходимо «привязывать» к определенным видам библиотек. Не будем повторяться, т. к. они перечислены в разных работах.

Существенные изменения произошли в связи с новой редакцией Федерального закона «О библиотечном деле» от 02.07. 2013 года. Было дано новое определение понятию «библиотека». Теперь оно звучит так: «библиотека – информационная, культурная, просветительская организация, располагающая организованным фондом документов и предоставляющая их во временное пользование физическим и юридическим лицам». Остановимся только на новой функции. Как видим, исчезла образовательная функция. Это произошло в связи с тем, что библиотека не имеет лицензии на образовательную деятельность и не может оказывать образовательные услуги. Вместо нее появилась просветительская функция.

Первое впечатление – она не «появилась», а возродилась. Просветительская деятельность еще с XIX века постулировалась как важнейшее направление деятельности библиотек. На слуху у всех культурно-просветительная деятельность, активно развивающаяся в первые годы советской власти. Достаточно вспомнить работы Н. К. Крупской и других. На современном этапе наиболее близко подошел к ней А. В. Соколов, который вот уже который год провозглашает гуманистическую миссию библиотек, с болью говорит о «разбиблиотечивании» в стране [5]. Его идеи должны лечь в основу теоретической разработки просветительской

миссии библиотек. Интерес представляет статья С. Мамаевой, которая в 2012 году достаточно подробно, ссылаясь на авторитет Н. В. Жадько и Н. Е. Добрыниной обосновывает просветительскую миссию библиотек. (6)

Терминологический анализ показывает, что термин «просвещение» действительно плотно ложится на деятельность библиотек. Как указано в словаре по образованию и педагогике, «просвещение – распространение знаний, образование в системе образовательных и дополнительных учреждений в стране» [3].

Очень своевременной в этом плане появилась статья Г. Л. Рукша «Поиски интегральных технологий деятельности библиотек в контексте современности» [4]. Автор статьи является советником губернатора Красноярского края, имеет ученую степень кандидата педагогических наук. Тема просветительства ему близка в связи с тем, что второе высшее образование он получил в Кемеровском институте культуры по специальности «культурно-просветительная работа». Не являясь библиотековедом, не ссылаясь на научные дискуссии по функциям, он удачно и, главное, вовремя, даже до выхода новой редакции Федерального закона, обосновывает просветительскую деятельность библиотек. Кроме этого, им рассмотрена просветительская деятельность современных телеканалов, где он находит убедительные примеры. Анализируя работу Красноярской краевой библиотеки с позиций просветительства, он относит к ней библиотечные выставки, литературные вечера и многие другие. Эти методы мы трактовали как реализацию культурной, культурно-досуговой функции. Его доводы убедительны, но как быть с культурной функцией? Просветительская функция должна поднять деятельность библиотек на более высокий, серьезный уровень. Недаром некоторые специалисты стали упрекать библиотеки в излишней увлеченности развлекательными мероприятиями.

В условиях появления просветительской функции необходимо вспомнить и самообразовательную. Она также всегда являлась важной частью, направлением деятельности библиотек и тесно связана с просветительством. Достаточно вспомнить работы Н. А. Рубакина. В советское время выделялись три вида самообразования – политическое, профессиональное и общее. Во всем мире и у нас сейчас остались два вида самообразовательной деятельности – профессиональное и общее. Стало общепутребимым выражением - человек должен учиться всю жизнь. В системе непрерывного образования профессиональному самообразованию уделяется большое внимание в связи с ростом объема информации. Информационное обеспечение повышения квалификации – важное направление деятельности библиотек. Социологические исследования свидетельствуют, что среди современных тенденций в чтение

профессиональное самообразовательное чтение занимает значительное место. К сожалению, чтение в помощь общему самообразованию значительно уменьшилось.

Таким образом, появление просветительской функции библиотек требует осмысления. Это важно как для развития теории библиотечного дела, так и для практической деятельности.

Примечания

1. Библиотекведение. Общий курс : учебник для бакалавров / С. А. Басов [и др.] ; науч. ред.: А. Н. Ванеев, М. Н. Колесникова. - Санкт-Петербург : Профессия, 2013. - 240 с. (Учебник для бакалавров).

2. Мотульский Р. С. Общее библиотекведение : учебное пособие для вузов / Р. С. Мотульский. - М. : ЛИБЕРЕЯ, 2004. - 224 с.

3. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике /В. М. Полонский. - М. : Высш. шк., 2004. - 512 с.

4. Рукша Г. Л. Поиски интегральных технологий деятельности библиотек в контексте современности / Г. Л. Рукша // Библиотекведение. - 2013. - № 5. - С. 20-26.

5. Соколов А. В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек / А. В. Соколов // Библиотекведение. - 2013. - № 3. - С. 24-30 ; № 4. - С. 25-28.

6. Мамаева С. А. библиотека в сфере культуры: есть ли альтернатива // библиотечное дело. – 2012 - №8. – С. 36-41..

УДК 027.4:719

Р.Б. Ажеева

РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

THE ROLE OF PUBLIC LIBRARIES IN PRESERVING REGIONAL CULTURAL-HISTORICAL HERITAGE

Аннотация: Рассмотрена роль публичных библиотек в сохранении культурно-исторического наследия региона на примере их издательской продукции. Охарактеризованы созданные библиотеками краеведческие документы в виде энциклопедий, летописей, справочников путеводителей и альманахов.

Annotation: The role of public libraries in preserving cultural and historical heritage of a region on the example of their publishing production is

considered. The author describes regional documents in the form of encyclopedias, chronicles, reference, guide books and literary miscellanies.

Ключевые слова: Культурно-историческое наследие, краеведение, краеведческий документ, публичная библиотека.

Key words: cultural-historical heritage, regional studies, regional document, public library.

Культурно-историческое наследие – используемый широко термин в науках гуманитарного комплекса, означающий передачу, сохранение культурных и духовных ценностей человечества. Язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и промыслы, произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, книги, письма, личные архивы, рукописи - все то, что служит духовным потенциалом и источником для развития современной культуры.

Библиотеки за последнее двадцатилетие внесли огромный вклад в сохранении историко-культурного наследия. В значительной мере это связано с возрождением библиотечного краеведения в нашей стране. Краеведческая деятельность общедоступных библиотек стала одним из приоритетных направлений. Формируя краеведческие фонды, библиотека не только помогает ученым, исследующим свой край или регион, но и сохраняет историческую память, запечатленную в документальных источниках.

Большая заслуга видного ученого краеведа-библиографа Н.Н. Щерба в том, что он впервые четко определил поисково-исследовательскую деятельность библиотек, участвующих в создании краеведческих публикаций широкого спектра – так называемых «первичных» документов о родном крае.

Об этом свидетельствует издательская продукция публичных библиотек. Библиотеки тем самым заполняют пробелы и недостаточность в научно-популярной краеведческой литературе, особенно по истории, этнографии края. Они используют различные литературно-издательские формы и форматы - дайджесты, справочники, путеводители, календари знаменательных и памятных дат, сборники статей. Издаются материалы научно-практических краеведческих конференций, чтений, совещаний. Благодаря использованию компьютерных технологий есть возможность печатать и тиражировать рукописные материалы, издавать их в небольших объемах. В качестве примера можем привести серию выпусков Межпоселенческой центральной библиотеки Нукутского района Иркутской области под названием «Подвиг ваш бессмертен: память», посвященные погибшим сельчанам в годы войны. О каждом земляке приводятся краткие биографические данные, месте захоронения, наградах, копии писем матерям от командиров, извещения о гибели

ли и захоронении. Таким образом, при активной помощи школьников по сбору материалов, была создана книга памяти сел района.

Почти каждая сельская библиотека выпускает небольшие буклеты по истории района или села, о здешних обычаях и обрядах, достопримечательностях, святых и культовых местах и т.д. Например, буклет «Единство глубины тысячелетий» (о бурятском роде хонгодоров), изданный центральной библиотекой Тункинского района.

Как известно, краеведческий материал разбросан по многочисленным источникам – в статьях, главах, отдельных страницах, поэтому библиотеки составляют дайджесты, позволяющие сконцентрировать разрозненные сведения. Дайджест «Щорцы. Традиции, обычаи, обряды» (сост. З. Лаврова) знакомит читателей с семейными традициями, фольклором, вероисповеданием, пословицами и загадками коренных жителей Кемеровской области.

Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева работала издательский проект «Диалог детей через диалог культур». Цель – содействовать духовно-нравственному воспитанию, ознакомление детей с самобытной культурой народов, проживающих на территории Прибайкалья, как коренных, так и славянских групп населения (русских, белорусов, поляков, украинцев). В рамках проекта предполагается издать серию мини-книжек «Мы живем вокруг Байкала». Одной из задач проекта является укрепление отношений, взаимопонимания и толерантности, формирование патриотизма и сохранению этнических традиций народов. В 2008 году увидело свет издание «Буряты: культура, традиции, обычаи» (сост. Е. Шульгина). В ней рассказывается о самом крупном сибирском народе - бурятах, освещены обычаи и традиции, семейный уклад, национальная одежда, кухня, фольклор. Второй выпуск посвящен эвенкам, вышел под названием «Эвенки: культура, традиции, обычаи». Следующие выпуски будут отражать культуру и быт тофаларов, русских, поляков, белорусов и других народов. Книги красочно оформлены и с точки зрения иллюстраций и с точки зрения подачи материала, так как рассчитаны на детскую аудиторию и распространяются по муниципальным библиотекам области.

Одно из направлений писательско-издательской деятельности публичных библиотек, набирающее силу - выпуск книг о своих районах к юбилейным и памятным датам. Эту тенденцию отражают библиотеки Белгородской области, где была поставлена задача создания многогранной истории всех районов на основе составления летописей населенных пунктов. В 2009 году в республике Бурятия была издана «Щедрая долина Иволги» к 70-летию Иволгинского района, в основу этого издания легли летописи сел и улусов Иволгинской долины. Как правило к юбилеям районов издаются книги, посвященные истории и современной жизни районов. Популярны издание книг по топонимике территорий, например «Географические названия Ниж-

неилимского района. Прошлое и настоящее» (Иркутская область). Многие краеведческие книги выпускаются при материальной поддержке администраций населенных пунктов. Например, совместными усилиями администрации города Улан-Удэ и Центральной городской библиотеки была издана мини-книга «Любовь моя – Улан-Удэ», ставшая значительным событием в жизни города.

Общеизвестно участие областных библиотек в создании краеведческих энциклопедий. Приведем примеры составления городской и районной энциклопедий в Бурятии. В 2009 году вышла «Летопись: Удинск – Верхнеудинск – Улан-Удэ», составители, известный краевед Е.А. Голубев и библиограф Л.В. Гомбоева. Знаменательным событием явилось издание популярной краеведческой энциклопедии «Наследие Земли Кабанской», составители сотрудники центральной межпоселенческой библиотеки Н. Дорохова и Н. Мохосоева. В энциклопедии представлена краеведческая информация о более 200 основных природных и историко-культурных достопримечательностях, исторических лицах, событиях и поселениях Кабанского района республики. Издание иллюстрировано цветными фотографиями. Список источников состоит из 229 названий. Ориентироваться в энциклопедии поможет указатель статей. Выпуск энциклопедии собственными силами свидетельствует о профессионализме библиотечных работников, способных создавать оригинальные краеведческие работы. Библиотеки не только предоставляют материалы для создания таких энциклопедий и сами в них участвуют, сотрудники библиотеки часто выступают авторами статей по истории библиотечного дела в области или крае. В последнее десятилетие популярны электронные энциклопедии, создаваемые силами библиотечных работников.

В 2004 году районными библиотеками Бурятии была подхвачена инициатива создания информационных центров по культурному туризму. В рамках программ культурного туризма сформированы краеведческие фонды, в состав которых входят печатные документы, а так же видеоматериалы и электронные носители. В них кумулируется информация о памятниках природы, культуры и истории районов, о местных умельцах. Электронные базы данных содержат сведения об опубликованных и неопубликованных документах.

Наиболее активна издательская деятельность Кабанской межпоселенческой центральной библиотеки. При ней создан Байкальский информационный центр природного и культурного наследия, главной задачей которого является распространение и популяризация краеведческих знаний и документов среди жителей района, создание собственных информационных продуктов: полнотекстовых, мультимедийных, справочно-библиографических, печатных и электронных. Таким образом, издан иллюстрированный путеводитель «Край Кабанский у Байкала», где можно найти сведения об уникаль-

ных природных и историко-культурных достопримечательностях, культурных традициях района. Второе, дополненное издание путеводителя вышло под названием «Ворота Забайкалья: путешествие по Кабанскому району». Среди изданий – брошюры «Частушки жителей с. Красный Яр», сборник сочинений «Война в судьбе моих родных», «Библиотечные праздники и забавы». К Международному дню театра выпущена брошюра о Кабанском народном театре «Когда открывается занавес». Интерес представляет топонимический словарь Кабанского района. Все издания содержат уникальные материалы, не публиковавшиеся ранее, являются результатом труда по выявлению сведений из различных источников. Книги богато проиллюстрированы фотографиями, обработанные на профессиональном уровне. Оригинальная краеведческая продукция Байкальского центра востребована учащейся молодежью, активно используются в рамках местного компонента в образовательном процессе на уроках истории, биологии, географии. Надо отметить, что не только школы и колледжи являются пользователями краеведческого «контента», туристические организации пополняют свою информационную базу, используя печатные, электронные и видеоиздания библиотеки. В деятельности библиотеки по созданию краеведческих документов заинтересованы районные управленческие структуры, организующие региональные конференции и деловые встречи на Кабанской земле, постоянно привлекая при этом фильмы (созданные при непосредственном участии Байкальского информационного центра) и брошюры как представительский продукт. Например, гости, уроженцы района, хотят увезти с собой путеводитель, фильм, буклеты как частицу своей родины.

Оригинальная краеведческая литература очень разнопланова, от научных публикаций в виде сборников и трудов к краеведческим конференциям до всевозможных популярных форматов с очевидной просветительской функцией.

Иркутская областная детская библиотека им. Марка Сергеева издает продолжающее пособие методического характера «Культура и искусство Приангарья», в основу которого легла программа по краеведению «Отечество мое – Иркутская земля». Цель - дать школьникам целостное представление об истории, природе, народном хозяйстве, культуре, литературной жизни края. Первый выпуск освещает летопись Иркутской области, архитектуру Приангарья. Содержание выпусков включает историко-краеведческие экскурсии и беседы, заочное путешествие, игра-путешествие, архитектурная игра викторины и т.д. Например, историко-краеведческая беседа для детей среднего и старшего школьного возраста «Сибирское барокко» посвящена архитектурным памятникам города Иркутска: храмовым сооружениям, церквям.

Следующее направление краеведческой деятельности сельских библиотек – организация и выпуск периодических изданий в виде журналов и газет, продолжающихся изданий в виде альманахов. Так, Прибайкальская межпоселенческая библиотека издает «Прибайкальский краеведческий альманах», в нем публикуются статьи по истории сел района, о монастырях, людях, внесших вклад в развитие района. Второй выпуск посвящен созданию в республике Бурятия особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань», планируемой на территории муниципального образования «Прибайкальский район». Издание некоммерческое, осуществляется на общественных началах и на безгонорарной основе. Участниками проекта являются районная администрация, отдел культуры, районный архив, Интернет-центр Прибайкальской межпоселенческой библиотеки, отдел образования. Главный редактор А.З. Козин, сотрудник библиотеки, известный журналист и краевед.

Есть попытки выпуска газет поселенческими библиотеками. Заведующая поселенческой библиотекой села Мылинское (Бурятия) осуществила выпуск местной газеты «Веяние времени». Газета освещает все события поселения, ведется хроника села, отдельная страничка рассказывает о знатных людях села. Специальный раздел «Будни библиотеки поселения» информирует о новых поступлениях книг, обращается к жителям с просьбой предоставить в библиотеку материалы и фотографии, имеющие историческую ценность. Организована подписка на местную газету, жители охотно покупают ее, ибо в ней они могут найти все, что их интересует.

Библиотеки районов и сел работают не только с документальным письменным наследием. Библиотечные работники нередко открывают при библиотеках музейные уголки, мини-музеи, где демонстрируются предметы старины, утварь разных эпох, бытовая история поселения, этносов, экспонаты флоры и фауны. Историко-культурные исследования простираются до изучения генеалогии фамилий, сбором фактического материала по истории родословных. На основе всех этих артефактов так же издается краеведческая литература силами библиотеки и общественности.

Когда публичная библиотека выступает инициатором, создателем и издателем краеведческих документов, это говорит о том, что библиотеке присущи не только чисто информационные, просветительские функции, но и элементы научно-исследовательской, изыскательской деятельности, тем самым она развивается. Библиотека не только сохраняет и передает культурно-документальное достояние во времени и пространстве, но и много делает для освоения этого наследия.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

INFORMATION-ANALITICAL ACTIVITY AS THE WORK DIRECTION OF A MUNICIPAL LIBRARY

Аннотация: Публичная библиотека ищет новые направления информационного обслуживания, продиктованные современной ситуацией развития российского общества.

Annotation: A public library is looking for new areas of information servicing dictated by the current situation of the Russian society development.

Ключевые слова: публичная библиотека, информационное обслуживание, информационно-аналитическая деятельность.

Key words: public library, information servicing, information-analytical activity.

Библиотечная практика развивается в меняющихся условиях. Процессы информатизации и глобализации, социальные и экономические реформы ставят публичную библиотеку перед необходимостью искать новые задачи, по-новому осмысливать свое предназначение, соответствовать требованиям современного общества. Библиотека уже не единственный источник информации. Информационно-коммуникационные технологии во многом решили проблему безбарьерного доступа к знаниям и информации. Часть общества высказывают сомнения в будущем библиотек, несмотря на многовековую историю этого древнейшего социального института. В ответ на этот вызов библиотека должна усиливать социальную миссию быть профессиональным проводником, ориентиром, консультантом в постоянно возрастающих документальных и информационных потоках и массивах для разных групп населения, предоставляя равные возможности для саморазвития. ИКТ не должна восприниматься в качестве угрозы существования самой библиотечной идеи, для библиотеки это и средство работы, и инструмент социального развития и управления общественными отношениями, их гармонизацией.

Информационная в своей основе библиотечная деятельность отталкивается от информационных потребностей населения. Они отражают вектор движения общества по всем направлениям. Библиотека чтобы быть востребованной в современных условиях должна отслеживать динамику информационных потребностей и чутко реагировать на их характер и содержание. Это тем более важно, когда приходит новая философия ин-

формационного общества, выстраивающая приоритет знаний в качестве ведущей движущей силы социально-экономического процветания общества. Библиотека здесь занимает собственную нишу в информационном обеспечении общества.

Итак, библиотека должна меняться, находить новые пути информационного обслуживания, которые возможны и будут доступны только через ее посредничество, отвечать новым информационным потребностям. Перспективным направлением выступает информационно-аналитическая деятельность, которая в настоящее время переживает стадию профессионального становления. Информационно-аналитическая деятельность носит универсальный характер, формируется во всех структурах общества – в органах государственной власти, в общественных организациях, на производстве и в бизнесе. Ее распространение отражает потребность граждан в аналитической информации. Аналитическая информация – прикладная по своему назначению, поскольку помогает решать проблемы, преобразовывать действительность на основе всестороннего и глубоко анализа всех имеющихся данных об объекте изучения. Только аналитическая информация позволяет принять правильное решение в сложной ситуации. Потребность в аналитике возрастает в условиях активно строящегося общества, которые заново прокладывает экономические, социальные, культурные пути своего движения вперед.

Для публичной библиотеки, зависимой от муниципального бюджета, это направление информационной деятельности может стать одной из точек роста современной библиотечной практики. Муниципальная библиотека при скупаемом финансировании во многих случаях вынуждена существовать на грани выживания, поэтому она обязана налаживать отношения с местной властью, чтобы эта власть понимала ее важность для народа, чувствовала в ней потребность, и, следовательно, не скупилась на содержание. Имея возможность накапливать информационные ресурсы в разных форматах, библиотека делает на их основе «аналитику», погружаясь в содержание проблемно-ориентированных текстов, сообщений, данных, синтезируя на их основе аналитические документы в виде справок, обзоров, докладов.

Администрация, местное сообщество любого поселения живет в круге различных проблем, касающихся всех сторон жизнедеятельности города, городского или сельского района, села. Например, ЖКХ, транспорт, экология, фермерское хозяйство, малый и средний бизнес... в преломлении со спецификой географической, этнической, культурно-исторической и т.д. Специальное подразделение библиотеки (скорее, библиографический отдел) собирая информацию по волнующей теме, генерирует аналитический документ с учетом республиканских (или областных), регио-

нальных, российских и мировых тенденций. Благодаря этому «синтезированному знанию» потенциальный заказчик может видеть проблему «насквозь», сравнивать, сопоставлять, знать статистику, обнаруживать противоречия, открывать слабые и сильные стороны, положительный и отрицательный опыт, и самое главное, может нащупать возможный выход из затруднительного положения, выбрать альтернативное или креативное решение в своей деятельности.

Аналитическая деятельность муниципальной библиотеки видится в следующих шагах:

- заключение договора с администрацией или главой администрации населенного пункта на создание аналитических документов по профильным социально-экономическим темам, применяя различные аналитические технологии;

- генерирование предметно и проблемно-ориентированных баз данных, актуальных для местного сообщества, выступающих ресурсной базой для аналитики;

- формирование фонда готовых аналитических материалов различных НИИ, общественных организаций, информационно-консалтинговых агентств, отраслевых министерств и др., соответствующих профилю и интересам региона.

- формирование фонда местной аналитики, привлечение экспертов, журналистов, краеведов, общественных деятелей.

Сегодня, аналитика нужна всем, и рядовому гражданину, делающему первые шаги в предпринимательстве и управленцу, от решений которого зависит жизнь и работа подчиненных. Поэтому аналитическая функция публичной библиотеки имеет вполне реальную перспективу.

УДК 025.56:719

И.Н. Гудкова

**ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
MULTICULTURAL ACTIVITIES OF LIBRARIES
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA
IN PRESERVATION CULTURAL HERITAGE**

В статье рассматривается поликультурная деятельности библиотек, которая обеспечивает духовно-культурную интеграцию населения региона, позволяет в большей степени представлять населению информацию о на-

циональных культурно-исторических тенденциях и традициях, принимать участие в сохранении национально-этнических и духовно-культурных ценностей.

The article deals with multicultural activities of libraries which provide spiritual and cultural integration of the regional population allowing to present the information about national cultural and historical trends and traditions to the public to a larger extent, participate in the preservation of national ethnic, spiritual and cultural values.

Ключевые слова: библиотека, поликультурная деятельность, социокультурный институт, информационные центры, краеведение, культурное наследие, традиции.

Keywords: library, multicultural activities, socio-cultural institution, information centers, regional studies, cultural heritage, traditions.

Последние десятилетия XX - нач. XXI вв. ознаменовались в России ростом национального самосознания, что в частности, проявилось в возрождении интереса к местной истории, переосмыслении ряда исторических событий последнего столетия. Большой интерес представляет Республика Бурятия, занимающая в общероссийском культурном пространстве особое место как большой поликультурный, многоконфессиональный регион. Специфика этого региона определяется природными условиями, своеобразием исторически сложившихся материально-бытовых, этнокультурных, религиозных особенностей, устойчивым социально-культурным, политическим и экономическим развитием.

Большое значение в развитии поликультурного пространства республики принадлежит социокультурным институтам. В культурном разнообразии Бурятии одним из главных направлений деятельности институтов становится стремление сохранить и развивать национально-культурную самобытность. Особое место среди них занимают библиотеки, являющиеся одним из базовых элементов культурной, образовательной и информационной инфраструктуры республики.

В современной культуре библиотеки – это один из ресурсов культурного развития нации, ключевой институт в построении информационного общества, основанного на знаниях, способствующий передаче исторической памяти от поколения к поколению [4]. Поликультурную деятельность библиотек по сохранению культурного наследия можно рассматривать в следующих направлениях:

- проектная и грантовая деятельность, способствующая развитию библиотек как центров национально-культурной памяти, их участие в целевых программах, таких как, например, «Сохранение и развитие культуры и искусства РБ на 2012–2015 гг.», в конкурсе грантов Правительства Республики

ки Бурятия учреждениям культуры и искусств на реализацию партнерского проекта с БГТРК «Создание электронного путеводителя по культурному туризму Бурятии» (Победитель – ЦГБ им. И. Калашникова (г. Улан-Удэ), финансовая поддержка в размере 250,0 тыс. р.) и др.

- комплектование фондов библиотеки, направленное на приобретение с исчерпывающей полнотой национальной и краеведческой литературы. Библиотеки участвуют в преобразовании жизни региона, предоставляя читателям хранящиеся в их фондах разнообразные документальные источники, содержащие многоаспектную краеведческую информацию. Использование краеведческих фондов библиотек будет способствовать возрождению и сохранению культурно-исторических, национально-этнических традиций народов, проживающих в Бурятии.

- деятельность по сохранению памяти о самой библиотеке как объекте культуры (реализуется посредством организации музеев, уголков истории библиотек, оформление альбомов, сайтов, издания путеводителей, буклетов, мемуаров и т.д.). Изучение истории библиотек Бурятии открывает новые возможности для их популяризации, формирования позитивного имиджа, оформления интерьера. Возникшая в последнее время традиция отмечать юбилеи библиотек приобретает важное культурологическое значение [3]. Она закрепляет в общественном сознании образ библиотеки как социально-общественного, культурного института, имеющего историческое прошлое и традиции, как основу для ее сохранения и развития в будущем.

- работу по сохранению культурного наследия многонационального населения библиотеки осуществляют с помощью организации разнообразных видов и форм массовой работы: литературные гостиные, краеведческие чтения, праздники, конференции, встречи с писателями, литературные вечера, посвященные знаменательным датам и юбилеям. Библиотеки реализуют непосредственное общение творцов культуры и их потребителей. Одновременно, с помощью краеведческой деятельности происходит транслирование культурно значимой информации о крае [1]. Библиотеки сотрудничают с администрациями районов, музеями, научными центрами, другими учреждениями и организациями, привлекая к своей деятельности ученых, краеведов, фольклористов, писателей, оставаясь центрами культурной жизни своей территории.

- историко-культурная краеведческая деятельность (собираение, накопление, хранение и передача информации о мемориальных источниках по краеведению). При массовой «интернетизации» либо слиянии с клубами и домами культуры «потерять лицо» (или вообще не исчезнуть) библиотеке не дадут именно собственные краеведческие ресурсы, к которым относятся также каталоги и краеведческие базы данных. Качественная краеведческая информация, которую не отыщешь в недрах Интернета, очень востребована

пользователями [2]. В краеведении главенствующая роль принадлежит библиотекам на местах – маленьким сельским библиотекам, которые кропотливо собирают и хранят исторические и архивные материалы, составляют и ведут Летописи сел, альбомы и фотоколлекции, организуют музеи и краеведческие уголки.

- организация культурных, просветительских, информационных центров. Например, при Национальной библиотеке Республики Бурятия открыты уникальные центры: Информационный центр культурного туризма, осуществляющий информационное сопровождение сферы туризма, координацию работы по оцифровке культурного наследия республики; Байкальский информационный центр, основным ресурсом которого является информационный web-портал Байкал-Lake. Успешно функционируют информационно-культурные центры межпоселенческих центральных библиотек (МЦБ) республики: эвенкийского населения – в МЦБ Баунтовского эвенкийского района; «Традиционная культура семейских» – в Тарбагатайской МЦБ, истории и краеведения – в Иволгинской МЦБ, краеведения – в Селенгинской МЦБ, сектор краеведения – в Кяхтинской МЦБ и др.

Таким образом, одним из важных направлений поликультурной деятельности библиотек Бурятии является сохранение культурного наследия, так как известно, что важнейшая часть исторической памяти, определяющей самобытность любого народа, сосредоточена в их культуре, которая является гарантом стабильности и процветания российского государства.

Список литературы:

1. Бородина С.Д. Коммуникационная культура библиотек: науч.-практ. пособие / С.Д. Бородина, Г.М. Кормишина. М.: Либерея-Бибинформ, 2008. 128 с.
2. Васильева Л.С. Культурная политика государства в условиях полиэтнического региона (на материале Республики Бурятия) : автореф. дис. канд. культурологии : 24.00.01 / Л.С. Васильева. Улан-Удэ, 2006. 22 с.
3. Головки С.И. Библиотечная деятельность: принципы обновления: науч.-метод. пособие / С.И. Головки. М. : Либерея-Бибинформ, 2008. 128 с.
4. Гудкова И.Н. Деятельность библиотек по сохранению культурного наследия (на материалах Республики Бурятия) // Россия-Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие: междунар. науч. конф. (21-26 июня 2010 г., г. Улан-Удэ). СПбГУ, 2011. С. 459–465.

УДК 930.25

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТНЫХ ФОНДОВ АРХИВОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

USING OF FUND DOCUMENTS OF ARCHIVE OF MUNICIPAL INSTITUTES

Аннотация

Статья посвящена исследованию по использованию документного фонда архива. Автором проанализированы результаты опроса, проведённого среди пользователей архива муниципального учреждения.

Abstract

The article investigates using the archival document fund. The author analyzes the results of a poll conducted between users of municipal archive.

Ключевые слова: архив, пользователи, документы, фонд

Keywords: archive, users, documents, fund

Современные информационные учреждения хранят и обеспечивают передачу последующим поколениям огромный массив документов, значительная часть которых сосредоточена в архивах. Значение архивных фондов в современном обществе трудно переоценить, благодаря им осуществляется сохранение редких уникальных документов. Согласно Федеральному Закону Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. N 125-ФЗ «государственные органы, органы местного самоуправления муниципального района и городского округа обязаны создавать архивы в целях хранения, комплектования, учета и использования образовавшихся в процессе их деятельности архивных документов [1]».

В рамках дипломного исследования студентки ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» О.П. Степановой проведено изучение деятельности архивного отдела администрации МО «Тарбагатайский район» Республики Бурятия (РБ).

В составе архивного фонда можно выделить документы на бумажной основе, они занимают значительную часть - 12896 (84 фонда), из них управленческая документация (постоянное хранение) – 9110 (62 фонда), документы по личному составу 3786 (22 фонда). Кроме этого, фонд включает микроформы и аудиовизуальные документы [2]. Дела фондов содержат исторические справки по истории фондообразователя и истории архивного фонда.

Уникальные и особо ценные документы, музейные и библиотечные фонды в архиве отсутствуют. Список источников комплектования утверждён и согласован в соответствии с установленными требованиями. Среди орга-

низаций, являющихся источниками комплектования, перечислены: 15 муниципальных, 2 – федеральных, 4 – республиканских (субъекта РФ). Одной из актуальных и важных проблем для архивного фонда сегодня является использование информационных технологий, так, ведётся работа с программой «Архивный фонд 4.0» и ввод информации в общепрограммный комплекс. В данном случае учёт обращений автоматизирован с 2011 г., используется автоматизированная электронная программа «Учет обращений граждан и организаций». Анализ документации показал, что ввод записей ежегодно возрастает: в 2011 г. внесено 15 записей, 2012 г. – 132, 2013 г. - 497. Кроме внесения данных о поступлении и исполнении запросов в автоматизированную программу, учёт ведётся в журнале «Книга учета входящей и исходящей корреспонденции». Сроки исполнения запросов выдерживаются.

Целью исследования являлось: выявить отношение жителей села Тарбагатай к организации работы архивного отдела МО «Тарбагатайский район» в части выполнения тематических и социально-правовых запросов. Специалист архивного отдела осуществляет приём граждан в определённые дни недели. Анализ отчётов за 2013 год показал, что исполнено 493 запроса социально-правового характера, с положительным ответом 480 и 225 тематических запроса, с положительным ответом 212. В среднем нагрузка на специалиста составляет 3 запроса в день.

Анкетированием были охвачены жители села Тарбагатай (60 человек).

Дифференциация пользователей по возрастному цензу продемонстрировала доминирование респондентов от 31 до 50 лет (35%), примерно одинаковое соотношение составляют те лица, чей возраст от 22 до 30 лет (25%) и от 51 года и старше (21,5%). Наименьший процент образован жителями от 18 до 21 года (18,5%). Вероятно, преобладание возрастной категории от 31 до 50 связано с тем, что это наиболее трудоспособная группа населения.

По половому признаку данные распределились следующим образом: преобладали мужчины (53%), женщины - 47%. В зависимости от социального положения среди опрошенных можно выделить: рабочих (23%), примерно одинаковое соотношение составляют учащиеся (18,5%) и пенсионеры (18%), далее – служащие (16,5%), безработные (11,5%), и индивидуальные предприниматели (8%).

Среди наиболее часто посещающих архив - люди предпенсионного возраста. Данный факт связан, по всей видимости, с необходимостью назначения пенсии, когда нужны различные правоустанавливающие документы. Касаясь частоты посещения архива, респонденты отметили, что бывают редко (52%), остальные – часто (48%).

Среди целей информационных запросов пользователей отметим, что большинство граждан обратились в отдел за получением архивной информации в связи с назначением и переоформлением пенсий, социальных льгот, подтверждением факта награждения правительственными наградами, оформлением земельных участков, прав на имущество, жилье, переименованием организаций и сменой их собственности; по начислению заработной платы и подтверждению стажа работы и для установления наличия документов по земельным вопросам и т.д.

Архивная информация необходима учащимся школ и вузов для подготовки различных исследовательских работ. Незначительный процент (8%) респондентов указал, что обращался в архив за информацией в рамках своей профессиональной деятельности.

Относительно качества обслуживания получены следующие результаты: Наибольшее количество респондентов (71%) качеством предоставленной услуги удовлетворено полностью. Остальные (29%) считают, что ответ на запрос мог быть содержательно более полным, информативным.

Относительно времени ожидания при предоставлении информации мнения жителей разделились практически поровну. Не удовлетворены временем ожидания, оказались в большей степени, молодые люди до 30 лет (43%). Вероятно, это объясняется их личными возможностями при получении информации любого рода сегодня благодаря Интернет- ресурсам. Старшее поколение (57%) оказалось более сдержанным в комментариях.

Выявлено, что значительная часть пользователей (80%) самостоятельно оформляет запрос на предоставление услуги, остальные респонденты (20%) испытывали затруднения при оформлении бланков запроса, и, соответственно, тратили на это много времени.

В качестве источников получения информации об услугах архива опрошенными выбраны: сотрудник архивного отдела (45%), Интернет (35%), знакомые, коллеги (10%), СМИ (5%). Итак, примерно половина респондентов получает информацию лично от сотрудников, 35% предпочитают более оперативные сведения из Интернета, а остальные от коллег, и знакомых или через СМИ. К сожалению, никто не указал в ответе информацию, размещенную на стенде в администрации района, хотя это одно из наиболее посещаемых жителями села государственных учреждений, обязанное информировать граждан о социально-правовых услугах.

По мнению большинства опрошенных, такого рода информация должна размещаться в наиболее доступных и посещаемых местах, в виде листовок, буклетов и т.д. Респонденты считают, что следует более активно размещать информацию об услугах архивного отдела в СМИ.

На вопросы, касающиеся уровня комфортности помещения архива, его графика работы получены следующие результаты: большинство опро-

шенных пожелали улучшить материально-техническую базу в плане насыщения дополнительной мебелью. График работы удовлетворил многих (74,5%), остальные считают, что архив должен работать и в субботу, так как в рабочие дни получить услугу работающим гражданам проблематично.

Качеством обслуживания, внимательностью и сотрудниками архивного отдела удовлетворено наибольшее количество ответивших (более 89%)

В целом качество предоставления информационных услуг жители села Тарбагатай оценили следующим образом. Отразим результаты в таблице.

Ответы респондентов	Результат (%)
5 баллов - полностью удовлетворяет	10%
4 балла - в целом удовлетворяет	35%
3 балла - скорее удовлетворяет	23%
2 балла - скорее не удовлетворяет	14%
1 балл - не удовлетворяет	8%

Данные свидетельствуют, что в основном жители села Тарбагатай удовлетворены качеством исполнения социально-правовых и тематических запросов.

Таким образом, граждане обращаются за получением архивной информации в связи с назначением и переоформлением пенсий, социальных льгот, подтверждения факта награждения правительственными наградами, оформлением земельных участков, прав на имущество, жилье, переименованием организаций и сменой их собственности, по начислению заработной платы, подтверждению стажа работы, документов нотариальных действий, документов по земельным вопросам. Большинство обращений от общего количества имеют положительный результат.

Однако следует уделить внимание комфортности и техническому оснащению рабочих мест и повысить качество исполняемых документов, сократив сроки их подготовки. Проанализировав результаты анкетного опроса, считаем необходимым активизировать работу архивного отдела в следующих направлениях:

- 1) обеспечить пользователям оперативный доступ к архивным фондам;

2) организовать более эффективное обеспечение архивными материалами граждан, для написания исследовательских, курсовых, дипломных работ и статей;

3) оказывать жителям села информационную помощь в выявлении материалов, консультировать их по вопросам содержания фондов, методики работы с документами и научно-справочным аппаратом.

Анализ исследования продемонстрировал, что с каждым годом возрастает спрос на получение архивной информации и поэтому сегодня архивный отдел МО «Тарбагатайский район» должен ставить перед собой не только задачи по формированию архивного документного фонда района, но и обеспечению работы по сохранению и использованию документного наследия, сбережению документальной памяти Тарбагатайского района.

Библиография:

1. <http://www.rg.ru/2004/10/27/arhiv-dok.html>
2. www.tarbagatay.ru

УДК 028.5

А.А. Сенотрусова

«ЧИТАЮЩИЙ РЕБЕНОК – ЦЕННОСТЬ XXI ВЕКА»

«A READING CHILD - A TREASURE OF XXI CENTURY»

Аннотация: Статья посвящена проблемам детского чтения, знакомит с инновационными методами и формами продвижения чтения детей и юношества, с республиканскими конкурсами и интересными проектами ГАУК РБ Республиканской детско-юношеской библиотеки «Радость чтения», «Волшебный рюкзачок».

Annotation for the article of Senotrusova A.A

The article is devoted to the importance of children's reading. It also presents the innovative methods and forms of children's and youth's reading promotion, republican contests and interesting projects of the Republican library for children and youth – "Joy of Reading", – "Magic Bag".

Ключевые слова: детское чтение, библиотека, проблемы, методы, проекты, конкурсы, книга

Key words Children's reading - Library - Problems - Methods - Forms - Projects - Contests - Book

О чтении и книге сказано немало красивых слов. Казалось бы, должно быть все понятно – читать нужно, особенно детям. В наше время

проблемы детского и подросткового чтения встали в один ряд с важнейшими государственными задачами развития российской национальной культуры. Кризис детского чтения сегодня стоит остро как никогда. Произошла утрата исключительной роли чтения в обществе, превращение чтения в источник получения информации с одной стороны и с другой в средство развлечения. Так уж произошло, что сегодня в прошлом одной из самых читающих стран надо искать пути возрождения интереса к чтению. В XXI век вступило новое поколение, которое отличается от своих сверстников, приходивших в библиотеки несколько десятилетий назад. Изменились восприятие мира, жизненные цели, манера говорить и одеваться. Цифровые технологии заставили современных детей иначе воспринимать и обрабатывать информацию. И если библиотеки не будут идти в ногу со временем, им постепенно будет все труднее навёрстывать упущенное.

В 21 веке проблема чтения подрастающего поколения перестала быть проблемой одной только отрасли – библиотечной. Будущее детской библиотеки – в консолидации сил не только книжников и библиотекарей, но и всех неравнодушных людей. Сегодня читатель рассматривается как центральный адресат любой библиотечной услуги. Государственное автономное учреждение культуры Республики Бурятия «Республиканская детско-юношеская библиотека» является центром культуры, духовного оздоровления личности, центром детского чтения, работающая по интересным программам, в тесном содружестве со всеми, кому не безразличны проблемы детства. Уважение к ребенку, как к личности, постоянная забота о нем, стремление разнообразить детский досуг лежат в основе всей работы. Весь комплекс воспитательной деятельности библиотеки нацелен на то, чтобы мир для наших читателей – детей стал добрее, и чтобы в наше нелегкое время им жилось легче и интереснее. Чтобы чтение для них стало привлекательным и полезным. Очень важно вовремя воспитать любовь и интерес к книге. С.Я.Маршак считал основной задачей взрослых открыть в ребенке —«алант читателя». Чем раньше ребенок возьмет в руки книгу, тем успешнее будет проходить процесс его умственного, эстетического, духовно-нравственного развития.

В Республиканской детско-юношеской библиотеке сформулированы основные принципы работы с читателями:

- повысить у ребенка осознание себя как читателя, научить получать удовольствие от чтения;
- сделать чтение более разнообразным
- предоставить читателям возможность поделиться впечатлением от прочитанного
- повысить статус чтения как творческого процесса

- через приобщение к чтению способствовать воспитанию и развитие личности

Осознавая всю важность этой проблемы, библиотека ищет пути приобщения ребенка к чтению, учитывая возрастные, индивидуальные особенности маленьких читателей, адаптируя порой и школьные, и клубные формы работы. С целью продвижения книги и чтения в детскую и подростковую среду библиотека активно использует как традиционные средства, так и модернизированные **формы и методы** библиотечной работы, способствующие ее совершенствованию, новейшие – электронные базы данных, электронные каталоги, библиотечные сайты и использование Интернет. Среди наиболее значимых мероприятий по продвижению идеи книги и чтения среди детей и подростков следует назвать ежегодные праздники для юных читателей **«Неделя детской и юношеской книги»**, в рамках которых проходят встречи с писателями, журналистами, издателями, презентации новых книг и журналов; читательские конкурсы, турниры, игры, литературно-музыкальные композиции. В последние годы Республиканская детско-юношеская библиотека Бурятии выступала организатором **праздника, посвященного Дню славянской письменности и культуры и Общероссийскому дню библиотек**, проходившему в формате «open air». За это время праздник менял адреса прописки и тематическое наполнение. Библиотека предлагает маленьким и большим читателям республики принять участие в различных конкурсах, викторинах, играх, мастер-классах. Важным моментом праздника является церемония награждения лучших читателей РДЮБ. Красивым и значимым элементом праздника становится праздничный концерт.

Способствуют продвижению детского чтения комплекс других мероприятий, организация и участие в крупных городских и республиканских мероприятиях, таких как литературно-театральный марафон **«Книга в пути»**, республиканский библиокараван **«Детство с книгой»**, многочисленные презентации книг писателей Бурятии, пишущих для детей. Хорошим стимулом к чтению являются праздники, которые библиотека проводит к самым различным календарным и знаменательным датам: «День знаний», «Праздник Букваря», «День матери», «День Байкала». Наибольший интерес у библиотек Республики Бурятия вызвала и получила положительную оценку **Республиканская передвижная выставка «100 новых книг для детей»**, работающая под девизом «Подарим детям села радость чтения». Выставка экспонировалась в рамках проекта «Книжка на колесах» долгосрочной информационно - рекламной кампании, работа которой была начата в 2008 году, в год поддержки детского чтения в Бурятии и востребована по сей день. Издательство «Гранд-Фаир» и «Самокат» совместно с детской библиотекой имени

А.Гайдара г.Москва издали каталог «100 новых книг для детей», куда вошли книги, ставшие победителями конкурсов, лауреатами премий. Наша выставка, основанная на этом каталоге, помогает познакомиться детям республики с лучшей российской литературой, рекомендованной каталогом «Гранд-Фаир».

Мероприятие открывается путешествием по библиотеке на фоне слайд-шоу «Путешествие в Читай-город» и рассказом о каталоге «Сто новых книг». Затем начинается путешествие по книжной выставке, которая состоит из трех разделов: «Давайте любимые книжки откроем», «Полистаем смешные странички», «Сказочное разнообразие». Обзор книг оживляется познавательными и шуточными викторинами «Волшебная страна», которые проводят литературные герои Красная шапочка, мама-Коза и маленькая разбойница из «Снежной королевы» Г.Х.Андерсена, за правильные ответы детям вручаются призы. Завершается мероприятие акцией передачи комплекта книг от Республиканской детско-юношеской библиотеки и награждением детей за лучшие ответы викторины.

Чтобы превратить лето в сезон захватывающе интересного чтения, библиотека ежегодно реализует программу летних чтений «**Дети. Лето. Книга**»; проводит презентации «Летние каникулы в стране Читалии», «Летом с книгой я дружу». Для сотрудников библиотеки лето не мертвый сезон, а время творчества, фантазии, активизация всех форм индивидуальной и массовой работы. Это конкурс рисунков на асфальте «Мой любимый литературный герой», литературные викторины «В мире сказок», «Угадай, откуда мы?», игры: «По сказкам А.С.Пушкина», «Птицы, рыбы, звери, я вас не обижу», «Читательская улыбка летом», летние чтения-погружения «Солнечное чтение». Интересно проходит летний читательский конкурс «**Летний марафон книгочeya**», все лето дети читают книги, прочитав они должны не менее 15 книг, выполняют творческие задания: дописать рассказ (книгу); сделать поделку для выставки «Герои книг на пьедестале». Итоги летнего марафона подводятся в сентябре. На заключительном мероприятии победители награждаются дипломами «Республиканской детско-юношеской библиотеки», книжными призами и получают право взять новую книгу в первую очередь, читать книги из фонда читального зала дома (кроме справочной литературы). Конкурсы, игры, приключения, путешествия в мир книг позволяют сделать досуг детей и юношества в летний период не только интересным, но и полезным.

В 2012 г. в Республике Бурятия реализован проект Регионального общественного фонда имени Д. Батожабая «**Передвижная творческая мастерская «3D: создай свой мир!**». Проект стал одним из победителей Открытого конкурса проектов, имеющих социальное значение в сфере образования, искусства, культуры и общественной дипломатии,

организованного Региональной общественной организацией «Институт проблем гражданского общества». Проект направлен на создание условий для активного вовлечения в культурный процесс подрастающего поколения села, испытывающих дефицит культурных впечатлений. В рамках проекта дети и молодежь с помощью различных творческих техник и современных технических средств учились создавать тактильное, визуальное, звуковое, сценическое воплощение литературного произведения. Профессиональную поддержку участникам мастерской оказала команда, в состав которой вошли волонтеры – деятели культуры и искусства Республики Бурятия. Занятия мастерской прошли в 9 районах Бурятии с марта по июнь 2012 года. Заключительным мероприятием проекта стал **Республиканский конкурс для детей и молодежи «Фестиваль 3D поэзии»**, прошедший в сентябре на сцене концертного зала Колледжа искусств им. П.И. Чайковского, где дети представили свои творческие продукты.

Активно в мероприятиях, проводимой библиотекой используются игровые формы. Для детей игра – сфера их социального творчества, полигон общественного и творческого самовыражения. Читатели дети и юношество с большим удовольствием принимают участие в флеш-мобах, играх-путешествиях по страницам прочитанных книг, отвечают на вопросы многочисленных викторин, выполняют сложные задания игр – бродилок, квестов, конкурсов.

Конкурсы творческих работ лучших читателей «**ЛУЧ**» проходят ежегодно и, основаны на тщательном каждодневном изучении чтения детей. Целью конкурса является пробуждение устойчивого интереса к чтению, выявление наиболее активных читателей, формирование у детей книжной и информационной культуры. Конкурсы проходят по номинациям: первая номинация – конкурс читательских симпатий «**Книга в моей жизни**». Дети рассказывают о значении книги и чтения в жизни человека, о своей самой любимой книге. Делятся впечатлениями о воздействии этой книги на читателя, как на личность.

Вторая номинация – конкурс самого читающего ребенка «**Я - читатель**». К этой номинации читатели представляют свою слайд-презентацию, рассказывают историю своего читательского опыта (в виде сочинения, рассказа, стихотворения).

Третья номинация – посвящена традициям семейного чтения, дети рассказывают о своих читающих мамах и папах.

Четвертая номинация - «**Наш любимый «Читай-город**» предполагает различные виды творческих работ, посвященных библиотеке и библиотекарю. Дети высказывают слова благодарности, признательности сотрудникам библиотек, делятся своими впечатлениями о библиотеке. После

подведения итогов в библиотеке оформляется выставка детского творчества и издается сборник творческих работ детей.

Хорошим методом повышения престижа читающего человека, является комплексное мероприятие **«Бенефис читателя»**, проводимое библиотекой ежегодно и основано оно на изучении чтения детей и юношества. Бенефис направлен на укрепление авторитета лучших читателей библиотеки, повышение их социального статуса, включает в себя знакомство с биографией читателя, его увлечениями. На мероприятии мы стараемся показать роль книги в судьбе ребенка, в становлении его личности, в овладении знаниями, знакомство с профессиями. Каждый из участников бенефиса делится своим читательским опытом, рассказывает о том, как стал читателем, что привлекает его в библиотеке, что значит для него чтение, а главное он рассказывает о своих любимых книгах, авторах, литературных героях. Для мероприятия подготавливается видеоряд, музыкальное оформление, книжная выставка «Я – читатель!», где представлены прочитанные книги наших участников. Перед выступлением библиотекарь представляет каждого читателя, дает краткую характеристику чтения. С участниками бенефиса проводится небольшая викторина «Блиц – интеллект», где каждый из желающих проверяет свои знания. В заключение мероприятия делаются выводы, что книга не только источник знаний, но кроме этого она заставляет задуматься над многими серьезными вещами, книга учит сопереживанию, человечности, доброте и что чтение – это большой труд: интересный доставляющий удовольствие, радость, но труд. И надо потрудиться, чтобы научиться читать и стать настоящим читателем.

В 2013 году в рамках празднования Общероссийского дня библиотек успешно прошел **краеведческий квест «Бурятия - Маршрут Впечатлений»**. Дети совершили путешествие по пяти точкам маршрута: «Буряты», «Эвенки», «Сойоты», «Семейские», «Казачи». На точках маршрута участники получали задание, и решали его. При правильном решении заданий, получив пять подсказок, участники отгадывали призовое задание. Отгадка состояла из одного слова, которое участник вписывал в маршрутный лист. Самый первый, правильно ответивший участник квеста, становился победителем и был награжден памятным призом.

В рамках 2013 года - Года охраны окружающей среды в Российской Федерации, Года туризма в республике Бурятия ГАУК РБ «Республиканская детско-юношеская библиотека» провела **виртуальную республиканскую игру «Я шагаю по родному краю»** (февраль – сентябрь 2013 г), в целях содействия патристическому воспитанию детей и подростков, популяризации знаний о малой родине, повышения интереса подрастающего поколения к краеведческой литературе. В игре приняли участие ребята в возрасте от 10 до 14 лет из 9 районов Бурятии и города

Улан-Удэ. В ходе Виртуальной игры в сети Интернет была размещена игровая карта, на которой разместились несколько маршрутов:

Страницы истории нашей республики;

Улан-Удэ - столица Бурятии;

Природа родного края;

Литературные тропы Бурятии;

Культура и искусство Бурятии;

К творческому маршруту «Прекрасен уголок земли, где я родился и живу» участники конкурса создали электронный фотоальбом, дающий представление туристу или путешественнику о любимом селе, городе, районе. Дети представили электронные фотоальбомы, которые можно использовать в практической, туристической деятельности. Участникам игры к каждому маршруту были предложены вопросы краеведческого характера и списки рекомендуемых информационных ресурсов, изучив которые можно дать правильный ответ. Участники, набравшие наибольшее количество баллов, стали победителями игры и получили памятные призы и благодарности. В 2014 данная игра имеет продолжение в виде Виртуальной игры для юных читателей «**Детская интерактивная энциклопедия Бурятии**», посвященной Году Культуры в Российской Федерации. Участники игры должны ответить на вопросы викторины и представить электронный фотоальбом «Я наследник родного простора»

Республиканская детско-юношеская библиотека ведет работу по **возрождению традиций семейного чтения** с целью поднять престиж семьи, как социальной ценности. В нашей библиотеке в действии программа «**Дарите детям радость чтения**», которая предполагает комплекс мероприятий для родителей, педагогов - это Дни информации, Дни открытых дверей, родительские собрания, индивидуальные консультации. Основной целью программы «**Дарите радость чтения**» является развитие интереса к чтению, как уникальному виду деятельности и состоянию души. Раскрыть роль библиотеки как организации защищающей права юных граждан на досуг к книге и информации, привлечь к чтению не читающих детей, возродить традиции семейного чтения.. Работа по этой программе предполагает проведение совместных мероприятий детей и родителей: как в стенах библиотеки, так и вне. Создание комфортной информационной среды для родителей и малышей и терапевтического воздействия книги на ребенка.

Формирование интереса к чтению мы начинаем с работы с дошкольниками и их родителями. Оказывая консультации родителям, мы обращаем их внимание на то, с какими книгами нужно знакомить маленького ребёнка, какая литература издается для родителей. Организованные дошкольники приходят группой. Постоянная работа

ведется с подготовительной группой детского сада «Алые паруса» и «Белочка».

Педагоги школ города охотно идут на контакт с нами и вместе с детьми приходят на наши самые разнообразные мероприятия. Серьезное внимание библиотека уделяет работе с родителями в деле привлечения к чтению детей. С этой целью ежегодно в начале учебного года проводим **День открытых дверей**: «Дарите радость чтения» для родителей и детей. В школах города проводим родительские собрания. Сейчас родители все чаще сталкиваются с проблемой: ребенок не хочет читать. Почему так происходит? И мы на собрании рассматриваем причины нелюбви детей к чтению. Советуем пособия, журналы, которые помогут в решении этой проблемы. Ежегодно составляем дайджесты по семейному чтению. Следует отметить эффективность этой работы. После родительских собраний приходят родители с детьми, у многих по двое, трое детей и они подолгу сидят с детьми в библиотеке, читают, рассматривают журналы, знакомятся с новой литературой. Вниманию родителей предлагается книжная выставка «Пробудить интерес к чтению», проводятся обзоры книг ведущих специалистов по детскому чтению И.И.Тихомировой, И.Н.Тимофеевой, Г.И.Тубельской, журналы «Домашняя школьная библиотека», «Семейное чтение», сборники по семейному чтению, классическая литература, книги современных писателей. Родители слушают беседу, где затронуты такие важные моменты: «Что и как читать вашему ребенку от года до десяти», «С чего начать», «Что читать детям», «Как читать детям», «Как беседовать с детьми о книгах», «Где взять время для чтения», «Почему полезно читать вслух» и обсуждаем самый главный вопрос, почему именно книга является связующим звеном между поколениями.

Совместные усилия педагогов, родителей и библиотекарей позволяют привлечь детей к чтению, сделать чтение более привлекательным. С этой целью при библиотеке при поддержке Министерства культуры Республики Бурятия создан и успешно функционирует центр интеллектуального и творческого развития Успешная семья «ЦИТРУС». «Цитрус» - это идеальная альтернатива детскому саду: родители сами выбирают удобный для себя и ребенка график посещения групп (3 или 5 дней в неделю). Попав в Цитрус, дети сразу погружаются в атмосферу сказки, веселых книг, приключений, игр и творчества. Для полноценного развития детей в Центре созданы комфортные условия: удобная мебель, специальное оборудование, современная техника. Вниманию детей представлен золотой фонд лучшей детской литературы - это художественные, научно-познавательные, справочные книги. А еще есть самые необычные книги: развивающие книги, книжки-всезнайки, книжки-игрушки, книжки-погремушки, книжки-раскладушки. А ведь известно, что

книги расширяют кругозор, учат детей мыслить, развивают речь, память, воображение. Книги воспитывают полноценную, духовно нравственную, личность ребенка, формируют его научное мировоззрение. В основе всех занятий центра лежит книга. Здесь для маленьких посетителей, их родителей проводятся познавательные беседы, веселые викторины, занимательные игры, конкурсы, праздники.

Для развития у малышей творчества, воображения, любознательности в Центре работают кружки: студия «Библионяня», изостудия «Акварелька»; кружок «Оригами»; кружок логических игр «Почемучка»; клуб «Фантазия»

Приоритетным направлением студии «Библионяня» является библиотерапия. В программе студии «Библионяня» предполагается библиотерапевтическая деятельность в направлениях: сказкотерапия, музыкотерапия, радостное чтение.

Все это способствует изучению и распространению культуры и искусства, позволяет осуществить формирование и развитие личности ребенка через предоставление детям лучших образцов мировой художественной культуры, лучшей детской литературы, развивающих книг, периодики, аудио и видеоматериалов, информации на электронных носителях. На занятиях малыши знакомятся с детскими книгами, смотрят кукольные представления, слушают музыку, смотрят мультфильмы, занимаются развивающими, подвижными и дидактическими играми, оригами, аппликацией, лепкой, рисованием, пальчиковой гимнастикой. Вторник и четверг занятия по ознакомлению с окружающим миром. Комплекс стандартных академических и игровых методик активизирует и развивает интеллектуальный и творческий потенциал детей.

Библиотека проводит мероприятия, которые содействует привлечению к чтению юных читателей не только в стенах библиотеках, но и за ее пределами.

«Праздник читающего детства» прошел в People's Park торгового центра «Титан». На празднике присутствовали учащиеся школ города, и лучшие читатели ГАУК РБ «Республиканская детско-юношеская библиотека». Вниманию детей была представлена книжная выставка «Читающий город детства», на которой дети познакомились с яркими детскими книгами, волшебными сказками. Дети стали участниками театрализованного представления «Библиотека в гостях у «Титана». Литературные герои известных детских книг «Мальвина» и «Гарри Поттер» познакомили посетителей с главной библиотекой для детей Республики Бурятия, совершив вместе с детьми заочную экскурсию по удивительному «Читай-городу», а величественные Титаны, присутствовавшие на празднике, поделились своими мыслями о книге и чтении, дав умные советы ребятам

побольше читать и дружить с книгой! Прометей назвал имена лучших читателей библиотеки и наградил их подарками от ГАУК РБ «Республиканская детско-юношеская библиотека». Всем присутствующим детям Прометей пожелал всегда добиваться поставленной цели и постоянно пополнять свой интеллектуальный багаж знаниями из книг! Завершился праздник интересными конкурсами, например «Слёт знаменитых путешественников», дети побывали на станциях «Географическая», «Зоологическая», «Космическая», «Волшебная». Особенно детей развеселил конкурс «Фантазерский», где они проявили свои способности фантазеров и выдумщиков. Замечательно, что на праздник пришли не только дети, но и их родители, которые тоже принимали активное участие в конкурсах.

В том же торговом центре «Титан» People's Park состоялась **акция «Конец света - нет! нет! нет! – солнечному свету - да! да! да!»**, девизом которой стали слова «Знаем - читали! Конца света не будет!» Вниманию участников акции предложена слайд-презентация и книжная выставка «Пусть всегда будет солнце», посетители приняли участие в веселых викторинах, мини-конкурсах и мастер-классах по изготовлению открытки с изображением солнышка. Активным участникам акции подарены календари на новый 2013 год! Данная акция позволила создать позитивный настрой, убрать тревожность, поднять предновогоднее настроение.

В 2013 году реализован новый партнерский мини-проект «ВКУСНОЕ ЧТЕНИЕ», совместно с кафе «Бельгийские пекарни». Например праздник детства «**Детство – это ТЫ и Я**», посвященный Всемирному дню ребенка провела библиотека в кафе «Бельгийские пекарни». Дети в игровой форме познакомились с историей праздника «Всемирный день ребенка», послушали песни о мире, о детстве, о солнце, узнали о Декларации прав ребёнка, о своих правах и обязанностях в обществе, приняли участие в конкурсном-игровой программе «Детство – это свет и радость». Каждый участник праздника получил в подарок книжную закладку «Вкусное чтение для детей и родителей». В рамках этого проекта с детьми проведены новогодние праздники, праздник Белого месяца, Международный женский день.

Интересен опыт библиотеки в использовании не только печатного слова, но возможностей радио и телевидения в качестве канала популяризации краеведческих знаний и продвижения детского чтения. Уже более 30 лет библиотека ведет **радиоклуб «Эврика»**, одним из ярких событий которого стало освещение в 2008 г. проекта «Книжка на колесах», благодаря которому радиослушатели смогли узнать, как живут и что читают их ровесники в разных районах республики. Главной целью радиоклуба является формирование духовной культуры детей посредством приобщения к чтению, повышение статуса чтения в жизни ребенка, активное вхождение

детей в мир книги, возрождение и поддержка семейного чтения. В радиоэфире для детей республики звучат передачи об интересных книгах, о творчестве лучших детских писателей. Много передач посвящено знаменательным событиям и датам, нашему родному краю - Бурятии, ее природе и замечательным людям. Очень часто звучит информация о мероприятиях, проводимых в библиотеке и о конкурсах, в которых могут принять участие все дети республики.

На телеэкраны Республики Бурятия вышли два совместных проекта библиотеки и Бурятской государственной телерадиокомпании. В программе **«Энциклопедия Бурятии»** выходят короткие информационно-познавательные ролики о родном крае, а в проекте **«Читаю мою Бурятию»** жители республики читают стихи известных бурятских поэтов. Эти проекты вызвали самые положительные отзывы у населения. Многие считают, что благодаря таким проектам у людей, и в первую очередь у подрастающего поколения появляется чувство гордости за край, в котором мы живем, чувство восхищения природными красотами и замечательными людьми Республики Бурятия.

С 2013 года реализуется проект **«Волшебный рюкзачок»** по продвижению семейного чтения. Волшебный рюкзачок - так называется ранец, в который помещаются книги для детей, для родителей, тетради для ведения читательского дневника, по принципу «кольцевой почты»: рюкзачок путешествует из семьи в семью. Каждая семья читает книги, выполняет творческие задания и передает рюкзачок дальше. Реализация проекта «Волшебный рюкзачок» началась театрализованным представлением для детей в библиотеке с участниками акции (учащиеся 2 «В» класса, СОШ № 2 и их родителями), в ходе которого «Волшебный рюкзачок» был торжественно передан в первую семью. Чтобы поддерживать постоянный интерес к чтению, в классе проведены игры «Читать интересно!», викторины по книгам из «Волшебного рюкзачка», конкурс «Лучшая читающая семья», фотоконкурс «Мой волшебный рюкзачок», конкурс сочинений «Мой любимый герой книги». Такие формы работы способствуют знакомству детей и родителей с лучшими произведениями детской литературы, общению на тему прочитанных книг родителей и детей в классе, дома и в школе. Немаловажное значение имеет и момент состязательности, направленный на вовлечение семей в процесс чтения. Создана слайд – презентации по итогам проекта «Мир, увиденный сквозь книгу», подведены итоги конкурсов, лучшие читатели награждены грамотами и призами в 2013 году. А в 2014 «Волшебный рюкзачок» успешно продолжает свое путешествие уже в двух классах СОШ№2.

Основной целью данных проектов является поддержка чтения в среде детей и молодежи как основы их интеллектуального, творческого,

личностного, развития, а также повышения статуса КНИГИ, ЧТЕНИЯ, БИБЛИОТЕКИ в обществе на основе объединения усилий библиотеки и СМИ.

Работа с подобными проектами будет продолжена и в дальнейшем, что позволит активизировать детское чтение, развивать традиции семейного чтения, развивать творческие и читательские способности читателей детей, в конечном итоге позволит сохранить и развивать книжные традиции Детства.

Наша работа по привлечению детей к книге и чтению – всегда в разгаре. Читателями не рождаются, ими становятся. И именно от нас зависит, будут ли читать наши дети, что они будут читать и ощутят ли они радость чтения.

РАЗДЕЛ VI .
МУЗЫКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ В
КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ФОЛЬКЛОРНОГО И КОМПОЗИТОРСКОГО
ТВОРЧЕСТВА

УДК.008: 378

С.Г. Степанова

К ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВ-
КИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ.

TO A QUESTION OF DEVELOPMENT OF NATIONAL VALUES
OF ART CULTURE IN THE TRAINING OF PROFESSIONALS.

Аннотация

Содержание статьи направлено на освещение вопросов освоения национальных ценностей художественной культуры в процессе подготовки профессиональных кадров. Развитие современной системы образования тесно взаимосвязано с осмыслением концептуальных основ художественного образования и воспитания в условиях поликультурного пространства Российской Федерации. Одной из проблем развития модели художественного образования в условиях полиэтничного региона является отсутствие комплексного исследования содержания художественной культуры, в связи с многогранностью структуры данного феномена и проблема выработки исходных методологических позиций. Автор обращается к необходимости переосмысления традиций и путей дальнейшего развития национального достояния художественной культуры Бурятии в период социально-экономических преобразований последних десятилетий, а также, к анализу условий овладения профессиональными компетенциями будущих специалистов творческих специализаций.

The article highlights issues of development of national values of art culture in professional training. Modern education system is closely connected with conceptual foundations of artistic education in the poly-cultural space of the Russian Federation. One of problems of development of art education in the poly-ethnic region is the absence of complex research on artistic culture, which is caused by the complexity of the phenomenon and by the absence of mutually agreed methodological positions. The author suggests to reconsider traditions and ways of further development of artistic culture in Buryatia in the last decades and to analyze conditions of music professionals' training.

Ключевые слова: художественная культура, национально-культурные ценности, музыкальное искусство, поликультурное пространство, профессиональная подготовка.

Keywords: artistic culture, national-cultural value, musical art, poly-cultural space, vocational training.

В связи с происходящими в последние десятилетия реформами в России возникает множество новых вопросов и противоречий. Образование сталкивается с социально-экономическими, идеологическими факторами, которые ведут к частичной потере некогда лидирующих позиций и ролей образовательных учреждений в формировании мировоззрения россиянина. Происходит смена культурологической и образовательной парадигмы: предлагается иное содержание, подходы, поведение, культурные стереотипы, углубляется изучение региональной ментальности.

Обращаясь к классическим традициям прошлого, в определенной степени сохраняется преемственность в способах решения проблем нынешнего образования со способами, существующими в философии культуры, и перекликается с современностью. Так, «согласно Ф.Ницше проблема образовательных учреждений определяется тем, как формируется природа человека в век модерна и на основании какого идеального замысла. Проблема образовательных учреждений, с точки зрения Ф.Ницше неотделима от внешней, а затем, от внутренней организации природы человека. Она может быть разрешена только посредством формирования «индивида», надеясь на то, что государственная политика может быть направлена на поддержку «организации», созидающей гения»[4]. В тоже время проблема образования в России сегодня напрямую связана с тем, что его реформирование на основе приоритетов европейской традиции опережает формирование собственной культурно-национальной идеологии. Это приводит к тому, что образование в целом постепенно утрачивает свои внутрикультурные функции, выпадает из векторных процессов культуры.

Наряду с решением философско-культурологических проблем, в системе художественного образования обсуждаются частные вопросы современной дидактики. Актуализируются вопросы изучения различных аспектов национальных культур и искусства, что является необходимым условием социализации, инкультурации индивида, а также обладает высоким воспитательным потенциалом в силу специфики влияния национальных традиций и искусства на развитие, формирование личности [2,9].

Освоение характерных национальных особенностей художественной культуры в образовательной деятельности в качестве теоретического осмысления, а также в процессе приобретения практических навыков студен-

тов, являются одним из условий овладения профессиональными компетенциями для будущих специалистов творческих специализаций.

Однако в процессе стандартизации образования все очевиднее выявляются проблемы, связанные с поликультурными особенностями и регионально-этническими характеристиками социальной среды. Практическое значение последних в культуре связано с основополагающими парадигмальными и ментальными представлениями той или иной культуры [5]. С другой стороны в новых образовательных стандартах не предусмотрены дисциплины, отведенные на национально-региональный компонент, ранее существующий в структуре.

Тем не менее, индивидуальные черты художественной культуры народов в полиэтнических регионах, а также многообразные связи между ними, представляют большой интерес, как для систематизации научных исследований, так и для трансляции, передачи ее содержания в целях воспитания и образования будущих профессиональных кадров. Человечество представляет собой совокупность разнообразных этносов и субэтносов. Наряду с большими нациями существует огромное количество малых народностей, почти неизвестных. Каждая народность уникальна в своем роде и обладает только ей одной присущей культурой.

К началу 21 века учеными отмечалась тенденция к утрате многими народностями своих национальных особенностей, к «растворению» малых народностей среди больших народов. Поэтому одной из актуальнейших задач становится сохранение самобытной культуры. К необходимости решения в русле данных задач можно отнести переосмысление традиций и путей дальнейшего развития национального достояния художественной культуры Бурятии в период социально-экономических преобразований последних десятилетий.

Сегодня, наряду с имеющимися положительными тенденциями в развитии национальной культуры и художественных традиций региона, можно отметить, что, в области общего и профессионального художественного образования (на примере Республики Бурятия) имеется ряд актуальных задач, требующих пристального внимания и решения. Выявляется необходимость более глубокого теоретического осмысления, практического применения накопившегося культурологического материала в содержании образования по вопросам приобщения студентов к профессиональному художественному наследию, народному творчеству, овладения художественной культурой региона.

Анкетирование, тестирование и опрос, проведенные среди студентов ВСГАКИ, учителей музыки различных городов Восточно-Сибирского региона, школьников г. Улан-Удэ и районов Бурятии по одному из значимых компонентов художественной культуры региона - национальному музыкаль-

ному искусству выявил, что нет однозначного отношения к данному феномену, целостного представления о нем. Незначительная доля национально-культурных ценностей региональной музыкальной культуры применяется в практике основного и дополнительного образования, а также при подготовке профессиональных кадров. В некоторых случаях зарегистрирован низкий уровень осознания регионального музыкального искусства как самобытного пласта музыкальной культуры народов России как в среде учащейся молодежи и практикующих учителей, так и среди школьников.

Данные исследования можно рассматривать как некий фактор отчуждения детей и юношества от традиционной и современной художественной культуры региона. В связи с этим необходима детальная разработка содержания образования, обусловленная потребностью дальнейшего комплексного исследования и практического освоения культурологического, исторического, искусствоведческого, этнографического материала в учебно-воспитательном процессе в целях всестороннего изучения учащимися и студентами художественной культуры республики Бурятия, ее традиций и инноваций.

Одной из проблем развития модели художественного образования в условиях полиэтнического региона, является отсутствие целостного анализа содержания художественной культуры, в связи с многогранностью структуры данного феномена, а также, проблема выработки исходных методологических позиций.

В ряду научных трудов, посвященных вопросам становления художественной культуры Бурятии, особое место занимают труды ученых Бурятии в области музыкального, театрального, изобразительного искусств. В данном контексте, особую значимость по вопросам исследования художественной культуры Бурятии и коренных народов Сибири для нас имеют труды Д.С. Дугарова, В. Ц. Найдаковой, и др. авторов в работах, которых отражено становление и развитие профессионального искусства в Бурятии, его традиций. Знамениты фундаментальные труды по фольклористике Д.Банзарова, Г.Д.Санжеева, Г.Ц.Цыбикова и др.

Важными к рассмотрению представляется труды, посвященные осмыслению методологии и теории культуры - В.Л.Кургузова, с позиции изучения морфологии культуры, места и роли в ней художественного творчества - исследования А.Ф.Полякова, вопросов модернизации традиций в современной культуре этноса – Л.В. Санжеевой, бытовых и религиозных обрядов бурят как источника зарождения монгольского и бурятского театрального искусства - М.В. Амгалановой, и др.

Научный интерес для нашего исследования имеют теоретические положения по истории культуры и этнографии бурят Н.Б.Дашиевой, Т.Д.Скрынниковой, Д.А.Николаевой и др.

Мы учитываем теоретические и социологические аспекты проблемы формирования национального и межнационального сознания – в трудах В.А. Балханова, Г.И. Балханова, Ю.А.Серебряковой, П.Р.Атутова, и других авторов, а также, педагогические и теоретические позиции по развитию бурятской национальной школы в социально-философском и историческом плане – С.Д.Намсараева, Н.К.Елаева, Г.Ц.Молонова, С.С.Танхасаевой.

Проблемам специфики музыкальной культуры нами уделяется отдельное внимание. Данному направлению исследования посвящены научные труды П.М.Берлинского, П.С.Гуревича, О.И.Куницына, Г.А.Поляновского. Обращаясь к истокам, следует отметить, что одним из выдающихся ученых 19-го века в истории востоковедения, в изучении и публикации песенной поэзии монгольских народов следует назвать А.М. Позднеева. Он издал собранные материалы и их исследование в четырех выпусках. Первый выпуск вышел в свет в 1880 г. в нем были напечатаны 85 образцов песенной лирики бурятского народа. Труд А.М.Позднеева — это первое исследование песен как самостоятельного жанра.

В 60-х годах 19-го века собирательской деятельностью стал заниматься бурятский учитель Банзар Норбоев. На страницах «Забайкальских областных ведомостей» впервые появились песни, записанные самими бурятами. Большой вклад в собирание и публикацию песен внесли деятели культуры М.Н.Хангалов, Ц.Ж.Жамцаранов, С.П.Балдаев. Деятельное участие в собирании и изучении песен бурят принял Борис Сальмонт. Он уделил внимание процессу возникновения и исчезновения песен и с сожалением указывал на то, что старинные бурятские песни, уходят от нас бесследно, как уходят из этого мира их творцы и певцы, унося с собою свое духовное богатство.

Современные культурологические исследования в контексте изучения национальной музыкальной культуры Восточной Сибири в различных аспектах отражены в работах В.В.Китова – исполнительство на национальных народных инструментах, В.К.Назаровой - певческая культура семейских, Т.М.Зенковой – народная традиционная культура семейских, Т.Г.Балхановой – деятельность Союза композиторов Бурятии.

В рамках данного исследования осуществляется анализ работ Л.И.Дашиевой, Л.А.Халтаевой – стилистические и жанровые проблемы музыкального фольклора бурят, Т.С.Тангановой – народно-песенное творчество бурят, А.Г.Демина – формирование музыкального инструментария. Нами рассматриваются исследования по вопросам формирования и развития музыкальной культуры Бурятии на материале симфонического творчества – в исторических исследованиях О.А.Русиновой, вопросы формирования эстетической и музыкальной культуры личности средствами национального му-

зыкального искусства Бурятии – в исследованиях Т.Б.Будаевой, С.Г.Степановой, системы музыкального образования - М.Ц.Гончиковой.

Представляют несомненный интерес исследования в области искусствоведения, рассматривающие творчество композиторов Бурятии, становление ее национальной школы: О.И.Куницына – оперно-симфоническое творчество, О.А.Поляковой - хоровая музыка, Н.Ц.Цибудеевой – бурятская вокальная школа, а также отдельные работы Б.О.Олзоевой, Т.М.Матхановой – песенное творчество бурятских композиторов, Л.Г.Довнарвич - фортепианная музыка, И.С.Куницыной – музыкальная драматургия бурятских балетов и др.

В контексте исследования исторических предпосылок становления и развития художественной культуры Бурятии нас интересуют работы Г.Ц. Бельгаева, Н.И.Маторина, Т.К. Глязер, П.С. Гуревича, Л.С. Ходорковской, В.Ц. Найдаковой, Л.И. Протасовой, И.М. Хабаевой, А.В. Шестидесятой, в которых авторы рассматривают этапы развития бурятского балета от первых шагов балетной труппы Бурятии до создания национальных балетов. В ракурсе анализа различных аспектов национальной танцевальной культуры имеются исследования О.Б.Буксиковой, Т.Е. Гергесовой.

Перспективным представляется исследование, предусматривающее историко - культурологический анализ научных трудов, посвященных изучению различных видов изобразительного искусства (архитектура, скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство) на примерах памятников культуры и произведений, созданных художниками Бурятии, деятельность которых тесно связана с именами Г. Е. Павлова, Р. Мэрдыеева, А. Хангалова, Ц. Сампилова, Е. Неволиной, М. Шестаковой, Аржикова и т.д.. Д. Дугарова, А. Сахаровской, Г.Н. Москалева, И.И. Старикова, К.А. Дульбева, Г.И. Баженова и др.

Сформировались серьезные предпосылки дальнейшего продвижения в вопросах изучения художественной культуры Бурятии. Вместе с тем очевидно и то, что при наличии фактологической, источниковой базы многие вопросы еще ждут более целостного теоретического осмысления. Необходим дальнейший культурологический анализ сущности, типологии, динамики развития художественной культуры Бурятии как социокультурного феномена.

Отдельного внимания требует разработка культурологической модели и педагогических условий, способствующих овладению содержания национальных ценностей художественной культуры Бурятии в системе профессионального образования, являясь важным фактором воспитания и подготовки молодых профессиональных кадров.

Используемая литература:

1.Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. - М., 1998. – 215 с.

2.Балханов В.А. Воспитание личности в современных условиях: От самоопределения к диалогу культур / В.А. Балханов, С.В. Калмыков // Вестн. Бурят. госун-та. Сер. 7. Педагогика. – Улан-Удэ, 2003. – Вып.10. – С. 3–22.

3.Буряты / Отв. Ред. Л.Л.Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 633с. – (народы и культуры)

4.Выжлецов П.Г. Ф.Ницше о природе человека и проблеме образования. (На материале ранних сочинений) // материалы Третьего Российского культурологического конгресса с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» : Тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. – С.25

5.Жукова Е.Д. Развитие системы образования и проблема сохранения культурной безопасности России // материалы Третьего Российского культурологического конгресса с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» : Тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. – С.122-123

6.Куницын О.И. Из истории русско-бурятских музыкальных связей / О.И. Куницын // Вопросы музыкознания. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 1. – С. 3-12.

7. Кургузов В.Л. Наука в амплитуде колебаний (вопросы теории, истории, методологии и дидактики). Опыт культурно-философской рефлексии: монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2009. – 592с.

8.Мосолова Л.М. Культурологический подход к образованию в России: традиции и креативность новых решений // материалы Третьего Российского культурологического конгресса с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» : Тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010. – С.114

9.Серебрякова Ю.А. Философские проблемы национального самосознания и национальной культуры / Ю.А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1996. – 183 с.

УДК 78(57):930.85

**ИЗУЧЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА**

**THE STUDY OF MUSICAL CULTURE OF SIBERIA:
THE PROBLEM OF THE MATERIAL SYSTEMATIZATION**

Аннотация: В статье обсуждаются способы организации материала по музыкальной культуре Сибири. Рассматриваются и анализируются различные подходы. Предложено создание электронной информационной базы данных в качестве необходимого способа систематизации на данной стадии изучения материала. Преимуществом базы данных является мобильность, возможность постоянного обновления, а это особенно актуально при работе с изменчивым сибирским культурным полем.

Abstract: The article discusses some ways of organizing musical material on the culture of Siberia. Various approaches are examined and analyzed. The author proposes to create an electronic information database as a way of organizing the material at this stage of the study. Its advantages are mobility, constant updating, and it is especially actual when working with changeable Siberian cultural field.

Ключевые слова: музыкальная культура Сибири, информационная база, база данных.

Keywords: musical culture of Siberia, information base, database.

Музыкальную культуру Сибири (МКС) на настоящем этапе трудно рассматривать как единое явление. По своей сути она сложилась в результате влияния многих истоков и фактически состоит из массы самостоятельных культур, которые находятся в сложных соотношениях между собой. Неоднородность структуры МКС определяется разницей территориального бытования традиций, временем их появления и закрепления в регионе, количеством носителей того или иного музыкального знания. Например, длительный период пребывания характерен для музыкальной традиции буддизма в южных районах Сибири, тогда как в северных областях она практически отсутствует. Церковнопевческое искусство развивается в регионе с XVII века, а шаманские ритуалы уходят корнями в древность. Развернутая система академического исполнительства и образования типична для нескольких крупных городов и далеко не в полном объеме представлена в населенных пунктах автономных республик, где преобладают национальные традиции.

Становление исследовательской линии во многом отвечает особенностям сибирской музыкальной культуры, воспроизводя ее структурно-территориальную специфику. Одной из черт исследовательского процесса является информационная разобщенность, неизбежная в условиях обширного пространства. Другой чертой стала точечность (спорадичность) исследования, определяемая локализацией явлений. В качестве третьей особенности отметим сосредоточенность исследователей на отдельных вопросах музыкального искусства, анализируемых изолированно, вне связей с другими сферами. Так, ряд работ посвящен изучению национальных и этнических традиций, другой – конфессиональной музыке, третий – академическому искусству, и т. д. Еще одной специфичной чертой является наличие разных подходов и методов исследования, каждый из которых характерен для анализа определенной области музыкального искусства.

Очевидно, что подобная разрозненность не способствует созданию полноценного представления о МКС. Поэтому требуется поиск принципов систематизации, который бы объединил блоки изученного материала, а также собранные отдельные данные в рамках единой платформы. Это позволило бы выявить взаимосвязи (взаимозависимости) между элементами сибирского культурного поля, определило бы новые направления и расширило границы дальнейшего исследования и дало возможность использовать компаративный и когнитивный (сравнительный и дополнительный) принципы для заполнения пробелов в знаниях и для моделирования (реконструкции) утраченных сегментов. (Последнее неизбежно в условиях плохой сохранности архивных источников и постепенного исчезновения традиций.)

Тенденции к объединению, к систематизации собранных данных прослеживаются в сибирском музыкознании с 1960-х годов. Это происходит как в рамках научных исследований, которые требуют приведения в систему материалов по изучаемому объекту, так и в работах, направленных собственно на накопление и организацию информации. Возможны несколько типов классификации материала, часть из которых реализована в чистом виде или в сочетании с другими принципами в имеющихся к настоящему времени трудах.

Организация по географическому признаку применяется во множестве энциклопедических изданий, в исторических многотомниках, в научных работах, посвященных рассмотрению сибирского материала в сравнительном аспекте. Например, географическая локализация учитывается в энциклопедии «Новосибирск» [13], Энциклопедии Забайкалья [12], в первом томе МКС [11], и т.д. Данный подход дает возможность составить карту распространения музыкального искусства,

оценить расширение или сокращение региона бытования определенных традиций, осознать степень исследованности разных районов Сибири.

Другой, не менее важный подход к организации материала – хронологический. Он использован во 2-ом – 3-м томах МКС [11], лежит, наряду с географическим принципом, в основе «Исторической энциклопедии Сибири» [5], учтен в большинстве работ, направленных на изучение явлений, развивающихся в течение длительного времени (Н. И. Головнева «Становление якутской профессиональной музыкальной культуры (1920–1985)» [3]; Е. К. Карелина «История тувинской музыки» [6]; И. Куницына, О. Куницын «Музыка советской Бурятии» [10]; И. В. Белоносова «Музыкальная культура Читы» [2]). Подобные работы позволяют воспринять каждое явление в динамике, проследить историю его формирования, вычленив этапы становления и развития, а также эволюцию на всех стадиях развертывания.

Дифференцирует и организует материал классификация по принадлежности к конкретному пласту культуры или виду деятельности: как правило, это последовательное рассмотрение образования, исполнительства, творчества как вполне самостоятельных блоков академического музыкального искусства, и – культовой, конфессиональной музыки, обрядового и необрядового фольклора как субъектов традиционной культуры. При этом дополнительным классификационным признаком в определении объекта анализа часто становится его территориальная и временная локализация (Айзенштадт А. М. «Музыкальный фольклор народностей нижнего Приамурья» [1]; Дугаров Д. С. «Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят» [4]). Появляется и дополнительная специализация в рамках каждого направления, например, жанровое, географическое и временное ограничение в области творчества (О. И. Куницын «Формирование оперного жанра в бурятской музыке (1938–1977)» [9], О. Ю. Колпецкая «Бурятский балет 1950-х – первой половины 1970-х годов (к проблеме становления жанра)» [7]), географическое – в области исполнительства (О. И. Куницын «Музыкальный театр Бурятии» [8]). Это позволяет определить нишу, занимаемую каждым предметом в общем контексте музыкальной культуры Сибири, и сформировать определенную иерархию между явлениями искусства.

Имеющиеся к настоящему этапу сведения также могут быть сгруппированы по степени проработанности материала и по полноте собранных источников. С этой позиции правомерно констатировать, что большей изученностью отличается традиционная культура переселенцев (Леонова Н. В., Лескова Т. В.), жанры бурятского традиционного искусства (Новикова О. В., Дашиева Л. Д., Дугаров Д. С.), инструментальный (Сузукей В. Ю.) и горловое пение тувинцев *хөөмей* (Кыргыз З. К.), стили якутского

пения *дыэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа* (Ларионова А. С., Алексеева Г. Г.), старо- и новообрядческое певческое искусство (Шиндин Б. А., Казанцева Т. Г., Светлова О. А.) В меньшей степени затронут традиционное искусство малочисленных народов севера Сибири, шаманские традиции, культовая музыка буддизма.

В области академического блока описана культура крупных городов региона (Новосибирска, Томска, Красноярска, Иркутска, Улан-Удэ, Якутска) и деятельность наиболее значительных творческих фигур, но отсутствуют работы, посвященные многим значимым исполнителям, композиторам и педагогам, исполнительским коллективам, становлению школ (в том числе и ведущих), развитию музыкальных жанров, и т. д. Таким образом, определяются многие лакуны в изучении региона, имеющиеся к настоящему времени.

Еще один подход к пониманию общей картины МКС продиктован анализом собственно наличия источников и степени их достоверности, т. е. присутствием архивных документов, исторических и мемуарных заметок, зафиксированного нотного материала, фото-, аудио- и видеоданных, которые составляют основу подлинно научного исследования. Такие сведения особенно важны при работе с утраченными фольклорными традициями, при анализе музыкальных образцов, для которых характерно устное бытование, при рассмотрении исполнительских достижений мастеров прошлого и настоящего, при работе с сочинениями композиторов. Следовательно, во-первых, этот фактор принципиален для осознания общей картины изученности региона, а, во-вторых, определяет необходимость сбора данных как превентивной меры для восполнения пробелов в тех областях, которые еще не обеспечены информационными источниками.

Обозначенные методы организации материалов неоднократно использовались в практике и отвечали важным исследовательским целям, но при этом возникала и нерешенная проблема. Каждый раз концентрация на избранном аспекте и доскональное изучение конкретного предмета происходило в ущерб другим возможным граням исследования, а также не способствовало выявлению связей между различными традициями, разными культурными блоками. То есть, эти принципы подхода к материалу не гарантируют создания полноценной картины МКС, что, в свою очередь, не дает проследить достаточно сложные процессы в музыкальном искусстве и специфику соотношения различных пластов. Это закономерно, поскольку любая исследовательская работа, по сути, допускает выбор методов, отвечающих решению конкретных поставленных проблем в ущерб всем прочим, это позволяет осознать объект исследования в одновременной взаимосвязи с ограниченным количеством предметов широкого культурного поля. Однако к настоящему времени требуется сформировать многомерное

представление, отражающее реальную ситуацию в сибирской музыкальной культуре. Поэтому первым шагом на пути объединения информации и привычных взглядов на данной стадии должна стать электронная база данных.

По сути, такая база будет представлять всю информацию самого различного типа (научные и публицистические статьи, диссертационные исследования, архивные документы, информационные данные, нотные записи, фото-, видео- и аудиоматериалы), отвечающую состоянию музыкальной культуры Сибири. Материалы в базе будут организованы в структуру, которая отражает соотношения между ними.

Моделью выбрана иерархичная база данных. Такая многоуровневая структура обусловлена устоявшимся в исследовательской практике подразделением МКС на блоки традиционной, академической музыки, массово-культурной и фольклористической (пост-фольклористической) деятельности. При этом каждый из блоков тоже делится на комплекс компонентов. Так, традиционная культура включает искусство коренных народов, переселенцев, городских этнических диаспор, многочисленных религиозных конфессий, а академическая – исполнительство, творчество, образование, науку, публицистическую (критическую) деятельность. Массовая культура объединяет ранние формы массовой музыки, художественную самодеятельность, музыку эстрады и субкультур, а сибирский фольклоризм – различные виды музицирования в рамках этого направления. В связи с этим определяется пользовательское визуальное решение базы данных в виде многоуровневого «дерева».

Названное решение, безусловно, не является единственно возможным, но позволяет структурировать МКС в рамках устоявшихся исследовательских традиций. Такая схема облегчит поиск необходимой информации для потенциального пользователя. С другой стороны, реальные связи между объектами, представленными записями, много сложнее и неоднозначнее. Например, каждая запись, посвященная персоналии, будет включать множество полей, посвященных виду деятельности. Это позволит соотнести данную запись с несколькими блоками и направлениями одновременно.

Например, в круг персоналий, относящихся к культуре Бурятии (Бурят-Монголии), включен П. М. Берлинский (1900 – 1976), деятельность которого весьма важна для музыкального искусства региона, достаточно многоохватна и отличается масштабом. Он внес вклад в создание музыкально-драматического театрального репертуара республики, написал ряд сочинений с использованием бурятского и монгольского фольклора, занимался просветительской и педагогической деятельностью, способствовал становлению музыкального образования в г. Улан-Удэ,

проявил себя на преподавательском поприще, собирал и изучал образцы фольклора, стал автором ряда исследовательских работ, являлся научным сотрудником Бурят-Монгольского института культуры, принимал участие в подготовке первой Декады Бурят-Монгольского искусства в Москве (1940), выступал в качестве дирижера, пианиста и ансамблиста, и т. д. Кроме того, работа П. М. Берлинского связана, помимо учреждений и коллективов Бурятии, с творческими организациями Москвы, Ленинграда, Иркутска и Томска. Поэтому отражение всех сфер его деятельности закономерно и необходимо, и оно будет выражаться в многочисленных взаимодействиях с другими творческими фигурами (в том числе с композиторами Д. Д. Аюшеевым, Б. Б. Ямпилковым, с художником-декоратором А. И. Тиминим, драматургами Г. Ц. Цыдынжаповым и А. И. Шадаевым, певцами Л. Л. Линховоином, И. Батуриным), в сотрудничестве с коллективом Бурятского драматического театра, с организацией Союза композиторов Бурят-Монголии, которые тоже включены в информационную базу с учетом их множественных связей.

Точно также, СК Бурят-Монголии (Бурятии) будет, в свою очередь, соотнесен со всеми формами творческой деятельности и творческих отчетов (концертами, фестивалями, пленумами, конференциями, конкурсами), с работой всех членов организации, с их творческим наследием, с музыкальными коллективами, с которыми сотрудничали композиторы и музыковеды. Помимо уже упомянутого П. М. Берлинского, это такие важные для Сибири творческие фигуры как Д. Д. Аюшеев, А. А. Андреев, Ж. А. Батуев, Г. Г. Дадув, П. Н. Дамиранов, Г. Д. Дашипылов, Б. Б. Дондоков, Д. С. Дугаров, Ц. И. Ирдынеев, О. И. Куницын, С. С. Манжигеев, В. И. Морощкин, В. А. Усович, Л. Н. Санжиева, Б. Б. Ямпил, и др. В числе организаций, связи с которыми сыграли принципиальную роль в поддержке и развитии композиторской организации: ВСГАКИ, Бурятский академический театр оперы и балета, Бурятский музыкально-драматический театр и Русский драматический театр им. Н. Бестужева, театр кукол «Ульгэр», Бурятская государственная филармония, Бурятский государственный национальный театр песни и танца «Байкал». Среди солистов-исполнителей и первых интерпретаторов сочинений бурятских композиторов – известные певцы Л. Л. Линховоин, В. Е. Цыдыпова, Б. М. Балдаков, Г. Б. Шойдогбаева, В. Д. Лыгденова, Н. К. Петрова, А. А. Арсаланов, К. И. Базарсадаев. А мероприятия, в которых приняли участие члены Союза композиторов, включают две Декады Бурятского (Бурят-Монгольского) искусства в Москве (1940, 1959), Панорамы сибирской музыки, фестивали СК различных уровней, авторские концерты и отчеты, приуроченные к важным датам бурятской истории и буддийского календаря музыкальные события (например, празднование «Гэсэриады», и т. д.

Очевидно, что каждый из названных коллективов, учреждений, персоналий, а также многие другие, здесь не обозначенные, в свою очередь, будут представлять самостоятельные записи в структуре базы данных. Из перечисленного очевидно множество пересечений.

Предложенная форма подачи информации (информационная база) позволяет представить все накопленные до настоящего времени сведения в одновременности, избежать постоянных повторов, которые неизбежно возникли бы при описании каждого из объектов в отдельности, а также выявить взаимодействия этих объектов между собой. И такое объемное видение представляет необходимый шаг в формировании новых представлений о музыкальной культуре Сибири.

Существенным плюсом базы данных является ее мобильность, возможность постоянного обновления и добавления информации по мере необходимости, а это особенно актуально при работе с изменчивым сибирским культурным полем и позволяет зафиксировать те объекты, которые со временем могут быть утрачены.

Литература:

1. Айзенштадт А.М. Музыкальный фольклор народностей нижнего Приамурья: Автореф. дисс... канд. искусств. – М., 1965. – 19 с.
2. Белоносова И.В. Музыкальная культура Читы: Автореф. дисс. ... канд. искусств. – Новосибирск, 2005. – 22 с.
3. Головнева Н.И. Становление якутской профессиональной музыкальной культуры (1920 – 1985). – Новосибирск, 1994. – 384 с.
4. Дугаров Д.С. Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят. – Улан-Удэ, 1969. – Т. 2. – 343 с.: 260 нот.ил.
5. Историческая энциклопедия Сибири/ Под.ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, Б.В. Базарова: в 3-х тт. – Новосибирск: Изд.дом «Историческое наследие Сибири», 2009.
6. Карелина Е.К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование/науч.ред.-рп искусствоведения В.Н. Юнусова. – С.: Издательство «Композитор», 2009.- 552.: нот., ил.
7. Колпецкая О.Ю. Бурятский балет 1950-х – первой половины 1970-х годов (к проблеме становления жанра). – Новосибирск, 2003. – 26 с.
8. Куницын О. Музыкальный театр Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. – 256 с.
9. Куницын О.И. Формирование оперного жанра в бурятской музыке (1938-1977). – Автореф. дисс... канд. искусств. – М., 1979. – 26 с.

10. Куницына И., Куницын О. Музыка советской Бурятии. – Улан-Удэ, 1968. – 112 с.
11. Музыкальная культура Сибири: В 3-х т. – Новосибирск, 1997. –Т. 1.: Кн. 1. - 407 с.; Кн. 2 – 157 с.; Т. 2. Кн. 1 – 432 с.; Кн. 2 – 510 с.; Т. 3 Кн. 1. – 241 с.; Кн. 2. – 496 с.
12. Энциклопедия Забайкалья: В 2-х т. – Т. 1.: Общий очерк. – Новосибирск, 2000. – 302 с.
13. Энциклопедия «Новосибирск». – Нск, 2003. – 1071 с.

УДК 78(=512.36)

Бао Мундэ

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

THE DEVELOPMENT OF MONGOLIAN MUSIC IN MODERN CHINA

Аннотация: Статья о музыкальной культуре района в долине р. Нэнцзян, история которой насчитывает более чем 800 лет, но сохранившей свою самобытность, и о причинах ее изменения в современных условиях

Annotation: The article is devoted to the music culture of the district in the valley of the river Nentszyan that has preserved its originality despite the fact that it is more about than 800 years. The author tells about the reasons of its change in modern conditions.

Ключевые слова: монгольская музыка, музыка долины реки Нэнцзян, культурное наследие Монголии, монгольская музыкальная культура.

Key words: Mongolian music, music of the valley of the river Nentszyan, cultural heritage of Mongolia, Mongolian music culture

Долина реки Нэнцзян находится достаточно далеко от центра монгольской культуры, именно поэтому культура этого района сохранила нетипичную самобытность.

В данной работе мы попытаемся изучить принципы взаимосвязи географического положения данного района и его музыкальной культуры, а также проследить изменения в музыкальной культуре монгольского района.

Своей целью мы ставим исследование изменений музыкальной культуры во времени – конец династии Цинь и молодой Китайской Народной Республики, а также в пространстве – долина реки Нэнцзян.

Долина реки Нэнцзян располагается в западной части провинции Хэйлунцзян, уездах Чжаоюань, Тайлай, Дурбот и Фууй. На данных территориях с древности проживали представители династий Цзинь, Юань, Мин и Цинь. Во времена правления династии Цинь на данных территориях проживали представители различных монгольских племён, наполняя своими традициями многогранную культуру данного региона.

Устье реки Нэнцзян

Река Нэнцзян берет свое начало в южной части горного массива Хингана – величественного горного хребта Ильхуль (Малый Хинган). Эти хребты окружают обширные луга и воды, образуя разнообразный природный ландшафт. Река Нэнцзян протекает с севера на юг по территориям Внутренней Монголии, провинции Хэйлунцзян, районов Фууй, Тайлай, Дурбот и другим.

Развитие монгольской музыки в районе долины реки Нэнцзян

В районе долины реки Нэнцзян, с начала 13 века (династия Юань) и по сегодняшние дни, развивается монгольская музыкальная культура. Становится ясно, что история музыкальной культуры данного района насчитывает более чем 800-летнюю историю. В своей работе мы обобщаем анализ монгольской музыки с точки синхронического и диахронического подходов, а также представляем ее характеристику.

Музыка долины реки Нэнцзян – культурное наследие Монголии

Музыка данного региона – отражение жизни его общества, фольклора, религии, искусства и других сфер. Некоторые виды музыки представляют собой великое музыкальное наследие народа.

Популярная народная музыка (в том числе народная, рэп-музыка, народная инструментальная и танцевальная музыка) формировалась под влиянием религии, культуры и интересов общества.

Необходимо отследить способы отражения музыкальной культуры в обществе, ее изменения в истории, ее характеристики и так далее.

Изменения монгольской музыкальной культуры в долине реки Нэнцзян

Нами был произведен объективный анализ характеристик музыкальной культуры, стало ясно, что в основе жанрового, смыслового различия и т.д. в том числе лежат региональные, а значит, и культурные различия. Музыка способна изменяться, «мутировать», приобретая новые черты и теряя целые жанры.

В долине реки Нэнцзян родилось огромное количество различных народных песен, популярных на территории Монголии. Не только крестьяне, и скотоводы в полях слушали и сочиняли музыку, но и в мастерских можно было услышать песни и затейливую музыку.

Переписи населения 1953 года и 2010 года показывали, что не менее две трети монгольского населения проживает на территории долины реки Нэнцзян. Кроме того, большое количество певцов и музыкантов проживают на указанных территориях.

Развитие музыкальной культуры происходило также неравномерно и не сбалансировано, как и развивалось само общество.

Особенности географического положения каждого региона, населения, экономики и национальной политике нашли отражение в музыкальной культуре со всем ее разнообразием, а в то же время единством.

Свои истоки народные песни берут в районах:

Дурбот - 66% песен;

Чжаоюань - 16%;

Тайлай - 10%;

Фуюй - 8%.

Регион Лет	Дурбот (Хурци и)	Чжаоюан ь Каунти (Хурции)	Тайлай Каунти (Хурци и)	Фуюй Каунти (Хурции)	общее количес тво
До создания нового Китай	59	28	16	11	114
После образован ия нового Китай	35	9	7	4	55
общее количеств о	94	37	23	15	169

Причины изменений монгольской музыки на территории реки Нэнцзян

Со времён поздней династии Цинь до сегодняшних дней немало изменений произошло в жизни жителей долины реки Нэнцзян: кочевой образ жизни превратился в оседлый, развивается сельское хозяйство, а юрты сменились домами. В данный момент на данных территориях непрерывно развивается производство, происходят процессы национальной интеграции и ассимиляции. Эти и другие факторы приводят нас к мысли, что район долины реки Нэнцзян изменяется, «мутирует» по сей день. Несмотря на общее географическое положение, на данной территории наблюдается огромное количество разного рода различий, в том числе этнический состав,

культурная самобытность, язык и его утраченные части, национальная политика и т.д. Это не может не сказаться на музыкальной культуре – она изменчива и самобытна, как и ее носитель – народ. Сколь многогранна культура, столь много же способов для ее изучения и исследования.

Благодарим за внимание.

УДК 398.8

Н. Цибудеева

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ АНТОЛОГИИ БУРЯТСКОЙ ПЕСНИ «ЗАНДАН ЭРХИ» («САНДАЛОВЫЕ ЧЁТКИ»)

Аннотация: В статье говорится о состоянии бурятского музыкального фольклора и возможности его сохранения на примере создания Антологии бурятской песни «Зандан эрхи» («Сандаловые чётки»). Политические реалии жизни бурятского этноса в XX веке наложили отпечаток на бытование национальнoй культуры и утрату отдельных её компонентов. Отсюда вытекает важность сохранения и восполнения в нашем случае песенных источников как носителей исторической памяти народа.

В целях более полного и продуктивного изучения бесценных образцов фольклора автор предлагает освещение некоторых историко-теоретических аспектов, касающихся их содержания, а также жанрово-стилистических и музыкально-выразительных средств.

The summary: The article refers to the state of the Buryat folk music and the possibility of its conservation by creating Anthology of Buryat songs "Zandan erhi" ("Sandalwood beads"). Political realities of the Buryat ethnic group's life in the twentieth century have had impact on the national culture causing the loss of its individual components. Hence, the importance of conservation and revitalization of song sources as carriers of historical memory of an ethnic group is stressed.

In order to better study priceless folklore samples the author offers coverage of some historical and theoretical aspects related to their contents, as well as genre, stylistic and musical expression means.

Ключевые слова: номадная культура, этнос, фольклорное наследие, музыкально-выразительные средства, система стихосложения, поэтический параллелизм, ладовая переменность.

Key words: nomadic culture, ethnos (ethnicity), folk heritage, musical and expressive means, the system of versification, poetic parallelism, modal variability.

Перебирая нанизанные на шнурок чётки из деревянных кругляшей, человек невольно обращается мыслями в прошлое и, обретая состояние душевного равновесия в поисках решения проблем, проникается внутренним озарением. Подобным образом представляется создание сборника «Зандан эрхи», продиктованное стремлением автора способствовать сохранению культурной памяти прошлого из 108-ми (сакрального для буддистов числа) старинных народных и современных авторских бурятских песен для приобщения к ним как специалистов, так и широкого круга любителей.

Запечатлев многовековой опыт народа во всём его многообразии, песенные источники сохранили наряду с исторической памятью выразительные особенности поэтического и музыкального языка и обладают безусловной художественной ценностью, представляя собой «золотой фонд» традиционной музыкальной культуры. Несмотря на широкую популярность в живой певческой практике у населения республики, большая их часть либо письменно не зафиксирована, либо существует лишь в виде вокальной строчки.

Политические реалии XX века, связанные с расчленением республики на три территориально-административных субъекта: собственно Бурятию, Усть-Ордынский национальный округ Иркутской области и Агинский Читинской (Забайкальского ныне края), а также реформами письменности со старобурятского языка на латиницу в 1932 г., на кириллицу - в 1939 г. привели к ослаблению стихии народно-национальной жизни и преемственно-исторических связей с предыдущими поколениями. Благодаря этому современная ситуация этнической Бурятии отмечена устойчивой тенденцией к вымыванию из обихода генетической компоненты в виде материнского языка, как кладезя традиционной культуры и его конкретных проявлений в жанрах устного народного творчества на фоне естественной смены поколений и ухода из жизни её носителей.

Поводом к осуществлению замысла «Антологии» стало уважение к наследию прошлого, идущее от семьи, а также детские впечатления: на домашних праздниках проникновенно-душевно пели родители со своими друзьями. Любимыми отцовыми песнями были «Ардагай хайниие» («На резвом коне» - наказ невесте), «Оронгын татуур» («Глубока речная заводь») и др., маминкой – «Захяаем бүүхэн мартаарай» («Не забывай наказа») Б. Гомбоева - Д. Улзытуева; тогда же начинались мои занятия с тётей - солисткой республиканской филармонии, народной артисткой РСФСР Чимитой Шанюшкиной. Сохранившиеся в её архиве «Утренняя песенка» В. Маймескула и «Эдир наһан» («Юность») К. Раднаева – З. Гомбожабая публикуются здесь впервые.

Эта инициатива, отвечающая духу национального возрождения, нашла своё подтверждение в словах великого писателя и мыслителя земли рус-

ской Л.Н. Толстого: «Вы делаете очень хорошее дело, стараетесь удержать в народе его старинные прелестные песни», обращённых к основателю великорусского оркестра народных инструментов В.В. Андрееву.

Итак, предлагаемая Антология состоит из трёх разделов: I. «Арадай дуунууд» («Народные песни»). В нём представлены лирико-эпические образцы из уникального свода песенных источников «Буряадхан аялгам хайхан даа» 1979 и 1985 гг. сотрудников республиканского радио и телевидения без музыкального оформления. Их интонационная первооснова устанавливалась автором при помощи информантов – хранителей песенных традиций и сверялась по нотному материалу, собранному композитором Д.Д. Аюшеевым в «Арадай дуунууд» 1950 и 1956 гг., а также 3-томнику (1964–1980) Д.-С. Дугарова - исследователя национального музыкального фольклора.

II часть «Хатар нааданай дуунууд» («Танцевально-игровые напевы») из книжных публикаций «Бурятские народные танцы» хореографа Т.Е. Гергесовой (2002 г.) и «Наяадхан тохойтой Хэжэнгэмнай» («Кижинга с 80-ю излучинами») этномузыковеда С.Н. Намжилон (2007 г.), включающих напевы локальных разновидностей *наадан-ёохора* – хороводного кругового танца бурят: *айдуусай, дэрбээшэн, ягаарухай* (от бур. «игра»), бытующего в разных местностях этнической Бурятии. Двигательная динамика *ёохора*, мобилизующая к активному действию, представляется в общественном сознании как опосредованное отражение трудового процесса и способствует как установлению коммуникативных связей между участниками, так и их коллективному вокальному музицированию.

В III главу «Авторские песни» вошли вокальные сочинения композиторов-любителей: Д.-Д. Жалсараева, В. Дамбаева, В. Маймескула и др. на тексты из «Буряад дуунууд» (1997 г.), изданные по инициативе Союза композиторов РБ. Здесь же нашли своё отражение лучшие образцы исполнителей-участников творческих состязаний «Лучшая песня года» и «Белый месяц», отобранные по личному вкусу составителя.

Специалистами признано, что обучение вокалу желательно начинать на бесценных образцах фольклора, как эталона певческих удобств, ибо народная манера пения базируется на естественном диапазоне голоса, оберегающем связки от излишнего напряжения. В этом плане Антология представляет собой вид учебно-методического пособия, способствующего формированию исполнительского репертуара для вокалистов, постижению родной культуры музыковедам, фольклористам, а также материалом для аранжировок, предназначенного композиторам и дирижёрам хора или оркестра. Поэтому в целях более продуктивного и полноценного его изучения автор освещает некоторые историко-теоретические аспекты предлагаемой проблематики.

В частности, исследователями Центральной Азии отмечена чрезвычайная музыкальность и голосистость монгольских племён, к коим относятся и буряты. Степь с обширными равнинами и необозримыми просторами служила благоприятной средой для укрепления певческого дыхания, будучи своеобразной его проекцией, чем способствовала богатству и разнообразию музыкального фольклора. «Степь крайне бедна источниками звука, и в этой пропитанной солнцем тишине только постоянные аборигены её способны различать своим ухом какую-либо жизнь», считали исследователи и собиратели бурятского фольклора.

По фрагментарным сведениям древних летописцев можно судить о том, что на протяжении многовековой истории образцы народного искусства сопутствовали суровой, полной опасности жизни монгольского мира и, создавая эмоциональный противовес повседневным тяготам будней ханской державы, помогали людям сохранять своё человеческое достоинство. И в условиях поиска выхода напряжения пение организовывало коллективные действия в труде, ибо согласно законам психологии искусства оно сопровождало как тяжёлую работу, так и повседневный быт. Как феномен социо-культурной значимости, песня, будучи самым распространённым жанром любого национального фольклора, является также видом досуга, увеселения или развлечения.

Содержание бурятских песен сводится, главным образом, к поэтическому образу родных мест: «Ужам Буряад орон» («Привольный край Бурятия»), «Буряад оромнай» («Наша родина Бурятия») Г. Дадужева - Ц. Зарбуева, «Минии нютаг» («Мой край родной») В. Пантаева – Д. Дамбаева, включая и далёкую прародину - Наян Наваа. В них воспевается великолепие привольных и цветущих степных просторов (в нашем случае Еравны, Оронгоя), прозрачных водоёмов Селенги, Хилка, Онона, горных вершин и множества безымянных хребтов. Они ассоциируются с грустью по любимой девушке, по родителям: «Барбагайн шэнээн байхадам» («В детстве моём») с состраданием к тем, кто их лишён: «Үншэн басаганай дуун» («Песня сиротки»), «Үншэн сагаан ботого» («Сиротка-верблюжонок»).

Здесь находят также своё отражение мечты о будущей семье: «Ардагай хайниие», «Хуримай дуун» («Свадебная»), сюжеты домашнего очага («Гуламта») В. Пантаева – А. Доноева, отеческая забота о детях «Захяам бү мартаарай» Б. Гомбоева - Д. Улзытуева, проводы в армию: «Байсын шулуун хүндэ» («Камни скал тяжелы»). Надо заметить, что в современном эстрадном творчестве тоскливую любовную лирику сменили настоящие мадригалы, воспевающие радость светлого чувства: «Дураяа магтан дууланаб» («Пою во славу любви») В. Дамбаева – Н. Шабаева, «Намжаа үдэшэ» («Прекрасный вечер») Д. Бальжинимаева – Д. Ринчиновой, «Путеводная звезда» Б. Очирова – Б. Базарова и т.д.

Из пяти традиционных видов скота (*табан хушуу мал*)¹ большое место в песенной поэтике занимает мотив коня - верного спутника арата-ското-вода. Его образ наделён множеством эпитетов согласно возрасту, масти, походе: *эрбэд соохор* – чубарый жеребец, *хурин хээр* – гнедой конь, *ардаг* - резвый, необъезженный, *хатарша* – рысак, *жороошо* – иноходец наряду с сопутствующей атрибутикой в виде коновязи – *сэргэ*, кнута – *ташуур*, седла – *эмээл* - и это только в заглавиях, не говоря об огромном их количестве в самих текстах.

В бурятской песенной культуре, как и во многих других, находит применение приём **поэтического параллелизма**, когда внутренний настрой героев перекликается с состоянием явлений природы: «У золотарника, растущего на горных склонах, - крепкие стебли, у матушки с батюшкой, выросших меня – надёжные руки» (букв. ладони), («Алтаргана» - «Золотарник»), «Ты хорош, пока стоишь у коновязи, но каков в пути? С виду ты хороша, но какова нутром?» («Сэргэндээ байхадаа» - «У коновязи»), «Резвого коня придержи, чтобы травы степные подросли, любовные похождения приурь, чтобы молва народная затихла» («Ардагханаа татад гээрэй» - «Придержи резвого»). Буквально через всё музыкально-поэтическое творчество бурят сквозной линией проходит образно-ассоциативная параллель: «конь - друг», отражающая бытовые реалии кочевников Центральной Азии.

Как и в любой номадной (скотоводческой - тюркской и монгольской) культуре, в бурятском музыкальном фольклоре образовалось двуединство жанрово-стилистических категорий: *богони дуун* (**короткая, подвижная**), строго регламентированная тактовым размером, а также более спонтанная *ута дуун* (**долгая, размеренно-протяжная**) с широкой внутрислоговой распевностью, мелизматикой в виде интенсивной орнаментации. Обладая широким дыханием, она исполняется чаще всего в медленном темпе.

По мнению исследователей стиха, метrorитмические особенности народно-песенного творчества бурят вытекают из принципов национальной системы стихосложения и обладают **7-сложной** структурой в *богони* (короткой) и **11-сложной** в *ута* (протяжной), присущих музыкальным культурам номадов. Согласно наблюдениям стиховедов обеим разновидностям свойственны относительная равнотактность и равнотактность стиха, параллелизм и аллитерация (начальная рифма). Большая часть образцов «Зандан эрхи» относится к жанру короткой (*богони*) и единичные – к долгой (*ута*), поскольку традиция её исполнения постепенно утрачивается. Здесь это - «Алтарга-

¹*табан хушуу мал* - лошадь, корова, овца, коза и верблюд, которые служат олицетворением природного богатства степей и гор и характерны для бурятского традиционно сложившегося ведения хозяйства, относящиеся к группе бескровных жертв.

на) («Золотарник»), «Шэрэмхэн танхын оёрто» («На дне чугунного кувшина»), «Хуримай дуун»

Приоритетной для бурят-монгольской музыки, как и другой азиатской является мелодика трихордово-попевочного строения на основе **ангиметонной пентатоники**, подчиняющаяся законам европейской ладогармонической системы преимущественно минорного наклонения. Для неё характерна **параллельная** мажоро-минорная **переменность** по типу: «Баабайнаам нураарай гэхэм гээбы» («Поговорим, пожалуйста»), «Сэлгээхэн Сэлэнгэ» («Прохладная Селенга»), «Элхэн харгы» («Песчаная дорога»), **кварто-квинтовая**: «Алтан гургалдай» («Соловей»), «Хадын саанаһаа» («Из-за горы»), «Ягаруухай», реже **малотерцовая** «Намдаа хайратай» («Сожалея о милом друге»).

Несмотря на монодическую природу бурятского мелоса он подвержен фактурно-гармонической обработке, вполне отвечающей европейскому ладофункциональному мышлению. Если вертикальной проекцией 7-ступенного диатонического звукоряда служит **аккорд терцовой структуры** (трезвучие, септаккорд, нонаккорд), 12-тоновой хроматики – **кластер** из секундовых нагромождений, то по той же аналогии горизонталь пятиступенного звукоряда сворачивается в **трихорд** в объёме кварты, наложенный на аккорд из терций. Именно такие созвучия легли в основу гармонизации данных музыкальных образцов.

В этих случаях удвоенное количество **обертонов** по сравнению с консонансами обычных трезвучий и их побочных призвуков, возникающее от секундового сочетания соседних звуков, обогащает горизонталь пентатоники и противоречит общепринятым представлениям о ней, как о неразвитом ладообразовании и восполняет, таким образом, её якобы ограниченные возможности.

Минорное наклонение помимо **натурального и гармонического** представлено здесь **дорийской** разновидностью с #VI ступенью: «Ононой эрьедэ» («На берегу Она»), «Ногоон дээгүүр табихадам» («Отпущу на зелень травы»), «Захяем бүүхэн мартаарай» Б. Гомбоева - Д. Улзытуева, а также **фригийской** с ♭II: «Звезда кочевника» Э. Жамбаловой – Б. Дугарова.

Если для завершающих участков в европейской ладотональной гармонии типичны **автентические** каденции, в славянской – **плагальные**, то в бурятской ощутимы на слух **медиантовые** обороты на примере: «Хатаршыень барихам гү, жороошыень гү?» («Рысака поймаю или иноходца?»), «Утахан сагаан Хелгомнай» («Длинный наш светлый Хилок»), - tsVI, «Уулын харгы хоёрлоод байна» («Горная дорога раздвоилась»): dtIII – tsVI и т.д. Эквивалентом гармонической доминанты здесь может быть аккорд альтерированной субдоминанты в виде ♯TSVI как в «Хорин сонхо яларуулан» (Два-

дцатью окнами сверкая»), «Тохир бохир алхалжа» («Ступая вразвалочку»), «Тохой зандан эмээлээ» («Сандаловое седло») и т.д.

С точки зрения временных соотношений для бурятской народной песенности не чужда **метрическая переменность**, возникающая соседства 2-х и 3-х-дольных размеров: «Алтаргана» («Золотарник»), «Зандан бүрээтэй ташуур» («Сандаловый кнут»), «Родная мелодия» Ч. Павлова - Ц. Галсанова и т.д.

Архитектоника бурятской песни по типу образцов, включенных в данный сборник, отмечена **квадратностью**, характерной для европейских песенно-танцевальных жанров. Однако наряду с этим нередки случаи её нарушения **неквадратными построениями** в виде фразовой повторности из 3-х тактов: «Тохой зандан эмээлээ» («Сандаловое седло»), «Хүдэр Донгойдоо» («В Кудара-Донгое») из 5-ти, «Үншэн сагаан ботого» – 13, а также неравновеликими структурами: «Байсын шулуун хүндэ» («Камни скал тяжёлы») - 4+3 и т.д. Для композиции бурятской песни нередки случаи **пары периодичностей** по типу русского фольклора: $a^1 a^2 b^1 b^2$: «Ардагханаа татад гээрэй», «Саһаниинь орог даа, хамаагүй» («Пусть снега идут»), «Соохорхон тэнгэрийн» («В небе, пестреющем звёздами») и др. В масштабе целого, объединяющего два сходных и одно обновлённое построение, перемена зачастую происходит в третьем: «Сэлгээхэн Яруунын мульһые» («В прохладе льдистой Еравны»), «Хададаа модониинь олоншье хаа» («Пусть много деревьев в горах»), «Ногоон дээгүүр табихадам» и т.д.

Таковы в целом музыкально-выразительные свойства песен данного сборника, отражающие стилевые особенности бурятского музыкального фольклора.

Литература:

1. Аюшеев Д.Д. Арадай дуунууд. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. – 85 с.
2. Гергесова Т.Е. Бурятские народные танцы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002. – 204 с.
3. Дугаров Д.С. Бурятские народные песни. Песни хори-бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. - Т. 1. – 444 с.; Песни селенгинских бурят. 1969. - Т. 2. - 343 с.; Песни западных бурят. - 1980. - Т. 3. - 280 с.
4. Намжилон С.Н. Наяадхан тохойтой Хэжэнгэмнай (Кижинга с 80-ю изгибами). Улан-Удэ: изд-во Бэлиг, 2007. – 51 с.
5. Сальмонт Б. П. Материалы к изучению бурят-монгольского искусства (Песни, музыка танцы). Рукопись // ОППВ ИМБит МО РАН. инв. №364. Верхнеудинск, 1928. – 164 с.
6. Туденов Г.О. Бурятское стихосложение. – Улан-Удэ: изд. дом Буриад Унэн, 2009. – 85 с.

Literatura:

1. Ayusheev D.D. Folk songs. Ulan-Ude: Buryat book publisher, 1956 - 85 p.
2. Gergesova T.E. Buryat folk dances. Ulan-Ude: Buryat book publisher, 2002 - 204 p.
3. Dugarov D.S. Buryat folk songs. Songs hori-buryat.- Ulan-Ude: Buryat book publisher, 1964 - T. 1 - 444 with ; Songs Selenga buryat.- 1969 - T. 2 - 343 with ; Songs of the Western buryat.- 1980 - V. 3 – 280p.
4. Namzhilon S.N. Kizhinga with 80 bends. Ulan-Ude: publishing house Belig (Wisdom, Mind, Intelligence), 2007 – 51p.
5. Salmont B.P. Materials for the Study of the Buryat-Mongolian art (songs, music, dance). Manuscript // OPPV IMBiT MO RAS. inv. №364. Verkhneudinsk, 1928 – 164p.
6. Tudenov G.O. Buryat versification. - Ulan-Ude: ed. House Bur Unen, 2009 – 85p.

УДК 784((512.36)

Ариунаа Дашиням

К ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТ МОНГОЛЬСКИХ —УТЫН ДУУ” В БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

TO THE ISSUE OF REVEALING THE CHARACTERISTIC FEATURES OF MONGOLIAN «URTYN DUU» IN BURYAT FOLK SONGS

Аннотация: В статье рассматривается связь бурятских народных песен с народными традициями, анализируются их ладово-мелодические и метро-ритмические особенности, близость монгольским народным песням.

Annotation: The article considers the connections of the Buryat folk songs with traditions. Their tune-melodious and metre-rhythmic specific features as well as their closeness to the Mongolian folk songs are analyzed.

Ключевые слова: бурятские народные песни, уртын дуу”, бурятские традиции, музыкальное искусство монгольских народов

Key words: Buryat folk songs, «Urtyn duu», Buryat traditions, musical art of the Mongolian peoples

Одна из ветвей музыкального искусства монгольских национальностей являются бурятские народные песни. В бурятских народных песнях гармонично сочетаются специфические ладово-мелодические и метро-ритмические особенности и эти песни носят песенно-танцевальный характер. Это, в свою очередь, привело к мысли выявления характерных черт —уртын

дуу” в бурятских песнях. Из этих соображений мною были выбраны некоторые бурятские свадебные песни, из анализа которых можно сделать интересные выводы. В ладах, мелодиях и звучании широко известных народных песней бурятских народов кроются некоторые характерные черты —*уртын дуу*”. И, следовательно, встали следующие вопросы, на которые хотелось бы найти ответы. Это:

- Имеются ли —*уртын дуу*” у Бурят?
- Если имеются то, есть ли бурятские варианты исконно древне-монгольских песен?
- Если существовали такие песни то, когда и почему они бесследно исчезли? Существовали ли конкретные исторические и социальные влияния на исчезновение?

У бурят некоторые песни классифицированы как —*уртын дуу*”. В связи с этим из исследовательских соображений подобраны песни, где выявлены характерные особенные для —*уртын дуу*” черты и были сделаны некоторые анализы.

Такие ритуалы как поклонение очагу, справление свадьбы, похороны зарождались с незапамятных времен человечества и они являются тройным явлением человеческой истории. Среди них свадебные ритуалы, которые передавались из поколения в поколение, унаследовали конкретные проявления древней музыки. В свадебных песнях бурятов больше сохранились характерные для —*уртын дуу*” черты. К примеру, берем свадебную песню о крестце /ууцын дуу/. Их общее содержание о том, какие советы и наказания даются любимой дочери и о житье и о бытие. Это в основном родительский наказ, но в то же время определенное место отводится и советам старших братьев и сестер.

В баргутской песне —*Првалы Алтая и Хангая*” идентичной по значению с этой песней поётся:

Хүрэн улаан шүрийг
Хүндлэн юунд л хадаав
Хүүхэд жаахан намайгаа
Хүнд л юунд өгөөв
В смысле:

...Зачем прикрепили мне к одежде красные кораллы
Зачем выдаёте меня за чужого ... и.т.д

То есть здесь четко прослеживается идентичность. Эту песню можно отнести к —*борэг уртын дуу*”. С.Лхамжав довольно пожилая женщина вместе с молодыми певцами С.Цогтсайхан и Г.Бямбажаргал создали клип, к которому многие проявляют повышенный интерес. Если Лхамжав гуай исполняла без сложных мелодических накладов, то Цогтсайхан с тонкими ме-

лодическими украшениями, а Бямбажаргал при исполнении растягивал мелодию так, что она больше подходила по характеру —*утын дуу*”.

Алтай хангайн даваа

Ал-тай ха - н - гай-н да - ваа - гаар А - тан тэ -
 мээ жон- жи - л - ноо Аавы- гаа - л гэ - ж
 бо - до - хоо - роо А - лаг нүд ми - нь мэл - мэр - нээ

Цогтсайханы дуулснаар

Алтай хангайн даваа

Хайт-гай мо - н - гон - бэ-лий - ий - ий-ий - ээ ха-жууд минь юу -
 - нд - зүү - ээ - ээ вэ Хайр- тай - жаа- хаа - н
 на- май - гаа харьд-л - юу - нд ө - гөө - вэ

Г.Бямбажаргалын дуулснаар

Алтай хангайн даваа

Э-эс- тийн ха - н гай - н да-ваа - аа - гаар
 ш- гэл - тэ - мээ - жон - жи - л - ноо Э-эсий- гээ - л гэ -
 ж бо - до - хоо - доо
 Эрэ - гэр нүд ми - нь мэл - мэр - р - нээ

Такие черты характерны не только для —*уцын дуу*”, —*иргэлэгийн дуу*” ёохор, но и особенно, эта черта проявляется в песне —*бэлзэгийн дуу*”.

Ученый, исследователь Тойсомын Галсан в своей работе —*Свадебные ритуалы хорибурятов и свадебные стихи песен*” отметил, что в таких песнях, как —*Шалзат баахан шарга*”, —*Зээргэнэтийн шил*”, —*Өнин цагаан ботго*”, —*Хүүхэн хутагтын дуу*” характерных для исконно-монгольских уртын дуу поётся бурятский вариант песни “бэлзэгийн дуу.” Также он отметил, что язык и стилистика данной песни сильно отличается от современно-го бурятского языка и мелодий. Если любые народные песни можно испол-

нять на современный лад, то слова песен “Өлзэгийн дуу” строго соблюдают правила древней письменности...”

Такие песни, как “Бүмбэн цоохор морь”, “Ээргэнэтийн шил”, “Өнчин цагаан ботго”, “Атан Богдын шил”, “Будлан уул, Шилдэй занги”, “Ганса наран” и “Сагаан нуурай хүбөөдө” вызывают особый интерес.

В настоящее время многие обычаи забываются, некоторые обычаи носят чисто символический характер, и старинные традиции все более отходят от первоначальных форм. Сейчас свадьбы сыграют в городе и в местностях по-разному, не соблюдая строгого единичного подхода и исполняются на свадьбах любые песни.

Теперь кроме этих песен проанализируем манеру исполнения, диапазон мелодий и ладовые особенности песен “Хууяа шил”, “Атаргана”, “Хянган голын бялзуухай”. Если рассмотреть стихи песни “Хууяа шил” то, они очень подходят по значению монгольской песни “Шалзат баахан шарга”. И поэтому её можно отнести к бурятскому варианту данной песни.

Хууяа шэлэ

Удаан/уянгын/

хуу - яа шэ - лэн А - ра - ха - ган - да - га ху - ла - зан хаа - на - хаа ур - гаа
8 ю - мэ хулан - гай а - ра - ные но - мөр - - жэ - еэ
13 а - хайм хаа - на - хаа хуу гаа ю - мэ

В бурятских народных песнях “Атаргана”, “Хянган голы булзуухай”, “Аараа модотой Биндэрья” и в других поётся о родительской любви и заботе, хвалят родной край, природу и они проникнуты размышлением о сознании, что демонстрирует стилистику «уртын дуу».

Алтаргана

удаан/уянгатай/

А - рал га за - га - гэр ур - гаг - шэ - га - га А - сал
8 бүхэ - тэй - еэ ал - тар га - га на - га Али - ган дээ гэ - рээ ээ
16 тэн - жээ шэ - еэ ээ А - ба
20 и - жы - өы хо - ёр ни - өэ

Мелодия песни — «Аларгана» написана в минорной пентатонике и в переменном метре, который является основной чертой метро-ритма для «уртын дуу», с обильными мелодическими украшениями, в некоторых частях использованы «эгшиг томолт» и исполняется умеренно и мелодично.

Арала газар ургагша

Аса л бүхэтэй алтаргана

Алиган дээрээ тэнжээхэн

Аба л эжы хоёрной

А-ра-ла га-за-гэ-гэр ур-га-гаг-ша-гэ-гэ ээ-еэ

А-сал бү-хэ-тэй-еэ Алтар-га-га-на-га

А-ли-ган дээ-гэ-рээ-гээ тэн-жээг-шэ-еэ-гэ

А-ба и-жы-еы хо-ёо-гор-ни-еэ-гэ

Перейдем к следующей песне. Это печальная песня «Хянган голын бялзуухай» по бурятски «Хинган голой булжуухай». В ритмическом отношении метр переменный, как песня — «Аларгана» в минорной пентатонике, мелодия украшена вспомогательными звуками. В отличие — «Аларгана» форшлаги направлены сверху вниз. Содержание песни включает в себя элементы размышления и наказов. Иногда использовали как призыв духа шаманами.

Хинган голой булжуухай

Удаан

Хин-ган го - лой бул-жуу- хай хил-гаа-хан - даа эн- дүү-тэй

8 хина-жа бо - до - жэ яба-ха дам ор-шо-лон - доо эн- дүү-тэй

Первый куплет данной песни по-бурятски звучит следующим образом:

Хинган голой булжуухай

Хилгааһандаа эндүүтэй

Хинажал бодожо ябахата

Оршолондоо эндүүтэй

Поётся:

Хин-ган го-лой-гээ бул-жуу-хай-гэ

Хи-гаа-хан-да-гаа эн-дүү-тэй

Хина-жал бодо-жэ-гэ-лэ яба-ха-да-гам

Ор-шо-лон-до-го эн-дүү-тэй-гэ и.т.д. растягивая гласные звуки. Здесь я привела манеру исполнения моей бабушки.

В мелодиях, ритмах и композиции бурятских песен наблюдается некоторая идентичность песен национальностей барга, хотгойд и других за счёт направления движения гласных в мелодии, интервалах и ритмах. Например, запев хотгойдской песни —Ажар хээр” очень похож на начало бурятской песни —Эрээлэн, эрээлэн харагданхай”.

В бурятских народных песнях такие характерные для монгольских —рутын дуу” манера исполнения как, —цранхай, бөнжигнүүлэх, хатгах, цохих, хагалах” не применяются. А также отсутствуют такие украшающие слова, как —ээ, жаа, мину, маань” и.т.д И не растягивают каждый слог, как в монгольских —рутын дуу”, зато в бурятских песнях проявляются ниже перечисленные признаки. На мой взгляд, к ним можно отнести:

Во-первых, содержание и значение стихов песен носят поучительный и размышляющий характер;

Во-вторых, мелодии песен густо насыщены украшениями /в отношении высказывания строго придерживаются произношения древне-монгольской письменности;

В-третьих, метроритм и размер песен в композиционном плане свободные, без акцентов и носит переменный лад;

В-четвертых, эти песни, главным образом, исполняются на свадьбах и пиршествах.

И наконец, анализируя подобранные мною песни, прихожу к выводу о том, что диапазон мелодии сравнительно небольшой, в основном октава. Зато, в вокальном отношении размер свободный и переменный, и это, в свою очередь, дают исполнителям широкую возможность проявления своих чувств и эмоций. В некотором случае фразы и конечные слоги аналогично с монгольскими песнями используются растягивания гласных /эгшиг томох/ . В содержательном отношении, как было отмечено выше, эти песни носят поучительно-размышляющий характер. И так, на мой взгляд, существует некая схожесть между монгольскими и бурятскими песнями.

А, на вопрос о том, что имеются ли у бурят —рутын дуу” я бы ответила, да. Но, несмотря на то, что бурятские народные песни одного происхождения с монгольскими —рутын дуу” они все более теряют исконные свойства —рутын дуу”.

Мне думается, одна из причин исчезновения —рутын дуу” у бурят может быть, связано с тем, что они перестали —рүү барих” /держать кобылиц недалеко от юрты во время доения/ и перестали приготовить кумыс. Известно, что буряты готовили кумыс из коровьего молока и из молока кобылиц цэгээ.

В первом томе сочинений, выпущенных Фондом восстановления и развития бурятских традиций и наследий, вспоминает Д.Ханджав- —Кжетса это было в 20-х годах. Мне было лет 10. Пастбищных земель было очень ма-

ло. Поэтому землю для сенокоса окружали заборами, защищая от скота. Случались частые засуха и гололедица, бескормица. Не было роста скота, скот много вымирал. И еще в это время происходило раскулачивание. И кроме кулаков богачей другие почти не имели скота. И если имели, то единственного коня и единственную корову. И поэтому многие семьи перекочевали в Монголию. В Монголии пастбища богатые всеми питательными сенами и следовательно росло поголовье скота. Но начались всеобщие аресты и почти не остались мужчин. И держать крупный рогатый скот и лошадей стало некому. О том, что доить кобылиц не было и в помине... таким образом держать кобылиц и готовить кумыс забывалось постепенно. Я помню один единственный случай когда приготовили цэгээ. Это было во время присвоения звания «жавж» одному нашему родственнику – ламе...”

Думается, что кончились мирная кочевая жизнь на родной земле и следовательно стали теряться и забываться унаследованные традиции и обычаи. И так бурятские народы стали жить по соседству вместе с русскими крестьянами и подвергались русифицированию и диссимилиации.

Конь-кумыс-уртын дуу-монгол. Они неотделимы друг от друга ...

В настоящее время и у нас в Монголии —уртын дуу” отдаляются от первоначальной среды и все более приобретает элементы сценического искусства. В последнее время в гобийских аймаках и часто стали случаться засуха, бескормица из-за плохой экологии, вследствие чего перекочевывают на север и города. Вместе с этим справление свадеб и празднеств теряют исконный характер, и все меньше и меньше поются —уртын дуу” на празднествах. И у монголов —уртын дуу” всё больше теряют первоначальное значение и свойства, и они становятся одним из видов сценического искусства.

Библиография:

- ᠠᠳᠠᠠᠢ ᠠᠨᠳᠠᠠᠢ ᠢᠢ,ᠠᠢ ᠠᠨᠨᠢ (ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠠᠳᠠᠠᠢ ᠠᠢᠠᠢ ᠴᠢᠳᠡᠢᠡᠭᠡᠢ ᠣᠢᠨᠳᠡᠭᠡᠢ) ᠨᠠ., 2007
- ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠳᠨᠠᠭᠡᠭᠡ, I ᠠᠢᠣᠨ ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠳᠨᠠᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠢ ᠠᠡᠶᠠᠶᠠᠢᠡ. ᠨᠠ.,2008
- ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠳᠨᠠᠭᠡᠭᠡ, II ᠠᠢᠣᠨ ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠳᠨᠠᠭᠡᠭᠡᠭᠡᠢ ᠠᠡᠶᠠᠶᠠᠢᠡ. ᠨᠠ.,2009
- Балдандаваа Ч. Тэрбиш М. —Хэр дунгуй нутаг” /Түүхэн тойм/ УБ., 2008
- ᠠᠠᠣᠳᠣᠳᠣᠢ ᠠ. —ᠣᠳᠠᠶᠠᠭᠡ ᠳᠠᠶᠠᠠᠢ ᠨᠡᠴ” (ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠠ ᠠᠳᠠᠠᠢ ᠠᠨᠨᠢᠢ ᠣᠵᠢᠶᠣᠳ) ᠨᠠ., 2000
- Далай Ч. —Ойад монголын түүх” Тэргүүн боть. УБ., 2006
- Дамдинжав Д. —Буриад монголчууд” УБ., 2009
- Содномцэрэн Х. —Сартуул угсааг мөшгөхүй” УБ., 2004 он
- Ханджав Д. —Буриадын гүү барьж байсан уламжлал” УБ 2007 он
- ᠢᠦᠨᠢᠨᠠᠶᠠᠭᠡᠢ ᠠ. —ᠨᠠᠢᠡ ᠨᠡᠳᠣᠢ ᠠᠨᠳᠡᠭᠠᠨᠨᠠ” ᠨᠠ ᠳᠢᠣ 2004 ᠢ
- —Өрчин үе ба буриад судлал” УБ., 2008

На русском языке:

- Аавөөäää Ä.Ä. — Ööäöëïïläy inçûêäëüüäy êñëüöñðà áñðýò” Ñëäì-
-äý, 2005
- Äñääöîä Ä.Ñ. — Äöýòðêêä iäðîäiüä iäðîè -Iäðîè ðäêäiäèiðêèò áñðýò.
Ñëäì-äý, 1980

Some physical characteristics of Mongolian traditional musical instrument

Chuluuntsetseg Jamiyan^ý, Bat-Enkh Oyunbileg^{*}, Baatarkhuu Tsagaan^{*}

^{*} School of Telecommunication and Information, MUST, Ulaanbaatar, Mongolia

^ýMongolian University of Arts and Culture, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract— An instrument is a device that measures and/or regulates physical quantity/ process variables as flow, temperature, level, or pressure. Instruments include many varied contrivance that can be as simple as valves and transmitters, and as complex as analyzers. We are determining Mongolian basic five instruments’ electrical parameters, such as frequency and hertz.

I. INTRODUCTION

Sound is air in motion — pushed, pulled, beaten, blown, plucked, talked, or sung into motion. Music is sound's highest achievement, a wonderfully varied mixture of patterned vibrations sent into the air by all kinds of instruments, from a cricket's hind legs to a massive pipe organ. Most people first visualize the frequency range from 20 Hz to 20,000 Hz.

Pitched musical instruments are often based on an approximate harmonic oscillator such as a string or a column of air, which oscillates at numerous frequencies simultaneously. At these resonant frequencies, waves travel in both directions along the string or air column, reinforcing and canceling each other to form standing waves. Interaction with the surrounding air causes audible sound waves, which travel away from the instrument. Because of the typical spacing of the resonances, these frequencies are mostly limited to integer multiples, or harmonics, of the lowest frequency, and such multiples form the harmonic series (see harmonic series (mathematics)). The musical pitch of a note is usually perceived as the lowest partial present (the fundamental frequency), which may be the one created by vibration over the full length of the string or air column, or a higher harmonic chosen by the player. The musical timbre of a steady tone from such an instrument is determined by the relative strengths of each harmonic. The simplest case to visualize is a vibrating string, as in the illustration; the string has fixed points at each end, and each harmonic mode divides it into 1, 2, 3, 4, etc., equalized sections resonating at increasingly higher frequencies [1]. Similar arguments apply to vibrating air columns in wind instruments, although these are

complicated by having the possibility of anti-nodes (that is, the air column is closed at one end and open at the other), conical as opposed to cylindrical bores, or endopenings that run the gamut from no flare (bell), cone flare (bell), or exponentially shaped flares (bells).

In most pitched musical instruments, the fundamental (first harmonic) is accompanied by other, higherfrequency harmonics. Thus shorter-wavelength, higherfrequency waves occur with varying prominence and give each instrument its characteristic tone quality. The fact that a string is fixed at each end means that the longest allowed wavelength on the string (giving the fundamental frequency) is twice the length of the string (one round trip, with a half cycle fitting between the nodes at the two ends). Other allowed wavelengths are $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/6$, etc. times that of the fundamental.

Theoretically, these shorter wavelengths correspond to vibrations at frequencies that are 2, 3, 4, 5, 6, etc., times the fundamental frequency. Physical characteristics of the vibrating medium and/or the resonator it vibrates against often alter these frequencies. However, those alterations are small, and except for precise, highly specialized tuning, it is reasonable to think of the frequencies of the harmonic series as integer multiples of the fundamental frequency.

The harmonic series is an arithmetic series ($1 \times f$, $2 \times f$, $3 \times f$, $4 \times f$, $5 \times f$, ...). In terms of frequency (measured in cycles per second, or hertz (Hz) where f is the fundamental frequency), the difference between consecutive harmonic is therefore constant and equal to the fundamental. But because our ears respond to sound nonlinearly, we perceive higher harmonics as "closer together" than lower ones. On the other hand, the octave series is a geometric progression ($2 \times f$, $4 \times f$, $8 \times f$, $16 \times f$, ...), and we hear these distances as "the same" in the sense of musical interval. In terms of what we hear, each octave in the harmonic series is divided into increasingly "smaller" and more numerous intervals [2,3].

The second harmonic (or first overtone), twice the frequency of the fundamental, sounds an octave higher; the third harmonic, three times the frequency of the fundamental, sounds a perfect fifth above the second. The fourth harmonic vibrates at four times the frequency of the fundamental and sounds a perfect fourth above the third (two octaves above the fundamental). Double the harmonic number means double the frequency (which sounds an octave higher).

II. PHYSICAL CHARACTERISTICS OF MONGOLIAN TRADITIONAL MUSICAL INSTRUMENT

There are Mongolian traditional basic five instruments, such as morin khuur, shudarga, khuuchir, limbe and yochin. The traditional musical instruments of Mongolia are most close to their life and customs and have constantly been used in their life.

The thought of the Mongols is closely connected to the natural environment and the happiness and sadness of their life and their struggle for the best, love and the feeling of their inner thought have been expressed through their song and music. The Mongolian life and thought are peculiar and the folk music is distinctive in its melodious feature and harmonious expression of the truth of the life.

Limbe: It is a wind instrument. The instrument is frequently used in accompaniment, occasionally also as a solo instrument. In former times it was made of bamboo or wood, nowadays mostly of plastic.

The length of this instrument is approx. 64 cm, with nine holes, whereof one is the blowhole and two others are reserved for the tuning. It is often played with circular breathing. The sound reflects what is heard in the nature or the sounds of the natural and social environment. *Morin Khuur*: (string instrument - horse-head-violin). The Morin khuur is a typical Mongolian two-stringed instrument. The body and the neck are carved from wood. The end of the neck has the form of a horse-head and the sound is similar to that of a violin or a cello. The strings are made of dried deer or mountain sheep sinews. It is played with a bow made of willow, strung with horsetail hair and coated with larch or cedar wood resin. This instrument is used to play polyphonic melodies, because with one stroke of the bow the melody and drone-strings can be played at the same time. The Morin khuur is the most widespread instrument in Mongolia, and is played during celebrations, rituals and many other occasions, as well as an accompaniment for dances or songs. Even the sound and noises of a horse herd are imitated on the Morin khuur.

Although these traditional musical instruments are different in their mode, sound, structure and form they are compatible and correlated.

Firstly, most of the above-mentioned musical instruments are stringed and bowed instruments, but only the limbe is a wind instrument and it plays a connecting role in softening and harmony of the sounds of the instruments. Secondly, for their timbres they all are based on the five basic types of the pentatonic timbre of the folk music. For example it is noted that the notes C, D, F, G and B, a popular pentatonic scale are similar to the composition of the pitches of the instruments including the shudarga, morinkhuur and khuuchir. According to it the sound of each musical instrument has its peculiar timbre. The sounds of different musical instruments are proper high and low and they are different, depending on their timbre. The sound of a musical instrument is the physical phenomenon and feeling.

The difference of the timbres depends on the proper vibrations of the waves of their double sounds. In other words, if the vibration of generating of sound is slow and wide in scope its continuation is slow. The vibration is an exact

concept and first of all it is a combination of the vibrations of many parts of one body.

For example, according to the strings they vibrate only in its length and the vibration on the parts 2, 3, 4, 5 and 6 produces their own sound. Therefore, when the string fully vibrates its main tone is specially heard and it produces overtone. In other words, it is a sound refraction and one sound is the refraction of many micro sounds. When a sound system in the bourdon system possesses a huge sound space in the stringed instrument, using the inner resource of a note it uses ultrahigh and infra low frequency. It is explained that although the sounds which are heard below the basic sound that can define the ascending overtone coincidence or the pitch, high sounds, accompanying sounds or double pitches sound above the basic sound, they belong to the ultrahigh sounds of the music [8].

According to the acoustics there are the additional sounds or resonance sounds except the basic sounds. The sounds of a musical instrument consist of the basic frequency and harmonies with different frequencies. For example the note G (Sol) of the lower octave of the shudarga unites many harmonies except the basic harmony [Table I].

TABLE I.
G (SOL) NOTE OF LOWER OCTAVE

Harmonic series	Herz	Db
1	387.7	31.9
2	578.8	40.6
3	775.34	46.3
Basic	966.4	47.4
4	1161	42.6
5	1365	40.4
6	1552	37.4
7	1748	36.9
8	1939	31.6
9	2134	34.7
10	2327	34.5

It in fact produces the harmony or timbre. The method to find the structure of the harmony of the sounds is disintegration of the frequency.

III. PARAMETERS OF “MORIN KHUUR” INSTRUMENT

Firstly, we defined some electrical parameters of Mongolian traditional instrument –Morin khuur”.

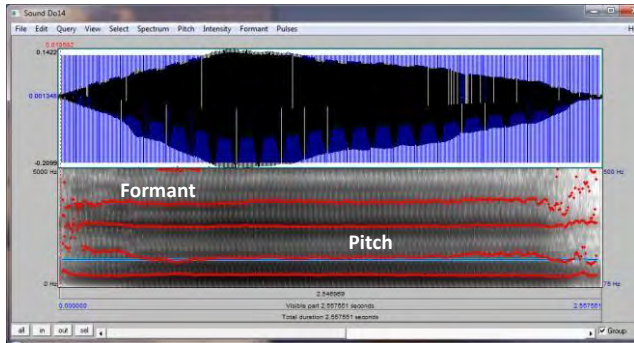

Fig. 1. Electrical signals of Fa note of lower octave

Fig.1 shows waveform and spectrogram of instrument –Morin khuur”, which illustrate Fa note of lower octave.

Fig. 2 shows spectrum slice of instrument –Morin khuur”, which illustrates Fa note of lower octave. In this case, total duration is equal to 2.5 seconds and total bandwidth is equal to 22050 Herz [4].

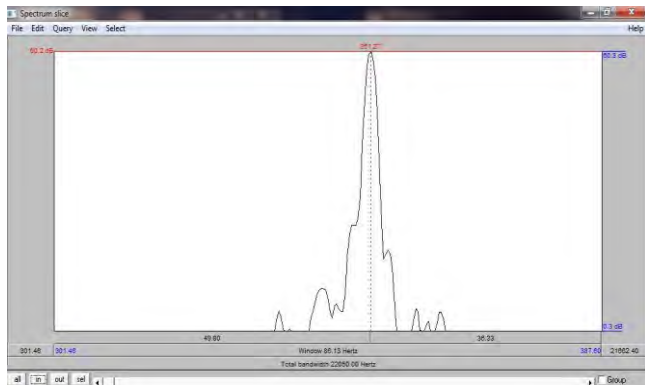

Fig. 2. Electrical signals of –Morin Khuur” instrument

Fa note of lower octave for –Morin khuur” instrument include many harmonics. Its harmonic series, its herz and Db are presented in following Table II:

TABLE II.
FA NOTE OF LOWER OCTAVE [3]

Harmonic series	Herz	Db
1	175.66	56.6
2	351.27	60.2
3	526.74	52.1
4	702.32	49.3
5	878.01	46.1
6	1053.6	40.6
7	1229.25	37.1
8	1404.83	36.5
9	1580.37	29.4
10	1755.96	26.3
11	1931.5	27.0
12	2107.24	33.3
13	2282.88	37.2
14	2458.52	33.8

In this research we determined all electrical parameters of instrument –Morin khuur”. In following table (Table III), there are basic, F1, F2, F3 and F4 harmonic series, its herz and Db.

TABLE III.
ELECTRICAL SIGNAL OF —MORIN KHUUR” INSTRUMENT

		Basic	F1	F2	F3	F4
Do	Hz	173.98	348	523.43	697.91	872.35
	Db	91.5	66	75.1	72.7	56
Re	Hz	231.23	464.28	698.79	931.84	1164.88
	Db	84.5	83.7	78.9	54.4	62.4
Mi	Hz	174.71	349.66	523.6	697.54	872.6
	Db	91.5	71.2	76.2	75.1	58.1
Fa	Hz	697.56	1046	1396	1744	2094
	Db	84	61.8	54.9	51.8	68.6
So	Hz	522.5	1045	1570	2090	2615

G	Db	80	57.9	49.3	66.4	64.5
La	Hz	3491	4187	4886	5585	6284
	Db	74.1	57.6	49.5	55.6	53.1
Si	Hz	2637	3516	4397	5279	6154
	Db	77.7	74.8	67.7	64.9	59.9

IV. PARAMETERS OF —IMBE” INSTRUMENT

We also defined some electrical parameters of Mongolian traditional instrument —Imbe”.

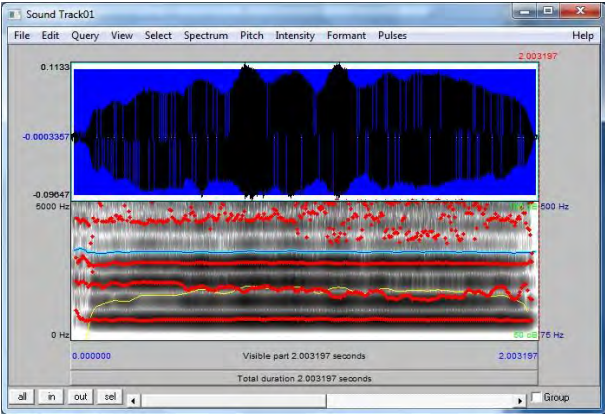

Fig. 3. Electrical signals of Do note of lower octave

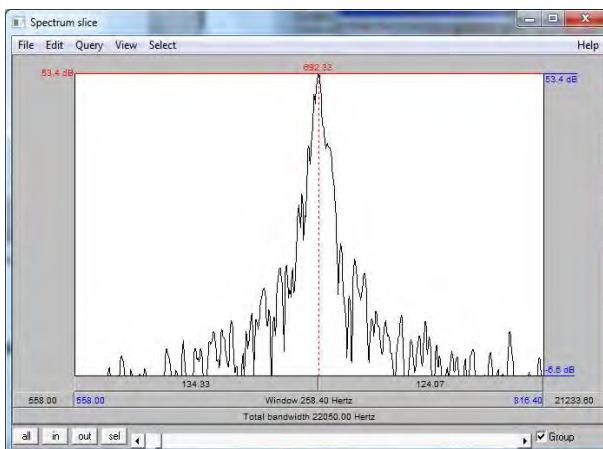

Fig. 4. Electrical signals of —Imbe” instrument

Fig. 3 and Fig. 4 show waveform, spectrogram and spectrum slice of instrument —Imber”, which illustrate Do note of lower octave.

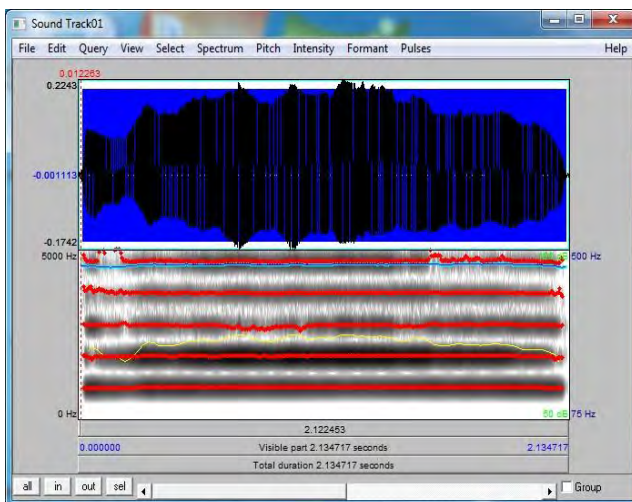

Fig. 5. Electrical signals of Fa note of lower octave

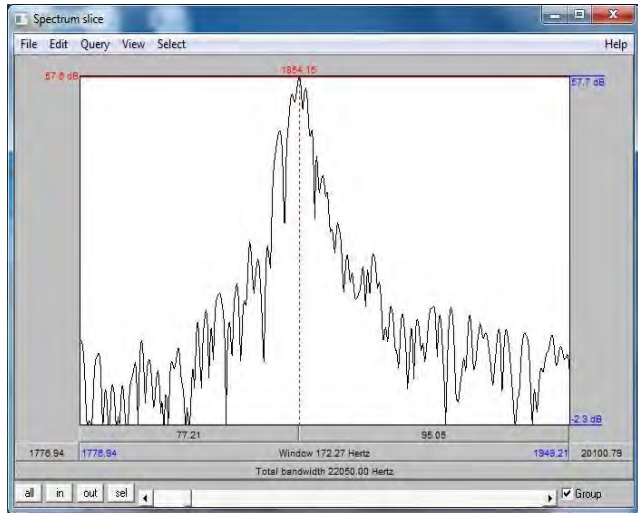

Fig. 6. Electrical signals of —Imbe” instrument

Fig. 5 and Fig. 6 show waveform, spectrogram and spectrum slice of instrument —Imber”, which illustrate Fa note of lower octave.

Basic parameters of Do note for —Imbe” are 63.0 Db, 689.7Hertz. Also results of W (Bandwidth) and Harmonics (F1, F2, F3, F4) are presented in following Table IV [4]:

TABLE IV.
PARAMETERS OF DO NOTE FOR —IMBE” INSTRUMENT [3]

F1 (Hz)	W (Hz)	F2 (Hz)	W (Hz)	F3 (Hz)	W (Hz)	F4 (Hz)	W (Hz)
716.3	92.6	1770.2	312.3	2741.9	106.1	4228.3	1133.3

In this research we determined basic electrical parameters of instrument —Imbe”. In following Table V, there are basic, F1, F2, F3 and F4 harmonic series, its herz and Db.

TABLE V.
ELECTRICAL SIGNAL OF —IMBE” INSTRUMENT

		Basic	F1	F2	F3	F4
Do C	Hz	691	1381	2074	2765	3453
	Db	842	67.3	64.5	54	40.9

Re D	Hz	459.65	920.79	1383	1849	2304
	Db	78.9	66	62.9	45.1	51.4
Mi E	Hz	458.64	921	1385	1850	2308
	Db	77.4	60.6	60.6	48.8	51.4
Fa F	Hz	923	1861	2788	3718	4645
	Db	80.8	55.6	65.1	37.5	54.8
So G	Hz	1390	2074	2770	4165	5560
	Db	83.2	36.2	50.7	56.6	49.8
La A	Hz	1860	2798	3736	5612	7467
	Db	72.6	36.8	58	62.9	42.1
Si B	Hz	2366	2783	3014	4745	7079
	Db	82.7	28.9	29.1	41.3	40.6

We used Praat 4 version. Praat is a software that is used to acoustic analysis. In other words, Praat is a free scientific computers software package for the analysis of speech in phonetics.

CONCLUSION

Using Praat 4 software, we define some of parameters of Mongolian traditional instrument. Mongolian basic five instruments that were enriched to become orchestra are kept until our century. Further we need to research a consistency between other countries and Mongolian traditional instruments.

REFERENCES

- [1] Juan G. Roederer (1995). *The Physics and Psychophysics of Music*. p. 106. ISBN 0-387-94366-8.
- [2] William Forde Thompson (2008). *Music, Thought, and Feeling: Understanding the Psychology of Music*. p. 46. ISBN 978-0-19537707-1.
- [3] Ж. Чулуунцэцэг, О. Бат-Энх (2012). "Монголын үндэсний хөгжмийн эгшгийн физик шинж чанарыг судлах асуудалд". *Культура Монголязычных Народов в Глобализирующемся пространстве: Материалы Международного научного форума. Элиста 2012*.
- [4] John R. Pierce (2001). "Consonance and Scales". In Perry R. Cook. *Music, Cognition, and Computerized Sound*. MIT Press. ISBN 978-0-262-53190-0.

[5] Martha Goodway and Jay Scott Odell (1987). The Historical Harpsichord Volume Two: The Metallurgy of 17th- and 18th- Century Music Wire. Pendragon Press. ISBN 978-0-918728-54-8.

[6] Жанцанноров. Н –Монгол хөгжмийн таван эгшигтийн онолын асуудлууд” УБ, 2006. Тал.42-43

[7] Энхцэцэг.Д –Хуурын татлага, Монголын хөгжимт соёлын феномен болох нь” УБ. 2011.

[8] Ганбаатар.А –Урлагийн салбарт хэрэглэгдэж байгаа зарим гадаад нэр томъёо, үгсийн тайлбар толь” УБ. 2006.

УДК 784(=512.157)

Ч.К. Скрыбкина

О КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО В МУЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ «ФОЛЬКЛОР И КОМПОЗИТОР» В ЯКУТСКОЙ МУЗЫКЕ

Аннотация: Проблема «национальное в музыке» в статье рассмотрена с музыкальной, психологической и философской точек зрения на примере якутской музыки.

Ключевые слова: национальное в музыке, народная музыка, нейролингвистическое программирование, национальная культура, якутская музыка, композиторская деятельность, фольклор и композитор

The article considers the problem "national in music" from musical, psychological and philosophical perspectives on the example of the Yakut music.

Key words: national in music, country music, neuro-linguistic programming, national culture, Yakut music, composer activity, folklore and composer

Концепция, или концепт, (от лат. *conceptio* — понимание, система) – определенный способ понимания (трактовки, восприятия) какого-либо предмета, явления или процесса; основная точка зрения на предмет; руководящая идея для их систематического освещения. Употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности. Концепцией так же называют систему взглядов, то или иное понимание событий, явлений, процессов.

Особое значение приобретает понятие концепции в музыкальном искусстве. В этой статье мы предлагаем взглянуть на проблему «национального в музыке» с трех разных точек зрения, – музыкальной,

психологической и философской. Возможно такой «междисциплинарный» подход позволит несколько иначе взглянуть на заявленную проблему.

Одним из центральных моментов в музыкальном искусстве является *отношение композитора к национальным истокам*, которое во многом отражает и выражает собственно концепцию национального в творчестве того или иного конкретного автора.

Концепция национального в музыке, основанная на прерогативе западно-европейского музыкального мышления, господствующая и до сего времени, претерпевает ныне значительные изменения. В связи с глобализацией, «открытием» закрытых до XX века национальных культур, обнаруживается великое множество нового звукового материала, весьма отличного от академических европейских традиций. Действительно, вся мозаика мирового народного творчества не вписывается в рамки классического искусства. Появляются, соответственно, и новые подходы к решению вечной проблемы «фольклор и композитор».

Краеугольными вопросами в концепции национального в звуковом музыкальном мире является *определение, трактовка и претворение специфики традиционного фольклора* того или иного народа в композиторском творчестве. Современный музыкальный язык предлагает обширный круг средств для создания любого звукового образа, начиная от экмелики до микрохроматики, от симфонической до конкретной музыки. Таким образом, проблема средств воплощения на данный момент вполне решена.

Действительно же важными становятся вопросы: *что и как воплощать? как в эпоху глобализма сохранить специфику национальной культуры, применяя последние достижения цивилизации?*

Крылатое высказывание М. Глинки «Музыку создает народ, а мы ее аранжируем» во многом отвечает на вопрос о сущности национального в музыке. Национальный композитор – автор, делом которого является воплощение в своем творчестве специфических черт родного фольклора. Для того чтобы установить «национальную принадлежность» музыки, с первых же звуков произведения вводятся ритмо-интонационные формулы того или иного музыкального фольклора, которые сразу распознаются и идентифицируются слушателем.

Как же обозначить эти «национальные ритмо-интонационные формулы»? В музыковедении достаточно давно используется термин *национальный звукоидеал*. Это понятие интересовало многие поколения исследователей, однако, наибольшую разработку оно получило в последнее время, и ему посвящаются многие исследования в области музыкальной этнографии и музыковедения.

Так, по определению исследователя В. Шулина¹, «традиционный звукоидеал представляется в некотором роде кодом, посредством которого становится возможным усвоение музыкальной информации в определенной культуре». Он выделяет следующие типы звукоидеала: историко-географический звукоидеал, звукоидеал национальной (этнической) музыкальной культуры, звукоидеал стиля (направления, жанра), звукоидеал исполнительской школы (инструментальной, вокальной), звукоидеал инструмента (в том числе голоса), синтагма звукоидеала (характерные мотивные и фразовые построения).

Ю. Шейкин, в результате изучения способов звукоподдачи и звукоизвлечения, характерных для *североазиатского* региона, определяет способы звукоизвлечения и образования тембровозвучного идеала. В монографии «История музыкальной культуры народов Сибири» он различает семь основных типов фонации, с помощью которых фиксируется содержание напевов и наигрышей в традиционной музыке: 1) вокальный тип (фальцет, микст); 2) речевой тип; 3) безгласный тип (звуковые образы эмоциональных состояний: плач, тревогу, нервное расстройство); 4) звукоподражательный тип; 5) инструментальный тип; 6) горлохрипение на вдох и выдох; 7) горловое пение (голосо-свист и голосо-хрип).

Говоря о специфике раннефольклорного интонирования², якутский музыковед Э. Алексеев выделяет два «существенных свойства вокально-мелодического тона: *весомость* и *яркость*. Первое качество воспринимается как своего рода «тяжесть», весомость тона, его относительный «удельный» вес в напеве. Второе качество мелодических тонов, еще теснее связанное с природой вокального звука и его регистровыми свойствами, позволяет говорить о высоких тонах как о более ярких и интенсивнее воздействующих на слушателя, чем низкие тоны.

Эти положения Э. Алексеева оказали решающее влияние на формирование нашего понимания термина «национальный звукотембровый идеал», которое сложилось под влиянием собственного музыкального опыта слушания и изучения пения народных сказителей, а так же на основе описания этого пения в работах исследователей якутского народного эпоса.

Таким образом, в нашем представлении понятие «национальный звукотембровый идеал» (архетип) включает: 1) темброфоническую характерность исполнения; 2) ладомелодические модели.

¹ Шулин В.В. Искусство импровизации в джазе последней трети XX столетия: к проблеме звукоидеала: Автореф. дис. ...канд. искусствоведения. – СПб., 2007. – 22 с.

² Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. – М.: Советский композитор, 1986. – 240 с.

Тембротоническая характеристика исполнения (способ звукоподдачи) в народной музыке избирается в соответствии с характером персонажа, о котором идет повествование, и включает в себя следующие компоненты (показатели):

а) пространственно-регистровую дифференциацию звучания, указывающую на местоположение персонажа (явления) в мифопоэтической трехуровневой картине мира (так, в низком регистре поют персонажи Нижнего мира, сказители, шаманы; в среднем регистре поют персонажи Среднего мира – люди, животные-помощники; в верхнем регистре размещаются партии светлых существ Верхнего мира, героинь, девушек, образов природы);

б) «вокальвесомость» (Б. Асафьев), «весомость» (Э. Алексеев), то есть плотность, густоту, либо напротив, легкость и прозрачность звука как показатель экспрессии.

К ладомелодическим моделям народной музыки относятся наиболее типичные, показательные для народной музыки явления. В якутском музыкальном фольклоре это:

а) кылысах;

б) зачин «дъэ-буо»;

в) «раскрывающиеся» лады, построенные на хроматическом смещении опор от секунды до тритона и более,

г) и сам тритон в качестве стержневого интервала якутской фольклорной музыки («якутская кварта»). Перечисленные ладомелодические модели влияют на обновление гармонии и на формирование национального стиля.

Национальный звукотембровый идеал (архетип) – явление обширное и сложное. Мы выделяем из него, таким образом, только два компонента, о которых мы говорили выше, так как именно они, на наш взгляд, имеют решающее значение в процессе претворения архетипа в красочность гармонии. Для композиторов-саха ладомелодические модели и темброкрасочность исполнения, принятые в традиционной музыкальной культуре, стали своеобразной «матрицей», формирующей их сознание, в том числе и в способе отображения художественных миров через колористику и темброкрасочность (сонорику). Таким образом, колористика и сонорика являются для них звуковым эквивалентом цветовой красочности и яркости окружающего или мифопоэтического мира.

Понятие «национальный тембровозвуковой идеал» (архетип) требует особого подхода и адекватных методов познания. Необходимо исследование в области *субъективного опыта* людей, и, в первую очередь, его *чувственно-эмоционального содержания*. В поисках ответов на

поставленные задачи мы обратились к области общей и музыкальной психологии.

Внемузыкальные явления в сфере образов и психических состояний имеют специфическую звуковую форму отображения в музыкальной среде. Между эмоционально-чувственным восприятием мира и абстрактно-звуковой формой «описания» эмоций, образов, ощущений существует ассоциативная связь. Так, в частности, Ю. Кудряшов в статье «Влияние Дебюсси на тембровое мышление XX века»¹ отметил ассоциативный механизм связи сонорных звучностей с эмоционально-чувственным восприятием мира (например, «ассоциативно-смысловые» и «диссоциативно-сенсуалистические» сферы художественного выражения в музыке К. Дебюсси).

Существует направление в современной практической психологии, на наш взгляд, довольно подробно объясняющее ассоциативные связи, возникающие между образами, звуковыми реалиями внешнего мира и воссозданием их средствами искусства. Теория моделирования явлений, учитывающая психофизические особенности восприятия человека, разрабатывается нейролингвистическим программированием (НЛП). Думается, что во многом именно НЛП отвечает на вопросы: почему возникают индивидуально-стилистические предпочтения в выборе средств? почему именно такой, а не другой способ описания звукового мира избрал данный композитор?

Термин «нейролингвистическое программирование» отсылает к комплексу моделей и принципов, предназначенных для исследования того, как разум и нейрология («нейро»), языковые паттерны («лингвистическое») организации восприятия и познавательных способностей человека в систематических паттернах («программирование») взаимодействуют при конструировании субъективной реальности и человеческого поведения.

В НЛП интерес представляет то, как отдельный человек мыслит и переживает окружающий мир. Согласно НЛП, сознание можно рассматривать как внутреннее представление нашего опыта в виде зрительных, звуковых, осязательных образов. Органы чувств служат человеку каналами связи с миром и функционируют как модальности. Существуют *пять сенсорных каналов*, по которым поступает информация извне: кинестетический (чувственно-эмоциональный), визуальный (зрительный), аудиальный (слуховой), тактильный, вкусовой. Каждый из этих каналов называется *модальностью*, а их более детальные

¹ Кудряшов Ю.Н. Влияние Дебюсси на тембровое мышление XX века // Проблемы музыкальной науки. – Вып.6. – М.: Советский композитор, 1985. – С.244-282.

характеристики или качества – субмодальностями. Роль субмодальностей в процессе «перевода» чувственно-образных ощущений в звуковую реальность заключается в том, что они участвуют в создании индивидуально-специфической «картины мира». Как правило, люди активно пользуются зрительными и звуковыми модальностями, в меньшей степени – кинестетическими, а после них – тактильными. Поскольку вкусовые модальности в музыкальном творчестве не задействованы, мы остановимся на четырех из перечисленных модальностей:

– кинестетическая модальность реализуется через показатели пространства и движения. Пространственные представления связаны с различением регистров, фактурным расслоением музыкальной ткани. Синтез звучностей с ритмом – аналогом двигательных ощущений (создающий ритмосонорные пласты) или тембром (тембросонорный фон, континуум, рельеф) – дает представление о динамике или статике (через сегментацию масштабнo-тематических и фактурных структур, через темповые колебания);

– визуальная модальность выражается с помощью графического оформления звучностей, отражающих конфигурацию созвучий, рисунок линий, направление мелодии, очертания звуковых комплексов в гармонии, фактуре. Показательно, что названия вертикальных и горизонтальных звукокомплексов в сонорике отражают зрительные представления: гроздь, линии, потоки, смерчи, россыпи и т.д.;

– в аудиальной модальности задействованы органо-фонические (тембр, тоноразличаемость, высота) и акустико-интонационные (тоновая и ладовая идентификация) возможности слуха. Слуховые ощущения «настроены» на воссоздание звуковой среды, адекватной окружающему миру, но материализованной в музыкально-сонорных, тембро-красочных звучностях. Здесь же отметим имитационную технику звукового выражения, то есть звукоподражания и сигналы, свойственные якутской традиционной музыке;

– тактильная модальность дает представление о таких показателях, как плотность, вес, объем, жесткое или мягкое звучание (степень консонантности или диссонантности и перетекания одного в другое), разреженность или сгущенность звуковой среды (атмосферы). В этом случае происходит выход на фактурные координаты (количество звуков, массивность или прозрачность изложения).

Зависимости между модальностями и звуковой формой их выражения относительно и они могут переходить одна в другую.

Рассмотрим конкретные формы проявления образно-чувственных, пространственно-временных, красочно-звуковых ощущений в звуковых формах якутской музыки.

Двигательно-пространственные ассоциации воплощаются в музыке с помощью регистров. Размещение персонажей в пространстве мифологического мира ассоциативно связывается с разделением регистров. Регистр является показателем принадлежности персонажа к Верхнему или Нижнему миру, миру людей или духов, возрастным показателем (танец девочки или бабушки) и т.д.

В творчестве профессиональных композиторов традиция получает продолжение: образы дифференцируются по регистрам, согласно месту персонажа в мифологическом мироустройстве. Героев Нижнего мира отличают низкий регистр, плотные звучности, повышенная диссонантность. Примеров множество: З. Степанов «Ритуальный танец шамана», «Чучуна», В. Ксенофонов «Ураган. Борьба Нижнего и Среднего мира», фрагменты из балета «Бохсуруйуу». За Верхним миром традиционно закрепляется верхний и средний регистры, обилие консонансов. Лирические образы (женские, детские) также характеризуются светлым колоритом, разреженной фактурой. Но, в то же время, женские персонажи из Нижнего мира опознаются по низкому регистру, жестким звучностям (например, партия Кыыс Кыскыйдаан (женщина-абаасы) из оперы «Нюргун Боотур» М. Жиркова, Г. Литинского).

Пространственные ассоциации реализуются с помощью фактурного и регистрового расслоения музыкальной ткани. Например, в струнном квартете «Квинта» З. Степанова побочная партия (ц.б) имеет традиционно лирический характер, но регистровое решение вносит уточнение в трактовку образа. Фоном для кантиленной мелодии служат пустые квинты, заполняющие весь звуковой диапазон и создающие ощущение пространства и воздушной среды. Мелодию исполняет альт в среднем, певческом регистре, напоминая звучание женского голоса. То есть образ носит не абстрактно-философский обобщенный смысл, а наделен узнаваемыми чертами.

Двигательные, пластические ассоциации, процесс или статика воплощаются через ритмосонорный пласт или темброкрасочность. В пьесе «Танец Снежного человека. Чучуна» из цикла «Краски Севера» З. Степанова танцевальная ритмоформула излагается с гетерофонными призвуками (кластеры в нижнем слое сонорного пласта) и в паратоновом нижнем регистре. Создается сонорная звуковая среда, воспроизводящая удары бубна без тоновой и звуковысотной фиксации. Таких примеров – множество.

Примером зрительных ассоциаций (визуальная идентификация с персонажем) служит образ Орла из балета В. Ксенофопова «Бохсуруйуу», который «изображен» с помощью переброски массивных аккордовых колонн (кластеров) в разных регистрах (создается визуальное ощущение размаха крыльев).

С помощью *темброво-характерного пения* воплощается аудиальная модальность. В олонхо напевы персонажей отражают характер *ритуала*, сюжетный поворот и обновление «мизансцены», служат *мелодической характеристикой* главного героя, гонца-вестника, коня, невесты главного героя, богатырей Нижнего мира и др. Существенные различия в мелодической характеристике персонажей составляют *тональный уровень пения*, ритмическая формульность и *характер орнаментально-тембровой звукоподачи*. В творчестве якутских композиторов тембровая звукоподача «переводится» в инструментовку, в оркестровый «наряд» музыкального материала, а также в красочность и яркость гармонического языка, в колористику и сонорику, в тип звуковысотной организации.

Таким образом, мы видим, что в процессе композиторского творчества осуществляется тесная связь между чувственным восприятием окружающего мира и воплощением художественных образов посредством конкретных звуковых форм.

Не менее значимыми моментами в понимании концепции национального в музыке являются проблемы соотношения таких понятий как «культура» и «цивилизация». В данном случае мы обратимся к проблеме «композитор и общество» с точки зрения «науки наук» – философии.

В статье «Предсмертные мысли Фауста», обсуждающей знаменитую книгу О. Шпенглера «Закат Европы», русский философ Н. Бердяев высказывает ряд альтернативных тезисов, которые блестяще рисуют положение культуры в современном обществе. Обратимся к некоторым из них: «культура – субъективна; цивилизация – объективна». Действительно, цивилизация стремится к универсализации, «усреднению», а культура дает уникальность, «единоличность», несовместимую с универсализмом. Только талантливая, неординарная личность может воспроизводить новые качества. С накоплением же новых качеств культура переходит в цивилизацию (О. Шпенглер). Композитор – явление культуры. Творчество композитора – явление уникальное, неповторимое, субъективное. В этом и заключается непреходящая ценность наследия каждого творца. Для «бюрократической» же цивилизации все «клиенты» равны. Цивилизация живет под лозунгом «практической пользы», и «полеты в эмпиреях», не приносящие доход, без поддержки гибнут.

Следующий тезис: «культура – национальна; цивилизация – интернациональна». Действительно, личность композитора, художника, писателя во многом глубоко национальна. Именно отдельные авторы создают неповторимый облик той или иной культуры. С одной стороны, национальная культура объективно стремится к замкнутости. Но культуре присущи и универсалистские устремления цивилизации. Так, компьютер

ныне стал одним из средств сочинения и исполнения музыки, что совсем не мешает создавать глубоко национальные произведения.

Однако, существует и отказ от своей национальной культуры. Это глубоко депрессивное, по сути, явление, было рождено как острая реакция на нацизм 40-х годов прошлого века. Лозунг: индивидуализму – да, национализму – нет (вспомним произведения К. Штокхаузена, П. Булеза, Л. Ноно). В России такого прямого отказа от национального в сущности не было, но в XX веке в связи с признанием авангардного мышления и авангардных средств, меняется концепция национального в музыке: этнографический «музыкальный национализм» провинциального характера замещал функцию движения культуры к национальному самоопределению. Лишь сейчас локальные композиторские школы выходят на новый уровень национального самовыражения, во многом благодаря пластичным и нейтральным средствам, рожденным эволюцией авангарда.

Культура всегда оппонирует цивилизации. Культура построена на неравенстве, на качествах, «непохожести». Цивилизация же, по мнению Бердяева, явление сугубо механическое, «бюрократичное». Следует разделять цивилизацию, которая находится в диалоге с культурой, черпает в ней силы, стимулирующие развитие, – и цивилизацию, стремящуюся поглотить культуру. Такая цивилизация, как показывает история, обречена на самоуничтожение. Тоталитаризм являет собой торжество цивилизации над культурой. Замкнутый тоталитарный мир (культ личности) рождает самобытное антицивилизационное искусство, которое, в конце концов, его уничтожает. Здесь можно вспомнить современные реалии нашего посттоталитарного общества.

В культуре основной ценностью является свобода творчества, свобода высказывания и самовыражения. В цивилизации, ведущей диалог с культурой, главной ценностью является человек. Цивилизация – это глобализм (по Бердяеву: цивилизация – это стремление к «мировому городу»). Так, европейский союз – это абсолютно цивилизационная идея. Что она принесет культуре – вопрос открытый.

Интересной нам кажется и следующая мысль Бердяева: культура – аристократична; цивилизация – демократична. Так, сталинизм и фашизм «патологически» демократичны. Обе системы запретили музыку нововенцев, как элитарное непонятное народу искусство. По сей день, в любом обществе элитарность воспринималась и воспринимается как нечто «псевдовозвышенное» и ненужное. Вспомним, например, отношение к классической музыке в современном обществе. В России особенно трудна судьба независимого авангардного творца. Вместо поддержки, общественного признания за нелегкий труд он критикуется и публикой, и властями. Однако, по прошествии времени именно благодаря опусам

современных композиторов, творениям художников и литераторов будет складываться облик нашего времени, нашего народа, нашей цивилизации.

Подводя итоги исследования, в концепции национального в музыке, на наш взгляд, можно выделить следующие моменты. Различия между композиторскими школами разных национальных традиций определяются обращением к архетипам народной музыки, своеобразием фольклорного материала. Так, типовые модели народного музицирования – образные, жанровые, тембровые, ладовые – являются тем общим знаменателем, который объединяет творчество якутских композиторов и обозначает их принадлежность к одной композиторской школе. Образный мир в творчестве якутских композиторов явно или опосредованно связан с мифопоэтическими представлениями якутского народа, запечатленными в эпосе олонхо, в народных песне-танцах и обрядах. Оознавательными знаками определенных образов является дифференциация средств выразительности: регистров, темброфонических возможностей лада, колористических и сонорных средств гармонического языка. Именно эти черты роднят между собой разных по авторскому стилю композиторов и позволяют объединить их единую школу.

Исследование музыки композиторов Якутии в ее связях с народной музыкой и современными техниками письма, позволило сделать вывод об индивидуальном пути, который находят композиторы, стремясь воплотить ладоинтонационную характерность национальной музыки. Единичное и неповторимое воплощение типичных для якутской школы особенностей составляет суть стиля каждого отдельного композитора. В основе музыкального языка национальных композиторов присутствуют характерные специфические признаки музыкального фольклора (национального звукотембрового идеала), которые претворяются особым, индивидуальным образом (на основе собственного субъективного опыта).

Обращение к соотношениям понятий «культура» и «цивилизация» позволило взглянуть на проблему национального в музыке более широко и объективно, а так же философски осмыслить роль композитора в современном обществе. Проблема «фольклор и композитор», таким образом, является одной из самых животрепещущих в музыковедении и требует дальнейшего осмысления и исследования.

УДК 78(4): 78(571.54)

**СТРУКТУРА СИСТЕМЫ «КОМПОЗИТОРСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО БУРЯТИИ»**

**The STRUCTURE OF THE SYSTEM
«ART OF THE BURYAT COMPOSERS»**

Аннотация: Статья рассматривает творчество композиторов Бурятии как взаимодействие двух полюсных компонентов, основанных на традициях национальной и европейской музыки и представляющих собой целостные системные образования из разных темпоральных и стадийальных составляющих. Автор описывает два типа реализации процесса их взаимодействия, рассматривает его целесообразность, оценивает его характер и результат.

On the basis of the analysis of the works of the Buryat composers the author describes the structure of the interrelations of the European and Buryat musical traditions. The author analyzes interaction of the national and international, East and West, professional and folklore traditions. She defines types of acculturation, the main trends, forms, strategies. The Buryat Composers Art is viewed as a system of interrelations of different elements taking place in different national cultures.

Ключевые слова: взаимодействие культур, межкультурное взаимодействие, внутрикультурное взаимодействие, национальный фольклор, профессионализм устной традиции, профессионализм европейской традиции, тип взаимодействия, характер и результат взаимодействия, аккультурация, ассимиляция, интеграция.

Keywords: cross-cultural interaction, internal cultural interaction, national folklore, the oral tradition professionalism, the European tradition professionalism, interaction type, integration of the traditions, type of acculturation, result of the interaction of musical cultures.

Композиторское творчество Бурятии сформировалось на фундаменте двойственного взаимодействия: с европейской системой и с системой фольклора, представляя собой сложное единство составляющих, отличающихся по сущностным параметрам, месту и времени происхождения и функционирования. Синтез западного и восточного, профессионального и фольклорного образовал многоуровневую структуру, в которой осуществляется перекрестное взаимодействие одновременных элементов национального и европейского. Строго говоря, каждый из этих компонентов является целостной системой, и каждая из них представляет собой конгломерат историко-стилевых пластов.

При этом компонент «профессиональное - новаторское» отличалось большей многосоставностью и количественно (стиль, жанр, драматургия), и соотношениями традиционного – новаторского, общего – индивидуального. Слагаемое же «народное - традиционное» демонстрировало большее внутреннее единство, синтезируя разные региональные и стадийные составляющие.

Таким образом, компоненты системы «бурятское композиторское творчество» взаимодействуют по принципу иерархии – неравноправного взаимодействия, когда одна культура – в данном случае культура европейского типа – выступает, как донор, а другая – в данном случае бурятская традиционная – как реципиент. Культура-донор предоставляет для заимствования широкий арсенал средств, приемов, принципов, методов организации творческого продукта. Культура- реципиент в большей степени заимствует, нежели отдает. Так, в композиторском творчестве Бурятии функционируют: один национальный компонент – тематизм со специфическими ладовыми, мелодическими, ритмическими, структурными характеристиками и ряд компонентов европейской музыки: фактурный, ладо- гармонический, композиционный, драматургический, тембровый.

Для анализа процессов формирования и развития феномена «композиторское творчество Бурятии» мы используем термин «взаимодействие культур» как способ отбора и актуализации инонациональной информации. Некоторые исследователи считают его громоздким и предлагают заменить его на термин «аккультурация» [2, с. 91]. Однако «емкость, краткость и удобность» последнего не отменяют закрепившейся за ним коннотации ассимилирования, возникшей еще у авторов термина, а установившееся во второй половине XX века более широкое понимание аккультурации как процесса взаимодействия культур, в ходе которого образуется новый синтез, содержит постулат изменения обеих культур, чего не происходит в исследуемом нами объекте.

Анализируя «взаимодействие культур», мы выделяем в нем взаимодействия межкультурные и внутрикультурные. Межкультурное взаимодействие – синтез стилевых и структурных признаков, принадлежащих разным культурам. Внутрикультурное взаимодействие – творческое использование / переосмысление принципов организации музыкального материала, сформировавшиеся в данной культуре в прошлом или настоящем, что обусловлено новыми смысловыми и технологическими установками. Так, отношения бурятской монодии и общеевропейских жанрово-стилистических норм складывались как межкультурные взаимодействия (отношения традиционного и новаторского). Однако внутри общеевропейской системы также действовали отношения традиции

(европейской, русской) и новаторства (советская музыка), то есть проявлялись внутрикультурные взаимодействия.

В системе же национальной музыки происходила реализация внутрикультурных взаимодействий: отношения традиции и новаторства складывались в фольклоре и профессиональной музыке устной традиции между элементами разной темпоральной локализации, а впоследствии внутри бурятской композиторской школы взаимопреemptвенностью отличались соотношения произведений. Однако использование фольклорных элементов в композиторском творчестве проявляет отношения между разными культурами, поскольку историко-культурный генезис профессиональной и фольклорной традиций обусловлен разными социально-экономическими формациями, различиями в социальной психологии, миропонимании. Следовательно, даже в пределах одного географического ареала они относятся к разным системам музыкального моделирования мира.

Поскольку в творчестве композиторов Бурятии и внутрикультурные, и межкультурные взаимодействия проявляются одновременно, то композиторское творчество Бурятии (бурятскую профессиональную музыку письменной традиции) можно определить, как мультикультурное целое.

Многомерность взаимодействия компонентов системы «композиторское творчество Бурятии» подчеркивает динамический характер их функционирования, поскольку каждый компонент продолжает развивать свой потенциал и экстенсивно и интенсивно. Рассматривая же более масштабную систему – «профессиональная музыкальная культура Бурятии» – выявляем принцип свободного самоопределения ее компонентов: компонент «композиторское творчество» и компонент «традиционный фольклор», сохраняя свою специфику, функционируют в самостоятельном режиме.

Исторический анализ демонстрирует два типа реализации процесса взаимодействия культур: эволюционный и революционный. Эволюционный тип – естественный путь адаптации к европейской традиции, развертывающийся в продолжительных хронологических рамках. Он позволяет поддерживать структурное и функциональное равновесие компонентов, не переходя на стадию интеграции. Начальный этап его реализации характеризовал музыкальную культуру Бурятии в XIX веке, когда складывался контингент исполнителей и потребителей культовых, салонных, военных жанров европейской традиции.

Революционный тип формирования композиторского профессионализма – директивный путь, развертывающийся в узких хронологических рамках. Он характерен для республик СССР, в том числе и для Бурятии, когда политическая воля партии и государства диктовала и

обеспечивала форсированное создание социокультурных условий взаимодействия культур. Революционный тип становления новой культуры отмечен типологической общностью и даже относительным хронологическим соответствием процессов: «Там, где уже действуют композиторы в европейском значении слова, наблюдаются в основном однотипные процессы, что проявляется и в самом творчестве, и в особенностях музыкальной жизни» [5, с.207].

Целесообразность межкультурного взаимодействия двух разных типов культуры, разных систем музыкального мышления, заданного и универсализированного государственной национально-культурной политикой, дискутируется до сих пор. Правомерность аргументируется примером стран зарубежного Востока, однако результаты могут быть различными в зависимости от того, на какой стадии развития культуры осуществляется взаимодействие, в каких формах, темпе, какова степень приобщенности к инонациональной культуре, наконец, назрела ли необходимость их контакта. Исследователи считают процессы культурного взаимодействия одним из наиболее действенных и распространенных факторов динамизации культуры [1, с. 38].

В композиторском творчестве Бурятии процесс взаимодействия прошел несколько стадий, отражающих изменения эстетических установок и соотношения составляющих компонентов. Начальный этап отразил остроту противоречий: глубина различий между традициями Востока и Запада обусловила сомнения в возможности их синтеза. Европейская система определялась как главенствующий компонент, разрушающий национальную самобытность культуры-реципиента. Основанием для сомнений служили не только стилевые различия: сам феномен композиторского профессионализма интерпретировался как антагонистический по отношению к национальной традиции. Поэтому новый элемент системы «национальная музыкальная культура» – композиторское творчество – образованный путем синтеза компонента «европейская музыкальная культура» с уже существовавшим компонентом национальной культуры, понимался как угрожающий существованию системы.

Различие музыкальных традиций Востока и Запада проявляется на нескольких уровнях: мировоззренческом, психологическом, эстетическом. Взаимосвязь этих уровней проявляет цепочка: национальная психология – устойчивость эмоциональных реакций – выработка содержательных, выразительных, ритмо-пластических характеристик, составляющих музыкальную традицию. На эстетическом уровне проявляются различия в характере создания артефактов, их исполнения (инструментарий, формы музицирования) и восприятия. В свою очередь, созидательный уровень

демонстрирует несовпадение всех фундаментальных показателей: жанров, драматургии, лада, фактуры.

Различие традиций остро проявляется и в характере передачи традиции: на Западе – письменной, на Востоке – устной, а также в противопоставлении восточной монодии и западного многоголосия. Исследователи подчеркивают, что данные эстетические особенности являются отражением особенностей типов мышления: восточного «Мы-сознание» и западного «Я-сознание». Глубоко верным представляется вывод Н. С. Янов-Яновской о том, что обращение монодийной культуры к многоголосию должно рассматриваться, как акт и художественный, и социально-политический, означающий поворот в общественной и культурной жизни народа [10, с.23].

Возможность взаимодействия разных традиций обусловлено сложностью их структуры, в которой в динамической связи существуют элементы, общие для музыки всех народов, элементы особенные, определяемые темпоральной и региональной локализацией культур, и элементы специфические, определяющие своеобразие исторического развития данной культуры.

Динамичностью отличается и внутренняя структура каждого из взаимодействующих компонентов – этнонационального и инонационального инвариантов. Источник трансформации укоренен в самой традиции, так как в ней сосуществуют стабилизирующие и динамизирующие элементы. Традиция может интегрировать новые элементы, определяя их отбор и характер функционирования, сохраняя при этом свои основные организующие доминанты [7, с.217].

Подчеркивая множественность отличий Запада и Востока, исследователи отмечают и наличие типологических параллелей в их музыкальных культурах [3, с.134-158]. Это связано с универсальной моделью культуры и универсалиями культуры – общечеловеческими репрезентациями культурного опыта, представленными в мировоззренческих конструкциях, художественной символике и отражающим устойчивые антропологические – биологические, психологические, социальные – характеристики человека, а также природные условия его существования.

Музыкальное творчество, как часть культуры, содержит в себе универсальные качества, допускающие одинаковую интерпретацию представителями разных – в темпоральном и локальном смыслах – культур. Данная универсальность связана с наличием в социо-культурном бытии человека разных эпох и регионов таких категорий сознания, как переживания связей с внешним миром. Данные переживания отражают

фундаментальные основы жизнедеятельности человека, приобретаая деятельностный, эмоциональный, ритмоэнергетический характер [6, с.34].

Художественному явлению присуща сбалансированность локально-специфических и комплексно-универсальных начал [8, с.106]. Соотношение универсальных, «наследуемых» и специфических, привносимых в произведение признаков отражено и в идее «двуслойности» художественного произведения, высказанной М. Арановским. Он предлагает различать в произведении два слоя: типизированный, (общий для произведений данного жанра, направления, стиля), и индивидуализированный, специфичный для данного произведения. Формы проявления этих оппозиций зависят от исторических условий, следовательно, различны в разные эпохи.

Формы внутрикультурных и межкультурных взаимодействий многозначны в силу одновременного функционирования центростремительных и центробежных тенденций. Они фокусируются в отношениях диалектических пар: народное – профессиональное, общее – индивидуальное, традиционное – новаторское, национальное – интернациональное. Практика показывает, что традиционные этнические и национальные культуры могут адаптироваться к изменяющимся условиям. Так, в бурятской культуре сохранились вербальный язык, обычаи, вера, моральные и художественные ценности, пусть и в модифицированном виде. Их адаптация к современной динамике основана на сохранении этнокультурной идентичности с толерантностью к инациональной традиции. Роль интегративного фактора – организационного, нормативного, ценностного – сыграла государственная культурная политика.

Профессионализм, возникший на основе взаимодействия разнородных традиций, предложено определять, как гетерогенный в отличие от профессионализма гомогенного или моногенного типа [4, с.68-70]. Следовательно, он является сложной, многослойной системой, в которой взаимосочетаются и взаимодействуют разные компоненты.

Многослойность системы позволяет исследовать ее на разных уровнях – макроуровне и микроуровне. Макроуровень - это изучение объекта как единого целого в связях с другими объектами, ведь каждый художественный феномен является частным проявлением целостного художественного процесса. Так, композиторское творчество Бурятии рассматривается в соотношении с другими компонентами, составляющими феномен национальной культуры. Микроуровень - изучение внутренней структуры объекта, составляющих ее элементов: художественный феномен всегда обладает определенной автономностью, имеет конкретные исторические и художественные параметры.

Системность не является единственным отличительным свойством изучаемого объекта. Другое важное его свойство – динамичность – изменчивость, эволюционность объекта. Изучение динамичности подразумевает сочетание двух подходов – динамического и статического. Динамический подход – изучение объекта в развитии, статический подход – изучение объекта в определенном моменте, в «вертикальном срезе», по определению Г. А. Осипенко [9, с.14]. Таким образом, динамический подход дает возможность рассмотреть процесс возникновения, развития, изменения композиторского творчества Бурятии в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов.

Статический подход акцентирует внимание на устойчивых признаках композиторского творчества Бурятии и их функционировании для сохранения целостности явления. Отношения динамики и статики – отношения диалектические, что отражается в оппозициях функционирования - развития, синхронности – диахронности, сохранности – изменчивости. Динамический характер процесса формирования симфонической музыки Бурятии является отражением свойств адаптивности и эволюционности. Адаптивность понимается нами как изменяемость объекта в процессе взаимодействия с другими объектами, эволюционность же отражает способность объекта к изменению.

В исследующей бурятскую музыку литературе взаимодействие национального и инонационального компонентов определяется, как обмен. Мы считаем такое положение неверным, так как обмен основан на взаимном равноправном заимствовании одной культурой идейно-образных смыслов, особенностей языка, инструментария, исполнительских приемов другой культуры. В композиторском творчестве Бурятии заимствование осуществляла традиционная культура, обратное же действие проявилось только в расширении «европейским» субъектом взаимодействия своего индивидуально-стилевого диапазона.

В композиторском творчестве Бурятии есть пример проявления подвижности функций взаимодействующих культур, когда со сменой исторических стадий они изменили свое место в иерархии. Так, в 1980-е годы Ю. И. Ирдынеев начал поиск выразительных средств, исходящих из фольклорного тематизма и традиционной музыкальной практики (балет «Лик богини»). Результат эксперимента тогда не был безоговорочно принят композиторским сообществом, так как резко отличался от устоявшихся норм. Другие бурятские композиторы в те годы не смогли преодолеть влияние европейских принципов музыкального мышления. С изменением социокультурной практики в 1990-е годы в композиторское творчество проникают новые языковые тенденции, разрушающие принципы европейской классики, и взаимодействие национального и

инонационального становится более органичным, хотя и осуществляется также по принципу иерархии.

В теории и истории культуры характер взаимодействий определяется парадигмами – консенсусной, конфликтной, диалоговой – развивающей или манипулятивной, полилога. В формировании профессиональной музыкальной культуры в Бурятии в чистом виде не проявляется ни одна из них. Диалоговая парадигма, о которой обычно говорят в связи с данной проблематикой, проявляется в наличии интегративной платформы, объединяющей базовые оппозиции и формировании новых ценностей. Однако отсутствует характерное для нее различие начальных позиций участников взаимодействия, исходящий из этого несоответствия поиск вариантов синтеза. Главное же - отсутствует равноправие сторон.

Консенсусная парадигма предполагает наличие у участников взаимодействия близости представлений, позиций, оценок, ожиданий результатов творчества, реализуемых путем взаимных уступок. Из этих положений для Бурятии актуально только ожидание результата – создания советской профессиональной музыкальной культуры.

Конфликтная парадигма, для которой характерно несовпадение эстетических позиций субъектов, проявляется нередко в вынужденном взаимодействии. Так, бурятская национальная культура вынуждена была принять влияние лидирующей инонациональной культуры. Однако конфликтная парадигма определяется и несовпадением целей субъектов взаимодействия, что, как было отмечено, нехарактерно для Бурятии.

Таким образом, взаимодействие национальной и инонациональной культур в Бурятии носит смешанный характер, что связано со своеобразием социокультурной ситуации и поставленной государством социально-политической задачи.

Результат взаимодействия культур также выходит за рамки однозначного определения: с одной стороны, это ассимиляция, так как субъекты взаимодействия проявили себя, как донор и реципиент, доминирующая культура имеет сложный характер, осуществляет контакт наступательно. Однако подавления национальной культуры не произошло и признаков упадка она не проявила, сохранив этнонациональное своеобразие. С другой стороны, это интеграция, так как в культуре одного из партнеров осуществлена интеграция разнородных содержательных и технологических элементов, появился новый стиль, значительные творческие результаты, системы образования, сохранения и трансляции культуры.

Широкое распространение феномена композиторского профессионализма в национальных республиках бывшего СССР подтверждает ошибочность выводов об его искусственном характере.

Важным аргумент - и особенность функционирования культуры, которая не является статическим образованием, но структурируется постоянным потоком событий.

Литература:

1. Аванесова Г. А. Динамика культуры. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 60 с.
2. Будаева З. А. Аккультурация как доминирующий теоретически маркер проявления процессов глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып.6 (2). – С.91-95.
3. Варфа А. К проблеме типологических параллелей в музыкальной культуре Востока и Запада / Варфа А., Рустам-Заде Д., Черкасова Н. / Взаимодействие художественных культур Востока и Запада. – М.: Музыка, 1998. – С.134-158.
4. Дрожжина М. Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века. – Новосибирск: ИПК НГК, 2004. – 279 с.
5. Еолян И. Р. Традиционная музыка Арабского Востока. – М.: Композитор, 1990 – 217 с.
6. Каяк А. Б. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве. – М.: Академический проект, 2006. – 256 с.
7. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 446 с.
8. Мельникас Л. Экология музыкальной культуры. – М.: Композитор, 2000. – 327 с.
9. Осипенко Г. А. Формирование тувинской симфонической музыки : автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Осипенко Г. А. – Л.: Изд-во ЛГК, 1985. – 25 с.
10. Янов-Яновская Н. С. Узбекская симфоническая музыка. – Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1979. – 217 с.

УДК 78.03(09)(571.54)

Л.Н. Санжиева

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БУРЯТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Аннотация: статья посвящена национальным образам в творчестве бурятских композиторов. Автор рассматривает различные сочинения бурятских композиторов. Статья будет интересна для специалистов в области музыковедения, истории искусства, культурологии и религии.

The article is dedicated to the national images in works of the Buryat composers. The author considers different compositions of the Buryat composers. The article is intended for specialists in the field of musicology, art history, cultural studies, and religion.

Ключевые слова: национальные образы, традиции, композитор, творчество, фольклор бурят, опера, буддизм, шаманизм, ёхор, песня

Key words: national images, traditions, composer, Buryat folklore, opera, Buddhism, shamanism, yokhor, song

В XXI веке, в мировой науке появились фундаментальные труды философов, искусствоведов, культурологов Г. Шпета, Г. Кнабе, Ю. Лотмана, Г. Гачева, Н. Шахназаровой, фиксирующих национальные особенности художественного мышления. Теоретические знания пополнились концептами «национальный образ мира», «этническая картина мира», «национальная художественная традиция». В культурологическом исследовании Георгий Гачев приводит определения дефиниции модели мира. Вот одно из них: «Особое сочетание элементов, общих для всех народов, - вот что образует национальный образ (или модель) мира. Естественно спросить: а изменяется ли национальный образ мира в ходе истории? Да, незначительно. Национальный год отличен от хронологического. Национальная структура, с корнями в прошлом и в традиции, обладает большей инерцией и силой судьбы» [Гачев, 2008, с.17].

Осмыслению исторического развития бурятской музыки в XX веке и национальной художественной традиции способствовали работы музыковедов О. Куницына [Куницын, 1999; Куницын, 2001].

Музыкальное творчество бурятских композиторов тесно связано с национальными традициями бурятского народа. Бурятская профессиональная музыка выросла как результат живого, плодотворного диалога Востока и Запада. Творчество бурятских композиторов отличается своей национальной самобытностью, неповторимым колоритом. Каким путём идут бурятские авторы в нашу эпоху, к чему они обращаются в своём творчестве? Усиление интеграционных процессов в современном музыкальном искусстве побуждают внимательно относиться к фольклору, чтобы сохранить традиции, заложенные предками свою самобытность и дух кочевого народа. Традиции, связанные с обращением к фольклору композиторами старшего поколения - П. Берлинским, В. Морошкиным, Д. Аюшеевым, Б. Ямполовым, М. Фроловым, Г. Дадуевым, Ю. Ирдынеевым, С. Манжигеевым, продолжают в творчестве современных композиторов Бурятии – В. Усовичем, Л. Санжиевой, П. Дамирановым, Б. Цырендашиевым, Б. Дондоковым, Е. Олёрской.

Обрядовый фольклор бурят богат и разнообразен своими жанрами. В большинстве случаев бурятские композиторы бурятские композиторы об-

ращались в своём творчестве к следующим жанрам: к круговому танцу-ёхору (П. Берлинский, Г. Дашипылов, В. Морошкин, Д. Аюшеев, М. Фролов, Г. Дадуюв, Б. Ямпиров, Ю. Ирдынеев, С. Манжигеев), скотоводческому заговору – тээгэ, т.е. заклинание овцы (Б.Дондоков).

Необрядовый фольклор бурят представлен бурятскими героическими эпосами, историческими песнями, лирическими песнями, календарными песнями. К вершине героического эпоса бурят «Абай Гэсэр» обращались – А. Андреев, Ж. Батуев, Л. Санжиева, В. Усович, Б. Дондоков

Как отмечал А.Уланов «Абай Гэсэр» является неисчерпаемым источником народной мудрости и сокровищницей духовных ценностей, накопленных в течение тысячелетия» [Абай Гэсэр,1960].

Первые национальные оперы принадлежат перу русских композиторов первой волны в Бурятии П.Берлинского, П.Морошкина, М.Фролова. Деятельность вышеперечисленных композиторов имеет большое значение для развития профессионального искусства Бурятии, они увлекались собиранием и обработкой бурятских народных песен и мелодий, которые успешно включали в свои произведения.

Первые национальные оперы, представляют собой музыкальные драмы: «Баир» П. Берлинского и «Эржэн» В. Морошкина. Авторы первых музыкальных драм опирались на почву бурятского фольклора.

Музыкальная драма «Баир» П.Берлинского написана на текст Г. Цыдынжапова и А. Шадаева по мотивам бурятской народной сказки «Молодец Мэргэн и красавица Хурган-Ногон», основанная на фольклорном мелодическом материале. Все 53 номера (6 из них написаны молодым студентом Свердловской государственной консерватории Б. Ямпировым) представляют собой стройную композицию. Замечательное своеобразие придают этому произведению заключенные в них подлинные народные мелодии или авторские темы, сочиненные с сознательным приближением к духу и языку народной музыки.

П. Берлинский включил в оперу хореографическую сцену из буддийской мистерии «Цам» - танец главных персонажей. Как замечает театровед В. Найдакова «П. Берлинский мастерски воссоздал звуки ламского оркестра, состоящего из своеобразных инструментов: огромных двухметровых металлических труб ухэр-бурээ, ганлина, цана - медных тарелок, хэнгэрига – колокольчика, бишхуура – деревянного духового инструмента, близкого го-бою, дамары – маленького барабана». [Найдакова, 1997].

По словам музыковеда О.И. Куницына «П. Берлинский разнообразил приемы обработки пентатонических мелодий, достигая большей естественности. По масштабности драматургии, яркости музыкальных образов «Баир» во многом близок к опере. П.Берлинский практически показал, каким богатым потенциалом обладает бурятский музыкальный фольклор» [Ку-

ницын, 1990, с. 37- 38]. В основе сюжета лежит действие, происходящее в незапамятные времена. Юноша-охотник Баир, поддержанный народом, побеждает в борьбе с жестоким Ханом, пытавшегося отнять у Баира его невесту Булган. Музыкальная драма «Баир» П.Берлинского была создана в 1938 году, а показана на первой Декаде бурят-монгольского искусства в Москве, в октябре 1940 года. Спектакль прошел с большим успехом. Известная певица И.Яунзем говорила «главное, чем пленяет эта музыкальная драма, её глубокая народность. Народные мелодии, использованные в ней, придают этому произведению яркий и сочный колорит» [Яунзем, 1940].

В. Морощкин в 1940 году сочинил музыкальную драму «Эржэн» по пьесе Н. Балдано и М. Эдэля. В основе сюжета освещается современная тема 1930-х годов, действие происходит в Бурятии. В.Морощкин использовал в опере бурятские народные песни, они обработаны им с тонкими ладово-мелодическими и ритмическими особенностями бурятской национальной фольклорной песенности.

С оперой «Энхэ-Булат-батор» М. Фролова начинается новый этап в развитии бурятской оперы. М.Фролова можно назвать одним из основоположников оперного жанра в Бурятии. Опера «Энхэ-Булат-батор» М. Фролова явилась заметной вехой на исторического развития бурятского музыкального театра. В ней впервые определился тип героико-эпической оперы. «Энхэ-Булат-батор» М.Фролова стало первым оперным произведением в национальном стиле. Как отмечала И. Мацкевич, «патриотическая идея защиты родины, воплощенная в центральном образе Энхэ, национальный характер других персонажей оперы, тесная связь с народным мелосом ... все это сближает оперу Фролова с музыкальным эпосом Глинки и Бородина» [Мацкевич, 1947].

М.Фролов в 1940 году написал оперу «Энхэ-Булат-батор» по пьесе Н.Балдано по мотивам бурятского эпоса «Шоно-батор». Опера написана на бурятский текст, композитор включил подлинно бурятские народные песни и мелодии, которые стали важнейшей её основой, истоком её развития. Подлинные народные мелодии есть в ариозо Арюун-Гохон и ее дуэте с Энхэ, арии Солбон-батара, танце шаманов и во многих других эпизодах. Старинный улигерный напев «Шоно-батор» стал основой темы народа. По мнению Г.Поляновского «Фролов напитал всю мелодическую ткань оперы характером и духом подлинных бурят-монгольских напевов» [Поляновский, 1940]. Привлекает внимание в опере контрасты в обрисовке положительных и отрицательных персонажей.

Широко развита лейтмотивная система в опере. Лейтмотив Бумалхана проходит в опере без изменений, воплощая собой злое начало, а тема Энхэ постоянно находится в развитии. Тема Энхэ представлена в трех ипостасях: активной, энергичной в увертюре, в сцене первого выхода Батора и в

сценах его столкновения с деспотом-ханом; мрачной (во вступлении к арии четвертого действия); лирической (в дуэте с Арюун-Гохон). Музыкальный язык М.Фролова представляет собой особый интерес.

Опера была высоко оценена критиками по достоинству, когда впервые была исполнена на первой Декаде бурят-монгольского искусства в 1940 году, в Москве.

Русские композиторы второй волны в Бурятии Л.Книппер и С.Ряузов также как и композиторы первой волны обращались к живительному фольклору. Л. Книппер создал в 1948 году оперу «На Байкале» на либретто Ю. Стремينا и Г. Цыдынжапова. В основе сюжета зарождение революционного движения в Забайкалье. В опере интересен опыт внедрения композитором хура - бурятского смычкового инструмента, для создания национального колорита, в партию народного певца Хонгора, с мелизматическим рисунком и ритмической свободой. Композитор мастерски воплотил ёхор с хором, в четвертой картине. К сожалению, сценическая жизнь оперы была короткой, из-за слабого либретто.

С. Ряузов написал оперу «Мэдэгмаша» (первая редакция) в 1948 году, после премьеры в Улан-Удэ переработал во второй редакции в 1952 году, назвал «У подножья Саян» на либретто Ц. Галсанова, и Ю. Стремина. В основе сюжета события, происходящие в 1930-е годы, в Тункинском районе, в Бурятии. Композитор заложил тип лирико-драматической оперы в Бурятии. Для обрисовки главных персонажей оперы композитор использовал подлинные народные мелодии. Ряузов был убежденным сторонником цитатного метода. К примеру, в основе темы Мэдэгмашы используется бурятский народный напев «Озеро» в целостном виде. В массовых сценах оперы, хоровых и танцевальных эпизодах также представлен народный материал. Очень удачна танцевальная сцена в ритме ёхора. Композитор применял варьирование глинкаевского типа.

Русские композиторы П. Берлинский, М. Фролов, В. Морошкин, С. Ряузов, Л. Книппер заложили основы бурятской национальной оперы. Что же касается бурятских композиторов первой волны Б. Ямпилова, Д. Аюшеева, то их путь овладения этим жанром был нелегким. Бурятские композиторы с большим рвением записывали и обрабатывали народные песни, включая их в свои произведения.

Оперная трилогия «Побратимы» (1959), «Братья»(1963) и «Саян» (1967) Дандара Аюшеева посвящены теме дружбы русского и бурятского народов. В основе сюжета оперы «Побратимы» либретто Н.Балдано положены исторические события, происходившие в Бурятии в XVII веке. Опера «Побратимы» представляет собой историко-эпический тип. Опера претерпела три редакции, известна обширная редакция Б.Майзеля, который заново переинструментовал всю оперу и дописал ряд номеров, поэтому его по праву

причисляются к соавторам наряду с Д. Аюшеевым. Оперу исполняли на второй Декаде бурятского искусства и литературы, в 1959 году, в Москве.

Тематизм оперы составляют две интонационные сферы - бурятский и русский. Композитор Д. Аюшеев стремился к исторической точности и изображал народные обычаи и обряды, об этом свидетельствует сурхарбан (третья картина) вокально-танцевальная сюита (танец тетеревов, застольная песня Булган-Табиты в манере древних прославлений).

Опера «Братья» Д. Аюшеева на либретто А. Машистова отражает период установления Советской власти в Забайкалье в 1920-е годы. В этой опере привлекает внимание опыт внедрения буддийских культовых мелодий (речитация ламского хора во второй картине).

Опера «Саян» Д. Аюшеева на либретто А. Машистова отражает жизнь современников, в ней затрагивается связь поколений, преемственность славных традиций и прошлого. Жанр оперы представляет собой лирико-драматический тип. Композитор впервые обращается в опере к особому пласту русского народного многоголосия – музыкальному фольклору семейских (два хора «В островах охотник», «То не птицы в небе вьются» в третьей картине «Сельский праздник»). Включает он также и частушки во второй картине. Д. Аюшеев соединяет третью часть трилогии с первой с помощью хора и мелодии хора русских казаков, символизируя собой дружбу народов.

Последняя опера-балет Д. Аюшеева «Сагаан хатан» на либретто поэта Д. Улзытуева оказалась незавершенной из-за смерти композитора. Завершил оперу композитор Ж. Батуев. К сожалению, опера не была поставлена.

Опера – важнейшая область творчества Б. Ямпилова. Работа над оперой для него была главной жизненной целью. В период 1960-80-х годов оперные произведения Б. Ямпилова были основой репертуара бурятской сцены и неизменно встречали у зрителей самый радушный прием. В развитии в Бурятии оперного жанра сыграл большую роль Бау Ямпиллов, который написал музыкальную комедию «Будамшу» на либретто Ц. Шагжина, лирико-психологическую оперу «Прозрение» на либретто Л. Линховойна, Н. Логачева, и Ю.Хазанова, детскую оперу «Чудесный клад» на либретто Ю. Хазанова по пьесе П. Маляревского. Опера Бау Ямпилова «У истока родника» написанная на либретто А. Арсаланова и Ц. Галсанова в 1958 году была определена автором как «лирико-комическая опера». Так в Бурятии впервые появился тип лирико-комической оперы. В характеристике комических персонажей Моргона и Бумбэр преобладают живые плясовые ритмы. Привлекает внимание использование эффекта комического несоответствия музыкально-выразительных средств содержанию текста. Характеристики лирических персонажей Нансалмы и Нарандая отличаются распевными мелодиями. Композитор поручает популярные народные напевы – это песня «Элхэн хар-

гы» («Песчаная дорога») в дуэте Намсалмы и Нарандая и другая представлена в песне Намсалмы с хором во второй картине – песня «Эрбэд соохор» («Пестрый жеребенок»). В опере есть своя «кисюминка» – мелодия «Саяан уулын» («Горы Саянские»), которая обрела свою популярность благодаря вальсообразному ритму и мелодике, приближенной к бурятской народной песне.

Ямпиров стал первым композитором, который открыл новый жанр в бурятской опере – музыкальную комедию. В основе сюжета Ц.Шагжина народные предания о Будамшу – «бурятском Насреддине». Композитор наделил яркой характеристикой главного героя. Куплеты Будамшу отличаются пунктирным ритмом, энергичными и жизнерадостными квартетными интонациями.

Следующая опера Б.Ямпирова «Прозрение» отличается глубиной психологического высказывания. В основе сюжета житейская ситуация героев – современников 1960-х годов, живущих в Улан-Удэ. Ямпирову удалось справиться с нелегкой задачей раскрытия душевного мира героев, их характеров и драматических коллизий.

Ямпиров также написал впервые в Бурятии детскую оперу «Чудесный клад». Опера пронизана национальным духом. В опере звучат яркие мелодии, которые легко запоминаются юными зрителями. Сказка была поставлена не только в Бурятии, но и в Москве в Центральном детском музыкальном театре. Как отмечала рецензент спектакля Е.Дубровская, что « в своем произведении, предназначенном для детей, Ямпирову удалось сочетать броскую образность и простоту, краткость» [Дубровская, Музыкальная жизнь. 1974. №7].

Последующие оперы Б.Ямпирова написаны на исторические сюжеты – «Цыремпил Ранжуров» на либретто Ю.Хазанова, «Грозные годы» на либретто Ю.Хазанова по пьесе Ц.Шагжина «Клятва», «Сильнее смерти» на либретто Ю. Хазанова, по мотивам пьесы П. Маляревского.

В основе сюжета оперы «Сильнее смерти» положены события, происходящие в Забайкалье, в Маньчжурии в 18 веке. Впервые композитор обратился к русской народной песне «По диким степям Забайкалья» и китайской мелодике. Композитор разработал действенную драматургию.

В своей музыке, в мелодиях оригинального склада композитор с интуицией большого художника смог передать черты бурятского характера, поэтические стороны народной жизни. Его оперы неслучайно имели успех у публики.

В 1963 году Ж.Батуев создал музыкальную комедию «Несостоявшаяся свадьба» на либретто А. Арсланова и Д.Р. Батожабая.

Бурятские композиторы второй волны А.А. Андреев, Ю.И. Ирдынеев, В.А. Усович принесли свежее дыхание в развитие оперного жанра в Бурятии.

Композитор Анатолий Андреев написал в 2002 году одну единственную оперу «Гэсэр» на либретто Д.Турбада, в бурятском переводе Г.Чимитова.

Героико-эпическая опера «Гэсэр» представляет собой одну из вершин творчества А. Андреева. До создания оперы композитор обращался к героическому эпосу, он создал симфоническую поэму «Гэсэр», в 1969 году. Постановку оперы в 2004 году, на сцене Бурятского театра оперы и балета им Г. Цыдынжапова осуществили монгольские мастера оперной сцены: дирижер Ж. Бурэнбэх, художник-сценограф Ч. Гунгаасух и бурятский режиссер–постановщик С.Бальжанов.

Юрий Ирдынеев написал оперу «Арюун тангариг» («Чистосердечная клятва») в 1985 году на либретто А.Арсаланова. К сожалению, опера ни разу не ставилась и ждет своего будущего исполнения. Примечательно что, в опере композитор использует бурятскую народную песню «Арбаадхан сэргэндээ» в терцете первого акта и в квартете второго акта. По жанру «Арюун тангариг» представляет собой лирико-комический тип оперы.

Отличился Ю.Ирдынеев, тем что, у него есть произведения, написанные для детей - оперы и музыкальные представления: «Арбан хоёр жэл» по пьесе Ц.Ж. Жимбиева, «Сэсэгмаагай милаан» по пьесе В. Петонова, «Дом, в котором живут гномы» на стихи калмыцких поэтов. В 1996 году композитор создал «Несусветный карнавал» мюзикл для детей совместно с сыном Сэндэ, на собственное либретто и стихи Л. Коноплянского.

Из современных композиторов активно в оперном жанре работает В. Усович. Им написано одиннадцать опер. В его творческом активе представлены следующие жанровые разновидности опер: психологическая музыкальная драма «Ночь умирает с рассветом», опера-гротеск «Товарищ Шариков», опера-плакат «Песнь о Корчагине», рок-опера «Медея», комическая моноопера «Скандал в прицепном вагоне», эстрадная опера «Тугая тетива Зээр Далая», детские оперы «Репка», «Принцесса на горошине», «Зайкина избушка», «Сказка про козла».

Вызывает интерес среди всех опер Усовича рок-опера «Тугая тетива Зээр Далая» на либретто Л. Болдыревой по мотивам бурятской народной сказки. Композитор умело использовал пентатонику, с особым мастерством показал характеристику главных героев. В основе сюжета – борьба охотника Зээр Далая с Ассури Шаром, притесняющим народ.

Автор этих строк, Л.Санжиева активно пишет музыку к детским сказкам для республиканского театра кукол «Ульгэр»: мюзиклы – «Колобок» на либретто и стихи Е. Сундуева, «Новые приключения Чиполлино» на либ-

ретто Г. Башкуева, стихи Э. Жалсанова, «В гостях у охотника Бато» на либретто и стихи Л.Глухой.

Музыкальная сказка Л. Санжиевой «Мудрая девица Ногоодой» на либретто и стихи М. Батоина стала лауреатом международного конкурса-фестиваля кукольных театров, в Киеве, в 1995 году.

Если проследить судьбу оперных произведений бурятских композиторов на сцене оперного театра, то самыми жизнестойкими оказались только три оперы: «Энхэ-Булат-батор» М.Фролова, «Гэсэр» А. Андреева и «Чудесный клад» Б. Ямпилова.

Если в 1960-80-е годы опера была ведущим жанром у бурятских композиторов, то в последующее десятилетие происходит снижение интереса к написанию опер. Наверное, это связано, прежде всего, с тем, что в настоящее время нет хороших драматургов, либреттистов, как в свое время были Намжил Балдано, Цырен Шагжин, Гомбо Цыдынжапов хорошо знающих традиции, обычаи, музыкальный фольклор и язык бурятского народа. Нужна целенаправленная политика в области музыкального театра в развитии жанра бурятской оперы.

К лирическим бурятским народным песням обращались Б. Ямпиров, Г. Дадуев, Б. Цырендашиев, П. Дамиранов, Л. Санжиева, В. Усович, Е. Олёрская.

По мнению Д.Дугарова «в традиционном фольклоре бурят большое место занимают игры – *нааданы*» [Дугаров,1991, с. 85]. Как отмечает Л.Дашиева «Игра *наадан* является ценным источником для исследования мифологических, религиозных, космогонических взглядов бурят» [Дашиева, 2005, с. 109]. Игровой фольклор бурят представлен тетеревиной игрой, песнями кольца, песнями-загадками. Обработки народного танца тетеревиной игры представлены в творчестве композиторов Г.Дадуева, С.Манжигеева. «Песня кольца» - пьеса для трио чанз у Л.Санжиевой.

Поэма-рондо для скрипки и фортепиано Ж.Батуева отличается своей мелодической распевностью, приближенной к старинным улигерным напевам. В свое сочинение композитор внес также и исполнительские приемы игры на хуре, тем самым, подчеркнув роль национального начала.

Поэма для скрипки и фортепиано Б.Ямпилова самое популярное произведение. Композитор включил в качестве основы бурятскую народную песню «Эрбэд соохор» («Пестрый жеребенок»). Б.Ямпиров широко применил варьирование этого напева.

«Лирическая баллада» для скрипки и фортепиано Г.Дадуева написана в фольклорном духе. Основной характер баллады лирико-повествовательный. Главная тема представляет собой мелодию в стиле западных аларских бурят, с ярко выраженной орнаментикой. Баллада написана в трехчастной форме с развивающейся серединой.

Фортепианные произведения композиторов старшего поколения отражают некоторые особенности народного быта бурят, его обычаи, склад мышления, строй чувств. Фортепианные жанры этого периода представляли собой миниатюры. Бурятская протяжная песня лежит в основе некоторых лирических фортепианных пьес, написанных в этом характере – «В степи», «Напев» Б.Ямпилова, «Пастухи играют на лимбах».

Опора на народную танцевальность становится одной из главных черт фортепианного творчества композиторов старшего поколения. Такие сочинения, как «Бурятский танец», «Танец птиц», «Детский танец» Ж.Батуева, два танца Д.Аюшеева, «Танец кукол», «Танец с платками», «Ёхор», «Танец с луком», «Танец девушек» из оперы «У истока родника» в ансамблевом переложении в 4 руки Б.Ямпилова написаны в этом ключе.

Ю.Ирдынеев – художник со своеобразным внутренним миром и оригинальным творческим почерком. Он является новатором в применении в своем творчестве идей буддийской философии и религии. [Санжиева, 2003, с.97]. Из произведений, стоящих в ряду «буддийской линии» творчества, хочется отметить Сонату для фортепиано, особенно первую часть, которая отличается глубокой сосредоточенностью. Камерный концерт «Весенние наигрыши» (1974) для флейты, кларнета, альты, виолончели, контрабаса и ансамбля ударных Юрия Ирдынеева самое значительное сочинение. Концерт состоит из пяти частей, в них представлены картины весенней природы Бурятии. Своеобразным толчком к созданию этого сочинения, у автора послужили впечатления от знакомства с книгой о бурятском орнаменте в творчестве Л.Доржиева. Ирдынееву близка и понятна поэтика орнаментов и живописи в стиле «буряад зураг» с характерным для нее фольклорным мышлением, плоскостным и декоративным видением формы и цвета, идущим от традиций ламаистской живописи. [Санжиева, 2007, с. 136]. Композитор воплотил бурятские орнаменты на язык музыки. Ирдынеев обратился к цитированию народной песни «Сэнжидмаа» в пятой части концерта, в ней видна опора на народную танцевальность.

В творчестве Б.Дондокова, Л.Санжиевой, есть постоянное стремление к обновлению музыкального языка, модернизации выразительно-технических средств. Камерно-инструментальная музыка в последние годы развивается в религиозном аспекте.

Пробудившийся в 1990-е годы у композиторов Бурятии интерес к буддизму – весьма характерный и показательный в этом смысле эпизод в развитии художественного самосознания времени: можно считать аксиомой, во всяком случае, существенным обстоятельством обусловленность историко-культурных интересов современными творческими исканиями.

Всплеск интереса к буддийским идеям в бурятском искусстве в 90-е годы XX века оказался своего рода реакцией на то время, когда, начиная с

1930-х годов, были в определенной мере утрачены некоторые ценности бурятской духовной культуры (буддийская мистерия Цам, буддийская иконопись, буддийская скульптура).

В 1990-е годы с началом оттепели бурятские композиторы стали свободно воплощать в музыкальных образах идеи буддийской религии и философии.

[Санжиева, 2003, с. 97].

Буддийская линия представлена в творчестве Б.Дондокова, Л.Санжиевой. Произведения, написанные в «буддийском ключе»:

- у Б.Дондокова «Счастливые сны» - для флейты и препарированного фортепиано;

- у Л.Санжиевой - «Чинрезиг» для квартета духовых, пьеса для соло гобоя «Обращение к Махакале», романс «Третье око» на стихи Б.Дугарова, посвященные Данзан-Хайбзуну Самаеву, Концерт для лимбы и фортепиано «Приношение XII Пандито Хамбо ламе Д.Д. Этигелову», песни «Буддада мургэл» на сл.Л.Кононовой, «Посвящение Д.Д.Этигелову» [Санжиева, 2012, с. 25-30] на сл.М.Чойбонова, «Юрта в степной дали» пьеса для ятаги и фортепиано [Санжиева, 2012, с. 30-38] песня «На земле Этигелова» на сл. С. Нестеровой, пьеса «Послание» для чанзы и фортепиано;

- А.Прибылова – пьеса для ОРНИ «Размышление у дацана»;

- у Д. Коркиной песня «Ум мани падме хум»;

- у А.Русанова песня об Этигелове, на собственные слова

В чем же объединяющее начало всех названных произведений бурятских композиторов? Конечно же, в идеях буддийского учения. У всех наблюдается стремление найти новые законы для форм, выражающих новые эмоции, идеалы и эстетику. Думается, композиторы сказали свое новое слово.

Шаманская линия представлена в творчестве Л.Санжиевой – «Танец шамана» из фортепианной сюиты, посвященный доктору исторических наук, профессору Дашиниме Санжиевичу Дугарову.

Б.Дондоков в маленькой сюите для ансамбля бурятских народных инструментов, наряду с хором, использует бурятскую народную песню «Сэлгэжэн Сэлэнгэ» как тему для вариаций. Композитор использует народную песню «Сэнжидма» в Семи вариациях для пипа соло, народную песню «Тээгэ» («Закливание овец») в вокальной миниатюре.

П.Дамиранов записал и обработал для голоса и фортепиано бурятские народные песни: «Яхаш хунbib?» («Как мне быть»), «Худорь Донгыдо нютагтайлби даа» («В Кударе-Дунгуе, на родине моей»), «Хатаршыень барихам» («Рысака поймаю»).

Л.Санжиева использовала бурятскую народную песню «Ургыхэн Баргуужан» «Широкий Баргузин» в качестве темы в «Вариациях для ятаги и фортепиано». [Санжиева, 2012, с. 5-13].

Национальные образы, связанные с обращением к фольклору композиторами старшего поколения продолжают в творчестве современных композиторов Бурятии Б.Дондокова, П.Дамиранова, Л.Санжиевой.

Литература

1. Абай Гэсэр. 1960. Абай Гэсэр/ Вступит.ст., пер и коммент. А.И.Уланова. Улан-Удэ,1960
2. Антология песен Бурятии.- Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2012. – 496 с.
3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2008, с.17
4. Дашиева Л.Д.Традиционная музыкальная культура бурят. Улан-Удэ, 2005.
5. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. На материале обрядового фольклора бурят. М., 1991.
6. Дубровская Е.Н Опера Ямпилова . Музыкальная жизнь, 1974, №7.
7. Куницын О.И. Музыка Советской Бурятии. М., 2001
8. Куницын О.И. Выразительные средства бурятской профессиональной музыки. Улан-Удэ, 1999.
9. Мацкевич И. А. Творчество Маркиана Фролова// Сов. Музыка, 1947. №3.
10. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987.
11. Михайлов Т.М. Войлочная и деревянная юрта бурят. Улан-Удэ, 1993.
12. Найдакова В.Ц. Буддийская мистерия ЦАМ в Бурятии. Улан-Удэ, 1997.
13. Поляновский Г. Композиторы Бурят-Монголии// Искусство Бурят-Монгольской АССР.-М; Л.: Искусство, 1940
14. Санжеев Г.Д. Песнопения аларских бурят / Записки коллегии востоковедов. Л., 1929. Т. 3.
15. Санжиева Л.Н. Национальные традиции и современное творчество бурятских композиторов// Композитор в современном мире: Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного композиторского творчества» Красноярск, 2011, с. 173 – 178.
16. Санжиева Л.Н. Влияние буддизма на музыкальное искусство Бурятии// Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Централь-

ной и Восточной Азии: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2003, с. 96 – 99.

17. Санжиева Л.Н. Творчество бурятских композиторов// Материалы Второй научно-практической конференции «Муровские чтения». Новосибирск, 2013, с. 63 – 77.

18. Санжиева Л.Н. Сочинения для ятаги. Учебное пособие. ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012, -108 с.

19. Санжиева Л.Н. Бурятский композитор Юрий Ирдынеев// Профессиональное музыкальное искусство и образование: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Улан-Удэнского музыкального колледжа им П.И.Чайковского. Изд. ОАО «Республиканская типография» Улан-Удэ, 2007, с 135-139.

20. Санжиева Л.Н. Вокализы, песни и романсы. Учебное пособие. ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2012. – 98 с.

21. Яунзем И.В. Бурят-Монгольская правда, 1940, 19 октября.

УДК 78(571.54):792(571.54)

*Э.В. Буруева
Н.В. Илтакова*

КОМПОЗИТОРЫ БУРЯТИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ»: СОТРУДНИЧЕСТВО И ДОСТИЖЕНИЯ

THE COMPOSERS OF BURYATIA AND STATE THEATRE OF SONG AND DANCE "BAIKAL": COOPERATION AND ACHIEVEMENTS."

Аннотация: Статья посвящена вопросам сотрудничества композиторов РБ и Государственного театра песни и танца «Байкал». Рассмотрена роль членов Союза композиторов Республики Бурятия в становлении и развитии прославленного бурятского коллектива. Создание песенного, танцевального и инструментального репертуара со дня образования коллектива и до наших дней.

Annotation: The article is devoted to the issues of cooperation of the Buryat composers and State Theatre of Song and Dance "Baikal". The role of the members of the Composers' Union of Buryatia in the development of the famous Buryat collective is considered. There has been traced the creation of song, dance and instrumental repertoire from the very beginning of the collective emerging to the present days.

Ключевые слова: композиторы Бурятии, оркестр Бурят-Монгольской филармонии, театр «Байкал», национальный колорит, творческая связь, высокий профессионализм, концертная деятельность.

Key words: composers of Buryatia, orchestra of the Buryat-Mongolia Philharmonic society, theater "Baikal", national colour, creative ties, high professionalism, concert activity.

Образование союза композиторов Бурят-Монгольской АССР в 1940 году способствовало формированию, становлению и развитию музыкальной культуры республики и, несомненно, оказало колоссальное влияние на работу всех музыкальных учреждений. В этот период коллектив союза был представлен П. Берлинским (председатель союза), В. Морошкиным и молодыми бурятскими композиторами: Д.Аюшеев, Ж.Батуев, Б.Ямпилев, Н.Халбаев, А.Бардамов, Ч.Генинов [8, Ф.Р.955.Оп.1.Д.14.Л.2.]

Главными направлениями деятельности композиторской организации являлись: создание условий для композиторского творчества, развитие музыкальных произведений на основе бурятского мелоса, формирование нового национального репертуара для творческих коллективов республики.

Члены союза композиторов организовали поиски талантливой молодежи для создания новых музыкальных коллективов. Их стараниями, незадолго до I Декады Бурят-Монгольского искусства в Москве (1940), коллектив оркестра Бурят-Монгольской филармонии уже состоял из новичков. Зародившийся в тот период состав положил начало возникновению ансамбля песни и танца «Байкал».

Дирижер Исидор Львович Рык и композитор Жигжит Абидаевич Батуев провели огромную работу по подготовке вчерашних участников художественной самодеятельности, выпускников и студентов техникума искусств.

В основу первого репертуара коллектива легли экспедиционные записи народных мелодий. В.И.Морошкин и Б.Б. Ямпилев занимались обработкой и записью музыки. Одним из первых Б. Ямпилев ввел в состав оркестра традиционные бурятские народные инструменты, которые были серьезно реконструированы известными музыкантами и музыкальными мастерами Н. Халбаевым, В. Минеровичем, Б. Дугаровым, С. Баторовым, С. Балдаевым, А. Зонхоев и др. [2, с.16.с. 33]

Надо отметить, что в этот период композиторами создаются многочисленные обработки лучших образцов бурятских народных песен для солирующих инструментов и ансамблей (трио, квартет и т.д.). Композиторы, обращаясь к бурятскому фольклору, отразившему душу кочевника-степняка, особенности его мировосприятия, находили в нем для себя источник вдохновения при создании собственных художественных образов, оригинальных

мелодий. За короткий срок молодой оркестр формирует свой репертуар и успешно выступает в октябре 1940 года на первой Декаде Бурят-Монгольской АССР в Москве.

Активная творческая деятельность коллектива была прервана начавшейся Великой Отечественной войной, которая в значительной степени повлияла на содержание музыкально-творческой деятельности Союза композиторов республики. На первый план вышла военно-патриотическая тематика, стали появляться произведения о патриотических чувствах, которые в то время были популярны у народа.

В 1942 году на базе оркестра с приходом молодых солистов-вокалистов и талантливых исполнителей танцев был организован Ансамбль музыки, песни и пляски Государственной филармонии Бурят-Монгольской АССР. Художественную работу филармонии и ансамбля по рекомендации правительства республики возглавил композитор Баудоржа Базарович Ямпиров. Музыкальным руководителем коллектива и дирижером был назначен молодой композитор Жигжит Абидуевич Батуев.

Свой бесценный вклад в развитие Ансамбля песни и танца БМАССР внес одаренный музыкант и композитор Гавриил Габанович Дадуев, вошедший в союз композиторов в 1950 году. Он обладал необычайным талантом игры на бурятских народных инструментах: хуре, бишхуре, лимбе, а особенно на суре. Ему удавалось совмещать игру на суре в оркестре, выступать с сольными номерами, сочинять музыку, инструментовать для оркестра произведения С. Рязова, Д. Аюшеева и др., обучать молодых музыкантов. В 1940 г. он становится обладателем первой премии в республиканском конкурсе песен о Бурятии с прекрасной песней «Саян Ундэр» на слова поэта Ц. Зарбуева Г. Дадуев и [9, С.68-69].

На Всесоюзном смотре художественной самодеятельности в Москве с этой песней, на сцене Большого театра, с успехом выступила К. Шулунова, впоследствии, ведущая солистка ансамбля.

Композитор Г. Дадуев автор 50 песен на слова Ч.Н. Генинова, А. Бартанова, Ц-Ж. Жимбиева, Х. Намсараева, Ж. Тумунова и др. Также в творческом багаже композитора насчитывается большое количество инструментальных обработок бурятских народных песен.

Результатом совместной работы с талантливой постановщицей и исполнительницей бурятских танцев Т.Е. Гергесовой стало создание целого ряда танцевальной музыки к хореографическим постановкам: «Арканщик», «Красный платочек», «Мэндэшэн», лирическим - «Дэрбэшэн», «Альчур». Композитор писал музыку с использованием знаний родного фольклора, например, национальные танцевальные ритмы звучат в сюите «Лесная сказка» и музыкальной картине «В улусе». Произведения Г. Дадуева занимали заметное место в репертуаре оркестра, хора и солистов ансамбля «Байкал».

Певцы ансамбля в тот период также исполняли песни на музыку бурятского композитора Дандара Аюшеева [6, С.53]. Дандар Дампилович оказал значительное влияние на формирование репертуара для оркестра бурятских народных инструментов. Его произведения отличаются яркой национальной колоритностью, богатством и красочностью выразительных средств.

Всем известно, что при создании режиссером – постановщиком сценических полотен музыкальное произведение, специально созданное композитором, становится важным выразительным средством. Таким творческим дуэтом был известный хореограф, М.Арсеньев, стоявший у истоков бурятской хореографии и композитор Ж. Батуев («Колхозная сюита», «Сурхарбан»).

Впоследствии, М.Арсеньев продолжил работу с композитором Б. Ямпилковым (сюита «Кижингин гол» («Кижингинская долина»).

В апреле 1955 г. в Улан-Удэ, открылся I смотр творчества композиторов Бурят-Монголии. Организаторами мероприятия выступали Министерство культуры и Союз советских композиторов Бурят-Монгольской АССР. Программа смотра была насыщенной.

В мероприятии принимали участие учащиеся музыкальной школы, музыкального училища им. П.И.Чайковского, а также симфонический оркестр Бурят-Монгольского ордена Ленина театра оперы и балета, исполнявшие произведения бурятских композиторов.

Важным моментом смотра стало открытие Бурят-Монгольского ансамбля песни и танца. В программу I отделения вошли песни: Д. Аюшеева, Б. Ямпилова, Ж. Батуева в исполнении артистов хора. Заслуженный артист БМАССР Ардан Зонхоев исполнил «Балладу для хура» Д. Аюшеева и «Мелодию» Ж. Батуева. Песня Мэдэгмаши из оперы С. Рязова «У подножья Саян», «Жаворонок» Ж. Батуева, «Наша Москва» Б. Ямпилова – прозвучали в исполнении Маргариты Чайванэ.

Танец «Мэндэшэн» на музыку Г. Дадуева, в постановке руководителя балетной группы ансамбля М. Арсеньева, в последствии вошел в «золотой фонд» бурятской хореографии. В нем композитору удалось раскрыть тему облавной охоты («зэгтэ-аба») ярким, четким ритмом и сдержанным мелодическим рисунком. Заслуженная артистка БМ АССР Татьяна Гергесова исполнила жизнерадостный, веселый танец «Арбагай» на музыку Б. Ямпилова. Бурят-Монгольские песни: «Мудрая партия», «Дружба», «Счастье» прозвучали в исполнении самобытного народного певца заслуженного артиста БМ АССР Цырен Хоборкова.

Второе отделение концерта открывали композиции на музыку Д. Аюшеева «К нам приехал агроном», Ж. Батуева «Уулын ундэр», Б. Ямпилова «Кижингин гол». В основу последней постановки легла бурятская народная песня «Кижингин гол» в обработке Б. Ямпилова. Николай Юрьевич Ма-

дудев в своей книге об этом пишет следующее: «...в сопровождении трехголосного хора и оркестра танцевальная группа исполняла темпераментный танец. С особой тщательностью проработаны движения, сознательно усложнены известные ходы, многообразен хореографический рисунок. Каждый такт танца звучит в унисон с хором, образуя сложную гармоническую фактуру, содержательную композицию. В этом произведении глубоко чувствующий ритм времени, дух сегодняшнего дня, его эмоции»[6, С.25]. Песни Ж. Батуева «Баян гол» и Г. Дадуева «Саяан Ундэр» исполнила Д. Жаргалова, песни В. Морошкина «Манай нютаг», Д. Аюшеева «Алтан туяа», Г. Дадуева «Ажалай дуун» прозвучали в исполнении Ц. Хоборкова. В конце программы танцоры исполнили Бурят – Монгольский танец «Ехор» поставленный М. Арсеньевым на музыку С. Рязова. Ехорные народные мелодии, обработанные композитором для оркестра и хора, несли самобытные национальные интонации. Они легли в основу массовой танцевально-хоровой сюиты. По окончании в зале заседания Совета Министров состоялась творческая дискуссия, где с докладом «О состоянии и задачах музыкальной культуры Бурят-Монголии», выступил Д. Аюшеева.

Отчетный концерт ансамбля, посвященный I смотру творчества композиторов Бурят-Монголии, подготовили хормейстер Мария Скольчикова, композитор Жигжит Батуев, балетмейстер, заслуженный артист БМАССР Михаил Арсеньев и концертмейстер Г. Струлевич.

Рассматривая данный период, мы отмечаем, что впервые после создания Союза советских композиторов БМАССР, композиторы республики подвели итоги своей деятельности. Усилиями членов союза композиторов был сформирован и расширен высокохудожественный национальный репертуар в различных жанрах для творческих коллективов республики и в частности для Государственного ансамбля песни и танца БМАССР.

В 1955 году к художественному руководству и дирижером оркестра приходит композитор-песенник Чингис Ефимович Павлов, один из самых популярных непрофессиональных композиторов-песенников, не успевший стать членом Союза композиторов Бурятии [10, С. 3]. Ведущие певцы ансамбля исполняли песни Ч. Павлова, написанные на стихи известных бурятских поэтов В. Лубсанова, Г. Чимитова, В. Петонова, М. Шиханова, Ц-Б. Бадмаева, а песни на стихи М. Самбуева – «Дулим Буряадаа дуулан магтая», «Адуушанай дуун», Ц. Жимбиева – «Эхэ нютаг тухай дуун», «Байгал далай дээрэ», Ц. Галсанова – «Родная мелодия», «Нютагни» помнят и сегодня. Все они отличались оптимистичным, жизнерадостным характером, были яркими и запоминающимися.

В феврале 1957 г. вышло постановление обкома КПСС и Совета Министров республики «О подготовке к декаде Бурят-Монгольского искусства и литературы в Москве» [8, Ф.1.Оп.1 Д.6152]. Культура Бурятии должна

была отчитаться за прошедший период по созданию новых высокоидейных, художественно полноценных произведений литературы и искусства. Руководил подготовкой ансамбля к декаде художественный руководитель филармонии композитор Ж.А. Батуев. В рамках декады с 27 ноября по 8 декабря 1959 года представленные зрителям две программы ансамбля имели большой успех у публики.

В 60-е годы ансамбль вступил во второй период своей богатой концертной деятельности. В эти годы значительная часть творческого наследия талантливого композитора Сергея Степановича Манжигеева составляет музыка, написанная к хореографическим постановкам и сценам ансамбля «Байкал»[7, С.17]. Известные балетмейстеры К. Есаулова, Т. Гергесова, М. Заславский, М. Годенко ставили свои постановки на музыку Манжигеева. Танцы «Любовь в степи», «Глухари», «Веселые кузнецы», «Танец кукол», «Юность», «Укрощение скакуна», «Наездники» носили сюжетные зарисовки из жизни, были популярны, имели долгую сценическую жизнь, особенно всем известный «Цветок Байкала»

Музыковед Т. Матханова отмечает: «мелодия танца льется широко, свободно, отражая глубину и полноту лирических чувств; вызывает картины привольных степных далей и водных просторов Байкала». Успех композитора в области танцевальной музыки был отмечен на Всесоюзном конкурсе исполнителей в 1972 году, где музыка танца «Туяна» была награждена дипломом. Несомненным достоинством музыки С. Манжигеева является мелодическая выразительность, простота и доходчивость, национальный колорит. Большое количество произведений сочинял композитор для бурятских народных инструментов. Солисты-вокалисты ансамбля долгие годы исполняли и включают в свой репертуар в наши дни, полюбившиеся песни Манжигеева: «Шамханда» на слова Ц-Ж. Жимбиева, «Дэлхэй мини альган дээр» (слова Ц-Д. Дондоковой), «Эжымни»(слова С. Ангабаева) и др.

В 1968 году руководителем Бурятской филармонии и ансамблем песни и танца «Байкал» стал известный композитор Базыр Очирович Цырендашиев, который возглавлял коллектив до 1975 года. Он приложил много сил для создания нового вокального репертуара. Песни Б. Цырендашиева («Туруушын дуран», «Дуран тухай дуун», «Сэлэнгэ» на слова Д. Дамбаева, «Бууралхан эжымни», «Уулзатарая баяртай» на слова Д. Улзытуева, «Энхэрэл» на слова Г. Дашибылова и др.) отличаются ярким мелодизмом, в них заложены глубокие человеческие чувства, воспевается красота родного края, поэтому они не забыты слушателями.

В 70-е годы заметно снижаются творческие связи оркестра ансамбля и композиторов в области исполнительства инструментальных произведений. Оркестр ансамбля «Байкал» все больше ограничивался ролью аккомпанирующей группы.

С 1975-1977 гг. и 1985-1990 гг. художественным руководителем Бурятской филармонии становится композитор Анатолий Андреевич Андреев, который продолжает традиции композиторов старшего поколения. Во всем творчестве автора прослеживается национальный колорит, в каждой мелодии сфокусированы темы, связанные с чувствами человека, его переживаниями, размышлениями. Вместе с поэтом Г. Чимитовым написано немало прекрасных, искренних песен, среди которых «Эжымни», «Эгэшэ аха хоерни», «Тоонто нютаг», «Инаг дураая гамнаарай», «Эжил гансам ерээрэй», «Жара наһанай жаргал», на слова М. Самбуева «Эжынгээ турэхэн нютагта», «Эхэ нютагай магтал». Особенно они любимы исполнителями, а не только слушателями. Совместный труд А. Андреева (обработки бурятских народных песен) и выдающегося постановщика бурятских танцев Т.Е. Гергесовой - «Хатар надан» на долгие годы стал украшением репертуара самобытного коллектива. В программе ансамбля «Байкал» стали украшением его **здушевные, глубокие, проникновенные мелодии**, многие из которых и в наши дни звучат со сцены театра.

В 1981-1983 гг. художественное руководство ансамбля возглавляет известный бурятский композитор Юрий Ирдынеевич Ирдынеев, музыку которого в различных жанрах отличает масштабность мышления, оригинальность выразительных средств. Достаточно вспомнить известные песни: «Ерэхээ яагааш» на слова Г. Чимитова, «Сага һараар» на слова М. Чойбонова, «Дуран алшуур» на слова Ц-Д. Дондоковой, «Сэрэгшын вальс», а «Сэрэгшын марш», «Ушардаг һайб» на слова композитора, «Мать и отец» на стихи Д. Дамбаева слушатели воспринимали как народные.

Популярный композитор Пурбо Найданович Дамиранов, художественный руководитель ансамбля «Байкал», (1992-1995 гг) плодотворно сотрудничал с оркестром бурятских народных инструментов. Он автор музыки к «Танцу всадниц» (постановщик танца художественный руководитель ансамбля «Бадма Сэсэг» Д. Бадлуев), к «Танцу небесных принцесс» (постановщик тувинский балетмейстер Вячеслав Донга), а также песен «Нангин тоонто буряаднай», «Элдин хонгор Улхасамни» на слова А. Бадаева, «Хилгана», «Зуудэн» на слова Д. Доржиевой, «Эжыдээ суршэхэ һэм» на слова М. Чойбонова, «Захья дуун», «Шиниим турэхэн удэр» на слова Г. Чимитова и др.

В 90-е годы новым открытием стала композитор Лариса Санжиева. Солистами ансамбля исполнено более двадцати ее неповторимых песен: «Нарһатам», «Энхэ мунхэ Буриад орон» на стихи А. Бадаева, «Шэбэртэм» на стихи Д. Улзытуева, «Хойнтошоһон дуран» на стихи М. Чойбонова и др.

В 2005 году произошло слияние двух коллективов: Государственного театра песни и танца «Байкал» и театра восточного танца «Бадма Сэсэг». Возглавил театр талантливый балетмейстер заслуженный работник культу-

ры РФ, лауреат премии Правительства России Дандар Бадлуев. В том же году оркестр народных инструментов им. Ч. Павлова Бурятской государственной телерадиокомпании переведен в состав оркестра Государственного театра песни и танца «Байкал». Руководителем оркестра является молодой дирижер Жаргал Токтонов. Сегодня стиль оркестра – хорошая сыгранность, оригинальность исполнения, виртуозное владение инструментами, артистизм. Следует признать, что коллективом накоплен большой концертный репертуар. Несомненно, это произведения композиторов старшего поколения: Ю. Ирдынеева, Б. Цырендашиева, С. Манжигеева, А. Андреева и др. Современный инструментальный жанр представлен произведениями: «Урагша» соло для чанзы с оркестром В. Усовича, Концертом №1 для ятаги с оркестром Л. Санжиевой, «Мозаикой» для ятаги с оркестром Е. Олерской, «Бурятский венок», «Танец с барабанами», Allegro для лимбы с оркестром П. Дамиранова.

Последние сезоны концертной деятельности театра отмечены реализацией интересных творческих проектов: «Сэдьхэлэйм аялга», «Музыка летящей стрелы», «Баян талын аялга», «Амаралтын удэшэ», «Ты, сторона моя...» (к 85-летию композитора Чингиса Павлова, основоположника оркестра). Все проекты основаны на произведениях композиторов Бурятии.

Композиторы Бурятии и Бурятского Государственного театра песни и танца «Байкал» продолжают традиции музыкального искусства республики и результатом этого являются высокие достижения творческого коллектива в реализации приоритетных направлений культурной политики Республики Бурятия.

Литература

1. Гуревич П.С. Музыка народов нашей страны / П.С. Гуревич. - М., 1975. – 144 с.
2. Банеев Ю.А. Современные бурятские народные музыкальные инструменты / Ю.А. Банеев. - Улан-Удэ, 1993. – 74 с.
3. Куницын О.И. Музыка советской Бурятии / О.И. Куницын. - М., 1990. – 216 с.
4. Китов В.В. Оркестр бурятских народных инструментов. История оркестрового исполнительства на бурятских народных инструментах: Учеб. пособие / Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ, 2001. – 312 с.
5. Куницын О.И. Из истории русско-бурятских музыкальных связей// Вопросы музыковедения. Улан-Удэ, 1968. – 83с.
6. Мадуев Н. Ю. Ансамбль «Байкал». Улан-Удэ, 1980.- 112с.
7. Матханова Т.М. Композитор Сергей Манжигеев / Т.М. Матханова. - Улан-Удэ, 2005. – 30 с.
8. Национальный архив РБ.Ф.Р.955.Оп.1.Д.14.Л.2.

9. Санжиева Л.Н. Он воспевал Родину//Людмила Гавриловна Дадueva. К 50-летию творческой деятельности. Изд. Домино, Улан-Удэ, 2012, с.68-69

10. Усович В.А. Нам песни многих стран известны // Чингис Павлов. Родная песня. - Улан-Удэ, 1999. – 82 с.

УДК 784

О.Н. Полякова
К.А. Полякова

В. УСОВИЧ «ПРАВОСЛАВНЫЕ МОЛИТВЫ»

V. USOVICH "ORTHODOX CHANTS"

Аннотация: Статья посвящена хоровому циклу «Православные песнопения» бурятского композитора Виктора Усовича. Авторы рассматривают произведения с позиции гармонического анализа, хоровой фактуры, средств музыкальной выразительности.

Ключевые слова: духовная музыка, хоровая фактура, хоровые партии, динамика, агогика.

The article is devoted to choral cycle "Orthodox chants" of the Buryat composer Victor Usovich. The authors examine his works from the perspective of harmonic analysis, choral texture, musical expression.

Keywords: spiritual music, texture, choruses, dynamic nuances, agogics.

В бурятской хоровой музыке обращение композиторов к духовным сочинениям явление редкое. Композиторская школа, расцвет которой пришёлся на вторую половину прошлого века, была представлена как крупными вокально-хоровыми жанрами, среди которых оперы, оратории, кантаты, сюиты, так и хоровыми миниатюрами, произведениями без сопровождения. Чаще всего хоровой жанр был использован с идеологических позиций, где основное внимание уделялось массовой песне, которая отвечала запросам времени. Содержание произведений этого периода призывало к защите новых идеалов, построению социалистического общества, воспитанию человека новой формации. Религиозные темы, а тем более тексты молитв, были под большим запретом. Духовная музыка не вписывалась в условия того периода. Общеизвестно, что даже такое гениальное произведение как «Литургия» С. Рахманинова, исполнялась и была записана Московским камерным хором А.Минина, под названием «7 хоров», а партесные «Концерты для хора» Д. Бортнянского и

М. Березовского пелись с новым, совершенно не соответствовавшим музыке текстом.

Обращение к духовной, хоровой музыке приходит к композиторам чаще всего в зрелом возрасте, когда идет глубокое переосмысление жизни, её смысла, своего отношения к существованию общества и мира. Так, выдающийся композитор Георгий Свиридов, именно во второй половине своего творчества полностью сосредоточился на хоровой музыке и создал замечательные, самобытные по стилю произведения, являющиеся жемчужинами русской и мировой музыки. Такие произведения в творчестве композиторов являются знаковыми, они подводят определённую черту жизни и открывают другое восприятие и мироощущение человека. Для слушателей они обнажают все внутренние терзания и тревоги автора, искания, переосмысление накопленного жизненного опыта. Обратиться к молитвам и использовать их в своей музыке дело трудное и рискованное, это не просто стихи, это другая энергетика, вызванная внутренними духовными потребностями человека.

В хоровой картине бурятского композиторского творчества одним из первых к духовной музыке обратился Ю. Ирдынеев. Им написаны «Бурятские духовные песнопения», над которыми он работал почти десятилетие (1989-1998). Обращался Ю. Ирдынеев и к православной музыке.

Первым обращением к духовной музыке В. Усовича стал цикл «Православные молитвы» для смешанного хора *a cappella*. Как пишет композитор в своём вступительном слове это: «Попытка передать в музыке глубину, силу и правду православных молитв... В наш век цинизма, ханжества, лжи и насилия напомнить людям о непреходящих ценностях нравственности, любви и гуманизма» [3].

Премьера произведения состоялась в апреле 2014 года в рамках «Пасхального концерта» в зале Бурятской государственной филармонии. Первыми исполнителями цикла стали смешанные хоровые коллективы Бурятского государственного академического театра оперы и балета им. Г.Цыдынжапова и Колледжа искусств им. П.И.Чайковского (дирижеры-хормейстера В.А.Волчанецкий и О.Н.Полякова).

Последовательность номеров в цикле составлена самим автором. При выборе текста автор подчёркивает: «Для меня основой были тексты этих молитв, я их воспринимал не как канонические догматы, а как эмоциональные, страстные переживания и то, как они согласуются с моими нравственными, моральными взглядами я и изложил в цикле» [3].

В своих произведениях Усович, современник своего времени, выбирает и использует язык, который ему близок и который понятен его слушателям. Ему необходимы своеобразные ритмы, красочные созвучия,

терпкие современные гармонии, сложные и переменные размеры, тональные смещения. «При всей эмоциональности его музыки в ней всегда присутствует и строгий расчёт, точный отбор материала, средств выразительности и приёмов развития»[2, с. 8]. В арсенале композитора самые разнообразные вокально-хоровые средства: экспрессивная динамика, высокая tessitura, различные штрихи вокализации, контрастное чередование тембровых групп, резкие смены регистра и гармонической окраски. Несмотря на то, что духовная музыка требует соблюдения строгих канонов, композитор стремится перевести всё в формат его понимания и чувствования. Он воспринимает духовную музыку на эмоциональном уровне.

В цикл входит девять хоров на разные духовные тексты, среди которых, как широко известные «Отче наш», «Да воскреснет бог», «Богородице Дево Радуйся», так и менее известные «О некрещеных, умерших без покаяния и самоубийцах», «Молитвы Оптинских Старцев». Как пишет сам композитор в предисловии, он «шел к созданию произведения более пятидесяти лет». Не случайно им были выбраны молитвы наиболее близкие его душевному состоянию в разное время жизни. Это молитвы - «На начало дня», «За врагов», «О семье», «При скорби», «Молитва ко Господу».

Первый хор - «Отче наш», в основу которого положена главная молитва христиан, являющаяся образцом всякой другой молитвы, среди всех существующих. Начинается произведение с запева мужского хора неким расщеплением звука, что характерно для современных произведений. В скором темпе повторяются слова с акцентами: «Господи, помилуй». Речитативность проведения темы в мужском хоре в быстром темпе на форте, с акцентами на сильных долях в трехдольном метре, сразу создает ощущение глубокого напряжения, что подчёркивается гармоническим чередованием унисона, секунд и терций. Начало хора звучит ярко, динамично, всё это сохраняется и при вступлении женских голосов.

Появление темы у женского хора происходит на фоне оstinатного движения унисона у мужских голосов на постоянной ритмической пульсации восьмыми. Звучание партий сопрано и альты интонационно сложно из-за постоянных скачков, в нем достаточно ярко прослеживается тема креста: *f-des-e-f*. Скачки мелодии и упругий ритм продолжают создавать образ возбуждённого эмоционального состояния, подчиняющегося правилам современного ритма жизни. Эта механичность, быстрота не даёт сосредоточиться на тексте, создаётся впечатление суетности современного мира, бега, в котором нет места покою и размышлению. Динамизация музыкального текста осуществляется за счёт введения в гомофонную фактуру приёмов имитационной полифонии.

Трехчастная форма построена по динамическому контрасту. Вторая часть начинается *subito piano*, «Хлеб наш насущный». Гармоническая насыщенность подчёркивается использованием крупных длительностей и неоднократно повторяющихся аккордов. Третья часть является вариантом первой, где остигатное начало передаётся женскому хору. Здесь же достигается кульминация всего произведения «Да приидет царствие твое, да будет воля твоя!» фактура насыщается появлением *divisi*, повышается тесситура крайних голосов, после фразы басов происходит модуляция в *Des-dur*, где на фоне аккорда мужских голосов торжественно повторяется ранее прозвучавшая интонация в исполнении женских партий: «Яко на небеси и на земли». Фактура постепенно сжимается, приводя в минорную терцию четвертой ступени, и вместе с ней в начальный эпизод, но уже звучащий у женского хора на *forte*. Заканчивается первый номер подчеркнутым хоровым унисоном «Воля твоя!», со смещением долей, как в конце предыдущего предложения.

Второй номер «Молитва Честному кресту. Да воскреснет Бог». Посвящена Кресту Христову имеющему особую силу охранять православных христиан от всякого зла. Одна из самых сильных и проникновенных молитв, её эмоциональная напряженность звучит в каждом слове: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его и да бежит от лица его ненавидящий его». Развернутое вступление женского хора построено на основе триольного ритма, что вносит не традиционное восприятие подобного рода произведений. Особые тембровые краски создают чередования женского и мужского хора, соединяющиеся в плотном аккордовом сложении. С помощью фактурных средств композитор воплощает сложный драматургический замысел номера.

Самым светлым номером цикла является третий – «Богородице, Дево, радуйся», звучащий в *C-dur*. Распевная мелодия партии сопрано, звучащая в начале в несвойственной для высокого голоса низкой тесситуре, меняя поступенное развитие на неожиданный взлёт наверх, вносит напряжение и внутреннее несогласие: «Дево радуйся» звучит в *a-moll*, словно предчувствие, в котором радость и страдание слиты воедино. Композитор часто пользуется чередованием различных фактур изложения. Гармоническая фактура всего хора сменяется полифонической, где женские и мужские голоса проводят каждый свою независимую линию «Благословенна ты в женах». Из тональности субдоминанты с помощью секвенций утверждается тоника, на фоне «колокольной» реплики басов, происходит уплотнение фактуры «Спаса родила». В завершении номера нисходящие звуки у партии сопрано звучат зеркальным отражением начальной темы.

Четвёртый, пятый, шестой, седьмой и восьмой номера написаны на «Молитвы последних Оптинских Старцев». Оптина пустынь славилась своими старцами, которые провидели людские судьбы, исцеляли телесные и душевные болезни, предсказывали будущее. Их молитвы – кладёзь высоты человеческого духа выраженной в своей любви к Господу.

Номер четыре «Молитва последних Оптинских старцев. На начало дня» начинается унисоном всего хора в *a-moll*, мелодией близкой русской народной песне. Эта тема будет повторяться на протяжении всего произведения у разного состава голосов, придавая ему черты куплетности. Повторение мелодического материала дважды, чередуется с гармоническими эпизодами. Чуть измененную тему проводят тенора на слова «Какие бы я не получал известия», ее подхватывают сопрано, а гармоническое сопровождение у хора путем модуляции приводит в *C-dur*. Завершается произведение, как и во втором номере, унисоном через паузу «Аминь».

Центральный номер цикла пятый - «Молитва последних Оптинских Старцев. За врагов». По своему воздействию, по внутреннему содержанию и накалу это одна из самых глубоких молитв. Человек молит Бога о том, чтобы он простил врагов, которые обижали и ненавидели его. Эта удивительная молитва показывает всю душевную красоту и мудрость Оптинских старцев. Произведение построено в форме фугато, звучащем в быстром темпе. Тема начинается с акцентированного квартового скачка в тональности *g-moll*, в партии альтов, в яркой динамике, она прерывается паузами и близка разговорной речи. Две начальные фразы короткие с восходящим движением, а третья, как и в первом номере, позиционирует тему креста «Рабов твоих, прости, прости, Господи». Дальнейшее развитие содержит небольшой связующий эпизод, после которого вступает партия сопрано в сопровождении альтовых триолей, переходящих в статичные целые ноты, она проводит тему в высокой тесситуре. При вступлении тенора от начальной мелодии остается только третья часть – тема креста. Предыдущее противосложение голосов не сохраняется, звучит лишь подобная связующим эпизодам мелодия.

Вступление баса не повторяет ни один фрагмент из предшествующих, однако тема креста все же прослеживается. В других голосах звучат имитации, сначала поочередно в каждой хоровой партии, затем однородными составами. Это произведение самое большое по объёму, где В. Усович объединяет разные виды фактуры: полифоническая в начале сменяется на гармоническую в конце произведения. На фортиссимо «вбиваются» повторяющиеся в высокой тесситуре аккорды всего хора, со скачками из общего унисона на септиму и октаву вверх в партиях тенора и

сопрано «и согрей их сердце на любовь к нам не достойным!» звучит как истисуплённое заклинание.

Шестой номер «Молитва последних Оптинских старцев. О семье» - это поиск утешения и защиты близких в молитве к Богу. Тихая динамика, хоральное звучание хора, не торопливый темп, мажорная тональность (*D-dur*), триольный ритм, изменение размера в каждом такте – характерно для начала произведения. Красочные септаккорды и «щемящие» секундовые задержания передают состояние благоговения. Для проведения следующей фразы у женских голосов (4-х-голосное *divisi*) секвенциями чуть ускоряется движение, внося ощущение света и надежды. Контрастная динамика и разнообразие хоровой фактуры, высокая тесситура, переменные размеры, семиголосный состав хора - всё передаёт трепетное и тревожное внутреннее состояние. Завершается номер унисоном хора своеобразным движением пентатонической мелодии «Яко на небеси и на земли».

Седьмой хор «Молитва преподобного Никона Оптинского исповедника. При скорби» - начинается с громкого звучания в высокой тесситуре, словно качающийся крик с острыми секундами в *d-moll* «Слава Тебе, Боже мой, за посланную мне скорбь». Строфическая форма наиболее полно передаёт смысл каждой новой мысли, что подчёркивается также использованием различной хоровой фактуры. В более низкой тесситуре на *f* происходит чередование тонического трезвучия с секундаккордом второй ступени с повышенной терцией. Нельзя не отметить постоянное внимание композитора к вертикали в середине произведения и превалирование простых гармонических построений с неразвитой мелодической линией. Заканчивается произведение зеркальным отражением вступления «Слава Тебе, Боже мой».

Следующий восьмой номер - «Молитва преподобного Льва Оптинского. О некрещеных, умерших без покаяния и самоубийцах» - трогательная и гуманная просьба о прощении погибшей души. Пентатоническая мелодия вначале звучит в партии сопрано на *mf*, спокойно, в тональности *A-dur* «Взыщи, Господи, погибшую душу раба твоего». Начинаясь с движения сначала на сексту, с дальнейшим приходом в тонику, а затем на октаву она звучит как обращение, как мольба. Сольное проведение сменяется вступлением второго женского голоса, что делает её близкой русской народной песне. Дальнейшее проведение этой мелодии сопрано в сопровождении хора предстает еще дважды, приобретая черты рефрена.

Следующий эпизод – проведение нового нисходящего тематического материала в басовой партии создаёт картину своеобразного диалога, соло низких мужских голосов со звучанием всего хора. Кульминация произведения, звучащая фортиссимо в шестиголосном хоре,

отклоняется тонально в *B-dur* и подчёркивает главную мысль - «Помилуй». Центральный эпизод номера отличается яркой динамикой, ритмическим разнообразием. Репризный эпизод повторяет тематический материал первой части в основной тональности, но звучит уже у всего хора на тихой динамике. Создаётся ощущение за счёт мажорной тональности и общего динамического и гармонического успокоения, что просьба будет услышана.

Последний девятый номер «Молитва ко Господу», написанный в *Es-dur*, проникнут чувством покаяния, в ней выражается просьба о прощении. Неторопливое развитие музыкального материала строится в чередовании общехорового унисона с аккордами, звучащими на крупных длительностях «Ослаби, остави, прости». Большое количество выдержанных гармонических сложений **сочетает одновременно и статичность, и движение за счёт динамического нарастания.** Мелодия получает дальнейшее развитие в строгом четырехголосном аккордовом изложении. Унисонные реплики хора «Господи, Боже мой» в низкой тесситуре чередуются с аккордовой фактурой при смене тональности на *C-dur*. Мелодия стремится вверх, доли смещаются на задержаниях. Последняя фраза на *ff* широким октавным унисоном «Господи, Боже мой» построена на звуках повторяющегося ранее поступательного движения.

Обращает на себя внимание большое количество *divisi* в партиях хора, используются приёмы включения и выключения хоровых групп, что обогащает музыкальную ткань, создавая своеобразные тембровые эффекты.

В заключении можно отметить, что большинство номеров цикла имеют трехчастную структуру, начальный эпизод (не обязательно первое вступление) повторяется в конце прямо или в зеркальном отражении. Цикл строится по принципу контрастной динамики, импульсивного ритмического разнообразия, современной гармонии, тональной неустойчивости, использовании различной хоровой фактуры, высокой тесситурой голосов, что несомненно связано с передачей сильных эмоциональных ощущений. В этом прослеживается широкая палитра экспрессивных средств музыки, что свидетельствуют о современности музыкального языка произведения, который вносит особый колорит в звучание канонизированного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. В расцвете таланта и мастерства. Избранные статьи о творчестве композитора В.Усовича, ред-сост. О.Куницын. – Улан-Удэ. 2010. – 60 с.

2. Куницын О. «Виктор Усович». Очерк жизни и творчества. – Улан-Удэ: ВСГАКИ. 2000. – 31 с.

3. В.Усович От автора. // « Православные молитвы». Для смешанного хора *a cappella*. – Улан-Удэ: Цифра. 2014. – 28 с.

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ А. ПРИБЫЛОВА

ABOUT SOME FEATURES OF CREATIVE STYLE OF A. PRIBYLOV

Цель данной работы: охарактеризовать музыкальный язык как совокупность средств музыкальной выразительности в инструментальном творчестве А. Прибылова.

The aim of this article is to characterize the musical language as an aggregate of the means of musical expressiveness in the instrumental work of A. Pribylov.

Ключевые слова: русские народные музыкальные инструменты; оркестр; жанры; формы; полифония; гармония.

Key words: the russian national musical instruments; the orchestra; the genres; the shapes; the polyphony; the harmony.

Определяющей чертой стиля А. Прибылова в подавляющем большинстве его сочинений является русское национальное начало, что закономерно – первым детским музыкальным впечатлением уроженца русского края Бурятии было звучание русской гармонике, затем учёба у русских мастеров в ДМШ, музыкальном училище и консерватории – всё это определило его путь в музыкальном искусстве и национальный характер его творчества.

Главным средством для воплощения эмоционального состояния в музыке у А. Прибылова служит ясный мелодический образ, уходящий корнями или в русский песенный фольклор, или в традиции отечественной классики.

Темы в русских по складу произведениях А. Прибылова – как широко распевные, так и подвижные (часто в танцевальных ритмах), всегда тональны, и даже при альтерационном или хроматическом расширении звукорядов ясно ощутима опора на тональный центр. В качестве образцов широкой распевности можно привести ряд тем в медленном движении, например, вступительная тема в пьесе для ОРНИ «Сказание»:

Также примерами широкой распевности могут служить лирические песни А. Прибылова: «Русская красавица» и «Когда цветёт черёмуха» на

собственный текст композитора, песня «Любовь к Отчизне» на слова О. Аннаева.

Мелодии-темы в живых ритмах есть во всех танцевальных по складу произведения или в соответствующих разделах произведений с различным по составу тематизмом – середина пьесы «Семейская круговая» из сюиты «Забайкалье моё», пьеса для трио баянов «Серпантин», пьеса для баяна-соло «Вальс» и другие.

Упомянутой тональной устойчивости мелодических образований соответствует и преимущественное нахождение композитора в сфере функциональной тонально-гармонической системы. Нередко это построения в чистой мажорной или минорной диатонике, например, главная тема пьесы для ОРНИ «В степях Забайкалья». Часто созвучия усложнены внедрёнными тонами, в том числе из хроматического звукоряда (тема Прелюдии из миницикла для баяна-соло «Прелюдия и токката»:

Постоянно пользуется А. Прибылов и последованиями аккордов по мелодическому принципу, в частности в параллельном движении (тема середины Токкаты из миницикла для баяна-соло «Прелюдия и токката»). Иногда композитор включает в ткань созвучия нетерцового строения – например, многозвучные нетерцовые вертикали (комический эпизод пьесы для ОРНИ «Как мужик на ярмарку ездил»). Также неразрешённые («брошенные») секунды, для достижения эффекта неожиданности или комического эффекта (примером может служить начало мелодической линии в партии баяна в пьесе для ОРНИ «Бока мои, бока»):

Нередко применяет композитор такое средство укрепления ощущения тональности и, одновременно, уплотнения оркестровой фактуры как органнй пункт. Практически во всех сочинениях присутствуют и однолинейные, и фигурированные, а часто многозвучные органнй пункты. Столь же часты и различные оркестровые педали. Так, например, в пьесе

«Семейская круговая» (IV часть сюиты для ОРНИ «Забайкалье моё») вступительные такты опираются на выдержанный тон низких балалаек, затем этот тон «рассыпается» на отдельные длительности, ещё позже становится частью двухзвучного фигурированного пункта, а функцию оркестровой педали (как нередко у А. Прибылова) несут созвучия баянов на приёме «тремоло мехом».

Использует А. Прибылов и полифонические приёмы преимущественно из сферы контрастно-тематического сложения. Это может быть продолжительное сопоставление двух мелодических линий (вступление пьесы для ОРНИ «В забайкальском селе»):

Не спеша, свободно

Жалейка I

Жалейка II

Также примером может служить тема пьесы для баяна «Фантазия на тему «Письмо матери». Реже может быть продолжительное сопоставление трёх мелодических линий (тема побочной партии «Токкаты», I части сюиты для ОБНИ «Триптих»).

Но чаще композитор применяет подголосочные средства – короткие подголоски-контрапункты к темам. В качестве примера можно привести практически любое сочинение А. Прибылова.

Имитационное сложение применяется А. Прибыловым значительно реже, особенно редки собственно имитационные формы – это фуги в сонатах для баяна: во 2-ой части Сонаты № 6, во 2-ой части Сонаты № 2, во 2-ой части Сонатины № 2, причём во всех этих произведениях полифоническая фактура постепенно соединяется с гармонической. Отдельные имитационные построения в крупных произведениях, в целом выдержанных в гомофонно-гармоническом складе, встречаются у А. Прибылова чаще – например, канон в унисон в заключительном разделе пьесы для ОРНИ «Эвенкийская картинка», также во вступлении к баянной Сонате № 3:

[Sostenuto]

mf

Указанные выразительные средства явились вполне органичными и в сочинениях А. Прибылова на украинскую («Закарпатская фантазия» для трио баянов), грузинскую («Фантазия на грузинские темы» для дуэта баянов), аргентинскую («Перед разлукой» для ОРНИ), мексиканскую («Концертная пьеса на мексиканские темы» для баяна-соло), чешскую («Шуточная полька» из «Школьной сюиты» для ОРНИ) темы, а также в пьесах для ансамбля баянов «В ритме джаза», «Джазовая миниатюра» и «Фантазия на тему Ли Ивенса», поскольку основа мелодики музыки данных национальностей, как и русская, основана на диатонике, хотя и различных модификаций, а также усложнена альтерационно или хроматически.

Другую задачу ставил перед собой композитор в сочинениях на бурятскую тематику, и, соответственно, на основе мелоса в бурятском складе. Данные средства ему, как уроженцу Бурятии, были хорошо знакомы с детства и прочно усвоены. Это мелодика на основе ангемитонного пентатонического лада. Композитор не обращался к подлинным бурятским мелодиям, а находил оригинальные мелодические построения, содержащие не просто пентатонический звукоряд, а характерные ритмо-интонационные обороты, в которых данный звукоряд реализуется именно в бурятской музыке. Так, в большой пьесе «Фантазия на бурятские темы» в мелодии медленной части пьесы композитор соединил вступительный оборот бурятской фольклорной песни «По берегу ровного Онона» с другими пентатоническими попевками.

Подвижные, часто танцевальные темы А. Прибылов строит на основе ритмо-интонационного фонда напевов-наигрышей бурятского танца ёхора (хоровода) – это краткие попевки в объёме мажорного или ангемитонного трихордов. Из них, гибко варьируя, композитор создаёт темы практически во всех его быстрых произведениях или быстрых частях многочастных (пьеса для ОРНИ «Праздник в улусе»):

Быстро

Как известно, русские мастера, работавшие в 1930-1950-е гг. в Бурятии, при гармонизации пентатонических мелодий стали

применять созвучия нетерцового строения (кварто-квинтовые и секундовые). Правильность этого выбора подтвердили исследователи Ю. Тюлин [5, с. 27], Л. Мазель [4, с. 155]. Об этом же пишет Ц. Когоутек, считая, что нетерцовую аккордику рождает «привнесение в гармонию пентатоники» [3, с. 33]. Вместе с тем, возможна и терцовая поддержка пентатонических мелодий, особенно, если применяется натурально-ладовая модификация терцовой гармонической системы. Примером может служить обработка Н. Римским-Корсаковым русской народной песни, «Ой, пала, припала молодая пороша», основанная на ангемитонном пентахорде [1, с. 46].

А. Прибылов при гармонизации пентатонических мелодий использует и ряды только кварто-квинтовых вертикалей, и чередует их с терцовыми («Токката», I часть сюиты для ОБНИ «Триптих»). Часто композитор пользуется утолщением – квартовым (пьеса для ОБНИ «Размышление в дацане»):

квинтовым, смешанным (пьеса для ОРНИ «Бронзовые статуэтки», II часть сюиты «Вокруг света»). Встречаются у него и ряды параллельных квартсептаккордов. Нетерцовая аккордика значительно усиливает национальную окраску мелодики.

В сфере п о л и ф о н и и средства, применяемые А. Прибыловым в его сочинениях на бурятскую тематику не отличаются от средств в сфере русской тематики – это та же система подголосков (контрапунктов) к теме.

К современным (новым для бурятской музыки) системам композиции А. Прибылов обращается редко, но это не означает ограниченности его в сфере техники изложения и развития различных по складу музыкальных материалов. Доказательством этого служит ряд его многочастных произведений, части которых композитор построил на додекафонных темах. Обычно это произведения, не несущие определённого национального колорита.

Так, вторая часть С о н а т ы № 3 для баяна (2002) А. Прибылова представляет собой масштабную четырёхголосную фугу, имеющую и «конструктивный», и выразительный характер. Тема изложена в среднем регистре (теноре четырёхголосия), реальный ответ дан в верхнюю дуодециму в альту:

Ещё в кодette композитор усложнил изложение аккордовыми вертикалями. Здесь же появляется лаконичный оборот, который будет активно разрабатываться в средней части фуги. Второе проведение темы (в сопрано) варьировано, ответ дан в нижнем голосе на расстоянии более двух октав. В интермедии две линии – начальный оборот темы в нижней, секвенция на второй ритмоинтонации в верхней. Обширная средняя часть изложена в гармонической фактуре с мелодической линией на основе упоминавшегося оборота из кодетты. В середине средней части проводится исходный тематический материал, но в инверсии – ответ предшествует теме. В интермедиях гармоническое изложение активно дополняется приёмом тремоло мехом. В репризе проводятся варьированные тема и ответ, остальное отдано гармоническому сложению и игре мехом.

Интересно воплощение схемы трёхголосной фуги во второй (медленной) части баянной С о н а т ы № 2 (1999) А. Прибылова. Ритмически прихотливой додекафонной теме (одиннадцатизвучный ряд) отвечает её проведение октавой выше (тональный ответ, поскольку изменена третья фраза):

Третье проведение дано со сдвигом по горизонтали. В дальнейшем начальный оборот темы (нисходящая м. 3 и ув. 2) пронизывает всю ткань. Как обычно у А. Прибылова полифоническое сложение соединяется с вертикалями, но здесь их особенность в том, что композитор обратился к кварто-квинтовому сложению:

Таким образом, в фуге из баянной Сонаты № 2 додекафонная тема определила отказ композитора от привычной ему терцовой аккордики, а следствием стало своеобразие звуковой сферы.

Более сложна организация трёхголосной фугетты в баянной Сонате № 2 (2002) А. Прибылова. Тема (додекафонный ряд «сконструирована» следующим образом – второй такт представляет собой повторение первого малого терцией ниже, мелодическая линия включает хроматические обороты и обороты с неустойчивой интерваликой (ув. 2, ум. 4). При этом композитору удалось сделать тему выразительной. Тема экспонируется в верхнем голосе на фоне органного пункта. Ответ дан в нижнюю нону и является другим рядом – из десяти неповторяющихся звуков и реален лишь по общей направленности интервалики. По вертикали образуются отдельные жёсткие созвучия, включая параллельные тритоны:

Третье проведение (в нижнем голосе) точно повторяет первое и сопровождается мелодико-гармонической фигурацией из звуков додекафонного ряда. Краткая интермедия, совмещённая с серединой формы, строится на вычлѐнных попевках темы, а в репризе фугетты вариант темы и реальный ответ к ней в верхнюю квинту содержат ряд интонационных изменений, из-за которых могли бы быть тональным ответом к теме в экспозиции.

Сумев соединить в данной фугетте логичность сложной структуры с общей выразительностью, А. Прибылов проявил немалое мастерство в сфере работы в современной для музыки Бурятии технике композиции.

В творчестве А. Прибылова представлены многие традиционные музыкальные формы-схемы: многочастные сюиты из различного числа частей, по различным принципам их сочетания – программному (например, сюита для баяна-соло «Городские зарисовки»), тематическому (переключки частей в сюите для ОБНИ «Триптих»); сонаты и сонатины (обычно по традиционному числу частей и их соотношения). Среди одночастных форм преобладает трёхчастная схема, чаще сложная – в произведениях различных жанров и исполнительских составов. Есть и более сложные формы – так, например, в пьесе для ОРНИ «Бурятский танец» трёхчастие сочетается с вариационным циклом. С долей условности как своего рода симфонию (с жанрово-картинным типом симфонизма) можно расценить четырёхчастную сюиту для ОРНИ «Забайкалье моѐ», где первая часть («Степь просыпается») – медленное вступление, вторая («Танец чабанов») – энергичная, основная;

третья («Эвенкийская картинка») – скерцо; четвёртая («Семейская круговая») – танцевальный финал.

При этом А. Прибылову свойственно свободное истолкование традиционных форм-схем. Так, грани разделов внутри одночастных пьес и в частях многочастных нередко условны. Трёхчастная пьеса «Перед разлукой» для ОРНИ завершается кодой на неожиданно новом материале.

Свобода истолкования формы особенно отражается в тональных планах. Например, в ряде одночастных сочинений в сонатной форме А. Прибылов проводит побочную партию не в тональности доминанты, как ожидалось бы, а в субдоминанте (пьесы для ОРНИ «Скоморошина» и «Сказание»). В «Скоморошине», кроме того, в репризе побочная партия остаётся в той же тональности, что в экспозиции. В трёхчастных формах-схемах композитор нередко проводит репризу не в тональности первой части (пьесы для ОРНИ «Бурятский танец» и «Как мужик на ярмарку ездил»).

Можно предположить, что указанные явления связаны с уже не раз упоминавшимся нами присущим композитору редким даром импровизации, что А. Прибылов-баянист не раз демонстрировал в концертах, импровизируя на темы, заданные слушателями. Очевидно, что композитор переносит импровизационное начало и в свои сочинения, написанные «за столом».

Характеризуя музыкально-выразительные средства, входящие в творческую палитру А. Прибылова, нельзя не признать, что композитор обладает высоким композиторским мастерством.

Очевиден дар композитора находить оригинальные мелодические образы, как широко распевные, так и подвижные, часто в танцевальных ритмах. При обращении его к фольклорному тематизму (подлинным народным мелодиям и собственным в духе народных), композитор по-своему продолжает классические традиции бережного отношения к народному материалу, умея подчеркнуть богатство его интонационно-ритмического фонда, раскрыть его неисчерпаемые возможности. А. Прибылов разнообразно варьирует народные напевы, сохраняя их основные ритмо-интонации, рельефно сопоставляет разные по характеру песенные и танцевальные мелодии (или народную с собственным мелодическим построением).

В обработке мелодического материала – фольклорного или оригинального собственного – композитор с равным успехом пользуется типами сложения – гармоническим (классическая тонально-функциональная система нередко расширенная альтерационно или хроматически, натурально-ладовая система, нетерцовая аккордика – кварто-квинтовая и секундовая), в разнообразных фактурных модификациях;

полифонических (контрастно-тематический, имитационный и подголосочный склад). В отдельных случаях композитор обращается к диагональному сложению, соединяющему в себе признаки как гармонического, так и полифонического.

Свободно владеет А. Прибылов и различными оркестровыми составами. И прежде всего, оркестром русских народных инструментов. Баянист-виртуоз, он знает практически весь русский народный музыкальный инструментарий, и неудивительно, что наибольшая часть его сочинений написана для этого состава. Также стройны камерные композиции А. Прибылова для русских народных инструментов – трио и дуэты баянов, квартет домр, русские инструменты (домра, балалайка) в ансамбле с фортепиано.

Ещё одна грань композиторского мастерства А. Прибылова – владение техникой изложения для оркестра бурятских народных инструментов, о чём свидетельствуют как его сочинения для ОБНИ с включением классических флейты, гобоя и кларнета, так полного национального состава 1990-х годов – примером служит его пьеса «Размышление в дацане», где композитор достиг полного слияния всех национальных средств музыкальной выразительности (мелодики, вертикальных комплексов, оркестровых тембров).

Суммируя сказанное, нельзя не признать, что композитору А. Прибылову присуща яркая творческая фантазия, он умеет ставить перед собой интересные творческие задачи и находить пути к их решению. Несомненно его высокое профессиональное мастерство, богатая и разнообразная композиторская палитра, а в итоге несомненен его вклад в многонациональную музыку Бурятии.

Список литературы.

1. Бачинская Н. М. Народные песни в творчестве русских композиторов / Бачинская Н. – Москва : Музгиз, 1962. – 216 с.
2. Васильев Ю. А. Рассказы о русских народных инструментах / Ю. А. Васильев, А. С. Широков. – 2-е изд. – Москва : Совет. композитор, 1986. – 88 с.
3. Когоутек Ц. Техника композиции в музыке XX века / Когоутек Ц. – Москва : Музыка, 1976. – 367 с.
4. Мазель Л. А. Проблемы классической гармонии / Мазель Л. А. – Москва : Музыка, 1972. – 616 с.
5. Тюлин Ю. Н. Учебник гармонии / Тюлин Ю. Н., Привано Н. Г. – Москва : Музыка, 1986. – 480 с.

РАЗДЕЛ VII .

ПАРТНЁРСТВО НАСЛЕДИЯ И ТУРИЗМА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

УДК 008+39 (=161.3) (476.2) «451» : 78.07

А.И. Смолик

УНИКАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

THE UNIQUE RESERVED EUROPEAN FOREST: THE PAST AND THE PRESENT

В статье рассматривается уникальный культурный ландшафт Беларуси – Национальный парк «Беловежская пушча». Показано его значение и роль в развитии культурного природного наследия Европейского региона.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, туристский ресурс, Беловежская пушча.

The article tells about the unique Belarusian landscape – the national park «Byelovyezhskaya Pushcha». It shows the park's great meaning and role in the development of cultural and natural heritage of the European region.

Keywords: culture, culture heritage, touristic resource, Byelovyezhskaya Pushcha.

Республика Беларусь имеет значительный историко-культурный потенциал, представленный объектами археологии, архитектуры, градостроительства, истории, природы, народным и профессиональным искусством. В стране много сделано в области анализа и учета памятников историко-культурного наследия. Все они включены в Свод памятников истории и культуры Беларуси, в котором насчитывается около 16 тыс. объектов [2, с.52]. В нем широко представлены памятники археологии, движимые историко-культурные ценности и материальные недвижимые объекты.

К историко-культурным памятникам всемирного значения относится Государственный национальный парк Беловежская пушча, занимающий площадь около 145 тыс. га. Этот древнейший лесной заповедник Европы занимает и часть Польши (57 тыс. га). Сведения о нем уже имеются в V в. до н. э. в «Истории» Геродота, в произведениях Плиния Старшего и Тацита (1-2 вв.) [1, с. 343]. С конца XIV столетия пушча превращается в заповедный лесной массив с правом охоты только для привилегированных личностей.

Как охраняемая природная территория Беловежская пуца известна ещё с 1409 года — польский король Ягайло, в частных владениях которого находилась тогда Беловежская пуца, издал указ, согласно которому охота на крупного зверя в пуце запрещалась. С 1413 года находилась в составе Великого княжества Литовского, а в 1795 году вошла в состав России. В 1802 году Александр I своим указом запретил охоту на зубра на территории пуцы, в этом же году пуца была включена в состав Гродненской губернии, гербом которой был зубр. В 1888 году пуца стала собственностью царской семьи в обмен на земли в Орловской и Симбирской губерниях. В 1889 - 1897 годах в пуце был построен дворец в Беловеже. Привлекла российского императора пуца своим уникальным и крупнейшим массивом древних лесов, типичных для равнин Средней Европы.

Во время Первой мировой войны территория пуцы была оккупирована германскими войсками. Оккупанты активно вырубали леса (за 3 года оккупации в пуце было вырублено столько же леса, сколько за предыдущие 300 лет), вывозили в Германию зубров, строили смолокурни и шпалопропиточные заводы, прокладывали узкоколейные железные дороги, следы которых сохранились в пуце по сей день. На работах были заняты французские и русские военнопленные, а также насильно мобилизованное местное население, которое сводилось в рабочие роты и батальоны.

С 1919 года пуца перешла к Польше, где в 1921 году было образовано лесничество «Резерват» (4693 га) и охвачено абсолютно заповедной охраной 1061 га.

В 1939 году Беловежская пуца вошла в состав БССР, и на её территории был организован Белорусский государственный заповедник «Беловежская пуца». С 1957 года пуца имела статус Государственного заповедно-охотничьего хозяйства, в 1991 году реорганизована в Государственный национальный парк «Беловежская пуца». В нем под лесом занято 86 % территории, где преобладают сосновые леса (59,3 %), главным образом черничные и мшистые. Средний возраст деревьев в лесах Беловежской пуцы составляет 81 год, на отдельных участках леса деревья имеют возраст 250—350 лет и диаметр до 150 см. В пуце зарегистрировано более тысячи деревьев-великанов (Царь-дуб и другие 400 - 600-летние дубы, 250 — 350-летние ясени и сосны, 200 — 250-летние ели). Ель — самая высокая порода беловежских лесов: до 50 м высотой. У заболоченных пойм рек и на низинных болотах растёт ольшаник (14,8 %). Березняки (9,8 %) главным образом на переходных болотах, на возвышенных местах — клён, ясень, ель. Хорошо развит подросток из черемухи, бересклета, чёрной смородины, малины. Осина почти не образует чистых древостоев (0,5 %).

Беловежская пуца по числу видов растений и животных не имеет себе равных в Европе. Здесь произрастают 958 видов сосудистых споровых

и семенных растений, зарегистрировано 260 видов мхов и мохообразных, более 290 видов лишайников и 570 видов грибов.

В списке фауны Беловежской пуши насчитывается 59 видов млекопитающих, 227 видов птиц, 7 видов пресмыкающихся, 11 видов земноводных, 24 вида рыб и более 11 000 беспозвоночных животных. Здесь обитает самая крупная в мире популяция зубров. Из крупных травоядных животных здесь встречаются благородный олень, дикий кабан, косуля и лось, из хищников обитают волк, лисица, рысь, барсук, куница лесная, выдра и другие. В пуше сохранились уникальные сообщества беспозвоночных — обитателей мёртвой и гнилой древесины, трутовых грибов, верховых и низинных болот. Флора и фауна представлены большим числом редких видов растений (пихта, дуб скальный, лилия-саранка, астранция большая, бубенчик лилиелистный), животных (зубр, рысь, барсук) и птиц (орлан-белохвост, змеяяд, чёрный аист, журавль серый, подорлик малый, филин, неясить бородатая, сыч воробьиный, дятел белоспинный, дятел трёхпалый, сизоворонка, камышовка вертлявая и многие другие), занесённых в Красную Книгу Республики Беларусь.

Сегодня ГНП «Беловежская пуца» является крупным туристическим центром Беларуси. Здесь имеются Музей природы, вольеры с животными, отели и гостевые домики, ресторан, спортивные площадки и др. Разработаны туристические маршруты. Посетители могут познакомиться с историческими и культурными памятниками: усадьбой графа Тышкевича, старым царским трактом, башней XIII века «Белая Вежа». В 2010 году национальному парку «Беловежская пуца» конкурсом был присужден Знак Одобрения Экологов Российской Федерации©® в номинации «За сохранение биоразнообразия».

В 1992 году Национальный парк «Беловежская пуца» как уникальный заповедный лес Европы включен в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Литература

1. Мелішкевіч, У.У. Белавежская пушча / У.У.Мелішкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1. А – Беліца / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: М.В. Біч і інш.; Прадм. М. Ткачова; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 343-344.

2. Пирожник, И.К. Культурное наследие Беларуси: проблемы и направления сохранения и использования // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. № 14. – М., 2007. – С. 52.

ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА КАК ТУРИСТСКИЙ РЕСУРС

NATURAL HERITAGE OF BAIKAL REGION AS A TOURIST RESOURCE

Представлена информация об объектах природного наследия Байкальского региона как туристском ресурсе. Познавательный экотуризм основывается на использовании биоразнообразия, особо охраняемых природных территорий и уникальных природных объектов региона.

Provides information on the natural heritage of the Baikal region as a tourist resource. Cognitive ecotourism based on the use of biodiversity, protected areas and unique natural features of the region.

Байкал, познавательный экотуризм, особо охраняемые природные территории, заповедник, национальный парк, биоразнообразие.

Baikal, cognitive ecotourism, protected areas, nature reserve, national park, biodiversity.

Развитие туризма в Байкальском регионе в первую очередь может быть связано с развитием экологического туризма. Экологический туризм, по определению, принятому ВТО, включает все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе. Экологический туризм сочетает посещение малонарушенных антропогенным воздействием природных территорий с наблюдением их экологической безопасности и все виды природно-ориентированных туров.

Основная цель экологического туризма – гармонизация отношений между экономической выгодой, получаемой от рекреации, и экологической безопасностью природных территорий, используемых для отдыха и удовлетворения потребности людей в общении с природой. В последнее время экологический туризм рассматривается мировым сообществом как одна из форм устойчивого, неистощительного природопользования. Познавательный туризм – один из специализированных видов экологического туризма, основная цель которого – ознакомление с природными и культурными достопримечательностями.

Природное наследие является одним из основных ресурсов развития познавательного туризма. Природное наследие включает особо охраняемые природные территории (ООПТ), биологическое разнообразие территории и уникальные природные объекты. Наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях,

событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для своего развития, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям. Таким образом, особо ценным наследием можно считать совокупность объектов и явлений, несущих в себе уникальную, редкую информацию, что может определяться их ограниченным распространением, исключительным качественным состоянием и редким сочетанием [1].

Как правило, вероятность утраты (исчезновения, уничтожения) редкого объекта или явления наиболее высока. Поэтому редкое сопряжено как с наиболее ценным, так и с наиболее уязвимым. В мире живой природы это связано с биологическими особенностями видов (толерантность, резистентность, репродуктивная способность, стенобиотность), с антропогенным изменением условий местообитания и с избирательностью уничтожения (отстрел, отлов и пр.).

Биоразнообразие Байкальского региона – значимый компонент природного наследия, важнейший ресурс для развития познавательного туризма. Главной определяющей чертой флоры и фауны Байкала является исключительное видовое разнообразие, характеризующееся преобладанием эндемичных видов. По последним данным, в озере обитает свыше 2565 видов животных и более 1000 видов растений [2]. Высокое биологическое разнообразие характерно и для всего Байкальского региона, что определяется его переходным положением между разными природными зонами, мозаичностью и неоднородностью природных ландшафтов и экосистем [3]. Здесь насчитывается более 2500 видов сосудистых растений [4], свыше 820 видов грибов [5]. В бассейне Байкала установлено обитание 67 видов рыб [6], не менее 20 видов земноводных и пресмыкающихся [7], более 90 видов млекопитающих [8] и 405 видов птиц [9].

Для сохранения биоразнообразия используются как видовая (Красные книги различного ранга), так и территориальная (особо охраняемые природные территории) формы охраны природных комплексов и объектов.

В настоящее время подготовлены очередные выпуски Красных книг Иркутской области (2010) [10], Забайкальского края (2012) [11] и Республики Бурятия (2013) [12].

В Красную книгу Иркутской области включены 25 видов грибов, 50 видов лишайников, 40 видов мохообразных, 173 вида сосудистых растений, по одному виду амебодных и пиявок, 14 видов ракообразных, 10 видов насекомых, 12 видов рыб, по два вида амфибий и рептилий, 62 вида птиц и 17 видов млекопитающих.

Красная книга животных Забайкальского края охватывает 205 таксонов (видов, подвидов и популяций животных), в том числе моллюсков – 24, насекомых – 75, рыб – 14, земноводных – 1, пресмыкающихся – 4,

птиц – 66, млекопитающих – 21, а список редких видов растений региона – 225 видов. Постановлением правительства Забайкальского края «Об утверждении Перечня объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Забайкальского края» (от 16.02.2010 № 52) включены 21 вид грибов, 26 – мохообразных, 27 – лишайников, 4 – плауновидных, 6 – папоротникообразных, 2 – голосеменных и 148 видов цветковых растений.

В Красную книгу Республики Бурятия занесено 184 вида животных, в том числе ресничных червей – 3 вида, пиявок – 1, брюхоногих – 1, высших ракообразных – 15, насекомых – 36, рыб – 6, земноводных – 2, пресмыкающихся – 5, птиц – 93 и млекопитающих – 23, 212 видов растений, в том числе голосеменных – 1 вид, покрытосеменных – 140, папоротников – 13, плауновидных – 4, моховидных – 51, водорослей – 3, а также 42 вида лишайников и 28 видов грибов, зарегистрированных на территории республики.

Все виды животных, растений и грибов, включенные в региональные Красные книги, представляют несомненный интерес для организации и развития познавательного туризма при условии недопущения негативных воздействий и выполнения проектов по сохранению и увеличению численности наиболее привлекательных из них.

В соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой в 1972 г. [13], на территории России имеется 10 природных объектов, включенных в Список объектов Всемирного природного наследия (ОВПН). По количеству природных объектов Россия находится на 4-м месте, вслед за Китаем, Америкой и Австралией. Статус объекта Всемирного наследия имеют 30 российских ООПТ, в числе которых 12 государственных природных заповедников и 5 национальных парков.

Природные участки, внесенные в ОВПН (к настоящему времени – «Озеро Байкал», «Девственные леса Коми», «Вулканы Камчатки», «Золотые горы Алтая», «Западный Кавказ», «Центральный Сихотэ-Алинь», «Убсунурская котловина», «Остров Врангеля», «Плато Путорана» и «Ленские столбы»), занимают высшее место в иерархической структуре ООПТ России.

Статус «Объект всемирного природного наследия» был присвоен оз. Байкал в 1996 г. в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия». Площадь этого ОВПН «Озеро Байкал» (включая территории трех государственных природных заповедников – Баргузинского, Байкальского и Байкало-Ленского, национальных парков «Прибайкальский» и «Забайкальский», государственных природных заказников федерального значения «Кабанский» и «Фролихинский») составляет 8,8 млн. га, он занимает первое

место в России и четвертое – в мире. ОВПН «Озеро Байкал» соответствует всем требуемым критериям, предусмотренным Конвенцией для природных объектов [13].

Статус объекта всемирного наследия дает дополнительные гарантии сохранности и целостности уникальных природных комплексов, повышает престиж территорий и управляющих ими учреждений, способствует росту известности включенных в Список объектов и развитию альтернативных видов природопользования (в первую очередь экологического туризма), обеспечивает приоритетность в привлечении финансовых средств для поддержки объектов всемирного культурного и природного наследия, в первую очередь из Фонда всемирного наследия, способствует организации мониторинга и контроля состояния сохранности природных объектов.

Экологический туризм – это и познавательный туризм. В современном мире развитие познавательного туризма неразрывно связано с ООПТ (национальными парками, рефугиумами и др.).

Согласно Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» (ФЗ-33 от 14.03.1995 г. и в последующих редакциях Федеральных законов, включая от 30.11.2011 г. № 365-ФЗ) «Особо охраняемые природные территории – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны».

С учетом особенностей режима ООПТ и статуса находящихся на них природоохранных учреждений различаются семь категорий указанных территорий: государственные природные заповедники, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты. ООПТ РФ могут иметь федеральное, региональное или местное значение. ООПТ федерального значения являются федеральной собственностью и находятся в ведении федеральных органов государственной власти. ООПТ регионального значения являются собственностью субъектов РФ и находятся в ведении органов государственной власти субъектов РФ. ООПТ местного значения являются собственностью муниципальных образований и находятся в ведении органов местного самоуправления [14].

Основу системы особо охраняемых природных территорий составляют 102 государственных природных заповедника, 42 национальных

парка и 70 государственных природных заказников федерального значения, которые вместе занимают 2,7 % общей площади территории Российской Федерации.

Общая площадь ООПТ Байкальского региона (без учета малых по площади памятников природы, курортов и ботанических садов) составляет 7 222,235 тыс. га, или 4,7 % от общей площади Байкальского региона, в том числе в Иркутской области 2376 тыс. га, или 3,1 % от площади субъекта РФ, в Республике Бурятия – 3230 тыс. га, или 9,2 %, в Забайкальском крае – 1615 тыс. га или 3,7 % [15, 16].

К ООПТ с федеральным статусом в Байкальском регионе относятся государственные природные заповедники (семь ООПТ, общая площадь которых составляет 2279 тыс. га, или 1,5 % от общей площади региона), национальные парки (четыре ООПТ, 2113 тыс. га, или 1,4 %), заказники федерального значения (семь ООПТ, 628 тыс. га, или 0,4 %) и памятники природы федерального значения (пять ООПТ). К федеральным ООПТ относятся два ботанических сада Байкальского региона, расположенные в городах Иркутск и Чита.

ООПТ регионального статуса находятся в подчинении органов исполнительной власти субъектов РФ. Большинство из них – заказники регионального значения (40 ООПТ, общей площадью 2169 тыс. га, или 1,4 % от площади региона), незначительные по площади памятники природы (246 ООПТ, из них 28 в Иркутской области, 152 в Республике Бурятия и 66 в Забайкальском крае), курорты и лечебно-оздоровительные местности (51 ООПТ) [15, 16].

Из 7 государственных природных заповедников региона 4 являются биосферными в соответствии с международной программой ЮНЕСКО «Человек и биосфера»: Баргузинский (включает биосферный полигон), Байкальский, Сохондинский и Даурский. В границы Баргузинского заповедника вошла также трехкилометровая полоса акватории Байкала вдоль побережья. Часть заповедников (Сохондинский, Байкальский и Даурский) имеют охранные зоны – буферные территории, смягчающие переход от строгого режима сохранения природы к используемым участкам [14].

Витимский заповедник располагается в бассейне р. Лены, Даурский – в Амурском бассейне, Байкало-Ленский – на водоразделе Ленского и Байкальского, Сохондинский – на водоразделе Байкальского и Амурского, остальные – в пределах бассейна Байкала. Большинство заповедников региона сохраняет высокогорные таежные экосистемы: Байкало-Ленский заповедник – Байкальский хребет, Баргузинский – Баргузинский хребет, Байкальский – хр. Хамар-Дабан, Джергинский – стык Баргузинского, Икатского и Южно-Муйского хребтов, Сохондинский – горный массив

Сохондо, Витимский – стык Станового и Байкало-Патомского нагорий (Северо-Муйский и Кодарский хребты). Единственный заповедник – Даурский – полностью на своей территории сохраняет травянистые (степные и луговые) и прибрежно-обводненные природные комплексы (оз. Зун-Горей).

В Байкальском регионе созданы четыре национальных парка, которые в отличие от заповедников в большей степени нацелены на развитие туристической и рекреационной деятельности и имеют дифференцированный режим сохранения природной среды в связи с возможностью функционального зонирования их территории. В законе об ООПТ для национальных парков предлагаются следующие виды функциональных зон:

а) заповедная зона, которая предназначена для сохранения природной среды в естественном состоянии и в границах которой запрещается осуществление любой экономической деятельности;

б) особо охраняемая зона, которая предназначена для сохранения природной среды в естественном состоянии и в границах которой допускаются проведение экскурсий, посещение такой зоны в целях познавательного туризма;

в) рекреационная зона, которая предназначена для обеспечения и осуществления рекреационной деятельности, развития физической культуры и спорта, а также размещения объектов туристской индустрии, музеев и информационных центров;

г) зона охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которая предназначена для сохранения указанных объектов и в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности;

д) зона хозяйственного назначения, в границах которой допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования природоохранного учреждения, осуществляющего управление национальным парком, и жизнедеятельности граждан, проживающих на территории национального парка;

е) зона традиционного экстенсивного природопользования, которая предназначена для обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и в границах которой допускается осуществление традиционной хозяйственной деятельности и связанных с ней видов неистощительного природопользования.

Единственный пока в регионе природный парк «Шумак» (ООПТ регионального значения) создан только в Республике Бурятия.

На территориях Байкальского региона находятся 7 заказников федерального значения. Заказник «Тофаларский» создан на месте бывшего Саянского заповедника в предгорных и горных участках Восточного Саяна. Основная задача – сохранение саянской лиственничной высокогорной тайги. Здесь располагается самая южная популяция дикого северного оленя, проходит северная граница ареала красного волка, вероятны встречи со снежным барсом. Заказник «Красный Яр» размещается в лесной и лесостепной зоне (елово-лиственнично-кедровый лес) на западном склоне Онотской возвышенности, разделяющей водотоки, направленные непосредственно в Байкал и в р. Ангара. Основные охраняемые виды – соболь, кабарга, косуля, черный аист, серый журавль, серая цапля, филин, большой веретенник, глухарь.

Заказник «Фролихинский» располагается на северо-восточном побережье Байкала, на западном склоне Баргузинского хребта. Уникальный природный объект представляет собой пользующееся спросом у туристов оз. Фролиха с эндемичными видами флоры и ихтиофауны (даватчан). Заказник «Кабанский» расположен в дельте р. Селенга и является структурным подразделением Байкальского биосферного заповедника. Здесь сохраняются водные и околородные комплексы многочисленных проток реки и заболоченных участков. Это важнейшая точка на путях миграции перелетных птиц и место гнездования видов, многие из которых отнесены к редким и исчезающим. Заказник «Алтачейский» находится в месте впадения р. Сулхара в р. Хилок (правый приток р. Селенга) и сохраняет переходный участок между среднегорным сосновым лесом и типичной приселенгинской сухой степью. Основные объекты охраны – косуля, изюбр, дрофа, журавль-красавка, даурский еж.

Заказник «Буркальский» занимает центральное положение в Хэнтэй-Чикойском нагорье и сохраняет кедровую (сосна сибирская) горную тайгу. Уникальна для этих мест популяция чикойского соболя, которая отличается от баргузинской более темным мехом и крупным размером. Заказник «Цасучейский бор» сохраняет расположенный среди сухостепных участков сосновый бор, сформированный редким подвидом – сосна Крылова.

В границах Иркутской области насчитывается 12 заказников регионального значения (из них девять комплексных, а Зулумайский, Иркутный и Кочергатский – видовые), в Республике Бурятия – 13 (все имеют статус «государственный природный биологический») [17], в Забайкальском крае – 15 (из них Ивано-Арахлейский – ландшафтный) (Савенкова, 2001, 2002; Калихман, 2011, 2012) [15, 16, 18, 19].

Большинство заказников Иркутской области охватывают долины рек и котловины озер среднегорной тайги, как пункты на пути миграций

копытных животных, места гнездования промысловых птиц, в том числе и околоводных и водоплавающих. Особое положение занимает Зулумамайский заказник – место обитания редкого в области бобра. В Бурятии к прибрежным ООПТ на Байкале относятся Верхне-Ангарский (дельта рек Кичера и Верхняя Ангара), Прибайкальский и Энхэлукский заказники, к высокогорно-таежным – Муйский, Снежинский, Улюнский, к горно-таежным – Ангарский, Кижингинский, Кондинский, Узколугский, Худакский, к степным – Тугнуйский и Боргойский. В Забайкальском крае горно-таежные заказники – Ацинский, Бутунгарский, Никишинский, Ульдургинский, Читинский. Существенная часть Ивано-Арахлейского заказника представлена озерно-болотными комплексами. Особое положение занимают степные и лесостепные заказники – Горная степь (подразделение Сохондинского биосферного заповедника), Агинская степь, Акшинский, Борзинский.

Ботанические сады – наименее представленная категория ООПТ в Байкальском регионе. Оба ботанических сада – ООПТ федерального значения, находящиеся в ведении Иркутского государственного университета (Министерство образования и науки) и Забайкальский ботанический сад СО РАН (Читинский филиал Центрального Сибирского ботанического сада СО РАН). Главная природоохранная задача ботанических садов – сохранение генофонда растительных сообществ Байкальского региона [14].

Самая многочисленная группа ООПТ региона – памятники природы, но эти охраняемые территории незначительны по площади и наименее юридически защищенные. В Иркутской области имеется 75 памятников природы, из них 4 – федерального значения, 28 – регионального значения и 43 – местного. Региональные и местные памятники природы включают 23 геологических и геоморфологических, 18 гидрологических, 9 ботанических, 4 зоологических, 5 ландшафтных и 12 комплексных.

В Республике Бурятия все 152 памятника природы имеют региональный статус. Выделяются следующие типы памятников: геологические – 43, гидрологические – 53, ботанические – 19, зоологические – 9, ландшафтные – 19, комплексные (в том числе природно-исторические) – 9.

В Забайкальском крае общее число региональных памятников природы – 66, из них геологических – 21, гидрологических – 17, ботанических – 9, зоологических – 1, комплексных (в том числе рекреационных и природно-исторических) – 18.

Всего в бассейне озера Байкал А.Б. Иметхенов [20] зарегистрировал 267 уникальных природных объектов, часть из которых имеет статус ООПТ (памятник природы), часть располагается на ООПТ других категорий, а

остальные требуют еще организации для них территориальной формы охраны.

Особая роль в развитии познавательного туризма возлагается на государственные природные заповедники. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 30.11.2011 г. № 365-ФЗ), в число задач, возложенных на заповедники, наряду с охранной и научной деятельностью предусматривает ведение заповедниками также эколого-просветительской работы и развитие познавательного туризма; допускает возможность проведения на территориях заповедников деятельности, направленной на выполнение эколого-просветительской работы и развитие познавательного туризма; не предусматривает полного запрета посещения территорий гражданами. В соответствии с частью пятой статьи 9 этого Закона пребывание на территории заповедников граждан, не являющихся работниками данных заповедников, допускается с разрешения дирекций заповедников.

В Положении о государственных природных заповедниках в Российской Федерации (утверждено постановлением Правительства РФ от 18.12.1991 г. № 48, в ред. пост. Правительства РФ от 23.04.1996 г. № 527) допускается организация и устройство на территориях заповедников экскурсионных экологических маршрутов, а в Методических рекомендациях по организации и ведению эколого-просветительской деятельности в государственных природных заповедниках и национальных парках (утверждены приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 18.06.2007 г. № 170) указывается, что заповедники и национальные парки разрабатывают комплекс экскурсионных программ для различных категорий посетителей, уделяя приоритетное внимание демонстрации диких животных в состоянии естественной свободы [21]. Демонстрация посетителям охраняемых природных территорий диких животных в естественных условиях – это мировая практика, для этого производится необходимое обустройство территории как один из способов защиты природных объектов, развивается системы смотровых и обзорных площадок, осуществляются программы биотехнических мероприятий, направленных на привлечение животных к таким местам.

Демонстрация посетителям животных в естественных условиях является важным элементом привлекательности экологического туризма, важнейшим компонентом экопросвещения, воспитания и природоохранной пропаганды, а также существенным природоохранным фактором, дающим дополнительные гарантии поддержания естественной численности популяций диких животных.

Познавательный туризм на территории заповедника должен развиваться на специально выделенных участках, носит мелкомасштабный характер (рекомендовано под этот вид деятельности выделять не свыше 5 % территории заповедника), в настоящее время начинает интенсивно развиваться. Ограниченный познавательный (а не развлекательный), тщательно регламентированный туризм в заповедниках, с учетом размеров и специфики каждого из них, может способствовать не только развитию туризма в регионе, но и поднимет рейтинг заповедного дела страны, повысит социальную значимость заповедников, будет способствовать росту их авторитета в глазах населения и государственных институтов.

Распоряжением Правительства РФ от 22.12.2011 г. № 2322-р была утверждена Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года. В области развития познавательного туризма Концепция ставит ряд задач, среди которых наиболее значимы для управления ООПТ:

- разработать комплекс экскурсионных программ для различных категорий посетителей, уделяя приоритетное внимание демонстрации диких животных в естественной среде;

- обеспечить обустройство экскурсионных экологических троп, смотровых площадок, мест наблюдения за животными;

- создавать новые и модернизировать существующие музеи и информационные центры ООПТ;

- разработать и внедрить систему добровольной сертификации экскурсионных экологических троп и туристских маршрутов на ООПТ;

- разработать правила, регулирующие поведение посетителей на ООПТ, с целью обеспечения безопасности людей и предотвращения ущерба природе.

В рамках реализации Концепции осуществляется реформирование системы управления ООПТ путем создания объединенных дирекций государственных природных заповедников и национальных парков. В 2012-13 гг. в Байкальском регионе созданы ФГБУ «Объединенная дирекция Баргузинского государственного природного биосферного заповедника и Забайкальского национального парка» (ФГБУ «Заповедное Подлеморье») и ФГБУ «Объединенная дирекция Байкало-Ленского государственного природного заповедника и Прибайкальского национального парка» (ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»). При этом статус и границы подведомственных ООПТ не изменился, а интеграция позволяет успешно координировать и перераспределять финансовые и иные усилия, направленные на развитие одного из приоритетных направлений деятельности – познавательного туризма на федеральных ООПТ в Байкальском регионе.

ООПТ, подведомственные ФГБУ «Заповедное Подлесье», располагают значительным рекреационным потенциалом. Здесь создано 138 км экологических троп, разработано и действует более 20 экскурсионных пеших и водных маршрутов, функционируют 3 визит-центра и 1 музей природы. На протяжении 4 лет совместно с Байкальским музеем ИЦ СО РАН реализуется проект «Нерпа онлайн» - идет прямая трансляция с лежбища байкальской нерпы на Ушканьих островах. В 2012 г. зарегистрировано посетителей на территории Забайкальского национального парка – 26381 человек, Баргузинского заповедника – 1945, Фролихинского государственного природного заказника (передан под охрану ФГБУ «Заповедное Подлесье») – 950 человек.

Таким образом, в системе социально-экономического развития Байкальского региона ООПТ различного статуса играют все более значимую роль. И эта роль ООПТ в экономическом развитии региона через внедрение концепции устойчивого развития будет возрастать. Исключительно их значение для сохранения биоразнообразия, для отдыха и просвещения населения, для воспитания бережного отношения к родной природе и ответственности за судьбу нашей планеты и человечества.

Природное наследие Байкальского региона, его высокое биологическое разнообразие, значительная, по сравнению с другими регионами страны, насыщенность особо охраняемыми природными территориями с большим количеством уникальных природных объектов и природных достопримечательностей создают необходимые условия для развития экологического туризма, в том числе и для организации познавательного туризма.

Примечания.

1. Чибилев А.А. Природное наследие как составляющая часть национального богатства и его интеграция в социально-экономическое развитие России / А.А. Чибилев // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2004. – Спец. вып. «Природное наследие России». – Ч. 1. – С. 5-9.

2. Аннотированный список фауны озера Байкал и его водосборного бассейна / отв. ред. О.А. Тимошкин: в 2 томах. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. I: Озеро Байкал, кн. 1. – 832 с.; Новосибирск: Наука, 2004. – Т. I: Озеро Байкал, кн. 2. – 1679 с.

3. Мельников Ю.И. Биоразнообразие бассейна озера Байкал / Ю.И. Мельников, А.А. Ананин, В.С. Бойченко. – Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Атлас. – Иркутск: «Оттиск», 2002. – С. 92-95.

4. Плешанов А.С. Уникальные объекты живой природы бассейна Байкала / А.С. Плешанов, Л.В. Бардунов, Т.В. Макрый и др. – Новосибирск: Наука, 1990. – 224 с.

5. Петров А.Н. Грибы / А.Н. Петров // Уникальные объекты живой природы бассейна Байкала. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 28-34.

6. Рыбы озера Байкал и его бассейна / Н.М. Пронин, А.Н. Матвеев, В.П. Самусенок и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2007. – 284 с.

7. Настоящее и будущее Байкальского региона. Часть 1. Природный комплекс. – Новосибирск: Студия Дизайн ИНФОЛИО, 1996. – 111 с.

8. Швецов Ю.Г. Млекопитающие бассейна озера Байкал / Ю.Г. Швецов, М.Н. Смирнов, Г.И. Монахов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 257 с.

9. Доржиев Ц.З. Птицы Байкальской Сибири: систематический состав, характер пребывания и территориальное размещение / Ц.З. Доржиев // Байкальский зоол. ж-л. – 2011. – № 1 (6). – С. 30-54.

10. Красная книга Иркутской области / Ред. коллегия: О.Ю. Гайкова и др. – Иркутск: ООО Издательство «Время странствий», 2010. – 480 с.

11. Красная книга Забайкальского края. Животные / Ред. коллегия: Е.В. Вишняков и др. – Новосибирск: ООО «Новосибирский издательский дом», 2012. – 344 с.

12. Красная книга Республики Бурятия: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. / отв. ред. Н.М. Пронин. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. – 688 с.

13. Максаковский Н.В. Всемирное природное наследие / Н.В. Максаковский. – М.: Просвещение, 2005. – 396 с.

14. Ананин А.А. Заповедное дело: уч. пособие / А.А. Ананин. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. – 92 с.

15. Калихман Т.П. Территориальная охрана природы в Байкальском регионе / Т.П. Калихман. – Иркутск: Ин-т географии СО РАН, 2011. – 322 с.

16. Калихман Т.П. Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа / Т.П. Калихман, В.Н. Богданов, Л.Ю. Огородникова. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2012. – 384 с.

17. Заказники Бурятии. – Улан-Удэ: ИД «Экос», 2007. – 144 с.

18. Савенкова Т.П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал / Т.П. Савенкова. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. – 185 с.

19. Савенкова Т.П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Атлас / Т.П. Савенкова. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 96 с.

20. Иметхенов А.Б. Памятники природы Байкала / А.Б. Иметхенов. – Улан-Удэ: Изд. дом «Буряад унэн», 2002. – 168 с.

21. Сборник руководящих документов по заповедному делу / Сост. В.Б. Степаницкий. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2000. – 703 с.

УДК 394 (308)

Д.Н. Каравеева

**ИМИДЖ, РЕГЕНЕРАЦИЯ, ТУРИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РЕГИОНА
СЕВЕРНАЯ АНГЛИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) [1]**

**IMAGE, REGENERATION, TOURISM AND IDENTITY (ON THE
MATERIALS OF THE POSTINDUSTRIAL REGION NORTH OF
ENGLAND, UK)**

Аннотация. Работа посвящена исследованию ситуации в области брендинга и туризма в соотношении с проблемой региональной идентичности на примере бывшего индустриального региона Северная Англия (Великобритания). В работе использованы авторские этнографические материалы 2010-2012 гг.

Ключевые слова. Имидж, регенерация, туризм и идентичность индустриальный, постиндустриальный, Северная Англия, современная Великобритания

Keyword: image, regeneration, tourism and identity, industrial, postindustrial, North of England, contemporary Britain

Summary. The article is devoted to the research of brand, image and tourism in relation to regional identity issues – on the example of the former industrial region Northern England, UK. The work is based on the author's ethnographic materials of 2010-2012.

В условиях информационного общества и всепроникающей глобализации, положительный имидж региона – это настоящая жизненная необходимость. Общественно-политическая, культурно-историческая, инвестиционная привлекательность регионов не возникает на пустом месте, а является следствием сформированного и актуализированного имиджа. Имидж является одним из определяющих факторов восприятия регионов и формирования вокруг них дружественной общественной среды. Это, в свою очередь, оказывает самое непосредственное влияние на лояльность со стороны

федерального центра, других субъектов страны, международного сообщества.

Многие города Урала сегодня – это бывшие индустриальные центры, многие из них являются, в различной степени, моногородами со своими социальными, экономическими проблемами на фоне упадка производственной экономики и эпохи постмодерна. Сегодня регионы вынуждены развиваться как-то иначе, и в данном случае интересен опыт Великобритании в решении этих проблем — отдельные регионы страны сумели обратить данную ситуацию в свою пользу (в Свердловской области, да и в России в целом, пока, к сожалению, подобные инициативы существуют спорадически).

Так, городам Манчестеру и Ливерпулю удалось во времена неблагоприятных экономических условий конца XX века (неликвидность, нерентабельность производства, конкуренция со стороны Китая) переосмыслить концепцию своего существования, трансформировать все это в новую идентичность. Вместо того, чтобы впасть в экономическую и культурную депрессию, власти данных регионов попытались выработать ряд проектов нового успешного существования и нашли средства для их реализации. Под формулой «Преобразование через культуру, культура – через преобразование» заброшенные заводы и прочие индустриальные руины превращались в новые помещения для выставок и других мероприятий культуры и искусства, для проведения свободного времени. Именно культура стала для региона мотором изменений, платформой для конструирования солидарности и идентичности. Таким образом возникло интересное сочетание горняцко-заводского менталитета, студенческого духа и современной культуры. В то же время существует большое количество неудачных примеров.

Регион Северная Англия относится к категории бывших индустриальных монорегионов [2]. Во времена империи и в первые десятилетия после ее падения здесь сосредотачивалось вся имперская промышленность (кораблестроение, угледобыча, тяжелая и легкая промышленность, портовая инфраструктура и др.). Во времена правления М. Тетчер в 1980-е гг. все производство было приватизировано, на фоне окончания холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии пришло в упадок. В это время тысячи людей оказались в ситуации социально-экономической и культурной прострации, отдельные попытки лейбористского правительства создать условия для регенерации регионов существенно не исправили ситуацию, и сегодня Север находится в ситуации, если угодно, «ментального выбора» и трансформации.

Северные города и индустриальные регионы исторически привлекали туристов и других визитеров (позднее это получило американское название «активная пропаганда региона» (civic boosterism)) в первую очередь, своими достижениями. Примером является Манчестерская выставка ис-

кустств и изобретений 1857 г. (Manchester Art Treasures Exhibition), количество участников которой составляло более 1,5 млн. и другие инициативы, призванные продемонстрировать возможности региона в плане производства предметов роскоши, искусства и утилитарных нужд [3]. В конце XX в. новые стратегии туризма ставили своей задачей не придать человеческий облик мануфактурному производству и продемонстрировать ее эстетические возможности, а скорее обеспечить возможность выживания в условиях упадка индустриального производства или вовсе создать новые брендовые структуры.

По иронии судьбы, новый подход берет свое начало в городском послевоенном строительном буме 1950-60-х гг., сопровождавший триумф популярной культуры Севера этого времени [4]. В ответ на бурное строительство и снос зданий георгианской и викторианской эпох в обществе стали появляться волонтерские сообщества, призванные сохранить архитектурное, а затем и вообще культурное, наследие. Таким образом, с начала 1970-х гг. уже можно было говорить о существовании индустрии сохранения историко-культурного наследия [5]. Все это сопровождалось ростом интереса к истории и культуре рабочего класса, а также ростом обеспокоенности населения проблемами, с которыми столкнулось традиционное производство, что, в свою очередь, привело к возникновению туристического и исследовательского движения индустриальной археологии, упоминаемой выше, а также росту местного северного строительства (vernacular housing) (строительство Североанглийского музея под открытым небом в Бэмшише (Beamish) графства Дарем в 1970 г. стало некой отправной точкой). Осознание северными сообществами данных экономических проблем уже в 1970-х гг. дало импульс для преодоления разрухи более позднего времени. Бредфорд стал одним из первых таких городов и районов, развивших новую туристическую стратегию, однако совсем скоро по его пути пошли и другие города [6].

Однако будущие объекты индустриальной археологии не сразу стали частью городского туризма. В туристическом гиде «Shell Guide» по Дарему только в конце 1970-х гг. появились статьи, рекомендовавшие, например, место производства стали в Консетте (Consett) или шахтерскую деревню Эш Виннинг (Esh Winning) в качестве обязательных мест для посещения, «если вы хотите прочувствовать дух Дарема» [7]. В то время как уже в 1970-е г. исследователь Н. Торольд писал о «современном индустриализме», пронизывающем северные территории, и о наличии там множества памятников конца XVIII – начала XIX вв., «невероятно интересных, драматических и идиократических» [8]. В туристическом гиде «Blue Guide» 1989 г. заявлялось, что сегодня туристические вкусы настолько изменились и расширились, что туристы выделяют весомую часть времени в своем маршруте на посещение индустриальных мест и викторианских городских центров, наряду с тради-

ционными соборами, замками и живописными деревеньками» [9]. В 1980–2000 гг. большинство больших и малых городов Северной Англии использовали туризм как средство экономического роста и городской регенерации, что вылилось во множество культурных проектов, связанных с индустриальным наследием. Кроме того пустующие и полуразрушенные коммерческие здания переделываются под офисные и жилые помещения, торговые центры, помещения для музейных экспозиций, художественных галерей и пр. («модные» и необычные помещения высоко котировались на рынке недвижимости; галереи и другие выставочные пространства в бывших заводских цехах пользовались большим успехом) [10]. Одним из наиболее ярких результатов подобной «политики» стало создание Парка индустриального наследия Кастрлфилдса (Castlefields Industrial Heritage Park) в Манчестере и Салфорде в 1982 г., в который вошли музеи индустриальных и научных достижений и повседневности, памятники римского периода, телевизионные студии (студия «Granada Television», открытая для посещения в 1988 г.), модные бары. Яркой страницей стало открытие музейного комплекса Альберт Докс (Albert Docks) в Ливерпуле в 1984 г. (к 1990 г. музей посетило уже более 3,5 млн. чел.); Исторического музея причала Уигана (Wigan Pier Heritage Centre) в 1986 г. и пр. Последовавшие реформы музейного самоуправления (музеи стали самостоятельно распоряжаться своими финансовыми и проектными делами), возможности Исторической лотереи (Heritage Lottery), Фонда «Millenium Commision» позволили еще больше развиваться городскому туризму. В 1996 г. Национальный (ныне – Королевский) музей вооружения (Royal Armouries Museum) был перенесен в Лидс, а также реализованы такие проекты, как Музей Земли (Earth Centre) в Донкастере, Национальный центр стекла (National Glass Centre) в 1998 г. в Сандерленде, Национальный центр народной музыки (National Centre for Popular Music) в Шеффилде в 1999 г., Научно-приключенческий центр Магна (Magna Science Adventure Centre) в Ротерхаме в 2000 г., Центр Лаури (Lowry Centre) в 2001 г., Музей имперской войны Севера (Imperial War Museum North) в 2002 г. в Салфорде Манчестера, Национальный музей футбола (National Football Museum) в 2001 г. в Престоне и в 2012 г. в Манчестере, Балтийская фрахтовая биржа в 2002 г. в Гейтсхеде Ньюкасла и т.д. [11]. Причем, музеями в обычном смысле данные проекты назвать нельзя, т.к. они совмещают в себе не только экспонирование, но и обучение, производство, маркетинг и реализацию.

Данные проекты оживили культурную и социальную атмосферу в городах, внесли вклад в преодоление депрессии в регионах размещения. В экономическом смысле трудно определить степень позитивных влияний проектов. Например, Совет Бредфорда подчеркивает важность поддержания и развития туризма для продвижения региональной экономики, но в то же

время район остается на шестом месте из наиболее депрессивных регионов в Англии и Уэльсе (шестое место по уровню безработицы и пятое по ВВП) [12]. Таким образом, развитие туризма не является пока панацеей от хронической безработицы, бедности и экономического упадка для северных городов, хотя, возможно, дело в качественной реализации туристического направления.

Что касается использования урбанистического наследия Севера, то современный Север, безусловно, в этом отношении не монолитен, и различные территории получают разные степени выгод от урбанистического туризма современности. Одним из самых интересных последствий такого «разделения» стало существование различных интерпретаций и репрезентаций Севера, что связано, как правило, с объективными различиями городских территорий. К середине 1990-х гг. обрела свои очертания статусная иерархия, особенно что касалось крупнейших городов. Несмотря на то, что иерархия данная была условна и многое зависело от «злобы дня», Манчестер и Лидс определенно оказались во главе процесса. Здесь существовала наиболее развитая культура клубов, баров и ресторанов, Манчестер был вотчиной передового музыкального движения «Madchester» [13] конца 1980-начала 1990-х гг. [14]. Ньюкасл также попадал на вершины такой иерархии благодаря высокоорганизованной индустрии развлечений (Bigg Market drinking culture), а не знаменитому образу «Боба Кранки» и культуре тяжелого труда, что импортировало местным. Повышение статуса Ньюкасла в медиа-среде и рост энтузиазма среди его населения обеспечил и факт культурного слияния с Гейтсхедом в попытке получить статус европейской культурной столицы в 2008 г. (открытие Балтийской галереи Гейтсхеда (Gateshead Baltic Gallery) и Музыкального центра Гейтсхеда) [15].

С другой стороны оказались Ливерпуль, Шеффилд и Бредфорд. В 1996 г. в туристических гидах относительно Ливерпуля можно было найти информацию о городе как о городе–символе упадка нации. К началу XX века ситуация изменилась с приобретением Ливерпулем статуса европейской культурной столицы 2008 г., однако, это не сыграло существенного влияния на «популярность» города и лишь отчасти решило его экономические и социальные проблемы [16]. Ливерпуль — увядающий промышленный город, главной достопримечательностью которого до недавнего времени был музей группы «The Beatles». Под формулой «Преобразование через культуру, культура — через преобразование» заброшенные заводы и прочие индустриальные руины превращались в новые помещения для выставок и других мероприятий культуры и искусства, для проведения свободного времени. Большие финансовые вложения позволили построить городской музей, из бывших заводских помещений создать привлекающий большое количество туристов ливерпульский филиал Лондонской галереи «Tate», где выставляются

шедевры современной живописи — работы Пикассо, Уорхола, Огюста и т.д. Для жителей города этот факт является поводом для гордости, но не воспринимается как символ новой идентичности («Ну, мы стали культурной столицей и получили деньги ЕС – это действительно, но и что? Мы и наши все те же» [17]).

Бредфорд оказался неудачной площадкой для туристических инвестиций [18]. Помимо прочего, город в конце 1970-х гг. столкнулся с серьезными экономическими трудностями, а также с имиджевыми проблемами, связанными с орудовавшим здесь серийным убийцей П. Сатклифом (P. Sutcliffe), «йоркширским насильником». Бредфорд также стал вотчиной английского белого расизма и символом ряда проблем, связанной с азиатской общиной и политикой мультикультурализма. Региональным правительством проводился ряд неудачных попыток пересмотреть имидж района, в частности, попытки привлечь внимание к образам йоркширских сельских пустошей и мест жизнедеятельности сестер Бронте. Определенного успеха город добился благодаря деятельности в области городского индустриального наследия: открытию Национального музея кино, фотографии и телевидения (1983 г.), запуску индустриальной деревни Салтейер (Saltaire), одна из экспозиций которой получила статус мирового наследия ЮНЕСКО в 1991 г.; организации тура «Ароматы Индии» в рамках работы по преодолению этнической разобщенности и интеграции азиатской общины, а также создания условий для развития бизнеса общин. Однако городу не удалось замаскировать серьезные экономические трудности или выдвинуть действенные идеи по преодолению негативных обстоятельств.

Будучи продуктом индустриализации и одной из первых жертв деиндустриализации, Бредфорд стал символом социального и экономического упадка Севера (наряду с Сандерлендом и большей частью Северо-Востока) [19]. Бредфорд стал в этот период и вотчиной крупнейшей азиатской общины, преимущественно мусульманской, и территорией соответствующих этому проблем (см. Главу I, подглаву о мультикультурализме). Говоря словами С. Шмидт, город приобрел статус «Другого» в рамках Англии в двойном отношении – как типичная территория Севера и как по-настоящему мультиэтническое сообщество [20].

Негативное отношение сообщества вызывали и происходившие волнения в азиатских гетто (т.н. «Asian riots») в 1995, 2001, 2007, 2011 гг. (широкое освещение в СМИ способствовало распространению этой оценки) [21]. Таким образом, Бредфорд оказался в центре дискуссий о Севере и мультикультурализме, и город стал, таким образом, символом современных проблем Севера, ведущей жертвой журналистского дискурса «упадок Британии» [22]. Сыграли свою роль и популярные кино- и теле-презентации (фильмы А. Данбар (A. Dunbar), телевизионный сериал К. Меллор

(К. Mellor) и документальный проект о мультикультурализме «Сделать Бредфорд британским» и пр.), о которых мы писали выше. В теледраме Меллор показывается жизнь проституток Бредфорда и обращается внимание на такие проблемы, как сексуальное и детское насилие, ассоциировавшиеся с Бредфордом и не ассоциирующиеся с успешными туристическими стратегиями. В таких условиях проблематично было создавать тревел-литературу по данным объектам, даже если основным инструментом автора были перо и ирония. Единственным исключением, пожалуй, являются строки в бестселлере Б. Брайсона (B. Bryson) «Заметки с маленького острова» (1995): «Роль Бредфорда в жизни человечества состоит в том, чтобы любое место в мире показалось раем по сравнению с ним» [23].

По иронии судьбы туристическая стратегия города способствовала закреплению подобных стереотипов. Особенно в ранний период туристического брендинга (1970-1980-е гг.) стратегии Бредфорда нельзя было называть последовательными или успешными (использовались самые различные символы — из разных эпох, с разными значениями и коннотациями). И несмотря на известные доли юмора и самоуничижения, стратегии повторяли изжившие себя прежние символы города или Севера в целом. Например, первого «официального туриста» Бредфорда пенсионера из Сассекса Э. Адамса (E. Adams) в 1980-м г. встречали духовым оркестром и рок-композицией (оркестром командовал мэр города) [24]. Или к открытию Национального музея кино, фотографии и телевидения в 1983 г. был организован банкет из знаменитого блюда жареной картошки и рыбы (—fish&chips) — символ английской, особенно североанглийской пищи; обычной пищи рабочего класса) и шампанского. А в 2000 г., например, был организован ряд мероприятий в поддержку и чествование политики мультикультурализма, наследия викторианской эпохи и особых природных условий. А когда в 1999 г., когда был объявлен конкурс на культурную столицу Европы, в качестве рекламной кампании мэр позволил местным журналистам сфотографировать себя в дорожном кафе за порцией «черного пудинга» (black pudding — традиционное северное мясное блюдо), из одежды на нем был красный галстук-бабочка и перед собой он держал в руке с изогнутым мизинцем чашку чая. Безусловно, подобный снимок предназначался для местных нужд, однако это является прекрасным примером северной пародии на самое себя (отсылка к южному возрастному филистинизму, южанам, с которыми ассоциируются бабочки, чашки чая и изящество манер) [25]. В СМИ на протяжении 1990-2000-х гг. публиковались различные материалы с саркастическими оценками туристических и культурных претензий Бредфорда. Например, в 2000 г. во время конкурса европейской культурной столицы «Observer» опубликовал ряд материалов с ироничным заголовком «Культура? На это есть Париж, Венеция и... Бредфорд» [26]. Таким образом, город в отноше-

нии брендинга обречен на неудачу, т.к. в попытках отказаться от старых образов и создать новые он обращается к давно существующим и обросшим различными коннотациями. Из-за страха оказаться в поле зрения всех таблоидов Бредфорд в 2002 г. для этого же конкурса не смог сформировать шортлист своих культурных символов.

Исследователи и общественность Севера склонна к созданию прогнозов на будущее, в частности относительно того, каким образом следующее поколение открывающих для себя Север будут оценивать эту территорию. П. Тайлор, например, пишет о том, что массовое увлечение северян потребительской культурой, торговыми центрами и пр. приведет вскоре к трансформации региона и его внешних отношений: «Потребительская культура вытесняет индустриальную на всем западном мире, и в этой связи разделение Севера и Юга предстает очередным старым британским мифом» [27]. Как считают журналист С. Макони и дизайнер А. Уэлш, символами Севера и настоящей альтернативой «утонченному Югу» в конце XX в. вполне могут стать также такие виды культурной деятельности, как спорт, музыка и развлекательная культура (в частности, стендап-комедия, эстрадная комедия) [28].

В эпоху пост-модерна, когда на первый план выходит популярная культура, отдых как феномен, прежние препятствия могут стать успешным орудием. Точно также стоит заметить, что многие составные части, феномены современной туристической стратегии Севера (городского/индустриального туризма) не являются в полном смысле «северными» по сути. Примером является Музей кино, фотографии и телевидения Бредфорда: его могли расположить где угодно в Британии, и презентует он мировые феномены. Успех Манчестера и Лидса как городов с лучшими кафе, барами и клубами также основывается на мировом феномене клубной культуры. Любитель клубной жизни, приезжая в эти города и пользуясь различными льготами для такого рода туризма, общается не к культуре Севера вообще и Лидса, например, в частности, а становится частью мировых, глобализирующих феноменов потребительской культуры (даже несмотря на то, что в дизайне клубного пространства физического и психологического) используются элементы индустриальной северной культуры. В индустриальной деревне Салтэйр также посетителям предлагается среди комиссионных ткацких станков и инсталляций из материалов, приобретенных в магазине ИКЕА, после выпитой чашечки бразильского кофе в местных кафе, насладиться такими мировыми феноменами, как картины Хокни (Hockney).

Что касается брендинга, то дело обстоит сложнее. Английское общество проектноориентированное, и многие культурные инициативы проходят под грифом экономических преобразований и имеют экономический интерес, в первую очередь.

В одних случаях туризм помогает преодолеть регионам ряд негативных тенденций в самовосприятии и восприятии другими территориями регионального образа, а в других лишь закрепляет негативные стереотипы и создает новые еще более проблематичные. Из-за ряда контекстуальных факторов происходит развитие неблагоприятных тенденций, и обществом все чаще высказываются претензии к существующей туристической политике, что ведет к сворачиванию инициатив по брендированию (это касается всего периода 1980-2000 гг.).

Работа Р. Хьюисона «Индустрия наследия» 1987 г. открыла большую полемику 1980-90-х гг. относительно жизнеспособности туризма и прочих проектов по сохранению и актуализации индустриально-культурного наследия традиционных индустрий. Автор упрекает брендмейкеров и акторов туризма в создании экономически выгодных и наиболее продаваемых образов, мало имеющих общего с исторической реальностью, что, по его мнению, ограничивало потенциал наследия в деле воспитания нового северянина, свободно мыслящего и способного к достижениям; тенденция к выборочной и искаженной презентации прошлого не способствует созданию условий для трезвой оценки реальной ситуации, в том числе экономической, и преодоления проблем. Кроме того, автора беспокоили и объемы трат на создание новых центров, впоследствии себя не оправдывающих [29]. Сила и убедительность подобных аргументов, а также последовавшая волна подобных выступлений, посеяло сомнения и тревогу в ряды сообщества, занимающегося актуализацией наследия. Безусловно, подобное не являлось проблемой исключительно Севера, но тот факт, что основные дискуссии с подачи Хьюисона развернулись вокруг Центра наследия причала Уигана, поместили регион в центр общественных дебатов.

Таким образом, место туристических индустрий в развитии городской среды являлось значительным, вплоть до начала 2000-х гг., когда подобные стратегии были подвергнуты серьезной критике. Тем не менее, ряд последствий признавались позитивными, в частности, относительно переноса национальных музеев в рамках национальной политики по преодолению отсталости индустриальных районов (на Север к 2000 г. из 24 национальных музеев было перенесено 14 (в Ливерпуле вообще оказалось 9 национальных галерей, что, в результате, изменило баланс в деле культурного разделения/противостояния Севера и Юга)) [30].

Правда, экспозиции перенесённых музеев содержали старые и менее значимые коллекции, а также не обладали должным финансированием (таким образом, «новые» музеи являлись своего рода филиалами – в экономической, культурном отношении и в отношении восприятия) [31]. Политика переноса музеев осуждалась основным («метропольным») культурным сообществом, и происходила некая маргинализация музея, достижений его

коллектива и пр. (показательна история с созданием Национального музея фотографии, кино и телевидения в Бредфорде в 1983 г. новая локализация вызвала множество споров и протестов в культурном сообществе). Директор фонда музея К. Форд (K. Ford) писал относительно переноса: «... Никто не поедет в заснеженный и богом забытый край, чтобы взглянуть на 250 старинных камер» [32]. Точно также северные кураторы и кураторы филиалов заявляли о том, что перенесенные музеи способны привлечь к себе внимание общественности только в случае экономического и организационного фиаско [33]. У большинства музеев почти не стало посетителей, и медиа привлекли только экономические трудности Королевского музея вооружения в Лидсе, упадок Национального центра народной музыки Шеффилда в 1999 г., Музея транспорта (Transperience Bradford) в 1997 г. и театра «Life Force» Бредфорда в 2001 г. А. Невилл (A. Nevill), руководитель Музея фотографии Бредфорда (Bradford Photographic Museum) говорила о том, что «несмотря на то, что к 2000 г. мы зарегистрировали 1 млн. посетителей, мы все еще не работаем в национальном масштабе. Если бы мы были в Лондоне, о нас бы все говорили, а так мы близки к разобщению» [34]. Безусловно, нельзя говорить в данном случае об объективности высказывания, да и оценка медиа не всегда так враждебна или ограничена, однако институциональная политика и региональное распределение сил на сегодня таковы, что Север до сих пор остается провинциальной и периферийной территорией несмотря на все эти усилия.

Примечания

1. Работа над статьей осуществлялась при поддержке гранта РГНФ 13-31-01260 а2, научно-исследовательский проект «Индустриальное наследие и региональная идентичность (на материалах Среднего Урала и Северной Англии)», рук. Караваева Д.Н.

2. Понятие «Северная Англия» как единой «культурной области» условно, так как включает в себя три различных в отношении идентичности региона: Северо-Восток (в качестве иллюстрации региональных идентичностей мы используем материалы, собранные в городах Ньюкасл, Дарем, Сандерленд), Северо-Запад (Манчестер и отдельные поселения графства Большой Манчестер, Ливерпуль) и Йоркшир и Хамбер (Йорк, Хаддерсфилд).

3. Wainwright M. True North. In Praise of England's Better Half. L.: Guardian Books, 2010.

4. Gibbons G. Yorkshire. Britain's Biggest Country. L.: Geographia Ltd, 1969. P. Pp. 80-81.

5. Darby W. Landscape and Identity, Geographies of Nation and Class in England. Oxford: Berg, 2000.

6. Developing Bradford's Tourist Industry. City of Bradford Metropolitan Council, 1994. P. 1.

7. Hadfield J. (ed.). The New Shell Guide to England. L.; Michael Joseph, 1981 edn. P. 57; Thorold H. (Ed.) County Durham. Shell Guide. L.: Faber and Faber, 1980. Pp. 75-76, 108.

8. Thorold H. (Ed.) County Durham. Shell Guide. L.: Faber and Faber, 1980. Pp. 75-76.

9. Ousby I. (Ed.). Blue Guide. England. L.: A&C Black, 1989 (preface).

10. В основном, это региональные явления. В Лондоне и на Юге такое редкость. См.: Babbidge A. UK Museums: Safe and Sound? // Cultural Trends. 37. 2000. Pp. 26.

11. Burton R. Travel Geography. L.: Longman, 1991. Pp. 213-214; Law C. Urban Tourism. Attracting Visitors to Large Cities. L.: Mansell, 1993; Hewison R. The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline. L.: Methuen, 1987; Babbidge A. UK Museums: Safe and Sound? // Cultural Trends. 37. 2000. Pp. 12-16.

12. Bradford and District Economic Profile. Vol. 7. Bradford: Bradford TEC, 2001. P. 46.

13. Игра слов: Манчестер как город мужчин-«честеров» и Мэдчестер как город безумных «честеров».

14. Six in the City // Guardian, 31 March 2001; Fodor's England 2007: With the Best of Wales (Fodor's Gold Guides). N.-Y.: Fodor, 2006.

15. О «Bigg Market» см.: Robert Andrews R., Brown J., Lee Ph., Humphreys R. (Eds.) The Rough Guide to England 8. N.-Y.: Rough Guide Lmd, 2008. P. 699. О Тинесайде см.: When the hope comes in // Gardian, G2, 24 June 2002.

16. Robert Andrews R., Brown J., Lee Ph., Humphreys R. (Eds.) The Rough Guide to England 8. N.-Y.: Rough Guide Lmd, 2008. Pp. 558-559.

17. ПМА 2012. Daniel Clarke

18. См. подробнее: Buckley P.J., Witt S.F. Case Studies of Bradford, Bristol, Glasgow and Hamm // Tourism Management. Vol. 6. No 3. 1985. Pp. 205-214; Davidson D., Maitland R. Case Study A: Bradford // Tourism Destinations. L.: Hodder and Stoughton, 1997. Pp. 190-207; Hope C.A., Klemm M.S. Tourism and Difficult Areas Revisited: the Case of Bradford // Tourism Management. No. 22. 2001. Pp. 629-636; Russel D. Selling Bradford: Tourism and Northern Image in the Late Twentieth Century // Contemporary British History. Vol. 2. No 17. 2003. Pp. 49-68.

19. Регионы Северо-восточной Англии (бывшие крупные портовые и угольные центры) Сандерленд, Ньюкасл, Хартлепул и т.д.) с помощью искусственного стимулирования экономики со стороны правительства и при поддержке частных компаний (например, фонд городской регенерации

–Sunderland Arc», собравший при поддержке Совета Сандерленда для обновления публичных пространств города (набережная, пляжи, торговые центры, пространство городского центра, городской музей, станция метро Ньюкасл-Сандерленд) около 200 млн. фунтов) при отсутствии сколько-нибудь четкой и внятной культурной политики, оказались в итоге одним из самых депрессивных в Западной Европе (в том числе и в ментальном отношении: Сандерленд и Ньюкасл — место особой популярности фашистских и прочих крайне правых партий, криминогенные регионы). См.: McKenzie S. Tees Valley Regeneration to close after seven years // *Gazette Live. Teesside Evening Gazette*. 24 March 2009; Материалы сайта www.tourismnortheast.com.au; Johnson J. *Seafront Regeneration Strategy*. Sunderland City Council. January 2010.

20. Schmid S. Exploring Multiculturalism: Bradford Jews and Pakistanis // *Journal of British Culture*. Vol. 4. No 1-2. 1997. P. 165.

21. См.: Bagguley P., Hussain Y. *Riotous Citizens: Ethnic Conflicts in Multicultural Britain*. Aldershot: Ashgate, 2008.

22. Liestener, 1 November 1984.

23. Bryson B. *Notes from a Small Island*. L.: Doubleday, 1995. P. 153.

24. *Bradford Telegraph and Argus*. 21 October 1980; *Yorkshire Evening Post*, 20 October 1980.

25. *Bradford Telegraph and Argus*. 17 June 1983. 25 August 1999.

26. *Observer*, 29 October 2000.

27. Taylor P.J. Which Britain? Which England? Which North? / Morley D., Robbins K. (eds.). *British Cultural Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2001. Pp. 138-139.

28. См.: Maconie S. *Pies and Prejudice*. In *Search of the North*. Croydon: Ebury Press, 2007; ПМА 28: А. Уэлш.

29. См.: Hewison R. *The Heritage Industry*. Britain in a Climate of Decline. L.: Methuen, 1987.

30. Babbidge A. UK Museums: safe and sound? // *Cultural Trends*. No 37. 2000. Pp. 12-16, 26.

31. Counce S. British, English or what? A Northern English Perspective on Late Twentieth century Britishness / paper delivered at “Relocating Britishness” Conference, University of Central Lancashire, June 2000.

32. *British Journal of Photography*. 22 June 1989.

33. *Lottery Projects Paint Ugly Picture* // *Observer*. 9 July. 2000.

34. *Lottery Projects Paint Ugly Picture* // *Observer*. 9 July. 2000. В 2001 г. Музей был одним из самых посещаемых провинциальных музеев в Англии.

ВОЗМОЖНОСТИ И РЕСУРСЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В МОНГОЛИИ

POTENTIAL AND RESOURCES FOR THE DEVELOPMENT OF ARCHEOLOGICAL TOURISM IN MONGOLIA

Resume (Аннотация)

To develop regular tourism for the environment and to protect cultural heritage are the main developmental attitude of the world tourism. According to this we have been required to increase the number of tour products, to attract tourists from home and abroad and to develop special interested tourism.

As tourism is developing its arrangement, service, tour products and developmental issues are being considered as important sides. For Mongolia we have focused on to determine the tour products, to improve the service quality, to form image of Mongolian unique tourism and to raise the type of tourism in Mongolia. Although the main issue to develop Mongolian tourism is neither to consider all historical, cultural and natural remains as tour products nor they should be arranged with systematically to develop qualified tourism and to make tourists to stay happy for their travelling in Mongolia.

There are enough resources to develop archeological tourism In Mongolia. So we have to pay attention to develop this type of tourism now. Unmovable heritages which are the main product of archeological tourism, is being considered as an attached directions of tourism in the developmental program. If we develop this direction independently it would be faced to the strategies of the world. As a result of this we would have contribution to the development of the rural areas and we would join to the objective to become the top sector of economy is tourism.

Ключевые слова: археология, археологический туризм, основные продукты археологического туризма.

Keywords: archeology, archeological tourism, basic products of archeological tourism

Введение

После того, как туризм начал развиваться в Монголии, проходило немало времени, в наше время в области туризма интенсивно развиваются многие туристические виды. Но важно отметить, что развитие археологического туризма не очень высоко. В настоящее время во всем мире актуальны устойчивое развитие туризма и принцип такой: ~~з~~автрашние туристы должны смотреть то, что сегодняшние туристы

смотрят”. Поэтому возникает вопрос о том, как развивать один из важнейших видов туризма – археологический туризм, на основе «айхарууд», то есть недвижимых памятников истории и культуры.

Актуальность исследования

На сегодняшний день много говорят об охране и обеспечении сохранности недвижимых памятников истории и культуры, а также в какой-то степени принимают необходимые меры. В связи с этим стоит уделять внимание на изучение, сохранение и передачу археологических находок, дальше распространять в обществе с точки зрения туризма. С другой стороны, то, что многие иностранцы, туристы приезжают в Монголию, чтобы смотреть находки и памятники культуры и истории страны, создается приятное условие для увлечения туристических продуктов. Мы показываем недвижимые памятники археологического наследия, вызываем потребность развития археологического туризма в стране.

Цель исследования:

Изучать возможности и ресурсы развития археологического туризма в Монголии.

Специфика исследования:

Специфика данной работы заключается в том, что рассмотреть археологические памятники как важнейшую часть культурного туризма, следовательно определить: этот вид какое место занимает в области туризма и какими ресурсами мы обладаем для привлечения туристов.

В рамках данной работы изучены потребности развития археологического туризма в Монголии, выявлены основные понятия этого вида туризма и возможности развития страны. А не прикасались к теоритической основе археологического туризма и учет географического положения.

Значимость настоящего исследования заключается в том, чтобы увеличить продукты туризма и направить туристские потоки в спец – туризму.

Археологический туризм: основные продукты, главные ресурсы, возможности развития

Слово археология означает изучение о прошлом по вещественным источникам. Памятники археологии являются ценными культурными наследиями страны. Чтобы сделать археологические памятники как продукты туризма, надо активно вести работу по изучению и сохранению историко-культурного наследия, а также восстановлению и охране археологических находок с целью увлечь интерес туристов. Мало того согласно конвенции об охране всемирного наследия ЮНЕСКО (1972), основными требованиями сохранения культурного наследия являются, во-

первых, оставлять изначальный вид, свойства того наследия, которые историко-культурно значимо, во-вторых, заботиться о его целостности [2. 11.]. Таким образом, можно сказать, что Монголия – богатая страна, в смысле археологических памятников, многие практически все целые и они все находятся в первоначальном виде. Поэтому наша страна имеет возможности увлечь иностранцев, туристов с помощью прекрасных памятников археологии.

Наши специалисты, ученые уделяют внимание на то, как основывать новые продукты туризма, какие нетрадиционные туристические виды можем развивать, и хорошо изучают некоторые направления, где есть ресурсы. Среди них – создание туристических услуг на базе археологических памятников очень важно и своевременно.

Можно понять, что археологический туризм – это туристов заинтересовать и показать археологические памятники как достоверный источник для получения информации о прошлом.

Вообще, развить какое-нибудь направление туризма, сначала надо определить его продукты. Продукты туризма в общем виде представляют собой все платные услуги, которые оказывают туристические организации туристам. Но, туристические продукты считаются настоящими туристическими продуктами только в том случае, когда туристы истинно интересуются и в результате они входят в оборот туризма.

Туристический продукт создается из 3 частей:

Основная потребительская;

Интересующая туристов;

Обслуживание.

В данной работе мы рассматриваем вторую часть: тех, которые интересны туристам, то есть археологические памятники с точки зрения археологического туризма.

Основными продуктами археологического туризма являются находки первобытного общества, наскальные рисунки, курганы, оленные камни, каменные памятники и остатки древних городов.

В Монголии государственная политика направлена на региональное развитие, страна разделена на 4 региона – западная, горная, центральная и восточная. Каждый регион определил стратегические задачи развития на двух уровнях, в том числе туризма. Все четыре региона поставили задачу, что туризм станет главенствующей сферой экономики. В рамках этой задачи начали работать, чтобы оказать качественные услуги и создать благоприятное условие для ускоренного развития нетрадиционных видов туризма, в том числе археологического. Точнее работаем над созданием новых маршрутов, реставрированием историко-культурных памятников,

созданием новых музеев, строительством новых сооружений рядом с недвижимыми культурными памятниками и т. п.

Развитие археологического туризма в нашей стране по сравнению с другими видами туризма не очень высокое, потому что существуют следующие влияния:

1. В нашей стране туризм начал развиваться сравнительно не давно;

2. Интенсивно развиваются туристические традиционные виды;

3. Изучали археологические памятники в аспектах истории и науки, а отсутствует исследовательская работа с точки зрения туризма;

4. Не определяли значимость археологических памятников в области туризма;

5. На территории Монголии археологические памятники находятся неравномерно. Сейчас еще нет инфраструктуры.

Но мы считаем, что в Монголии есть возможность развивать археологический туризм на следующих основах:

Преимущества:

– Монголия – во всем мире известная историческая страна.

– Монголия богатейшая страна по археологическим находкам. Например, на сегодняшний день найдены в разных уголках страны около 200 наскальных рисунков [2. 33]. То есть, нет места в Монголии, где не найдены наскальные рисунки. А также из найденных во всем мире около 700 оленных камней в нашей стране найдены около 550 оленных камней.

– В Монголии найдено немало находок, которые по времени относятся к раннему палеолиту, исторически неопределимо важно для всего человечества. К примеру, можно перечислить: Белая пещера /Цагаан агуй/ Баянлиг сомана, Баянхонгор аймака. Благодаря этой находке Центральная Азия и Монголия считались как очаг возникновения человека. Определили, что здесь 700 тыс. лет тому назад до н. э. жили люди. Северная голубая пещера Хойд Цэнхэрийн агуй, Манхан сомана, Ховд аймака. Наскальные рисунки этой пещеры являются не только в Азии и мире неповторимым археологическим памятником палеолита.

– Большинство археологических памятников нашей страны находятся по пути туристических маршрутов и в главных регионах посещаемых туристами.

– Археологические памятники находятся от дальности поселений населения. Это обусловит специфику культурного туризма, которую не зависит от сезона, погоды, времени и пространства.

– Иностранцы и внутренние туристы интересуются историей Монголии в свою очередь, связывающей с историческими достопримечательностями.

Слабые стороны:

– Охрана и сохранение археологических памятников осуществляется не на должном уровне. Это прямо связано с природными и человеческими факторами.

– Археологические памятники нашей страны находятся далеко друг от друга.

– Возможности посещать каждый археологический памятник почти нет, так как неразвита система железной и автодороги.

– Большинство туристических организаций не включают в свои маршруты археологические памятники /наскальные рисунки, оленные камни, каменные памятники, остатки древнего города и т.д./

– Нет информации об археологических памятниках.

– В нашей стране из разнообразных видов туризма развивается общедоступный туризм.

Возможности:

– В области туризма вполне можно развить археологический вид;

– Поднять значимость археологических памятников;

– Развить спецтуризм, используя археологические памятники;

– Реставрировать и сохранить археологические памятники;

– Создать коридорную сеть туризма;

– Параллельно развить экологический и археологический виды туризма;

– Рекламирывать и информировать общество об археологических памятниках.

Риск:

– О проблемах об охране и защите археологических памятников говорится на международном уровне. Например: многие памятники утрачиваются в результате неправильного воздействия человека, воруют ценнейшие памятники;

– Торговля за границей археологическими памятниками они исчезают из-под контроля государства;

– Некоторые памятники выставляются на разных выставках, затем не возвращаются в свои места и т. д. В настоящее время надо обращать внимание на эти проблемы.

Учитывая все перечисленное, в Монголии можно развивать археологический туризм по следующим направлениям:

1. По региональным особенностям /учитывать местоположение археологических памятников/;
2. По туристическим маршрутам /изменять программы уже существующих маршрутов путешествия/;
3. Развивать археологический туризм с учетом образования /на международном опыте/.

Сейчас рассмотрим основные направления и задачи мирового туризма.

По интенсивности посещения туризм можно подразделить на постоянный и сезонный.

Под постоянным туризмом следует понимать относительно равномерные посещения туристских регионов и объектов в течение всего - календарного года.

Устойчивое развитие туризма определяется на перекрестке несколько видов.

1. Экотуризм (Ecotourism)
2. Туризм против бедности (Pro – poor tourism)
3. Агро туризм (Agro - tourism)
4. Ответственный туризм (Responsible tourism)
5. Туризм с участием местного населения (Community Based tourism) [3. 23].

Эти виды туризма, одним словом, направлены на то, чтобы туристы относились к окружающей среде бережно, уважали традицию и культуру страны, где они путешествуют и взаимовыгоду с местными населением.

А также заявлен от организаций мирового туризма список развитых видов туризма в документе под названием –“Туризм в 2020 году”, на основе этой информации в 21 веке будут развиваться следующие 5 видов:

- Приключенческий туризм
- Эко туризм
- Спец туризм
- Круглое путешествие
- Культурно-познавательный туризм [4].

В стратегическом плане Монголии определена политика национального развития, что...[цитируем] государство постоянно поддерживает сохранение, защиту и возобновление монгольских традиционных культур материального и нематериального наследия и передавание не только монголам и всем молодым поколениям мира...[5.].

Политика государства тесно связана с основными принципами развития археологического туризма.

Хотим сказать, один пример. Как мы хорошо знаем, во внутренней Монголии, в городе Ордос, было создано погребение Чингис Хана. Они смогли вызвать интерес многих туристов благодаря этому сооружению.

У нас все есть для успешного развития археологического туризма, надеемся на то, что в ближайшее время Монголия станет ведущей страной по археологическому туризму.

Объяснение некоторых терминов

Гайхарь – традиционное монгольское слово, которое вышло из уст народов, когда начало использовать кириллицу, означает произведение и человека и природы. По смыслу одинаково со словом attraction английского языка.

Археология – изучение о прошлом по вещественным источникам.

Ответственный туризм – это синоним устойчивого туризма

Устойчивый туризм – туризм относительно равномерные посещения туристских регионов и объектов в течение всего календарного - года.

Экотуризм – это форма устойчивого туризма, сфокусированная на посещениях относительно нетронутых антропогенным воздействием природных территорий.

Туризм против бедности – туризм, который генерирует чистые выгоды для бедных.

Туризм с участием местного населения – туризм, услуги которого, оказывает местное население или люди, проживающие в данном регионе.

Список использованной литературы

1. –Вопросы географии” МонГУ. Факультет Географии и геологии. Журнал теории и практики по географии. УБ. 2007, № 283(05)
2. –Вопросы географии” МонГУ. Факультет Географии и геологии. Журнал теории и практики по географии. УБ. 2009, № 311(7)
3. Гансух Д. –Объяснение терминов сфер туризма и обслуживания” УБ. 2006.
4. Гантумур Д. –Введение в туризм”. УБ. 2003.
5. –Охрана и сохранение недвижимых памятников культурного наследия Монголии”. УБ. 2006.
6. —Борник статической информации туризма”. 2008. Министерство дороги и ... туризма.
7. www.mecs.gov.mn
8. www.mongoliatourism.gov.mn
9. www.travelnews.mn

ТЕМА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ «ПЕГАС ТУРИСТИК»**TOPIC: USE OF NATURAL AND CULTURAL OF HERITAGE IN THE COMPANY «PEGAS TOURISTIK»**

Аннотация: В данной статье анализируется опыт использования природного и культурного наследия компанией «Пегас Туристик». Туроператор «Пегас Туристик» работает на рынке туризма более 20 лет и продвигает более 23 страны. Самым популярным направлением является страна Греция.

This article examines the experience of the use of natural and cultural of heritage by «Pegas Touristik». The company «Pegas Touristik» works in the tourism market for 20 years and offers more than 23 destinations. The most popular destination is Greece.

Ключевые слова: туроператоры, туризм, выездной туризм, международный туризм, природное наследие

Key words: tour operators, tourism, outbound tourism, international tourism, natural heritage

История развития туризма восходит к глубокому прошлому. Еще древние египтяне предпринимали далекие путешествия с целью расширить свои познания об окружающем мире. Много путешествовали по различным странам Геродот, Аристотель, Плиний Старший, изучая не только культурные и исторические достопримечательности, но и природные условия. Значительно позже многие годы посвятили путешествиям в отдаленные уголки планеты с целью научного исследования разнообразных ландшафтов, растительного и животного мира, местных культур такие исследователи, как Александр Гумбольдт, Чарльз Дарвин и другие [1].

Однако вплоть до середины прошлого столетия не существовало такого понятия, как «массовый туризм»: наслаждаться природными красотами, проникать в экзотические уголки нашей Земли могли лишь выдающиеся «одиночки», одержимые страстью к приключениям, обладающие немалой энергией и силой воли. В основном это были люди весьма состоятельные. Такие путешествия не могли повлечь за собой заметных социально-экономических изменений в посещаемых путешественниками регионах; не могли они обеспечить и притока

существенных финансовых средств, которые способствовали бы сохранению уникальных природных территорий, редких видов растений и животных, самобытных местных культур.

С развитием организованного туризма одним из первых его направлений стали именно путешествия в мир природы. В середине прошлого столетия Томас Кук начал организовывать воюжи в Шотландские горы, а в 1863 г. предложил первое коммерческое восхождение на Монблан. В немалой степени интересу к таким путешествиям способствовали английские писатели-романтики, воспевавшие в своих произведениях красоту дикой природы и восхитительный мир альпийских вершин, долин и лугов. На американском континенте путешествия в мир природы стали популярными также благодаря литературным описаниям, осуществленным известными натуралистами и естествоиспытателями, принимавшими участие в научных экспедициях, – М. Льюсеком, В. Кларком, Д. Одиубоном.

В России значительную роль в привлечении людей к познанию природных достопримечательностей сыграли такие писатели и путешественники второй половины XIX века, как Н.М. Пржевальский, П.П. Семенов-Тян-Шанский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, изучавшие, описывавшие и прославлявшие природу России. В этот период возникли и получили широкую известность «Общество любителей естествознания» с филиалами во многих городах, Крымский горный клуб, Кавказское горное общество. В стране все более широкое распространение приобретает горный туризм, большое внимание уделяется экскурсионной деятельности.

Рассмотрим опыт использования культурного и природного наследия через продажу туров в компании «Пегас Туристик». Компания «Пегас Туристик» позиционируется на рынке туризма 20 лет. За эти годы компания стала одним из лидеров российской туристской отрасли и одной из крупнейшей международной туристской компании. «Пегас Туристик» входит в Ассоциацию туроператоров России, объединяющей только самые крупные и надежные туристские фирмы страны.

Компания предлагает отдых в отелях своих стратегических партнеров: Dessoie и PGS – всего 28 отелей по миру. Имеется служба гидов более 4-х тыс. человек, современный автопарк осуществляющий трансферы на всех курортах. В мае 2008 в составе туристского продукта появляется перевозка гостей авиакомпанией наших стратегических партнеров – NordWind Airlines (авиакомпания имеет 29 воздушных судов). Компания имеет множество наград на различных профессиональных выставках и ярмарках и отмечена высокими дипломами и премиями от Министерств по туризму разных стран мира.

С каждым годом все больше россиян чаще и чаще отправляются на отдых в дальние страны, что становится более похожим на стиль жизни,

нежели на роскошь. Высокий уровень обслуживания и гарантированно высокий сервис дают возможность без забот отдохнуть под ласковыми лучами солнца, еще недавно казавшихся далекими континентами. В связи с этим, нами проведено исследование потребительского спроса туристов в г. Москве.

Выезжают за границу, как правило, туристы с высоким и средним уровнем дохода: государственные служащие, менеджеры среднего звена, а также туристы VIP. Основной покупательской потребностью являются страны с теплым климатом, направление пляжного отдыха: Европейские страны Греция, Италия, Испания, Кипр, Турция, [Болгария](#); Страны Африканского континента: Тунис, Марокко, [Египет](#), Иордания; Азиатские страны: Индия, [Таиланд](#), [Индонезия](#), [Мальдивы](#), [Китай](#), [Израиль](#), [ОАЭ](#), [Вьетнам](#); Карибский бассейн: [Доминикана](#), [Куба](#), [Мексика](#). Главной причиной выбора в пользу пляжного туризма является высокий ритм жизни жителей мегаполиса. Люди ставят перед собой высокую жизненную планку: успеть добиться к молодому возрасту получить качественное образование и подняться выше по карьерной лестнице, к тому же успеть создать крепкую семью. Но человеку необходима передышка, отдых, релакс. Разумеется, это сказывается на общем состоянии человека и, безусловно, влияет на выбор в пользу пляжного отдыха.

Статистика покупательской способности подтверждает высокий спрос на данный вид туризма. По данным Росстата, в период с января по июнь количество россиян, выехавших за границу с целью туризма, выросло на 32%. Всего за шесть месяцев за границей побывало 8,522 млн. российских туристов. В течение первой половины года Египет и Турция приняли примерно равное и наибольшее в сравнении с другими странами число наших отдыхающих: 1,117 млн. и 1,212 млн. соответственно. По данным на июнь, в Египте количество отдыхающих россиян за полгода выросло на 47%, в Турции – на 30%.

Турпоток в Таиланд за первую половину года составил почти 570,7 тысяч человек. Это на 24% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Следующим по массовости направлением стала Финляндия, уступив Таиланду менее 50 тыс. туристов. Зато туристский поток в эту страну за полгода вырос на 114%. Напомним, что в прошлом году количество российских туристов в Финляндии снизилось на 41%.

Пятое место по количеству принятых российских туристов занял Китай. Несмотря на то, что в этом году Россия и Китай проводят перекрестный год туризма, в период с января по июнь турпоток в Китай из России снизился на 15% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. За счет роста объемов почти на 80% по сравнению с прошлым годом, на две строчки вверх поднялась Италия. По итогам первого полугодия 2013

года это направление заняло шестое место, опередив Германию и Испанию. За полгода Италия приняла почти 469 тыс. российских туристов. Германия увеличила объем российских туристов почти на четверть (прирост 24%), однако потеряла 0,3% доли российского рынка и заняла седьмое место в общем рейтинге, сообщает Аналитическая служба АТОР. Зато поток в следующую за Германией Испанию увеличился почти на 40%. Однако даже такая значительная динамика не позволила Испании сохранить за собой шестую строчку, которую она занимала по итогам первого полугодия прошлого года. В итоге, Испания опустилась на две строчки, заняв восьмое место в туристском рейтинге.

Турпоток в Грецию за первые шесть месяцев текущего года вырос на 96% и составил почти 400 тысяч туристов. В результате направление поднялось на одну строчку в рейтинге в сравнение с первым полугодием прошлого года и заняло девятое место. Замыкает десятку ОАЭ: прирост составил 31%, что обеспечило направлению почти 347 тысяч российских туристов за первые шесть месяцев 2013 года [2].

Также лидером продаж среди десятка популярных стран невозможно обойти Испанию. Туристам предлагается Средиземное море, лазурные берега курортов, чистые пляжи и богатейшая экскурсионная программа. В современной Испании для туристов, интересующихся историей и культурой страны, а также для религиозного туризма разработаны как сложные туристские маршруты («Путь Сантьяго», «Путь Сида», «Путь Дон Кихота»), так и экскурсионные программы по культурным центрам. При этом очень многое сделано для удобства туристов (специальные туристские автобусы, курсирующие по утвержденным туристским маршрутам, абонементы на посещение музеев и многое другое, что было бы полезно перенять и нам). Еще одним важным туристским ресурсом Испании являются различные фестивали, праздники, выставки. Это дает возможность развивать такое направление, как событийный туризм, и позволяет регулировать турпотоки по регионам и временам года. Нигде в Европе не отмечают так много праздников и с таким размахом, как в Испании. Богатство и древность традиционной испанской культуры определили красоту и оригинальность праздников, отмечаемых ежегодно в селах и городах Испании. Около 200 праздников и фестивалей имеют туристское значение, а некоторые из них популярны во всем мире.

Таким образом, рекордную динамику прироста турпотока по итогам шести месяцев демонстрируют: Греция (96%), Италия (77%), Кипр (53%), Финляндия (114%), Швеция (51%), Япония (68%), Испания (65%).

Самой популярной страной среди жителей г. Москвы является Греция. Лазурное море, золотистые пляжи, неповторимая атмосфера Греции располагает к незабываемому и потрясающему отдыху. Это одно из самых

популярных и безопасных туристических направлений: за последние 20 лет здесь произошло значительное развитие туристической инфраструктуры. Более того, благодаря современным технологиям и улучшению сферы услуг, жизнь в деревнях практически ничем не отличается от городской жизни – разве что размеренностью темпа. Люди здесь очень гостеприимные, радушные и общительные. Умеренный средиземноморский климат обеспечивает все условия для идеального отдыха. Зима мягкая и отличается повышенной влажностью, а лето – напротив, сухое и жаркое. Средняя температура в июле +32°С. Погода весной и осенью постоянно меняется. Это время лучше посвятить знакомству с уникальными достопримечательностями, чем пляжному отдыху. Летний зной гораздо легче переносится на побережьях и островах Греции за счет бризов. В крупных городах в безветренное время жара ощущается намного сильнее. Идеальное время для пляжного отдыха – сентябрь и октябрь. Вода нагревается к началу июня и долго не остывает после лета, вплоть до октября и ноября. Самая мягкая зима – на [Крите](#) и островах Эгейского моря. Средняя температура в январе +10°С.

В плане истории здесь можно встретить памятники от археологических объектов древности до неоклассических строений XIX века. Так, если город [Афины](#) – это город античности, то город [Салоники](#) – северная столица Греции. Это византийский город, причем, что интересно, в греческих городах история в буквальном смысле переплетается с современностью: среди современных зданий тут и там встречаются археологические объекты античности или остатки крепостных стен византийской эпохи. Но, самое главное, это, конечно же, **обилие церквей** – от раннехристианской эпохи до поствизантийских и современных построек. Мистическая гора [Олимп](#) – самая высокая гора в Греции, а, вернее, это горная гряда, одна из вершин которой, Митикас, и является самой высокой вершиной в Греции, находясь на высоте 2918 метров над уровнем моря [2].

Таким образом, Российская Федерация, обладая колоссальным историко-культурным туристским потенциалом, имеет несомненную перспективу развития и расширения туристского обслуживания в сфере культурного и экологического туризма. Этому способствуют рост экономики России на современном этапе, повышение интереса к России в мире, развитие сферы услуг смежных с туризмом отраслей и целый ряд других факторов. В этой связи актуализируются проблемы сохранения и возрождения наследия в процессе их туристского использования. Причем спектр этих проблем достаточно широк – от охраны объектов от туристов до сохранения аутентичности восприятия. Поэтому требуется, соответственно, широкий арсенал нормативно-правовых и организационных мер для успешного их решения в интересах сохранения культурного и природного

наследия. Компания «Пегас Туристик» является один из лидеров по продажам пляжного направления Греция за 2013-2014 гг.

Литература

1. Экологический туризм на пути в Россию. / Е.Ю. Ледовских, Н.В. Моралева. – Принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт. – Тула: Гриф и К, 2002. – 284 с.

2. Российской союз туриндустрии // [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.rustourunion.ru/>

УДК 379.85(571.54)

Н.Б. Дашиева

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

RURAL TOURISM AS THE WAY TO PRESERVE CULTURAL DIVERSITY OF THE BURYATIA REPUBLIC

Аннотация: В статье обосновываются цели, задачи и механизм реализации проектов по развитию сельского туризма в Республике Бурятия.

Annotation: The article states the aims, tasks and describes the mechanism of projects' carrying out in developing rural tourism in the republic of Buryatia.

Ключевые слова: этническая культура, традиции, природное наследие, туризм, хозяйственно-культурный тип.

Key words: ethnic culture, traditions, natural heritage, tourism, household-cultural type

Анализ современных цивилизационных процессов показывает, что одним из доминирующих принципов познания многообразия и единства социально-культурной и духовной жизни человека становится принцип различия. Именно сравнительный анализ, направленный на изучение многообразия как целого, определяет методологическую основу трансляции культурного наследия человечества как диалога цивилизаций, как диалога культур.

В условиях расширяющейся глобализации, урбанизации и стандартизации жизни важную роль в сохранении культурного многообразия мира выполняет этническая культура. В нашей современности этническая культура, выполняющая ключевую роль в сохранении и развитии самобытности отдельных народов, стран и регионов, и в силу этого обеспечивающая многообразие общечеловеческой культуры, неуклонно разрушается, деградиру-

ет, исчезает, вытесняется культурой письменной традиции и сохраняется лишь в местах мало затронутых процессами глобализации, урбанизации и стандартизации жизни. В своих отдельных элементах она сохраняется только и исключительно в части сельского мира, отдаленных от административно-культурных центров, малодоступных районах с неразвитой коммуникационной инфраструктурой и с моноэтническим населением. Таким образом, этническая (традиционная) культура бытует лишь на периферии современных культурных процессов, а в общественном сознании формируется представление о ней как «не престижной» культуре «отсталого» в культурном развитии населения, представляющего часть конкретного этноса.

Значительную роль в преодолении этих проблем играет:

а) формирование в общественном сознании понимания этнической культуры каждого конкретного народа как общечеловеческого достояния, являющегося квинтэссенцией древнейшего опыта сосуществования людей в разных историко-этнических условиях, опыта адаптации людей к разной природно-климатической среде, мировоззрения и мировосприятия;

б) актуализация фактора этнической культуры как очень важного ресурса, способного дать социальный и экономический эффект для устойчивого развития наименее развитых территорий – сельских, материальной и моральной поддержки групп и лиц, являющихся хранителями и носителями традиционной культуры в разных странах и регионах;

в) обеспечение доступа к традиционной культуре разных народов, в сфере которой особенно ярко реализуется этническая специфика культуры, продвижение сотрудничества, обмен и распространение ее продуктами между народами.

Негативные воздействия на этническую культуру усиливаются по мере расширения миграционных процессов сельского населения в города под воздействием безработицы. Городская культура, как правило, формируется под влиянием средств массовой информации (СМИ), где ведущую роль играет мировая массовая культура. Все это, естественно, ведет к деградации и безликости этнической культуры во всех ее проявлениях (материальной, духовной, в том числе художественной). Все обозначенные процессы, имеющие явно отрицательный эффект с точки зрения сохранения и развития культурного многообразия человечества, наличествуют и в Бурятии.

Мы выделили **четыре** уровня универсальных проблем современности в области сохранения культурного многообразия разных стран и регионов, которые имеют последовательную связь между собой:

- сохранение культурного многообразия мирового сообщества;
- сохранение целостности социокультурного пространства стран и регионов;

- преодоление размывания и утраты у подрастающих поколений культурной и этнической идентичности;
- создание условий устойчивого развития сельских территорий в системном единстве живой природы, экономики и человека.

В Республике Бурятия одним из эффективных способов решения выделенных проблем может стать формирование и развитие этнографического туризма, другими словами – сельского (деревенского) отдыха. Для этого необходимо разрабатывать конкретные проекты с целью стимулирования процессов самоорганизации культурной жизни сельского населения (малых сел) Бурятии, создание условий для их саморазвития путем оптимального использования особенностей правовых, экономических, культурных, материальных и человеческих ресурсов.

Устойчивое развитие сельского туризма в Бурятии, в большой степени, обусловлено ее географическим положением (оз. Байкал), разнообразием природного ландшафта, включающим горно-таежные, степные и лесостепные районы, сравнительно благополучным экологическим состоянием, этническим составом ее населения, генетически и исторически связанным с монгольским, тунгусо-маньчжурским, славянским миром культуры. Исторически на территории Бурятии были представлены несколько хозяйственно-культурных типов (далее ХКТ). Это ХКТ охотников и собирателей горно-таежной и подтаежной зоны; оленеводство в северных районах, рыболовный промысел на побережье Байкала и крупных озер; кочевое скотоводство с табунным разведением коней и овец в степных районах; в лесостепных районах – скотоводство полуседлого типа с разведением крупного рогатого скота и земледелием, ХКТ оседлых земледельцев.

Бурятия богата природными, культурными и историческими памятниками.

Духовная культура основного населения республики представлена двумя мировыми религиями – буддизмом и христианством, а также ранними формами верований и шаманизмом. На территории Бурятии расположены архитектурные комплексы дацанов, православных и старообрядческих церквей, множество шаманских культовых мест, представляющие собой ландшафтные храмы под открытым небом, соотносенных с выдающимися памятниками культуры древнего населения региона – петроглифами.

В сфере народной медицины Бурятия привлекательна наличием большого количества минеральных источников, расположенных в живописных местностях, богата лекарственными растениями, традициями восточной медицины (индо-тибетской, монгольской) и народной бурятской.

В сфере традиционной художественной культуры народы Бурятии сохранили в живом бытовании множество образцов народного искусства и высокий уровень этнической специфики их исполнения.

Все перечисленные факторы являются важными составляющими в разработке эколого-этнографического проекта, представляющего сеть туристско-рекреационных комплексов «этнографическая деревня», включенных в единую республиканскую сеть.

Целью проектов, разрабатываемых для конкретных районов, станет включение определенной части сельского населения республики, с точки зрения бизнеса, в целую инфраструктуру сельского туризма. Достижение указанной цели требует решения нескольких взаимосвязанных задач.

Задача первая – определить наиболее отвечающие по вышеперечисленным факторам поселения для создания индивидуального (уникального) облика «этнографической деревни» с учетом их привлекательности для отдыхающих и туристов. В качестве модельной территории предлагается выбрать по одному малому селу в разных муниципальных образованиях Бурятии.

Задача вторая – для каждого такого комплекса разработать свою целевую программу практического обучения населения основам организации отдыха туристов, включая бытовые и культурные услуги – жилье, подворье, туалеты, баня, питание, проведение праздников и обрядов, ознакомление с художественной культурой, ведением хозяйства, национальной кухней, народным костюмом, народными ремеслами и др.

Задача третья – организовать семинары и тренинги на местах с привлечением этнографов, экологов, экономистов, дизайнеров, архитекторов, специалистов из сферы организации туризма, художественной культуры, психологов и др. по мере необходимости.

Задача четвертая – создать единый координационный центр с целью обеспечения всех комплексов туристами и отдыхающими в течение определенного сезона или круглого года через создание сети взаимодействия с турфирмами республики, России и зарубежных стран. Выпуск рекламной продукции, в том числе и в электронной версии.

Задача пятая – обучить и организовать на местах производство сувениров, пошива национальных костюмов, изготовление предметов быта, выполненных в традициях народных ремесел, предметов, используемых в обрядах и ритуалах, ювелирных изделий из серебра, местных полудрагоценных камней, домотканые пояса, художественно орнаментированный войлок, плантации лекарственных растений и др.

Задача шестая – на начальном этапе обеспечить финансирование каждого комплекса из разных источников: федерального, республиканского, негосударственных фондов и частных инвесторов. Для выполнения данной задачи разработать специальные проекты, касающиеся как общих, так и частных задач. Периодически на таких комплексах организовывать научно-практические семинары, конференции разного уровня, связанные с совре-

менными проблемами этнической культуры и экологии, туризма, организации праздников, фестивалей этнической музыки и др. с учетом специфики и направления деятельности каждой «этнографической деревни».

Методы исполнения каждого конкретного проекта будут разрабатываться в процессе работы.

В целом же важно: 1) чтобы власть и население Бурятии оценивали культурное многообразие республики как один из важных гуманитарных ресурсов реального повышения качества жизни ее самой малообеспеченной части – населения малых сел;

2) при стандартизации в образовании и культуре одновременно в полиэтнической республике необходима государственная поддержка развития всех этнических и лингвистических групп. Это формула успеха в полиэтническом обществе. Иными словами, для развития сельского туризма как важного фактора социально-экономического развития Бурятии необходима специальная программа поддержки языка и традиционной культуры бурят, эвенков, культурных традиций русского старожильского населения, старообрядцев, казаков и всех этнических сообществ, проживающих на ее территории;

3) провести на всей территории Бурятии комплексное обследование памятников традиционной культуры бурят, эвенков, уникальных этнографических групп русского населения – старообрядцев и казаков – методами экспедиционного исследования;

4) в результате обработки и анализа материалов выработать проектные предложения по созданию **заповедных зон** традиционной культуры в конкретных поселениях как опорных пунктов в сохранении и использовании этнокультурных традиций разных групп населения республики, с учетом их историко-культурных особенностей. Эти поселения будут объединяться в единую республиканскую сеть культурных заповедников, чтобы в будущем стать крупными туристическими центрами Сибири.

5. Логическим продолжением первого этапа – экспедиционных исследований – станет проведение конференции по проблемам сохранения традиционной культуры народов Бурятии и обеспечение к ней доступа граждан из разных регионов России и разных стран мира.

Конференция выработает научно-обоснованные рекомендации практического значения, относительно всех сторон рассматриваемых проблем, а также выявит круг вопросов на перспективу.

6. Организация фестивалей, концертов, выставок традиционной художественной культуры народов Бурятии просветительской направленности во всех районах республики.

7. Сложность и многокомпонентность традиционной культуры предполагает, что эффективное и полноценное его описание возможно толь-

ко при использовании электронной публикации. С ее помощью возможно создание максимально полных произведений, основанных на сочетании самых разнообразных текстов, форм их представления, интересов пользователей и т.д. В связи с этим следует планировать создание мультимедийного электронного справочника, содержащего собранные экспедиционные материалы как-то лучших образцов традиционной культуры в виде описаний, фотографий, рисунков, видеоматериалов с возможностью поиска по представленным информационным объектам.

8. Создание информационного Web-портала, содержащего материалы, представленные в мультимедийном электронном справочнике и материалы конференции по проблемам сохранения традиционной культуры народов Бурятии, которые будут регулярно дополняться и обновляться.

9. Создание научной, учебной, методической литературы, электронных информационных ресурсов по традиционной культуре народов Бурятии;

10. Создание просветительских короткометражных видеофильмов по следам экспедиций на английском, французском, немецком и др. языках;

11. Разработка методик обучения, передачи традиций с учетом этнокультурной специфики, ориентированных в первую очередь, на детей и молодежь.

УДК 379.85(571.54):338.4

Е.В. Матвеева

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТУРИСТСКОЙ УСЛУГИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

EVALUATION OF TOURIST SERVICES IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

В данной статье приведены результаты социологического исследования о состоянии туристской услуги в республике. В опросе приняли участие жители города Улан-Удэ.

This article presents the results of the survey on the state of tourism services in the country. The survey involved residents of the city of Ulan-Ude.

Государственное регулирование в сфере туризма в Республике Бурятия было поручено Госкомитету по делам молодежи, туризму, физической культуре и спорту еще в 1994 году. В тот период основная деятельность Комитета была направлена на создание нормативно-правовой основы и упорядочения туристской деятельности, создание условий и разработки програм-

мы развития туристской деятельности в республике. Уже в следующем, 1995 году, был подготовлен и принят Народным Хуралом РБ во втором чтении Закон Республики Бурятия "О туризме". Но в течение времени в республике были предприняты действия по внесению некоторых дополнений в данный Закон в контексте тех изменений, которые произошли в данной отрасли экономики в России в целом.

Как известно, в нашей республике имеется достаточно число известных и популярных у населения мест отдыха. В большей своей части эти места сосредоточены вокруг источников, т.н. аршанов, вдоль линии побережья оз. Байкал и в ареале других водных ресурсов (Баргузинский, Кабанский, Прибайкальский, Северо-Байкальский районы, г.Северобайкальск); в горных и курортных районах (Тункинский, Окинский, Курумканский); в районах, где сосредоточено историко-культурное наследие (гг.Улан-Удэ, Кяхта; Мухоршибирский, Тарбагатайский, Иволгинский, Хоринский районы). Кроме того привлекательными являются активные и экстремальные виды туризма, такие как альпинизм, развивающийся на территории горных хребтов Хамар-Дабан, Восточные Саяны, Баргузинского и Байкальского хребтов.

Поскольку ведущим приоритетом развития туризма в Республике Бурятия остается развитие внутреннего и въездного туризма, то несомненно, что туристские услуги внутреннего туризма должны быть качественными и доступными для всех слоев населения. В этом случае появится серьезный стимул для расширения рынка потребителей этих услуг, которые обеспечат рост занятости в сфере туризма и отдыха, источники поступления в республиканский бюджет, развитие новых направлений бизнеса.

С целью изучения общественного мнения об уровне развития туристских услуг в республике, было предпринято социологическое исследование населения города Улан-Удэ в ноябре-декабре 2013 года. В опросе приняли участие жители столицы республики – г. Улан-Удэ, в возрасте от 17 до 60 лет. Всего было опрошено 185 человек. Рабочей группой исследования выступили студенты академии культуры и искусств, руководитель исследования Е.В. Матвеева, доцент кафедры СКД ВСГАКИ.

Было опрошено 86 мужчин и 99 женщин. Согласно данным опроса, соотношение женского и мужского пола следующее: 53,5 % опрошенных составляют женщины и 46,5% - мужчины. Процесс опроса показал, что женщины и мужчины одинаково легко шли на контакт, но женщины чаще располагали временем для участия в опросе. Наиболее активными в опросе были молодые жители города в возрасте 18-30 лет (37,2%). Другие возрастные категории представлены так: 31-45 лет - 21,8%, а остальные являются представителями старшей возрастной группы. По признаку образования можно за-

ключить, что участники опроса практически все имеют профессиональное образование, а у 43,8% из них – высшее.

Как нам удалось выяснить, отдыхать жители города предпочитают с семьей, с родными и близкими им людьми (55,8%), с друзьями (21,8%). В одиночестве отдыхает один на каждые двадцать участников опроса.

На вопрос о том, с кем вы предпочитаете отдыхать, ответы были следующие (см. рис. 1).

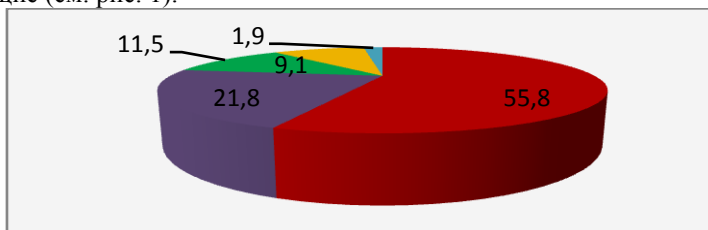

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «С кем предпочитаете отдыхать?»

Итак, более всего жители города Улан-Удэ предпочитают отдыхать в кругу своих родных и друзей – 55,8 и 21,8%. В этой связи возникает основное направление рекомендовать организовывать семейные туры и виды отдыха, во время которых будет предусмотрена занятость не только взрослых, но и детей.

Мнение респондентов о спросе на туристские услуги в Бурятии оказалось следующим: большинство респондентов - 50,3%, считает, что спрос на данные услуги за последние годы возрос, 38,4% никаких изменений в этом направлении не заметили, количество же считающих, что спрос упал, очень незначительно и составляет всего 5,9%, еще 5,4% опрошенных затруднились дать ответ на вопрос .

Каждому из опрошенных было предложено выбрать из вариантов ответа на вопрос «Что мешает развитию туризма в республике» любые три. Среди самых популярных ответов были: неразвитая инфраструктура и нехватка квалифицированных кадров. Среди других препятствий люди выделяли дороговизну туристических услуг, отсутствие транспорта и особый менталитет населения (рис. 2).

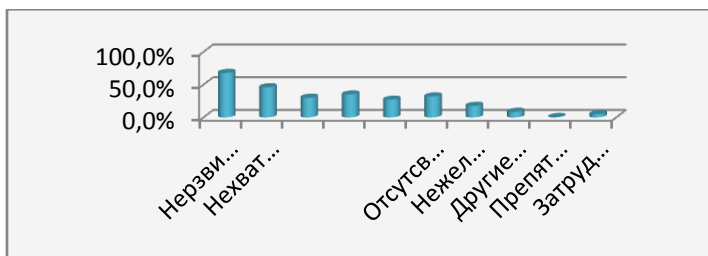

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что препятствует развитию туризма в республике?»

Развитие туризма в республике может способствовать появлению «новых рабочих мест» ответили 63% опрошенных, «росту благосостояния населения» - 42%, «возведению новых строительных объектов» - 44% , а 16% посчитали, что плюсов в этом никаких нет.

На вопрос о способах продвижения турпродукта на потребительский рынок были получены такие ответы: наиболее удобным и эффективным способом продвижения туристического продукта респонденты считают рекламу в СМИ - предпочтение ей отдают 64%, чуть менее эффективной считают наружную рекламу - 37% , на эффективность промоутерской деятельности указали 31 % , другие способы - 7%, а 7 % от числа опрошенных вообще не дали ответ на этот вопрос. При этом население почти не использует интернет для бронирования мест для отдыха. Многие пользуются информацией, полученной от друзей.

Оценку качества туристской услуги в нашей республике можно проанализировать из данных, представленных ниже (рис.3).

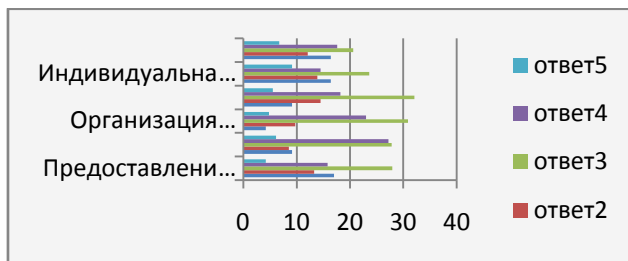

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените в целом качество туристских услуг, предоставляемых турфирмами в РБ».

В целом оценка качества услуг удовлетворительная, поскольку большинство участников анкетирования оценили услуги на три балла. Респонденты высоко оценили качество питания, менее всего довольны уровнем комфорта при переезде в предоставляемом транспорте и качеством развлечений на отдыхе. Видимо, респондентов не устраивают дороги, и, поскольку это одна из важнейших составляющих привлекательности отдыха, то, несомненно, данная проблема требует своего скорейшего разрешения.

Выводы и рекомендации:

1. Учитывая политику государства на укрепление и развитие семьи, можем рекомендовать развитие семейных форм отдыха, в частности учет специфики семейного отдыха при формировании программ туров и экскурсий, развития соответствующей запросу инфраструктуры.

2. Расширение возможности для рекламы турпродукта, в т.ч., активное задействование интернет-ресурсов, проведение открытых рекламных акций, планирование определенного количества социальных мест для привлечения менее активного и менее обеспеченного потребителя, который в свою очередь впоследствии.

В целом, оценка качества туристских услуг населением остается удовлетворительной. При этом, особое внимание следует обратить на обеспечение туров комфортабельным транспортом; особое внимание уделить разработке индивидуальных туров. Увеличение количества и качества культурно-развлекательных программ, представляемых туристам на территории РБ – одна из насущных задач, которую успешно могут решать выпускники нашего вуза.

УДК 614.213:379.85

С.Б. Будаева

ПАРТНЕРСТВО ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ И ТУРИЗМА В РАЗВИТИИ КУРОРТНОГО ДЕЛА БУРЯТИИ

THE PARTNERSHIP OF NATURAL HERITAGE AND TOURISM IN THE DEVELOPMENT OF RESORTS OF BURYATIA.

Аннотация. В статье рассматривается партнерство природного наследия и туризма в развитии курортного дела Бурятии. Природные лечебные ресурсы определяют развитие курортной индустрии, которая, в свою очередь, не может существовать в отрыве от туризма. В Бурятии действуют 2 крупных курорта «Горячинск» и «Аршан», предлагающие разнообразные курортные и рекреационные услуги, пользующихся спросом у жителей г. Улан-Удэ. Нами проанализированы результаты изучения потребностей горожан в курортном лечении и оздоровлении.

Annotation: The article considers the partnership of natural heritage and tourism in the development of resorts of Buryatia. Natural medicinal resources define the development of the resort industry which cannot be separated from tourism. There are two large resorts ("Goryachinsk" and "Arshan") in Buryatia which offer various resort and recreation services being in demand among the residents of Ulan-Ude town. The author analyzed the results of studying the needs of town-dwellers in resort treatment.

Ключевые слова: природные лечебные ресурсы, курорты «Аршан», «Горячинск», курортные услуги.

Keywords: natural medical resources, resorts "Arshan", "Goryachinsk", resort services.

Республика Бурятия богата природными лечебными ресурсами, определяющими развитие курортной индустрии. Курортом называется освоенная и используемая в лечебно-профилактических целях территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями и сооружениями [2]. Предприятия, расположенные в курортных местностях предлагают разнообразные санаторно-курортные услуги, которые являются частью туристско-рекреационных услуг. Туристско-рекреационная сфера является сложной системой, где на входе в данную систему находятся туристские и рекреационные ресурсы, а на выходе – услуги и другие блага. Социальное функционирование туристско-рекреационной сферы обусловлено потребностью людей в отдыхе, лечении, курортной реабилитации, воспроизводстве физических, эмоциональных и интеллектуальных сил. [3].

В настоящее время туристско-рекреационные услуги являются одними из наиболее перспективных направлений развития внутреннего туризма в Российской Федерации, в том числе и в Республике Бурятия. Услугами предприятий туристско-рекреационной сферы в основном пользуются в свободное, отпускное время, сочетая лечение с отдыхом, где главными лечебными и оздоровительными факторами являются природные: минеральные воды, грязи, климат, ландшафт. Находясь в сфере комплексного отдыха, санаторно-курортная отрасль не может существовать в отрыве от туризма, так как здесь заинтересовано большое число потребителей, пользующихся не только лечебно-оздоровительными, но и спортивными, анимационными и др. услугами [9].

В настоящее время в Бурятии действуют два крупных курорта: «Аршан» и «Горячинск», кроме них выделяются множество курортов муниципального значения, популярностью местных жителей пользуются так называемые «дикие» курорты, организованные на курортных местностях.

Курорт «Горячинск» является одним из старейших курортов Восточной Сибири, был открыт в 1810 году, рассчитан на 357 мест и имеет павильонную структуру [7]. Курорт обладает уникальным комплексом природных лечебных факторов: минеральная вода, сапропелевые грязи, целебный климат и живописная природа побережья Байкала. Солнечных дней больше, чем на курортах Черноморья, относительная влажность воздуха невысокая [8]. По биоклиматическим параметрам район курорта «Горячинск» относится к рекреационным местностям 1 ранга – особо благоприятных для рекреации и санаторно-курортного лечения [5].

В настоящее время курорт предлагает лечение заболеваний костно-мышечной системы, кожи, нервной системы, органов дыхания (включая

бронхиальную астму и хронический бронхит), а также гинекологических, андрологических и аллергических заболеваний. Санаторий предлагает различного рода лечебно-профилактические программы помимо базовых: разгрузочно-диетическая терапия (лечебное голодание), эндоэкологическая реабилитация организма по Левину, «Остеохондроз», «Мир массажа», «Антистресс», «Красота» и множество других [5].

Горячинская минеральная вода относится к группе азотно-кремнистых терм (температура на выходе 54,5 градуса). Несмотря на малое содержание микроэлементов, вода обладает выраженной биологической активностью и принимает активное участие в жизнедеятельности организма. Минеральная вода обладает противовоспалительным, спазмолитическим, десенсибилизирующим, желчегонным, обезболивающим действием. Следующим природным лечебным фактором являются сапропелевые грязи, они оказывают противовоспалительное, обезболивающее, спазмолитическое, улучшающее трофику и кровообращение.

На курорте действует и другой природный лечебный фактор: климат. Мягкая зима с обилием снега и теплое, умеренно дождливое лето позволяют круглогодично применять климатолечение. На берегу Байкала, в непосредственной близости от курорта, расположен огромный песчаный пляж, где летом можно принимать солнечные и воздушные ванны, совершать прогулки по песчаному пляжу, прогреваться нагретым песком. Зимой наиболее популярными занятиями отдыхающих являются прогулки на лыжах по лесу или Байкалу, катание на санках и коньках.

Кроме природных лечебных факторов в здравнице используются и преформированные лечебные факторы: предлагается аппаратное физиолечение, ингаляции, спелеотерапия, ароматерапия, лечебная физкультура, массаж, мониторное очищение кишечника, микроклизмы. В свободное время рекреанты могут пользоваться услугами клуба, бара, тира, совершить экскурсию по курорту и другим достопримечательностям, в том числе в Чивыркуйский залив, покататься на велосипеде, катамаране, катере по Байкалу.

Курорт «Аршан» является бальнеологическим, горноклиматическим курортом общей вместимостью 840 мест, включает в себя санатории «Саяны», «Аршан» и детский санаторно-оздоровительный лагерь круглогодичного действия «Эдельвейс» [6].

Основными природными лечебными факторами являются углекислые, маломинерализованные, кремнистые, сульфатно-гидрокарбонатно-магниево-кальциевые слабокислые термальные воды и сульфидные иловые грязи, которые высокоэффективно лечат заболевания

органов пищеварения, кровообращения, дыхания, мочевыделительной и эндокринной системы, обмена веществ.

В комплексном санаторно-курортном лечении используется питье минеральной воды «Аршан», бальнеотерапия (ванны, лечебные души, орошения), климатолечение, диетотерапия, физиотерапия, парафиноозокеритолечение, лечебная гимнастика, массаж, ингаляции, галотерапия, современные методы диагностики (ЭКГ, спирометрия, эндоскопия, внутриволновая РН-метрия, клиническая и биохимическая, бактериологическая лабораторная диагностика, реовазографические исследования) [4].

На курорте предлагаются различные косметологические услуги, иглорефлексотерапия, гидромассаж, аромафитотерапия, озонотерапия, гирудотерапия, кислородный коктейль, стоматология ортопедическая и терапевтическая и др. Работают специализированные круглогодичные отделения «Мать и дитя» (от 4 до 14 лет), реабилитации и долечивания больных, перенесших хирургическое лечение на органах пищеварения, долечивания больных сахарным диабетом и беременных женщин группы риска, разгрузочно-диетической терапии, а также проводится экологическая реабилитация по Левину [4]. Благоприятное влияние на лечение оказывают занятия в группах здоровья, в тренажерных залах, дозированная ходьба по живописным лесным терренкурам.

Кроме лечебных услуг отдыхающие имеют возможность пользоваться услугами бассейна, тренажерных залов, сауны, библиотеки с читальным залом, танцевальных и спортивных площадок, киноконцертного зала, музея «Истории курорта «Аршан»», пункта проката, кафе, ресторана [6].

Такое разнообразие уникальных природных лечебных факторов, большой спектр медицинских и дополнительных услуг на курортах Бурятии рождает спрос на курортный отдых у жителей Республики Бурятия.

Нами проведено исследование, которое позволяет оценить потребности современного населения г. Улан-Удэ Республики Бурятия в курортном отдыхе и оздоровлении. В столице проживают 40 % населения Бурятии [1]. Опрошены люди пенсионного возраста и трудоспособное население. В анкетировании всего приняли участие 430 человек: 310 респондентов находятся в трудоспособном возрасте (51% мужчин и 49% женщин: 37% человек работает в бюджетной сфере, 46% – коммерческой), 119 – люди старше трудоспособного возраста (72% женщин, 28 % мужчин). 53% человек из числа опрошенных имеют среднее общее образование, 29% среднее специальное, 15% имеют высшее образование, 3% – послевысшее специализированное образование. 29% респондентов являются специалистами, 26% домохозяйки, 17% безработные, 11% служащие, 9%

руководители, 2% рабочие, 2% учащиеся/студенты.

Как показывают результаты анкетирования, предпочтения в выборе места отдыха отданы курортам Аршан и Горячинск: в большинстве случаев люди трудоспособного возраста предпочитают курорт Аршан (39%), затем курорт Горячинск (32%), курорт Киран (8%), другие курорты (20%), люди старше трудоспособного возраста выбирают Горячинск (41,1%), что, видимо, связано с транспортной доступностью курорта, затем – Аршан (38,6%), Киран (14,2%), другие курорты (5,8%).

Основной целью посещения курортов для 35% людей трудоспособного возраста и для 43,1% пенсионеров стала потребность в лечении. Далее люди среднего возраста хотят комфорта (22%) и желают отойти от бытовых забот (18%). На втором месте у пенсионеров стоит возможность получить общие оздоровительные услуги (18,1%).

Все респонденты чаще всего посещают курорты каждый год (30%), примерно 20% отдыхают один раз в 2-3 года, около 10% – несколько раз в году, около 5% из числа опрошенных были только один раз, 3% – ни разу не были на курорте.

Что касается средней продолжительности отдыха, то почти 50% людей трудоспособного возраста на курорт приезжают на 2-3 дня (обычно выходные). Следует отметить, что такие семейные поездки выходного дня набирают популярность у жителей г. Улан-Удэ. У 33% респондентов составляет 7-10 дней, у 19% ответивших – 14-21 день. Средняя продолжительность такого отдыха у лиц старше трудоспособного возраста составляет 7-10 дней (61,3%), более 20% покупают «курсовки» до 21 дня, в выходные приезжают 16,8% опрошенных.

Информацию о курортах 67% людей трудоспособного возраста получают через Интернет, 18% узнают о курортах от друзей и родственников, 6% через телевидение, 6% через печатные издания. Пенсионеры узнают о курортах от родственников и друзей (62,1%), а также из средств массовой информации (печатные издания – 13,4%, телевидение – 10,9%, другие источники – 10,08%).

Приобретение путевок в основном происходит непосредственно в санаториях (30%). Почти четверть опрошенных покупают путевки в санаторно-курортном учреждении профсоюзов Республики Бурятия «Байкалкурорт». Не обходят вниманием жители г. Улан-Удэ и туристские фирмы (20% покупок).

Нам было интересно узнать, как проводят свободное время рекреанты. Жители г. Улан-Удэ на отдыхе предпочитают любоваться природой (12%), загорать и купаться (12%), вкусно покушать (11%), ходят в поход и на экскурсии (10%), знакомятся (8%), посещают дискотеки (7%), спят (7%), играют в настольные и активные игры (6%), рыбачат и охотятся

(6%), катаются на водных средствах (6%), читать (6%), ищут уединения (5%), занимаются с детьми (3%).

Несомненно, современные курорты должны стать местами не только лечения больных и людей, находящихся в состоянии предболезни, но и оздоровления здоровых. Поэтому необходимо развитие дополнительных услуг на санаторно-курортных предприятиях. 26% из числа трудоспособного населения необходимы дополнительными услугами называют экскурсионное бюро, 22% косметологический салон, 19% интернет WiFi, 11% бассейн, 9% считают нужным наличие кафе, 7% нуждаются в работе детской комнаты. Люди более старшего возраста предлагают организовать детскую игровую комнату (25,6%), построить бассейн (23,02%), кафе (19,07%). Многие считают необходимым проведение Интернета Wi-Fi (13,1%), создание экскурсионного бюро (11,2%), косметологического салона (9,8%).

Половина опрошенных людей трудоспособного возраста тратят на отдых сумму в пределах 2-3 тыс. рублей в сутки, 28% – около 500 рублей, 15% тратят сумму в пределах 1000 рублей, 8% – более 5000 рублей. У людей старше трудоспособного возраста несколько другая структура затрат. Половина пенсионеров могут позволить себе в сутки потратить на отдых 1000 руб., в пределах 2-3 тыс. рублей – 24,3%, около 500 рублей – 12,6%, более 5 тыс. руб. – 10,9%.

Более 90 % респондентов довольны своим отдыхом. Но, тем не менее, удовольствие от отдыха омрачается некультурным поведением отдыхающих (52,6%), большим скоплением людей (26,5%), неблагоприятной экологической обстановкой (13%), отсутствием комфортабельных условий (10,5%), транспортными проблемами (5,2%), высокой стоимостью услуг (5,2%).

Преимущественно пенсионеры отдыхают с семьей (47,8%) и реже – одни (26,8%), более молодые горожане предпочитают отдыхать с друзьями (46%), 43% – одни, 9% – с семьей.

Таким образом, природные лечебные ресурсы определяют развитие курортной индустрии, которая, в свою очередь, не может существовать в отрыве от туризма. Проведенное анкетирование жителей г. Улан-Удэ показало высокий спрос горожан на санаторно-курортные услуги.

Литература

1. Бурятстат. «Население республики Бурятия» // [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://90.188.52.103:8080/SITE/BUR1181/2012/im00840r.htm> (дата обращения: 02.09.2014)

2. Ветитнев А.М. Курортное дело : учеб. пособие / А.М. Ветитнев, Л.Б. Журавлева. – М. : КНОРУС, 2006. – 527 с.
3. Еделев Д. А. Особенности обеспечения конкурентоспособности рекреационно-туристской сферы / Д. А. Еделев // Современная научная мысль. - 2014. - № 1. - С. 141-147.
4. Курорт «Аршан» // БайкалКурорт [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://kurort.e-baikal.ru/> ([дата обращения: 05.09.2014](#))
5. Курорт «Горячинск» //БайкалКурорт. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://kurort.e-baikal.ru/>([дата обращения: 06.09.2014](#))
6. Курорт «Аршан» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://kurort-arshan.ru/>([дата обращения: 08.09.2014](#))
7. Курорт «Горячинск» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.gor03.ru/>([дата обращения: 08.09.2014](#))
8. Мункоев Ю.В. Курорты Бурятии. Минеральные целебные источники и здравницы Бурятии. / Ю.В. Мункоев, П.Л. Натаев // Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1978. – 120 с.
9. Хряков В.В. Социально-экономические аспекты функционирования и развития санаторно-оздоровительного комплекса //Социальная политика и социальное партнерство. 2007. № 12. - С. 27–31.

УДК 316.7

Н.Н. Рахлеева

СОВРЕМЕННАЯ ЯКУТИЯ В ОЖИДАНИЯХ И ВООБРАЖЕНИИ ПРИЕЗЖАЮЩИХ

EXPECTATIONS AND PHANTASIES OF NEWCOMERS ABOUT MODERN YAKUTIA

В статье рассмотрены проблемы противоречия воображаемых образов, стереотипных представлений о Севере. Показаны изменения общемирового характера, касающиеся любой локальной культуры. Предложены рекомендации преодоления возможных конфликтных ситуаций на основе приоритета почвенности. Охарактеризованы в целом тенденции этнического процесса. Рекомендованы пути преодоления конфликта воображаемых образов с обеих сторон, как приезжающих, так и местных жителей.

Ключевые слова: воображение, стереотипы, образы, ожидания, динамическое состояние

This article reviews the problems of contradictory images and stereotypes about the North. It shows the global changes, which has its influence

on any local culture. The article offers the ways to avoid potential conflicts by implementing the concept of "pochevnnost". General tendencies of ethnical process are characterized in the article. The article recommends the ways to avoid the conflict between imaginary expectations of both newcomers and local people.

Key words: imagination, stereotypes, images, expectations, dynamic state

В современном обществе после эпохи идеологии XX столетия наступила эра имиджа, сознательного выстраивания политики распространения определенного имиджа, что в целом знаменует тотальное наступление информационного общества. Якутия не исключение.

Современная Якутия тоже в поиске этого образа, который был бы привлекателен для туристов. Для человека незнакомого с Якутией, для — первооткрывателя” Якутия кажется интересной, прежде всего, как страна, в которой пока может быть сохранено первозданное Начало, Первоначальное и где сохраняется возможность приобщиться к его открытию. Лелея в себе подобные побуждения, человек отправляется в путь, который из любой точки мира представляет физически немалое расстояние. Преодоление физически большого пространства создает условие для несколько иного восприятия пространства и людей, а также себя самого. Во всю мощь подключается воображение. В течение долгого пути приезжающий заранее в воображении создает свой образ Севера, который, разумеется, будет отличаться от реальной картины.

В воображении человек уже расстается с привычными координатами, если даже предполагает короткую поездку, длительность самой поездки занимает всё его воображение, а для эмигрантов такое перемещение подобно библейскому сюжету поиска страны. Ведь с таким перемещением прошлое точно останется физически далеко от воображаемой точки, куда сейчас он устремлен. Напряжение чувств, возникшее в течение долгого пути, пока не будет снято, давая человеку возможность аккумулировать все свои возможности, тем самым, перейти в самое активное состояние. В таком состоянии человек ещё долго будет находиться в некой иллюзии чувств.

Обычно турист или даже бывший соотечественник сначала ищут ту картину, которую они заранее заготовили в воображении. При прибытии сюда турист или даже трудовой мигрант упорно не хотят заметить, что в неведомой им Якутии всё окружающее пространство, вещи, одежда, система питания, также повседневный распорядок жизни людей абсолютно не отличается от распорядка людей остального общества современного типа, с его ускорением и поглощением всего времени в пользу деловой активности. Возможно, такая иллюзия сохраняется из-за погруженности институтов образования во всем мире в исторические образы прошлого и особенности самого

человеческого сознания нахождения опоры исключительно в прошлом, нежели в текущем состоянии исторического процесса.

Для того чтобы увидеть своего современника, требуется немало усилий, легче оценить прошлое, чем настоящее. Именно по этой причине специфику Происходящего, Настоящего могли с большей точностью адекватно передать через художественные образы только поэты. В научной трактовке работы о современнике чаще публикуют социологи, политологи, нежели историки, что объяснимо предметным полем перечисленных наук, хотя их работы не всегда обращены к выявлению типа современника и тем более внутреннего мира, который настолько индивидуализирован в современном мире, что уловить какие-либо типические черты несколько проблематично.

Социологические труды выявляют наиболее характерные черты современного общества, которые человек на любой точке мира не может игнорировать или каким-то образом обойти общие линии, изолируя себя от остального мира. Российское общество, благодаря созданной в советское время на базе промышленной технологии, массовому образованию за относительно короткий срок перешагнула в постиндустриальное общество. Якутия пережила все моменты преобразований, которые произошли на всем протяжении общей истории страны.

Приезжающий человек считает себя заведомо более современным, предполагая в воображении, что он едет в страну с несколько примитивной культурой, где даже простое передвижение возможно на собаках и оленях. Прибывая в Якутск, он видит, вместо собак и оленей большое количество машин, людей с чисто азиатской северного типа внешностью, которых в других городах России увидеть практически невозможно. Все якуты предпочитают жить у себя, на родине.

Что касается уровня образования, то, как замечают нередко иностранные специалисты, по количеству людей с высшим образованием Якутия находится явно не на последнем месте среди субъектов РФ. Для нации, которая была приобщена к научной деятельности относительно недавно, успехи в любой отрасли науки приятно удивляют. В области медицины, биологии, ветеринарии, ядерной физики, космофизики, математики, геологии есть достойные представители народа саха, созданы региональные школы по перечисленным отраслям науки. Есть уникальные институты мерзлотоведения, центры изучения языков и культур коренных народов Якутии, где депонированы поколениями нескольких ученых фонды, которых нет нигде в мире. Якуты, благодаря всеобщему образованию, смогли интегрироваться во все отрасли науки и современных технологий.

Некоторые пытаются упрекнуть якутов, что их процент был меньше всего представлен в добывающей промышленности, что не совсем верно. Якуты с самого начала зарождения промышленности были втянуты в этот

процесс модернизации экономики уже с Нового времени. Нужно заметить, что сама добывающая промышленность, начиная с конца XX столетия с развитием технологии, переходит на малое количество рабочих, без их локальной концентрации. В условиях замены людей станками, машинами, использования в производстве современной, высокотехнологичной тяжелой техники позволило обходиться небольшим количеством рабочих в каждом производственном цехе. Другое дело, что к этому времени произошла смена поколений не только в среде рабочих, пришло уже послевоенное поколение, живущее в городах, более прагматичное в своих притязаниях, без романтического настроения, с готовностью именно заработать, а не работать за идеалы, за «бесплатно».

Настроенные на высокие заработки трудовые мигранты пытались сохранить к этому времени уже высокооплачиваемые рабочие места для «своих», росла внутриотраслевая корпоративность в наиболее доходных отраслях, отсеивающая «чужих». Как раз массовое отстранение якутов от участия в промышленном освоении явление позднее, когда вливались в эти отрасли промышленности большие деньги от нефтяной трубы брежневского периода. В то время из-за малого количества городских жителей у самого якутского населения пока не наблюдалась ненасытность потребления, характерная для жителей городов индустриального общества. Только в последнее время у якутов растет число городских жителей, соответственно растет спектр потребления, высока потребность в устойчивом вливании в бюджет семьи денежных средств. Наблюдается определенная конкуренция уже среди местного населения из-за наиболее оплачиваемых рабочих мест в такие компании как —Амазы Анабара». С доходами растет и дифференциация социальной стратификации по сравнению с последними годами 20 столетия, когда якуты в основном жили в сельской местности, даже имея городские специальности. В то время было много якутов, закончивших самые престижные вузы, получившие редкие специальности, которые могли быть реализованы только в городе.

Традиция видения своего земного пространства исключительно в пределах своей исконной территории была и остается наиболее устойчивой формой проявления в этническом менталитете якутов. По этой причине причудливо сочетались в портрете якута конца XX века с одной стороны высокая теоретическая подготовленность в образовательном плане к реализации любых городских профессий, в том числе редких, а с другой стороны, нежелание расставаться с деревенским бытом. В итоге в обыкновенных сельских школах 70-80 годов Якутии могли встречаться преподаватели самых редких специальностей как химик, специализировавшийся в вузе по гелию, инженер летательных аппаратов, закончивший престижную академию. Среди них выпускники мехмата МГУ и Новосибирского, Томского университетов, удив-

лявшие своих сокурсников математическим талантом, а в рамках тогдашней советской партийной школы, дававшие такие уроки, которые могли быть образцом профессиональной чести и самое главное творческого подхода. Тем не менее, специалисты с очень хорошей фундаментальной базой знаний казались вынужденно залетевшими птицами в школах и как будто ожидали своего часа, чтоб только её покинуть при первой возможности, так и случилось.

Как только рухнул СССР, они скопом ушли из школы. Школа с его довольно ограничивающей человека системой не могла их удержать, когда в 90-годы открылись шлюзы, до сих пор закрытые. Уходя из школы, эти люди реализовали себя в дальнейшем в других сферах, дававших больше свободы личной и общественной, в которой они так нуждались в течение долгого времени. Хотя и сегодня в селах Якутии можно встретить чудных людей, которые сочетают в себе умения прагматичного крестьянина с умением очень далеким с этой областью приложения. Например, в якутском селе живет человек, который превосходно переводит поэмы с французского языка, имеет домашнюю библиотеку с 5 тысячами книг на иностранных языках, редко можно встретить дояра, который по вечерам читает Шекспира на оригинале, хотя тип такого человека не такой уж редкий среди якутов.

Желание развить в себе способности, умения вне непосредственной профессиональной деятельности у якутов наиболее сильно выражено. Если способность к ремеслам сдерживалась, не всегда должным образом поддерживалась со стороны советского государства, то, как только сам рынок начал нуждаться в ручных изделиях, якутское кузнечество, ювелирное искусство, песенное творчество, национальное шитье скоро возродились. Ни один этнос мира не может в современном мире, несмотря даже на искусственную изоляцию, сохранить в себе традиционный быт в неизменном виде. Три великих потрясения испытали все человеческие общества. Во-первых, изобретение письменности, когда общество способно было передать в свернутом виде на любое расстояние сведения; во-вторых, книгопечатание, когда прошлое представлено было более в детализированном виде и любое достижение при печатании книги имело глобальное воздействие; в-третьих, в конце Нового времени инженерные технологии, изменившие мир основательно. Эти изменения коснулись и якутского общества. Теперь в портрете современного якута причудливо сочетаются традиции как мировоззренческие, так и прагматические агрария Севера, с умением и знанием человека, освоившего путем передачи информации через образовательные технологии, все достижения техногенного общества. В изучении социального процесса обыкновенно срез исследователи делают на анализе социальной стратификации современного общества, что, конечно, является методологическим источником

для видения кардинальных изменений, произошедших в ходе исторического процесса в нашей стране в целом.

Структура современного общества кардинально изменилась, что требует специальных исследований. В последнее время и в России появились фундаментальные исследования в результате наблюдения состояния современного общества. К примеру, работа Кумпен Александра Андреевича — «Классовая структура современного российского общества» представляет собой труд, в котором можно найти выверенный анализ современного общества России, к общей истории которой относится и Якутия, в историко-про странственном отношении, как её органическая часть. Автор, успешно используя терминологический аппарат старой социологической школы, выявил тенденции современного российского общества. Историю изучения современного общества он рассматривает с работ американских исследователей [1].

Историки российской школы из-за давления идеологии довольно долгое время писали в рамках сугубо социологических теорий, но зато в этой методологии они преуспели, их аргументации требовали работы с большим количеством социальных фактов, анализа архивных материалов, огромный пласт письменных источников, в основном документов общественного назначения, были подвергнуты самому тщательному рассмотрению. Тем не менее, когда речь идет о современности, историку чуть труднее, нежели культурологу или этнографу, часть которых предпочитают ныне именовать себя культурологами.

В исследованиях современности общие оценки и прогнозы обычно берут на свою ответственность социологи и политологи. Высказанное в свое время мнение Гуревич А.Я. по поводу необходимого перехода от усеченного только в социальном аспекте видения к рассмотрению наиболее глубинному, звучит и теперь актуально. Гуревич справедливо заметил, что и у нас в 60-годы был сделан прорыв в области гуманитарного знания, когда выросла блестящая школа семиотики, а изучение современного общества как раз требует того, на что указывает Гуревич: «Нюансы проблемы ментальностей в историческом исследовании возвращает нас из химерического мира политико-экономических и социологических абстракций к «забытому» предмету истории — к человеку как живому социальному существу, служит заслоном против вульгаризации и дегуманизации истории» [2, С. 88].

Современное состояние общества требует пристального внимания исследователей. На сегодняшний день общие тенденции изменений общества наукой схвачены, проведены серьезные исследования. Стереотипные образы о жителях Севера прочно закрепились в воображении. Авторы, субъективно полагаясь стремлением к объективности, в самом деле, могут потакать коллективистскому мнению, общим предпочтениям. В современном

мире этносы находятся, благодаря современным транспортным средствам, в одном эстетическом мировоззренческом пространстве, которое и представляет современная культура индустриального и постиндустриального общества.

Ученье эту великую трансформацию, произошедшую в мире со всеми этносами, не всегда желают даже исследователи, возможно, из-за желания сохранения внутренних границ, которые человек Запада и Востока заранее чертит в голове. Авторы и сегодня не свободны от некоторого отчуждения, намеренного нахождения в наблюдении людей Севера черты человека незатронутого влиянию мира технических новшеств, что абсолютно не соответствует действительности. Если техническое новшество тотально по планетарному охвату как радио, телевидение, мобильная связь, то оно абсолютно одинаково по степени своего воздействия. Чем позднее оно по историческому времени появления, тем следов указывающих на какое-либо специфическое воздействие в культуре и обнаружено не может быть.

Особенно в распространенном уже во всем мире таком новшестве как мобильный телефон, которым обзавелись все люди планеты совсем недавно. Также видеть в том же телевидении, которое якобы может нести какое-то различие и другую форму воздействия в зависимости от базисной культуры проглядывается тоже некая изначальная внутренняя удаленность исследователя. Техническое средство везде выполняет универсальную функцию, технические средства тем хороши, что они предлагают только функции и ничего больше. В том, что мобильный телефон используется человеком в тундре или переполненном мегаполисе в функции использования ничего отличительного нет. В обоих случаях мобильная связь осуществляет постоянный контакт с родными, оперативное получение информации и не может иметь особого отличия в непосредственном влиянии на чувства. Ведь именно качество всеобщего применения технических средств есть залог их распространения по всему миру. В связи с этим сравнивать разговор по мобильной связи с возможностью виртуальной связи шамана, кажется, не совсем удачное сравнение [3, С. 9]. Точно также телевидение и реакция северного жителя и любого другого жителя, как в Бразилии, так и Швейцарии будут одинаковыми по той причине, что сериалы рассчитаны на реакции самых общих человеческих установок как реакция на справедливость, поиск правды, материнство и так далее. Искать в феномене распространения телевидения какие-то специфические проявления у того или этноса, абсолютно отличающиеся от других культур, что попытался сделать у ханты Золтан Надь не совсем верно [4]. К появлению телевидения все этносы уже были приобщены к радиовещанию и письменному тексту, а текст пусть и визуальный, как и живой полнотекстовый, озвученный абсолютно одинаков по своему воздействию для человека любой культуры. Театр, кино, телевидение универ-

сальны по своему воздействию. В результате всеобщего охвата ими создаются условия для повсеместного вступления в свои права эры массовой обесличенной унифицированной культуры.

Также сам характер труда резко изменился в постиндустриальном мире. Например, на глаз изменился быт сельских жителей, пока мы их измеряем старыми мерками, сельчане уже вышли из неё. Появилась с приобретением техники возможность замены совместного труда целого клана на общий труд отдельной семьи и нового распределения трудовых функций. В современной Якутии актуальны проблемы занятости, распределения доходов, а также как и по всей России, наблюдается некий перекос в сторону доминирования чиновничества. Хотя надо отдать должное якутским чиновникам, они пытаются быть, как они выражаются, ближе к народу, пусть этот «народ» иногда представляет фигурально уже одного человека в соотношении к десяти чиновникам. Доминирование функционера - общероссийская тенденция. Несмотря на радужные проекты современных ударныхстроек, возрождаемых по принципу забытого прошлого, что принципиально противоречит ментальности современных россиян, вложение рабочих рук в них не так уж и беспредельно. Проведение политики покорения или освоения, пытаюсь использовать энтузиазм людей или то самое приподнятое состояние, питаемое нарисованными возможностями в Якутии не совсем ответственное мероприятие. Во-первых, территория Якутии состоит в основном из тундры и ледяных гор, лесотундры, где любая производственная деятельность для самого человека и природы представляет большой риск. Думаю уже давно прошли времена — «ра патриотизма», когда можно было в пользу государства эксплуатировать энтузиазм множества людей. В любом уголке России, прежде всего, нужно вкладывать средства в местное население, подобная здоровая — «пчвенность» есть единственный путь возрождения России. Местный человек — это связь с землей, он представляет собой местные ремесла, промыслы, в него с детства заложено трепетное отношение к Природе, в конце концов, местный человек это базовая основа как материальной, так и духовной культуры любого региона.

Якутский носитель и потребитель традиций современного общества не желает быть утерянным в однообразии бытия. Ради справедливости надо отметить, что якуты в отличие от многих этносов России пытаются возродить эти традиции, есть положительный опыт возрождения народных ремесел, этнического стиля в пении, в шитье, в праздновании, в педагогике, в охотничьем промысле. Уделяется внимание к такой проблеме как сохранение языка, хотя не всегда оно сознательно соблюдается. В этническом процессе прослеживаются все последние изменения как положительного, так отрицательного свойства. В целом, этнический портрет современных якутов дробный, но все-таки, до сих пор сохраняются те образы, которые и создают

общую этническую картину. Правильная оценка изменений как социального, так и ментального характера, разумеется, нужна любому обществу, якутскому тем более, как более локальному и в численном отношении малому сообществу. Особенно оно важно для самой Якутии, где якуты являются основным коренным населением, которое мы можем сравнить с почвой, которую в любом месте надо пытаться сохранить, чтобы территория была живой, сохраняющей тонкую связь человека и Природы.

Список литературы

1. *Кумпен А. А.* Автореферат «Классовая структура современного российского общества» СПб, 2010 // [Электронный текст] Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/klassovaya-struktura-sovremennogo-gossiiskogo-obshchestva#ixzz2zxyWKfSo> Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat
2. *Гуревич А. Я.* Проблема ментальностей в современной историографии А. Я. Гуревич // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989, с.75-89
3. *Штамлер Флориан М.* Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: революция в тундре? - С.9 // Этнографическое обозрение. -№ 2.-2013.-С.6-23
4. *Золтан Н.* Телевидение и проблемы интерпретации культурных явлений у васюганских хантов. - Там же. - С.24-36

УДК 930.85:641:719

Stefano Cobello

IL VALORE E LA CULTURA E TRADIZIONI CULINARIE NEL MONDO DELLA GLOBALIZZAZIONE

Nell'iniziare a descrivere questo immenso mondo della cultura e delle tradizioni, che caratterizza sia l'Italia che altri Paesi d'Europa, ho raccolto del materiale sulle principali risorse culturali locali come risposta diretta ad una globalizzazione alimentare e omologazione dell'individuo moderno.

Le tradizioni locali hanno caratterizzato tutta l'Italia e il suo sviluppo culturale ed oggi sono l'elemento sociale che sta maggiormente contrastando l'omologazione alimentare proposta dai fast food e dagli OGM.

Ho quindi cercato di evidenziare alcuni aspetti sociali, economici e culturali che stanno alla base di queste realtà e che in Italia prendono il nome di sagre gastronomiche.

La regione da cui provengo è una fra le più ricche di feste popolari e sagre alimentari del mio paese e per alcune caratteristiche la più interessante per

il mondo della Siberia, poiché entrambe sono aree estremamente agricole di pianura. Il Veneto

Il termine sagra ha origine latina, di derivazione dall'aggettivo *sacrum* ("**sacro**"). Similarmente, l'origine del termine *fešta* è latina: viene da *festum* ("ricorrenza sacra", al plurale *fešta*), che appartiene allo stesso ceppo semantico di *ferie*. ("tempo festivo").

La sagra si connota infatti innanzitutto per la dimensione religiosa; le sagre erano innanzitutto dei momenti di comunione tra uomini e sacro.

Le feste popolari dell'antichità venivano celebrate davanti ai templi o, in epoca cristiana, alle chiese (da cui deriva il termine **sagrato** delle chiese). I vari momenti dell'anno (l'inverno, la primavera, la mietitura, la vendemmia) venivano celebrati con feste religiose, ad esempio, per ringraziare la divinità o per propiziarsi la bella stagione. Durante le feste dell'antichità venivano spesso effettuati **sacrifici animali**, oppure offerte di prodotti della terra, che venivano poi consumati dalla comunità intera. Questo rito simbolico originario rimane come traccia anche oggi nelle diverse sagre gastronomiche che ruotano attorno ad un piatto tradizionale regionale o locale.

Le Sagre o feste popolari hanno rivestono ancor oggi una notevole importanza sotto i seguenti aspetti:

- culturale
- turistico
- sociale
- tradizionale
- ed economico

Infatti si tratta di eventi estremamente particolari e diffusissimi, se ne contano 52.000 in Italia in tutte le stagioni, che portano un movimento di persone e turismo pari a quello religioso.

Gli enti organizzatori sono generalmente associazioni di volontariato e sociali che oltre ad unire la popolazione e perpetuare una sana tradizione locale raccolgono soldi per altre persone bisognose od opere di interesse pubblico: acquisto autoambulanze ecc.

Sono diffusissime e sono l'attrattiva sociale che maggiormente affascina i turisti stranieri poiché li trasporta direttamente nella cultura locale e ne fa apprezzare le diversità. Da qualche anno anche le comunità di immigrati si sono

organizzare realizzano le loro feste alimentari, una di queste è la Festa dei popoli che ormai è diffusissima e si contano centinaia di edizioni in tutta Italia.

Nella mia breve ricerca quindi affronterò i temi sopra descritti e li svilupperò nella descrizione di alcune fra le feste veronesi e venete maggiormente diffuse.

Valore culturale:

Queste feste in cui l'elemento principale è il mangiare non rappresentano solo un momento di svago o di socializzazione ma di vera e propria cultura del mangiare, dove si apprezzano le specialità e soprattutto dove le ricette e la qualità del mangiare sono gli elementi principali. Le ricette sono sempre le stesse, gli alimenti sono quelli locali e spesso sono biologici. Negli ultimi anni è stato introdotto un elemento innovativo, l'utilizzo di alimenti a chilometro zero, ovvero alimenti certificati la cui provenienza non solo è locale ma se ne conosce l'azienda i titolari e le modalità di produzione. Un esempio tipico di questo valore culturale è la sagra del Riso di Isola della Scala.

La località di Isola della Scala ormai è rinomata in Europa e nel mondo per essere la patria del "risotto all'isolana". Ma questo risotto è la risultante di una storia che ha avuto tre specifici passaggi, che non si sono cancellati l'un l'altro, ma che hanno portato a tre ricette ben distinte.

La **prima versione** risale al diciottesimo secolo, quando il riso veniva coltivato, raccolto e lavorato nelle pile. La **pila** era la struttura in cui erano presenti i macchinari che tramite i **pestelli** andavano a 'raffinare' il riso raccolto dalle mondine. Le persone che lavoravano nella pila e che erano quindi addetti alla '**pilatatura**' erano chiamati comunemente '**piloti**', che erano alle dipendenze dei **proprietari terrieri**, proprietari quindi anche delle pile.

In queste strutture solitamente trovava posto, al piano superiore, una **zona di riposo per i lavoratori**. In tale zona era presente anche un **camino**, per scaldare il locale nei periodi più freddi. Durante il periodo invernale, i proprietari terrieri erano soliti uccidere i maiali e regalavano ai lavoratori quelle parti che loro non mangiavano, gli scarti.

Tra questi scarti vi era il **lardo**, molto grasso e venato di magro. Questo veniva utilizzato dai piloti per preparare il **battuto** che poi univano al burro, prodotto dalle donne scremando il latte, ad un po' di cipolline ed una punta di pomodoro per dare un colore rosato al tutto. Tenevano per loro anche un po' di riso, prelevato durante la lavorazione incessante al piano inferiore. Cuocevano il riso in un paiolo di rame sopra alle braci del camino e quando era pronto lo condividevano con il sugo precedentemente preparato. Dato che solitamente non avevano molto tempo per cucinare e modi per conservare gli ingredienti freschi, cuocevano riso in abbondanza e la parte che poi non andava mangiata, veniva **compattata** sulla **panara** (tavola di legno) e battuta per tenerla **alta due dita**. Veniva quindi lasciata riposare.

Il giorno successivo, quando il lardo raffreddandosi andava a legare il tutto, lo tagliavano a fette e lo abbrustolivano sulle graticole sul camino, come si fa con la polente. Questa, sia nella versione consumata appena cotta, che nella versione riscaldata il giorno dopo, è la tradizione del '**risotto alla pilota**', che al giorno d'oggi si trova eventualmente solo nella versione 'fresca'.

Quando successivamente è iniziato l'**esodo dei proprietari terrieri** dai campi alle città, dovuto anche a causa di momenti altalenanti nella produzione del riso, **le pile venivano cedute** dai proprietari ai piloti, che, oltre alla pila, solitamente ottenevano anche un po' di terreno in cui venivano allevati degli animali (vacche e maiali). Essendo quindi i piloti proprietari anche del bestiame, non erano più vincolati all'uso del lardo (o del solo lardo). Quando **macellavano il maiale**, macinavano la carne che poi veniva lavorata con sale, pepe ed aglio per fare i salami. Parte di questo impasto lo tenevano da parte per poi utilizzarlo ne condimento del riso. Durante la **lavorazione**, che **avveniva in gruppo** per non far deteriorare la carne fresca, erano soliti verificare in modo incrociato la salatura, chiedendosi l'un l'altro di assaggiare l'impasto per verificare che non fosse troppo salato... **"tasta el sal"** (assaggia il sale) . E' questa l'origine della seconda ricetta: il **'risotto al tastasal'**.

Si arriva quindi a tempi più moderni in cui, con la nascita della **"Fiera del Riso"** nel 1967, si è voluto **"formalizzare" la ricetta**, rendendola però più **leggera e digeribile**, perché fosse più adatta ai nuovi gusti della gente. Per far questo il macinato lavorato di maiale è stato sostituito da un macinato composto per metà da carne di maiale e per l'altra metà da carne di vitellone, non più lavorata ma fresca. Era nato quindi il **'risotto all'isolana'**.

Da questa breve descrizione si capisce quanta importanza rivesta l'alimentazione nella cultura locale e come questa sia un fattore turistico importantissimo per tutta l'economia della zona.

Dal 15 Settembre al 10 Ottobre si aspettano 500.000 visitatori e 380.000 risotti cucinati in 100 modi diversi. In 40 anni è diventata la più importante manifestazione sul riso di tutto il Paese.

Cultura locale, cultura vera dei contadini. Cultura che rifiuta gli OGM e i prodotti chimici.

In questo modo si incentiva il turismo, l'economia alberghiera e ristorativa, si valorizzano le zone anche organizzando attività parallele, quali concorsi, mostre, concerti, balli ed altro.

La festa del Radicchio rosso che ogni anno a febbraio si tiene in provincia di Verona è un esempio di socializzazione e di valorizzazione delle caratteristiche del territorio:

STORIA

A Verona la coltivazione del radicchio iniziò ai primi del 1900 nelle zone di Avesa, di Quinzano e nella Valpolicella. La semina avveniva lungo gli interfilari delle viti o delle piante da frutto o seguiva il frumento; il prodotto era chiamato "cicoria rossa".

Una foto dal passato di Casaleone

La coltivazione si specializzò maggiormente con l'introduzione della tecnica dell' "imbianchimento", importata in Italia alla fine del XVIII secolo dal belga Francesco Van Den Borre. I radicchi si collocavano a mazzi in buche scavate direttamente nei letamai, la pulitura veniva fatta nel "caldo" interno delle stalle e il prodotto, pulito dalle foglie esterne, veniva offerto al mercato con il nome di "zermoi" (un germoglio che sbocciava sulla tavola dei veronesi durante l'inverno).

Dopo l'ultimo conflitto mondiale, iniziava la coltivazione estensiva del Radicchio "Rosso di Verona" per i mercati nazionali e per l'esportazione. Si adottarono nuovi incroci fra l'originario radicchio e una selezione di "Rosso di Treviso" per avere piante più contenute in altezza, di forma meno affusolata rispetto all'originale radicchio trevigiano, con grumolo pieno e molto affusolato.

L'oro rosso di Casaleone nel suo habitat naturale!

La coltivazione del radicchio si estese soprattutto nella pianura veronese nelle zone del colognese, di Legnago, di Casaleone, fino a Isola della Scala.

Questi sono solo due piccoli esempi di altre centinaia che solo nella provincia di Verona animano l'economia locale e che rappresentano una difesa naturale, sociale, culturale contro l'omologazione derivata dai fast food e da modelli di stile alimentare che tendono a cancellare il valore di secoli di storia, tradizioni e origini della popolazioni contadine.

УДК 658.6:379.85

Д.М. Темников

ОБЪЕКТЫ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE ACCOMMODATION FACILITIES ON THE EAST COAST OF LAKE BAIKAL PROBLEMS AND PROSPECTS

В данной статье рассказывается об основных особенностях организации отдыха на турбазах расположенных на восточном побережье озера Байкал, проблемах с которыми сталкиваются владельцы турбаз и гостевых домов при приеме туристов, а так же о перспективах развития данного вида отдыха.

This article describes the main features of the organization of holiday camps located on the Eastern coast of lake Baikal, the problems faced by the owners of lodges and guest houses for the reception of tourists, as well as on the prospects of development of this type of recreation.

В настоящее время одним из приоритетных направлений является развитие туристско-рекреационного комплекса на Байкале. Его развитие может стать важным альтернативным хозяйственным направлением в экономике Байкальского региона, обеспечить более высокую эффективность его развития, способствовать решению накопившихся здесь социальных проблем.

Туризм - одна из крупнейших, динамично развивающихся отраслей мирового хозяйства. На сферу туризма приходится около 7% суммарных капитальных вложений, каждое 16-е рабочее место, 11% мировых потребительских расходов и 5% всех налоговых поступлений. В большинстве стран, где активно развивается сфера туризма, государство оказывает ей существенную поддержку в виде прямых инвестиций, направленных на формирование объектов инфраструктуры, налоговые и таможенные льготы, стимулирующие приток инвестиций для расширения внутреннего и въездного туризма [\[1\]](#).

Байкальский регион обладает богатейшим, уникальным потенциалом и представляет исключительно ценную территорию в рекреационном отношении для развития внутреннего и въездного туризма.

Особое достоинство Байкальского региона - большое количество термальных и минеральных источников, своеобразный микроклимат побережья озера Байкал, который оказывает лечебное воздействие на организм отдыхающих, а так же природно-климатические и эстетические факторы.

Уникальные исторические и природные памятники, большие охотничьи угодья позволяют развивать познавательный, экологический и спортивный туризм. На побережье Байкала функционирует широко известный курорт «Горячинск», а так же большое количество турбаз и гостевых домов.

Но для того, чтобы туризм развивался и приносил доход, необходимы приемлемые условия для размещения растущего потока туристов, как из-за рубежа, так и России.

В настоящее время основные условия для размещения туристов на побережье озера Байкал это турбазы и гостевые дома.

Туристская база – комплекс [сооружений](#) для размещения, питания и культурно-бытового время проведения [туристов](#). Турбазы создаются для приема туристов, занимающихся [активным отдыхом](#) и совершающими различные [походы](#): пешеходные, горные, водные, лыжные, велосипедные, [конные](#). Туристские базы принимают участие в организации походов, знакомят туристов с местными достопримечательностями, предоставляют условия для подготовки туристов-разрядников. Туристские базы бывают сезонные (летние или зимние) и круглогодичные.

В отдаленных районах активно функционирующие турбазы являются экономически значимыми объектами, создающими рабочие места для малочисленного местного населения [\[2\]](#).

В отличие от турбазы гостевой дом обладает набором параметров, которые делают условия проживания в нем приближенными к домашним.

Как правило, гостевой дом является частным [домовладением](#), владелец которого сдает его в аренду целиком или отдельно каждую комнату. Как правило, сам владелец и его семья проживают в том же доме, но на отдельном этаже или в отдельной его части. Предоставляя те или иные услуги, владелец гостевого дома действует по своему усмотрению и неподконтролен многим государственным структурам, которым подконтрольны турбазы или гостиницы. В этом есть свои положительные и отрицательные моменты.

Этажность и площадь гостевых домов, а также количество комнат и номеров никак не регламентируется. Но, в основном, это двух- или

трехэтажные здания, общей площадью около 400 м² и количеством комнат порядка 20-30. Территория гостевого дома всегда довольно мала, так как основную ее часть занимает само домовладение.

Понятие «гостевые дома» на Байкале появилось сравнительно недавно, в период с 1990 по 2000 годы. Главная цель, которую преследуют владельцы сдаваемого в аренду жилья - это получение прибыли за счет минимизации затрат, как на содержание самого домовладения, так и на обслуживание его постояльцев. Статус гостевого дома не требует применения по отношению к домовладению норм и правил, распространяющихся на гостиницы. Так, например, не требуется присваивать и согласовывать с контролирующими органами гостиничный класс (звездность), не прописаны санитарно-эпидемиологические нормы, налоговые платежи гостевых домов производятся по меньшим ставкам по сравнению с турбазами и гостиницами.

Постояльцами гостевых домов на побережье озера Байкал обычно являются люди, приезжающие на отдых. Отдых в них недорогой, но требует большей самостоятельности, чем отдых на турбазах или в гостиницах. В последнее время уровень сервиса и перечень предоставляемых услуг в гостевых домах весьма вырос и расширился. А по мебелировке и оснащенности номеров бытовой техникой они зачастую превосходят многие турбазы. Это стало возможным из-за того, что для функционирования гостевого дома не требуется много персонала, нет больших налоговых отчислений. Следовательно, возрастает чистая прибыль, которую владельцы используют на то, чтобы их дом имел более respectable вид, чем у ближайших конкурентов.

Для того чтобы на всех турбазах озера Байкала, были комфортные для городского человека условия, нужны колоссальные затраты.

Необходимо понимать, что при постройке, эксплуатации той или иной турбазы на Байкале, требуется много вложений, терпения и самообладания. Не каждый человек сможет пройти все инстанции, которые каждый год проверяют на наличие легальности ведения бизнеса в части отдыха и размещения на особо охраняемой территории.

СЭС, природоохранные органы, налоговая, прокуратура и т.п., а также затраты на энергоресурсы, аренду земли, вывоз мусора, обновление номерного фонда, хозяйственных построек и прочих необходимых вещей на турбазе все это обратная сторона организации отдыха на Байкале.

Для того, чтобы построить турбазу на побережье Байкала с номерами в которых должна быть холодная и горячая вода, душ, телевизор, холодильник а так же кафе с качественной едой нужна поддержка малого и среднего бизнеса от Правительства республики Бурятия, а не постоянные преграды к его нормальному ведению.

Не все турбазы на Байкале до сих пор имеют постоянный свет, многие работают на дизель-генераторах, не все турбазы имеют нормальный водопровод, в который может поступать вода из скважины, не все турбазы по этой причине могут обеспечить круглогодичный цикл отопления, обеспечения горячей и холодной водой для проживания туристов.

Многие дороги на Байкал, не имеют асфальтового покрытия, а если имеют, то желают оставлять лучшего... Все это мешает нормальному развитию туризма на Байкале.

Тем не менее, постепенно с каждым годом каждая турбаза на восточном побережье озера Байкал, как и по всему его побережью, старается улучшить условия для приема туристов, увеличивая количество дополнительных услуг, таких как прокат гидроциклов, квадрациклов, велосипедов, установка водных аттракционы, аренда катера, теплохода и т.д..

Альтернативный отдых на Байкале это отдых на теплоходе, который позволяет за несколько дней побывать в наиболее интересных местах Священного озера.

Сегодня в числе отдыхающих на турбазах Байкала доминируют зарубежные гости, это туристы из Китая, Германии, США. Наибольшая доля въездного туризма приходится на граждан Китая, Монголии, из развитых стран - США, Германии, Японии. По расчетам специалистов, к 2020 году из 15 млн. азиатских туристов, прибывающих в Россию, 10% предпочтут посетить Байкал. Среди отечественных туристов доминирующее положение будут занимать представители регионов с высоким уровнем дохода, прежде всего москвичи. Иностранцев и российских туристов на Байкал и в его регион притягивают, прежде всего, возможность совершить путешествие, как по самому озеру, так и по сибирской тайге. Для обслуживания возрастающего туристского потока потребность в номерах в районе озера Байкал, составит до 150 тыс. мест, из которых на восточное побережье будет приходиться до 100 тыс. мест. [3]

В связи с ростом потока туристов и все возрастающим числом желающих посетить Байкал остро ощущается нехватка средств размещения, особенно гостиниц высокого класса. Практически все турбазы, рассчитаны на обслуживание туристов только в летний период, который составляет лишь два месяца в году, поэтому цены на размещение очень высокие. Владельцы стараются окупить простой турбазы в межсезонье. Сейчас отдых на Байкале имеет минимум удобств. В летний период чаще всего предлагается проживание в неблагоустроенных домиках или полублагоустроенных номерах с удобствами на этаже и только 10% относится к классу «люкс». В этих условиях туристы лишены привычных, порою даже элементарных удобств.

В настоящее время продолжительность пребывания иностранцев на Байкале составляет, как правило, несколько дней при одновременном посещении трех-четырех мест. Группы обычно состоят из 8-10 человек, что обусловлено передвижением на более удобных для этого микроавтобусах и ограниченностью мест на турбазах. К тому же туристы зачастую предпочитают посетить за один тур различные места с двумя-тремя ночевками на каждом месте. Возможно, такая тенденция сохранится и в будущем. Более длительное пребывание в одном месте может быть связано с охотой, рыбалкой, занятиями горнолыжным спортом или лечением на минеральных, в том числе и термальных, источниках. Однако в ближайшие несколько лет европейцев и американцев, желающих посетить байкальский регион, будут интересовать, скорее всего, краткосрочные туры продолжительностью 3-5 дней. Сейчас чаще всего маршрут их начинается с прилета в Монголию, затем туристы автотранспортом прибывают на Байкал, а оттуда выезжают в Китай.

По ценовым характеристикам уже сегодня отдых на Байкале относится к разряду дорогого. Турбазы высокого класса на восточном побережье Байкала практически отсутствуют. Средняя стоимость одного места в стандартном двухместном номере с удобствами, включая 3-х разовое питание, составляет 50-60 долларов США в сутки. Двухместный номер в элитных комплексах в Гремячинске, Горячинске и Энхалуке с 3-х разовым питанием стоит 200-250 долларов в сутки. Как правило, иностранные туристы размещаются в недорогих гостевых домах. Отсутствие удобств компенсируется красивыми видами и экзотикой приключений.

Между тем, при принятии европейцами или американцами решения о поездке на побережье озера Байкал центральным вопросом является уровень цен на предоставляемые гостиничные услуги. При этом индикатором являются цены на гостиницы в Пекине, Шанхае, Гонконге, Сингапуре. Так, в Пекине цены колеблются от 70 долларов за двухместный номер с завтраками в отеле 4*.

Несмотря на то, что специалисты предсказывают в ближайшие десятилетия туристский бум на Байкале и рисуют радужную картину будущих прибылей, потенциальные инвесторы не торопятся вкладывать деньги в развитие инфраструктуры этой перспективной отрасли.

Еще один проект, с которым местные власти связывают надежды на развитие туристского бизнеса на восточном побережье озера Байкал, - это возведение многофункционального комплекса на побережье озера Байкал в районе Турки, но пока он не пользуется популярностью среди местного населения и туристов из других регионов.

На территории Бурятии находится 2/3 части озера Байкал и эта часть побережья, в основном, пологая, она богата заливами и песчаными пляжами, привлекая множество туристов. Именно поэтому было принято решение о строительстве в Бурятии турзоны «Байкальская гавань», предусматривающей наличие самого широкого спектра услуг для гостей - от пятизвездочных отелей до кемпинговых стоянок. Также планируется создать на Байкале организованные места отдыха, предназначенные для самостоятельных путешественников: такие места будут предусматривать наличие автостоянок, столиков и элементарных условий.

Действия властей республики по созданию турзоны, это правильный шаг, но сначала необходимо подготовить инфраструктуру, а затем уже приглашать инвесторов.

Проект создания турзоны предусматривает поочередное, в течение десяти лет, развитие пяти участков, последовательно друг за другом. В настоящее время в высокой степени готовности находятся два участка – «Пески» и «Турка».

Следующий этап – развитие горнолыжного курорта на участке «Гора Бычья». Гора имеет уникальные, в том числе, по мировым меркам, данные: девятикилометровый спуск с уклоном около 14 градусов. Этот участок в республике также считают перспективным, учитывая соседство КНР, страны, где много потенциальных туристов и любителей горнолыжного отдыха.

Байкал - это достояние не только России, но и человечества, и его надо охранять, но если не развивать в цивилизованном смысле прилегающие территории, то Байкал (и местами это уже происходит) превратится в место стихийных свалок и место отдыха стихийных туристов, где не будет элементарных условий для отдыха. Тем самым мы нанесем еще больший вред озеру. Создание благоустроенных турбаз, позволит создать цивилизованный вид отдыха для всех видов отдыхающих. На побережье должны быть организованы очистные сооружения, места для утилизации мусора, и, тем самым, вред Байкалу будет уменьшен.

Сегодня многие уверены, чтобы сохранить чистоту озера, турбазам нужно переходить на альтернативные источники энергии: ветряные, солнечные и дизельные генераторы, они не только помогут сократить ущерб, наносимый экологии Байкала, но и окупят себя через 2-5 лет использования.

Без развития качественных пунктов размещения туристов на Байкале невозможно развитие туризма и сохранения как культурного, так и природного наследия Байкальского региона.

¹ Латынина Ю. Л. Экономическая сущность и содержание туризма // Российская газета - 2010. - 15 окт. – С. 5.

² Антонов А. [Вопрос - ответ](#) // Турифо - 2012. - № 40.
³ Козин А.. Турбазы и туризм в Прибайкалье // Бурятия – 2012. – 3 сент. – С. 3.

УДК 379.85:069

Н.Н. Тушемилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИЗМЕ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

THE CULTURAL LEGACY IN TOURISM: EXPERIENCE OF INTERNATIONAL STUDENTS PRACTICE

Аннотация: Статья посвящена международной практики студентов. Опыт коммуникации, языковая практика, подробное знакомство с культурным наследием самых популярных у туристов европейских стран – это только некоторые из положительных сторон прохождения подобной практики.

Ключевые слова: туризм, практика, международный, культура, наследие, опыт, экскурсия, музей.

ANNOTATION.

This article is about international practice of students. International communication, language practice, and close meeting with cultural legacy of the most popular European countries are only few positive sides of international practice.

Key words: tourism, practice, international, culture, legacy, experience, excursion, museum.

По итогам 2013 года, десятка самых популярных для посещения российскими туристами стран, стали Турция, Египет, Греция, Китай, Тайланд, Испания, Финляндия, Германия, Италия и ОАЭ. По данным Росстата, за год россияне совершили 54 миллиона зарубежных поездок [3].

При этом, самыми посещаемыми российскими туристами городами стали Прага, Таллинн, Барселона, Париж, Милан, Рим, Рига, Киев, Вена, Хельсинки [4].

Старейшие европейские города по прежнему остаются центром притяжения туризма благодаря своему богатейшему культурному наследию и развитой туристской инфраструктуре. Этот интерес обусловил организацию поездки в учебно-практический тур по семи столицам Европы

в январе 2013 года и в марте 2014 года студентам ВСГАКИ специальности «Туризм».

За эти два года мы посетили Польшу, Чехию, Германию, Францию, Бельгию, Люксембург, Нидерланды. Основной акцент в туре сделан на культурно-исторический потенциал старейших европейских стран, поэтому объектами тура становятся столицы государств.

Объектами осмотра стали Старый город в Варшаве, находящийся под охраной ЮНЕСКО и входящий в перечень охраняемых памятников, весь исторический центр Праги: прогулка по извилистой Карловой улице через Кржижовническую площадь, затем по Карлову мосту, который украшают 30 статуй 17-18 столетий. С каждой скульптурной композицией связана история, которую красочно преподносит гид-экскурсовод. Прогулка к Собору св. Вита, где хранятся королевские регалии, волнующее ожидание начала нового часа, когда на Астрономических часах 15 века появляются движущиеся фигуры апостолов.

Затем Берлин, с его Бранденбургскими воротами и прогулка от Парижской площади до Дворцового моста по самой знаменитой улице – Унтер-ден-Линден мимо памятников Гумбольта и Фридриха Великого, мимо Берлинского собора, Оперы и Цейхгауза – старейшего здания на этой улице (1730 г.), где сейчас размещены экспозиции Немецкого исторического музея.

После – Париж...город-мечта, город-история. От площадей Шарля де Голля и Звезды, по Елисейским полям с их многочисленными салонами-магазинами и кинотеатрами, мимо площади Ронд-Пуэн до площади Согласия, где невозможно отвести взгляда от Луксорского обелиска, подаренного Франции египетским правителем Мехметом Али в 1831 г. и Фонтана. От площади Согласия начинается улица Риволи, южную сторону которой, образуют Лувр и сады Тюильри, разбитые в 1564 году. Гуляя по Риволи, видим памятник Жанны д'Арк, Площадь Пирамид, видим церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа (12-15 в.в.), чьи колокола в 1572 году подали сигнал к истреблению гугенотов – Варфоломеевской ночи[2].

Сенна с ее многочисленными мостами, представляет собой красивейшее зрелище: величайшие архитектурные памятники, много цветов и зелени, речные трамвайчики и пароходы с ресторанами на борту. Особенно прекрасна она с наступлением темноты, когда Париж загорается огнями. В это время во всей своей красоте предстает Эйфелева башня, которая переливается сотнями мерцающих огней...

Поднявшись к Сакре-Кер, с площадки, расположенной под ним весь исторический центр Парижа окажется у вас перед глазами. А дойти до собора можно прогуливаясь по Монмартру.

Совсем немного времени в автобусе – и мы в Люксембурге. Один из старейших городов Европы, строгий и холодный, первые артефакты,

найденные на его территории, относятся к 35 000 годом до н.э., а первые поселения – 5 000 до н.э.[5]

Большой герцогский дворец, Кнюделер, или площадь Гийома II, Собор Люксембургской Богоматери, казематы скалы Бок – вот то небольшое, что можно увидеть, гуляя по Люксембургу. Он отличается от Парижа, с его разношерстной и шумной публикой, и смешением культурно-исторического наследия с блеском роскоши дорогих магазинов. Он немногословен, размерен, потрясающе красив.

Пара часов и мы в Брюсселе, городе, который сумел вместить себя многое: располагаясь в тени легендарных столиц Нидерландов и Франции, с которыми вряд ли такой небольшой город может конкуренцию, Брюссель часто называют пародией на Амстердам и Париж. Несмотря на это, ощутить величие города, и в то же время, царящую здесь домашнюю атмосферу, намного проще, чем в надменном Париже, или разгульном Амстердаме. На небольшой площади Брюсселя соединилось все самое лучшее из истории и современности и не могло не повлиять на решение сделать из него столицу Старого Света. Этот город эклектических решений и смешений культур разных континентов без преувеличения можно назвать одним из прекраснейших мест на земле [1].

Бельгийцы гордятся статуей Писающего мальчика, для которого ежегодно преподносят новый наряд и на это действие стекаются толпы людей, но стесняются, расположенной недалеко, Писающей девочки, они поставили памятник Писающей собачке, чтобы туристы забыли о девочке.

Амстердам, город – завораживающий городскими пейзажами и людьми, в нем живущими. Город яркий, как картинка - раскраска – один цветочный базар чего стоит!

Дамрак – центральная улица голландской столицы, на которой расположены культурные центры, множество кафе, ремесленных мастерских и музеев. Надо сказать, что музеи и галереи Амстердама – одни из лучших в Европе. На пересечении улицы Дамрак с улицей Рокин находится историческая площадь Дам [1]. Домики, расположенные вдоль каналов Амстердама, которых в Нидерландах сотни километров, и принадлежащие ранее купцам, охраняются государством [2].

Помимо продолжительных экскурсий, посещений музеев, мы прослушали мастер-классы, по визовым формальностям, культурным особенностям посещаемых стран, особенностям работы информационных центров и многие другие, а также для нас было организовано посещение сетевых отелей, с целью ознакомления с особенностями организации их работы. Для студентов были организованы викторины, с теми вопросами, ответы на которые можно было получить, слушая рассказы экскурсоводов и гида-сопровождающего.

Подобные поездки, помогают приобрести ценнейший опыт студентам, изучающим туризм, музейное дело, экскурсионную деятельность:

во-первых – это знакомство со знаменитыми памятниками, формирующими культурное наследие разных стран;

во-вторых – это погружение в национальную культуру местных жителей, что помогает при работе в сфере услуг, которыми пользуются въезжающие в нашу страну туристы;

в-третьих – это знакомство с работой профессиональных и опытных гидов-сопровождающих, экскурсоводов;

в-четвертых – это языковая практика, необходимая при работе с туристами из других стран;

в-пятых – знакомство с работой гостиничных предприятий и предприятий питания;

в-шестых – ценнейший опыт коммуникации.

Безусловно, все приобретенные навыки и знания, становятся для студентов полезными в будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Легендарные улицы мира/ авт. - сост. В.Н. Сингаевский. – СПб.: Полигон, 2011.– 160 с.

2. 1000 лучших мест Земли, которые нужно увидеть за свою жизнь/ М.: Эксмо, 2012.– 496 с.

3. Названы самые популярные у россиян туристические страны/ Туризм [электронный ресурс] www.travel.vesti.ru/article_10847 дата обращения 15.09.2014

4. 10 городов и 10 стран, которые чаще всего посещают российские туристы// Комсомольская правда 09.12.2013 [электронный ресурс] www.oktogo.ru дата обращения 15.09.2014

5. [Официальный сайт Национального музея истории и искусств Люксембурга Premieres manifestations artistiques/ Musee national d'histoireet d'art Luxembourg.](http://www.mnha.public.lu/collections/prehistoire) - [электронныйресурс] www.mnha.public.lu/collections/prehistoire датаобращения 15.09.2014

УДК 379.85:719

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИСТСКИХ ЦЕЛЯХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООО «СЕМЕЙСКИЕ»)

THE FORMS OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OBJECTS USAGE FOR TOURISM PURPOSES (ON EXAMPLE OF THE COMPANY «SEMEISKIE LTD.»).

Аннотация: В статье рассматриваются способы использования культурного и природного наследия в организации этнографических туров и экскурсионных программ.

The article discusses how cultural and natural heritage is used in the organization of ethnographic tours and excursions.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, туризм, старообрядцы.

Key words: cultural and natural heritage, tourism, Old Believers.

Туризм, в настоящее время, представляя собой многогранное явление, является объектом изучения многих наук. Это связано с тем, что туризм охватывает не только экономику разных стран и регионов, но и их культурное наследие, традиции, религию и ремесла. В мировой структуре туристских поездок ведущая роль принадлежит культурно-познавательным мотивациям. Доля туризма с культурно-познавательными целями в глобальном туристском потоке составляет не менее 40% и постоянно растёт. Многие туристы мотивируют свои поездки в страны вне места своего постоянного жительства стремлением посетить исторические и достопримечательные территории, желанием познакомиться с культурным наследием своего народа, бытом, традициями, обычаями, творчеством фольклором других народностей, интересом к сельской жизни и др. Практически все туристские поездки связаны с посещением объектов культурного и природного наследия, поэтому они создают условия и являются важным средством установления культурных связей и международного сотрудничества.

В Глобальном этическом кодексе туризма Всемирной туристской организации (ЮНВТО) туризм признан сферой, использующей культурное природное наследие человечества и вносящей свой вклад в его обогащение. В указанном Кодексе содержатся рекомендации по сохранению наследия при его туристском использовании, а также говорится о том, что финансы, получаемые благодаря посещениям объектов и памятников культуры, следует хотя бы частично использовать для поддержания, охраны, улучшения и реставрации этого наследия. Авторы Кодекса считают, что

именно туристская индустрия является одной из наиболее заинтересованных отраслей экономики и общественной деятельности в деле сохранения и возрождения объектов наследия [4].

Одним из основных условий успеха развития туризма является вовлечение в его сферу всего многообразия наследия, более широкий охват регионов, ориентация не только на иностранных, но и на отечественных туристов, сохранение доступа широкой публики к наследию, особое внимание к детскому и молодежному туризму, к развитию краеведческого движения. Особенно важно подчеркнуть, что развитие культурно-познавательного туризма на территории России способствует развитию национальной туристской индустрии, притоку иностранной валюты в страну, увеличению налоговых поступлений, а также обеспеченности занятости населения; способствует созданию позитивного образа России, делает её привлекательной не только для туризма, но и для инвестиций в другие сферы деятельности. Также данный вид туризма способствует повышению образовательного и культурного уровня населения страны, воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма.

Республика Бурятия является одним из привлекательных туристских регионов России. Самобытная культура и уникальная природа республики являются основными ресурсами для развития туризма, который рассматривается сегодня как одно из приоритетных направлений экономики. Так, в течение последних лет в Бурятии по целому комплексу показателей (количеству прибытий, инвестиций, доходности и занятости) наблюдается положительная динамика развития туризма. Свыше 50% всех прибывших в республику преследуют цели досуга, рекреации и отдыха; 24,0 % прибывают с целью лечения и оздоровления; около 18% с деловыми и профессиональными целями [5].

Спектр форм использования объектов культурного наследия в туристской сфере достаточно широк. В настоящее время в Бурятии объекты культурного и природного наследия используются традиционно: в качестве объектов экскурсионного показа. При этом продолжается восстановление архитектурных памятников религиозного значения (монастыри и церкви), предпринимаются попытки музеефикации отдельных объектов культурного наследия и др. Объекты природного наследия используются для организации экологического и лечебно-оздоровительного туризма.

Особую категорию туристских ресурсов представляют религиозные и этнокультурные особенности народов, сохранивших вековые традиции природопользования и тесного общения с природой. Одну из многочисленных групп населения составляют «семейские» – представители русской национальности, по религиозным мотивам переселившиеся на территорию региона царским правительством с середины XVIII века.

Забайкальские старообрядцы, называемые местным населением «семейские», представляют одну из интереснейших этноконфессиональных групп региона. Мало подвергаясь постороннему влиянию, в силу религиозных убеждений, они в течение веков сохраняли старорусские особенности традиций, обрядов и обычаев, старинной одежды, жилища и его убранства, пищи, говора. Правительство Екатерины II усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов, способных производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает. Исконные земледельцы, они обладали такими качествами, как предприимчивость, трудолюбие, слыли отличными общинниками [1].

Староверы в Забайкалье были поселены довольно компактно, образовав особый анклав. Привезены они были семьями и довольно быстро восстановили свой быт, хозяйственные отношения, порушенные насильственным переселением в Сибирь. Через 30 лет они стали примером для других крестьян этого региона, сумели обустроиться на новом месте при незначительной помощи властей. Надо отметить, что с появлением русских в Забайкалье усилилась антропологическая и этническая пестрота в крае, появились новые селения, пополнились вновь поселяемыми людьми старые деревни и слободы, а земля вокруг них приняла обихожанный вид.

Среди объектов культурного наследия особый интерес представляют формы живой традиционной культуры, отражающие культурные навыки и традиции обустройства жизненного пространства конкретных людей, проживающих на определенной территории. В 2001 г. ЮНЕСКО включила традиционную культуру старообрядцев (уклад жизни, фольклор, обряды, ремесла, народную медицину) в список 19 нематериальных мировых шедевров, требующих особого внимания, изучения и сохранения, как уникальный феномен живой традиционной культуры.

На рынке Бурятии туры, связанные со знакомством с историей и культурой старообрядцев, предлагают следующие туроператоры: «Спутник Бурятии», «Трио-импекс», «Бурят Интур», «Хатан –Дангина», «Восточная Сибирь», «Глобус тур», «За Байкалом», «Жассо-тур», «Байкал – наран тур», «Баунти», «Бэлиг-я», «Морин-тур», ООО «Семейские», а также большинство туристских агентств.

Основной наплыв гостей приходится на Тарбагатайский район. Этому способствует близость от Улан-Удэ и все необходимые условия: музей истории и быта старообрядчества, древлеправославный храм с его старинными книгами и иконами, наличие стабильных фольклорных коллективов, пропагандирующих семейное пение и обычаи старообрядцев, старорусская кухня, сохранившаяся архитектура деревень, развивающиеся ремесла и, соответственно, выставки-продажи изделий декоративно-

прикладного творчества. В Тарбагатайском районе туристской деятельностью занимается ООО «Семейские» с логотипом «В гостях у семейских», на долю которого приходится основная масса прибывающих туристов и гостей республики. Эта фирма была создана в 2002 году. Среди реализуемых туров большой популярностью пользуются: «К потомкам староверов» (с. Тарбагатай), «Деревня мастеров» (с. Десятниково), «Хранители старой веры» (с. Большой Куналей), «По пути протопопа Аввакума» (от с. Посольское Кабанского района до посещения сел Тарбагатайского района). Туристы знакомятся с историей, бытом и культурой семейских, их песенным творчеством, обрядами, играми, традиционной кухней. В последние годы наблюдается повышенный спрос на посещение «семейских» поселений и непосредственное общение с носителями живой культуры. Так, по экспертным данным, около 20% иностранных туристов совершают самостоятельную или организованную экскурсию в с. Тарбагатай, которое расположено в 52 км от г. Улан-Удэ [6].

В рамках однодневной экскурсионной программы «К потомкам староверов» в с. Тарбагатай туристам предлагается посещение горы «Спящий лев», экскурсия в музей истории и культуры старообрядцев, посещение старообрядческой церкви, дегустация традиционной русской кухни, осмотр семейского подворья в с. Десятниково, анимационная программа «Выходила девка замуж», выступление фольклорного коллектива.

Тур начинается с посещения горы «Спящий лев» (народное название - «Омулевая»), находящейся в предгорьях хребта Цаган-Дабан, в 45 км от Улан-Удэ. Гора является уникальным природным объектом и одним из священных мест для буддистов Бурятии. Она представляет собой огромный утес, который устремляется прямо в воды реки Селенги. На гору тракт поднимается по склону довольно крутым подъемом, оглянувшись, можно увидеть Спящего льва: его голова с лохматой гривой покоится на лапах, видна мощная спина, а дорога у склона похожа на львиный хвост. С вершины горы открывается красивейший вид на Селенгу. Склон сплошь покрыт редкими растениями, многие из которых занесены в Красную книгу. В нескольких метрах от горы «Спящий лев» находится памятник истории по пути следования протопопа Аввакума, который был установлен в июне 2007 года в честь 250-летия массового заселения староверами Забайкалья. Памятник расположен на вершине холма в живописном месте.

Следующими туристскими объектами посещения являются древлеправославная церковь и музей истории и культуры старообрядцев. Древлеправославная Кресто-Воздвиженская церковь была построена на пожертвования прихожан и освящена 29 сентября 2002 г. древлеправославным патриархом Московским и Всея Руси Александром.

Священнослужитель церкви отец Сергей приехал в Бурятию в 1979 году. Он в течение длительного времени самостоятельно искал и приобретал у жителей сел Тарбагатай, Куйтун, Десятниково и др. сохранившуюся церковную утварь и предметы быта семейских. На основе собранных экспонатов (1000 единиц хранения) в 2006 году был открыт частный, действующий при церкви музей. Экспонаты музея представляют собой уникальные предметы материальной культуры семейских XVIII–XIX вв. Сегодня фонд музея насчитывает более 5 тыс. экспонатов, используемых когда-то крестьянами в быту. Особую ценность представляют старинный механизм водяной мельницы, швейная машинка «Зингер» 1896г., чайники из чистой меди, всевозможные самовары, выпущенные до и после 1891 года. Большой интерес у посетителей вызывают церковные книги в старинных переплетах. Это уникальные рукописи и книги почти четырехсотлетней давности являются памятниками древнерусской письменности. Переселяясь за Байкал, старообрядцы в числе самого необходимого везли с собой и древние фолианты, которые хранились и передавались как самые дорогие реликвии.

Поскольку в этих местах пролегал торговый путь из Кяхты в Верхнеудинск и Иркутск, то из привозимых нарядных и красочных восточных тканей из Индии и Китая семейские женщины и шили себе наряды. В музее хранятся эти роскошные, двухсотлетней давности, но не потерявшие цвета и целостности индийские кашемировые шали, атласные и парчовые китайские халаты и жакеты, плисовые бекешки. Среди экспонатов: старинная одежда из сундуков семейских бабушек: рубашки, сарафаны с лентами, кокошники, шитые бисером и золотом, мужская одежда – тканые цветные кушаки, цветные шаровары, полушубки, сапоги яловые, ичиги [8].

Ряд туров, организованных ООО «Семейские», включают посещение Меркитской крепости. Эта крепость расположена на юге Бурятии, в Мухоршибирском районе в 17 километрах от села Барыкино. Согласно легенде, именно в этой местности проходили первые сражения Тэмуджина (Чингисхана). На сегодня сохранились основания каменных стен, дороги, проходы в скалах, искусственные площадки для зданий и наблюдений за местностью. В центре крепости устроен потайной колодец с вырубленным в скалах ходе. У подножья горы сохранился могильник с изображением символа «Человек солнца». Такой статус мог носить только особенный житель племени меркитов – тот, кто оставался живым после попадания в него молнии. Помимо разнообразных памятников археологии, здесь особо выделяется укрепленное место Шара-Тэбсэгна уступе отвесной скалы. Туда ведет дорога, которая в опасных местах защищена массивными каменными бордюрами.

При посещении Меркитской крепости привлекает внимание уникальный природный объект – Абрикосовая роща. За короткое сибирское лето абрикосы не успевают созреть, поэтому плоды их небольшие и кислые. Местные жители называют его «дэбэнский орех» - сибирский абрикос.

К уникальным природным объектам также относится местность «Жарчиха». В горах, в местности Жарчиха располагается глубокая, просторная пещера. Сюда в 20-е гг. XX в., когда развернулась активная антирелигиозная кампания советского государства, владыка Афанасий (Амвросий Федотов), епископ Иркутско-Амурский и Дальнего Востока, вместе с братом Ильей Федотовым перенесли старообрядческие книги, рукописи и церковную утварь. Сначала богослужебные книги из церкви тайно переносили в дом настоятеля. Когда накапливалось достаточно книг и икон, снаряжали телегу и прятали церковное имущество в пещере. Затем пещеру заложили камнями так, чтобы не было видно входа. О ее месторасположении никто из посторонних не знал. Только в середине XX в. совершенно случайно тайна пещеры была раскрыта охотником Демьяном (из с. Кордон) [2].

Обязательным объектом показа в экскурсионных программах является Этнографический музей народов Забайкалья. Музей был основан в мае 1968 г., а его открытие состоялось в июле 1973 г. Музей принят на охрану как памятник федерального значения [7]. В музее шесть экспозиций, одна из которых посвящена истории и культуре старообрядцев. Экспозиция состоит из домов старообрядцев-семейских. Выстроена типичная улица односторонней застройки конца XIX — начала XX века. Комплекс состоит из дома зажиточного крестьянина со всеми надворными застройками, избы крестьянина-ремесленника, дома богатого старообрядца. В небольшом удалении расположена старообрядческая церковь.

Таким образом, в этнографических турах и экскурсионных программах к старообрядцам активно используются объекты природного и культурного наследия Бурятии. При этом необходимо учитывать, что включение культурного и природного наследия в систему объектов туризма требует бережного отношения к этнокультурным группам, которые хранят культурные традиции и являются носителями исторической памяти. Такой подход вписывается в требования «Глобального этического кодекса туризма», который призывает туристскую деятельность планировать таким образом, чтобы обеспечить сохранение и процветание традиционных ремесел, культуры и фольклора, а не вести к их стандартизации и обеднению.

Список использованной литературы

1. Болонев Ф. Ф. К истории формирования семейских Забайкалья/ Ф.Ф. Болонев // Семейские Забайкалья. – Улан-Удэ, 2007. – С. 5-25
2. Бураева С.В. Религия / С.В. Бураева, Е.В. Петрова // Семейские Забайкалья. – Улан-Удэ, 2007. С. 99-127
3. Максанова Л.Б.-Ж., Бураева О.В. Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов.// Л.Б.-Ж Максанова, О.В. Бураева // Вып.№3 2006.
4. Официальный сайт Всемирной туристской организации [Электронный ресурс]. <http://ethics.unwto.org> (дата обращения 02.09.2014)
5. Официальный сайт Республиканского агентства по туризму Республики Бурятия [Электронный ресурс]. <http://baikaltravel.ru> (дата обращения 04.09.2014)
6. Официальный сайт туристской фирмы ООО «Семейские» [Электронный ресурс] <http://starovery.narod.ru> (дата обращения 31.08.2014)
7. Памятники архитектуры и истории. Том 1. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / Науч. Ред. В.К. Гурьянов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – 328 с.
8. ШагжинаЗ.А. / Экскурсионные маршруты Республики Бурятия // сост. З. А. Шагжина, И. С.Цыремпилова, И.В. Протопопова. - Иркутск : 2011. - 211 с.

УДК 338: 379

Н.А. Левочкина

ТУРИСТИЧЕСКИЙ БРЕНД ОМСКОГО РЕГИОНА

TOURIST BRANDS OF OMSK REGION

Аннотация: В статье рассматриваются различные типы туристических брендов, источники их формирования и влияния на туристический образ территории, а также приводятся примеры региональных брендов.

Annotation: The article covers different types of tourist brands, sources of their formation and impact on the tourist image of the area and provides examples of regional brands.

Ключевые слова: бренд, туристический бренд, туристический образ территории

Keywords: brand, tourist brand, tourist image of the area

Мы часто встречаемся с тем, как путают два близких понятия – брэнд и торговую марку. Следует всегда помнить о том, что торговая марка –

понятие юридическое, официальное, в то время как брэнд существует только в головах потребителей. Понятие брэнда более широкое, поскольку в него еще дополнительно входят: сам товар или услуга со всеми его характеристиками, набор характеристик, ожиданий, ассоциаций, воспринимаемых пользователем и приписываемых им товару (имидж товара, brand-image), а также обещания каких-либо преимуществ, данные автором брэнда потребителям, то есть тот смысл, который вкладывают в него сами создатели. Именно изучению туристических брендов посвящена данная работа.

Настоящий расцвет идей брэндинга пришелся на вторую половину XX в. и связано это было с вполне естественными причинами – появлением на рынке большого количества похожих товаров, а также развитием технологий, оказывающих на человеческое общество огромное влияние. Каждый день потребитель сталкивается с множеством похожих товаров, и у него просто физически нет времени сравнивать все аннотации, процентный состав, показания к применению и технические характеристики. В этой ситуации брэнд является просто «спасательным кругом», на каждый товар наклеиваются простые, ясные, понятные неспециалисту ярлычки: «дорого, но престижно», «экономично», «для новичков», «молодым и раскрепощенным» и т.д.

Туристический брэнд – известный объект или комплекс объектов природного, культурно-исторического наследия, а также маршрут, который охватывает посещение данных объектов, уникальные события, ремесла, услуги, занятия, которые привлекают к себе большой поток туристов. Туристические бренды – это те выдающиеся достопримечательности, которые показывают гостям территории в первую очередь, без ознакомления с которыми знакомство с данной местностью обычно считается неполным. Туристические бренды упрощают задачу позиционирования и продвижения города, местности, региона или страны, где они расположены, на мировом или региональном туристическом рынке [1]. Туристические бренды можно классифицировать по разным принципам.

Туристический образ территории (ТОТ) можно определить как устойчивый географический образ, привлекающий туристов и разрекламированный СМИ. Культурно-историческая и естественная когнитивная насыщенность ТОТ позволяют отнести его к образам высшего уровня образно-географической иерархии (турбренд – туробраз – туримидж). Формирование ТОТ представляет собой достаточно сложный процесс, поскольку его единство обеспечивается переплетением и формированием разнородных по генезису и структуре географических и социальных фактов, событий, явлений и т.п. Особенности региона, национальных традиций, исторической памяти народа, идеологии и прочие создают целостный образ, на основе которого идентифицируют определенную страну среди всего мирового сообщества.

Немаловажную роль в формировании ТОТ играют также «человеческие» факторы – информация из СМИ, Интернета, пересказов, мифов и т.д. Факторы, влияющие на формирование и восприятие ТОТ, взаимообусловлены и, одновременно, иерархически структурированы. Соответственно, среди них можно выделить базовые факторы, формирующие стержневые элементы ядра образа, которые сформировавшись, почти не испытывают изменений и обеспечивают идентификационный базис, то есть репрезентацию общества, страны и территории в международной среде. Важнейшим таким фактором является туристический бренд, который служит отдельной категорией типов информации, потому что он является причиной – доминантой определения attractiveness ТОТ потенциальным туристом. При формировании ТОТ туристический бренд представляет собой ядро, на которое наслаивается информация, переданная с помощью коммуникаций (об объектах, явлениях и событиях в стране, которые не являются брендовыми для нее). Такое сочетание формирует субъективный ТОТ. Если к подобному сочетанию прилагается непосредственное посещение страны, региона – формируется объективный ТОТ.

В начале XXI в. российский регион стал предметом интереса и исследования как географическая, административная, экономическая, культурно-историческая, этнокультурная единица. Территориальный брендинг является новым для России явлением. Политика территориально-имиджевой составляющей регионов и России в целом в настоящее время только формируется. Впервые концепция продвижения национального и регионального брендов страны была утверждена Правительством Российской Федерации совсем недавно – в январе 2008 г. Все больше стран и городов стали целенаправленно заниматься маркетингом своих территорий, формированием своего территориального бренда, которые обуславливают инвестиционную и туристическую привлекательность местности. Таким образом, особенно в условиях глобализации, постоянного роста конкуренции, уравнивания условий хозяйствования на различных территориях, маркетинг территории, ее имидж и бренд выходят на первый план при сравнении примерно равных по условиям хозяйствования и проживания географических зон.

Очевидно, что вложения в бренд территории в тех случаях, когда не решены элементарные проблемы с предоставлением комфортных условий жизни для населения, а также благоприятных условий хозяйствования для предпринимателей вряд ли будут прибыльными. Однако для многих российских территорий, регионов и городов момент, когда необходимо реализовывать программы комплексного маркетинга и брендинга, уже наступил. В качестве примера можно назвать российский курортный город Сочи.

Рост привлекательности территории, ее узнаваемости, который обусловлен влиянием символа бренда на поведение потребителей, формирует

символический бренд-капитал территории. Именно на создание бренда сделан основной акцент в Целевой программе «Развитие туризма в Омской области на 2011–2013 годы», утвержденной региональным министерством по делам молодежи, физической культуры и спорта. Программа позволит создать благоприятные условия для отдыха омичей и гостей из других регионов, расширить спектр предлагаемых на туристическом рынке услуг, повысить инвестиционную привлекательность Прииртышья, стимулировать развитие малого и среднего бизнеса. Финансирование будет осуществляться из областного бюджета. В целом на реализацию мероприятий потребуется порядка 15,7 млн рублей.

Рынок туристских услуг Омской области имеет свою специфику. В Прииртышье работает более 200 туристических организаций. Но подавляющее большинство из них – турагенты. Так, в 2011 г. только 3 компании являются туроператорами по выездному туризму и 5 – по внутреннему. На сегодняшний день 4 крупных туроператора, имеющие собственные бренды и стабильно работающие на рынке, открыли в омском регионе свои офисы. Анализ, который провели специалисты регионального Минспорта, показывает, что омские турфирмы активно продвигают свои услуги, но название региона используется не так часто. Потребители, как правило, ассоциируют бренд с ценой услуги. По данным статистики, только 52% омичей проводят свой отпуск в области. Также опрос показал, что отдых в выходные дни, особенно семейный и молодежный, предпочтительнее на природе, чем в городе.

Понятие «Сибирь» неразрывно связано с тайгой, снегом, охотой, рыбалкой. Сегодня в Омской области активно развивается бренд «Тажные выходные», который позволяет показать сибирскую природу, формы активного отдыха. Благодаря работе Федерации спортивного туризма (секции водников), клуба «Дракар», появилось мнение, что путешествовать по тихим сибирским рекам не менее интересно, чем сплавиться по горным алтайским. В результате возник проект «Сплавы по тихим сибирским рекам». На севере области, в Муромцевском районе, омичей всегда привлекал отдых на озерах Линево и Данилово, так и гостей региона, приезжающих посетить загадочное место в районе деревни Окунево. Создание мифов вокруг туристского объекта – это одна из форм продвижения территории. Так возникли экскурсионные программы под названием «Тайна пяти озер». Омский регион интересен для людей, приезжающих с деловыми целями на всевозможные форумы, семинары. Много туристов, особенно северяне, прибывают к нам с целью оздоровления. Санаторно-курортный комплекс Прииртышья предлагает качественные и востребованные услуги. Сибирский международный марафон уже двадцать три раза привлекает иностранных спортсменов и туристов, а матчи «Авангарда» собирают в городе также большое число гос-

тей. Количественная и качественная динамика всего перечня подобных мероприятий будет способствовать формированию положительного туристического бренда региона.

Принятые нормативные правовые акты, которые направлены на поддержку среднего и малого бизнеса не только в сфере туризма, но и в строительстве, образовании, многих других отраслях. К примеру, предприниматель из Крутинского района, прошедший конкурсную комиссию, получил грантовую поддержку в размере 200 тысяч рублей на реализацию проекта по реконструкции гостевого дома «Екатерининское» в Муромцево. Кроме того, результатом реализации Программы туризма в омском регионе должно стать развитие сельского туризма. Подразумевается, что сельские жители области сами будут выступать в качестве предпринимателей и принимать у себя туристов. Такая практика сложилась в Ленинградской области, Республике Алтай, за рубежом – в Литве. По прогнозам, сельский туризм будет содействовать привлечению иностранцев в регион, так как многие из них хотят посмотреть Сибирь и это считается достаточно престижным. Все элементы, описанные выше, являются элементами системы продвижения Омской области как туристического региона в целом. Повышение посещаемости территории способствует возрастанию инвестиционной привлекательности региона.

Список литературы:

1. Левочкина Н.А. Региональные туристические бренды России как инструмент глокализации социально-экономических процессов // Россия и Европа. Единое экономическое пространство: Сборник материалов Международной научно – практической конференции, 2-3 декабря 2010г. – Омск: Издательство ОИ РГТЭУ, 2010. – С. 426 – 428.

2. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. – СПб.: Питер, 2006. – 416 с.

УДК 658.6:379.85

Д.М. Темников

ОБЪЕКТЫ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE ACCOMMODATION FACILITIES ON THE EAST COAST OF LAKE BAIKAL PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация

В данной статье рассказывается об основных особенностях организации отдыха на турбазах расположенных на восточном побережье

озера Байкал, проблемах с которыми сталкиваются владельцы турбаз и гостевых домов при приеме туристов, а так же о перспективах развития данного вида отдыха.

Annotation

This article describes the main features of the organization of holiday camps located on the Eastern coast of lake Baikal, the problems faced by the owners of lodges and guest houses for the reception of tourists, as well as on the prospects of development of this type of recreation.

В настоящее время одним из приоритетных направлений является развитие туристско-рекреационного комплекса на Байкале. Его развитие может стать важным альтернативным хозяйственным направлением в экономике Байкальского региона, обеспечить более высокую эффективность его развития, способствовать решению накопившихся здесь социальных проблем.

Туризм - одна из крупнейших, динамично развивающихся отраслей мирового хозяйства. На сферу туризма приходится около 7% суммарных капитальных вложений, каждое 16-е рабочее место, 11% мировых потребительских расходов и 5% всех налоговых поступлений. В большинстве стран, где активно развивается сфера туризма, государство оказывает ей существенную поддержку в виде прямых инвестиций, направленных на формирование объектов инфраструктуры, налоговые и таможенные льготы, стимулирующие приток инвестиций для расширения внутреннего и въездного туризма [1].

Байкальский регион обладает богатейшим, уникальным потенциалом и представляет исключительно ценную территорию в рекреационном отношении для развития внутреннего и въездного туризма.

Особое достоинство Байкальского региона - большое количество термальных и минеральных источников, своеобразный микроклимат побережья озера Байкал, который оказывает лечебное воздействие на организм отдыхающих, а так же природно-климатические и эстетические факторы.

Уникальные исторические и природные памятники, большие охотничьи угодья позволяют развивать познавательный, экологический и спортивный туризм. На побережье Байкала функционирует широко известный курорт «Горячинск», а так же большое количество турбаз и гостевых домов.

Но для того, чтобы туризм развивался и приносил доход, необходимы приемлемые условия для размещения растущего потока туристов, как из-за рубежа, так и России.

В настоящее время основные условия для размещения туристов на побережье озера Байкал это турбазы и гостевые дома.

Туристская база – комплекс [сооружений](#) для размещения, питания и культурно-бытового время проведения [туристов](#). Турбазы создаются для приема туристов, занимающихся [активным отдыхом](#) и совершающими различные [походы](#): пешеходные, горные, водные, лыжные, велосипедные, [конные](#). Туристские базы принимают участие в организации походов, знакомят туристов с местными достопримечательностями, предоставляют условия для подготовки туристов-разрядников. Туристские базы бывают сезонные (летние или зимние) и круглогодичные.

В отдаленных районах активно функционирующие турбазы являются экономически значимыми объектами, создающими рабочие места для малочисленного местного населения [\[2\]](#).

В отличие от турбазы гостевой дом обладает набором параметров, которые делают условия проживания в нем приближенными к домашним.

Как правило, гостевой дом является частным [домовладением](#), владелец которого сдает его в аренду целиком или отдельно каждую комнату. Как правило, сам владелец и его семья проживают в том же доме, но на отдельном этаже или в отдельной его части. Предоставляя те или иные услуги, владелец гостевого дома действует по своему усмотрению и неподконтролен многим государственным структурам, которым подконтрольны турбазы или гостиницы. В этом есть свои положительные и отрицательные моменты.

Этажность и площадь гостевых домов, а также количество комнат и номеров никак не регламентируется. Но, в основном, это двух- или трехэтажные здания, общей площадью около 400 м² и количеством комнат порядка 20-30. Территория гостевого дома всегда довольно мала, так как основную ее часть занимает само домовладение.

Понятие «гостевые дома» на Байкале появилось сравнительно недавно, в период с 1990 по 2000 годы. Главная цель, которую преследуют владельцы сдаваемого в аренду жилья - это получение прибыли за счет минимизации затрат, как на содержание самого домовладения, так и на обслуживание его постояльцев. Статус гостевого дома не требует применения по отношению к домовладению норм и правил, распространяющихся на гостиницы. Так, например, не требуется присваивать и согласовывать с контролирующими органами гостиничный класс (звездность), не прописаны санитарно-эпидемиологические нормы, налоговые платежи гостевых домов производятся по меньшим ставкам по сравнению с турбазами и гостиницами.

Постояльцами гостевых домов на побережье озера Байкал обычно являются люди, приезжающие на отдых. Отдых в них недорогой, но требует

большей самостоятельности, чем отдых на турбазах или в гостиницах. В последнее время уровень сервиса и перечень предоставляемых услуг в гостевых домах весьма вырос и расширился. А по мебелировке и оснащённости номеров бытовой техникой они зачастую превосходят многие турбазы. Это стало возможным из-за того, что для функционирования гостевого дома не требуется много персонала, нет больших налоговых отчислений. Следовательно, возрастает чистая прибыль, которую владельцы используют на то, чтобы их дом имел более respectable вид, чем у ближайших конкурентов.

Для того чтобы на всех турбазах озера Байкала, были комфортные для городского человека условия, нужны колоссальные затраты.

Необходимо понимать, что при постройке, эксплуатации той или иной турбазы на Байкале, требуется много вложений, терпения и самообладания. Не каждый человек сможет пройти все инстанции, которые каждый год проверяют на наличие легальности ведения бизнеса в части отдыха и размещения на особо охраняемой территории.

СЭС, природоохранные органы, налоговая, прокуратура и т.п., а также затраты на энергоресурсы, аренду земли, вывоз мусора, обновление номерного фонда, хозяйственных построек и прочих необходимых вещей на турбазе все это обратная сторона организации отдыха на Байкале.

Для того, чтобы построить турбазу на побережье Байкала с номерами в которых должна быть холодная и горячая вода, душ, телевизор, холодильник а так же кафе с качественной едой нужна поддержка малого и среднего бизнеса от Правительства республики Бурятия, а не постоянные преграды к его нормальному ведению.

Не все турбазы на Байкале до сих пор имеют постоянный свет, многие работают на дизель-генераторах, не все турбазы имеют нормальный водопровод, в который может поступать вода из скважины, не все турбазы по этой причине могут обеспечить круглогодичный цикл отопления, обеспечения горячей и холодной водой для проживания туристов.

Многие дороги на Байкал, не имеют асфальтового покрытия, а если имеют, то желают оставлять лучшего... Все это мешает нормальному развитию туризма на Байкале.

Тем не менее, постепенно с каждым годом каждая турбаза на восточном побережье озера Байкал, как и по всему его побережью, старается улучшить условия для приема туристов, увеличивая количество дополнительных услуг, таких как прокат гидроциклов, квадрациклов, велосипедов, установка водных аттракционов, аренда катера, теплохода и т.д..

Альтернативный отдых на Байкале это отдых на теплоходе, который позволяет за несколько дней побывать в наиболее интересных местах Священного озера.

Сегодня в числе отдыхающих на турбазах Байкала доминируют зарубежные гости, это туристы из Китая, Германии, США. Наибольшая доля въездного туризма приходится на граждан Китая, Монголии, из развитых стран - США, Германии, Японии. По расчетам специалистов, к 2020 году из 15 млн. азиатских туристов, прибывающих в Россию, 10% предпочтут посетить Байкал. Среди отечественных туристов доминирующее положение будут занимать представители регионов с высоким уровнем дохода, прежде всего москвичи. Иностранцев и российских туристов на Байкал и в его регион притягивают, прежде всего, возможность совершить путешествие, как по самому озеру, так и по сибирской тайге. Для обслуживания возрастающего туристского потока потребность в номерах в районе озера Байкал, составит до 150 тыс. мест, из которых на восточное побережье будет приходиться до 100 тыс. мест. [3]

В связи с ростом потока туристов и все возрастающим числом желающих посетить Байкал остро ощущается нехватка средств размещения, особенно гостиниц высокого класса. Практически все турбазы, рассчитаны на обслуживание туристов только в летний период, который составляет лишь два месяца в году, поэтому цены на размещение очень высокие. Владельцы стараются окупить простой турбазы в межсезонье. Сейчас отдых на Байкале имеет минимум удобств. В летний период чаще всего предлагается проживание в неблагоустроенных домиках или полублагоустроенных номерах с удобствами на этаже и только 10% относится к классу «люкс». В этих условиях туристы лишены привычных, порою даже элементарных удобств.

В настоящее время продолжительность пребывания иностранцев на Байкале составляет, как правило, несколько дней при одновременном посещении трех-четырёх мест. Группы обычно состоят из 8-10 человек, что обусловлено передвижением на более удобных для этого микроавтобусах и ограниченностью мест на турбазах. К тому же туристы зачастую предпочитают посетить за один тур различные места с двумя-тремя ночевками на каждом месте. Возможно, такая тенденция сохранится и в будущем. Более длительное пребывание в одном месте может быть связано с охотой, рыбалкой, занятиями горнолыжным спортом или лечением на минеральных, в том числе и термальных, источниках. Однако в ближайшие несколько лет европейцев и американцев, желающих посетить байкальский регион, будут интересовать, скорее всего, краткосрочные туры продолжительностью 3-5 дней. Сейчас чаще всего маршрут их начинается с

прилета в Монголию, затем туристы автотранспортом прибывают на Байкал, а оттуда выезжают в Китай.

По ценовым характеристикам уже сегодня отдых на Байкале относится к разряду дорогого. Турбазы высокого класса на восточном побережье Байкала практически отсутствуют. Средняя стоимость одного места в стандартном двухместном номере с удобствами, включая 3-х разовое питание, составляет 50-60 долларов США в сутки. Двухместный номер в элитных комплексах в Гремячинске, Горячинске и Энхалуке с 3-х разовым питанием стоит 200-250 долларов в сутки. Как правило, иностранные туристы размещаются в недорогих гостевых домах. Отсутствие удобств компенсируется красивыми видами и экзотикой приключений.

Между тем, при принятии европейцами или американцами решения о поездке на побережье озера Байкал центральным вопросом является уровень цен на предоставляемые гостиничные услуги. При этом индикатором являются цены на гостиницы в Пекине, Шанхае, Гонконге, Сингапуре. Так, в Пекине цены колеблются от 70 долларов за двухместный номер с завтраками в отеле 4*.

Несмотря на то, что специалисты предсказывают в ближайшие десятилетия туристский бум на Байкале и рисуют радужную картину будущих прибылей, потенциальные инвесторы не торопятся вкладывать деньги в развитие инфраструктуры этой перспективной отрасли.

Еще один проект, с которым местные власти связывают надежды на развитие туристского бизнеса на восточном побережье озера Байкал, - это возведение многофункционального комплекса на побережье озера Байкал в районе Турки, но пока он не пользуется популярностью среди местного населения и туристов из других регионов.

На территории Бурятии находится 2/3 части озера Байкал и эта часть побережья, в основном, пологая, она богата заливами и песчаными пляжами, привлекая множество туристов. Именно поэтому было принято решение о строительстве в Бурятии турзоны «Байкальская гавань», предусматривающей наличие самого широкого спектра услуг для гостей - от пятизвездочных отелей до кемпинговых стоянок. Также планируется создать на Байкале организованные места отдыха, предназначенные для самостоятельных путешественников: такие места будут предусматривать наличие автостоянок, столиков и элементарных условий.

Действия властей республики по созданию турзоны, это правильный шаг, но сначала необходимо подготовить инфраструктуру, а затем уже приглашать инвесторов.

Проект создания турзоны предусматривает поочередное, в течение десяти лет, развитие пяти участков, последовательно друг за другом. В

настоящее время в высокой степени готовности находятся два участка – «Пески» и «Турка».

Следующий этап – развитие горнолыжного курорта на участке «Гора Бычья». Гора имеет уникальные, в том числе, по мировым меркам, данные: девятикилометровый спуск с уклоном около 14 градусов. Этот участок в республике также считают перспективным, учитывая соседство КНР, страны, где много потенциальных туристов и любителей горнолыжного отдыха.

Байкал - это достояние не только России, но и человечества, и его надо охранять, но если не развивать в цивилизованном смысле прилегающие территории, то Байкал (и местами это уже происходит) превратится в место стихийных свалок и место отдыха стихийных туристов, где не будет элементарных условий для отдыха. Тем самым мы нанесем еще больший вред озеру. Создание благоустроенных турбаз, позволит создать цивилизованный вид отдыха для всех видов отдыхающих. На побережье должны быть организованы очистные сооружения, места для утилизации мусора, и, тем самым, вред Байкалу будет уменьшен.

Сегодня многие уверены, чтобы сохранить чистоту озера, турбазам нужно переходить на альтернативные источники энергии: ветряные, солнечные и дизельные генераторы, они не только помогут сократить ущерб, наносимый экологии Байкала, но и окупят себя через 2-5 лет использования.

Без развития качественных пунктов размещения туристов на Байкале невозможно развитие туризма и сохранения как культурного, так и природного наследия Байкальского региона.

¹ Латынина Ю. Л. Экономическая сущность и содержание туризма // Российская газета - 2010. - 15 окт. – С. 5.

² Антонов А. [Вопрос - ответ](#) // Туринфо - 2012. - № 40.

³ Козин А.. Турбазы и туризм в Прибайкалье // Бурятия – 2012. – 3 сент. – С. 3.

УДК 379.85:338.4

Т.А. Борисова

ЭЛЕМЕНТЫ, ПРОДУКТЫ И РЫНОК КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

ELEMENTS, FOOD PRODUCTS AND CULTURAL TOURISM MARKET

В статье рассмотрены подходы к пониманию культурного туризма и относящихся к нему элементов, объектов, продуктов, задач, факторов и различных видов традиционного культурно-познавательного туризма. Определена также связь культурного туризма с межкультурной коммуникацией.

The article discusses some approaches to the comprehension of cultural tourism and related elements, objects, products, tasks, factors and different types of traditional cultural tourism with emphasis on cognition. The connection of cultural tourism with intercultural communication is defined.

Ключевые слова: культурный туризм; социокультурное пространство; культурно-историческое наследие; социокультурная среда; межкультурная коммуникация.

Keywords: cultural tourism; socio-cultural space; cultural and historical heritage; socio-cultural environment; intercultural communication.

В современном мире наблюдается активный рост предложений в сфере туризма, особенно этот процесс заметен в сфере культурного туризма. Среди основных причин этого явления можно выделить, прежде всего, переход к постиндустриальному, информационному обществу, который привел к значительному расширению масштабов межкультурного взаимодействия.

Исследование эволюции понятия культурного туризма свидетельствует о его динамичном развитии. Культурный туризм понимается как:

- познание национальной культуры страны посещения [2, с. 3];
- относительно самостоятельный элемент человеческого бытия, как социально- культурное явление [1, с. 7];
- процесс ознакомления с «чужой» культурой и ее осмысления [3, с. 6].

Многообразии подходов к интерпретации культурного туризма делают весьма затруднительной попытку единственно правильного определения культурного туризма. В этой связи выделяют два основных подхода к рассмотрению анализируемого явления: технический подход и концептуальный подход.

Первый подход представляет концепцию, основывающуюся на понятии культуры как продукта. Второй подход описывает мотивы, лежащие в основе данного вида туризма, и объясняет стремление людей к посещению культурных объектов.

Культурный туризм может быть охарактеризован как сложный социокультурный феномен, обеспечивающий непосредственный контакт человека с культурно-историческим наследием, создающий особое социокультурное пространство сопричастности участников туристских программ к мировым духовным процессам, сконцентрированным в культурных локусах,

достопримечательностях, памятниках, разнообразных экскурсионных объектах [5].

Культурный туризм объединяет в себе широкий спектр потребительской туристской деятельности, формирующей понимание отличительных характеристик отдельной дестинации¹, будь то культурно-историческое наследие, современное искусство, повседневный стиль жизни, а также бизнес-практики.

Выделение культурного туризма как специфического сектора в системе туризма проводится по трем направлениям:

1. Характер деятельности туриста, состоящий в получении нового опыта и впечатлений для удовлетворения культурных потребностей. Данный признак формирует концептуальное отличие культурного туризма от других видов туристской деятельности.

2. Мотивация туристов, вовлеченных в культурный туризм. Данный признак характеризует масштабы и структуру спроса туристов в сфере культурного туризма.

3. Характеристика предложения – особых туристских ресурсов, вовлекаемых в процесс удовлетворения спроса в сфере культурного туризма. Характеризуя культурный туризм по названным признакам, можно дать его развернутое определение, соответствующее современному пониманию культурного туризма, аккумулирующее ряд наиболее известных подходов [6].

Культурный туризм – это перемещение индивидов за пределы их постоянного места проживания, мотивированное полностью или частично интересом посещения культурных достопримечательностей, включая культурные события, музеи и исторические места, художественные галереи и музыкальные и драматические театры, концертные площадки и места традиционного времяпрепровождения местного населения, отражающие историческое наследие, современное художественное творчество и исполнительские искусства, традиционные ценности, виды деятельности и повседневный стиль жизни резидентов, с целью получения новой информации, опыта и впечатлений для удовлетворения их культурных потребностей [7].

Резюмируя в нескольких словах, культурный туризм можно описать как вид туризма, где культура является базисом:

- формирования туристской привлекательности дестинации;
- мотивации туристской деятельности;
- производимых и потребляемых туристских благ.

Культурный туризм приобрел важное значение по целому ряду при-

¹Дестинация - это место (территория) посещения, привлекающее туристов своими специфическими природными и рекреационными ресурсами, достопримечательностями, историческим и культурным наследием [16].

чин, т.к. он:

- оказывает позитивное экономическое и социальное воздействие на развитие дестинации;
- служит средством установления и усиления позитивного имиджа дестинации;
- поддерживает сохранение культурного наследия;
- облегчает установление взаимопонимания между людьми в разных странах и регионах;
- способствует развитию культуры и туризма [6].

Исследование понятия культурного туризма выявило его *объекты, продукты, задачи и факторы*.

В число *объектов* культурного туризма входят культурно-историческое наследие (исторические территории, архитектурные сооружения, зоны археологических раскопок, художественные и исторические музеи, народные промыслы, праздники, обряды, выступления фольклорных коллективов) и актуальная культура сегодняшнего дня [5].

Культурный продукт для туризма определен как благо, предоставляемое в виде деятельности в культурной сфере или материально-вещных условий потребления разнообразных культурных ценностей, повышающее туристскую привлекательность дестинации или отдельных культурных достопримечательностей. Как видно, продукт для культурного туризма, базируется на ресурсах особого рода – культурных достопримечательностях и туристских практиках. Он формируется на двух уровнях:

- на уровне формирования тура как комплексного турпродукта, имеющего культурную составляющую различного масштаба в соответствии с уровнями культурного туризма;
- на уровне отдельного культурного объекта (материальных объектов или процессов и их совокупности, конструирующих единый продукт для культурного туризма на общей концептуальной основе, например теме) [6].

Основными *задачами* культурного туризма являются: возможность удовлетворения разнообразных досуговых запросов и инкультурации его участников через актуализацию исторической памяти; расширение культурного кругозора в отношении историко-культурных традиций, обычаев, нравов, материальной культуры народов других местностей; формирование гуманистического мышления и мировоззрения; формирование культурной компетентности участников туристического процесса; адаптация и социализация личности через усвоение культурных форм; выявление положительного и отрицательного в опыте прошлого, определяющего в значительной мере ментальность нации; создание новых «точек роста» культурной политики в регионах [4, с. 9].

Фактором развития культурного туризма является исторический и

культурный потенциал посещаемой страны, уровень организации доступа к нему для всех интересующихся, бытовой комфорт проживания туристов [8, с. 3].

Необходимо отметить, что в настоящее время развитие культурного туризма напрямую зависит и от ряда других факторов. Во-первых, важным условием развития массового культурного туризма является определенная концентрация объектов культурного наследия в определенном регионе или местности, среди которых можно выделить следующие: памятники археологии (ландшафтной, культовой, гражданской); исторические города и сельские поселения; музеи, театры, выставочные залы; социо-культурную инфраструктуру; объекты этнографии, народные промыслы и ремесла, центры прикладного искусства; технические комплексы и сооружения [9].

Вторым важным фактором является уникальность этих объектов культурного наследия. Неповторимость историко-культурного наследия региона следует рассматривать как совокупность ценностей материального и нематериального достояния, в частности произведений художников, архитекторов, музыкантов, писателей, скульпторов, трудов ученых и фольклора, народных промыслов, фестивалей, религиозных обрядов, традиций в области образования и так далее [10]. Важно отметить, что национальным потенциалом обладает и социокультурная среда, включающая в себя обычаи, традиции, характерные черты хозяйственной и бытовой деятельности.

В-третьих, развитие культурного туризма зависит от наличия материально-технической базы региона. Четвертым условием принято считать экономическую развитость местности в целом, в том числе и ее туристских возможностей. В-пятых, важную роль играет эффективная работа информационных каналов, распределяющих сведения о туристских возможностях региона.

Заканчивая перечисление факторов, подчеркивающих взаимосвязь культурного туризма и историко-культурного наследия региона, отметим, что разумная творческая организация последнего позволяет не только сформировать стабильное толерантное отношение к нему, но и сохранить на длительное время мотивацию туристов [11].

Следует отметить, что в зависимости от специфики национального потенциала историко-культурного наследия можно выделить различные виды традиционного культурно-познавательного туризма. Так, например, посещение природно-культурных памятников относится к культурно-экологическому туризму; удовлетворение интересов к религиозным обычаям – к культурно-религиозному; изучение культурного наследия родины, своего народа – к культурно-этническому; посещение стран для знакомства с современной, так называемой «живой культурой» – к культурно-антропологическому; изучение предметов и явлений этнической культуры, быта, языка,

творчества, костюма, традиций и т.п. – к культурно-этнографическому туризму [12].

Как уже отмечалось, культурный туризм напрямую и неразрывно связан с межкультурной коммуникацией, которая является его неотъемлемой частью, фактором и условием развития. Межкультурная коммуникация в туризме как встреча и взаимодействие «своего» и «чужого» с целью обмена культурными смыслами предполагает, что и «свой», и «чужой» должны сохранить собственное своеобразие, свои культурные ценности, свое культурно-сообразное восприятие мира. В этом — условие их выживания и сохранения культур, и в этом же — смыслы туристской мотивации, базовые цели и ценности туристских обменов [13]. Как отмечают исследователи культурного туризма М. Робинсон и М. Смит, культурный туризм — это «гораздо больше, нежели производство и потребление «высокого» искусства и наследия»; он «проникает в глубокие концептуальные территории, имеющие отношение к тому, как мы конструируем и понимаем себя, мир и многослойные взаимоотношения между ними» [14].

Итак, представленный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время культурный туризм представляет собой соединение приятного времяпрепровождения с познанием национальной культуры других народов. Однако большое количество культурных контактов и грамотная организация использования историко-культурного наследия конкретного региона непременно влечет за собой, во-первых, широкое распространение информации о национальном потенциале наследия за его пределами и, во-вторых, стимулирует рост самосознания местных жителей, повышение их заинтересованности в культуре в целом. Культурный туризм, соответственно, обладает большим гуманитарным потенциалом, включающим в себя художественные, духовные, моральные и интеллектуальные аспекты человеческой жизни. В свою очередь, использование национального потенциала историко-культурного наследия призвано не только привлечь потенциальных туристов и обеспечить выход на международный рынок, но и сохранить фундаментальную основу самобытности народа региона [1].

Примечание

1. Бельская С.А. Реализация национального потенциала историко-культурного наследия в сфере культурного туризма // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/03/2530> (дата обращения: 31.07.2014).

2. Богданова А.А. Формирование профессиональных компетенций у студентов по культурному туризму. Автореферат на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08 - М., 2009.- 26 с.

3. Афонин Г.И. Туризм как социально-культурное явление. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – «Бухгалтерский учет, статистика». К., 2006г.- 169 с.

4. Кирова М.С. Технологии организации культурного туризма / А.В. Каменец, М.С. Кирова – М.: Мосиздатинвест, 2006. - 128 с.

5. Гаврилова Е. А. Культурный туризм как фактор развития Оренбургской области [Текст] / Е. А. Гаврилова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. II. — М.: РИОР, 2011. — С. 201-203.

6. Культурный туризм : учебное пособие / М.Д. Сущинская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 128 с.

7. Европейская ассоциация по образованию в сферах туризма и отдыха (ATLAS); Международный совет по охране памятников и исторических мест ICOMOS (International Tourism Charter, 2002); LORD Cultural Resources Planning & Management Inc.

8. Красная С.А. Культурный туризм как перспективное направление развития современного туризма // С.А. Красная, Вестн. Мос. гос. ун-та культуры и искусств.-2006.-№4.-С.125-128.

9. Гаранин Н.И., Булыгина И.И. Менеджмент туристской и гостиничной анимации: Учебное пособие. – Москва: Советский спорт, 2004 – 128с.

10. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998.

11. Кабушкин Н.И. Менеджмент туризма: Учебник. – Минск: Новое знание, 2004 – 409с.

12. Саак А.Э., Пшеничных Ю.А. Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме: Учебное пособие. – Москва – Санкт-Петербург: ПИТЕР, 2007 – 512с.

13. Мошняга Е. В. Концепт «культурный туризм» в системе концептов международного туризма [Текст] / Е. В. Мошняга // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3 – 173-178 с.

14. Smith, M. K., Robinson, M. (2006) Cultural Tourism in a Changing World: Politics, Participation and (Re)presentation. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Channel View Publications.

15. Биржаков М.Б. Введение в туризм (3-е изд.). – Москва – Санкт-Петербург: «Издательский дом Герда», 2002 – 320с.

16. Новиков В.С. Инновации в туризме. Учебник. - М.: ИЦ «Академия», 2007. - 208 с.

РАЗДЕЛ VIII .
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

УДК 341:316.7:004

О.М. Манжуева

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ: ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES:
ETHICAL ANALYSIS

Аннотация: В статье рассмотрены этические аспекты применения информационных технологий. Проводится анализ проблем, связанных с обеспечением прав человека и его фундаментальных свобод в процессе использования современных технологий, защита которых представлена в качестве приоритетной задачи информационного общества. В этой связи выделена роль информационной этики, значительно увеличивающая шансы регулирования развития информационных технологий в русле выявления преимуществ, снижая возможный вред от их применения.

Ключевые слова: безопасность; информационные технологии; информационная этика; права человека; справедливость

Annotation: The article considers ethical aspects of information technology usage and gives an analysis of problems related to ensuring human rights and fundamental freedoms while using modern technologies, the protection of which is presented as a priority task of the information society. In this context, the author emphasizes the role of information ethics that greatly increases the chance of regulation of information technologies development, revealing the advantages and reducing possible harm from their use.

Keywords: security; information technology; information ethics; human rights; justice

Принято считать, что технология сама по себе нейтральна, в прямом смысле она не может каким-либо образом оказывать негативное или позитивное влияние на развитие общества, нарушать права человека или влиять на его ценности. В то же время пути использования возможностей, предоставляемых информационными технологиями, могут способствовать продвижению ценностей человека и его прав или быть диаметрально противоположными данной задаче. «Технологии не нейтральны – они наполнены человеческими, культурными и социальными ценностями. Эти ценности можно

предсказывать, учитывать, они могут эволюционировать после многих проб и ошибок» [1, с. 11]. Соглашаясь с указанным выше мнением, выделим из пунктов Декларации прав человека ООН следующие положения и статьи, которые представляют особое значение для деятельности связанной с обеспечением безопасного использования информационной технологии, и укажем основные этические аспекты, на которые необходимо обратить внимание в процессе применения технологий.

Так, исключение различного рода дискриминации на пути достижения всеобщего и равного доступа к информации и информационно-коммуникационным технологиям, утверждает Статья 2 и отдельные положения Статьи 7.

Статья 2. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Статья 7. Все люди имеют право на равную защиту, от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Таким образом, информационные технологии, непрерывно накапливая и анализируя информацию, формируют несчетное количество банков данных классифицируемой информации, в которых персональные данные делятся на следующие категории: пол, этническая принадлежность, социальный статус, исповедуемая религия и т.д. Важным аспектом с позиции информационной этики, является сохранить права и свободы человека, не нарушая их созданием подобных классификаторов.

Далее, фундаментальное право человека на жизнь, свободу и неприкосновенность провозгласила Всеобщая декларация прав человека в Статье 3: Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

В Статье 12 она защитила данное право: Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Действительно, развитие информационно-коммуникационных технологий позволило увеличить показатели сохранения жизни и здоровья человека. Использование новых технологий значительно повысило уровень медицинских исследований и возможности технических методов обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях. Экономический эффект от использования информационно-коммуникационных технологий неоспоримо

поднял планку качества жизни современного общества. Одновременно с этим, те же самые технологии сделали жизнь человека технологически прогнозируемой, отражая со временем использование информационных технологий прямую зависимость: чем больше человек пользуется благами и услугами, предоставляемыми современными технологиями, тем его жизнь и личность становятся более уязвимыми, как в информационно-технологической, так и в реальной среде. Например, те самые технологии безопасности, стоящие на страже конфиденциальности коммуникаций человека, модифицированным образом превращаются в технологии наблюдения за его частной жизнью, нарушая все ранее провозглашённые принципы Декларации. В то же время, предоставляемая технологиями безопасная анонимность отнюдь не гарантирует эффективность защиты конфиденциальности личности.

Так же не стоит упускать из внимания тот факт, что при всей статистической точности, машинный код может содержать ошибки, и более того, намеренно быть испорченным. Указанное замечание наиболее актуально в вопросах безоговорочного доверия судопроизводства к компьютерным записям и фактам, предоставленным технологическими устройствами, с целью сбора «доказательств», что открывает большое число инфоэтических нюансов.

Статья 11. 1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

Показания человека или свидетельство машины, что заслуживает большего доверия – новая дилемма современного общества.

Способы взаимодействия человеческих мыслей, совести и даже религиозных убеждений, еще один новый вопрос информационного общества. Статья 18 Декларации прав человека констатирует: Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения ...

Статья 19, в свою очередь, предоставляет следующие возможности: Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии дают возможность каждому человеку общаться на любые интересующие его темы. Однако право свободно выражать свои убеждения в информационном обмене, даже прикрытое анонимностью, достаточно обманчиво. Те же технологии, служащие каналами по обмену информацией, становятся ограничителя-

ми информационного содержания, в других случаях идентификаторами людей, имеющих альтернативные взгляды, с целью выявления и вмешательства в их жизнь [2, с. 16-32]. По поводу вышесказанного высказалась В. Зельцер: «Свобода передавать информацию включает право на анонимное выражение мнения; свобода собраний включает право образовывать союзы, не раскрывая имен членов группы; свобода искать и получать информацию включает право слушать, смотреть и читать в частном порядке. Защита анонимности жизненно необходима для демократического дискурса. Возможность скрыть свою личность, предоставленная диссидентам, позволяет выражать взгляды меньшинства, критически важные для информированного демократического дискурса. В противном случае страх того, что личность может быть раскрыта и что человек может подвергнуться преследованиям за свои высказывания, может заставить его отказаться от высказываний вообще в политических, этнических, религиозных и других миноритарных группах» [2, с. 21].

В указанном контексте данная тема тесно переплетается с проблемой защиты конфиденциальности (Статья 12) и правом на получение и распространение информации (Статья 19), где право на свободу убеждений теряет всякий смысл с отсутствием способа выразить это убеждение. Информационные технологии дают право свободно общаться, выбирая форумы, руководствуясь своими убеждениями, но имеют возможность ограничивать общение путем установления фильтров. Таким образом, право на получение и распространение идей в информационном обществе «идет в ногу» со свободой собраний и объединением в союзы, что провозглашено в Статье 20:

1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций. Равно, как и:

2. Никто не может быть принуждаем вступить в какую-либо ассоциацию.

Возможность в информационном мире вступить человеку в различные союзы приобретает двоякую зависимость от информационно-коммуникационных технологий. С одной стороны информационные технологии стимулируют взаимодействие между людьми, существенно облегчая и упрощая его. Однако, использование информационных технологий с целью выявления членов свободно организованных ассоциаций и запретом мирных собраний, чинит препятствия в реализации идеи свободного обмена информацией. Кроме того, отдельного решения также требует вопрос, связанный с идентификацией тех, кто воздерживается в желании вступить в какие-либо союзы. Дело в том, что современные условия информационного общества могут нарушать право индивида, ограничивающего свое участие ассоциациях, осуждая его и принуждая пользоваться преимуществами информационно-коммуникационных технологий. Как уже было отмечено выше, технологии во всех отношениях и смыслах в разы усиливают связь права на личную

жизнь или конфиденциальность, описанное в Статье 12 с правом, провозглашенным в Статье 19 настоящего документа – на поиск, получение и распространение информации.

В обществе сегодняшнего дня политика и информационные технологии, также неразрывно связаны. Политически активные группы широко используют глобальную сеть в поисках электората. Лидеры политических партий в качестве основного источника распространения своих убеждений и позиций, также с целью координирования действий своих сторонников, применяют средства массовой информации и коммуникационные системы. Информационно-коммуникационные технологии, при условии законной реализации данных возможностей, вполне способны воплотить в жизнь все пункты Статьи 21, гласящие:

1. Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.

2. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране.

3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Здесь важно отметить, что при нарушении указанных условий демократические выборы теряют смысл. Примером тому могут служить такие действия, как фальсификация результатов электронного голосования или исключение значительного числа групп избирателей из списка политически активных единиц, путем лишения доступа к информационно-коммуникационным технологиям и т.д.

Следующая тема касается образования в информационном обществе, которое с внедрением информационных технологий приобретает важнейший статус и значение в социальной жизни человека. Право на образование закреплено в Статье 26 Декларации:

1. Каждый человек имеет право на образование...

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

В данном ключе, мы выделяем несколько причин, определяющих зависимость современного образования от информационных технологий. В

первую очередь, рост ценности технического образования, обусловленного масштабным применением технологии во всех областях: «оно (техническое образование) начинает рассматриваться как целесообразный путь развития карьеры...» [2, с. 24]. Вторая причина заключается в том, что информационные технологии – это неоспоримый источник знаний и один из способов взаимодействия в научно-образовательной среде. Оттого проблема цифрового расслоения общества, как никогда становится актуальна в области получения образования, решать ее важная задача для правительства в информационном обществе.

Воплощение в жизнь концепции формирования общей информационной среды, как источника распространения творческих идей – основная цель внедрения и использования информационных технологий, что отражено положениями Статьи 27:

1. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами.

2. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является.

Идеи свободного распространения информации и защита авторских прав – поле битвы столкнувшихся интересов в недрах глобальных сетей. Технические средства, позволяющие полноценно взаимодействовать в культурной жизни или технологии, нарушающие интересы правообладателей? Найти точки компромисса, определить легитимный путь культурного насыщения каждого индивида – проблема, которую призвана решить информационная этика, путем анализа возможностей информационных технологий в отношении соблюдения прав человека.

Исследователи убеждены, что на основании Декларации прав человека ООН современное информационное общество должно выбрать в качестве приоритетных ориентиров своего развития сохранение мира, обеспечение справедливости и свободы. Информационная этика конкретизирует принцип справедливости в реализации равного доступа к информации каждого индивида, принцип свободы предполагает свободосовести, убеждений, и доступ к информации, и заложен в возможности, обеспечение мира кроется в праве на участие в управлении государственных процессов, происходящих в стране [3, с. 149].

Так, в рамках информационной безопасности в ходе исследования проблем реализации прав и фундаментальных свобод человека на базе Декларации прав человека ООН, определяется одна из основных задач информационной этики: главным приоритетом применения информационных технологий на службе человеку являются защита его прав, здоровья и реализа-

ция творческих возможностей. Заранее рассматривая результаты применения информационных технологий через призму взглядов информационной этики, у общества появляется вероятность предвидеть возможные последствия их приложений, что увеличивает шанс регулировать развитие информационных технологий в русле использования преимуществ, снижая возможный вред.

Библиографический список:

1. Капулло Р. Информационная этика // Информационное общество. – 2010. – Вып. 5. – С. 5-15.
2. Этические аспекты новых технологий. Обзор. – Москва: Права человека, 2007. – 102 с.
3. Ситкевич Н. В. Рассмотрение в информационной этике дилеммного характера правовых проблем современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 3 (41): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 147-150.

УДК.658-004

Е.Б. Аюшиева

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

MAIN PROBLEMS AND TENDENCIES OF IMPLEMENTING INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ENTERPRISES

Аннотация: В статье рассматривается одна из ключевых проблем использования информационных технологий в деятельности российских предприятий – отсутствие единого стратегического плана. Дается краткое описание организационных и финансовых предпосылок для разработки ИТ стратегии. Также выявлены основные тенденции, которые необходимо учитывать при выборе возможностей развития бизнеса при помощи информационных технологий.

Annotation: The article is devoted to one of the key problems in the use of information technology in the activities of the Russian enterprises – the lack of a unified strategic plan. A brief description of the organizational and financial prerequisites for the development of an IT strategy is given. The major trends that have to be considered while choosing business development opportunities with the help of information technology are also revealed.

Ключевые слова: информационные технологии, ИТ стратегия, ИТ проект, единая корпоративная информационная система.

Keywords: information technology, IT strategy, IT project, a unified corporate information system.

Информатизация общества, появление новых форм и возможностей ведения бизнеса заставляет предприятия активнее внедрять информационные технологии в деятельность своих структур и объектов.

Бесспорно, что информатизация процесса управления финансовыми, информационными, материальными потоками, рабочими местами и коллективами людей является важнейшим условием для достижения стратегической цели – успешного развития бизнеса.

Тем не менее, многие руководители различных уровней неверно считают, что использование информационных технологий всегда дает быстрый и положительный результат. Кроме того, в реальной жизни многие решения в области внедрения информационных технологий принимаются не в результате анализа реальных потребностей предприятий, а под влиянием рекламы, данных о затратах на информационные технологии на аналогичных предприятиях, а также в силу предпочтений отдельных пользователей или специалистов относительно тех или иных приложений.

Поэтому для руководителей, которые несут ответственность за деятельность предприятий в целом, как и для тех, кто отвечает за применение информационных технологий, необходим анализ реальных потребностей и формирование единого стратегического плана в области развития и применения информационных технологий (ИТ-стратегии).

В большинстве случаев руководители предприятий не составляют жестких долгосрочных планов развития информационных технологий, а применяют проблемный подход. Когда появляется потребность в информатизации какого-либо бизнес-процесса, руководство решает начать соответствующий проект, составляя конкретный план его выполнения. При этом, как считают руководители, самым трудным является не планирование, а создание финансовых и организационных условий для реализации ИТ проектов. Так, по данным исследования 2012 г. рейтингового агентства «Эксперт РА», руководители предприятий относят фактор отсутствия целостной ИТ-стратегии – к самым незначительным факторам риска, при этом специалисты – к самым серьезным. По сводным оценкам, ИТ стратегия есть у всего лишь 30% Российских предприятий и еще 50% хотят ее иметь [2].

Отсутствие целостного стратегического плана развития информационных технологий приводит к ряду проблем:

– информационные технологии внедряются и распространяются произвольно, и в результате образуются неэффективные наборы «ост-

ровков технологий», плохо совместимых между собой, т.е. формируется большое количество не связанных между собой проектов по внедрению информационных технологий, инициированных различными подразделениями компании. И главная проблема, над которой приходится ломать голову при реализации нового ИТ проекта, как обеспечить совместимость нового оборудования или программного обеспечения с уже имеющимся набором систем;

- растет количество закрытых или замороженных ИТ проектов (риск закрытия проекта по причине тех или иных изменений в бизнесе, обусловленных внешними или внутренними причинами, растет);

- неэффективная структура затрат на информационные технологии (наибольшая часть затрат приходится на эксплуатацию и интеграцию существующих необъединенных систем, а не на новые информационные технологии);

- неэффективная структура и численность подразделения информационных технологий. Организационная структура ИТ подразделения не обеспечивала информационно-технологическое развитие предприятия, так как не соответствовала его общей стратегии ведения бизнеса;

- снижаются финансовые показатели деятельности предприятия. Однако, зависимость между наличием или отсутствием ИТ стратегии и финансовыми показателями предприятий довольно слаба и проявляется лишь в долгосрочной перспективе.

Путь от разработки общей стратегии бизнеса до запуска в эксплуатацию конкретных информационных систем довольно сложен и длинен. Формирование полноценного стратегического плана развития ИТ начинается только при наличии всех основных организационных и финансовых предпосылок. При этом для успешного стратегического планирования нужны те же условия и предпосылки, что и для успешного выполнения любых проектов в сфере информационных технологий [2].

Основные организационные и финансовые предпосылки для разработки ИТ стратегии:

- наличие у предприятия общей стратегии развития бизнеса;
- долгосрочные развитие партнерских отношений и согласованная работа всех трех участников ИТ стратегии: генерального директора, руководителя ИТ подразделения и руководителей функциональных подразделений (пользователей);

- единое видение направлений информатизации и автоматизации деятельности предприятия у всех участников ИТ стратегии;

- готовность постоянно инвестировать в информационные технологии суммы, соответствующие масштабу задач;

- стабильное положение предприятия на рынке.

Кроме того, более широкое видение стратегических возможностей развития бизнеса дает понимание основных тенденций связанных с интеграцией информационных технологий в деятельность предприятий.

Во-первых, информационные технологии влияют на отрасли и фирмы различным образом. От типа стратегического влияния, размера и формы собственности предприятия зависят подходы и инструменты управления процессом информатизации, а также уровень расходов. Например, малые и средние фирмы зачастую используют информационные системы для автоматизации учета финансово-хозяйственной деятельности, стоимостью от 30 до 100 тысяч рублей. Для крупной корпорации, такой как ООО «Газпромтрансгазюгорск», стоимость внедрения крупной интегрированной информационной системы SAP R3 превышает 500 тысяч долларов.

Во-вторых, предприятия все чаще покупают готовое программное обеспечение и услуги в области информационных технологий, а не создают их сами. Связано это с постоянно растущим ассортиментом информационных товаров и услуг на электронном рынке. Тем не менее, вопрос выбора источника информационных технологий для многих российских предприятий является достаточно проблематичным.

Например, первоначально в компании «Ингосстрах» использовалась дешевая информационная система собственной разработки на основе СУБД Oracle, однако изменения на рынке страхования, вынудили руководство компаний принять решение в пользу покупки уже готовой более совершенной информационной системы управления «APM Страховщика» компании TopS Business Integrator.

Крупнейшими потребителями готовых программных продуктов остаются предприятия процессного производства, оптовой и розничной торговли. Их совокупная доля на рынке составила более 40%. Также растет спрос на соответствующие решения со стороны транспортных компаний, организаций коммунального хозяйства, государственных учреждений.

В целом по России на конец июля 2014 года наиболее часто внедряемыми платформами можно назвать 1С: Предприятие 8.0, также Галактика ERP, Microsoft Dynamics AX, Microsoft Dynamics NAV, SAP ERP. Важно отметить, что более 83% предприятий относящихся к стратегически важным отраслям, используют ERP-системы на основе зарубежных технологических платформ и находятся в зоне повышенных рисков прямого или отложенного внешнего воздействия [3].

В-третьих, к 2014 году российский рынок автоматизированных систем управления предприятием достиг зрелости: в том или ином объеме, большинство компаний среднего и крупного бизнеса уже используют информационные системы управления.

Растет стремление заказчиков к сокращению стоимости внедрения и владения систем управления ресурсами предприятия. Заказчики хотя очень четкой отдачи от внедрения, определенного экономического эффекта. Для достижения этих целей используются различные средства: замена системы на более «экономичную» (за счет лицензионных отчислений и меньших затрат на поддержку), внедрение информационной системы управления поэтапно (позволяет разбить масштабный проект на несколько более дешевых).

Как говорят специалисты фирмы 1 С: «Для достижения видимого экономического эффекта заказчики стремятся расширять области применения системы, применять современные методики управления производством, переходить на электронный документооборот. В силу этих же причин поставщики информационных систем управления отмечают рост популярности отраслевых решений, которые минимизируют затраты предприятия на проект внедрения за счет наличия заранее разработанного функционала для управления и учета в соответствии с требованиями специфики соответствующей отрасли» [2].

В-четвертых, рост интереса к облачным и мобильным технологиям. Развитие сегмента облачных технологий является логическим следствием стремления заказчиков получить доступ к возможностям автоматизированных систем управления ресурсами предприятием за меньшие деньги.

На российском рынке достаточно быстро растет количество предложений получить доступ к платформе «1С» из облака, развитием таких возможностей занимаются многочисленные франчайзи компании. ИТ-компании отмечают, что преимущественно спрос на такие решения формируют средний и малый бизнес. Что касается решений западных компаний, то пока их использование ограничено узким кругом проектов.

В области мобильного доступа большинство крупнейших компаний информационных систем на российском рынке либо уже предлагает соответствующие клиенты для мобильных платформ, либо готовит их скорый выпуск как, например, «Галактика».[2]

В-четвертых, основным тормозом успешной адаптации предприятий к современным информационным технологиям является человеческий фактор. Так как скорость внедрения информационных технологий напрямую зависит от уровня инновационности всего персонала и его способности быстро обучаться. В этой связи чрезвычайно важно разъяснить персоналу, какую выгоду принесет внедрение решений в области ИТ, на какие преимущества сможет рассчитывать конкретный сотрудник на своем рабочем месте. Не менее важно соотнести расходы на внедрение и сроки окупаемости инвестиций. Особенно актуален этот вопрос при внедрении зарубежных продуктов. Ведь при реализации соответствующих проектов фактически не учиты-

ваются традиции российской школы проектирования, особенности нормативной базы и специфика ведения бизнеса. Методики внедрения зарубежных систем на отечественных предприятиях зачастую требуют перестройки не только всего производства, но и отношений с другими организациями. Наряду с техническим переоснащением и переобучением персонала требуется учитывать особенности российского законодательства, смежных производств, отношений между заказчиком и исполнителем. Все эти особенности приводят к тому, что ожидаемый эффект от внедрения снижается, а иногда сводится на нет [4].

Таким образом, при разработке ИТ-стратегии необходимо учитывать не только реальные потребности и возможности конкретного предприятия, но также все основные тенденции развития и внедрения информационных технологий. Только ИТ-стратегия даст руководителю предприятия четкое представление о всех стратегических преимуществах, которые могут дать их производству современные информационные технологии в условиях все возрастающей конкурентной борьбы.

Список использованных источников:

1. Российские предприятия задумались об автоматизации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/press/loginfo/2001-05/66-69.shtml>
2. Стратегические цели предприятий и информационные технологии / Рейтинговое агентство «Эксперт РА» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/researches/strategy/>
3. Системы управления предприятием (рынок России) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php>
4. Урсуа И.С. Системы, от которых зависят эффективность производства, качество продукции и комфортные условия труда на каждом рабочем месте // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xn--hl1aelen.xn--plai/partners/52.html>

УДК 37.01:004

Е.В. Целовальникова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

CONTEMPORARY TRENDS IN DISTANCE LEARNING

Аннотация: Рассматриваются история и текущее состояние дистанционного обучения. Приводятся сведения о проекте MIT OpenCourseWare. Рассматривается потенциальное влияние дистанционного обучения на российскую систему образования.

Abstract: The history and current state of distance learning are discussed. Information on the MIT OpenCourseWare project is provided. The potential influence of distance learning on the Russian educational system is discussed.

Ключевые слова: дистанционное обучение, opencourseware, образовательные порталы, онлайн-курсы.

Keywords: distance learning, opencourseware, educational portals, online courses.

Дистанционное обучение – взаимодействие учителя и учащихся между собой на расстоянии. Дистанционное обучение осуществляется посредством почты, телевидения, радио и информационно-коммуникационных технологий. Исторически первой средой передачи информации при дистанционном обучении явилась почта. С появлением доступной почтовой связи в Европе в конце 18 в. возникло т.н. корреспондентское обучение. Учащиеся по почте получали необходимые учебные материалы, вели активную переписку с преподавателями. К началу 20 в. подобные курсы насчитывали миллионы слушателей. С появлением радио университеты начали транслировать свои лекции по радио. К 1922-му г., например, у университета Нью-Йорка появилась собственная радиостанция и планировалось со временем передавать по радио все свои курсы. Этому примеру последовали многие университеты. Студенты читали учебники и слушали по радио лекции, затем отправляли выполненные задания. С появлением телевидения учебные заведения начали активно использовать его в образовательных целях. Следующим этапом в развитии стало повсеместное использование персональных компьютеров и ИКТ. Электронное обучение начало развиваться в 1980-х гг. В настоящее время именно ИКТ стали главным средством при дистанционном обучении. Все больше университетов выкладывают в открытый доступ свои лекции и задания. Особенный интерес представляет проект OpenCourseWare Массачусетского института технологий. Это проект по публикации в свободном доступе материалов всех курсов института. Данный проект начал развиваться в 2000 г. В самом начале сайт содержал порядка 50 курсов. В 2003 было добавлено еще 450 курсов. В 2005 опубликовано 1250 курсов, а также учрежден консорциум OpenCourseWare. В 2007 опубликована почти вся учебная программа (1800 курсов). В 2010 доступно 2000 курсов. В настоящее время многие курсы доступны на следующих языках: китайский, тайский, португальский, испанский, персидский, турецкий и корейский[1].

Количество посетителей сайта возросло с 2 млн. в 2007, до 50 млн. в 2008 и 100 млн. в 2010. По последним статистическим данным на март 2014, доступным на сайте[2], всего посетителей более 199 миллионов, в том числе уникальных посетителей – более 94 млн. В следующем десятилетии МИТ ожидает увеличение численности посетителей сайта до 1 миллиарда человек[3]. Аналогичные цели поставили перед собой образовательные порталы Coursera и Google.

Столь стремительное развитие дистанционного электронного обучения обусловлено следующими причинами[4]:

- массовым спросом на образование в течение всей жизни;
- невозможностью в достаточной мере обеспечить данный спрос финансированием из государственных бюджетов;
- стремлением людей обучаться по индивидуальным учебным планам, не укладывающимся в рамки формализованных образовательных программ (по причине необходимости работать во время учебы большинство обучающихся в университетах не укладываются в заданные формализованными программами сроки обучения);
- постоянным ростом цен на формализованное образование;
- стремлением государств и участников рынка образования найти эффективный инструмент конкурентной борьбы на международном уровне.

В числе потенциальных угроз подобных курсов депутат Госдумы О.Смолин называет потерю национального образовательного рынка, массовый отток капитала, стремительное нарастание утечки умов, ослабление интеллектуального потенциала и национальной системы образования, погружение студента иностранного электронного университета в культуру другой страны и в качестве выхода предлагает создать в России отечественную индустрию электронного обучения и принять отдельный закон на эту тему.

Другой эксперт в области образования – Я.Кузьминов, ректор ВШЭ, считает, что онлайн-курсы должны вытеснить от трети до половины общих курсов, которые читаются в университетах[5]. Того же мнения придерживается зам. министра МОН А.Климов, который считает, что программы вузов должны включать минимум 20% онлайн-курсов[6].

Среди лидеров онлайн-образования в России можно выделить Универсарium, Интуит, Лекториум, УниверТВ. Особое место среди них занимает UNIWEB. UNIWEB – отечественная платформа онлайн-обучения. Ее создатель А.Оганов утверждает, что клиенты UNIWEB будут получать дипломы МГУ, МГИМО и др. ведущих российских вузов[7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное образование в существующем виде в ближайшие годы будет претерпевать значительные изменения. Онлайн-курсы в скором времени вполне могут стать за-

менной занятиям по отдельным дисциплинам, которые в настоящее время ведутся в стенах вузов.

Список литературы

1. MIT OpenCourseWare: Translated Courses/ URL: <http://ocw.mit.edu/courses/translated-courses/>
2. MIT OpenCourseWare: Monthly Reports. URL: http://ocw.mit.edu/about/site-statistics/monthly-reports/MITOCW_DB_2014_03.pdf
3. MIT OpenCourseWare: The Next Decade of Open Sharing: Reaching One Billion Minds. URL: <http://ocw.mit.edu/about/next-decade/initiatives/>
4. Смолин О.Н. Высшее образование накануне потрясений: заочный диалог с министром [Электронный ресурс] // URL: <http://www.smolin.ru/news/3/3385/>
5. Интервью с ректором ВШЭ Я.Кузьминовым «Неприятные рейтинги нам вдвойне полезны» URL: <http://lenta.ru/articles/2013/12/27/kuzminov/>
6. «Климов: Программа в вузах РФ должна включать минимум 20% онлайн-курсов» URL: <http://ria.ru/education/20131023/972039024.html>
7. Е.Краузова. Как учиться в ведущих вузах страны через Интернет [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbcdaily.ru/media/562949988663542>

УДК 378.4
Л 771

В.А. Лопатина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

TRANSFORMATION OF INFORMATIONAL CULTURE OF STUDENTS: A LONGITUDINAL RESEARCH EXPERIENCE

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам изучения и формирования информационной культуры на примере лонгитюдного исследования студентов гуманитарного факультета технического вуза в 2005-2014 гг.

Abstract. The article is devoted to some aspects of the study and formation of information culture on the example of longitudinal research of students of humanitarian faculty of technical University in 2005-2014.

Ключевые слова: Информационная культура, информационное поведение, информационная нагрузка, информационные ситуации, профессиональные компетенции, высшие учебные заведения, студенты

Key words: information culture, information behavior, information overload, information situations, professional competence, higher educational institutions, students

Формирование информационной культуры – проблема комплексная, многоаспектная. Для ее решения необходимо внести в сознание студента знания о специфике функционирования информации в обществе; сформировать понимание механизма информационного обмена и необходимость учета его специфических особенностей во всех процессах жизнедеятельности; привить навыки использования информационных ресурсов, накопленных обществом.

Каждое из перечисленных направлений представляет собой совокупность задач, решаемых различными методами в рамках разных социальных институтов (семья, вуз, учреждения культуры, средства массовой информации и др.).

Однако, несмотря на осознание значимости этой проблемы и отражение ее в достаточно большом числе публикаций, [1, 2 и др.] на сегодняшний день не выработано единого определения дефиниции "информационная культура". Еще менее разработанной является проблема информационного поведения личности. Вероятно, наиболее оптимальным является определение специалистов, считающих информационную культуру одной из граней общечеловеческой культуры или информационной компонентой человеческой культуры в целом.

Многие специалисты считают, что информационную культуру личности следует изучать и формировать в контексте умений и навыков самостоятельного наращивания профессиональных и любых других знаний, востребованных повседневной жизнью [например, 3]. И тогда понятие "информационная культура" включит очень многие составляющие:

- культуру поиска новой информации при понимании личностью того, что устранение информационного дефицита всегда связано со значительными психологическими трудностями, а часто и ломкой стереотипов (современный поиск предполагает умение проанализировать свои ИП, использование формальных и неформальных каналов получения информации, освоение возможностей новых информационных технологий и т.д.);
- культуру чтения и восприятия информации, понимание особенностей современных текстовых сообщений и необходимости анализа всего "документального шлейфа" изучаемого направления;
- сознание того факта, что любое профессиональное чтение есть средство получения знаний (в противовес его рассмотрению только в качестве способа устранения информационного дефицита, возникшего при решении текущих задач);

- умение перерабатывать большие массивы информации с использованием как информационных (компьютерных) технологий, так и интеллектуальных нормализованных методик (поаспектного анализа текстов, контент-анализа, классификационного и кластерного анализа и т.д.);
- умение генерировать собственные ПОБД и вести личные поисковые системы; понимание важности межличностного профессионального общения для успешности любой трудовой деятельности;
- стремление к повышению уровня коммуникационной компетентности; воспитание в себе терпимости к чужим точкам зрения и мнениям, готовности не только получать, но и отдавать знания;
- умение находить партнеров по совместной деятельности с использованием для этого телекоммуникационных каналов связи;
- умение четко и доказательно излагать результаты собственной деятельности, в том числе, с учетом уровня подготовленности и настроя целевой аудитории;
- знание норм, регламентирующих использование интеллектуальной собственности.

Информационная культура проявляется в информационном поведении людей. **Под информационным поведением мы понимаем образ действий, совокупность усилий, предпринимаемых человеком для получения-усвоения и использования-создания нового знания, его передачи и распространения в обществе.**

С развитием общества становится все более очевидным, что люди без образования, не умеющие самостоятельно наращивать профессиональные знания и, при необходимости, переквалифицироваться, вытесняются за грань условий жизни, достойных человека. И если прежде причины социального неравенства связывали с происхождением и наличием гражданских прав, собственностью и доходами, положением в социальной структуре общества, сегодня фактором расслоения становится уровень информационной культуры, проявляющийся в информационном поведении.

Информационное поведение, с одной стороны, отражает активность личности как познающего субъекта, его умение ориентироваться в информационном пространстве. С другой стороны, в информационном поведении проявляется степень доступности и комфортности использования совокупных информационных ресурсов или, иными словами, те возможности, которые общество предоставляет индивиду, стремящемуся состояться как профессионалу и личности. Представляется, что в самое ближайшее время судьба каждого конкретного человека будет зависеть от того, насколько он способен своевременно находить, получать, адекватно воспринимать и продуктивно использовать новую информацию (точнее, новое знание) в своей повседневной жизни.

Доказано, что информационное поведение различных социальных групп поддается наблюдению, сопоставлению и оценке. В настоящее время предложена модель эталонного информационного поведения специалиста начала XXI века, включающая следующие компоненты:

- осознание важности непрерывного образования и сознательное стремление к нему;
- ориентация на мировые информационные ресурсы;
- комплексное использование различных каналов получения информации;
- способность к рефлексии и реальной самооценке уровня собственной информационной компетентности;
- стремление к профессиональному общению, к обмену знаниями;
- активность в распространении нового знания;
- соблюдение этических норм делового общения.

На формирование информационного поведения студентов значительное влияние оказывает ситуация. Происходит это по одной простой причине – любое поведение проявляется в какой-либо ситуации. Это не означает, что оно всегда формируется в зависимости от конкретных обстоятельств, но во многих случаях давление ситуационных факторов на поведение человека очень велико.

Ситуационное влияние осуществляется за счёт различных факторов, происходящих в определённое время в определённом месте и не зависящих от пользователей и объектов.

Все информационные ситуации можно разделить на три основных типа:

- **ситуации коммуникации,**
- **получения информации,**
- **использования информации.**

Ситуации коммуникации могут быть определены как условия, в которых пользователь участвует в процессе личного или неличного общения. Личное общение заключается в основном в разговоре с посредниками (библиотекарями), другими пользователями, преподавателями, научными руководителями, родителями, товарищами. Неличная коммуникация включает в себя контакты с широким спектром автоматизированных возможностей, таких как Интернет, наличие различных АИПС, публикации, освещающие деятельность различных учреждений, представляющих информацию, в т.ч. рекламную продукцию.

Под ситуациями получения информации понимаются условия, в которых пользователи получают информацию и информационные услуги. Ситуационные факторы в момент получения информации очень важны.

Рассматривая влияние ситуации получения информации, нельзя не обратить внимание на роль **информационной среды** (среды учреждения, представляющего информацию) и фактора времени. **Информационная среда** – это все доступные пользователю данные в момент получения информации или информационной услуги. Основными характеристиками этой среды являются доступность информации, её количество, формы организации и представления.

Доступность информации – это один из аспектов создания информационной среды, позволяющей пользователям сделать разумный, информированный выбор.

Информация может поступать либо из внешней среды, либо из памяти пользователя. Конечно, не вся доступная информация используется в ходе принятия решения, потребитель может и не приложить усилий к поиску каких-либо внешних данных. Точно так же и хранящаяся в памяти информация в каждый конкретный момент времени может быть доступна или необходима не полностью.

Информационная нагрузка при совершении выбора определяется числом альтернатив и количеством показателей каждой альтернативы. При увеличении числа альтернатив, правила принятия решения могут изменяться.

Организация информации также может повлиять на поведение пользователей.

Например, использование пользователями информации может зависеть от того, как информация организована и представлена в библиотеке.

От организации информации также зависит порядок её получения и обработки, а также время, необходимое для принятия решения.

Форма представления информации – то, как представлена информация, может иметь большое значение. Так, информация может быть представлена либо в цифровом, либо в семантическом (превосходный, хороший, средний и т.д.) виде. Цифровые данные облегчают сравнение показателей.

А теперь попробуем проиллюстрировать все вышесказанное на примере конкретного социологического исследования.

В рамках проблемы изучения пользователей как исходной базы формирования комфортной информационной среды в вузе в 2005 году было проведено исследование информационных потребностей студентов гуманитарного профиля и источников их удовлетворения [5]. В 2014 г. состоялась попытка частичного повторения этого исследования в части использования ресурсов библиотек г. Новосибирска студентами-первокурсниками также гуманитарного факультета направление «реклама и связи с общественностью» НГТУ.

Как известно, пользователи Новосибирска находятся в уникальной информационной ситуации, обладая возможностью использования таких крупных информационных ресурсов как ГПНТБ СО РАН, Областная научная и юношеская библиотеки, библиотеки крупных вузов. Как использовали и используют эти ресурсы студенты-первокурсники?

В 2005 г. к фондам ГПНТБ обращалось 32% респондентов, в 2014 – только 34%. В 2005 г. фондами НГОНБ пользовалось 48%, в 2014 только – 2%. В 2005 г. студенты-первокурсники посещали Областную юношескую библиотеку (36%), в настоящее время никто из опрошенных эту библиотеку не назвал. Примерно одинаковое количество студентов используют в качестве ресурсной базы районные библиотеки (18 и 16 % соответственно). В настоящее время библиотекой НГТУ пользуются 88% первокурсников. По 9% опрошенных назвали электронную библиотеку и указали, что не пользуются библиотеками совсем.

Основной причиной предпочтительного обращения в библиотеки удобное месторасположение – назвали 32% опрошенных в 2005 и 70% в 2014. Наличие дополнительных услуг (ксерокопирование, подбор литературы по электронным каталогам, картотекам, Интернет, абонемент (выдача литературы на дом, доступ к полнотекстовым БД) – назвали 26% в 2005 г., 9% в 2014 г., более комфортные условия работы привлекали 14% первокурсников в 2005 г. в 2014 – 36% привлекает удобный поиск в электронных каталогах.

Как мы уже говорили, одной из составляющих информационного поведения является выработанная потребность в получении новой информации и источники, из которых пользователь получает информацию об изданиях.

42% опрошенных в 2005 г. называли в качестве постоянно используемого источника – Интернет, в 2014 г. таких респондентов уже 80%. Рекомендации научного руководителя востребованы примерно одинаково (36 и 39 % соответственно). Значительно уменьшилось влияние на выбор источников информации рекомендации друзей и родителей (48 и 14% соответственно).

32% опрошенных первокурсников в 2005 г. постоянно обращались в библиотеки за учебной литературой, в 2014 – 84%, кроме того, по данным исследования 2013 года 44% опрошенных обращаются за научными изданиями (монографиями, диссертациями, научными журналами). 22% обращались к электронному каталогу в 2005 г., в 2014 г. таковых – 30%, причем 9% опрошенных используют только электронный каталог.

Доступ потребителя к информационным ресурсам удобнее всего может быть осуществлен в информационной среде, которая должна обеспечивать:

- возможность применения информационных ресурсов в условиях многопрофильного образовательного пространства;
- доступность ИР потребителям разного уровня профессиональной компетентности и различного образовательного и социально-экономического статуса;
- последовательность всех этапов и уровней образовательного процесса;
- формирование информационной культуры, правильного информационного поведения субъектов образовательного пространства.

В отечественной науке в рамках акмеологического направления разрабатывается идея ключевых компетентностей, необходимых для формирования специалиста. К **общепрофессиональным компетенциям** относятся: умение использовать современные информационные технологии для получения доступа к источникам информации, приема, хранения и обработки полученной информации; способность к преобразованию информации; владение мультимедийными технологиями, компьютерной грамотностью, электронными Интернет-технологиями; умение использовать глобальные источники знаний; мотивация к обучению на протяжении всей жизни; владение методологическими навыками; способность к синтезу.

Студенты все больше предпочитают неформальные каналы получения информации, лично общаясь с преподавателями для решения не только учебных задач, но и организационных вопросов, что находит подтверждение, в частности, в повседневной работе кафедры социально-массовых коммуникаций (СМК) НГТУ. Учитывая специфику будущей специальности, вероятно, умение построения личных коммуникационных связей, с нашей точки зрения, должно приветствоваться, хотя, конечно, требует дополнительных временных затрат. Однако, следует отметить, что часто потребность в личных контактах вызвана не необходимостью, а часто неумением осуществлять поиск и читать документы – обучению умениям и навыкам чего и должно уделяться больше внимания при организации соответствующих учебных курсов.

Примечания

1. Бородина, В.А. Читательское развитие личности: теоретико-методологический аспект: авторф. дис. ...д.п.н. / В.А. Бородина. СПб, 2007.
2. Гендина, Н.И. Концепции формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации / Н.И. Гендина // Библиосфера, 2005. № 1. С. 55-62.
3. Паршукова, Г. Б. Библиотека и ценности современной культуры / Г. Б. Паршукова //Библиотеки вузов Урала: проблемы и опыт работы : науч.-практ. сб. : [материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Университетская библиотека: информационные сервисы для науки и обра-

зования», 19–22 нояб. 2012 г.]. Екатеринбург : УрФУ, 2012. Вып. 11. С. 12–17.

4. Паршукова, Г. Б. Особенности информационного поведения в современном медиaprостранстве / Г. Б. Паршукова, Т. А. Воробьёва // Информационное образование и профессионально-коммуникативные технологии XXI века: сб. материалов Междунар. научно-практ. конф., Одесса, 8-10 сентября 2011 года / Под общ. ред. В.Г. Спринсяна. Одесса: "Симэкс-Принт", 2011. С.48-51

5. Лопатина, В. А. Информационное поведение студентов как составляющая качества образования / В. А. Лопатина // Качество образования : менеджмент, достижения, проблемы : материалы VI Международной научно-методической конференции (НГТУ, 23-25 мая 2005 г.) / под ред. Н. В. Пустового. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2005. С. 661–662.

6. Лопатина, В. А. Информационная культура будущего специалиста как составляющая информационной среды вуза / В. А. Лопатина // Библиотека педагогического учебного заведения в информационном мире : материалы регионального научно – практического семинара 8-10 ноября 2006 года / Новосибир. гос. пед. ун-т [и др.] ; [сост. : Л. Н. Есина, А. С. Земцова, ред. З. А. Чеканова]. Новосибирск : Архивариус Н, 2007. С.87-97.

УДК 719:002.5

В.В. Федотов

ПРИМЕНЕНИЕ SOAP И REST ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ РЕСУРСОВ ОБ ОБЪЕКТАХ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

APPLICATION OF THE SOAP AND REST METHODS FOR THE INTEGRATION OF INFORMATION RESOURCES ABOUT OBJECTS OF NATURAL AND CULTURAL HERITAGE

Аннотация: Статья о возможностях применения протокола SOAP и метода взаимодействия REST при проектировании распределённого Веб-приложения для интеграции информационных ресурсов об объектах природного и культурного наследия.

Abstract: The article studies potential applications of the SOAP standard and the REST interaction method for the design of distributed Web-based applications for the integration of information resources about objects of natural and cultural heritage.

Ключевые слова: информационные ресурсы, культурное наследие, языки описания, информационный обмен, протоколы обмена, REST, SOAP, интеграция данных.

Keywords: Information resources, cultural heritage, description languages, information resources, exchange protocols, REST, SOAP, data integration.

Развитие интернет и информационных технологий, открывает новые возможности по сохранению объектов культурного и природного наследия. Для распространения информации об объектах, для их инвентаризации нужна единая база данных. Такая база данных должна предоставлять возможности по интеграции, чтобы сайты туристической, образовательной и региональной тематики могли опубликовать описание объектов природного и культурного развития в своих разделах.

Для обеспечения отказоустойчивости такой базы данных, следует обеспечить возможности дублирования информации об объектах природного и культурного наследия в различных узлах такой распределённой базы данных.

Примером успешного распределённого хранилища являются файлобменные пиринговые сети, в которых файлы многократно дублируются и хранятся на компьютерах пользователей.

Такой-же подход можно применить для хранения информации об объектах природного и культурного наследия, но вместо компьютеров пользователей в качестве хранилищ будут выступать серверы — участники сети информационного обмена. Вместо установки программы на компьютер клиента, на Веб-сервер участника сети информационного обмена будет устанавливаться веб-приложение. Установка такого веб-приложения позволит получить доступ к описаниям объектов культурного и природного наследия, а также стать участником сети информационного обмена и получить право на внесение изменений в распределённую базу данных. Выделение участников информационного обмена в сети позволит решить проблему идентификации объектов внутри сети совместное внесение правок в описания, позволит сократить усилия на создание такой базы данных путём привлечения большего числа организаций к процессу редактирования информации об объектах.

Рассмотрим возможности применения технологий SOAP и REST для создания веб-приложения и распределённой базы данных информационного обмена.

SOAP (от англ. Simple Object Access Protocol — простой протокол доступа к объектам; вплоть до спецификации 1.2) — протокол обмена структурированными сообщениями в распределённой вычислительной среде. [1]

SOAP это расширение протокола XML-RPC, который был создан компанией Microsoft. Изначально SOAP, как и XML-RPC предназначался

для реализации удалённого вызова процедур (RPC). Сейчас протокол используется для обмена произвольными сообщениями в формате XML, а не только для вызова процедур. Начиная с версии 1.2 протокола, название никак не расшифровывает аббревиатуру SOAP.

Транспортные протоколы SOAP: SMTP, FTP, HTTP, HTTPS. В проектируемом приложении предполагается обмен информацией об объектах в online режиме, поэтому актуальны только HTTP и HTTPS протоколы.

SOAP является одним из стандартов, на которых базируются технологии веб-сервисов. Веб-сервисы используют архитектуру клиент-сервер, поэтому в информационном обмене участвуют две стороны клиентская и серверная. Обмен информацией по протоколу SOAP осуществляется путём передачи XML сообщений. Рассмотрим на примеры таких сообщений.

Пример 1. Запроса SOAP клиента для получения списка идентификаторов объектов природного наследия

```
<soap:Envelope
xmlns:soap="http://schemas.xmlsoap.org/soap/envelope/">
  <soap:Body>
    <getIDList xmlns="http://nasledierb.ru/ws">
      <rtype>Nature</rtype>
    </getIDList>
  </soap:Body>
</soap:Envelope>
```

SOAP сообщение имеет теги заголовка — soap:Envelope, тела — soap:Body, теги вызова операции на сервере — getIDList, теги параметров операции — rtype. В данном примере единственному параметру rtype присвоено значение — Nature.

Данное сообщение отправляется серверу и вызывает на нём выполнение операции getIDList(rtype=Nature), результат выполнения операции будет отправлен клиенту обратно.

Пример 2. Ответ SOAP клиенту. Возвращается список идентификаторов объектов природного наследия

```
<soap:Envelope
xmlns:soap="http://schemas.xmlsoap.org/soap/envelope/">
  <soap:Body>
    <getIDListResponse xmlns="http://nasledierb.ru/ws">
      <list>
        <id>f06d2584a0</id>
        <id>f06d2584a1</id>
      </list>
    </getIDListResponse>
  </soap:Body>
</soap:Envelope>
```

```
<id>f06d2584a2</id>
...
<id>f1672400e1</id>
<id>f1672400e2</id>
<id>f1672400e3</id>
</list>
</getIDListResponse>
</soap:Body>
</soap:Envelope>
```

Данные ответа заключены между открывающим и закрывающим тегами `getIDListResponse`, что говорит нам, что это ответ на вызов операции `getIDList`. Формат кодирования данных в ответе, наименование тегов и их вложенности и уровень в иерархии должны быть описаны в схеме SOAP обмена. Схема обмена представляет собой специальный XML файл с расширением WSDL. Помимо описания структур обмена данными в нем перечислены все операции поддерживаемые сервером, а также их аргументы и типы аргументов. Таким образом в случае применения SOAP все аспекты информационного обмена должны быть чётко прописаны в соответствии с требованиями к WSDL схемам.

Рассмотрим возможность выполнения информационного обмена с применением технологии REST.

REST (сокр. от англ. Representational State Transfer — «передача репрезентативного состояния»). [2]

Если попытаться кратко дать определение технологии REST, то это набор практик информационного обмена в основе которых возможности HTTP и HTTPS протоколов. HTTP протокол в процессе обмена использует, т. н. методы. Методы HTTP — это команды которые HTTP клиент, например, браузер посылает Веб-серверу. Так, чтобы получить список ресурсов природного наследия клиент вызовет метод GET:

```
GET http://nasledieb.ru/rest.php?op=getIDList&rtype=Nature
```

HTTP предусматривает множество разных методов, но чаще используют методы GET и POST. URL спецификация позволяет передавать странице набор параметров, так в приведённом примере странице `rest.php` передан параметр `rtype` со значением `Nature`. Отметим, таким образом и для SOAP и для REST технологии параметры операций нужно передавать, как именованные параметры. Имя операции `getIDList`, в случае REST можно также передать как параметр URL адреса GET.

Пример 3. REST ответ клиенту. Список идентификаторов объектов природного наследия

```
["list":["f06d2584a0','f06d2584a0"f06d2584a0'...'f1672400e3"]]
```

В отличие от SOAP, для REST формат ответа не задан жёстко, также отсутствует и схема информационного обмена. В качестве формата REST ответа, выбран формат JSON. Этот формат также, как и XML позволяет описывать экземпляры объектов и структур данных в текстовом формате, но в отличие от XML он намного лаконичнее, а следовательно и компактнее (см. Пример 3).

Рассмотрим на примерах, отправку запросов клиентами SOAP и REST. Выполнять SOAP запросы из PHP программы, позволяет встроенный класс SoapClient. Данный класс может использовать схемы WSDL, для получения списка операций и их параметров, кешировать схемы с целью повышения производительности. В примере 4 создаётся экземпляр класса \$client, который в конструкторе получает ссылку на WSDL описание веб-сервиса, затем вызывается метод, которому передаётся именованный параметр rtype со значением Natur. Ответ сервера может возвращаться как в виде простого значения, так и в виде объекта. Для сложных структур данных потребуется разбирать свойства XML объекта самостоятельно.

Пример 4. Выполнение SOAP запроса на php

```
$client = new SoapClient('http://nasledierb.ru/ws');
$res = $client->getIDList( array('rtype'=>'Nature') );
if (!empty($res))
{ // обработка XML ответа $res->Result
...
}
```

Выполнение REST запроса, возможно с использованием функции PHP file_get_contents, которая позволяет получить не только содержимое файла, но и результат GET запроса по протоколу HTTP. Десериализация JSON объекта в объект PHP выполняется проще, за счёт использования функции json_decode.

Пример 5. Выполнение REST запроса на php

```
$res =
file_get_contents('http://nasledierb.ru/rest.php?op=getIDList&type=Nature');

if ($res!="")
{ $j = json_decode($res);
```

```

foreach ($k->list as $v) print_r($v); // Вывод каждого элемента
списка
}

```

Достоинства и недостатки применения обеих технологий представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение технологий SOAP и REST

SOAP (XML объекты)	REST (JSON объекты)
- Скорость сериализации и десериализации ниже	+ Высокая скорость сериализации и десериализации
- Скорость передачи пакетов ниже	+ Скорость передачи пакетов выше
- Требуется тщательное описание структуры объектов в WSDL	+ Описание структуры объектов не требуется
+ Отслеживаются ошибки структуры документов	- Ошибки в структуре документов необходимо определять в коде клиента
+ Имеются программы для просмотра списка операций и аргументов	Логика взаимодействия сервера и клиента нужно тщательно документировать

В результате, для интеграции информационных ресурсов об объектах природного и культурного наследия подходят обе технологии. Преимущество REST в высокой скорости разработки, т.к. нет необходимости в кропотливом описании всех аспектов информационного обмена. Разработка может производиться эволюционно, в процессе разработки могут совершенствоваться как форматы обмена, так и список операций с параметрами. После стабилизации списка операций и получения конечного формата описания объектов природного и культурного наследия, возможно использование протокола SOAP.

Список литературы:

1. SOAP Specifications. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://www.w3.org/TR/soap/>
2. Roy Fielding. Architectural Styles and the Design of Network-based Software Architectures (англ.) (2000). [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://www.ics.uci.edu/~fielding/pubs/dissertation/top.htm>
3. Токмаков Д.И. Интеграция неоднородных информационных ресурсов методами семантического Веба [Текст]/Д.И. Токмаков// Перспективы науки - Тамбов: Изд-во Фонд развития науки и культуры, 2010. №9. - С. 57-63.

УДК 719:004.357

О.А. Арбатская

**ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ОБ
ОБЪЕКТАХ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ НА ОСНОВЕ ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ**

**INTEGRATION OF INFORMATION RESOURCES ABOUT THE
OBJECTS OF NATURAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE
BURYATIA REPUBLIC ON THE BASIS OF WEB-APPLICATIONS**

Аннотация: Излагается концепция разработки веб-приложения для интеграции мультимедийных ресурсов об объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия. Предлагается обоснование информационного обеспечения интеграции. Рассматриваются вопросы лингвистического обеспечения системы.

Annotation: The concept of developing a web application to integrate multimedia resources about the objects of natural and cultural heritage of the Republic of Buryatia is described. The integration information provision rationale is suggested. Some issues of linguistic system support are covered.

Ключевые слова: информационные ресурсы, объекты природного наследия, объекты культурного наследия, интеграция, веб-приложение, веб-портал, информационное обеспечение, лингвистическое обеспечение, классификация, описание, классификаторы.

Keywords: information resources, objects of natural heritage, objects of cultural heritage, integration, web application, web portal, information provision, linguistic support, classification, description, classifiers.

К настоящему времени учреждениями науки, образования и культуры накоплен большой объем информационных ресурсов, содержащих информацию об объектах природного и культурного наследия.

Цели поиска информации об объектах природного наследия (ОПН) и объектах культурного наследия (ОКН) могут быть самыми различными: познавательные, образовательные, научные, управленческие, предпринимательские и др.

Проблема обеспечения общедоступности, полноты, достоверности информации об ОПН и ОКН Республики Бурятия становится актуальной в связи активной работой по развитию туризма на территории республики. Природные и культурные объекты наследия являются объектами экотуризма и активно изучаются [1, 2].

Информационные ресурсы об ОПН и ОКП хранятся в различных независимых источниках, как печатных, так и электронных, в локальных и распределенных хранилищах. К ним относятся: издания – в виде монографий, справочников, путеводителей, паспортов и сводов памятников культуры; различные электронные ресурсы: массивы – регистры, реестры, кадастры, каталоги, базы данных, мультимедийные публикации – путеводители и справочники, энциклопедии, веб-сайты и отдельные веб-документы, электронные статьи, книги, изображения.

Большое количество электронных ИР, в том числе, об ОКН и ОПН, размещается в Интернет. Характерными особенностями этих ресурсов, являются огромные объемы и низкая структурированность данных, распределенный характер, неоднородность, независимость и разные условия сопровождения, управления и политики доступа к ним [3]. Большое количество и многообразие информационных ресурсов создает проблемы их эффективного использования. Проблема усугубляется наличием разнообразных стандартов описания информационных ресурсов в устойчивых сообществах, создающих эти ресурсы. Кроме того, в цифровом пространстве появляются разнообразные ресурсы, не прошедшие традиционную обработку в библиотеках, архивах, музеях, издательствах или СМИ.

Экспоненциальный рост электронных информационных источников осложняет задачу обеспечения общедоступности, полноты и достоверности информации для пользователей. Вследствие этого стала актуальной новая парадигма построения единого информационного пространства страны: от интеграции однородных информационных ресурсов к интеграции разнородных информационных ресурсов, в том числе распределенных.

В настоящее время интеграция информационных ресурсов трактуется по-разному, соответственно и методы интеграции предлагаются различные. На наш взгляд, методы интеграции можно условно разделить на пассивные и активные. Пассивные методы интеграции предполагают создание хранилищ (репозитариев), в этом случае пользователь должен приложить немало усилий по поиску и получению нужной информации.

Активные методы интеграции позволяют пользователю приложить минимальные усилия, основная работа по поиску и интеграции данных или информационных ресурсов должна выполняться автоматически с помощью «интеллектуальных» агентов. Впрочем, граница между активными и пассивными методами относительна.

Традиционный способ – интеграция публикации в бумажном или электронном виде в информационную систему книгоиздания и книгораспространения, в том числе, формирование фондов мультимедийных публикаций.

Интеграция в виде структурированных данных в базах данных и электронных каталогах предполагает и локальную реализацию, и сводные версии. Однако подлинная интеграция такого рода однородных данных осуществляется в распределенных системах. Примером тому служат распределенные корпоративные системы библиотечных каталогов, позволяющие пользователю посылать запрос по протоколу http, а системе-агенту собирать результаты с разных серверов по протоколу Z39.50.

Самый популярный в настоящее время метод – публикация электронного ресурса на веб-сервере, таким образом, документ или база данных интегрируется в WWW. Однако быстрый рост различных ресурсов веб ограничил поисковые возможности пользователя. Современные поисковые системы не всегда оказываются успешными, поскольку словарный поиск, во-первых, дает недостаточную полноту поиска, а во-вторых, вообще неприменим для нетекстовых источников, в частности различного рода баз данных.

На основе веб-сервиса появились более сложные методы интеграции мультимедийных ресурсов – создание системы гиперссылок, направленных от данного ресурса на другие, в частности, электронные библиотеки. Разновидностью такого способа интеграции можно считать создание сайта-портала (навигатора), интегрирующего систематизированный каталог ссылок с другими информационными ресурсами (веб-сайтами, отдельными веб-страницами, базами данных, документами в различных форматах). Такие порталы называют вертикальными порталами, которые могут быть как узкотематическими, так и универсальными по тематике, например региональные и глобальные каталоги Интернет.

В последние годы осознана необходимость создавать и использовать новые средства представления и эффективного поиска требуемых источников. Взаимодействие с таким разнообразием разнородных информационных ресурсов: навигация, поиск, актуализация – требует специальных информационных технологий.

Популярным не сегодня направлением технологии интеграции является создание горизонтальных порталов для доступа к различным сервисам, системам, ресурсам на основе технологии SOAP, свидетельством этому служит рост количества разработок корпоративных систем.

Актуальным методом интеграции является создание на сайтах подсистемы открытого обмена данными с другими сайтами (информационными системами).

Ведутся разработки более интеллектуальных методов интеграции – «метапоиска» в удаленных ресурсах на основе технологий Semantic Web. Поскольку данные отличаются разным уровнем структурированности и неоднородности, в качестве технологической платформы разрабатывается модель информационной системы, основанной на открытой архитектуре с использованием стандартов и технологий Semantic Web: RDF, RDFS, OWL и др. Теория Semantic Web предлагает решать проблему интеграции разнородных ресурсов путем создания и использования метаданных и их обработки [3]. В настоящее время поисковые системы для улучшения качества поиска мультимедийных ресурсов начинают учитывать при индексации их семантическую разметку, используя микроформаты и стандарты Semantic Web.

Проект «Разработка веб-приложения для интеграции мультимедийных ресурсов об объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия» является комплексной темой научно-исследовательской работы кафедры информационно-коммуникационных технологий Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств [4].

Интеграция информационных ресурсов в рамках данного проекта трактуется как объединение информационных ресурсов с помощью веб-портала, позволяющее пользователю с помощью унифицированного интерфейса получать информацию из собственной базы данных, а также некоторых распределенных источников. Интегрированность информационного ресурса предполагает его устойчивые связи с другими информационными ресурсами, которыми могут быть: 1) другие информационные системы (база данных), 2) тексты и изображения в различных форматах; 3) пользователи (специалисты и граждане).

Таким образом, веб-портал должен являться веб-приложением, интегрирующим систематизированный каталог ссылок с базой данных и удаленными информационными ресурсами (веб-сайтами, отдельными веб-страницами, базами данных, документами в различных форматах), для чего в веб-приложении предусматривается подсистема обмена данными с другими сайтами (информационными системами).

Одним из первых этапов исследования стало изучение и анализ российских и региональных разработок по интеграции информационных ресурсов об объектах культурного и природного наследия. Выявлен ряд российских и региональных Интернет-проектов, в которых собраны и описаны данные об объектах культурного наследия (ОКН). Это разработки различного назначения и характера. Среди них можно выделить три вида, которые представляют интерес для разработки веб-приложения:

- опубликованные на веб-сайтах энциклопедии,
- информационные системы (базы данных),
- порталы.

Проект ГИВЦ Минкультуры России «Памятники истории и культуры Российской Федерации. Объекты культурного наследия» декларирует охват всех стоящих на учете объектов культурного наследия, имеющих в Едином Государственном Реестре объектов культурного наследия Российской Федерации. Знакомство с основным контентом этого справочника показывает, что материал структурирован следующим образом: Археология, Архитектура, История, Монументальное искусство. Далее при выборе одного из пунктов отображается список памятников с кратким описанием и изображением [5]. При необходимости можно воспользоваться поисковой строкой или расширенным поиском, где представлены следующие поля:

- Название памятника (или код);
- По классификаторам (т.е. памятники археологии или архитектуры, истории, монументальное искусство);
- Искать по категории (охраны, статусу);
- По категории историко-культурного значения (Федерального значения, Регионального значения, Снятые с охраны, Вновь выявленные, Не установленные);
- Территориальное расположение;
- Наличие паспорта.

К сожалению, на сайте kulturnoe-nasledie.ru неудовлетворительно построена навигационная программа, что существенно затрудняет поиск конкретного объекта. Кроме того, выяснилось, что по Республике Бурятия нет полноты представления данных.

Совместный проект ГРДНТ и ГИВЦ Минкультуры России при поддержке Министерства культуры Российской Федерации «Культура регионов России» www.culturemap.ru носит характер открытого ресурса для популяризации знаний о наиболее достопримечательных объектах. Однако он также не полон как по охвату объектов, так и по структуре его описания.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева на своем сайте <http://www.heritage-institute.ru> имеет несколько разделов, где размещены немногочисленные статьи, отдельно предлагается фотогалерея.

С точки зрения интеграции с профессиональными информационными системами представляют интерес открытые интернет-проекты на основе разработки кампании Альт СОФТ (Информатизация организаций по охране памятников истории и культуры). Эта разработка – программно-информационный комплекс КАИСА-Наследие, предназначенный для информатизации учета и использования памятников истории и культуры (объектов культурного наследия – ОКН). КАИСА-Наследие внедрена в девятнадцати регионах Российской Федерации. Ниже приводятся сведения о региональных базах данных на основе этой разработки, которые в отдельных регионах внедрены на интернет-ресурс.

1. Версия базы данных Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (КГИОП) «Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга» доступна на портале «Энциклопедия Санкт-Петербурга» www.ensspb.ru.

2. Версия базы данных Псковский государственный научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры представлена в Интернете по адресу: www.opskove.ru

3. База данных Департамента государственного имущества и культурного наследия Костромской области представлена в Интернете по адресу: <http://enckostr.ru>.

4. С 2012 года на основе расширенной базы данных создан сайт "Памятники истории и культуры Галича" <http://galich.enckostr.ru>

5. Версия базы данных Службы по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа (Тюменская область) представлена в Интернете по адресу: <http://yamal.altsoft.spb.ru>

В числе других региональных разработок, содержащих статьи и природном и культурном наследии – несколько содержательных энциклопедий и порталов:

- Историческая энциклопедия Урала - ural.ru.
- Энциклопедия Челябинска - book-chel.ru.
- Курская Энциклопедия - mke.su.

– Портал Пензенской области с разделами памятников природы и культуры, представленный в виде текстовых статей и фотографий <http://inpenza.ru>.

– Портал «История, культура и традиции Рязанского края» – открытый для публикации зарегистрированным пользователям статей популярного характера history-ryazan.ru.

– Портал «Культурное наследие Чувашии» - также публикации статей об объектах наследия <http://nasledie.nbchr.ru/culture/pamjatniki>.

Информационные ресурсы аналогичного плана создаются и об объектах природного наследия регионов. Например, на сайте Министерства природных ресурсов Республики Бурятия <http://www.minpriroda-rb.ru> представлены банки данных о природных ресурсах и природных объектах:

1. Информационно-аналитическая система природопользования и охраны окружающей среды «Природа БУРЯТИИ»,

2. Информационно-справочная система "Особо охраняемые природные территории Республики Бурятия" (http://www.minpriroda-rb.ru/ias_oopt.php),

3. «Перечень уникальных природных объектов и комплексов, в том числе мест перспективных для организации особо охраняемых природных территории регионального или местного значения» (http://www.minpriroda-rb.ru/content/oopt/perechen_burchudo.php) и др.

Перечень уникальных природных объектов рассматривается по районам республики и имеет следующую структуру: ID; Название; Вид; Подвид; Утвержден как памятник природы; Район; Местоположение (квадрат карты); Порядковый номер по карте; Источник информации; Краткое описание; Фотоизображение [5].

Один из немногих ресурсов, интегрирующий на одном сайте документы о природном и культурном наследии - <http://nasledie.tengri.ru/ptm.htm> – Природное, культурное, историческое и культовое наследие Республики Башкортостан. Однако и охват объектов природного и культурного наследия неполон, и формат описания – усеченный. Поэтому такой ресурс носит справочно-ознакомительный характер для широкого круга пользователей.

В перечисленных проектах проанализирован состав материала (набор памятников, полнота представленных сведений и их достоверность), способ подачи материала, принципы навигации, характер статей и иллюстративного сопровождения. Были сформулированы четыре критерия анализа: общедоступность, полнота охват, качество структурирования, интеграция с другими информационными ресурсами.

Сравнительный анализ представленных информационных ресурсов позволяет сделать некоторые выводы. Большинство из проанализированных ресурсов является общедоступными, что представляется главным позитивным фактором, объединяющим Интернет-пространство в рамках

исследуемой тематики. Каждый из проанализированных Интернет-ресурсов посвящён конкретной тематике в рамках общей темы культурного наследия. Одни сайты посвящены конкретным типам архитектурного наследия России или региона, другие делают упор на отдельные виды памятников, например, археологию. В таких ресурсах преобладает типологический принцип отбора материала (при этом внутренняя навигационная структура построена по географическому принципу). При охвате всех типов ресурсы не имеют полноты охвата.

Региональные ресурсы охватывают объекты наследия по крупным городам или отдельным регионам. Здесь определяющим является географический принцип отбора материала (при этом внутренняя навигационная структура может быть построена как по географическому принципу, так и по типологическому).

С точки зрения интеграции интернет ресурсов с профессиональными информационными системами представляют интерес только сайты с базами данных на основе программного комплекса КАИСА-Наследие.

Однако все эти ресурсы имеют разную структуру построения материала. У некоторых сайтов эта структура лучше подходит для задач каталогизации памятников, у других же эта задача не является приоритетной и поиск материала затруднён. На наш взгляд, причиной этого является отсутствие четкого определения целевой аудитории или целевых категорий пользователей.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один из упомянутых Интернет ресурсов России не обладает всеми критериями в полной мере: общедоступностью, полнотой охвата, высокой степенью структурности, интеграцией с другими ресурсами.

Целью разработки веб-приложения для интеграции мультимедийных ресурсов об объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия являлось создание более интегрированного в информационное пространство России (а в перспективе – в глобальное) Интернет-ресурса, чем обычный информационный сайт-портал. Отсюда вытекают основные задачи, которые решаются при создании веб-приложения.

1. Создание и ведение базы данных об объектах природного и культурного наследия РБ на основе точных и достоверных сведений, что должно обеспечиваться непосредственным участием специалистов по охране памятников в качестве научных редакторов.

2. Создание веб-приложения, которое должно выполнить функцию портала с удобным для пользователей интерфейсом, в том числе: система

навигации с внутренними и внешними ссылками, подсистема поиска в базе данных и по страницам сайта.

3. Интеграция веб-приложения с другими информационными ресурсами об объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия путем обеспечения технологии открытых систем: возможности загрузки данных из внешних источников и выгрузки данных сайта заинтересованными организациями.

Основные требования к информационному обеспечению проекта: общедоступность, полнота охвата данных об ОПН и ОКН республики, высокие поисковые возможности, интеграция с веб-приложением удаленных ресурсов.

– **Общедоступность.** Доступность сведений об объектах природного и культурного наследия, представленных в базе данных и на веб-страницах сайта, пользователям интернет-ресурсов, а также доступность специальных данных, в т.ч. иллюстративных материалов, специалистам.

– **Полнота охвата данных.** Веб-приложение должно включать в себя сведения обо всех объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия, наиболее полно отражая информацию об этих объектах.

– **Высокие поисковые возможности.** База данных и иерархический каталог ссылок на веб-страницах сайта должны быть хорошо структурированы и систематизированы, чтобы обеспечить возможность для многоаспектного поиска по разнообразным критериям.

– **Интеграция с веб-приложением удаленных информационных ресурсов.** Предусмотрена возможность пополнения контента веб-приложения новой уточнённой информацией об уже известных объектах природного и культурного наследия, а также возможность включения в базу данных приложения информации о новых объектах природного и культурного наследия путем интеграции с информационными системами РБ через сервис «открытые системы», а также системой активных внешних ссылок.

При проектировании веб-приложения нами рассматривались два основных портрета пользователей ресурса: активный и пассивный. К пассивным пользователям мы относим те категории посетителей интернет-ресурса, для которых информация, размещенная на сайте, представляет определенный интерес: культурно-просветительский, туристский, профессиональный. Активный пользователь – это пользователь, который может участвовать в формировании и выгрузке контента.

Потенциальными пользователями информационных ресурсов (ИР) об объектах природного наследия (ОПН) и объектах культурного наследия (ОКН) являются:

- обычные пользователи Интернет-ресурсов;
- научные работники в области изучения и охраны объектов наследия;
- представители органов государственной власти, ответственные за подготовку и принятие решений в области охраны памятников культуры и природы;
- представители туристического бизнеса.

Вид и степень возможного участия в работе с содержанием базы данных этих категорий будет уточняться по мере выполнения работ по созданию базы данных веб-приложения. В частности должны быть учтены и сформированы требования к обмену и выгрузке информации об объектах природного и культурного наследия; к размещению информации об объектах природного и культурного наследия конкретным лицам (редакторам); к участию в актуализации информации рядовых граждан.

Ниже перечислены основные источники информации для формирования контента веб-приложения.

По объектам культурного наследия РБ:

- статьи опубликованных томов Свода памятников, являющиеся эталонными с точки зрения методики исследования и структуры описания объектов культурного наследия;
- паспорта памятников архитектуры и монументального искусства 1960–1990-х гг. Республики Бурятия, имеющиеся в распоряжении сектора памятников культуры Министерства культуры РБ;
- данные из информационной системы отдела охраны объектов культурного наследия.

По объектам природного наследия РБ нет опубликованного свода или реестра. Источниками этой части контента являются открытые электронные ресурсы, имеющиеся на сайте Министерства природных ресурсов Республики Бурятия <http://www.minpriroda-rb.ru> из информационных систем:

- информационно-аналитическая система природопользования и охраны окружающей среды «Природа БУРЯТИИ»,
- информационно-справочная система "Особо охраняемые природные территории Республики Бурятия" (http://www.minpriroda-rb.ru/ias_oopt.php),
- «Перечень уникальных природных объектов и комплексов, в том числе мест перспективных для организации особо охраняемых

природных территории регионального или местного значения» (<http://www.minpriroda->

Качество интегрированного информационного ресурса в значительной степени зависит от лингвистического обеспечения. Информация должна быть хорошо структурирована как в базе данных, что должно обеспечить многоаспектный поиск, так и в иерархическом каталоге ссылок на веб-страницах сайта, что позволит обеспечить удобную навигацию, а также возможность индексирования контента сайта поисковыми машинами по ключевым словам. Попытаемся обосновать классификацию и форматы описания объектов природного и культурного наследия Республики Бурятия.

Логическая структура информации – основа для формирования навигационной структуры. Для описания объектов культурного наследия за основу нами взяты атрибуты описания ОКН, разработанного сектором Свода памятников архитектуры и монументального искусства России для сводного электронного каталога ОКН [6].

Основной принцип структурирования данных, как в базе данных, так и в каталоге сайта – сочетание географического и типологического деления. Одновременно предусмотрено структурирование материала по другим параметрам, для которых будет использована система справочников-классификаторов:

- общая видовая принадлежность (архитектура, археология, история, монументальное искусство);
- вид памятника (единичный памятник, ансамбль, достопримечательное место);
- типология памятника (памятники градостроительства, культовые здания, общественные здания, жилые дома, усадьбы, военно-оборонительная, промышленная, садово-парковая, памятники монументального искусства);
- стилистика;
- авторство;
- материал;
- этажность;
- охранный статус;
- техническое состояние;
- современное использование;
- функциональная принадлежность и др.

Автоматизации и нормализации заполнения полей базы данных и обеспечения поиска по любым сочетаниям атрибутов должна быть обеспечена подсистемой справочного аппарата: системы указателей

(именного, географического, предметно-тематического, иконографического, типологического).

Аналогичным образом предполагается решение вопросов описания ОПН. Однако атрибуты их описания разнятся в различных электронных ресурсах, вследствие того, что отсутствуют стандарты классификаторов и указателей в этой области. Поэтому для разработки справочников-классификаторов по ОПН нами унифицирована общепризнанная в литературе и существующих информационных системах классификация ОПН:

- общая видовая принадлежность (особо охраняемые природные территории Бурятии, памятники природы, биоразнообразию Бурятии);
- вид особо охраняемых природных территорий Бурятии (государственные природные заповедники, национальные парки, государственные природные заказники);
- профиль заказников (комплексные, биологические, палеонтологические, гидрологические, геологические)
- вид памятника природы (геологические, водные, ботанические, зоологические, комплексные, природно-исторические, ландшафтные)

Информация об объектах природного и культурного наследия РБ в базе данных и на страницах веб-приложения должны обновляться по мере поступления, обработки и проверки новых данных и материалов. Первичное наполнение веб-приложения данными об ОПН и ОКН РБ предполагается впоследствии дополнять уточнёнными сведениями, полученными из дополнительных источников.

Для обеспечения полноты представления данных об ОКН РБ в дальнейшем предполагается пополнение базы даны веб-приложения на основе виртуального сотрудничества с другими сайтами (информационными системами).

При этом будут использоваться данные следующих систем:

- информационной системы отдела охраны объектов культурного наследия министерства культуры РБ;
- информационно-аналитическая система природопользования и охраны окружающей среды «Природа БУРЯТИИ»;
- информационно-справочная система "Особо охраняемые природные территории Республики Бурятия" (http://www.minpriroda-rb.ru/ias_oopt.php),
- «Перечень уникальных природных объектов и комплексов, в том числе мест перспективных для организации особо охраняемых

природных территории регионального или местного значения» (http://www.minpriroda-rb.ru/content/oopt/perechen_burchudo.php) и др.

Кроме того, уже имеющиеся данные об объектах природного и культурного наследия РБ будут уточняться и актуализироваться на основе мониторинга. Так, например, будут включаться обновленные фотографии, рисунки, чертежи, уточненные сведения об истории и состоянии объекта. Эти данные предполагается дополнять и уточнять из дополнительных источников:

- материалы из опубликованных источников;
- материалы частных лиц и сторонних организаций;
- материалы натурных исследований во время экспедиций и практик студентов и преподавателей ВСГАКИ, дающие дополнительные и уточнённые сведения о паспортизированных памятниках, а также памятниках, не имеющих учётной документации;
- материалы отдельных пользователей сайта, присылаемые непосредственно с мест расположения памятников культурного наследия (фотографии, обмерные чертежи, информационные сведения).

Информация, включаемая в содержание веб-приложения, должна быть достоверной и полной. Для этого перед включением её в базу данных веб-приложения она должна проходить редактирование с точки зрения грамотности, научной состоятельности и наличия ссылок на источники.

Навигационная структура веб-приложения должна обладать хорошей юзабилити (usability) и одновременно достаточно «тонкой» структурой, отражающей логику научной классификации и унифицированного научного описания ОПН и ОКН.

Принцип формирования навигационной структуры веб-приложения – сочетание основных структурных блоков, которые формируются исходя из логической структуры самой информации об ОПН и ОКН РБ. В веб-приложении предполагаются два основных тематических блока: географический и типологический, который также делится на два раздела: ОПН и ОКН.

При построении основной структуры веб-приложения используется иерархический метод классификации: географическая структура построения материала с постепенным раскрытием древовидного графа (каталога), узлами которого являются единицы административно-территориального деления РБ (район – населённый пункт – объект); типологическая структура классификации также является структурой графа (вид наследия – тип – подтип – объект). Иерархический метод классификации предполагается дополнить фасетным. Последний должен использоваться при расширенном поиске по нескольким параметрам (отражённым в нескольких полях учётной страницы памятника). В каждом поле страницы объекта

информация заносится по определённому принципу: либо методом текстового набора сведений, либо путём выбора категории из соответствующего справочника. Справочные разделы структурируются по принципу классификаторов, которые отражают различные характеристики конкретного объекта наследия, что зафиксировано в странице объекта.

Интеграция веб-приложения с удалёнными информационными ресурсами на первоначальном этапе развития веб-приложения должна осуществляться методом обеспечения автоматической выгрузки данных удалённых информационных систем в машиночитаемом формате на сайт и последующим использованием для актуализации базы данных веб-приложения, а также с аналогичной обработкой содержимого веб-приложения для использования на удалённых ресурсах.

Создание дополнительных механизмов интеграции контента данного сайта в веб-пространство за счет обеспечения страниц сайта метаданными в формате стандарта Dublin Core, который предполагается расширять дополнительными полями и квалификаторами исходя из потребностей решаемой задачи; а также интеграции внешних информационных ресурсов с контентом данного сайта за счет создания специальной подсистемы метапоиска. Данный подход позволит решить задачу семантической интеграции информационных ресурсов о природном и культурном наследии.

Примечания

1. Мишакова О.Э., Сартакова А.В. Развитие экологического туризма: опыт и современное состояние (на примере Республики Бурятия) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – №2 (5). – 2013. – С.56–60.

2. Батуева Э.Б. Памятники культурного и природного наследия в формировании информационного пространства Восточной Сибири // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. - №2 (5). – 2013. – С.11–17.

3. Токмаков Д.И. Разнородные образовательные информационные ресурсы: интеграция и поиск // Информационные ресурсы России. - 2010. - №5. – С.24–29.

4. Арбатская О.А., Бардунаев.В. Интеграция мультимедийных ресурсов об объектах природного и культурного наследия Восточной Сибири и Монголии на основе веб-портала // Культурное пространство и культурная среда Восточной Сибири и Монголии как фактор развития человеческого капитала. – Материалы V междунар. науч. симпозиума, г. Улан-Удэ, 11–12 октября 2013 г. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2013. – С.196–204.

5. Батуева Э.Б., Шактамаева Л.В.. К вопросу о создании тематической коллекции культурного и природного наследия республики Бурятия // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – №2 (5). – 2013. – С.100–105.

6. Концепция создания сводного каталога объектов культурного наследия Российской Федерации / Сектор Свода памятников архитектуры и монументального искусства. – [Электронный ресурс] – Доступ: mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/03_02_2014_8.doc

УДК 069 (571.54):379.85

*Э.Б. Батуева
Л.В. Шактамаева*

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ТУРИСТСКИЕ РЕСУРСЫ

THE OBJECTS OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE AS TOURIST RESOURCES

Аннотация: Информационные ресурсы по объектам культурного и природного наследия определяются как совокупность электронных документов, которые имеют одинаковую тематическую направленность, но с разной структурой представления данных. Обозначены основные подходы к формированию информационных ресурсов для поддержки и развития туристской деятельности в республике. Информационная поддержка туристической деятельности в республике заключается в объединении и интеграции информационных ресурсов по объектам культурного и природного наследия.

Annotation: Information resources on objects of cultural and natural heritage are defined as a collection of electronic documents that have one thematic focus, but different structure of representing data. The main approaches to the formation of information resources to support and develop the tourist activity in the republic of Buryatia are indicated. Information support of the tourism industry in the republic is in uniting and integrating information resources by objects of cultural and natural heritage.

Ключевые слова: информационные ресурсы, культурное наследие, памятники природы, классификация, языки описания, каталогизация, паспорт объекта, тематические сайты, мультимедийные ресурсы, интеграция.

Keywords: Information resources, cultural heritage, monuments of nature, classification, description languages, cataloging, object passport, thematic sites, multimedia resources, integration.

Актуальность задачи разработки единой информационно-коммуникационной среды признана одним из приоритетных направлений в развитии индустрии туризма в стране. Принятие долгосрочной Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)» явилось мощным толчком в разработке новых и интересных проектов по созданию единой системы сбора и обработки данных об объектах культурного и природного наследия как туристских ресурсов. Однако информационная поддержка этой долгосрочной программы становится весьма актуальной и сложной. Именно умение и возможность использования средств получения, хранения и обработки данного ресурса во многом будет определять уровень развития туристской отрасли в целом по стране. В этом ключе ведутся перспективные исследования, например, информационный проект «Живая карта России» ФГОУ ВПО Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТиС). Цель проекта направлена на создание глобальной и общедоступной базы данных, открытой для свободного доступа всех граждан к информации о туристских ресурсах нашей огромной страны. Вместе с тем – это новый способ изучения туристского пространства страны и создает особую методическую основу комплексной характеристики туристского потенциала российских регионов. По утверждению самих разработчиков «Живая карта России» может стать основой формирования государственной федеральной электронной базы данных туристских ресурсов Российской Федерации. Отметим, прежде всего, практическую значимость данного проекта - создание информационного ресурса (портала), позволяет систематизировать и пополнять информационные базы данных о туристских ресурсах российских регионов с учетом выделения ключевых типов туристского пространства [2].

Сегодня параллельно по всей стране создаются специализированные тематические сайты, реализующие множество проектов и программ, цели и задачи, содержание которых пересекаются по многим параметрам. Например, Портал открытых данных Правительства Москвы «Объекты культурного наследия и Выявленные объекты культурного наследия» [8]; на страницах Свободной энциклопедии Википедия представлены категории объектов культурного наследия России; на Портале культуры и туризма Рязанской области представлены объекты культурного наследия данного региона [7].

А также в настоящее время в научных и образовательных учреждениях Республики Бурятия начаты работы по созданию и развитию информационной поддержки мероприятий по формированию особой экономической зоны туристско-рекреационной сферы в республике. Кроме Интернет-ресурсов существуют прекрасные информационно-справочные издания, содержащие большой фактический материал по истории о культурных и природных

достопримечательностей по Бурятии. Например, сборник «Экскурсионные маршруты Республики Бурятия» является первым опытом публикации справочных материалов в помощь экскурсоводам [14]. В рамках I – го Международного музейного проекта «Чайный путь. Гостеприимная Бурятия» издан альбом «Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии» [13]. По проекту Наследие народов Российской Федерации Научно- производственным центром по охране и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Бурятия подготовлен и издан специальный выпуск «Сокровища культуры Бурятии» [10]. Эти издания не только прекрасно проиллюстрированы, но и содержат огромный научно-исторический пласт материала и предназначены для экскурсоводов и специалистов в сфере туризма, аспирантов, студентов, школьников, а также для широкого круга любителей путешествий. Специальные фотосъёмки выполнены такими профессионалами художественной фотографии как В. Дмитриев, Л.Ерошенко, В.Урбазев, Б.Михайлов, С. Конечных. Но надо сказать, что эти замечательные сборники изданы ограниченным тиражом в традиционных книжных форматах.

Например, в ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств» разработана инновационная образовательная программа «Капитализация культурного ресурса Байкальского региона как фактор устойчивого развития территории». Данная Программа нацелена на создание единой образовательно-информационной среды региона. Задачи, реализуемые в рамках инновационной образовательной программы обширны. Во-первых, это обеспечение развития образовательной системы за счет интеграции фундаментальной науки, образования и практической деятельности в сфере культуры, искусства и туризма; во-вторых, предусмотрено развитие дальнейшего взаимодействия с учреждениями социально-культурной сферы и туризма; в-третьих, развитие инновационно-проектной деятельности вуза в социокультурной и туристско-рекреационной, культурно-зрелищной и анимационной сферах; в четвертых, развитие традиционной культуры народов Байкальского региона в контексте реальной экономики. В данной программе прописаны механизмы реализации инновационной образовательной деятельности вуза. Далее в Программе сделан акцент на создание электронных информационных ресурсов с целью формирования единого информационного Интернет портала, посвященного культуре и туризму Байкальского региона совместно с заинтересованными государственными учреждениями. А также создание системы мониторинга и маркетинга туристского рынка и подготовка, издание словарей для гидов и проводников. В рамках обозначенных задач на протяжении нескольких лет кафедра информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) осуществляет научно-исследовательскую деятельность по проблематике сохранения природного и

культурного наследия Республики Бурятия, выполняет проекты, связанные с применением информационных технологий, посвященных деятелям в области просвещения, культуры и искусств.

Активность кафедры в первом направлении обусловлена с трансформационными процессами в духовной жизни граждан, особенно молодого поколения, нравственно-этическими нормами по отношению к природным памятникам, экологии окружающей среды в целом и культурному наследию страны. В наших работах, в основном представлены общие данные справочно-информационного характера об объектах, уточняется понятийный аппарат, приведена систематизация объектов в соответствие с принятой классификацией и удовлетворяет требованиям задач предварительного этапа сбора данных. Однако, анализируя выполненные нами работы, были выявлены типичные недостатки: неполнота информации в описании объекта; информационный массив имеет неоднородную структуру и разнородную среду реализации, также отсутствует четкая адресация пользователя. В целом выявлен и составлен систематизированный список объектов культурного и природного наследия в соответствии с общепринятой естественно-научной классификацией по видам.

Кроме того, в документах ЮНЕСКО говорится о территориях наследия, и выделяются комплексные природно-культурные объекты наследия – культурные ландшафты. Известно, что в географии используется пространственная классификация – на основе принадлежности к физико-географическим или историко-культурным регионам. Как пишет А.В. Любичанковский в своей работе «Классификация объектов культурного наследия» качественное многообразие культурного наследия требует корректной постановки проблемы классификации его объектов. Сегодня особенно важно подчеркнуть, что понятие «культурное наследие» включает не только движимые и недвижимые материальные объекты, но и все то, что входит и в духовную культуру, и в сплав материального и духовного: нравственные и эстетические нормы разных народов, живших в разные исторические эпохи и в разных географических условиях. Человечество не может сохранять все уникальные и типичные образцы культурного наследия, поскольку это несовместимо с его развитием. Уникальные образцы легче выявлять и легче сохранять образцы поведения; языки, диалекты и говоры; национальные обычаи и традиции; традиции и обычаи, обусловленные географическими условиями проживания людей; исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла и т.д. [4].

При разработке своих проектов кафедра ИКТ принимает во внимание междисциплинарный характер проблемы научной работы и готова к сотрудничеству и консолидации потенциала преподавателей и сотрудников со-

ответствующих сфер, налаживанию партнерских отношений с государственными учреждениями.

В настоящее время ведется разработка проекта по созданию веб-приложения «Интеграция мультимедийных ресурсов об объектах природного и культурного наследия Республики Бурятия». Выбор и разработка данной темы продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, выбрана социально-значимая для республики сфера туриндустрии «Бурятия - бренд агротуризма России» как наиболее привлекательная для привлечения дополнительных инвестиций, во-вторых, кафедра располагает предварительными наработками в этой области, а также для разработки структуры информационного контента и формирования информационного массива имеются соответствующие интернет-ресурсы, программно-техническое обеспечение, кадровый потенциал.

Сегодня на первый план выдвигается информационная поддержка задач в определении и развитии туристского пространства региона. Одним из важнейших направлений использования информационных ресурсов туристского пространства становится разработка методологической структуры по каталогизации объектов культурного и природного наследия.

Под каталогом (от греческого слова «catalogos») классически всегда понималось составление перечня или списка. Сегодня можно встретить и такое современное пояснение «Каталог» - издание или сайт, содержащий множество ссылок на другие сайты. Каталогизация как процесс это совокупность методов обработки, описания, систематизации, предметизации, а также процессов и операций, входящих в организацию каталогов. В государственном стандарте РФ Каталогизация продукции для Федеральных государственных нужд (дата введения 1 янв. 2002 г.) указывается, что процессам каталогизации относятся: единообразное представление, сбор, классификация, идентификация, кодирование, регистрация, обработка, хранение и распространение информации о продукции для федеральных государственных нужд. Далее подчеркивается, что федеральная система каталогизации продукции (ФСКИП) это упорядоченная совокупность, организационная структура, документов и информационных технологий по каталогизации продуктов для федеральных государственных нужд [12].

В связи с этим, прежде всего, встает другая сложная проблема это проработка методов описания и классификации информационных ресурсов, представленных в глобальной сети, многочисленных изданиях, циркулирующих в обществе, которые представляют собой разнородный информационный массив, который требует описания с учетом многих параметров. Неслучайно специалисты всегда отмечают сложность задач, возникающих с идентификацией информационных ресурсов. Поэтому основным вопросом поиска методики описания информационных массивов является вопрос их иден-

тификации. Наиболее простым способом идентификации информационного массива, конечно, служит его наименование [1].

В соответствии с существующими признаками нами предпринята попытка проанализировать информационные массивы – Интернет ресурсы по объектам культурного и природного наследия. Итак, базовым набором признаков принято считать: содержание; источник информации; принадлежность ИР к определенной организационной или информационной системе; форма собственности; характер использования ИР (назначение); открытость информации; форма представления информации.

Однако для интеграции мультимедийных ресурсов культурного и природного наследия необходимо вести поиск унифицированного описания объектов культурного и природного наследия. Рассматриваемая нами тема является весьма актуальной и сложной проблемой. На сегодняшний день применяются различные подходы в зависимости от решаемых задач как на федеральном и региональном уровнях. Анализ существующего состояния информационных продуктов и услуг по нашей теме показывает, что различными структурами как на федеральном и региональном уровнях созданы и создаются множество специализированных тематических сайтов, например, на уровне Министерства культуры РФ начата разработка информационного ресурса «Объекты культурного наследия РФ» [6], Культура регионов России [3], Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева [9]. Названные электронные ресурсы находятся в стадии создания. На одном из сайтов, например, <http://culturemap.ru/> - есть примечание, что информационное наполнение может осуществляться за счет региональных корреспондентов. Это дает возможность широкого участия общественности и отдельных лиц в формировании информационно-поискового справочника [3]. Однако данные информационные ресурсы разрабатываются, публикуются и функционируют разобщенно. Кроме этого существует множество ресурсов регионального характера. Замечено, как правило, в них отсутствует логическая упорядоченность рубрик в размещении материала, наблюдается смысловая неопределенность многих рубрик, т.е. семантические границы размыты, конечно, сам разработчик знает и уверен, что система функциональна на его взгляд.

На наш взгляд, представленные системы имеют разные структуры и функциональные возможности, для сравнения рассмотрим некоторые из них:

Объекты культурного наследия и Выявленные объекты культурного наследия (г.Москва) [8].

Номер	Название	Адрес	Название ансамбля	Статус	Категория
1	Усадьба	Не задан		объект	Объект куль-

	"Петровско-Разумовское" 189,9 га			культурного наследия	турного наследия регионального значения
2	Ограда, кон. XVIII в.	Комплекс сооружений XVII - XVIII вв.	ЦАО, Тихвинская ул., дом 13, строение 12	объект культурного наследия	федерального значения

Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения (г. Рязань) [7].

№ п/п	Наименование объекта	Местонахождение в соответствии с данными органов технической инвентаризации	Дата признания памятником и наименование документа
1	Памятник И.П. Павлову - 1949 г.	ул. Ленина. сквер им. Павлова	Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.08.60 г.
2	Памятник Герою Советского Союза, кавалеру Золотой медали за боевые заслуги Итальянской Республики Фёдор Полетаеву – 1971 г.	угол улиц Полетаева и Гагарина	Постановление СМ РСФСР № 624 от 4.12.74 г.

Список памятников истории и архитектуры Баргузинского района (Республика Бурятия) [5].

№	Наименование памятника	Датировка памятника	Материал	Категория охраны*	Документ о принятии на государственную охрану**	Местонахождение памятника
Памятники истории						
1	Памятник воинам-землякам, погибшим на	1965 г.	бетон	Р	№ 134	с. Баргузин

	фронтах Великой Отечественной войны					
2	Могила Кюхельбекера Михаила Карловича (1800-1859)	1800-1859 гг.	мрамор	Ф	№ 1327	с. Баргузин

Объекты археологического наследия Бичурского района (Республика Бурятия) [5].

№ п/п	Наименование памятника	Датировка	№ постановл. о принятии на г/о	Местонахождение
1.	Бичура. Писаница Бичурская	I тыс. до н.э.	№ 134	На юго-восточной окраине с.Бичура на скале слева от дороги Бичура-Старая Бичура в 0.6 км от моста через р.Бичуру
2.	Бичура. Могильный (Хойцегорский) Пункт I Пункт II	X-XV вв.н.э. X-XV вв.н.э.	№ 379	На юго-восточной окраине с.Бичура на горе Хойцегор, возвышающейся от 40 до 120 м над долиной р.Хилок В 3 км на юго-восток от центра с.Бичура, на высоте 100-120 м от уровня р.Бичура В 3,5 км юго-восточнее центра с.Бичура на одной из седловин центральной части г.Хойцегор в лесистой части

Информационный контент любого интернет-ресурса, как правило, раскрывает логико-понятийную структуру рассматриваемой предметной области, т.е. чему посвящено основное содержание. Ведь упорядоченный перечень рубрик, понятий дает возможность четко отразить в целом контент сайта. Именно от качества рубрикации во многом зависит само качество созданного информационного ресурса. Рассматриваемая нами тема требует разработки серьезного подхода к структурированию и представлению данных об однотипных объектах природного и культурного наследия.

Как следствие, мы предполагаем отсутствие координации и согласования структуры, содержания, способов и форматов хранения, передачи информации приводит к избыточности первичной информации, дублированию процессов каталогизации, в целом осложняется принятие решения, в итоге снижается уровень информационного обеспечения научно-практической деятельности. Применение государственного реестра дает возможность

предметную область представить в унифицированном формате и разработать единый паспорт описания класса объектов культурного и природного наследия и структурировать разнородную информацию. Единый паспорт объектов позволяет описывать общие свойства предметной коллекции. Таким образом, создаваемый нами информационный ресурс предполагает, будет осуществлять доступ к существующим ресурсам. Отдельной проблемой интеграции является типология информационных ресурсов в стандартных системах.

Естественно в аспекте нашего исследования по объектам культурного и природного наследия важнейшими характеристиками являются такие признаки, как полнота, достоверность, актуальность, социальная значимость содержания информации. Основным признаком выступает содержание информационного массива.

В информационной практике для описания отдельных объектов широко используется объектный принцип представления данных. Данный подход лучше всего применим к хорошо структурированным массивам, и частности, фактографическим базам данных, например, к кадастровой информации, имеющей четкие характеристики для представления конкретных объектов. Давно известно, что любой документ с необходимой полнотой и точностью может быть описан свободным набором терминов, в качестве которых используются ключевые слова, предметные рубрики. В частности, термины такого языка могут именовать и отрасли знания или деятельности, и объекты, их группы, классы, а также любые другие понятия, например, процессы [1].

В данной статье не рассматриваются такие задачи как технология формирования веб-приложения, сопровождения и поиска информационных ресурсов по объектам культурного и природного наследия, уровни и аспекты описания. Мы предполагаем, что в ходе изучения и анализа рассматриваемой темы и поставленных целей на начальной стадии интеграции мультимедийных ресурсов по созданию веб-приложения может быть разработан «стартовый» вариант структуры информационного контента, который в дальнейшем будет корректироваться с учетом пожеланий и замечаний пользователей.

Список литературы

1. Антопольский А.Б. Ауссем В. Типология информационных ресурсов в стандартных системах метаданных: анализ и проблемы интеграции // Информационные ресурсы России.-2005.-№5.-С.3
2. Живая карта России. Мультимедийный информационный ресурс [Электронный ресурс] / режим доступа - <http://www.2r.ru/>

3. Культура регионов России [Электронный ресурс] / режим доступа <http://culturemap.ru/>

4. Любичанковский А.В. Классификация объектов культурного наследия. CREDO NEW теоретический журнал [Электронный ресурс] / режим доступа - <http://credonew.ru/content/view/649/59/>

5. Министерство культуры РФ. Историко-культурное наследие. Список объектов культурного наследия [Электронный ресурс] / режим доступа - http://minkultrb.ru/history/list_of_cultural_heritage/

6. Памятники истории и культуры (объекты культурного наследия) народов РФ [Электронный ресурс] / режим доступа <http://kulturnoe-nasledie.ru>

7. Портал культуры и туризма Рязанской области [Электронный ресурс] / режим доступа - <http://kkt62.ru/culture/activity/objects/>

8. Портал открытых данных Правительства Москвы «Объекты культурного наследия и выявленные объекты культурного наследия» [Электронный ресурс] / режим доступа - <http://data.mos.ru/datasets/530>

9. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева [Электронный ресурс]/режим доступа: <http://www.heritage-institute.ru>

10. Сокровища культуры Бурятии / Науч.- производ. Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Мин-ва культуры Респ. Бурятия. - 320 с.: ил.

11. Федеральная целевая программа "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)" (утв. постановлением Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644).

12. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Федеральная система каталогизации продукции (ФСКП) [Электронный ресурс] / режим доступа - <http://fskp.gost.ru/>

13. Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии / Мин-во культуры Респ. Бурятии; Нац. Музей Респ. Бурятии; Кяхт. Краевед. Музей им. Акад. В. А. Обручева. - Улан – Удэ, 2011. - 72 с.

14. Экскурсионные маршруты Республики Бурятия / сост. : З. А. Шагжина, И. С. Цыремпилова, И. В. Протопопова, Ю. Е. Соболева. – Иркутск : Репроцентр А1, 2011. - 212 с.: ил.

УДК 069-004:061.4

*Т.А. Боронова,
Б.Ц. Гомбоев*

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ РБ**

**INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EXHIBITION
ACTIVITY OF THE NATIONAL MUSEUM
OF THE BURYATIA REPUBLIC**

Аннотация: В статье обосновывается необходимость внедрения новых информационных технологий и подходов в деятельность музеев. Дальнейшее функционирование музеев связано с разработкой его сайтов, а также внедрением различных инновационных проектов с целью передачи знаний и распространения прекрасного.

Annotation: The article shows the necessity of introducing new information technologies and approaches into the museum practice. Further functioning of a museum is associated more with the development of its sites as well as with the implementation of different innovative projects in transferring knowledge and spreading beauty.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, фонды Национального музея Бурятии, уникальные коллекции, выставочная деятельность, современные технологии, информационные и коммуникационные технологии, инновации, интернет-технологии, виртуальные экспозиции

Key words: historical-cultural heritage, funds of the National Museum of Buryatia, unique collections, exhibiting, modern technologies, information and communication technologies, innovations, Internet technologies, virtual exhibitions

В начале XXI века в музейном мире наблюдается своеобразный «музейный бум», связанный введением новых форм и принципов работы в повседневную практику музеев. Закономерная в сложившихся условиях интенсификация научных поисков и внедрение современных технологий приводит к формированию различных подходов к деятельности и применению их в музейной практике. Вместе с тем, государственная поддержка региональных музеев, их включение в межрегиональные совместные выставочные проекты в диалоге «центр-регион» дает большие возможности в развитии и выставочной деятельности и музея в целом.

Нельзя не согласиться с тем, что выставочная деятельность создаёт условия для благоприятной атмосферы восприятия знаний, повышению престижа знаний и образования, глобализации передовых технологий. Бурное

развитие информационных и телекоммуникационных технологий активно влияет как на развитие самой выставочной деятельности, так и на развитие методологии построения и разработки проектов.

Таким образом, музейные выставки в XXI веке – это в первую очередь информационно-образовательная деятельность. Истоки этого надо искать в процессах, которые проходили ещё в конце XX века, именно тогда возникла потребность в возрождении и актуализации инновационной деятельности в учреждениях культуры, в частности в музеях.

На сегодня, современная выставка – это новая, быстро развивающаяся форма сложной организации, имеющая определенный набор взаимосвязанных и взаимозависимых целей, собственные ресурсы, используемые для реализации поставленных целей. Оригинальность и своеобразие музейных выставок состоит в том, что на них создаются и продаются не материальные продукты, а предоставляется информация, в которой сконцентрирована историческая память о прошлом, настоящем.

Внедрение информационных технологий в музеях позволяет выработать у человека стремление к активной познавательной самостоятельности и навыкам мышления, где зарождаются или уже развиваются навыки таких интеллектуальных операций, как анализ, абстрагирование, обобщение, систематизация и т.д. Роль музейно-образовательных выставок, особенно «с вхождением в жизнь фактора информации» трудно переоценить. Новая концепция экспозиционной деятельности с учётом потребностей и инновационных ресурсов рынка музейных услуг может быть реализована за счёт информативных, мобильных выставочных проектов в традиционных учреждениях культуры.

Так, государственное автономное учреждение культуры Республики Бурятия «Национальный музей Республики Бурятия» – это музей, специализирующийся на хранении, изучении и популяризации истории, произведений искусства Бурятии, естественнонаучных коллекций, пропаганде экологических знаний. Ведущие музеи республики – Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова и Республиканский художественный музей им. Ц.С. Сампилова, с 1 января 2011 г. вошли вновь созданный Национальный музей Республики Бурятия. Годом позже к нему были присоединены Музей природы Бурятии и Новоселенгинский музей декабристов¹.

Данное объединение не является новым, в 1970-90-е годы уже существовало архитектурно-художественное объединение музеев, но в начале 90-х годов оно распалось, и каждый музей продолжил работу самостоятельно.

¹ Постановление Правительства Республики Бурятия от 22 октября 2010 г. № 451; Постановление Правительства Республики Бурятия от 2 сентября 2011 г. № 471.

Сейчас Национальный музей, взяв все лучшее от традиций прошлого, ставит перед собой новые задачи – выйти на новую ступень развития.

Общий фонд музея составляет 143137 единиц хранения. Главной задачей музея является сохранение и изучение своих фондов. В практике фондового дела стала нормой использование компьютерных технологий. Музей в течение многих лет применяет программу *комплексной автоматизированной музейной информационной системы (КАМИС)*, периодически ее обновляя.

С приходом Интернет и сетевых технологий музеи и другие учреждения культурного наследия переосмысливают свою роль. Все большее число музеев принимает решение поддерживать свой сайт, чтобы расширить предоставление полезной информации о себе и привлечь новых пользователей. Посетители сайта могут наслаждаться культурными реликвиями без ограничений на время и место, и полная безопасность памятников культуры гарантирована. Будущее развитие музеев становится все более тесно связанным с развитием сети Интернет и музейных сайтов. Музейный сайт открывает перед музеями дополнительные возможности для презентации своих коллекций и их интеграцию в мировую музейную систему. Вместе с тем, во всех центрах музея посетителям созданы все условия для доступа в Интернет с помощью Wi-Fi зоны. Информация, размещенная на музейном сайте, становится доступной громадной аудитории людей (в том числе специалистам, работающим в разных музеях), которые получают возможность сопоставлять музеи друг с другом, оценивать претензии на приоритеты, выявлять аналоги, находить партнеров и т.д. В данное время сайт Национального музея находится в ребрендинге и проходит техническую индексацию.

Национальный музей Республики Бурятия начинает жить по законам Интернета, все более открывая себя, в том числе с помощью социальных сетей («Одноклассники», «Фэйсбук», «В контакте»), для свободного и активного обращения с ними виртуальных посетителей, создания обратной связи и вовлекая все большее число людей в процессы комплектования, хранения, изучения и популяризации артефактов, представляющих материальную и духовную историю народов, проживающих в Байкальском регионе. Наш музей стремится стать музеем нового типа, и впоследствии это позволит нам формировать глобальную виртуальную музейную среду, доступную для всех и настраиваемую на нужды каждого. Эта среда позволит каждому из нас быть как посетителем музея, так и музейным работником и является инструментом структурной гармонизации, согласования и корректировки наших спонтанных интересов и проектов в области сохранения культурного наследия.

Активное внедрение в работу музеев информационных и коммуникационных технологий и использование данных информационно-справоч-

ной мультимедиа-системы на базе сенсорных киосков, а также планшетных компьютеров, видеопроекторов позволило обеспечить многочисленные варианты обслуживания посетителей разных категорий, включая людей с ограниченными возможностями. В полной мере все указанные технологии были представлены на выставке «Рождение республики. 1905-1933 гг.», посвященной 90-летию образования республики. На выставке транслировались видеохроники 30-50-х годов из жизни Бурятии, переданных Центральным архивом кинематографии республике в честь 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства. При поддержке Национальной библиотеки Республики Бурятия, предоставившей электронный вариант газеты «Бурят-Монгольская правда», посетители ознакомились с различными аспектами жизни (как политическим, так и социальным, культурным) одного из самых интересных и не однозначных периодов жизни нашей Родины. Каждый раздел включал в себя работу аудио-роликов, что позволило оживить картину выставки и задействовать большее количество чувств в восприятии информации. В этом году в подобном формате открыта выставка «Лики Гэсэриады» о жизни, творчестве сказителей. С компьютерных планшетов исполняются древние, героические сказания устами сказителей, сопровождаемые игрой на бурятских традиционных инструментах, фотографиями, печатными информацией и т.д. Более того, это дает возможность и людям с ограниченными возможностями получить конкретную тематическую информацию по выставкам.

Другим примером удачного использования мультимедийных технологий является проект «Путешествие в мир воды», созданный при поддержке Министерства природных ресурсов Республики Бурятия, Фонда содействия сохранению озера Байкал и Байкальского информационного центра «ГРАНЬ». Экспозиция являлась первой в Бурятии образовательной выставкой, посвященной проблеме сохранения и рационального использования водных ресурсов. Выставка, оформленная в виде глубоководного аппарата «Мир», где с помощью системы мониторов «иллюминаторов» и специально смонтированного фильма создавалась иллюзия погружения на дно Байкала. Следует отметить, что программа была направлена на экологическое образование детей, и помимо этого пользуется популярностью и у туристов Бурятии.

На художественных выставках музея в течение уже нескольких лет практикуется использование аудиовизуального ряда (биография мастеров, фильмы о них и т.д.), помогающего посетителю проникнуться атмосферой настроения искусства данного художника, понять и принять его идеи. Как известно, подобные технологии, прежде всего, выполняют образовательные функции.

Актуальными стали и созданные 3D панорамы нескольких выставок музея, которые были выложены в сети Интернет, выпущены CD-диски. Это в первую очередь, стало доступно и интересно подрастающему поколению, а также оптимально для людей с ограниченными возможностями. Учитывая современные технологии, становятся актуальными вопросы о возможностях создания 3D-архивов выставок музея.

В каждом музее есть уникальные коллекции, экспонирование которых за пределами музея сопряжено с множеством сложностей (транспортировка, охрана и т.д.). В этом случае Национальный музей внедрил в свою практику тривизор, где 3D пирамида позволяет увидеть ценные экспонаты в электронном виде и в полном объеме. Электронный контент «Дары Пандито Хамбо ламы Даши-Доржо Итигэлова императорской семье» был подготовлен Российским этнографическим музеем (г. Санкт-Петербург) для выставки «Буддизм в России», которая вошла в культурную программу саммита АТЭС-2012 (г. Владивосток) и сейчас также доступен посетителям нашего музея на выставке «Сокровища буддийского искусства. Новые грани».

Еще одно новшество было внедрено в работу музейной экспозиции. Совместно с компанией МТС был запущен историко-культурный инновационный проект Historypin «Виртуальная история Улан-Удэ в твоём смартфоне» на основе технологии «дополненной реальности», позволяющий отображать на экране смартфона облик городов в исторической ретроспективе. Более того, Национальный музей также использует и QR-коды, как вариант электронного этикетаж. В 2014 году совместно с республиканской газетой «Информ-Полис» музей внедрил новый формат в экспозиционной деятельности – создание виртуальной выставки на их интернет-сайте, посвященной 1-ой мировой войне.

Следует отметить, что работа музея, конечно же, не замыкается на работе внутри музея на стационарных выставках, параллельно нам удается выходить на новые перспективные рынки культурного туризма. Уже запущено в экскурсионную практику 3 туристических маршрута «Сокровища буддийского учения», «Золотые страницы истории Бурятии», «Прогулки по Верхнеудинску». Экскурсии проводятся с использованием аудио-сопровождения. Каждый из них пользуется успехом, их можно легко комбинировать, включать дополнительные темы, согласно пожеланиям туристов. Вместе с тем, разрабатываются новые направления с более активным включением муниципальных, поселенческих музеев. Национальный музей на сегодня является центром методической помощи для муниципальных, поселенческих, ведомственных и прочих музеев региона. Ежегодно проводится серия обучающих семинаров для научных сотрудников этих музеев, где музейные работники на уровне муниципальных и сельских образований внедряют современные информационные технологии, начиная от активного пользования

интернетом и заканчивая сложнейшими системами как КАМИС. На сегодня без этого нельзя представить музейную деятельность – это позволяет идти в ногу со временем, внедрять положительный отечественный и мировой опыт музейных учреждений.

Одним из главных достижений музея за прошедший 2013 год является то, что Музей одним из первых вошел в программу реализации Указа Президента Российской Федерации. Так, в октябре-декабре прошлого года в Национальном музее с Музеем Московского Кремля была проведена совместная выставка «От Петра Великого до Павла I. Художественные сокровища музеев Московского Кремля».

На данный момент создан проект нового здания Национального музея, постоянной экспозиции и, конечно же, современного технического оснащения с применением инновационного оборудования. Научные сотрудники музея постоянно участвуют в различных грантовых конкурсах на федеральном и региональном уровне. Тем не менее, для работы над проектами, музей нуждается в более современных оборудованных и информационно емких накопителях: лазерные проекторы, жесткие диски для копирования фондового материала, различные виды доступа Интернета, интерактивные доски и т.д.

Таким образом, модернизация общероссийской системы музейного и информационного обслуживания населения, выставочных проектов на основе современных технологий являются важным направлением деятельности, как государства, так и самих учреждений культуры, которые должны стать «локомотивом» передачи знаний, пропаганды прекрасного. Всё это позволит не только выполнить образовательную миссию музеев, но и подтолкнуть российское общество в решении проблемы «дефицита духовных скреп»¹. Ведь деятельность музеев способствуют повышению образовательного уровня населения, патриотическому воспитанию молодежи, предоставляют возможности для развития творческой социально ответственной личности и тем самым вносят значительный вклад в развитие человеческого потенциала России.

УДК 069-004:719

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118>)

**РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ МУЗЕЕВ
В СОХРАНЕНИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

**THE ROLE OF ELECTRONIC MUSEUM PUBLICATIONS
IN PRESERVATION AND UPDATING CULTURAL HERITAGE**

Аннотация: Статья посвящена проблеме актуализации культурного наследия в условиях цифровой информационной среды, а так же рассмотрению процесса интеграции музейных информационных ресурсов в рамках развития качественно новых видов музейной деятельности.

The article is devoted to the problem of updating cultural heritage in the conditions of digital information environment. The process of integration of museum information resources within the development of new qualitative kinds of museum activity.

Ключевые слова: культурное наследие, музеи, информационное общество, актуализация, цифровая информация, электронные публикации.

Keywords: cultural heritage, museums, information society, updating, digital information, electronic publications.

Очень важным направлением развития постиндустриального общества становится развитие информационной инфраструктуры государства, которая служит основанием для информационной среды, накапливающей, обрабатывающей и распространяющей информацию. В этом процессе свою роль играют и музеи.

Основными элементами электронной информационной среды являются компьютерные сети и цифровые технологии, позволяющие качественно изменить традиционные подходы к музейной работе.

В рамках глобального процесса «производства и использования информации как общественного ресурса, базирующийся на массовом внедрении технологий сбора, обработки, хранения и передачи информации», понимаемого как информатизация [1], задача сохранения историко-культурного наследия реализуется через перенос части информации источника на другой носитель и сохранения в цифровом виде. Следовательно, поиск новых возможностей использования имеющихся и создание новых цифровых форматов и технологий для сохранения и представления электронных версий источников относится к числу важнейших задач сохранения историко-культурного наследия. Защита историко-культурного наследия инструментарием новых информационных технологий способствует более активному вовлече-

нию его в образовательных и просветительских целях так, как расширяются возможности доступа к нему.

Одной из глобальных проблем освоения культурного наследия также является проблема сохранения самой электронной информации и обеспечения доступа к ней. С появлением ИКТ (информационных - коммуникационных технологий) вопрос сохранения информации весьма осложнился. Кроме информации на традиционных носителях, в настоящее время необходимо сохранять также электронную информацию как результат оцифровки информации на аналоговых носителях, а также информацию, изначально созданную в электронном виде. Известный факт, что объемы электронной информации весьма превышают объемы информации на традиционных и аналоговых носителях.

В рамках процесса создания оптимальных условий для удовлетворения глобальных информационных потребностей понятие «сохранение» и увязанные с ним задачи необходимо анализировать шире. Помимо физического сохранения источника (обеспечение оптимальных условий хранения, реставрационные работы или создание копии и др.) использование средств информационных технологий позволяет решить задачи более широкого доступа к источнику и эффективного его использования.

Данная проблема нашла свое отражение в Хартии о сохранении цифрового наследия, принятой под эгидой ЮНЕСКО 15 октября 2003 года данный вид наследия трактуется следующим образом: «цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм выражения...Цифровые материалы включают в себя текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы» [2]. То есть, важным компонентом цифрового наследия выделены данные, которые существуют только в цифровой виде (сайты Интернета, электронные публикации, мультимедийные продукты, звукозаписи, неподвижные изображения и др). Таким образом, цифровое наследие выступает как форма освоения культурного наследия.

В настоящее время существует как проблема сохранения культурного наследия, так и проблема его востребованности. Речь идет об актуализации наследия, под которой понимается «деятельность по сохранению и включению культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [3]

Музеи все более активно вовлекаются в процессы освоения наследия электронными средствами, неуклонно растет доля электронных публикаций в представлении информации об объектах культурного наследия. Это объясняется тем, что главным преимуществом электронных изданий

является их универсальность. Их легко внедрить в выставочную деятельность музеев, технически это реализуется в виде терминалов, и отображаются на всех типах устройств посетителей, подключенных к Интернету. Взаимодействующие с пользователем публикации используются для представления дополнительных сведений об экспонатах и формирования целых проектов. Сбор статистики о просмотрах отдельных страниц изданий позволяет музею более эффективно управлять своими фондами и выставлять самые востребованные экспонаты.

Стоит отметить, что основное требование к идентичности музейных предметов не потеряло актуальности, т.е. понятие оригинала является определяющим. Несмотря на быстрое развитие цифровых технологий, они еще не достигли того уровня, который гарантировал бы, что виртуальный цифровой объект может полностью заменить реальный, трехмерный физический объект. Наиболее отчетливо это проявляется в отношении архитектурного наследия.

Дигитальные технологии очень полезны в процессе популяризации музейных предметов и облегчению доступа к информации о них. Они позволяют значительно расширить возможности представления предмета, либо в режиме реального времени, либо на мультимедийных носителях.

В отечественных музеях информатизация деятельности, началась сравнительно недавно [4], достигла определенного уровня, когда актуальным вопросом для многих из них стала интеграция основных музейных ресурсов и сервисов в рамках специализированной объединенной информационной среды. Такая информационная среда выполняет значительную роль в формировании единого информационного пространства, удовлетворении информационных запросов пользователей и посетителей.

Факторами развития такой среды выступают:

- многообразие информационных ресурсов музеев – официальные сайты, музейные информационные киоски, автоматизированные информационные системы с подсистемами по основным направлениям работы музея, презентационные и образовательные программы на оптических носителях и др.

- поиск работоспособной технологической основы для эффективной информационной поддержки таких новых видов музейной деятельности как виртуальные музеи, музейные исследовательские Интернет – лаборатории, общественные информационно-сервисные центры в рамках музея и др.

В процессе объединения музейных ресурсов и развития, связанных с этим услуг в электронном виде, назрела необходимость создания информационной среды, дающей возможность эффективно работать как с текстовой информацией (электронные полнотекстовые копии изданий, хранящихся в музейных библиотеках, музейные фондовые каталоги), так и с визуальной

информацией, которая представлена цифровыми образами экспонатов (фотографии, аудиовизуальные материалы, анимация, 3d реконструкции и др.), составляющих главное содержание автоматизированных систем учета музейных фондов.

Список литературы:

1. Азимов В.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. с. 89
2. Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml (Дата обращения 14.09.2014).
3. Словарь актуальных музейных терминов/ М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В.Чувилова и др. // Музей. 2009. №5. С. 49
4. Ноль Л.Я. Информационные технологии в деятельности музея. М. 2007. 204 с.

УДК 025.5

Э.С. Дондупова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ БИБЛИОТЕК: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

LIBRARY INFORMATION COMMUNICATIONS: SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Аннотация: В информационном пространстве формируются собственные коммуникации, отражающие динамику современных процессов. Библиотека создаёт огромные возможности для получения информации. Изменяющийся характер современного общества заставляет пересматривать традиционные системы коммуникаций, что ведет за собой изменение характера и объема информационного пространства библиотеки.

Ключевые слова: информационные коммуникации, информационное пространство, библиотека, коммуникация, информация, реципиент, трансформация, знак, код, символ.

Annotation: Peculiar communications reflecting dynamics of contemporary processes are formed in the information space. Libraries form huge opportunities for getting information. A changing character of modern society makes us review traditional systems of communication. It changes a character and a volume of library's information space.

Keywords: information communications, information space, library, communication, recipient, transformation, sign, code, symbol.

Информационное пространство библиотеки формируется коммуникационными запросами реципиента. Выявить особенности пространства библиотеки, мотивацию поведенческих программ населения поможет теория коммуникации. «Коммуникация - это процесс, в котором коммуникатор посылает сообщения, используя символы, невербальные знаки и ключи к контексту, выражающие значения и передаваемые таким образом, что реципиент, которому они направлены, создает сходное или параллельное понимание» [1]. Коммуникация – двусторонний процесс, и в нем присутствует обратная связь - различные процессы, посредством которых адресант (коммуникатор) получает информацию о том, в какой мере и с каким качеством предполагаемый адресат получил сообщение, его (адресата) реакция или оценка информации.

В процессе передачи информации в библиотечном пространстве посылаются сообщения, используются знаки и коды к контексту, выражающие значения и передаваемые таким образом, чтобы реципиент, кому они направлены, смог создать адекватное понимание. Происходит трансформация мысли коммуникатора в сообщения с помощью символов, а затем – в вербальные звуки и невербальные сигналы, которые распространяются в пространстве. Сложность любого процесса передачи информации в том, что одна и та же информация может быть по-разному понята и осмыслена разными людьми. Одна и та же информация воспринимается неодинаково в зависимости от жизненных обстоятельств или разных эмоциональных состояний.

По разным каналам человек посылает информацию, содержащую знаки и коды, невербальных знаков и контекста – сигналов и факторов, влияющих на смысл. Люди наполняют смыслом все пространство для того, чтобы понять других и стать полноценным членом общества, несмотря на то, что информация искажается в зависимости от субъективной оценки реципиента. Феномен коммуникации зависит не от того, что передается по каналу связи, а от того, что происходит с тем, кто принимает передаваемое, в результате субъективации информация может измениться до неузнаваемости. Культура, определяя смысл бытия, влияет на коммуникативные процессы в любом культурном пространстве, и в пространстве социальных институтов (библиотек), направляя и организовывая бытие человека.

Функции коммуникации зависят от функций информационной культуры в пространстве провинциальной библиотеки. Через коммуникационные каналы культура осуществляет следующие задачи: интеграцию общества и социальных групп; внутреннюю дифференциацию общества и субкультуры.

тур; отделение общества и различных групп друг от друга и их общение. Реципиент – получатель сообщений, которому адресовано сообщение, имея навыки семиозиса, как считает Ю.М. Лотман, трансформирует, чувствует, интерпретирует полученное сообщение на основе схем, своих привычек, мнений, убеждений, позиций, ценностей. Люди пытаются интерпретировать знаки, принадлежащие другой системе, другому коду, другому языку через посредство собственной системы, своего времени, своего языка, своей культуры.

И.П. Яковлев считает, что можно выделить три вида коммуникаций: линейную, интеракционную и транзакционную [1]. Опираясь на его теорию, мы можем выявить, что линейная коммуникация не имеет обратной связи, это сообщения, направленные в одностороннем порядке. В информационном пространстве библиотеки реципиент пассивен и информация идет по разным каналам из единого центра. Интерактивная модель коммуникации имеет обратную связь в форме опросов, анкет, интервью, фокус-групп, которые позволяют узнавать общественное мнение и строить эффективные коммуникации с определенной целевой группой. В библиотеке создание электронных баз требует определения групп потребителей, чтобы информация была доступна на всех уровнях информационных каналов. Транзакционная модель подразумевает выступление каждого участника в роли и коммуникатора, и реципиента. В пространстве библиотеки люди, заинтересованные в долговременных отношениях, могут определять специфику культурных ориентиров, несмотря на унификацию взаимодействия всех информационных каналов.

Формирование коммуникаций является одной из важных свойств культуры информационного пространства. С развитием современных технологий коммуникация приобрела глобальный характер. Высокие технологии дают возможность пользоваться информацией независимо от места проживания. Задача библиотек создать условия для получения информации, носящей не одномоментный характер, а привлекать публику информационными возможностями развития личных качеств, профессиональных, духовных, познавательных. Кинематограф, телевидение, радио, театр, музыка становятся достоянием жизни всех людей, вместе с тем они не дают знания о способностях человека и реализации его потенциала. В пространстве библиотеки, получая информацию, человек может развивать коммуникативные способности.

Культура обеспечивает общение через систему коммуникаций как обмен информацией посредством символов и образов. По уровню осуществления коммуникация дифференцируется на интраперсональную, межличностную, групповую (публичную) и массовую. В информационном пространстве библиотеки доминирует интраперсональная коммуникация (разговор с

самим собой), познавая мир, познаешь себя.

Под влиянием массовых коммуникаций, СМИ, кино, аудио и видео средств, компьютерных систем, книг, полиграфической продукции, т.е. всего того, посредством чего доходит информация до широких масс, человек дезориентируется и задача библиотек помочь человеку определиться с культурными ориентирами, чтобы не потеряться в глобальном пространстве и реализовать свои возможности. Массовые коммуникации – важнейший источник нормативных образцов, источник определений и средство формирования образов социальной реальности.

Информационное пространство определяет мировоззрение людей, которое формируется на основе именно коммуникаций, которые изначально имеют определенное значение и знаки, «устройство, состоящее из адресанта, адресата и связывающего их единственного канала, еще не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство. Все участники коммуникации должны уже иметь какой-то опыт, иметь навыки семиозиса» [2]. В процессе коммуникации человек, получая информацию, может изменить точку зрения, оценку объектно-субъектного и предметного мира культуры. Постепенно в сознании создаются ценности, значения, смыслы. Коммуникации без понимания знаков и семиозиса – культурного контекста нет. Одно и то же понятие вызывает разные ассоциации в разных культурных контекстах. Люди разных культур по-разному классифицируют объекты реального и ирреального мира. Под влиянием процессов коммуникации человек меняется на сознательном и подсознательном уровнях. Одновременно идет процесс социализации человека в информационном пространстве. В процессе коммуникации, при общении друг с другом коммуникатор и реципиент воспроизводят общий, понятный для них обоим, жизненный мир. В процессе коммуникации происходит передача, обмен знаками, кодами, смыслами; формируются, пусть даже подвергаясь некоторым сомнениям, некоторые ценностные установки.

Человек смещается из человека массы в представителя определенной социальной группы, участника процесса коммуникации. Информация циркулирует свободно, вместе с тем зависит от потребностей информационного общества. Усложнения коммуникативно-информационных связей, происходящие в современных условиях, предполагают возникновение новой культуры информационного пространства. Таким образом, информационная культура в библиотеке, должна, прежде всего, влиять на внутренние свойства и качества человека.

Все феномены культуры и отдельные сообщения организуются и становятся понятными в соотношении с кодом. Как отмечает У. Эко, «словесное высказывание, текст, составленный азбукой Морзе, дорожный знак представляют собой сообщения, кажущиеся естественными, немотивиро-

ванными, спонтанными, рождающимися по аналогии, например, такие, как портрет Моны Лизы или образы Франки и Инграссии» [3]. Информация, заключенная в любом явлении культуры, становится понятной именно в процессе коммуникации.

В заключение отметим, что без информации в XXI веке невозможны никакие формы отношений и деятельности, поэтому введение новых информационных и коммуникативных технологий насущная необходимость, что в свою очередь приводит к радикальному преобразованию не только коммуникативных процессов в обществе, но и типа связи между людьми, характера материального и духовного производства. Информационные коммуникации выполняет свои функции в пространстве библиотек. Изменяющийся характер современного общества заставляет пересматривать традиционные системы коммуникаций, ведет за собой изменение характера и объема информационного пространства библиотек.

Список литературы

1. Яковлев. И.П. Основы теории коммуникаций. СПб., 2001. - 230 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. - СПб.: "Искусство-СПБ", 2000. - 704 с.
3. ЭКО У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию». - ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА ФГБОУ ВПО «ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ» Р.И. ПШЕНИЧНИКОВОЙ	5
---	---

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ Т.Г. ЦЫБИКОВА	6
---	---

РАЗДЕЛ I. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РЕГИОНА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	7
---	----------

Т.Г. Цыбиков	7
---------------------------	----------

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)	7
--	---

Оюундэлгэрэх Шархуугийн	12
--------------------------------------	-----------

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ОТРАСЛИ МОНГОЛИИ	12
---	----

Т.Н. Бояк	23
------------------------	-----------

О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРЫ СЕЛА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ	23
--	----

С.П. Татарова	29
----------------------------	-----------

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ПО ФОРМИРОВАНИЮ БЛАГОПРИЯТНЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	29
--	----

Т.Л. Редько	35
--------------------------	-----------

РОЛЬ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА	35
--	----

И.Л. Тураева	40
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	40
С.М. Логвиненко	45
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	45
И.Ц. Хазагаева	56
ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ: МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД	56
Т.А. Корсун	60
КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	60
И.В. Жигжитова	69
ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ.	69
Е.В. Бабакова	77
ВЛИЯНИЕ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИО-КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ	77
Н.П. Федотова	83
ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	83
И.В. Плотников	89
«ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ»	89
М. Tsetsegsaikhan	95
DEVELOPMENTAL ISSUES OF TRAINING TECHNOLOGY.....	95
М.Э. Вильчинская-Бутенко	101
ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОРПОРАТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ В ТРУДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	101

Л.Е.Забанова Л.М. Хобракова	104
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ	104

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ..... 110

Д.Л. Хилханов	110
РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	110

И.Л. Набок	116
СОХРАНЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ МОЗАИКИ В РЕГИОНАХ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ВЕКТОР КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	116

С.Г. Жамбалова	126
КОЧЕВОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	126

Б.З. Нанзатов	134
МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПОСЛЕЮАНЬСКИЙ ПЕРИОД (ИСТОРИОГРАФИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ).....	134

В.П. Барабаш	141
УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ЮЖНОЙ СИБИРИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ	141

О.В. Бураева	145
ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА ХАРА-ШИБИРЬ.....	145

Н.И. Решиков, В.С. Решикова	151
--	------------

ЛОКАЛЬНЫЕ ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ КАЗАКОВ БУРЯТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1980-2000 ГГ.)	151
Т.Н. Гусейнова	165
К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	165
Г.А. Сосина	173
ЛОКАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ САХА	173
В.Н. Чебакова	179
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРАДИЦИОННЫХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА.....	179
М.М. Содномпилова	185
НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ТРАДИЦИИ ФИТОЛЕЧЕНИЯ	185
М.В. Головизнин, Ю.Р. Булдакова, Н.С. Лахонина, Б. Дагвацарен, Т.С. Вараламова	198
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ИММУНОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ	198
М.Д. Зомонов	205
НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТА ХАН-ШАРГАЯ-НОЁНА КАК ФЕНОМЕНА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ.....	205
Л.М. Хингеева	209
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В ШАМАНСКОМ КОСТЮМЕ БУРЯТ	209
А.В. Тугай	220
ТРАДИЦИОННАЯ ТАНЦЕВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТ.....	220
С.В. Старикова	228

ЕХОР В СОВРЕМЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТИИ.....	228
С.Е. Ветохина	235
ОБРАЗ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В МОДЕЛИ ЖИЛИЩА БУРЯТ.....	235
Э.А. Неманова	240
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТФОЛЬКЛОРА БУРЯТИИ	240
К.А. Раднаева	244
ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ	244
П.Б. Замураева	248
СЕМЬЯ И БРАК В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ: ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	248
Ю.Ф. Прокопьева	252
СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГИДРОНИМИИ ЦИРКУМБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА	252
А.В. Ринчинова	264
УПОТРЕБЛЕНИЕ ТОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ	264
Н.Д. Хосомоев	269
К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ САЙГУТСКИХ БУРЯТ.....	269
РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В РЕГИОНАХ	274
В.Ц. Найдакова	274
ШКОЛА Н.В.ДЕМИДОВА – ПРОДОЛЖЕНИЕ СИСТЕМЫ К.С.СТАНИСЛАВСКОГО. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	274
Л.И. Протасова	283

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БАЛЕТА В БУРЯТИИ.....	283
Н. Цибудеева.....	290
АКТЁРСКАЯ СТУДИЯ КАК ФАКТОР УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	290
С.В. Коновалова	297
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ	297
Е.С. Манзырева	301
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	301
Н.Е. Морозова	306
ФОРТЕПИАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ВОСПИТАНИЦ ДЕВИЧЬЕГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КЛАССА В.П. БЫКОВОЙ (1858-1879 Г.Г.).....	306
Е.В. Семенов.....	313
ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОГО ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ Г. ВЕРХНЕУДИНСК)	313
М.В. Амгаланова	321
ЛИТЕРАТУРА БУРЯТИИ В 1920-Е ГОДЫ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ..	321
М.Ц. Гончикова	325
ПОДГОТОВКА ИНСТРУКТОРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 1920-Е ГГ. .	325
Е.В. Банзаракцаева	328
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛАХ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛЕКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	328

А.Э. Алтаева	333
ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В 20-40-ЫЕ ГГ.	333
Т. Л. Одорова	338
ТОРГОВЛЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В БУРЯТИИ В 1930-Е ГГ.	338
Э.Д. Цыдендоржиева.....	341
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БУРЯТИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ И ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	341
 РАЗДЕЛ IV. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ.....	348
Г.Б. Паршукова.....	348
КОНВЕРГЕНТНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА....	348
Ch. Tserendolgor	353
USING VALUE CHAIN FOR DEVELOPING CULTURAL INDUSTRY IN MONGOLIA	353
М.Б. Дандарон	359
КОГНИТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	359
Munkhtuul Dashnyam, Bayaraa Baasandorj	362
FROM CULTURAL TO CREATIVE INDUSTRIES: POLICY REVIEW.....	362
Л.В. Санжеева	367
КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЭТНОСОВ	367
А.В. Чебунин.....	370
ДИАЛОГ ЗАПАД-ВОСТОК: КУЛЬТУРНЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗРЕЗ	370

Э.В. Хилханова	375
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ВОСТОКА РОССИИ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА.....	375
Б.М. Тоуз Нойманн	380
ЯЗЫК КАК РЕСУРС РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ.....	380
Тунгалаг Лхамсүрэнгийн	386
НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ	386
Шантанова Т.В.- Башиила	389
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В СВОЕМ КАЧЕСТВЕ – КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ, ПРИСУЩЕЕ НАЦИИ, ГОСУДАРСТВУ, РЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЕ ГОСУДАРСТВ	389
О.Н. Судакова	397
ВАРИАТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ТЕОРИИ ПРАКТИК В КУЛЬТУРОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	397
Э.Г. Сангадиева	403
СЕМАНТИКА ЦЕННОСТНЫХ КАТЕГОРИЙ В РОМАНЕ А. БАЛЬБУРОВА «ПОЮЩИЕ СТРЕЛЫ»	403
Л.П. Грот	407
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ «ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ» - РЕСУРС КУЛЬТУРЫ: ПО СЛЕДАМ «ПЛАЧЕВНОЙ РЕЧИ» ЮХАНА Г. СПАРВЕНФЕЛЬДА	407
В.В. Кондратьева	419
СОЗДАНИЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ДОМА ДРУЖБЫ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	419
Ю.О. Чиркова	425

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ НКА ПОЛЯКОВ Г.
УЛАН-УДЭ «НАДЖЕЯ»)..... 425

Г.Ж. Байдаева.....430

НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ
РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ БУРЯТИИ XXI ВЕКА 430

Б.Б. Жалсараева436

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
..... 436

РАЗДЕЛ V. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ..... 443

В.В. Дементьева443

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»
..... 443

Е.А. Полякова449

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ
ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ..... 449

О.В. Одинцова.....456

ВСЕРОССИЙСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК В. М.
ШУКШИНА КАК КУЛЬТУРОФОРМИРУЮЩИЙ ФАКТОР АЛТАЙСКОГО
РЕГИОНА 456

О.И. Матющенко462

«СИБИРСКАЯ УСАДЬБА Н.А. ЛАМПСАКОВА» КАК ТУРИСТИЧЕСКИЙ
РЕСУРС ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ 462

М.И. Санникова.....464

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ БИБЛИОТЕК РПЦ КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ)	464
И.С. Цыремпилова	468
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ В XX ВЕКЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ	468
И.В. Полтева	474
НАСЛЕДИЕ КОМПОЗИТОРА В.М. ПЕНЬКОВА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ	474
М.В. Малошик	479
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛЯЦИИ И СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ СРЕДСТВАМИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА.....	479
И.М. Бутуханова	488
ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО ЦЕНТРА ИМ. М.Н. ХАНГАЛОВА).....	488
Р.С. Батожапова	494
СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ	494
А.Ж. Бальжурова	499
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И АТРИБУЦИИ БУРЯТСКИХ БУДДИЙСКИХ ТХАНГКА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)	499
Е.В. Ваганова	504
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	504

К.А. Михалева	510
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В РАМКАХ РАЗРАБОТКИ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. КЯХТЫ).....	
	510
А.М. Кадер	518
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
	518
С.А. Езова	520
КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	
	520
Ю.Б. Авраева	526
ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ МЕТОДИСТОВ БИБЛИОТЕК (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ).....	
	526
Г. К. Олзоева	532
СТАНОВЛЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ БИБЛИОТЕК.....	
	532
Р.Б. Ажеева	535
РОЛЬ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА.....	
	535
Е.Ю. Ажеева	541
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ	
	541
И.Н. Гудкова	543
ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
	543
Г.А. Шаньгинова	547
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТНЫХ ФОНДОВ АРХИВОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	
	547

А.А. Сенотрусова	551
«ЧИТАЮЩИЙ РЕБЕНОК – ЦЕННОСТЬ XXI ВЕКА»	551

**РАЗДЕЛ VI. МУЗЫКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРАЗИИ В
 КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО И
 КОМПОЗИТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА..... 563**

С.Г. Степанова	563
К ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ.	563

Л.Л. Пыльнева	570
ИЗУЧЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА	570

Бао Миндэ	577
РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ МУЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ	577

Н. Цибудеева	580
К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ АНТОЛОГИИ БУРЯТСКОЙ ПЕСНИ «ЗАНДАН ЭРХИ» («САНДАЛОВЫЕ ЧЁТКИ»)	580

Ариунаа Дашням	587
К ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТ МОНГОЛЬСКИХ “УРТЫН ДУУ” В БУРЯТСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ.....	587

Ч.К. Скрыбыкина	604
О КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО В МУЗЫКЕ: К ПРОБЛЕМЕ «ФОЛЬКЛОР И КОМПОЗИТОР» В ЯКУТСКОЙ МУЗЫКЕ.....	604

О. А. Русинова	614
-----------------------------	------------

СТРУКТУРА СИСТЕМЫ «КОМПОЗИТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО БУРЯТИИ»	614
Л.Н. Санжиева	622
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ БУРЯТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ	622
Э.В. Бурueva Н.В. Илтакова	634
КОМПОЗИТОРЫ БУРЯТИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ»: СОТРУДНИЧЕСТВО И ДОСТИЖЕНИЯ.....	634
О.Н. Полякова К.А. Полякова	642
В. УСОВИЧ «ПРАВОСЛАВНЫЕ МОЛИТВЫ»	642
А.В. Клепченко	649
О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ А. ПРИБЫЛОВА	649
РАЗДЕЛ VII. ПАРТНЁРСТВО НАСЛЕДИЯ И ТУРИЗМА В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ	658
А.И. Смолик	658
УНИКАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	658
А.А. Ананин	661
ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА КАК ТУРИСТСКИЙ РЕСУРС.....	661
Д.Н. Каравaeва	673
ИМИДЖ, РЕГЕНЕРАЦИЯ, ТУРИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РЕГИОНА СЕВЕРНАЯ АНГЛИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) [1]	673
Мунхжаргал Чулунху	685

ВОЗМОЖНОСТИ И РЕСУРСЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В МОНГОЛИИ.....	685
С.С. Цыдыпова	692
ТЕМА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ «ПЕГАС ТУРИСТИК»	692
Н.Б. Дашиева.....	697
СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	697
Е.В. Матвеева	702
ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ТУРИСТСКОЙ УСЛУГИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ	702
С.Б. Будаева	706
ПАРТНЕРСТВО ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ И ТУРИЗМА В РАЗВИТИИ КУРОРТНОГО ДЕЛА БУРЯТИИ	706
Н.Н. Рахлеева	712
СОВРЕМЕННАЯ ЯКУТИЯ В ОЖИДАНИЯХ И ВООБРАЖЕНИИ ПРИЕЗЖАЮЩИХ	712
Stefano Cobello	720
IL VALORE E LA CULTURA E TRADIZIONI CULINARIE NEL MONDO DELLA GLOBALIZZAZIONE	720
Д.М. Темников	727
ОБЪЕКТЫ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	727
Н.Н. Тушемилова	733
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИЗМЕ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	733

Ю.С. Чижова	737
ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИСТСКИХ ЦЕЛЯХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООО «СЕМЕЙСКИЕ»)	737

Н.А. Левочкина	743
ТУРИСТИЧЕСКИЙ БРЕНД ОМСКОГО РЕГИОНА	743

Д.М. Темников	747
ОБЪЕКТЫ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	747

Т.А. Борисова	753
ЭЛЕМЕНТЫ, ПРОДУКТЫ И РЫНОК КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА.....	753

РАЗДЕЛ VIII. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	760
--	------------

О.М. Манжуева	760
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	760

Е.Б. Аюшиева	766
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	766

Е.В. Целовальникова	771
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	771

В.А. Лопатина	774
----------------------------	------------

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	774
В.В. Федотов.....	781
ПРИМЕНЕНИЕ SOAP И REST ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ РЕСУРСОВ ОБ ОБЪЕКТАХ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	781
О.А. Арбатская	787
ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ОБ ОБЪЕКТАХ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ НА ОСНОВЕ ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ	787
Э.Б. Батуева Л.В. Шактамаева	801
ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ТУРИСТСКИЕ РЕСУРСЫ	801
Т.А. Бороноева, Б.Ц. Гомбоев	811
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РБ	811
Д.С. Добрынин	817
РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ МУЗЕЕВ В СОХРАНЕНИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	817
Э.С. Дондупова.....	820
ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ БИБЛИОТЕК: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ.....	820

Научное издание

**БАЙКАЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ – VIII:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Материалы международной научно-практической конференции
11-13 сентября 2014 г.
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал

**В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ (2012-2018 ГОДЫ)»**

Подписано в печать _____. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 52,5.
Уч.-изд. л. 48,36. Тираж 150. Заказ №1919. Цена договорная.
Отпечатано в ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 670031, г. Улан-Удэ,
ул. Терешковой, 1.